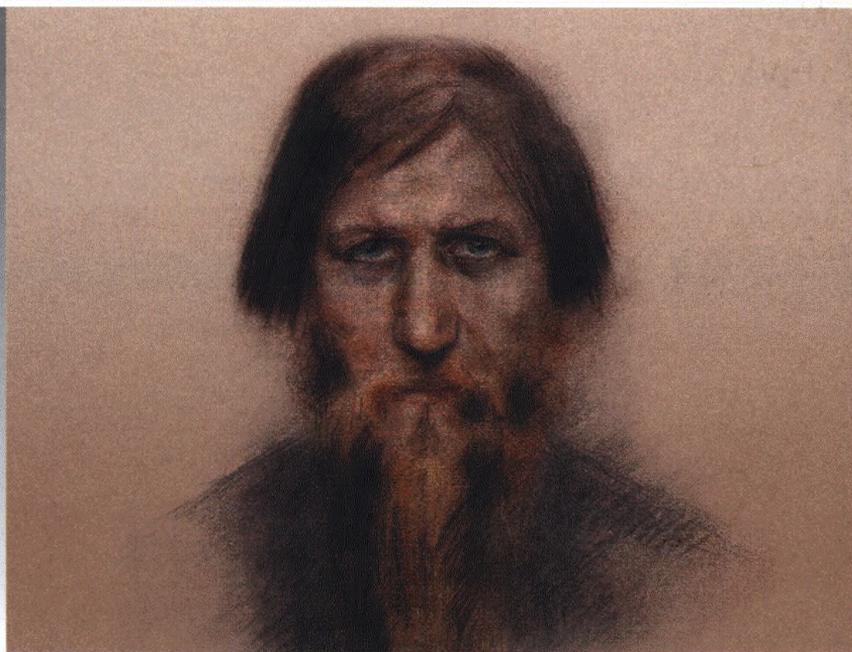

РУССКАЯ ХРИСТИАНСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ

ГРИГОРИЙ РАСПУТИН:

PRO ET CONTRA

30 ЛЕТ

1989–2019

**РУССКАЯ
ХРИСТИАНСКАЯ
ГУМАНИТАРНАЯ АКАДЕМИЯ**

«Русский Путь: PRO ET CONTRA»

серия основана в 1993 году

более **150** томов за **25** лет

**ГРИГОРИЙ
РАСПУТИН:
PRO ET CONTRA**

АНТОЛОГИЯ

Издательство
Русской христианской гуманитарной академии
Санкт-Петербург
2020

УДК 821.161.1
Г 83

Серия «РУССКИЙ ПУТЬ»

Серия основана в 1993 г.

Редакционная коллегия серии:

*Д. К. Богатырев (председатель), В. Е. Багно, С. А. Гончаров,
А. А. Ермичев, К. Г. Исупов (ученый секретарь),
А. А. Корольков, М. А. Маслин, Р. В. Светлов,
В. Ф. Федоров, С. С. Хоружий*

Ответственный редактор тома

Д. К. Богатырев

Составитель

С. Л. Фирсов

Г 83 **Григорий Распутин: pro et contra, антология / Сост., вступ.**
статья, краткие биограф. справки упоминаемых в антологии лиц
С. Л. Фирсова. — СПб. : РХГА, 2020. — 1088 с. — (Русский Путь).

ISBN 978-5-88812-993-7

Антология дает возможность читателю проследить, как, начиная с первых публикаций о сибирском «старце» (т.е. с 1910-х гг.), постепенно складывался миф о всесильном «Друге царей», как этот миф обрастал подробностями, зачастую фантастического свойства, и, наконец, как этот миф оказался питательной средой для создания литературного образа, подменившего собой реального Гр. Распутина. В книге также представлены материалы ученых, стремившихся нарисовать психологический портрет «старца». Создание психологического портрета Гр. Распутина — это и попытка развенчать мифы о «старце», и неизбежное следование сложившимся социально-психологическим стереотипам. Заключительный раздел антологии посвящен отражению личности Гр. Распутина в отечественной литературе.

Издание адресовано как специалистам, так и широкому кругу читателей.

УДК 821.161.1

© Фирсов С. Л., составление, вступ. статья,
краткие биографические справки, 2020
© Русская христианская гуманитарная
академия, 2020
© «Русский Путь», название серии, 1993

ISBN 978-5-88812-993-7

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Вы держите в руках книгу из серии «Русский Путь» — «Григорий Распутин: pro et contra». Содержание антологии посвящено исследованию личности Гр. Распутина.

В 2019 году РХГА праздновала 30-летие своей научно-педагогической и просветительской деятельности. Серебряный юбилей отметила и серия «Русский Путь», являющаяся важным достижением РХГА. Число томов серии в 2019 году превысило полуторасотенный рубеж. «Русский Путь» открылся в 1994 году антологией о Н. Бердяеве. В результате четвертьвековой исследовательской и издательской работы перед читателями предстали своего рода «малые энциклопедии» о М. Ломоносове, Н. Карамзине, П. Чаадаеве, А. Пушкине, М. Лермонтове, Ф. Тютчеве, Н. Гоголе, В. Белинском, М. Бакунине, А. Сухово-Кобылине, А. Герцене, М. Салтыкове-Щедрине, Н. Чернышевском, И. Тургеневе, Л. Толстом, К. Леонтьеве, В. Ключевском, Вл. Соловьеве, В. Розанове, Н. Лескове, А. Чехове, А. Блоке, П. Флоренском, В. Эрне, С. Булгакове, И. Ильине, М. Зощенко, М. Булгакове, В. Набокове, Н. Заболоцком, Д. Шостаковиче, А. Твардовском, Л. Гумилеве, Л. Шестове, В. Хлебникове, Б. Пастернаке, А. Ахматовой, М. Горьком и других персонах. Готовятся книги о Н. Некрасове, Н. Страхове, Ф. Достоевском, Д. Гранине. В числе книг, посвященных деятелям искусства — антологии о П. Чайковском, Д. Шостаковиче, С. Эйзенштейне, Е. Бауэре, готовятся тома о Л. Бетховене, М. Глинке, С. Прокофьеве.

Ряд книг посвящен российской рефлексии идейного наследия зарубежных мыслителей — Платона, Августина, Данте, Боккаччо, Сервантеса, Макиавелли, Спинозы, Руссо, Вольтера, Дидро, Канта, Шеллинга, Ницше, Бергсона, Витгенштейна, Хайдеггера, в планах издание книг о Гегеле, Марксе, Фрейде, Расселе.

«Русский Путь» изначально задумывался как серия книг не только о мыслителях, но и демиургах отечественной культуры и истории. Увидели свет антологии о творцах российской политической истории и государственности, царях — Алексее Михайловиче, Петре I, Екатерине II, Павле I, Александре I, Николае I, Александре II, Александре III и Николае II. Готовятся книги о Петре III и царевне Софье. К ним примыкают антологии о выдающихся государственных деятелях — М. Кутузове, К. Победоносцеве, П. Столыпине.

Опубликованы сборники, посвященные лидерам стран антигитлеровской коалиции — И. Сталину, У. Черчиллю, Ф. Д. Рузвельту и Ш. де Голлю. К юбилею Революции осуществлены издания антологий о ее демиургах — А. Керенском, Л. Троцком и В. Ленине. В 2018 году, к столетию начала Гражданской войны, вышли в свет книги, посвященные политически значимым лидерам Белого движения — А. И. Деникину, П. Н. Врангелю, А. В. Колчаку. Важным этапом развития «Русского Пути» является переход от персоналий к реалиям. Последние могут быть выражены различными терминами — универсалии культуры, мифологемы, формы общественного сознания, категории духовного опыта, типы религиозности. В последние годы работа в указанном направлении заметно оживилась. Осуществлена публикация книг, отражающих культурологическую рефлексию важнейших духовных традиций в истории человечества — иудаизма, христианства, ислама, буддизма. Опубликованы антологии, посвященные российской рецепции христианских конфессий — православия, католицизма, протестантизма. Проведена работа по осмыслению отечественной рефлексии ключевых идеологий Нового времени. Увидели свет пять антологий: «Либерализм: pro et contra», «Национализм: pro et contra», «Социализм: pro et contra», «Анархизм: pro et contra», «Консерватизм: pro et contra». Опубликованы четыре тома, отображающие оценку феномена русской классики. Первый том посвящен Золотому веку, второй — Серебряному, третий — Железному. Четвертый дает представление об отношении к русской классике в мировой культуре. В этом же ряду книги, посвященные переосмыслению ключевых исторических событий начала XX века: «Революция 1917 года: pro et contra» и «Красное и белое: pro et contra», представляющая все разнообразие позиций русской эмиграции по Гражданской войне.

За четверть века модель изданий трансформировалась от антологии, включающей классические тексты, к смежному жанру антологии-коллективной монографии, которая содержит тексты современных исследователей, подобранные в стилистике «pro et contra». Обозначенные направления работы обычно дополняются созданием расширенных (электронных) версий антологий. Поэтапное структурирование таких информационных ресурсов может привести к формированию гипертекстовой мультимедийной системы «Энциклопедия самосознания русской культуры». Увеличение в составе серии доли книг, посвященных феноменам культуры, способствует достижению этой цели. Очерченная перспектива развития проекта является долгосрочной и требует значительных интеллектуальных усилий и ресурсов. Поэтому РХГА приглашает к сотрудничеству ученых, полагающих, что данный проект несет в себе как научно-образовательную ценность, так и духовный смысл.

С. Л. Фирсов
ГРИГОРИЙ РАСПУТИН:
100 ЛЕТ В ЖЕРНОВАХ «ИСТОРИЧЕСКОГО МИФА»

**Штрихи к вопросу о психологии восприятия
личности «Друга Царей»**

В конце декабря 2016 г. отмечалась 100-летняя годовщина со времени убийства сибирского странника и «Друга» семьи последнего русского самодержца — Григория Ефимовича Распутина (1869–1916). Прошла целая эпоха, давно ушло поколение, для которого он был современником, оценивавшимся в контексте имперского прошлого и пришедшей ему на смену советской эпохи строительства «нового мира». Наконец, канула в Лету и советская государственность с ее обязательными атрибутами — безусловной критикой царского самодержавия и ленинскими утверждениями о «гнилости», «гнусности», «цинизме» и «разврате» «царской шайки с чудовищным Распутиным во главе ее»¹.

Но, несмотря на это, отношение к Гр. Распутину продолжает оставаться пристрастным, он не стал «человеком истории», воспринимаясь, как и ранее, идеологически ангажировано. Правда, если в 1910-е гг., при жизни «старца», и в течение советского времени о нем говорили и писали в большинстве случаев сугубо отрицательно, грубо, даже вульгарно, предпочитая обращать внимание на явление «распутинщины», *беззастенчиво перевирая факты и внося посильный вклад в упрочение лживой «распутинской сказки»*², то в постсоветский период появилось множество его почитателей, заявляющих о безусловной «святости» сибирского странника, о том, что он стал жертвой

¹ Ленин В. И. Письма из далека // Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1961. Т. 31. С. 12.

² В качестве примера можно указать на книжку «Правда о петербургских «святых»» советского «популяризатора атеизма» и «борца с мракобесием» Н. И. Юдина, в которой была специальная глава «Святейший патриарх с Гороховой». Не разбирая сей «высокохудожественный» опус подробно, отметим лишь то, что автор называет Гр. Распутина авантюристом, заменившим в царских апартаментах «царского молитвенника» Иоанна Кронштадтского, и, вспоминая убийство сибирского странника, говорит, что после революции «останки Распутина трудящиеся Царского Села вырыли из могилы, зарыли ими пушку и выстрелили...» (Юдин Н. И. Правда о петербургских «святых». Л., 1966. С. 97, 115). Как видим, «стрельба телом», известная в связи с историей смерти в 1606 г. Лжедмитрия I, оказывается, имела достойное «продолжение» в 1917 г.

клеветы и обмана врагов православной государственности и последнего самодержца. Поменялся «знак», но безапелляционность оценок в целом преодолевается с трудом (хотя ныне составила уже целая библиотека из книг и статей, в которых делаются попытки — часто успешные — нарисовать деидеологизированный портрет Гр. Распутина³).

Упомянув о «знаке», следует сказать, что в дни 100-летней годовщины со времени убийства Гр. Распутина громко зазвучали голоса «ревнителей», появились публикации рассуждавшие о сооружении памятника «старцу». Так, 25 декабря 2016 г. в Москве, в помещении Международного фонда славянской письменности и культуры, состоялся круглый стол, на котором был даже представлен макет памятника. «Памятнику старцу Григорию планируется установить в Санкт-Петербурге, Москве, Сибири...» — заявляется в статье, опубликованной на сайте «Имперского казачьего союза», члены которого безапелляционно указывают на то, что он был оклеветан⁴. В интервью, данном «Огоньку», президент РОО «Православная миссия по возрождению духовных ценностей Русского народа» И. Е. Смыков тогда же подчеркнул, что «старец» был «ритуально оклеветан и убит». Само утверждение о «ритуальной клевете» весьма красноречиво и показательно.

Это — нечто новое в «распутинской» теме, ибо понять, чем «ритуальная клевета» отличается просто от лживых заявлений, сознательных подтасовок, политических инсинуаций и т. п., очевидно, могут только глубоко уверовавшие в невозможность иначе («не ритуально») уничтожить «Друга Царей». И все-таки, оставив за скобками подобное заключение, обратим внимание на то, как подается информация о Гр. Распутине И. Е. Смыковым. Для него очевидно, что «старец» занимал неофициальное положение советника царской семьи, что он обладал даром не только целительства, но и предвидения, и что

³ Среди изданных в последнее время в России «деидеологизированных» книг о сибирском страннике можно, в частности, назвать работы: А. В. Терещука «Григорий Распутин. Последний “старец” империи» (СПб., 2006), А. Н. Варламова «Григорий Распутин-Новый» (М., 2007), А. П. Коцюбинского и Д. А. Коцюбинского «Распутин: Жизнь. Смерть. Тайна» (СПб., 2014). Социально-психологический интерес представляет и работа И. В. Князькина «Большая книга о Распутине» (СПб., 2007). Автор, на момент издания «Большой книги...» — кандидат медицинских наук, предпринял попытку «врачебного анализа» всего, что было связано с сибирским странником, дал собственные ответы на вопрос, в чем состоял секрет влияния Г. Е. Распутина на женщин, какова была его «истинная роль» в российской политике, какие отношения связывали «старца» и Ф. Ф. Юсупова, наконец, стал ли он жертвой международного заговора. Вопрос о «заговоре» рассматривается (на мой взгляд, — в «конспирологическом ключе») и в книге О. А. Шишкина «Убить Распутина» (М., 2000). Не апологизируя «старца», автор пытается доказать безусловную заинтересованность английской разведки в его физическом устранении. Об убийстве Г. Е. Распутина идет речь и в работе российской писательницы Р. Л. Хаустовой «Капричос. Дело об убийстве Распутина» (М., 2007).

⁴ К Столетию убийства русского крестьянина Григория Ефимовича Распутина // Имперский казачий союз верноподданных казаков. URL: <http://iks2010.info/?p=105109>.

он был убит адептами оккультного общества, организованного агентами британской разведки. Русские дворяне, участвовавшие в убийстве, называются «аристократической чернью», ко времени революции «духовно выродившейся» (не случайно вспоминается и о том, что Ф. Ф. Юсупов был бисексуалом, а убийцы аттестуются как «кружок оккультистов-гомосексуалистов»). «Когда в России, согласно многих пророчеств святых, будет восстановлена Православная Самодержавная Монархия, старец Григорий будет непременно прославлен», — подчеркивает И. Е. Смыков, вспоминая старую историю о двойниках «старца», якобы использовавшихся для его дискредитации⁵.

Все интервью пересказывать бессмысленно: и так ясно, что имел в виду президент РОО «Православная миссия...». Старые песни о святости сибирского странника особенно не подновляются, о логике собственных построений интервьюируемый заботится мало, например никак не поясняя, как могла «выродиться» «аристократическая чернь», дошедшая до реализации замысла об убийстве Гр. Распутина: ведь что брать с «черни», она, по идее, уже пребывает «на дне». Но интересно не только это. Интересно то, что в стремлении обосновать собственную правоту «ревнители» прибегают к использованию разных «благочестивых» мифов и легенд о «старце», в очередной раз не столько восстанавливая его «истинный портрет», сколько укрепляя старые басни «ревнителей памяти “Друга Царей”» новыми историями его откровений, не забывая, впрочем, указывать: «Многие его подлинные слова ныне сокрыты, ведь он говорил прикровенно и особо доверенным людям»⁶. Сокрытые «ныне» откровения сибирского странника, вероятно, когда-нибудь откроются, но когда именно — не уточняется.

Впрочем, важнее отметить иное: в декабре 2016 г. 100-летие со дня убийства Гр. Распутина не было обойдено вниманием сторонников исторической реабилитации «старца». «В Санкт-Петербурге в православном театре “Странник” прошел памятный вечер, посвященный 100-летию убийства Григория Ефимовича Распутина, — сообщила информационно-аналитическая служба Русской народной линии. — Инициаторами и организаторами мероприятия являются “Русская народная линия” и издательство “Царское Дело”. Театр оказался переполнен, мест на всех пришедших не хватило, некоторым пришлось стоять в проходе». Событие состоялось 29 декабря 2016 г., на подиуме были установлены портреты сибирского странника и образ отца Николая Гурьянова с «иконой» Гр. Распутина в руке⁷. Апологетическая на-

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ В Санкт-Петербурге прошел памятный вечер, посвященный 100-летию убийства Григория Распутина // Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба. URL: http://ruskline.ru/rnl_tv/2017/2/12/v_sanktpeterburge_proshel_pamyatnyj_vecher_posvyawennyj_100letiyu_ubijstva_grigoriya_rasputina/.

правленность мероприятия была понятна с самого начала, ее никто не скрывал⁸. Так, обращаясь к присутствующим в театре, директор Православного радио Санкт-Петербург С. Е. Васильев «выразил надежду [на то], что вечер поможет в церковном прославлении старца Григория», что «его канонизация необходима во имя торжества Русского мира»⁹. Канонизация напрямую связывалась с будущим страны, даже шире — с «русской цивилизацией». Задача, безусловно, не могла не впечатлить.

Тогда же, 29 декабря 2016 г., в газете «Завтра», издающейся под руководством А. А. Проханова, был опубликован блок материалов о Гр. Распутине, причем среди авторов были не только «апологеты» сибирского странника, но и историки, пытающиеся говорить о нем более сдержанно. Но и те и другие писали о нем как о человеке выдающемся, повлиявшем на ход русской истории, оставившим в ней заметный след. Хулы в материалах не было, речь шла о незаурядной личности, для некоторых — как о личности святого¹⁰. Быть может, подборка неоднозначных (в смысле «апологетики» сибирского странника) материалов была связана с тем, что А. А. Проханов до конца не определился в своем отношении к Гр. Распутину, а может быть, на публикации материалов настоял его сын и одновременно заместитель главного редактора газеты «Завтра» А. А. Фефелов.

Последний, посетив памятный вечер в православном театре «Странник», заявил присутствовавшим там зрителям, что в его душе нет кристально чистого образа Распутина, так как он не духовидец. При этом А. А. Фефелов полагает, что за Распутиным есть тайна, которая через 100 лет будет разрешена («Его канонизация необходима во имя торжества Русского мира»). О «духовидчестве» рассуждать проблематично, как и о «тайне Распутина», сроки разгадки которой определяются писателем вполне конкретно (хотя и отодвинуты в весьма отдаленный период). Но совершенно понятно, что появление А. А. Фефелова на петербургском вечере почитателей «старца» случайным быть не могло. В любом случае, публикаторы «Завтра» — газеты, в которой чаще других слов звучат слова о «патриотизме» и любви к России, — прекрасно отдадут себе отчет в том, что «старец» — фигура знаковая, без оценки которой трудно говорить о корнях русской революции и о всем том, что эта революция породила.

⁸ Степанов А. Первая жертва кровавой революции // Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2016/11/28/pervaya_zhertva_krovavoj_revolyucii.

⁹ «Его канонизация необходима во имя торжества Русского мира» // Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2016/12/30/ego_kanonizaciya_neobhodima_vo_imya_torzhestva_russkogo_mira/&?print=y.

¹⁰ 100 лет назад убит Распутин. Фигура старца Григория до сих пор вызывает споры // Завтра. URL: http://zavtra.ru/blogs/100_let_nazad_ubit_rasputin. Среди авторов были: А. Пыжиков, О. Шишкин, Ю. Воробьевский, Л. Болтин.

Еще раньше, 21 ноября 2016 г., в Москве была организована историческая конференция «Столетие мученического подвига Друга Царской Семьи Григория Ефимовича Распутина-Нового», состоявшаяся в рамках выставки «Русь Православная». Организатором выступил Русский культурно-просветительный Фонд имени Святого Василия Великого, вел конференцию его председатель — В. Бойко-Великий. На конференции были представлены и рассмотрены труды историков «апологетического» направления — А. Н. Боханова, О. А. Платонова, С. В. Фомина, что изначально превращало форум в подобие исторической «комиссии по реабилитации». Собственно, в этом и заключалась главная идея организаторов: попытаться перевести вопрос о личности Гр. Распутина в русло его восхваления и разоблачения тех, кто воспринимал и воспринимает сибирского странника отрицательно. «Для нас, православных, — подчеркивал в своем выступлении В. Бойко-Великий, — недопустимо, что святые люди подвергаются изощренной клевете. Наша задача в это тяжелое время — снять клевету и восстановить славное имя Григория Ефимовича Распутина-Новый, как великого Друга Царской Семьи, миротворца, великого молитвенника за Царскую Семью, Царевича Алексея и Святую Русь»¹¹.

Как видим, в данном случае историческую истину о «старце» никто искать не собирался — участникам конференции она и так была ясна. Задача ставилась и решалась по-другому, в русле «восстановления славного имени». О том, что имя — безусловно «славное» речь не шла, для участников конференции 21 ноября сие было понятно задолго до того, как они собрались для разговора о «мученическом подвиге». Заметим, что сама постановка вопроса такова, что ответа искать не нужно: он определен заранее. Желание идти от изначально сформулированной концепции к необходимым для ее подтверждения источникам — старая и порочная практика, которую можно назвать печальной традицией «изучения» советской и партийной истории. То, что ей следуют современные «апологеты» святости Гр. Распутина, факт скорее психологического, чем исторического свойства: отторгая прежний миф, они конструируют собственный, выдаваемый за истину с помощью тех методов, которые разрабатывались и использовались идеологически ангажированными деятелями казенной историко-партийной науки в эпоху существования СССР.

Коммунистический догматизм странным образом перерождается в догматизм нового типа, который можно с достаточной долей условности назвать «православно-модернистским». Парадоксальным образом люди, позиционирующие себя в качестве православных традиционалистов и консерваторов, оказываются скорее «религиозными реконструкторами», разоблачающими

¹¹ Научная историческая конференция «Столетие мученического подвига Друга Царской Семьи Григория Распутина» // Московскія Вѣдомости. URL: <http://mosvedi.ru/article/20611.html>.

старые (по их мнению — тотально лживые) представления о Гр. Распутине с такой же страстностью и непримиримостью, с какой с 1930-е гг. строители «нового мира», желая в кратчайшие сроки создать образцовый коммунистический город, ломали старую Москву.

С другой стороны, не следует забывать и об общественных деятелях, придерживающихся иных, нежели упомянутые «апологеты», взглядов на прошлое страны, на жизнь и деятельность сибирского странника. Они также не забыли о 100-летней годовщине его убийства. Для примера можно вспомнить о публикации в ульяновской «Урлпрессе» статьи публициста С. Поленова с характерным названием «Распутин как символ распада». Показательна мотивация автора: он пишет о «старце», наблюдая в современной России «пути» возродить его культ «и даже осуществить его церковную канонизацию». Заявляя это, автор указывает: происходящее имеет место «при явной поддержке властей предрежащих». На чем основано последнее утверждение — не говорится, хотя понятно, что для С. Поленова Гр. Распутин — личность, вызывающая только отрицательные чувства. Не вдаваясь в оценку публицистически хлестких утверждений, многие из которых не лишены здравого смысла, отметим только одно: автор статьи называет «старца» «симптомом разложения верхов», а не прямой причиной катастрофы 1917 г. Современные попытки воскресить его культ, полагает автор, опасны тем же самым: они могут привести к катастрофе¹². Культ сибирского странника, таким образом, оценивается как политическое оружие, способное не укрепить, но разрушить российскую государственность. Получается, что апология Гр. Распутина воспринимается как политическая проблема, а разговоры о его канонизации — как политически вредные для государства. То, что для «апологетов» есть безусловное благо, для их критиков — столь же безусловное зло, причем и «благо», и «зло» окрашиваются не столько в исторические цвета, сколько в цвета по-разному понимаемой заботы о государстве. «Символ» один, а символизирует — разное.

Еще более жестко пишется о Гр. Распутине в заметке И. Э. Романова — российского анархиста, человека крайне левых взглядов, в 2015 г. осужденного за приготовление к террористическому акту и изготовлению взрывчатки¹³. Находясь в заключении, он написал о Гр. Распутине в духе воинствующих радикалов начала прошлого века, с полемическим задором утверждая: «Вряд ли можно усомниться, что без Распутина не было бы революции. Распутин на протяжении десяти лет истощал всякое терпение общества, выступая при этом “в паре” с императрицей Александрой Фёдоровной». Для И. Э. Романова

¹² Поленов С. Распутин как символ распада // УЛПРЕССА. URL: <http://ulpressa.ru/2017/01/13/rasputin-kak-simptom-raspada/>.

¹³ Нижегородский анархист Илья Романов приговорен к 10 годам колонии за подготовку теракта // Медиазона. URL: <https://zona.media/news/2015/06/08/ilya-romanov-10>.

очевидно, что Гр. Распутин — персонаж безусловно отрицательный, раздражавший как русских правых, так и либералов. Его смерть, по И. Э. Романову, — закономерна и естественна: «пар переполнил котел терпения верхней части общества» и «пьяного похотливого мужика убили и скинули в прорубь».

Сказав эти слова, он поясняет свое видение «философии истории», а точнее — логики развития русской революции, говоря, что это убийство — «своего рода “момент истины” — стало понятно, что МОЖНО». Далее — заблокировали царя в поезде, заставили отречься от престола. «Дальше уже подъем пошел по все более широкому слою народа»¹⁴. Здесь представлен даже не политический, а скорее идеологический подход к теме, верные наблюдения совмещены с грубым социологизированием. «Классовый подход» не оставляет иного выхода, как попытаться вписать в изначально оформленную схему конкретную историческую личность и рассмотреть ее с точки зрения общего развития политической ситуации в стране. То, что для И. Э. Романова это представляется так, а не иначе, можно судить исходя из логики его собственного повествования: рассказывая о Гр. Распутине, он проводит параллели с современным политическим состоянием России, пытается анализировать феномен «распутинщины» применительно ко временам 1990-х гг. И. Э. Романов связывает *человека и явление*, названное его именем, не обращая внимания на то, что последнее во многом было мифологизировано еще до революции 1917 г., особенно в период Великой войны, когда личность «Друга Царей» в глазах его хулителей стала восприниматься как символ «моральной деградации» верховной власти.

Примеры, приведенные выше, лишней раз свидетельствуют об одном неизменном факте, с которым трудно не согласиться: «историческая давность» для Гр. Распутина не наступила, он продолжает волновать людей совершенно разных идеологических и политических настроений, пытающихся осмыслить русскую трагедию XX века — революцию 1917 г., ставшую не только социальной катастрофой многомиллионного народа, но и кардинальным психологическим сломом, последствия которого дают знать о себе и сегодня.

Как же в таком случае следует нам относиться к Гр. Распутину?

Следует ли пытаться «реабилитировать» его, выступая в неблагодарной роли политических адвокатов минувшего, или же, наоборот, продолжать, хотя и без ленинской грубости, поддерживать линию на «разоблачение» царского «Друга»?

Полагаю, что таким образом вопрос не следует формулировать. Корректнее посмотреть на Гр. Распутина как на символ того мира, который после 1917 г. навсегда ушел с исторической сцены, по слову современника — «потонул». Но символ всегда есть то, что он символизирует. Неужели Гр. Распутин

¹⁴ Илья Романов: К 100-летию убийства Григория Распутина // Александр Майсуриан. URL: <http://ru-polit.livejournal.com/11079643.html>.

символизирует старую Россию, неужели мы не в состоянии выбрать иную персону, иного героя?

Безусловно, такой выбор возможен, но дело заключается в том, что Гр. Распутин не приходится «выбирать»: волею сверхличных обстоятельств он оказался в фокусе истории предреволюционной России — и для сторонников монархической государственности, и для ее противников. В этом — его историческое значение и его историческая роль, но в этом же — и его беда. Превращенный усилиями не столько исследователей, сколько публицистов, журналистов и писателей в сказочного персонажа, он, кажется, полностью потерял в этой сказке свою индивидуальность. Ведь сказочный, мифологический герой нам интересен прежде всего и преимущественно потому, что позволяет понять сокровенную сущность самой «сказки», «мифа», которые, даже если ложны, содержат некий «намек», помогающий решить историческую задачу, вынести «урок», найти собственную «точку опоры» в жизни — как осмысленного существования в *конкретную* эпоху, связанную с *конкретным* (не выдуманным) прошлым.

Можно ли отказаться от мифа о прошлом и, соответственно, от заданного представления о героях прошлого, тем более, что в разные времена идеологические приоритеты современников различны?

Теоретически рассуждая, это возможно тогда, когда ослабеваает непосредственная связь минувшего с современной исследователям реальностью, т.е. когда реальность перестает от него зависеть. О временах и сроках, конечно, говорить не приходится — здесь общих, универсальных правил не существует, но очевидно, что для революции 1917 г. «историческая давность» не наступила. Вспомним: в советский период о России Николая II отечественные исследователи вынуждены были писать, обращая внимание на закономерность не столько о «гибели самодержавия», сколько прихода к власти партии большевиков. В постсоветское время отказ от этого подхода содействовал не только появлению глубоких аналитических работ, свободных от прежнего «классового» подхода, но и популяризации представлений о «злых силах» (масонах, «мировой закулисе» и т.п.), способствовавших обрушению здания монархической государственности. Оказалось возможным описывать и объяснять прошлое, используя легендарные представления о «потерянной России», глава которой предстал выдающимся человеком — и как государственный деятель, и как Верховный Ктитор Православной Церкви.

Идеализация правителя неизбежно должна была сказаться и на рассмотрении вопроса о «Друге Царей», многолетнее шельмование которого закономерно вызвало реакцию отторжения. Происхождение этой реакции вполне понятно, как понятно и то, что восприятию сибирского странника в качестве «оклеветанной жертвы» опосредованно содействовала и канонизация последнего императора и его семьи. Тем более, что Гр. Распутин уже

при жизни стал превращаться в миф, растворяясь в многочисленных слухах и сплетнях, часто претенциозных и лживых. В связи с этим объяснимо стремление ряда историков, занимавшихся изучением предреволюционной России, разоблачить ложь (как они ее понимали) и преодолеть миф, побороть его «исторической правдой».

Но возможно ли побороть миф?

На мой взгляд, это сизифов труд, поскольку миф живет по своим законам, развивается по собственным правилам, корректируется временем, подстраиваясь под него. Если принять во внимание, что миф есть, прежде всего, содержание, а не соответствие историческим свидетельствам, что в современной жизни реалии мифа имеют более не познавательный, а поведенческий характер и как побуждение к действию он не исчерпал свои возможности, то тогда станет понятна вся абсурдность борьбы с ним. Миф о Гр. Распутине в данном случае не исключение. Просто на смену одному, «ложному», неизбежно приходит другой, «истинный». И вне его оказывается невозможно проводить полноценную историческую реконструкцию, которую вряд ли допустимо оценивать как «анатомию мифа». Для изначально пристрастного «анатома» подобная реконструкция неизбежно превращается в стремление разоблачить, доказать неправильность прежних «антиисторических» построений. В этом — суть их методологии, хотя многое зависит от соответствия формы подачи материала его содержанию.

Показательны в связи этим работы А. Н. Боханова — московского исследователя, в 2000-е гг. активно публикующего книги о сибирском страннике. Сами их названия весьма красноречиво свидетельствуют о взглядах автора: «Распутин. Анатомия мифа» (М., 2000), «Распутин. Быль и небыль» (М., 2006), «Правда о Григории Распутине. Против фальсификации российской истории» (М., 2011). А. Н. Боханов, называя Гр. Распутина одним из самых загадочных и наиболее известных персонажей истории, справедливо указывал на то, что долгие годы его неизменно представляли в образе «некоего демонического антигероя, мрачного символа последней главы истории монархической России. В таком виде, — подчеркивал автор, — Распутин — миф, один из самых первых и наиболее живучих продуктов “черного пиара”»¹⁵. С мифом он и борется, приобретая последователей и сторонников из рядов почитателей «старца», становясь их идеологическим союзником. Однако считать А. Н. Боханова только «рапсодом», исполняющим чей-либо заказ, было бы совершенно неверно. Его заявление о том, что распутинская тема — «ярчайший показатель тяжелейшего духовно-психологического раскола страны, раскола, ставшего детонатором революционного взрыва 1917 года»¹⁶,

¹⁵ Боханов А. Н. Распутин. Анатомия мифа. М., 2000. С. 2.

¹⁶ Боханов А. Н. Григорий Распутин. Мифы и реальность. М., 2014. С. 14.

на мой взгляд, точно и обоснованно. Другое дело, что сам уважаемый автор, занимаясь изучением этой темы, оказывается в рядах исторических реабилитаторов сибирского странника, хотя и стремится при этом максимально корректно использовать широкий круг привлекаемых источников.

Среди наиболее активных почитателей следует упомянуть О. А. Платонова и С. В. Фомина, также давно и упорно работающих над разоблачением прежних антираспутинских представлений. Первый из упомянутых лиц может быть назван «пионером» нового — разоблачительного по отношению к предшествовавшей «антираспутинской» историографии — направления. Еще в 1996 г. он опубликовал книгу, посвященную сибирскому страннику под названием «Жизнь за Царя», в которой, заявляя о воссоздании истинного облика Распутина, пытался доказать, что его образ как «всесильного временщика — создан в угоду силам, разрушавшим Россию и Царский Престол», что между «придуманным Распутиным и реальным человеком нет ничего общего»¹⁷. Реальный Гр. Распутин и у А. Н. Боханова, и у О. А. Платонова — это религиозный праведник из народа, противопоставляемый утратившей религиозное чувство русской интеллигенции и царской церковной бюрократии. Само это противопоставление — сознательный прием, доказывающий, что преодоление советской исторической схемы оказалось возможным для этих авторов лишь посредством конструирования своей собственной жесткой схемы, в которой места «правильных» и «неправильных» героев изначально определены и не подлежат изменению.

Такой же идеологически ангажированный прием использует при составлении сборников документов, посвященных Гр. Распутину и его эпохе, а также комментариями к ним С. В. Фомин, православный публицист и историк, с 2007 г. опубликовавший сборники «Григорий Распутин. Расследование»¹⁸. Его работа, само название которой обращает внимание читателя прежде всего на юридический аспект вопроса («расследование»), — на сегодняшний

¹⁷ Платонов О. А. Жизнь за Царя. Правда о Григории Распутине. СПб., 1996. С. 2.

¹⁸ См.: Григорий Распутин: расследование. М., 2007–2015. (Книга первая: Наказание правдой (2007); книга вторая: «А кругом широкая Россия...» (2008); книга третья: «Боже! Храни своих!» (2009); книга четвертая: «Судья же мне Господь!» (2010); книга пятая: «Ложь велика, но правда больше...» (2010); книга шестая: «Страсть как больно, а выживу...» (2011); книга седьмая: «Милые, дорогие, не отчаивайтесь» (2013)). Помимо этих книг, вне серии, в 2012 г., был выпущен мемуарно-документальный сборник, включающий «свидетельства духовно наиболее близких Григорию Ефимовичу лиц» — его дочери Матрены, А. А. Вырубовой, М. Е. Головиной и членов Царской Семьи». Завершением «расследования» стала книга-альбом С. В. Фомина «Весь ветром подбит. Образ Г. Е. Распутина в фотографиях и произведениях искусства» (2015). В ней рассказывается об обстоятельствах и месте убийства «старца», об убийцах, об обнаружении, захоронении и уничтожении тела Гр. Распутина. Кроме того, автор-составитель заявлял о своем стремлении раскрыть через фотографии и другие изобразительные материалы личность и жизнь Г. Е. Распутина.

день наиболее полная версия религиозно-политической «реабилитации» сибирского странника, враги которого представлены как враги царя и России. Для С. В. Фомина Гр. Распутин — безусловный праведник, чья жизнь была сознательно фальсифицирована. Приводя массу интересных и малоизвестных материалов, анализируя книги различных авторов, писавших о «старце», автор анализирует и разоблачает миф о нем, к сожалению, не осознавая, что одновременно с этим создает новый. Разоблачая предвзятость прежних времен, используя в качестве девиза фразу отца Николая Гурьянова о том, что «неправда поможет открыть правду», С. В. Фомин изначально показывает, что правду он знает, своими публикациями лишь «освобождая» ее от «глыб клеветы». Историческая по замыслу работа тем самым превращается в работу апологетическую, а ее автор-составитель — в идейного пропагандиста святости «Друга Царей».

Однако если С. В. Фомина можно назвать историком, для которого документы, пусть даже отобранные и прокомментированные в соответствии с изначально принятой установкой на доказательство «праведности» Гр. Распутина, — фундамент проводимого исследования, то для филолога Т. Л. Мироновой Гр. Распутин — великий святой, понять жизнь которого возможно лишь с учетом «правильного» восприятия религиозного подвига последнего самодержца, которому она призывает молиться, восклицая: «Святой Царю Николае, искупителю грехов наших, великомучине, моли Бога о нас!» Таким образом, оценка деяний Гр. Распутина связывается автором с «царебожием» — постоянно осуждаемым священноначалием Русской Православной Церкви «учением» экзальтированных почитателей императора Николая II. Отречение от царя — Помазанника Божьего, по словам Т. Л. Мироновой, было отречением «от самого Господа и Христа Его»¹⁹.

Кем же в таком случае был Гр. Распутин?

Ответ дается простой и ясный: «Он был сомолитвенником Помазанника Божия за Русское Самодержавное Царство». Автор договаривается до того, что заявляет: после смерти «старца» Николай II носил его крест²⁰. Если «искупитель» носил крест Гр. Распутина, то его следует почитать по меньшей мере святым, а вернее — русским пророком, предвидевшим будущее и обличившим современное ему зло. Понятно, почему Т. Л. Миронова заявляет о «ритуальном» убийстве сибирского странника, называя его прообразом екатеринбургского мученичества. Убийство «Друга Царей» подготовило и екатеринбургский «ритуал»²¹. В работе Т. Л. Мироновой все обнажено до предела,

¹⁹ *Миронова Т.* Из-под лжи. Император Николай II и Григорий Распутин. Краснодар, 2005. С. 26, 28, 33.

²⁰ Там же. С. 110, 113.

²¹ Там же. С. 141–142, 144.

она без стеснения говорит о «ритуале», об «иудейской афере» с двойником сибирского странника, о том, что через «поношение» имени Гр. Распутина предавалось поношению и имя государя, связывая их неразрывно и прочно и представляя как некое единое духовное целое. Получается, что рассуждая о духовном облике царя, необходимо подчеркивать великое и благотворное влияние Гр. Распутина, иначе ошибка неминуема. По сути, Гр. Распутин предстает своеобразным «Иоанном Крестителем» царя-«искупителя», что выглядит не только абсурдно, но и кощунственно.

Однако неумные почитатели сибирского странника этого видеть не хотят, не только популяризируя старый тезис об «оклеветанном старце», но и творя новые мифологические истории. Наиболее ярким и полностью абсурдным примером подобного «творчества» можно считать книгу Т. И. Гроян (монахини Николаи), которая составила и опубликовала объемную книгу с характерным названием: «Мученик за Христа и за Царя. Человек Божий Григорий. Молитвенник за Святую Русь и Ея Пресветлаго Отрока». Книга эта — настоящий кладезь всевозможных назидательных сказок, связанных с именем Гр. Распутина, хотя и не слишком внятно рассказанных. Главное, впрочем, заключается в том, что разговор о праведности сибирского странника ведется Т. И. Гроян *лишь в контексте разговора о царской семье*. Более того, Григорий Распутин называется пророком и вместилищем Божественной благодати. «Святому Царскому Семейству и Человеку Божию Григорию дано было Господом пострадать, дабы очистить от терний и плевел Россию»²², — заявляет Т. И. Гроян. Итак, Гр. Распутин характеризуется как «очиститель» страны, которая благодаря его смерти, предшествовавшей убийству царской семьи, сумела избавиться «от терний и плевел». Что значило это очищение в условиях воинствующего богоборчества большевиков, в годы советской власти, остается только догадываться. Зато дан простор для интерпретации великого подвига сибирского странника.

Указанные работы «апологетов», впрочем, могут рассматриваться лишь как эпигонские: о святости «старца» впервые заговорили православные маргиналы так называемой «Катакомбной Церкви», на своем «Освященном Соборе» в феврале 1991 г. «канонизировавшие» Гр. Распутина как мученика²³. Приблизительно в тот же период свою деятельность по «очищению» имени сибирского странника от «лжи» и «наветов» активизировал московский журналист А. А. Щедрин, в 1994 г. под псевдонимом Н. Козлов опубликовавший брошюру «Друг Царей», большую часть которой составили избран-

²² Гроян Т. Мученик за Христа и за Царя. Человек Божий Григорий. Молитвенник за Святую Русь и Ея Пресветлаго Отрока. М., 2001. С. 15.

²³ См. подр.: Фирсов С. Л. На весах веры. От коммунистической религии к новым «святым» посткоммунистической России. СПб., 2011. С. 298.

ные места из переписки императора Николая II с супругой — разумеется, о Гр. Распутине. Для Н. Козлова сибирский странник — великий старец, «ритуально» убитый врагами православия. Воинствующий антисемитизм — вот тот стержень, на котором крепится вся его нехитрая конструкция²⁴.

Идея святости Гр. Распутина была брошена в православную среду в условиях, когда вопрос о восстановлении исторической правды, в том числе и правды о Церкви в империи и в годы «советского плена», был актуализирован, когда историки смогли без идеологических препонов приступить к изучению корней русской революции. Идея оказалась благоприятно воспринятой определенной частью православных исследователей, искренне желавших преодолеть предшествовавшую предвзятость и фальшь. Так появились многочисленные статьи и брошюры, в которых писалось об «оклеветанном старце» как о праведнике, злоумышленно представленном его врагами (и врагами России) в качестве хитрого, развратного и циничного обманщика. Критика подобных взглядов священноначалием Русской Православной Церкви²⁵ не привела и не могла привести к искоренению идеи святости Гр. Распутина как таковой, поскольку у адептов «старца» есть твердое убеждение в собственной правоте, а на убеждение логика действует слабо.

Как видим, к 100-летию со времени убийства Гр. Распутина вопрос о нем, как и вопрос о мифе, прочно с ним связанном, оказывается актуальным, а предубеждения против него, имевшие место еще в дореволюционном обществе и перешедшие в общество советское (правда, обличавшее «старца» уже с «классовых позиций»), не преодоленными, а «преображенными» воинствующей апологетикой, поставившей целью развенчать и дезавуировать антираспутинских критиков прошлого. Преодолеть «обличительный тон» советской литературы, отказавшись от ностальгического монархического мифа, взятого на вооружение в литературе эмигрантской и распространявшегося в России постперестроечной, не удалось. Наоборот, миф этот оказался благодатной почвой для того, чтобы заняться идеологической (а вслед затем — и религиозной) реабилитацией сибирского странника, личность которого рассматривается «апологетами» точно так же, как светскими судьями какое-нибудь дело об оскорблении чести и достоинства.

Случайно ли это?

Скорее всего, не случайно. Догматическое воспитание в русле «единственного верного» учения, которое прошли все известные современные «апологеты», весьма непросто изжить. Борьба за правду оказывается более востребованной,

²⁴ См.: *Козлов Н.* Друг Царей. Б/м, 1994; См также: *Фирсов С. Л.* На весах веры... С. 300–301.

²⁵ См. подр.: Обращение Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II к клиру и приходским советам храмов г. Москвы на Епархиальном собрании 15 декабря 2001 года. М., 2002. С. 33–34.

чем деидеологизированное исследование, пример которого, к слову, можно найти в книге советского диссидента и писателя А. А. Амальрика «Распутин», написанной в конце 1970-х гг., но впервые опубликованной только в 1992 г. Крупнейший знаток предреволюционной истории России — В. С. Дякин, написавший предисловие к этой книге, полагал, что ее прочитать было бы очень кстати всем, кто поддается «ныне» (т.е. в начале 1990-х гг.) обаянию монархического мифа. В. С. Дякин полагал, что работа А. А. Амальрика подействует на таких людей отрезвляюще²⁶.

Прошедшие после того, как приведенные слова прозвучали, 25 лет показали, что преодолеть миф невозможно, а спокойный и уравновешенный разговор о сложных вопросах способны вести далеко не все, кто пробует свои силы на ниве изучения российской истории. Монархический миф, составной частью которого является и миф о «Друге Царей», давно живет самостоятельной жизнью, подчиняясь не принципам исторической науки, предполагающей движение исследователя от источника к обобщению и заключению, а иную последовательность: от изначально принятой (в качестве истинной) сентенции — к подбору (часто весьма скрупулезному) и систематизации необходимых (для изначально утверждения «истинной сентенции») фактов.

Впрочем, дело не только в том. Проблема мифа о «Друге Царей» серьезным образом влияет и на восприятие общеисторического контекста, в который вписана его жизнь как человека. Если общие проблемы кризиса самодержавия конца XIX — начала XX века изучались и изучаются историками посредством анализа и критики различных источников, то миф о Гр. Распутине, о котором собрано огромное количество всевозможных (в том числе изначально живых) текстов, источники *в принципе* разоблачать не помогают, поскольку, как справедливо заметил крупный современный культуролог А. М. Эткинд, «критика источников в этой области ведет к пустоте». По мнению исследователя, «ситуация предназначена для иного способа анализа. Не так уж интересно, был ли Распутин на самом деле сектантом; был ли он развратен; связан ли был с масонами и так далее. Важнее проследить, кто его считал таковым, а кто нет; от чего зависели эти восприятия; и к каким действиям они вели. В мире Распутина история дискурса открывает более глубокую “правду”, чем история фактов»²⁷.

История дискурса, прилагательно к жизни сибирского странника, по моему мнению, действительно может позволить перевести разговор в русло исследования восприятия его личности — как сторонниками, так и противниками, последователями и преследователями, «апологетами» и «очернителями». Еще В. В. Розанов подчеркивал, что «странник» утонул

²⁶ Дякин В. С. [Предисловие] // Амальрик А. Распутин. Документальная повесть. М., 1992. С. 3.

²⁷ Эткинд А. М. Хлысты. (Секты, литература и революция). М., 1998. С. 585–586.

в море анекдотов о самом себе, которые заволакивают от нас существо дела, и это есть «главное». Чем выше гора анекдотов, полагал философ, тем все они необъяснимее, «и тем это главное вырастает в силе и значительности». В результате «перед глазами России происходит не “анекдот”, а *история* страшной серьезности»²⁸. Приведший эти слова А. М. Эткинд обращает внимание на то, что В. В. Розанов специально выделил слово «история», что это выделение — не случайно. «В самом деле, — продолжает исследователь, — историю Распутина написать почти так же трудно, как написать историю царя Энея или историю Иванушки-дурачка. Можно написать историю вымысла, и невозможно написать историю фактов, которых почти нет; но этот “анекдот”, взятый в целом, и есть “история страшной серьезности”»²⁹.

На самом деле фактов весьма много, но они не столько помогают говорить о жизни Гр. Распутина, сколько позволяют эту жизнь интерпретировать в зависимости от идеологических, религиозных и политических симпатий интерпретаторов. Но история, написанная интерпретаторами тех или иных фактов, неизбежно окажется историей вымысла, т.е. историей мифа.

Но в таком случае можно ли и нужно ли «спасать» сибирского странника из моря анекдотов, в которых он «утонул»? К чему это может привести, тем более что «осушить море» не представляется возможным?

Только к одному: замещению реальности сказкой, главный герой которой начнет говорить так, как того захотят сказители, обращающие внимание то на положительные, то на отрицательные его качества.

В связи со сказанным отдельно следует упомянуть о книге писателя Э. С. Радзинского, чья работа о сибирском страннике впервые увидела свет в 2000 г., а потом несколько раз переиздавалась. В постсоветское время книга Э. С. Радзинского публиковалась огромными — по меркам 2000-х гг. — тиражами (первый — 150 000!). В ней нет ссылок, она написана в форме художественного повествования, автор стремится в популярной форме рассказать о «тайне» Гр. Распутина, показать, кем был «старец» на самом деле и почему он сумел приблизиться к семье русского самодержца. Удалось ли автору задуманное?

Вопрос этот может быть положительно разрешен, если иметь в виду широкую читающую публику. И только ее. Для исследователей работа Э. С. Радзинского стала доказательством того, что никакой тайны он не открыл, но сумел использовать интерес к распутинской теме, возникший после падения в России идеологических запретов. Доктор исторических наук Г. З. Иоффе, много занимавшийся историей русской революции, в своей рецензии на труд Э. С. Радзинского не без скепсиса написал: «Бальзак говорил,

²⁸ См. подр.: *Розанов В. В.* Апокалипсическая секта. (Хлысты и скопцы). СПб., 1914. С. 204, 205–206.

²⁹ *Эткинд А. М.* Хлысты... С. 586.

что история подделывается уже в тот момент, когда она делается. А потом ее пишут либо “по заданию партии и правительства”, либо, по выражению Чичикова, “по наклонности собственных мыслей”. Но история, пишущаяся во времена Смуты, это и ажиотажная история — отклик на жажду сенсаций и на необычный коммерческий спрос <...>. Радзинский — талант, соответствующий всем требованиям ажиотажной истории»³⁰.

«Ажиотажная история» — это история, которая не может существовать без «мифологической составляющей», причем неважно, разоблачает автор какое-либо устоявшееся утверждение или утверждает его. В данном случае отношение к «знакам» не имеет никакого значения. И хотя работа Э. С. Радзинского была подготовлена с учетом ранее неизвестного «Дела» о Гр. Распутине, купленного на западном аукционе М. В. Ростроповичем и подаренного автору, она не стала, да и не могла стать сенсацией. Рассказ о «тайне» Гр. Распутина превратился в красивое изложение «распутинского мифа», т.е. в рассуждения о символе, «одевом» в исторические факты. А «одевать» символ — изначально дело неблагодарное, да к тому же неоднократно осуществлявшееся в прошлом (достаточно вспомнить работу режиссера и драматурга Н. Н. Евреинова, изданную в 1924 г., в которой говорилось, что «тайна» сибирского странника может быть объяснена его артистизмом, хлыстовством и гипнозом³¹).

К тому же стремление раскрыть «тайну» в большинстве случаев приводит не к ее развенчанию, а к трансформации, к появлению новой версии «мифа», обрастающего очередными сказочными подробностями. Здесь не следует искать вину автора, поскольку он честно стремился найти правду, конечно — как он ее понимал. Выход из заколдованного круга, не позволяющегося приблизиться к восстановлению подлинной картины жизни изучаемого героя, лучше всего искать в социально-психологическом ключе, анализируя то, как его воспринимали — и современники, и потомки, разумеется, с учетом менявшихся с течением лет исторических реалий. Здесь мы можем найти и ключ к разгадке человека, а можем и не найти...

Но в любом ином случае «миф» будет доминировать над «фактом». Как мне представляется, лучше всего преодолеть «мифологическую сказку» удастся не исследователям, а поэтам, стремящимся передать свое восприятие прошлого, используя индикаторный язык и не преследующих цели реконструкции «исторически достоверного» прошлого. На мой взгляд, в отношении Гр. Распутина это лучше всего удалось Н. С. Гумилеву, еще в 1918 г. написавшему стихотворение «Мужик» — о Гр. Распутине, как он его видел и понимал. В этом стихотворении представлена не только жизнь «мужика»,

³⁰ Иоффе Г. З. Рецензия на: Радзинский Э. Распутин: Жизнь и смерть. М.: Вагриус, 2000. 575 с. Тир. 150 000 // Вопросы истории. 2002. № 3. С. 185.

³¹ См. подр.: Евреинов Н. Н. Тайна Распутина. Л., 1924. С. 49–80.

но и дана трактовка (с которой можно соглашаться или нет) его странной судьбы — взлет к самым вершинам власти, во дворцы ее самодержавных обладателей. Н. С. Гумилев в нескольких строках показал, что Гр. Распутин — есть, прежде всего, обыкновенный человек, но — человек. Каких много. И тем самым, полагаю, открыл его «тайну». Поэт писал:

В чащах, в болотах огромных,
У оловянной реки,
В срубах мохнатых и темных
Странные есть мужики.

Выйдет такой в бездорожье,
Где разбежался ковыль,
Слушает крики Стрибожьи,
Чуя старинную быль.

С остановившимся взглядом
Здесь проходил печенег...
Сыростью пахнет и гадом
Возле мелеющих рек.

Вот уже он и с котомкой,
Путь оглашая лесной
Песней протяжной, негромкой,
Но озорной, озорной.

Путь этот — светы и мраки,
Посвист, разбойный в полях,
Ссоры, кровавые драки
В страшных, как сны, кабаках.

В гордую нашу столицу
Входит он — Боже, спаси! —
Обворожает царицу
Необозримой Руси

Взглядом, улыбкою детской,
Речью такой озорной, —
И на груди молодецкой
Крест просиял золотой.

Как не погнулись — о, горе! —
Как не покинули мест
Крест на Казанском соборе
И на Исакии крест?

Над потрясенной столицей
 Выстрелы, крики, набат;
 Город ощерился львицей,
 Обороняющей львят.

— «Что ж, православные, жгите
 Труп мой на темном мосту,
 Пепел по ветру пустите...
 Кто защитит сироту?»

В диком краю и убогом
 Много таких мужиков.
 Слышен по вашим дорогам
 Радостный гул их шагов»³².

Здесь речь идет о Гр. Распутине, хотя его имя не называется, а не о «распутинщине», которая более всего занимала отечественных историков в советский период и которая целиком заместила конкретную личность сибирского странника еще до революции 1917 г. Гр. Распутин показан поэтом как один из многих «мужиков», как представитель простого народа, волею обстоятельств оказавшийся рядом с венценосцами. Такой подход, как мне представляется, позволяет обратиться к изучению личности сибирского странника не только в контексте его времени (что, без сомнения, важно), но и в контексте «простонародной» среды, из которой он вышел и представителем которой оставался до конца жизни. Не так уж далека была от истины З. Н. Гиппиус, когда полагала, что Гр. Распутин интересен *только как тип*. Не отрицая все приписывавшиеся ему недостатки и пороки (и в этом случае будучи типичным представителем образованного слоя тогдашнего русского общества), она видела причины их в русской острой безмерности и бескрайности: «Все до дна: и гик, и крик, и пляс, и гомерическое бахвальство. В эти минуты расчет и хитрая сметливость отступают от него. Ему действительно “море по колено”»³³.

«Море по колено» было и его безудержным критикам, сумевшим создать свой образ «мужика», в котором правда о Гр. Распутине преломлялась в фокусе политических сказок и откровенных подтасовок. Этот образ в течение многих лет доминировал в книгах о нем, спровоцировав обратную реакцию тех, кто не желал видеть в «Друге Царей» только отрицательного героя прошлого. Однако, даже говоря о негативном восприятии большинством

³² Гумилев Н. Мужик // Гумилев Н. Стихи. Письма о русской поэзии. Поэмы. М., 1990. С. 236–237.

³³ Гиппиус З. Маленький Анин домик // Гиппиус З. Живые лица. Воспоминания. Тбилиси, 1991. Т. 2. С. 74.

современников Гр. Распутина, нельзя игнорировать принципиальный психологический факт: так на него смотрели далеко не все. По мнению князя Н. Д. Жевахова — товарища последнего обер-прокурора Св. Синода и глубокого почитателя царской семьи, трагедия императора Николая II и императрицы Александры Федоровны заключалась в том, что сибирский странник не был старцем. Но при этом для князя вполне понятно, почему одни считали Гр. Распутина праведником, а другие — одержимым, так как «одни видели его таким, каким он был в царском дворце <...> а другие — таким, каким он был в кабаке, выплясывая “камаринскую”»³⁴.

Но были и «третьи» — среди русского образованного общества их было большинство. Это те, кто верили в «одержимость», в порочность, в злонамеренность сибирского странника, эксплицируя свой негативизм на царскую семью — со всеми вытекающими отсюда последствиями. Современное почитание Гр. Распутина как «святого» может восприниматься как расплата за такую агрессивную «веру».

В чем же выход, есть ли «срединный путь», позволяющий избежать крайностей в оценке Гр. Распутина?

Ныне говорить об этом сложно, поскольку имя сибирского странника для многих, пишущих о нем, есть повод утверждать собственные идеологические и политические принципы, не столько изучая прошлое, сколько «формируя» его посредством подбора и изложения нужных для «правильной легенды» исторических фактов. Вероятно, попытка разобраться в истории Гр. Распутина, успешно начатая в работах А. В. Терещука, А. В. Варламова и ряда других современных исследователей, должна быть продолжена на пути собирания и внимательного исследования разных характеристик о нем — как позитивных, так и негативных, истинных и ложных. Эти характеристики помогут читателю увидеть, что личность Гр. Распутина, названного А. М. Эткиндоном «самым литературным героем русской истории» и давно поглощенная мифом о нем же, не может изучаться отдельно от истории русской жизни рубежа XIX — начала XX века, морально-психологические аспекты которой важны для адекватного понимания «старца» не менее, чем социально-политический анализ российской государственности эпохи последнего царствования. Необходимо разобраться в мотивации тех, кто «созидал» «распутинский миф» или же помогал его распространению, не ограничиваясь констатациями об изначальном «злом умысле» и тех, и других. Если историю Гр. Распутина считать чем-то похожим на историю «царя Энея» или «Иванушки-дурачка», то в таком случае необходимо ограничиться изучением причин, заставлявших (и заставляющих) одних распространять ее, других —

³⁴ Жевахов Н. Д. Воспоминания товарища последнего обер-прокурора Св. Синода князя Н. Д. Жевахова. М., 1993. Т. 1. С. 246.

в нее верить, а третьих — опровергать (тем более, что история «распутинского мифа» и состоит в том, что многие характеристики, некогда обращенные против него, ныне могут восприниматься зеркально, — и наоборот).

В конце концов, «тайна» Гр. Распутина есть тайна не столько его самого, сколько его времени, времени переломного, «границ веков», когда менялось ощущение жизни, сменялись исторические парадигмы, возникали новые вызовы и соблазны, преодолеть которые императорская Россия, к сожалению, не смогла. Гр. Распутин, волею сверхличных обстоятельств попавший в эти переломные времена в исторические жернова, и стал знаменем погибшего царства³⁵.

* * *

Представляемая на суд читателей антология «Григорий Распутин: pro et contra» задумывалась достаточно давно — более десяти лет назад. За это время появилось множество новых работ, в которых исследователи и публицисты пытались нарисовать «очищенный» от неправды исторический портрет сибирского странника, вновь и вновь возвращаясь к изучению его жизни. Публиковались и ранее неизвестные широкому кругу читателей документы. Одним из них стал пресловутый «Дневник Распутина», в отрывках представленный всем интересующимся «распутинской темой» еще в 1996 г. в двенадцати номерах петербургской газеты «Час пик». Публикацию подготовили историки И. В. Лукоянов и Д. А. Коцюбинский³⁶. Спустя семь лет, в 2003 г., «Дневник Распутина» увидел свет в книге А. П. и Д. А. Коцюбинских «Григорий Распутин: тайный и явный»³⁷, а в 2008 г. был опубликован отдельно уже полностью³⁸. Публикация этого документа, представленного в качестве «дневника», вызвала резко негативную реакцию в кругах историков и «монархического», и «либерального» направлений. О причинах такой реакции следует сказать особо, предвзято разговору о помещаемых в данной антологии текстах.

То, что само название — «Дневник Распутина» — давалось без кавычек, уже заставляло подозревать публикаторов в стремлении приписать его ав-

³⁵ Именно так называется работа современного церковного историка И. В. Смыслова, выступавшего безусловным и беспощадным противником канонизации «Друга Царей» (Смыслов И. В. Г. Е. Распутин: знамение погибшего царства. М., 2002).

³⁶ См.: Григорий Распутин: О времени и о себе (Дневник Распутина) / Публикацию подготовили И. Лукоянов и Д. Коцюбинский // Час пик. 1996. 1 июня, 15 июня, 6 июля, 13 июля, 25 июля 27 июля, 2 августа, 3 августа, 10 августа, 21 августа, 28 августа.

³⁷ Дневник Распутина / Публикация И. Лукоянова и Д. Коцюбинского // Коцюбинский А. П., Коцюбинский Д. А. Григорий Распутин: тайный и явный. СПб.; М., 2003. С. 339–427.

³⁸ Дневник Распутина. М., 2008.

торство сибирскому страннику. На самом деле все было гораздо сложнее. Поэтому, прежде чем кратко охарактеризовать материалы, включенные в настоящую антологию, полагаю необходимым рассмотреть вопрос о распутинском «дневнике» (дабы более к этому вопросу не возвращаться). Это тем более важно, что даже фальсифицированный документ представляет несомненную историческую ценность, поскольку помогает понять «морфологию распутинской сказки», генезис того мифа, с которым прочно соединилась реальная жизнь Гр. Распутина. Еще в 2003 г., публикуя значительные отрывки из пресловутого «Дневника», И. В. Лукоянов и Д. А. Коцюбинский пытались объяснить, почему на протяжении многих десятилетий этот источник не подвергался ни критике, ни цитированию. Мотивация публикаторов, на мой взгляд, представляет интерес и должна быть внимательно проанализирована.

Итак, они говорят, что материал взят в Государственном архиве Российской Федерации (Ф. 612. О. 1. Д. 36), что это — «записи воспоминаний Григория Распутина». Эти записи представляют собой тетрадь, исписанную аккуратным и четким почерком, в которой содержатся фрагментарные свидетельства Г. Е. Распутина о своей жизни, начиная с детства и почти до самой смерти, а также комментарии к актуальным событиям и рассуждения на общие темы. На титульном листе заголовок: «Дневник Распутина» и разъяснение, из которого следует, что текст является копией оригинала, написанного под диктовку Распутина его секретарем — Акулиной Никитичной Лаптинской («Мушкой»). Говорится также и о том, что текст переписывал некий (или некая) Л. П. Крамер с черновиков какого-то «Гедылин» с сохранением старой орфографии. Короткая пометка сообщает, что в архив этот документ поступил в 1923 г.³⁹ Сообщив об этом, Д. А. Коцюбинский и И. В. Лукоянов справедливо задались вопросом о подлинности «Дневника», напомнив о скандальной публикации «Дневника Вырубовой».

Действительно, в год 10-летия революции иллюстрированный исторический альманах «Минувшие дни» начал публиковать «Дневник А. А. Вырубовой», продолжив публикацию и в 1928 г.⁴⁰ Хотя публикацию этого «Дневника» удалось довести до конца, в результате разразился скандал — историка П. Е. Щеголева и писателя А. Н. Толстого уличили в подделке текста⁴¹. Фальсификаторы, впрочем, лично никак не пострадали, продолжив свою творческую деятельность. Но прецедент был создан: широкая публика узнала, что на протяжении нескольких месяцев она знакоилась с «художественным»

³⁹ [Предисловие публикаторов] // Коцюбинский А. П., Коцюбинский Д. А. Григорий Распутин: тайный и явный. С. 340.

⁴⁰ Дневник А. А. Вырубовой // Минувшие дни. 1927. № 1. С. 5–76; 1928. № 2. С. 73–108; 1928. № 3. С. 89–120; 1928. № 4. С. 87–124.

⁴¹ См.: Сергеев А. А. Об одной литературной подделке. (Дневник А. А. Вырубовой) // Историк-марксист. 1928. № 8. С. 166–167 и др.

произведением, выдаваемым за дневник ближайшей подруги императрицы Александры Федоровны. Показательно, что во время публикации «Дневника» рос и тираж альманаха: с 50 тысяч почти до 100 тысяч экземпляров!

На сегодняшний день среди исследователей существует мнение, что и «Дневник Распутина» составили П. Е. Щеголев и А. Н. Толстой. Об этом, например, пишет Э. С. Радзинский — известный российский драматург и историк, среди книг которого, как мы знаем, есть и работа о сибирском страннике. Вспоминая о «Дневнике Вырубовой», Э. С. Радзинский подчеркивает, что огромный успех этого дневника, видимо, подсказал авторам идею новой работы — «Дневник Распутина» должен был стать продолжением «Дневника Вырубовой». Однако благодаря общительному (и часто пьяному) «красному графу» (т.е. А. Н. Толстому. — С. Ф.) история фальшивки перестала быть тайной, так что об издании «продолжения» нечего было и думать. И, возможно, тогда ценивший литературные мистификации Щеголев и отдал «Дневник Распутина» в архив — пусть полежит до лучших времен... И подделка осталась пылиться в архиве»⁴².

Однако при внимательном чтении этих двух «Дневников» замечаешь, что стилистика их авторов — различается. Одни и те же люди (либо один и тот же человек) не мог (не могли) быть авторами и «Дневника Вырубовой», и «Дневника Распутина». К тому же в бумагах А. Н. Толстого и в материалах П. Е. Щеголева не сохранилось никаких упоминаний (даже косвенных) о том, что они работали над «Дневником Распутина». Даже «красный граф», на общительность которого обращает внимание читателей Э. С. Радзинский, почему-то ничего не сказал о своем участии в подготовке нового «сенсационного источника». Не будем также забывать и того обстоятельства, что «Дневник Распутина» попал в государственный архив в первой половине 1920-х гг., т.е. задолго до того, как была осуществлена работа по подготовке «Дневника Вырубовой» и задолго до подготовки празднования 10-летия революции 1917 г.

Не будем забывать и того обстоятельства, что некоторые факты, изложенные в «Дневнике Распутина», находят косвенное подтверждение в других источниках, появление которых датируется временем, когда названный «Дневник» уже попал к советским архивистам. Для примера можно вспомнить случай, связанный с приемом в 1911 г. императором Николаем II петербургского митрополита Антония (Вадковского; 1846–1912). На аудиенции митрополит говорил о негативном влиянии Гр. Распутина, что вызвало недовольство Николая II. Об этой истории нам известно из воспоминаний председателя IV Государственной Думы М. В. Родзянко, опубликованных

⁴² Радзинский Э. Распутин: жизнь и смерть. М., 2005. URL: <http://e-libra.ru/read/139363-rasputin.html>.

впервые в середине 1920-х гг.⁴³ Однако об этой же истории мы можем узнать и из «Дневника Распутина», причем со слов самого «старца» (разумеется, пересказанных составителем названного «Дневника»⁴⁴). Совершенно ясно, что Родзянко не мог читать «Дневника Распутина», но точно так же ясно, что и его составители (Щеголев с Толстым или кто-то другой) не могли ознакомиться с мемуарами сановника раньше их появления в книжных магазинах Европы. Конечно, можно предположить, что у составителей «Дневника» были какие-то (в дальнейшем потерянные) «распутинские» материалы. Можно предположить также и то, что в данном случае имело место случайное совпадение. Конечно, бывает всякое, но версия — всегда всего лишь версия. Она не есть однозначный ответ на поставленный вопрос.

Впрочем, возвращаясь к критике «Дневника Распутина», следует признать, что его публикаторы — Д. А. Коцюбинский и И. В. Лукоянов с самого начала подчеркивали, что причина игнорирования этого документа большинством историков связано и с тем, что в нем слишком много фактов часто скандальных, не имеющих подтверждения в других источниках. Это — важное признание, которое, однако, специально не анализируется. Публикаторы поступают просто: указав на причину игнорирования, они вспоминают единственное (на 2003 г.) исключение — книгу православного исследователя О. А. Платонова, в которой «Дневник» «безапелляционно» называется фальшивкой. По мнению публикаторов, главным аргументом, согласно О. А. Платонову, служит то, что «Дневник» наполнен неприличными подробностями. Те, кто его составил, указывает О. А. Платонов, были законченными мерзавцами⁴⁵. Далее публикаторы разбирают мотивы этого критика, обращая внимание на неправильное использование слова «Солнышко»: в «Дневнике» его применяют по отношению к наследнику — цесаревичу Алексею Николаевичу, которого в царской семье называли «солнечный луч» («Солнышком») называли в семье императрицу Александру Федоровну).

Как бы то ни было, для публикаторов приводимые О. А. Платоновым аргументы «не выдерживают критики», что, впрочем, по их мнению, «еще не означает, что этот документ является подлинным»⁴⁶.

Разбирая затем вопрос о составителе «Дневника», Д. А. Коцюбинский и И. В. Лукоянов рассуждают об А. Н. Лапгинской, ближайшей сподвижнице «старца», умной женщине, умевшей хранить секреты. «Представить, что она “собирала компромат” на “старца”, — пишут они, — тайком и потенциально во вред ему, — абсолютно невозможно. Скорее всего, мы имеем дело

⁴³ Родзянко М. В. Крушение Империи // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. XVII. С. 35–36.

⁴⁴ Дневник Распутина. С. 393 (ГАРФ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 36. Л. 12).

⁴⁵ Платонов О. А. Жизнь за Царя. (Правда о Григории Распутине). СПб., 1996. С. 220.

⁴⁶ [Предисловие публикаторов]... С. 342.

с черновой заготовкой фактологического “сырья” для грядущего “жития”. А в том, что Распутин — святой, его поклонницы не сомневались⁴⁷. В соответствии с высказанной гипотезой и строится последующее рассуждение публикаторов: А. Н. Лаптинская была добросовестной стенографисткой, фиксировавшей все, что говорил ей Гр. Распутин, не добавляя что-либо от себя. При этом сохранившийся текст «Дневника», по их мнению, это материал переписанный, а возможно, и подвергнутый частичной редактуре. То, что редактурa не была доведена до конца и текст носит неоконченный и поверхностный характер, объясняется революционным лихолетьем. На вопрос, кто осуществлял первичную редактуру записанных Лаптинской монологов Распутина, публикаторы ответа не дают (но предположения высказывают).

Строя свои рассуждения, Д. А. Коцюбинский и И. В. Лукоянов указывают также на то, что еще одна копия «Дневника» — машинописная — сохранилась среди бумаг А. А. Вырубовой (ГАРФ. Ф. 623. Оп. 1. Д. 23). Логика публикаторов в данном случае весьма простая: А. А. Вырубова и А. Н. Лаптинская были хорошо знакомы, поэтому можно предположить, что записки, которые составляла А. Н. Лаптинская, были взяты после смерти «старца» А. А. Вырубовой. В условиях революции было не до записок, и, как предполагают составители, А. А. Вырубова могла передать их на хранение какому-нибудь преданному ей человеку. Впрочем, в конце концов хранившаяся у нее копия «Дневника» была изъята ЧК и в дальнейшем попала в ГАРФ⁴⁸.

Можно ли принять подобную версию публикаторов?

Только как версию, и причем весьма сомнительную.

Во-первых, если А. А. Вырубова передала кому-то «Дневник Распутина», то что у нее изъяли чекисты? Ведь в таком случае получается, что копий было как минимум три и что стало с третьей — неизвестно.

Во-вторых, если А. А. Вырубова, опасаясь за сохранность «Дневника» и постоянно пребывая в страхе за свою судьбу, передала копию доверенному лицу, то почему она не уничтожила оставшийся у нее экземпляр — ведь в глазах большевиков это был «компромат»?

Упоминание А. А. Вырубовой как хранительницы «Дневника Распутина» скорее запутывает, чем помогает решать проблему его аутентичности: ведь, как справедливо утверждают публикаторы, почитательница «старца» не могла хранить материалы, имеющие вид «грязного пасквиля». А ведь «Дневник Распутина» во многом напоминает собрание разных сведений, в том числе и весьма сомнительных в качестве материалов, которые-де собирали почитатели «старца» для будущей его канонизации. Сомнительными (а не «сенсационными», как пишут публикаторы) выглядят и сведения «Дневника»

⁴⁷ Там же. С. 345.

⁴⁸ Там же. С. 346–347.

о получении Гр. Распутиным во время Первой мировой войны денег от врагов России — немцев, равно как и упоминания о попытках императрицы Александры Федоровны втайне от императора Николая II подготовить заключение сепаратного мира с Германией.

Как видим, вопросов к «Дневнику Распутина» оказывается гораздо больше, чем ответов на них. С одной стороны, потенциальный фальсификатор не мог иметь под рукой в 1920-е гг. многих материалов, которые подтверждаются записями в «Дневнике», но, с другой — многие записи этого же «Дневника» ничем не подтверждаются и/или даже носят фантастический характер. Думается, все это заставило Д. А. Коцюбинского и И. В. Лукоянова, спустя пять лет, несколько скорректировать свои суждения о подлинности «Дневника» и по иному, чем в приложении к книге «Григорий Распутин: тайный и явный», расставить акценты.

На что обращали внимание читателей Д. А. Коцюбинский и И. В. Лукоянов в публикации «Дневника Распутина» 2008 г.?

Прежде всего отметим, что в этой публикации не упоминается год поступления «Дневника» в архив — говорится лишь о том, что он передан 14 марта некоему «товарищу Максакову»⁴⁹. Однако, судя по дальнейшему изложению, публикаторы не сомневаются в том, что «Дневник» в той редакции, которая попала в архив, был составлен в начале 1920-х гг. (или к началу 1920-х гг.). Ничего не пишут они и о копии, изъятой у А. А. Вырубовой. Собственно, и сам текст издаваемого «Дневника» они корректно называют копией, указывая, что «за такими “копиями” зачастую скрываются фальшивки»⁵⁰.

Таким образом, следует признать: Д. А. Коцюбинский и И. В. Лукоянов изначально ничего не утверждают, заявляя о необходимости настороженного отношения к «Дневнику». Повторяя ранее сказанное, они упоминают и фальшивый «Дневник Вырубовой», полагая, что данное обстоятельство следует учитывать при разговоре о публикуемом ими материале, «поскольку оба текста в ряде существенных моментов весьма перекликаются друг с другом». Оба «Дневника» имеют сходным образом оформленные титульные листы; состоят из отдельных и законченных сюжетов, не всегда связанных друг с другом; дублируют прозвища некоторых исторических персонажей; упоминают одни и те же факты, отсутствующие в других источниках. Наконец, в обоих текстах идейная матрица схожа⁵¹.

Но при этом Д. А. Коцюбинский и И. В. Лукоянов отмечают и существенные отличия: в «Дневнике Вырубовой» фактологической основой в значительной степени являются материалы, содержащиеся в стенографических

⁴⁹ Коцюбинский Д. А., Лукоянов И. В. Предисловие // Дневник Распутина. М., 2008. С. 6.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же. С. 7–8.

отчетах допросов и показаний, данных в 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства бывшими министрами и сановниками царского времени, а также в переписке последнего царя с супругой⁵². В «Дневнике Распутина», наоборот, значительно больше историй, не имеющих подтверждения в документальных публикациях. Кроме того, с точки зрения стиля «Дневник Распутина» более соответствует речевой стилистике «старца» и ни в чем не противоречит его психологическому облику. «Однако даже если исходить из того, что данный документ — ”апокриф”, — утверждают публикаторы, — это ни в коей мере не означает, что содержащаяся в нем информация не имеет под собой достоверной исторической канвы»⁵³.

Получается, что, не утверждая достоверность «Дневника» — как дневника Гр. Распутина, они не желают признавать изначальную ложность помещенной там информации. С этим утверждением трудно не согласиться, хотя и с одной существенной оговоркой: ведь и «Дневник Вырубовой» — доказанный фальсификат, имеет под собой историческую канву (правда, используемую крайне вульгарным, даже хамским образом). «Форма», как известно, достаточно тесно связана с «содержанием»: фальсификаторы не могли бы кардинально изменить приемы своей работы, использованные при подготовке первой литературной подделки, если захотели бы повторить свой сомнительный «успех» при подготовке второй. К сожалению, Д. А. Коцюбинский и И. В. Лукоянов не стали проводить детальную текстологическую экспертизу, сравнивая «Дневник Вырубовой» и «Дневник Распутина», ограничившись предположением о том, что многие сюжеты «Дневника Распутина» имели документальные подтверждения, впоследствии утраченные либо еще не обнаруженные исследователями⁵⁴.

Если согласиться с этим предположением, то следует признать возможным существование неизвестного нам первоисточника («прототекста»), с которым работали составители «Дневника Распутина». Но важно не только это. По мнению публикаторов, «Дневник Распутина» представляет собой «историко-психологическое целое», а не мозаику из небылиц, использованных в пропагандистских или коммерческих целях. Но ведь «Дневник Вырубовой» был создан именно в пропагандистских целях! Следовательно, мотивация, заставившая П. Е. Щеголева и А. Н. Толстого написать его, не применима к «Дневнику Распутина». Значит, указанные авторы не должны рассматриваться как его создатели.

Кто же тогда?

⁵² См.: Падение царского режима. М.; Л., 1924–1927. Т. 1–7; Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Л., 1923–1927. Т. 3–5.

⁵³ Коцюбинский Д. А., Лукоянов И. В. Предисловие. С. 10.

⁵⁴ Там же. С. 11.

Д. А. Коцюбинский и И. В. Лукоянов вновь вспоминают А. Н. Лаптинскую, вполне обоснованно указывая, что упоминание ее как «стенографистки», записывавшей речения Гр. Распутина, потенциальным фальсификаторам было невыгодно: в ближайшем окружении «старца» было много образованных женщин, в том числе и М. Е. Головина («Муня»), готовившая к публикации изречения Распутина еще при его жизни. Поставив вопрос о том, почему именно А. Н. Лаптинская фигурирует в качестве особы, записывавшей слова «старца», публикаторы «Дневника Распутина» ответа на него не дают, задаваясь другим: зачем Гр. Распутину было нужно рассказывать о себе, о своих близких, о своих отношениях с царской семьей кому бы то ни было?

Ответ на этот вопрос Д. А. Коцюбинский и И. В. Лукоянов связывают с оценкой психологического состояния «старца». Этой оценке посвящено немало страниц их «Предисловия». Итог однозначен — публикаторы констатируют психологическую потребность Гр. Распутина «в надиктовке внутренне раскрепощенных откровений “житийного толка” близкому человеку», якобы вытекавшую из тех обстоятельств и того душевного состояния, в которых оказался сибирский странник в последние два года жизни⁵⁵.

Попытавшись доказать, что потребность «надиктовывать» воспоминания у Гр. Распутина была, публикаторы тем не менее парадоксальным образом констатировали, что ответа на вопрос о существовании подобных записей и их возможного отношения к «Дневнику Распутина» пока не имеется. В таком случае вполне закономерно другое вопрошание: какой смысл говорить о теоретической возможности подобной «надиктовки», если «Дневник Распутина» с ней может связываться только гипотетически?

Очевидно, понимая некоторую ущербность своих заключений, публикаторы в конце заявляют, что спор о том, является ли «Дневник Распутина» подлинным документом или подделкой, на сегодняшний день не завершен. «Однако, — продолжают они, — чем бы ни завершился этот диспут, ясно одно: “Дневник Распутина” в любом случае вызывает беспорядный интерес — в первую очередь благодаря обилию фактов и сюжетов, не имеющих аналогов в известных на сегодня литературных документах». Даже если признать «Дневник Распутина» произведением литературных мистификаторов, то и в этом случае следует дать высокую оценку степени их погруженности в тему и отдать должное их таланту⁵⁶. Резюмируя, Д. А. Коцюбинский и И. В. Лукоянов, утверждают, что этот «Дневник» можно рассматривать «не просто как возможный опыт исторической мистификации, но как своеобразный исторический источник, требующий тщательной проверки»⁵⁷.

⁵⁵ Там же. С. 32.

⁵⁶ Там же. С. 33.

⁵⁷ Там же. С. 34.

Указание на необходимость «тщательной проверки» этого «своеобразного исторического источника» следует особо подчеркнуть: получается, что публикаторы «Дневника Распутина» вовсе не утверждают факт его подлинности (т.е. его составление А. Н. Лаптинской или кем-либо другим). Они обращают внимание на то, что это — интересный источник, даже если признать безусловно доказанным то, что его составили уже после смерти Гр. Распутина неизвестные литературные мистификаторы. С последним трудно спорить: действительно, «Дневник» представляет определенный интерес — и для социальных психологов, и для профессиональных текстологов, и для историков, изучающих формирование и распространение мифов. Подводя общие итоги, я еще вернусь к этому обстоятельству, сейчас же хочу заметить иное: сам факт публикации «Дневника Распутина» вызвал появление резких по форме критических публикаций, в которых Д. А. Коцюбинского и И. В. Лукоянова называли современными «Щеголевыми», т.е. обвиняли в сознательной фальсификации. Наиболее четко это обвинение прозвучало в статье православного историка и публициста С. В. Фомина. Статья, называвшаяся «Дневников Распутина не существует», была опубликована на сайте «Русский монархист», не в последнюю очередь созданного для пропаганды «святости» Гр. Распутина⁵⁸.

Статью С. В. Фомин начинает с цитаты А. Н. Боханова, резко и однозначно заявляющего: «никакого дневника Распутина не существует», а существует «только фальшивка, которая хранится в Государственном архиве Российской Федерации». Далее С. В. Фомин цитирует аннотацию книги «Дневникъ Распутина», составленную Д. А. Коцюбинским и И. В. Лукояновым, а также анонс этой книги, опубликованный в 2008 г. на сайте петербургского «Дома книги», где в свое время состоялась официальная презентация «Дневника». Собственно говоря, статья С. В. Фомина — скорее собрание цитат, которые должны показать, что издание — факт вопиющий, свидетельствующий об изначальном замысле Д. А. Коцюбинского и И. В. Лукоянова ввести в исторический оборот, легализовав, то, что никакого отношения к Гр. Распутину не имело и иметь не могло. «О времена, о нравы! — восклицает С. В. Фомин. — И ведь не стыдятся люди, облеченные научными степенями, ради сомнительной славы и денег публиковать фальшивку»⁵⁹. Он не анализирует аргументы критикуемых им публикаторов, которые вовсе не убеждены в подлинности «Дневника». Да, на многие вопросы они не дают ответа, но цели «очернить» сибирского странника, равно как и получить лавры современных «Щеголевых и Толстых» у них очевидно не было. Однако для почитателей «старца» уже

⁵⁸ Фомин С. Дневников Распутина не существует // Русский монархист. URL: <http://www.ruskmir.ru/2015/09/dnevnikov-rasputina-ne-sushhestvuet/>.

⁵⁹ Там же.

то, что «Дневник Распутина» увидел свет — событие исключительное, которое они оценивают резко негативно.

Иначе писал о публикации Д. А. Коцюбинского и И. В. Лукоянова московский историк Ф. А. Гайда. В академическом журнале «Российская история», в 2012 г., была опубликована его статья, посвященная «Дневнику». Историк справедливо замечает, что в аннотации к изданию 2008 г., как и ранее в аннотации к книге 2003 г., «упорно указывалось, что “дневник” принадлежит именно Распутину». Почему публикаторы в 2008 г. решили оставить это сомнительное утверждение, судить трудно (особенно учитывая, что в предисловии они так однозначно не говорили). Но дело было не только в этом. Важнее иные обстоятельства, на которые обратил внимание Ф. А. Гайда. Прежде всего, в книге 2003 г., в приложении к которой «Дневник Распутина» (в несколько сокращенном виде) был опубликован, обстоятельного источниковедческого анализа документа не проводилось — излагалась лишь краткая версия его происхождения. Нет также никаких оснований утверждать, будто фрейлина императрицы А. А. Вырубова что-либо знала о «Дневнике Распутина». Хотя его машинописная копия хранится ныне в ее личном фонде в ГАРФ, но неизвестно, как и когда он туда попал.

Рассуждая далее, Ф. А. Гайда указал и на то, что все, касающееся «происхождения рукописной копии, вовсе относится к области догадок и домыслов». Историк, сравнив публикации 2003 и 2008 гг., отметил также, что «структура “дневника” в этих публикациях совершенно разная. Если первый (сокращенный) вариант построен по хронологии и представляет собой целостное повествование с изредка обозначенными в тексте купюрами (которые, кстати, практически никак не соответствуют полной версии), то “дневник”, изданный в 2008 г., — это разнородные фрагменты, расположенные в совершенно ином порядке и без соблюдения хронологической последовательности». Не забывает он отметить и то, что «Дневник» изобилует скандальными «фактами» и «сведениями», которые не подтверждаются никакими иными источниками. Для него ясно, что считаться подлинным дневником Распутина опубликованный Д. А. Коцюбинским и И. В. Лукояновым материал не может, что такого дневника нет⁶⁰.

Однако, справедливости ради, следует вновь напомнить, что в предисловии 2008 г. Д. А. Коцюбинский и И. В. Лукоянов не характеризовали «Дневник Распутина» однозначно как *дневник Распутина*. Публикаторы оставили вопрос о его подлинности открытым. Но проблема, как мне представляется, в том и состоит, что для большинства их коллег *это не вопрос*: они воспринимают «Дневник Распутина» как фальшивку. Скорее всего, эти исследователи правы.

⁶⁰ См. подр.: Гайда Ф. А. О «дневнике Распутина» // Российская история. 2012. № 5. С. 203–205.

Следует ли из заявленного, что «Дневник» не стоило публиковать, что о нем надо было «забыть», а не включать в качестве источника в исторический оборот?

Такая постановка вопроса кажется мне неверной. Безусловно, «Дневник Распутина» — это интереснейший и важный источник по истории восприятия Григория Распутина современниками. Даже если встать на ту точку зрения, что он был создан в первой половине 1920-х гг. с целью компрометации «Друга Царей» (как с такой же целью был создан и «Дневник Вырубовой»), то и в этом случае мы должны признать: текстологический анализ «Дневника Распутина», равно как и анализ фактологический, позволяют нам лучше разобраться в социально-психологических аспектах русской революционной драмы, посмотреть на нее через призму «кривого зеркала» — тенденциозно собранного материала.

Этот материал, безусловно, имеет историческое значение, помогая не реконструировать реальную жизнь сибирского странника, а изучать формирование мифа о нем. Становление и утверждение мифа (в нашем случае — *распутинского мифа*) — задача, безусловно, историческая. Ее решение требует понимания мотивации и друзей Гр. Распутина, и его врагов.

Но были ли составители «Дневника» его врагами?

Ответить четко и однозначно не получается. Мы даже не можем точно утверждать, был ли один «автор» или было несколько «авторов». Текст «Дневника» следует признать странным — и по содержанию, и по целям. Для чего его составляли? Для будущей «канонизации» сибирского странника?

Вряд ли. На его страницах так много скабрёзных историй, связанных с Гр. Распутиным, что нельзя не усомниться в подобной мотивации.

Тогда, может быть, для дискредитации (ибо, дискредитируя «Друга Царей», неизбежно дискредитировали и царскую семью)?

Допустим, но тогда встает новый вопрос: почему «Дневник» не опубликовали в 1920-е гг.? Только ли потому, что ранее оказался разоблаченным «Дневник Вырубовой»?

Не очевидно, поскольку этот «Дневник» увидел свет в конце 1927 — начале 1928 г., а интересующий нас «Дневник Распутина», судя по тексту (в котором нашли отражение языковые нормы 1920-х гг.), составлялся в первой половине 1920-х гг. и в конце 1920-х уже находился в архиве. «Дневник Распутина» невозможно однозначно назвать ни обличением, ни апологией «старца». Поэтому понять мотивацию его составителей непросто. Понятно, правда, что ни П. Е. Щеголев, ни А. Н. Толстой не были его составителями, несмотря на совпадения некоторых сюжетов и имен, «дневники» А. А. Вырубовой и Г. Е. Распутина были составлены иными людьми. Кто они — загадка. Ясно только, что прямого отношения к жизни реального человека — Григория Ефимовича Распутина — «дневник», названный по его имени, не имеет.

Однако история — это не только описание «реалий», это не в меньшей степени их восприятие. Понять восприятие известного исторического лица в определенный исторический момент — значит постараться понять время, в которое он жил. «Дневник Распутина» позволяет нам узнать не столько жизнь «старца», сколько его время, представления о нем современников — почитателей и хулителей. И, главное, «Дневник Распутина» дает нам ключ к пониманию того, что выше я назвал «распутинским мифом», мифом, который начал формироваться еще при жизни «старца» и распространялся в течение многих лет после его смерти. Именно поэтому, повторю, «Дневник Распутина» следует признать ценным источником.

* * *

Как уже неоднократно говорилось, описанием и изучением жизни и характера Гр. Распутина, его влияния на политическую жизнь России и на судьбу Царской Семьи в наше время занимаются много и активно. «Старец» не перестает интересовать и отечественных, и западных исследователей. Работ, ему посвященных, множество, мемуарные свидетельства и документы, связанные с его судьбой, за последние три десятилетия многократно переиздавались. Достаточно вспомнить четырехтомник «Григорий Распутин. Сборник исторических материалов», вышедший в издательстве «Терра» в 1997 г. В первый том вошли воспоминания государственных и общественных деятелей: великого князя Александра Михайловича, князя Н. Д. Жевахова, графа В. Н. Коковцова, М. В. Родзянко и других. Во второй том — писателей, военных, иностранных дипломатов, «личного секретаря» Гр. Распутина Арона Симановича, поклонниц «старца» и некоторых других лиц. В третьем томе публикаторы поместили «психологическое» исследование публициста Н. Н. Евреинова, воспоминания А. А. Вырубовой и (следом) — фальшивку «Дневник Анны Вырубовой», сочиненную П. Е. Щеголевым и А. Н. Толстым. Завершался сборник четвертым томом, включавшим как воспоминания непосредственных участников убийства Гр. Распутина, так и воспоминания некоторых современников, писавших о сибирском страннике, в том числе З. Н. Гиппиус и А. А. Блока.

К тому времени те, кто интересовался «распутинской темой», с большинством этих текстов, равно как и с некоторыми другими материалами, имели возможность познакомиться. К примеру, уже в 1990 г. вышел объемный сборник «Григорий Распутин в воспоминаниях участников и очевидцев: Из материалов Чрезвычайной комиссии Временного правительства», в котором были записки бывшего иеромонаха Илиодора (Труфанова), почитательниц «старца» Е. Ф. Джанумовой, А. А. Вырубовой и О. В. Лохтиной, а также крупного полицейского чиновника С. П. Белецкого, правого депутата

Государственной Думы В. М. Пуришкевича и последнего царского министра внутренних дел А. Д. Протопопова⁶¹.

В 1990 годы 100-тысячным тиражом вышла и другая книга с нарочито вызывающим названием: «Житие блудного старца Гришки Распутина», большая часть которой была отдана запискам Илиодора (Труфанова) и исследованию И. Ковыль-Бобыля, выполненному на основании печатавшихся в 1910-х гг. статей русской периодической печати и впервые опубликованному в 1917 г. под названием «Вся правда о Распутине». Три заключительных публикации представляли собой очерк П. Ковалевского «Гришка Распутин» (тоже опубликованного впервые в 1917 г.), «Дневник Владимира Пуришкевича» и воспоминания князя Ф. Ф. Юсупова «Конец Распутина»⁶².

Кстати сказать, 1990 г. стал годом, по большому счету открывшим советскому читателю Гр. Распутина. Именно тогда и в сборниках, и отдельными книгами выходили исторические свидетельства причастных к убийству Гр. Распутина лиц, отрывки из воспоминаний о «старце» А. А. Вырубовой, репринтные издания многократно упоминавшегося Илиодора и т. д. Следует отметить, что «открывали» Гр. Распутина преимущественно таким образом, чтобы вновь показать его «роковую роль», подчеркнуть его «разврат» и «пьянство». Он предстал в образе «святого чёрта», сгубившего и себя, и династию (неслучайно даже отрывок воспоминаний А. А. Вырубовой был «прокомментирован» статьёй советского историка А. Я. Авреха «Распутин и распутищина»⁶³).

В 1990 г. тиражом в 100 тысяч экземпляров была выпущена и упоминавшаяся выше брошюра Н. Н. Евреинова «Тайна Распутина», что случайным также считать было бы неправильно. Неслучайным было и переиздание в 1990 г. 30-тысячным тиражом скандальных мемуаров «секретаря» Гр. Распутина А. С. Симановича — «Распутин и евреи», доверять которым, по словам отечественного историка Г. З. Иоффе, может «только “самый глупый дурак”»⁶⁴.

Тогда же вышел в свет и сборник «Григорий Распутин в воспоминаниях современников», среди составителей которого был тюменский историк и краевед А. В. Чернышов⁶⁵. Он попытался преодолеть «разоблачительные» тенденции, безоговорочно господствовавшие в отечественной историографии

⁶¹ Григорий Распутин в воспоминаниях участников и очевидцев: Из материалов Чрезвычайной комиссии Временного правительства. М., 1990.

⁶² Житие блудного старца Гришки Распутина. М., 1990.

⁶³ См.: Аврех А. Я. Распутин и распутищина // Танеева-Вырубова А. А. Распутин. М., 1990. С. 21–31.

⁶⁴ Симанович А. Распутин и евреи. Воспоминания личного секретаря Григория Распутина. Ашхабад, 1990. В 1991 г. его воспоминания, уже 100-тысячным тиражом, были выпущены московским издательством «Советский писатель».

⁶⁵ Григорий Распутин в воспоминаниях современников. Сб. / Сост., вступ. ст., примеч. и библиогр. А. В. Чернышова, Н. С. Половинкина. М.; Тюмень, 1990.

многие десятилетия, и показать всю сложность и неоднозначность фигуры «старца». Восемь лет спустя, продолжая заниматься изучением его жизни, А. В. Чернышов выпустил новый сборник: «Григорий Распутин: человек-легенда. Реальность и вымысел»⁶⁶. В этом сборнике были опубликованы как статьи, появившиеся в повременной печати 1910-х гг., так и работы современных публицистов и историков, занимавшихся «распутинской» темой. В определенной степени этот сборник можно назвать чрезвычайно информативным источником, содержащим публикации предреволюционного времени, ранее труднодоступные широкому читателю.

Интерес к «старцу» в 1990-е гг. не ослабевал: материалы о нем появлялись в печати регулярно⁶⁷. Публиковались и переводные работы западных исследователей: в 1994 г., например, в С.-Петербурге была опубликована книга Р. Фюлэп-Миллера «Святой дьявол. Распутин и женщины», впервые изданная в Германии в 1927 г.⁶⁸ Книга Р. Фюлэра-Миллера представляла собой нечто среднее между романом и публицистикой, само название которой свидетельствовало об изначальной оценке, даваемой автором своему герою. Для автора с самого начала все было очевидно, устоявшиеся в дореволюционное время в русском образованном обществе представления о Гр. Распутине он не пересматривал. В какой-то степени эту книгу можно считать своеобразной иллюстрацией к художественному фильму Э. Климова (разумеется, с некоторыми идеологическими поправками).

В то же самое время на прилавках отечественных магазинов, включая церковные, можно было увидеть и книги апологетического характера, составленные иностранцами. Так, в 1997 г. Российское отделение Валаамского общества Америки издало книгу Ричарда (Фомы) Бэттса «Пшеница и плевелы», в которой автор попытался дать «беспристрастную» характеристику Гр. Распутина, безусловно ему симпатизируя и выступая своеобразным историческим «адвокатом» последнего⁶⁹. В подобной роли, вольно или невольно, выступали тогда и отечественные публицисты, в частности И. В. Евсин — составитель брошюры «Оклеветанный старец»⁷⁰ и Ф. Н. Козырев — автор книги «Распутин, которого мы потеряли»⁷¹.

⁶⁶ Религия и Церковь в Сибири: сборник научных статей и документальных материалов. Тюмень, 1998. Вып. 11: Григорий Распутин: человек-легенда. Реальность и вымысел. Сборник материалов / Сост., коммент. и примеч. А. В. Чернышов.

⁶⁷ См., напр.: Я встречалась с Григорием Распутиным. М., 1993 (репринтное издание 1917 г.).

⁶⁸ Фюлэп-Миллер Р. Святой дьявол. СПб., 1994.

⁶⁹ Бэттс Р. Пшеница и плевелы. Беспристрастно о Г. Е. Распутине. М., 1997.

⁷⁰ Оклеветанный старец. (Исторические свидетельства о Г. Е. Распутине). Автор-составитель И. В. Евсин. Рязань, 2001.

⁷¹ Козырев Ф. Н. Распутин, которого мы потеряли. СПб., 2011.

Впрочем, среди писавших о Гр. Распутине православных исследователей были и те, кто пытался противостоять подобным тенденциям, вступая в острую полемику с теми, кто не желал видеть в «старце» отрицательного героя русской драмы. Одним из таких исследователей был нижегородский историк И. В. Смыслов, для которого монархическая идея вовсе не была пустым звуком. В книге «Г. Е. Распутин: Знамение погибшего царства», представляющей собой часть фундаментальной его работы «Царский путь. Размышления о канонизации Царской семьи», И. В. Смыслов выступает против признания Гр. Распутина старцем и тем более святым. Заканчивая работу, автор восклицает, что «нам остается лишь молиться и надеяться, что наша Русская Православная Церковь не пойдет вслед за теми, кто, подобно “богородичникам”, давно подвигается на поприще культивирования “праведников нового типа”, которые, являясь знамением своего времени, несомненно, будут ревностными служителями “отца своего” — отца лжи, дьявола (Ин. 8, 44)»⁷². Обращая внимание на название работы и ее концовку, трудно не понять, как оценивает православный автор сибирского странника, служителем *кого* его считает.

Впрочем, вновь возвращаясь к публикациям, связанным с Гр. Распутиным, нельзя не отметить, что постсоветский период стал временем не только републикаций прежних материалов, но и обнародования новых, ранее неизвестных исследователям документов и воспоминаний. Среди последних были чрезвычайно информативные мемуары племянницы знаменитого ученого Н. Е. Жуковского — В. А. Жуковской, которые появились на страницах «Российского архива» в 1992 г.⁷³

Молодой литератор В. А. Жуковская познакомилась с известным знатоком сектантства А. С. Пругавиным и рассказала о своем интересе к нетрадиционным формам религиозного сознания (вызванном якобы замыслом нового романа). Найдя в А. С. Пругавине заинтересованное лицо и благожелательно принятая в доме Гр. Распутина, В. А. Жуковская стала для ученого источником информации о жизни «старца». В результате сам А. С. Пругавин написал документальную повесть, посвященную «старцу» и его окружению. В 1915 г. текст был опубликован в журнале «Русская иллюстрация» под названием «Около старца», где В. А. Жуковская была представлена под именем Ксении Владимировны Гончаровой. Отдельное издание было осуществлено в 1916 г. и называлось «Леонтий Егорович и его поклонницы». На тираж был наложен арест, но вскоре после Февральской

⁷² Смыслов И. В. Г. Е. Распутин: знамение погибшего царства. М., 2002. С. 97.

⁷³ Жуковская В. А. Мои воспоминания о Григории Ефимовиче Распутине, 1914–1916 гг. / Публ., [вступ. ст. и примеч.] Т. Латыповой // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 1992. Т. II–III. С. 252–317.

революции автору удалось издать эту брошюру вновь — под названием «“Старец” Григорий Распутин и его поклонницы». Показательно, что эта работа знаменитого историка-религиоведа также была переиздана в 1990-е гг. (хотя и ограниченным тиражом)⁷⁴.

В 2000 г. издательство «Захаров» опубликовало воспоминания дочери сибирского странника — Матрёны Григорьевны. В предисловии («От издателя») И. В. Захаров рассказал о том, как он приобрел рукопись, кому она принадлежала до того, как попала к нему, указав, что именно он разбил текст на главы и подглавки, дал им названия. Воспоминания дочери не стали, однако, сенсацией — и для скептиков, не желающих менять традиционно отрицательное отношение к Гр. Распутину, и для его апологетов и «реабилитаторов». Книга изобилует сплетнями, очень часто двусмысленными; о большинстве тех, с кем общался ее отец, М. Г. Распутина пишет по преимуществу негативно. При этом она пытается представить читателям своего отца если не как «святого», то уж, без сомнения, как «праведного». Можно сказать, что воспоминания М. Г. Распутиной являются скорее собранием доказательств «от противного»: о Гр. Распутине говорили плохо те, кто сам был плох.

В связи с этим представляет социально-психологический интерес утверждение безусловной почитательницы «святого великомученика Григория» — Т. И. Гроян, в «кратком послесловии» к книге о Гр. Распутине заявлявшей, что цитирование ею выдержек из воспоминаний дочери «старца» «не является безоговорочным доверием ко всей книге в целом; определенные ее части, на наш взгляд, — продолжала она, — целиком ложны, в особенности главы, относящиеся к Царской Семье. Обращаясь к данной книге, мы предполагаем, что авторы использовали фрагменты *истинных* воспоминаний Матрены Григорьевны (1898–1977), нанизав на них измышления; но верующее сердце способно отличить правду от лжи. Кроме того, мы руководствуемся желанием очистить имя любимой дочери Старца от очередной попытки вовлечь его в клевету на Святую Царскую Семью и Мученика Григория»⁷⁵. Как видим, помочь отличить правду от вымыслов и очистить имя Матрены Григорьевны от попытки вовлечь его в клевету на Царскую Семью может лишь верующее сердце! Добавить к этому ничего нельзя, да лучше и не скажешь!

В отличие от Т. И. Гроян, С. В. Фомин, также глубоко почитающий «старца», полагает, что книга, изданная в 2000 г. издательством «Захаров», — фальшивка⁷⁶. В 2012 г., продолжая публикацию материалов о Гр. Распутине,

⁷⁴ Пругавин А. С. Старец Григорий Распутин и его поклонницы. Самара, 1993.

⁷⁵ Гроян Т. Мученик за Христа и за Царя... С. 639.

⁷⁶ Подлинный Распутин // Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба. Православие. Самодержавие. Народность. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2012/09/08/podlinnyj_rasputin.

он составил и выпустил в свет сборник «Дорогой наш отец», в котором поместил и переводные воспоминания М. Г. Распутиной, впервые опубликованные на французском языке в 1925 г.

Впрочем, в данном случае важнее отметить даже не то, что С. В. Фомин отказывался признать истинность «захаровских» воспоминаний М. Г. Распутиной, а то, что и в XXI веке вопрос о том, какие материалы о «старце» считать истинными, а какие — подложными продолжал оставаться актуальным для ревнителей его памяти. Удивления это не вызывает (было бы странно, если бы было по-другому), но лишний раз свидетельствует: почитатели «старца» через призму его личности смотрят на последние предреволюционные годы русской истории, оценивая деятелей последнего царствования с точки зрения их отношения к Гр. Распутину и Гр. Распутина к ним.

Не касаясь этого с этической точки зрения, хотелось бы заметить, что подобный взгляд неизбежно приводит к мифологизации «старца», признавая правду лишь за той стороной, которая его поддерживала (или, по крайней мере, не боролась против него). Убеденного трудно переубедить: он «знает» историческую «истину», в его цели не входит ее «познание». Доказательства собираются только для того, чтобы тезис, давно усвоенный самим, внушить другим, еще не «просвещенным». Поэтому, полагаю, позицию современных «реабилитаторов» сибирского странника можно (понятно, с заметной долей условности) сравнить с деятельностью идеологических миссионеров, просвещающих тех, кто пребывает «во тьме неведения».

Совершенно иначе пытались показать Гр. Распутина и рассказать о нем такие исследователи, как петербургский историк А. В. Терещук и московский литературовед А. Н. Варламов. Книга первого вышла в издательстве «Вита Нова» в 2006 г., книга второго — в «Молодой гвардии» (серия ЖЗЛ) год спустя. А. В. Терещук стремился представить биографию «старца» не как биохронику, справедливо отмечая, что многие страницы жизни Гр. Распутина восстановить невозможно, а как историю жизни человека в контексте его времени, когда «Россия была поражена болезнью разрушения» и когда в российском обществе были широко распространены апокалиптические настроения. Для историка сибирский странник, безусловно, не святой, но вовсе не безусловно был ли он «злодеем»⁷⁷. С этой целью он рассматривает не только основные вехи жизни Гр. Распутина, но и всё, что так или иначе было связано с его восприятием мира и веры, а также окружавших его «друзей» и «врагов». Для А. В. Терещука несомненно, что посмертная судьба «старца» оказалась намного протяженнее его земного пути. И хотя о «посмертной судьбе» в книге специально не говорится, предпринятая попытка реконструкции его жизни позволяет понять причины

⁷⁷ Терещук А. Григорий Распутин: последний «старец» Империи. СПб., 2006. С. 11.

парадоксального восприятия сибирского странника — и современниками, и потомками.

Со своей стороны, А. Н. Варламов в огромной своей работе, скрупулезно собрав колоссальный фактологический материал, показывает, как формировалась и распространялась «распутинская легенда», пытаясь дать объяснение того, почему она затронула не только «легкомысленную толпу» и «светскую чернь», но и представителей Православной Российской Церкви. Историческую реальность А. Н. Варламов ни хулит, ни приукрашивает, справедливо полагая, что Гр. Распутин — одна из самых трагических фигур русской истории. «Он не был святым, как и не был и чёртом, но его судьба сложилась таким образом, что он оказался историческим соблазном и испытанием, выдержать которые Россия, к несчастью, не смогла. Ни общество, ни Синод, ни Царская Семья... Ни монархисты, ни республиканцы, ни консерваторы, ни либералы. Ни политики, ни депутаты, ни писатели, ни читатели. Ни современники, ни, похоже, их потомки». Не желая судить о степени личной ответственности сибирского странника, А. Н. Варламов тем не менее утверждает: через него прошел один из самых страшных разломов русской жизни, последствия которого сказываются и по сей день. Вспоминая евангельскую фразу о том, что «невозможно не придти соблазнам, но горе тому, через кого они приходят» (Лк 17: 1), автор полагает возможным отнести их («в известной мере») и к Гр. Распутину⁷⁸.

Но ведь «соблазнитель», пусть даже и невольный, непременно должен осуждаться, а если использовать церковный язык — и соответствующим образом называться. В таком случае деятельность Гр. Распутина следует признать шедшей «от лукавого», главного «соблазнителя» в мире сем. Так невольно мы приходим к необходимости вновь и вновь задаваться вопросом, следует ли обращать преимущественное внимание на «соблазнительные» факты жизни «старца», объяснять и/или осуждать их либо пытаться проанализировать восприятие этих фактов, конечно, с учетом того, что на него оказывало существенное влияние социально-психологическая обстановка, сложившаяся в России начала XX века?

Однозначного ответа на поставленный вопрос у меня нет, тем более, что и ныне современная социально-психологическая обстановка существенным образом влияет на наше отношение к прошлому, к той России, которая погибла в 1917 г. Гр. Распутин был порожден *своим временем*, если угодно — был человеком *своего времени*. Даже если самонадеянно утверждать, что он — один из главных непосредственных виновников революции, то невозможно не сказать и о другом немаловажном обстоятельстве: он и первая ее жертва.

⁷⁸ Варламов А. Григорий Распутин-Новый. М., 2007. С. 717–718, 786.

* * *

В связи со сказанным следует вновь задуматься над тем, нужно ли снова обращаться к личности сибирского странника, собирать и публиковать материалы, ему посвященные (тем более, что публикаций — как про, так и contra — за минувшие годы было издано достаточно)?

На мой взгляд, в условиях мифологизации исторического сознания, стремления в очередной раз пересмотреть прошлое, кардинально поменяв оценочные знаки и даже представить Гр. Распутина «праведником» и «святым», оклеветанным врагами России, выпуск антологии, посвященной истории формирования *легенды о Распутине*, и оправдана, и востребована. В антологии показано, как, начиная с первых публикаций о сибирском «старце» (т.е. с 1910-х гг.), постепенно складывался миф о всесильном «Друге Царей», как этот миф обрастал разного рода подробностями, зачастую фантастического свойства, и, наконец, как этот миф оказался питательной средой для создания литературного образа, подменившего собой реального человека, превратившегося в символ. Для одних это был символ «гнилости» и «распада» существовавшей власти, для других — символ праведности и верности.

Еще в 1920-е гг. князь Н. Д. Жевахов, человек крайне правых убеждений, лично знавший Гр. Распутина, цитируя слова петроградского митрополита Питирима (Окнова), писал: «“Распутин” — имя нарицательное, специально предназначенное для дискредитирования Монарха и династии в широких массах населения. Носителем этого имени мог быть всякий близкий ко Двору человек, безотносительно к его достоинствам или недостаткам. Идея этого имени заключается в том, чтобы подорвать доверие и уважение к личности Монарха и привить убеждение, что Царь изменил Своему долгу перед народом и передал управление государством в руки проходимца»⁷⁹.

В этом, думается, и заключалась суть проблемы: если бы Распутина не было, то его нужно было бы выдумать. Другое дело, что «выдумали» его не случайно, и к тому же «вовремя» и «к месту». «Самый литературный герой русской истории», Гр. Распутин оказался *de facto* поглощенным мифом о самом себе. Насколько этот миф соответствовал «психологии момента» — и до 1917 г., и в советский период, и в посткоммунистической России, насколько время влияло на трансформацию личности нашего героя — эти вопросы и предполагается рассмотреть в антологии, поместив на ее страницах соответствующие тексты.

Антология состоит из *шести* разделов, первый из которых — «*Образ сибирского странника в дореволюционной и революционной публицисти-*

⁷⁹ Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода князя Н. Д. Жевахова. М., 1993. Т. 1. Сентябрь 1915 — март 1917. С. 106.

ке» — представляет собой собрание публикаций известных и неизвестных ныне авторов, которые составляли свои статьи по слухам и сплетням, часто пользуясь недостоверной или не вполне проверенной информацией. Ряд авторов скрывали свои имена, подписываясь инициалами. Расшифровать некоторые из них, к сожалению, не удалось. Среди писавших о «старце» до революции были люди разных политических и идеологических направлений — от идейных монархистов, протестовавших против влияния «темных сил» на церковные дела (в частности, М. А. Новосёлов), до марксистов-ленинцев (таких, например, как крупный знаток русского сектантства В. Д. Бонч-Бруевич). Из тех, кто до 1917 г. пытался нарисовать портрет Гр. Распутина, были: либеральный журналист А. В. Руманов; любитель сенсаций петербургский корреспондент В. Б. Дувидзон (писавший под псевдонимом Вениамин Борисов); парадоксальный мыслитель В. В. Розанов; историк сектантства А. С. Пругавин. Выдержки из их работ, а также из работ некоторых других дореволюционных авторов (в том числе и знаменитого ученого В. М. Бехтерева) помещены в первой части антологии. Их ценность следует видеть прежде всего в том, что их писали *пристрастные современники*, видевшие в Гр. Распутине неординарную личность, хотя и оценивали эту неординарность исходя из собственных идейных установок.

Завершает первый раздел обширный отрывок из книги Л. Г. Жданова «Николай Последний», написанной и изданной весной 1917 г. Замечательный образчик «бульварной литературы», книга Л. Г. Жданова дает представление о том, как писали о Гр. Распутине либеральные публицисты, даже не замечавшие (или делавшие вид, что не замечают) совершаемой подмены: для них «старец» был не столько «порочным человеком», сколько символом павшего «порочного» и «прогнившего» строя. Весь набор грязных слухов и домыслов здесь представлен настолько ярко, что публиковать еще какие-либо «откровения» о сибирском страннике, увидевшие свет в 1917 г., я посчитал излишним. Стоит лишь отметить, что в 1917 г. личность Гр. Распутина максимально демонизировалась. Многие слухи и сплетни о нем, появившиеся тогда на страницах бульварных изданий, в дальнейшем обрели силу «исторических фактов», послужив основанием для конструирования его мифологизированного образа.

По моему мнению, первый раздел антологии наиболее важен для того, чтобы лучше понять, как складывался *распутинский миф*, насколько он влиял на восприятие современниками сибирского странника, почему это восприятие в большинстве случаев было негативным. Комментировать данные работы значит, по существу, развернуто излагать биографию Гр. Распутина, что, на мой взгляд, не имеет смысла при наличии относительно недавно изданных книг (например, упоминавшихся выше А. В. Терещука и А. Н. Варламова). Более правильным представлялось дать краткие биографии лиц, о которых

шла речь в статьях и очерках дореволюционных авторов — журналистов, публицистов, писателей и исследователей, а также, если представлялась возможность, — и о самих авторах.

Второй раздел антологии — *«Григорий Распутин: материалы к социально-психологическому портрету. (Советский и постсоветский периоды)»* — содержит статьи авторов, пытавшихся нарисовать образ «старца», используя не только методы исторического анализа, но и привлекая достижения фрейдизма (Н. Н. Евреинов), медицины, а также используя религиозно-философский подход. Помимо хорошо известной работы Н. Н. Евреинова о «тайне Распутина», в этом разделе публикуются статьи: советского историка А. А. Сидорова, составившего статью-комментарий к опубликованным в первой половине 1960-х гг. материалам ЧСК Временного правительства о «последнем временщике последнего царя»; советского психиатра и психотерапевта профессора В. Е. Рожнова; упоминавшихся выше А. П. и Д. А. Коцюбинских; медико-социологический комментарий к одной из их работ психиатра и сексолога Д. Д. Исаева; «Штрихи к религиозно-философскому портрету Г. Е. Распутина» тюменского историка и журналиста А. В. Чернышова.

Третий раздел — *«Григорий Распутин в изображении современников-эмигрантов, отечественных исследователей и публицистов»* — открывается отрывком из воспоминаний И. А. Гофштеттера, первоначально — «друга», затем жесткого критика (но не «врага») сибирского странника. Воспринимая Гр. Распутина в качестве «загадочного психологического феномена русской истории», И. А. Гофштеттер не преследовал цели развенчать его или же «восславить». Составляя свои записки спустя много лет после крушения монархической государственности в России, автор пытался показать, что в те или иные периоды жизни и в различных обстоятельствах «старец» был разным. В этом отношении он смотрел на Гр. Распутина так же, как и Н. Д. Жевахов. Поместить отрывок из воспоминаний И. А. Гофштеттера меня заставило то обстоятельство, что они впервые были опубликованы только в 2017 г. и до сих пор известны лишь узкому кругу историков. С другой стороны, автор был трезвомыслящим человеком, самобытным философом, пытавшимся, рассуждая о Гр. Распутине, понять и те глобальные социальные пертурбации, что привели к гибели старой России и часто ассоциировались с именем «старца».

Далее следует отрывок из воспоминаний А. Ф. Керенского — одной из наиболее пререкаемых политических персон эпохи русской революции. Как и в случае с И. А. Гофштеттером, заметки министра-председателя Временного правительства представляют прежде всего социально-психологический интерес (особенно учитывая его демократическую позицию и отношение к самодержавной государственности в целом). Давно и хорошо известные исследователям, записки А. Ф. Керенского, на мой взгляд, могут представлять интерес в «обрамлении» воспоминаний и публицистических

работ — как появившихся в повременной печати 1910-х гг., так и уже упомянутого И. А. Гофштеттера. К сожалению, ограниченный объем антологии заставил меня отказаться от публикации отрывка из книги Б. Алмазова, чья «историческая справка» под названием «Распутин и Россия» была впервые опубликована в 1922 г. в Праге. Не будет преувеличением сказать, что книга Б. Алмазова была первой серьезной попыткой написать биографию «старца» в контексте истории предреволюционной России. Он писал ее тогда, когда были живы многие политические, общественные и религиозные деятели николаевского царствования, знавшие Гр. Распутина, общавшиеся с ним, почитавшие и/или ненавидевшие его. Автор писал о том, что в то время еще волновало, что обсуждалось и в большинстве случаев осуждалось. Писал он достаточно корректно, не стремясь встать на какую-либо «партийную» позицию. Поскольку эта книга ныне переиздана и имеется в интернете, заинтересованный читатель может ознакомиться с ней целиком самостоятельно.

По-иному пытался рассказать о феномене Гр. Распутина русский публицист и мыслитель И. Л. Солоневич — участник Белого движения и деятель антисоветского подполья, в 1934 г. сумевший бежать из СССР. Непримирымый антикоммунист, И. Л. Солоневич стремился понять причины русской революции, которую воспринимал как национальную катастрофу. Его интерес к фигуре Гр. Распутина представляется и оправданным, и логичным. В 1939 г. он написал специальную статью «За тенью Распутина», которая также помещена в настоящей антологии.

Следом представлен отрывок из книги меньшевика-эмигранта Г. Я. Аронсона «Распутин и евреи», в которой автор попытался без излишней ажитации рассмотреть этот непростой (для восприятия многих русских эмигрантов) вопрос. Это важно и потому, что еще в 1925 г., в Риге, была опубликована книга «Распутин и евреи» упоминавшегося выше Арона Симановича, сразу же вызвавшая множество претензий к автору, подававшего факты вперемешку со слухами.

Далее идут материалы, принадлежащие перу наших современников: глубоко «советская» по форме статья «Распутин и распутищина» московского историка А. Я. Авреха (1990); предисловие к книге «Распутин» советского диссидента, публициста и писателя А. А. Амальрика, написанное петербургским историком В. С. Дякиным (1992); две газетные статьи петербургских профессоров И. П. Лейберова и Ю. Д. Марголиса — о Гр. Распутине и «распутищине» (1993, 1994); большая публикация московского журналиста и писателя «молодогвардейского направления» В. М. Фалеева («За что убили Григория?», 1991); две статьи московского исследователя Г. З. Иоффе («Распутищина» и рецензия на книгу Э. С. Радзинского «Распутин: жизнь и смерть»; 1998, 2002); отрывок из монографии известного культуролога А. М. Эткинды «Хлыст», впервые изданной в 1998 г. Завершает раздел от-

рывок из публикации петербургского исследователя А. М. Кулегина («Кто убил Распутина? Версии и факты о покушениях на святого чёрта»), увидевшей свет в 2011 г. в серии «Легенды политической истории», издаваемой Государственным музеем политической истории России в С.-Петербурге.

Настоящие публикации показывают, как у отечественных авторов изменялась форма подачи материалов о Гр. Распутине, а вместе с этим менялась и расстановка акцентов. В связи со сказанным особенно показательна публикация В. М. Фалеева, пытавшегося доказать, что сибирский странник был «прозорливцем», философская установка которого заключалась в тезисе: «Если любишь, то никого не убьешь...» Проповедник учения о «нищете духа», Гр. Распутин, по словам В. М. Фалеева, повлиял даже на будущего патриарха Сергия (Страгородского): восприняв учение о «нищете духа», Сергей содействовал сохранению РПЦ в период жестокого сталинского режима!⁸⁰ В данном случае большой интерес представляют не сколько «новые материалы», которые автор якобы вводит в оборот, а ход его мысли. Вот уж, действительно, «миф» и «логос» при желании мастеров слова могут сплетаться в удивительно прочное целое, которое невозможно разбить никакими аргументами!

Четвертый раздел особо характеризовать не приходится — все сказано в его названии: «*Официальная церковная оценка личности Григория Распутина*». В нем представлены как собственно церковные материалы (сюжет «Царская Семья и Г. Е. Распутин», подготовленный Синодальной комиссией РПЦ по канонизации святых в 1996 г.), так и реакция церковных деятелей (клириков и мирян) на попытки представить Гр. Распутина «святým» и «праведным». Материалы эти взяты из журнала «Благодатный огонь».

Пятый раздел — «*Русский старец с посохом в руке*» — целиком представлен работами тех, кто воспринимает Гр. Распутина как святого праведника. Открывается раздел текстами самого «старца»: «Житием опытного странника» и «Моими мыслями и размышлениями». Полагаю, что эти тексты позволят лучше понять мотивацию тех, кто глубоко убежден в том, что Гр. Распутин был подлинный «православный герой» дореволюционной России, оклеветанный врагами веры, Родины и престола. Следом я поместил решения «Освященного Собора Епископов Катакомбной Русской Православной Церкви» и акт «Освященного Собора...» о причислении Гр. Распутина к лику святых. Решение было принято «катакомбниками» еще в феврале 1991 г. Далее идут «Акафисты», посвященные Гр. Распутину, являющие собой любопытную картину маргинального «творчества» современных почитателей сибирского странника.

⁸⁰ См.: Фалеев В. За что убили Григория? (Новые материалы к биографии Г. Е. Распутина) // Дорогами тысячелетий. Сборник исторических статей и очерков. М., 1991. Кн. 4. С. 193–194.

Далее в разделе помещены статьи о «праведном старце», принадлежащие перу А. А. Щедрина (известного также как Н. Козлов), публикации, взятые из книги И. В. Евсина «Оклеветанный старец» («Предсмертное пророчество Г. Е. Распутина» и фрагмент статьи «О ритуальном значении убийства Г. Е. Распутина и Царской Семьи» Н. Козлова); фрагмент публикации книги Ф. Н. Козырева «Распутин, которого мы потеряли», и, наконец, статья С. В. Фомина «Затянувшаяся “Агония”», в которой автор пишет о ком, как, по его мнению, формировался и укреплялся лживый миф о Гр. Распутине. Не вдаваясь в подробности, следует отметить, что для С. В. Фомина Гр. Распутин — человек, на которого не только клеветали в течение многих десятилетий, но и продолжают возводить клевету до сего дня.

Наконец, последний, шестой, раздел антологии посвящен образу «*Распутина в литературе*». В этот раздел включены как известные, так и совершенно неизвестные стихотворения и поэмы, посвященные сибирскому страннику. Открывает раздел стихотворение, появившееся в 1910-х гг. в среде противников Гр. Распутина из консервативного лагеря, за ним помещено «произведение» писателя Льва Никулина («О старце Григории и русской истории»), написанное и опубликованное им в 1917 г., вскоре после Февраля под псевдонимом Анжелика Сафьянова. Публиковать иные «поэмы» и стихотворные «сказания», написанные в 1917 г., я посчитал бессмысленным: «политическое настроение» живших в то время «пиитов» хорошо видно и на одном только примере Льва Никулина.

Следом за Львом Никулиным в антологии представлены произведения действительно выдающихся поэтов: Н. С. Гумилева и Н. А. Клюева. Первый написал свое стихотворение о «старце» («Мужик») уже в 1918 г., второй вывел его в поэме «Четвертый Рим», опубликованной в 1922 г. Завершает подборку стихов «дореволюционных» поэтов поэма П. В. Орешина «Распутин», написанная в 1926 г. и опубликованная годом позже.

Для того чтобы лучше представить, как могли воспринимать советские читатели Гр. Распутина, в антологии помещены отрывки из двух наиболее известных в «доперестроечном» СССР книг на «царскую» тему: М. К. Касвинова — «Двадцать три ступени вниз», и В. С. Пикуля — «Нечистая сила». Если первая была пристрастным документальным повествованием, то вторая — вульгарным романом, в котором «художественно» описывались «похождения» сибирского странника. Эти тексты были включены в антологию вовсе не для того, чтобы показать, как в Советском Союзе, где невозможно было писать о Гр. Распутине «pro», оформлялась «contra». Важнее, читая представленные отрывки, где все-таки присутствуют живые, хотя и до неприличия шаржированные исторические персонажи, задуматься над тем, как «форма» влияла на «содержание». Ведь советский человек со школьных лет изучал деперсонифицированную историю, историю-схему, а не историю-рассказ.

Завершает шестой раздел подбор стихотворений, посвященных Гр. Распутину (некоторые из которых были положены на музыку и ныне популяризируются в виде песен). Среди авторов есть известные лица (например, Г. Р. Пономарев), но большинство широкому кругу читателей совершенно неизвестно. И все же, я считаю, знакомство с их творчеством полезно, — прежде всего потому, что эти поэты в большинстве своем живут в плену распутинского мифа, продолжая, в меру своего поэтического дарования, «реабилитировать» и славословить его. Для них Гр. Распутин — действительно *старец*.

...Известная испанская пословица гласит: «Сон разума рождает чудовищ». Родилась она в XVIII веке, когда великий художник Франсиско Гойя создал рисунок «Сон разума», пояснив его фразой о том, что когда разум спит, фантазия в грезах порождает чудовищ, но в сочетании с разумом она становится матерью искусства и всех его чудесных творений. Мысль, высказанная Ф. Гойя, достаточно проста: разум должен бодрствовать, иначе навязчивые фантазии могут овладеть сознанием человека. Необходима цензура рассудка над чувствами и воображением. На минуту согласимся с этим тезисом. Согласившись, признаем, что чувства и воображение необходимо подчинять жесткому контролю. Но контроль не всегда приводит к искомому результату, часто именно трезвый рассудок порождает монстров, причем не метафизических, а вполне конкретных, «телесных». Есть от чего прийти в уныние!

Миф, в том числе (и прежде всего) политический, обыкновенно связан со «сном разума». И распутинский миф тому печальное доказательство. Но можно ли «силой знания» добиться пробуждения «спящего разума», рационально объяснить то, что человек не может, не хочет и не умеет понимать рационально?

Вряд ли.

Да и верно ли, что в «бодрости» заключено «спасение» от опасных чудовищ, что в рациональном понимании — спасение?

Вопрос не имеет ответа. Понятно только, что «развенчание» распутинского мифа (впрочем, как и всякого другого, плотно укорененного в сознании человека) с помощью рациональных доводов невозможно. Важнее вопросы: что может влиять на распространение мифа и почему одна эпоха более благоприятна для его распространения, а другая — менее?

Ответы на эти вопросы можно искать с помощью исторических фактов, «объективных» и «пристрастных» свидетельств очевидцев, сознательно запущенных в оборот фальшивых документов, «сказочных» историй, аналитических, публицистических и даже художественных работ. Помочь заинтересованному читателю *искать и находить такой ответ* и призвана настоящая антология.

I

ОБРАЗ СИБИРСКОГО СТРАННИКА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ И РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

А.

<Неприятный подарок>¹

С. Покровское, Тюменского у[езда]

Неприятный подарок. На церковном сходе 9 мая прихожанам слободо-покровской церкви местным крестьянином Григорием Ефимовичем Распутиным, переименованным по указу Его Величества «Новым», было предложено 5 тыс[яч] рублей на постройку новой церкви в с. Покровском с тем, чтобы и крестьяне со своей стороны сделали хоть что-нибудь. Зрело обсудив такого рода предложение, сход единогласно постановил: категорически отказаться от каких бы то ни было обязательств на это дело, мотивируя свой отказ тем, что и существующий храм вполне удовлетворительно обслуживает потребности населения, хотя место для постройки дать все-таки обещали.

После этого Гр. Е. Новый ездил за разрешением постройки храма к тобольскому епископу, но последний оказался больным и никого не принимал. Вопрос о постройке храма остается открытым.

Между прочим, более сознательная, развитая часть населения начинает усиленно поговаривать о том, что не худо бы эти деньги употребить на более богоугодное дело: на постройку новой двухклассной школы, в которой такая неотложная нужда.

Не чужд этой мысли и Гр. Е. Новый, что удалось заключить из личных с ним разговоров... Да и понятно, сказано бо: «не строй церковь, пристрой сироту»... Мораль этой пословицы ясна и для младенца: «Настанет время, и настало уже, когда истинные поклонники будут поклоняться не в храме, и не на горе сей, а в духе и истине; Бог есть дух и поклоняющиеся ему должны поклоняться в духе и истине», — говорит

¹ Печатается по: Тобол: литературная, экономическая и политическая газета. 1907. 29 мая. № 30. Вторник. С. 3.

Христос. А таких поклонников дает только правильно поставленная школа, где в основу обучения и воспитания положены высшие заветы Христа: свобода, братство, равенство и любовь. Что выльется из этих 5 тысяч — лишняя церковь или нужная школа — вопрос. Много значит воля жертвователя да к тому же и «батюшки» начинают усиленно заигрывать с Гр. Е. Новым.

А симпатии «отцов», разумеется, не на стороне школы.

Епархиальные известия¹

Объявлена благодарность Епархиального Начальства с выдачею похвального листа крестьянину слободы Покровской, Тюменского уезда, Григорию *Новому* (он же *Распутин*) за пожертвования в приходскую церковь.

¹ Печатается по: Открытие и замещение священно-церковно-служительских вакансий // Тобольские епархиальные ведомости. Отдел официальный. 1 июня 1908 г. № 11. С. 210.

<Без подписи>

Хроника.

Раздача подарков на монастырском подворье¹

В воскресенье вечером монастырский храм в буквальном смысле был переполнен молящимися, так что много народу толпилось вокруг. Ввиду такого скопления публики, в храме во время службы царил беспорядок, и о[тец] Илиодор возмутился поведением присутствующих. Он заявил, что сам пойдет к дверям сторожем, что и исполнил. Обычный акафист, совершаемый на молебне, был на половине прекращен, после чего о[тец] Илиодор стал было произносить проповедь, но вскоре оборвал свою речь и совершил отпуст, снова возмутившись поведением публики. Такое явление между молящимися о[тец] Илиодор объяснил тем, что в храме, очевидно, много присутствует совершенно новых лиц, никогда прежде не бывавших в монастыре, а потому не умеющих себя прилично держать; таких посетителей о[тец] Илиодор обещал угадать по лицу и поступить с ними по своему усмотрению.

В монастыре проживал привезенный епископом Гермогеном некто Григорий, крестьянин Тобольской губ[ернии], Тюменского уезда, с. Покровского. Об этом Григории между илиодоровцами ходят слухи как о чудотворце, исцеляющем самых тяжких больных и изгоняющем бесов. Это — тип русского мужичка, старше средних лет, блондин одет в поддевку, с золотым крестом на шее, выдаваемым священникам из Св. Синода как награду.

О[тец] Илиодор объявил народу, что в понедельник в 4 ч. утра он вместе с Григорием едет на его родину в Тобольскую губернию в гости на 15 дней. В настоящий вечер Григорий раздаст молящимся подарки.

Началась раздача Григорием подарков: полотенцев, платков, крестиков, образочков и сахару. Пред раздачей Григорий объяснил значение платков и полотенцев. Полотенцем или платком человек отирается

¹ Печатается по: Царицынский вестник. Газета политическая, экономическая и литературная. 1909. 2 декабря. № 3303. Среда. С. 2.

от своих грехов. Выговором Григорий обладает чисто крестьянским на «о». Раздача подарков продолжалась до глубокой ночи, но всех присутствующих удовлетворять не пришлось: не хватило материала и многим пришлось уйти ни с чем. Публика покинула монастырь уже в 12 часам ночи. Во время раздачи подарков народ держался крайне беспорядочно. Водворить порядок не было никакой возможности, друг друга давили и мяли. Одну женщину вытащили из давки на руках в глубоком обмороке. Одна из *бесноватых* подняла страшный крик в одном углу храма, но, конечно, не от того, что ее сдавили, а от совершенно других причин, известных только одним *бесноватым*. В то же время в другом углу поднял неистовый крик известный царицынцам «извозчик — Терентьич». Этот последний, охваченный необыкновенным религиозным экстазом, страшным, нечеловеческим визжаньем проклинал каких-то людей и призывал на их голову во всей силе гнев Божий.

<Без подписи>

Хроника.

Проводы иеромонаха Илиодора¹

30 ноября в 2 ½ ч[аса] утра прибыл на вокзал ст[анции] Царицын иеромонах Илиодор в сопровождении массы публики, исключительно женщин, со значками и пением духовных песен.

Иеромонах Илиодор сообщил всем присутствующим, что он уезжает с Григорием в г. Тюмень на 15 дней, и убедительно просил всех своих приверженцев в его отсутствие не забывать Бога и не увлекаться противным Ему.

По окончании речи о[тца] Илиодора опять началось пение.

«Терентьич» был в ударе; он пел каким-то нечеловеческим голосом, притопывая в такт пения одной ногой и разводя руками.

Не знавшие его спрашивали:

— Не сумасшедший ли то?

Васса Родионовна была чем-то опечалена и в пении не участвовала.

После третьего звонка о[тец] Илиодор с площадки вагона 1 класса благословил всех присутствующих. Поезд тронулся.

Уезжавшему вслед посылались разные пожелания.

Некоторые махали чудодейственными полотенцами и платками, полученными от «пророка» Григория для «отирания грехов» своих, как говорил последний при раздаче.

Когда поезд скрылся из виду, провожавшие начали расходиться, вздохами и причитаниями выражая свое горе и сочувствие уехавшему иеромонаху.

— Уехал, беденький, уехал покровитель наш, — твердили они.

¹ Печатается по: Царицынский вестник. Газета политическая, экономическая и литературная. 1909. 3 декабря. № 3304. Четверг. С. 2.

<Без подписи>

Хроника. У иеромонаха Илиодора¹

В воскресенье, после обычных вечерни и молебна с акафистом, о. Илиодором была произнесена проповедь, в которой объяснено было видение во сне царем Навуходоносором истукана, разбитого оторвавшимся от скалы камнем. Проповедь носила чисто религиозный характер. После нее о. Илиодор обратился к молящимся с маленькой речью, в которой прежде всего извинился пред ними в том, что не успел за эти дни объехать с крестом тех, которые выразили желание принять его на праздник. В понедельник и во вторник обещался объехать с крестом всех, записавшихся у него в список желающих его видеть у себя, при этом просил, чтобы хозяйки дома на время отложили послепраздничную уборку: мытье полов, чистку посуды и др. Ввиду того, что при такой обстановке, входя в дом, праздничное молитвенное настроение как-то ступшевывается. Затем о. Илиодор просил молящихся принять к сведению, что его и всех присутствующих возлюбленный брат Григорий ночью с среды на четверг или, вернее, в четверг утром отъезжает с московским поездом. Прихожанам рекомендовалось явиться в монастырский храм и устроить брату Григорию подходящие проводы: взять звезду и фонарики и с пением проследовать на вокзал. По примеру библейских волхвов, путеводимых звездой, они со звездой будут провожать брата Григория.

На монастырском храме о. Илиодором устроена звезда. С 24 декабря в продолжение семи дней по вечерам она будет зажигаться. После вечернего богослужения во время праздников ежедневно пред нею воспевался священный гимн, составленный о. Илиодором. Прихожане очень твердо заучили этот гимн, содержанием которого служит событие рождения Христа, а начинается приглашением к торжеству по поводу этого события! —

¹ Печатается по: Царицынский вестник. Газета политическая, экономическая и литературная. 1909. 30 декабря. № 3324. Среда. С. 2.

Торжествуйте, веселитесь,
Люди добрые со мной
И с восторгом облекитесь
В ризу радости святой и пр.

Мелодия этого гимна весьма незамысловата и легко поддается усвоению, а потому последователи о. Илиодора всех почти возрастов совершенно свободно распевают этот гимн.

Между прочим, о. Илиодор просил присутствующих принять к сведению, что всякий из них, желающий побеседовать с братом Григорием — спросить у него совета или просто получить нравственное подкрепление, — может это сделать в среду вечером, явившись в монастырский храм.

С шести часов вечера и до отъезда своего брат Григорий будет в храме принимать желающих его видеть и говорить с ним.

<Без подписи>

Хроника. Старец Григорий¹

Царицын[ский] корреспондент «Русск[ого] слова» пишет о появлении в обители иером[онаха] Илиодора «блаженного старца Григория», — как объяснили лица, вхожие в илиодоровскую обитель.

Старец Григорий — уроженец села Покровского Тюменского уезда. Там у него свой дом.

Живет он большею частью в Петербурге.

Блаженный старец Григорий — мужчина средних лет. Говорит на «о», скороговоркой. На нем дорогие лакированные сапоги, поддевка дорогого сукна и шелковая рубаша.

Поклонники и особенно поклонницы Илиодора охотно приглашают к себе «блаженного» для бесед.

Мне удалось присутствовать при одной из таких бесед, познакомиться с самим старцем Григорием и поговорить с ним.

— Где вы живете? — задал я ему вопрос.

— Везде... В Саратове, в Самаре, в Казани. Но больше в Петербурге... А в Царицын приехал по скорбям Илиодорушки... Помог ему... Теперь все закончилось благополучно... Он остается в Царицыне, а я еду в Петербург... Дела там есть... Совет там будет...

— А по какому адресу вам писать, братец? — вмешалась в наш разговор хозяйка.

— Пишите в Петербург в Духовную академию, епископу Феофану для Григория Ефимовича Новых...

На мой вопрос о его средствах к жизни старец ответил, что занимается и духовными, и светскими делами...

¹ Печатается по: Царицынский вестник. Газета политическая, экономическая и литературная. 1910. 13 января. № 3334. Среда. С. 2–3. Данный текст был так же опубликован в газете «Русское слово» (1910. 8 (21) января. № 5. Пятница. С. 5) под названием: «Провинция. Блаженный старец Григорий. (От нашего царицынского корреспондента)». Подпись под статьёй: «N. N.». Несколько отличается только начало статьи: «Недели за две до Рождества саратовский епископ Гермоген привёз в Царицын к иеромонаху Илиодору какого-то человека.

— Блаженного старца Григория, — объясняли лица, вхожие в илиодоровскую обитель».

— Субсидию получаете?

Блаженный подозрительно воззрился на меня:

— Да ты в Бога-то веруешь? К Илиодорушке-то ходишь?

После заверений хозяйки, что я человек вполне благонадежный, «блаженный» как будто успокоился, но все же, бросив в меня еще раз подозрительный взгляд, зачем-то произнес:

— Скоро доберемся мы до этой «тилигенции»...

Во время дальнейшей беседы поддевка «блаженного» распахнулась, и из-под нее мелькнул массивный золотой крест.

Мы просили дать нам посмотреть этот крест.

После минутного колебания «блаженный» согласился.

Крест большой, около 2½ дюймов длины. На лицевой стороне — распятие, на оборотной — надпись: «Спаси и сохрани».

В середине золотой цепи, на которой висит крест, — медальон.

В дальнейшем разговоре старец часто упоминал о своих папаше и мамаше, которые все могут сделать.

Этим он и беседу закончил:

— Только сказать папаше, — все будет...

Я расспрашивал некоторых случайных посетительниц «блаженного» старца Григория, беседовавших с ним наедине.

Говорят, старец имеет привычку гладить своих собеседниц, обнимать их за талию, пробовать их мускулы.

При этом он неизменно повторяет:

— Ох, искушение! Ох, искушение...

Одной пришедшей к нему гимназистке старец напрямик заявил, что любит ее больше всех.

— Поедем со мной, — предложил старец гимназистке. — Я тебя возьму, если хочешь...

Гимназистка не захотела.

Оставляем все рассказанное на ответственности корреспондента*.

* Данный текст был так же опубликован в газете «Русское слово» (1910. 8 (21) января. № 5. Пятница. С. 5). Под названием: «Провинция. Блаженный старец Григорий. (От нашего царицынского корреспондента)». Подпись под статьёй: «N. N.» Несколько отличается только начало статьи: «Недели за две до Рождества саратовский епископ Гермоген привёз в Царицын к иеромонаху Илиодору какого-то человека.

— Блаженного старца Григория, — объяснял и лица, вхожие в илиодоровскую обитель». Далее — всё без изменений. — *Сост.*

<Без подписи>

Хроника. Брат Григорий¹

Утром 31 декабря пр[ошлого] года из местного мужского монастыря выбыл в Петербург брат Григорий, которого о[тец] Илиодор с своими прихожанами провожал на вокзал. Проводы устроены были весьма приличные: довольно значительная толпа прихожан, предводимая рождественскою звездою, с пением молитв и рождественского гимна пришла на вокзал и уже только при отходе поезда вернулась обратно в монастырь. Руководил этими проводами о[тец] Илиодор.

Перед своим отъездом, брат Григорий принимал у себя желающих к нему обратиться за советом.

В среде местных истинно-русских людей на брата Григория установился взгляд, как на человека особенного, проживающего при Дворе и пользующегося будто бы там даже некоторым влиянием. Он обладает даром прорицания, исцеляет больных и изгоняет бесов.

Какие советы он дает и каким духовным подкреплением от него можно пользоваться — это, конечно, неизвестно. Но можно некоторое представление получить о личности брата Григория по следующему факту.

Один из местных обывателей, сравнительно молодой, холостой человек, ищущий и не находящий нравственного удовлетворения в жизни, возмущающийся всеми беззакониями и пороками, царящими в окружающей среде, и, так сказать, богоискатель, господин Е., обратился к брату Григорию с вопросом: «Скажите, брат Григорий, как нужно жить?» Брат Григорий ему отвечал: «Люби больше самого себя. Понял?»

¹ Печатается по: Царицынский вестник. Газета политическая, экономическая и литературная. 1910. 14 января. № 3335. Четверг. С. 2.

Господин Е. долго стоял в недоумении, что сказать: понял или нет. «Понял». — «Ну если понял, так и иди с Богом».

Между прочим, насколько достоверны слухи — не известно, передают, что будто бы двое местных гимназистов тоже явились к брату Григорию за советом. Но или уже они вели себя не довольно добропорядочно, или произвели какое издевательство, — с ними случилось несчастье. Они были весьма позорно изгнаны из монастырского подворья и даже потерпели что-то.

Aescular

Наши корреспонденции¹

С. Покровское, Тюменского уезда.

От «блаженного» Гришки к «блаженному старцу» Григорию — метаморфоза.

В половине декабря [19]09 г. я получил служебный перевод в с. Покровское. Путь ближний, и вот, подъезжая к селу, с любопытством разглядываю ряды домов. Покровское производит впечатление богатого селения, которые, впрочем, нередки в Сибири. Особенно бросается в глаза большой дом, пестро выкрашенный.

— Кто здесь живет? — спрашиваю возницу-татарина.

— Блажна Григорий, — отвечает тот.

— Какая странная фамилия, — думалось мне, впрочем, в этом нет ничего удивительного. В Сибири, волею судеб, живут различные национальности.

Однако с первых дней, как я освоился в Покровском, мне сообщили, кто этот «блажна» Григорий.

«Блажна» Григорий — Григорий Ефимович Распутин-Новых, «великая личность» — по выражению покровской интеллигенции.

Биография его такова: десять лет тому назад Григорий Ефимович был просто «блажным» Гришкой, отличался от своих односельчан только тем, что много пил да скандалил. Со временем «Гришка» стал куда-то и надолго исчезать из села, и вот каким-то образом с Гришкой случилась метаморфоза. Из крестьянина с. Покровского, Гришки «блажного», вдруг сделался «блаженный старец» Григорий (хотя, судя по фотографии, он далеко не старец). Вместо безвестного «блажного Гришки» имя блаженного Григория стало греметь в столичных и провинциальных газетах в качестве способника «бесоизгонятеля» Илиодора в Царицыне.

¹ Печатается по: Сибирская новь. 1910. 6 февраля. № 29. С. 3.

Теперь «блаженный» совсем редко навещает своих родных и пенатов, а когда бывает дома, то к нему приезжают, неизвестно зачем и почему, разные графы, князья и его патрон иеромонах Илиодор. Прежний «блажной» Гришка был беден, а теперь его дом блещет комфортом и дорогою домашнею утварью.

Мне удалось побывать в доме «блажного»; массивная дорогая мебель, великолепные ковры, письменный стол, на стенах портреты царей в золоченых рамах, в углах иконы в золотых и серебряных ризах.

Так как «блаженного» в Покровском нет, то я внимательно изучил его по рассказам родных и его неведомых «сестриц», живущих при доме. Лица у «сестриц» постные, похожи на высохший лимон. Рассказывают, что теперь «блаженный» водку не пьет, песни не поет, носит «сибирку и лаковые сапожки».

Подобно начетчику «Василию Борисовичу» из романа Мельникова-Печерского «В лесах и на горах» произносит к слову и не к слову «ох, искушение!». Когда бывает дома, то принимает далеких гостей «белой кости», графов, князей, а также и «черной кости» — Илиодоров, Феофанов и богатеньких старушек.

Ввиду такой популярности «блаженного» покровские «телегенты» наперерыв спешат засвидетельствовать перед ним свое глубочайшее почтение.

Родные «блаженного старца» — старик отец и еще кто-то. Со слов его отца не сходят имена гостей «блаженной» — князья, графы и т. д.

Мужички-односельчане называют «старца» шарлатаном, несмотря на то, что он водится с «их сиятельствами» и «бесоизгонятелями» Илиодором и Феофаном.

М. НОВОСЕЛОВ

Духовный гастролер Григорий Распутин¹

За последнее время нередко приходится слышать в обществе имя «старца Григория» по фамилии «Новых». Фамилия эта лишь недавно была исходатайствована Григорием в замену прежней природной — Распутина. Можно пожалеть об этой замене, так как первоначальная фамилия находится в большом соответствии с жизнью сего «старца».

Вот несколько документов, характеризующих эту личность.

I

В начале января этого года в одной из московских газет была помещена корреспонденция из гор. Царицына под заглавием «Блаженный старец Григорий». Вот что там сообщается:

«Недели за две до Рождества саратовский епископ Гермоген привез в Царицын к иеромонаху Илиодору какого-то человека.

— Блаженного старца Григория, — объясняли лица, вхожие в илиодоровскую обитель.

Блаженный старец Григорий — уроженец села Покровского Тюменского уезда. Там у него свой дом.

Живет же он большею частью в Петербурге.

Блаженный старец Григорий — мужчина средних лет, говорит на «о», скороговоркой. На нем дорогие лакированные сапоги, поддевка дорогого сукна и шелковая рубаха.

Поклонники и особенно поклонницы Илиодора охотно приглашают к себе «блаженного» для бесед».

¹ Печатается по: Московские ведомости. 1910. 2 марта. № 49. С. 2–3.

«Мне удалось, — продолжает корреспондент, — присутствовать при одной из таких бесед, познакомиться с самим старцем Григорием и поговорить с ним.

— Где вы живете? — задал я ему вопрос.

— Везде... В Саратове, в Самаре, в Казани. Но больше в Петербурге... А в Царицын приехал по скорбям Илиодорушки... Помог ему... Теперь все кончилось благополучно... Он остается в Царицыне, а я еду в Петербург... Дела там есть... Совет будет...

— А по какому адресу вам писать, братец? — вмешалась в наш разговор хозяйка.

— Пишите в Петербург, в Духовную академию, епископу Феофану, для Григория Ефимовича Новых...

На мой вопрос о его средствах к жизни старец ответил, что занимается и духовными, и светскими делами.

Во время дальнейшей беседы поддевка “блаженного” распахнулась, и из-под нее мелькнул массивный золотой крест.

Мы попросили дать нам посмотреть этот крест.

После минутного колебания блаженный согласился.

Крест большой, около 2½ дюймов длины. На лицевой стороне — распятие, на оборотной — надпись: “Спаси и сохрани”.

В середине золотой цепи, на которой висит крест, — медальон.

— Это — мой дорогой подарок, — заметил “блаженный”, указывая на медальон.

Я расспрашивал некоторых случайных посетительниц “блаженного старца” Григория, беседовавших с ним наедине.

Жалуются.

Говорят, что старец имеет привычку гладить своих собеседниц, обнимать их за талию, пробовать их мускулы...

Одной пришедшей к нему гимназистке старец напрямик заявил, что любит ее больше всех.

— Поедем со мной, — предложил старец гимназистке. — Я тебя возьму, если хочешь...

Гимназистка не захотела.

“Блаженный старец” Григорий предполагает основать в Царицыне женский монастырь.

Деньги на это у него, по его словам “найдутся”.

Таков первый печатный документ, характеризующий личность «блаженного старца».

От себя считаю нужным прибавить, что еп[ископ] Феофан, о котором упоминается в корреспонденции, *совершенно отрицательно* относится к Григорию Распутину.

II

Вот второй, рукописный, лежащий перед моими глазами: это письмо, полученное мною недавно от одного хорошо знакомого мне студента (IV курса) университета, все посвященное изображению нравственного облика того же «старца». Размеры письма не позволяют мне привести его целиком, а потому я извлеку из него лишь наиболее яркие черты.

«Многоуважаемый М. А., — обращается ко мне мой корреспондент, — это письмо будет служить для меня своего рода отчетом в впечатлениях от одной встречи. Мне хочется побеседовать с вами о личности, создавшей вокруг себя отношения, выходящие из рамок обывательной жизни.

Речь будет идти о некоем Григории Ефимовиче Распутине. Человек, заявляющий всегда и везде о том, что в юности своей он был порочен всячески, теперь вдруг разными путями пробирается в дома и души людей верующих, страдающих и жаждущих руководства в духовной жизни, и берется быть их руководителем. И действительно, с первого раза иным может показаться, что в нем воплощается то, чем исполнены были многие мужи и дивные жены. О, если бы это было так! Как бесконечно дорого в это скудное время сосуд алябастровый с мвром! К сожалению, ближайшее знакомство с Григорием Распутиным совершенно разрушает это первое впечатление...

Первый шаг нашей духовной жизни — покаяние, значит — действительное сознание своей греховности и отвращение от прежнего греховного образа жизни. Действительное сознание греховности ведет человека к скромности и смирению. И крестьянин Григорий Распутин, если бы действительно смирился, считал бы себя последним из своих однодеревенцев; между тем мы видим, что он упорно завязывает связи в высших классах общества, упорно пробирается все выше и выше; к низшим он относится худо, и в частности находится в дурных отношениях со своими односельчанами, эксплуатирует труд бедных, живущих у него и даром работающих девушек. Трудно совместить со скромностью и смирением тонкую, почти незаметно вставляемую в разговор похвальбу знакомством с архиереями и знатными особами, именно похвальбу *знакомством*...

Распутин, по его словам, был развратен и пьянствовал. Но далеко нельзя сказать, чтобы он и теперь отличался чистотою жизни. Он всячески окружает себя штатом женщин, отдавая предпочтение тем из них, которые красивее. Интересно, с какого подвижника берет он пример,

когда садится с женщинами на один стул, целуется с ними, гладит их, ходит под руку, трогает за лопатки (и больше того) и произносит фразы вроде следующей: “Я не люблю NN, потому что она уж очень толстая, а вот NN крепче и круглее”. При этом — опытное доказательство на спине любимой духовной дочери. Предпочтение одних духовных дочерей другим — слишком явное. Женщины — главный проводник его во все дома. Мне видна поверхность, а что делается втайне, это неизвестно. Впрочем, по верхам можно судить довольно определенно.

Образ жизни Распутина утонченный и изысканный. Его меховая шуба совсем не подходит к тем рубищам и вретичам, в которые одевались искренно кающиеся; стол у него в Петербурге всегда самый изысканный, у него есть определенные вкусы в этом отношении, которым поклонницы его всячески стараются угодать.

Что он делает? Каков его труд?

Никакого, или уж очень скверный. Он целыми месяцами живет в Петербурге, ходит из дома в дом и занят исключительно разговорами и щелканьем орехов... Дома на него работают тоже поклонницы, и работают даром.

Не могу сказать, чтобы он привык к терпению, к перенесению огорчений, неприятностей. Характер у него очень неровный, вспыльчивый; от лести он переходит к брани, не может сидеть спокойно на месте, а главное — страшно боится потерять то свое положение, которое имеет. Стоит ему издали почувствовать близость напирющей власти или гласного слова, как он просто уничтожается...

Следует отметить, что он не научился простой религиозной порядочности. В церкви, — чему многие свидетели, — он стоит возмутительно, оглядываясь, почти не крестясь, разговаривая... С духовенством всегда старается сойти за панибрата...

На груди носит какие-то особенные наперсные кресты... Семья у него поставлена очень худо. По рассказам живших на его родине, жена его страшно ревнует ко всем приезжающим женщинам и дерется из-за них с ним. Дети у него озорники и распутники. С братом своим он находится в отношениях очень худых. Большинство односельчан его не любят. Как крестьянин, он, о чем я говорил выше, эксплуатирует труд других и вообще к труду тяжелому, земельному не прилежит. Впрочем, это и понятно, так как его главное занятие — отхожий религиозный промысел. Здесь он успевает довольно, о чем свидетельствует его зажиточность, создавшаяся на этой почве. Хотя он и не трудится, но человек корыстный, алчный, неблагодарный. Одна моя знакомая передавала ему вещами и деньгами больше тысячи рублей, и — хотя бы слово благодарности!

Но какое у него самомнение! Показываю ему я однажды сочинения и портрет Влад[имира] Соловьева. Посмотрел он — посмотрел, да и сказал:

— Да, человек он хороший... он свое, я свое... Но... профессор профессора судить не может!..

Буквально!

Интереснее всего, что этот разговор произошел у меня при первой с ним встрече, и хозяйке дома, находившейся под его влиянием, строжайше было запрещено принимать меня, а сочинения Соловьева немедленно мне вернуть.

— Он меня еще в газетах пропечатает, — так закончил Григорий Распутин свою реплику обо мне.

Богом просвещен и осветлен, а все же газетной заметки боится. А чего бы солнцу бояться керосинового фонаря?

После Распутин бывал у меня, говорил мне, что я даже на орла похож, но все это произошло потом...

Я остановлюсь еще на одну минуту на его нравственном характере, чтобы выяснить род его “вдохновения”.

Говорят, он очень хорошо понимает и угадывает, кто жил раньше в грехах плотских и невоздержании. Думаю, что для человека опытного в этих делах, каков и есть Григорий Распутин, такое отгадывание не представляет ничего затруднительного, тем более, если отгадываемый хотя сколько-нибудь доверяется отгадчику и готов его приблизительные указания принимать за достоверные свидетельства. Но и здесь я не могу приписать ему многого: знаю случаи, когда он жестоко ошибался в определениях этого рода... И вот что замечательно: отгадывая и узнавая плотскую страсть, он все свои действия ведет к тому, чтобы насильственно вырвать человека из семьи, и, между прочим, ненавидит детей. Ни одной семьи он не сделал счастливой, а рассорил многие. Думаю, что, угадывая слабые, греховные стороны человека, Григорий Распутин идет по линии наименьшего сопротивления к своим совершенно личным и корыстным целям.

“Учительство” его, если можно так назвать более чем бессвязные и темные речи за столом и чашкой чая вперемежку с орехами, имеет ту особенность, что он говорит от *себя* подслушанные и пойманные на лету мысли, говорит это тем, кого любит, т.е. в девяносто девяти случаях из ста — женщинам, причем не избегает телесных обучений, граничащих с откровенными ласками и гипнотизерскими приемами. Возражений и поправок не терпит; с мужчинами говорить весьма опасается. Самый способ его речи заставляет мало-мальски опытного человека относиться к нему чрезвычайно сдержанно. Достаточно

отметить, что он говорит всегда в каких-то потугах, даже и простые вещи, чего никак не может быть у человека, сколько-нибудь опытного в духовной жизни и собранного в себе.

В его характере есть упорство воли в достижении своих целей, лесть, хитрость, притворная ласковость и умение показать товар лицом. А главное, он очень умелый рекламист и поступает в этом отношении очень умно, устраивая так, что реклама эта исходит от его поклонниц и идет впереди него...

В заключение несколько фактов. Когда г-жа Б. ехала со своим восьмилетним сыном в Сибирь, на родину Распутина, то последний, стремясь рассорить ее с отцом, который не благоволил к ее увлечению Григорием, заставлял мальчика писать под диктовку такие письма: “Дедушка, ты чёрт, и будешь в аду в огне гореть”. Письма (их было несколько такого содержания) неукоснительно посылались, а после — все объяснилось шуткой.

В Сибирь он ехал с целой кавалькадою дам, причем у большинства из них отобрал деньги; сам ехал во втором классе, а их заставил ехать в третьем, причем Б. в это время была больна. Находились дамы, которые не брезговали доедать остатки его ухи, снимать с его бороды оставшиеся кусочки рыбы, поднимать с полу орехи, выпавшие у него изо рта, и благоговейно вкушать.

И этого-то проходимца в поддевке и брюках на выпуск считают духовным руководителем, причастным апостольскому служению! До чего мы пали! Вот уж, поистине — “горе миру от соблазнов”.

Сколько из-за него пролито слез, сколько разбитых жизней, разрушенных семейств и просто — всяческого горя и обмана!

Кончаю. Тяжело и грустно.

Думаю, что рано или поздно странная слабость высшей церковной и гражданской власти пройдет наконец и Распутин получит должное. Я с ним был знаком случайно и сравнительно короткое время, но успел почувствовать, что за ним кроется очень много темного. Божья кара над ним также не замедлит...

Будьте здоровы!

Уважающий Вас»...

III

После донесения газетного репортера и дружеского письма учащегося юноши прислушаемся к голосу умудренного духовным опытом старца-схимника, сообщающего свои наблюдения и заключения относительно того же Григория Распутина в письме к другому старцу-

иноку. Привожу это письмо дословно и без пропусков, опуская лишь имена автора и его корреспондента.

«Выше Высокопреподобие,

досточтимый о Господе и Боголюбивейший Батюшка! Христос посреде нас!

Вы изволите спрашивать меня через послушника вашего, брата А., о известном страннике “блаженном” Григорие тобольском, но что реку Вам и что возглаголю о нем, аз убогий и немогущий? — Ради только святого послушания и ради спасения верующих душ Христовой Церкви, обольщенных мнимой святостью Григория, понуждаюсь высказать Вам свое мнение о нем. Я никогда не доверял сему Григорию, ибо при первом еще своем с ним знакомстве видел, что он стоит на ложном пути, а его поступки, особенно по отношению к женскому полу, явно доказывали, что они не суть плоды Святаго Духа. Многих вводила в заблуждение его мнимая святость и прозорливость, но что тут удивительного, ведь враг всегда бывает силен, когда сочетается с “праведностью”, и кому больше знать тайные грехи и падения наши, как не участнику в сем, тому же бесу, и служителям его. А Григорий именно и обличал всех только в пороках, да еще намеренно, с желанием внешней славы, через что и впал в духовную прелесть и других ввел в заблуждение. Что же касается теперешней жизни Григория, то я хотя и не видал его уже несколько лет, но приходилось мне не раз слышать от многих своих духовных чад, лично и близко знающих Григория, что он далеко зашел в своем заблуждении и теперь уже явно обнаруживает свое сектанство. Поэтому мое мнение — держаться его как можно дальше, дабы, прельстившись им, не подпасть Суду Божию.

Испрашивая ваших святых молитв, остаюсь “убогий богомолец”».

Закончу свод этих свидетельств словами одного архиепископа, который недавно писал мне: *Григорий, несомненно, хлыст и эротоман.*

Как ни красноречивы эти согласные друг с другом свидетельства, исходящие от лиц разного духовного строя, разного образования и общественного положения, тем не менее я должен сказать, что мною не договорено самое красноречивое и вполне достоверное, что мне известно о Григории Распутине. Кажется, краска стыда покрыла бы ту бумагу, на которой я пишу, если бы я предал письмени недосказанное мною. Впрочем, говоря словами вышеупомянутого схимника, «ради спасения верующих душ Христовой Церкви, обольщенных мнимой святостью Григория», может быть, и придется когда-нибудь досказать все...

Еще несколько слов.

Я желал бы разделить с моим юным корреспондентом надежду, что «странная слабость высшей церковной (и гражданской) власти

по отношению к Гр. Распутину пройдет», но, к сожалению, обычное малодушие этой власти, особенно позорно и, скажу не обинуясь, преступно сказавшееся осенью 1909 года в так называемом браке военного министра Сухомлинова, лишает меня этой надежды — и потому я взываю этой статьей не к церковной власти, а к нравственному сознанию и здравому смыслу рядовых пастырей и братьев-мирян.

Еще нечто о Григории Распутине¹

«Вкрались некоторые люди... нечестивые, обращающие благодать Бога нашего в повод к распутству» (Иуд. 4).

«Это... морские волны, пенящиеся срамотами своими, звезды блуждающие, которым блюдетс я мрак тьмы навеки» (там же, 13).

«Их конец — погибель, их бог — чрево, и слава их в сраме» (Филип. III, 19).

«Имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся. Таковых удаляйся. К сим принадлежат те, которые вкрадываются в дома и обольщают женщин» (2 Тим. III, 5–6).

Моя статья «Духовный гастролер Григорий Распутин», помещенная в № 49 «Московских ведомостей», обратила на себя внимание, вызвав отклики как в печати, так и в письменных обращениях ко мне со стороны некоторых лиц. Вместе с тем она породила недоумения и сомнения, которые мне пришлось услышать из уст людей, с одной стороны, и не слышавших о Григории Распутине, с другой — таких, которые немало слышали о нем, но не знают его лично. Получены мною письма и от лично знакомых с Григорием. Все это побуждает меня опять взяться за перо, чтобы дать некоторые разъяснения и дополнения.

Не знающие лично Гр. Распутина, но слышавшие о нем, не все, правда, но некоторые, по крайней мере, склонны думать, что свидетельства против Распутина могут возникать из партийных, антицерносотенных, настроений и как таковые естественно вызывать недоверие к себе. Не отрицая *относительного* значения этих соображений *вообще*, я *категорически* утверждаю, что приведенные мною свидетельства изошли от людей, которые совершенно чужды в своих суждениях о Григории Распутине партийных соображений. Для некоторых из них,

¹ Печатается по: Московские ведомости. 1910. 30 марта. № 72. С. 2.

напротив, естественнее было бы по этим соображениям стоять за него. Не ручаюсь за газетного репортера, корреспонденция которого приведена мною в начале предыдущей статьи, ибо не знаю его лично, но его сообщения так гармонируют с показаниями последующих свидетелей, лично мне известных, что они не могут быть заподозрены с достаточным основанием. Засим я обращаюсь к письмам некоторых моих корреспондентов, отозвавшихся на мою статью о Распутине. Извлеку нечто из трех таковых писем.

«Достоуважаемый о Господе М. А.! Милость Божия буди с вами! — пишет мне один из самых верных Церкви епископов (как ни странно, может быть, а в наше время приходится отмечать и отличать эту верность и в епископах). — Собрался написать вам, когда прочитал вашу статью о Григории. Спасибо вам за разоблачение хоть одного еретического обманщика».

Оказывается, что сей Григорий «пытался подделаться» и к этому епископу, но... «оставил в нем недоброе впечатление святоши» и был обличен им в том, что, «бросив семью, шатается по столице»...

Это письмо, конечно, не вызывало меня на публичный отклик, и если я сделал из него небольшую выдержку, то потому, что вижу в нем новое свидетельство в пользу моей оценки Григория Распутина.

Но другое письмо, полученное мною из Петербурга от одного моего хорошего знакомого человека и интеллигентного, и истинно-благочестивого, нравственно требует от меня решительной отповеди. Вот это письмо в извлечении:

«Дорогой М. А.!.. Что касается вашей статьи о Григории, то мнение о нем С.-Петербурга раздваивается: одни — за него, другие — против. Я не составил еще своего мнения. Во всяком случае, у него удивительное сочетание высокого с обыденным, ненужным и, может быть, даже фокусным. Я хотел бы изучить его без предвзятой мысли в его пользу, и ваша статья служит для этого прекрасным подспорьем»...

В помощь и назидание моему слишком доверчивому другу (недавно лишь столкнувшемуся непосредственно с Григорием) и другим таким же доверчивым россиянам я расскажу о Распутине нечто из недосказанного в предыдущей статье, оказавшейся, очевидно, недостаточной для полного вразумления некоторых моих собратий.

Мне *достоверно* известно, что этот самый «старец» (ему на вид лет 40 с небольшим) — эротоман (по выражению епископа, о котором я упоминал в первой статье) из *религиозных* якобы побуждений и с *религиозными* целями устраивал в бане, *несомненно* у себя на родине, а *вероятно* и в других местах, своеобразные «собеседования» с своими обольщенными его «святостью» поклонницами, причем как сам он, так

и эти несчастные целой группой предстояли друг другу совершенно *нагими!*

Безумие, до которого доходят жертвы этого человека, и обольщение, которому они предаются, не без диавольского, полагаю, воздействия, простираются до того, что они убеждены по *опыту*, будто прикосновение к ним Григория «сообщает им чувство ангельской чистоты», что «он возводит их в райское состояние» и т. д.

Еще маленькая экскурсия в область его религиозной философии.

Когда однажды ему было указано, что Церковь не знает таких путей к Богу, какие рекомендует и практикует он, и решительно их отвергает, Распутин заметил: «*Все для души, и Церковь для души*». «*Вот ей хорошо со мной*, — конкретно пояснял свои слова новоявленный душоносец, прижимая к себе одураченную даму высшего круга, — *тут и Церковь*».

Чтый да разумеет!

Дальше я пока не иду. Если в первой статье я показал лишь листочки на этом ядовитом древе, если здесь раскрылся перед нами цветок, то о плодах да позволено мне будет умолчать!

Несколько слов о тактике этого сибирского выходца. Он хитро создает такие кружки, члены коих мало знают или совсем не знают, что творится в других им организуемых кружках. *Divide et impera!* Степень посвящения в «тайны» обуславливается *характером, положением, мерой обольщения* лиц, с которыми он имеет дело. Я убежден, что многие потому только и не изгоняют с позором этого «идейного» распутника, что, благодаря его хлыстовской тактике, им неведомо многое, что продлевает этот пустосвят. Убеждение это и понуждает меня глубже вскрывать творимые им «дела тьмы», кои обличать повелел апостол (Ефес. V, 11). Дела эти не просто «амурные похождения», как характеризует их, на основании первой моей статьи одна газета (оглашать *такие* лишь дела я не счел бы себя вправе); нет, здесь нечто более серьезное, взывающее к суду если не к гражданскому, то церковному.

В заключение считаю долгом своей вести и требованием любви к близкому мне, уважаемому еп[ископу] Феофану, ректору С.-Петербургской Духовной Академии, подчеркнуть в этой статье его отношение к Григорию Распутину более отчетливо, чем я это сделал прошлый раз. Считаю это тем более необходимым, что одна из петербургских газет, перепечатавшая часть моей статьи и Григории Распутине, упомянула об епископе Феофане, игнорируя мое заявление о его взгляде на сибирского «старца».

Относясь раньше с симпатией к Григорию (каковой симпатии временно не были чужды и некоторые другие епископы и духовные лица

разных рангов), преосвященный Феофан еще с прошлого года стал прозревать в нем то, что с особенно яркостью и выпуклостью обнаружилось в нем за последнее время. Результатом наблюдений его и некоторых близких к нему людей над личностью и деятельностью Распутина было признание, что последний находится в состоянии, которое на языке церковном именуется «прелестью». Руководясь заповедью Спасителя — не отвергать брата без братского обличения, епископ Феофан обличал его сначала наедине, указывая ему его нравственные заблуждения, а затем, совместно с иеромонахами Вениамином (канд[идат] С[анкт]-П[етербургской] Д[уховной] Академии) и Макарием (смотрителем Смоленского духовного училища). При этом последнем обличении Григорий Распутин сначала пытался оправдываться, а потом, когда попытка эта не удалась и пришлось признать себя виноватым в нарушении элементарных требований Евангелия и учения св. отцов, он обещал отвергнуть свое нечестие и исполнить одно требование, которое было ему предъявлено с целью, с одной стороны, его нравственного исцеления, с другой — как испытание искренности его раскаяния. Но это торжественно данное обещание он нарушил.

Вскрывшиеся затем и доселе продолжающиеся вскрываться все новые факты в жизни нашего «духовного гастролера» привели епископа Феофана к тому, что он совершенно отверг от общения с собой Григория Распутина и в письме ко мне по поводу моей статьи написал: «Новые данные, открывающиеся из деятельности Г., еще более подтверждают, что он заблуждается более и более и подпадает под власть бесовскую, помрачился окончательно и упорствует в неправде всяческими неправдами». В другом письме преосвященного Феофана ко мне сказано еще больше, еще точнее... Но, полагаю, что на этот, хотелось бы надеяться — последний раз высказано мною достаточно. И, конечно, *sapienti sat!**

* Для понимающего достаточно! (лат.). — Сост.

<Без подписи>

О Григории Распутине, иеромонахе Илиодоре и прочих¹

Около двух месяцев назад, после опубликования нами статей М. А. Новоселова о Григории Распутине (Новых), в одной московской газете было сообщено, что известный иеромонах Илиодор в Царицыне произнес в храме речь, в которой объявил, что какое-то собрание царицынских верующих послало нашей редакции письмо ругательного содержания. В письме, будто бы, благочестивые почитатели «блаженного старца Григория» и не менее благочестивого иеромонаха Илиодора постановили: *Тебя, блудница редакция (т.е. «Моск[овские] вед[омости]), пригвоздить к позорному столбу перед всей Россией, а твоего богомерзкого сотрудника, Новоселова, высечь погаными банными вениками.* Однако же никакого подобного письма мы ни тогда, ни до сего дня не получали.

Предполагая первоначально со стороны московской газеты, может быть, простую шутку над иеромонахом Илиодором, мы послали ему телеграфный запрос с оплаченным ответом. Никакого ответа на эту телеграмму мы до сих пор также не получили. В то же время мы разными путями искали точных сведений о том, что именно начудил отец иеромонах Илиодор? Долгое время принуждены мы были довольствоваться лишь данными царицынской прессы, подробно излагающими две речи о[тца] Илиодора, одну с означенною экзекуцией на «*Московскими ведомостями*» и г[осподином] Новоселовым, и другую — где отец иеромонах, восхваляя святость «блаженного старца Григория», рассказывает и сам, что этот блаженный старец очень любит женщин, ласкает их и целует, но все это проделывает не как грешные люди, а каким-то особенным святым способом. Долгое время мы не решались вполне верить местной прессе, особенно потому, что в означенной речи

¹ Печатается по: Московские ведомости. 1910. 30 апреля. № 97. С. 1.

о[тцу] Илиодору приписывается тяжкое кощунство в отношении самого Христа Спасителя.

Но вот, наконец, мы получили прямое заверение одного осведомленного человека о том, что все изложенное в царицынской печати подтверждается местными обывателями, за исключением кое-каких частностей. Оказывается, что отец иеромонах Илиодор действительно постановлял со своею благочестивою паствою означенную экзекуцию нам и М. А. Новоселову, в наказание за непочтение к блаженному старцу, столь любящему и ласкающему женщин. Итак, мы можем наконец оповестить читателей об этой нелепой истории, а вместе с тем, повторяем, что и до сих пор никакого письма об этом ни от иеромонаха Илиодора, ни от его благочестивых почитателей не получали.

Об этом инциденте можно более и не распространяться. Но, что касается «блаженного старца», любящего и ласкающего женщин, а также сводящего с ума, очевидно, немало и мужчин, то о нем не бесполезно кое-что и добавить.

В полученных нами сведениях с места его деяний и чудес нам подтверждают совершенно то же, что рассказывает М. А. Новоселов, да и не один он. Произносят о «старце» и то же слово «хлыст», которое г[осподину] Новоселову произнес некоторый архиерей, характеризуя Григория Распутина. Как известно, хлыстовские святые все вообще очень любят женщин и их амурные похождения, и принципиальное развращение, ими вносимое, систематическое замещение брака половым развратом и т. д., все это не только отлучает их от Церкви, но объявлено недопустимым и гражданским законом. Хлысты — по закону гражданскому считаются сектой вредною, недопустимою.

И вот мы спрашиваем: где же власти духовные и гражданские? Отчего они не объяснят нам, в чем дело.

Мы, понятно, нимало не желаем быть несправедливыми к кому бы то ни было, в том числе и к Григорию Распутину. Почему же власти гражданские и церковные не разъяснят, правда ли то, что рассказывают о похождениях этого «блаженного старца»? Если люди, его наблюдающие и не одурманенные его гипнозом, называют его хлыстом, если его так называет один из архипастырей, то почему же Святейший Синод не поручает расследование этого дела? Почему этим не озаботится г[осподин] обер-прокурор? Ведь они имеют на это специальных чиновников и миссионеров, коих обязанность состоит в расследовании сектантских дел? Обер-прокурор Св. Синода, ввиду воспрещения гражданским законом хлыстовской пропаганды и сеяния ими разврата, не должен ли расследовать дела о Григории Распутине, чтобы пресечь наконец все недоразумения?

Ведь тут одно из двух: или перед нами оперирует развратный хлыст, или человек, имевший несчастье быть оклеветанным молвой. В последнем случае мы первые готовы были бы принести ему свои извинения. Если же это хлыст, развращающий женщин и разрушающий семьи, то каким образом Св. Синод допускает духовных лиц, как иеромонаха Илиодора и др., выступать на защиту и поддержание хлыстовщины, вооружать темный народ против писателей, исполняющих прямой долг журналистики? Каким образом, под покровом священного сана, допускается развращение целой массы царицынской паствы, которую сам иеромонах Илиодор исчисляет в десять тысяч? Да Григорий Распутин оперирует не в одном Царицыне, а в целом ряде других местностей. Скольکو же десятков или сотен тысяч темных людей отдается на погибель — страшно сказать, под прикрытием церковного авторитета?

Позволим себе выразить всем, кому о том пешись надлежит, свое мнение, что таких дел нельзя допускать. Личность Григория Распутина должна быть выяснена, и соблазн должен быть прекращен.

Одно из позорнейших обстоятельств дела о Григории Распутине составляет то, что в защиту его указывается иногда его «черносотенность». Вот уж недурный член партии! Но во всяком случае мы не читали еще ни в одной программе пункта о совместном с бабами и великосветскими дамами мытье в банях, так что Григорий Распутин привносит здесь в политику нечто новое... И, наконец, в какой бы сотне ни числился развратитель, «черной», «красной» или «зеленой» — если найдется такая, осужденная на гибель, партия, которая способна принимать подобных деятелей в свои ряды, то ни закон Божий, ни закон государственный не допускают практики хлыстовства, а потому власти духовные и гражданские обязаны оградить народ и общество от этой деморализации.

С. В.

Распутин-Новых¹

Гермоген, Илиодор, Восторгов — вот имена, которые за последние два-три года так часто фигурируют в печати.

Несомненно, что эти три духовные лица, начиная с 1906 г., имеют почти решающее влияние на ход нашей церковно-общественной жизни.

К этим трем «столпам русской церкви» приходится теперь присоединить «старца» Григория Распутина.

«Блаженный» — так монах Илиодор окрестил новоявленного старца.

Правда, физиономия этого старца несколько отличается от современной триады. Прежде всего «блаженный» Григорий не вошел еще в Союз русского народа и ничем не проявил своего патриотизма. Вот почему отец Восторгов и миссионер Скворцов занимают пока по отношению к старцу выжидательную позицию...

Фамилия «блаженного», как в церкви объяснил Илиодор народу, показывает, что прежде старец вел «распутный» образ жизни. Как именно жил Распутин и какие обстоятельства сделали его «старцем» — об этом известно лишь немногим.

Григорий Ефимович, как называют его близкие, происходит из зажиточной семьи. Он приехал из Сибири в Петербург только 4 года тому назад. В Сибири Григорий Ефимович жил на широкую ногу. Будучи состоятельным человеком, «блаженный» устраивал кутежи, не щадя на это ни денег, ни здоровья. Самой слабой стороной «старца», по словам близких к нему лиц, являлись женщины, к которым он, «вообще» с раннего детства не был равнодушен. Его главными низменными

¹ Печатается по: Речь. 20 мая 1910. № 136. С. 2; 25 мая 1910. № 141 (1379). С. 4; 26 мая 1910. № 142 (1380). С. 2; 28 мая 1910. № 144 (1382). С. 2; 30 мая 1910. № 146 (1384). С. 2; Речь. 7 июня 1910. № 154 (1392). С. 2; Гермоген, Илиодор и Распутин-Новых // Речь. 10 июня 1910. № 156 (1394). С. 2; 17 июня 1910. № 163 (1401). С. 2.

потребностями были водка и женщины. Так из года в год текла жизнь Распутина, пока к нему случайно не явился какой-то сибирский проповедник, имевший решающее значение в его судьбе. Под влиянием проповедника «старец» начал увлекаться Священным Писанием и вообще вопросами веры. Целых два года Григорий Ефимович провел над изучением церковной истории. Особенно недостижимым идеалом казались ему так называемые «старцы» первых веков христианства. Старцы эти, как повествует церковная история, имели сильное влияние на людей. Народ тысячами стекался к ним в пустыню, а иногда они сами приходили в мир с проповедью.

И вот Григорий Ефимович вдруг решает начать новую жизнь: проповедовать миру о необходимости возрождения института старцев. С письмом от знакомого священника Распутин приехал в Петербург к «смиренному» Феофану. Последний, как известно, считается «великим подвижником», и потому мысль и вдохновенная речь Распутина о старцах пришлась ему по сердцу. Епископ Феофан начал выдвигать Григория Распутина, знакомя его с влиятельными лицами, водил с собой везде и всюду, и таким образом успех Распутина заранее был предreshен.

Григорий Ефимович, благодаря своей железной воле, скоро, однако, сам проложил себе дорогу. В сферах и салонах старец Распутин стал проповедовать, что ни один человек не может спастись без старца. По его мнению, старец — это высшее, что есть в христианстве. Ни церковь, ни молитва, ни пост, ничто не послужит к спасению людей, если последние не имеют старца. Духовные дети должны быть откровенны со своими старцами, ничего не скрывать от них, а в особенности быть послушным орудием в их руках. Но так как женщины, по мнению «блаженного», слабее мужчин и более склонны ко греху — они-то главным образом нуждаются в старцах, в особенности если они молоды и красивы. Женщина должна оставить мужа, детей и всех родных и, ради своего «спасения», пойти за старцем.

Проповедь Григория Ефимовича имела редкий успех. Высокопоставленные лица, главным образом дамы, приглашали его к себе на перебой. Имя его становилось с каждым днем популярнее, и «блаженный» скоро сделался самым желательным лицом. Его везде и всюду сопровождали «духовные дочери». Одна совсем молодая особа ради своего спасения оставила родных и пошла за старцем.

Ее примеру последовали многие другие. Сообщают, что на этой почве в семье одного весьма видного лица произошла потрясающая душу драма. Старец хотел во что бы то ни стало «спасти» одного из членов этой семьи — пятнадцатилетнюю дочь. С этой целью он часто являл-

ся в дом и развивал перед нею и ее матерью свою теорию спасения. Молодая барышня совсем было увлеклась старцем и решила пойти за ним. Целых два месяца родители со слезами на глазах умоляли свою дочь не решаться на такой безумный шаг, и только какие-то случайные обстоятельства вырвали ребенка из когтей «блаженного» старца. Другая, весьма богатая семья, отличающаяся особой набожностью, через епископа Феофана познакомилась с Григорием Ефимовичем. Здесь «старец» постарался опутать мать семьи. Когда эта женщина указала старцу на мужа, которого она любит, и на своих детей как на препятствие, мешающее пойти за ним, блаженный Григорий ответил: «Дочь моя, это говорит в тебе диавол».

В настоящее время возник ряд бракоразводных дел из-за старца Григория. Развода просят люди, находившиеся в браке свыше 25 лет. Конечно, можно было бы привести еще много, много примеров для характеристики этого старца, можно было бы указать на тех «духовных дочерей», которые ныне, по совету «блаженного», отправились в Иерусалим, можно было бы указать на многочисленных «духовных дочерей», как они на вокзалах, провожая старца, обнимались с ним и т.д., и т.д. Однако проповедь и теория спасения старца скоро показались подозрительными. За «блаженным» был установлен надзор, который, действительно, не замедлил раскрыть нечто «неприличествующее» старцам. Разгневались на Григория Ефимовича. Многие салоны перестали его принимать, вскоре и совсем замолчали о нем. Но более пострадал из-за «старца» епископ Феофан. Последнего обвинили в потворстве далеко не «благочестивым» старцам. И с этого момента, т.е. с февраля месяца текущего года, <его влияние> значительно ослабело, так быстро выдвинувшегося «аскета» Феофана. Передают, что, когда изменилось отношение к Феофану, он не мог вынести этого и с ним случился удар. Преосвященный епископ волею-неволею вынужден был вскоре взять отпуск и поехал в Ялту. Попытка некоторых друзей о. ректора как-нибудь ослабить впечатление «похождений» старца и удержать епископа на занимаемой им тогда высоте осталась тщетной: «епископ Феофан пал».

Перед своим отъездом в Ялту ректор Феофан категорически отказался принять «блаженного» старца. Келейник прямо заявил Григорию Ефимовичу: «Епископ Феофан просит вас больше не приходите к нему». Вслед за этим епископ Феофан запретил студентам-«феофанистам» пускать старца Григория и через порог академии, где он часто бывал.

Кстати, любопытно отметить, что епископ Феофан окружен не одним только старцем Григорием. У него был еще старец «Миша», про которого студенты академии рассказывают прямо невероятные вещи. Как-то

один студент пришел к епископу Феофану просить отсрочку для подачи семестрового сочинения. Студенту открыл двери старец «Миша» и начал с ним беседовать о том, что ему нужно от преосвященного, есть ли у него родители, и т. д. Узнав, что у студента нет отца, старец «Миша» повел его у Феофану. Когда епископ отказывался дать отсрочку, старец «Миша» вдруг заявил: «Сжальтесь над ним, отец ректор, студент бедный и недавно у него отец умер». Смиренный Феофан, проверив, что действительно недавно у студента отец умер, удивленно спросил старца, как он мог это узнать. «Знаю, преосвященный, знаю, дух Божий через меня говорит» — так ответил старец «Миша». Это не анекдот, а факт, известный многим студентам академии.

Целая шайка этих «блаженных» старцев, во главе с Распутиным, заранее осведомляется о положении, о жизни тех или иных высокопоставленных лиц, а затем являются к ним в дом с «откровением».

«Блаженному» Григорию, однако, после поражения каким-то образом вновь удалось вернуть себе доверие. Теперь, по-старому окруженный целою вереницею «духовных дочерей», он появляется в салонах со своей прежней проповедью. Недавно старцу было разрешено переменить фамилию. Он теперь именуется Распутин-Новых.

В связи с этим и отношение к епископу Феофану значительно изменилось к лучшему.

Распутин-Новых безнаказанно продолжает заниматься «распутными делами». Высшая церковная власть также продолжает хранить полное молчание. Впрочем, Св. Синод занят пока отлучением от церкви московских «братчиков»...

Распутин-Новых 21-го мая арестован и выслан в село Покровское Тамб[овской] [sic!] губ[ернии].

Еще недавно пользовавшийся громадным доверием, Распутин-Новых — в опале. В обществе уже давно рассказывались изумительные вести о деяниях Распутина. Влияние его и лиц, ему протезирующих, было настолько велико, что парализовались все действия, направленные к умалению того ореола, которым окружено было имя этого человека.

Секрет этого влияния объясняется отчасти той своеобразной обстановкой, которая создалась в высших кругах и благодаря которой создается широкая арена для борьбы за «влияние» различных проходимцев, с другой — в самой личности старца. Умный и лозкий Распутин сумел учесть создавшееся положение, и, обладая большой волей, достаточной

проницательностью и знанием той среды, где вращался, он оказывал неотразимое влияние на психику этих кругов. Явившись в столицу никому не известным, без связей, с письмом только к Феофану, человеку, также строящему свое влияние на своеобразном аскетизме, он сразу уловил патологическую сторону настроения кругов и сразу взял верный тон.

В несколько месяцев Григорий Ефимович успевае достигнуть невероятных успехов и апогея «влияния». Религиозные искания «салонов» делают его апостолом, носителем истины в этих салонах. «Религиозно-философские» теории Распутина, базирующиеся на признании высшего авторитета «старца», на очищении мира от грехов, через непосредственное общение с этими посланниками неба, группируют вокруг него массу последователей, особенно последовательниц, ищущих в этом общении очищения, и в то же время создают широкую арену для похотливых стремлений старца... Вся деятельность этого сладострастника напоминает, по словам одного преосвященного, бесмертные новеллы Боккаччо.

Но Распутин увлекся и упустил из внимания, что там же, где он, действуют и другие круги, что деятельность его вызывает в них зависть и стремление к противодействию, к устранению его из этой среды, с целью занять то место, которое он занимал. И Распутин — пал. Так же быстро и неожиданно, как и поднялся.

Несколько дней тому назад мы привели некоторые данные, характеризующие деятельность Распутина-Новых. Теперь нам удалось получить любопытные дополнительные сведения. О деятельности этого старца ныне собран богатый материал, и лицо, соприкасающееся с упомянутыми кругами, любезно передало нам кое-что из этого материала.

— Что-то кошмарное, — говорил наш собеседник, — сатанинское в этом необузданном человеке, который так необыкновенно умеет играть с душой нашего высшего общества. То, что рассказывается в собранных против старца документах, действительно не поддается никакому анализу. Вы сами, впрочем, убедитесь в справедливости моих слов, когда ознакомитесь с некоторыми документами. Психология Григория Ефимовича раскрывается в каких-то кошмарных, болезненных явлениях, чуждых обыкновенному человеческому пониманию.

Не будет преувеличением, если скажу, что наша Православная церковь едва ли до сих пор знала человека, подобного «старцу», — который под флагом религии совершал бы из ряда вон выходящие преступные деяния.

— Отвратительная деятельность этого «старца», — продолжал наш собеседник, — началась еще в 1906 году и продолжалась до последнего

времени. Чем больше Григорий Распутин приобретал популярность «старца», тем более кошмарный характер принимали его преступные деяния не только по отношению к женщинам, но и к церкви. Часть документов прошу опубликовать, ибо хотя теперь Распутин выслан, но он, пожалуй, еще может вернуться «к своей славе», так как его влияние и поныне во многих салонах велико. О том, что Григорий Распутин является далеко не воплощением «старца», многие знали, но все находились под каким-то гипнозом, и никто долго не осмеливался усомниться в его святости.

Правда, в 1908 году ясно и резко обнаружилось, что старец вовсе не относится так строго к себе, целует женщин, ласкает их и большую часть времени проводит в их обществе. Епископ Феофан, тогда еще архимандрит, будучи одним из виновников успехов Распутина, созвал нечто вроде третейского суда, в состав которого вошли один епископ, один иеромонах и три высокопоставленных светских лица. «Старцу» было предъявлено обвинение в том, что он не только «целует женщин», но и с ними «ходит в баню». Ловкий и хитрый Распутин сумел, однако, оправдать себя перед судом. «Хождение в баню» он объяснил тем, что подвергает себя этому испытанию, что только таким путем можно «убить свою плоть». Всякий христианин, говорил старец, должен ласкать женщин, так как ласка — «христианское чувство».

Суд, как это ни странно, удовлетворился этим объяснением и вынес оправдательный приговор Распутину. В начале следующего 1909 года, когда Григорий Ефимович был самым желательным и популярным лицом в салонах, против него опять начали раздаваться отдельные голоса протеста. Еп[ископу] Феофану и иеромонаху Вениамину, секретарю арх. Сергия Финляндского, посылали письма, обличающие старца и его проповедническую деятельность. Был созван второй духовный суд, который, однако, и на этот раз оправдал Распутина. Ректор академии еп[ископ] Феофан предложил ему только поехать в монастырь на год или полгода для «послушания». «Старец», конечно, от такого тяжелого подвига отказался, ссылаясь на то, что его «духовные дочери не могут без него жить».

Характерно то, что блаженный Григорий знакомился исключительно с высокопоставленными лицами. Простонародья он избегал и держал себя вдали от Св. Синода, водя дружбу лишь с сильнейшими единичными личностями высшей церковной иерархии, преимущественно с арх. финляндским Сергием, с еп[ископом] Феофаном, с монахом Илиодором и другими подобными им. Однако в кружке графини Игнатьевой Распутин отказывался бывать. В этом кружке, говорил блаженный,

собираются люди, с которыми мне не подобает встречаться: миссионер Скворцов и Дубровин — дети дьявола.

В конце 1909 года опять стали обвинять еп[ископа] Феофана и иеромонаха Вениамина в том, что они продолжают вести знакомство с Распутиным, место которому давным-давно в тюрьме. Еп[ископ] Феофан, под влиянием этих обвинений, позвал к себе Распутина, и, когда старец явился, еп[ископ] Феофан остановил его словами:

— Не приходи ко мне, сатана, ты не блаженный, а обманщик. Ты действительно, Григорий Распутин, был и будешь распутным человеком.

Старец упал на землю и громко закричал:

— Я погиб!

Тем не менее и на этот раз еп[ископ] Феофан не принял никаких решительных мер, а лишь предложил старцу уехать в монастырь на покаяние. Распутин не согласился и остался в столице, продолжая пользоваться тем влиянием, что и раньше...

— Иеромонах Вениамин, — закончил наш собеседник, — в конце концов в «сферах» доказал, что святость «старца» жить лишь к унижению всего истинно святого и к позору религии...

Распутин-Новых имел свою «религиозно-философскую» теорию спасения душ человеческих.

— Я вмещаю в себе частицу Иисуса Христа, — говорил старец, — и только через меня можно спастись. Для этого необходимо слиться со мною душою и телом. Все, что от меня исходит, — есть источник света, очищающий от грехов.

Отсюда и вытекает тот практический вывод, что «блаженному» Григорию Распутину все позволено. С этим все последователи, вернее, последовательницы, согласились, и многие из последних, действительно, практически осуществили теорию старца.

О кощунственной и безнравственной проповеди Григория Распутина, несомненно, прекрасно были осведомлены те представители Православной церкви, которые до последнего времени являлись главной опорой старца. В «салонах» принимали слова Распутина за новую истину. Когда кто-либо из высокопоставленных лиц осмеливался обратиться к Распутину с вопросом, не идет ли его учение вразрез с учением господствующей церкви, блаженный отвечал: «Пути мои церковью не примет, и мы должны идти разной дорогой. В церкви я не нуждаюсь, но она нуждается во мне».

Эту теорию «спасения» душ человеческих Распутин проповедовал не в одном только Петербурге. Блаженный со своими последовательницами, как документально установлено, объезжал все почти крупные города центральной России, где в большом числе приобретал себе новых последователей и последовательниц.

Везде и всюду Распутина провожали две избранные им женщины из высшего петербургского общества. Редкий успех старец имел в Казани, Саратове, Киеве и Самаре.

Во всех этих городах Распутин творил прямо ужасные вещи.

С начала Великого поста и до конца апреля месяца тек.[ущего] года на имя епископа Феофана и двух других влиятельных в «сферах» лиц поступило ни больше ни меньше как двадцать пять писем от пострадавших последовательниц, и только благодаря этим письмам, благодаря протестам из провинции петербургские салоны наконец решили отказаться от «спасения» через Распутина.

Правда, и теперь, когда деятельность Распутина разоблачена, некоторые салоны продолжают защищать его в «сферах» и даже требуют его возвращения в столицу.

Ниже мы приводим два документа, так ярко характеризующие облик этого «старца», представляющего несомненный интерес для патологов.

Одна видная особа из Казани пишет епископу Феофану следующее:

«Ваше преосвященство! Я решительно не понимаю, как это вы до сих пор продолжаете вести знакомство с Григорием Распутиным. Ведь до настоящего времени я смотрела на вас, как на великого христианского подвижника, с большим благоговением относилась к вашему епископскому сану и думала, что вы действительно современный святой Русской церкви, и окружают вас только одни благочестивые люди, любящие Христа и его церковь. Что за блаженный Распутин? Какой он сатана! Дела, которые он творит, поистине, служат признаками пришествия антихриста. Слушайте, преосвященный, и молитесь Богу, чтобы Он не разгневался на вас и наше отечество из-за этого безнравственного и погибшего старца.

Месяц тому назад одна знакомая петербургская дама привела в наш дом старца Григория Распутина. Первое впечатление от него было сильное, глубокое. Вся наша семья долгое время находилась под обаятельным влиянием Григория Ефимовича. Мои девочки боготворили его, считали великим святым. Так на старца смотрит и госпожа М., которая сопровождает его по всем городам России. Моим девочкам — одной шестнадцать лет, а другой — двадцать лет. И вот однажды я иду по улице и вдруг вижу следующую картину: из бани выходит Григорий Распутин с моими двумя дочерьми... Надо войти в положение матери,

чтобы только понять тот ужас и то безумие, которые охватили меня. Я остановилась и не могла произнести ни одного слова. Смотрю на дочерей и на старца и не могу понять: во сне ли это происходит или в действительности? Стою и молчу. Рот у меня не открывается. Чувствую, что со мной будет дурно от этого ужаса.

— Вот теперь воссиял истинный свет спасения, — это были слова старца. Я продолжаю молчать, так как была не в силах что-либо сказать. Старец смотрит на меня и сатанински улыбается. Я не могу больше, ваше преосвященство, писать вам об этом ужасном человеке. Думаю, что, если в вас сохранилась хоть капля человеческой совести, вы должны непременно отказаться от этого преступного старца, который везде и всюду произносит ваше имя. Если ваша епископская совесть найдет нужным опубликовать это письмо с целью предупредить других лиц от жертв этого преступного человека, я ничего не имею против».

Другая последовательница «блаженного» пишет одному высокопоставленному лицу:

«Еду вместе с Григорием Распутиным на его родину в Сибирь. Со старцем я познакомилась в Петербурге в доме Л. и в течение четырех месяцев не отходила от него. Старец произвел на меня сильное впечатление. Я оставила родных, к которым сильно была привязана, и ушла за старцем. Однажды я ехала с ним в отдельном купе 1-го класса. Сидим вечером вдвоем и ведем беседу о Боге, о спасении души и будущем воскресении мертвых. Вдруг старец встает, подходит ко мне и начинает целовать меня. Долго, долго Григорий Распутин целовал и ласкал меня. А затем... он очистил меня от грехов... После этого Григорий Распутин велел мне сделать вместе с ним сто земных поклонов. И вот к концу вечера как-то на душе у меня стало тяжело, и я обратилась к старцу с вопросом: “А может быть, Григорий Ефимович, то, что мы с вами теперь делаем, есть грех?” — Старец на это ответил: “Нет, дочь моя, это не грех. Грех — понятие субъективное, все зависит от человека. Пища, например, дана от Бога, и все люди кушают, не считая, что это грех. Наша плоть тоже от Бога, и мы можем свободно пользоваться ею. Не надо только думать, что это грех. И если я заставил себя и тебя сделать сто земных поклонов, то потому только, что дьявол соблазнил меня; он внушил мне, что то, что я с тобой сделал, есть грех. Но вот теперь я успокоился и не думаю больше о грехе. Опять будем делать то, что раньше делали, и ты тогда получишь спасение. Дочь моя, — продолжал старец, — плотские связи со мною не составляют никакого греха, так как в этом проявляется исключительно моя духовная любовь. Надо любить старцев, которые только одни способны на эту духовную любовь”.

Затем Григорий Распутин требовал от меня, чтобы я на исповеди у священника не говорила об этих «святых» сближениях душой и телом со старцем».

Это не фантазия, не клевета «левой» печати на блаженного старца. Обо всем этом сами пострадавшие пишут, и документы о преступных деяниях старца ныне хранятся в руках тех, благодаря которым Григорий Распутин предстал в своем настоящем виде и был выслан из Петербурга. Но этим далеко еще не исчерпывается «спасительная» деятельность старца Григория. Мы еще вернемся к этому «подвижнику» и расскажем, что делается в том селе Покровском, куда он сослан, со своей законной женой и 12 «сестрами», которые все живут с ним под одним кровом.

«Не хорошо поступил епископ Феофан, не хорошо поступил и архиепископ Сергей, не по-христиански, с блаженным Григорием. На него все клеветают, и они поддерживают клевету, хотят его погубить. Это для меня непонятно. Впрочем, я скоро приеду в Петербург, и тогда посмотрим, кто победит — клеветники или блаженный Григорий» — так телеграфирует иеромонах Илиодор видному духовному лицу, которое принимало живое участие в разоблачении Григория Распутина.

Узнав о решении своей участи, Распутин-Новых немедленно по телеграфу обратился к епископу Гермогену и монаху Илиодору с просьбой о защите. Старец прекрасно знал, что вчерашние его покровители, архиепископ Сергей и епископ Феофан, после такого скандала откажутся от него. Надеясь, что по приезду Илиодора в Петербург репутация «блаженного» будет реабилитирована, Распутин хлопотал о разрешении остаться еще на одну неделю в столице. Однако на это не дали согласия и опальный «блаженный» должен был немедленно покинуть Петербург. На родине, куда он выслан ныне, помещается главный штаб его «духовных» дочерей. Здесь, в селе Покровском Тобольской² губ., Распутин-Новых, кроме законной жены и двух детей, имеет еще 12 «сестер». Самой старшей из них, по словам жены старца, 27 лет. Сестры эти набраны в разных городах Сибири и отличаются редкой красотой. Все они живут в доме Распутина, который, по описанию одной из «сестер», прекрасно обставлен. Жена старца с детьми занимает в доме пять комнат, а «сестрам» предоставлено каждой по одной комнате. Когда старец приезжает в свои «родные Палестины», все сестры, за исключением жены, живут с блаженным Григорием

² А не Тамбовской, как ошибочно было сообщено в «Речи».

в особой, роскошно обставленной, большой комнате. Надо заметить, что Распутин за эти три-четыре года своего «посланничества» не задерживался надолго в одном месте. Жена Распутина, как это выясняется из собранных документов, никогда не верила в посланническую миссию своего мужа, и последний периода времени был для нее очень тяжел. Оставить старца и уйти от него с двумя малолетними детьми она не могла вследствие материальной зависимости от «блаженного». Старец свой наследственный и — как пишет одна сестра — большой капитал держит в сибирском банке в Тюмени.

«Мы, — пишет “сестра”, — часто ездили с Григорием Ефимовичем в Тюмень в банк и всякий раз брали билеты 1 класса. В Тюмени у старца есть много богатых последовательниц, где нас всегда радостно принимали».

Все старания жены уговорить мужа отказаться от «миссии» и заняться своим хозяйством оказались тщетными. Григорий Распутин неуклонно продолжал свою «миссию». Он прекрасно знал, что те лица, которые его окружают, неминуемо приведут его к «славе».

От жены Распутин требовал абсолютного послушания и невмешательства в жизнь «сестер» и поручал ей, в случае надобности, снабжать их деньгами. Жена все это должна была переносить молча. Правда, по словам одной петербургской последовательницы, которая жила в доме «старца» два месяца, иногда происходили потрясающие сцены. Жена, выйдя из себя, кричала на «сестер», рвала на себе волосы, часто падала в обморок и била своих детей.

Когда «старец» долго не приезжал в село Покровское, сестры сильно скучали, и атмосфера в доме становилась тяжелой, «сестры» целыми днями плакали и пели какие-то песни.

В селе Покровском, как теперь выясняется, кроме Григория Распутина, есть еще три других «старца». Об этих мало известных «старцах» и о жизни главного штаба духовных «дочерей» Распутина вот что пишет одна из жертв блаженного Григория:

«Четыре месяца, как я не вижу старца Григория. Он привез меня из Петербурга и оставил здесь среди сестер и законной жены, с которой он живет более 13 лет. Жена старца простая, хорошая женщина, но она совсем неспособна понимать святость мужа и постигать его пророческий дух. Все мы живем в собственном доме Григория Ефимовича, ничего не делаем и с нетерпением ждем возвращения “старца” к нам. Сестры сильно тоскуют и часто посещают местных трех “старцев”, которые являются для них главным утешением. Старцы эти находятся в хороших отношениях с нашим Григорием Ефимовичем. Они очень любят его и называют “рабом Божиим”. Старец Николай объяснил мне,

что наш Григорий Распутин почитается всеми в Сибири за святого. Местные три «старца» имеют, кроме законных жен, еще каждый по две сестры, которые сопровождают их по всем сибирским городам. Григорий Распутин *не разрешает им идти с проповедью за пределы Сибири*».

Еще маленький документ.

Один иеромонах получил следующее письмо: «Полгода, как нахожусь в каком-то кошмарном состоянии, живя в доме старца Григория. Я его давно не видала и теперь не знаю, кто он такой — святой или величайший грешник мира, я не знаю. Его здесь нет, но я не нахожу себе места в этом несчастном селе. Хочу убежать, хочу вернуться в Петербург, но не могу, боюсь, страшно боюсь старца. Его большие, серые, пронзительные глаза давят меня, проникают вглубь моей души и страх наводят на меня. На расстоянии 5000 верст я ощущаю старца около себя. Чувствую, что он — необыкновенная сила, что он все может. Но я больше не могу оставаться и не сегодня-завтра поеду искать Григория Распутина, где бы он ни был. Ради Бога, напишите, кто он такой? Что за странный человек? Может быть, я тогда пойму его. Здесь эти несчастные «сестры» страдают сильно без старца, просят меня поехать за ним и скорее привезти его к ним. Другие старцы в селе Покровском, мне думается, — есть один обман».

Ужасно то, что ни духовная, ни светская власть, видимо, не придают никакого значения этим «старцам».

Когда год тому назад тобольский епископ Антоний обратился в Св. Синод с докладом о необходимости принять меры против Распутина, иерархи не потрудились даже обсудить этот доклад.

Антоний волынский не один раз говорил членам Синода, что Распутин не «старец», а «мазурик» и «обманщик», но и это не оказало никакого влияния. И теперь, когда из-за оскандалившегося старца Распутина идет в сферах борьба, когда Илиодор грозит своим приездом в Петербург, Св. Синод продолжает делать вид, что он не замечает Распутина и что это дело его не касается.

Старец Распутин, обращаясь по телеграфу к саратовскому епископу Гермогену и монаху Илиодору с просьбой о помощи, как и следовало ожидать, не ошибся в расчете. В Петербург уже приехал всемогущий Гермоген, и скоро, надо думать, не замедлит явиться и сам Илиодор. Это вполне понятно. Еще каких-нибудь 2–3 недели тому назад царьинский инок, конечно, не без ведома своего епископа, произнес, как известно, большую речь о «блаженном» старце, «великом свя-

тителе современной русской церкви». И вот этот «блаженный», так неожиданно и с такой головокружительной быстротой вдруг впадает в немилость и административным порядком высылается из столицы в Сибирь. Проповедь Илиодора в церкви, посвященная «старцу», как теперь выясняется, носила характер протеста против тех лиц, которые явились главными виновниками падения Распутина. Местные власти именно так и смотрели на проповедь Илиодора, и в этом смысле было сообщено председателю Совета министров.

Еще на шестой неделе Великого поста, когда против старца восстали епископ Феофан и иеромонах Вениамин, монах Илиодор показал, что он действительно может оказать старцу сильную поддержку и не даст легко его в обиду. Выясняется, что иеромонах Вениамин собрал тогда веские разоблачения, касающиеся поведения «святого», и в виде письма разослал их в те салоны, где бывал Григорий Распутин. Скандализованное «высшее общество» тогда временно перестало принимать старца, пока не явился с «ревностной» защитой инок Илиодор. Последний инкогнито приезжал в Петербург и ему удалось восстановить репутацию старца.

Поэтому и теперь как сам Распутин, так и епископ Гермоген со своим иноком думают, что им вновь удастся вернуть Григория Распутина в столицу. Правда, еп[ископ] Гермоген уже теперь понял, что речь Илиодора о «блаженном» произвела в некоторых салонах столицы далеко не благоприятное для монаха и для самого Распутина впечатление. Некоторые стали думать: а что, если и сам «ревностный» Илиодор не далеко ушел от старца.

— Бог знает, — говорил один из покровителей монаха, — какое это «подворье» в Царицыне и что за бабы ходят к Илиодору.

Распутин-Новых считался близким другом епископа Гермогена. Он часто ездил в Саратов к преосвященному и по целым неделям гостил у него. Уверяют, что запрещение пьесы Леонида Андреева «Анатэма» последовало, главным образом, благодаря ходатайству Григория Распутина. Блаженный хотя никогда лично не занимался политикой, но когда его друзья из Саратова и Царицына обращались к нему с какой-либо просьбой, оказывал им необходимую поддержку. И нет ничего удивительного, что епископ Гермоген и монах Илиодор за последние 2–3 года чувствовали себя такими сильными. Главной опорой их, несомненно, был Распутин-Новых. Вот почему в настоящее время епископ и монах Илиодор так близко приняли к сердцу падение «старца» и так неутомимо хлопочут о возвращении его в салоны.

Но надо все-таки думать, что поняли наконец, что представляют из себя эти Распутины, Илиодоры и им подобные «святоши». Ведь

два года Св. Синод и Министерство внутренних дел непрерывно ведут борьбу против Илиодора, два года высшая церковная власть терпит неподобающие служители церкви выходки инока.

И вот, как только Распутин пал, и в министерстве и в Синоде совсем иначе заговорили об Илиодоре. Председатель Совета министров более энергично требует теперь от Синода, чтобы царицынский инок отвечал за свои поступки и чтобы впредь подобных выходов с его стороны не было. В свою очередь Синод также стал более требователен к Гермогену, которому непосредственно подчинен Илиодор.

Такое положение вещей прекрасно поняли те лица, которые здесь, постоянно протезировали Гермогену и монаху Илиодору. В Александро-Невской лавре, где остановился епископ Гермоген, ежедневно происходят совещания, в которых принимают участие два влиятельных лица и синодальный миссионер Скворцов. На этих совещаниях речь идет главным образом о старце Распутине и о том, что ответить Синоду и Министерству внутренних дел на их запросы по поводу деятельности царицынского инока.

* * *

До сих пор мы не отметили, сколько лет Распутину. Между тем это весьма важно, так как в первых веках христианства, когда институт старцев находился в полном расцвете, старцами назывались подвижники не моложе 60–70 лет. Распутину всего 35 лет. Нечего говорить о том, что «старец» Григорий являлся не из «пустыни» и не в «мир», а в салоны.

Читая письма, которые получали те лица, благодаря которым пал Распутин, невольно думаешь, как все это могло случиться, что были за люди, которые шли за старцем?

Приведем еще один документ, ярко характеризующий Распутина.

Одно лицо пишет епископу Феофану следующее: «Преосвященный владыка. Позвольте обеспокоить вас и сообщить нечто, быть может, неприятное для вас. Вы, наверное, на первых порах, при чтении этого письма, не поверите и будете думать, что нет, это не может быть, тут произошла какая-нибудь ошибка, что Распутин действительно когда-то был распутным, но ныне он “святой Григорий”, которого чтут сотни людей лучшего петербургского общества и о котором все говорят с благоговением, со страхом и смирением. Простите, владыка, если я буду писать откровенно и назову вещи своими именами. Долго мне не хотелось беспокоить вас, но теперь я думаю, что мое молчание, кро-

ме вреда, ничего не принесет, и дальше продолжать молчать было бы с моей стороны преступно. 4 года, как уже и вам известно, Григорий Ефимович состоит в близких отношениях с нашей общей знакомой семьей Л[охтиных]. Появление Григория Распутина в этом доме было встречено всеми членами семьи с необыкновенной радостью. Григорий Ефимович удивлял всех своим внутренним даром откровения раскрывать людям то, что с ними происходило, или предсказывать будущее. Старец по целым неделям жил в этой семье и чувствовал себя как дома. Скоро, однако, хозяйка начала проявлять невероятно слепую покорность перед старцем. Она постоянно ходит в каком-то возбужденном, нервном состоянии, и все, что от нее требует старец, она слепо выполняет. Муж и дети все это замечали, но они не могли оказать никакого воздействия и сами находились под каким-то гипнозом. В семье скоро обнаружилось, что г[оспожа] Л[охтина] ходит со старцем в баню и живет с ним, как жена с мужем. Он это объясняет тем, что хочет убить свою плоть. Старец постоянно проповедовал теорию умерщвления плоти: “Человек, который много курил и потом бросил потому, что нет у него табаку, — говорил старец, — это небольшой подвиг. Но если в его кармане, перед его глазами, лежал табак и он отказывается от него, то такой человек, действительно, совершает большой подвиг. Я хожу в баню только ради большого подвига, ибо здесь передо мною стоит соблазн во всеоружии. Я раздеваю женщину и вместе с нею нахожусь долгое время. На близком расстоянии от нее стою и беседую с ней о Боге, о спасении души. После такого испытания я часто ухожу с облегченным сердцем: плоть моя побеждена. Но, — продолжает Распутин, — случается и то, что я не удержусь перед соблазном и совершаю “грех”. Это я не считаю грехом, так как душа у меня чиста и все, что во мне есть, чисто. Не ради этого “греха”, который со мной случается редко, я хожу в баню”».

Такой путь к умерщвлению плоти, говорится далее в письме, практикуется старцем, по-видимому, часто и с несколькими женщинами зараз. Дома у моего приятеля, однако, скоро на этой почве началась драма, которая расстроила всю жизнь семьи. Мужу стало тяжело видеть старца, и он требовал от жены больше не пускать его в дом. Последняя с этим не соглашалась и оставила мужа, детей и пошла за старцем. Это побудило моего приятеля возбудить ныне вопрос о разводе. Распутин хотя больше в этот дом не являлся, постоянно требует от г[оспо]жи Л[охтиной], чтобы она взяла к себе свою 16-летнюю дочь. Ваше преосвященство, думаю, что эти факты дадут вам ясную характеристику старца. Вы, конечно, можете всегда все это проверить. Аналогичных случаев было не мало, и если бы вы потрудились внима-

тельно отнестись к старцу, то сами могли бы убедиться в его преступной деятельности. Посмотрите на “святого”, когда он бывает у вас в церкви, окруженный не менее чем 15–16 женщинами. Наблюдайте, как он все время, стоя в церкви, улыбается и смотрит на них. Надеюсь, ваше пресвященство, что вы не замедлите принять меры к отстранению от себя этого вредного человека».

Думается, что мы привели достаточно иллюстраций деятельности блаженного старца. Остается ждать, как епископ Гермоген будет отстаивать в сферах этого распутника. Саратовский епископ и монах Илиодор являются последней надеждой «старца». А нет ничего удивительного в том, что Григорий Распутин начал уже рассылать грозные письма тем лицам, которые были причиной его падения. На имя епископа Феофана поступило письмо, в котором «блаженный», между прочим, пишет:

«Я покажу тебе, смиренный аскет, я покажу! Ты у меня поймаешь, с каким уважением нужно относиться к старцу. Я еще вернусь в Петербург, и тогда тебе не будет спасения от меня».

По настоянию председателя Совета министров П. А. Столыпина, Св. Синод *предъявил еп[ископу] Гермогену ряд запросов по поводу разных выходов иеромонаха Илиодора*. Между прочим Св. Синод требует от саратовского епископа объяснения относительно проповеди царицынского инока Илиодора, касающейся «блаженного» Григория Распутина. Еп[ископ] Гермоген на все эти запросы готовит письменные объяснения.

Распутин-Новых и иеромонах Илиодор — что может быть общего между этими двумя своеобразными «подвижниками» нашей современной церкви? Что заставляет царицынского «отшельника» так заступаться за опального и скандализированного Распутина?

Казалось бы, что теперь, для малейшей защиты старца, необходимо иметь, действительно, какие-либо основания, могущие хоть сколько-нибудь опровергнуть те позорные факты, те кошмарные и преступные деяния, о которых так просто и с такой откровенностью пишут пострадавшие от «блаженного» старца его «духовные» дочери. Между тем апологеты Распутина, без фактов в руках, даже без сколько-нибудь достаточных теоретических оснований, выступают ныне в защиту старца. Им кажется, что слава и сила «блаженного» все

еще настолько велика в сферах, что те салоны, которые так недавно еще с распростертыми объятиями принимали Распутина, и теперь, когда увидят, что есть кому заступиться за него, опять будут чтить и прославлять его как истинного старца. Как это ни странно, но теперь вокруг этого имени образовались два лагеря, среди которых возникает вопрос о том, был ли Распутин старцем или просто шарлатаном, сумевшим так ловко пробраться в салоны? Одни, во главе с епископом Феофаном и иеромонахом Вениамином, пришли к твердому убеждению, что Распутин ни больше ни меньше как ловкий проходимец с большой силой воли и пронизательным умом, хитрый и пронырливый. Эти два духовных лица, которые и были главными виновниками успеха Распутина, ныне категорически отказываются от него, стараясь как можно скорее заставить влиятельные «сферы» забыть о нем. Они рассылают по всем тем великосветским дамам, где бывал Распутин, письма, рисующие его преступные деяния. И неудивительно, конечно, если Распутин-Новых все еще продолжает в письмах грозить еп[ископу] Феофану, обещая во что бы то ни стало отомстить ему. Ректор духовной академии, по-видимому, все еще не уверен в окончательном падении старца.

Это опасение имеет то основание, что в настоящее время монах Илиодор усиленно агитирует в защиту Распутина. Царицынский инок является одним из главных защитников «блаженного» и примыкает к защитникам «старца». Илиодор, как теперь выясняется, еще за два-три дня до приезда Гермогена в Петербург инкогнито приезжал в столицу и старался реабилитировать своего «миленького друга» Григория Ефимовича. В течение трех дней инок ходил по разным влиятельным лицам и доказывал невиновность Распутина.

— Враги старца позавидовали ему, — говорил Илиодор, — они позавидовали его успехам и той редкой святости, которой старец отличается. Оклеветали его и сочинили против него отвратительные вещи, желая во что бы то ни стало погубить его.

Илиодор довольно ясно намекал на епископа Феофана и иеромонаха Вениамина, которые будто бы хотят погубить Григория Распутина. Однако все старания и хлопоты Илиодора не имели больших результатов и монах уехал, как говорят его близкие, с сокрушенным сердцем, не теряя надежды на то, что «старец», так или иначе, не сегодня завтра будет окончательно реабилитирован. Илиодор уверен в том, что те самые салоны, которые и теперь продолжают стоять за Распутина, в конце концов победят и «правда» блаженного окончательно восторжествует. Недовольный, обиженный, Илиодор вернулся в свою царицынскую обитель.

Инок, по-видимому, еще здесь решил с близкими к старцу друзьями, какой тактики следует придерживаться для восстановления репутации «блаженного». И, действительно, путь, избранный Илиодором для защиты Распутина, имеет несомненные шансы на победу.

Монах, вернувшись в Царицын, превратил церковный амвон в трибуну для пропаганды «святости» и восстановления престижа опального «старца». Церковь и Распутин — какая ирония в этих словах. Как посмотрит на это «величайший православный епископ» Гермоген и как может он позволить подчиненному ему иноку защищать того, кто так кощунствует над церковью, кто так бесцеремонно обращается с ее учением и попирает ее мораль? Илиодор уверен, что избранный им путь защиты несомненно спасет Распутина. Он думает, что таким образом репутация старца будет восстановлена и в результате «народ» станет посылать телеграммы, петиции и разного рода ходатайства о возвращении из Сибири блаженного Григория.

Характерно и то, что иеромонах Илиодор своими проповедями сознательно действует против вчерашнего своего друга и поклонника еп[ископа] Феофана. Ведь этого величайшего «аскета» современной церкви, говорят близкие к Илиодору люди, трудно подозревать в какой-либо крамоле, трудно допустить, что он всю эту кампанию против старца поднял с корыстной целью. Тем не менее Илиодор идет против Феофана и старается дискредитировать его на этой почве.

Лицо, близко стоящее к царицынскому иноку, сообщило нам об отношении Илиодора к Распутину следующее: «Григорий Распутин, несомненно, имеет пророческий дар, или по меньшей мере — чистейший ум. Он, как ветхозаветный пророк, всегда предугадывает события, говорит о вещах с поразительной ясностью и редко кто может утаить в своем сердце что-нибудь от старца. Эта черта характера Распутина высоко ценится Илиодором, и последний смотрит на [Григория] Ефимовича, как на святого и блаженного. Что касается частной жизни старца, то этим совершенно не интересуется монах Илиодор и считает, что мы, грешные люди, не имеем права вмешиваться в эту область и быть судьей старца».

Хотя Илиодор потерпел в Петербурге неудачу, он, однако, надеялся на еп[ископа] Гермогена, который вслед за ним приехал в столицу. Здесь, как теперь выясняется, еп[ископ] Гермоген имел ряд совещаний с ректором Духовной академии Феофаном, результатом которых был совершенный отказ саратовского преосвященного от защиты старца Распутина. Когда епископ Феофан показал епископу Гермогену те документы, которые поступили на его имя от многих пострадавших «духовных» дочерей старца, епископ воскликнул: «Воистину он сын дьявола; я только его жалею, как христианин»...

* * *

Где теперь находится Григорий Распутин, и уехал ли он в село Покровское? На этот вопрос отвечает нам одно лицо, близкое к старцу: «Григорий Распутин в настоящее время живет в своем родном селе Покровском, Тобольской губернии, и ему, наверно, еще долго придется безвыездно жить в этом селе. На днях от него получено было письмо, в котором он жалуется на епископа Феофана и еще на одно высокопоставленное лицо, которые, по его мнению, являются главными виновниками его ссылки в Сибирь. Старец, между прочим, пишет, что те женщины, которые писали епископу Феофану и другим влиятельным лицам письма о его хождении вместе с ними в баню, в настоящее время категорически отказываются от этих писем, считая их вымышленными. Старец все еще надеется, что он скоро будет реабилитирован. Он сообщает, что к нему из Петербурга приехали две дамы, под видом сестер милосердия, с целью ознакомиться с его тамошней жизнью. Дамы эти сообщили старцу, что теперь из-за него в высших кругах идет борьба между двумя партиями. Григорий Распутин все еще продолжает уверять в том, что его хождение в баню носило характер исключительно испытания и усмирения своей плоти».

Какова бы ни была судьба этого преступного «старца», каков бы ни был исход борьбы из-за него, но, несомненно, важно выяснить, как на него смотрит высшая церковная власть?

Мы уже отмечали, что Святейший синод старался делать вид, будто не замечает действий и «учений» старца Распутина. Один из иерархов, по поводу этого замечания, заявил, что религиозное учение Распутина Святейшему синоду совершенно неизвестно и потому поднимать этот вопрос в Синоде нет никакой возможности.

Если вспомнить, как ревниво Синод и московский митрополит Владимир отнеслись к московским «братчикам», станет ясным, насколько замечание этого иерарха является основательным.

Вот уже более двух недель прошло с тех пор, как у нас появилась первая заметка о преступных деяниях «блаженного» Григория Распутина, — но как это ни странно, ни Св. Синод, ни те лица, которые близко стоят к «старцу», даже ни одна из правых газет, — никто не обмолвился ни одним словом по поводу этих разоблачений. Все делали вид, что разоблачения их не касаются.

Мы, между прочим, отметили, что хотя Распутин выслан из Петербурга, но его влияние все еще продолжается и в настоящее время из-за «старца» в салонах образовались два борющихся между собою лагеря. Указывали мы еще на то, что среди защитников «блаженного» особенно стараются монах Илиодор и еп[ископ] Гермоген.

И вот лишь последнее замечание вызвало некоторый «отклик» со стороны еп[ископа] Гермогена, но и здесь преосвященный обиделся на нас главным образом лишь за то, что мы поставили его неожиданный приезд в Петербург в связь со ссылкой Распутина. Епископ третьего дня принял сотрудника «Нового времени» и, между прочим, заявил ему: «Мой приезд сюда газета “Речь”, как мне передают, связывает с ее разоблачениями деятельности старца Григория Распутина. Я не желал бы разрушать приятного самообольщения, в котором находится названная газета, но в видах восстановления истины должен сказать, что и на этот раз сообщение “Речи” также лживо, как и всегда».

Мы, конечно, спорить не станем со «всесильным» Гермогеном: ведь на самом деле, как докажешь, что здесь в Петербурге еп[ископ] Гермоген только тогда отказался от защиты старца, когда услышал о нем нечто действительно «кошмарное» и «сатанинское» из уст ни больше ни меньше как самого еп[ископа] Феофана? Как доказать, что на второй день после своего приезда из Ялты еп[ископ] Феофан подробно ознакомил саратовского преосвященного с документами, разоблачающими преступную деятельность этого старца?

Это тоже могло быть... «ложью» газеты «Речь».

Но вот что вряд ли станет называть «ложью» еп[ископ] Гермоген — это приезд иеромонаха Илиодора в Петербург с исключительной миссией восстановления репутации «старца» Распутина. Может быть, и в этом случае «Речь» тоже «лгала» бы, но, к несчастью для еп[ископа] Гермогена, Св. Синоду на днях удалось установить, что царицынский инок действительно инкогнито приезжал в Петербург хлопотать за старца Григория... Неужели еп[ископ] Гермоген не знал о путешествии подчиненного ему инока, вся деятельность которого должна протекать на виду у преосвященного? Не явствует ли отсюда, что еп[ископ] Гермоген, несомненно, ничего не имел против восстановления «репутации» Распутина стараниями «чужих рук»?

Но все это, видимо, не означает того, что саратовский преосвященный стоит за старца Распутина. По крайней мере, в доказательство своей непричастности он заявил тому же сотруднику «Нового времени»: «Что же касается моих личных взглядов на этого старца, то могу сказать следующее. Три года назад он приехал в Саратов и представлялся мне. Тогда он произвел на меня впечатление человека высокой религиозной

нравственности. После, однако, я получил сведения о его зазорном поведении от таких лиц, которым не имею основания не верить. Осуждать его за это я, конечно, не стану, ибо история церкви показывает, что были люди, которые достигали даже очень высоких духовных даров и потом падали нравственно, но и хлопотать за такого человека, прежде его исправления, было бы странно».

Но после этого заявления позволительно спросить преосвященного Гермогена, — с чьего же благословения иеромонах Илиодор все еще продолжает с церковного амвона говорить речи в защиту Распутина? Неужели и тут епископ Гермоген ни при чем?

Григорий Распутин все еще продолжает служить предметом горячих споров в высших кругах столицы. О «старце» теперь говорят не только те великосветские дамы, которые шли за ним из одного салона в другой, которые так слепо и с такой покорностью исполняли его всевозможные капризы, о нем заговорили и люди, далеко не сочувствующие ему и его учению.

Многих поражает то, как этот «шарлатан» мог так долго водить за нос столь большое число «интеллигентных» и «высокопоставленных» лиц. Теперь все жаждут узнать всю правду о Распутине, стремятся разгадать ту тайну, благодаря которой он сделался апостолом и носителем религиозного света в салонах.

Лица, когда-то близкие к старцу, между прочим, упрекают нас в том, что мы обратили внимание лишь на одну черту жизни Распутина — его преступную деятельность. По мнению этих лиц, Распутин-Новых представляет собою, несомненно, большой общественный интерес и что он далеко не является одним только великим «сладоглаголющим», способным ходить «в баню с семьей и восемью женщинами за раз».

— Этот человек, кроме больших серых пронизательных глаз, — говорят близкие к Распутину люди, — имеет нечто действительно приближающее его к «истинным» старцам.

Мы, правда, до сих пор отмечали лишь те преступные деяния, которыми так богата и разнообразна жизнь этого старца. По крайней мере, о Распутине до сих пор было известно только то, что он любил «ходить в баню» и «ласкать» своих духовных дочерей. Что касается тех разнообразных и мнимых откровений, о которых так горячо теперь спорят в салонах, то в этом отношении пока не имеется доказательств.

Как бы то ни было, но пока не будут опровергнуты те факты, которые так беспощадно говорят против «старца», защитники его вряд ли будут иметь успех своей агитацией в сферах.

Ниже мы приводим небезынтересное мнение одного лица, близко стоящего к «старцу» Распутину.

По мнению нашего собеседника, необходимо выяснить, каким образом все-таки «старец» пользовался таким громадным успехом и какие условия выдвинули его.

— О Распутине, — говорит собеседник, — нужно писать целую диссертацию, надо производить тщательное исследование, и только тогда мы будем иметь возможность верно судить как о самом старце, так и о той среде, в которой он постоянно вращался и проповедовал свое учение. Но, к сожалению, наше общество и наша печать до сих пор почему-то не хотят близко ознакомиться с жизнью наших высших духовных кругов, с той своеобразной закулисной деятельностью тех иерархов, которые составляют корабль нашей господствующей церкви. И неудивительно, конечно, если Распутин-Новых так поразил всех своими «похождениями» и своей личностью, неудивительно, если теперь об этом старце говорит вся Россия. Все недоумевают, как это так случилось, что в течение трех-четырёх лет какой-то Распутин играет в сферах и салонах большую роль, совершая при этом нечто невероятное, кошмарное.

И где все это происходит? В той среде, которая считается светом русского общества, там, где все смотрят на себя как на глубоко верующих хранителей чистоты Православной церкви. Это как будто странно, непонятно и маловероятно.

Прежде всего позвольте мне сделать маленькое отступление от главной темы и отметить в общих чертах те условия, которые вызвали появление Распутина.

Все, что переживает ныне наша церковь, является результатом режима покойного К. П. Победоносцева. Ведь общество далеко не так ясно представляет себе тот развал, который ныне происходит в высших духовных кругах.

Эти Распутины, Гермогены, Илиодоры, Феофаны, Восторговы, Серафимы — все эти духовные лица, которые так гремят на всю Россию, по моему глубокому убеждению, представляют собою синтез предыдущей жизни нашей Православной церкви.

На самом деле, кто такие эти Гермогены, Илиодоры и сонм им подобных? Их нельзя рассматривать ни с какой определенной точки зрения. Они не «союзники» и не «революционеры». К ним нельзя подойти ни с какой политической платформой. Мне думается, что все наши так называемые «союзники», главным образом их правое крыло, представляют собою ни больше ни меньше как общественный психоз, который находит себе сильную поддержку в высших кругах общества,

где он питается, живет и проявляет себя в той или иной ненормальной форме.

Возьмите хотя бы пресловутого монаха Илиодора. Простой, никому не известный, ни в богословской литературе, ни своей благочестивой жизнью, ни большими подвигами перед церковью и отечеством, — что же он сделал? Решительно ничего. Между тем каково его влияние, какова сила! Три года Св. Синод и Министерство внутренних дел, саратовский губернатор, саратовское общество и многие другие лица борются против Илиодора, просят только перевести его из одного монастыря в другой, но тщетно: Илиодор благополучно обитает в своем монастыре, продолжая делать свое дело.

История церкви до сих пор не знала, чтобы из-за какого-то монаха высшая светская и церковная власти назначали специальную ревизию, посвященную деятельности этого монаха. Я имею в виду поездку в Царицын товарища министра внутренних дел Макарова и товарища обер-прокурора Роговича. Это, по моему мнению, ненормальное, небывалое и, несомненно, болезненное явление.

А епископ Гермоген? — этот своеобразный саратовский преосвященный, который не уступает подчиненному ему иноку. Епископ, несомненно, опьянен тем успехом и влиянием, которым он пользуется в салонах и сферах. За все время существования Св. Синода не было ни одного случая, чтобы архиерей или епископ приезжал из своей епархии в столицу по каким бы то ни было делам, не спросив предварительно разрешения высшей церковной власти. Между тем последний приезд Гермогена в Петербург явился неожиданным для Св. Синода. Иерархи были поражены, когда пред ними предстал саратовский преосвященный.

Оказывается, епископ и не потрудился даже послать предварительно хотя бы извещение о своем приезде. Члены Синода, однако, делали вид, будто бы не замечают проступков Гермогена. Мало того, председатель Совета министров в последнее время, чуть не ежедневно, посылает в Св. Синод бумаги, касающиеся деятельности монаха Илиодора. На основании этих бумаг Синод предъявил Гермогену ряд запросов и потребовал от него объяснений. Епископ, проживши в Петербурге две недели, уехал отсюда, не представив Синоду абсолютно никаких ответов на эти запросы. Что на это можно сказать? Как Св. Синод должен смотреть на подчиненного ему епископа? Иерархи, оказывается, «смирненно» замолчали...

— Далее, — продолжает наш собеседник, — кто теперь узнает епископа Феофана, этого, действительно, некогда бывшего величайшим аскетом Русской церкви. Вдали от всех, от профессоров, от студентов, даже от внешнего мира, Феофан не так давно еще проводил большую

часть своей жизни. А теперь так ли живет епископ, как это было два года назад?

А архиепископ Сергей, этот «ученый» иерарх современной церкви, как сильно переменился, как мало похож на Сергия — ректора академии! И, что характерно, это то, что все эти духовные лица сами не разбираются в своих действиях, часто не понимают, почему так или иначе поступают.

И вот среди таких «ревнителей» церкви жил и пропагандировал свое учение Распутин-Новых. Странно и действительно непонятно. Даже и теперь, когда Распутин разоблачен, многие из этих духовных лиц продолжают быть слепыми, стараются объяснить себе, как все это могло произойти, не ошиблись ли они в том, что так скоро поспешили объявить старца «распутным»...

— Распутин-Новых, насколько я его знаю, — продолжал собеседник, — представляется для меня крупным и не случайным явлением. Если мы вспомним историю церкви, то увидим, что у этого старца были свои предшественники, и он имеет некоторую историческую связь с разными сектами, существовавшими когда-то среди первых христиан.

Распутин, по моему глубокому убеждению, человек убежденный, и он вовсе не «шарлатан», как теперь объясняют некоторые лица, а строгий и последовательный в своем учении. Его учение не расходилось с делом. Я этим еще не хочу сказать, что Григорий Ефимович был действительно святым и старцем. Но я знаю людей, которые далеки от всякого религиозного ханжества, которые, вообще, скептически относятся ко всякой религиозной доктрине, — и они, к моему удивлению, верят в то, что Распутин действительно ясновидящий, предсказывающий будущее.

Они указывают на ряд фактов, подтверждающих пророческий дар старца.

Недавнее — пережитое нами революционное время, всякие бунты в столице и в провинции, последствия смуты — все это, а также исход борьбы будто бы заранее было предсказано старцем.

Все это я передаю со слов лиц, которым не могу отказать в добросовестном и критическом отношении к старцу. Тем не менее я без документов не могу верить всем этим и другим слухам, распространяемым ныне в сферах в пользу старца. Но теперь меня интересует учение этого человека, его понятия о грехе и вообще его отношение к жизни.

Надо заметить, что фраза «испытывать плоть» была выдумана Григорием Распутиным исключительно для того, чтобы успокоить тех духовных особ, которые его окружали. Он прекрасно знал, что, если будет доказывать им свою теорию о грехе и плоти, несомненно,

будет сослан в монастырь. Распутин глубоко убежден, что наша плоть не может служить поводом или критерием греха. Наоборот, он полагает, что через эту плоть главным образом человек может достигнуть большого религиозного подъема, религиозного экстаза и откровения. Распутин, когда с женщинами ходил в баню, действительно раздевал их, сидел и беседовал с ними и, таким образом, вызывал в себе какой-то своеобразный мистический экстаз.

Так, Распутин, как видите, несомненно, имел определенные и установившиеся взгляды на вопрос и лишь только скрывал их от тех лиц, которые могли быть для него опасными.

Здесь он как будто приближается к хлыстам, но на самом деле «старец» ничего общего не имеет с этой сектой. Вспомните статью Д. Мережковского о преподобном Серафиме Саровском. В этой статье, как известно, Мережковский указал, что преподобный Серафим часто ходил в соседний женский монастырь, и к нему также часто ходили женщины, которых он «ласкал». Тем не менее это нисколько не помешало преподобному Серафиму быть святым. Распутин свою «ласку» вовсе не считает грехом. В таком же духе и проповедовала секта под названием «терапевты» в первых веках христианства.

Во всяком случае, учение Распутина не является случайным явлением, оно имеет корни в той среде, где это учение развилось и нашло себе опору.

— Я затрудняюсь дальше говорить об «учении» старца, — закончил наш собеседник, — так как подробно и основательно мне не удалось ознакомиться с ним. Но в настоящее время, как мне известно, Министерство внутренних дел производит тщательное расследование всей деятельности Распутина, собирает материалы о его проповедях, ведет переписку и переговоры с лицами, имевшими какое-либо сношение с Григорием Распутиным, и т. п.

А. СЕНИН

Григорий Распутин¹

[I]

Знаю я этого «блаженного старца» Григория Распутина, лично знаком с ним, бывал несколько раз в его доме, знаю его семью, беседовал с ним, давно интересуюсь им, как интересовались им и все те, кому приходилось соприкасаться с ним. Эта таинственная личность давно привлекала мое внимание, давно уже хотелось мне высказаться о нем. Теперь о нем заговорили во всей печати, и мне хотелось бы в свою очередь поделиться своими личными впечатлениями и сведениями, стараясь быть при этом вполне объективным.

Прежде всего, — Григорий — не старец, ему не больше 45–48 лет, он крепок и здоров, как дай Бог всякому; его «старческий» облик

¹ Печатается по: Южная заря. 30 мая 1910 г. № 1205. С. 2–3. Настоящая статья также была опубликована (с минимальными изменениями и дополнениями) в газете «Речь» два года спустя (см.: Сенин А. Григорий Распутин. (Из сибирских воспоминаний) // Речь. 1912. 16 (29) февраля. № 45 (1999). Четверг. С. 2 (части I и II); То же // Там же. 18 февраля (2 марта). № 47 (2001). Суббота. С. 3 (части III и IV); То же // Там же. 19 февраля (3 марта). № 48 (2002). Воскресенье. С. 3 (части V и VI — неверно указаны: «IV» и «V»)). Отличается только вступление к статье, специально выделенное курсивом. В «Речи» вступление иное: *«Всеобщее внимание, какое привлекает к себе личность Григория Распутина, та таинственная роль, какую он играет, оказывают, без сомнения, большое влияние на некоторые стороны жизни, что и заставляет меня поделиться с читателями теми данными, которые, благодаря случайности, имеются в моем распоряжении. Часть из них была мною напечатана в екатеринославской газете «Южная Заря» в 1910 г., но осталась почти незамеченною. В настоящее время я постараюсь возможно подробно восстановить свои воспоминания, непосредственно связанные с личностью Григория Распутина»* (курсив мой. — Сост.).

обуславливается несуразной растительностью на голове и лице, что старит на несколько десятков лет не только Григория, но и всякого «челдона» (курсив мой. — Сост.).*

В 1907 г. забросила меня судьба в с. Покровское, что в 80 верстах от Тюмени по направлению к Тобольску. Большое, богатое село... Населено зажиточными челдонами-земледельцами. Есть и интеллигенция: две учительницы, двое батюшек, фельдшер, есть церковь, школа, есть «этапка» на краю села. Нанял я квартиру у зажиточного мужика Степана Кондратьевича Алемасова. Степенный, рассудительный челдон. И чуть не с первых же слов заявил мне, что вот так-то и так, проявился у них в селе «святой», был простой, никчемный мужичонко, а теперь поди-ка: разбогател, в Питере живет и каждое лето разные генеральши да княгини в гости к нему ездят.

— Наденет Григорий свои старые пимы, холщевую рубаху и портки, и шествует вдоль села. А расфранченные столичные дамы в шляпках, в шелковых платьях под руки его ведут, в глаза засматривают, «святым отцом» называют.

— Лешака, а не святой! — ... Гришка-велтун, вор! — вскипятилась старушка, — сестра хозяйина: — хоть и племянник мне родной, а прямо скажу — паскудник, и никогда я в него не поверю: разве святые-то, прости меня, Господи, (тут старушка набожно с еле заметной и хитрой улыбкой заметила) с бабами спасались...

— Ну, ты, бабушка, того... — добродушно и лукаво подмигнул хозяин: — была бы помоложе, так и сама уверовала...

— Кто?.. Я?.. Язва те на язык-то... В роду у нас таких то не бывало... Святой, святой... Какой же святой, коли бабы под руки водят?..

Вполне понятно, что я крайне заинтересовался... Но как быть? Как познакомиться с этим субъектом?

В качестве политического, которых, как известно, новоявленные «святые» побаиваются и не особенно долюбливают, мне это сделать было не легко. Притворяться и лицемерить не было охоты, а между тем интерес к «святому» все рос и рос: не проходило дня и даже часа, чтобы кто-либо не заговаривал о нем.

Стал я рассматривать, наблюдать со стороны и удалось выяснить следующее: Григорий Ефимович Распутин — самый заурядный крестьянин с. Покровского. Есть у него старик-отец, здоровый еще, работающий и юркий старичишка. Есть жена, мальчик лет 12, две девочки. Жил

* Челдонами называются крестьяне Западной Сибири, давным-давно здесь поселившиеся и имеющие прочное хозяйство.

раньше Григорий в небольшом домике на краю села, имел ветряную мельницу, перед которой теперь собственноручно срублено им нечто вроде маленькой часовенки с большим крестом, имел наделы, пахал землю, сеял, косил и ничем не выдавался из среды своих односельчан, кроме отрицательных качеств.

«Вытун» [sic!], а то «Гришка-вор» звали его за глаза. Сено украсть, чужие дрова увезти — было его дело.

Шибко дебоширил и кутил раньше Григорий; сколько раз бивали его, выталкивали в шею как надоедливого пьянчугу, ругавшегося отборными словами. Поедет, бывало, Григорий с хлебом, либо с сеном в Тюмень, воротится домой — ни денег, ни товару, все прокутил. А старик-то отец самых лучших лошадей в околотке имел. И случалось так, что Григорий и лошадей прокучивал и приезжал домой на трехрублевой кляче.

Жил, таким образом, Григорий до 30 лет, а потом вдруг резко и бесповоротно изменил свое поведение: сделался чрезвычайно набожен, кроток, воздержан, совершенно бросил пить и курить, пошел по монастырям...

Внешним поводом к тому послужила, как рассказывают, поездка его в Тюмень, куда он отвозил студента Духовной академии, монаха Мелетия Заборовского, который был раньше преподавателем Томской духовной семинарии, а ныне состоит ректором ее.

Возвратился Григорий из монастыря совершенно иным: насколько он раньше был безалаберен, настолько теперь стал тих, уступчив и скромн.

В рабочее время он по-прежнему жал, косил, исполнял все крестьянские работы наравне с женой и отцом-стариком, а как только кончалось время полевых работ, он брал палку, одевался странником и ходил в монастырь.

Был он в Абалаках около Тобольска, в Верхотурье, в Сарове, в Одессе, в Казани, в Москве, в Петербурге и т. д.

С тех же пор он и дома стал богомолен: постоянно и неукоснительно раньше священнослужителей является в храм Божий, встает на клирос и молится. Быстро-быстро и истово крестится, резко взмахивает головой, бьет лбом в землю; лицо и губы его при этом искривляются, зубы оскаливаются, как будто он дразнит при этом кого-то невидимого и хочет укусить, жестикулирует руками, вертит головой во все стороны, оглядывается при поклоне на молящихся и вращает глазами, как безумный.

Стал говорить Григорий отрывочными фразами, загадочно, стал претендовать на пророчества и предсказания, и когда его о чем-либо

спрашивали, он подолгу не отвечал, сильно и напряженно о чем-то задумавшись, а потом спохватывается, точно спросонья и говорит несколько отрывочных, загадочных фраз.

Эксцентричность поведения и юродство Григория привлекли к нему мало-помалу внимание местного населения: мужики ругали Григория и смеялись над его «дурачествами», а женщины начали «верить» и захаживать к нему за советами. Прежде всего обратились к нему невежественные полуинтеллигентные обитательницы села — жена фельдшера, дочь почтового чиновника и другие.

И случилось так, что Григорий «угадывал», что они думали и что гложет их сердце. Понеслась слава, что Григорий пророчит и «угадывает». И слава эта стала распространяться не в самом селе Покровском, а в окрестностях. Довольно хорошо помнили «вытула» односельчане, чтобы «уверовать» в него, и называли его в насмешку «святым».

Святой да святой... и это довольно прочно установилось за Григорием в его родном селе и окрестностях.

А Григорий между тем твердо и неуклонно вел свою линию. Часто он удалялся в лес, устраивал там кресты, навешивал их на деревья и молился. Иногда он это делал один, иногда «с сестрами», о которых будет речь впереди. И многие, как передают, видели, как в промежутках между богомолением и навешиванием крестов Григорий целовался с этими сестрами.

В своем собственном дворе, в хлеву, выкопал Григорий яму, установил ее иконами, увешал лампадами, украсил цветами и удалялся туда по ночам молиться.

«Там долго я боролся с дьяволом, — говорил потом Григорий, — и победил его».

Стали появляться у Григория и «братья», и «сестры», которые уверовали в него.

Братьев было мало. Это — Илья Арапов, крестьянин с. Покровского, крестник Григория, Николай Распутин — двоюродный брат его, тоже крестьянин с. Покровского, и Николай Распопов — крестьянин дер. Подбулыги, соседней с Покровским. Все трое люди трезвые, религиозные и трудолюбивые. Раньше выпивали и песни мирские певали, а как уверовали в Григория, все бросили. Живут зажиточно, мирно и с помощью Григория построили себе новые хорошие дома.

Все «сестры», а их в разное время было немало у Григория — девицы, дочери зажиточных родителей. Намеривались они для спасения души в монастырь идти, да останавливались у Григория. Тут и «спасаются». Работают по полевому и домашнему хозяйству, ведут себя скромно и тихо, платочки на голове повязывают, точно монашенки,

низко кланяются, неукоснительно посещают службы церковные и обращаются с посторонними смиренно, по монастырски. Слушаются они Григория и подчиняются ему беспрекословно, с благоговением и, видимо, с большой охотой. И одна только особенность неприятно бросается в глаза: все эти «сестры» — молоденькие девушки, выглядят бледными, испитыми, а приходят для спасения свежими, здоровыми. Тогда их у него было пять или шесть. Родом они из Тобольского уезда и живут у Григория с согласия родителей. Одну звали Катей, другую — Дуней, третью — Еленой.

Жила у него несколько лет тому назад одна девица из дер. Дубровной Тюменского у., Александра Дубровина, дочь зажиточных родителей; здоровая была девушка, веселая, а потом пошла с Григорием в Киев на богомолье и воротилась оттуда чахлая, больная и снова пошла жить к Григорию. Удерживала ее мать дома, а жена Григория прямо гнала от своего мужа, но Александра отвечала: «Жить без него не могу». Вскоре совершенно зачахла и умерла. Говорят, что сильно мучил ее Григорий, когда был с нею в Киеве, издевался над нею.

Поступила на житье к Григорию другая сестра Дубровина — младшая. И с той приключилось то же самое: начала бледнеть, чахнуть, переселилась жить к родителям и весной 1908 г. умерла. И народная молва в смерти их винит Григория. Какие тут причины действовали и насколько это правда, не знаю, но мне лично приходилось слышать страстные ругательства местных крестьян по адресу Распутина, из-за которого, рассказывали, погибли эти девушки.

Говорили также, что некоторые «сестры» ушли от Григория, забеременев, но насколько это правда — не знаю...

Таковы данные, что удалось почерпнуть мне отчасти из личных наблюдений, отчасти из рассказов о «святом» его односельчан, а больше всего от местной полуинтеллигенции: Григорий успел купить уже ее расположение к себе подарочками, угощеньем и был принят в «общество». Здесь даже заочно не всегда называли его «святым» или Гришухой, а величали Григорием Ефимовичем.

А так как Григорий Ефимович и все его семейные были люди темные, то естественно, что все письма, телеграммы к нему и от него, когда он был в отлучке или дома, читали и писали ему и его семейным люди посторонние, которые никакого секрета из этого не делали и всякая новость по отношению к Григорию Распутину делалась достоянием всего села.

А «новости» были одна другой пикантнее, одна другой забористее, содержание писем и телеграмм было иногда до того невероятное, что просто не верилось, невозможно было поверить, если бы... не факты.

Григорий Ефимович (так мы теперь будем называть его) ко времени моего приезда в Покровское уже «вошел в силу». Жил он теперь в Петербурге, был знаком не только с знатными, но и с самыми высокопоставленными лицами и только временами наезжал в Покровское. И сам о своих высоких знакомствах всем своим знакомым рассказывал, и рассказы его письмами и телеграммами подтверждались.

Получал он их и от архиереев, и от академиков, и от игуменов и архимандритов, получал от разных генералов от великих князей и даже от П. А. Столыпина, а больше всего от дам.

И почти во всех этих письмах были приписки: «Святой отец, помолись за нас...», а то еще с добавлением: «Целую ваши ручки и ножки»...

Весьма понятно, с каким нетерпением я ожидал увидеть «святого отца».

II

Вошел Григорий в силу, как единодушно утверждает местная молва, года 3–4 тому назад, т. е. в 1903–4 гг. после знакомства с купчихой-миллионершей Башмаковой из села Реполова, на р[еке] Иртыше, Тобольского уезда. Громадный деревянный дом ее и теперь еще красуется в с[еле] Реполове и был отдан ею в 1906 г. для временного пользования политическим ссыльным.

Григорий ходил молиться Богу в Абалаки (монастырь около Тобольска) и где-то на постоялом дворе встретился с Башмаковой, которая недавно похоронила своего мужа и сильно горевала. Григорий юродствовал тогда и каким-то образом утешил Башмакову. Стала она заезжать после того к Григорию Распутину и увозить его с собою. Привезла она Григория в Казань, познакомила здесь с именитыми купцами и прочими благочестивыми людьми. Отсюда будто бы и началось «возвышение» Григория.

По другой версии — повезла его Башмакова прямо в Петербург. Там, в ее номере, сделал ей визит ее близкий знакомый Иоанн Кронштадтский, которому так понравился Григорий Распутин, что о[тец] Иоанн расцеловал его и тут же назвал своей правой рукой. Насколько верно это — не знаю, но связь Григория Распутина с о[тцом] Иоанном Кронштадтским несомненна и в конце рассказа будет подтверждена. И я имею основание предполагать, что вторая версия служит лишь продолжением первой, и обе они приблизительно правдивы. В 1905 г. в октябре месяце Григорий Распутин был, как он сам передавал мне, в Казани и крайне возмущался тем, что какие-то ученицы щеголяют с саблями, точно городовые.

Летом 1906 г. Распутин приехал домой с большими деньгами и купил, не торгуясь, прекрасный новый дом на главной улице Покровского за 1700 р. Он отремонтировал его, разукрасил, точно игрушечку, прекрасно мебелировал, заново устроил все домашние пристройки и изъявлял намерение купить пианино для гостей.

Вообще, побывав в Петербурге, Григорий в расходах не стеснялся. Одарил всю местную полуинтеллигенцию: писаря, писариху, батюшек, матушек и проч. сельскую знать. Завел знакомство с богатеями, радушно сам принимал гостей и сам в гости ходил, только ничего спиртного в рот не брал и других у себя спиртными напитками не баловал.

И не один Григорий Ефимович приехал на этот раз, а с гостями: с ним была «водяная генеральша», как ее называли крестьяне, Ольга Владимировна Лохтина, дама лет 40, с молоденькой воспитанницей немкой и Хиония Берладская, вдова инженера, с мальчиком, проживающие в Петербурге.

Целое лето гостили они у Григория тихо, смиренно и никаких толков не возбуждали. Делали визиты батюшкам, прочей деревенской знати, исправно посещали церковь, гуляли, катались... И только одно смущало крестьян: «Зачем это Григорий под руки ходит с чужими бабами? Разве святые-то отцы с барышнями спасались? Ходит с бабами под ручку, так какой же святой?»

А Григорий тогда не оставлял еще своего юродства, и на улицах Покровского можно было наблюдать иногда, действительно, курьезную картину.

Натянет Григорий худые крашенные пимы, холщевые портки да белую рубаху, наденет на голову челдонскую шапку и в таком виде, ведомый под руки двумя столичными расфранченными дамами, действительно бросается в глаза.

Дамы — его постоянная свита — называли его «святой отец» и прозводили на деревенских жителей немалый соблазн.

Обращался он с ними довольно свободно, особенно с новенькими: брал за руку, поглаживал и потом лез целоваться. При мне раз одна учительница на пароходе бежала от его ласк и долго пряталась от него. А сначала все честь честью было: пили чай, разговаривали, он брал ее за руку, поглаживал, потом изъявил желание целоваться и сказал что-то такое, в чем учительница никак не хотела сознаться.

После покушения на П. А. Столыпина в 1906 г. Григорий был вызван телеграммой в Петербург.

В начале зимы он снова появился в Покровском. После убийства Павлова он снова был экстренно вызван в Петербург. И каждый раз приезжал Григорий с деньгами, с подарками, завел енотовую шубу,

золотые часы, кольца на обеих руках... Вместе с ростом его благосостояния увеличивалось и почтение к нему и уже не только одной «интеллигенции», но и крестьян.

«Гришка-вытул» бесследно исчезал и на сцену выступал хозяйственный, степенный мужичек, что умеет копейку сколотить, загадочный для них Григорий Ефимович Распутин.

[III*]

Вместе с начальником почтово-телеграфного отделения Н. В. Корняковым, приятелем Григория Распутина, направились мы к нему в гости.

По чисто вымытой деревянной лестнице, устланной разноцветными половиками, мы поднялись во второй этаж. Маленькая, чистенькая приемная, большой, устланный тоже половиками, зал, в нем превосходный письменный стол, мягкая мебель, дубовый массивный буфет, все новое, блестящее. Под окнами солидные фикусы. Стены оклеены обоями, в углу большие иконы с лампадками, превосходной работы в золоченых рамках портреты Высочайших особ. Масса фотографических снимков, на которых фигурирует сам Григорий Ефимович.

Вот он среди профессоров и студентов Петербургской духовной академии, посреди преподавателей духовных учебных заведений, среди игуменов, архимандритов и архиереев, вот он с О. В. Лохтиной, со священником петергофской пересыльной тюрьмы, Медведем, который, кстати сказать, гостил у Григория целое лето. Вот сидит Григорий на стуле, а зади него почтительно стоят два блестящих придворных генерала, Путятин и Ломан.

И ни как-нибудь снят Григорий Ефимович, а всюду и везде — центральная фигура: серый, невзрачный, с большим носом, грубый сибирский мужик в одной русской рубахе или в синем деревенском кафтане...

А на письменном столе, на самом первом месте, большой портрет [отца] Иоанна Кронштадтского, за ним великих князей Петра Николаевича, Николая Николаевича, Милицы Николаевны, Анастасии Николаевны, принца Ольденбургского, архиерея Сергия, Антония Вольнского и друг. Водятся и книги у Григория Ефимовича, но исключительно духовные; светских книг и газет в его доме не полагается. Любезно, радушно встретил нас хозяин, расцеловался с моим товарищем и все остальное внимание сосредоточил на мне.

* Печатается по: Южная заря. 2 июня 1910 г. № 1207. С. 2.

Самая заурядная физиономия сибирского мужика лет 40–45; худощавое, загубелое лицо, окаймленное темно-русой бородой клином, большой нос, грубые черты лица, развитые челюсти, глубоко сидящие серо-голубые глаза, очень мутные; цвет лица испитой и не совсем здоровый; русые волосы в скобку, суконная поддевка, лакированные бутылками сапоги.

Без тени какой-либо неловкости и застенчивости Григорий Ефимович прямо и просто обратился ко мне.

— Ну, что, миленький, долго еще страдать то здесь придется?.. (Ему очевидно, уже кто-то раньше отреккомендовал меня). Что делать?.. Много и хороших людей пострадало... Как их различить?.. Но только больше года ты здесь не пробудешь... Всех, кто не грабил, не убивал, через год отпустят, — проговорил хозяин, и при этом говорил то «ты», то «вы».

Все местные обыватели на «ты» между собою.

— Вам лучше, говорю, знать, когда нас отпустят — вы в столице живете.

Григорий сразу оживился и весьма охотно и с увлечением начал рассказывать про свою петербургскую жизнь.

— Ну, что?.. не говорил я вам, — выпалил мой товарищ, — что Григорий Ефимович простага, сам все расскажет и ничего не скрывает... А ты, Григорий Ефимович, не бойся, расскажи Александру Ивановичу все, очень уж ему хочется знать, как ты из челдонов да так высоко поднялся.

— Ничего я, миленький, не скрываю, — адресовался Распутин ко мне, — а что делаю, все на виду... Тяжело мне здесь... Сплетничают они... А тянет к родине-то, хотя отвык уж я от крестьян... и они не так смотрят на меня... Да и батюшки не ладно делают... А почему? Темные они люди, и батюшки темные, и не могут понять любви... Разве такие люди там, в Петербурге?.. Мои знакомые там все знатные, да богатые и образованные... Раз он сказал тебе что или подумал что о тебе — не изменит...

Распутин с трудом подыскивает слова, лицо его при этом передергивается, глаза блуждают и как бы стараются уловить в воздухе ту фразу, которая бы выразила его мысль.

— Я умный, и «братья» мои умные, мало они только путешествовали и людей видели... Взять хоть бы Илью (брата)... одно слово сказать и сейчас бы во священники посветили, да сам не хочет, боится... Много про нас, миленький, дурного говорят...

— Да, я слышал, — отвечаю.

— Как, миленький, не слышать!.. Не хорошо батюшкам под окнами бегать да подглядывать... Но я не жалуясь на них... И когда в Питере

меня спрашивают про них, я отвечаю, что самые обыкновенные попы... Завидуют они мне, почему не с ними, а со мной, с простым мужиком, имеют дело и знакомство такие знатные люди... За доходами они лезут... вот что, миленький... А ты полюби сначала человека-то, да дело ему сделай, пользу ближнему от всего сердца своего и все тебе будет... «Ищите прежде всего Царствия Божия и правды Его, все остальное приложится вам»... «Правды ищите», — сказал Христос... А погонишься сперва за деньгами, ничего не увидишь... Жадны они у нас... Темные люди... Жалею я их... Триста вер на свете — триста истин... Одна истина — любовь... Она, как весна, все оживляет... Женщины, говорят они... Зачем ты, Григорий, с женщинами постоянно?.. — спрашивают они. А женщина разве не такой же человек?.. Их любить не надо?.. «Не прикасайся!» — сказал Христос Магдалине по воскресении... На это упирают они... А при жизни разве одни ученики у Него были?.. Разве не было у Него учениц и разве не прикасался Христос к ним?.. Жизнь — в любви... Утешь душу — и успокоится, поверит человек... Нет такого человека, которого бы нельзя было заставить поверить и утешить... Хотя с настоящими неверующими плохо... Трудно их заставить поверить... Будешь говорить с ними, меньше всего упоминай про Бога... О Нем они знают лучше всякого попа, а ты в душу загляни, покой и, главное, полюби, узнай, отчего страдает человек... Не любишь, не можешь полюбить человека — ничего не выйдет...

Много я спорил по этому предмету с ихним братом: с попами, с игуменами, с архимандритами, архиереями... Они меня буквой, а я их жизнью, сердцем... У каждого человека в душе своя библия... Это — совесть... Ее не изменишь и от нее не увернешься... Спорил раз так-то с Антонием Вольским... и до того я довел его, что он стакан с чаем опрокинул... А чтобы понять душу человека, полюбить его, самому надо много перестрадать. Пил я раньше-то шибко, а потом бросил и всю свою жизнь перевернул... Трудно это было... И когда пил, то много страдал и все думал, — думал, что живу не ладно... И мысль, что по иному нужно жить, никогда меня не покидала... А теперь вот сам утешаю страждущих... Главное, душу у человека надо узнать, чем она страдает, а потом и лечить. Трудно это... ох, как трудно!.. Потруднее, чем дрова в лесу рубить...

А женщина... разве не страдает?.. Не нуждается в утешении?.. Не могут они этого понять, что иначе можно любить женщину, как у вас вот, например, у социалистов...

— А где вы живете теперь? — спрашиваю.

— В Александро-Невской лавре, миленький... — Любят меня там... Не все, положим... Половина за меня, а другая против... И знакомые мои

знатные, ученые... Там я при академии и живу, там и больных, нуждающихся в утешении принимаю... Трудно мне, миленький... До двух часов каждый день у себя принимаю, а потом по больным да по знакомым разъезжаю... Часа три в сутки свободных имею, не больше.

— Какие же больные у вас бывают?..

— Всякие, миленький, всякие... а больше женщины... нервные все... из-за границы даже приезжают...

— Ну, а как же вы узнаете, чем болен человек?..

— А смотря по тому, какой человек... Проникнуть нужно... И пока в душу к нему не заглянешь, что можно сказать?.. А трудно это, ах трудно!.. У всякого свое горе... И труднее всего заставить поверить... Многие вот в святых не верят... А как в них не верить? У Бога ничего даром не пропадает... Взять хотя бы ваш труд — ученье. Учится человек, старается и за то ему свидетельство дают, права получает, образование. Так же и перед Богом-то. За святую жизнь — нетлением Господь награждает... А отсюда вот мощи, монастыри... Да что теперь наши монастыри!..

Распутин безнадежно махнул рукой:

— Если хорош ты мне был в миру, иди в монастырь — там испортят... Не по душе, монастырская жизнь. Насилие там над людьми... Есть и там хорошие люди, вот, например, Никита на Валааме, но не любят их монахи и заставляют жить по-своему. Вот, хоть бы Троице-Сергиева лавра: нужно одеваться, в сермяге неприлично, надо приноравливаться и к уставу, и к публике... А выходит ведь лицемерие... А по-моему все простится: и воровство, и убийство, и блуд, а лицемерие — никогда... Строго нужно следить за душой и без дела любви ее не оставлять...

— А почему же вы, Григорий Ефимович, не занимаетесь делами любви здесь, в деревне?..

— А потому, миленький, что не поймут меня здесь... А там люди нервные, больные, понимают меня и нуждаются во мне...

И он передал о своих отношениях к нескольким высокопоставленным лицам, рассказал о своих связях в так называемых сферах.

— Ну, а Дубровина и Крушевана знаете? — спросил я, между прочим.

— Не люблю я их... Худо они делают... Худо это... кровь... Геннадий, — вот хороший человек. Гермоген вот — тоже.

Помолчали.

— А народ точно бедствует, — сам уже начал Распутин: — был я нынче осенью в Смоленской губ[ернии] у евреев. И беднота же, Господи!.. Одной селедочкой да кусочком хлебца целый день сыты, а я думал, что все они богатые, пока сам не увидел... Отпустят... скоро

вас отпустят, — снова пророческим тоном и совершенно неожиданно проговорил он: — кто не поджигатель да не разбойник, через год отпустят...

— Почему же вы думаете, что через год?

— Время все уладит, миленький, вразумит людей...

— Ну как тут вразумишь? Из-за нужды ведь народ-то волнуется, не по доброй воле...

— А я и не говорю, миленький, что наставлениями вразумишь... Дело вовсе не в наставлениях... А одна сторона уступит и другая — вот и умиротворится народ... Ведь что было-то там после 17 октября... Сколько народу в обморок упало, при Дворе-то!.. Все это ведь Витте наделал... Витте — это мазурик и хитрый человек... Просить надо было честью, а не силою брать, — говорит он дальше... — Знаю я и забастовщиков... хорошие есть люди и самого настоящего добра народу желают, хотят устроить жизнь так, что и лучше не надо, да разве возможно это?..

И снова он перешел на свою петербургскую жизнь, как почитают его там и ценят.

Ходит он там в шелковых рубашках, которые ему дарят. Ест он там без вилки, прямо рукою, и если случится, что капнет на рубашку, шьют новую. Есть у Григория и шляпа, и пальто, и модные ботинки, и одевается он иногда франт франтом, имея большую охоту походить и по костюму, и по манерам, и по выговору на барина. Плохо ему это удастся и доставляет немало хлопот и огорчений. Но, являясь перед некоторыми высокими лицами, Григорий, говорят, носит вериги, холщевую рубашку, портки.

Круг знакомства между высшими духовными лицами у Григория громадный. Показывает он письма от архиереев, ректоров, архимандритов. Между прочим, томский архиерей звал его в гости... И в письмах везде, как я уже говорил, приписки: «помолись за нас, святой отец».

IV

Но вот подали чай. Пригласили нас в столовую. Уселись мы за большой круглый стол. Явилась жена Григория Ефимовича, больная, испитая, но очень бойкая женщина, лет 40. Два раза она ездила уже в Петербург, где ей делали какую-то операцию. Рассказывает, что и во дворце была... Пришла Берладская, симпатичная, с интеллигентным лицом, просто, но со вкусом одетая, маленькая, прихрамывающая на одну ногу, видимо, измученная чем-то женщина, лет 30–35. Явились три, четыре «сестры» в платочках, приветливы, ласковы и с нами,

и между собой. Держатся просто, скромно и непринужденно. Пришел Илья Арапов. Появились на столе самовар, пироги, булочки, конфеты, семечки, орешки («сибирский разговор»), фруктовая вода. Мальчик лет 12-ти и девочка лет 10-ти, дети Распутина, учащиеся в местной школе, вздумали было наклеить какую-то картинку светского содержания на стену. Отец и мать воспротивились. На одном из столов увидел я книгу и справился — какая. Оказалась Библия.

— А это вот, — указал Григорий на другую книгу: — житие мое.

Оказалось, что Берладская со слов самого Распутина пишет его «житие», которое предназначено для печати.

Чай был кончен. Все чинно расселись по местам и началось пение. «Братья» и «сестры» под руководством Григория начали: «Спит Сион и дремлет злоба: спит во гробе Царь царей»...

Выходило стройно, гармонично и красиво. Товарищ мой с чувством подтягивал басом. Создавалась таинственно-благоговейная атмосфера, точно в храме. А хор трогательно и с чувством начинал уже новый стих на церковно-монастырский грустный напев: «Не унывай, не унывай, душе моя, уповай ты на Господа».

Тонкие, женские голоса, печально и нежно переливались, им глухо и грустно аккомпанировали басы. Мирное, спокойное настроение создавалось в душе... И становилось жаль чего-то... жаль до бесконечности... И в сердце заползала тихая, непонятная грусть...

Поблагодарив хозяев, простившись с «сестрами», около полуночи мы направились домой.

Все виденное и слышанное произвело на меня крайне сильное и досадно неопределенное настроение: мирное, тихое житие, святость на словах, высоконравственные начала из уст грубого сибирского безграмотного мужика, передовой взгляд на серьезные, спорные вопросы жизни и тут же рядом эти слухи, компрометирующие Григория, его нездоровый цвет лица, мутный взгляд, его юродство — все это создало такой сумбур в моей голове, что разобраться в нем и вывести какое-либо определенное заключение я положительно не мог... Кто такой, этот Григорий?.. Хитрый и ловкий пройдоха-святоша или в действительности верующий и много чувствующий человек?..

Искренно говорил он со мною или лицемерил? И вспомнилось мне, как часто во время разговора менялось лицо Распутина. То делалось оно унылым и мрачно-серым, и тогда оно было неприятно, то оно вдруг просветлеет, оживится, и тогда речь его проникает прямо в душу...

— Ну, что?.. Ведь правду я говорил: хороший он человек? — спрашивает товарищ.

Я промолчал... Да и что я мог ответить?..

Разве одно — на человека неискущенного, а в особенности с приподнятыми нервами Григорий Распутин может произвести даже чарующее впечатление... Для меня же он явился теперь большею загадкой, чем раньше.

На другой день он уехал в Петербург. Провожали его — жена, дети, «сестры» и «братья».

Великим постом в конце марта 1907 г. в одно из воскресений был созван в с. Покровском волостной сход и на нем прочитана бумага, что по указу Его Императорского Величества Григорию Ефимовичу Распутину разрешено переменить фамилию и впредь называться «Новым».

V*

Приезжал потом Григорий Новый (Распутин) на Пасху и привез 5 тысяч на новую церковь в с. Покровском.

Собрали сход и предложили приходу принять на себя какую-либо долю участия в расходах по постройке нового храма. Сход наотрез отказался и денег не принял. «Знаем мы эти 5 тысяч... Только согласие-то дай, а уж там не отвертись... Хочешь строить — строй... Вот тебе место и... больше ничего»... — решили старики.

Очень это огорчило Распутина. Злые языки уверяли, что он пожертвование свое привез с задней мыслью подкупить этим расположение к себе тобольского епископа, который относился к нему весьма недоброжелательно и, несмотря на неоднократные и настойчивые попытки и содействие друзей своих, ни разу не был допущен к приему преосвященного.

Несколько раз ездил Григорий в Тобольск с целью представиться архиерею и каждый раз безуспешно. Дело в том, что, как мне удалось слышать от одного священника, тобольский епископ подозревает в нем сектанта. По сведениям, имеющимся у епископа, учение этой «новой секты» заключается приблизительно в следующем: церковь утеряла ту чистоту, какую она имела во времена апостольские; священство не на высоте своего призвания; многие представители духовенства недостойны, чтобы благодать Святого Духа пребывала на них, а потому

* Печатается по: Южная заря. 4 июня 1910 г. № 1209. С. 2.

часть благодати, отпущенной на них, остается свободною; эта «свободная» благодать и может снизойти на достойнейшего из непосвященных в духовный сан.

Посредством истовой и продолжительной молитвы «наставник» приходит в религиозный экстаз и начинает пророчествовать, исцелять, давать советы.

Но хотя церковь и потеряла свою чистоту и спастись через нее нельзя, но, принимая во внимание, что полный разрыв с нею и открытое исповедание новой веры может навлечь много неприятностей, положено внешним образом исполнять все православные обряды.

Григорий, его «братья» и «сестры», а также гости аккуратно посещают церковные службы, говеют, посещают священников, проявляют к ним наружное почтение и т. д. При этом все они не выносят ничего «светского».

Раз Григорий с [оспо]жной Ло<х>тиной, Берладской, какой-то курсисткой из Петербурга, сестрой милосердия и другими пришли в гости к местному богатому торговцу В. Ф. Свистунову.

Хозяин, веселый человек, завел граммофон и оттуда раздалось разухабистое: «Ах вы, сени мои, сени»... Все гости мгновенно исчезли.

Но, несмотря на все внешнее приличие Григория Распутина и его последователей, темные слухи все росли и росли. Многие уверяли, что видели Григория, как он целовался и творил грех с «сестрами» в лесу, другие говорили, что по ночам у них происходят радения, что Григорий ходит с сестрами в баню, где поочередно заставлял их мыть себя, что будто бы жена его ревнует Григория к сестрам и раз даже бегала за г-жой Б. с топором по двору.

На почве такой репутации, как для Григория, так и для его гостей, создавались неприятные инциденты. Однажды шел Григорий по селу с дамами. Попадаетея им навстречу подвыпивший и бойкий мужичек Водяной. Увидав компанию, он обратился к Распутину с самым циничным замечанием.

Сразу же бросился Григорий на почту и дал телеграмму в Петербург. «Через три дня гнить будешь!..» — сказал ему Григорий. Чем кончилась история — не знаю, но Водяной остался цел и невредим.

Жена местного фельдшера Т. В. Ермакова, акушерка, передавала, между прочим, что в 1906 г. летом пришел к ней Григорий и приветствовал: «Бог благодати послал»...

Через несколько дней приезжает к Григорию какая-то богатая дама, нуждающаяся в акушерской помощи, но Ермакова как раз была в отлучке и до сих пор жалеет, что счастье, о котором ей пророчествовал Распутин, из рук уплыло.

Вообще, сфера деятельности Григория среди дам значительна. Они, что называются, льнут к нему. Без дам он никогда и нигде не бывает. Они сопровождают его в дороге, и дома он окружен ими.

Когда его спрашивают, почему он в качестве работниц держит «сестер», а не работников, он вполне резонно отвечает, что женская прислуга и выгоднее, и надежнее.

Что находят в нем интересного женщины вполне интеллигентные, непонятно... А между тем относятся они к Распутину с благоговением. Однажды одна из них спросила у местной учительницы Никоновой: «Почему она так редко бывает у Григория Ефимовича?» Та ответила, что и Григорий Ефимович не часто посещает ее...

— Ах, что вы?.. Разве можно считаться с ним?.. У нас в Петербурге за великую честь считают представиться ему, а здесь он так просто и доступно держит себя.

Внимание, которым окружают «сестры» Григория, замечательно: они предупреждают его малейшее желание... Чем он пленяет их — изумительно!

Раз мелькнула было у меня надежда выяснить истинную природу Григория. Летом 1907 г. проходил этапом каторжанин Григорий Зайцев, политический. Родом он из Петербурга, 20 июля в почтово-телеграфном отделении с. Покровского был получен денежный перевод на имя Зайцева из Тобольска от г[оспо]жи К. и письмо, что адресат будет на днях в Покровском.

Г-жа К., по словам Зайцева, высоконравственная личность и вместе со своими дочерьми занимается благотворительностью в тобольских тюрьмах. По своим политическим воззрениям она стоит вне партий; ее единственная цель — благотворительность.

Познакомился он с нею и ее дочерьми в тюрьме, где они устраивают чтения, помогают заключенным советами, вещами и деньгами. Между прочим, Зайцев показывал целую пачку писем от дочерей Казаковой. Все эти письма начинаются: «Возлюбленный и дорогой во Христе брат».

Дальнейшее содержание обрисовывает в авторах людей с возвышенной и сильно экзальтированной душой.

Я рассказал Зайцеву о нашем «святом». Оказывается, он тоже слышал о нем, а с Берладской Хионией, которая гостит у Григория, знаком даже. По словам Зайцева, «секта», к которой принадлежит и г[оспо]жа К. и Григорий, ставит своей целью нравственное совершенствование.

Между «братьями» и «сестрами», по его мнению, существуют чисто братские отношения.

В тот же день Зайцев имел свидание с Григорием и Берладской. Тем же летом приезжала г[оспо]жа К. к Григорию Новому с своими

дочерьми, но скоро уехала обратно, так как ей что-то не понравилось в Распутине.

Все это, — и отзывы Зайцева, и визит г-жи К., — вконец спутали меня, и личность Григория Распутина казалась мне еще более загадочной, необъяснимой.

Между тем местное духовенство усиленно следило за Распутиным и его учениками. Настоятель Покровской церкви о. Остроумов потребовал от Григория, чтобы тот не являлся на клирос в своем золотом кресте. Григорий повиновался. Тем же настоятелем было предложено Илье Арапову либо отказаться от Григория, либо от церкви. Илья пообещал прервать связь с Григорием, но обещания своего не исполнил.

VI

К 1 января 1908 г. Григорий снова появился в с. Покровском с целой свитой: г[оспожа] Л., г[оспо]жа Б. с мальчиком, какая-то купеческая дочка, курсистка, сестра милосердия.

«На Григория» у Распутина был устроен праздник. Пригласил Григорий всех местных именитых людей и батюшек. «Не откажите удостоить посещением своим убогую келию мою. Смирренный раб Григорий», — писал, между прочим, Григорий священникам в своих пригласительных записках.

Получил в тот день Григорий поздравительные телеграммы от многих своих высоких покровителей.

Но в ту же ночь и большая неприятность случилась с Распутиным и его гостями. Ночью произведен был у него допрос и обыск. Тюменский миссионер Глуховцев в сопровождении настоятеля Покровской церкви Петра Остроумова и другого священника Федора Чемагина обыскали весь дом, баню, амбары, подполье и все закоулки, ища кадку, вокруг которой происходили будто бы радения. Ничего найдено не было. Все гости были подробно расспрошены: имя, отчество, фамилия, местожительство, зачем приехали. На последний вопрос был единогласный ответ: в гости.

Самому Распутину был предложен довольно щекотливый вопрос: правда ли, что он ходит в баню с «сестрами?»

Григорий отвечал отрицательно.

Тогда свящ[енник] Федор Чемагин сказал: «Зачем же ты врешь, Григорий, я сам видел это: помнишь летом, когда я пришел к тебе однажды, ты возвратился из бани с венником, а вслед за тобою из бани же гости твои, дамы».

— Так что ж? — отвечал Григорий. — Я только в предбаннике лежал.

— А правда ли, — спрашивает миссионер, — свидетельница профрорня Авдотья К. показывает, что года три тому назад, когда она возвращалась с богомолья, ты зазвал ее к себе, начал целовать, а потом сделал ей гнусное предложение и даже посягнул на оное действием?

Когда же она стала оказывать сопротивление и называть тебя бесстыдником, ты сказал ей: «Никакого греха со мной нет», и потом еще о благодати начал говорить?

Григорий отвечал отрицательно.

(Подробности обыска и допроса передаю со слов священ. Петра Остроумова.)

Сделав обыск и допрос, Глуховцев извинился и, уезжая, приглашал Григория с гостями на чашку чая.

На другой день я был у Григория.

Как сам он, так и гости, были страшно возмущены обыском.

— И какое зло они могут мне сделать? — говорил Григорий. — Если посадят меня в тюрьму или иное какое зло причинят, это послужит только к моему возвеличению.

На чай к миссионеру решили, однако, захватить. Григорий был по-прежнему ровен и внимателен ко мне, но я скоро ушел: собрались местные полуинтеллигентные дамы, монашенки с разным товаром, Берладская открыла книгу и начала писать «житие»...

Кто и что Григорий?.. — по-прежнему оставалось загадкой.

Только впечатление изменилось: насколько интересен он мне раньше казался, настолько же скучен, монотонен и сер теперь, при втором визите.

«Иоанниты!.. Черные вороны!» — мелькало у меня в голове, но... неужели может быть так искусно лицемерие?.. И в ком же? Грубый, безграмотный челдон... А, может быть, он только слепая игрушка в более ловких, умелых руках? Все может быть...

В последний раз я посетил Григория Нового в конце апреля 1908 г., услышав, что на Пасху он явился домой.

Распутин чувствовал себя не совсем здоровым. Принял, однако, он меня довольно приветливо, хотя и не с таким радушием, как раньше. Причина этому скоро выяснилась.

— Как ваши дела с епископом (тобольским)? — спрашиваю.

Григорий только рукою махнул: «Не принимает и не надо... кланяться не будем... пусть он верит разным рассказам»...

— Ну, а как ваше «житие»? — продолжаю.

— Отложено, — говорит. — Вы тоже вот про меня напечатать собираетесь? Мне [тец] Федор (местный священник) говорил: смотри, выведает он все у тебя да и отпечатает, затем, говорит, и бывает у тебя...

— А вы что же... боитесь?..

— Н-нет, — замаялся Григорий, — чего мне бояться?.. Худого я ничего не сделал...

— По-моему, — говорю, — тоже: печати бояться одни плуты да мерзавцы... Так вы не будете в претензии, коли я, действительно, про вас напечатать?..

— Нет, нет, — отвечал Распутин.

А сам волновался и нервно ходил по комнате.

Так и расстались мы с Григорием Ефимовичем.

В конце апреля он снова уехал в Питер, а я опять остался с своей загадкой: кто он и что он?..

Чем и кому может быть полезен этот грубый челдон? Какую роль играет он в тех сферах, где принят и вращается как свой человек? Где и как он находит приложение своей «любви»?

У него громадный круг знакомых всюду и везде: и в столицах, и в Одессе, и в Екатеринославе.

По 20–30 депеш отправляет он перед праздниками и чуть ли не больше получает. Получает письма, посылки...

Несколько раз в году характерная фигура его появляется на тюменском вокзале, садится в первый класс и мчится в Петербург таинственная, загадочная... Загадочная и оригинальная настолько, что даже собственная жена его уверовала в него и в случае нездоровья телеграфирует отсутствующему супругу: «Помолись за меня, святой отец!».

Года полтора прошло с тех пор, как в последний раз я видел Григория Ефимовича. Волна событий высоко вынесла его на мутную поверхность русской жизни, о Григории Распутине-Новом говорит теперь вся печать, все слои русской читающей публики от верху до низу. И, знакомясь с делаемыми разоблачениями и припоминая все, что он лично рассказывал, мне сдается, что Распутин — лишь ловкое орудие в чьих-то сильных руках, которое направлялось на преследование известных целей, на влияние на тех, от кого зависят судьбы русского народа.

М. А-ИН

Распутин-Новых. «Подвижник» села Покровского Тюменского уезда¹

Нашему корреспонденту удалось беседовать с одной из бывших поклонниц «блаженного старца» Григория Ефимовича Распутина-Новых.

— Григория Ефимовича, — начала собеседница, — я знаю вот уже десять лет. Это не старец, а полный сил мужчина, лет 35. Смелый взгляд, быстрые движения, развязность, елейность — вот что бросается при первом взгляде на высокую фигуру «блаженного».

Десять лет назад мы встретились с ним на одном из постоянных дворов города Тобольска. Сюда на поклонение Абалакской чудотворной иконе Григорий Ефимович путешествовал из с. Покровского пешком каждое лето. Тогда он произвел впечатление юного, богобоязненного странника. Помню, как теперь, с каким воодушевлением рассказывал он нам, тоже приехавшим на поклонение Абалакской иконе, о своих родителях, которые, живя в селе Покровском, принимали у себя странников. «Наш маленький домик, — говорил он, — служит местом для отдыха бедных странников».

Путешествуя в Тобольск и Абалак, он не забывал и о других святынях земли русской. Так, он много раз бывал в Верхотурье, Киеве и др.

Посещая часто Киев, он близко сошелся с настоятелем обители и через него познакомился с епископом Феофаном, который впоследствии в жизни Распутина сыграл громадную роль. Знакомство с епископом было рекламой для Григория Ефимовича. Благодаря епископу о нем заговорили в Петербурге. В начале своей страннической жизни Распутин был совершенно безграмотным человеком. Помню, как он обращался к одной из своих знакомых, чтобы та написала письмо к о[тцу] Иоанну Кронштадтскому. В этом письме он просил у него благословения носить вериги. Теперь Распутин грамотен.

¹ Печатается по: Уральский край. 9 июня 1910 г. № 122. С. 3.

— Бывали ли вы у него?

— Да, бывала. В первые годы моего с ним знакомства была я у него, когда он жил еще в своем стареньком домике. Тогда передняя половина этого домика была занята странниками. Дома Григорий Ефимович проводил время в молитве и душеспасительных беседах. Была я у него и после того, как он достиг славы «блаженного старца Григория». Домик в это время превратился в шикарный особняк, лучший во всем богатом Покровском селе. Странников уже не было, они не принимались больше в этом доме. Сюда наезжали часто гости из Петербурга и других мест. Странники принимались двумя родственниками Распутина. В доме помимо семьи Распутина — отца, матери, жены и детей в мой последний приезд жили две посторонние женщины, «сестрицы», как их называл Григорий Ефимович, тетка и племянница из Абалака.

Подозревая что-то неладное в деятельности Распутина, местное духовенство доносило о жизни Распутина по начальству. В его доме было несколько обысков, но все они оказались безрезультатными. Власти подозревали, что Распутин организовал секту хлыстов. Была ли в действительности у него секта, я не скажу. На меня же в последнее время он производил впечатление почти нерелигиозного человека. Я начала к нему относиться очень осторожно и постепенно прекратила всякое знакомство.

Что касается его нравственных качеств, то, положа руку на сердце, скажу, у меня с ним по этому вопросу не было разговоров.

Зачем у него жили сестры, право, не знаю. Все же в святость Распутина я не верю. Тут что-то не то.

В. М. СКВОРЦОВ

О Распутине¹

Известный миссионер В. М. Скворцов, пребывающий сейчас в Царицыне, в беседе с сотрудником «У[тра] Р[оссии]» сказал:

«Распутине представляет, на мой взгляд, тип даровитого самородка, которому присуще довольно тонкое психологическое чутье. Его нужно отнести к категории тех “старцев” — довольно даровитых людей, которые обычно выходят из недр хлыстовщины. Любопытным прототипом Распутина является “старец” Стефан, который прошумел лет 25 назад и вызвал официальное расследование. Результатом последнего явилась ссылка “старца” в Суздаль. Впоследствии Стефан, ставший состоятельным человеком, сделался монахом суздальского монастыря, где живет и в настоящее время. Стефан “творил чудеса”, применяя гипноз. Являвшихся к нему женщин “старец”, как бы непрерывно благословляя, обычными для гипнотизеров пассажами приводил в состояние гипнотического сна и внушал им, что в них сидит бес. Загипнотизировав одержимую нечистым, Стефан приступал к “изгнанию беса”. Он начинал беседовать с бесом, пользуясь, очевидно, чревоуещанием. “Старец” спрашивал нечистого:

— Ты тут?

— Здесь, а тебе что?

Диалог с бесом продолжался, а Стефан постепенно выгонял его, касаясь руками груди одержимой, плеч, а затем по ее телу ниже...

Затем “старец” насилывал одержимую, которая, очевидно, оставалась в состоянии гипноза.

Возможно, что и Распутин-Новых применяет гипноз.

Истинную физиономию его первый выяснил преосвященный Феофан, “прозревший” ранее других, очарованных “старцем”. Затем

¹ Печатается по: Царицынская мысль. Общественно-политическая и литературная газета. 1910. 3 июля. № 130. Суббота. С. 2.

резко изменил отношение к Распутину саратовский епископ Гермоген, ранее относившийся к нему очень доброжелательно.

Против Распутина в свое время было возбуждено дело тобольскими епархиальными властями. Дело это, однако, заглохло и до Синода не дошло.

Сотрудникам «Р[усского] с[лова]» В. М. Скворцов сказал:

«В Синоде не имеется дела об известном “старце” Распутине. Распутин принадлежит к типу сектантов вроде Чурикова и Подгорного, не признающих грехом чувственную любовь».

А. Л. <ГОРБЕНКОВА>

Распутины, Восторговы, Скворцовы¹

История Распутина крайне не сложна и даже наивна. Простой русский мужик воспользовался простым и наивным положением Русской церкви и под ее флагом стал обдeldывать все свои личные дела и делишки. А все эти дела и делишки сводились, в сущности, к самому грубому и откровенному походу *плоти*, к аванюре сладострастного павиана, к приключениям мужиковатого Дон Жуана.

Оказывается, однако, что Распутин не первый и не последний.

Не успели замолкнуть разоблачения о Распутине, как на смену им явились разоблачения о Подгорном.

Этот запорожец, приняв имя святого старца Стефана, в течение целого ряда лет, в качестве настоятеля монастыря, проводил в жизнь распутинские теории о святости плоти, о побеждении ее грехов распущенностью, о сладости разврата, когда он совершается во имя победы над первородным грехом.

В результате этот самый Подгорный, в иночестве Стефан, изнасиловал и растлил *двести* молодых девушек и женщин, попавших в его сети, т. е. поступивших в монастырь, управляемый его именем.

Подгорному в свое время всячески помогал Победоносцев. Всесильный воевода Синода видел в нем крепкую силу монашества. Всесильный владыка и повелитель духовенства протянул свою руку монаху, в обители святой жизни устраивавшему гаремы. Всесильный владыка, прельщенный учением старчества, не видел и не понимал всей этой подоплеки, где царил вавилонский блуд самого откровенного типа...

¹ Печатается по: Царицынская мысль. Общественно-политическая и литературная газета. 1910. 11 августа. № 162. Среда. С. 2–3.

Подгорный и Распутин все же деятели прошлого — говорит «Сов[ременное] сл[ово]. Они сошли со сцены. Нет Победоносцева, нет и защитников Распутина. Ректор петербургской академии Феофан передается в настоящее время, как истый аскет, раскаянию в том, что он этого Распутина считал идеалом своей святости и этот идеал всячески пропагандировал. Великая смута, сделанная этими двумя деятелями Церкви, еще не улеглась, но оба деятеля сошли со сцены...

А на виду уже третий деятель. Гораздо более интересный и значительный.

Это — отец Восторгов.

Один из тех крупных деятелей, пред которым сам Святейший синод дрожит, как дрожал когда-то пред Победоносцевым.

Отец Восторгов — основатель и деятель всех монархических партий в Москве.

Но и этот деятель вышел из школы Распутина и Подгорного.

Об этом печать говорила уже давно. Уже давно указывалось на то, что Восторгов, отменный патриот и монархист чистой крови, в сущности — развратник самого непристойного типа. Что это — тайный Распутин, более ловко, чем этот мужик обдeldывающий свои дела.

Но конкретных фактов печать до сих пор не знала.

И эти факты в настоящее время нашлись.

Их открыла правая же печать в пылу полемики.

Печать поименно указывает, что натворил Восторгов, будучи преподавателем Закона Божьего в тифлиских гимназиях.

Будучи учителем гимназии, он развращал своих учениц и делал из них своих любовниц.

Развращал систематически, выбирая наиболее красивых в своем вкусе.

Одна из жертв восторговского распутства, бывшая ученица этого столпа Церкви, рассказывает в «Голосе русского» (№ 25–26), к каким приемам прибегал преподаватель женской гимназии, выбиравший из учениц одалисок для своего гарема.

С намеченной жертвой отец Восторгов вел длинные и душевспасительные беседы на тему о любви и прелюбодеянии. И беседы эти имели постоянно один и тот же результат: девушка становилась любовницей Восторгова.

Газета перечисляет все жертвы восторговского неистового блуда:

Антонина Рубановская — сошла с ума.

Евгения Григорьева — сошла с ума и умерла.

Вера Куликовская — застрелилась.

Горбенкова — повесилась.

Романченко и Цхомелидзе выбросились из окон и разбились насмерть.

К этому списку Н. Дурново в «С.-Петербургских ведомостях» (№ от 25-го июля) прибавляет Михайлову, которая последовала примеру своих подруг и тоже выбросилась из окна.

Этот последний факт переполнил чашу терпения в городе. О злодеяниях отца Восторгова говорил весь город.

Первыми за честь поруганных девушек вступились гимназистки тифлиских гимназий. Для этого им пришлось прибегнуть к крамольному средству: они отпечатали прокламацию с изложением подвигов Восторгова и расклеили ее по всему городу.

Скандал получился полный. Отец Восторгов понял, что положение его в городе не безопасно, и тайно бежал из города.

Таков список деяний Восторгова в одном Тифлисе. К сожалению, неизвестно, что он делал в других городах. Известно только то, что, несмотря на неполные, правда, но все же разоблачения печати, Восторгов быстро шел в гору, делал блестящую карьеру и становился все более и более крупной силой.

Теперь он в расцвете своей власти и влияния. В настоящую минуту он важно заседает на миссионерском съезде в Иркутске и произносит горячие речи в защиту православия, евангельских истин и нравственности.

Он открывает школы, строит церкви, учреждает отделы монархических организаций. Произносит пламенные речи высоконравственного содержания и телеграфирует в «Новое время» и «Колокол» о результатах своей поездки по Сибири и азиатским владениям.

На теперешнем миссионерском съезде он восседает рядом со своим другом В. М. Скворцовым и числится представителем Синода.

Что же это такое? Кошмар какой-то? Выдумка злостного врага Православной церкви?

На последнем съезде миссионеров в Казани принята резолюция с осуждением многих русских писателей. Писатели осуждены в язычестве, в безнравственности, в проповеди разврата. Да и вся русская литература обвиняется в тех же грехах и преступлениях.

По этому поводу «Колокол» напечатал и доклад саратовского епископа Гермогена, и ряд бичующих и негодующих статей, заранее предавая писателей анафеме, которой миссионерский съезд просил предать их официально, от лица Церкви.

В какую цену оценить весь этот благородный пыл и пафос, эту пламенную защиту нравственности, если под ними значится подпись развратителя девушек отца Восторгова, толкнувшего в яму смерти несколько молодых жизней?

К теперешнему своему блестящему положению он шагнул через группы юных девушек. И они не мешали ему идти в гору и делать блестящую карьеру.

Общественное сознание никогда не примирится с тем, что такие люди являются в роли руководителей и наставников в делах нравственности и религии.

Известный писатель по церковным вопросам г. Н. Дурново в «С.-Петербургских ведомостях» касается от[ца] Восторгова и миссионера проф[ессора] Скворцова в следующей заметке.

«Судя по многословным телеграммам, помещаемым в “Новом времени” “Колоколе” “Церк[овных] вед[омостях]” “Земщине” и “Русск[ой] земле” от имени о[тца] И. Восторгова и оо. сибирских и туркестанских благочинных (без сомнения, составленных и оплаченных самим о[тцом] В[осторгов]м), на безприходного, не при церковных делах состоящего протоиерея Св. синодом возложена великая миссия: ревизия сибирских церквей и епархиального управления и затем основание монастырей. Таким образом, о[тец] Восторгов, впервые со дня учреждения Св. синода, является уполномоченным экзархом его в Сибири и Туркестане.

Понятно, что сибирские епископы, чтобы не подвергнуться гневу честолюбивого и грозного о[тца] протоиерея, кириями синодальными облеченного чрезвычайными полномочиями, встречают его на железнодорожных станциях и отдают свою карету в его распоряжение во все время пребывания его в епархиальном граде. Отцы же благочинные, ожидающие повышений и наград, преклоняются пред ним и прославляют его деяния в печати. Сопровождают его и гг. исправники, стантовые участковые пристава, как лицо, близко стоящее к высшим сферам; сами гг. начальники губерний отдают ему визиты и оказывают почет.

Прославленный деяниями в Елизаветполе, в Тифлисе, Москве и С.-Петербурге, о[тец] Восторгов принимает на себя миссию преподобных Антония и Феодосия Печерских, Сергия Радонежского, Серафима Саровского и других подвижников, устроителей монастырей северной русской Фиваиды. Конечно, если государство даст миллионы на сибирские монастыри, то они будут открыты, будут наполнены откормленными монахами-тунеядцами, но истинного богомыслящего, трудящегося монашества в Сибири насаждено не будет.

В настоящее время вологодские, архангельские, олонекские, костромские монастыри, не говоря об епархиях Северо-Западной Руси, настолько оскудели иноками, что есть обители с 4–5 монахами. При таком-то оскудении о[тец] Восторгов мыслит создать 40 монастырей в Сибири!

Другой синодский делец В. М. Скворцов устраивает миссионерские съезды. В 1908 году он собрал более 25 архиереев в Киев, ныне — ар-

хиереев 22 восточных епархий в Казань, а затем, как важная персона, перебрался в Иркутск, где руководит сибирским архиерейским съездом. К этому времени прибыл туда и экзарх всея Сибири о[тец] Восторгов.

При безглавии Русской церкви двое лиц (один — политиканствующий, обладающий даром гипноза иерей, а другой — синодских дел чиновный сановник) неведомыми путями, синодским попусшением и небрежением, захватили власть над Русской церковью и стали руководить не только духовным коллегиумом, но и соборами, созываемыми в Киеве, Казани, Иркутске, подчинив своему влиянию всю молчаливую иерархию, боящуюся возвысить свой голос, благодаря тому неравноправию, которое господствует между гражданской властью, поставленными синодалами и зависящей от них иерархией.

Архиерейско-миссионерские съезды сводятся к одному: для того, чтобы противостать напору сектанства, магометанства, буддизма, необходимо обеспечить оо. миссионеров крупными окладами, — ибо других средств ни о[тцу] Восторгову, ни В. М. Скворцову, ни г[осподину] Айвозянцу, ни прочим оо. миссионерам на съездах не придумать. Ну, а проповедники старообрядчества, баптизма, штунды, римско-католичества, магометанства и буддизма откуда черпают средства? Не правительство же им дает!

Дорого, очень дорого стоят Русской церкви и государству такие деятели, как о[тец] И. Восторгов и В. М. Скворцов. От их миссионерства, как и их единомышленников и друзей — материалистов, Церкви нет пользы. Они сеют к инославным зло, ненависть, проповедают насилие, а епископы, вместо того, чтобы высказаться против нового, выдвинутого восторговыми националистами учения о ненависти, насилии и беззакониях относительно инородцев, обращают Церковь Божию в орудие торговли. Обратите, напр[имер], внимание на заявление Можайского епископа Василия (восторговца) на чрезвычайном собрании училищного совета при Св. синоде (см. № 24 «Церк[овных] вед[омостей]»). Владыка заявил, что о[тец] Восторгов — “предлагает организовать покупку воска, вина, лампадного (т.е. недоброкачественного) масла, церковных облачений и утвари из первых рук”, дабы получить прибыль, которая “от означенной операции должна дать духовному ведомству большие доходы”. Вот в чем заключаются мечты вдовца-епископа, которому, благодаря родству с митр[ополитом] Владимиром и дружбе с о[тцом] Восторговым, предстоит сделать блистательную карьеру.

Если хотите поднять Православную церковь, чтобы она светила русскому миру, — говорит г[осподин] Дурново, — то даруйте ей свободу: проповедуйте любовь, правду, мир, право, а архиереев и пастырей

Церкви заставьте служить примером для пасомых. Негодных и зазорного поведения служителей Церкви отсекайте и удаляйте! А раз вы этого не делаете и продолжаете смотреть на Церковь как на достояние духовно-сословной касты, лишая приход всяких прав и не давая ему возможности развить церковную благотворительность, то бороться не только с инославной, но и с магометанской пропагандой вы — не в силах. Раз вы идете против Божественного учения о любви, раз вы провозглашаете неравенство людей, — даже соединенных верой, как грузин и молдаван, — лишаете права православных инородцев молиться Богу на их родном языке, то не сетуйте на отпадение их в магометанство. Вы их сами гоните вон из Церкви! Все религии с любовью принимают приходящих к ним, помогают бедным и неимущим, а наше духовное ведомство облагает церкви на духовное звание такими поборами, что о благотворительности церковной и думать не приходится».

К. НИК-Ъ

Отголоски распутинской эпопеи. (Рассказ странницы)¹

24 августа в Екатеринбургскую городскую больницу полиция доставила странную больную.

Ее подобрали на улице, с коротко остриженными волосами, босая, в черном странническом подряснике, она скорее походила на одетого в женское платье юношу.

Когда больную начали переодевать, то изумление достигло апогея, т. к. под верхней одеждой на рубашке у нее оказались солидные железные вериги, охватывающие тяжелым кольцом ее тонкую фигуру.

Все больные, весь медицинский персонал заинтересовались странной больной и вскоре же ее привели в чувство.

Судьба этой экзальтированной, истеричной женщины настолько интересна, она находится в такой тесной связи с известным теперь «старцем» Григорием Распутиным, что мы приводим ее рассказ почти целиком.

«Я Кира Алексеевна Пасенкова, мне 22 года. Я окончила Уфимское епархиальное женское училище, два года — 1905 и 1906 — учительствовала в церковно-приходской школе, но в этом труде не нашла своего призвания.

Жизнь подвигов, тяжелых испытаний, физических искусов манила меня... Мне хотелось опуститься до той младенчески-чистой веры, которой охвачена странствующая из одного монастыря в другой по святым местам серая, простая Русь.

И я пошла, превратясь в странницу. Сначала я ходила в обуви, а когда она сносилась, то стала ходить босиком.

¹ Печатается по: Уральская жизнь. 27 августа 1910 г. № 186.

Так, странствуя, в ноябре прошлого года попала в Верхотурский монастырь. Босая в уральскую лютую стужу я, конечно, вызывала любопытство зевак и старых баб, курьезно просивших у меня, почти девчонки, советов, как жить и спастись.

Я сердилась на них, гнала их...

Эти вопросы стояли и передо мной роковыми загадками.

Прожив несколько дней в странноприимном доме при мужском Верхотурском монастыре, я обратилась к настоятельнице Покровской женской общины игуменье Таисии с просьбой зачислить меня в послушницы общины.

Мой более чем скромный вид, босые ноги произвели дурное впечатление на игуменью; она не отказала, но и не согласилась, и я так и осталась жить при гостинице мужского монастыря вместе со скотницами. Здесь я шила белье и исполняла другую тяжелую работу.

В Покровской общине я познакомилась с послушницей Акилиной Лаптинской, сыгравшей в моей дальнейшей судьбе большую роль.

Но знакомство мое с Лаптинской продолжалось, и она начала ходить ко мне.

От нее я впервые услышала о старце Распутине.

Она отзывалась о нем, как о святом человеке, владеющим даром прозорливости, совершающим исцеления бесноватых. Она гордилась тем, что он считает ее своей духовной сестрой и пользуется его благоволением.

Ее экзальтация невольно передавалась мне, и [я], ищущая праведных людей, заинтересовалась личностью этого старца до того, что когда Лаптинская сообщили мне, что он скоро приезжает, я пошла с ней его встречать на вокзал.

Это было в субботу пред Масленой (27 февраля).

Надо вам вообще сказать, что Г. Е. Распутин в верхотурских монастырях считается важной персоной. Настоятелю Верхотур[ского] мужск[ого] монастыря иг[умену] Ксенофонту он даже оказывал покровительство, во времена своего могущества представив его ко Двору.

Среди монахов и монахинь монастырей было много его почитателей, видевших в нем не столько святого, сколько могущественного своими придворными знакомствами.

В гостинице мужского монастыря даже есть небольшой номер, который так и зовется «Григория Ефимовича» и в котором он в своих частых поездках из с. Покровского постоянно останавливается.

О приезде Г. Распутина уже было известно, а апартамент его был готов.

Встречу Распутина на вокзале мы пропустили и встретили его по дороге к монастырю едущим с какой-то пожилой, просто одетой женщиной.

Узнав Лаптинскую, Г. Распутин остановил лошадь, вышел из саней и расцеловался с ней.

Об его манере целоваться Лаптинская мне уже говорила, и я не удивилась, когда этот пожилой человек с острыми, умными, выразительными глазами потянулся ко мне, взяв меня за плечо, поцеловал.

Так началось мое знакомство с Распутиным.

Посадив нас в сани, Распутин поехал прямо в монастырь.

Со мной он начал беседу, в которой очень жаловался на своих высокопоставленных друзей, отвернувшихся от него, после того, как на него начались нападки некоторых архиереев.

Но в то время Распутин надеялся сломить врагов, у него, по его словам, еще было много защитников, сторонников и сторонниц в высших сферах.

Я, насколько могла, старалась успокоить жалующегося старца.

Приехав в монастырь, Г. Распутин сразу же направился к настоятелю о[тцу] Ксенофонту, который оказал ему почтительно-радушный прием.

Меня он не отпускал от себя, и я босая, в поношенном подряснике попала в настоятельские покои.

Беседуя с настоятелем и монахами, рассказывая им эпизоды из своей столичной жизни, где он запросто принимался очень высокими лицами, жалуюсь тоже на нападки духовенства, он заявил вдруг, что я сняла с него полгоря, что при виде меня у него спали заботы, и ему стало на душе весело. И тут же предложил мне поехать к нему в с. Покровское, где у него жена, семья и много сестер — целая обитель.

Ничего не зная, видя в нем, со слов Лаптинской, святого человека, я согласилась.

От настоятеля на лошадях мы направились по городу в женский монастырь.

Настоятельница м[онахини] Таисии не было, и здесь «святому старцу» не было никакой торжественной встречи. Это его, видимо, разбидало.

Придя в келью Лаптинской, в которую собрались чуть не все монахини и послушницы, он сказал целую речь, в которой поучал, что старцев надо чтить, что холодный прием, оказанный ему, доказывает, что и живут они холодно, без горячей веры, согревающей сердце. В середине речи, как на пример горячей веры, жажды подвига, он указал на меня, пошедшую за ним без рассуждения со слепой, спасительной верой.

Я не помню сейчас точно этой речи, но помню, что я горда была похвалой, что впечатление от нее было теплое, хорошее.

В разговоре упомянул кто-то об отшельнике Макарии, монахе 60 лет, живущем в лесу.

Распутин, оказалось, уже знал его и пожелал его видеть, послав за ним лошадей.

Макарий приехал и, увидев, что Гр. Распутин целует некоторых из послушниц (этим он оказывал им свое благоволение), заявил, что он «не желает говорить с Григорием Ефимовичем при народе» и пойдет в мужской монастырь.

Распутин тотчас же поднялся и с Лаптинской, мной и Макарием снова поехал в мужской монастырь к настоятелю.

Было уже 9 час[ов] вечера.

Тотчас же был накрыт в настоятельских покоях ужин.

За ужином Распутин снова начал говорить о своих связях, показывал подарки высоких особ и снова потребовал моей поездки в Покровское.

Запротестовал [отец] Макарий, который к моему удивлению заявил, что мне туда не дорога.

— Убежит, так на дне моря сыщу, — бравировал Распутин. — У меня все начальство — вот где! — И он показал свой кулак.

После ужина мы все с [отцом] Макарием направились в гостиницу, в номер Распутина. Там была уже толпа. Монахини, послушницы, просто странницы и богомолки положительно заполнили большую комнату. При входе «старца» многие становились на колена, раздались рыдания, стоны.

Усевшись в кресло, щелкая орехи и закусывая их апельсинами, «старец» начал принимать посетительниц.

Ему каялись здесь же, открыто, в грехах, у него просили защиты, помощи, советов, благословения. Большинство плакали.

Некоторым он давал деньги... Многих он молча привлекал к себе и целовал.

Говорил он мало, все больше резкими, отрывистыми фразами, похожими на намеки и иносказания.

Толпа разошлась к 2 час[а] ночи, и остались Лаптинская, я и женщина, приехавшая с ним.

По уходе всех он сразу же переменялся.

Он начал рассказывать интимно-пикантные подробности о барынях высшего света. Цинично он уверял нас, что княгиня такая-то “мягкая, здоровая особа, с которой приятно...”. Такая же, наоборот, “сухопара и больна” и пр., и пр.

Святой старец исчез, остался обычный циник.

Я не верила глазам и ушам...

На меня он обратил особое внимание.

Он расспросил, здорова ли я, девушка ли или уже имела любовников, и хожу ли я в баню?

Я пробовала отшатнуться, уверяя его, что в бане не была с тех пор, как сняла башмаки, что с меня довольно реки и снега, которыми я моюсь.

— Ну, в Покровском тебе придется вымыться в бане со мной, — заметил на это старец.

Меня взорвало. Я указала на безнравственность этого заключения, но Гр. Распутин развил передо мной целую теорию о необходимости единения не только духом, но и телом, что только в одном этом он видит спасение. Я поняла, что это за старец и, отговорившись необходимостью идти к заутрени, ушла, оставив Распутина с Лаптинской.

Сразу же после службы я обратилась к о[тцу] Ксенофонту, прося его защиты и совета, как отделаться от старца, во всемогуществе которого я не сомневалась. Но сомневался в нем, очевидно, и о[тец] Ксенофонт, который посоветовал мне притвориться согласной, поехать в Покровское, а по дороге сбежать.

Так я и сделала. Распутин послал со мной в провожатые свою спутницу, дав мне на дорогу около 100 рублей, и я от нее сбежала на ст[анции] Гороблагодатской, проехав в Житомир к бывшему Уфимскому, ныне Волынскому епископу Антонию.

В Волынской епархии я не нашла подходящего для себя женского монастыря (уж очень они все там шумные) и в Страстной четверг снова вернулась в Верхотурье.

Лаптинскую я уже не застала (она уехала с Гр. Распутиным). Обратилась я к о[тцу] Ксенофонту, прося его, как благочинного, зачислить меня в одну из женских общин.

Мне не отказали, но и не приняли официально и поселили, ради Христа, под церковью, топить печи.

При Покровской общине создается школа, и я мечтала занять в ней место учительницы, как вдруг вышло обращение еп[ископа] Митрофана к пастве с предостережением против Распутина и подобных ему старцев.

Я, как знакомая с Распутиным, сразу попала под новое гонение игуменьи.

Мое зачисление поставили при условии согласия еп[ископа] Митрофана, к которому меня и послал благочинный о[тец] Ксенофонт.

Но еп[ископ] Митрофан отнесся ко мне сурово. Узнав, что я знакома была с Распутиным, он повернулся и не стал больше меня слушать.

Как я вышла из архипастырских покоев, где меня подняли в обмороке, как привезли сюда — я ничего не помню.

Знаю только, что один разговор с Распутиным, в котором я сразу увидела низкого человека, испортил снова мою жизнь, начинавшую входить в колею.

Да будет воля Всевышнего», — заключила К[ира] А[лексеевна], это невольная жертва Распутина, свой рассказ.

К. ЖДАНОВ

В гости к «старцу» Распутину¹

(От нашего специального корреспондента.)

Маска сорвана

— «Святой»!

Иначе почти никто из аборигенов села Покровского и не называет «подвижника» своего села — Григория Распутина-Новых.

Это — здесь уличное прозвание «старца» сомнительной старости с не менее сомнительной репутацией. Ироническое определение «старца». Но это только здесь, в «отечестве своем «святой старец» не может освободиться от предательских кавычек.

В далекой же столице с ее блестящими салонами злая ирония широкой улицы захоlustья не преследует «святого» и то же определение «старца» дается ему без всяких стеснительных знаков:

— Святой старец.

А в оправдание «признания святости» Распутина приводится довольно туманная теория о «вечной злосчастной участи всех святых и подвижников, которых никогда еще не признавали в отечестве своем, клеветали на них, взводили напраслины» и т. д.

— Григорий Ефимович у нас просто не представляет счастливого исключения; как все святые великомученики, он должен претерпеть много горя, много испытаний. Так уж суждено ему, значит. В этом он обрел и путь себе в Царство Небесное! — не скупясь на дешевые

¹ Печатается по: Уральский край. 1910. 11 июня. № 124. С. 3; 1910. 15 июня. № 127. С. 3; 1910. 17 июня. № 129. С. 3; 18 июня. № 130. С. 3; 1910. 19 июня. № 131. С. 3; 22 июня. № 133. С. 3; 24 июня. № 135. С. 3; 1910. 29 июня. № 139. С. 3.

эффекты, пытаются аргументировать «святость» Распутина его сторонники, почитатели и поклонники, вернее, — почитательницы и поклонницы.

Только эти отжившие свой век, затасканные истины являются теперь смешными и необидительными.

Здравый рассудок и логическое течение мысли, исключая как крупную аномалию слепую веру в казуистические афоризмы, одновременно до очевидности ясно указывают на то, что именно на месте родины, месте постоянного жительства, и нужно искать все данные для полной иллюстрации к характеристике той или иной «святой личности», несомненно, прославившейся, но вызывающей различные спорные, подчас диаметрально-противоположные друг другу заключения как в «отечестве», так и «на чужой земле».

Вблизи ведь виднее.

Издали же, пожалуй, близорукие еще могут, фантазируя, признавать черное белым.

Впрочем, в последнем отношении все почитательницы и почитатели «святых» вообще, а в частности — «святого» Распутина — именно и обладают такими «недюжинными способностями».

Но такие-то сторонники и нужны «святым старцам» — молодых и пожилых лет, — чтобы легче стяжать себе славу.

И, действительно, с ловкостью мазуриков «святые отцы» составляют себе популярность, находят фанатичных поклонников, преимущественно — поклонниц.

Так обстоит общая наличность условий в удушливой атмосфере вокруг и около «нового подвижника».

Григорий Распутин-Новых, благодаря сорванной маске, закончил карьеру «святого старца», заключился в иронические кавычки даже там, в петербургских салонах, где до сих пор все исходящее от него не считалось фальшивым, признавалось за чистую монету.

Но...

Как это ни странно, — «святой старец» продолжает еще волновать некоторые умы, интересоваться обществом, являться неистощимо богатым материалом для всякого рода бесед, споров.

Отсюда следует и заинтересованность печати.

Еще только что отправляясь в с. Покровское (отныне знаменитое!), нисколько еще не задаваясь целью предпринимать анкету относительно не старого «старца», я столкнулся уже с массой интересного материала, касающегося жизни и характера Григория Распутина-Новых, и должен был, таким образом, начать запись в моем bloc-notes значительно ранее прибытия на место назначения.

Чуть ли не буквально все пассажиры парохода, взятые вместе с командой, нет-нет касались в своем разговоре пресловутого подвижника.

По крайней мере, из личных моих собеседников решительно никто не обходился без того, чтобы не спросить меня или не рассказать мне что-нибудь о «старце» — Григории...

Интеллигентный господин пожилых лет, бывший мировой судья, рассказывает про одну из своих встреч с Григорием Распутиным.

— Григорий Распутин — просто мазурик. Как мировой судья, я часто прежде сталкивался с ним. Лицо его несколько характерное я запомнил достаточно хорошо. И вот года два тому назад, уже после того, как я его не видел несколько лет, встречаюсь с ним в одном из вагонов поезда на Николаевской ж[елезной] д[ороге]. Вагон был микст, 1-го и 2-го класса. Я ехал в 1 классе, а в соседнем купе ханжа-мазурик. Он, по-видимому, меня не узнал, т.к. я, оставив службу, за несколько лет изменился, вероятно, очень сильно. Пополнев, немного постарел, прифрантился. В свою очередь я сразу узнал Распутина.

Он же, как мне теперь кажется, признал меня за какого-нибудь коммерсанта, наметив жертвой для своего шантажа. Проходя несколько раз по коридору и все засматривая через открытую дверь в мое купе, он ясно этим обнаруживал свою заинтересованность. Не вытерпел, я вышел из купе в коридор: мне хотелось, чтобы он узнал меня. Тем не менее он не переставал обнаруживать свое желание завязать со мной «дорожное знакомство».

Наконец он, остановившись около соседнего окна, заговорил со мной относительно состояния хлебного урожая в Петербургской губ. После нескольких же слов, сказанных им мне как совершенно незнакомому лицу, я решил напомнить о себе, и с этой целью сказал: «А я вас, Григорий Ефимович, знаю. Помните (здесь был назван год и месяц) одно дело у мирового судьи?»

И представьте! Этого было вполне достаточно, чтобы Распутин первоначально ступешевался, а затем исчез.

Командир парохода, ответив на мой вопрос, когда будет пароход в Покровском, сразу же заговорил о «св[ятом] Григории» и сообщил, что лоцман такой-то знает немало «казусных историй» из жизни «старца».

Позванный лоцман, действительно, чудеса рассказал: как Григорий Распутин пополняет комплект Ивановского женского монастыря...

Но об этом в отдельных очерках.

(От нашего специального корреспондента.)

I

Место родины Распутина

Старинное, основавшееся почти в первые годы покорения Сибири Ермаком, большое, даже — применяясь к общему быту русского крестьянства — богатое, с недурными, подчас хорошими, не без претензии на красоту, и новыми строениями, — село Покровское растянулось по левому берегу р[еки] Туры на низменной равнине, находящейся в 10 верстах от места впадения Туры в Тобол.

Общий вид села с реки производит довольно благоприятное впечатление, если не касаться бросающегося на первый же взгляд безлесья, которым отличаются берега судоходных рек Сибири. Среди растянувшихся крестьянских строений прежде всего обращает на себя внимание высокая белая колокольня новой каменной церкви.

Население в общем числе до 1400 «душ» (630 мужского пола, и свыше 700 ж[енского] п[ола]) заним[ает] 432 двора.

Лучшие дома помещаются на «Главной» улице, по которой проходит Тобольский тракт. (Покровское — по тракту в 80 верстах от Тюмени (а по реке около 150) и от Тобольска в 162 верстах).

Дом Распутина, относящийся также к лучшим, стоит здесь же.

Дом Распутина

Высокий, деревянный, на каменном фундаменте, до Распутина в Покровском вполне претендует на хорошую городскую усадьбу, но назвать его, как по величине, так и по архитектуре, «первым в селе» — нельзя безусловно.

Правда, два этажа больших окон, красиво включенных в массивно выпуклые наличники, приличная (хотя по-деревенски пестрая) окраска, палисадничек — все это в общем составляет о доме достаточно выгодное впечатление.

Но, читая прежде проникавшие в печать преувеличенные сведения о роскоши дома Распутина, по которым можно было представлять какие-то хорошие боярские хоромы, пожалуй, даже целую гостиницу, вмещающую в себя, — помимо семейных Распутина и его 12 «сестер», располагающих каждая по комнате, — еще «массу столичных гостей», — невольно разочаровываешься: дом «святого старца» очень скромных размеров.

Фасадом в 3 окна, дом едва ли занимает даже полных 2 саж[ени].

Вглубь усадьбы — идет саж[еней] на 4.

Внутреннее помещение довольно ограниченное: в верхнем этаже — большая комната и две маленьких, а в нижнем — кухня и также две маленьких комнатки.

Разумеется, и это все очень и очень не походит на жилище «святого» хотя бы и в кавычках, особенно обстановкой.

Но к последнему еще придется вернуться в одном из последующих очерков, когда зайдет речь о моем первом визите, сделанном распутному «старцу» Григорию.

Также в недалеком будущем будет дана и иллюстрация сфотографированного дома, имеющего грязно-историческое значение.

II

Фамилия Распутиных

Распутины* — фамилия одних из тех крестьян, которые были основателями села Покровского.

Любопытно, между прочим, отметить несколько легендарное объяснение, упрочившееся среди крестьянства, тому, как произошла эта фамилия:

«Предки-то нашего “святого”, Григория-то, значит, вот не лучше его самого были. Пьянствовали, дебоширили завсегда, до женщин падки очень были, одно слово — распутничали... Григорий-то Ефимович ведь за последние годы только бросил пить и курить, а то — пропойца был, что спаси, Господи... Яблоко, значит, от яблони недалеко падает!.. Ну, так вот за распутничество-то и перекрестили их отцов-то Григория Ефимовича, в Распутиных... В общество долгое время не принимали. И родня также отказалась... Распутины раньше Распоповы были, да только, как конфуз этот вышел, сродственники первые на сходе, говорят, за то кричали, чтобы и из общества исключить и фамиль перекрестить...»

В данный момент старшим членом рода Распутиных является отец «святого старца» — Ефим Яковлевич. Это — семидесятилетний старик, среднего роста, крепкого телосложения, очень еще бодрый на вид.

Матери Григория Ефимовича в живых уже нет.

Сам «старец» имеет от роду 42 года, как об этом свидетельствует выписка из метрической книги, находящейся при церкви села Покровского.

* Известный до сих пор под именем Григория Распутина-Новых «святой старец» подписывается сам и называется всеми на месте своего жительства — Распутин Новый.

Среднего роста, узкоплечий, худощавый, с широкими («открытыми») серыми глазами, глубоко впавшими в орбиты, «блаженный старец» сразу и во всем проявляет себя как святоша.

Тон и тактику ханжи он не оставляет, кажется, никогда.

Одевается он обычно в рубашку-косоворотку, черные брюки и высокие лаковые сапоги.

В парадные дни «блаженный» пополняет свой туалет нагрудным крестом, пожалованным ему от Государя.

Это — золотой массивный крест с изображением распятия Иисуса Христа и с надписью на одной стороне — «Спаси и Храни», на другой — «Николай II».

Ввалившиеся в обведенные предательской синевой орбиты глаза Григория Распутина на людей слабонервных производят «сильное впечатление».

Разумеется, такое влияние «блаженный старец» может иметь *только* на слабых да преимущественно еще на истеричных барыnek.

Аналогичное «влияние» имеют и монахи иногда, когда они особенно не стесняются в своих «конфиденциальных общениях с миром».

Ни о какой гипнотической силе таких глаз, какие у Распутина и других распутников, в полном смысле этого слова не может быть и речи.

Поддающиеся «гипнозу» распутинских глаз жертвы — жертвы самовнушения.

У Гр. Распутина не сильный взгляд, а просто нездоровый.

...Но об этом, в целях последовательности, пока не приходится детально вести речь и придется еще иметь случай ко всему этому вернуться.

Таким образом, покончив временно с беглым описанием личности «духовного гастролера в отставке», необходимо перейти к его потомству.

От своей законной супруги — Парасковьи Федоровны (кр[естьян]ки из дер[евни] Дубровной, Тюм[енского] у[езда]), по-видимому, когда-то крепкой, здоровой женщины, а теперь с болезненным выражением и на лице и во всей натуре, — Григорий Распутин имеет *3 детей*. (В печати за последнее время прошли неточные сведения.)

Сын — Дмитрий, 12 лет, и две дочери — Матрена, 11 л[ет,] и Варвара — 9 л[ет].

Причисляет к своему семейству «блаженный» святоша и двух постоянно живущих у него «сестер», которых «духовно» он любит.

Обе они пожилых лет, некрасивые, живут в качестве пострадок (работниц), но отправляют свои обязанности безвозмездно.

V

Карьера святого

Счастливо составив карьеру святоши, Григорий отправляется «на благословение» к о[тцу] Иоанну Кронштадтскому...

Это был первый дальний выезд Распутина из родной Сибири, давший ему счастливую славу.

Но счастье не оставляет его и на чужбине.

Наоборот, оно улыбается ему на чужбине еще более, чем на родине.

Его «религиозный» разврат, его половая разнузданность, преподнесенные под особым соусом какой-то туманной теории «о спасении души путем плотских сношений», — пришлось по сердцу и вкусу столичных психопатов и психопаток...

Известно даже, как «Богородица-генеральша» провозгласила его, этого проходимца Распутина, Иисусом Христом...

Я не буду подробно говорить обо всем этом, тем более что во многом придется лишь повторять уже сказанное, а бегло коснусь нового, не проникавшего до сих пор в печать, факта из жизни «блаженного».

Этот факт очень хорошо иллюстрирует карьеру «святого старца».

Однажды (в 1906 г.), благодаря своим «влиятельным» поклонникам и поклонникам Распутин имел случай преподнести складную икону одному из высокопоставленных лиц. С этим временем как раз совпало произведенное первое неудавшееся покушение на это лицо.

Оправившись от испуга, сановник высказал свое убеждение, что он спасся благодаря иконе, преподнесенной ему Распутиным...

Это обстоятельство сразу сильно подняло Распутина, составило ему еще большую известность, а его опытные руководители, постоянно стоявшие за его спиной, поспешили воспользоваться «счастливым» случаем.

Слава «блаженного» быстро разрослась, но также быстро и пала.

«Гастролер» проворовался в конце концов на почве эротомании...

Беглыми штрихами дав в предыдущих очерках контур к иллюстрации жизни «старца» Григория «Вытула», касаясь преимущественно его «подвижничества» в родном селе, — я поделюсь теперь моими личными впечатлениями.

Попутно, конечно, продолжится и характеристика «подвижнической» жизни Распутина.

Визит к «святому»

Почти с первого момента, как я только сошел с парохода на Покровской пристани, — кстати сказать, представляющей из себя лишь песчаный берег с колышками для чалок! — несколько лиц уже знали о цели моего приезда и, разумеется, «секрета не делали», т. е., иначе говоря, сообщали «новость» чуть ли не на каждом перекрестке...

По крайней мере, выйдя в тот же вечер из квартиры с целью осмотреть село и его «достопримечательности», я уже слышал беззастенчивый шепот различных замечаний по моему адресу:

— Кто это?

— А это, паря, значит, «святого»-то нашего описывать приехал...

Поэтому, собираясь на следующий день утром к «святому», я небезосновательно предполагал, что он уже знает о моем приезде и что, следовательно, не отрекомендоваться журналистом я, пожалуй, не имею никакой возможности.

Тем не менее я задался целью — во что бы то ни стало проникнуть в дом «святого старца».

Будучи еще накануне ознакомленным с домом «святого» и даже сфотографировав его внешний вид, я без всякого труда нашел «святую обитель старца» и один, с смиренным видом благочестия вошел во двор.

Небольшой, чисто выметенный двор с хорошими, частью новыми службами.

Несколько свободных «тарантасов» и 2–3 коробка с впряженными лошадьми.

Под навесом (в другой стороне от лошадей) что-то зашевелилось, загремело цепью.

Первоначально я подумал, что там просто собака сидит на привязи, но это оказался — медвежонок.

На задних лапах он сделал несколько шагов вперед, пока цепь не натянулась и не уронила его.

Упавший со стоном медвежонок, загремевшая цепь — все это вызвало у меня какую-то странную ассоциацию идей.

Я быстро провел параллель между медвежонком, сидящем на цепи по воле «старца», и самим «старцем», найдя много общего между ними...

Так задумавшись, я машинально подошел к первому крыльцу, и только уж тогда, когда рванул дверь, заметил, что она снаружи

заложена большим железным болтом, какими обыкновенно в провинциальных захолустьях затворяют выходы у торговых помещений.

«В жилом доме и вдруг так крепко закрыто крыльцо, к чему это?!» — невольно поднялся вопрос.

Но злые иронические мысли рассеяли очень быстро недоумение.

«Это — вполне естественно, ведь разве можно святому в своем доме иметь парадный вход!»

С таким убеждением я отправился ко второму крыльцу, войдя через «черный ход» в нижний этаж.

Прежде всего я попал в довольно большую и светлую кухню, обставленную очень чисто.

Сразу же навстречу мне вышел прилично одетый (вполне по-городскому) мальчик 12–13 лет (позднее я узнал, что был именно сын «старца» Распутина — Дмитрий), вопросительно уставившись на меня своими серыми глазами.

Спрашиваю:

— Григорий Ефимович дома?

— Да-да, дома, — как-то встревожено и быстро отвечает мальчик.

— Могу я его сейчас видеть, — начинаю, но мой юный собеседник не дослушивает меня, лихорадочно быстро скрываясь за дверью во внутренние покои.

Осматриваюсь кругом.

В «переднем углу», за небольшим столом, застланным «браной» скатертью и заставленным различными праздничными деревенскими яствами, тесно прижавшись друг к другу, сидят на скамейках, идущих вдоль стенок, и чайничают какие-то жалкие личности с видом «калик перехожих».

Вновь стремительно выбегает мальчик, обращаясь ко мне с вопросом:

— А вы кто будете и по какому делу?

— По личному делу, — заявил я категорически и убежденным тоном.

Мальчик удовлетворился вполне этим ответом и снова шмыгнул в двери, из которых, спустя полминуты, появился сам «старец» Григорий Ефимович Распутин-Новый, бросив на меня своими открытыми серыми глазами, глубоко ввалившимися в посиневшие орбиты, испытующий взгляд и обратившись с приветствием:

— Здравствуйте! — кланяется.

— Добрый день, — произнес я в ответ на приветствие «старца», ни на одно мгновение не спуская с него моего взгляда.

Опасаясь, что Распутин просто не станет продолжать со мной беседу и что, таким образом, в конец разрушится моя миссия, я от-

рекомендовался представителем нескольких *правых* (делаю ударение на этом слове) газет. Имею специальные директивы от одной из петербургских газет...

— Какой же это? — перебил меня «старец».

— Газеты... «Колокол», — не без некоторой заминки ответил я.

— Так, так, — заговорил он, неуверенно приотворяя два раза дверь, через которую вошел на кухню.

Наконец порывистым движением он отходит от дверей, делает несколько шагов мне навстречу и подает руку.

— Ну, так, миленький, пойдем вверх, в мою приемную.

Он идет впереди меня в выходную дверь, я следую за ним, рассматривая его туалет.

Чесучая «косоворотка», подпоясанная шелковым шнуром, заканчивающимся кистями, черные суконные брюки, заправленные в высокие хорошие лакированные сапоги.

Фигура худощавая, среднего роста.

Голова Распутина имеет форму несколько заостренного котелка.

Волосы темно-русого цвета, подстрижены «крестьянской шапочкой»...

— Это моя большая комната, — пояснил мне Распутин, вводя меня по узкой лестнице наверх.

Обстановка комнаты безусловно хорошая, пожалуй, частью даже дорогая, но отнюдь только не роскошная, как это мне приходилось до сих пор слышать в частных беседах о «старце» и читать об этом в газетах.

Городская обстановка зажиточного дома — и только.

Дорогие портьеры, хорошие шторы.

Близ двери, ведущей в коридор, стоит письменный стол. В противоположном углу расставлена мягкая мебель в таком порядке, в каком обычно она выставляется в гостиных.

Диван, кресла по обеим его сторонам, гостиный столик, покрытый богатой скатертью, на котором несколько альбомов, — в углу хорошее зеркало.

Кругом венская мебель, ломберные столики. Несколько больших банок с цветами.

В «переднем углу» много икон.

По стенам развешаны поясные портреты членов Царствующего Дома, заключенные в рамки из красного дерева.

Письменный стол, около которого меня сразу поспешил посадить «старец», как бы опасаясь, чтобы я не мог рассмотреть все кругом, — из орехового дерева.

На столе, помимо письменных принадлежностей, стоит много карточек.

Узнать мне удалось только две карточки: карточку с отца Иоанна Кронштадтского, да еще — с группы, в которой снят сам «старец» Распутин среди двух лиц в военной форме (шт[абс]-кап[итан] лейб-гвардии Измайловского полка Ломин и команд. К[он]в[оя]. Е[го] И[мператорского] В[еличества] — Кочубей).

Рассматривать все и расспрашивать обо всем далее было уже неудобно.

— Ну, миленький, рассказывай твое дело.

Это фамильярное обращение ко мне «старца» удивило меня и, вероятно, заметив мой удивительный взгляд, «блаженный» поспешил оправдаться.

— Вы уж простите меня. Я так привык со всеми говорить: «миленький ты». Привык я еще вот говорить и при этом руку что ли гладить своей, значит. Привычка такая!

— Дурная привычка. Отвыкать нужно, — забыв про мою фиктивную роль, не мог я удержаться от замечания.

— Никто, как Бог, голубчик, во всем. Все мы люди и слабости нам разные присущи, — сразу тоном ханжи продолжал «старец». — А вот враги мои мне в вину это ставят. Будто бы я щупаюсь... А на самом деле я одинаков как с женщинами, так и с мужчинами. Привычка уж такая: все нужно вот так руками...

И своей холодной рукой он провел сначала мне по руке, а затем, положив другую руку на спину, коснулся моей груди и пояснил:

— Конечно. Врагов у меня много. Они и рады, Бог знает что из этого заключат... Ну, так, миленький, рассказывай.

(От нашего специального корреспондента.)

VI

Мне ничего не оставалось больше делать, как сочинять небылицы для «святого старца».

И я начал, что специально командирован сюда, в Покровское, узнать о жизни «старца».

— Ведь вам, разумеется, известно, что печатается теперь про вас в газетах, преимущественно в левых... Вот выдумали, что у вас 12 «сестер»

в доме живет, причем каждая по комнате располагают. А между тем у вас и дом-то уж не такой большой.

— Да напраслины на меня возводят. Живут у меня всего две сестры, или духовные дочери, как я еще называю их, — начал было откровенничать «святой», но спохватился и уже продолжал. — Надо вам сказать, — жена у меня больная, а гостей у меня бывает много и часто. Особенно вот по праздникам или воскресеньям, как сегодня, например. Готовить на кухне нужно много, конечно, жена не могла бы. Вот и приходится иметь помощниц...

«Помощницы жены» — удачное определение! — пронеслось у меня в мыслях.

«Блаженный» же продолжал:

— Вы видели на кухне народ-то сидит?! Это все — гости, хотя и, правда, простенькие. Сегодня от обедни, как и всегда, ко мне направились прямо поесть да попить. Всех принимаю. Богомольцев много бывает. Добро все хочешь людям сделать, а на тебя клеветают! Но ничего. Никто, как Бог! — патетически заключил свою мысль «старец», предлагая мне продолжать.

— От вас лично мне хотелось бы получить ответ на вопрос, касающийся теоретического оправдания некоторых ваших поступков. Например, относительно совместного вашего хождения в баню с женщинами для испытания лишь своей плоти. Правда, теория эта от вас исходит?

— Как теория? Это я не совсем хорошо понимаю, — попросил объяснить слово «теория», которое «блаженный», вероятно, не только много раз слышал, но, несомненно, употреблял и сам.

Но, допуская возможность того, что он искренно задавался обращенным ко мне вопросом, я начал:

— Теория — учение. Созерцательное настроение, обнимающее своим объяснением какой-либо определенный круг обстоятельств...

— Понимаю, понимаю. Я и знал, только не так сначала вас понял, — остановил меня «старец», а затем ответил и на повторенный мною вопрос. — Да, правда. Именно, не трудно бросить курить табак, если его нет, а трудно вот это сделать, когда кисет переполнен махоркой или папиросами. Так и с соблазном прелюбодеяния. Нужно видеть голую женщину, — пусть разгорается страсть, — а власти давать своей плоти не должен. Удалившись в пустыню, не трудно святую жизнь вести.

Он остановился, прищурил свои «глазные впадины», углубился на несколько мгновений вдаль и, неожиданно кинув на меня взгляд, полный недоверия и подозрительности, прибегнув к помощи своих

«гипнотизерских» приемов (пристальный взгляд и глажение руки), заговорил болезненно-умоляющим голосом:

— Миленкий, не надо меня защищать. Лучше, спокойнее для меня было бы, если бы обо мне совсем ничего не писали. Ведь никто, как Бог! Все мы — люди. И грехи наши, ошибки не нам друг у друга взвешивать. Есть и у меня, конечно, ошибочки. Допустил я ошибочек, правда, быть может, не мало даже... Но уж не надо было со мной так строго поступать. Отцу Феофану просто следовало быть милостивым. Ведь и сам он не без греха поди... А так человек он хороший. Вот уж и в ссоре мы с ним, но ничего не могу сказать про него, — вдруг ударился в характеристику Феофана «старец».

Через продолжительную паузу он сказал:

— Миленкий, ты можешь быть со мною откровеннее... Скажи, что еще ты будешь здесь делать. Ведь я знаю: исключительно для меня тебя послали. Ты можешь поделиться со мной. Я никому ничего не скажу... Я знал еще в марте, что ты ко мне приедешь...

— Что именно я к вам приеду? — не без ударения переспросил я «старца».

— Да-да, о тебе писали из Петербурга.

— Кто же вам писал о моем приезде.

— Да уж там есть кому писать. Из тайной полиции... — беззастенчиво распространился «святой».

К чувству жалости прибавилось еще чувство гадливости.

Преодо мной был просто ловкий мазурик, шарлатан, шарлатан самого низкого калибра, из-за которого не стоило даже прибегать к полицейскому крючкотворству.

Отказавшись от предложенного чая, я распрощался с «старцем».

Уходя, я увидел в окно все тех же обедающих нищих и трех женщин. О последних после узнал, что это и были «духовные дочери» «старца». Две «сестры», постоянно живущие в доме Распутина, и третья — генеральша Лохтина...

— Храни Бог! — снова донесся до меня голос ханжи.

.....

Встретившись с Распутиным второй раз на улице, я передал ему мою визитную карточку с «крамольными» газетами и сказал, что у него был в маске.

— Никто, как Бог! — оставаясь верным себе, произнес «старец».

(От нашего специального корреспондента.)

VII

После того, как я раскрыл пред Распутиным мои карты, мне, разумеется, и не приходила даже в голову мысль, что «святой» будет вновь приглашать меня к себе в гости.

Тем не менее действительность превзошла все мои ожидания.

— Миленький, но ты заезжай все же ко мне в гости-то, — сказал он, увидя меня на улице; сказал, хотя вкрадчивым голосом. — Никто, как Бог...

— Благодарю. Заеду, если удастся, — не без усилия ответил я «старцу».

Но прежде чем являться со вторым и, вероятно, уже последним «визитом» к «святому», я решил предварительно произвести экскурсию в область заинтересовавшего меня вопроса, какое впечатление от свидания с Распутиным могут выносить другие случайные и беспристрастные посетители «старца»?

Найти ответ на этот интересный вопрос мне быстро представился счастливый случай.

Одна интеллигентная девушка, проездом бывшая в Покровском, не отказалась посетить «старца» и затем поделиться со мной своими впечатлениями для печати.

Возвратившись от Распутина в несколько возбужденном, повышенном настроении, девушка заговорила взволнованным голосом:

— Я буквально не понимаю, что за человек этот Распутин?

— Ловкий мазурик, натасканный опытными в создании фиктивной «святости» руководителями, — попробовал я было ответить на вопрос.

Но девушка продолжала:

— Не спорю. Может быть. Но вот меня задачит его индивидуальная черта: несмотря на свою некрасивую, пожилую, даже и безобразную внешность, он тем не менее может почему-то располагать к себе.

— Но это только женщин...

— Пусть будет так, — перебила меня, входя в экзальтацию, собеседница, — не спорю! Но ответить трудно и на это... Первоначально, зайдя в дом к Распутину, я довольно долго не видела самого «старца». Он вышел уж только к чаю, когда я была приглашена за стол. У него какой-то странный взгляд...

— Больной, — подсказал я.

— Да-да, это верно, пожалуй, — обрадовано подхватила девушка. — Именно больной... Спросил меня о роде моих занятий, и когда я отве-

тила, сказал: «Доброе сердце везде нужно». Спросил, почему я одна, почему со мной не пришла моя квартирная хозяйка. (Единственная почти односельчанка Распутина, не посещающая его дом, несмотря на частые приглашения.) — «Я ее очень люблю. Только не подумайте, что я люблю ее плотски, нет! Я люблю ее, как духовную сестру, духовную любовь», — поспешил оговориться «старец». Так между нами завязался разговор, во время которого «старец», между прочим, все касался меня своими руками, говорил мне на ты, объясняя это привычкой и извиняясь.

«Святой» мазурик, оказывается, почти из слова в слово повторил и в этот раз, очевидно, уж зазубренный им аргумент в оправдание своей ловеласнической манеры, которая, впрочем, может одновременно считаться и «гипнотизерским» приемом.

— После чаепития, — продолжала моя собеседница, — я была приглашена перейти из столовой в «большую комнату», «старец», оставшись со мной tête-à-tête, разоткровенничался сильнее. Показывая мне обстановку своего дома, альбом с карточками и пр., он одновременно начал много говорить о себе. Затем он еще добавил: «Вот и [отец] Феофан. Также теперь почему-то против меня, а недавно еще друзьями были. Удивляюсь! Так он человек хороший, и в споре я с ним, но ничего не могу дурного сказать про него».

На мой вопрос, не держал ли себя «старец» свободно, девушка несколько смущенно ответила:

— На первый раз он держал себя, несомненно, свободно и даже очень свободно, — не договаривая, очевидно, о чем-то более щекотливом, прервала свою речь моя собеседница.

Этой же девочке «старец» дал на «добрую память» фотографическую карточку с себя с надписью, сделанной собственноручно.

Крупные уродливые буквы.

— «испытание познание себя и с богом дружба григорий».

Между тем когда у него просил карточку я, будучи «с визитом», он почему-то не решился мне дать, предпочитая солгать, что у него вовсе нет с себя карточек.

Вообще с мужчинами «святой» держит себя совершенно иначе, значительно сдержаннее, боясь сказать одно лишнее слово.

Между прочим, добавила девушка, что, когда она беседовала с женой «старца», до его прихода, та, между прочим, в разговоре о доме и обстановке сообщила, что «дом так отстроил не сам Григорий Ефимович, а за него это сделали гости из Петербурга»...

(От нашего специального корреспондента.)

VIII О Распутине друг его детства

В целях увеличения продуктивности моей работы по предпринятой анкете относительно распутного подвижничества «старца» Распутина мне пришлось посетить кроме с. Покровского еще несколько ближайших к нему селений, в которых имеются временные «резиденции святого» и в которых «святой» составил себе, пожалуй, большую популярность, чем в родном селе...

Кстати, небезынтересно подчеркнуть эту характерную черту пресловутого «старца», что своим «подвижничеством» он занимался более откровенно и более свободно преимущественно вне родного села. (Говорю в форме прошедшего времени — «занимался», т. к. в данное время юродивый распутник совершенно ступшевался, ведет вполне замкнутый образ жизни, почти никуда не выходит, а тем более не выезжает... В селе он обязательно посещает все церковные службы, ходит еще с иконами по полям да занимается рыбной ловлей... Впрочем, обо всем этом — особо.)

Впрочем, и на стороне начинают узнавать истинную природу «старца».

Точным показателем мнения массы, безусловно не признающей «святость» «святого старца», служит то, что, сколько я не расспрашивал разных крестьян о «святом» Распутине, — все дают отрицательные, иронические отзывы.

Такой же, но особенно любопытный отзыв о «старце» дал и тот «друг его детства», с которым мне совсем случайно удалось столкнуться в дер. Дубровной.

Развитый, довольно начитанный крестьянин. (Состоит на службе по лесному ведомству.)

Спрашиваю как будто невзначай:

— А скажите, пожалуйста, вашу деревню часто посещает Распутин из Покровского? Вы, вероятно, его знаете?

— Это Гришку-то Вытула?! — хитро прищуривая глаза, спросил крестьянин.

— Да-да, «святого старца».

— «Святого»?! Гм. Как не знать, знаем. Ведь мы вместе с ним четыре класса в «университете» прошли, а из пятого нас выгнали, — не без злого сарказма заговорил мой словоохотливый собеседник.

Повторив о детстве «Вытула» кое-что уже известное нашим читателям, он не без злой иронии добавил:

— Не святой он, а жулик!..

Деревня Дубровка, оказывается, испытала на себе, что называется, центр тяжести «подвижничества старца».

Сюда «старец» часто приезжал, еще будучи только Гришкой Вытулом, т. е. когда ни о какой «святости» не было даже и речи.

Здесь он нашел себе и невесту. (Жена Распутина — б[ывшая] крестьянка дер[евни] Дубровной, Парасковья Федоровна Дубровина.)

Здесь же он нашел себе и последователей, вернее, последовательниц, а также устроил «главную квартиру» в доме кр[естянина] Екима Дубровина, когда уже сделался «святым старцем».

— Особенно часто наезжал сюда святой Вытул раньше.

— Приезжал, да всегда цельным поездом. И барыни, и господа все какие-то с ним из Петербурга, сказывают, за ним ехали, а он их здесь дурачил. Соберет их всех, молитвы заставит петь, а затем барабаться к барынькам-то ползет... Для того, значит, чтобы освятить их... — ехидно рассказывает крестьянин.

— А что это за собрания были у них?

— Да вот приедут все «святые», а с ними иногда петербургские барыни...

— Почему вы сказали во множественном числе: святые?

— Так еще называют у нас трех тоже «старцев». Такие богомолы, как и Вытул.

— Кто же они такие?

— Николай Распутин, сродный брат Григория-то, затем Илья Арапов, высокий такой, рыжий мужик, в Покровском же живет и еще Николай Распутин, из Подбулыги (дер[евни] Никитиной).

А то какой-то еще монах приезжал, имя его я забыл что-то...

— Илиодор что-ли?

— Да-да, припоминаю теперь. Илиодор. Так вот, соберутся это все в доме у Екима, сюда же и Харитинья придет, а то бывало и Козыловы, и начинают, значит, напившись чайку, молитвы петь.

— Вам не приходилось слышать, какие именно молитвы обыкновенно пелись в «собрании святых»?

— Приходилось так-то, только кто его знает, все-то и не запомнить. Знаю, что пели вот: «О, пресладкий Иисусе!», «Богородица Дево радуйся»... и еще новую, монах-то этот, Илиодор что-ли, выучил: «Торжествуйте, веселитесь»...

— Про какую Харитинью вы упомянули? — Поставил я вопрос, прикидываясь, что будто бы равно ничего не слышал об этой личности. Мне просто хотелось проверить ранее бывшие у меня сведения.

— А это вдовушка здесь есть такая.

Фамилия ее тоже Дубровина. К слову надо сказать, в нашей деревне почти сплошь все Дубровины, но вестимо, не все родня между собой... И лицом и телом она такая, хорошенькая. С ней года 2 уже как спутался Выгул, особенно прежде часто навещал. У ней в дому потом стал бывать, когда и с гостями даже своими. Мать Харитиных Ивановны не позволяла наперво этого, ну а потом, как Григорий-то начал деньгами помогать всей семье, значит, так на его сторону перешла. Брат только Харитиных Филипп Иванович один из всего семейства восставал против «святого» жулика...

На вопрос о Козыловых я выслушал:

— Козыловская история смешная. Видите ли, это целое семейство почитало сначала «святость» Гришки. Отец семейства, жена его и дочь все посещали «старца», и он в свою очередь у них в доме бывал. Но вот однажды дочь вдруг заявляет своим родителям, что она не пойдет больше к Распутину и чтобы он не смел у них в доме бывать. Говорит это, а причину всему этому не рассказывает. Отец и особенно мать ополчились на нее. Принудили деваху, ну, она и лягнула: «Не хочу я его видеть... Какой он “святой”?.. Завсегда только и дела у него, что барабаются...» Да сказала еще при этом, что «святой» и с матерью ее также поступает: лезет, значит, всегда к ней... Гурьян-то Иванович (отец Козылов) как узнал обо всем этом, так и вскипел, как вода в котле... «Святого» выгнал, в дом пускать совсем его не стал, и жене своей запретил к нему ходить... А дочь-то сама с радостью перестала.

Поинтересовался я и о личности хозяина «главной квартиры» Екиме Дубровине и случайно столкнулся с подтверждением довольно щекотливого факта.

— Еким Михайлович — брат одной умершей из-за «святого» Выгула девушки. Александрой ее звали. Она со своей подругой, Агафьей Михайловной Овечкиной, завсегда это «старца» посещали... Обе здоровые такие девахи были до тех пор, пока «духовными дочерьми» не сделались... Сказывают, с обеими он жил... И вот случилось же с ними что-то хиреть начали, да хиреть, да так и захирели... Обе в позапрошлый год умерли...

Правда, сказывали, что будто бы они обе от чахотки скончались, только «святой» все же волновался тогда много. Вот и Екима Михайловича, брата Александры, все задаривает как будто. И деньгами помогает, и «главную квартиру» для себя у него имеет... Дело здесь должно быть только нечистое...

И, действительно, как много грязного, порочного и преступного в жизни «старца» Распутина, этого «святого Выгула», и, пожалуй, здесь уже не о церковном суде над ним нужно вести речь, а о его уголовной ответственности.

IX

В первом моем очерке (№ 124 «Ур[альского] кр[ая]») я вскользь уже упоминал о рассказе одного лоцмана с парохода, на котором мне пришлось ехать в Покровское, — «как Григорий Распутин пополняет комплект Ивановского женского монастыря».

Эти новые сведения о похождениях «подвижника» носят такой легендарный характер, что я не решался даже детально останавливаться над этим в печати до сих пор, пока не проверил все на месте, из первоисточника.

Лоцманом на пароходе мне было рассказано.

— О Григории Распутине, господин, я знаю немного. Вот только то и могу говорить, что уж в нашей деревне (Артамоновой, по Тобольскому тракту в 37 в[ерстах] от Покровского) доподлинно известно. А всего болтают здесь о нем, уж, как много! Так что даже за все, как правду, и поручиться нельзя. Ну, а вот как наших девок с деревни он, этот «святой»-то, в монастырь загоняет, — сам знаю. Была у нас деваха такая, красивая, здоровая, кровь с молоком, — Аграфена Меркурьевна. Веселая, хорошая — одно слово, нисколько на богомолку не походила. Это пока «святого» нашего не знала. Зато как узнала о нем, стала его часто навещать, захирела, красоту свою куда-то потеряла, стала много Богу все молиться, о «святом» говорить, а потом совсем решила от мира отказаться и ушла в монастырь на житье. Ивановский монастырь — в 11 верстах от Тобольска. Что с девкой вдруг сделалось, так никто ничего и узнать не может. Только до того деваха была хорошая. Жила ли она со «святым» или не «осветилась» — ничего сама-то не говорит.

Другая девка — Арина Прокопьевна Микурина — откровенней была. В прислугах будто бы у Григория жила наперво, а потом вместе с ним в богомольство и все прочее такое ударилась... Родные ее очень восставали против всего этого-то. Особенно братья, — не один раз они посылали мать за сестрой, чтобы, значит, она ее домой привезла, сами срамили, да толку все не получалось... Ей говорят, что мол срам будет, как ты, деваха, с ребенком будешь, а она это Богу молится и одно отвечает: «Дивья бы в Григория-то Ефимовича сынка принести... Не грех!..» Оголтелой душой совсем стала и вскоре тоже в Ивановский монастырь ушла...

«По собственному желанию идем», — говорят девахи, уходя от мира, а даже нам, старикам, чтой-то не верится. Словно их заманивают в монастырь-то.

— «Святой»-то сильно поддерживает этот монастырь, куда доставляет девах... И деньгами жертвует, и так, как повезут из Ивановского монашки всякую утварь церковную, все скупает... — Еще долго и подробно распространялся лоцман.

Но пока я останавливаюсь лишь на основном факте всего этого рассказа, который *проверен мною и не оказался вымыслом.*

Аграфена Меркурьевна — по фамилии Заякина. Как о ней, так и о другой девушке, Микуриной, все данные подтверждаются вполне.

По-видимому, *обе эти девушки — жертвы распутинского доктринизма...*

Помимо этих фактов, мне удалось еще установить факт нового «подвижничества» Распутина с его доктринерством.

Вот эти новые жертвы: «девица» Авдотья Захарова, крестьянка дер[евни] Лысовой (50 верст от Покровского), и крестьянка дер[евни] Дубровной П. Дубровина.

Обе они теперь также в Ивановском монастыре.

X

Мелочи из жизни «старца»

Наряду с более серьезными данными «похождений» распутного «подвижника» невольно сталкиваешься и с любопытными мелочами его жизни.

Не исполняя лично никаких крестьянских работ, не имея и наемных рабочих рук, он в то же время имеет очень хорошее сельское хозяйство, которое ведется исключительно бесплатным трудом «духовных дочерей».

«Святой» составил очень выгодный для себя кадр...

Нередко можно видеть, как 5–6 девушек и женщин идут от распутинского дома или в поле, или к огородам.

Это обычно — пресловутая богородица (Лохтина), тетка с племянницей (две «духовные дочери», или «сестры», Распутина), его две родные дочери да одна-две девушки односельчанки.

Рабыни «святого» мазурика! Жертвы психической невменяемости...

Они много делают и в поле, и всецело ведут огородное хозяйство, одновременно успевая и по-домашнему.

Сам же Распутин молится Богу, принимает у себя гостей (теперь их стало меньше), почти никуда не выходит, не выезжает...

Изредка только посетит в Дубровной свою Харитинью...

Но зато «святой старец», говорят, всегда очень любил рыбную ловлю и, по-видимому, не менее любит теперь...

Находясь в опале, он только в этом удовольствии и не отказывает себе здесь, на месте родины и ссылки...

Распутин арендует большие озера у «общества», очень обстоятельно занимаясь рыбным промыслом...

Этому невинному занятию он отдает теперь почти все часы, свободные от моления на дому, моления в церкви, моления на крестных ходах по полям и деревням...

На днях, проезжая мимо дома Распутина, я заметил еще издали такое шествие от дома «святого».

Впереди идет знакомая худошавая фигура с апостольским видом — в синей рубашке нараспашку, в одних «невыразимых», с босыми ногами... На голове высокая шляпа с отогнутыми полями; через плечо перекинута различная рыболовная снасть; в руках апостольский посох... Затем две пары девушек (две «духовных» и две родных дочери «старца»), пожилая с измученным, нервным лицом женщина (Лохтина), старый, но достаточно бодрый по своим летам мужичок (отец «святого»)... Все босые в довольно откровенных костюмах; несут с собой также рыболовные снасти и корзины, по-видимому, с съестными припасами...

А несколько позднее, сзади всех скорым шагом идет высокая, худая женщина, пожилых лет, с больным лицом, и на вытянутых вперед руках несет аккуратно сложенные брюки... Это жена Распутина...

Мне хотелось узнать, как крестьяне села Покровского смотрят на такую оригинальную картинку, и я с видом лица, ровно ничего не знающего, спросил у одного из встречных мужичков: «Что это за странное шествие идет по селу?»

— Это святой на рыбалку отправляется, — были ответом слова...

<Без подписи>

Хроника епархиальной жизни. Религиозное шарлатанство Распутина¹

В «Московских вед[омостях]» продолжают разоблачения религиозного шарлатанства одного «юродивого», который не так давно играл крупную роль в Петербургском духовном мире — старца Григория Распутина. Г[осподин] Новоселов пишет: Мне достоверно известно, что этот самый «старец» (ему на вид лет 40 с небольшим) — эротоман — из религиозных якобы побуждений и с религиозными целями устраивал в бане, несомненно, у себя на родине, а, вероятно, и в других местах, своеобразные «собеседования» с своими обольщенными его «святостью» поклонницами, причем как сам он, так и эти несчастные целой группой предстояли друг другу совершенно нагими! Безумие, до которого доходят жертвы этого человека, и обольщение, которому они предаются, не без диавольского, полагаю, воздействия, простираются до того, что они убеждены по опыту, будто прикосновение к ним Григория «сообщает им чувство ангельской чистоты, что он возводит их в райское состояние» и т. д. Еще маленькая экскурсия в область его религиозной философии. Когда однажды ему было указано, что Церковь не знает таких путей к Богу, какие рекомендует и практикует он и решительно их отвергает, Распутин заметил: «Все для души, и Церковь для души». «Вот ей хорошо со мной, — конкретно пояснил свои слова новоявленный духоносец, прижимая к себе одураченную даму высшего круга, — тут и Церковь» (Волын[ские] еп[архиальные] вед[омости]).

¹ Печатается по: Странник: духовный журнал современной жизни, науки и литературы. 1910. Ноябрь. С. 617–618.

ВЕД.

Старец Григорий Распутин — ныне Новый¹

Крестьянин села Покровского Топольской губернии Григорий Новых-Распутин до 38 лет проживал на родине, занимаясь хозяйством, но, очевидно, особой чистотой нравов не отличался, так как с детства получил прозвище Распутина. Прозвище это, по сибирскому обычаю, попало в паспорт, в котором нынешний старец значился Новых-Распутин.

Лет пятнадцать назад малограмотный Григорий, повинувшись какому-то странному, как он говорит, влечению, бросил хозяйство и начал странствовать.

Во время скитаний по России мысль его, мистически настроенная, создала особое учение, которое казалось ему новым, а в сущности было повторением учения еретика Маркиона, проживавшего во втором веке, и состояло в том, что для возвышения духа необходимо уничтожение плоти, какими бы то ни было способами.

Добредя до Казани, он там встретил широкое гостеприимство у епископа Алексия, отличавшегося мистическим направлением.

Пленившись, как ему казалось, искренностью Распутина, епископ направил его в Петербург к другу своему ректору Духовной академии Сергию, ныне архиепископу Финляндскому, который в свою очередь рекомендовал его своему преемнику, епископу Феофану. Водворившись в Петербурге, Распутин образует кружок студентов-аскетов, а затем постепенно начинает проникать в высшие слои общества.

Началось с г-жи Н. Л[охтин]ой, жены инженера, а затем, поднимаясь постепенно выше, Распутин дошел до так называемых «сфер» и сделался «модным».

В то время вообще была мода на аскетов, во главе которых стояли три лица: Григорий Распутин, епископ Феофан и Митя Блаженный,

¹ Печатается по: Вечернее время. 1911. 16 декабря. № 18. С. 5.

но все же главнейшим был Распутин, выбравший для умерщвления плоти «банный» способ и приобретший громадный кружок последовательниц.

Вскоре это трио начало распадаться. Первым из строя выбыл Митя Блаженный, предавшийся пьянству и в нетрезвом состоянии слишком давший волю рукам. Затем между Феофаном и Григорием Распутиным произошла распря, последствием которой было разоблачение последнего, сделанное Феофаном в «сферы». Распутин тогда был выслан на родину, где жил очень широко и откуда, благодаря своим доброжелателям, был вскоре возвращен.

За последнее время Распутин проживал в Крыму, где в настоящее время состоит епископом его бывший друг, а теперь враг епископ Феофан, которому Распутин причиняет всяческие неприятности, желая его удалить с места.

Несколько времени тому назад Распутин прибыл в Петербург и, как говорят, мечтает о восстановлении института старцев.

М. О. МЕНЬШИКОВ

Распутица в Церкви¹

Григория Распутина я немножко знаю и могу говорить о нем по личным впечатлениям. Этого «святого старца» в разгар его славы, года два тому назад, ко мне привез Г. П. Сазонов. Старец обедал у меня, и мы долго беседовали. Он показался мне, во-первых, не старцем, а сравнительно моложавым мужичком, лет за 40, корявым и некрасивым, хотя он был щеголевато одет по-мещански. Испитое, с мелкими чертами лицо, нервное и тревожное, бегающие глаза, тихий голос, не то монастырского служаки, не то начетчика-сектанта. Речь отрывистая, отдельными, иногда загадочными изречениями. Меня поразило сначала, как мог этот полудиккий мужичонка из Сибири не только добраться до Петербурга, но вдруг войти в весьма высокопоставленные круги до последних вершин знати. Поговорив с Григорием Распутиным, я убедился, что он может производить впечатление. Это натур-философ со dna народного, человек почти безграмотный, но начитанный в писании, наслышанный, напетый церковностью, как пластинка граммофона, да сверх того с природным экстазом мысли. Некоторые его изречения меня удивили оригинальностью и даже глубиной. Так говорили древние оракулы или пифии в мистическом бреду: что-то вешее развертывалось из загадочных слов, что-то нелепо-мудрое. Некоторые мысли Распутина мне показались близкими к стоической и эскетической философии, а некоторые характеристики общих знакомых-иерархов и высокопоставленных сановников — показались очень тонкими и верными. В общем, в первый раз он произвел на меня скорее благоприятное впечатление. Мужичок, подумал я, себе на уме, с хитрицей, но натурально религиозный, способный заражать этой ре-

¹ Печатается по: Новое время. Пг., 1912. № 12874. 14 (27) янв. Воскресенье.

лигиозностью и будить от летаргического сна, в котором пребывает, что касается веры, множество православных. Не понравились мне только слишком нарядные сапоги-бутылкой, да то, что Григорий Ефимович прямо от меня ехал к очень уж знатной даме. «Я бы, — говорил он мне, — остался у тебя ночевать, да не могу, все зовут, должен ехать». Показалось странным также, что Гриша целует дам при прощанье. Очень уж, подумал я, развязный святой — из тех, что гастролируют по светским гостиным. Много хорошего о Распутине мне наговорили большие приятели его — писатели Сазонов и Гофштеттер, — последний казался почти влюбленным в него, возился с ним неделями. Но затем очень быстро со всех сторон стали приходиться крайне странные рассказы о Распутине, — будто он уличен в распутстве, будто он совращает дам из общества и молодых девушек в ночные радения, будто ходит с ними даже в баню и т. п. Пришло известие, что Распутин потерял доверие известного аскета, епископа Феофана, которым вначале и был выдвинут в Петербурге. Называли светскую даму, жену писателя, которая до сумасшествия уверовала в этого корявого мужичка и всюду следовала за ним. Уже взрослая падчерица одного знаменитого публициста тоже ушла за «старцем», и мать ее была в отчаянии. Одна высокопоставленная дама, по слухам, съездила даже в Сибирь, чтобы проверить житие Распутина, и будто бы открыла там весьма скандальные отношения его к разным женщинам. В левых газетах имя Распутина начало греметь как имя пройдохи и шарлатана, каких еще мало, что он сошел со сцены. Вдруг этим летом он опять является ко мне — и уже, по его словам, прямо из Иерусалима.

Вид у него был на этот раз уже не такой нарядный, сильно обтрепанный, но тон елейный, как у всех, кто побывал у Св. Гроба. Начал он мне рассказывать что-то длинное о «треблаженном древе», что насадил Лот после грехопадения с дочерьми, и что будто бы из этого древа и был сооружен Животворящий Крест, на котором был распят Христос.

— Откуда же вы это узнали? — спрашиваю.

— В Писании сказано.

— В Библии?

— Ну да, в Библии.

— Неправда, — говорю, — в Библии этого нет.

— Как нет?

— Да так и нет. Вот Библия, — вот все, что сказано про Лота.

Распутин покачал головой.

— Ты, миленький, верь! Ты не сомлевайся: воистину треблаженное древо, еже насади праотец Лот. Это мне монах в Иерусалиме рассказывал. Это, мол, у святых отцов написано.

— Бродяга, — говорю, — ваш монах, надул вас. Мало ли чего тамошние греки, монахи и не монахи, болтают русским мужикам-паломникам...

— Он у книжке показывал, — говорит Григорий.

— Мало ли, — говорю, — какие книжонки пишут разные беспутные люди, что торгуют этим добром, — они продают даже слезы Богородицы и тому подобное.

— Ай, нет, — заволновался Гриша, — ты, миленький, не того... Ты, миленький, нехорошо говоришь. Уж раз святые люди говорят.

Я спросил Григория Ефимовича, как он думает — был ли Страшный Суд или не был. Он ответил — не был.

— Ну, а раз не было, — говорю, — последнего суда Божия, то совершенно неизвестно и решение этого суда: кого Христос наречет святым и кого грешным. У католиков есть свои святые, у армян — свои. Разве можно признавать еретических святых угодниками Божиими?.. Как вы полагаете?

— Ты это к чему же клонишь? — с тревогой спросил Гриша.

— Да к тому, чтобы вы поменьше верили рассказам греческих монахов и разным басням, которые они приписывают святым отцам. Они врут, а вы верите...

Легенда о трблаженном древе понадобилась Григорию, чтобы доказать мне, что хотя библейский Лот и соблудил с дочерьми в опьянении, но сей грех прощен ему, ибо плоть человеческая Сына Божия была распята за нас и понесла наказание за все грехи мира. А это Григорию понадобилось, чтобы ответить на мой откровенный вопрос: «Правда ли, Григорий Ефимович, что вы насчет женщин нечисты? Что будто у вас девушки и замужние молятся на манер хлыстов и что моление кончается свальным грехом?» Он отвечал на это уклончиво: «Многие клеветуют, брешут напраслину». Может быть, он и грешен, «кто же не грешен, но тут все надо понимать иначе. Когда ты в духе, плоть умирает. Когда ты в духе, жди воли Божией и всякая твоя воля — Божья. Без нее, ведь сказано, волос с головы не падает. Когда тебя охватит в молитве радость блаженная, когда найдет на тебя Христос» и пр., пр. Боюсь передать неточно слова Григория Ефимовича, крайне несвязные, но общий смысл их мне показался тогда хлыстовским, сексуально-экстатическим. Относительно клевет и гонений на него он говорил недомолвками, что все на свете пройдет, одна правда останется, что и он теперь по-прежнему везде принят, что теперь он едет на Волгу, к Гермогену и Илиодору. Упрекал меня, что напрасно я ополчился летом на Илиодора.

Когда мы расстались, через несколько недель я узнал о проповедях Григория на Волге и о его действительно хлыстовских радениях. Епископ

Гермоген, с которым я как-то случайно встретился у А. С. Суворина, говорил мне, что он сначала относился к Распутину с большим вниманием, видя в нем некоторый духовный опыт и религиозную работу, но затем вполне точно убедился, что это хлыст, что он действительно развращающе действует на религиозных женщин. С одной инокиней, например, он четыре часа радел и довел ее до невозможного состояния.

— Зачем ты это сделал?— спрашивал Григория еп. Гермоген.

— Я испытывал свои силы, — отвечает.

— Знаешь, Григорий, — сказал епископ, — смотрел я на тебя как на человека Божьего, а теперь смотрю как на змия-соблазнителя и архиерейской властью запрещаю тебе входить в православные семьи.

На это Гриша покоробился было, но не послушал Гермогена. Затаил зло на него. Когда возник вопрос о посвящении Гришки в православные священники, епископ Гермоген решительно восстал против этого и, как говорят, именно здесь и нашел свой подводный камень. Почти безграмотный (у меня есть записка с его подписью) хлыстовский начетчик оказался в XX веке, в те дни, когда принимают в Петербурге лордов и джентльменов, ученых и писателей — большой силой. То, что было у нас в XVIII и в XIX веках, в эпоху Татариновой, повторяется, кажется и теперь. По-видимому, голос святителя Гермогена против великосветской хлыстовщины раздался как раз вовремя.

Иеромонах ИЛИОДОР

Гриша¹

В начале 1904 года в Академии заговорили, что в Сибири есть пророк. Звать его Григорий Ефимович. Он скоро приедет. Особенно ждали его о[тец] Феофан и епископ Сергей. В мае он прибыл. Остановился у о[тца] Феофана. В первый раз я Гришу встретил в коридоре Академии. Он мне сказал:

— Ты круто (хорошо) молишься.

Тогда мне Гриша не понравился. Он был некрасивым грязным мужичком. Я инстинктивно почувствовал к нему отвращение. С того времени я его не видел. Слышал только, что он с о[тцом] Феофаном бывает у Милицы Николаевны и у Царя и с Царицей. Я на это не обращал внимания и вообще этими вещами очень мало интересовался.

Через два года я служил на Волыни. Однажды архимандрит Антоний* говорил про Гришу, что он в Казани ездил на одной женщине, его захватили. Этому сообщению я не придал значение: ибо мало интересовался личностью Гриши. В марте месяце 1909 года меня погнали из Царицына в Минск, запретили священнослужение. В субботу на Страстной я приехал к о[тцу] Феофану. Здесь встретил Гришу. Он уже был чище, одет был в шелк и дорогое сукно. Когда еп[ископ] Феофан, мой духовный отец, отказался за меня ходатайствовать перед Царем, я попросил Гришу. Он охотно согласился и через день мне из Царского по телефону сказали, что я буду в Царицыне. Говорила Вырубова. Гриша устроил в этот раз мне свидание с Царицей. В этот раз я познакомился и с Лохтиной.

¹ Печатается по: Российская национальная библиотека. Ф. 1000 (Собрание отдельных поступлений). Оп. 3. Ед. хр. 439. [Л. 1–5.]

* Очевидно, ошибка — речь идёт об архиепископе Волынской и Житомирском Антонии (Храповицком). — *Сост.*

Гриша показался мне странным, хитрейшим, скрытным человеком, а Л[охтина] глубоко верующей женщиной. В[ырубову] я почитал красивым куском мяса, но почувствовал, что среди этого куска сидит здоровый человек себе на уме. Я уехал в Саратов, а потом, когда указ из Синода пришел, в Царицын. В начале ноября этого же 1909 года в Царицын приехал владыка Гермоген, а с ним и Гриша. Гриша везде на лошадях по городу ездил с владыкой. Народ начал говорить, что владыка ездит с жуликом. Я начал внушать народу, что Гриша великий человек, он благодетель наш, он бывает у Царей и т. д. Народ мне верил. Владыка уехал на Саратов, Гриша остался и заставил меня ездить вместе с ним по моим почитателям. Везде принимали Гришу как Ангела Божия. Кланялись ему в ноги. Целовали руки. Называли о[тцом] Григорием. Целовали руки и простые люди, и образованные. Гриша охотно в каждом доме целовал молодых красивых женщин и девушек, а старух от себя отталкивал. На это никто тогда не обращал внимания. Гриша у меня исповедывался. Грехов не говорил, хотя я спрашивал, а только сказал:

— Что я буду делать, когда Царица пугнет меня от себя.

Эта фраза и некоторые другие дали мне понять, что против него около Царицы собирается компания... Он мучился, но мне прямо ничего не говорил. *В этот приезд в Царицын он на одной монахине-девице радел около часа.* Об этом я узнал через три-четыре месяца. В конце ноября с ним поехал в с. Покровское на его родину. Ехали в первом классе. За всю дорогу он меня ничем не удивил, хотя я со всею тщательностью хотел увидеть в нем что-либо чудесное, выдающееся. Говорил все более о женщинах. Мне сказал:

— Ты счастливый, *под тебя любая ляжет из тех, которые за тобою бегают.*

Я от этих слов очень смутился и усомнился в праведности Гриши.

Дорогой он мне говорил о Царе и Царице, о Наследнике, о Великих Княжнах; говорил он следующее:

— Царь меня считает Христом. Царь, Царица мне в ноги кланяются, на колени перед мною становились, руки целовали. Царица клялась, что если от Гриши все отшатнутся, она не поколеблется, но вечно будет считать его своим другом. *Я Царицу на руках носил. Давил, прижимал, целовал...* Все дети на мне верхом ездил. — И многое другое, не так важное.

Слушая все это, я перед Гришей благоговел. Приехали в Покровское. Я начал проверять жизнь Гриши. Гриша живет богато. Имеет прекрасный дом. В доме дорогие ковры, иконы, портреты и разные вещи — подарки Царских Особ. Гриша роскошно одевается. Мужики

считают его за ничто, священники ругают и меня после называли мошенником за то, что с ним связался. Архиерей Тобольский был против него. И все считали его жуликом, хлыстом, большим распутником и дураком. Я недоумевал, соблазнялся, но разочаровываться не хотел... Мне больно стало. В доме у него жили две подозрительных девки. Один раз они хотели лечь со мной в одной комнате. Но я этому воспротивился. Уж после я понял, что Гриша хотел сделать меня хлыстом, связать меня хотел... Гриша в это время мне много рассказывал про то, как он с Вырубовой и другими женщинами ходил в баню, что *у него не действует детородный член*, что он бесстрастный, как он радел с Вишняковой, нянькой Царских детей, Ленкой и другими, как они в келии о[тца] Макария в Верхотурье голыми ногами обнимали его голову, руки, ноги, как он вместе с ними спал, как Вишнякова рвала на себе волосы из-за того, что ей не пришлось лежать бок о бок с Гришей, и т.д. Я слушал и соблазнялся, и думал:

— Вот так святой.

Гриша спрашивает меня:

— Ну что, как, соблазняешься.

— Да, — отвечал я, — считаю эти поступки в высшей степени странными. Я никогда этого допустить не могу...

Гриша от этого смущался и на время уходил в себя, задумывался, умолкал. В это время он просил денег у М[илицы] и Ан[астасии] Н[иколаевен], но они отказали. Гриша говорил, что потому отказали, что от М[илицы] Н[иколаевны] отбил доктора Вельяминова. Гриша показал мне целый узел писем к нему Царицы, Великих Княжон, Ан[астасии] и Мил[илицы] Ник[олаевен]. Я попросил у него письмо Царицы и по одному письму Великих Княжон. Гриша дал. Эти письма сейчас у меня хранятся в Царицыне. Письмо Царицы в высшей степени странное. Почти любовное.

Уехал от Гриши я и думал:

— Он не святой. Он злой, самолюбивый, своекорыстный, тщеславный, любил хорошо одеваться, Богу не молился, с женщинами свободно обращается и безобразничает. Привозил меня к себе для того, чтобы его соседи на него лучше смотрели, раз он с порядочными людьми знается. Для этой цели он затягивал к себе и еп[ископа] Феофана и дам из высшего общества.

Я уехал от Гриши весьма поколебленный в его достоинствах.

В январе 1910 года его начали в газетах травить. Писали про него весьма срамные вещи. Еп[ископ] Феофан через о[тца] Вениамина просил меня бросить Гришу, но я его защищал. Газетам не верил, ибо Гриша мне писал, что на него еп[ископ] Феофан и о[тец] Вениамин

клеветают из зависти, что он ближе их стоит к Царю... Я верил Грише и распинался за него. Мне за это досталось от Столыпина. Вскоре я узнал про радение Гриши с монахиней. Я почуствовал к Грише отвращение, перестал защищать его, но не отталкивал его от себя, ибо боялся, т[ак] к[ак] он был в силе у Царя и к тому времени и Феофан уже пострадал через Гришу. Его, как Гриша говорил, Царица выгнала от себя, когда он начал про Гришу говорить неподобающее и вскоре его перевели в Тавриду. Гриша очень злился на Феофана, писал ему и говорил всегда:

— Я ему покажу...

Я же думал:

— Разве святому можно так злобиться.

Когда шум газетный утих, в мае 1910 года я приехал в Питер. Приехал и Гриша. В доме Танеева я видел следующее: Гриша разговаривал с Вырубовой, все время гладил ее груди, потом Вырубова поклонилась ему до земли, много раз поцеловалась с ним, поцеловала его руки и ушла. Гриша сказал мне:

— Видел?

— Видел.

— Ну вот, так и Цари ко мне относятся, да еще похлеще, и кланяются, и руки целуют.

Гриша не договорил. Вообще Гриша очень осторожно открывал картину отношения Царей к нему. Но я понимал, что в этих отношениях есть много таинственного. В марте 1911 года Гриша уехал на Афон или в Иерусалим отмаливать свои какие-то тяжкие грехи. Около этого времени меня погнали в Новосиль. Потом я остался в Царицыне. Здесь Гриша мне нисколько не помог, хотя Лохтина и другие последовательницы Гриши старались доказать, что милость Царицы ко мне — дело Гриши. Вообще ученицы Гриши старались поддерживать авторитет его. В июле 1911 года Гриша приехал в Царицын. Народ за ним уже не бегал, все от него отшатнулось. Карточку его отрезали от меня и от владыки. Гр[игорий] огорчился и на меня обиделся. Гриша выхлопотал у Царицы на Саровское паломничество, он заставил меня торжественно проводить его с народом из Царицына и поднести ему дорогой подарок и цветы. Я все это сделал: ибо боялся Гриши. Гриша уехал... По пути заехал к Владыке. Владыка принял его холодно. Высказал свой взгляд на него. Гриша был удручен: вообще он дорожил дружбою с нами и этой дружбою прикрывался при Дворе.

В декабре месяце 1911 года я приехал в Питер к владыке, приехал из Ялты и Гриша. Из Москвы он прислал владыке телеграмму заис-

квивающего характера. Мне сказали, что ходят в свете слухи, что Гриша живет с Царицей. Эти слухи подтвердил Митя. Я возмущился и сказал:

— Я его больше всех защищал, я его и погублю.

Я отвез Гришу к владыке. Владыка заклинал Гришу не ходить без его и моего благословения в Царский дом. Митя начал бранить его и *хватать за член*. Гриша обещался с клятвою пред иконой с мощами не ходить к Царям. Свидетели этому — я и Ив[ан] Ал[ександрович] Родионов. Об Орлове никто не упоминал, о Наследнике тоже. Гриша испугался, и его отпустили. Он пожаловался в Ялту. Говорил:

— Митю нужно прибрать, а владыке достанется за то, что он так про Царицу говорил, будто она живет со мною.

Я почувствовал, что дело кончится плохо. Недаром я настаивал после заклятия не отпускать Гришу, а прежде убедить Царей, что Гриша не Христос и не праведник, а подлец и развратник.

Владыка меня не послушался и сказал:

— Запрещаю вам иметь дело с Гришей, если вы будете с ним возитесь, я от вас отказываюсь — живите с ним.

При этом владыка плюнул.

Я сказал:

— Владыка, я повинуюсь, но вам и мне придется из-за Гришки пострадать.

И пострадали...

Саблер и Даманский ставленнички Гришки. Гришка говорил, что Саблер поклонился ему, Гришке, в ноги, за то, что он сделал его обер-прокурором. Еп[ископ] Варнава ставленник Гришки. Варнава 31 января выезжал в Царское Село.

Мое мнение о Гришке таково:

«Он хлыст, развратник неисправный, его нужно удалить от Царей и наказать за то, что, будучи развратником, он так нагло считал себя праведником и лез к Царям. Если Гришка не будет теперь же удален и запрятан, то Царский Престол опрокинется, а Россия погибнет».

Иеромонах Илиодор.

1912. I. 25.

Добавление

У Гришки есть жена. Женщина она добрая, но скрывает ради корысти шалости Гриши. Священник из села говорил мне, что она много раз вытаскивала за косы из своего дома девок, с которыми жил Гришка. Он же от этого упорно отказывался, говоря, что этого ничего не было.

У Гришки трое детей: Матрена, 15 лет, Митя, 14 лет, Варя — 12 лет. Митя мальчик блудливый, развратный, сквернослов, Матрена — девочка наглая, отвратительная. Учится в Питере в Институте. Учится музыке и танцам.

Григорий, по словам односельчан, жил сначала бедно и все его считали дураком. Сам он о себе говорил:

— Я был пьяница, табакур, потом покаялся и вот видишь, что из этого вышло.

Конец.

(Подлинник этого письма хранится у высокопоставленной особы, близкой ко Двору. Она выдаст его только для личного представления.).

<Без подписи>

Печать. Распутин и иерархи¹

Один из иерархов, хорошо знакомый с личностью Распутина, сообщил сотруднику «Речи» небезынтересные сведения об отношении некоторых епископов, в частности епископа Гермогена, к Распутину.

Распутин и Гермоген были близкие друзья вплоть до последних событий в Церкви. «Старец» Григорий не один день проводил на Ярославском подворье и до поздней ночи «беседовал» с епископом Гермогеном. Это всего месяц-полтора тому назад, не больше, было. Преосвященный Гермоген так уважал и чтит Григория Распутина, как ни один поклонник или поклонница. Скажу больше. Святитель Церкви, епископ Гермоген, настолько высоко ставил Распутина, что позволял себе просить у него благословения и целовал ему руку. Это невероятно, чудовищно, но факт, который известен и Синоду. Епископ Православной церкви не так давно еще целовал руку у «старца», считал его чуть ли не самым праведным, святым человеком в России. Ныне же он отрекается от «старца», называя его хлыстом, обманщиком и шарлатаном. Иерархи знают также, что епископ Гермоген в течение 5–6 лет пользовался «услугами» Распутина и во всех своих начинаниях всегда опирался на силу этого старца.

Достаточно вспомнить недавние царицынские события, вспомнить ту громкую победу, которую одержал епископ Гермоген над Синодом в деле пресловутого инока Илиодора. Ведь все это факты чуть ли не вчерашнего дня, и преосвященный Гермоген едва ли станет отрицать их.

А епископ Феофан? А архиепископ Сергей Финляндский? А иеромонах Вениамин и др.? Их много — все они недавние друзья и приятели Григория Ефимовича Распутина. Эти же служители Церкви

¹ Печатается по: Голос Москвы. 1912. 11 (24) февраля. № 34. Суббота. С. 2.

восхищались Распутиным, вводили его в «салоны», выставляли напоказ его праведность, святость, «пророческий» дух... Благодаря поддержке иерархов Церкви Распутин уверенно выдвигался и дошел до того, что стал самым влиятельным, самым сильным в высших церковных сферах лицом.

Все это было бы похоже на нелепую сказку, если бы события последних дней не доказали, что это очень близко к правде, если не подлинная правда.

<Без подписи>

О. Иоанн Кронштадтский и Распутин¹

В «Речи» г[осподин] Сенин рассказывает между прочим, что о[тцу] Иоанну Кронштадтскому «так понравился Григорий Распутин, что о[тец] Иоанн расцеловал его и тут же назвал своей правой рукой. Насколько это верно, — прибавляет автор, — не знаю, но связь Григория Распутина с отцом Иоанном Кронштадтским несомненна и в конце рассказа будет подтверждена». Понятно, что еврейской печати было бы приятно удостоверить эту «связь», однако г[осподин] Сенин ничем ее не подтвердил.

По этому поводу лица, близко стоявшие к покойному Кронштадтскому пастырю, сообщают, что Распутин дважды заявлялся к о[тцу] Иоанну. В первый раз о[тец] Иоанн ему сказал: «Ты, как говорят, вполне оправдываешь свою фамилию». Во второй раз о[тец] Иоанн не принял Распутина. Вот и вся «связь» между ними.

¹ Печатается по: Новое время. 1912. 21 февраля (5 марта). № 12911. Вторник. С. 3–4.

Вл. Л-СКИЙ

О. Иоанн Кронштадтский и Распутин¹

В своих воспоминаниях о Распутине, опубликованных на днях в «Речи», г[осподин] Сенин между прочим говорит об отношении о[тца] Иоанна Кронштадтского к Григорию Распутину. Упоминание г[осподина] Сенина о «связи» покойного о[тца] Иоанна Кронштадтского с Распутиным не пришлось по вкусу «Новому времени».

Газета пишет по этому поводу: «В «Речи» г[осподин] Сенин рассказывает между прочим, что о[тцу] Иоанну Кронштадтскому «так понравился Григорий Распутин, что о[тец] Иоанн расцеловал его и тут же назвал своей правой рукой. Насколько это верно, — прибавляет автор, — не знаю, но связь Григория Распутина с отцом Иоанном Кронштадтским несомненна и в конце рассказа будет подтверждена.

Понятно, что еврейской печати было бы приятно удостоверить эту «связь», однако г[осподин] Сенин ничем ее не подтвердил. По этому поводу лица, — продолжает «Нов[ое] вр[емя]», — близко стоявшие к покойному Кронштадтскому пастырю, сообщают, что Распутин дважды заявлялся к о[тцу] Иоанну. В первый раз о[тец] Иоанн ему сказал: «Ты, как говорят, вполне оправдываешь свою фамилию». Во второй раз о[тец] Иоанн не принял Распутина. Вот и вся «связь» между ними».

Недели три тому назад я имел случай беседовать с Григорием Распутиным. Беседа наша происходила в присутствии одного савонника. На мой вопрос, «как вы, Григорий Ефимович, попали в Петербург?», — Распутин ответил следующее:

«Как? Не помню, милый. Да, да, припоминаю. Это было, кажись, после войны, как ее, Русско-японской войны. Приехал я, милый, сначала не к епископу Феофану, как там писали, а к батюшке о[тцу] Иоанну (Кронштадтскому). Хорош был батюшка. Праведник. Меня он любил. Часто беседовал со мною. Бывало, милый, батюшка сажает меня возле

¹ Печатается по: Речь. 1912. 23 февраля (7 марта). № 52 (2006). Четверг. С. 2.

себя и просит говорить. Я разговариваю. А он смотрит на меня в упор и говорит: так, так, продолжай, продолжай. Лицо бывало у батюшки этакое напряженное, внимательное».

Распутин останавливается, что-то вспоминает, а затем продолжает:

«Да, милый, любил слушать меня батюшка, понимал. До самой смерти был ко мне ласков. Одна только из близких к нему женщин не любила меня. Как ее звать? Кажется, Вера Перцова, которая пускала за деньги к нему паломников. Я рассказывал батюшке о ее проделках. Вот и невлюбила меня. Только батюшка не слушал ее».

Еще много раз рассказывал мне Распутин об о[тце] Иоанне и о том, как батюшка знакомил его с разными духовными и другими видными лицами.

В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ

«Как веруешь?»

По поводу толков о сектантстве

Г. Е. Распутина-Нового

Письмо в редакцию¹

За последнее время ко мне все чаще и чаще обращаются многие лица различных общественных сбоев, желая, чтобы я выказал мое мнение по поводу одного вопроса, очевидно многих весьма волнующего. Меня спрашивают: сектант или не сектант Григорий Ефимович Распутин-Новый?

Ранее, имея о нем сведения только из печати, я не считал возможным высказаться, так как изучив, думаю, почти исчерпывающе эти источники, прежде всего обнаружил в них много разногласий и противоречий. Кроме того, почти вся полемика, направленная против Распутина в духовных, лучше сказать в миссионерских орденах печати и брошюрах, до последней Новоселовской включительно, преследует свои определенные цели. Так что весь этот газетный и брошюрный материал, — за самыми малыми исключениями, — не только не выясняет, а лишь, к сожалению, затемняет тот вопрос, на который мне настойчиво предлагали ответить. И я не считал бы возможным на него отвечать и теперь, если бы мои материалы не пополнились личными наблюдениями во время продолжительных собеседований.

Познакомившись с Г. Е. Распутиным-Новым, проведя с ним много времени в семи обстоятельных беседах, я считаю себя теперь по совести обязанным печатно высказать свое мнение, тем более, что тот же самый вопрос: сектант он или не сектант, — звучит, хотя бы косвенно, как

¹ Печатается по: Современник. 1912. № 3. С. 356–358.

в запросе Государственной Думы, так и в некоторых речах депутатов при обсуждении см.[еты] Св. Синода.

Строго ограничивая себя исключительно рамками поставленного вопроса, я заявляю: Григорий Ефимович Распутин-Новый принадлежит к типу православного крестьянина, глухой, деревенской России и решительно не имеет ничего общего ни с каким сектантством. Зная догматическую сторону православного учета в несколько больших размерах, чем обыкновенно приходится встречать среди крестьян, зная Библию и Евангелие в значительно меньших размерах, чем большинство сектантов, Григорий Ефимович принимает все таинства, обряды и догматы Православной церкви именно так, как они понимаются православными, безо всяких, каких бы то ни было, малейших толкований или критики. Он считает для себя большим грехом, нехорошим делом даже просто рассуждать об этом, так как, сказал он мне, «не дело мирянина говорить о том, что установлено самим Господом».

Решительно не представляя того, что Библию можно понимать не только буквально, но и духовно, — как ее понимают и толкуют все многочисленные сектантские разветвления «духовных христиан», — тем самым явно и невольно отмежевываете он себя от этих последних.

Любит посещать Православные церкви, он находит душевное удовлетворение особенно там, где служение совершается просто, но благоговейно.

Иконы не только почитает, но считает их неотъемлемой принадлежностью каждого благочестивого православного дома. «Они всегда напоминают нам о святости жизни подвижников церкви, — сказал он мне, — а нам, находящимся во грехах, необходимо вечно иметь перед собою такую замету».

Что касается клички «хлыст», нередко применяемой теперь к Распутину, то пора понять и усвоить всем, что ведь это не что иное, как давнишний пароль для преследования кого угодно, будь то крестьяне или писатели-беллетристы, кто пришелся не по вкусу миссионерам или иным епископами Православной церкви. Пора бы, наконец, знать твердо, раз и навсегда, что такой секты не существует, что ни одна религиозная община в мире не называет себя так, — а есть только бранное мерзкое слово, придуманное ретивыми гонителями религиозного разномыслия в России, слово, которое, не стесняясь, безнаказанно и безответственно, кидают в лицо тем, особенно из народной, крестьянской среды, кого хотят обидеть, оскорбить, унижить, кого хотят во что бы то ни стало преследовать

и вопреки всем законам, указам и манифестам о свободе совести, просто физически уничтожить, извести. И таких людей, стонущих под этим ужасным ярмом, находящихся под этой непрерывной пыткой миссионеров, у нас в России многие сотни тысяч, по преимуществу крестьян, природной, кондовой Руси. Давно пора понять, что как всякая политическая партия имеет свою программу, так и каждая церковь, каждая религиозная организация, каждая сектантская община всегда имеют свое исповедание веры, которое — и только оно одно — должно бы приниматься за основание при причислении группе населения или отдельных лиц к тому или иному вероисповеданию, к секте или религии. Вот уже почти сто лет бьются представители стороны, заинтересованной в преследованиях сектантов — миссионеры православной церкви, — написать, составить, измыслить «исповедание веры» «хлыстов» и сделать этого не могут, по той весьма простой причине, что ведь нельзя же, в самом деле, заставить говорить тех, кого нет! Мы думаем, что бранное слово «хлыст» должно, наконец, также исчезнуть из словаря ратоборцев за православие, тем более из законодательных актов, как после 1905 г. исчезло слово «раскольник», признанное за оскорбительное для старообрядцев. Слово «хлыст» столь же оскорбительно для сектантов.

Итак, на вопрос, сектант или не сектант Г. Е. Распутин-Новый, — я, основываясь на большом личном опыте в наблюдениях над сектантами, основываясь на обстоятельном знании их образа мыслей, приемов мышления, изложения веры, рассуждений, бесед и очень многих почти неуловимых признаков, основываясь на обстоятельном изучении всего до сих пор о нем написанного, до последней Новоселовской брошюры включительно, основываясь, наконец, на длительных личных беседах с ним, веденных в присутствии других и наедине, в которых я преследовал определенную цель точного и всестороннего выяснения исповедания его веры, — считаю своим долгом открыто заявить, что Г. Е. Распутин-Новый совершенно определившийся православный, — а не сектант*.

Петербург

* Редакция дает место письму В. Д. Бонч-Бруевича, известного специалиста по сектантству, ввиду того, что в нем автор поднимает голос в защиту сектантства, которому в настоящее время, по-видимому, грозит пережить новую травлю со стороны темных сил нашего общества, пользующихся всяким случаем нанести удар свободе совести.

О Распутине¹

— Восторг души — вот счастье человека! Слышь, друг, — верно тебе говорю, как загорится душа пламенем восторга — значит, поймал ты свое счастье, — скороговоркой говорил мне Григорий Ефимович, быстро ходя из угла в угол.

— А это кто? А это кто? — переходил он тут же от портрета к портрету, пристально всматриваясь в лица неизвестных ему людей и как бы желая заглянуть в душу, разгадать тех, кто был здесь перед ним на фотографиях.

Ишь ты, говоришь, — одна община, а это вождь их? Да? — указывал он на портрет выдающегося сектанта юга России, ныне умершего, и, действительно, лет 20–25 тому назад гремевшего среди духовных христиан.

— А сила-то не в нем? Нет, брат, он не от себя силу иметь! Нет, — он плакать, да страдать готов, да на подвиг звать, — разгадывал Распутин неизвестного ему человека, впиваясь в карточку своими интересными то потухающими, то вспыхивающими глазами, — нет, нет, сила не в нем, а вся сила в ней, — и он торжествуя попирает пальцем карточку спутницы — по нашему жены, — этого сектантского вождя, портрет которой, этой просто одетой, в платочке, действительно, сильной, особенной женщины, правительницы большой сектантской общины, — был перед нами.

— А это кто? Скажи, кто это? — стремительно метнулся он к большому стенному портрету, откуда выделялось гордое, умное лицо старика.

— Ну и человек!.. Ах, ты, Боже мой! Самсон, друг ты мой, вот он Самсон-то где... Познакомь меня с ним? Кто это? Где он живет? Поедем сейчас к нему. Вот за кем народ полками идти должен. — И он торопливо зажигал соседнюю электрическую лампочку, желая лучше и пристально рассмотреть лицо этого поразившего его старика.

Я объяснил ему, что это Карл Маркс, ученый, давно уже умерший... Фамилия не произвела на него решительно никакого впечатления. Было совершенно очевидно, что слышал он ее впервые... Потужив и пожалев, что нельзя сейчас же побывать у хорошего человека и побеседовать с ним, он заходил, заволновался и вдруг заявил:

¹ Печатается по: День. 1914. 1 июля. № 176 (618). С. 2.

— Вот у этакого-то души-то хватит на тысячи и миллионы людей, а мы что? И на себя припасти не можем. Все киснем, да хныкаем, да делать ничего не умеем. Тут нас бьют, тут колотят, здесь обворовывают... Эх-ма! — и он безнадежно махнул рукой.

Много приходилось мне видеть восторженных людей из народной среды, ищущих чего-то, мятущихся, «взыскующих града», куда-то стремящихся, что-то строящих и разрушающих, но Г. Е. Распутин был какой-то другой, на них не похожий. Не имея никакой политической точки зрения, он что-то стремился сделать. Для кого?

— Для народушка жить нужно, о нем помыслить, — любил говорить он.

И он смотрел на себя, пришельца из далекой Сибири, как на человека, на которого пал жребий идти и идти, куда-то все дальше и все выше, и представлять за «крестьянский мир честной»... Вот, в сущности, содержание всей его «политической» мысли, которую он только мог собрать и полусловами, полупафосами высказать, когда у него спрашивали, что он, собственно, хочет, к чему стремится... Отсюда такая воистину пламенная ненависть к малейшему призраку войны, к малейшему намеку, что вновь и вновь забряцает оружие на поле брани.

— Тебе хорошо говорить-то, — как-то разносил он при мне, полный действительного гнева, одну особу с большим положением, — тебя убьют там, похоронят под музыку, газеты во-о какие похвалы напишут, а вдове твоей сейчас тридцать тысяч пенсии, а детей твоих замуж за князей, за графов выдадут, а ты там посмотри: — три целковых в зубы, семеро детей по миру пошли, в кусочки побираться, землю взяли, хата раскрыта, слезы и горе, а жив остался, ноги тебе отхватили, — гуляй на руках по Невскому или на клюшках ковыляй, да слушай, как тебя всякий дворник честит: — ах ты такой, сякой сын, пошел отсюда вон! Марш в переулочек! — и он топал ногами, изображая гонителя-дворника. — Видал: вот японских-то героев как по Невскому пужают? А? Вот она война? Тебе что? Платочком помохаешь, когда поезд солдатиков повезет, корпию щипать будешь, пять платьев новых сошьешь: сегодня на завтрак, завтра на обед, тут на базар, а там еще куда, — и всё на пользу раненых, и всё в пользу семей убитых, — распекал он возразившую что-то было ему даму, — а ты вот посмотри, какой вой в деревнях стоял, как на войну-то брали мужей да сыновей... Вспомнишь, так вот сейчас аж воит, здесь тоскует и печет, — и он жал, точно стараясь вывернуть из груди свое сердце...

— Нет войны, не будет, не будет! — И он заходил, забегал, шатаясь по комнате, встряхивая насыпающимися на глаза длинными волосами,

тревожно смотря вверх вдруг потускневшими, белесоватыми закаты-вающимися глазами.

— Святость, святость напускаете на себя, а всё зря, притворно... Вон она у тебя, монашенька-то, стоит, смотри ручки сложила, глазки опустила, а сама злая-презлая, раздавит человека и не заметит... И все вы злые, — вдруг распоясался он, принимая какой-то боевой вид... Потом вдруг радостно и виновато улыбался.

— Ах, грех, грех... Ишь как я распалил-то себя... А ты знай понимай, мужик-то ведь всех вас кормит, а вы у него где? Вот тут, на горбушке сидите, — и он похлопывал себя по затылку... Смотри ты чего навесила на стенах-то? Одной стеной три года три деревни прокормить можно. А для чего тебе? Умрешь — все равно, что тебе, что мне — одну сажень дадут, больше не пола-га-ат-ца!.. Иль ты и за смертью оттягаешь землю больше и там расширишься?.. А?..

И вот я думаю, эта-та воодушевленная защита «крестьянской нужды», неожиданные раскрытия ужасов бюрократического хозяйничанья там на местах — припоминаю историю с сеном в последний голодный год, о котором подробно говорить сейчас неудобно, — всё это, а также некоторые несомненно привлекательные черты характера делали то, что заставляли многих, никогда не живших среди народа, не видевших ни его нужду, ни его горе, ни его сильных прямых сынов, искренно увлекаться Григорием Ефимовичем как бескорыстным ходатаем за «крестьянский мир честной».

Его весьма красочная биография, его превращение из сибирского «челдона», грубияна и отчаянного человека, ищущего и к чему-то стремящегося, совершенно переменившего свой образ жизни еще до начала своей славы, — еще тогда, когда он вел покаянный образ жизни, странствуя по России, конечно, еще более укрепляло почву для того искреннего увлечения им, которое мы, несомненно, наблюдаем среди известного круга петербургского общества...

Трагическая развязка, столь неожиданно постигшая его, конечно, удалит бесконечную злобу и зависть, кипевшую вокруг него столько лет, и заставит многих собрать материалы о все-таки удивительной жизни этого человека, так ярко оттенявшей нашу странную эпоху, полную противоречий и замысловатостей.

М. М-ИЙ

Распутин в Петербурге¹

Сегодня в 8 ч[асов] утра с ростовским пассажирским ускоренным поездом Г. Е. Распутин приехал в Петербург.

На вокзале с утра, с 6 ч[асов], его ждали несколько поклонниц.

В густой толпе Григорий Ефимыч сразу бросается в глаза: удивительно характерное лицо. Он в легком черном пальто и неизменных лакированных сапогах. Из-под опущенных полей черной шляпы смотрят серые пронизательные глаза.

Носильщик тащит за ним объемную корзину и баул. Признак характерный: значит, Григорий Ефимыч решил обосноваться здесь не на день и не на два.

Довольно продолжительное пребывание на родине, в селе Покровском, отразилось на «старце» весьма благотворно. Он загорел, пополнел, вообще имеет вид человека вполне «отдохнувшего».

По следам Распутина

Выходим на Знаменскую площадь. Наш сотрудник всячески пытается снять Распутина. Он это замечает и все время старается скрыть свое лицо. Замечает это и извозчик, с которым торгуется Григорий Ефимыч, и в простоте душевной спрашивает:

— Чего, барин, они вас снимают? Может, вы член Государственной Думы?

— Нет, я не депутат.

— Так, может, вы так какой известный, дела есть у вас важные?

— Да, дел у меня важных много. Потому я и приехал.

Уселись на извозчиков и поехали.

Распутин, за которым мы следуем по пятам, все время оборачивается на нас.

¹ Печатается по: Вечернее время. 1912. 29 июня (12 июля). № 183. Пятница. С. 1.

Поехали по Невскому, потому свернули на Литейный. Проехав несколько домов, Распутин остановился у д[ома] № 34, принадлежащего Синоду.

Курьер отнес вещи в квартиру П. С. Даманского, товарища синодального обер-прокурора.

Сам Григорий Ефимыч в подъезд не вошел. Сказав что-то швейцару, он быстрыми шагами направился вниз по Литейному.

Беседа с Распутиным

Нагоняю его.

— Здравствуйте, Григорий Ефимыч. С благополучным приездом в Петербург, — обращаюсь к нему.

Сразу поворачивает голову в мою сторону и смотрит на меня своими странно не моргающими глазами.

Я задаю несколько вопросов один за другим, дорожа каждой секундой.

Он быстрыми шагами и, не сводя с меня взгляда, спрашивает:

— Зачем меня караулите? Не того караулите, кого надо. Стрелы ядовитые, наветы, слова злобные, человеческую несправедливость не караулите. Ваше это дело. А что делается? Люди злобствуют, ненавидят, друг друга свергают. А для чего? Вот и меня караулят, и вы тоже. А что я? Я ничего, человек небольшой, крошка... А правду вижу, ох как вижу. И при мне она, и во мне правда. Правду надо говорить, — как-то бросает он раз на ходу и производит впечатление человека, который хочет много сказать, да времени у него нет.

Говорит и все время смотрит прямо в глаза. Чувствую, что взгляд его гипнотизирует, невольно подчиняет своей власти.

— Мир погрязает в разврате, — продолжает Григорий Ефимыч. — Кругом разврат. Вот грех, вот причина, почему люди не любят правду. Потому что других не любят, кто правду знает. Стараются уста замкнуть мне... Вы молодой. Не подчиняйтесь им, берегите в себе правду. Легко погрязнуть в разврате, во лжи, в грехе... Ну, до свидания, мне некогда. Как-нибудь встретимся.

Жмет руку. Рука жилистая, жесткая.

Дальнейший маршрут Распутина

Распутин быстрыми шагами пошел по Сенной ул[ице], остановился у д[ома] № 4 по Баскову пер[еулку], где раньше жил П. С. Даманский. Затем повернул обратно и по Сенной улице вышел на Кирочную. Здесь он вошел в подъезд дома № 12, где живет Г. П. Сазонов.

Справлялся о Л. В. Головиной, здесь ли она.

Л. В. Головина уехала к себе в имение, в Орловскую губернию.

После этого Григорий Ефимыч отправился пешком на Литейный, № 34, в квартиру П. С. Даманского.

П. С. Даманский живет на даче в Парголово. Сегодня с семичасовым поездом он приехал с дачи на свою квартиру.

(От другого корреспондента.)

Лишь только были получены сведения, что Распутин собирается в Петербург, находившимся при нем безотлучно агентам департамента полиции было предписано, не упуская его из вида, следовать вместе с ним.

Не доезжая до Москвы, Распутин на одной из ближайших станций слез. Следовавшие в том же поезде агенты не обратили внимания на исчезновение его из вагона и проехали до Москвы.

Лишь вчера, в два часа дня, Распутин прибыл в Москву. Поджидавшие его на вокзале агенты узнали его и, несмотря на все его старания улизнуть, вместе с ним доехали до Петербурга.

Проводив Распутина до его пристанища на Литейном проспекте, приехавшие с ним агенты отправились с докладом к начальству.

В половине одиннадцатого возле дома, где проживает товарищ обер-прокурора Св. Синода Даманский, появились агенты летучего отряда охранного отделения, внимательно следящие за всеми выходящими и входящими в этот дом.

* * *

В тот момент, когда извозчик, на котором ехал Г. Е. Распутин, с Кирочной сворачивал на Литейный пр[оспект], я, подскочив к лошади, схватил ее за узду с целью дать возможность моему товарищу сделать фотографический снимок. Распутин, приподнявшись, прикрыл лицо от направленного на него фотографического аппарата своею широкополой шляпой и крикнул извозчику: «Пошел!» Потерпев неудачу, вскакиваю на второго извозчика и мчусь следом за ним. Неожиданно Распутин велит своему извозчику ехать обратно в Басков переулок. Воспользовавшись моментом, когда извозчик Распутина, давая до-

рогу проезжавшему мимо автомобилью, несколько сдерживает свою лошадь, я вскакиваю в пролетку Распутина, но прежде, чем мой товарищ успевает спустить затвор аппарата, Распутин ловко выпрыгивает из пролетки и снимок не удается.

* * *

У П. С. Даманского

Наш сотрудник имел возможность побеседовать с П. С. Даманским относительно цели приезда в Петербург Распутина и срока пребывания его здесь.

— Зачем приехал сюда Г. Е., я положительно не знаю, — сказал П. С., — сам он ничего об этом не говорит, а спрашивать его, как вы сами понимаете, неудобно.

— В печати было как-то сообщение, что Распутин направляется в Иерусалим?

— Весьма возможно. Эта поездка является давнишней мечтой Г. Е. Еще в прошлый свой приезд он говорил, что намерен снова посетить Св[ятую] Землю. Но, повторяю, отправится ли он туда на этот раз, я утвердительно сказать не могу, так как сам не имел еще случая побеседовать с ним об этом.

— А как долго останется Распутин в столице?

— К сожалению, и этого пока еще не знаю. Ведь неудобно же, встречая только что приехавшего гостя, спрашивать, когда он уедет.

— Не можете ли сказать, Ваше превосходительство, насколько верны появившиеся в обществе слухи, что приезд его тесно связан с бракоразводным процессом, возбужденным мужем одной из его почитательниц?

— Я впервые слышу об этом.

— Дело это возбуждено уже более года, но до последнего времени, благодаря, как говорят, сильным связям Распутина, оставалось без движения и только на днях, по энергичным настояниям супруга, двинулось вперед.

— Повторяю, я ничего об этом процессе до сих пор не слышал и думаю, что это просто утка.

С. НИКИТИН

Беседа с Григорием Распутиным¹

Распутин об Илиодоре и о войне.

Простое, самое обыкновенное лицо русского «мужичка» с длинноватой темно-русой бородкой, высокая прямая фигура с очень стройным, почти женственным станом, к которому так удивительно идет плотно стягивающая его «черная сибирка», почему-то на Григории Распутине так напоминающая «батюшкину» рясу или сутану католического ксендза, незамысловатая прическа «a la russ» с прямым пробором и стрижкой под-скобку, высокие сапоги с «голеньщиками» и даже со «скрипом».

Григория Ефимовича, недавно прибывшего в Петербург и переменившего свое прежнее место, посчастливилось мне разыскать и поговорить с ним только благодаря исключительной любезности одного видного лица. В популярности в широкой публике с Григорием Ефимовичем Распутиным может поспорить разве еще только один человек — бывший иеромонах Илиодор, ныне Василий Труфанов.

О последнем-то прежде всего и зашла речь.

— Как вы, Григорий Ефимович, смотрите на отречение Илиодора от православной веры, как, вообще, всякий верующий православный христианин должен отнестись к факту такого небывалого в истории Церкви отречения?

Вопрос, по-видимому, «задел за живое Григория Ефимовича».

— Надо отнестись, милый человек, так, — начал Григорий Ефимович, — как в былые времена сама Церковь относилась.

Церковь всегда строго преследовала, карала, бичевала всякую ересь, всякое заблуждение, коему нет ни предела, ни границ законных.

В таких случаях, когда не помогали ни увещевания, ни добрые советы, ни собственное сознание заблуждающегося, Церковь не останав-

¹ Печатается по: Петербургская газета. 1912. 7 декабря.

ливалась и перед наложением проклятия, анафемы. Церковь поступала так, как поступали в таких случаях и сами святые апостолы. Церковь всегда отрекалась от отрекшихся от нее, да и Сам Христос Спаситель нам сказал: «А кто отречется от Меня перед людьми, отрекусь от того и Я перед Отцом Моим Небесным».

— Так-то милый человек, — добавил Григорий Ефимович своим характерным «говорком», пронизывая меня пристальным взглядом своих пронизательных глаз, и нервно теребя свою бородку.

— Что ж, хочешь спрашивать, мил человек, еще? Ну, спрашивай.

— Такую же точно «меру взыскания», Григорий Ефимович, должна Церковь применить и по отношению к Илиодору? Были ведь сообщения о том, что Илиодора, может быть, предадут анафеме?

— Да, так и должно быть. Отпавшего от православной веры Илиодора, открыто презревшего святую веру своих отцов, вестимо следует предать анафеме. Церковь терпит долго грехи своих чад, но и ее терпению граница есть. Все хорошо во времени и в меру, но без времени, некстати и против веры содеянное заслуживает анафематствования. Как же можно идти против веры своей, против веры, в коей ты родился и в коей родились, жили и умерли отцы, деды и прадеды наши?

Каков бы велик грешник ни был, да и всяк другой из нас, грешных людей, как бы не притесняли люди или судьба, или там обстоятельства какие, от веры своей я не откажусь и не отрекся бы никогда.

Ни я, ни ты, мил человек, и никто другой: вера — святыня, да еще вера православная.

Вот бранят евреев, а как они глубоко чтут свою веру, своего Бога!

Грех-то... А еще вот: — святые отцы, подвижники наши.

Уж как сильно гнала их судьба, как притесняли люди, а они, на муку лютую и на смерть идя, никого не винили в своих мучениях, а молча таили скорбь великую в недрах души своей, далеко от людского показа, от суеты мирской.

А Илиодор все несет наружу, напоказ праздной толпе.

Илиодор, да, это правда, хоть и монах был, а примириться, смирить, значит, себя-то не мог, да и не хотел.

Гордыня обуяла его великая, вот и страдает он только от этой гордыни своей.

И этим он теряет много, если не все.

«Кто не берет креста своего и не следует за Мною, тот недостоин Меня», — сказал Господь Христос.

Да и скорби-то все свои Илиодор ведь сам создал, только сам.

— Что вы скажете о намерении Илиодора образовать свою «вселенскую» церковь? Не может ли это послужить соблазном для верующих,

и не пойдут ли за Илиодором его приверженцы? — продолжал я «допрашивать» Григория Ефимовича.

— Да, соблазн внесет Илиодор большой, но только не в души истинно верующих православных людей, тех, кто верит в Церковь, а тех, что верили в него, Илиодора, тех, которые в слепоте своей создали себе кумира в образе Илиодора.

Но все истинно верующие отшатнутся от илиодоровского бунта и не пойдут за ним. Так я мыслю.

— Извините, Григорий Ефимович, хочу я предложить вам один вопросик, из тех, что зовут «щекотливыми»?

— Спрашивай, спрашивай, мил человек. Если знаю, скажу.

— Как надо отнестись, Григорий Ефимович, к утверждению многих, что вы вашим влиянием оказали давление на судьбу Илиодора?

— Никогда, никогда ничего подобного не было, — горячо возразил Григорий Ефимович, — никогда я не предпринимал ничего против Илиодора, а если сам Илиодор или другие кто хотят верить в это или говорить об этом, то пусть, на чужой роток не накинешь платок. Если уж говорить об этом, то я не только никогда ничем не вредил Илиодору, но ежечасно молился за него, за его мятежную душу, да... Это так... Молился... Просил для него у Бога милости великой. Исправленья просил. Это было, и от этого не отрекаюсь. Мало ли что про меня говорили и говорят... Ну и пусть... Ну и что ж я могу поделать с этим... Надо всем прощать и все терпеть. Претерпевший до конца — спасен будет. Так то, мил человек.

Григорий Ефимович остановился на минуту.

Задумался.

— Бог с ним, с Илиодором. Бог его рассудит. Война, мил человек, теперь вот о чем думать надо... Война... Большое это зло — война.

— Как вы думаете, Григорий Ефимович, придется России втянуться в войну?

— Господи сохрани и помилуй нас от этого. Дай Боже, чтобы Русь избежала этой напасти. Всякая война, даже удачная, гибельна для дела любви и мира, для благодати Божией. Дай Бог, чтобы Россия да и все прочие государства сумели обойти войну. На этот предмет должны направиться думы наши.

Надо, в мире живя, в мире жить.

<Без подписи>

Григорий Распутин¹

Борец Заикин, недавно посетивший Распутина, спросил его о причине опалы Илиодора. Распутин отвечал.

— Илиодорушка сам себя развенчал. Он натянул отношения и у меня с нашими общими поклонниками.

Затем Распутин рассказал историю с присланным к нему важным письмом (из сфер), которое очутилось в руках Илиодора. Из-за этого письма и разгорелся весь сыр-бор, закончившийся, как известно, ссылкой Илиодора во Флорищеву пустынь. Говоря об Илиодоре далее, Распутин выразил ему порицание за его отречение:

— Порицаю Илиодора за то, что он сначала народ душой своей к себе расположил, а потом в отречении сказал, что обманывал. Вот это-то меня более всего и потрясло, и за это его я более всего порицаю.

Любви к нему у меня теперь нет, а осталась жалость; любить его не могу потому, что он нехристь. Но жаль! Много я за него хлопотал, но ходатайства успеха не принесли. (Во время недавней поездки в сферы, по словам Распутина, его встретили фразой: «За Илиодора не проси!»)

На вопрос, каково положение еп[ископа] Гермогена, Распутин сказал: «Пожалуй, безвозвратно».

В заключение Заикин кое-что рассказал о самом Распутине.

Оказывается, он в Петербурге в громадном фаворе среди придворных кругов и в сферах, где им очень интересуются как представителем трудового крестьянства. С его мнением считаются. Из всех сановников один премьер-министр относится к Распутину с заметной холодностью.

Заикин один раз был в апартаментах Распутина и свои впечатления передает в «Цар[ицынском] в[естнике]» так:

¹ Печатается по: Раннее утро. 1913. 26 мая.

— Он живет просто; занимает одну комнату, в которой стоят стол, стул и кровать. В переднем углу висит много икон. Украшение стен составляют часы и портрет Царя-Освободителя, пред которым теплится постоянно лампада. Вообще обстановка комнаты такова, что сразу видно, каков ее обитатель — отнюдь не важная персона. Живет Распутин просто, — когда он дома, его посещают поклонники, которых он принимает или по одной (большинство поклонниц-женщин), или сразу человек по десяти. Приходят к нему за советами, за утешением и уходят успокоенными. Денег он никогда ни у кого не просит. (Живет он на те «чаевые» или «деньги на извозчика», какие ему дают в сферах — иногда по 100–200 рублей: «Много не дают» — отозвался Распутин о подачках.)

Много времени Распутин тратит на разъезды к своим сановным почитателям и почитательницам.

Так как многие положительно жаждут с ним встречи, а времени у него мало, то он заранее составляет расписание, когда, где и у кого быть.

Д. РАЗУМОВСКИЙ

С Григорием Распутиным¹

Когда коннозаводчики удалились из купе в коридор вагона, держа друг друга для внушительности беседы за пуговицу, то сидевший напротив скромный крестьянин, в поддевке и высоких лаковых сапожках, все время хранивший молчание, обратился с замечанием:

— Интересно говорят и о полезном; полезно это крестьянству.

Я согласился с говорившим, который еще раньше обратил на себя внимание тем, что, усаживаясь в Петербурге в купе, долго и внимательно вглядывался в наши лица, несколько раз входил и беспокойно выходил, не раздеваясь, и даже делал попытку перейти в соседнее купе, в котором не было пассажиров. Длинные волосы шатена, без признаков седины, взлохмаченная борода, которую он перебирал рукой с нервными и несколько запущенными пальцами, и глубокие впалые глаза, сильными морщинами около век. <...>

— Да, — добавил я, — но вот крестьянство наше не всегда умеет пользоваться полезным, а русские вообще не могут обойтись без иностранцев — вот что прискорбно, и везде мы оттерты от дела и поставлены на задний план. — Эту обычную и любимую тему моих беседований я поднял вновь, оставшись лицом к лицу с подлинным, как мне показалось, представителем русского народа.

— Беды в этом большой нет, — спокойно возразил мой собеседник. — Разве в этом их сила? Все равно от них ничего не останется. Как-нибудь потом вспомнят, что были, а их уже и не будет. А что иностранцы идут к нам — это хорошо, потому что русский народ хороший — дух в нем выше всего. Самый плохой человек у нас, а лучше духом, чем иностранец. У них машина. Вот они чувствуют это и сами

¹ Печатается с сокращениями по: Дым Отечества. 1913. 20 января. № 4. С. 8.

идут к нам за духом. Одной машиной не проживешь. Кажется, все хорошо кругом, а в самом человеке у них ничего. Вот что главное.

— Положим, иностранцы тянут к нам не за духом; они презирают русских и все русское и наш дух. Являются они, скорее всего, за деньгами, ищут власти, возможности нашего порабощения. Вот на Балканах идет война — небось, никто из немцев, англичан, французов не помогают славянам, а уж где говорить о духе, как не там. Ведь защитить от притеснений угнетенные Турцией народы давно следовало — и это было бы лучшим проявлением человеческого духа.

— А Бог, ты думаешь, не видит это и не знает? А, может быть, славяне не правы, а, может быть, им дано испытание?! Вот ты не знаешь их, а они высокомернее турок и нас ненавидят. Я ездил в Иерусалим, бывал на Старом Афоне — великий грех там от греков, и живут они неправильно, не по-монашески. Но болгары еще хуже. Как они издевались над русскими, когда нас везли; они — ожесточенная нация, оцетинилось у них сердце; турки куда религиознее, вежливее и спокойнее. Вот видишь как, а когда смотришь в газету — выходит по-иному. А я тебе говорю сущую правду.

— Может быть, и так, но обязанность помочь угнетаемым остается пред каждым, кто только мыслит и чувствует по-христиански.

— Да много ли таких? Теперь больше мыслят по-христиански, чем чувствуют. Вот в этом корень зла в мире. Готовятся к войне христиане, проповедуют ее, мучаются сами и всех мучают. Нехорошее дело война, а христиане вместо покорности прямо к ней идут. Положим, ее не будет; у нас, по крайней мере. Нельзя. Но вообще воевать не стоит, лишать жизни друг друга и отнимать блага жизни, нарушать завет Христа и преждевременно убивать собственную душу. Ну что мне, если я тебя разобью, покорю; ведь я должен после этого стеречь тебя и бояться, а ты все равно будешь против меня. Это если от меча. Христовой же любовью я тебя всегда возьму и ничего не боюсь. Пусть забирают друг друга немцы, турки — это их несчастье и ослепление. Они ничего не найдут и только себя скорее прикончат. А мы любовно и тихо, смотря в самого себя, опять выше всех станем.

— Нынешняя культура идет вразрез с учением Христа, и разве можно бороться с ее течением. Вот и вы не ходите же пешком из града в град, а в удобном купе путешествуете; не отдали же второй ризы нищему, а в хорьковой шубе щеголяете. А, пожалуй, вы настоящий верующий, сектант или старообрядец, хотя вас уже отнесло течением от берега.

— Нет, я не сектант. Осуждаю духовенство за его нерадивость и малую красоту в церковном обиходе. Но разве в этом суть? Наша

Православная церковь, как воздушное облако, светит и укрепляет каждого человека. Без нее нет ничего в жизни и все доспехи, все эти шубы ничего не стоят. А что я самоотвержения не имею — так я слаб. Слаб, как человек, но я знаю, что при Церкви каждый может возыметь силу, и я с нею спасусь.

— Все это хорошо; все это слова, но как практически достигнуть того, чтобы Царствие Божие сделалось достоянием земли. Ведь вот когда слушали мы коннозаводчиков, так быстро узнали, до чего можно совершенствовать породу и качества лошадей, сельский хозяин до тонкости изучил, какой злак при каких условиях дает силу и плодovitость, когда он полезен и может быть употреблен в дело... Там все ясно, а вот мы с вами отвергаем смысл и знание нынешней жизни, и войну, и культуру, а что же предлагаем взамен этого: монастырь, отречение от всех благ и самоуничтожение?..

— Нет. Спокойствие и ясную, как небо, душу. В монашестве же нет спокойствия, а есть борьба: то с собственным телом, то с мирским духом. Разве это праведники, что в клобуках, состязаются из-за патриаршего престола?.. Антоний Волынский, Сергей Финляндский!.. Разве этого нужно им искать и указывать? Нужно, чтобы Духом прониклись все и сами указали на человека: вот патриарх. А такого нет, и его не выдумаешь. Подобрать можно по росту, по красноречию, так чтобы подходил к правительству, но чтобы патриарх своим духом покрывал весь народ и чтобы в него и православные, и иноверцы поверили, — для этого нужно родиться и тихо, незаметно вырасти.

— Но тогда, по-вашему, не нужно делать ничего, а только ждать; ни о чем не заботиться; и ни с чем не бороться. Ведь это проповедь толстовца-непротивленца... Вы знаете это учение?

— Слышал, но плохо знаю. Я же не говорю: не противься злomu, а говорю: не противься добру. Тягость и суeta нашей жизни состоит в том, что мы противимся добру и не хотим его признавать. А ты оставь злое совсем в стороне, пусти его мимо, а укрепись около самого себя и, когда сам окрепнешь, тогда осмотришь и помоги совершенствоваться другим. Не настаивай на совершенстве, но помоги — каждый хочет быть чище, радостнее; вот ты ему и помоги. Не настаивая, вот как Илиодор, — огня в нем много, рвения, а нет света и дуновения, как весной в поле с ароматом цветов, которым веет от истинных подвигов духовных.

— Согласен, что для личного удовлетворения и таких бесед, какую мы сейчас ведем, это приложимо, но ведь и Христос говорил, что никто не ставит свечу в подземелье, но делает так, чтобы она светила миру.

Велик подвиг личный, но тяжелее, и зато величественнее, проповедь для спасения возможно большего количества людей.

— А ты спасай самого себя. И как только ты почувствуешь, что ты в себе, как река в берегах, до краев — вот тогда все покажется ненужным: и слава, и деньги, и карьера. Советую ни на кого не обращать внимания. Никого не наставляй, но никого за ошибки не карай — и думай о спокойствии души. И тогда все вокруг тебя станет спокойно и ясно, и все прояснится. Меня как поносили, чего только не писали обо мне, и врагов у меня все-таки нет; кто не знает меня, тот враг. Никому ничего худого не делаю, ни на кого не питаю злобы и весь на виду. Вот, как облака, проходит и злоба на меня, я не боюсь ее; поступай так и ты, и другой, и третий. Вот тебе и спасение в самом миру.

— Да, вам легко давать такие советы; быть может, сидите где-нибудь там на горах Урала или в глуши Тобольской губернии, — так эту проповедь не трудно осуществить. Но все наши проповедники плохи тем, что советуют замкнуться в самом себе, остаться в одном положении и оставить всех и вся без внимания. А между тем весь ужас человеческого существования состоит в том, что мы всегда связаны и кровью, и духом с десятками условий, нас сковывающих, и сотнями людей, нас окружающими. И спасаясь в самодовольстве, нельзя ведь не помнить о других. Вот Иоанн Кронштадтский весь горел для блага тысяч и сотен тысяч верующих или искавших веры и не уклонялся от людей.

— То великий светильник и чудотворец. Разве я могу сравняться с ним. Говорю, как у меня на душе, и говорю только тем, кто меня слушает. Скорбно, когда клеветают — сами себя позором обносят. Жалею, что мало кто хочет вникнуть в чужие слова и мысли. Болтают обо мне зря, пишут неизвестно что, и больше худое. Но и помочь им я не могу. Слепые света видеть не могут, и Царствие Божие открывается только тем, кто подходит друг к другу, как дети. Другой заповеди я не имею и не ношу. А чтобы тебе было ясно, кто я, я скажу: я — Распутин.

Я не был удивлен, — внешность говорившего говорила за это. Но склад речей, отрывистых и мистически далеких, спокойствие и бесхитростная, почти детская, улыбка у 50-летнего скромного и несколько застенчивого человека, совершенно непримиримое представление о нем на основании газетных статей и тысячи легенд, распускаемых об этом человеке, которого, не слушая, обвиняют, ни разу не видав, презирают, — сделали то, что я долго думал о нем. Этот человек слишком не сложен и ясен для того, чтобы приписывать

ему игру; он прост и скромен для того, чтобы видеть в нем героя. Он даже не загадка для наших дней, а просто жертва пошлости того жалкого века, когда нет ни героев, ни праведников, а остались одна червоточина, и когда лошадям, их предкам, их настроению и потомству отводится в миллион раз больше внимания, чем человеческой душе, никому уже не нужной, никого не интересующей и превращаемой в машину.

А. Ф. ФИЛИППОВ

Распутствующие¹

Целая книжная литература создалась около «старца» Г. Е. Распутина, которому насчитывается не более 42 лет, и ворох статей «очевидцев», и «хорошо осведомленных газетных сотрудников» появляется регулярно относительно деятельности старца и его якобы необыкновенного и даже необъяснимого влияния в высоких сферах. По проверке оказывается, что книги с разоблачениями составляются неизвестными авторами, упорно старающимися скрыть от потомства даже свое имя, не говоря о происхождении, а газетные сотрудники обладают даром личной беседы с отсутствующим из Петербурга Распутиным.

Недавнее сообщение «Вечернего времени» о том, что поднятое в Синоде дело об отношении епископа Феофана к учению иеросхимонаха Булатовича о божественном имени «Иисус», которое вызвало раскол в Старом Афоне, это дело рук Распутина, который сводит таким путем свои личные счеты с епископом Феофаном.

По словам М. Ф. Паозерского, никто иной, как епископ Феофан выдвинул в сферах Распутина, но впоследствии, получив документальные данные об отрицательной стороне деятельности своего протеже — «старца», написал об этом его покровителям. Тогда Распутин будто бы «принял меры», и владыку, под предлогом поправления здоровья, перевели в Крым, а затем в Астрахань, климат которой для него был губительным. «Но подобно Гермогену, повествует сотрудник “Вечернего времени”, епископ Феофан остался непреклонен, и во время выступлений Гермогена против Распутина он поддержал владыку». В 1911 году, по сообщению «Вечернего времени», Распутин демонстративно покинул помещение Гермогена, а уж в январе 1912 года епископ был лишен кафедры и заточен в монастырь. В ноябре того же года был лишен

¹ Печатается по: Дым Отечества. 1913. № 25 (20 июня). С. 7–8.

сана Илиодор: «теперь дошла очередь до епископа Феофана», многозначительно говорит г. Паозерский, «судя по примерам двух друзей Распутина, и его ожидает печальный конец...».

Решительно сомневайтесь, не покупает ли кто-либо из приверженцев Распутина статьи с подобного рода содержанием. До того они пахнут какой-то беспардонной рекламой «старца» и стремлением представить его вершителем судеб в сферах, куда не каждый имеет доступ и где слово даже выдающихся по уму и влиянию лиц нередко остается без внимания.

Для нас, впервые допустивших мысли Распутина на страницы и правдивое отражение его личности в виде заметок, конечно, могло бы быть привлекательным и отчасти выгодным изображение «старца» именно в виде великого вершителя судеб России, стоящего вне пространства, времени и условий, всех нас связывающих. Согласиться с тем, что Распутин может сделать и что его влияние безмерно велико — значило бы явиться в некоторой степени соучастниками распутинского успеха и во всяком случае толкователями его пророчеств. Такую роль, кстати сказать, отвел «Дыму Отечества» в своей речи с думской кафедры и П. Н. Милюков.

Но нам представляется, что и газетным романтикам, а тем более думским, следует спуститься с заболоченных высот фантазии и смотреть на вещи трезвее и реальнее.

Правда, оголенная скучная действительность требует смены чем-либо необыкновенным, уносящим воображение в туманную, красочную даль во вкусе романов Габорио. Поэтому-то, может быть, придумываются и растленные похождения «старца», и ночные совещания с ним у Гермогена в присутствии Мити-блаженного, и небывалая сцена проклятия... Все это, однако, не имеет под собой не только капли правды, но и какой-то ни было почвы.

Распутин — обыкновенный русский мужик, экзальтированно-умный, чистоплотно-чистый, заботливо-трудолюбивый и, главное, не прерывающий своей связи с простым народом и потому-то сильный в народе, и в сферах, которые близки народу или дорожат им. Вот нехитрая разгадка внимания к этому человеку, каких в русском народе найдутся десятки и сотни тысяч, но которых не выдвинула судьба и только случай не сделал предметом усиленного внимания.

Несомненно, что у Распутина повышенная чуткость и культура доброго старого времени, которое давало нам крестьянина, по тонкости восприятий равного барам, иначе этот полуграмотный мужик давно оттолкнул бы от себя представителей высшей аристократии, которых не часто приходится встречать. Что это личность необыкновенная,

стоящая выше ряда пророков в рясах и пророчествующих в мундирах, — это также несомненно. Иначе Распутин не служил бы предметом бесконечных разговоров и обсуждений не только в доносах Гермогена или Феофана, но не играл бы роли и как материал для выводов в речах почтенного П. Н. Милюкова.

Однако придавать ему столь исключительное политическое и государственное значение непозволительно. Распутин играл и играет в истории нашей общественности крупную роль, сделавшись, к сожалению, предметом уличных обсуждений только в последние два года, хотя он приобрел доступ в высшие сферы и круги более семи лет тому назад. Влиянию его чисто личному, далекому от соображений политических и тем менее интриг, есть объяснения не мистические и менее всего религиозно-сексуального характера, на что напирает наша духовная среда, где грязь, зависть, сплетни и интриги свили себе прочное гнездо, — но преувеличивать и это влияние до возможности для Распутина заточить Гермогена, удалить Феофана, высылать из столицы Илиодора не следует даже газетчикам вечерних газет.

Нужно им помнить, что, проводя подобные сведения в публику, они делают плохое дело: можно подумать, что в России нет уже ни законности, ни здравого смысла, ни примитивной честности. Но неужели гг. Милюковы, посвящая свои речи Распутину, не замечают, что они доходят до признания собственного ничтожества, а газеты, подобно «Вечернему времени» представляются орудием усиленной рекламы Распутина, человека в действительности скромного и довольно ограниченного в своем влиянии и могуществе. Вся сила его заключается в вере и благотворении, да христианских подвигах добродетели, не показной, не крикливой, но такой, которая, очевидно, является редкостью для критикующих этого человека деятелей нашего времени.

В. АЛЕКСЕЕВ

Час в гостях у Григория Ефимовича Распутина¹

Его квартира обставлена весьма скромно. Простая мебель, обитая недорогой материей, стол, диван. Вот убранство столовой, в которой я дождался выхода «старца».

— Обожди, родной, пока я с делом справлюсь, — сказал он мне, отвечая на приветствие, и начал разговаривать по телефону, который висел тут же в столовой. Он говорил теноровым голоском:

— Ну, так вот, мотри псаломщика Комарова надо из Самарова перевести в Курган, а диакона Бушуева — поближе к Покровскому. Хоть он непутевый оказался, да бабу его уж очень жалко. Почитай, год, как они порознь живут. Денег у ней, чтобы проехать к нему, нету. Вот она и скудается одна. Вели владыке-то тобольскому епископу Варнаве, чтобы он внушение сделал Бушуеву-то, чтобы семью-то блюл, а то ведь, гляди, развалится семья-то. Ну, больше ничего. Заезжай ко мне в Покровское чай пить и передавай всем поклон.

— Вот ты об этом можешь писать, если угодно, — говорил мне потом Распутин. — Так и пиши — псаломщика и диакона хлопочет на другое место перевести, вдове священника квартиру выхлопачивает.

— А кому это вы насчет диакона-то говорили?

— А это епархиальный наблюдатель церковно-приходских школ*.
Сели за стол.

Секретарша Распутина Акулина Никитична заметила при этом:

— Вот, говорили, у отца Григория изысканные кушанья подаются. Вы сами видите, что это неправда. Сиг и икра — это для гостей, а сам он черный хлеб кушает! Только газеты всячески врут про него, что

¹ Печатается по: Петербургский курьер. 1914. 5 февраля. № 26. С. 3.

* Епархиальным наблюдателем церковных школ Тобольской епархии был И. П. Роганович. — *Сост.*

он живет на широкую ногу. На днях напечатали, что он священником собирается стать.

— А я и не думал, — подхватил Распутин. — К чему мне это? Жену свою люблю и разводиться с ней не собираюсь. Мало ли, что про меня пишут.

Акулина Никитична доложила Распутину, что получено письмо от священника-расстриги Сычева.

— Ну-ка, читай!

Акулина Никитична сообщила сначала ответ одной из канцелярий о том, что прошение Сычева оставлено без последствий. В письме он просит помочь ему.

— Это, значит, уже повсюду отказано, — сердито заявил Распутин. — Так чего же он хочет? Поди и сейчас же брось в печь. Расстригутся, а потом снова в попы просятся...

Секретарша напомнила Распутину, что к «4-м часам генерал обещал приехать».

Мы расстались.

Уходя от Распутина, я невольно обратил внимание на список телефонных абонентов. Здесь я увидел фамилии обер-прокурора Синода Саблера, его товарища Даманского, сына экзарха Грузии Молчанова, Головиных и многих других фамилий высокопоставленных лиц.

Очарованный простотой его обращения и радушием приема, я думал: не в той ли простоте и одинаковости его обращения со всеми, будь то министр, или сосед по деревне, не в той ли правде-матке, которую он так прямо режет, тайна его успеха?!

<Без подписи>

Григорий Распутин в Петербурге¹

Из Ялты вчера вернулся Григорий Распутин.

Он поселился в своей квартире на Гороховой улице.

Сегодня с самого раннего утра у пресловутого старца была масса просителей.

Григорий Распутин чувствует себя после приезда из Ялты особенно веселым.

Нам пришлось беседовать со «старцем» по телефону.

— Чего от меня хотят? Неужели не хотят понять, что я маленькая мушка и что мне ничего ни от кого не надо.

...Мне очень тяжело, что меня не оставляют в покое... все обо мне говорят... словно о большой персоне.

...Неужели не о чем больше писать и говорить, как обо мне... Я никого не трогаю... Да и трогать не могу, так как не имею силы... дался я им... Вишь, какой интересный...

Каждый шаг мой обсуждают... все перевирают... Видно, кому-то очень нужно меня во что бы то ни стало таскать по свету и зубоскалить... Говорю тебе, никого не трогаю... Делаю свое маленькое дело, как умею... как понимаю... То меня хвалят... то ругают... Только не хотят оставить в покое... Если что плохо делаю, рассудит Господь... Искренно говорю тебе, плохо делать не хочу... Поступаю по умению... Хотелось бы, чтобы, значит, вышло хорошо... Со всех сторон только и занимаются мною... Говорю тебе, маленькая мушка, и ни от кого и ничего мне не нужно... Самое было бы лучшее оставить меня в покое...

Разговор наш происходит по телефону.

Старец волнуется. По несколько раз он повторяет одну и ту же фразу:

¹ Печатается по: Вечернее время. 1914. 28 мая (10 июня). № 774. Среда. С. 2.

— Оставьте в покое... Дайте человеку жить... Все одно и то же... Я, да я... Говорю тебе, что хочу покоя... Не надо мне хвалы... Не за что меня хулить... От всего этого устал... Голова начинает кружиться... Куда не взглянешь, все одно и одно... Видно, поперек дороги стал... Нечего ругаться... Может, нечего и хвалить... Кажется, живу в тиши, а выходит, что кругом все галдят... Кажется, в России есть больше, о чем писать, чем обо мне... А все не могут успокоиться... Бог все видит и рассудит, были ли правы те, кто на меня нападали... Говорю тебе, я маленькая мушка, и нечего мною заниматься... Кругом большие дела, а вы все одно и то же... Распутин да Распутин...

Старец вдруг резко обрывает речь и кричит в телефон.

— Ни хулы... Ни похвалы... ничего не надо... Молчите... Довольно писать... Мне наплевать... Пишите... Ответите перед Богом... Он один все видит... Он один понимает... Рассудит... Коль нужно, пишите... Я больше ничего говорить не буду... Да нечего говорить-то... Врать можно сколько угодно... Ответ придется-то держать... Махнул рукой... Сочиняйте... Говорю тебе — наплевать... На всех наплевать... Прежде волновался... Принимал близко к сердцу... Теперь перегорело... Понял, что к чему идет и зачем... Говорю тебе, наплевать... пусть все пишут... Все галдят... Меня не тронут... Я сам знаю, что делаю, и знаю, перед кем отвечаю... Такая видно моя судьба... Все перенесу, уж перенес много... Говорю тебе, что знаю, перед кем держу ответ... Ничего не боюсь... Пишите... Сколько в душу влезет... Говорю тебе, наплевать... Прощай...

А. К. ГАВРИЛОВ

Предмет всероссийской сплетни¹

Время смутное сменилось временем мутным: вероятно, так назовут потомки первую эпоху нашего конституционного бытия, начавшуюся с 1908 года и продолжающуюся по-днесь. Вопросы принципа потеряли жгучий интерес, который сосредоточился на интересах дня и на личностях. В печальную эпоху безвременья общественное внимание целиком поглощено разными громовыми судебными процессами, обнажающими ту или иную язву, государственную или обывательскую грязь. А излюбленную злободневную темой для печати и трибуны законодательных палат являются отдельные лица, почему-либо известные, сильные, делающие карьеру или подвергающиеся опале. Публицистическая мысль всех направлений отступила от старых заветов и окончательно разменялась на мелочи.

Одно лицо сделалось предметом особого общего внимания и бесконечных инсинуаций — это тобольский крестьянин Григорий Распутин. На днях в одной из столичных газет о нем была напечатана пространная и весьма пошлая корреспонденция, где приведены малосимпатичные, с нескрываемой завистью, отзывы односельчан Распутина, которые считают его чуть ли не колдуном. Спрашивается, кому интересно знать, что говорят о Распутине его завистливые односельчане и как они объясняют его настоящее положение. Но пишут обо всем этом и, значит, что-нибудь да имеют в виду сказать. «Новое звено» избегает называть Распутина по имени и постоянно инсинуирует о «кудеснике, любимце богов». «Петербургский курьер», «Киевская мысль», «Русское слово», «День» и «Свет» упорно печатают всевозможные измышления о Распутине, не останавливаясь даже помещением на страницах своих изданий апокрифических писем, частью адресованных Распутину.

¹ Печатается по: Дым Отечества. 1914. № 26 (26 июня). С. 2–3.

Благоволение и доверие, которыми Распутин пользуется у некоторых лиц, не дают покоя злобствующим и завистливым людям, не только близким к высшим сферам, но и бесконечно от них далеким.

Простец крестьянин дерзает говорить то, что считается истиною, лицам особо высокого положения и редко слышащим откровенное слово — слово незлобливое, всем сердцем любящего ближнего своего, мужика. И вот за недолгое время около имени Григория Распутина успела уже вырасти целая обширная легенда. Пользуются ею, увы, не только борзописцы бульварной прессы, но и весьма солидные органы печати и даже политические деятели с именем, например, Н. Н. Милоков, с Думской трибуны утверждающий, что «Церковь Православная попала в плен распутного проходимца», или сорвавшийся демагог А. И. Гучков, распространявший с той же кафедры небылицы», за что в другом правовом государстве ему пришлось бы понести ответ.

Вполне понятно, куда направляются все эти подлые выстрелы, доказывающие всесилие Распутина. Но кроме того, что подобный способ нападок нравственно непорядочен и сводится к дешевой храбрости показать кулак в кармане, он, во всяком случае, наивен и рассчитан только на легковерие широких темных масс. Последним, разумеется, не трудно внушать басню о влиянии Распутина: в воображении обывателей правительство рисуется не громадной, стихийной самодавляющей силой, а случайно собравшейся небольшой компанией людей, на которых легко возможно воздействовать [посредством] всяческих ничтожеств в любом деле и по любым мотивам. И таким путем получается то, что, сосредотачивая весь фокус общественного внимания на одном лице, оставляют в тени действительных виновников российских непорядков. Надо полагать, что весьма недобрая цель возведения на Распутина всероссийской сплетни о мнимом его влиянии чуть ли не на государственные дела до известной степени достигаются. Распутину — жертве проходимцев и строковыколачивателей приписывается также чуть ли не принадлежность к хлыстовской секте. Однако, будучи знаком с Григорием Распутиным более двух лет и наблюдая его в домашней его обстановке, я положительно утверждаю, что не имею никаких данных, которые бы свидетельствовали об его отрицательных сторонах жизни и характера, тем не менее о чем-либо, напоминающем хлыстовство.

Простой мужик, одаренный бесхитростным, здоровым и проникательным умом, искренний и прямой в ответ, Распутин может быть любопытен, как отражение дел мира сего в его мирозерцании и понимании народном. А его своеобразие, никому покоя не дающее «положение» создано по воле всемогущего случая и содействием на-

падающих на него в печати и политиканствующих с думской кафедры, а никак не происками самого Распутина, не мудрствующего лукаво, но прямого и добродушного простеца.

От редакции. Справедливость мнения автора письма о том, что печать с излишним усердием занимается личностью Г. Е. Распутина, печатая о нем зачастую ложные сведения и сообщения, подтверждается телеграммой «Русского слова», извещающей о выезде Г. Распутина с митрополитом Макарием на Алтай в то время, когда Распутин находился в Петербурге и о совместной поездке ни митрополит Макарий, ни Распутин и в помыслах не имели.

Но кто особенно удивляет своим участием в кампании, которая ведется через голову Распутина, против высоких учреждений и лиц, так это казенно-коштная националистическая газета «Голос Руси». Сия, с позволения сказать, газета, защищая своего единомышленника минского епископа Митрофана, смещаемого, по слухам, в другую епархию за его вредную для успешного развития православия в крае деятельность, уверяет, что, добиваясь перемещения еп. Митрофана, противники епископа, между прочим, «толкались даже в прихожую Распутина, чтобы заручиться его содействием в достижении своих целей».

Эта националистическая газета никак не может понять, что, распространяя подобные гнусные сплетни, она тем самым дискредитирует и Синод, и Православие, не признавая в церковной жизни самостоятельного решения. И льет, с особым удовольствием и с оплаченным казной усердием, воду на антигосударственную мельницу.

А. Р.

Григорий Распутин. (По личным воспоминаниям)¹

Кто такой Распутин?

Дать исчерпывающий ответ на этот вопрос нелегко.

Из видавших и знавших Распутина едва ли у двух создавалось одинаковое мнение. Этот малограмотный сибирский мужичок, которому по воле судьбы довелось сыграть совершенно исключительную, сказочную роль, имел в своей натуре много непонятного, не укладывающегося в обычные рамки.

Расскажу о впечатлении, которое оставила во мне первая встреча с Распутиным.

Следуя обязательному для журналиста правилу видеть все очию, я попросил однажды общих знакомых свести меня с Григорием Распутиным.

Нас познакомили и оставили вдвоем.

Против меня сидел среднего роста мужичок, с испитым нервным лицом.

Несколько театральное впечатление производила белая шелковая рубаша, перепоясанная красным шарфом.

Когда «старец» поднял глаза и упрямо, почти дерзко, не отрываясь стал смотреть на меня, почувствовалось отчасти то обаяние, которое он мог производить...

Глаза у Распутина были необыкновенно ясные, сильные, почти гипнотизирующей силы.

Многое в нем напоминало распространенный тип сектанта, человека «ищущего».

¹ Печатается по: Русское слово. 1914. 1 (14) июля. Вторник. № 150. С. 3.

И голос шепотком, и постоянное устремление по всякому, даже мелкому житейскому поводу к духовному и божественному.

Но ко всему этому прибавлялось еще что-то и свое специальное, «распутинское».

Он весь был легкий, веселый, приподнятый.

Казалось, не ходит, а подскакивает; к этому, однако, примешивались и крадущиеся мелкие жесты.

В разговоре он все время дотрагивался рукою до собеседника.

Не отрывая своих изумительных глаз, он все время как бы гладил и ощупывал того, с кем говорил.

Манера говорить у него была какая-то предельно-быстрая. Голос его то поднимался до высоких нот, то сразу падал до шепота, и эта модуляция голоса почти гипнотизировала собеседника.

Речь Распутина невозможно передать, — ее нужно было бы записывать стенографически.

Это была бессвязная, полубредовая нить самых неожиданных соединений.

Неоконченные фразы, переход от одного предмета на другой и при этом все время как бы ощупывание души собеседника.

Чувствовался большой артист в смысле уловления души человеческой. Чувствовалась истинная страсть в овладении душой собеседника.

Для каждого, говорят, была у него своя манера захвата, своя манера «ловли».

Попробую передать его речь, как я ее запомнил.

— Хорошо, милый, что ты пришел... Люблю, когда для духовной беседы... Для беседы всегда хорошо... А то все с просьбами... Смотри, сколько просьб... Меня многие тяжело любят... очень тяжело... Ну, и делаю, что могу... А какой ты суетливый... все в тебе шевелится... Только, милый, и спокойствие есть на дне у тебя... Береги, милый, своей (так в тексте. — *Сост.*) спокойствие...

У всех гордыня, а нужна простота... Простота прежде всего... Простота мудрее... Вот и министры ко мне ходят... Говорят со мной, а во всем гордыня видна... Руку даст, а в руке гордыня... Девушка тут приходила перед тобой... Говорит, — грех... А я ей: что такое грех? Не то грех, что согрешила, а то грех, что грех свой, как игрушку, перед собой поставила и так его и трогаешь, и так и смотришься в него, как в зеркало, и любишься им, и плюешь все на него... Вот это — грех... А ты грех свой отдай Богу... забудь его... вот и нет греха... Понял, милый?.. того?..

А то еще приехали тут... Говорили, что не могут понять, как это «Христос» — святое имя, а «Иисус» — нет... Грех, конечно, что

они шум подняли... Нужно было бы про себя молиться, а они шуметь... А. Мисаил приехал и говорит им: «Распишись»... Это в духовных-то делах «распишись»? Это как же вере-то «распишись»? Это тебе Афон, а не министерство... А он им «распишись», «распишись», «распишись»!..

Я и Владимиру Карловичу сказал, что это — грех... И кому нужно, всем сказал, что так нельзя... Ну и поняли, что я прав... А он «распишись»!..

Все это говорилось нервно, истерически, бессвязно.

Тут же неожиданно выбрасывались напоказ письма многих высокопоставленных лиц.

Тут же троекратное лобызание...

Играл ли Распутин роль в политике? Влиял ли он на государственные дела?

Точно ответить на эти вопросы чрезвычайно трудно. Но, судя по отзывам весьма и весьма осведомленных сановников, можно категорически заявить, что Распутин в политику избегал вмешиваться.

Ни на какие назначения он непосредственно не влиял.

Бравирюя своим бескорыстием, он в то же время играл тем, что стоял совершенно вне политики.

Но в деле ухода В. Н. Коковцова Распутин косвенно сыграл исключительную роль.

<Без подписи>

Карьера Распутина¹

Вся жизнь Распутина, с момента его выезда из села Покровского и времени первого появления в Петербурге, носит поистине таинственный и загадочный характер.

Простой крестьянин, по отзывам своих односельчан, далеко не умный, живший бедно и нередко испытывавший нужду, попадает в столицу и за короткое время приобретает огромное влияние в самых аристократических кругах петербургского общества.

Впервые Григорий Распутин появляется в Петербурге в 1904 году и сразу попадает под покровительство епископов Феофана и Сергия.

В то время, как рассказывает Илиодор, Распутин был:

— Некрасивым, грязным мужичком.

Однако это не помешало ему через своих покровителей проникнуть в самое избранное, аристократическое общество.

Умный и ловкий «старец», в качестве какового он и был принят в петербургских кругах, он сразу уловил настроение тех кругов, где он вращался, и его влияние на психику этих кругов было неотразимо.

Религиозные искания, которыми в то время заняты были петербургские салоны, выдвинули Распутина на первое место. Он вскоре же был провозглашен чуть ли не «пророком новых истин».

«Религиозно-философская теория» Распутина между тем была чрезвычайно несложна, и основой ее являлось спасение души через признание высшего авторитета «старца», через непосредственное общение с ним.

— Только через меня можно спастись, — говорил Распутин. — Для этого необходимо слиться со мной душою и телом. Все, что от меня исходит, есть источник света, очищающий от грехов.

¹ Печатается по: Русское слово. 1914. 1 (14) июля. Вторник. № 150. С. 3.

Отсюда он делал практический вывод, что ему «все позволено».

По мере роста влияния Распутина его поведение стало вызывать много толков, особенно в духовных кругах, которые оказывали ему покровительство и способствовали проникновению «старца» в салоны.

В 1908 г. слухи о поведении Распутина приняли широкую огласку.

Было организовано что-то вроде третейского суда, в состав которого вошли один епископ, один иеромонах и три высокопоставленных светских лица.

«Старцу» был предъявлен целый ряд обвинений, но Распутин сумел оправдаться.

В следующем году, после целого ряда обличительных писем, поступивших на имя епископа Феофана и иеромонаха Вениамина, был созван второй суд, который предложил Распутину поехать в монастырь на послушание.

Распутин отказался подчиниться решению суда.

Он слишком чувствовал свое влияние и полную беспомощность его недавних покровителей.

Поход, открытый против Распутина в духовных кругах, окончился для некоторых из них печально.

Многие попали в опалу.

С первых своих шагов Распутин держался в стороне от синодских кругов и был близок лишь к группе епископа Феофана и Илиодора.

Позднее он сблизился и с синодскими сферами, близко сойдясь с Даманским, на квартире которого он постоянно останавливался во время наездов в Петербург.

В Казани, Саратове, Царицыне, Самаре, Киеве Распутина встречают чуть ли не торжественно, благодаря его петербургским знакомствам.

Однако то, что в столице может оставаться тайным, в провинции немедленно делается явным.

В Петербург посыпались письма, в которых рассказывалось о «похождениях» Распутина.

Об этих похождениях очень красочно рассказывает Илиодор в своих письмах, не так давно опубликованных А. В. Амфитеатовым.

Шедшие из провинции слухи окончательно отшатнули от Распутина его еще вчерашних друзей.

По возвращении Распутина в начале 1910 года в Петербург его ждала большая неприятность.

По настоянию одного из руководителей внутренней политики его в мае 1910 года выслали из Петербурга.

Однако ненадолго. Вскоре он возвращается в столицу.

Сначала его возвращение было обставлено тайной, но затем он опять начинает фигурировать в салонах, делая «большую политику».

В конце декабря 1911 года между Распутиным, с одной стороны, и епископом Гермогеном и Илиодором — с другой, происходит разрыв.

Яблоком раздора послужили все те же аристократические знакомства, которыми пользовались в своих целях все трое.

В это время влияние Распутина было особенно сильно, и он вышел победителем.

Слава Гермогена и Илиодора быстро начала меркнуть и закончилась опалой и того и другого.

В то же время в кругу этих друзей фигурировала и еще одна чрезвычайно таинственная личность — Митя Юродивый, который также сыграл роль сначала в ссоре Гермогена с Распутиным, а затем и в их опале.

Скоро, однако, и Митю (так в тексте — *Сост.*) уступил поле деятельности Грише, как звали Распутина в близкой к нему среде...

За последние три года влияние Распутина возросло необычайно.

<Без подписи>

Покушение на убийство Распутина. Биография Распутина¹

ПЕТЕРБУРГ. Распутин — крестьянин Тобольской губ[ернии], Тюменского уезда, села Покровского. Родился он в 1868 г[оду]. Отец его Ефим Васильевич — типичный сибирский мужичок, занимающийся до сих пор земледелием, рыболовством и имеющий свою мельницу.

Сначала Григорий помогал отцу в хозяйстве, но помощником он был ненадежным, потому что с молодых лет стал пить и волочиться за местными девушками. Эти факты передаются и в его «житии», им самим составленном.

Потом настроение его неожиданно меняется. В один прекрасный день он во время молотбы хлеба втыкает лопату в обмолоченное зерно и уходит со двора, не объяснивши ничего окружающим.

Сделал он это, как сообщается в «житии», будто бы потому, что ему во сне явился Симеон, верхотурский чудотворец, и учил его бросить худые дела, прийти к нему в монастырь помолиться, обещая сделать его «великим человеком». Григорий после этого в продолжение многих лет ходил по России, посещая святые места.

Во время своих путешествий он познакомился со многими архиереями. Один из них, именно казанский, в 1904 г[оду] был пленен наружной святостью Григория. Распутин захотел попасть в более многолюдные места и просил архиепископа рекомендовать его кому-нибудь из его петербургских знакомых.

Получив письмо с рекомендацией, Распутин явился к Сергию, ректору петербургской академии, ныне архиепископу Финляндскому, с громким титулом «человека Божия». Сергей ласково принял Распутина, познакомил его с преосвященным Феофаном Полтавским, тогда инспектором академии. Между последним и Распутиным завязалась

¹ Печатается по: Голос Москвы. 1914. 2 (15) июля. № 151. Среда. С. 4.

самая тесная дружба. Епископ Феофан подчинился совершенно влиянию Распутина и способствовал его успеху в петербургских салонах. С этих пор звезда Распутина начинает восходить, хотя бывали моменты, когда она меркла.

Это было тогда, когда Илиодор и епископ Гермоген старались раскрыть обществу глаза на «модного старца». Но Распутин умел выпутаться из самых трудных обстоятельств. После этого положение его укреплялось.

Своего влияния Распутин не только ни от кого не скрывал, но чуть не каждому встречному в вагонах, на пароходе, — где придется, — говорил всегда о своей силе.

Семья Распутина состоит из жены, проживающей постоянно в Покровском, сына Дмитрия, 18 лет, и двух дочерей.

(Собств[енный]корр[еспондент.])

К. НОСИЛОВ

Тобольский чародей¹

На днях в гор[оде] Тюмени прихожу на пристань и вижу торжественные, необычные для такого глухого города проводы кого-то на пароходе. Полиция во всем составе, начальство разное, масса разодетых дам и того более любопытных. Спрашиваю. Отвечают: «Распутин в свое Покровское отправляется... прибыл из Петербурга». Между рабочими, простонародьем, глазующим на проводы, разговоры. «Григорий Ефимович-то ныне как!.. Что, ребята, он в большом ныне почете. Видишь, начальства сколько собралось на проводы, все кланяются, целуют ему ручки!..». — «Что, говорит, сказывают к самим вельможам по утрам в халате ходит!». — «Смотри, смотри, каких вывез опять мамзелей — в шелку и бархате. Вот жисть!» Раздался последний свисток; пароход медленно начал отчаливать; на пристани замелькали белые платочки, и на мостике выделился из толпы сопровождающих небольшой человек, в виде какого-то подмастерья несчастного, с бородой клинышком, с волосами в скобку, и стал, как вельможа, раскланиваться и посылать улыбки. Вчера вечером мы плывем мимо села Покровского — родины Распутина. Белый, каменный, красивый храм, все село — самое обычное сибирское село видно на пригорочке, благодаря страшному наводнению, как на ладони, и мне показывают дом Распутина. Обычный домик расторговавшегося деревенского кулака, на три окна в одну сторону, — раскрашенный аляповатым образом, с крыльцом-мезанином. При этом поясняют. «Всего два года купил, за две тысячи. Старый дом, где жил еще, стоит посейчас избеночкой. Там кто-то помещается, чуть ли не отец Распутина в старом домишке». «Живет справнеющим образом. Питерцы его сильно поддерживают. Говорят, обзавелся уже домишком и в Петербурге». Кто-то перебивает

¹ Печатается по: Вечернее время. 1914. 19 июня (2 июля). № 793. Четверг. С. 3.

ет: «Что домишком, прямо, говорят, дворец на набережной Невы!» Спрашиваю, что делает Распутин, чем занимается на родине. Отвечают: «Да ничего не делает, только гостей да гостюшек принимает. Народу ездит к нему тьма. Все богатые. Только и видно: то того, то другого встречает и провожает. Да еще утром да вечером прогуливается по селу. Туда пойдет — там у него матушка, в черном, такая прехорошенькая, молоденькая, в другой дом пойдет — там еще краше... Как сыр в масле катается. Прямо угодник. Живым еще попал во святость, так его здесь все и величают.

Расспрашиваю про прошлое Распутина. «Некорыстное, да, что говорить — прямо нехорошее было его прошлое, — был он просто пьянчужкой-мужичонком, и при том такой выдумщик, такой озорник, что общество было ему прямо не радо. Кто валяется на назмье — Гришка Распутин. Кто что напрокудил, — указывают на первого на него. Кто что-нибудь выкинул — Гришка. Так и имени ему не было, кроме как Гришка. Вечно сопливый такой, вечно с своею вонявою трубкою в зубищах, вечно в каких-то опорках. Как вдруг человек перестал наш пить; как вдруг Гришка что-то стал так задумываться. Даже в кабаке стало его не видно! “Где Гришка?”. Сказывают, “образумился, книжки читает”. На, смотрим, в селе стал босиком разгуливать, напялил на себя какой-то не то подрясничек, не то армячишко, и ну по монастырям, и ну по монастырям. Так босиком и ходит! Бегал, бегал он по монастырям, сначала в Верхотурье сходил, — тут недалеко, — потом далее и вдруг объявился “угодником”, — кому-то угодил в самом Петербурге! Ну, с того времени и пошел и пошел. Что ни год — наш “Гришка” в гору, и уж не стали звать его “Гришкою”, а величают “Григорий Ефимович”. Теперь в капитале!». Любопытствую, как относятся к этому его земляки-крестьяне. «Да как относятся. Никак не “относятся”, потому что он их не заденет. Мало ли чем господа не занимаются, до этого нам, крестьянам, какое дело? Морочит Распутин одних господ, кого больше и морочить ему выгоднее, а с крестьянина что он возьмет, еще ему, Распутину, дадут в зубы. У нас насчет чародейства этого ныне строго, но то, что в старое время, когда людей и в деревнях морочили разные ворожеи и чародеи. В селе только посмеиваются, что проделывает с господами Распутин. Со стороны-то видать, а близко-то незаметно. Только и разница в том, что ранее его звали в селе Покровском “Гришкою”, а ныне величают “Григорием Ефимовичем”, потому что кой-кому и перепадает...»

Расспрашиваю относительно «чародейства» Распутина. Как-то теряются; но из толпы один старичок по-своему и с уверенностью это объясняет:

— Тут не иначе, господин, как чародейство, — настоящее чародейство, которого было довольно в нашей местности еще недавно. Глушь! Начальства тебе никакого! Попы тоже бездействовали. Тут у нас хлыстов этих, немоляков, бантистов, сектантов разных — хоть отбавляй и теперь. Бог это знает — откуда они взялись и понаехали, думаем так, что больше из Расеи. Это вы бы послушали, какие разговоры о вере в народе, просто нашему брату православному страшно бывает слушать! И чёрт их разберет — кто у них прав, кто виноват, а по-нашему всех бы их отсюда метлою! Исстари тут это завелось и истари тут это ведется. Да, видно, что этого мало стало людям, — стали чёрту самому продавать люди душу. Продаст человек душу свою чёрту на время и давай “морочить”. Такие штуки, золотой мой, если бы ты только знал, проделывали в старое время эти чародеи, что мерзко видеть! Вот и Гришка, никак мы думаем, душу чёрту продал, потому иначе как бы он — человек крещеный — притом стал заниматься чародейством? Здесь-то он не смеет в народе чародействовать, морочить: ныне не старое время, народ стал бойкий и смывленный, недоверчивый, вот и нашел себе людей подальше. На своем веку я видал, золотой мой, немало этих, вроде Гришки, чародеев. Один был даже тут около самой нашей Тюмени. Такие штуки выкидывал, что общество ему уж не радо стало — с бабами не могут справиться, как к нему полезли! С неделю мучился. Начнет это его вить, скрутит всего не то в веревочку, пена это у него клубом изо рта, визжит и хрюкает по-свиному, а никак не пропадает. Ровно вот совсем уже очурился. Обрадуются все, на лавку его под образа бедного положат, под иконы, — он очнется. И опять это его крутит. И опять это его бесы начинают перед смертью мучить.

Что, золотой мой, было! В гроб его уже уложили, в церковь повезли, а он дорогою, в лесу это, как выскочит из гроба и давай бегать за народом! Просто из ума вывел людей, общество уж само занялось, чтоб его в землю это поскорее хоть силой; но и общество ничего не может сделать — так воюет.

Дошло дело до того, что общество нарочного послало в одну деревню тоже за чародеем “знающим”. Приехал чародей, осмотрел его и потребовал две бутылки с водою. Нашептывал он на них целый день, прыскал из них на чародея довольно, потом приказал вылить на средину нашей реки. Вылили обе бутылки воды в реку, и что же, золотой мой, очудилось? На реке остров образовался на глазах людей, и остров этот только недавно еще смыло водою. Не веришь — спроси всю деревню. Только чародей этот выписной и успокоил общество — уложили в гроб «угодника» и зарыли в землю. Вот тоже и Гришка. Не иначе, мы думаем, чёрту душу продал. Вот погоди, выйдет срок, еще наскачетесь

вы в Петербурге с таким покойничком, как начнет его сатана требовать к себе за все его дела в преисподнюю! Присматриваемся мы к нему, и нам кажется, что срок его уже приходит. — Попивать стал, зимой с девицами его пьяным видели. Это не к добру! Значит, слышит он свою кончину. Дьявол тоже не дает долго “морочить” людей и требует за это человеческую душу. Ну, побаловал там, помутил людей, ведь есть и несчастные, долго ли человека с ума свести, и довольно!

Ой-ой, как надо остерегаться таких людей, а тут к нему лезут. Известно — лезут больше женщин, они на это страсть как любопытны, но лезут и хорошие, как видно, господа. Вот помни мои слова, господин, скоро это все кончится, как сказал я — так и будет».

Он закончил.

Мы давно уже проехали село Покровское, был тихий летний, светлый вечер; северная заря — такая ярко-бирюзовая — встала уже на горизонте, а село Покровское тонуло позади в дымке тумана вечернего, как потонет все на этом свете, даже — самое теперь необъяснимое, таинственное.

Гор[од] Тобольск, 12 июня

В. В. РОЗАНОВ

О «сибирском страннике»¹

После тех размышлений и наблюдений, плодом которых явилась книга «Люди лунного света», — явления как *хлыстовства*, так и *скопчества* становятся совершенно прозрачными, ибо определяется общий их *исток, начало*. Исток этот лежит в отклонении «половой стрелки» («лепота» Селиванова, — страсть, чувственное пожелание) от 1° (самец *в абсолюте*) и от 180° (самка *в абсолюте*), и — в прохождении этой половой стрелки по *промежуточным градусам*; причем чувственное пожелание в одном и в другом поле, ослабляясь, доходит до нуля, и *пропорционально возрастают духовные эмоции, духовные силы, духовные деятельности, духовные напряжения, огни, страсти*. Догмат хлыстов: «не женатый — не женись, а женатый — разженись», попадает точка в точку в природу «лунного света»: «*nolo concubere*», «*nolo nuptias*». Они уже и *женатые* — все равно *супружества не выполняли*, были к нему *апатичны, равнодушны*. Таковы были «духовные»; без плотской связи, браки многих ранних подвижников христианства, — о чем факты приведены в главе 1-й «Людей лунного света»; или, если и начинали супружествовать, то — *вскоре прекращали половую связь*. Ибо в людях «лунного света» на протяжении градусов, не очень удаленных от 1° и от 180° , *физическая способность совокупления сохраняется*, и есть *маленький аппетит ее*, но он вскоре по удовлетворении окончательно угасает. Это и есть та дробь общего количества их, которая неудачно или даже нечаянно, необдуманно «*женилась*»; в крестьянском или духовном быту — «*женились*» (и вышли замуж) по воле родителей или по сословной традиции и закону должности (духовенство). Все таковые лица «*разжениваются*», вступая в хлыстовство: точнее, всем таковым, *навстречу*

¹ Печатается с сокращениями по: Розанов В. В. Возрождающийся Египет // Розанов В. В. Собрание сочинений / Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М.: Республика, 2002. С. 418–438.

их природе, хлыстовство говорит: «Разойдитесь! — все равно ведь у вас ничего нет, или — почти ничего». Но, соответственно закону всеобщего мирового сложения организма, совокупление у них не исчезло, а только скрылось. Наружу — нет его; функционально, анатомически — нет; но оно в одних случаях частично (у неполных хлыстов), а у других вполне перешло в жар и огонь духовных волнений, каковые у образованных выражаются в умственном, поэтическом и общественном творчестве, до «задыхания» и «экстаза» (вдохновение), с «поглощающей страстью»; а у простолюдинов, которым все это закрыто по самой неизвестности, перед которыми не лежит этих рельс сотворяющего духа, — оно выражается в радениях, «пророчестве», в дальновидении, доходящем до ясновидения (Акулина Ивановна Селивановских «Страд», предсказывающая наверняка хлебородный год и уловы рыбы), в расширенном и углубленном чувстве природы, так сказать осязании природы, обонянии ее. Этот дар «предсказывать» и «предвидеть» у простолюдинов — есть у образованных их научный «гений». Все это — тончайшие щупальцы «мозга», «души», «пола», — как хотите назовите, но выросшие от того именно, что совокупление ослаблено или прекратилось, что дети плохо рождаются, или их вовсе не рождается... Все это дары пола, трансформировавшиеся в спиритуализм. «Земной ангел» или «небесный человек» (термин девственников) заговорил, стал думать, догадываться, искать, открывать; это — тот «ангел», первый канон которого и в нормальном уставе (монастырь): «будь один, не женись» (= «не женатый — не женись, а женатый — разженись»), «не имей детей».

Хлыстовство — это вольное, дикое, от создания мира бытийствующее монашество.

Монашество (добровольное и вдохновенное) — это упорядоченное, нормированное, принятое историей и человечеством, одобренное законом, нравами и бытом хлыстовство.

«Братцы» и «сестрицы» — там и здесь; «родители» — оставлены и «детей никогда не будет» — здесь и там. Это не переступимые, до преисподней, овраги, которыми окопано хлыстовство-монашество и отделено от мира; или, вернее, это высеченные в граните берега, в которых течет река «бесплоности» и «лунного света».

* * *

Пункт, на котором мы должны сосредоточить все внимание, заключается в том, что здесь — бесчисленные оттенки, неисчерпаемое богатство степеней и форм; что «хлыст» и «аскет» — это не какой-то

очерченный, *определенный* человек, — *определенного вида* и *определенной жизни*; а что *каждый человек* в сущности принадлежит несколько к хлыстовству, к аскетизму; но если он лишь *в малой дроби* принадлежит к ним, — то и остается нормальным человеком, женится, семьянинствует, рождает детей: но только *чуть-чуть в нем есть «странности»*. Нет «хлыста» как чего-то общего, κοινον: есть «хлысты», *индивидуальности* хлыстовства, так же между собою *разнящиеся*, как разнились бы *те дети*, которые от них могли родиться, но *никогда не рождаются*. Вот эти возможные рождения, которые никогда не рождаются, — мир абсолютно темный и неисследимый, не угадываемый, — образуют подспудною силою своею, подспудным тяготением своим, мир *хлыстовских индивидуальностей*, которые уже тем самым бесконечно варьируют, бесконечно *разнообразны*.

Канон только один, и он действительно *общ*: нет *тупости, вялости, апатии*. Все «в танце», говоря аллегорически; все «в радении», говоря тоже иносказательно; все — в *прыжке, акции, оживлении*, постоянном, неудержимом. Скажем так: все — «*в таланте*» и иногда в «*гении*».

У кого «родилось бы *трое*» — в «*таланте*»; но у кого, как у Иакова, «было бы четыре жены и 12 сынов, не считая дочерей» — тот «в *гении*», и переходит в *историческую значительность*. О Григории VII Гильдебрандте можно бы сказать, что от него «родился бы целый народ»: но он «народа» не родил, зато *преобразовал наново*, дал *новую конструкцию* католичеству. Он был страстный враг брака, и именно с характерною хлыстовскою брезгливостью к нему. «У, как бы не *загадаться*»; «*священники* (католические) не должны им *гадаться*». Он был *меньше Селиванова*, но — уже почти Селиванов. Громада «самосознания о себе» Гильдебрандта вполне объясняет и селивановское чувство «я — Сын Божий, я — Христос, вторично пришедший на землю». Вообще «христы» и «богородицы» хлыстовские выклеваются отсюда сами собою. «Мы все немножко *христы* и *богородицы*, но скромные пока, провинциальные; а *тот* вот (Селиванов или Радаев) — на весь мир *Христос*, и мы ему «поклоняемся».

Но если «нет детей» — то есть *эквивалент* именно «детей»: и отсюда *телесный смысл* всего их «Христовства», постоянное выпячивание именно *тела* своего «Христом» (или «богородицею»), и поклонение «телу» же его, а не спиритуализму, не духу: хотя отчасти — и духу. Но впереди всего — «тело» («*будущие дети*», «*нерожденные дети*»): оно для осязания и обоняния хлыста (рядового) совершенно не таково, как для нас; а — как для матери «тельце» ее первого ребенка, как для отца — его *младенец*, существо явно «священное», по всем наблюдениям. «Христос» хлыстовского ко-

рабля есть как бы «новорожденный» всеми хлыстами; и как мать, играя ребенком в колыбели, захватывает губами его ручку, локоток, берет в рот пальчики ножек, каждый пальчик по очереди: так хлысты «готовы точно укусить» своего Христа, но *сладко* укусить, без боли ему и только в наслаждение себе. Именно потому, что они не рождают и не будут рождать, у них возникает, — *только у них рождается*, — совершенно новое чувство тела, сахарного, золотого, сладкого, почти съедобного. Ну, а как «съесть нельзя» — то они хоть «до земли поклоняются» ему как «иконе» и «образу Божию». «Укусить» нельзя; ну — хоть «поцеловать». О, это уж непременно разразится: с жаром и волнением, с экстазом и сладостью, как мы решительно не умеем предстать себе. Наконец, ведь ребенок именно — половое, это есть *fructus sexuum*: и потому переход поцелуев в ту форму, которая засвидетельствована в греческих таинствах и почти наверное существует у хлыстов (см. последнее письмо ко мне) — возможен, вероятно, очень близок. Наблюдайте внимательнее и осыпание поцелуями матерью своего ребенка, наблюдайте *подробнее*, и вы увидите кой-что из греческих и хлыстовских тайн. Во всяком случае это *не избегаются* и матерью.

«Сладок каждый пальчик» сладостью нам совершенно неведомою: и в некоторых из древнегреческих мистерий совершалось живо-едение, как есть слухи об этом и у наших хлыстов, и это у них бывает или бывало. Собственно логика — *съесть всего своего «христа»*, «причаститься» им до косточек. Но этого — нельзя; а все другое — недостаточно, не насыщает, оставляет алкание и жажду. Отсюда — «еще повторить», «еще увидеть», «прикоснуться», «созерцать».

Песня хлыстов:

Тошным было мне тошнехонько,
Грустным было мне грустнешенько;
Мое сердце растоскуется —

выражает чудно по точности состояние хлыста вне физического прикосновения или хотя бы созерцания, видения «христа» их или их «богородицы». «Белый свет не мил», «не могу теперь», «все *тошно* без него, *в удалении* от него»... «Сами ноги несут», — ничто не удержит:

Мне в гости к Батюшке хочется.
Пойду млада: реки текут быстрые,
Мосты все размостилися,
Перевозчики все отлучилися;

Пришло молодой хоть в брод брести,
 В брод брести — омокнуться.
 Сердечный ключ поднимается...
 Мне к Матушке в гости хочется.
 С любезною повидаться.

Вот! Вот! Вот! В этом — все дело: в духовном томлении, в тоске, пока хлыст (врожденный) не нашел хлыстовства, как учреждения, как «готового», как «корабля» подобных лиц, организаций, душ, в конце концов — «тайн» и «мистерий», первоначально в сущности *индивидуальных* и затем общих, коллективных, «корабельных».

Как и стих Лермонтова:

И долго на свете *томила*сь она (душа)
 Желанием чудным полна

выражает с удивительно общностью и глубиной хлыстовское самоощущение, которое *в уменьшенной степени* есть ведь общечеловеческое самоощущение. Может быть, последняя разгадка хлыстов заключается в этом определении, что они какие-то действительно *последние человеки, краевые человеки*, на «окраине» человечества (*humani generis*) лежащие, около какой-то бездны, с «ничего» под боком, или — «раем» и «адам» под боком; что они *переполнены человечностью* (опять же «нет детей») в степени нам вовсе не известной, — *нам*, которые *в середине*, вне «рая» (размножение); и, просто, этих краевых ощущений мы не знаем и *никогда понять не можем*. Я упомянул о Лермонтове: как томительно и вместе как *лично близко, лично известно* ему чувство трансцендентности! И тоже он пел о «любви» к какому-то «демону», довольно доброму, — довольно похожему на «христов» хлыстов... Пел со *странным очарованием*, особенно в «Сказке для детей»...

Мой юный ум, бывало, возмущал
 Могучий образ. Меж иных видений
 Как царь *немой и гордый он сиял*
 Такой волшебной-сладкой красотой,
 Что было страшно... *И душа тоскою*
 Сжималась — и этот дикий бред
 Преследовал мой разум много лет.

Кроме трансцендентности есть еще чувство катастрофы у Лермонтова, — близкого *конца и беды*, чем вообще полны апокалипсис-

ческие секты, — да ведь полон и Апокалипсис. И вот если мы скажем, что все русские поэты ничего общего с хлыстами не имеют, а Лермонтов один имел кое-что общее с ними, *индивидуально-общее, обособленно-общее*, — то мы поняли бы *осязательно* очень многое в хлыстах и их психике, а также и в нем поняли бы эту бурю и быстроту творчества; и поняли бы то, что он вообще «прожил» свои 27 лет — как «прорадел» их, дурачился, озорничал, все чего-то «искал» и нигде не мог остановиться, «предвидел» смерть свою и самый ее образ (= «Акулина Ивановна» Селиванова) и засыпал мир необъяснимо-происшедшими стихами, вне обстоятельств службы, ученья и окружающего общества... «Откуда-то все родилось»..., как и все «неведомо откуда рождается» — у хлыстов.

«Не понимаю и творю»... как не сумеет сотворить никто из «понимающих, рассчитывающих, намеревающихся»: вот закон поэта, гиеродула, хлыста и Михаила Юрьевича. Разве это не «вскакивание» хлыста:

Бывают тягостные ночи:
 Без сна, горят и плачут очи,
 На сердце — тяжкая тоска;
 Дрожа, холодная рука
 Подушку жаркую объемлет;
 Невольный страх власы подьемлет;
 Болезненный, безумный крик
 Из груди рвется, — и язык
 Лепечет громко без сознанья...

 Тогда пишу. Диктует совесть
 Пером сердитый водит ум.

Великолепно и непостижимо; набор слов, и — огромное всякой поэмы!..

Вглядитесь в матерей с детьми, читайте Лермонтова, — и вы... еще не поймете, но приблизитесь к краешку хлыстовства, вы найдете *одну музыку с ним, один вкус с ним...*

«Зачем миру существовать, зачем жить людям, в грехе, слабости, еще в рождениях, бесконечных рождениях... для голода, для нужды, пустых забот и страданий: собрался бы они лучше все в один мировой *корабль* и, не дожидаясь, пока земля столкнется с планетой или сгорит в солнце, — лучше бы натапцывавшись, налюбовавшись, нацеловавшись, — скушали бы все сладко друг друга, и перешли прямо в Вечную Жизнь, Вечное Сновидение и Видения».

Есть пол *индивидуума*; но он всегда — только *момент*, только *фаза* или *стадия* в судьбе пола, в траектории пола, в его полете «от Адама до меня», т. е. всех моих предков и затем всех моих потомков. «Мой пол» есть какая-то точка в «нашем поле», *родовом* (*saxus generis*): который движется во времени совершенно так, как планета летит около солнца или как кровавый шарик движется в жилах. И можно даже этот *родовой пол*, или, что тоже или очень близко, — *пол человечества*, представить в следующей схеме как бы *мирового яйца*... <...>

Точки здесь выражают совокупления. Они начинаются от крайне напряженных и частей («священная проституция» древних, полигамия Соломона с сотнями «жен» и с «девицами без числа»); затем умеряются: здесь, — полигамия мормонов, в пределах 5–6 жен, и полигамия обычного мусульманина, с 2-я или с 3-я женами; переходят в спокойные (моногамия); и, наконец, почти исчезают. Тут их хватает только на «случайности» упорядоченного холостого быта, а у бедных простолоудинок идет «в продажу», как совершенно ненужная и не интересная себе вещь. Здесь образуется холодная проституция: в которой почти и не рождается детей, не рождается у совершенно здоровых, не рождается в начале проституирования. Ибо самый организм, с «камнем» пола вместо «хлеба» пола, в сущности уже почти гермафродитичен, почти содомичен, хотя его анатомия еще и сохранена; отсюда же часто наблюдается у проституток развитие «дружб» и, наконец, появляется осязательная содомия. *Все это связано с глубоким их равнодушием*, не только обычным, но всеобщим (редчайшие исключения!) к совокуплению, к самцу, к мужчине; ибо они прикрыто сами уже суть полумужчины (ругаются, — грубости их, склонность к пиву и вину, *мужской к этому вкус*). Затем, все это переходит у *мужчин в мягкость*, а у девушек во властительность и некоторую жесткость души, в «крепкое» *быта и фигуры*: совокупление здесь уже *не просто равнодушно, оно — отвратительно*, несносно, «грязно на вид» и «гнусно пахнет». От него бегут «куда глаза глядят» юноши, девушки; бегут в «Союз пифагорейцев», к Платону в тенистые сады *загородной Академии*, в «ученики» к Сократу, в уединенные, пустынные монастыри, в горах (Испания и Италия), среди леса или пустыни, на островах Белого моря или Ладожского озера, «на водопад Иматру» (Влад. Соловьев); бегут, наконец, и к хлыстам в «корабли» их... Вертикальная ось, соединяющая самца и самку, исчезла вовсе и заменилась *горизонтальной*

остью, где никакого полового тяготения нет. Ибо никто более не самец и не самка, а существо *средне-полое*, «solo» в мире, которое в «дополнении» не нуждается, ибо оно *utriusque sexus*, *столько же самец*, как и самка, и самка *столько же* сколько и самец, и живет *собою* или *с собою*. От этого в таких индивидуумах часто развивается «обычный отроческий порок», к которому *вовсе не все люди в одинаковой степени расположены*, а расположены именно пролетающие по этой дуге мирового пола, с ослабленной силою совокупления, ослабленным тяготением к женщине, где она более духовно *мечтается*, нежели ее физически *хочется* или, еще точнее, — *нежели ее нужно...* На этой горизонтальной длинной оси мирового эллипсиса пола — все «братья» и «сестры», с метафизическим, т.е. *вечным и корневым*, исчезновением родителей, полным к ним равнодушием и, наконец, враждою, полным их непониманием. «60-е годы» отрицали «отцов» не по тому одному, что отцы «устарели», а вот по этому чувству могущественной Афродиты Урании, в них бившейся, т.е. по тому же чувству, по которому и *настоящие* аскеты «не хотят принять в келью родную мать», или, как записано в «житиях» о многих *язычницах* в фазе *перелома от язычества к христианству*, — «в юности ушла от отца, отказавшись от жениха». Чудный образ такой девушки нарисован Лермонтовым, этим не опознавшим себя «человеком Божиим», «хлыстом», — поэзия которого вообще есть лучшее введение в хлыстовство; в сущности (в нашей литературе) — единственная понятная и существующая «дверь» к нему, «вход», «пропуск» в тайны его вздохов, слез и «рыданий»:

Это случилось в последние годы могучего Рима.

Царствовал грозный Тиберий и гнал христиан беспощадно.

Но ежедневно, на месте отрубленных ветвей, у древа

Церкви Христовой юные вновь зеленели побег.

В тайной пещере под Тибром ревушим, скрывался в то время

Праведный *старец*, в посте и молитве свой век доживая;

Бог его в людях своей благодатью прославил.

Чудный он дар получил: исцелять от недугов телесных

И от страданий душевных. Рано утром, однажды,

Горько рыдая, приходит к нему старуха простого

Звания; с нею и муж ее, грусти безмолвной исполнен.

Просит она воскресить ее дочь, внезапно во цвете

Девственной жизни умершую... «Вот уж два дня и две ночи, —

Так она говорила, — мы наших богов неотступно

Молим во храмах и жжем ароматы на мраморе холодном,

Золото сыплем жрецам их и плачем... но все бесполезно!

Если б знал ты Виргинию нашу, то жалость стеснила б
 Сердце твое, равнодушное к прелестям мира: как часто
 Дряхлые старцы, — любуясь на белые плечи, волнистые кудри,
 На темные очи ее — молодели; юноши страстным
 Взором ее провожали, когда, напевая простую
 Песню, амфору держа над головой, осторожно тропинкой
 К Тибру спускалась она за водою иль в пляске;
 Пред домашним порогом, подруг побеждала искусством,
 Звонким ребяческим смехом родительский слух утешая...»

О, сколько историй таких: изящество, *удвоенная жизненность*, красота... Всегда при этом *фигура крупная* (приближение к мужской), *никогда* — миньятюрная, *волосы растут роскошно*, груди умеренно большие и чудного овала, все тело *глубоко пропорционально*, ни одной выемки, ни одной ямочки (два пола, чрезмерность пола). Но, слушайте:

*Только последнее время приметно она изменилась;
 Игры наскучили ей и взор отуманился думой.
 Из дома стала она уходить до зари, возвращаясь
 Вечером темным, и ночи без сна проводила. При свете
 Поздней лампы я видела раз, как она, на коленях,
 Тихо, усердно и долго молилась... кому?.. неизвестно...
 Созвали мы стариков и родных для совета; решили...*

Вы знаете ли, как кончается это только начатое Лермонтовым стихотворение? Несчастные родители, убийцы и не убийцы дочери, пришли просить о помощи *того самого старца, к которому в пещеру она и начала уходить тайно* и который и был ее убийцею, а впрочем — и не-убийцею. «Соседи и родные», к которым они обратились за помощью и советом, посоветовали старикам «затворить» свою дочь, запереть ее. И тогда она — умерла.

Тошным было мне тошнехонько / Грустным было мне грустнешенько...
 Множество таких историй, коротких и вместе бесконечных...

* * *

Мне нужно было посетить одного священника, — совершить почти сухой «визит», а во всяком случае короткий, чтобы сказать благодарность за доброе дело около больного, которое он сделал. И он и его «ма-тушка» были молоды, одиноки, умеренно интеллигентны. Начитаны, —

он «даже во Владимире Соловьеве», она — в медицине и акушерстве. Все это было свежо и не свежо в их памяти; скорей — задернуто легкой кисейной занавесочкой. Они как будто «куда-то ушли от этого». В первое посещение, когда мне нужно было во что бы то ни было выпросить помощь для больного, и указана была мне семья этого священника, я не застал его дома. — «Может быть, матушка дома?» — спросил я. — «Матушка дома. Обождите». И через минуты три в дверях показалась лет 26-ти женщина с сухим, отчужденным, «ни до кого дела нет» лицом, которой я быстро заговорил о своей нужде и сел на диван, сказав, что «не уйду, пока не получу». В нужде бываешь груб и прям.

— Нет. Некого послать. Некого дать... Вам *нужно*: но *что же делать*, если — нет... кроме сестры мужа, которая держит экзамены...

Она говорила точно *не мне*, а куда-то «в пространство», сухо и высокомерно. И когда я снова точно закричал: — «Отыщите», — то... не вследствие этого выкрика, а скорее от того, что прошло уже минуты три и она как бы очнулась от чего-то... только я вдруг увидел, что прежняя женщина точно куда-то «пропала», как бы ушла в землю, а предо мною стояло совершенно другое существо, с первым не имевшее ничего общего.

Все лицо ее выразило такую нежность и человечность, такую интимность с вами, как бы вы ее всегда знали, как бы вы с нею *всю жизнь* вели дела, и она *от вас* уже получила много даров, много добрых дел, а во всяком случае — *сама* как бы пресыщена дарами, и физическими, и духовными, и готова все это высыпать на вас, на голову вам, на грудь, в подол рубахи, в карманы, куда угодно.

— Я — *ничего* не имею.

— Я — *богата*.

— Я — *никто* вам.

— Я — *все* для вас.

Вот перемена. Куда *то* девалось? Откуда *это* взялось? Она не была дурна и *тогда*, только очень бледна и бела; но *теперь* даже физически она была вся — грация, прелесть, порыв «без углов», скорее — полет какой-то, все лицо было полно улыбкой. Я кричал: «Скорей! Скорей!» Она торопилась. И минут через 10 мы уже сидели с «помощью» в пролетке. И я сказал, обращаясь к «помощнице»:

— Какая она *милая!*

— О, *вы* очень ей понравились. Я сама поражена: она совершенно *суха* и *мертва* со всеми приходящими. Да и мы, что около нее живем, не видим ничего, кроме угрюмости: редко-редко она выговорит слово, и в слове всегда этот тон: — «*Вы не нужны мне*»... Тяжело. Но *вы* или *понравились*, или пришли в *удачную минуту*. Счастье.

«Помощница» была курсистка, «наш брат», — девушка рациональная, простая, ясная.

И вот теперь мы приехали вторично «благодарить»... Нас, приехавших, было трое. Незначащие разговоры, небольшое угощение; уходили, входили. Я осматривал квартиру, всегда интересуясь «жилем человека»: ибо «по человеку» — жилье, и «по жилью» — человек. Все хорошо, обыкновенно, церковно, но не преувеличенно церковно. Скучновато. Взяв со стола карточку, я удивился:

— Вот идиллия!

Внизу, на низкой табуреточке, «в ногах», сидел батюшка, молоденький и безбородый еще; а на диване сидел с бородой господин, положив руку «в полюбнimanье» на совершенно тоже молоденькую матушку, а другою рукою он держал руку другой молодой женщины, которая его полюбняла.

— Сестра и брат ваши?

— Нет, так!

— Как «так»?

— Ну же, — «так»: мы все очень дружны. Это — «подруга» матушки, сверстница по годам и одно лето жила у нас, гостила. А это...

Назвал имя и отчество, ничего не говорившее мне.

Я сказал:

— Точно «в раю»...

— Да и есть «в раю», ответил улыбнувшись священник.

Поехали. Дома. Близкий друг и говорит мне:

— Ты заметил, что Лизы не было в комнате? Удивительную сцену я видела. Не могу понять.

Я, осматривая квартиру, ничего не заметил в людях. Пил чай, ел орехи, балагурил. «Лиза» — близкий нам человек, девушка лет 23-х.

— «Я устала за чаем, да и ты прошумел уши болтовней. И попросила священника отвести меня в комнату, где я могла бы прилечь и отдохнуть полчаса. Он повел в боковушку: каково же было мое удивление, когда я увидела на кушетке Лизу и матушку: они держали за руку друг друга, и обе плакали. Лиза не просто плакала, а в слезах было что-то неудержимое. Они текли ручьем, — лицо было все мокрое... Но — не горькое и не расстроенное...

Когда я узнала, что ничего пугающего не произошло, то села возле них. Они все также продолжали сидеть, держа за руки друг друга, а матушка тихо говорила: — «Нужно быть ближе к Богу! Нужно быть ближе к Богу! Мы о Нем совсем забыли, и — все забыли. И от этого, от одного этого, что мы забыли Бога, у нас тяжело на душе. У нас и у злых людей тяжело. Везде мрак и везде тоска. И от того одного,

что *нигде* Бога нет!» — «*Нигде* Бога нет!» — вторила Лиза. И при шепоте слезы начинали еще сильнее литься. Вся комната, такая тесная и душная, была чем-то точно наполнена: слезами ли, напряжением ли». Помолчав: — «Ты знаешь, я впечатлительна: но мне показалось, что Христос *вот где-то тут*, близко, *возле нас*».

«Потом вышли, и — ничего».

* * *

Еще раза два я видел священника. Он мне показался ограниченным и не интересным. Может быть, оттого, что я тоже, очевидно, показался ему не интересным. Всегда это взаимно. Искал тем для разговора, и они не находились. Только две ниточки проскользнули, ниточки-мысли, которые я не мог не запомнить, потому что они были мне новы:

— Вы никогда, В. В., не встречались *со странниками*?

— С какими «странниками»?

— Так... Русские странники... Странствуют из места в место, ходят по монастырям... Уходят в Святую Землю...

— И видал. И слышал. Т. е. видал, как они *народу что-то рассказывают*: но сам в разговор с ними не вступал и вообще личного отношения не имел.

Он не продолжал. Разговор оборвался.

Вопрос мне показался странным в том отношении, что он был *белорус* родом, чуть ли не из униатских священников; во всяком случае, *родители* его были униаты. Как «белорусу», так и «униату» — что до такого специального явления, как русский «странник»?! В другой раз он сказал рассеянно:

— *Недостаток* в Церкви собственно *один*, но такой, что пока он есть — ничего в ней нельзя начать и никогда ничего не выйдет. Митрополит здешний очень старается, чтобы духовенство было ближе друг к другу, но ничего у него не выходит, и он не знает, как это сделать. Недостаток, — что *каждый* из нас *есть особое лицо*... Да и паства, прихожане, люди: все — *особые*, каждый — *особо*; слитности нет, *единства нет*.

Он помолчал.

— А когда люди не слиты, все порознь, то какая же это «Церковь»? И Церкви нет, потому что нет любви.

Читатель заметит то, что мне тогда в голову не приходило: что слова эти заворачивают к «кораблю», к той общине «братьев и сестер», которую я видел и в которой все действительно были «слиты». Но наметь,

священник ничего о «кораблях» не думал: он сказал *свою* мысль, *свое* недоумение. И тут замечательно, что его *упорная* мысль: «*вот где* провал сущего, наличного», — совпадал с тем, что «нашли» для себя именуемые «хлысты». Он же сказал мне это как бы в ответ и возражение тому, что говорилось на Петербургских религиозно-философских собраниях, которые он не всегда, но посещал.

* * *

С тех пор «наши» стали посещать священника; я бывал там месяца в два — раз. «Наши» же бывали на неделе два раза. Я и «хотел бы обратить внимание» на священника, о котором начали мне говорить, что он «замечательного христианского настроения», — но мне было некогда. Оказывается, взрослого члена семьи все тянула туда молоденькая девушка, которая сидела тогда с матушкой и плакала. Уже после 3-го или 4-го посещения она с неописуемым восторгом сказала мне:

— Вы знаете, матушка и батюшка не *живут* друг с другом. Они только кажутся мужем и женою. Может быть, и жили в начале... *Теперь*, во всяком случае, не живут.

Подняв лицо, я ярко подтвердил это:

— Я тоже это чувствую.

В выражении лица, в свете внутреннем глазного яблока, в фигуре и взаимном обращении мужчины и женщины, — всегда есть *следок* какой-то, по коему мы безошибочно, твердо угадываем, *есть* или *нет* между ними половое общение. *Есть*, — и все, от лица до манер как бы обрито каким-то (не в дурном смысле) сальцом, влагою, потом ли, запахом ли. Совокупляющиеся — все пахучи (не физиологически, а идейно, аллегорически, символически). Если же *нет*, — то прекрасное лицо аскета сухо, без влаги, без запаха. Ботанически это очень объяснимо: здесь, с одной стороны, мы встречаем маленькие цветочки, страшно пахучие (резеда, мускус) и, с другой стороны, — огромные пресные цветы, издали видные — махровые, без пестиков и без тычинок, без плодника и без пыльцы. «Монашество» есть уже в ботанике, не думайте; оттуда-то такая крепость и сила его в человечестве.

Священник был мне не интересен, но пропорционально была мила матушка. Именно — мила, приятна. «Братом» ее и я бы пробыл всю жизнь; с тем вместе она не внушала ни единого «косвенного помысла». Просто она была прекрасный человек. Особенно меня привлекала к ней простота. Однажды я был у них в церкви; народу тьма, теснота. И когда

кончилась служба, то мы вышли (протискались) с нею вместе на тротуар. Сделав сажень шесть по тротуару, она сняла (очевидно, неприятную ей) шляпку и, вынув из кармана шапочку, — как мальчишки бедные носят, из Манчестера, — надела ее. И милая, и ребенок вся, в бедном черном пальто, пошла в этой едва переносимой шапочке. И улыбается: весело, что бедна и невзрачна.

Ну, хорошо. Но мне дела нет. Только однажды «наши» приезжают оттуда и заливаются смехом. Спрашиваю, «что?» — не отвечают. Наконец, рассказали:

— Приходим, чтобы у батюшки с матушкой напиться чаю после всенощной. Но поспешили рано; всенощная еще не кончилась и далеко не кончилась. Входим, стучим (в наружную дверь), — не отпирают. Еще стучим — не отпирают. Опять стучим — не отпирают. Звонили — нет. Сели на ступени...

И это — картина: сели на ступени, как пилигримы перед Сионом или как «неразумные девы» известной притчи. Тут замечательна уже создавшаяся тяга — «пойти туда»; тоска — если «не пойти»...

Просидели минут двадцать, как изнутри послышались звуки отпираемой двери; и когда они вошли в прихожую, то увидели какую-то изящную даму, накидывающую на себя дорожную ротонду, и еще «так себе замухрышку», одевающего кафтан, и, наконец, хозяйку дома, «матушку», которая с гостями прощалась. Все произошло быстро, ничего нельзя было рассмотреть. «Наши» вошли, и началось обыкновенное... Разговоры, потом вернулся от службы батюшка. Чай. И — «домой».

Тяга усилилась...

«Старшая» из посетительниц, которой говорили, что она здесь, в повышенной церковной атмосфере, найдет «покой душе своей», «здоровье» на усталые нервы, — 2–3 дня поразмышляв о том, должна ли она «успокаивать свои нервы» или продолжать и далее и еще глубже «трепать их» — с детьми, в уходе за ними и досмотрев за ними, — решила «отставать» и «прекращать» посещения, потому что раз *есть* дети и это уже *факт*, то рассуждать нечего и долг ей указывает, *где* быть, хотя бы и с «измочаленными нервами». Младшая же посетительница, без детей и свободная, стала больше и больше вовлекаться в посещения, и уже ходила одна — или «к церковной службе», но непременно — *туда*» или с кем-нибудь из детей, с одним, с двумя. К церковной службе, и «так» вообще, к чаю...

Я с корректурами, писанием статей и заработком «хлебов» не имел возможности пристально на этом сосредоточиться. Но «косым глазом» замечал...

Это почти нельзя передать словами, нужно было видеть воочию.

В «обычный день недели» сидят у нас в столовой гости 2–3, да «мы» (семья): и часу в 10-м, в 11-м входит «младшая посетительница» дома батюшки... вся «не своя»... куда-то «отсутствующая»... как «покойница заранее» или как сомнамбула, идущая по крыше чужого дома... с этим — «не нужны вы все мне»... мне — «нужно *одно*». Привстанут, поздороваются, и она поздоровается, сделав усилие «к привету». И осторожно, с «не нужно» обойдя всех и чуть-чуть задержавшись, проходит к себе...

Так тянулась зима. Раза три зашел и батюшка... Как теперь догадываюсь — «с торжеством победителя»: ибо речей с ним никаких не выходило. Так как батюшка — «уважаемая особа», то я выходил проводить его до порога: и только потом сообразил (через год), что для этой-то минуты прощания он и приходил, потому что в столовой никакого «содержания для прихода» («зачем пришел») — не было.

Тут же происходила целая церемония: он вытаскивал отвратительную, как лягушка, пятерню свою и складывал пальцы для благословения... Сам он, при небольшом росте и широкопалый, с тихим лицом, медлительный в движениях, — вообще (для меня) выражал тип лягушки, как бы поднявшей на вас голову (маленький рост) и гипнотизирующей вас своими стеклянными глазами. Не хотелось обратить внимания. Такой человек, которого «почему-то не слушается» и на которого «почему-то не смотрится». Но на что я не мог не смотреть глубоко изумленный, — это на то, что следовало за неопределенным движением пятерни: низко и низко склонив высокий и прекрасный корпус, «царевна-девица» подставляла обе ладони, скрестив их как для приятия св. просфоры («артос», — раздают за ранней обедней): сейчас же он клал маленький католический крестик (он был, по роду, из *униатов*, и в нем были веяния католичества) над ладонями, и лягушачьей пятерни касались губы покоренной «царевны» с таким проникновенным благоговением, как этого в быту не увидишь, а в истории прочтешь — и не поймешь. Но у меня — корректуры, и я только косым глазом вижу; и лишь через год, припоминая, стал соображать... Батюшка находился в тайном идейном соперничестве со мною, — и как ученик Влад. Соловьева, и как «иерей», — а в то время (Религ. фил. собрания) я довольно соперничал с ними. Он приходил, чтобы сказать и показать:

— Смотри, как ты раздавлен, ты и весь дом твой — все вы *тут сидящие*, со своими «Религ. филос. собраниями». Вот у вас была даровитая овца, — кровь ваша, плоть ваша. Но сказал Христос: «Не от плоти и не от крови рождается человек, а от *духа*». Где же *сила* вашей крови, вашего родства, вашего воспитания или отсутствия воспитания: вот пришел Я, носитель духа и духовного нового рождения, и родил

духовно в сию овцу новую веру, новую религию, — родил в нее новую душу: и теперь она совсем — *не ваша*, а только — *моя*. И вот знак: что она согнула спину, а я поставил сапог свой на спину ее, на голову ее, на душу ее, семинарский сапог в 5 р. 50 к., и ей так сладко, что я держу этот сапог на голове ее, как не сладки все ваши речи, друзья и вы сами. И она до тех пор только и счастлива, радуется, живет и дышит, пока [на] прелестных белых волосах (пышные, почти белые) ощущает мой не первой свежести сапог на своих волосах...

«Ну, что делать»... (бессилие), да и «корректуры» (некогда).

Уезжаем далеко на лето... Прежде шумная, деятельная, гордая с переходом в самолюбие, — взяла себе самую маленькую, неудобную комнатку, — поселясь в ней с девочкою-подростком. И, отстраняясь от завязывания каких-либо знакомств вокруг, вся как бы ушла в себя, не обращая ни на кого внимания...

Думы девичьи заветные, —
Кто их может разгадать.

Только мне говорят «домашние», что не в «думах» дело, а в молитве: как все успокоится в доме, все заснет в доме, она *одна* или *с подростком*, а то подросток *один*, но уже, очевидно, по ее инициативе, становятся на колени и молятся

...кому, неизвестно —

как дивно выразился Лермонтов. В самом деле, если бы были «молитвы вообще», «молитвенность вообще», ну — «наша православная» молитвенность: то отчего бы не ходить в *народные* церкви, в наши *широкие раскрытые* церкви, «с таким дьяконом» и все прочее. Явно, — выразилась и выделилась «тяга в сторону» без сомнения при словах и именах обыкновенных наших, обыкновенных православных. «Христос», «церковь», «Бог»: но все *почему-то* тянет куда-то, в какую-то узкую могущественную трубу, как бывает при топке печи. И вот «мы», «православие» — *здешнее* устье печки, такое широкое и ладное, всеми видимое и почитаемое; а там, сзади, — вовсе не видимая, вовсе темная труба, другое отверстие: тонкая труба прямо вверх, которая в сущности и «производит огонь», «совершает топку», ибо без нее печь не горела бы, не пылала бы, ничего бы не было, ибо — нет «тяги».

Но я не мог не умилиться.

Что может быть прекраснее и идеальнее образа, судьбы, как обращение и превращение умной, но эгоистической девушки в чудную

молитвенницу, в «заботницу» по дому, около детей, — которая не только сама религиозна, но и детей «приводит к Богу». Признаюсь, эти уединенные молитвы я даже связывал с полом. Думал, просто пришел «возраст», — и из рассеянной девушки стало вырастать что-то более содержательное и прекрасное.

«Все хорошо».

На этом мы и остановились, не углубляясь в дальнейшее.

«Тяга», однако, развивалась все далее и превратилась в потребность быть «непрерывно в том обществе». Окончилось переездом Лизы в «тот район» города, где была «бабушкина церковь». Оказывается, в «районе этом» было еще несколько прозелитов, самых разнообразных слоев общества, которые все в сущности составляли «одно братство» или, вернее, «одно посестрие», так как, кроме священника да «уважаемого странника», из Сибири родом, и еще одного почтенного архимандрита, — крайне аскетического образа жизни, ученого, с литературными трудами, — других мужчин в этом «кружке» не было. Я называл — «кружок»: но у меня неудержимо стучало в голову — «корабль». Были все явные признаки «хлыстовского корабля», без его имени. «Корабль» этот неудержимо узнавался по присутствию особливой в нем «тяги», — именно какой-то «духовной трубы», которая вовлекала отдельные души, явно уже *врожденно-предрасположенные*, в свой могучий вихрь, сущность которого оставалась непонятною и которому явно не было сил противиться. Формально, — ничего особенного. Усиленно молятся: но кому же это «запрещено»? и *как* вообще это порицать? Но в сердцеvine, в «нерассказанной сказке», вовсе не это: члены «кружка» или «корабля» повернулись спиной ко всему миру, — и хуже, чем его «отрицают»: они его вовсе не чувствуют, не ощущают, не видят, не знают. А «знают» только друг друга, и вот «друг к другу» они уже повернуты лицом, горячи, интимны, «не надыхаются друг другом». Когда я узнал о принадлежности сюда ученого архимандрита, — я как получил удар в голову. «*Это ли не православный?*» — «*столп православия!*» Решительно *ничего* формально-укоризненного не было, да и *быть не могло* уже потому, что архимандрит занимал высокопедагогическую должность, был «наставник и руководитель юношества в вере и благочестии», «в догмате и святине»... «*Какие тут ереси*, когда он все догматы знает, и ни от одного, конечно, не отступал!»

...Все так и *было!* — явно!!

...Но была еще труба, «тяга».

К *кому?* Что такое?

Решась выяснить себе это, я, помолясь дома Богу (об успехе), пошел к той «красивой даме», накидывавшей на себя ротонду, когда

наших пилигримов странным образом не пустили в дом бабушки. «Она все знает», «она — там». «Пусть мне ответит», — думал я, на вопрос: «Отчего они не идут в открытые наши церкви, в народные церкви, в российские церкви, а только ютятся около себя, друг возле друга, в каком-то, очевидно, замкнутом кругу?» У меня была и резче формула: «Извините, — хотел я сказать ей, — в Российском государстве лечатся только медикаментами, рассмотренными в медицинском департаменте, и запрещена торговля непроверенными средствами, — не проверенными ни наукою, ни властью, — и которые если даже и целебны, то запрещены к продаже оттого, что могут быть также и не целебны, а — вредны»... «Объявите, — и я преклонюсь», а «пока не объявлено, — вы что-то делаете преступное»...

Вошел. Вышла. И пригласила «тут же, поближе», в кабинет мужа, техника и естественника. Села, и я изложил все, что хотел.

— ...Не «проверено наукою», — вы говорите? Но наука вовсе не обвиняет всего, и авторитет ее ограничивается ее прямыми предметами. Разве «окончено» там, где наука «кончена»? Я так не думаю, и даже совершенно верю и знаю, что наука не поднимается выше своего приблизительно среднего положения в космосе, коего стоит выше религия...

Это было слишком убедительно. Я молчал...

— «Средства науки», — вы говорите?.. Вы видите меня здоровой, — надеюсь, так?.. Что же вы скажете, если я вам скажу, что я в течение нескольких лет лежала прикованною к кровати и ваши «медики», — и между ними профессора и светила, — ничего не могли сделать мне, ничем меня не исцелили. Исцелила — молитва, вера. Я здорова. Неужели же вы думаете, что я брошу факт своей жизни, который для вас есть «мимо-идуший» факт, а для меня есть сердцевина моей жизни, корень моего оживленья, — ради каких-то, как вы говорите «ученых книг»?! — которые «учены» и не «опровергаемы» только до тех пор, пока следующий ученый опровергнет их и покажет глупыми!.. Потому что вы знаете, что «переломы» в науке бывали и наука вообще «спорит»...

Я это знал.

— А мое здоровье — неоспоримо; это — *внутренний факт*, коего я знаю сущность. Я была мученица и урод, я с ума сходила от невыносимых головных болей. Я не в силах была связать двух мыслей. Теперь я говорю с вами. Тружусь... Живу...

Я окинул ее...

Никогда не видал такой прелестной женщины. Прелестное ее было в грации, в изяществе. Она вся очаровывала личностью, и очарование это лилось от ее искренности, теплоты, ясности ума. В ней не было

совершенно «шаблона», и она вся была только «своя» и шла «своим путем»...

Одега — изящно. Они были богаты.

Выходя, я столкнулся уже в прихожей со священником. Он смотрел на меня снизу своей широкой головой и был такая же лягушка, как всегда. Она была какой-то улетающей в небо птицей. — «Какая связь?! что общего?!»

Позднее я узнал, что «тяга» исходила из Сибирского Странника, которого, собственно, и имел в виду полууниатский священник, заговаривавший со мною о «странниках». Он интересовался не «явлением странничества», как фактом этнографическим или религиозным, как «фактом русским» и «православным», — до коего ему и дела не было: а спросил, «не видали ли вы странников?» — в сомнамбулическом полете своей души «вслед странника», его лично и его *одного*, который и его, и многих еще таких же увлекал за собою...

Чем?

Тайна...

Однажды только, рано зашедши к священнику деловым образом, в будень, я встретил у него за сухим чаем («без всего») не то мещанина, не то крестьянина... Пока я болтал с священником и матушкой, он выпил свою «пару чая», ничего не говоря, положил стакан боком на блюдечко («благодарю», «больше не хочу») и, попрощавшись, вышел. Это и был «Странник», — мужичонко, серее которого я не встречал.

От него «тяга»?!!

Влиявшая на непоколебимого и ученого архимандрита?!..

На эту изящную, светившуюся талантом женщину?!..

Какое-то «светопредставление»... Что-то, чего нельзя вообразить, допустить...

И что — *есть!!* Воочию!!

Совсем позднее мне пришлось выслушать два рассказа «третьих лиц», и не увлеченных, и не вовлеченных:

— Разговор, — о каком-то вопросе церкви, о каком-то моменте в жизни текущей церкви, — был в квартире о. архимандрита: и мы все, я и другие присутствующие, были удивлены, что о. архимандрит, всегда такой определенный и резкий в суждениях, был на этот раз как будто чем-то связан... Разговор продолжался: как вдруг занавеска отодвинулась, и из-за нее вышел этот Странник, резко перебивая всех нас:

— Пустое вы говорите, пустое и не то...

И дальше — какое-то «свое решение», нам не показавшееся ни замечательным, ни убедительным. Нужно было видеть, что произошло

с о. архимандритом: с момента, как вошел «Странник», очевидно слушавший все из-за занавески, его — *не было*. «Нет о. архимандрита». Он весь поблек, принизился и исчез. Вошел в комнату дух, «духовная особа» такой значительности, около которой резкий и властительный о. архимандрит исчез и отказывался иметь какие-нибудь «свои мысли», «свои мнения», быть «своим лицом», — и мог только повторять то, что «Он сказал»...

Вспомнишь пифагорейское «Αυτοῦ εἶπεν», «Сам изрек», «Учитель сказал». ...Но и без шуток и «примеров», — тут было что-то параллельное, одинаковое в силе; было что-то, *проливающее свет на само пифагорейство*... Была страшная личная скованность, личная зависимость одного человека от другого...

И в этой-то неисповедимой зависимости — все дело...

Другой рассказ — члена редакции одной распространенной газеты. Хозяин газеты, старик, с большим значением для всего Петербурга, захотел увидеть этого «Странника», о котором и «чудных делах его в Петербурге» — стали везде поговаривать. Он пришел, в своем армяке и «простонародьи», и резиновых калошах, в редакцию, — «и с ним эта дама». По имени я узнал, что это и была та, которую я посетил. Когда окончилась «аудиенция», он сошел из второго этажа в швейцарскую и, называя только по имени (без отчества), сказал этой даме: «Посмотри, где мои калоши». Та заторопилась и, расшвыривая чужие калоши, отыскала «батюшкины» и из своих рук подала ему. «Батюшка» равнодушно надел и пошел. Она за ним побежала, как бы ничего не зная и не видя из окружающего.

«Не вижу, не знаю — *никого*»...

Как у архимандрита: «Что же я? — Вот *он* сказал»...

«Дивны дела твои, Господи!» — Волшебство, магия, на улицах Петербурга! — и в каком веке происходящие.

«Союз пифагорейцев в Петербурге?» — Возможно, *есть*.

Мне как-то случилось обмолвиться в присутствии священника, что ведь «личность этого Странника с нравственной стороны ничем не удостоверена, потому что зачем же он все *целует и обнимает* женщин и девушек? Тогда как личность вот *такого-то* человека (я назвал свою жену) совершенно достоверна и на ее нравственное суждение *можно положиться*»... Нужно было видеть, какое это *впечатление* произвело. Священник совершенно забылся и ответил резко, что хотя «странник и *целует женщин* (всех, кто ему нравится), но поцелуи эти до того целомудренны и чисты... как этого... как этого... нет у жены вашей, не встречается у человека»...

Разве что...

Был «столбняк». Столбняк мысли, воображения, чувства. Прежде всего «столбняк» *какого-то очарования*, которое по его полной необъяснимости и какому-то всемогуществу нельзя не назвать магическим...

Я видел сущность дела: священник *ревновал* к славе странника. Малейшее *сомнение* в «полной чести» приводило его в ярость, в которой он забывался и начинал говорить грубости. «Да что такое?» — «Почему о *всех* можно сомневаться, а об *этом*, а об *нем* — нельзя?»

«Очаровательный Бейлис» и еще более — «Великий Шнеерсон»... У евреев, в их *течении хасидизма* (нет «секты хасидов», а есть глубоко спиритуалистическое и мистическое *течение хасидизма* в еврействе) есть «цадики». «Цадик» есть святой человек, творящий «чудеса». Когда «цадик» кушает, например рыбу в масле, то случится — на обширной бороде в волосах запутается крошка или кусочек масляной рыбы. Пренебрегая есть его, он берет своими пальцами (своими пальцами!!) этот кусочек или крошку масляной рыбы и передает какой-нибудь «благочестивой Ревекке», стоящей за спиной его или где-нибудь сбоку... И та с неизъяснимой благодарностью и великим благоговением берет из его «пальчиков» крошку и проглатывает сама...

«Потому что из *Его* пальцев и с *Его* бороды»... и крошка уже «*свята*».

Мы, собственно, имеем возникновение момента *святости*. Но этого мало, — начало момента, с которого *начинается религия*. «Религия — *святое место*», «*святая область*», «*святые слова*», «*святые жесты*»... «Религия» — святой «*круг*», круг «*святых вещей*». До «святого» — нет религии, а есть только ее имя. *Суть* «религии», таинственное «электричество», из коего она рождается и которое она манифестирует собою, и есть именно «*святое*»; и в «хасидах», «цадиках», в «Шнеерсоне» и «Пифагоре», и вот в этом «петербургском чудодее», мы, собственно, имеем «на ладонь положенное» начало религии и всех религий...

Которое никак не можем *рассмотреть*.

«Ум мутится», «ум бессилен»... «Ничего не понимаем»...

Суть «тяги» *подобна*, однако, *любви*. Я и говорил об «очаровании», которое явно чувствуется во всех «втянутых» и которому *остаются чужды все не втянутые*. Это не «любовь», но где-то в «*параллелях*» с *любовью*. Кто постиг любовь? Она ведь также не разгадываема. «Он» или «она» для всех — *ничего*. «Нимало не герой» и не «святой»: но для того, «*кто любит*», вот для *него* любимое лицо — вполне свято, не упрекаемо, не подозреваемо, и притом «несмотря на все *доказательства* противного». Любовь есть «*полная вера*» любящего в любимое. Но в «любви» этому особенному «изводу религии» мы имеем именно только параллель, а — *не тожество* и *не един-*

ство. В «изводе религии» содержится какое-то *высшее очарование*, полное идеальных и идеалистических моментов. «Он научил меня молиться», «он меня исцелил»... «Он спас мою душу от пустоты, от суеты»... «Он вывел меня из греха»... Вот отчего Ревекка ест кусок с бороды цадика... Тут «кусок» не сам-по-себе. Тут — «цадик», «свет из него»: «по его молитве я стала угодна Богу и он снял с меня поношение Израиля — *бесплодие*» (забеременела, стала иметь детей)... Для нас же, христиан, он «открыл свет правды», свет «нравственного миропорядка», научил «долгу и добродетели». «Цадик-Пифагор» открыл «гармонию чисел и музыки сфер небесных»... *Каждому* народу его «цадик» приносит лучшее и высшее, что он *угадывал* сердцем своим в веках... в целых веках. Например, русским показал великий образ *смирения*. Может быть высшая красота смирения? — Может быть!.. «Святым» у китайцев будет особенно трудолюбивый человек, великий садовод и цветочник. В знойной Индии — сон, дрёма (Будда, буддизм). Грекам Пифагор дал «мудрость», евреям устраивает общее «плодородие». У нас?..

Русские пути очень разны и отчасти еще не определились по молодости сложения нации. Но *смирение*, кажется, входит в состав нашей неперменной святости.

У евреев «святейший» Авраам имел жен и наложниц; и у «плодотитого» народа это не было вменено ему ни в какой грех.

«Грех», — если бы он «уклонил сердце от Бога своего»; но он — не уклонил. Авраам не уклонил, Иаков не уклонил. А Иаков жил одновременно с двумя сестрами-женами и пользовался двумя их служанками. «Невообразимо» для русского.

.....

Странник, о коем я упомянул, утонул в море анекдотов о нем, которых чем более — тем гуще они заволакивают от нас существо дела. «Все русские — рассказчики, а не мыслители». Между тем здесь великая тема для мысли и для любопытства. Мы, конечно, имеем перед собою «что-то», чего совершенно не понимаем и что натурально — *есть*, реально — *есть*; что *присутствует* в этом страннике. «Анекдоты», каждый порознь — не объяснимы. Анекдот *сам-из-себя* — не объясняется. Значит, он объясняется из чего-то *третьего*, позади его и au fond существующего. В этом-то и заключается *главное*, — и чем выше гора анекдотов, тем все они становятся необъяснимее, и тем это *главное* вырастает в силе и значительности. «Значит, *есть* что-то невероятно *огромное*, если на плечах своих выдерживает такую массу анекдотического, наружно смешного материала, и нимало не гибнет под ним».

Одно, что можно *объективно* заметить в Сибирском Страннике, заметить «научно» и не проникая в корни дела, — это что он поворачивает все «благочестие Руси», искони, но *безотчетно* и *недоказуемо* державшееся на корне аскетизма, «воздержания», «не касания к женщине» и вообще *разобщения полов*, — к типу или, вернее, к музыке азиатской религиозной лирики и азиатской мудрости (Авраам, Исаак, Давид и его «псалмы», Соломон и «песнь песней», Магомет), — не только не разобщающей полы, но в высшей степени их соединяющей. Все «анекдоты», сыплющиеся на голову Странника, до тех пор основательны, пока мы принимаем за что-то окончательное и универсальное «свою русскую точку зрения», — точку зрения «своего прежнего»; и становятся бессильны при воспоминании о «псалмах Давида», сложенных среди сонма его окружавших жен. Думать, однако, что «действительный статский советник Спицын, женатый на одной жене», как *религиозное лицо* стоит выше, нежели на какой высоте стояли Давид или Соломон, — нет возможности. Все эти «одноженные господа» суть именно «господа» и даже «г. г.», а не религиозные типы, не религиозные лица. Странник чрезвычайно отталкивает *европейский тип* религий, — и «анекдоты» возникли на почве великого *удивления, как можно быть* «религиозным лицом», иметь посягательство на имя «святого человека», при таких... «случайностях». Но ведь, «взяв анекдот в руки» и вооружившись настроением анекдотиста, — это же самое можно бы рассказать о Магомете, о Соломоне, о Давиде, об Иакове и Аврааме, которые, однако, были *близки к Богу* и явили «знаки» своей близости. Вот эти-то «знаки» есть очевидно и у Странника: их читают те, кому это *открыто*. Это не «псалмы», которые все могли бы *прочсть*. Таким образом, у него нет «знаков» *всеобщей убедительности*. У него есть какое-то *дело жизни*... Какое? «Исцелил» и «научил молитве» — вот все, что пока определенно известно...

Но это «исцелился» — *личная* сторона дела. Но есть еще «история»... В *истории* Странник явно совершает переворот, показывая нам свою и азиатскую веру, где «все другое»... Потому-то его «нравы» перешагнули через край «нашего». Говоря так, я выражаю *отрицательную* («не европейская») суть дела. В чем же лежит *положительное?* «Невем». Серьезность вовлекаемых «в вихрь» лиц, увлекаемых «в трубу» — необыкновенна: «тяга» не оставляет ни малейшего сомнения в том, что мы не стоим перед явлением «маленьким и смешным», что перед глазами России происходит не «анекдот», а *история* страшной серьезности.

Но в «узел» дела мы заглянуть не можем...

.....

Но не таков ли и вообще человек? Каждый имеет свою «потаенную историю»: а *как* она связывается и соединяется с его явной, большой, дневной историей, сплетенной из подвигов, из героизма и из святого? История и есть «священная история», — не одних евреев. Ведь около всякого дневного и явного — есть ночное и укрываемое. Никто не пытался связать «ночь» человека с его «днем». А связь есть: *день* человека и *ночь* его составляют просто *одного человека*, который днем совершает «подвиг» и ночью, — казалось бы, «совсем другое». *Другое ли?* — в этом весь вопрос. И природе дал Бог зори, утреннюю и вечернюю, тьму и свет, звезды и солнцу, *мириады* тех и это *одно*... И, конечно, — все *разно*: но — ничто *худо*. Но не *так* ли же с историей и с человеком?.. Верны ли наши *европейские* точки зрения?..

Они очень *привычны*... Но привычка — *не истинна*...

.....
.....
.....

Я не назвал по имени Странника, его имя на устах всей России. Чем кончится его история — неисповедимо. Но она уже не коротка теперь, и будет еще очень длинна. Но только никто не должен на него смотреть как на «случай», «анекдот», как на «не разоблаченного обманщика». *Кто его знает* — перед теми все «разоблачено»: и, однако, «тяга», «труба» — остается.

1913 г.

<М. П., И. М-В, И. ВЕС., М. Р.>

Покушение на «старца» Распутина¹

Сегодня стало известным, что в селе Покровском, куда на днях прибыл «старец» Распутин, на него было совершено покушение.

Какая-то неизвестная женщина ранила Распутина в область живота. О состоянии его здоровья ходят разноречивые толки. По одной версии — старец находится в агонии, по другой — опасности для жизни не предвидится.

* * *

В день своего отъезда из Петербурга, 22 июня, Г. Е. Распутин посетил одних своих друзей и провел в их обществе почти целый день.

Ночью великосветская дама, последовательница своеобразного учения «старца», проснулась от неприятного сна: в ее спальню вошел бледный и печальный Распутин...

Вид «старца» был так ужасен, что великосветская дама перекрестилась.

На другой день она сообщила об этом сне другой представительнице высшего света, которая рассказала ей, что «старец» и к ней также являлся в том же печальном виде.

¹ Печатается по: Вечернее время. 1914. 30 июня (13 июля). № 802. Понедельник. С. 1–2; 1 (14) июля. № 803. Вторник. С. 1–2; 2 (15) июля. № 804. Среда. С. 1–2; 3 (16) июля. № 805. Четверг. С. 2.

* * *

Несколько недель назад Григорий Распутин, в сопровождении своих почитательниц, отправился в село Покровское.

Там в одной из комнат висит старинный образ Божией Матери. Присутствующие дамы были до крайности поражены, когда на глазах у Божией Матери показались слезы. «Старец» старался всячески успокоить своих почитательниц и сказал:

— Пройдет... Пройдет.

* * *

Когда «старец» приехал в Петербург, то он рассказывал о странном явлении слезоточения иконы Божией Матери.

— Все хорошо кончится, — говорил он своему близкому другу.

* * *

В день отъезда «старец» проявлял, как говорят его близкие, совершенно исключительную нервность и казался особенно печальным.

— Не было ли у него предчувствий?

— Вообще последние дни «старец» был совсем неузнаваем. Он старался отделаться отдельными словами, и, видимо, на душе у него было тяжело.

— Приходилось ли во время бесед со «старцем» затрагивать вопрос о возможности покушений?

— Распутин относился к этому с совершенно исключительным равнодушием, и когда среди его почитателей возник вопрос об его охране, то Распутин в категорической форме запротестовал.

За последнее время многие друзья «старца», как будто предчувствовали возможность покушения и настаивали на принятии мер охраны, но в этом направлении встречали противодействие со стороны самого Распутина.

* * *

Говорят, что покушение совершено одной из почитательниц Илиодора. Бывший инок, согласно последним сведениям, полученным в Петербурге, находится в настоящее время на Дону.

* * *

На квартире Г. Е. Распутина осталась его секретарша.

На все телефонные расспросы она отвечает:

— Я ничего сказать не могу... Я ничего не знаю!

* * *

Несмотря на частые отлучки Григория Распутина из столицы, здесь у него была постоянная квартира. Несколько месяцев назад на его имя было снято помещение на одной из самых бойких улиц города.

Квартира из пяти комнат в третьем этаже на дворе не производит впечатления роскоши. Запыленная мебель носит случайный, сбродный характер. Кабинет же и спальня старца обставлены совсем попросту, по-деревенски.

Прежняя его квартира производила значительно более барское впечатление, но Распутин принужден был ее покинуть, так как вообще старался последнее время скрываться от [1 сл. *нрзб.*: ...шей] своей популярности.

Как нам передают, последний раз «старец» приехал в Петербург в воскресенье, 15 июня. Приезд его был обставлен исключительно таинственно. С вокзала в сопровождении нескольких самых интимных поклонниц он в закрытой карете проехал на свою квартиру. В воскресенье же у него состоялась какое-то совещание с близкими ему людьми. Совещание продолжалась до поздней ночи. Отдан был приказ говорить, что его нет в Петербурге. Несколько дней провел Распутин в своей квартире безвыходно только в обществе живущей у него женщины, но затем о его присутствии пронюхали, секрет был раскрыт, и не было смысла дольше скрываться.

* * *

Снова началась старая история. Как и прежде, на квартиру к Распутину стали вереницей тянуться паломники. Офицеры, дамы под темными вуалями, какие-то мужички, лица чуть ли не всех возрастов и профессий надоедали ему своими просьбами, беспокоя с утра до вечера. Модный «пророк» отличается вообще очень ровным характером и никогда раньше не выражал претензий на это надоедливое поклонение. Но в последнюю неделю в Петербурге он к общему удивлению стал нерв-

ничать. Вспышки раздражения совпадали с посещением его группой каких-то нищенок, — нескольких женщин, очень дурно одетых и, что обращало на себя внимание, почти всегда с полузакрытыми лицами. Они, по-видимому, не принадлежали к числу «поклонниц» старца, так как разговор с ними в кабинете Распутина носил всегда повышенный характер. Посещения нищенок продолжались дня три. Затем они исчезли, но поведение Распутина после этого сильно изменилось. В прежние свои приезды в столицу он свободно показывался всюду на улицах города, теперь же как будто что-то беспокоило его. Выходя из подъезда своего дома, он обычно посылал кого-нибудь вперед, говоря ему:

— Поди посмотри, нет ли рожи, рожи нет ли?..

И только тогда выходил на улицу, если вокруг не было ничего подозрительного.

Затем сплошь да рядом он стал проделывать следующие странные эволюции.

Нанимая извозчика, он умышленно громко называл адрес, оглядываясь при этом на окружающую его постоянно толпу. Затем садился и ехал. Но, уже заворачивая за первый угол, он вдруг сходил с извозчика, расплачивался и нанимал другого, уже утаивая от окружающих адрес. Беспокойство его было видно во всем.

Распутин уже не решался выходить поздно вечером. Раньше, бывало, возвращение его домой под утро было обычным явлением, теперь уже в 10–11 часов старец запырался в своей квартире.

Прислуги у Распутина не было. Уже давно с ним жила женщина — «барышня», как ее называет прислуга дома. Она исполняла обязанности секретаря и заведовала приемом «поклонников».

Последние дни старец неоднократно подчеркивал, обращаясь к ней:

— Принимать — принимай, да только досматривай...

Дело касалось приема посетителей.

Какая-то «рожа» играла большую роль в этом нервном настроении старца.

* * *

Устраиваясь в столице, Распутин, по-видимому, не думал скоро уезжать. По-видимому, он рассчитывал сохранить в секрете свое пребывание, прожить более долгий срок. Но после таинственного посещения нищенок он спешно ликвидировал сделанные им заказы и через день, 22 июня, уехал.

Если приезд был обставлен секретно, то отъезд носил характер бегства. Распутин успел взять с собой только самые необходимые вещи.

За полчаса до поезда он выехал из дому, чтобы не задерживаться на вокзале. Его провожало несколько женщин. Однако избежать пышных проводов на перроне ему не удалось.

Рассказывают, что когда он торопливо пробирался через толпу к себе в купе, какой-то голос, покрывая шум, произнес с характерной интонацией: «Прощевай, Гриша, до Покровскава»...

Распутин уехал якобы весьма потрясенный, не выходил даже на площадку проститься с провожающими.

Квартира Распутина осталась на попечении «барышни». Сегодня утром дома у него в Петербурге не было еще ничего известно о покушении.

К нему все время наведываются «поклонники» и «поклонницы», ожидая подробностей катастрофы. Но до 2 часов дня специальных телеграмм из Сибири не приходило.

* * *

Мы обратились за сведениями к обер-прокурору Святейшего синода В. К. Саблеру, который утром прибыл в Петербург и предполагает вечером уехать в Москву.

В. К. Саблер заявил, что сведение о покушении на Григория Распутина является для него полнейшей неожиданностью и что пока он не имеет вообще известий о самом факте покушения.

* * *

По поводу покушения на «старца» Распутина мы обратились к директору департамента полиции В. А. Брюн-де-Сент-Ипполит. По словам директора, все полученные до 2 часов подробности случая в селе Покровском по приказанию высших властей держатся в полной тайне.

* * *

Первое «покушение» на жизнь Григория Распутина относится к 1912 году. Трагикомическая сценка разыгралась на петербургском Николаевском вокзале, где в ожидании «старца» собралось около тридцати человек из числа его сторонников и случайно заинтересовавшихся знаменитой личностью пассажира. Ореол еще не разоблаченной загадочности делал Распутина сугубо интересным для представителей печати, образовавшихся тут же в проходе, возле хранения багажа.

Особенно волновался невысокий брюнет с густой курчавой шевелюрой. Когда поезд остановился и Распутин, одетый в темно-синий плиссированный кафтан, вышел на перрон, брюнет кинулся к нему и, растолкав поклонниц, быстро, захлебываясь, о чем-то заговорил... Вдруг раздался дикий визг, энергичного брюнета бросили на землю, и вся толпа поклонниц принялась колотить и рвать его, таща за волосы, за платье.

— Убить, убить хотел! Дерзнул руку поднять...

Сам Распутин, поддерживаемый двумя девицами под руки, казался взволнованным, но старался сохранить спокойствие. Он благословлял целовавших его рясу поклонниц и повторял:

— Бог защитит, Бог защитит. Сила Божья не выдаст... Бог защитит!

Только в комнате жандармского офицера выяснилось, что злополучный журналист не замышлял никакого покушения. Экзальтированная толпа поклонниц увидела в брюнете, кинувшемся навстречу Распутину, злоумышленника и тут же учинила самосуд.

* * *

По последним сведениям, около часу дня у Распутина наступила агония.

На вчерашнем допросе, который производился прибывшим в село Покровское судебным следователем из Тюмени, она заявила, что имела поручение от Илиодора Труфанова убить Распутина.

В дальнейшем она сообщила, что отомстила Распутину за поругание игуменьи.

* * *

В первый момент допроса арестованная была в крайне нервном состоянии, и только к вечеру она пришла в себя, заявив, что не рассказывает в совершенном преступлении, считая, что, убивая Распутина, она совершает благое дело для родины.

Арестованная рассказала следователю о своих мытарствах и подробно выяснила все свои сношения с илиодоровцами в Царицыне.

По словам арестованной, убийство Распутина было задумано уже давно, но не представлялось удобного случая. Она следила за Распутиным неотступно в продолжение нескольких месяцев и была даже в Крыму во время пребывания там «старца».

Допрошенная указала на нескольких человек, принимавших участие в настоящем кровавом деле.

После сильного нервного потрясения она спокойно отвечала на все вопросы.

По внешнему виду она производит жалкое впечатление изнуренной и болезненной женщины.

* * *

Вчера в течение целого дня на Гороховой улице, в квартире, где проживал «старец», перебивалась масса народу.

Около пяти часов секретарша Распутина г[оспо]жа Лапшинская получила телеграмму из села Покровского от дочери «старца» Матрены, которая ее немедленно вызывала к раненому отцу.

Вчера секретаршу навестила одна великосветская дама — последовательница «старца», которая и уехала вместе с г[оспо]жой Лапшинской в село Покровское.

* * *

За последнее время Распутин мечтал основать газету, специально для народа, которая имела бы основной задачей борьбу с пьянством.

Он об этом очень много говорил своим «друзьям».

— Одна беда: грамоты нет, — твердил он.

На это издание некоторые высокопоставленные лица готовы были выдать пособие, и еще недавно Распутин утверждал, что с нового года выпустит газету. Эта мысль его живо увлекала, и он о ней говорил за несколько дней до своего отъезда из Петербурга.

* * *

Квартиру свою на Гороховой Распутин нанял на свое имя, причем он заключил контракт на годичный срок. Кроме г[оспо]жи Лапшинской — пожилой женщины, уже давно считающейся поклонницей «старца», никто в квартире не жил.

Распутин большей частью ел вне дома, а если и обедал, то очень скромно. Любимой его едой были сушки, которые он истреблял в большом количестве. Распутин также очень любил «побаловать себя вареньем», которое ему доставлялось его многочисленными поклонницами.

* * *

За последнее время «старец» страдал сильными бессонницами и часто ходил всю ночь из угла в угол, причем иногда громко разговаривал и даже смеялся.

Близкие говорят, что вообще за последние два-три месяца Распутин в значительной степени изменился. Он часто раздражался и из-за всяких пустяков выходил из себя.

* * *

Он следил самым внимательным образом за печатью, и г[оспо]жа Лапшинская, а также и некоторые другие почитательницы были принуждены читать газеты и рассказывать «старцу» все, что о нем пишется. Если появлялись отрицательные отзывы, то он приходил в неистовство и кричал:

— Я им покажу. Они увидят.

Когда же он успокаивался, то говорил:

— А, знаешь... Я на это писание наплевал.

* * *

За последнее время Распутин отдал приказание наклеивать все газетные вырезки и часто вечером заставлял г[оспо]жу Лапшинскую читать ему все то, что было напечатано.

— Таки больши дела в России... Така она сама больша... А вон глядь, только мной и занимаются, — говорил он с самодовольной улыбкой.

* * *

Журналисты не оставляли в покое «старца», и почти не было дня, чтобы кто-нибудь не позвонил к нему и не попросил поделиться с ним мнением о текущих вопросах.

В последний свой приезд Распутин отвечал по телефону следующей фразой:

— Коли ежели хошь меня видеть для пера, не ходи, а коли ежели для души, то загляни.

Распутин очень интересовался вопросами внешней политики, и недавно он немало волновался из-за германо-французских недоразумений. Он высказывал пацифистские взгляды и доказывал, что войны не должно быть. По этому поводу он диктовал своей секретарше «Размышления», которые он намеревался в ближайшем времени напечатать.

Вообще, за последнее время, как только являлось свободное время, он диктовал в надежде выпустить отдельную книжку своих «Размышлений».

* * *

В последний свой приезд Г. Распутин, как известно, пробыл в Петербурге всего лишь одну неделю. О таинственном посещении нищенок он от всех тщательно скрывал, но случайно проговорился об этом одной великосветской поклоннице. Та сильно взволновалась, предлагала ему свою помощь, однако Распутин просил не придавать этим визитам никакого значения. На предложение друзей прекратить всякие «приемы» Распутин резко ответил:

— Чего бояться тли, — начхать на них!

Но уже в конце позапрошлой недели он был не в силах скрыть свою нервную приподнятость и обратился к той же великосветской поклоннице с просьбой прислать ему двух человек для охраны его личности. Через день Распутин был извещен, что в воскресенье у него будут надежные телохранители, но в этот же день он неожиданно для всех покинул Петербург.

Распутин редко появлялся в общественных местах, — но 17 июня, на другой день по возвращении из Покровского, был на скачках с тремя дамами и ставил на несколько лошадей. Вечером он занялся в кабинете, всю ночь напролет шагал по комнате, а затем рано утром позвал свою секретаршу и запретил ей кого-либо принимать.

— Чувствую что-то неладное... Ай, душенька моя беспокойна... Выиграл я на лошадакх — ну, значит, быть беде... В жизнь ни во что не выигрывал.

В этот же день появились странные нищенки. Приказано было никого не принимать, но они все же были допущены к Распутину.

Нищенки показывали на [ка]кое-то письмо, в котором, по их словам, сообщались важные для Г. Е. Распутина новости.

* * *

Общие знакомые Распутина и Илиодора в последнее время старались примирить их. Это никак не удавалось, так как Илиодор считал Г. Распутина виновником всех бед, выпавших на его долю, а Распутин не хотел даже говорить об Илиодоре. Говорят, что Распутин всегда боялся Илиодора, а на предложение простить Илиодора, он написал:

— Ежели простить собаку, Серьгу Труфанова, то он, собака, всех съест.

* * *

Распутин меньше всего ждал нападения врагов в селе Покровском. Здесь он полагал отдохнуть лето и рассчитывал вернуться в Петербург не ранее октября месяца. Зимой Распутин намеревался поселиться в селе Мартышкине, между Петергофом и Ораниенбаумом. Распутин присмотрел уже небольшой особняк и хотел его купить еще в апреле, но не сошелся ценой с хозяином. Недавно Распутин снова был в Мартышкине, но больше не заходил к домовладельцу, а приценивался к другим зимним дачам.

— Вот где вздохнуть можно будет... Тишина, спокойствие, — что твое Покровское... Беспременно сюда приеду жить... А на воле делом займусь, да грамоте подучусь — благо есть учителя... Без грамоты нельзя — Григорий, говорят, малограмотный... Вот оно что...

* * *

В село Покровское Распутин приехал в субботу, 28 июня, т. е. как раз накануне произведенного на него покушения. Вместе с ним приехали и многие из его почитателей. В Покровском ввиду неожиданности приезда старца находилось всего лишь несколько его почитателей, приехавших из разных концов России и проживавших здесь уже довольно долгое время. Всех их местные крестьяне уже хорошо знали в лицо. Поэтому указание крестьян на то, что совершившая

покушение на старца женщина могла появиться в Покровском только в самый день преступления или накануне этого дня, весьма правдоподобно.

* * *

В Покровское выехали следственные власти и представители высшей местной администрации. Как передают, женщина, покушавшаяся на Распутина, будет привезена в Тобольск под усиленным конвоем и заключена в местную тюрьму.

* * *

Сегодня наш корреспондент посетил в Москве известную почитательницу Григория Распутина А. И. Решетникову. Ему была сообщена последняя телеграмма, полученная из Тобольска: «Операция сошла [sic!] благополучно. Температура нормальная. Раненого перевозят в больницу в гор[од] Тюмень».

Директор департамента полиции заявил нам вчера, что все сведения, полученные департаментом о покушении на жизнь Распутина, хранятся в полной тайне. Это — право департамента полиции хранить в тайне полученные им сведения. Но почему департаменту полиции подражает петербургское телеграфное агентство? Почему оно хранит в тайне событие, которым — худо ли, хорошо ли — интересуется Россия, или во всяком случае Петербург? Положим, агентство — учреждение официальное. Но ведь не полицейское? Или все то, что официально, должно непременно быть полицейским?

Покушение на «старца» Распутина продолжает привлекать общее внимание. Газеты полны всевозможных «подробностей» как о самом нападении, так и о состоянии здоровья раненого. Страницы некоторых органов печати буквально заполнены разными «беседами», «воспоминаниями», «собственными телеграммами», в которых имена «старца» и его близких упоминаются десятки раз.

— Насколько все эти собственные сведения достоверны, можно судить по следующим фактам, — говорит одно из очень близких к «старцу» лиц: — вот, например, «собственные» телеграммы идут якобы из села Покровского. Последняя из них помечена 5 часами дня первого июля.

Между тем мной первого июля, в 5½ часов дня, получены были телеграммы в 3 часа дня, что Распутин после первой перевязки отправлен в Тюмень.

Спрашивается, каким же образом можно было в 5 часов видеть «старца» в Покровском, когда он в три часа ехал в Тюмень.

Далее рассказывается о выезде в Покровское многих высокопоставленных лиц, и в числе последних названо даже прямо имя «фрейлины» А. А. Вырубовой.

На это могу объяснить одно, что решительно никто из высокопоставленных лиц ни в Тюмень, ни тем более в Покровское (где «старца», как я сказал, давно уже нет) не выезжал.

Выехала туда только секретарша Распутина Ангелина Ивановна Лапшинская (которую «собственные» корреспонденты перекрестили почему-то в Аполлинарию), да и она отправилась туда не по какому-то особому вызову, а просто потому, что она по профессии сестра милосердия, бывшая в Порт-Артуре и в Манчжурии и имеющая огромный опыт в уходе за ранеными.

Что касается А. А. Вырубовой, то она, во-первых, никогда фрейлиной не была, а, во-вторых, последние две недели жила не в Царском (как уверяют разные собственные корреспонденты), а в Петергофе, у своего отца А. С. Танеева; в настоящее время плавает по Финскому заливу.

Одна из газет идет даже далее, и сегодня утром сообщила, что Распутин скончался.

Между тем именно сегодня утром мной получена телеграмма от дочери Распутина, что отцу ее значительно лучше и надежда на выздоровление возрастает.

Попутно не могу не высказаться о появившихся в печати беседах с нанесшей «старцу» рану Х. Гусевой и самим Распутиным.

Относительно первой беседы я лично могу только выразить сомнение, чтобы судебные и полицейские власти так свободно держали обвиняемую в покушении на убийство, что она могла «давать интервью» газетным сотрудникам.

О Распутине же я имею строго определенные известия, что он решительно никого не принимал, кроме врача, священника и судебных властей.

Точно также по моим данным нет ни малейшего основания приписывать к этому делу имя бывшего иеромонаха Илиодора, и все это по-

кушение — не более, как самое заурядное нападение сумасшедшей женщины, от которого никто не гарантирован».

Так ли это?

* * *

Имеются сведения, что Хиония Гусева, покушавшаяся на жизнь Распутина, резко изменила тактику.

В начале она откровенно заявляла, что мстит за Илиодора, которого она любит и которого считает обиженным из-за происков Распутина.

В дальнейшем, когда ее начали спрашивать о сношениях с Илиодором, она стала давать уклончивые ответы и в конце концов старалась всячески спутать представителей судебной власти.

Говорят, что Хиония Гусева производит впечатление хитрой истерички. Она несомненно ханжа, полуинтеллигентка, читала много религиозных книжек.

На допросах часто плачет. На многое отвечает с хитростью. Раскаяния не проявляет. Несколько раз произносила ту же самую фразу: «Очень далеко он пошел... Ну, и спотыкнулся... Так, видно, ему суждено!..»

До сих пор не выяснено сношений Хионии Гусевой с Илиодором, хотя установлено, что она действительно была в Царицыне, но очень недолго. Имела ли она свидание с Илиодором, пока остается вопросом открытым.

* * *

Хиония Гусева, как оказывается, часто бродила по Гороховой у дома, где жил Распутин.

Швейцары дома прекрасно помнят страшное лицо Хионии Гусевой. Она часто подходила к ним и спрашивала, когда выходит из дому Распутин. Раз как-то, как рассказывает швейцар, она поднялась в квартиру, где жил «старец», но оставалась очень недолго.

* * *

Нам пришлось беседовать с одним лицом, которое близко знает Гермогена и Илиодора и принимает живое участие в их судьбе.

Прежде всего мы спросили нашего собеседника, допускает ли он возможность, что Хиония Гусева была отправлена Илиодором в Покровское для совершения преступления.

— Мне очень много приходилось беседовать с Илиодором о Распутине. Он считал главным виновником всех своих несчастий знаменитого «старца» и говорил о нем с большим раздражением. Илиодор крайне экспансивен, и в беседах о Распутине он проявлял эту основную черту своего характера. Говорит одно, а делает — другое. Я не думаю, чтобы Илиодор мог командировать убийцу в Покровское. Мне кажется, что Хиония Гусева — типичная истеричка, экзальтированная женщина, которая, на основании разговоров и слухов, решила на убийство Распутина. Очевидно, ей пришлось слышать толки о вреде, который будто бы приносит «старец» России, и она пожелала сыграть роль Жанны д'Арк. Если бы на минуту представить, — продолжал собеседник, — возможность заговора, в центре которого находился бы Илиодор, то, я думаю, что он был выполнен более удачно и, вероятно, для его исполнения было бы избрано лицо более интеллигентное, которое могло бы скрыть следы. Я уверен, что Хиония Гусева действовала на свой страх и риск, загипнотизированная возможными толками и слухами о Распутине и о том влиянии, которым он пользуется в высших сферах.

— Не только Гермоген и Илиодор, — продолжает собеседник, — открыто заявляли об опасности влияния Распутина. Очень многие видные государственные деятели не скрывали своего раздражения против «старца», и мне лично пришлось слышать крайне резкие отзывы от многих влиятельных лиц. Впрочем, и Гермоген как-то раз воскликнул, говоря о Распутине: «Его бы в мешок, да в воду». Но из этого, конечно, отнюдь нельзя предположить, чтобы епископ мог бы сочувствовать террористическому акту.

Во всяком случае, для меня, близко знающего настоящую обстановку, совершенно очевидно, что мы имеем дело с политическим преступлением, но, повторяю, я не думаю, чтобы Илиодор являлся вдохновителем его.

В настоящее время все мысли Илиодора сосредоточены на его книжке, которую он намерен выпустить за границей. От лиц, которые его видели недавно, мне пришлось слышать, что раздражение его против Распутина значительно уменьшилось, и, повторяю, по своей натуре Илиодор будет много говорить, страшать, но в конце концов остановится всегда перед преступлением.

* * *

— Два месяца назад меня посетил Григорий Распутин. Этот визит меня немало удивил, так как «старец» прекрасно знал ту роль, которую я играл в дни заточения епископа Гермогена и бегства Илиодора.

«Старец» просидел у меня два с половиною часа, причем большая часть разговора именно касалась епископа Гермогена и Илиодора. Распутин упрекал меня за дружбу к этим двум лицам и старался доказать, что они все сделали для того, чтобы возбудить его неприязнь.

Я его успокаивал и доказывал ему, что он вносит в этот вопрос слишком много страстности. На это Распутин, крайне волнуясь, воскликнул: «Они хотели меня убить». Он рассказал мне всю сцену, которая произошла между ним и Гермогеном. Я ее слышал от епископа в несколько ином освещении. Дело в том, что епископ, действительно, взял за шиворот Распутина и потребовал, чтобы он молился перед иконой, но бывший тут офицер почему-то обнажил шашку, опасаясь, видимо, что Распутин нападет на Гермогена. В общем, конечно, произошла тяжелая сцена, но я убежден, что об убийстве Распутина не могло быть и речи, и я в беседе с ним старался ему это доказать. «Старец», однако, твердил все одно и то же.

— Что ты мне рассказываешь... Я знаю, что они хотели меня как собаку задушить...

Из моих сношений с Гермогеном и Илиодором, с одной стороны, и с Распутиным — с другой я вынес глубокое впечатление, что между ними произошло большое недоразумение, что все они крайне увлекающиеся люди, которые внесли во все происшедшее много страстности и чрезмерного возбуждения.

Ни о каком соглашении говорить и не приходилось, так как «старец», видно, затаил значительную злобу и не мог простить той сцены, которая разыгралась у епископа Гермогена.

* * *

— Вы спрашиваете меня, приходилось ли мне слышать от Илиодора о Хионии Гусевой? Такой фамилии я не знаю.

Во всяком случае, серьезной роли она никогда не играла, так как, несомненно, мне пришлось бы слышать эту фамилию. Возле Илиодора было очень много народу, и его окружало не мало истеричек. Может быть и Гусева была в Царицыне. Я этого во всяком случае не знаю.

Илиодор вовсе не такой человек, чтобы он мог довериться простой бабе. Он прекрасно понимал, с кем имеет дело и, как я уже вам сказал, если бы план убийства Распутина шел непосредственно от него, то он был бы разработан в больших подробностях, и лицо покушавшееся не было бы столь наивным, чтобы с первого же раза выдавать своих сообщников.

* * *

Хиония Гусева давно следила за Распутиным, но на его прежней квартире, на Гороховой улице, она была всего два раза. На нее обратила внимание секретарша Лапшинская, подозвала к себе и стала расспрашивать, что ей надо. Гусева долго ничего не хотела говорить, но когда Лапшинская категорически заявила, что в случае упорства она не будет допущена к Распутину, Гусева сказала:

— Поклон батюшке Григорию Ефимовичу от сестрички с Дона привезла... Уж он-то, родимый, узнает, — вот обрадуется.

У Гусевой были в руках какие-то связочки писем, портрет Распутина и еще один небольшой пакетик. Лапшинская доложила об этой посетительнице Распутину, тот велел позвать Гусеву в кабинет и говорил с ней минут пять. Это с Распутиным бывало не часто, — приглашения в кабинет удастайвались далеко не все просители.

Когда Гусева вышла от Распутина, она дико захохотала, и с ней сделалось дурно. К ней снова вышел Г. Е., положил руку на голову и скороговоркой сказал:

— Ты... ты безобразная... Не хули, не искушай... Подымись, оставь нас... Все знаю, уйди, оставь...

* * *

Судебными властями придается большое значение добытым сведениям о жизни Хионии Гусевой в Петербурге. Сейчас устанавливается связь между Гусевой и Илиодором, хотя, как передают, в руках следственной власти пока еще нет материалов, свидетельствующих, что о покушении на Распутина был осведомлен С. Труфанов. Поведение Х. Гусевой в Петербурге говорит за то, что самый поступок этой женщины был совершен в болезненном состоянии и о сообщниках едва ли может быть речь. Характерно, что в ночлежном доме на Обводном канале, где проживала последние пять месяцев Гусева, никто из ее соседей по нарам не слышал от нее имени Распутина. Изредка она упоминала об Илиодоре, об его «святой жизни», но ни словом не проговаривалась о врагах Труфанова. Все время она ходила с какими-то книжками и изредка куда-то писала письма. Гусева, бывшая в ночлежном доме Макокина с февраля месяца, — последнее время уже не посещала эту «гостиницу». Ко времени ее первого визита она уже не ночевала на Обводном канале, и, как говорят, Гусева нашла приют у одной небожной старушки, сжалившейся над ее несчастным видом.

* * *

У Распутина, как рассказывают лица, хорошо знавшие «старца», было множество планов на осень по возвращении из Покровского. Он, между прочим, вел переговоры с одной английской компанией, взявшей большой подряд в военном ведомстве, и хотел вступить в дело в качестве пайщика. Оказывается, что Распутин довольно часто пользовался своими связями и за эту зиму провел не одно дело, в котором и он был заинтересован. Последнее время его сильно занимало новое изобретение Эдисона — кинетофон, и он негласно вел переговоры о постройке большого театра в Петербурге. Распутину, как говорят, было обещано разрешение использовать одну из больших городских площадей, где до сих пор не дозволялось строить театры.

* * *

За несколько дней до своего отъезда в село Покровское Распутин рано утром в сопровождении своей секретарши Лалшинской посетил гинекологический институт на Песках. На заявление швейцара, что допуск посетителей к больным начинается лишь с 10 часов утра, Распутин повышенным голосом заявил:

— Не мели вздора, не для всех писаны ваши уставы.

Он велел провести его в шестой этаж, где находятся так называемые секретные больные. Пройдя в комнату, занимаемую одной молодой девушкой, Распутин пробыл там около 40 минут. Весть, что в больнице находится Распутин, быстро распространилась по всем отделениям института. Среди больных, лежавших в родильном отделении, нашлось несколько дам, выразивших желание получить благословение от «старца». Просьба больных была исполнена и спускавшегося вниз «старца» провели к родильницам. Подходя к кроватям, Распутин осенял лежавших больных крестным знаменем и давал целовать руку. В одной из палат Распутин обратил внимание на только что разрешившуюся молодую женщину. Подойдя к кровати, Распутин начал шепотом успокаивать ее:

— Ты не волнуйся, как встанешь, приходи, слышь, приходи, — и, прощаясь, оставил ей клочок бумажки со своим адресом.

Больная, которую навещал в секретном отделении Распутин, спустя четыре дня выписалась из больницы. За все время пребывания ее в больнице никто не видел ее лица. Даже врачу больная по-

казывалась, тщательно укутав лицо густой вуалью. Среди персонала больницы таинственная больная была известна под кличкой «дамы под вуалью».

* * *

(По телефону из Москвы.)

Сегодня известная почитательница Григория Распутина А. И. Решетникова получила в 5 час[ов] утра телеграмму из Покровского, в которой сказано: «Ему лучше, не беспокойтесь».

* * *

При громадном стечении молящихся были отслужены молебны о здравии болящего Григория в Успенском соборе, в храме св. Трифона, что на Прудной, и в часовне Иверской Божией Матери и св. Пантелеймона на Никольской.

* * *

У постели Распутина

(От нашего корреспондента.)

(По телеграфу.)

ПОКРОВСКОЕ. Распутин перенес перевязку спокойно. Около постели больного врач и вся семья и поклонницы. Придя в сознание, Распутин беседовал.

Илиодор о покушении на Распутина

(По телефону из Москвы.)

В газете «Утро России» помещена полученная от Илиодора телеграмма, которая гласит: «Хиония Кузьмина Гусева — девица

30 лет, очень религиозная, умная, всегда осуждавшая деятельность Гришки, которого она постоянно считала развратным и опасным государственным и церковным преступником. Она давно высказывала убеждение, что с Григорием Распутиным нужно разделаться, как с самым отвратительным гадом. Узнав от меня о том значении, которое сыграл Распутин в разрушении Царицынского монастыря, она еще более возненавидела его и решила с ним покончить. Она была осведомлена обо всех его развратных делах в Царицыне, которые происходили на ее глазах. Я видел Хионию Гусеву месяцев 7–10 назад. По ее мнению, расправа с Распутиным — это дело Божеское. Она вместе с другими, оскорбленными Распутиным девицами, хотела разделаться с Григорием еще в прошлом году, но бродяга Синицын, отравившийся недавно рыбою, известил об этом Распутина, и план не удался».

Монахиня Ксения

Монахиня Ксения, о которой упоминается в телеграмме нашего корреспондента, была одной из причин, вызвавших полный разрыв между преосвященным Гермогеном и Гр. Распутиным.

Ксения находилась в числе сестер одного из монастырей саратовской епархии и отличалась крайней экзальтированностью на религиозной почве.

Ее милостивая внешность и порывистость обратили на себя внимание «старца» Распутина, и он начал бросать на нее какие-то странные взгляды.

Эти взгляды замечены были преосвященным Гермогеном, но чуждый житейской грязи владыка не придавал им никакого значения.

Вскоре, однако, до преосвященного стали доходить слухи, что «старец» причинил какую-то неприятность Ксении, и последняя все время плачет и готова наложить на себя руки.

Епископ Гермоген пригласил монахиню к себе и под клятвой заставил ее рассказать все происшедшее.

Преосвященный Гермоген, возмущенный этим, потребовал у Распутина объяснения, и последний, после долгих запирательств, подтвердил рассказ Ксении.

Последние известия

(От нашего корреспондента.)

(По телеграфу.)

ТЮМЕНЬ. На последнем допросе Гусева показала, что она искренняя поклонница Илиодора и что она мстила Распутину за опорочение монахини Ксении, живущей сейчас у Жировецкого монастыря. Она задумала убить «старца» еще в прошлом году, но не представлялось удобного случая.

В дальнейшем она сообщила, что ездила в минувшем марте месяце в Ялту, причем купила у черкеса тесак.

Село Покровское находится как бы на военном положении. Дом «старца» охраняется полицией. Приезжающих опрашивают.

Распутин был отправлен в Тюмень на пароходе «Ласточка». Проводы отличались торжественностью. Больного несли на носилках.

Больного везут очень медленно.

На пристани Тюмени «старца» ждала большая толпа.

<А. Г.>

У друзей Распутина¹

Наш сотрудник обратился вчера к редактору-издателю «Дым Отечества» А. Л. Гарязину с просьбой высказаться относительно покушения на Григория Распутина. А. Л. Гарязин хорошо знает Распутина и был одним из первых, кто сообщил печальную новость экономке «старца», Лапшинской.

Вот что говорит А. Л. Гарязин:

— Я должен, прежде всего, сообщить, что сообщения многих газет, принужденных волею судеб писать о происходящем в Покровском, сидя в Петербурге, далеки от истины. Единственный материал, который не поддается сомнению, это — полученные нами телеграммы, а их пока очень немного.

По самым последним сведениям, положение представляется таким образом: Распутина в Покровском уже нет. Его сегодня перевезли в Тюмень, где он и останется до самого своего выздоровления.

Опасность, если верить полученным мною сведениям, миновала. Заражение крови исключается. Перед самым отъездом в Тюмень температура была совершенно нормальной. Сегодня мною получены телеграммы, где сообщается, что больного благополучно перевезли в Тюмень. Он находится там в великолепных условия, уход замечательный. Около его постели собраны лучшие местные врачи. Утром температура не повышалась. Близкие друзья Распутина, не доверяя авторитету местных тюменских врачей, обратились с просьбой к од-

¹ Печатается по: Петербургский курьер. 1914. 2 июля. № 159. Среда. С. 2.

ному видному хирургу с предложением выехать к больному. Сегодня он должен был уже ехать в Тюмень, но еще не дал пока окончательного ответа*.

Что я думаю о покушении? — Да что тут можно думать. Сумасшедшая баба и больше ничего. По-моему и судить-то ее не будут, никакого и процесса не будет. Просто упрячут ее в сумасшедший дом, да и только. Весь этот допрос одна проволочка. С больной женщины что же и спрашивать.

Ни политической, ни религиозной подкладки я в этом покушении не вижу. Это обыкновенная вспышка женщины-истерички, и вдобавок еще тяжело больной.

Князь В. П. Мещерский, издатель «Гражданина», хорошо знающий Распутина, заявил нашему сотруднику:

— На меня известие о покушении на Распутина произвело большое впечатление. Вчера же, как я только узнал об этой катастрофе, я немедленно отправил срочную телеграмму дочери Распутина, Матрене Григорьевне, с просьбой сообщить сведения о здоровье ее отца. Несмотря на то что телеграмма была мною отправлена еще вчера днем, ответ я получил только сегодня утром.

Ответ этот весьма успокоительный. Дочь Распутина сообщает мне, что рана, по заключению врачей, оказалась относительно легкой, и теперь уже всякая опасность миновала. Больному значительно лучше, он уже разговаривает и очень интересуется личностью покушавшейся на него женщины.

Самое покушение объяснить очень трудно, оно, по-моему, не поддается объяснению, и к тому же, сидя здесь и не зная никаких подробностей, трудно что-либо сказать.

По-моему, покушавшаяся — истеричка, религиозно-помешанная. Имела ли она что-нибудь общее с Григорием Распутиным, я не знаю, по крайней мере, я это имя Хионии Гусевой слышу первый раз в жизни и не знаю, знал ли эту женщину тот, на кого она напала.

* Ниже на этой же странице набрано: «Отъезд в Покровское лейб-хирурга Федорова. [Заголовок]. Сегодня экстренно выехал в Покровское известный хирург проф. Федоров». — *Сост.*

*И. Кронштадтский и Гр. Распутин
(Беседа с настоятелем Казанского собора
протоиереем Ф. Н. Орнатским)*

— Григорий Распутин — вот имя, хорошо знакомое России последние годы, а последние два дня вряд ли кто-либо из петербуржцев не произнес его несколько раз, — сказал нашему сотруднику протоиерей Ф. Н. Орнатский.

— Только и слышишь Распутин да Распутин!

Лично я к деятельности Распутина, как истинный христианин, отношусь, отношусь, конечно, отрицательно и только.

Мне он известен только по рассказам и сведениям из газет.

Но меня, как близкого друга, сотрудника и родственника покойного отца Иоанна Кронштадтского, сильно возмущает попытка некоторых органов местной прессы во главе с «Речью» и «Современным словом» пристегнуть имя Распутина к плодотворной, с точки зрения христианина, деятельности покойного пастыря.

Утверждают, что Распутин, приехав в 1904 г. в Петербург с письмом от сибирского священника к о[тцу] Иоанну Кронштадтскому, сразу понравился последнему; утверждают, что покойный пастырь возил с собою «старца» всюду и знакомил его с влиятельными лицами, чем предрешил ему успех.

— Я лично присутствовал при первой и в то же время последней встрече Распутина с покойным о[тцом] Иоанном, и эта встреча мне весьма памятна.

— О[тец] Иоанн спросил старца — «как твоя фамилия» и, когда последний ответил — «Распутин», ответил: «Смотри, по фамилии твоей и будет тебе».

Если вы хотите уж непременно знать, кто принял живейшее участие в первых шагах Распутина в Петербурге, то извольте: это епископ Феофан, да и то не долго.

Вскоре же Распутин, достаточно использовав его, уже и в нем не нуждался.

Лично я, вообще, мало интересовался деятельностью и проповедями «новоявленного старца», но знаю, что в печальной истории епископа Гермогена Распутин сыграл тоже видную и решающую роль.

Чуриков о покушении на Распутина

Ваш сотрудник посетил брата Ивана Чурикова и имел с ним небольшую беседу о происшедшем в Покровском покушении.

Братец Чуриков вначале долго отказывался от беседы, ссылаясь на то, что он живет в стороне от политики и потому не может высказаться о событии как о явлении политическом, но все же высказал свое мнение о личности Распутина и о мотивах покушения.

На наш вопрос, какую роль сыграл Распутин в жизни русского простонародья, Чуриков ответил:

— Хорошо, что он из народа вышел; он знал народ, любил его и радел о мужике, простом и забитом; он всегда говорил: грамота нужна, свету мало, водка одолела; он — человек сильный и много мог бы принести пользы и трезвенному делу; только люди из народа могут принести пользу народу, и только верующие бесхитростно спасут Царствие Божие на земле от поругания фарисеев!

— А правда ли, братец, что Распутин способствовал вашему отлучению?

— А Бог с ним! Я на него не в обиде, и по-христиански, да и просто по-человечески мне его жалко.

— А скажите, может ли быть, что убийца хотела испробовать его святость и неуязвимость?

— Все может быть, сынок, — и пока народ верой истинной не просветится, все может случиться! Ну, прощай, сынок, недосуг мне, — заторопился Чуриков, видимо, избегая дальнейшей беседы.

«По Божьему пути». (О мемуарах Г. Е. Распутина)

«По Божьему пути» — так озаглавлен дневник или записки Г. Е. Распутина, которые составлялись специально приглашенным им лицом, не безучастным к занятию журналистикой, из духовного звания, давнишнего знакомого и репетитора сыновей одной сановной дамы.

В этот дневник, который велся нерегулярно, а время от времени, заносились самые разнообразные данные: как о состоянии здоровья автора и членов его семьи, так и о встречах, впечатлениях, приемах, подношениях, путешествиях Г. Е. Распутина и его близких.

И, несмотря на полное отсутствие системы при составлении этих записок, в них все-таки сквозит одна руководящая идея. В них Распутин, человек, вынырнувший, как он говорил, «из народа», проводит мысль, что на нем — сыне этого народа, почиет какая-то особая благодать, в силу которой он, «один из малых сих», возвысился над многими и стал известен не по одной только России, а и по всему миру, как он не без гордости говорил.

Об этих мемуарах сам Распутин рассказывал пишущему эти строки в день своего последнего отъезда из Петербурга.

— Давно мне хотелось, — так объяснял Распутин, ощупывая меня своими живыми быстрыми глазами, — свое слово миру сказать... Что же я могу в поучение дать ему? Вот существуют разные ученые, люди ума. Они, ученые-то эти, пишут не от себя, не от человека, а вообще о мире... понимаешь ли меня или нет? Говори по правде...

— Продолжайте, Григорий Ефимович!

— Так вот я и говорю: я хочу людям представить не что-либо такое, которое не от меня исходит, а именно то, что во мне есть. Своего, значит, Бога я хочу им показать... свой путь жизни людям указать...

Вот почему я называю писание свое названием — «По Божьему пути». А в чем путь Божий, знаешь ли ты это?

И не дожидаясь моего ответа, он, привстав и махая в воздухе указательным пальцем, строго и проникновенно проговорил:

— Путь Божий — есть путь добрых дел... Твори добро, добро твори, говорю я тебе, и ты будешь на пути праведников... Вот это я людям и сказать хочу.

Он шагал по комнате и волновался.

— Хочу я начать свою проповедь народу: мал для меня круг-то... Что мне все эти люди? Грех, соблазн один, а вот думаю о душе.

— Довольно дьявола тешить, самообольщаться, — я не решаюсь утверждать, что он именно произнес это слово, но смысл помню точно, — грешить, а пора и о душе подумать... Вот и надумал я самую настоящую, правдивую народную газету в ход пустить. Денег мне дадут, люди верующие нашлись, соберу я людей хороших, перекрещусь, да и — Господи, благослови — в колокол ударю!

— Да у нас, Григорий Ефимович, — заметил я, — «Колокол»-то свой имеется: звонит.

— Да что толку-то в этом? Не так надо.

— О спасении звонить надо: добрыми делами спастись.

Мы опять помолчали.

Г. Е. Распутин о чем-то задумался, и его лицо приняло какое-то детски-страдальческое выражение.

— Вот тебе мое слово, — сказал он на прощанье, — и слово мое крепкое. Приеду я осенью в Питер и начну выпускать свою газету. Поборемся еще: у меня копь в мыслях что-либо есть, то я и в дело претворюю.

— А как же насчет ваших записок, опубликуете их, что ли? — задал я ему крайне интересовавший меня вопрос.

— Нет, как можно, нельзя, — возразил он. — Пусть дети мои, если найдут нужным, сделают это.

А. ВЕСЕЛОВСКИЙ

Письма в редакцию¹

I

М. Г.

Ваш репортер случайный разговор мой с ним, без моего ведома, обратил в беседу, в которой допустил большую неточность.

С Г. Е. Распутиным я никогда не виделся ни в одиночестве, ни в обществе о[тца] Иоанна Кронштадтского, об отзыве которого знаю, как и многие, лишь из сообщений повременной печати.

Прошу напечатать эти строки завтра же в отделе известий о Г[ригории] Е[фимовиче].

Протоиерей Ф[илософ] Орнатский.

II

Я поражен письмом почтенного настоятеля Казанского собора о[тца] Орнатского.

Я явился к протоиерею Ф. Н. Орнатскому не для *случайной* беседы, а как сотрудник газеты «Петербургский курьер», причем все помещенное мною в газете безусловно точно передает содержание моей беседы с о[тцом] Орнатским.

Я категорически утверждаю, что рассказ о[тца] Орнатского о встрече его с Распутиным у отца Иоанна Кронштадтского, а также фраза «смотри, по фамилии твоей и будет тебе» переданы мною дословно.

Когда г[осподин] редактор нашей газеты показал мне письмо о[тца] Орнатского, опровергающее мою беседу с ним, я отправился к последнему для объяснений.

Отец Орнатский принял меня в прихожей и на мой вопрос: «Батюшка, что вы сделали?» ответил:

— Я написал это, подумавши, а потому аминь.

¹ Печатается по: Петербургский курьер. 1914. 3 июля. № 160. Четверг. С. 2.

ЛУКИАН <С. Б. ЛЮБОШИЦ>

Распутин¹

Хрестоматия рассказывает школьникам поучительную повесть о том, «как архангельский мужик стал разумен и велик».

Это было давно. Наши дни знают другую быль про другого мужика, который обрел такую власть, силу и влияние, какие и не снились Ломоносову.

Быль эту школьникам рассказывать нельзя. Ее почти и взрослым рассказать невозможно. И не только потому невозможно, что существует в цензурном уставе 1001-я статья, карающая за порнографию, но и потому, что для разоблачения таких непристойностей надо обладать бесстыдством Розанова.

Полную историю сибирского мужика наши потомки когда-нибудь — с неизбежными пропусками — прочтут в «Русской старине». Прочтут и будут протирать глаза и не смогут поверить.

Скептический, неверующий, насмешливый петербургский (тогда еще не было Петрограда) свет. Титулованная, родовитая столичная знать.

Женщины и мужчины, которые в самых модных и в самых достопримечательных местностях Европы чувствуют себя, как дома, во всяком случае больше, чем в России.

Среда, в которой больше всего в мире бояться быть смешными. И в эту среду, где дворников, извозчиков и даже рабочих почти за людей не считают, является корявый сибирский мужик с тайным прошлым, с почти скандальной какой-то провиденциальной фамилией и повергает под ноzi свои весь этот раззолоченный, блестящий, перекультуренный мир.

Начинается какая-то фантасмагория.

¹ Печатается по: Биржевые ведомости. 1915. 14 августа. № 15025. Утр[енний] вып[уск]. С. 2; 15 августа. № 15027. Утр[енний] вып[уск]. С. 3.

Темный, неграмотный мужик становится героем таких гривуазных историй, перед которым бледнеют и самые фривольные рассказы Джованни Боккаччо, и скромные истории самых неприличных писателей XVIII века, и язвительные шутки Вольтера.

А героинями этих историй оказываются женщины самого блестящего, самого светского и сановного круга столицы. И какие женщины: молодые и старые, замужние и девушки.

И какие истории... Из чопорных, важных семей, из домов с длинными рядами предков на стенах уходили изящные, тонко воспитанные девушки и их видали выходящими из «семейных» бань с сибирским мужиком, носившим фамилию Распутина и кем-то провозглашенного «старцем».

Появлялись время от времени разоблачения о странных совращениях, в купе вагона, в малодоступном светском салоне, о странном, хлыстовском смешении экстазов религиозных с половыми.

Появились разоблачения о темном прошлом Распутина, о гареме из светских женщин, сопровождающих его в его поездках по России, о его жизни в родном селе Покровском.

Но никакие скандальные разоблачения не могли помешать изумительной карьере Распутина.

Он стал силой, с которой серьезно приходилось считаться.

Приемная неграмотного сибирского мужика стала местом особого паломничества. И не одни проходимцы собирались в этой приемной

Тут был, однако, цвет столицы,
И знать, и моды образцы.
Везде встречаемые лица,
Необходимые глупцы;
Тут были дамы пожилые,
В чепцах и в ризах, с виду злые;
Тут было несколько девиц,
Не улыбающихся лиц;
Тут был посланник, говоривший
О государственных делах;
Тут был в душистых седицах
Старик, по-старому шутливый,
Отменно тонко и умно...

[«Белое поле в 26 строк» — так в тексте публикации. Указанные строки выбросила из авторского текста цензура. — *Сост.*]

Бывшие в силе и власти Гермоген и Илиодор, — тоже удивительная фигура, — попали в опалу, как только они рассорились с «Гришкой», как Илиодор фамильярно называл Распутина.

Шел великий и непристойный соблазн, а Синод молчал, а Владимир Карлович Саблер светски улыбался, не то повторяя исторический жест Пилата, не то радуясь, что такой «паралич Церкви» еще полнее отдает ее в обер-прокурорские руки.

Распутин стал «знатен и богат» и, надо думать, в глубине своей мужицкой души, своего лукавого «себе на уме» оценил тот светский и сановный Петроград, который ползал у его корявых мужицких ног.

Ибо из всего, что известно о Распутине, видно, что он мужик и ловкий, и весьма неглупый. И в сущности он лучше своей репутации и своего положения. По невежеству и темноте своей, он на той головокружительной высоте, на которой очутился, делал немало нелепостей. Его влиянию приписывают и назначение епископа Варнавы и даже некоторые назначения в Военно-медицинскую академию и многое в таком же роде. Но прямого и заведомого зла Григорий Распутин, кажется, не обнаружил.

Попав в самую гущу бюрократических интриг, Распутин не потерял своей, по-видимому, довольно крепкой мужицкой головы, ловко лавировал между течениями.

Могло быть и хуже и даже гораздо хуже. Но уж один тот факт, что клочок бумаги с беспомощно-неграмотными каракулями сибирского мужичка, прославившегося своими непристойностями, имел чудодейственную силу и значение в столице Российской империи, этот факт являлся и сам по себе необычайно компрометантным.

[«Белое поле в 12 строк» — так в тексте публикации. Указанные строки выбросила из авторского текста цензура. — *Сост.*]

В последнее время Распутин как будто исчез с петроградского горизонта. О нем, в обществе, по крайней мере, как будто стали забывать.

Но вдруг он опять появился.

Предо мною лежит небольшая книжка, скорее брошюра в 54 страницы.

Какие-то поклонники или поклонницы решились издать «Мои мысли и размышления Григория Распутина».

При книжке два портрета и несколько факсимиле Распутина. Последние особенно интересны.

Издатели или издательницы книжки хотели подчеркнуть безграмотность и каллиграфическую беспомощность распутинских каракуль.

В этом они, по-видимому, находят особое достоинство, это подчеркивает, какой Распутин — «простец».

Книжка лучше, чем можно было ожидать. В ней чувствуется религиозное настроение при посещении Распутиным святых мест.

Лица, редактировавшие это «краткое описание путешествия по святым местам и вызванные им размышления по религиозным вопросам»,

в восторге и от Распутина, от «прославленного “старца”, которому, однако, всего 52 года и который отличается редкой гибкостью и выносливостью, чисто юношеским экстазом и задором».

Из этого введения в книжку Распутина можно видеть, что тех, которые искренно увлекались старцем, более всего привлекает его «примитивность».

Как в «Плодах просвещения» у Толстого:

— Как наедятся сладкого, так, что больше не лезет, их и потянет на капусту.

То, что петроградских светских дам потянуло «на капусту», к Распутину, конечно, плохо рекомендует петроградских мужчин «нашего круга». «От хорошей жизни» не полетишь... в объятия Распутина.

Но это рисует в удивительном свете и тот петроградский свет, который, низкопоклонствуя перед этим темным мужиком, стал через него делать свою политику и свои карьеры...

Сам Распутин в своей книжке рисуется хотя и религиозно настроенным человеком, но столь же лукавым и скрытным, как и в личном общении, как об этом общении передавали лично беседовавшие с ним.

О своих впечатлениях из петроградского большого света Распутин только кое-где говорит темными намеками, а о себе лично — только в одном месте:

«Повели нас к Красным воротам, где Господа в последний раз судили. О, как посмотришь, что такое суд?! Кто ежели страдал, всякий про него скажет:

— Нет, — вот за то Его и преследуют; ах, мне-то еще мало этого! *Но за то, за что говорят — теперь невинен, а ранее согрешил**. Но Господь ни теперь, ни прежде не грешил».

Впрочем, Распутин делал признание в своих грехах и более откровенно.

Что же касается религиозности Распутина, то это напоминает анекдот об анекдоте, рассказанном Гоголем.

В мрачную пору своей жизни, в пору «переписки», Гоголь сидел в одном из очень чопорно-аристократических домов Петербурга и вел душеспасительные беседы.

Зашла речь о религиозности русского народа.

— О, да! — подтвердил Гоголь. — Русский народ религиозен при всех обстоятельствах.

И рассказал, как однажды в Москве приятель днем затащил его в ту часть города, где находятся публичные дома. У одних ворот

* Курсив мой.

они встретили хозяйку, с которой приятель Гоголя был знаком. И хозяйка, и выглядывавшие девицы были по-праздничному и скромно принаряжены и, видимо, чего-то ждали.

— В чем дело? — спросил спутник Гоголя хозяйку.

— А, вот везу девушек в Нижний на ярмарку, так напутственный молебен заказала. Ждем духовенства.

Так религиозен русский народ — закончил Гоголь свой рассказ, приведший в ужас салонных слушателей, и в глазах его загорелись прежние лукавые огоньки.

Такой же искренности и религиозность Распутина. И эта искренность подчиненная. Без нее не могло бы быть и таких соблазнов, и таких обольщений.

Во всяком случае, Распутин, если оставить в стороне сексуальную сторону его биографии, по-видимому, все же лучше той среды, которая сотворила из него кумира.

Но этот неслыханный скандал все же пора прекратить окончательно и навсегда.

Слишком серьезное время переживает теперь Россия и не до смеха ей над этими скромно-политическими анекдотами.

Этими гнойниками давно пора заняться серьезно.

Распутинский анекдот тянется слишком долго. Эта комически непристойная гримаса принимает трагический зловеющий характер.

* * *

Как же это могло случиться?

Как мог темный проходимец так долго издеваться над Россией?

Если с этим издевательством мирилась официальная церковь, мирился Синод, мирились министры, сенат, думское большинство и Государственный совет, то как с этим мирилась, как могла мириться Россия?

И в том, что даже с таким скверным анекдотом мирились, заключается самое злое, самое бесповоротное осуждение того режима, об обновлении и изменении которого теперь заговорили все в один голос даже в самых твердых режимах.

Даже такое явление, как Распутин, не казалось слишком необычайным, не казалось неправдоподобным и невозможным, выходящим из ряда.

И это казалось в стиле действительности нашего вчерашнего дня, и это на общем фоне не особенно резало глаз.

В этом стиле казалось «все возможно», «все дозволено».

Там, где были возможны и нормальны правосудие Щегловитова, канонизация Веры Чеберячки, государственные шалости Маклакова, синодское управление Саблера, сухомлиновское покровительство Мясоедову, служебное преуспеяние Фрейнатов и Гротгусов, где торжественно и публично реабилитировали азефовщину, где чины охранки то и дело попадались в экспроприациях, где союзный значок прикрывал заведомых преступников, грабителей и убийц, — там и Григорий Распутин не казался явлением слишком исключительным.

Русское общество так привыкло к анекдотам, что даже от такого неприличного анекдота его не слишком коробило.

Исключительные положения, отсутствие нормальной, элементарной законности в течение десятков лет развратили и власть, и общество.

Исключительные положения, мотивированные необходимостью охраны важнейших интересов государственности, и исключительные моменты свелись к тому, что губернатор или вице-губернатор высылал еврея, которому он задолжал за мебель, а г[осподин] Маклаков запрещал печати что-либо сообщать о бракосочетании какой-то фрейлины X.

Это все было уже в конституционные дни при существовании народного представительства.

И дошло до того, что никто ничему не удивлялся, не удивлялись даже явлению Распутина. Этим как бы говорили и тем барыням, которые открыто отдавались этой новой хлыстовщине, и тем господам, которые через Распутина искали и достигали милостей:

— Что ж, все это на вас очень похоже. Распутин достоин вас, и вы достойны Распутина. Одно к одному.

Крайняя обидность этого отношения даже не была понята. Старались только о том, чтобы хоть печать поменьше говорила о Распутине или даже совсем не говорила.

Прямых запрещений, облеченных в форму хотя бы циркуляра, кажется, не было. Да и как можно было запретить говорить о совершенно частном человеке, не занимавшем никакого поста? Но в личных беседах, но по телефону запрещения упоминать о Распутине давались без всякого стеснения.

Но ведь печать могла не исполнять таких неоформленных распоряжений?..

Конечно, могла. И весьма вероятно, даже достоверно, что за Распутина печать бы не подверглась никаким непосредственным карам. И если бы печать подлежала суду и только суду, т.е. пользовалась бы такими же юридическими привилегиями, какими пользуются воры,

убийцы, грабители, тогда, конечно, печать ничем не рисковала бы, если бы она даже кричала о распутинском скандале. Но у администрации не было никакой надобности карать печать именно за Распутина.

Ведь печать можно карать административным порядком, т.е. без апелляциянно и даже без объявления причин, за что угодно: за заметку в хронике, за невиннейшую оппозиционную статью, за что угодно. Во всякой строчке можно при желании найти какое-нибудь нарушение какого-нибудь пункта, какого-нибудь обязательного положения. Всякую строчку можно в порядке усмотрения подвести под кару. И раз печати сказано было хотя бы намеком, хотя бы по телефону, не упоминать о Распутине, печать знала, что нарушение этого распоряжения повлечет за собою ряд жестоких репрессий по всяким удобным и неудобным поводам.

Таким образом, могло случиться то, что половые извращения или половое распутство влиятельных барынь, тесно связанных с теми реакционными салонами, в которых делалась и — как луна в Гамбурге — прескверно делалась политика, создали такой невероятный соблазн на Руси.

Срам расстилался не только по лицу земли русской. Зарубежная печать не была связана запретами, и там писали о Распутине много и без стеснений.

Много и без стеснений рассказывали о Распутине и об его удивительных непристойных чудесах и в России, и эти устные рассказы, как всегда безудержные, не проверенные и часто преувеличенные, творили еще больший соблазн. Впрочем, что тут было преувеличивать, когда голая правда была «хуже всякой лжи?».

Читаешь книжку Распутина, его заметки, выложенные, припомаженные, где к запаху еляя так явственно примешаны светские духи лиц, редактировавших эти «размышления», и только диву даешься. Ни особого экстаза, ни особой глубины, ни оригинальности. Среди многих тысяч паломников наших, посещающих святые места, найдется множество крестьян, которые с помощью грамотных людей могли бы создать и нечто более яркое, глубокое и оригинальное. Однако никто вокруг них не делает шума.

До чего должно дойти ослепление, чтобы тут, в этих довольно беспомощных каракулях, беспомощных не только в каллиграфическом смысле, обрести новое откровение...

Как это издательницы или издатели этих избранных размышлений (на книжке обозначено г. I) не замечают, что «король ведь голый», и приглашают нас всех любоваться на несуществующее «новое платье короля»?

Воистину, чудеса!

Половые извращения, сексуальная истеричность всегда были, но тут ведь сексуальная истерика врывается в государственность, накладывает печать своей извращенности на политику, низводит, наконец, государственность до себя.

Извращенная сексуальность, любящая прикрываться религиозными экстазами, обычно стыдливо прячется от людских взоров.

Тайные пороки ищут обычно темных уголков. А тут они выносятся на площадь, на всенародное позорище, они нагло себя афишируют, а жадная стая проходимцев пользуется всем этим распутством для своих темных целей.

Удивительно при этом поведение друзей режима Щегловитова, Саблера, Маклакова.

Реакционеры наши ведь не из истеричных дамочек состоят. Они-то должны были понимать, как этим необычайным распутством непоправимо компрометирует себя любезный их сердцу режим. Но они в своем безграничном сервилизме молчали. Они травили «жида», доносили на «третий элемент», требовали намордников для печати и для всех инакомыслящих, но о Распутине молчали.

Ни храбрый Марков 2-й, ни Замысловский, ни доблестный Глинка-Янчевский не обмолвились ни одним словом о Распутине, хотя надо отдать справедливость и Распутину: своим лукавым мужицким умом он разгадал этих господ и не очень с ними связывался.

Другому они бы этого не простили, но перед Распутиным они покорно и почтительно склонялись.

Рыцари «темных денег» осторожны и расчетливы.

Они наглы только там, где не могут ждать сопротивления, где враг связан и беспомощен...

Вен. БОРИСОВ <В. Б. ДУВИДЗОН>

Житие старца Распутина¹

I

Только в стране закулисных влияний такая фигура, какую представлял собой «старец» Григорий Ефимович Распутин, могла пробраться в верхи знати, оказаться на гребне исторической волны и сыграть пусть преходящую, но крупную роль в судьбах страны. Познакомиться с биографией этого проходимца, в прошлом которого имеется уголовный элемент, выявить эту фигуру во всей ее колоритности на экране наших внутренних и внешних событий, — все это и любопытно, и поучительно.

Нервная, подвижная фигура, с длинной бородою, с лицом «под Христа», с серым неприятным взглядом всегда бегающих глаз, с нарочито-грубоватой манерой разговора и подчеркнутым неряшеством, — таков внешний облик Распутина. До сих пор он не привык еще обращаться с вилкой и берет пищу пальцами, которые протягивает после еды своим многочисленным поклонницам, а те облизывают их с чувством высшего удовлетворения. Грубость, доходящая до цинизма, внушает великосветскому кружку, среди которого вращается Распутин, благоговение и восхищение «старцем», которому сейчас всего 43 года...

Григорий Распутин — уроженец и житель села Покровского Тюменского уезда. Село захудалое, бедное, окруженное болотами, — глухое и дикое, забытое Богом и людьми. Пишущему эти строки пришлось пробираться туда в телеге, которая местами утопала в грязи выше колес. Жители села Покровского — настоящие сибирские «жиганы»,

¹ Печатается по: Биржевые ведомости. 1915. 15 августа. № 15027. Утр[енний] вып[уск]. С. 3; 16 августа. № 15029. Утр[енний] вып[уск]. С. 3; 17 августа. № 15031. Утр[енний] вып[уск]. С. 3; 18 августа. № 15033. Утр[енний] вып[уск]. С. 6.

народ — готовый на все, и даже среди них, по своей бедности и моральному уровню, семья Распутиных занимало последнее место.

— Воры они и пьяницы, — говорят в один голос покровцы о Распутиных.

Отец Распутина не раз бывал бит за воровство и озорство.

— Весь род их воровской, — характеризуют Распутиных односельчане. — А про Гришку-то что сказать? Последний мужик был, слюнявый этакой, гнушались им в селе у нас. А теперь вот — на, поди! Умный сделался, в высокие хоромы залетел, выжига.

В молодости Распутин вел особую дружбу с огородником, нынешним епископом Тобольским Варнавой, и сундучником Стряпчевым. Они вместе пили, озорничали, и их обоих, по словам крестьян, не раз бивали за пьянство и кражи.

— Недаром его Распутиным прозвали, — говорят крестьяне.

Лет двадцать пять тому назад нынешний «старец» изнасиловал 70-летнюю старуху Леконидушку, побирушку и юродивую, растлил нескольких детей в возрасте 12–13 лет. Его прошлое в этом отношении напоминает страницы из «Братьев Карамазовых».

Немало в прошлом Григория Распутина чисто уголовного материала, и очень многое мог бы рассказать о нем судебный следователь Амельяненко*, производивший, по странной случайности, впоследствии судебное следствие о покушении на жизнь Распутина.

В архивах Тобольского окружного суда имеются два дела «о Григории Ефимове Распутине»: одно — о краже лошадей, а другое — о лже-свидетельстве. Первое дело до сих пор почему-то не закончено следствием; за второе дело Григорий Распутин был приговорен волостным судом, по местному «законодательству» (дело происходило лет двадцать тому назад), к наказанию розгами, и приговор был приведен в свое время в исполнение.

— Пороли его шибко за разные дела. Так много за ним этих дел бывало, что не припомнишь, — рассказывают покровцы.

Отец Распутина рассказывает об его прошлом следующее:

— Попивал в молодости мой Григорий и озорничал — уж одно горе с ним было! Неугомонный да буян был. Как выпьет, так и этот ему не мил, и другой не хорош, да и работу забывал. А как начнешь его уговаривать, он ругаться, и такое делает, что сказать стыдно. Всякое бывало... Пил, пил, а потом вдруг и ну замаливать свой грех... В Верхотурье уйдет. А как воротится и не узнать моего Григория: такой смиренный и все молится, да прощения у всех просит...

* Амельченко. — *Сост.*

Как и большинство жителей села Покровского, Григорий Распутин был ямщиком. Однажды он возил в Верхотурье одно видное в церковной иерархии лицо. Седок разговорился со своим ямщиком, и эта беседа оказала на Распутина огромное влияние. Распутин после этого все чаще стал уходить в Верхотурье, в монастырь, пропадать там по неделям и наконец выступать в новой роли — сборщика пожертвований на постройку храма.

С кружкой в руках Григорий обходил деревни и села. С этих пор он, по словам отца, становится «умным».

— И ума не приложу, что стало с ним. Такой умный сделался.

И родные Распутина начинают богатеть, собирая на «построение храма». Распутин посылает домой все больше и больше денег, и дело доходит до того, что жена Распутина, Прасковья Федоровна, говорит:

— И на што нам денег столько? Нешто подковы из них ковать.

II

Дальнейшая биография Распутина прямо-таки сказочна.

В ней фигурируют и «старцы», и странники, «некий» епископ Православной церкви, и высокопоставленная дама, и сановники. Рисканнные, уголовные похождения и истерическое кликушество переплетаются, составляя содержание биографии этого периода. Об этом, впрочем, в другой раз.

I

По мере того как материальное благосостояние Распутина становится все более устойчивым, благодаря сбору «на построение храма» среди благочестивых и доверчивых людей, растут сила и влияние Распутина сначала на небольшой кружок односельчан, среди которых видное место занимает сундучник Стряпчев, а затем сфера деятельности Распутина переносится в Тюмень. Распутина окружают друзья, которые пользуются благами его безгрешных доходов и распространяют его «учение».

Распутин всегда говорил:

— Я человека насквозь вижу.

И действительно, он «насквозь видел» тяготение крестьян и мелких мещан к сектантству и богоискательству.

— Они ищут дорогу к Богу, — говорил Распутин своим друзьям. — А я тропинку к Нему вижу и им укажу.

Пропаганда «распутинства» начинается с грубого фетишизма. Во дворе своего дома, в с. Покровском, Распутин и его первые поклонники вырыли глубокую яму и поставили в ней обыкновенный железный треножник, заменяющий жертвенник.

— И тогда начались моления, — рассказывают покровцы. — Зажгут большой огонь в яме, поставят треножку и молятся на огонь. Помолятся, помолются и давай прыгать с бабами через огонь. А сгорит костер — срамота пойдет! В повалку, значит, блудят. Спрашивали мы Гришку: «Что это ты, пьяница, делаешь?». А он в ответ: «Не согрешишь, говорит, не покаешься, грех, говорит, для покаяния, грех Богу угоден, как и подвиг, без греха нету подвига и покаяния». Так-то Гришка про моления свои толковал. А срам ведь!

Не будь впоследствии «высоких» покровителей у Распутина, его «учение» в лучшем случае создало бы изуверскую секту, вроде хлыстовщины, или, что вероятнее всего, оно заглохло бы. Но Распутин не ограничился сферой влияния на крестьян, а стал искать путей к «верхам».

— Ты погоди, — говорил он своему другу Стряпчеву. — Ужо я в высокие палаты залечу, увидишь!..

Дом Стряпчева в Тюмени становится резиденцией Распутина. Там собираются его поклонники и друзья. Последние эксплуатируют своего «пастыря», пользуясь малой толикой с его доходов. Характер Распутина круто меняется. Он бросает пить, задумывается часто, постится. В его внешности тоже происходит перемена. Он отпускает длинные волосы и старается придать себе облик одержимого.

Босиком, в стужу, он ходит по монастырям, но отовсюду его почему-то гонят.

— Пробудет два-три дня в монастыре, ан его и раскусили, — рассказывают его бывшие поклонники. — Увидят, что напускает Гришка на себя святость и что ему «начихать» на все, лишь бы прославиться, — ну, и гонят его. Потому он, Гришко-то, абие, абие, а сам больно охоч до бабия. Натворит безобразиев и говорит: «Для ради покаяния грех чиню». Такие дела!

В этот период своей жизни Распутин знакомится с епископом, который оказывает ему свое покровительство. Благодаря этому Распутин получает доступ в женские монастыри, и вскоре разыгрывается громкий скандал, не проникший своевременно в печать благодаря цензурным условиям того времени.

Распутин во время своих «хождений» по женским монастырям соблазнил и изнасиловал несколько послушниц и монахинь. Дело доходит

до Святейшего синода. Назначается ревизия. Возникает в это время и другое дело — о секте Распутина в с. Покровском и о молениях над ямой.

Но оба эти дела вскоре предаются забвению. Ревизоры же впоследствии, по хлопотам Распутина, получают епископские кафедры...

К моменту «ревизии» Распутин уже оперился и вошел в силу. Он говорит своим близким: «Теперь я все могу».

В жизни Распутина начинается новая полоса. Он накладывает на себя обет, о чем ставит в известность своих друзей и поклонников, стараясь как можно громче афишировать свои намерения.

— Стяжательство и грех у нас в монастырях. Покаяться есть в чем святым отцам. Пойду я по этим местам.

Распутин обходит босиком святые места. Но, как и в первый раз, его снова гонят отовсюду. К этому времени относится его встреча с [отцом] Иоанном Кронштадтским, который сразу раскусил Распутина и сказал ему:

— Распутин ты есть, распутником и будешь.

II

Вскоре Распутин попадает в Москву. Там он проводит некоторое время в одном монастыре, и отсюда карьера Распутина начинает быстро «восходить». Он производит впечатление на некоторых сановных лиц, посещающих монастырь, своей проповедью греха ради покаяния и примитивным религиозным мирозерцанием.

Пред Распутиным открываются двери московских салонов. О Распутине говорят, знакомства с ним ищут высокопоставленные лица, главным образом дамы. Но здесь опять происходит громкий скандал. Распутин проповедовал в это время совместное с женщиной омовение в бане «для умерщвления и испытания плоти». Некоторые светские дамы подпали под влияние Распутина и ходили с ним в баню. Это «банное бдение» имело некоторые «неприятные» последствия для одной из великосветских поклонниц Распутина, о которой речь будет впереди. Скандал не получил широкой огласки только потому, что сильные покровители Распутина замяли его.

Однако положение Распутина ничуть не пошатнулось. Он становится все более и более уверенным в себе и принимает тот небрежно-фамильярный тон по отношению к своим покровителям, которым он так импонировал. Нарочито неряшливо ест «руками» за общим столом в аристократических домах и дает облизывать свои засаленные пальцы высокопоставленным поклонницам и поклонникам.

— Смирись, смирись, графинюшка, — говорит он. — Смирением одолеешь беса... Ну-ка, пальцы-то у меня липкие от варенья твоего, слиж, будь другом...

И графиня, в присутствии многочисленной челяди, облизывала пальцы «старца».

Одна из бывших поклонниц Распутина, которая теперь без чувства отвращения и содрогания не может вспомнить о нем, говорила мне:

— Не в учении его, а в нем самом есть что-то такое, чем он подчиняет себе слабонервных людей. Взгляд его, что ли, такой: тяжелый, пронзительный... Внушает и покоряет.

Однако, несмотря на свой гипнотизирующий, покоряющий взгляд, Распутин никогда не имел большого успеха среди простого народа, на который он пытался влиять. В Покровском и в Тюмени его окружали пройдохи и «выжиги», которые наживались и грели руки подле него.

— Ловкач! — восхищалась его делами одна часть покровцев.

— Чалдон! — выражала свое отношение к нему другая часть.

Ко времени «жития» Распутина в Москве относится его первое знакомство с графиней И. и ее салоном.

Еще в те времена, когда Распутин был «Гришкой-ямщиком», одно высокопоставленное лицо, которое он возил в Тобольск, обещало ему свое покровительство и уговаривало его избрать духовную карьеру. Распутин разыскал это лицо, занимавшее в это время кафедру епископа и игравшее видную роль в правых московских организациях, и оно ввело Григория Распутина в кружок всесильной графини И.

В первый раз Распутин произвел на графиню И. неблагоприятное впечатление.

— Одержимый он какой-то и груб, — жаловалась графиня.

— А ты, графинюшка, присмотришь, — советовал ей покровитель Распутина.

Епископ настоял на том, чтобы обратили внимание тобольского епархиального начальства на выдающиеся религиозные «задатки» Григория Распутина. В Тобольск летят телеграммы. Распутин, по совету «князя церкви», едет туда. И происходит следующее: ряд лиц, по рекомендации Распутина, рукополагаются во священники. Новые пастыри произносят в церквях «слова», в которых косвенно и прямо рекламируют Распутина. Крестьяне недовольны и ропщут. Посылаются жалобы... еп[ископу] Варнаве, бывшему другу Григория Распутина. Но из этих жалоб, разумеется, ничего не выходит. Спустя некоторое время Распутин уже чувствует твердую почву под ногами и едет в Петроград. Кружок графини И. содействует ему, и пред Распутиным

раскрываются все двери. Приехав обратно в Тобольск, Распутин рассказывает, что он был у председателя Совета министров П. А. Столыпина и исцелил его парализованную во время взрыва на Аптекарском острове руку.

— Я предсказал ему, по внушению Божию, что падет он от руки супостата, — говорит впоследствии Распутин.

Так или иначе, Распутин, очевидно, вошел в доверие к П. А. Столыпину. Между ними завязывается переписка.

Вообще, к 1906 году положение Распутина становится настолько прочным, что пред ним заискивают сильные мира сего. Он получает в своей штаб-квартире в Тюмени огромную почту, которую разбирают и сортируют несколько секретарей.

— Поди, министр не получает такую кучу писем, — с гордостью и самодовольством говорит святой «старец».

В Тюмени «старец» сближается с инспектором народных училищ Григорием Яковлевичем Малярецким, привозит ему из столицы 2000 рублей на школу и пытается распространить сферу своего влияния и среди детей, учащихся в школах, подведомственных Малярецкому, особенно среди девочек...

Однако, несмотря на содействие епископа Варнавы, который ставит всем на вид, что «старец» Распутин «отмечен перстом Божиим», пропаганда «распутинства» среди малолетних учениц тюменских школ успеха не имела...

I

Ввиду того, что ревизия «дел» Распутина в с. Покровском не привела ни к чему, возмущенные покровцы решили сами послать письменную жалобу в Синод.

Вот в устной передаче крестьян одна из ярких сцен, запечатленных в многократных жалобах покровцев о деяниях «старца».

Изображается жертвенное моление Распутина у ямы.

Ночью, лишь только зажгутся звезды, Распутин с домочадцами и поклонниками наташат в яму дров и зажигают костер.

На треножник, стоящий на огне, ставится чаша с ладаном и кореньями.

Взявшись за руки, попеременно мужчины и женщины кружатся вокруг ямы и поют, часто повторяя одну фразу:

— Грех наш ради покаяния, грех покаяния ради, Господи!

Бег вокруг костра все ускоряется, вместо членораздельной речи слышатся уже вздохи, стоны и скрежет зубовой.

— О-ох! И-их!

Костер гаснет. Сразу размыкается круг, и слышен неистовый крик «самого».

— Аз говорю вам: испытайте плоть вашу!

Валяются в кучу люди, происходит нечто неподдающееся описанию. Мужчины отрезывают у своих случайных дам край платья и по нему узнают впоследствии, с кем произошел у них грех.

— И бывало, — рассказывает покровец, — отец узнавал дочь, мать — сына. Грех какой! На вилы бы его, собаку!

Жалобы покровцев не привели ни к чему.

Впрочем, результат был следующий: высшие духовные власти предписали тобольскому епархиальному духовенству обучить Распутина грамоте и оказать на него религиозное влияние...

В штаб-квартире Распутина в Тюмени, у сундучника Стряпчева, творилось нечто невероятное, напоминающее страницы из «Помпадуров и помпадурш» Щедрина.

Приема у Распутина добивались сотни людей, знатных, державших в своих руках всю полноту власти.

Но попасть к Распутину было не так просто.

Секретари его брали взятки по 200–300 рублей за устройство аудиенции у «самого».

«Некий» губернатор, которому грозила отставка, приехал просить заступничества у Распутина.

Он знал, как и все в губернии, что достаточно визитной карточки Распутина с двумя-тремя кривью и вкось нацарапанными на ней словами, и перед просителем услужливо склонится воля высшего сановника.

Губернатор передал через какую-то юркую личность свою визитную карточку Распутину.

Личность повертела в руках карточку Его превосходительства и сухо ответила:

— Не принимает.

— Меня примет, — уверенно сказал губернатор.

— Не велено делать исключений. Впрочем...

Юркий секретарь фамильярно нагнулся к уху Его превосходительства и шепнул цифру.

— Г-м, — смущенно кашлянул губернатор и, вытащив бумажник, отсчитал четыре сотенных бумажки.

Дело Его превосходительства устроилось. Распутин послал в министерство телеграмму: «Губернатора такого-то умоляю оставить на месте. Григорий».

Секретари Распутина делали большие дела, потому что к «старцу» за заступничеством обращались все.

Существовала даже подробно расписанная такса: сколько с кого брать. Слухи о делах секретарей дошли до Распутина, и он обратился к епископу Варнаве за советом.

— Возьми мою сестру в управительницы, — посоветовал ему епископ. Совет еп[ископа] Варнавы был принят. Сестра Варнавы с этих пор становится у дел Распутина. Она следит за разборкой его огромной корреспонденции, опрашивает посетителей, стекающихся со всех концов России к Распутину, решает, кого можно принять и кого нельзя, и единолично получает мзду, из которой малую толику уделяет и секретарям.

Но вдруг у сестры еп[ископа] Варнавы появилась конкурентка. В небольшом городке Тобольской губернии жил нотариус N.

Наслушавшись о всеилии Распутина, он решил воспользоваться его влиянием, чтобы перевестись в большой город. Мечтал даже о Петрограде. Шансы у нотариуса N. были большие: у него была красивая жена... Он командирует ее к Распутину.

Сестра Варнавы сразу раскусила, в чем дело, и не допустила жену нотариуса к Распутину.

На письменную просьбу «клиентши» Распутин не обратил никакого внимания.

Но жена нотариуса, женщина настойчивая и хитрая, умудрилась поймать Распутина в такой момент, когда он направлялся... по естественной надобности.

Она перехватила его на полдороге и сумела произвести на него должное впечатление.

С этого момента она занимает в его доме видное положение, конкурируя с сестрой Варнавы в деле поборов с просителей и соревнуя с нею в близости к «старцу».

Распутин их обеих называет «сестрами» и ласкает при посетителях.

— Каких сестер завел себе твой Гришка! Крала! — сказали однажды покровцы жене Распутина, Прасковье Федоровне.

Та подробно расспросила обо всем и поехала тотчас же в Тюмень.

В доме Распутина произошел громкий скандал, вызвавший вмешательство полиции и составление протокола, который, однако, потом был уничтожен.

Но Распутину нельзя было уже приезжать в Покровское. На него указывали пальцами.

Не желая расстаться с женой нотариуса, Распутин нарочно тянул его дело. Нотариус приезжает поторопить Распутина и двинуть свое дело. На глазах у нотариуса жена его продолжает жить со «старцем», который утешает его:

— Ты смирись, смирись, убей в себе беса-то.

II

Во время поездок Распутина в Петроград и Москву его сопровождала «духовная сестра».

В Петрограде, в кружке графини И., обратили внимание на г[оспо]жу N. и на ее отношения с Распутиным. После целого ряда скандалов г[оспо]жа N. уехала в Тюмень, а Распутин выслушал ряд угроз от нотариуса:

— Вы понимаете, — говорил нотариус, — что ваши отношения к моей жене обязывают вас по отношению ко мне. По наущению ваших высокопоставленных поклонниц вы удалили ее. Но знайте, что у меня есть факты, избобличающие вашу деятельность, и что я молчать не буду...

Под страхом скандала и разоблачений Распутин снова приближает к себе г[оспо]жу N., но в конце концов уговаривает ее уехать домой.

Провожал ее сам Распутин и, приехав в Тобольск, был приглашен вместе с епископом Варнавой к губернатору Сенкевичу* на обед.

В Тобольске Распутина встречали с помпой. Все власти до вице-губернатора включительно вышли на встречу. Полицеймейстер лихо летел впереди на тройке, стоя на подножке и крича толпившейся на улице публике:

— Раздайся!

Городовые козыряли «старцу» и расчищали ему дорогу.

У губернатора Распутин отказался есть скромное, сказав:

— Нельзя мне. Грехи замаливаю. Свои и ваши.

После обеда завели граммофон. Распутин смотрел во все глаза на диковинную, никогда не виданную им штуку и тихо спросил:

— Что это такое?

Когда ему растолковали, в чем дело, он плюнул:

— Тьфу! Тьфу! Бесовская выдумка! Голос человеческий крадут и в ящик замыкают. Грех! Унесите.

Граммoфон велели унести.

Везде, куда ни приезжал Распутин, его встречали с большим почетом и помпой. В одном из сибирских городов для Распутина открыли

* Станкевичу. — *Сост.*

особые парадные комнаты, в другом городе соорудили триумфальную арку из цветов, в третьем — навстречу ему вместе с гражданскими властями вышло духовенство в облачении.

— Моя власть от Бога, — самодовольно говорил Распутин после этих помпезных встреч.

На Распутина опасно было жаловаться. Один из жителей с. Покровского, не зная об отношениях губернатора Сенкевича к Распутину, послал ему жалобу на деятельность «старца» в с. Покровском. Жалобщик описывал возмущавшие всех покровцев «моления» и прочие дела Распутина.

Результатом этой жалобы было то, что жалобщику было сделано строгое внушение с угрозой выжить его из с. Покровского в случае повторения жалобы.

Надо было видеть изумление жалобщика, местного интеллигента и человека с весом и положением в селе.

— Что же это такое? — говорил он мне. — Неужели какой-то вор и насильник, которому место в тюрьме, может заставить меня молчать? Кому жаловаться, если так? Нет, уж я доберусь до настоящего.

— Нишкни, — сказала ему жена. — Разве не знаешь, в какую силу Гришка вошел? В городе полиция ему козыряет, а губернатор так и лебезит пред ним. Трудно тягаться с Гришкой.

Возмущенный обыватель согласился с тем, что «Гришка — сила», и притих.

И не одни рядовые обыватели пасовали пред Распутиным. Слава его в связи со слухами о его всеилии росла, тем более что духовные лица сами рекламировали Распутина в своих проповедях.

Когда еп[ископ] Варнава, только что назначенный на тобольскую кафедру, приехал в Тюмень, в соборе собралось много народа послушать нового владыку. Съехались даже из соседних сел и городов.

К соблазну паствы еп[ископ] Варнава посвятил свою проповедь... жене Распутина — Прасковье Федоровне.

— Смотрите на нее, — говорил владыка. — Вот пример благочестия и душевной чистоты.

«Пример благочестия», Прасковья Федоровна, стояла сияющая в толпе.

А покровцы, бывшие в числе слушателей, указывали на нее, качали головами и говорили:

— Вона как! Поди ж ты! А давно лошадей воровали? А давно розгами секли?

И вспоминали многие случаи из прошлого Распутиных, далеко не служившие примерами благочестия для паствы.

— Вот и пойми, что лучше: старух насиловать али малых ребят.

Пример епископа, посвятившего свою проповедь Распутину и вызвавшего смущение у паствы, был не единичным. Сельское и городское духовенство Тобольской епархии трепетало пред Распутиным и, боясь одного имени его, славословило «старца». Страх перед Распутиным имел свои основания.

Дело в том, что еп[ископ] Варнава и Распутин относились с подозрительностью к грамотным священникам и подняли на них гонение.

Полетели в Петроград письма и телеграммы, и через небольшой промежуток времени в Тобольской епархии остались только полуграмотные, а то и совсем безграмотные иереи. «Ученые» оказались не к месту.

— Нам не надо умных, — говорили секретари Распутина опальным священникам, пытавшимся через Распутина добиться, чтобы их оставили на насиженных местах. — Ежели ученый кто, так он нынче книгу читает, а завтра, гляди, в бытии Божиим усомнился. Да и горды они больно, ученые-то.

Стремясь подчинить себе все местное духовенство, еп[ископ] Варнава с Распутиным вкупе производят чуть ли не тайные дознания о том, как тот или иной священник отзывается о них, как живет, что читает. «Читающих» удаляли, а не читающие и славящие Распутина входили в фавор.

Епископ Варнава с Распутиным объявили в Тобольской епархии крестовый поход против культуры во всех ее проявлениях. Они оба распоряжались полновластно в епархии, где никто не смел жаловаться и протестовать. Варнава и Распутин являлись на дом к священникам и производили своеобразную «ревизию», рылись в книгах, в письмах, в гардеробах жен и дочерей священников.

Один местный дьякон нарисовал мне следующую яркую сценку.

— Как-то вечером отправились мы с матушкой к о. Василию в гости. Только мы вышли за ворота — вижу: идут еп[ископ] Варнава и Распутин. Не любил я, признаться, встречаться с ними, особенно с Григорием, да и все мы боялись их-то. Осрамят, накричат, ногами затопают неведомо за что. Сан оскорбляют, и того... стыдно перед паствой-то. И вот хотел я назад за ворота уйти. Да заметил меня Варнавин соглядатай, Гришка-то, кричит:

— Стой, отец пречестной?

Делать нечего — остановился. А самого трясет со страху, и в голове одна дума: «Сживут! Сживут!» Шепчу про себя: «Помяни, Господи, Царя Давида и кротость его» и жду разноса, сам не знаю за что.

А они уже нашли. Набросился Варнава на жену и на дочь, кричит: — Вы кто? Духовного звания? Или блудницы? Тьфу, срамота, блуд! Что это на голове у вас?

И собственноручно сорвал с головы матушки гребешки, наземь бросил, ногами растоптал и прическу растрепал.

— Корсеты, гребешки, моды парижские! — кричит. — Вавилон! Разврат! Выведу, все выведу!

А Григорий:

— Белье-то у них, поди, батистовое. Франтят!

Народ сбежался, соблазн, срам! Вернулись мы домой сами не свои. Гнев сердце мое палит, однако думаю: «Нишкни, отец! Куда с ними тягаться! На улице без хлеба останешься».

Случай, описанный о. диаконом, не единственный. Варнава с Распутиным вели упорную борьбу против... гребешков, причесок и корсетов как с внешним отражением культуры.

Ко времени разгара этой борьбы относится приезд Илиодора к Распутину в с. Покровское.

Илиодор познакомился с Распутиным в кружке графини И[гнатъевой]. Личностью Распутина Илиодор заинтересовался задолго до знакомства с ним под влиянием епископа Феофана, который вывел Распутина в люди. Епископ Феофан говорил о Распутине как о выдающейся, одаренной личности и советовал Илиодору сблизиться со «старцем». Однако при первом свидании у графини И. Распутин произвел на Илиодора отрицательное впечатление.

— Ничего не понимаю, — говорил он. — Ежели он святой жизни человек, то как понимать его отношения к дамам? Не осуждаю, ибо не ведаю, но боюсь.

Не доверяя своему первому впечатлению, Илиодор решает ближе присмотреться к Распутину и едет к нему в с. Покровское. По мере приближения к Тобольской губернии Илиодор узнает все новое и новое, говорящее далеко не в пользу «старца». О распутинских скандалах толкуют по всей губернии. Некоторые, приняв Илиодора за ревизора, посланного расследовать безобразия Распутина, подробно рассказывают ему о похождениях старца.

Вор и пройдоха, — кратко характеризуют Распутина покровцы в разговоре с Илиодором.

Жители с. Покровского отнеслись с большим уважением к Илиодору.

— Сразу видать — не ровня ему Гришка-то, — говорили впоследствии покровцы об Илиодоре. — Гришка — хлыст и безобразник, а этот лжи не терпит, и душа у него хорошая.

Во время пребывания Илиодора в Покровском крестьяне жаловались ему на Распутина. Илиодор был скандализован рассказами покровцев о прошлом Распутина и его насилиях, о борьбе его и Варнавы с грамотностью, о сектантских радениях над ямой, а обстановка, окружающая Распутина, женщины, играющие такую видную роль в «подвижничестве» старца, делишки его секретарей, слухи о посещении Распутина с поклонницами покровской бани — все это произвело на Илиодора ошеломляющее впечатление.

— Я не мог опомниться, — говорил мне Илиодор в личной беседе. — С одной стороны, о нем хорошо говорят еп[ископ] Феофан, графиня И., сановники, а с другой — разврат, хлыстовщина и даже уголовные преступления.

— Житья от него не стало, — жаловались крестьяне Илиодору. — В церковь пойдешь — срам: прежних попов прогнали, а новые сами-то лыка не вяжут и все о Гришке, все о Гришке. Он для них и «Отче наш», и «Со святыми упокой». Девоч портит, баб совращает, голоса не дает поднять. Что за напасть такая на нас! Ужли там, в Питере, умных и честных людей не стало, что «жиган» Гришка над нами верховодить стал? Помогите, батюшка, вывести его, вора-то, на чистую воду.

При встрече с еп[ископом] Варнавой Илиодор в негодовании дал ему понять, что он знает о похождениях Распутина в Покровском и Тюмени. После этого еп[ископ] Варнава говорит Распутину:

— Развяжись с ним. Умный он очень.

И старается всячески настроить Распутина против Илиодора.

— Я этих ученых не боюсь, — хвастается Распутин пред одним из своих бывших поклонников.

Вместе с Илиодором Распутин едет в Тобольск. Илиодор поражен приемом, устроенным Распутину губернской властью. По пути их встречают чуть ли не с хлебом и солью, вице-губернатор лично выезжает навстречу Распутину и на губернаторском экипаже везет его на обед к губернатору.

В Тобольске настоятельница одного из женских монастырей жалуется Илиодору на безобразия Распутина.

— С тех пор как Григорий Ефимович стал ездить к нам, несколько послушниц пришлось удалить за пьянство и развратное поведение. Как приедет Распутин в монастырь, выберет послушниц и монахинь помоложе и уединяется якобы для душевспасительной беседы. Пробовали жаловаться епископу — да что! Его руку держит еп[ископ] Варнава. А высшей власти жаловаться боимся.

В Тобольске все в один голос говорили о развратном поведении инокинь монастырей, посещаемых Распутиным. Купцы, охотно посещавшие дотоле монастыри и щедро одарявшие их, теперь только отмахивались:

— Гришкин дух нынче в монастырях. Разврат! Стыдно дочерей туда водить. Обратил Распутин монастыри в непотребные дома.

Рассказывали об оргиях в кельях, о катаниях на тройках с послушницами, обо многом, которое я не решаюсь изложить вследствие непроверенности этих «случаев».

— Диву даешься, как это открыто, на виду у всех творятся такие безобразия, и никто не может ничего сделать, — говорили жители Тобольска.

На приеме у губернатора Распутин был чувствительно задет тем, что губернатор уделял больше внимания Илиодору, чем ему.

— Что же ты, батюшка, ученого улащаешь? — сказал Распутин. — Учен-то он учен, а дух-то Божий в ком?

Губернатор поспешил успокоить Распутина.

— Надо его, Илиодора-то, сбить, — сказал впоследствии Распутин. — А то вперед забежит святоша этот ученый.

В Распутине, очевидно, засела мысль об опасности конкуренции со стороны Илиодора, и он намеками высказывал ее.

— Будет великая борьба, — говорил он. — Придется мне одолеть некоего инока гордого.

На обратном пути из Тобольска между Распутиным и Илиодором происходит открытая размолвка.

Дело в том, что Распутин позволил себе с грубой фамильярностью высказаться об одной особе.

— Нельзя так говорить, — заметил Распутину Илиодор.

— Мне можно, — ответил Распутин.

Илиодор вернулся в Петроград подавленный и возмущенный всем тем, что он видел и слышал о Распутине в Покровском, в Тюмени и Тобольске.

В Петрограде произошел случай, еще сильнее возмутивший Илиодора. В комнату Илиодора в присутствии Распутина ворвалась какая-то дама и бросилась к ногам Илиодора, требуя от него заступничества.

— Выгоните ее, выгоните, она бесноватая! — закричал сразу смутившийся и побледневший, как мел, Распутин.

— Выгнать? Нет, не выгонишь, — кричала женщина, обнимая колени Илиодора. — Выслушайте меня, батюшка!

Несмотря на протесты Распутина, Илиодор усадил даму и попросил ее рассказать, в чем дело.

Дама оказалась бывшей поклонницей Распутина, которую он увлек проповедью «греха плоти ради покаяния духа» и с которой он вошел в связь. Она рассказала Илиодору, что Распутин увлек и ее дочь, и теперь живет одновременно с нею и с дочерью, лаская дочь на ее глазах.

Потрясенный всем этим, Илиодор отправился к еп[ископу] Гермогену и рассказал ему обо всем: о том, что творится в Тобольской губернии, о жалобе настоятельницы монастыря и дамы — бывшей поклонницы Распутина.

Еп[ископ] Гермоген отнесся с крайним вниманием к рассказу Илиодора и, взяв с него клятву больше не встречаться с Распутиным, высказал намерения изблечить «старца».

Через несколько дней еп[ископ] Гермоген и Илиодор сделали попытку изблечить Распутина в кружке графини И.

Их выслушали и замяли разговор.

Таким образом, первая попытка вывести Распутина на чистую воду не имела успеха. Авторитет и обаяние «старца» были настолько сильны, что даже высший иерарх Православной церкви оказался бессильным.

Между тем Распутин окончательно переселяется в Петроград. Он снимает убогую и полутемную комнату на Николаевской улице, где-то на заднем дворе, и ведет относительно скромный образ жизни. Кроме графини И. и ее тесного кружка, он еще никого не знает, однако уже пытается посылать высшим властям свои безграмотные записки. Но на него пока не обращают никакого внимания.

Здесь, в этой комнате, на Николаевской, Распутин начинает свою карьеру в Петрограде с мелких «гешефтов».

Его сразу окружают темные личности, прожекторы и пройдохи, которые стараются использовать его связи и влияние.

Духовные «сестры» Распутина и его секретари вербуют ему поклонников, распространяя слухи о его силе в высших сферах и влиянии.

Как в Тюмени и Покровском, секретари дерут взятки за устройство свидания просителя с «самим». К «старцу» приезжают провинциальные чиновники, ищущие через него протекцию или заступничество, и «старец» принимает на себя ходатайства перед сильными мира сего за мзду, нередко довольно хорошую...

Н. С. ЗВЕРЕВ

Подвиги «старца» Распутина (От нашего корреспондента из Тобольска)¹

В то время, когда вся наша многострадальная Россия охвачена военным пожаром, когда кровавый водоворот бурлит на земле и на море, под водою и под небесами, когда сотни тысяч, а быть может, и миллионы сынов России в ужасной бойне проливают кровь, а их жены и дети дома льют слезы, некоторые паразиты, торжествующие немецкие свиньи, изменники Родины прожигают жизнь, захлебываются вином на соблазн другим.

Распутину, пьянствовавшего в Тюмени по приезде из Петрограда, привез на пристань Т[овариществ]а Пароходства З[ападной] С[ибири] настоятель тюменского монастыря, малограмотный игумен Мартиниан, речь о котором у нас будет еще. Распутин был полупьян, а во время пути на пароходе «Товар-Пар» — упился до «зеленого змия», много безобразничал и немало доставил пассажирам неприятностей, — не обошлось даже без инцидентов.

С разметавшимися беспорядочно волосами, всклоченной бородой с запутавшимися в нее кусочками рубленой капусты, в синей сатиновой рубашке, испачканной чернилами, в рваных штанах, с налившимися кровью глазами Распутин рыскал по пароходу, распространяя нестерпимый сивушный запах, стараясь завязать знакомство с пассажирками, приглашая некоторых из них к себе в каюту «отведать заморских вин, полученных им в подарок от петроградских княгинь, которые ему поклоняются как Богу». Но омерзительное состояние циника-Гришки, нестерпимый запах изо рта, отдающий винными парами, вызывали полное к нему отвращение, и публика гнала его, называя «пьяной свиньей».

¹ Печатается по: Отклики на жизнь. Ежемесячный духовно-литературный журнал. 1915. Сентябрь-октябрь. № 11–12. С. 27–29.

Не имея успеха у женщин, одичалый Распутин попытался поискать утешения в обществе мужчин.

Слоняясь по пароходу, как блудливая кошка, присяжный алкоголик «набрел» на группу солдат Тобольской команды, сопровождавших пленных. Отрекомендовавшись членом Государственной думы (?), Распутин вступил со служивыми в разговор. Но, видя, что солдаты не слушают его пьяных речей, самодур попросил их петь песни скабрезного содержания. Но солдаты такие песни петь отказались, а исполнили несколько военных песен, за что им уплачено было 150 рублей. Отдавая деньги, Распутин объяснил, что «на его век дураков в Петрограде найдется». Потом самодур пригласил солдат в салон 1-го класса ужинать, но был изгнан вместе с солдатами. Вернувшись вторично в салон, занятый коммерсантами, он заявил последним на соответствующий вопрос: «что Варнава назначен им (Распутиным), так и будет переведен митрополитом, когда пожелает он», т.е. Распутин, добавив при этом, что «Синодом он (Распутин) может распорядиться, а не наоборот». При этом одичалый от дурмана Распутин оскорбил тюменского купца Михалева и березовского коммерсанта Силина, назвав последнего «жуликом». Михалев назвал пьяного дикаря «свиной», а Силин намеревался расплатиться с Распутиным «по своему», но алкоголик убежал, разбив предварительно стоящий на столе чайный сервиз.

Когда Распутин выбежал из салона, его «травили», как замученное животное, свистали ему в след, а торговец Далинников любопытствовал: как его били нагайками и ложками казаки, на что Распутин только огрызался, бросая на бегу гнусную брань, не обращая внимания ни на женщин, ни на детей.

Удалившись к себе в каюту, Распутин начал петь песни непристойные и кричать на весь пароход, стуча по столу кулаками. Когда же творимое им безобразие сделалось невозможным, г-н Силин предложил публике обратиться к командиру парохода о составлении на пьяного буяна протокола, что капитаном и было исполнено. Когда же сопровождавший Распутина игумен Мартиниан сообщил ему о приближении парохода к селу Покровскому, пьяница-Распутин, как безумный, выскочил из каюты и, столкнувшись с официантом, назвал последнего «жуликом», обвиняя его в похищении из кармана пьяного «самодура» 300 рублей. Официант заявил Распутину, что он принесет жалобу на него мировому судье за клевету и оскорбление личности. При приведенном инциденте находились солдаты: Сищенко, Чуклеев, Аклевский и др., которые и являются свидетелями грубого поступка Распутина.

На берегу села Покровского пьяного сектанта Распутина встретило несколько девок, которых дарит еп[ископ] Варнава, при посещении Распутина, поцелуями, не стесняясь это проделывать даже на берегу, сойдя с парохода, при многочисленной публике.

По приходе парохода «Товар-Пар» в Тобольск архимандрит Августин, узнавший о всех безобразиях пьяницы-Распутина, немедленно поехал с Варнавой на пароход и вручил капитану парохода 100 рублей на Красный Крест, причем просил не давать движения вышеупомянутому протоколу.

Тобольским губернатором А. А. Станкевичем издано обязательное постановление, карающее, между прочим, пьяниц очень строго. А в данном случае имело место не только пьянство в публичном месте, но безобразие и нарушение общественной тишины и спокойствия. И интересно бы знать, распространяется ли упомянутое постановление и на Распутина, который, по словам жителей с. Покровского, пьянствует, вводя в соблазн и других.

А. С. ПРУГАВИН

Леонтий Егорович и его поклонницы¹

От автора

После того, как бульварная, «желтая» пресса, бьющая на сенсации и низменные инстинкты толпы, вылила целое море грязи, описывая похождения Григория Распутина и его отношение к царской семье, — как-то жутко и неприятно приниматься за эту тему.

И тем не менее, однако, по мотивам не столько психологического, сколько общественного и политического характера, мы считаем необходимым заняться этой темой, тем более что даже в органах серьезной прогрессивной печати вопрос о причинах поразительного влияния этого «проходимца» до сих пор не только не получил разрешения, но даже не был правильно поставлен, не был надлежаще освещен.

Личность и деятельность пресловутого «старца», подчинившего своей воле не только царицу, но и царя, трактовались обыкновенно вне всякой связи с тем нездоровым мистическим брожением, которое давно уже захватило царскую семью и которое, собственно, и выдвинуло этого темного субъекта на первый план, сделав из него центральную фигуру и в глазах придворных и чиновных бюрократов. А главное, никто не пытался выяснить самый характер и подоплеку этого брожения.

По мере того, как это грубо-суеверное, мистическое брожение, усиливаясь и обостряясь, принимало явно психопатический характер, влияние Григория Распутина возрастало все больше и больше, и наконец он становится главным руководителем в делах как русской церкви, так и русского государства. Относительно последних годов старого режима можно без особого преувеличения сказать, что самодержцем

¹ Печатается по: *Пругавин А. Леонтий Егорович и его поклонницы*. М., 1916.

России был в то время уже не Николай II, а Григорий Распутин, который диктовал царю свою волю то прямо и непосредственно, то чрез царицу... Результаты налицо.

Русское самодержавие — «самое варварское и фанатическое в Европе» — лопнуло, как мыльный пузырь. Олицетворявший его монарх, стоявший во главе 180-ти миллионов народа, повелевавший могущественнейшей армией, охраняемый специальным конвоем, явной и тайной полицией, жандармерией, бесчисленными агентами «охраны», — этот, казалось, всесильный, всемогущий монарх был взят голыми руками, был арестован среди бела дня, открыто, на глазах у всех, представителем народа инженером Бубликовым, вместе с тремя его сочленами по Государственной Думе.

И ни один человек из 180-ти миллионов народа, ни один солдат из многочисленной армии, даже ни один человек из свиты, конвоя и охраны не выступил на защиту этого монарха, не сделал ни малейшей попытки отстоять его. Не раздалось ни одного выстрела, не было пролито ни одной капли крови, не было заявлено ни одного протеста. Николай II был свергнут с престола с такой же легкостью и быстротой, с какой увольняется от службы «по 3-му пункту» какой-нибудь чиновник XIV класса. На первый взгляд это представляется чем-то совершенно фантастическим, невероятным, каким-то волшебством. Какая-то блестящая, сказочная феерия, какое-то чудо... На самом деле, конечно, тут никакого чуда нет. Причин, которые вооружили против Николая II все русское общество, всю русскую армию, весь русский народ, которые сделали ненавистным и непереносимым не только его и его управление, но всю династию Романовых, — слишком много. Но так как эти причины, по крайней мере, наиболее главные, глубокие и коренные из них, всем хорошо известны, то поэтому мы и не будем здесь останавливаться на них.

Мы отметим только ту роль, какую сыграл в этом процессе пресловутый «старец», печальный герой очерков, которые мы предлагаем вниманию читателей.

Никто так не расшатал царский престол в России, никто так не уронил, не унизил в глазах народа и общества личность государя и государыни, никто так не дискредитировал царской семьи, как Григорий Распутин. Этот темный субъект сыграл поистине роковую, фатальную роль в истории падения династии Романовых.

Он своим поведением, своим образом действий, своим вмешательством во все сферы государственной и церковной жизни вызвал против царя и царицы целую бурю, целый ураган негодования, озлобления, ненависти и презрения.

Благодаря ему царь и царица сделались посмешищем во всех слоях русского общества и народа сверху донизу. Дворянство и аристократия были скандализованы грязными похождениями «старца», возмущены его огромным влиянием на царя и царицу. Кухарки и горничные, стоя в хвостах у лавок и магазинов, с хохотом рассказывали друг другу самые чудовищные слухи и сплетни о близости Распутина к царской семье.

Духовенство было до глубины души возмущено тем явным и отвратительным кощунством, которое происходило в царской семье и в придворных сферах, считавших живым Богом грязного, невежественного, развратного и пьяного мужика.

Один из иерархов русской церкви, заслуженно пользующийся большой популярностью и уважением, писал мне как раз в день убийства Распутина, не зная об этом факте: «Твердо помните, что “герой” XX века (т.е. Распутин) — хлыст, и есть у меня основание думать, что все зеты и игрики Вашей книжки* тоже хлысты... Этим объясняется падение всех честных людей с вершин власти».

Под буквой Z я упомянул в своей книжке о царице Александре Федоровне, а под буквой У — о Николае II. На фронте, в войсках, среди офицеров и солдат, конечно, нельзя было открыто говорить о царе и царице. Но как только разговор переходил на Распутина, — тут все задержки моментально исчезали и начинался самый откровенный обмен мыслями, разливался неудержимый поток всевозможных слухов, толков и сплетен относительно необыкновенной близости этого человека к царской семье, относительно причин его поразительного влияния.

Как только появилось первое издание этой книжки под заглавием «Леонтий Егорович и его поклонницы», в которой был выведен пресловутый «старец», меня начали посещать офицеры разных частей войск, находившихся в Петрограде, а также приезжавшие с фронта. Они выражали мне сочувствие за то, что я затронул в печати наиболее важный вопрос о влиянии при дворе таких проходимцев, как Распутин, высказывали негодование по поводу этих возмутительных явлений, сообщали слухи и факты из хроники придворной жизни и т.д. В то же время они предлагали мне свое содействие в деле дальнейшего исследования и раскрытия причин, благодаря которым были возможны вакханалии, происходившие вокруг Царского Села.

Один из этих офицеров, молодой поручик-сапер, пылкий патриот, только что приехавший с фронта, очень просил меня сообщить адрес

* Леонтий Егорович и его поклонницы.

квартиры Распутина и номер его телефона. На мой вопрос: зачем это нужно ему? — он признался, что решил убить Распутина, так как глубоко убежден в том, что он губит Россию, предает ее вместе с царицей и что, пока он жив, война не может закончиться победой.

Мне пришлось объяснить своему собеседнику, что, как ни велико влияние Распутина, тем не менее суть все-таки, конечно, не в нем, а в личности царя и царицы и в той атмосфере, которая создавалась вокруг них, и что поэтому с устранением зловредного «старца» условия отнюдь не изменятся к лучшему, так как на место Распутина немедленно же явятся другие подобные ему субъекты, которые и будут играть на тех же струнах.

В то же время я получил доказательства, что упомянутой книжкой живо заинтересовались лица, стоявшие во главе нашей доблестной армии, в которой уже в то время все заметнее складывалось убеждение, что Николай II, его жена и Григорий Распутин ведут Россию к неминуемой гибели...

Изданная в Москве в феврале прошлого года, книжка эта была распространена издательством в течение трех дней. Когда на четвертый день в книжный склад, где она находилась, явилась полиция по приказанию командующего войсками Московского военного округа генерала Мрозовского, чтобы конфисковать ее, — оказалось, что на складе осталось только 57 экземпляров.

Считая действия генерала Мрозовского в деле ареста моей книги совершенно незаконными, я протестовал против них следующим открытым письмом.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Господину командующему войсками Московского военного округа генералу от артиллерии И. Н. Мрозовскому.

Ваше Превосходительство!

В январе месяце текущего (1916) года по Вашему распоряжению был наложен арест на изданную мною в Москве книгу «Леонтий Егорович и его поклонницы», после чего книга моя подверглась конфискации.

В силу предоставленного Вам права Вы ничем не мотивировали своего распоряжения об изъятии книги. Об этом нельзя не пожалеть, так как распоряжение Ваше невольно вызывает полное недоумение, с какой бы точки зрения к нему ни подойти.

Прежде всего позвольте обратить Ваше внимание на следующий факт: почти весь рассказ, вошедший в мою книгу, был целиком, без всяких изменений, за исключением лишь двух последних глав, напечатан мною

в журнале «Русская Иллюстрация» в августе и сентябре месяцах прошлого 1915 года в NN28, 29, 30 и 31 — под названием «Около старца».

Напечатание этого рассказа в «Русской Иллюстрации» не только не вызвало никаких репрессий, но не возбудило даже ни малейших недоразумений цензурного характера, хотя этот журнал издавался в той же самой Москве, в которой вышла и моя книга.

Таким образом, возникает вопрос: почему же то, что можно было совершенно свободно и вполне безнаказанно писать в августе и сентябре, вдруг сделалось запретным и преступным в январе?

Как Вам известно, в моей книге совершенно не затрагиваются темы, имеющие какое-либо отношение в войне, к армии, к вопросам фронта или тыла... О, если бы действительно было что-либо подобное, то поверьте, генерал, что тогда я беспрекословно подчинился бы Вашему распоряжению, какой бы жестокий урон оно ни причиняло моим интересам. Одушевляющее меня патриотическое чувство не позволило бы мне протестовать против распоряжения даже в том случае, если бы оно представлялось мне недостаточно обоснованным.

Но Вы, конечно, не можете не признать, что в данном случае нет ничего подобного, что моя книга ни в малейшей степени не имеет касательства к только что перечисленным мною темам, ибо вся она, — от начала до конца, посвящена вопросу как нельзя более нейтральному.

Книга моя имеет целью осветить и выяснить то странное, насыщенное суеверием мистическое брожение, которое, возникнув лет 15 тому назад в некоторых слоях петроградского общества вокруг разных «старцев», «прозорливцев», «пророков» и юродивых, в последние годы получило особенно заметное развитие.

Лично я не мог не заинтересоваться этим брожением уже по одному тому, что в течение многих лет специально занимаюсь исследованием религиозных движений, происходящих в русском народе и обществе. Мои работы в этой области получили известное признание не только в России, но и за границей, между прочим, со стороны таких авторитетных представителей французской литературы, как М. де Вогюз, Анатоль Леруа-Болье и друг.

К сожалению, нездоровое, отчасти даже патологическое движение, происходящее вокруг разных «старцев» и «пророков», встречает явное сочувствие и поддержку со стороны многих весьма влиятельных лиц, вследствие чего оно на глазах всех заметно разрастается все более и более.

Православное духовенство с ужасом и негодованием смотрит на поступательное движение этих темных мистических сил, но, забитое и приниженное, оно не смеет поднять свой голос в защиту религии и морали, за исключением лишь очень немногих отдельных лиц, каковы, например, епископ уфимский Андрей или московский священник Востоков.

Поставив себе целью объективно и внимательно разобраться в этом явлении, столь необычном и поразительном для XX века, я собрал обширный

материал о жизни и деятельности «старцев» и «пророков», а также о той среде, в которой они имеют наибольший успех. Материал этот, насколько я могу судить, представляет огромную ценность не только в психологическом, но и в общественном отношении.

Рассказ «Леонтий Егорович и его поклонницы» является лишь первым выпуском целой серии изданий, намеченных мною в видах всестороннего выяснения поразительного явления нашей современной религиозно-общественной жизни. Центральной фигурой этого рассказа является знаменитый старец, выведенный мною под именем Леонтия Егоровича Путинцева. Пользуясь совершенно исключительным вниманием и расположением высокопоставленных лиц, этот старец приобрел такое влияние, или, правильнее сказать, такое могущество в церковных и государственных делах, каким пользовались у нас разве временщики и фавориты XVIII столетия.

Необходимым считаю добавить, что книга была издана мною в самом ограниченном, минимальном количестве экземпляров (всего 1500), продажная цена назначена была сравнительно с объемом книги весьма высокая, так как изящная внешность издания потребовала довольно крупных расходов; наконец, как содержание книги, так и характер изложения — все это громко говорит за то, что автор ее был как нельзя более далек и чужд всякой мысли о целях пропаганды или тем более агитации.

Ввиду всего изложенного Ваше распоряжение об аресте и конфискации этой книги является совершенно необъяснимым. Какие цели преследовали Вы, генерал, запрещая мою книгу? Чьи интересы Вы защищали и оберегали? Смею думать, что ни интересы церкви, ни интересы государства не нарушены в моем рассказе.

Буду надеяться, что Ваша совесть подскажет Вам, что Вы должны сделать в этом случае. Сознавши свою ошибку, Вы нравственно обязаны исправить ее. Вы должны восстановить мои авторские права, столь несправедливо и незаконно нарушенные Вашим распоряжением. Вы должны снять запрет с моей книги. Вы не должны отнимать у меня возможности правдиво и честно продолжать исследование того крайне болезненного, суеверно-мистического движения, которое вносит глубокую деморализацию в среду общества и великий соблазн в души верующих и религиозно настроенных. Эта деморализация, этот соблазн, растущие с каждым днем, грозят страшным развалом, скажу более — катастрофой.

Замолчать подобное явление невозможно, немислимо, и никакие цензурные и полицейские препоны, аресты и конфискации не будут в состоянии достигнуть этой цели.

Не забывайте, генерал, что над всеми нашими действиями существует высшая инстанция суда — самая строгая и нелицеприятная — суд общественного мнения. Поэтому в заключение позвольте Вам напомнить слова

нашего величайшего национального поэта, вложенные им в уста летописца по адресу Бориса Годунова:

И не уйдешь ты от суда людского,
Как не уйдешь от Божьего суда!

В надежде, что Вы не захотите оставить без ответа это письмо, прошу Вас принять уверение в истинном уважении и преданности.

А. Пругавин

Ни одна газета не решилась напечатать это письмо, так как в силу личного приказания Николая II цензура в то время воспрещала всякое упоминание в печати не только о Григории Распутине, но и «старцах» вообще... А генерал Мрозовский, получив мое письмо, предпочел промолчать, так как ему нечего было сказать в объяснение и оправдание своих действий, направленных к охране преступного «старца» Распутина от обличений печати.

Старый, продажный режим свергнут, но его прислужники, его адепты, строившие свое благополучие на угнетении трудового народа, остались. Сейчас они притаились, но они ждут благоприятного момента, чтобы выступить с целью реставрации старого, самодержавного, полицейский-жандармского строя. Конечно, они употребляют все усилия для того, чтобы в этих видах использовать предстоящее Учредительное Собрание.

Поэтому крайне необходимо, чтобы народ, армия и общество отчетливо знали, что, собственно, представляло собой то самодержавие, о восстановлении которого хлопочут эти корыстные или слепорожденные люди, — необходимо, чтобы все знали, что представляла собой семья Николая II, что представляла собой династия Романовых, какая отравленная атмосфера царил в их дворцах. Нам предстоит встретиться здесь с целым сонмом дегенератов, алкоголиков, психопатов и психопаток, истеричек, эротоманов, неврастеников, ханжей хлыстовского типа...

Еще одно маленькое замечание. Кроме грязи и сала, которые вылила бульварная печать по поводу того мистического брожения, которое было окрашено явным патологическим налетом и в центре которого стоял Григорий Распутин, она выпустила еще огромное количество грубой лжи, явной неправды, голословных обвинений и клевет против отдельных участников этого движения. Мы, разумеется, не встанем на этот путь и в своих рассказах и очерках, как всегда, будем основываться только на сведениях, проверенных нами, и на документах, не подлежащих сомнению...

Да здравствует свобода!

Да здравствует демократическая республика!

Да здравствует обновление не только политическое и социальное, но и моральное и этическое!

31 марта 1917 года

На рубеже новой эры

Уже третий год на мировой арене происходит жестокая и беспощадная битва народов наиболее культурных, наиболее цивилизованных. Изодня в день льются потоки крови, уносятся миллионы человеческих жизней. Военное счастье склоняется то на одну, то на другую сторону. Но в сердцах всех людей, сохранивших душу живую, непоколебима уверенность в то, что победителями в этой борьбе выйдут те, на знамени которых написано: право, свобода, любовь, справедливость.

Духовное обновление уже началось. Сбылось по народной пословице: не бывает бы счастьем, да несчастьем помогло.

Благодаря войне, небывалой на летописях истории, Россия получила уже великое счастье в виде отрезвления народных масс.

Крепко верим, что та же война повлечет за собою и духовное отрезвление русского общества, что она оздоровит общественную атмосферу, затхлую и удушливую, что она озонирует воздух, отравленный разными миазмами, наполненный бациллами лицемерия, беспринципности, извращенности.

Все говорит за то, что мы стоим накануне новой эпохи, на рубеже новой великой эры, с необъятными, светлыми, лучезарными перспективами. Чувствуется, что на наших глазах совершается великий исторический сдвиг, назревает перелом колоссального значения и важности.

Тяжелые, темные тучи, грязные и косматые, как чудовища, что наглухо закрывали горизонт, начинают редеть и проясняться. Впереди уже брезжит пока узкая, пока чуть заметная полоска света. Но вот-вот вспыхнет заря новой жизни, и засверкают и польются золотые, горячие, как пламень, лучи. Они растопят и зажгут сердца людей, даже самых холодных и черствых.

«Да здравствует солнце, да скроется тьма!» Новая эра несет людям новое обновление — духовное, религиозное, этическое, моральное. Все то нездоровое, уродливое, изломанное, патологическое, что накопилось в области духа и интеллекта в годы безвременья, все то, что калечило жизнь людей, их искусство и литературу, — все это исчезнет, как грязная накипь, которая мутит и затемняет общественное сознание.

Но для того, чтобы эти надежды, эти пожелания могли осуществиться в полной мере, необходимо тщательное и беспристрастное выяснение тех нездоровых, уродливых, патологических явлений, от которых страдала и страдает наша жизнь, наше сознание. Излечение болезни невозможно без предварительного, точного диагноза.

Одно из таких болезненных явлений последних лет мы затрагиваем в рассказе, предлагаемом вниманию читателей.

I

Ксения Владимировна

Возвращаюсь домой. Прислуга сообщает:

— Была какая-то дама... Письмо оставили. Обещались другой раз захватить. Фамилии не сказали. Я говорю: барин всегда приказывают фамилию спросить... Не сказали!.. Говорят: в письме там все написано.

Вскрываю письмо, оставленное таинственной дамой.

Очень популярный, пользующийся почетной известностью профессор и академик пишет, что его родственница Ксения Владимировна Гончарова*, молодая, начинающая писательница, очень заинтересована современными религиозными движениями, происходящими в обществе и народе, и желает получить от меня по этому вопросу некоторые сведения и указания. Профессор выражает надежду, что я не откажусь помочь в этом случае г-же Гончаровой. Спешу отозваться и назначаю день и час, когда меня можно застать безошибочно.

Вскоре после этого г-жа Гончарова посетила меня. Сбросив в передней бархатную элегантную шубку, вошла молодая дама лет 26–27. Стройная, гибкая шатенка, с тонкими чертами лица, с темными живыми глазами, внимательными и пытливыми.

С целью выяснить, чем я могу быть полезен новой знакомой, я предложил ей несколько вопросов о том, что именно в области современных религиозных исканий наиболее занимает ее внимание, с какими запросами подходит она к этому явлению и т. д.

— В данный момент, — сказала г-жа Гончарова, — я более всего заинтересована тем религиозным брожением... или, может быть, точнее будет сказать, тем поветрием, которое наблюдается теперь в разных слоях нашего общества и которое я затрудняюсь охарактеризовать одним каким-нибудь термином. Словом, я имею в виду то полное мистицизма и суеверия брожение, которое выдвинуло у нас разных «прозорливцев», выступающих в роли религиозных подвижников,

* Имена и фамилии изменены.

выдвинуло разных «пророков», юродивых, блаженных. Некоторые из этих людей находят себе горячих и многочисленных последователей и последовательниц среди влиятельных общественных слоев, имеют огромный, прямо поразительный успех... И это в XX веке!

Заметно волнуясь, г-жа Гончарова продолжала:

— Перед этим явлением я останавливаюсь с полнейшим недоумением. И вот поэтому мне очень, очень хотелось бы заняться его изучением и выяснением — подробным и беспристрастным. Не скрою от вас, что это мне необходимо для задуманной мною повести.

— Я понимаю ваше желание, — сказал я.

— Но должен, однако, предупредить вас, что изучение заинтересовавшего вас явления представляет некоторые неудобства и затруднения чисто специфического характера.

— Что такое? — с недоумением спросила моя собеседница.

— Очень возможно и даже неизбежно, что в вашем исследовании вам придется близко столкнуться с темными, нездоровыми, патологическими сторонами человеческой природы. Согласитесь, что это очень неприятно, щекотливо и тяжело, особенно для такой молодой дамы, как вы.

— Мне кажется, вы слишком преувеличиваете мою молодость и неопытность, — возразила г-жа Гончарова, и в тоне ее голоса довольно определенно послышалась нотка какой-то обиды. — Я не институтка, а современная женщина. За свою, хотя и недолгую, жизнь мне пришлось пережить и тяжелую утрату, и горькое разочарование в людях. Наконец, я много... да, да, очень много видела и испытала. А патологии в современной жизни, к сожалению, сколько угодно, поэтому игнорировать ее невозможно. И те трудности, о которых вы говорите, отнюдь не пугают меня.

— Я считал своим долгом предупредить вас, но, разумеется, я далек от всякого желания опекать вас... Явление, о котором вы говорите, интересует и меня. И я давно уже собираю материалы, касающиеся деятелей и участников этого «движения». У меня имеются их письма, дневники, записки, телеграммы, портреты, разного рода документы, а также масса газетных вырезок о современных «пророках» и юродивых. Тут, между прочим, вы найдете почти все, что только появлялось в нашей, а отчасти и в заграничной печати о знаменитом «старце», «прозорливце» Григории Ефимовиче Распутине, о котором столько говорят и пишут. Думаю, что все это может представить для вас немалый интерес и может пригодиться для ваших литературных работ. Конечно, я охотно поделюсь с вами этими материалами.

Разыскав среди своих картонов и папок особое «досье», в котором были собраны документы о современных «пророках», а также газетные вырезки о них, я передал его г-же Гончаровой с просьбой вернуть мне эти материалы после того, как она успеет ознакомиться с ними.

Ввиду того, что в дальнейшем изложении мне придется в значительной степени основываться на наблюдениях г-жи Гончаровой, я считаю необходимым подробнее остановиться на ее характеристике и познакомить читателей с ее прошлым, насколько все это выяснилось для меня за время моего знакомства с Ксенией Владимировной. Конечно, мне придется при этом основываться почти исключительно на ее собственных словах и показаниях.

Она выросла и воспитывалась в помещицкой семье хорошего достатка в одной из подмосковных губерний. Росла под влиянием своей бабушки, глубоко религиозной женщины, сумевшей передать внучке свою горячую и активную веру.

С годами религиозное чувство молодой девушки росло и осложнялось. Она увлекалась поэзией, природой, литературой; но эти увлечения не вытесняли религиозного настроения; напротив, и поэзия, и религия, и природа в ее представлении сливались во что-то цельное, гармоническое и светлое.

Шестнадцать лет она полюбила троюродного брата, 20-летнего юношу, только что перед тем произведенного в офицеры одного из привилегированных полков. Взаимная симпатия постепенно росла, и когда, год спустя, молодому офицеру предстояло отправиться на войну с японцами, совершена была помолвка молодой четы. Трогательное прощание, горечь тяжелой разлуки и затем чуть не ежедневные большие письма — пылкие, наивные, сердечные.

Время шло... Мы терпели постыдные поражения, война все более и более принимала печальный для нас оборот. Вдруг письма с Востока прекратились. Проходит неделя, месяц — ни письма, ни известий. Страшная, мучительная неизвестность. Ни в числе раненых, ни в числе убитых, ни в числе взятых в плен его имени не встречалось. Где же он, ее Игорь? Что с ним? Жив или погиб? Мысль о возможности измены ни разу даже на минуту не приходила ей в голову.

Под влиянием тягостных настроений в ней с новой силой пробуждаются порывы и стремления. Она ищет утешения в церкви и у священников. Долгими часами простаивает она то в одном, то в другом из московских храмов, забывшись в молитвенном экстазе.

Она едет в Оптину пустынь, к знаменитому монаху-схимнику, слава о святой жизни и подвигах которого гремела в народе. Она спрашивает

его: жив ли ее жених, жив ли ее милый Горя? Седой как лунь отшельник утешал ее, успокаивал, советовал молиться и верить, что дорогой для нее человек жив, что он вернется к ней. И она верила и молилась, вкладывая в эту веру и в эту молитву весь жар, весь пыл молодой девственной души.

Томительная неизвестность продолжалась около года. Страшный, роковой год в ее жизни. Наконец на запрос ее родных от начальника штаба главнокомандующего было получено официальное письмо с извещением, что подпоручик гвардии Игорь Н. «умер как герой, смертью храбрых» в битве при Мукдене и что его сослуживцам остается только завидовать его судьбе.

Жизнь молодой девушки казалась разбитой, хотя ей было в то время не более 18 лет. Родные, опасаясь, чтобы угнетенное, подавленное состояние духа, которое овладело ею по получении рокового известия, не развилось в психическую болезнь, увозят ее за границу и поселяются в Швейцарии, в одном из поэтических уголков, которыми так изобилуют берега Женевского озера.

Глубокое личное горе переживалось одновременно с религиозным кризисом, происходившим в душе молодой девушки под влиянием только что перенесенного удара судьбы и разбившихся надежд. Когда здоровье Ксении Владимировны более или менее восстановилось, семья переехала в Париж.

Новая среда, новый уклад жизни. Мало-помалу завязываются новые знакомства. В результате пережитого кризиса *вера*, воспринятая некогда от умной и любимой бабушки, — горячая, наивная, слепая вера растаяла и исчезла как сон. Но отношение к *религии*, как к чему-то огромному, важному, безусловно необходимому в жизни отдельных людей и всего человечества, осталось. Остался прежний живой интерес к религиозным исканиям, к новым течениям в области религии и этики.

Ксения Владимировна знакомится с парижскими приверженцами буддизма, с теософами, с католиками в стиле Гюисманса, с трапистами, с последователями разных новых течений в области религиозных исканий до сатанистов с их черными мессами включительно.

В числе ее новых знакомых, принадлежавших по большей части к интернациональной светской молодежи, оказалось несколько горячих последователей «сатанизма». Эти господа не жалели усилий для того, чтобы представить сатанизм новой религией, победоносно идущей на смену «устаревшему» христианству и имеющей целью упразднить христианскую мораль, единственное назначение которой они видели только в том, что она «мешает счастью людей».

Вообще религия, этика, политика, мораль, общественность — все расценивалось молодыми эстетамы с точки зрения красоты и наслаждений, как единственного и непреложного критерия, игравшего в их глазах роль «категорического императива» Канта. Тут все было ново и неожиданно для молодой девушки, большую часть своей жизни прожившей в провинции, в тиши помещичьей усадьбы и только две зимы проведеншей в Москве.

Немудрено, что господа «сатанисты» показали ей «такими смелыми, такими гордыми», а их стремления к неизведанным еще впечатлениям, их жажда пережить настроения и ощущения, которые «не испытывались еще никем из людей», казались ей такими красивыми. Их рассказы — сдержанные и осторожные — о таинственных «черных мессах», которые в глубоком секрете устраиваются парижскими сатанистами, заинтересовывают молодую девушку. Она стремится поближе подойти к новому явлению, поразившему ее воображение.

Но как только завеса таинственности открылась перед ней, низменная идеология сатанистов не могла не оттолкнуть ее от себя. Для молодой девушки стало совершенно ясно, что сатанизм — в сущности только грубая лубочная пародия на религию, что это религия *наизнанку* и что «черная месса» сатанистов — не что иное, как нелепая игра и профанация, возмутительная для всякого сколько-нибудь религиозного человека.

Разочарование росло. Чем ближе знакомилась она с сверхчеловеками, не признававшими ничего, кроме «культы красоты», чем внимательнее присматривалась она к ним, тем все сильнее росло ее чувство антипатии к ним.

«Смелые и гордые» нищенианцы сплошь и рядом оказывались в жизни такими мелкими, беспринципными, ничтожными людишками. Жадные до всего экстравагантного, они в погоне за «неизведанными наслаждениями» проявляли крайнюю, неразборчивость в средствах и полную эмансипацию от всяких требований морали... В результате неприятный, горький тяжелый осадок остался на сердце девушки от всех этих встреч, от всех знакомств.

Потянуло в Россию. Соскучились по русской провинции, по русской интеллигенции, по своей родной усадьбе с ее уютом и «традициями». К скорейшему возвращению в Россию властно призывали и сильно порасстроившиеся финансы, и пошатнувшееся экономическое положение семьи. Вернувшись в Россию, они поселились в своем имении, а зимы стали проводить в Москве.

Два года назад Ксения Владимировна вышла замуж за своего соседа по имению, местного земского деятеля Гончарова, «умеренного

прогрессиста», который пользуется в губернии репутацией хорошего опытного хозяина и страстного спортсмена... Была ли она счастлива, — я не знаю, мнения же ее родных на этот счет были различны.

В последнее время у нее появились новые интересы жизни в связи с ее выступлением на литературно-художественном поприще. Недавно вышедшая в свет книжка ее рассказов, в которой она тонко затрагивала религиозно-этические проблемы, не прошла незамеченной и вызвала несколько сочувственных отзывов в печати со стороны рецензентов, которые, как я могу свидетельствовать, ни в родстве, ни в дружбе с автором не состояли. Книжка охотно покупалась. Этот успех значительно окрылил Ксению Владимировну, и теперь она с увлечением отдалась разработке плана большой повести, в которой главное место отводится представителям современных религиозных исканий и, между прочим, разным «старцам», «пророкам», «прозорливцам», юродивым и т. д. В этих видах она часть зимы 1914 года провела в Петрограде, живя в семье своего двоюродного брата, видного петроградского чиновника, делающего быструю карьеру в одном из наших ведомств.

Возвращая мне мои материалы, г-жа Гончарова высказала, что ее особенно интересует личность «старца» и «пророка» Григория Распутина, о котором она слышит со всех сторон и относительно которого она нашла в моих материалах много сведений, исходящих как от его почитателей, так и от его врагов. В обществе о «старце-пророке» создаются и распространяются целые легенды. Он становится исторической фигурой.

— Вы знакомы с ним лично? — спросила она меня.

— Нет, до сих пор я лично с ним не знаком.

Мой ответ, видимо, опечалил молодую даму.

— Ах, как жаль, что вы не знаете его лично, — сказала г-жа Гончарова. — Признаюсь вам, я рассчитывала, что вы поможете мне познакомиться со старцем.

— Познакомиться с «пророком» очень нетрудно, — заметил я. — Было бы желание.

— Каким образом? — оживилась моя собеседница. — В таком случае я очень прошу вас устроить мне это знакомство.

— А как отнесутся к этому ваши родные? — спросил я.

Госпожа Гончарова сделала удивленное лицо и пожала плечами.

— Я человек взрослый и самостоятельный, мои действия не подлежат контролю родных, — сказала она тоном, в котором вновь зазвучало чувство обиды.

— Однако... — начал было я, но она тотчас же перебила меня.

— Извиняюсь... Но я не думаю, чтобы мои родные имели что-нибудь против моего знакомства со старцем, который заставляет говорить о себе всю Россию от мала до велика. Его выводят в романах, повестях, рассказах. Им интересуются и за границей. Для меня он представляет интерес как литературный тип, яркое, красочное пятно на фоне нашей общечеловечности.

— Но согласитесь, что в данном случае могут быть различные взгляды, различное отношение, — возразил я. — Не забывайте, что «старец» в широких кругах пользуется слишком определенной репутацией. А среди интеллигенции о нем нет двух мнений, — сказал я, старательно подчеркивая последние фразы.

— Позвольте, но сами вы лично находите что-нибудь предосудительное в знакомстве со «старцем»? — спросила меня г-жа Гончарова тоном экзаменатора.

— Во всяком случае, я не рекомендовал бы лично знакомиться с ним молодым дамам и барышням, особенно с приподнятой нервной системой, мятущимся, наклонным к экзальтации.

— Благодарю вас, — с явной иронией заметила г-жа Гончарова, — очевидно, вы и меня зачислили уже в рубрику экзальтированных, мятущихся дам.

— Простите... я говорю вообще... Вы знаете, что наш век не напрасно считается *нервным* веком. И это особенно применимо к прекрасной половине человеческого рода, как находящейся в гораздо более худших условиях жизни — общественных, правовых, политических и т. д.

— Значит, вы решительно отказываетесь содействовать моему знакомству с «прозорливцем»?

— Решительно... до тех пор, конечно, пока я не узнаю, что ваши родные ничего не будут иметь против вашего личного знакомства с Распутиным.

— Хорошо, — немного подумав, сказала г-жа Гончарова. — Я переговорю со своими родными по этому поводу и завтра же сообщу вам по телефону об их решении. Вы позволите?

— Пожалуйста.

На другой день г-жа Гончарова сообщила мне, что ее родные не только ничего не имеют против ее знакомства со «старцем», но, наоборот, просят меня посодействовать этому знакомству, так как признают, что оно необходимо ей для задуманной ею повести из жизни современного общества.

— Теперь ваши сомнения отпадают? — слышу я торжествующий голос Ксении Владимировны.

— О да, конечно. И в доказательство этого я могу сейчас же сообщить, что вам следует предпринять для достижения вашей цели... Вы слушаете?.. Как-нибудь утром, около 9 или 10 часов, не позднее, позвоните по телефону № 00—00. Запишите. Это телефон Распутина, вы найдете его в телефонной книжке. Скажите ему, что вы желали бы повидать его, чтобы посоветоваться по одному делу. Этого будет достаточно вполне. «Прозорливец» очень любит новые знакомства, особенно дамские. Не сомневаюсь, что ваше контральто сразу же расположит его в вашу пользу. А *какое* дело, *какой* совет, — это вы уже сами придумаете лучше меня. Попросите его назначить время, когда вы можете застать его. Адрес «старца»: Английский проспект, дом 3, кв. 10.

— Большое вам спасибо. Я завтра же позвоню к нему. И о результате непременно сообщу вам. До свидания!..

II

Первый визит

На другой день, около двух часов, звонят по телефону.

— Кто говорит? — спрашиваю я.

— Ксения Владимировна.

— Здравствуйте! Что нового?

— Нового у меня немало. Я сегодня была у «старца».

— Вот как! Поздравляю вас. Вы не теряете времени напрасно.

— Мне хотелось бы поделиться с вами своими впечатлениями. Могу ли я застать вас сегодня, в семь часов вечера?

Я отвечал, что буду ждать ее.

Когда в семь часов г-жа Гончарова приехала ко мне, я попросил ее рассказать о ее свидании с «прозорливцем» возможно подробнее.

— Я воспользовалась вашим советом, — начала г-жа Гончарова, — и сегодня утром, в десятом часу, позвонила к Распутину. Сначала говорила его прислуга, а затем к телефону подошел он сам. Я сказала, что желала бы повидать его, чтобы поговорить и посоветоваться с ним. Он сказал: «Ну, что ж, приходи». — Когда же? — спросила я. — «Да хоть сейчас».

Я не заставила себя ждать, тем более что автомобиль брата был свободен и я могла им воспользоваться. Через полчаса я была уже в квартире «прозорливца».

Большая квартира, хорошо обставленная, мебель в декадентском стиле. Меня встретила прислуга, довольно пожилая женщина, которая и привела меня в комнату, игравшую, по-видимому, роль приемного зала.

Тут, в ожидании выхода «старца», сидели просители. Их было четверо — трое мужчин и одна бедно одетая, болезненного вида, девушка. Я очень внимательно осмотрела их.

Из мужчин обращал внимание на себя представительный господин в безукоризненном костюме. Я тотчас же решила про себя, что это какой-нибудь вице-директор, а может быть, и директор департамента или что-нибудь в этом роде. На журфиксах у брата я часто встречаю господ этого ранга и потому привыкла почти безошибочно угадывать их служебное положение на иерархической лестнице.

Недалеко от него глубоко в кресле сидел какой-то инженер-путеец со значками и орденами, по-видимому, железнодорожник. У него был до крайности сосредоточенный и озабоченный вид. Не обращая ни на кого ни малейшего внимания, он, казалось, весь ушел в свои мысли.

Наконец, рядом с дверью помещался на конце стула господин средних лет, провинциального облика, одетый в старый, потертый сюртук. Он то и дело пугливо и трепетно оглядывался на дверь, в которую должен был войти «прозорливец».

Но вот и он сам. Неслышно ступая ногами, обутыми в туфли, в зал вошел Григорий Ефимович.

На нем была рубашка ярко-лилового цвета, — настолько яркого, что, глядя на нее, глазам становилось больно. Пояс с кистями. Лицо серое, с морщинами вокруг глаз. Темные волосы подстрижены в скобу. Борода — мочалкой.

Он начал обходить посетителей.

— Ты чего? — спросил он сидевшего около дверей бедно одетого господина, который при входе «пророка» быстро вскочил с места и отвесил ему низкий поклон.

— С просьбой, Григорий Ефимович, с покорнейшей просьбой... Сделайте божескую милость, войдите в мое несчастное положение...

— Ну, ну, говори, в чем дело? — торопил Распутин.

— Окажите протекцию... Служил я по Министерству народного просвещения, но сейчас нахожусь без должности... Замолвите словечко.

— Просвещение... просвещение... не люблю я этих просвещенцев, — не довольным тоном говорил «прозорливец», испытующе поглядывая на стоявшего перед ним в раболепной позе просителя.

— Семья, Григорий Ефимович... А жить совершенно нечем. Заставьте вечно Бога молить за вас. Ведь вы все можете. Одно ваше слово...

— Ну, ладно, ладно... подожди, я подумаю, а может, напишу тебе, — сказал Распутин и обратился ко мне. — Это ты сейчас звонила ко мне?.. Как, бишь, твое имя? — спросил он, заглянув мне прямо в глаза.

— Ксения Влади... — начала было я, но он тотчас же перебил меня.

— Да, да, Ксения... Ксения... У меня уже есть одна Ксения... Так, так. Проводи ее в мою особенную, — сказал «старец», обращаясь к проходившей в ту минуту прислуге.

— Пожалуйте, барышня, — сказала та, обращаясь ко мне.

Я пошла за прислугой, которая через коридор провела меня в большую комнату и сказала:

— Посидите здесь. Отец Григорий сейчас придет. Оставшись одна, я с изумлением осмотрела обстановку «особенной»; очевидно, эта комната служила и спальней, и в то же время кабинетом для Распутина. Тут стояла кровать и умывальный столик; последний отличался самым примитивным устройством. В простенке между окнами стоял стол, на котором в беспорядке были разбросаны письма и телеграммы.

Особенно много было телеграмм; две из них лежали на краю стола около того места, где я сидела. Мне бросились в глаза крупные слова, которыми начиналась одна из таких телеграмм: «Отец Григорий». Чтобы не соблазняться, стараюсь не смотреть на письменный стол.

Сижу в ожидании «пророка» и рассматриваю в подробностях его «особенную». Взгляд скользит по стенам, по мебели; забывши о своем решении, взглядываю на письменный стол, и в глаза невольно бросается подпись, стоящая под лежавшей сверху телеграммой: «Княгиня NN». Громкая, историческая, известная всей грамотной России фамилия.

«Очевидно, здесь не делают секрета из телеграмм; быть может, даже намеренно афишируют их», — подумалось мне. И, подавив в себе внутренний голос, который не переставал протестовать, я заглянула в телеграмму. Она была городская и состояла из нескольких строчек:

«Просим глубокоуважаемого Григория Ефимовича быть приемником нашего малютки. Не откажите пожаловать к нам завтра, пятницу, пять часов».

Так писала титулованная поклонница Распутина, носительница исторической фамилии, представительница рода Рюриковичей.

Признаюсь, сильнейшее желание неудержимо влекло меня посмотреть и другие телеграммы, лежавшие на столе. Мне казалось, что эти телеграммы могли бы сразу пролить яркий свет на личность «пророка» и на те причины, которыми вызывалось непонятное, но, несомненно, огромное влияние его, его значение в высоких общественных кругах.

Искушение было слишком велико. Однако внутренний протестующий голос, которому претило столь грубое нарушение элементарнейшего правила житейской морали, взял верх над соблазном, и, чтобы

не подвергать свою волю новому испытанию, я переменяла место и перешла подальше от соблазнявших меня телеграмм.

Я чувствовала себя крайне взволнованной; мне казалось, что лицо мое пылало.

«Если он прозорливец, если он действительно обладает сколько-нибудь тонким психологическим чутьем, он сразу должен понять то, что сейчас произошло здесь», — подумала я.

Через несколько минут дверь открылась, и вошел Распутин. Он по-прежнему был в туфлях и рубашке. Подойдя ко мне, он взял стул и сел как раз против меня.

— Вы народ, — сказал он, — не дают поговорить.

Он пристально посмотрел на меня и придвинул свой стул еще ближе ко мне. При этом он вдруг коснулся моих ног и даже слегка стиснул их своими ногами.

Возмущенная этим, я быстро отодвинулась на своем стуле и с негодованием посмотрела на него.

Но он, по-видимому, нисколько не смутился этим и тотчас же снова придвинулся ко мне на своем стуле, хотя уже и не пытался более прикасаться ко мне.

— Ты чего серчаешь? — сказал он спокойным тоном. — Вишь, какая бедовая... А ты не сердись... О чем хотела поговорить со мной?

Я не сразу ответила, так как от волнения не могла собраться с мыслями. Пауза.

«Пророк» сидит и детально рассматривает меня своими зелеными глазами, окруженными целой сетью морщин.

— Давно была на исповеди? — спрашивает он.

— Давно.

— Неловко это, негоже, — говорит «прозорливец» нравоучительным тоном.

Я хотела возразить, так как по вопросу о частных и периодических покаяниях я много думала и у меня сложилось по этому поводу определенное мнение.

Но Распутин вдруг наклоняется ко мне и неожиданно проводит своей рукой по моему лицу, шее и груди.

Этот жест снова возмутил меня. Я опять резко отодвинулась от него и бросила ему сурово и строго:

— Что вы делаете?! Как вы смеее так держать себя?

— А какие у него руки? — в свою очередь спросил я г-жу Гончарову.

— Неприятные... какие-то корявые...

— Еще один вопрос, — продолжал я. — Конечно, «жесты» Распутина, о которых вы рассказываете, возмутительны и недопусти-

мы. Об этом, разумеется, не может быть двух мнений. Это ясно само собой. Но все-таки, если не для оценки его личности, то для выяснения причин его непонятного поразительного влияния, чрезвычайно важно знать побуждения и мотивы, которыми он руководствуется в подобных случаях или которыми он старается, по крайней мере, оправдать свои действия в глазах других людей. Вообще необходимо было бы знать, действует ли он в этих случаях, как циник, как грязный, грубо чувственный человек, или же, скажем, как убежденный знахарь, как врач-гипнотизер или врач-массажист, который верит в силу своих пасс, своего массажа?

Мне показалось, что мой вопрос явился несколько неожиданным для г-жи Гончаровой; по-видимому, она не допускала даже возможности рассматривать действия «пророка» с точки зрения врача или знахаря.

— Признаюсь вам, — сказала она, — я была так возмущена приемами обращения со мной «старца», неприличием его «жестов», что мне и в голову не пришло анализировать его побуждения в этом случае. Для меня в тот, по крайней мере, момент его мотивы не возбуждали никакого сомнения.

— Простите, что я перебил вас... Продолжайте, пожалуйста... Что же «прозорливец»?

— Как ни в чем не бывало! Ты, говорит, напрасно серчаешь... А ты не сердись. Я завсегда, говорит, одинаково ласков... Со всеми ласков.

В эту минуту вошла прислуга.

— Вас спрашивают, — сказала она, обращаясь к «пророку».

— Кто такой? — недовольным тоном спросил старец.

— Адмирал Надолбин*.

— Пущай подождет! — насупившись, кинул «отец Григорий».

Прислуга молча уходит.

Все то, что произошло, подействовало на меня настолько охлаждающим образом, что у меня вдруг пропало всякое желание говорить с «прозорливцем» на темы духовного и религиозного характера. Но так как он снова заговорил о необходимости возможно чаще «прибегать к исповеди и покаянию», то я сочла нужным высказать ему свой взгляд по этому поводу.

Меня всегда возмущала мораль, которую можно формулировать словами: «погрешил, да покайся». По моему убеждению, такой взгляд как бы заранее подготавливает новые падения и, таким образом, неизбежно ведет к нравственной деморализации.

* Адмирал Небольсин.

Эту идею я и развила перед «старцем», стараясь, конечно, говорить языком, понятным ему, тщательно избегая всяких иностранных слов. Тем не менее он, по-видимому, все-таки не понял меня, так как в доказательство справедливости своей мысли начал приводить разные избитые, затасканные попами доводы.

В комнату быстро вошла прислуга и сказала «пророку»:

— Вас к телефону зовут.

— Откудова?.. Кто такой? — спросил Григорий Ефимович.

— Елена Алексеевна, из Z.

Прислуга назвала один из ближайших уездных городов Петроградской губернии*. Распутин поспешно встал и, сказав мне: «Сделай милость, подожди минутку... я сичас», вышел из комнаты.

А меня сверлил вопрос: в чем же, в чем же сила этого грубого, невежественного, неотесанного человека? Где причина огромного, поразительного влияния, которое он оказывает на людей самых различных общественных положений, особенно на женщин?

Вернувшись через несколько минут, «старец» выразил желание продолжать беседу, но я не чувствовала расположения к этому и, найдя, что для первого раза достаточно, начала прощаться.

Распутин выразил сожаление, что я уйду, признался, что я ему очень понравилась, — он повторил это два или три раза, — и просил меня непременно снова посетить его, и притом «поскорее».

Когда я уходила, он провожал меня. Идя по коридору, он снова сделал попытку «погладить», или помассажировать меня, причем провел своими руками по моим плечам, рукам и спине. В его движениях на этот раз мне почудилось что-то явно гадкое, грязное, циничное.

Это снова возмутило меня до глубины души. Я приостановилась и очень грозно окрикнула его:

— Меня возмущает ваше обращение!

Он молча стоял передо мной, неподвижной и непроницаемый. Выражение его глаз я не смогла видеть. Но мне показалось, что он скрипнул зубами. Затем что-то невнятно пробормотал.

Я с презрением отвернулась от него и поспешила поскорее выскочить из его квартиры. В душе я уже давала себе слово больше никогда не переступить этого порога.

Придя домой, я тотчас же умылась одеколоном и не скоро могла успокоиться...

Слушая г-жу Гончарову, мне одну минуту хотелось сказать ей: «А-а, пеняйте на себя, сударыня, вас предупреждали, но вы и слушать не хотели».

* Царское Село.

Но, конечно, я этого не сказал. Молчала и г-жа Гончарова, видимо снова обдумывая и взвешивая пережитые впечатления.

— Теперь, когда я хладнокровно перебираю в памяти все, что произошло, — начала она, — я вижу, что поступила слишком по-женски, слишком поддалась раздражению. Меня возмутило и взорвало, что какой-то корявый мужик... «гладит» меня по лицу, по спине, ощупывает мой корсет... И я совсем забыла о тех целях и задачах, которые себе поставила... Да, так нельзя. Иначе никогда не раскрыть, не разгадать ту психологическую шараду, какую представляют собою поклонницы и почитательницы этого «пророка»... Неужели тут только одна ложь, одна ложь, одна грязь?.. Я этого не могу допустить, не могу допустить, чтобы, идя таким путем, путем обмана и лицемерия, можно было покорять людей, увлекать их, подчинять их своему влиянию в течение долгих лет... Поэтому отныне я даю себе слово запастись хладнокровием, вооружиться терпением и употребить все усилия, чтобы разрешить эту психологическую загадку...

Я заметил своей собеседнице, что, кроме психологической стороны, тут есть *общественная* сторона, которая в истории похождения загадочного «старца» имеет огромное значение и потому непременно должна быть освещена и выяснена.

III

Мистик или эротоман?

Прошла неделя. Заехав как-то ко мне, г-жа Гончарова рассказала о том, что произошло за это время. Оказалось, что в течение этой недели она два или три раза побывала у «пророка».

— Хотя в последний раз, — говорила она, — я очень решительно заявила о своем желании непременно продолжать знакомство с Распутиным, тем не менее я не спешила воспользоваться его приглашением посетить его. Претило как-то. Воспоминание о его попытках «гладить», «массажировать», нащупывать корсет каждый раз во мне поднимало такое острое чувство возмущения и негодования, что я решительно не в силах была заставить себя снова поехать к нему...

Как-то рано утром я была еще в постели, когда горничная вошла и сказала, что меня зовут к телефону.

Было всего около восьми часов утра. Я удивилась, кто так рано мог звонить ко мне.

Беру трубку и слышу глухой мужской голос:

— Это ты, Ксения?

Удивленная, я спрашиваю, кто у телефона? Тот же глухой голос продолжал:

— Что же ты, душка, не приходишь ко мне?

Слово *душка* ударило, ошеломило меня, я чуть удержалась на ногах. Хотела бросить трубку, но в тот же миг вдруг догадалась, что это говорит Распутин.

— Я соскучился о тебе, — продолжал тот же глухой голос. — Отчего ты так долго не была у меня?

Я не была у него ровно три дня. Это показалось ему слишком «долго».

— Приходи, я буду тебя ждать.

— У вас кто-нибудь есть? — спросила я, не зная, что сказать.

— Есть кое-кто... Не много.

Затем, очевидно, сосчитывает своих посетителей и говорит:

— Пятеро.

Я сказала ему, что собираюсь посетить его на этих днях.

Распутин начал усиленно просить, чтобы я приехала к нему в тот же день. Я пообещала.

В этот раз мне удалось довольно долго говорить с ним, хотя по временам нашу беседу и прерывали доклады прислуги о приезде тех или иных посетителей и вызовы его к телефону. Хотя я и старалась наводить разговор на интересующие меня темы, но это не особенно удавалось мне, так как «пророк», видимо, предпочитал говорить о том, что занимало его лично.

Я должна сказать, что эта беседа сильно разочаровала меня в Распутине, так как он не обнаружил в ней ни особого ума, ни чуткости, ни начитанности в Священном Писании, ни энтузиазма и пафоса, которыми обыкновенно говорят искренно верующие люди, мистики, проповедники религиозных идей, которые им дороги и святы.

Точно так же и в споре со мной «пророк» не обнаружил никакой находчивости. Иногда он пытался ссылаться на Евангелие, но при этом ни одного текста не мог привести как следует: все ошибался, путал, передавая слова Писания крайне неточно, с явным искажением смысла. Я должна была то и дело поправлять его. В споре он был очень сдержан, — настолько, что мне все время казалось, что он чего-то недоговаривает, о чем-то намеренно умалчивает, что-то скрывает.

На мои расспросы он между прочим сказал мне, что 30 лет ходит по земле, ищет Бога.

— Ну, и что же, нашли? — спросила я.

— Нашел... Бог в духе.

— В каком духе? Что это значит?

— Это тайна.

Вообще он любит ссылаться на тайну. Во время нашей беседы разговор, между прочим, не раз касался любви.

— Любовь — одна хмара, — говорил «старец». — Только та любовь хороша, когда ты любишь и своей любовью человека к истине приводишь.

— А что такое истина по-вашему? — спросила я.

— Истина — в тайне, — загадочно отвечал «пророк».

«Играет словами или скрытничает», — подумалось мне.

— А ты в любовь веришь? — спросил Распутин.

— Конечно, верю, но ведь разные люди различно понимают любовь, и у разных людей она проявляется различно. Ведь и вы говорите, что одна любовь — хмара, а другая — истинная.

Но «пророк», по-видимому, совсем не давал себе труда вникать в мои слова, не обращал никакого внимания на мои замечания и оговорки; он продолжал твердить свое:

— В любовь надо верить: весь мир в любви... Без любви ничего не уделаешь... Вот я тебя шибко полюбил... Во как! Ты теперь во мне, в моей душе сидишь... А ты меня не хочешь любить.

— Я не знаю, о какой любви вы говорите. Если вы говорите о той любви, которая выражается в ваших ласках, то она мне совсем не нужна. И ваши ласки мне не нужны... Слышите вы?

— Ты все о теле думаешь, — возражал Распутин. — А тело — преграда для души. Нужно о душе заботу иметь, а мы все больше о теле думаем, — опять наставническим тоном произнес он.

Подумав немного, он продолжал:

— В моих ласках — большая тайна... Мужчины всегда думают только о себе и о своем теле. А я только вполтину и для духа... Я даю людям такое большое счастье, но ты сама не хочешь этого... Пока ты не захочешь, я ничего не могу сделать для тебя.

«Пророк» говорил это со значительным видом, но для меня смысл его слов был темен и непонятен. При этом мне вспоминались те женщины из низов и верхов нашего общества, — поденщицы, крестьянки, графини, княгини, фрейлины, — которые слепо идут за этим темным человеком, которые считают его святым, пророком, живым Богом.

— Чем он покорил их? Что они нашли в нем? — с изумлением спрашивала Ксения Владимировна, пожимая плечами.

— Вам нужно поближе познакомиться с последовательницами «пророка», — сказал я, — поближе сойтись с ними, — только

тогда вы можете уяснить себе природу и характер их увлечения, их психологию.

— Я непременно сделаю это при первой возможности, — заметила г-жа Гончарова.

— Замечаете ли вы в Распутине способность к гипнозу? — спросил я свою собеседницу.

— Лично я не испытываю ни малейшего влияния «пророка» на мою волю. Между тем в моей жизни приходилось обращаться к гипнотизерам и в Москве, и в Петрограде, и тогда я довольно легко поддавалась влиянию гипноза.

Другой вопрос, который меня сильно интересовал, был вопрос об источниках существования Распутина, о его экономическом и материальном положении. Как известно, «пророк» не сеет, не жнет, но в житницу собирает. И собирает, можно сказать, чрезвычайно успешно.

Хозяйства он не ведет, никаким производительным трудом не занимается, никакого заработка, никакой службы у него нет. И тем не менее благосостояние его быстро растет, достаток и средства увеличиваются чуть ли не с каждым днем. Его дом в селе Покровском — полная чаша; комнаты устланы дорогими, прекрасными коврами; много ценных вещей... Откуда эти средства? Каким путем они притекают к нему?.. Говорят, все это — подарки высокопоставленных особ. Правда ли это?

Я полюбопытствовал узнать от Ксении Владимировны, не просил ли ее о чем-нибудь Распутин.

Нет, оказывается, не просил.

— Только раз как-то он сказал мне: «Вышей мне рубашку. Мне хочется иметь рубашку, вышитую твоими руками». Я ответила, что очень плохо вышиваю. Он сказал:

— Ничего, от тебя всякая будет хороша.

— А как держал себя «пророк» с вами во время последних свиданий? — спросил я.

— Несмотря на то, что наш разговор имел все время характер деловой беседы, «старец» от времени до времени все-таки возобновлял свои попытки «погладить» и «помассажировать» мои плечи и грудь, но, наученная опытом, я в тот же момент, при первых движениях его руки, давала ему быстрый и резкий отпор, после чего он съежился, а в его глазах загорались злые огоньки.

В эти минуты я не раз отчетливо слышала, как он скрипел зубами.

— Вообще его обращение, его «ласки» возмущают меня. Они противны и непереносимы для меня. Но он явно не считается с моим негодованием, игнорирует его. В последний раз, — это было вчера, —

когда я приехала к нему по его просьбе, он, видимо, был очень рад моему появлению. Но тотчас же после того, как я поздоровалась с ним, он вдруг выпалил:

— Поцелуй меня!

— Вы с ума сошли? С какой стати? Как вы смеете это говорить мне!

А он, как ни в чем не бывало, продолжает:

— Постой, постой... Ишь ты какая... Ну, ладно, коли ты не хочешь меня поцеловать, то давай я тебя поцелую. — И наклоняется, чтобы поцеловать меня, тянется к губам. Я, конечно, отстраняюсь от него, но он все-таки успевает, хотя вскользь, прикоснуться своими губами к моему лицу... Отвращение!..

— По-видимому, Распутин не на шутку увлечен вами, — сказал я.

— Со своей стороны я ничего для этого не сделала и всего менее этого желаю.

— Конечно, это произошло помимо вашего желания... Помните, Тургенев говорил, что никто не увлекается так быстро, как бесстрастные люди... Вам предстоит нелегкий труд разобраться в этом диком конгломерате мистицизма, эротомании и политики, распутать этот клубок религиозных порывов и половых, сексуальных эмоций, переплетающихся с реакционными вожделениями и заданиями.

— Вчера, — говорила г-жа Гончарова, — он два раза сказал мне: «Полюбилась ты мне шибко...»

— Я сухо отвечала ему, что не понимаю его любви, не понимаю того влияния, какое он оказывает на людей, особенно на женщин, не понимаю, что находят в нем его почитательницы, которых я считаю психически больными и о которых я от души сожалею. Он выслушал меня и затем сказал:

— Все поймешь, Ксения, все тебе объясню... только приди ко мне ночью.

Я не верила своим ушам. Едва сдерживая себя, я сурово и строго спросила его:

— Вы, кажется, бредите?.. Что такое вы говорите? Как ночью?..

— Ну, вечерком, попозднее... так часиков в одиннадцать, — говорил Распутин. — А то днем-то все народ — мешают... не дают поговорить, в телефон звонят.

— Вы говорите вздор. В одиннадцать часов меня и родные не пустят.

— Ну, ладно, в десять, приходи в десять, только не раньше. Я буду ждать тебя в субботу, послезавтра, стало быть. Только смотри — непременно приезжай.

Тогда я сказала, что я постараюсь приехать, если не встретится каких-нибудь препятствий.

Ксения Владимировна замолчала.

— Ну, и как же вы решаете теперь, — спросил я после некоторой паузы г-жу Гончарову, — поедите или не поедете завтра к «пророку»?

— Решила ехать, — сказала она.

Я вопросительно поглядел на нее.

— Во-первых, мне не хочется, чтобы он подумал, что я боюсь его. Даже в физическом смысле он представляется мне ничтожным человеком: небольшого роста, развинченный какой-то. А, во-вторых, мое любопытство затронуту в высшей степени. Быть может, и в самом деле завтра мне удастся раскрыть ту тайну, которой этот загадочный субъект обязан своим влиянием. Физического насилия с его стороны я не опасаясь уже по одному тому, что чувствую себя слишком сильной... Да, да, не удивляйтесь; я долго занималась гимнастикой и спортом, систематически развивала свои мускулы и потому совершенно уверена в том, что даже при столкновении с ним победа будет на моей стороне. Наконец, я могу взять с собой револьвер. А я прекрасно стреляю.

Конечно, все это показалось мне чересчур наивным и фантастичным. Я начал зло подтрунивать над отважной спортсменкой и над ее воинственными планами, убеждая ее отказаться от рискованного посещения.

К удивлению моему, г-жа Гончарова упорно отстаивала свое решение ехать к Распутину завтра вечером. На этом мы и расстались. Это было в пятницу на Масленице.

На другой день около полудня Ксения Владимировна телефонировала мне: «Мой план потерпел крушение, и я снова принуждена обратиться к вам с большой просьбой. Мне необходимо видеть вас. Могу ли я сегодня застать вас около двух часов?»

Я отвечал, что буду ждать ее.

Приехав ко мне, г-жа Гончарова сообщила, что ее брат и belle Soeuz решительно воспротивились тому, чтобы она отправилась одна к Распутину вечером.

— Так поздно... одна... это совершенно невозможно, — говорили они. — «Старец» может услатить свою прислугу, и, таким образом, ты чуть не ночью очутишься с ним с глазу на глаз в пустой квартире. Это недопустимо, это немислимо, особенно при его странностях, при его неумении держать себя корректно, — и т. д.

— Конечно, в душе я не могла не сознавать, что они в значительной степени были правы. Разумеется, я совсем не желаю идти на какую-нибудь грубую, безобразную сцену. И это заставило меня согласиться с моими родными.

Однако в то же время мне отнюдь не хотелось отказаться от мысли посетить «старца», не хотелось уклониться от его настойчивого приглашения, так как я надеюсь, что это свидание может много уяснить мне из того, что остается для меня загадкой.

— Тогда я вспомнила о вас, — продолжала г-жа Гончарова, — и высказала свое предположение, что, быть может, вы не откажетесь сопровождать меня сегодня к «пророку». Мои родные сейчас же ухватились за эту мысль. Таким образом, вопрос о том, поеду я сегодня к Распутину или нет, всецело зависит от вас. Конечно, вы очень обязали бы меня, если бы согласились вместе со мной поехать вечером к «пророку».

— Вы даете мне очень редкий случай понаблюдать знаменитого «прозорливца» при весьма необычной, почти интимной обстановке. Понятно, что я с удовольствием готов воспользоваться вашим предложением, — отвечал я.

— Значит, едем! — с видимым удовольствием сказала моя собеседница.

Вечером, без четверти десять, мы сели на извозчика. Ксения Владимировна сообщила мне, что час назад Распутин по телефону снова ей напомнил, что он ждет ее, и просил не опоздать.

— Воображаю, какую физиономию скроит «отец Григорий», когда увидит, что вы не одна! — говорю я своей спутнице.

Ксения Владимировна весело смеется, прикрывая лицо большой модной муфтой.

— Он не простит вам такого коварства, — продолжаю я. — Вообще, нужно признаться, что на этот раз у нас с вами очень мало шансов рассчитывать на любезный прием со стороны «пророка». Особенно у меня.

— Вы правы. Но тем интереснее ваше положение как наблюдателя и исследователя.

Подъезжая к Английскому проспекту, я спросил г-жу Гончарову:

— А что вы скажете, если «старец» по своей прозорливости сразу разгадает наш заговор? Согласитесь, что для этого не потребуется особенно большой проницательности.

— Не верю я в его прозорливость! — сказала моя спутница, сходя с извозчика и направляясь в ярко освещенный подъезд.

Дом, в котором жил тогда «пророк», был новый, благоустроенный, в «декадентском», или, точнее, в новоскандинавском стиле. Швейцар суетливо усаживает нас в комфортабельный лифт.

Едва успела Ксения Владимировна прикоснуться к электрической кнопке звонка, как дверь уже открылась. Открыл сам «старец». Очевидно, заслышав поднимающийся лифт, он ждал в передней, около самой двери.

Первой вошла г-жа Гончарова, за ней — я. Я видел, как лицо «пророка» при моем появлении вдруг потемнело, и он молча отступил на несколько шагов в глубь передней — большой комнаты, освещенной электричеством.

Он был в поддевке тонкого сукна и лакированных высоких сапогах.

Ксения Владимировна с непринужденностью светской дамы начала говорить о том, что ее родные не хотели отпустить ее одну в такое позднее время и просили меня сопровождать ее.

Распутин, заметно насупившись, — хмурый, мрачный и неподвижный, — продолжал молчать, глядя исподлобья то на меня, то на мою спутницу. От этого упорного молчания мне становилось неловко, хотя в душе я чуть удерживался от смеха. В то же время Ксения Владимировна, видимо, не чувствовала ни малейшего смущения, быстро раздеваясь и оправляя свою прическу.

Наконец «о. Григорий» собрался с духом; очевидно, поняв, что дальнейшее молчание невозможно, он открыл дверь с левой стороны от входа и глухо и отрывисто проговорил:

— Прошу покорно!

Это было сказано холодным, сухим, официальным тоном, в котором нетрудно было уловить ноты плохо скрытого раздражения.

Мы входим в комнату продолговатой формы, посередине которой стоял большой стол, уставленный роскошными корзинами чудных живых цветов. В воздухе пахло ландышами, которых тут было особенно много. Приятно дышать ароматом ландышей в феврале месяце.

Кроме цветов, на столе стояли: вазы с фруктами, кондитерский торт, банка с вареньем и бутылка вина, завернутая в тонкую, цветную бумагу, очевидно только что принесенная из магазина.

«Цветы, фрукты и вино! — невольно подумалось мне. — Обстановка точь-в-точь как у Мопассана, когда он описывал интимные свидания своих пылких героев и героинь».

Но что я вижу?.. Распутин, как только вошел в комнату, тотчас же направился к столу и, стараясь это сделать незаметно для нас, взял бутылку, завернутую в тонкую розовую бумагу, и вышел в соседнюю комнату. Через минуту он вернулся к нам уже без бутылки.

Очевидно, вино теперь было уже не нужно и его необходимо было припрятать.

Я видел, как моя спутница кусала себе губы, чтобы не расхохотаться.

Выражение лица Распутина, темного и волосатого, с широкими чувственными губами, по-прежнему было сдержанное и недовольное.

Но о вечере, проведенном нами у «пророка», — в следующей главе.

IV

Вечер у Распутина

— Да у вас здесь целый цветник! — воскликнула Ксения Владимировна, подходя к стоявшему посредине комнаты длинному столу, на котором были расставлены корзины с цветами. — Какая прелесть!.. Какие чудные цветы у вас, Григорий Ефимович, — восторгалась она, любуясь благоухавшими ландышами, розами, гиацинтами и вдыхая их аромат.

— Мм... да... ничего цветочки, — мямлил «старец», подвигаясь вслед за гостьей. Он по-прежнему держался очень сдержанно и, видимо, продолжая дуться. Больше молчал, ограничиваясь краткими репликами на вопросы Ксении Владимировны.

Раза два, под какими-то предложениями он выходил даже из комнаты, оставляя нас одних.

Возвращаясь, он подозрительно взглядывал то на Ксению Владимировну, то на меня и продолжал хмуриться.

— Вы, должно быть, очень любите цветы? — говорила Ксения Владимировна.

— Кто? Я-то?.. Не!.. Ни к чему, — равнодушным тоном сказал Григорий Ефимович.

— Как?! Неужели не любите? — удивилась молодая дама.

«Старец» покрутил головой.

— Не!.. Сирень, ту люблю, а этих цветочков... не обожаю.

— Не обожаете? — тоном, не лишенным лукавства, переспрашивала Ксения Владимировна. — Но в таком случае как же вам не совестно тратить столько денег на цветы? Ведь это же стоит больших денег.

Распутин вдруг осклабился. На сумрачном лице появилась усмешка, и он, ухмыляясь, проговорил:

— Да нешто я их покупал?! — И затем явно презрительным тоном добавил: — Была нужда!..

— А-а-а, так это вам дарят ваши поклонницы! — воскликнула с невинным видом Ксения Владимировна. — Да?.. Ну какой же вы счастливый, Григорий Ефимович.

Распутин расстегнул свою поддевку, оправил бывшую на нем синюю шелковую рубашу и заложил руки за пояс.

— Если я иногда завидую богатым, то только потому, что они имеют возможность всегда иметь живые цветы, — сказала Ксения Владимировна, обращаясь ко мне.

Вдруг она воскликнула:

— Нет, нет, вы подойдите сюда! Вы посмотрите, что это за роскошь!

Посредине стола стояла огромная, роскошная корзина, наполненная чудными белыми, алыми, пунцовыми розами, сверкавшими свежестью своих лепестков и распространявшими в воздухе тонкий аромат.

Ксения Владимировна с восхищением, почти с экстазом любовалась цветами.

— «Как хороши, как свежи были розы!» — вдруг мечтательно продекламировала она. — Но ведь это же безумно дорого!.. Григорий Ефимович! Нескромный вопрос: кто подарил вам эти розы?

— З прислала, — проговорил Распутин, почесывая живот.

Он назвал одну очень высокопоставленную особу — настолько высокопоставленную, что, услышав ее имя, Ксения Владимировна вдруг прикусила язычок и умолкла на несколько минут*.

С краю стола, где я сидел, лежала пачка писем и пакетов, адресованных на имя Григория Ефимовича Распутина. Я спросил, что это за письма.

— А это сегодня с почтой пришли, — сказал «пророк». — Ко мне много приходит писем и пакетов. От разных лиц. Со всей России присылают... Сегодня еще немного, — продолжал он, беря письма и пересчитывая их. — Всего пять. Вчера больше было.

— Давайте, я прочту вам письма, — предложила Ксения Владимировна.

— Ну, что же, почитай, потрудись, — сказал Григорий Ефимович, передавая ей один из пакетов.

— Я буду вашим секретарем, — продолжала Ксения Владимировна. — Хотите?

В ее тоне вдруг послышались какие-то новые, заигрывающие нотки, точно она была не прочь пококетничать с «прозорливцем».

Распутин что-то невнятно пробормотал о том, что хорошо бы иметь такую «секретаршу». Он сел на кушетку, около Ксении Владимировны, и приготовился слушать.

Началось чтение.

Писал волостной писарь одной из губерний западной Сибири. Витиевато, канцелярским слогом расписывал он о том, как много трудов положил на пользу службы и как всегда из всех сил старался угодить начальству. Однако, несмотря на это, благодаря проискам каких-то недоброжелателей, неожиданно был уволен от должности без всякой причины и вины со своей стороны. И вот он с большой семьей остался

* Распутин сказал: «Царица прислала».

без всяких средств, терпит страшную нужду, голод и холод и потому обращается к высокоуважаемому Григорию Ефимовичу с нижней просьбой хлопотать за него перед сильными людьми, которые могли бы предоставить ему должность волостного писаря, хотя бы в другой губернии.

— Что вы сделаете с этим прошением? — спросила Ксения Владимировна.

«Старец» глубокомысленно помолчал, подвигал губами, а затем в свою очередь предложил вопрос:

— Это кому следует? К Кулакову*, што ли?

— Да, это в его ведомстве.

— Стало быть, надо послать Кулакову... Он сделает! — уверенно проговорил «пророк». — Хороший человек... Беспременно исполнит... Ну, теперь почитай исхо это прошение.

Ксения Владимировна опять начала читать, а Распутин уставил свой тяжелый, неподвижный взгляд на чтницу. Но мне казалось, что он не столько слушал свою «секретаршу», сколько рассматривал ее открытую шею, ее бюст, ее руки — очень красивой формы, открытые до локтя.

На этот раз писал начальник станции одной из южных железных дорог. Многословно излагал он всю свою служебную карьеру «с маленьких должностей» на каком-то захолустном полустанке в степи. Постепенно достиг «высокой» должности начальника на крупной торговой станции. Был совершенно счастлив и доволен своей судьбой и службой, как вдруг — крах, и он остается без места, выброшен на улицу. Просит и молит Григория Ефимовича оказать ему милость и посодействовать в назначении на новую должность.

— А это к кому? — опять спросил Распутин, адресуясь к Ксении Владимировне.

Она назвала фамилию лица, стоявшего во главе железнодорожного ведомства**.

— Так... так... знаю, я ему много посылал этих самых прошений. Сначала он исполнял, как и следует быть, с охотой, ну, а теперь — не того...

— Что же? Отказывается?

— Ну, нет, не то штоб отказывается, но только не по-прежнему. Недавно я ему одиннадцать прошений послал, а он из них всего только шесть исполнил.

* Министр внутренних дел Н. А. Маклаков.

** Министр путей сообщения Рухлов.

— Ну, что же, — заметила Ксения Владимировна, — шесть из одиннадцати. Ведь это же очень хорошо.

— Чего тут хорошего, — с хмурым, недовольным видом буркнул Распутин. — Нет, не буду я посылать ему...

Он взял прошение, разорвал его и бросил в камин.

Третье прошение было от какой-то купеческой вдовы, которая слезно жаловалась на свою судьбу, так как после смерти мужа дела пришли в полное расстройство; не зная, как выйти из тяжкого положения, она умоляет «пророка» помолиться за нее и помочь ей «сколько возможно».

— Отложи, — внушительно сказал «старец», обращаясь к Ксении Владимировне, и, подавая ей другое письмо, прибавил: — На-ка, почитай энто письмо.

Торговец лесом с Волги сообщал об упадке торговли и о пожаре, который уничтожил его дом со всем двором и имуществом. Просил о помощи.

— Ну-ка, исшо, — сказал отец Григорий, подавая Ксении Владимировне последнее письмо.

В нем петроградская «резвенница», последовательница «братца Иоанна Чурикова», содержательница меблированных комнат, просила Распутина похлопотать и посодействовать, чтобы были разрешены собрания и проповеди братца, неправильно запрещенные по проискам миссионеров.

В письме много говорилось об огромных связях и влиянии «прозорливца» в высоких кругах и выражалась уверенность, что если он только захочет, то все будет сделано согласно его желанию.

— Надо бы помочь, — сказал Распутин, — я энту женщину знаю. Да и братца знаю.

Подумав несколько минут, он встал, вышел в другую комнату, принес оттуда чернильницу и перо и начал что-то писать на прошении «резвенницы».

В корявых пальцах неловко торчало перо. Старательно выводил какие-то каракули, «старец» все время сопел.

Закончив писание, он передал прошение Ксении Владимировне, заметив:

— Надо бы припечатать. Завтра энта женщина придет за ответом, я ей отдам пакет, а она отнесет его к Данскому.

— К Данскому, помощнику С.

Старец назвал немецкую фамилию лица, стоявшего тогда во главе духовного управления*.

* Обер-прокурор Св. Синода В. К. Саблер.

— Боже мой, но ведь он же обидится на вас! — воскликнула Ксения Владимировна. — Что вы тут написали!

Она передала мне прошение, на полях которого крупными каракулями красовалась резолюция:

«Петруся зделай этим людям што можна.»

Григорий».

— Кто такой этот Петруся? — спросил я у Распутина. — А Петр Степаныч... Петр Степаныч Данской...*

— И ты это напрасно, — сказал «пророк», обращаясь к Ксении Владимировне, — ничаво он не обидится... Не впервой.

— Однако как-никак он все-таки сановник... Если не ошибаюсь, тайный советник... на правах товарища министра, — говорила деловым тоном Ксения Владимировна.

— Пушай его!.. Для кого — советник, а для меня — Петруся.

Ксения Владимировна, пожав плечами, начала заклеивать конверт с прошением «трезвенницы».

— Ну, спасибо, — сказал Григорий Ефимович, — завтра отдам ей, когда она придет... Ко мне много народу ходит. Каждый день. Приходи как-нибудь поутру, часов в девять — увидишь, сколько у меня всякого народа бывает, — сказал Распутин Ксении Владимировне.

— Кто же больше всего обращается к вам? — спросил я.

— Разные. И серый народ, и из чистой публики... Много духовных обращается.

— Священники? — спросил я.

— Да, и священники, и монашествующие... и синодские... всякого сословия.

— А духовных вы куда же направляете?

— Как куда? — переспросил «отец Григорий». — Да тоже к разным лицам, глядя по делу... Больше к Петрусе, — он завсегда сделает, что нужно... Услужливый на редкость...

В течение вечера Ксения Владимировна несколько раз пыталась завести разговор на тему о причинах влияния «старца» вообще и в особенности его успеха у женщин. Нужно отдать ей справедливость, она делала это очень тонко, искусно, дипломатически. Однако «пророк» не поддавался на удочку. Он явно не желал касаться этих вопросов; в его глазах загорались какие-то беспокойные огоньки, он хмурился

* Помощник обер-прокурора синода Петр Степанович Даманский.

и подозрительно посматривал то на свою собеседницу, то на меня. Очевидно, он не находил удобным вести разговор на эти темы в присутствии третьего лица.

Со своей стороны, он поинтересовался узнать, как я прихожусь Ксении Владимировне.

— Он мой дядя, — выпалила она, смотря на «прозорливца» невинными глазами.

Думаю, что «пророк» не поверил этому, хотя он и не подал никакого вида, а только спросил, с чьей стороны я прихожусь дядей.

— Со стороны матери, — импровизировала Ксения Владимировна.

— А кто твой отец? — полюбопытствовал Григорий Ефимович.

— Генерал, — с гордым видом бросила Ксения Владимировна.

Распутин все еще сохранял сумрачный, нахохленный вид, говорил мало и сдержанно, но взгляд его все чаще и чаще останавливался на его молодой собеседнице. Все время, пока Ксения Владимировна читала письма, он не спускал с нее глаз.

«Уж не гипнотизирует ли он ее?» — думалось мне.

Ксения Владимировна, сидя на маленькой кушетке, как-то лукаво и в то же время иронически посматривала на «пророка».

Вдруг я вижу, как она быстрым, привычным жестом вынимает из волос гребенки и шпильки, делает легкое движение головой, и в тот же момент волна темно-русых волос рассыпалась по ее плечам и спине. Из рамки густых пышных волос выглянуло оживленное, раскрасневшееся лицо с тонкими, красивыми чертами.

Я с большим недоумением посмотрел на нее, не понимая, зачем это она делает, к чему эта игра.

В глазах Распутина забегали зеленые, хищные огоньки сладострастника. Он вышел в соседнюю комнату, оставил там поддевку и вернулся в одной синей рубашке, подпоясанной красным шнуром с кистями. Поместившись на маленьком диване, рядом с Ксенией Владимировной, он вдруг сделал попытку погладить ее плечи.

Она быстро уклонилась и поспешила подалее отодвинуться от него.

— Ишь ты, какая... колючая, — сказал «отец Григорий» недовольным тоном.

Ксения Владимировна начала поспешно приводить в порядок свои волосы.

— Право, колючая... Я впервой такую вижу... тысячи знал разных барынь, а такой еще не видал.

— Неужели не видали? — задорно переспросила Ксения Владимировна, заканчивая свою куафюру.

— Вот перед Истинным — не видал такой... А ты напрасно серчаешь: я всегда одинаков — как без дяди, так и при дяде, — почему-то подчеркнул он.

С этого момента Григорий Ефимович заметно стал оживленнее.

— Будемте чай пить! — предложил он, обращаясь к нам, и, видя, что мы не отказывались, вышел из столовой, чтобы сделать распоряжение.

Вскоре появился самовар и чайные приборы. Подавала какая-то пожилая женщина с бледным, выцветшим лицом.

Мы заняли места в конце стола, около самовара. Распутин придвинул белый картон с тортом и вазы с вареньем.

Варенье оказалось превосходным, из южных фруктов: тут были ренклоды, персики, абрикосы.

«Дары поклонниц», — подумалось мне.

«Старец» отрезал несколько кусков торта и предложил нам «попробовать».

Торт «прозорливца» оказался, прямо сказать, восхитительным: он так и таял во рту. Заинтересовавшись этим, я захотел узнать, из какой кондитерской вышел этот необыкновенный торт-шедевр. Но на картоне, в которой был заключен торт, не оказалось никаких следов, которые указывали бы на фирму. Очевидно, это тоже был подарок какой-нибудь высокой почитательницы Распутина — быть может, той же самой, которая прислала розы.

— Кушайте! — сказал нам «старец», а сам придвинул к себе большой пакет из желтой бумаги и вынул оттуда несколько баранок, какие продаются на всех базарах, во всех мелочных и овощных лавках.

Сначала этот жест мне понравился; понравилось, что «пророк» до сих пор сохранил крестьянские вкусы и предпочитает деревенские баранки столичному кондитерскому тарту. Но вскоре мне пришлось убедиться, что все это делалось неспроста, а с явной демонстративной целью, с желанием подчеркнуть верность демократическим вкусам и привычкам.

Потом я узнал, что эта манера возведена Распутиным в систему и что в высоких кругах это обстоятельство немало способствовало его популярности. Вот, дескать, человек, который, несмотря на все соблазны, тем не менее все-таки остается настоящим крестьянином, мужиком, настоящим представителем народа.

Я должен, однако, прибавить, что «прозорливец», сколько мне известно, никогда не отказывается вкусно и сытно поесть и попить, но только при условии, чтобы это было не на виду у тех особ, которые ему покровительствуют.

Зазвенел телефон. Распутин подошел к аппарату, взял трубку и начал слушать.

Меня немало удивила поза, которую при этом он принял. Одну ногу он поставил на стул, стоящий у аппарата, левой рукой держал трубку, а правой подбоченился. Мне казалось, что он пытался подражать кому-нибудь из своих аристократических знакомых и явно желал быть галантным. Разумеется, у него это выходило до последней степени смешно и карикатурно.

— Откуда звонят? — спрашивает «старец». — Из Z*? А, это ты, Оленушка. Здравствуй, здравствуй... Ну?.. Что прислать к завтраму? Да ничего не надобно. Все есть... Да, и осетрина есть... А? Что? Цветов?.. Нет, нет, не нужно! И без того их полная комната... некуда ставить... Вот разве яичек.

«Пророк» взглянул на стол, где, среди цветов, стояла глубокая тарелка с яйцами.

— Яичек пришли, — продолжал он, — а то их совсем мало остается. Они уже на исходе... Винца? То бишь кагору, пожалуй, пришли... Хорошо, ладно... спасибо... Ну, прощай, Оленушка, до завтра, стало быть.

Григорий Ефимович вернулся к нам и начал пить чай с блюдечка, заедая баранками с анисом.

— А что у вас завтра? — спросила Ксения Владимировна.

— Гости будут, — отвечал Распутин со значительным видом. И затем, подумав, сказал:

— Коли хочешь, приезжай. Так, часов в 12, после обедни. Я буду в Казанском.

— А кто у вас будет?

«Прозорливец» посмотрел на собеседницу, но ничего не ответил: видимо, он не желал называть своих гостей. Ксения Владимировна повторила вопрос.

— Мм... — замялся «старец», — коли приедешь, сама увидишь.

Помолчав немного, он сказал:

— Будет одна в лентах.

— Как в лентах?

— Да так, почитай, что вся в лентах, сверху донизу. И вся мелкими образками увешана... Генеральша одна.

— Может быть, приеду, — сказала Ксения Владимировна, — если ничто не задержит.

— Приезжай, — повторил еще раз Распутин.

«А меня не приглашает», — подумал я.

* Из Царского [Села].

Было уже около половины двенадцатого. Мы начали прощаться, «пророк» нас не удерживал.

Прощаясь со мной, он вдруг облобызал меня. Эта неприятность, как я потом узнал, ожидает почти каждого, кто только посетит «прозорливца».

В передней, когда мы одевались, «старец», пронизывая Ксению Владимировну своими зелеными глазами, еще раз со значительным видом напомнил ей, что завтра будет прощенное воскресенье, что поэтому она должна непременно приехать к нему.

— Хорошо, приеду, — сказала она покорно.

Мы сели в пролетку — февраль 1914 года был бесснежный, — и извозчик погнал лошадь по гололедице. Вечер стоял мягкий, влажный, теплый.

Ксения Владимировна казалась крайне возбужденной; она то смеялась, то болтала, волнуясь и спеша.

— Нет, вы только подумайте, А. С., это чудовище... этот Распутин уверяет меня, что он «таких» еще не встречал, что я — единственная из тысячи женщин, которых он знал... «Тысячи женщин!»... Как это вам нравится в устах праведника? Не правда ли, это звучит гордо?.. Мой брат знает из верных источников, что на Распутина чуть не молятся самые высокопоставленные дамы, что его считают святым, пророком, прозорливцем... Неужели все это взаправду, pour tout le bon, — как говорят французы?.. «Ишь, какая ты колючая!» — вдруг вспомнила она обращенные к ней слова «пророка». И снова начала смеяться.

Мне припомнилась сцена с волосами, и я с некоторой тревогой посмотрел на свою спутницу. Мне казалось, что она затевала игру, игру, которая, в конце концов, могла получить неожиданную для нее самой развязку.

Мое сдержанное молчание было, вероятно, замечено молодой дамой, так как вдруг она перестала смеяться и сделалась серьезной. Помолчав несколько минут, она обратилась ко мне с вопросом:

— Меня очень интересует то впечатление, какое произвел на вас Распутин. Что вы думаете теперь об этом человеке?

— Первое впечатление было чисто криминальное, — сказал я. — Право, когда я впервые увидел его, увидел, как потемнело его лицо, как он весь насупился, стоял и молчал, мрачный, нахохленный, кидая злые взгляды вокруг, — мне показалось, что предо мной прямо преступный тип. Конечно, двухчасового наблюдения недостаточно для того, чтобы составить окончательное мнение о человеке. Можно, разумеется, ошибиться. Однако мне сдается, что в природе этого человека есть действительно немало темного, преступного, что нужно скрывать. Отсюда, вероятно, его необыкновенная сдержанность, скрытность, его постоянные недо-

молвки. Думаю, что преобладающей чертой его природы является грубая чувственность, животное, звериное сладострастие. Ни малейших следов непосредственности, которой обыкновенно отличаются люди, вышедшие из народа, в нем я не подметил. Он, видимо, привык вращаться в разных слоях общества, привык иметь дело с самыми различными людьми. Искренности нет и следа. Он явно играет роль, которую продумал, к которой привык. Он крестьянин, вчерашний землероб, выходец из недр народа. Благодаря исключительному, совершенно фантастическому стечению обстоятельств, он достигает необыкновенного влияния, можно прямо сказать — могущества... Сколько сановников, сколько епископов обязаны ему своей карьерой, своим возвышением! После этого не удивительно, что Кулаков* раболепно исполняет его желания. Не удивительно, что С** кланяется ему «земно». Сам граф В*** заискивает в «отце Григории» и ездит к нему на поклон вместе со своей супругой. Но, получив такое колоссальное влияние, что сделал «прозорливец» для крестьянства, для народа? Ровным счетом ничего! Но зато его собственное благосостояние, как уверяют, развилось и упрочилось как нельзя лучше.

— Вы находите его умным или нет? — спросила Ксения Владимировна.

— Согласитесь, что сегодня он ничем не обнаружил своего ума. Но что он очень хитрый человек, себе на уме, то это не подлежит никакому сомнению.

На другой день, в прощенное воскресенье, Ксения Владимировна позвонила ко мне в четвертом часу. Слышу ее взволнованный голос:

— Я только что вернулась от Распутина. У него сегодня был настоящий раут. Вы не можете себе представить, кого я там встретила... Вы не можете себе представить, что там происходило. Это нечто невозможное! Это настоящий бедлам. Я прямо подавлена... Завтра приеду к вам и расскажу все подробно.

V

«Раут»

Приехав ко мне на другой день, Ксения Владимировна поведала мне следующий рассказ:

— Ровно в 12 часов дня я подъехала к дому, в котором живет Григорий Распутин. Это дом одного генерала, бывшего губернатора, известного своим черносотенством.

* Н. А. Маклаков.

** В. К. Саблер.

*** Граф С. Ю. Витте.

У подъезда стояла карета и два очень элегантных автомобиля с гербами. Высокие выхоленные лакеи стояли тут же на тротуаре около подъезда: на одном была ливрея сургучного цвета, у другого — цилиндр с позументами и скунсовая шаль на плечах.

В передней «пророка» пахло ухой и осетриной.

Прислуга, раздевая меня, сообщила:

— Отец Григорий сейчас будут: они в Казанском соборе. К обедне уехавши... Пожалуйте в гостиную.

Меня провели в тот зал, в котором «старец» принимал своих посетителей во время моего первого визита к нему.

Здесь уже было целое общество, состоявшее почти исключительно из дам. Из мужчин был только один — молодой человек, лет 30, родственник графини Головкиной. Он приехал сюда, сопровождая свою молоденькую жену, беременную первым ребенком. Страстная почитательница «прозорливца», она непременно хотела посетить его в прощенное воскресенье.

Муж, хотя и против воли, принужден был, скрепя сердце, согласиться на это. Несмотря на всю его корректность и сдержанность, можно было подметить, что многое из того, что здесь происходило, сильно корбило его.

Графиня Головкина была вместе со своей дочерью, симпатичной и милой, но, видимо, очень болезненной девушкой, в глазах которой застыла глубокая грусть. Я ранее уже виделась с нею как-то у «старца», поэтому мы встретились как знакомые.

Я была очень рада этой встрече, тем более что все остальное общество было мне совершенно незнакомо. Молодую графиню в семье почему-то все звали Тюней, хотя ее настоящее имя было Татьяна Сергеевна. Многие из ее знакомых за глаза тоже обыкновенно называли ее Тюней; поэтому и я усвоила эту привычку.

— Вы давно знаете Григория Ефимовича? — спросила я графиню Тюню.

— О да, с отцом Григорием мы знакомы уже несколько лет, — отвечала она.

— Мне бы очень хотелось поговорить с вами о нем. Но для этого нам, может быть, будет лучше перейти в соседнюю комнату?

— Идемте, — сказала Тюня, вставая.

Мы перешли в соседнюю, небольшую, довольно скудно меблированную комнату и сели на диван.

— Мне кажется, вы относитесь к Григорию Ефимовичу с большим уважением, — сказала я.

Тюня сейчас же начала волноваться.

— Вы правы... Я с первого же раза уверовала в отца Григория, — проговорила она с глубоким убеждением. — И теперь у меня нет никаких сомнений.

— К сожалению, я не могу этого сказать о себе, — сказала я, — напротив, у меня слишком много разных сомнений. К тому же многого из слов Григория Ефимовича я совсем не понимаю.

— Слова отца Григория надо понимать духовно-аллегорически. Его слова всегда имеют особенный смысл. Чтобы понять их сокровенное значение, нужно глубоко вникать, нужно углубляться, сосредоточиваться.

— Затем, признаюсь, меня немало смущает его манера обращения с дамами, — решила я намекнуть я.

Тюня сделала вопросительное лицо.

— Вы не догадываетесь, о чем я говорю?.. Меня крайне удивляет, например, его страсть к поцелуям.

— Ах, Боже мой, — с укором воскликнула Тюня. — Неужели вы не сознаете, что его поцелуи не имеют ничего общего с поцелуями других мужчин?

Позиция, занятая Тюней, начинала меня раздражать. Я решила быть откровеннее.

— Мне не нравятся также его постоянные прикосновения, пожатия, поглаживания, — проговорила я, смотря прямо в глаза Тюни.

— Отец Григорий настолько чист сердцем, что он на все смотрит с высоты своей чистоты, — сказала она убежденно. — Да, да, отец так далек от всего мирского, земного... так далек от всякой мысли об удовольствии или наслаждении... Ему ваше тело не нужно, так как он не придает телу никакого значения... А главное, он считает, что если женщине становится неловко от его ласк, то, значит, она не свободна от греховных помыслов, от тайных желаний.

«Вот оно что, — подумала я, — какова теория!»

— Нас он теперь почти совсем не трогает, — сказала Тюня с самым невинным видом.

Мне вдруг захотелось сказать ей что-нибудь резкое.

— А скажите, пожалуйста, вас не смущает то, что пишут в газетах о Григории Ефимовиче? — спросила я.

Тюня горько улыбнулась, и в ту же минуту судороги задержали ее нервное, бледное лицо.

— Ах, в людях, к сожалению, так много гадкого, — сказала она, сильно волнуясь, — поэтому они во всем готовы видеть что-то грязное.

— Получили ли вы покой с тех пор, как познакомились с Григорием Ефимовичем? Вообще, что вам дало знакомство с Распутиным? — спросила я.

— Благодаря отцу Григорию я получила полную ясность души, — сказала Тюня с каким-то блаженным видом.

Глубокое, искреннее чувство, которым были согреты эти слова, сильно тронуло меня, мне стало от души жаль милую девушку, и я постаралась перевести разговор на нейтральную почву.

— Я в первый раз встречаю у Григория Ефимовича такое большое общество. К сожалению, кроме вас, я никого не знаю из собравшихся здесь... Мне хотелось бы знать, кто эта высокая, представительная дама с южным типом лица? — спросила я.

— Как, вы не узнали? Это светлейшая княгиня Х, — отвечала Тюня. — Она с большим уважением относится к отцу Григорию.

— А эта полная, высокая блондинка?

— Это Елена Алексеевна Торопова, бывшая фрейлина. Давнишний верный друг отца Григория и горячая его почитательница.

В эту минуту дверь в комнате, в которой мы сидели, отворилась, и вошла мать Тюни, графиня Головкина.

— Отец Григорий приехал, — сказала она, — идемте в столовую: он ждет.

Тюня поспешно встала, представила меня своей матери, и мы направились в столовую «прозорливца».

При виде меня Распутин выразил свое удовольствие.

— Ну вот, хорошо, што ты пришла сегодня, — сказал он с довольным видом, — садись сюда, поближе ко мне.

И он усадил меня рядом с собой.

Роскошные корзины живых цветов, ландышей и роз, которыми я любовалась накануне, были расставлены вдоль стола, за которым мы все разместились.

Дамы, как только они сели за стол, очевидно по принятому здесь обычаю, протянули руки к «пророку», говоря:

— Я-ич-ко!

Это произносилось каким-то просительным, почти умоляющим тоном.

— Как, неужели и княгиня Х*? — изумился я.

— Она тоже протянула руку, но сделала это молча, — сказала Ксения Владимировна.

Григорий Ефимович придвинул к себе тарелку с яйцами и начал наделывать всех по одному яйцу.

Тотчас же все начали есть яйца, точно свершая какое-то таинство.

* Под именем «светлейшей княгини Х» выводится великая княгиня Милица Николаевна.

- А ты не хочешь яичко? — спросил Распутин, обращаясь ко мне.
— Нет, не хочу, — сказала я.

Я ответила так потому, что действительно не люблю яиц вкрутую и никогда их не ем. Но я никак не ожидала, что мой отказ от яйца произведет настоящую сенсацию.

Все дамы с изумлением оглядели меня. Особенно меня поразил взгляд графини Тюни — полный немого укора и глубокой скорби.

Даже княгиня Х чуть заметно повернулась в кресле и осмотрела меня в лорнет.

А я в свою очередь наблюдала за ними. Меня, между прочим, поразила одна подробность, которая невольно бросилась мне в глаза. После того, как яйца были съедены, ни на тарелках, ни на столе совсем не оказалось скорлупы. Никаких следов!.. Куда же девалась скорлупа? Ведь не могли же эти дамы скушать яйца вместе со скорлупой? Ясное дело. И я решила, что они спрятали скорлупу, как своего рода реликвию, в свои изящные сумочки. Иначе я никак не могла объяснить себе бесследного исчезновения яичной скорлупы.

Подали уху, которая оказалась очень вкусной. Затем следовала разварная осетрина с белым соусом, тонко, по-поварски, приготовленным. Из вин был один кагор — церковное вино, которое пили бокалами.

Из всех дам, бывших у «старца», меня особенно интересовала Елена Алексеевна Торопова. Я так много и с разных сторон наслушалась всевозможных рассказов о ней, о ее необыкновенном увлечении «прококом», а также о той роли, которую она играла и играет в высоких сферах.

Уверяли, что именно она больше всего способствовала популярности Распутина в придворных кругах, что именно она больше всего содействовала его возвышению, его близости к высокопоставленным особам, к царице и царю.

Что касается ее искренности, то тут мнения резко расходились: сравнительно немногие готовы были признать ее вполне искренней, но значительное большинство лиц, более или менее близко знающих ее, отзывались о ней как об особе, преследующей свои чисто личные цели и действующей по расчету. Говорилось также о том влиянии, какое оказывает на нее родной отец, очень крупный и важный сановник, известный в тех кругах под именем «лукавого царедворца».

Поэтому, встретив г-жу Торопову у «старца», я отнеслась к ней с большим интересом и вниманием. Прежде всего, мне бросилось в глаза, что ее наружность немало не соответствовала тому представлению о ее внешности, которое сложилось у меня под впечатлением рассказов

и слухов о ней, доходивших до меня. Никаких следов, никаких признаков духовных, мистических устремлений и переживаний в ней не было заметно.

Наоборот, вся ее внешность слишком громко и властно говорила о земном, реальном, чисто плотском, телесном.

Правда, она очень красива, но слишком в русском стиле: высокая, полная, породистая, с развитыми формами, с большими голубыми глазами, с пышной шевелюрой пепельного цвета.

Среди представителей и представительниц современной нарождающейся аристократии она выглядела настоящей московской боярыней XVII столетия.

Мне бросилось в глаза, что она была без корсета. Это очень портило ее крупную, импозантную фигуру. В первый раз мне пришлось видеть в обществе придворную даму без корсета. Потом, позднее, когда я выразила свое удивление по этому поводу, знакомые Елены Алексеевны объяснили мне причину этой странности.

Оказывается, «отец Григорий» «не любит корсетов». Поэтому дамы, особенно дорожащие его расположением, отправляясь к нему, обыкновенно эмансипируются от этой принадлежности дамского туалета.

А что Елена Алексеевна Торопова как нельзя более дорожит расположением «старца», — в этом, конечно, не может быть никакого сомнения.

Вот я вижу, как, она берет кусок черного хлеба, кладет на него два огурца и, держа это в руках, подходит к Распутину. Почтительно приблизившись к нему, она заглядывает ему в лицо и произносит томным и в то же время вопросительным голосом:

— Отец?..

«Старец» берет один огурец прямо рукой и, откусив половину, начинает жевать. Другую половину он кладет на кусок хлеба, который держит в своих руках Елена Алексеевна.

Ту же минуту она берет остаток огурца и, положив его в рот, начинает есть с каким-то особенным, благоговейным аппетитом.

Лицо ее светится радостью. Можно подумать, что в эту минуту она чувствует себя счастливейшей женщиной в мире...

VI

Бедлам

Завтрак подходил к концу, как вдруг дверь, ведущая в столовую из передней, широко распахнулась и на пороге показалась странная женская фигура во всем белом, с длинной палкой в руках.

Лица вошедшей я не могла рассмотреть, так как одетый на голову косматый рыжий парик закрывал большую часть лица; к тому же над самыми глазами к парику был прикреплен особый широкий венчик, на котором крупными буквами было написано: «Аллилуйя».

Мне сделалось жутко, так как я подумала, что вошла психически больная, сумасшедшая женщина. Но, заметив, что белый фантастический костюм, в который была одета вошедшая, обильно украшен разноцветными лентами, я вспомнила слова «старца», сказанные мне накануне о том, что у него будет одна «генеральша вся в лентах».

Подвигаясь какой-то странной, точно разбитой, походкой, приседая и подпрыгивая, белая женщина громко выкрикивала:

— Христос воскрес! Христос воскрес!

Затем, сильно стуча палкой о пол, она истерическим голосом, голосом кликуши начала выкрикивать что-то совершенно невнятное и несуразное.

Приблизившись к «старцу», дама в лентах вдруг упала перед ним на колени и пронзительно крикнув: «Отец!.. Бог — Саваоф!..» — грохнулась на пол и распростерлась ниц.

Потрясенная этой сценой, я спросила сидевшую рядом со мной Тюню:

— Кто эта дама?

— Софья Аркадьевна Похитонова, — кратко ответила она.

— Больная, ненормальная?

Тюня пожала плечами и сдержанно проговорила:

— Вы напрасно так думаете.

— Но... зачем же на ней этот безобразный парик?

— Какой парик? — удивилась Тюня. — Вы ошибаетесь. Это совсем не парик, это сибирская шапка из волчьей шерсти — подарок отца Григория. Он привез ее из Сибири. Софья Аркадьевна очень дорожит этим подарком.

— А зачем эти ленты, этот странный костюм? — не отставала я, хотя и сознавала, что мои настойчивые расспросы шли вразрез с самыми элементарными правилами «хорошего тона».

— Она взяла на себя личину юродства, — объясняла Тюня. — Она желает унизить себя, она хочет, чтобы над нею смеялись... Это, конечно, очень тяжелый подвиг, особенно для светской женщины, но Софья Аркадьевна добровольно приняла его на себя и несет его безропотно.

«Какой странный подвиг!.. Возвращение к XVI столетию», — подумала я, не решаясь, однако, высказать этого вслух, чтобы не обидеть свою собеседницу.

Дамы поспешили на помощь к юродивой, подняли ее, но она тотчас же вырвалась от них и бросилась к «пророку» с неистовым криком:

— Отец!.. Отец Григорий!.. Бог — Саваоф!..

Она кидалась к нему на шею, старалась обнять его, но он отбивался от нее, крича:

— Отстань, отстань от меня Христа ради... Тварь поганая!..

Мне показалось, однако, что он отбивался менее энергично, чем можно было ожидать от него при этих условиях.

А она продолжала цепляться за него, продолжала хватать его руки, покрывая их поцелуями.

— Отойди от меня, дьявол! — орал «прозорливец» во все горло, — а не то вот, как перед Истинным, расшибу тебе башку!

Наконец дамам удалось снова завладеть Софьей Аркадьевной, и они повели ее под руки на стоявший в переднем углу большой широкий диван, устроенный в виде ската.

Софья Аркадьевна, точно обессиленная от только что пережитой сцены, распласталась на диване.

Но это был один момент. Тотчас же она снова поднялась и, простирая руки по направлению к «старцу», громким, проникновенным голосом начала выкрикивать:

— Падите ниц перед ним!.. Целуйте его след!..

В эту минуту зазвенел телефон.

— Тюнька, — сказал Распутин, обращаясь к молодой графине Головкиной, — узнай, кто такой звонит.

Тюня поспешно встала и направилась к телефону. Видно было, что она с радостью готова исполнить поручение «отца Григория».

Но я заметила, что графиню Головкину такое обращение «пророка» с ее дочерью заметно покорило. Однако она, видимо, не решилась высказать ему своего неудовольствия по этому поводу. Она ограничилась только тем, что сдвинула брови и сделала каменное лицо. Но «старец», очевидно, не придал никакого значения мимике графини.

«Однако, — подумалось мне, — как мало церемонится “прозорливец” со своими почитательницами, даже с теми из них, на средства которых живет».

Через минуту Тюня докладывала Распутину:

— Любовь Павловна Мосолова спрашивает вас: когда она сможет приехать к вам? Ей необходимо посоветоваться с вами.

— А кто это такая Любовь... как, бишь, она сказала? — спросил «пророк», обращаясь к дамам.

— Это жена Николая Дмитриевича Мосолова — о нем вы, конечно, слышали.

— Штой-то не припомню.

— Товарищ председателя в...

Дамы называли одно из государственных учреждений в Петрограде.

— Так, так. Слыхал... Ну, скажи, пушай приходит, — обратился «старец» к Тюне.

— Она просит узнать, когда же, просит назначить день и час, — заметила Тюня.

— Ну, примерно, хоть завтра, так, после вечерни.

Тюня снова пошла к телефону.

— А ты придешь ко мне завтра? — спросил «пророк», обращаясь ко мне.

Я сказала, что завтра целый день занята и что поэтому я никак не могу быть у него.

— Ну, все же я позвоню к тебе, — сказал он.

— Позвоните, — согласилась я, — хотя вы вряд ли застанете меня дома.

Мои слова услышала Софья Аркадьевна. Она все еще лежала на диване в распластанном виде, — услышала и страшно вознегодовала.

— Господи! — завопила она. — До чего мы дожили?.. Он САМ, Бог-Саваоф, будет звонить по телефону какой-то девчонке... Вот они, ваши черницы, прелестницы...

— Замолчишь ли ты, погань! — кричит на нее Распутин.

Но юродивая генеральша долго не могла успокоиться. Замолчала было на минуту, но затем снова начала выкрикивать:

— А я последние свои денежки сейчас отдала... За автотопор заплатила... Хотелось отца повидать... Осталась без копейки... Слышите вы?..

Слова «генеральши», видимо, сильно нервировали «отца Григория»: лицо его приняло злое выражение, он насупился и сердито крутил головой.

— Так я и знал, — бормотал он. — Ишь ты, тварь проклятая. Право, погань ты этакая...

Меня до крайности поражала и возмущала эта грубая, дикая брань — но, кажется, только одну меня. Все остальные дамы, кровные, титулованные аристократки, представительницы высшего придворного бомонда, ничем не выражали ни своего возмущения, ни своего протеста. Даже великая княгиня Милица Николаевна делала вид, что она не замечает ничего странного в поведении «старца».

«Примирились? Привыкли? — недоумевала я. — Или же авторитет “отца Григория” так подавил их, что они уже не в состоянии относиться критически к нему и к его поступкам?»

— Разве можно так браниться? — упрекнула я «старца».

— Да как же мне ее не бранить? — воскликнул он. — Слышь, слышь, что она говорит...

— Я говорю, что ты — Бог Саваоф... Да, да, Бог-Саваоф... А отец Филарет — живой Христос. Христос! — по-кликушечьи выкрикивала Софья Аркадьевна.

— Вишь, вишь, что она говорит... Она все исшо заодно с Филаретом, с отступником окаанным... Не хочет отстать от него, от еретика проклятого... Ах ты сатана ленточная!..

Монах Филарет*, который возбуждал такую злобу «прозорливца», в течение нескольких лет был близким его другом и единомышленником. В бурные годы 1904–1906 они вместе рука об руку боролись с революцией, вместе громили «безбожную интеллигенцию», «жидов» и всех других «инородцев», считая их единственными виновниками движения, поднявшего его в общественных кругах и народных массах.

Но затем между Распутиным и монахом Филаретом пробежала черная кошка, произошел резкий разрыв, и недавние друзья обратились в ярых и заклятых врагов. Закипела вражда, завязалась ожесточенная борьба. Филарет выступил с обвинениями против Распутина, обвиняя его в темных пороках, в грязных похождениях.

Эти обвинения, подкрепленные документальными данными, пошатнули было положение «отца Григория» в высоких сферах. Пошатнули, но ненадолго, вскоре он снова оправился, и положение его сделалось еще более, чем было прежде. Несмотря на это, «прозорливец» продолжал пылать ненавистью к Филарету, и всякое упоминание о «мятежном монахе» приводило его в бешенство.

Так было и на этот раз. Достаточно было юродивой выкрикнуть несколько фраз о Филарете, фраз, в которых проглядывало ее сочувствие к «проклятому отступнику», как вдруг «старец» в сильном волнении вскочил со своего места.

— Нет, я не могу... Нет моих сил боле! — неистово заорал он, дико озираясь вокруг. — Нет больше моего терпения!.. Держите меня, а не то я ее убью!..

И он, зажав кулаки, ринулся по направлению к дивану, на котором лежала юродивая генеральша.

Дамы стремительно бросились к нему, схватили его под руки и начали успокаивать.

— Отец Григорий... Батюшка дорогой... успокойся ради Бога, — говорили они.

«Пророк», делая попытки освободиться, дико рычал:

— У-у-у, сатана... дьявол ленточный!..

Этот бедлам мне стал невыносим, и я решила уехать.

* Сергей Михайлович Труфанов, в монашестве Илиодор.

Одновременно со мной из столовой исчез родственник графини Головкиной; я видела, как он, очевидно возмущенный всем происходившим, воспользовавшись общим замешательством и суматохой, вызванными угрозой Распутина убить юродивую, быстро взял под руку свою жену и решительно направился в переднюю.

Прислуги в передней не оказалось, и нам пришлось самим разыскивать свои шубы, шляпы, калоши. Это заняло довольно много времени.

Вдруг из спальни «пророка», находившейся через одну комнату от столовой, раздались на всю квартиру громкие, протестующие крики прислуги.

— Что случилось? Что такое? — с недоумением и тревогой спрашивали дамы, бывшие в столовой.

В эту минуту влетела Дуня.

— Что за беда! Все рубашки растаскали! Скоро «отцу» не в чем будет ходить! — возбужденно кричала она.

— Что такое? В чем дело?

— Да Софья Аркадьевна опять две рубашки «отца» набрала. Из комода вытащила. На ней и без того уже четыре рубашки «отца» надето, а ей все мало...

Оказалось, что генеральша под шумок, скрывшись из столовой, направилась в спальню «прозорливца», надеясь запастись там новыми реликвиями из белья и платья «отца Григория». Но на этот раз замыслы ее были разрушены благодаря вмешательству прислуги.

Очевидно, ни грубая брань, ни проклятия, ни угрозы «пророка» убить ее — ничто не поколебало ее преданности «отцу Григорию»: попрежнему он остался ее кумиром, ее живым Богом.

Когда мы наконец оделись и направилась к выходу, в переднюю вошел Распутин — угрюмый, измятый, всклокоченный.

Молодая дама, его горячая поклонница, обратилась к нему с легким, почти нежным упреком:

— Отец Григорий, за что вы так на нее сердитесь? Ведь она же так... любит вас...

«Отец» вращал глазами, очевидно не находя, что сказать.

— А пошто она... меня за Бога почитает? — угрюмо проговорил он наконец, почесывая себе живот.

Но он, видимо, лукавил, стараясь навести нас на ложный след и в то же время затушевать настоящую причину своего негодования против юродивой генеральши.

Все это происходило *до войны*, почти накануне ее. О том, как протекала жизнь «отца Григория» за время военной грозы, какую позицию занял он и его влиятельные поклонницы и почитательницы по отношению к страшному испытанию, поразившему Россию, — я буду говорить во втором выпуске этих очерков.

Что касается Ксении Владимировны, то она в начале Великого поста покинула Петроград и уехала к себе, т. е. в имение мужа, в его подмосковную вотчину. Перед отъездом она уверяла меня, что в будущем сезоне непременно снова приедет в Петроград, чтобы продолжать свои наблюдения над «пророком» и его поклонницами.

Обещание это г-жа Гончарова действительно исполнила и в самый разгар сезона 1915 года, в конце января, появилась в Петрограде, причем немедленно же возобновила свое знакомство с «отцом Григорием», снова начала очень часто бывать у него, видется с его почитательницами. Но об этом периоде ее сношений со «старцем» нужно говорить много и долго, а потому я отлагаю свой рассказ до другого раза.

<Без подписи>

Смерть Григория Распутина¹

19 декабря, утром, около Петровского моста, прибывшим к берегу Петровского острова найден в реке труп Григория Распутина. Следствие производится судебными властями.

* * *

Крестьянин села Покровского, Тобольской губ[ернии], Григорий Новых-Распутин до 38 проживал на родине, занимаясь хозяйством, но, очевидно, особой чистотой нравов не отличался, так как с детства получил прозвище Распутина. Прозвище это по сибирскому обычаю попало в паспорт, в котором нынешний старец значился Новых-Распутин.

Лет 20 назад малограмотный Григорий, повинувшись какому-то странному, как он говорил, влечению, бросил хозяйство и начал странствовать.

Во время скитания по России мысль его, мистически настроенная, создала особое учение, которое казалось ему новым, а в сущности было повторением учения еретика Маркиона, проживавшего во втором веке, и состояло в том, что для возвышения духа необходимо уничтожение плоти какими бы то ни было способами.

Добредя до Казани, он там встретил широкое гостеприимство у епископа Алексия, отличавшегося мистическим направлением. Епископ этот, пленившись искренностью Распутина, направил его в Петербург

¹ Печатается по: Вечернее время. 1916. 20 декабря (2 января 1917 г.). № 1698. Среда.

к своему отцу, ректору Духовной академии Сергию, который в свою очередь рекомендовал своему преемнику Феофану. Водворившись и укрепившись в Петербурге, Распутин образовал кружок студентов-аскетов, а затем постепенно проник в высшие слои общества. Началось с г[оспо]жи Н. Л[охтин]ой — жены инженера, а затем, поднимаясь постепенно выше, Распутин дошел до так называемых сфер и сделался модным. В то время была вообще мода на аскетов, во главе которых стояли три лица: Григорий Распутин, епископ Феофан и Митя блаженный, все же главнейшим был Распутин, выбравший для умерщвления плоти «особый» способ и приобретший громадный кружок последователей.

Вскоре трио начало распадаться, и первым выбыл из него Митя блаженный, предавшийся пьянству. Затем между Феофаном и Григорием Распутиным произошла распря, последствием которой было разоблачение Распутина, сделанное Феофаном в «сферах». Распутин был выслан на родину, где, благодаря оставшимся в Петрограде благожелателям, жил очень широко и вскоре был возвращен. Все это было в 1911 г.

* * *

Распутин был всегда подозрителен. К Распутину допускались на прием только те лица, которым удавалось получить карточку или письмо от кого-либо из его близких знакомых. Пускали через дверь на цепочке и предварительно опрашивали. Всем домом у Распутина заправляла некая Анна Александровна, от которой зависело очень многое.

Прошлые годы Распутин был более доступен. От 11 ч[асов] утра до часу дня на Английском пр[оспекте] у него бывало обычно не менее 60 человек.

Распутин обычно, если желал принять участие в чем-либо деле, давал свои знаменитые записочки к сильным мира сего, которые производили действие.

* * *

У Распутина в Петрограде на Гороховой улице жили две дочери, одна из которых старшая — невеста. Остальные дети живут вместе с матерью в селе Покровском Тобольской губернии.

Дочери Распутина учились в гимназии Стеблин-Каменской. Матрену Распутин хлопотал в Смольном институте, но благодаря значительному протесту начальницы института, покойной княжны Ливен, она не была принята в институт.

Когда старшая дочь узнала об исчезновении отца, с нею случился тяжелый обморок. На Гороховую улицу был вызван психиатр, профессор Розенбах, пользовавший семью Распутина.

Вчера дочь Распутина была перевезена к г[оспо] же В[ырубовой].

<Без подписи>

Таинственное убийство¹

Сегодня вся местность в районе Петровского моста на Малой Невке была окружена значительным нарядом полиции. В исходе девятого часа утра к Петровскому мосту прибыл прокурор судебной палаты Завадский, судебный следователь по особо важным делам Середа, петроградский градоначальник генерал-майор Балк, начальник охранного отделения генерал-майор Глобачев, начальник сыскной полиции А. А. Кирпичников, управляющий речной полицией генерал-лейтенант Наумов и полицмейстер 4-го отделения генерал-майор В. Ф. Галле.

Искали тело убитого, о котором вчера было напечатано сообщение и часть одежды которого и следы крови были найдены на перилах и быке Петровского моста.

* * *

По данным, добытым на месте, труп был обнаружен при следующих обстоятельствах.

Один из старших городских речной полиции, которому неоднократно приходилось на своей практике извлекать из воды утопленников, решил, что убитый далеко унесен течением быть не может. Обходя барки, стоявшие от моста в 30 саженьях, он, пройдя затем к концу проруби, заметил, что под льдиной виднеется какая-то масса. Прорубив эту льдину, городской извлек труп, сильно обезображенный. На трупе имеются две раны, одна в груди, другая на голове.

¹ Печатается по: Вечернее время. 19 декабря 1916 г. № 1697. Опущена газетная информация о версии убийства.

* * *

Извлеченный труп был отнесен на берег. Труп был опознан. Присутствовавший тут же полицейский врач Петроградской части, осмотрев труп, обнаружил две огнестрельные раны. Лицо обезображено. Ноги крепко связаны веревкой. Задняя часть воротника шубы оторвана.

* * *

Немедленно же о находке трупа прибывшим к этому времени директором департамента полиции было сообщено министру внутренних дел А. Д. Протопопову и председателю Совета министров А. Ф. Трепову. В момент извлечения трупа фотографом сыскной полиции был сделан снимок. На протоколе об извлечении трупа и опознании его имеются подписи директора департамента полиции, начальника Охранного отделения и находившихся здесь двух понятых.

<Без подписи>

Жизнеописание Григория Распутина¹

Г. Е. Распутин — уроженец и житель с. Покровского Тюменского уезда Тобольской губернии. От роду ему 44 года. Родители Григория Распутина занимались рыбачеством. Весь род Распутиных — закоренелые пьяницы. Григорий Распутин неоднократно судился за кражи. Впоследствии он сделался ямщиком. В архивах тобольского окружного суда имеются два дела о Григории Распутине: одно — о краже лошадей, а другое — о лжесвидетельстве. Оба эти дела в течение последних двух лет запрещены для обозрения. Первое дело до сих пор не закончено следствием, за которое Григорий Распутин был приговорен волостным судом к наказанию розгами. Вот что рассказывает родной отец Григория Распутина об его прошлом:

— Попивал в молодости мой Григорий и озорничал — уж одно горе с ним было. Неугомонный да буян был... Как выпьет, так и этот ему не мил, и другой не хорош, да и работу забывал. А как начнешь его уговаривать, он ругается и такое делает, что сказать стыдно. Всякое бывало... Пил, пил, а потом вдруг и ну замаливать свой грех... В Верхотурье уйдет. А как воротится — и не узнать моего Григория: такой смиренный и все молится, да прощенья у всех просит...

* * *

Огромную роль в карьере Григория Распутина сыграл епископ Феофан, назначенный впоследствии ректором Петроградской духовной академии. Григорий Распутин однажды возил епископа Феофана

¹ Печатается по: Русская воля. 1916. 19 декабря. С. 5. Настоящая публикация, первоначально вышедшая в «Русских ведомостях», была также напечатана в «Вечернем курьере» (1916. 20 декабря. № 829. Вторник. С. 2) под заголовком «Биография Распутина». В том же номере «Вечернего курьера» увидела свет и другая характерная публикация «Русских ведомостей», имевшая название «Влияние Распутина» (Там же. С. 2–3).

в Верхотурье. Седок разговорился с ямщиком, и эта беседа оказала на Распутина огромное влияние. После этого Распутин начинает уходить в Верхотурье и пропадает там месяцами. Вскоре Распутин выступает в новой роли — сборщика пожертвований на постройку храма. С этих пор род Распутиных начинает богатеть. За время хождения Распутина с кружкой в руках у него вместо <нрзб> избы, которая была последней в захудалом селе Покровском, оказался просторный двухэтажный деревянный дом. В то же время Григорий из захудалого «слюнявого» мужика, которого не раз били смертным боем односельчане, становится своего рода «персоной» в своем селе. Мужики его ненавидят и за прошлое, и за настоящее, но он старается расположить их в свою пользу и внушает такую линию поведения своим домашним.

Играет, например, кто свадьбу — Распутины жертвуют четвертную. Нажив трудами праведными деньги, Распутин купил в Покровском богатое рыбой озеро, но рыбу своим односельчанам не продает, а «дарит».

Григорий Распутин создал вокруг себя в своем доме соответствующую атмосферу: жена, отец, дети считают его человеком необыкновенным и всячески стараются внушить эту мысль соседям. По мере того как материальное положение Распутина становится все более устойчивым, благодаря сбору на «построение храма» среди благочестивых и доверчивых людей, растут сила и влияние Распутина, сначала на небольшой кружок односельчан, среди которых видное место занимает сундучник Стряпчев, а затем сфера деятельности Распутина переносится в Тюмень. Распутина окружают его друзья, которые пользуются благами его безгрешных доходов и распространяют его «учение».

Характер Распутина круто меняется. Он бросает пить, задумывается часто, постится, в его внешности происходит также перемена: он отпускает длинные волосы и старается придать себе облик одержимого.

Босиком в стужу он ходит по монастырям, но отовсюду его почему-то гонят. Пробудет два-три дня в монастыре, и скоро его «раскусывают».

Во время своих хождений по женским монастырям Распутин соблазнил и изнасиловал несколько послушниц и монахинь. Дело доходит до Святейшего синода. Назначается ревизия. Возникает в это время и другое дело о секте Распутина в селе Покровском и о молениях над ямой. Вскоре Распутин обходит босиком святы места. Но, как и в первый раз, его снова гонят отовсюду.

Прошло немного времени, и Распутин попадает в Петроград. Влиятельный в сферах бывший ректор Петроградской духовной академии, епископ Феофан, начинает его выводить в свет и знакомит

с влиятельными барыньками. Благодаря епископу Феофану, Григорий Распутин становится своим человеком в салоне графини Игнатьевой.

Вскоре Распутин попадает в Москву. Там он проводит некоторое время в одном монастыре, настоятельницей которого состоит одна высокопоставленная особа. Отсюда карьера Распутина начинает быстро «восходить». Пред Распутиным открываются двери московских салонов. Но вскоре в Москве разыгрывается громкий скандал. Распутин проповедовал в это время совместное с женщиной омовение в бане «для умерщвления и испытания плоти». Ряд светских дам подпали под влияние Распутина и ходили с ним в баню.

В Петербурге в Распутина начинают еще больше верить с тех пор, как он «исцелил» председателю Совета министров П. А. Столыпину его парализованную руку во время взрыва на Аптекарском острове. Между Распутиным и П. А. Столыпиным завязывается переписка. Вообще, в это время положение Распутина становится настолько прочным, что перед ним заискивают сильные мира сего. К нему ездят на поклон многие министры.

<Без подписи>

Распутин и Мардарий¹

Вот что нам сообщают о знакомстве Григория Распутина с священно-сингелом о[тцом] Мардарием Черногорским. Когда о[тец] Мардарий Черногорский был на втором курсе Духовной академии (дело происходило в 1913 году), он познакомился в синодальном ярославском подворье, куда часто приезжал член Святейшего синода епископ Алексей, назначенный впоследствии экзархом Грузии, с Григорием Распутиным. Как известно, Распутин всех встречных прежде всего изучал, не может то или иное лицо сыграть какую-либо роль как его конкурент. О[тец] Мардарий уже тогда стал пользоваться расположением высших властей и аристократических кругов. Вот почему о[тец] Мардарий не произвел на Распутина должного впечатления; и тот сразу в нем усмотрел своего врага. Почти с первых же дней знакомства Распутин восстал против о[тца] Мардария и не раз увещевал покойного экзарха Грузии не принимать о[тца] Мардария.

О[тец] Мардарий выступал ярким защитником славян и говорил о необходимости вмешательства России в Балканскую войну для защиты сербов. Распутин же говорил: «Чёрт с ним, с твоими сербами. Пусть с ними делают что хотят!».

С этого времени между о[тцом] Мардарием и Григорием Распутиным началась вражда.

Прошло несколько времени, и о[тца] Мардария, как он сам рассказывает, начала мучить совесть: он обдумывал, действительно ли Распутин — враг славянства, может быть, он в нем ошибается, может быть, Распутин — действительно большой человек.

¹ Печатается по: Русская воля. 1916. 19 декабря. С. 5.

И вот для разрешения этих вопросов сингел отправляется в Полтаву к епископу Феофану и испрашивает у него благословения в вопросе, — мириться ли ему с Распутиным.

Епископ Феофан категорически запретил [тцу] Мардарию какое-либо общение с Распутиным. Распутин узнает об этом, и с этого момента начинается преследование [тца] Мардария Черногорского. Сперва его выселяют из казенной квартиры, предоставленной духовными властями, а затем вообще начинают поговаривать о выезде его из России...

РУСЛАН

Легенды¹

Уголовных романистов можно поздравить.

За последние три-четыре дня создалось столько легенд о таинственных происшествиях и так много вариантов их пересказывается из уст в уста, что не требуется напрягать никакой фантазии для сочинительства, а только с точностью и подробностью записывать все, что говорят и что в действительности происходит.

Эти ночные выстрелы, эти бесследно исчезнувшие автомобили и, наконец, кровавые следы, ведущие к полынье, имеют такую фантастическую окраску, что из них наскоро можно было бы смастерить захватывающий святочный рассказ, тем более что дело подходит к святкам и на эти рассказы обыкновенно является большой спрос.

Кстати сказать, в приближающиеся рождественские праздники, кроме фантастических легенд, легендарных происшествий и святочных рассказов, никаких других удовольствий или подарков по времени и не предвидится.

Чиновник, получив скромную по нынешнему расходному масштабу награду, пройдет мимо мясной и зеленой лавки и злобно посмотрит через зеркальное окно на оципанного гуся, за которого мародер ломит 15 целковых; ребенок напрасно будет ждать елку, отменяемую на сей раз его мамашей по финансовым обстоятельствам, и только прислуга, швейцары, дворники и департаментские курьеры неизменно получат свои праздничные, да, пожалуй, еще в увеличенном размере.

Мародеры обрекают чуть не каждую семью уже третьи святки отбросить даже мысль о беззаботном веселии, вдали от близких и даже главных ее членов.

¹ Печатается по: Петроградская газета. 1916. 20 декабря. № 350. С. 2. Руслан — псевдоним Ивана Андреевича Баталина (1844–1918).

Третий год войны, тем не менее, не ослабляет общения семей с отсутствующими членами.

Хотите убедиться в этом — так прогуляйтесь к Финляндскому вокзалу, в соседстве с которым принимаются рождественские подарки нашим доблестным воинам.

Целые горы лежат ящиков, обшитых полотном корзин, узлов, пакетов, которые едва успевают принимать служащие барышни.

Дойдет ли эта гора до Магомета или пролежит на своем месте, пока Магомет сам придет к ней?

Германия хотя и «грозит» теперь всему миру, не исключая нейтральных держав, подводными лодками, но учитывает все отрицательные шансы, какие она могла бы иметь на продление войны.

Никаких шансов! Ни картофельных, ни мучных, ни жировых, ни постных!

На деле разбитая параличом Германия озабочена теперь не о пресловутой своей планомерности ведения войны, а о планомерном достижении мира, которого державы не дадут ей, несмотря на все ее униженные мольбы.

Говорят, что у нее разработан план интернирования на родину находящихся в плену немецких полчищ. План такой, что сперва эвакуированы будут германские генералы и штаб-офицеры, а потом нижние чины в сопровождении обер-офицеров.

В то время как молодой австрийский император Карл склоняется к мысли заключить какой бы то ни было мир, хотя бы и унижительный, кайзер, при неизбежности провала, все же лелеет несбыточную мечту о «почетном отступлении».

Бежать из Москвы мог только Наполеон, а из Вильны и Варшавы может он, гнусный нарушитель всех законов, — божеских и человеческих, совершить только «почетное отступление».

Уже не новых побед жаждет наш враг, а только легенд о совершенных им подвигах.

Скверные, однако, легенды складываются в наши дни...

<Без подписи>

Распутин¹

*Неизвестный крестьянин —
свой человек в аристократических салонах*

В Петрограде Григорий Распутин впервые появился в 1905 г. Никому неизвестный, без связей, этот сибирский крестьянин вскоре становится своим человеком в высшем столичном обществе. Популярность его быстро растет. Перед ним заискивают сильные мира сего. Его усиленно приглашают в разные салоны. С ним считаются, как с каким-то носителем высшей религиозной истины и нового учения.

Своему быстрому успеху в петроградском высшем обществе Григорий Распутин был в значительной степени обязан епископу Феофану, тогда еще архимандриту, и покойному отцу Иоанну Кронштадтскому, к которым он имел при приезде в Петроград рекомендательные письма.

О первых шагах Распутина в области «религиозного искательства» известно, как сообщает «Речь», следующее. До своего приезда в Петроград, под влиянием какого-то сибирского проповедника, Григорий Распутин начал увлекаться Священным Писанием и вообще вопросами веры. Около двух лет занимался он чтением церковной истории и творений отцов Церкви, а затем начал жизнь старца-проповедника.

Религиозная философская теория Распутина

О своей «религиозно-философской» теории спасения душ человеческих Григорий Распутин рассказывал так:

— Я вмещаю в себе частицу высшего существа, и только через меня можно спастись. Для этого необходимо слиться со мной душой и телом. Все, что от меня исходит, есть источник света, очищающий от грехов.

¹ Печатается по: Петроградская газета. 1916. 21 декабря. № 351. С. 2.

На основании этой теории старец доказывал, что ему все позволено. Он окружает себя толпой последователей и последовательниц, ищущих в общении с ним своего очищения.

Испытывайте плоть вашу...

В селе Покровском, в Тобольской губ., он создает культ «жертвенного моления». Об этих «молениях» покровцы рассказывали следующее. Ночью, как только на небе появляются звезды, Распутин с домочадцами, поклонницами и поклонниками натащат в яму дров и зажигают костер. На треножник, стоящий в огне, ставится чаша с ладаном и кореньями. Взявшись за руки вперемешку, мужчины и женщины кружатся вокруг ямы и поют, повторяя одну фразу: «Грех наш ради покаяния, грех покаяния ради, Господи».

Бег вокруг костра все ускоряется, затем слышатся вздохи, стоны и т.д. Костер гаснет, и в наступающей тьме раздается голос Распутина: «Испытайте плоть вашу». Все бросаются наземь; происходит общая свалка и начинается безудержная оргия.

Путешествие Распутина по России

Свою теорию спасения душ Григорий Распутин проповедовал не только в селе Покровском. Вскоре старец со своими последовательницами начинает объезды наиболее крупных городов центральной России, где вербует себе новых последователей и последовательниц. Особенно большие успехи старец имел в Казани, Саратове, Киеве и Самаре.

О его деятельности в Казани стало известно из письма одной из его жертв к епископу Феофану. В этом письме, между прочим, говорилось: «Ваше преосвященство, я решительно не понимаю, как это вы до сих пор продолжаете вести знакомство с Григорием Распутиным. Какой он сатана. Дела, которые он творит, поистине служат признаками пришествия антихриста».

В дальнейшем автор письма рассказывает, что Григорий Ефимович произвел сильное впечатление на ее дочерей, из которых одной 20, а другой 16 лет.

Что такое грех?

«И вот, однажды, — говорится в письме, — я иду по улице и вдруг вижу следующую картину: из бани выходит Григорий Распутин с моими двумя дочерьми... Надо войти в положение матери, чтобы понять

тот ужас и безумие, которые охватили меня. Я остановилась и не могла произнести ни слова. Стою и молчу.

— Вот теперь воссиял истинный свет спасения, — это были слова «старца».

Другая последовательница Григория Распутина писала о нем следующее:

«Я оставила родных, к которым сильно была привязана, и ушла за старцем. Однажды я ехала с ним в отдельном купе первого класса и вела беседу о Боге, о спасении души и будущем воскресении мертвых. Вдруг он подходит ко мне и начинает целовать меня; а затем... очистил меня от грехов. К концу вечера как-то на душе у меня стало тяжело. Я обратилась к старцу с вопросом: “А, может быть, Григорий Ефимович, то, что мы с вами теперь делаем, есть грех?” Старец на это ответил: “Нет, дочь моя, это не грех. Наша плоть от Бога, и мы можем свободно ею пользоваться”».

Суд над Распутиным

Епископ Феофан, узнав о деятельности Распутина и считая себя одним из виновников успеха его, так как он благословил его на религиозный путь, созвал нечто вроде третейского суда, в состав которого вошли один епископ, один иеромонах и три высокопоставленных светских лица. Распутину было предъявлено обвинение в том, что он не только целует женщин, но и позволяет себе многое другое, неприличествующее старцу.

Старец сумел, однако, расположить к себе судей и оправдаться перед ними. Свою близость к женщинам, в частности хождение с ними в баню, он объяснял тем, что это является лучшим средством испытания силы своей святости.

Сестра архиепископа Варнавы — секретарша Распутина

Тем временем деятельность Распутина все расширялась. Он снимает особую квартиру в г. Тюмени, где открывает приемы своих последователей и последовательниц. На этих приемах ежедневно бывают сотни людей, и среди немало знатных лиц. Приема у Распутина добиваются и губернатор, которому грозит отставка, и чиновник, ищущий повышения по службе, и делец, нуждающийся в сильной протекции, и т. д. Распутин обзаводится секретарями и секретаршами. Одною из таких секретарш Григория Распутина стала сестра епископа Варнавы. Секретари Распутина делали большие дела, потому что к старцу за заступничеством к старцу обращались все, и вскоре была установлена такса, сколько с кого брать.

Кроме сестры епископа Варнавы, у Распутина была еще другая секретарша, прозванная им впоследствии, как и сестра епископа Варнавы, «духовной сестрой». Сестры эти сопровождали Григория Распутина почти во всех его поездках по провинции и в столицу.

Торжественные приезды Распутина

Григорий Распутин часто приезжал в Тобольск. Здесь его встречали с большой помпой. Ему козыряли городовые; впереди его кареты лихо мчался полицеймейстер; его приглашал на обед сам губернатор и т. д. С не меньшим почетом встречали его и в других сибирских городах. В одном из них для Распутина открывали парадные комнаты; в другом устраивали триумфальные арки; в третьем — ему навстречу выходили депутации в составе гражданских властей и духовных лиц и т. д.

Ближние отношения установились у Григория Распутина и с епископом Варнавой после назначения последнего на тобольскую кафедру. Первую свою проповедь епископ Варнава посвятил жене Распутина — Прасковье Федоровне. Естественно, что перед Распутиным трепетало все сельское и городское духовенство Тобольской епархии.

Второй суд над Распутиным

В 1909 г. число жалоб на действия Распутина значительно увеличилось. Над ним был снова созван духовный суд. В этом суде, как и в первом, также участвовал епископ Феофан. Распутину было предложено поехать в монастырь на один год на послушание.

Распутин не подчинился, однако, суду, заявив, что от поездки в монастырь он должен отказаться, так как «его духовные дочери и последовательницы не могут жить без него».

Илиодор — покровитель Распутина

Сильного покровителя нашел к тому времени Григорий Распутин в лице иеромонаха Илиодора.

«Нехорошо поступил епископ Феофан, нехорошо поступил и архиепископ Сергей с блаженным Григорием» — так телеграфировал иеромонах Илиодор видному духовному лицу, которое принимало живое участие в разоблачениях Григория Распутина на суде.

Заступничество это, однако, не помогло «старцу», и ему было предложено немедленно покинуть Петроград. Но вместо ссылки в мо-

настырь ему разрешено было оставаться в родном селе Покровском. Перед поездкой своей на родину Григорий Распутин пришел к епископу Феофану за советом. Но епископ встретил его восклицанием: «Не подходи ко мне, сатана, ты не блаженный, а обманщик. Ты действительно Распутин был и будешь распутным человеком».

12 сестер

В селе Покровском Григорий Распутин окружил себя двенадцатью «сестрами». Самой старшей из них было 27 лет. Все они жили в доме Распутина, который был прекрасно обставлен. Жена старца с детьми занимала в доме пять комнат, а сестрам предоставлено было каждой по одной комнате.

Все старания жены Григория Распутина уговорить его отказаться от «миссии» и вернуться к прежней крестьянской жизни оказались тщетными. Григорий Распутин неизменно отвечал, что прежняя его жизнь навсегда для него окончена и что его звезда еще воссияет.

От жены Распутин требовал полного невмешательства в его отношения к «сестрам». Жена по мере возможности исполняла его требование.

Исповедь одной из «сестер» Распутина

О жизни сестер в селе Покровском одна из них писала следующее: «Полгода как нахожусь в каком-то кошмарном состоянии. Я до сих пор не знаю, живя в доме старца Григория, святой он или величайший грешник мира. Не нахожу себе места в этом несчастном селе. Хочу убежать, хочу вернуться в Петербург, но не могу, боюсь, страшно боюсь старца. Его большие серые, пронизательные глаза давят меня, проникают вглубь моей души и страх наводят на меня. На расстоянии 5000 верст я ощущаю старца около себя. Чувствую, что он необыкновенная сила, что он все может».

Распутин снова в столице

В течение двух лет Распутин не показывался в столице, но его влиятельные поклонники и поклонницы не переставали защищать его в высших кругах и настаивали на возвращении его в Петроград. К тому времени в столицу прибыл саратовский епископ Гермоген, в лице которого Григорий Распутин нашел одного из своих влиятельнейших защитников. В то же время не переставал хлопотать об участии Гр. Распутина и другой его не менее сильный покровитель, монах

Илиодор. Последний в своих проповедях называл старца «великим святителем современной русской церкви».

Хлопоты друзей Гр. Распутина увенчались успехом, и в конце 1914 г. старец снова появляется в столице и с прежним успехом возобновляет свое хождение по салонам. Круг его поклонников и поклонниц постоянно возрастает. Одновременно возрастает и его влияние. Влияние это сказывается не только на ходе церковной жизни, но и в вопросах светской, общественной и даже политической жизни.

Покушение на жизнь Распутина в 1914 г.

30-го июня 1914 г. в селе Покровском на жизнь Гр. Распутина было произведено покушение. Одна из его прежних поклонниц, а затем поклонница Илиодора, некая Гусева, тесаком нанесла ему рану в живот. При допросе Гусева объяснила, что убедилась в том, что Распутин обманщик и растлитель женщин. Рана оказалась не опасной, и Распутин вскоре поправился.

Кто окружал Распутина в последнее время

В Петрограде Распутин был окружен и разными темными личностями, комиссионерами и прожектерами, которые всячески старались использовать его связи и влияние.

Гр. Распутин в последнее время стал чрезвычайно подозрительным и осторожным. Охрана, охранявшая его и до того, была значительно усилена. Дом № 64 на Гороховой ул[ице], где он проживал, строго и бдительно охранялся. Сам Гр. Распутин часто отказывался от приглашений даже высокопоставленных лиц.

Одно лицо, знавшее лично Григория Распутина и знакомое с обширным материалом, собранным о нем, уверяло, что влияние Григория Распутина в значительной степени объясняется той исключительной силой гипноза, которая была присуща ему. Кроме того, он умел говорить живым, простым языком, чем очень импонировал в аристократических кругах. Несомненно, также, что благодаря своей способности к гипнотизации он являлся как бы желанным врачом при некоторых болезнях.

Умер Г. Е. Распутин лет 43 от роду.

С. НИКИТИН

Встречи с Распутиным¹

Их было много, этих встреч... С того момента, как Распутин, до того никому неведомый тобольский поселянин, неожиданно-негаданно вознесенный судьбой, появился на столичном горизонте, и почти до момента роковой развязки с жизнью.

Первая встреча моя была у г[оспо]жи, и тогда же впервые в печати появилась обширная беседа с Распутиным.

Живо помню первое впечатление мое: было в Распутине что-то жуткое, тревожное, смущающее, особенно в металлическом взгляде его холодных серых, насквозь пронизывающих глаз.

Салон гр[афини] И[гнатъевой], особняк Г[оловино]й, дом г. К., «апартаменты» самого Распутина на Английском проспекте и скромная квартира на Гороховой...

Помню его «большие приемы» на Английском проспекте, когда еще «Гришка» входил «в славу».

У подъезда был целый съезд авто, собственных экипажей и извозчиков.

Уже у самой парадной, почти при входе, стояла очередь «хвоста», не уступавшего по длине нынешним продовольственным хвостам.

В квартире, во всю длину коридора, в нетерпеливом ожидании, почтительно покашливая в кулак, стояли генералы, шикарные светские дамы, мелкие чиновники, лавочники, приказчики...

Время от времени из своей «приемной», сквозь почтительно расступавшуюся толпу, в красной шелковой рубаше, портах и домотканых туфлях, прошмыгивал «Гриша» с ворохом бумаг в руках:

¹ Печатается по: Петроградская газета. 1916. 21 декабря. № 351. С. 2.

— Ну, прошение-то, прошение подавай, а не то вот сиклетарше... — говорил «Гриша» на ходу характерной крестьянской скороговоркой.

— Вот, милой, сколько народу-то, и так кажинный (середина слова нрзб. — *Сост.*) день... Покоя нет... — пенял мне «Гриша», утюжа рукой свою окладистую бороду.

* * *

И действительно, ни на одном министерском приеме не приходилось видеть такой огромной и разношерстной толпы просителей.

Баронесса Т[аубе], познaкомленная мною с «Гришей», по настойчивой ее просьбе, рассказывала мне потом, как в ответ на ее просьбу об оказании ей содействия в одном очень важном деле «Гриша», ничтоже сумняшеся, властно и решительно изрек:

— Позвони сейчас же по телефону Ш[тюрме]ру (тогда еще члену законодательной палаты).

— Ну удобно ли, Григорий Ефимович, ведь он меня не знает, — возразила баронесса.

— Эка важность, не знает, ничаво... Скажи Григорий приказал...

И... дело было сделано...

«Григорий приказал» было каким-то гипнозом не для одного сaновника Ш., занявшего потом после таких «приказаний», виднейший пост.

Но бывали, впрочем, случаи, когда на устные «Григорий приказал» отвечали гробовым молчанием, иногда безграмотные письменные просьбы и «приказания» рвались на мелкие клочки.

* * *

Но «Гриша» не унывал...

«Ослушников» было куда меньше, чем почтительных исполнителей властной воли тобольского мужика.

Часто к «Грише» обращались при «последней крайности», обращались за выручкой из беды, а то и просто по «делам коммерческим»...

И в таких случаях «отец Григорий» был парень не промах, блестяще обдывая самые выгодные комбинации.

«Гришу» приглашали не только те, кому это было выгодно, но и потому, что в «обществе» с «Гришей» было не скучно.

* * *

Как-то раз из любопытства я принял приглашение на «обед с Распутиным».

За обедом, конечно, «Гриша» был центром общего внимания, стался что-то добродушно, по-мужицки, острить, что-то изрекать.

«Гриша» оказывал честь «спиртуозным» напиткам, и, «классно» выпив, слегка покачиваясь туловищем, обводил всех вызывающим ироническим взглядом.

— Ну, братцы, — скомандовал вдруг Гриша, взмахнув руками, — споем, что-лича...

«Гриша» запел, и гости дружно подхватили разудалую народную песню.

«Гриша» больше дирижировал, чем пел...

Покачиваясь, вышел он из-за стола.

— Робята!... плясать хочу, — заявил он. — Давай музыку, хозяин, ей!..

И под звуки рояля «Гриша» пустился в пляс, исправно оттопывая трепака.

Вдруг, оборвав танец, «Гриша» подлетел к молодой, блестящей бриллиантами и красотою даме и, взяв ее под руки, сказал:

— Барынька, пойдем плясать...

И барынька плясала...

Бывали минуты, когда веселье пропадало, и «Гриша» садился в сто-ронку, молчал и недоверчиво посматривал по сторонам.

* * *

В последние дни «Гриша» почти никуда не выезжал.

Штат «состоящих при Грише», дежуривших у ворот, на парадной и у дверей квартиры дома, где жил «Гриша», был значительно увеличен.

«Гриша» любил афоризмы.

Возьмет, бывало, клочок бумажонки, посмотрит в глаза даме и на-царапает своими размашистыми каракулями: «красота — ничто, душа — все».

«Труд — это верный путь ко спасенью; в нем нет ошибки».

Не раз «Гриша» приезжал на обеды в сопровождении весьма заметных в бюрократическом мире персон, почтительно внимавших каждому изречению модной бородатой пифии в шелковой рубашке и высоких лакированных сапогах.

* * *

В день появления слухов о трагическом закончании необычайной жизни «Гриши», в 9 часов вечера, я направился в Гришину квартиру, на Гороховой.

На дворе и на парадной Гришиной квартиры уныло дежурил усиленный штат «состоявших в распоряжении».

* * *

Неизвестный дотоле мне человек опасливо осмотрел меня через щель двери, и только назвав имя одной яркой почитательницы Гриши, как я знал, присутствовавшей там, я был пропущен в осиро[тев]шую квартиру «Гриши».

— Я ничего, ровно ничего не знаю[, — с] непритворной скорбью сообщила мне [вы]званная мною г[оспо]жа С. — С вечера его [нет.] Ходят тревожные слухи. Ах, Господ[и]!

Какой-то господин восточного типа [еже]минутно подходил к телефону и гру[бо-раз]драженно отвечал на вопросы моих [нрзб]ных коллег, очевидно не остававших[ся в] долгу, так как время от времени [он] кричал в телефон: «Спасибо, и вам [то]го же желаю!» и отходил от телефо[на.]

Л. ЛЬВОВ

Из встреч с Распутиным¹

Лично мне дважды пришлось встретиться с Распутиным.

Первый раз я был приглашен «на Распутина» к князю И. В. Гуранову в конце 1915 года.

Когда я пришел, Распутин уже сидел за большим столом в большой компании, где, между прочим, в числе любопытствующих был и нынешний начальник военной цензуры генерал М. А. Адабаш, внимательно наблюдавший с отдаленного угла стола за «старцем».

Старец сидел в своем характерном костюме, сосредоточенно молчал, изредка отрывисто выбрасывая слова и весьма плоские сентенции.

Костюм и манеры простеца даже утрированные; так, когда ему дали на тарелочке яблоко и ножик, то он ножиком срезал верхушку яблока, а затем, отложив ножик, пальцами разорвал яблоко.

Распутин перешел в гостиную, где сел на диване с дамами, с которыми держал себя более, чем непринужденно.

Я тщательно искал того особого загадочного блеска, который молва приписывала его глазам; ничего не нашел. В глазах светилась хитрость да сметливость крепкого мужичка, отлично ориентировавшегося в своем положении, отлично раскусившего любопытство «бар» к простоте. И вся «простота», всё, начиная от щегольского, но все же «мужицкого» костюма до напояженных волос и грязных ногтей, носило характер нарочитый.

Он, очевидно, хорошо осознавал, что смена деревенской одежды на городскую понизит остроту любопытства, а вместе с этим и шансы его.

Я вскоре ушел.

¹ Печатается по: Речь. 1916. 21 декабря (3 января 1917 г.). № 351 (3734). Среда. С. 3.

В конце февраля текущего года я вновь был приглашен «на Распутина» к барону Ю. Н. Миклосу.

Здесь я встретил разнообразную компанию: депутаты Караулов и Сурочан, генерал Н. Д. Поливанов, воронежский землевладелец Н. П. Алексеев, генеральша Свечина, сенатор С. П. Белецкий и другие. Особенно много было дам.

Распутин долго беседовал в боковой комнате с депутатом Карауловым.

Затем Распутин вышел в большую гостиную, где я в числе других сидел за круглым столом.

Распутин гулял по комнате не под руку, а в более непринужденной позе с певицей Д., которая упрасивала его определить ее в Мариинский театр, что он ей обещал «беспрременно» сделать.

Через каждые 5–10 минут Распутин подходил к столу, где стоял обьемистый графин с красным вином, и выпивал большую рюмку.

Во время одной из таких экскурсий он остановился против меня и заговорил:

— Я тебя помню. Ты из гумагомарак. Накат, накат, а все клевета...

Я спросил старца, почему он обращается ко мне «на ты».

— А я всем так говорю. У меня способ такой, и мне все так говорят.

— А почему вы говорите нарочно «гумага» и «накатать». Ведь за 10 лет житья в столице вы, наверное, узнали, что говорят бумага и накатает. И почему вы знаете, что я писал клевету. Ведь вы сами неграмотны, стало быть, с чужого голоса. А уверены ли вы, что вам говорят люди достойные?

— Я не к тому. Вот ты пишешь, украл, а как украл, знаешь?

— Как крадут, не знаю. А про кражу писать ведь нужно.

— Не надо; правду надо. Правду. Она всё.

Разговор принял довольно резкую форму.

Рассердившись на мое указание, что все его слова без смысла и значения, он стал кричать.

— Гордый ты. Смирись.

Я не смирился и, с своей стороны, разгорячившись, стал говорить резкости.

Особенно взорвала старца фраза:

— Я не женщина и не добиваюсь от вас никакого места; оставьте меня в покое.

Он стал кричать.

— Худо, что ты здесь.

На наш «разговор», к которому присутствовавшие прислушивались с напряженным любопытством, из соседней комнаты вбежал находившийся среди гостей, ныне член Совета главного управления по делам печати А. А. Кон, который стал между нами и отвел Распутина.

Распутин взволнованно прошелся по комнате несколько раз, все время повторяя:

— Худо, что ты здесь.

Вскоре старец выбежал в переднюю, одел пальто и ушел, не дождавшись чаю.

Когда в апреле месяце Б. В. Штюрмер намеревался меня выслать, ко мне приехал барон Ю. Н. Миклос от имени Распутина, который поручил ему сообщить мне, что «хотя я гордый», но он на меня «не сердает», и если я хочу, он готов принять меры к отмене моей высылки и, во всяком случае, просил уверить, что он в истории с высылкой ни при чем.

Я категорически отказался от помощи Распутина.

<Без подписи>

Из биографии Распутина. Влияние Распутина¹

В том же номере «Р[усских] в[едомостей]*» мы находим интересные сведения о влиянии Гр. Распутина.

Григорий Распутин занимал в Петрограде квартиру в доме № 64 по Гороховой улице. С внешней стороны квартира его была обставлена очень скромно. Жили в ней постоянно его две дочери: старшая 17 лет, ставшая недавно невестой кавалерийского офицера Х., и вторая, 15 лет, которые были гимназистками одной из аристократических гимназий Петрограда. Поступление дочерей Распутина в эту гимназию сопровождалось скандальной историей. Многие родители забрали своих детей из этой гимназии в знак протеста. Квартира Распутина была полна народа. Помимо его многочисленных поклонниц, среди которых было немало сиятельных и титулованных дам, к нему приезжали рекомендованные последними лица со всевозможными ходатайствами и просьбами. Просьбы эти касались самых разнообразных дел и предметов, — о содействии тому или иному лицу в получении места на казенной службе, об освобождении от наказания, наложенном в административном или судебном порядке, и т. п. Только в последнее время «ходатайства» касались главным образом таких дел, как освобождение от военной службы, об оставлении в тылу, об определении в ту или иную войсковую часть и т. д. Многочисленные просьбы находились в связи с переживаемым продовольственным

¹ Печатается по: Вечерний курьер. 1916. 20 декабря. № 829. Вторник. С. 2–3. Настоящая публикация «Вечернего курьера» состоит из нескольких частей, первая из которых носит название «Биография Распутина». В антологии «Биография Распутина» опубликована под названием «Жизнеописание Григория Распутина» и взята из газеты «Русская воля» (1916. 19 декабря. С. 5).

* Речь идёт о перепечатке статьи «Биография Распутина», ранее опубликованной в «Русских ведомостях», а затем появившейся и на страницах других изданий.

кризисом и расстройством транспорта. Сюда относятся ходатайства о предоставлении загонов, о снятии секвестров, об освобождении от реквизиции и т. д. «Старец» выслушивал просителя и говорил: «Это можно устроить» и условливался о вознаграждении за «протекцию». За «мелкие» дела такса у Распутина была ustanовлена от одной до двух тысяч рублей, за более серьезные дела взималась плата, в несколько раз превосходящая указанные размеры. Протекция выражалась в том, что Распутин писал письма на имя лиц, от которых зависело исполнение того или другого дела. Подписи на письме Григория Распутина было достаточно для того, чтобы просьба, заключающаяся в письме, исполнялась. Много таких писем хранится как достопримечательность у многих чинов различных ведомств.

Среди посетителей Распутина было очень много высокопоставленных лиц. Заезжали к нему и некоторые министры, получившие назначение не без его помощи. Довольно часто посещал Григория Распутина последнее время управляющий министерством внутренних дел А. Д. Протопопов. Последний раз А. Д. Протопопов, как нам передают, посетил Распутина в его квартире в пятницу, 9 декабря, около 7 час[ов] вечера. А. Д. Протопопов оставался на этот раз у Распутина короткое время и уехал вместе с ним в закрытом автомобиле.

В квартире Григория Распутина кутежи и попойки были обычным явлением, но чаще всего он сам уезжал на «рауты», после которых возвращался довольно поздно ночью в нетрезвом состоянии.

<Без подписи>

Григорий Распутин¹

В Петрограде Григорий Распутин впервые появился в 1905 г. Никому неизвестный, без связей, этот сибирский крестьянин вскоре становится своим человеком в высшем столичном обществе. Популярность его быстро растет. Перед ним заискивают сильные мира сего. Его усиленно приглашают в разные салоны. С ним считаются, как с каким-то носителем высшей религиозной истины и нового учения.

Своему быстрому успеху в Петроградском высшем обществе Григорий Распутин был в значительной степени обязан епископу Феофану, тогда еще архимандриту, и покойному отцу Иоанну Кронштадтскому, к которым он имел при приезде в Петроград рекомендательные письма.

О первых шагах Распутина в области «религиозного искательства» известно следующее. До своего приезда в Петроград под влиянием какого-то сибирского проповедника Григорий Распутин начал увлекаться Священным Писанием, вопросами веры. Около двух лет занимался он чтением церковной истории, а затем начал жизнь старца-проповедника.

О своей религиозно-философской теории спасения душ человеческих Григорий Распутин высказывался так:

— Я вмещаю в себе частицу высшего существа, и только через меня можно спастись. Для этого необходимо слиться со мной душой и телом. Всё, что от меня исходит, есть источник света, очищающий от грехов.

На основании этой теории старец доказывал, что ему все позволено. Он окружает себя толпой последователей и последовательниц, ищущих в общении с ним своего очищения.

¹ Печатается по: Вечерний курьер. 1916. 21 декабря. № 830. Среда. С. 3.

В селе Покровском, в Тобольской губ[ернии], резиденция «старца», он создает культ «жертвенного моления». Об этих молениях покровцы рассказывали следующее. Ночью, как только на небе появляются звезды, Распутин с домочадцами, поклонницами и поклонниками натащит в яму дров и зажигает костер. На треножник, стоящий на огне, ставится чаша с ладаном и кореньями. Взявшись за руки вперемешку, мужчины и женщины кружатся вокруг ямы и поют, повторяя одну фразу: «Грех наш ради покаяния, грех покаяния ради, Господи».

Бег вокруг костра все ускоряется, затем слышатся вздохи, стоны и т. д. Костер гаснет, и в наступающей тьме раздается голос Распутина: «Испытайте плоть вашу». Все бросается наземь: происходит общая свалка и начинается безудержная оргия.

Свою теорию спасения душ Григорий Распутин проповедовал не только в селе Покровском. Вскоре старец со своими последовательницами начинает объезды наиболее крупных городов центральной России, где вербует себе новых последователей и последовательниц. Особенно большие успехи старец имел в Казани, Саратове, Киеве и Самаре.

О его деятельности в Казани стало известно из письма одной из его жертв к епископу Феофану. В этом письме, между прочим, говорилось: «Ваше преосвященство, я решительно не понимаю, как это вы до сих пор продолжаете вести знакомство с Григорием Распутиным. Какой он сатана. Дела, которые он творит, поистине служат признаками пришествия антихриста».

В дальнейшем автор письма рассказывает, что Григорий Ефимович произвел сильное впечатление на ее дочерей, из которых одной 20, а другой 16 л[ет].

«И вот однажды, — говорится в письме, — я иду по улице и вдруг вижу следующую картину: из бани выходит Григорий Распутин с моими двумя дочерьми... Надо войти в положение матери, чтобы понять тот ужас и безумие, которые охватили меня. Я остановилась и не могла произнести ни слова. Стою и молчу.

— Вот теперь воссиял истинный свет спасения, — это были слова «старца»».

Другая последовательница Григория Распутина писала о нем следующее:

«Я оставила родных, к которым сильно была привязана, и ушла за старцем. Однажды я ехала с ним в отдельном купе первого класса и вела беседу о Боге, о спасении души и будущем воскресении мертвых. Вдруг он подходит ко мне и начинает целовать меня, а затем... очистил меня от грехов... К концу вечера как-то на душе у меня стало тяжело. Я обратилась к старцу с вопросом: “А, может быть, Григорий Ефимович,

то, что мы с вами теперь делаем, есть грех?” Старец на это ответил: “Нет, дочь моя, это не грех. Наша плоть от Бога и мы можем свободно ею пользоваться”».

Епископ Феофан, узнав о деятельности Распутина и считая себя одним из виновников успеха его, так как он благословлял его на религиозный путь, созвал нечто вроде третейского суда, в состав которого вошли один епископ, один иеромонах и три высокопоставленных светских лица. Распутину было предъявлено обвинение в том, что он не только целует женщин, но и позволяет себе многое другое, неприличествующее старцу.

Старец сумел, однако, расположить к себе судей и оправдаться перед ними. Свою близость к женщинам, в частности хождение с ними в баню, он объяснял тем, что это является лучшим средством испытания силы своей святости.

Тем временем, деятельность Распутина все расширялась. Он снимает особую квартиру в г[ороде] Тюмени, где открывает приемы своих последователей и последовательниц. На этих приемах ежедневно бывают сотни людей, и среди них немало знатных лиц. Приема у Распутина добиваются и губернатор, которому грозит отставка, и чиновник, ищущий повышения по службе, и делец, нуждающийся в сильной протекции, и т.д. Распутин обзаводится секретарями и секретаршами. Одной из таких секретарш Григория Распутина стала сестра епископа Варнавы. Секретари Распутина делали большие дела, потому что к старцу за заступничеством обращались все, и вскоре была установлена такса, сколько с кого брать.

Кроме сестры епископа Варнавы, у Распутина была еще другая секретарша, прозванная впоследствии, как и сестра епископа Варнавы, «духовной сестрой». Сестры эти сопровождали Григория Распутина почти во всех его поездках по провинции и в столицу.

(Продолжение завтра.)*

* В «Вечернем курьере», вышедшем 22 декабря 1916 г. (№ 831, четверг), на с. 3 было помещено характерное объявление: «По независимым от редакции обстоятельствам продолжение вчерашнего фельетона отсрочивается на неопределенное время». До конца 1916 г. фельетон так и не был полностью опубликован. — *Сост.*

В. М. БЕХТЕРЕВ

Распутинство и общество великосветских дам¹

Многие, даже очень многие ко мне обращаются с вопросом, чем объяснить влияние Распутина на то великосветское дамское общество, которое пред этим мерзким мужиком раболепно преклонялось до поразительного унижения и до забвения всех элементарных правил внешнего приличия.

При этом многие задаются вопросом о его гипнотической силе, предполагая, что Распутин мог воздействовать на великосветское общество льнущих к нему дам таинственной силой гипнотизма.

Однако все, что известно о Распутине в этом отношении, говорит за то, что его сила заключалась вовсе не в гипнотизме, а во властном характере его натуры и умении поставить себя сразу до фамильярности близко ко всякой обращающейся к нему особе женского пола.

Одна из дам, побывавшая в распутинском вертепе, по ее словам уцелевшая от его обладания потому будто бы, что она пошла к нему с заранее составленной критикой, дивилась только одному, как мужчина за 45 лет может быть обладателем тысячи женщин.

Дама пресерьезно искала ответа на этот вопрос и, не находя его в своем уме, готова была признать в нем особое чудо.

Но интерес ее рассказа сводился не к этому «чуду», а к тому обращению, которое «старец» Распутин, сыгравший крупную роль в жизни «бесславного» Николая Романова, усвоил по отношению к великосветским женщинам, стекавшимся к нему наподобие мотыльков, привлекаемых светом.

— Представьте себе, — говорила дама, — салон с большим чайным столом, за которым сидят великосветские женщины. Каждую входя-

¹ Печатается по: Петроградская газета. 1917. 21 марта.

щую даму «набожный» старец встречает в передней, прежде всего обводя своими «нежными» ручищами по всем линиям ее тела, как бы исследуя формы.

Этим приемом старец Распутин сразу достигает близости к входящей даме, которая становится с этих пор кандидаткой на его обладание.

Правда, — прибавила рассказывавшая дама, — эти приемы Распутин применял одинаково, как по отношению к молодым, так и к более пожилым особам. Но для ограждения себя от излишней назойливости более пожилых дам у Распутина имелась и хорошая «оборона».

Так, если какая-либо из пожилых дам искала сближения с ним, у него был готов на этот случай определенный и характерный ответ:

«Любовь твоя, матушка, мне приятна, но дух Господень на меня не нисходит».

В этой фразе отражалась всем известная теория Распутина о том, что Св. Дух в человека входит через воспроизводящие органы.

Само собою разумеется, что этим несошествием Св. Духа были обижаемы только особы более пожилого возраста, тогда как при встрече с более молодыми дамами Дух Святой, как раз нисходил так часто, что приходилось даме-рассказчице удивляться этому, как особому «чуду», ибо то и дело Распутин удалялся с ними в уединенные кабинеты.

Попавшая таким образом в сети Распутина женщина уже становилась его полной рабой в буквальном смысле слова, что, с точки зрения Распутина, оправдывалось его проповедью о необходимости унизиться до конца в целях спасения.

При этом нельзя не удивляться тому, до какой степени Распутин в обхождении с великосветскими дамами не стеснялся ничем, даже издевательством, заставляя ту или другую из них облизывать свои грязные пальцы, или еще хуже — целовать его ноги.

Со слов той же дамы-рассказчицы, припоминаю случай, как тот же Распутин, сидя за столом, случайно обмазал свой палец вареньем и тотчас же поднес его к губам сидевшей возле него знатной дамы, со словами:

«Графинюшка, унизься, слижь... слижь»!.. — после чего эта жалкая графинюшка, сидевшая за чайным столом, при всех стала тщательно обсасывать его грязный палец.

Той же проповедью унижения в свое время объяснил Распутин, как известно, и тот случай, когда приехавших к нему в Тобольскую губернию пятерых великосветских дам, имена которых знакомы петроградскому обществу, он повел прежде всего в баню.

Когда же его спросили впоследствии при дворе, как он совмещает такое свое поведение с названием себя «старцем», то он преспокойно

заявил, что эти дамы приехали к нему такие гордые, что он признал необходимым подвергнуть их соответственному унижению.

— «А может ли быть больше унижения для женщины, когда она, будучи сама обнаженной до полной наготы, моет ноги голому мужчине».

В заключение скажу, что если кто и хотел бы понимать все, что известно относительно покорения дам высшего общества грубым мужиком Распутиным, с точки зрения гипнотизма, то он должен не забывать, что, кроме обыкновенного гипнотизма, есть еще «половой» гипнотизм, каким, очевидно, обладал в высокой степени старец Распутин.

Нечего говорить, что великосветское же дамское общество, его окружившее, представляло собой ту извращенную дегенерацией среду, в которой распутинский половой гипнотизм пожинал обильную жатву.

Вполне естественно, что предавшиеся Распутину дамы стали для прикрытия своих бесчестных дел прославлять его еще при жизни «святым» и, по-видимому, еще более намеревались прославлять его имя после смерти, ибо в нем стали видеть уже убиенного мученика и погибшего при всем известных обстоятельствах, с приподнятой правой рукой и с перстами, сложенными в виде крестного знамения.

Если бы все продолжало оставаться при прежнем деспотическом строе, то не мудрено, что через короткое время вслед за его смертью мы бы стали слышать о чудесах, и чего доброго, в конце концов путем происков тех же дам-поклонниц дело дошло бы и до прославления его имени, как святого.

Как известно, уже стали распространяться в народе слухи, что будто бы даже снеговые комья, взятые с его таинственной могилы, обладали особой целительской силой против разных болезней, с другой стороны дворцовые дамы-поклонницы из особого усердия стали украшать его могилу великолепными цветами, которые, правда, по ночам, как говорят, вырывались и заменялись кучами человеческих отбросов.

Л. Г. ЖДАНОВ

Николай и Распутин¹

Когда переворот совершился и судьба Николая Последнего обозначилась окончательно, вместе с лавиной негодующих воплей и жгучих обвинений против бывшего повелителя России хлынул мутный поток скандальных, нередко циничных и омерзительных для нормального человека «разоблачений» в области самых затаенных переживаний бывшего царя, его жены и дочерей. Все это связано очень тесно с именем пресловутого «старца» Григория Распутина и не менее прославленной Анны Вырубовой...

Мне, как, полагаю, очень многим и многим, было отрадно отметить, что поднялись отдельные смелые, благородные возражения, зазвучали голоса, остерегающие от переигрывания на этой почти порнографической струне...

Я лично еще десять лет тому назад, после крушения революционных надежд 1905 года, все же верил в победу народную, в светлое торжество Свободы, и так рисовал этот великий миг в моей книге «На заре свободы» (1907):

Держали родину солдаты под пятой,
и процветали гинекеи.
Предатели творили «суд святой»,
а помогали им лакеи.
Лилась по царству кровь народная ключом,
и жертвы падали без счета.
Поддерживала трон расшатанный плечом
преторианцев наглых рота.

¹ Печатается по: Николай Последний. Пг.: Свободное издательство, 1917. Т. XXXI. С. 79–133.

Вставали чистые, отважные борцы,
искали воли для народа.
Терновые, кровавые венцы
венчали их... И длилася невзгода!
Был голод и война... Мятеж и произвол
всю Русь пожаром охватили...
Народ к победе смело шел,
но духи зла не допустили.
Насилье, обнаглев, не ведало границ.
Безумие страстей прорвалось на арену.
Телами детскими кормили хищных птиц.
Честь девичья утратила всю цену.
Уж не бесчестили красавиц молодых,
в казармах плетью дев хлестали.
Не лаской оскверняли их —
терзали шпорами из стали!
Народ стонал от гнева... Но молчал...
Народ терпел, считал удары...
И вдруг — набат призывный зазвучал.
Настал расплаты час и кары!
Смывая пред собой, как моря грозный вал,
помехи жалкие, народ стоит у власти.
Стяг царский он с глумлением сорвал
и растрепал его на части!
Где знамя Лже-Романовых вилось,
там веют вольные знамена.
И громкое «ура!» — как громы — пронеслось
над щепками изломанного трона.
Но где же верные великие борцы
за счастье общее и долю?
Где смелые вожди, движения творцы,
кто кровью даровал нам волю?
«Схороним мертвецов с почетом. Славный прах
пусть вечно в мире почивает.
Пусть юношей к свободе призывает —
тиранам-извергам на страх!..»
Так пожелал народ освобожденный.
«Царя — не надо нам! Презрение ему!..
И царь, Судьбою побежденный,
на отречении рукою утомленной
Чертит: “Быть по сему!..”»
Перезвон, и голоса, и клики
поднялись от людных площадей

Прямо к небу. Нынче, знай: великий
и веселый праздник у людей.
Где ни взглянь, гудят толпы народа:
«Чудный день и незабвенный час!
В эти дни священная Свобода —
вся в крови — рождалася у нас.
И, омыта кровью той святою,
будет долго-долго жить она,
Навсегда оставя за собою
дикой тьмы, насилия времена!»
Вон как вызов, как живое пламя
на спокойной тверди голубой
Реет, плещет пурпурное знамя
над густой ликующей толпой!
Это знамя — символ полной власти.
Кровь народа красила его.
Позабыты прежние напасти
для мгновенья счастья одного!
Но не треплет на плечах порфиру,
победив, властительный народ.
Он ее показывает миру,
высоко над головой несет.
Реет в небе пурпур, как порфира,
власти знак, спасающий рабов!
А внизу, в сопровождена клира,
пронесли пурпурный ряд гробов...
В них бойцы навеки опочили.
Славным — мир и память навсегда!
На руках их принесли сюда
и в родную землю опустили...
В этот миг, как пламя, мысль одна
у толпы взволнованной мелькнула:
— Мы — свободны! Вольная страна
счастья дни навек себе вернула!
Он настал, давно желанный час.
Произвола призрак не восстанет.
И никто с престола больше нас
«изволением Божиим» не обманет!..

И в той же книжке есть у меня такие строфы:

...Настанет день... Народный суд придет!
В оковы всех гонителей свободы
Он закует и к петле приведет
Иль заточит на месяцы и годы.

Прольется кровь убийц и палачей.
На них никто с участием не глянет.
И голос дружеский ничей
Пощады им просить не станет.
Нет! Только Месть сухой суровый взгляд
Им кинет в час позорной казни
И в сердце, полное боязни,
Вольет свой тонкий, жгучий яд...
Придут толпы детей и матерей...
Сбегутся все, кого осиротили
Те палачи рукой своей,
И с хохотом их повлекут к могиле!
А у могил, увидя на крестах
Позорный ряд имен непозабывших,
Народ с проклятьем на устах
Гнев изольет на тех могильных плитах.
Заплачут дети... Стоны матерей
В один протяжный вопль сольются:
— Прочь из могил прах палачей скорей!
В покое пусть не остаются...
Для них места — не в храме, под крестом...
Нет места им во всем обширном мире!
Сожжем тела предателей... Потом
Пусть ветром прах развеет шире, шире!
И кинутся... Ногтями станут рыть...
Покроются горячей кровью руки.
Все будут рыть, чтоб горе позабыть,
Чтоб душу облегчить от муки!
Но вступится ликующий народ.
Над мертвыми не даст свершиться мести...
Живых он только поведет
Врагов — на суд и на позор — всех вместе!

Стоит сопоставить основную мысль обоих стихотворений, и станет ясно, как я смотрю на вопрос.

Если взволнованная душа моя провидела взрывы негодования и проявления «загробной мести» к врагам народа, вплоть до сожжения праха и развеянья пепла по ветру, как это сделано было с останками «старца»-распутника, то, с другой стороны, я знал и верил, что победивший народ русский, славянский, один из лучших и благороднейших народов мира, не пожелает унижать своей юной самодержавной власти, не унижится до того, чтобы раскапывать всю грязь романовского самодержавия, обращенного в игрушку всяких проходимцев по воле «полковника» Николая...

И потому я, не опасаясь упрека в желании играть на низменных струнах толпы, коснусь в дальнейшем той роли, какую играл Распутин при Николае Последнем, укажу на то место, какое занял этот «чудодейный» *стойкий* хлыст у трона и в алькове жалкого царя.

Обойти этого невозможно, как бы строго ни ограничивать задачи историка, желающего вполне беспристрастно рисовать события такого мирового значения и важности, как Великая революция в России 1917 года.

Раздавались голоса: «Альков, семья, даже Романовых, — это запретная область для вторжения посторонней руки! Их верования и личные, сердечные, или даже — чувственные, переживания, половые странности и неестественные проявления не нужны никому. Не стоит толковать о грязи, способной только будить низменные стремления в грубой толпе...»

Так ли это?

Является вопрос: чем занимается вся мировая литература, не исключая Библии, насквозь чувственной и телесной?

От Соломона и Эврипида, через Шекспира, Данте до Пушкина, Байрона и других светочей мысли человеческой — чем наполняли они свои лучшие произведения?

Только не одним описанием «чистого, блаженного состояния» душ человеческих...

И даже св. Августин, Иероним и другие мечтатели, рисующие светлые картины «райского, безгрешного бытия», не могли обойтись без упоминания о темных, грешных сторонах духовной и телесной жизни. И в этих своих невольных описаниях проявляли более яркую выразительность, силу и мощь, чем в отвлеченных небесных жизнеописаниях.

Жизнь человечества идет от тьмы к свету. Это старая истина. И только пронизав тьму светом сознания, можно ускорить и облегчить долгий путь человечества к совершенству, путь, по которому оно бредет, изнемогая от усталости, орошая пыль кровью своих израненных ног...

И если важно знать темные стороны жизни каждого заурядного обывателя, то тем важнее знать: что творят в тиши ночной и в глубине своих дворцов владыки людей, от каждого переживания которых зависят десятки и сотни человеческих существований?..

Если во дни власти Николая Последнего только шепотком можно было говорить о странностях и гнусностях, какие творились им самим и окружающими царя проходимцами, то теперь вслух хочется сказать о том, как жил и под какими влияниями находился последний Романов. И прежде всего, конечно, просится на уста имя Григория Распутина.

Это имя заслоняет собою все остальное... За ним почти тонет в тени одно явление, общее не только семье Романовых, но и всем царствен-

ным династиям: склонность к суеверию, к фетишизму духовному и половому.

Прежде всего коснусь суеверия, каким пропитана наша русская и всякая другая знать, особенно из числа коронованных особ. Если Англия наших дней не знает Макбета и ведьм, если республиканская Франция не зовет Деву из Орлеана, чтобы спасти страну, то прорицаниям мадам де Тэб внимают и современные представители «неверующего» Парижа, и сливки лондонского общества...

В России все это грубее и проще, как грубее и проще народная наша жизнь по сравнению с утонченными приемами Запада.

Дед Николая Последнего ездил по гадалкам, терпел давление Победоносцева, который своим именем как бы «нес победу» царю России... Отец Николая, тоже не чуждый суеверия, не так расплывался в этой области, потому что тянулся к алкоголю... Благодаря такому пристрастию вызвал у своего наследника, Николая, еще большие признаки вырождения, граничащего порою со слабоумием...

Много лет назад, когда на горизонте только появился другой «чудотворец», успевший вовремя сойти со сцены, отец Иоанн Кронштадтский, Николай сразу подчинился влиянию умного святоши, и ничего не делалось в семье Романовых без благословения со стороны отца Иоанна.

Отец Иоанн лучше других мог развеять недоверие, свойственное Николаю и проявлявшееся особенно сильно после 1905 года.

Еще в первые годы царствования он выказывал недоверие даже самым близким окружающим его лицам... и только «свыше» ждал помощи и просветления...

Перед рождением долгожданного сына Николай вызывал из-за границы в Россию многих внушителей и духовидцев-спиритов вроде Филиппа, Папюса и других...

Первой ласточкой в 1900 году явился на горизонте дворцовом иезуит, патер Филипп, своими спиритическими сеансами сразу завоевавший доверие, подчинивший себе душу слабовольного, хотя и вечно настроенного Николая.

Тонкий сердцевед, иезуит, быстро разобравшись в личности российского самодержца, оценив духовное и умственное состояние придворной своры лизоблюдов, окружающих господина, стал действовать решительным натиском, стремясь выполнить поручение, данное ему Романовым.

На спиритических сеансах медиум-патер не только утешал царя-отца, что скоро ему будет дарован сын и наследник трона... Что настал конец той «серии дочерей», какими его дарила супруга,

гессенская принцесса. Хитрый патер ловко сводил речь на вопросы веры. Указывал истинные пути для спасения души царя и царства... и все эти пути сходились в Риме!.. Туда звал на поклон иезуит «схизматика» — русского царя... Рисовал ему картины, где Николай, как Владимир Святой, являлся апостолом новой, истинной веры — римско-католической... И весь народ, ликуя, идет за державным пастырем прямо в исповедальни к иезуитам-попам.

Немецкой своре приближенных Алисы Гессенской и Николая, протестантов по преимуществу, не понравилась такая игра... Иезуит показался опасным... И в один день дворцовый комендант фон Гессе явился к царю с письмами в руках...

— Что у нас нового, генерал? Что это за письма? — живо осведомился царь, любивший проникать в тайны окружающих его людей при помощи «черного кабинета». — Дворцовые интрижки? Или — политическое что-нибудь?

— Вот, извольте сами взглянуть, ваше величество! — коротко ответил осторожный немец.

Николай стал читать и убедился, что он все время был игрушкой в руках иезуита.

Филипп, осторожный вначале, потом перестал остерегаться и в своей переписке, которую вел с Римом, прямо давал знать папе, что «работа» идет успешно... Что ему, патеру, удалось обморочить всех... И с помощью Божией католичество возьмет верх над другими толками в этой дикой, грубой Московии.

Конечно, Филипп после этих разоблачений быстро скрылся с горизонта. А немка-царица родила еще одну дочку... Плохо действовал, видно, чудодей-патер!

Года через два место Филиппа занял другой проходимец, гипнотизер и медиум мосье Папюс.

Творческую, чудесную силу этого нового чудодея испытала сперва на себе одна из великих княгинь и представила его бывшей царице, гарантируя, что этот человек поможет и у Алисы явится наконец сын...

Так и случилось...

Алиса Гессенская готовилась стать матерью... Пришли последние минуты.

И Николай, не доверяя никому, сам, в полной походной форме, стал на страже у дверей покоя больной жены, опасаясь, что кто-нибудь из близких может покуситься на жизнь будущего новорожденного наследника трона...

Слабовольному и растерянному Николаю жена и другие внушили, что мать родная во что бы то ни стало желает видеть на троне не его,

а Михаила... Что уже готовы шифры с вензелем нового императора для восставших офицеров гвардии... Что все родичи только и думают, как свергнуть с престола его, Николая... И не допустят к царствованию его сына... Убьют ребенка в колыбели...

В таком кошмаре внушений, толков и слухов жил Николай, неуравновешенный от природы. Под влиянием этих нашептываний он дошел до такого смешного поступка, как личное стояние на карауле у двери спальни больной рожавшей жены...

Немудрено, что его окружение постоянно отмечало особенно яркую черту личности царя: он не верил никому и никогда, был страшно подозрителен ко всем окружающим...

— Я никому не верю! — твердил Николай. — Все готовы обмануть меня... Хотят только урвать себе побольше... Вокруг меня — лжецы и лукавцы.

И тем страннее видеть, как легко он поддавался влиянию сильных духом, умных или пронырливых людей, во главе которых стояла его жена Алиса Гессенская вместе «простым сибирским мужичком» Григорием Распутиным.

Когда последний взял уже слишком большую силу при дворе, ему на помощь являлись многие добровольцы, спириты и медиумы вроде сенатора Добровольского, ставшего министром юстиции, и просто прохвосты вроде министров Маклакова, Сухомлинова, Протопопова и других.

Вот что передает очевидец о «сеансе» во дворце, где медиумом служил Добровольский:

«Вместе с царицей и старшими дочерьми сенатор Добровольский, А. Вырубова и еще два-три лица уселись вокруг столика. Столик завертелся, застучал, и начались загадочные явления... В комнате не было ни одной фиолетовой лампочки, а между тем в темноте вдруг стали вспыхивать фиолетовые огоньки... Ширмы прыгали, даже летали по воздуху. Медиум Добровольский бился в экстазе и вещал, что Распутин один может спасти Россию...»

Этот же медиум-сенатор, потом министр, не стеснялся публично целовать грязную руку «старца-усладителя» царицы, который ввел проныру во дворец и сделал министром...

Вся картина, описанная выше, напоминает сцену из «Плодов просвещения» или то место бессмертной комедии Островского, где «старлица» Манефа пророчит о появлении прохвоста Глумова... Иная обстановка, но люди — везде одни и те же.

Иные карьеристы, вроде Трепова, Хвостова, отчасти из брезгливости, отчасти из зависти, либо играя на руку другим членам романов-

ской фамилии, старались свалить «старца»... Но за это доброе дело брались они грязными руками, и потому «царь лжи и грязи», «святой» романовской династии старец Григорий оставался непоколебим на своем посту хранителя и дарителя сил и благ всему царскому дому.

А что именно таким «носителем и раздатчиком милостей и благ земных и небесных» считали Распутина Николай и его Алиса — в этом сомнения быть не может.

С этого дело началось... Распутин пророчил о появлении сына-наследника... И сын родился...

Только после переворота мы узнали, что еще во дни открытия мощей Серафима Саровского царственная чета не сочла для себя унизительным явиться к местной «прозорливице», юродивой старухе Пашке Саровской, чтобы «погадать» о своей царственной судьбе.

Вот как описывает журналист-очевидец И. Владимиров это знаменательное посещение:

«В половине июля 1903 года бывший царь со всей семьей и многочисленной свитой собрался ехать в Саровский монастырь на прославление мощей преподобного Серафима Саровского.

Царь пожелал придать этой поездке широконародный характер, и поэтому всем издававшимся тогда газетам было не только разрешено, но даже предложено послать в Саров своих корреспондентов и художников.

После самых тщательных проверок и опросов дворцовой охраной, устранившей добрую половину корреспондентов, оставшиеся газетные деятели и 2 художника получили, наконец, особые “разрешения-карточки”, припечатанные печатями “охранки”, и поехали в Саров.

Но там их встретил новый сюрприз: пронесшийся слух, что будто бы “студенты-толстовцы и еврей” готовятся “оскорбить мощи преподобного Серафима”, поднял на ноги всех темных представителей “охранки”, весело гулявших в монастыре со своими “родственницами”.

С помощью жандармерии несколько раз учинялись ночные полевые обыски и допросы корреспондентов и всей приезжей интеллигентной молодежи.

Десятки ни в чем не повинных лиц были арестованы и экстренно высланы под конвоем в Нижний Новгород.

Наконец расходившаяся охранка и жандармерия, проявив демонстративно всю свою “охранную” деятельность, угомонились, а уцелевшие представители газет и художники получили полную свободу и беспрепятственный доступ ко всем царским выходам.

В Сарове Паша-юродивая пользовалась в то время особенной популярностью.

Монашествующая братия, богомольцы и окрестное крестьянство видели в ней прозорливую праведницу, обладающую даром ясновидения.

Паша была типичная великорусская крестьянская баба, лет за 50, крепкая, загорелая, с глубоко сидящими пронизательными глазами на широком, скуластом лице, обрамленном пышными, красиво вьющимися, бело-серебристыми волосами, выбивающимися из-под ярко-красного платка. По целым дням она сидела на крыльце своей покосившейся хаты, на окраине монастыря, свертывала и сшивала из цветных и белых тряпок незатейливые куколки, которыми обыкновенно играют крестьянские дети.

Паломники, странники и богомолки, посещавшие Саров, считали своим долгом заглянуть к прозорливой Паше-юродивой, послушать, что она скажет той куколке, которую потом даст посетительнице.

Бывший царь, узнав от игумена о славе Паши-юродивой, решил побывать у “пророчицы” со своей семьей.

...После посещения святого источника Серафима Саровского государь с обеими государынями и дочерьми в исходе шестого часа вечера проследовал к хате Паши-юродивой.

Мария Федоровна и дочери остались с лицами свиты на дворе, а государь с Александрой Федоровной в сопровождении Н. А. Оприца и жандармского офицера вошел в хату Паши Саровской.

Мы (я и два корреспондента) встали у одного из открытых окон хаты и не только слышали каждое слово, но даже видели всю сцену.

Паша встретила бывших царя и царицу просто: без излишних поклонов и почитаний.

— Спасибо, царь, спасибо, что меня, старуху, навестил, — ответила она на приветствие царя.

— Расскажи-ка нам, Паша, что-нибудь про будущее... Погадай нам, что случится у нас? — обратился к ней государь.

— Скаши, скаши нам правду, — повторила ломаным русским языком царица.

— Помилуйте, батюшка царь и матушка царица, я не смею вам ничего говорить... Я вот куколке скажу все, что мне хочется сказать... — С этими словами Паша взяла синюю куколку вершка в два величинной и, обращаясь к ней, проговорила: — Цари-то живут без нужды, да счастья не видят, а вот царица сама себе счастье... Да надо Богу молиться... Ведь грехи-то кругом... Кругом грехи!

С этими словами она подала царице синюю куколку. Та взяла ее с брезгливостью и сейчас же передала жандармскому офицеру.

Паша, взяв красную кумачовую куколку и обращаясь к ней, проговорила:

— Ах ты, моя алая, кровавая куколка... Что маков цвет... Бойся ты весенней воды, она ведь затопляет и хату мужика, и царские хоромы... Затопит тебя, вымочит тебя.

Подавая куколку государю, она добавила:

— Вот, скучно будет — поиграй, только не мочи ее, а то руки все в красном будут. Потом дашь куколку сыну...

— У нас сына нет, — прервал ее государь.

— Ну, скоро будет, хороший будет, жить будет, лишь царевать не будет...

Государь, пораженный этим ответом, резко повернулся и, взяв царицу под руку, быстро вышел из хаты».

Конечно, всю ответственность за значение и точность предсказаний юродивой старухи следует оставить на памяти и на совести г. Владимирова. Если допустить, что захолустная пророчица может предсказывать так верно события в царской семье и целом царстве, то еще легче допустить, что старухе могли внушить кое-что, идущее в лад с чаяниями некоторых придворных чудодеев...

Наконец, г. Владимиров неясный смысл простых бормотаний Паши через много лет мог слить с яркими, повелительными картинами исторических событий, вчера лишь пронесшихся у нас над головой.

Но одно несомненно: вся царская семья пошла «погадать» к деревенской кликуше, к новой волшебнице, если не из Аэндора, то из Сарова... И этот факт сам по себе значительнее всяких легенд...

Если в Саров Николай Последний поехал открывать полуистлевшие мощи Серафима, чтобы «поднять веру в народе», поднять свой падающий царский престиж, проявить свое желание слиться с народом в его чаяньях, в его вере, то в избушку вещуньи Паши повелителя Российской империи загнало личное любопытство, общее с каждым заурядным обывателем желание: узнать свою судьбу...

Никому ни во что не верящий Николай, как все слабодушные люди, в то же время жадно искал знамения, искал, во что бы и кому бы он мог поверить.

Именно на этой почве расцвело влияние распутного и продажного полуграмотного «старца» Распутина.

Дело началось с бывшей царицы Алисы.

По словам психиатров-врачей, лечивших Алису в 1905 году и позднее — от припадков острого психоза отчасти на почве ужасов, пережитых во время первой революции, отчасти на почве половой ненормальности, обычной у членов Гессенской фамилии, больной душевно и телесно, — царица к своему «критическому» сорокалетнему возрасту стала страдать от повышенной страстности,

не находящей исхода в супружеских ласках слабого, усталого душою и телом Николая.

Подчиняясь во многом властной, сильной по характеру жене, Николай физически почувствовал к ней полное охлаждение, особенно когда свершилась его заветная мечта и явился на свет сын, наследник трона...

Если другие женщины еще будили пыл страсти в молчаливом, вечно затаенном царе, на собственную жену он смотрел только глазами брата... да и то — младшего, покорного и почтительного, как это особенно подчеркнул в своем письме великий князь Николай Михайлович.

Совсем не то нужно было царице.

И вот скандальная хроника царских дворцов пополняется все новыми и новыми страницами...

Облетел страну рассказ о том, как гвардейский офицер, стоящий на ночном карауле во внутренних покоях дворца, вдруг покинул свой пост, ушел домой... И утром на вопрос начальства объявил:

— Я имел несчастье видеть этой ночью, как один из флигель-адъютантов, Орлов, прошел в комнату, куда может проходить только сам император... В спальню царицы... И я долго напрасно прождал, чтобы поздний посетитель вышел оттуда... Тогда, решив, что неприлично мне, офицеру русской гвардии, охранять покой немецкой Мессалины, я ушел!..

Офицера объявили ненормальным. Его убрали...

Но случайные друзья у Алисы не переводились... и после смерти Орлова, известного «усмирителя» Курляндии...

Царственный супруг, конечно осведомленный об этом, был снисходителен и терпелив, зная, что он не вправе требовать от жены верности, если сам не может быть ей верным и нежным супругом...

Истерия у Алисы развивалась все больше... Дочери росли, и «друзей» надо было держать подле себя под какими-нибудь более благовидными предложениями...

...Прокатилась гроза 1905 года. Между династией и народом открылась зияющая пропасть, худо заполненная манифестом 17 октября, скорее — оттененная этим лживым обещанием, лукаво данным и плохо выполненным.

И когда среди великосветских самок в салонах великих княгинь воссияла новая знаменитость из народа — сибирский простой мужичок, «старец» тридцати пяти лет, «сухой и стойкий» Гришка Распутин, великолепно умеющий оправдывать свою кличку, — сама судьба указала, что лучшее место такому «чудодею»-хлысту в покоях больной, жадной до радостей жизни Алисы...

Ближайшая подруга ее, Анна Вырубова, подобно Нелидовой умевшая совместить в своей особе фаворитку мужа и доверенную наперсницу жены, — эта женщина, гибкая и чувственная, как ее все знают, сперва сама испытала на себе силу «чар» старца... И потом хитро сумела ввести его в покои Алисы.

Вот как люди, близкие к придворным кругам, считающие своим долгом все знать и слышать, описывают появление на столичном горизонте «старца»-хлыста.

Истеричка-жена инженера Лохтина, известная своим фанатизмом, являясь одной из первых и самых преданных последовательниц и беззаветных поклонниц молодого «старца» и его тайных чар...

Из-за него порвала она все прежние многолетние семейные связи и всеми силами старалась создать прочное, влиятельное положение Распутину, хотя и знала, какую печальной славой на родине, в Сибири, покрыл себя этот бывший конокрад, испытывавший на собственной спине удары мужицкого кнута как изблеченный вор...

При помощи связей и денежных пожертвований ввела эта дама сомнительного чудадея в круг высшего духовенства столицы. Вскоре духовник Николая и царицы епископ Феофан, ректор Духовной академии, монах, известный своей строгой жизнью, подпал под влияние хитрого сибиряка...

Сближению этому усиленно помогала Анна Вырубова, быстро оттеснившая от «старца» Лохтину и в своем обожании перешедшая всякие границы.

Под напором этих сложных влияний Феофан представил Григория Распутина царю и Алисе как «старца-прозорливца», обладающего собой, дивной силой провидения и способного воздействовать на души и тела людские...

Немке-царице Вырубова и другие заинтересованные лица внушили, что для популярности государя в стране самым лучшим средством служит такое приближение к трону «человека из народа», голос которого, безыскусственный и простой, будет отражать народные настроения... А с другой стороны, народные массы, несомненно, тронет внимание, какое оказывает царская семья простецу-мужику из народа...

Николай и раньше был склонен к подобным опытам... Не решаясь идти в толпу на манер Гарун аль-Рашида, он порою разыскивал «народных представителей» вне думских стен... И от них старался узнать «всю правду о России».

Кто не помнит приключений мелкого чиновничка Клопова, который случайно получил возможность беседовать с Николаем и потом послан

был царем по России как его доверенное лицо узнавать всю правду, помогать раскрытию злоупотреблений...

Облеченный высочайшим доверием, с охранным листом, подписанным Николаем, этот маньяк Клопов, поколесив по России, печально кончил свою миссию...

Но Николая такой неудачный опыт не излечил от любви к приключениям в «истинно народном» духе...

И появление Распутина во дворце казалось весьма кстати в эти тревожные, темные дни, особенно после событий 1905 года...

Хитрый «старец» сначала занялся прорицаниями и, когда родился наследник, преимущественное внимание уделял этой надежде трона.

В шайке явных и тайных «распутинцев», имевших в виду погреть руки у трона при помощи «старца», которого они же отыскиали и поставили на «место», особенно значительную, хотя и закулисную роль играл тибетский врач Бадмаев...

Знакомство с древними рецептами восточной медицины давало Бадмаеву возможность стряпать напитки бодрящие и целебные, вроде настойки из корней женьшеня или из пантов оленей, после приема которых самые слабосильные, изношенные мужчины получали охоту «жить», могли проявить страсть и пылкость, как в годы юности...

Николай нередко прибегал к напиткам этого современного Калиостро. Но последний умел готовить и другого рода напитки...

Несколько капель, незаметно подмешанных в питье или еду ребенку, могли вызывать признаки разных недугов... Тогда являлся чудесный «старец» Григорий и, возлагая руки, творил молитву, давал ребенку выпить «своего снадобья» — и тот сразу оживлялся, нездоровье как рукой снимало...

Мало того. Мальчик по наследству от матери получил тяжелый роковой недуг: склонность к кровонесвертыванию, какую страдает большинство представителей Гессенского дома, отмеченных печатью вырождения...

Получив от Бадмаева особые составы, Распутин неизменно являлся на помощь мальчику, как только у того начиналось опасное кровоизлияние... Снова творилась молитва, применялись «тайные средства» тибетского знахаря. Кровь переставала течь, и значение Распутина в царской семье росло не по дням, а по часам...

Но всего этого показалось недостаточно хитрому «старцу». Он сумел внушить и своей рабыне, Вырубовой, что надо еще кое-что для полной победы...

— Вот, сама знаешь, царица еще баба в соку! — грубо пояснял «Анке» своей лукавый сибиряк. — Добро, что она не очень заживается с дружка-

ми... А гляди — угодит ей кто-никто... И нас с тобой выпрет такой удачник. Видно, нужно мне на искус пойти. Нужно грех с нею принять, чтобы свою и ейную душу спасти. Ты, гляди, подстрой это получше... Да не хмурься, не ревнуй, глупая! Я не ревную, что ты с царем... Общее дело!

С болью в сердце, но пришлось Вырубовой исполнить волю Распутина...

И вот как описывают «люди всезнающие» сцену этого решительного момента, когда хлыст Распутин окончательно овладел душой и волей культурной западной принцессы, по воле случая занявшей трон Российской империи.

Однажды, отправляясь на обычный музыкальный вечер во дворец, Вырубова взяла с собой «старца».

Сидя в небольшой приемной рядом с покоем, где обычно музицировали Алиса и ее подруга Вырубова, Распутин должен был ждать, когда часы начнут бить полночь...

И в этот миг камер-лакей должен был впустить Григория в покой, где находились обе подруги.

Вот и полночь близко... Вырубова предложила Алисе сыграть в четыре руки «Лунную сонату», от которой истеричная царица всегда приходила в особенное возбуждение, в полный экстаз...

Мерно зазвучали удары часов на камине... Бьет полночь...

На пороге покоя, слабо освещенного электричеством, появилась рослая фигура «старца» в неизменной косоворотке...

Вырубова, слышав шорох его осторожных шагов, обратилась к Алисе, сидящей у рояля спиной к дверям, в состоянии полубоморока.

— Скажи, Сана, не чувствуешь ли ты, что с тобой сейчас происходит нечто особенное? — задала она вопрос, слегка поворачивая голову к дверям.

— Да, что-то есть! — начала царица, тоже невольно оборачиваясь назад.

И вдруг, вскочив, закричала:

— Дух... дух... Злой дух... там... Призрак!..

Напуганная, потрясенная, она забилась в истерике, упав на диван.

Оттолкнув Вырубову, желавшую помочь подруге, Распутин смело приблизился к рыдающей императрице, стал бесцеремонно гладить ее по голове, по лицу, проводить руками по груди особым образом, как делал это со всеми другими женщинами... Стараясь взглядом внушить покорность ошеломленной царице, он вкрадчива и властно повторял:

— Успокойся... Христос с тобою... Не дух я... Слуга Божий... Твой раб и заступник... перед людьми и перед Богом!.. Успокойся...

Затем негромко, повелительно кинул Вырубовой:

— Подь-ка, Анна... поищи, нет ли капелек тамо каких для болезной матушки царицы... Да... штобы хто не заглянул сюды без зову... Слышишь!.. Ступай! — почти грозно закончил он.

Безвольная под влиянием «старца», вся съезжившаяся, вышла из покоя Вырубова... и вернулась лишь долгое время спустя, когда услыхала довольный громкий призыв Саны, которую вполне сумел успокоить хлыст-чудодей...

После этой сцены Распутин часто подолгу проводил время наедине с Саной... И сам стал называть ее так же, как звала императрицу ее подруга Вырубова...

С этих дней власть сибирского колдуна-пройдохи стала неограниченной во дворце, а значит, и во всем царстве.

Когда Николаю стало известно обо всем, он не проронил ни звука, очевидно полагая, что Распутин — не хуже других друзей, имевших раньше влияние на Алису Гессенскую.

И только однажды, когда кто-то из близких людей старался убедить Николая, что поведение Алисы ведет к гибели династию, царь ответил:

— Пускай себе там думают и болтают, что хотят! Я привык к разным проискам и неприятностям... Мне это безразлично. Я теперь ко всему стал равнодушен! А относительно Аликс — особенно много лживых толков. Она только сестра милосердия и в политику не мешается. Это чудная, добрая женщина и чистая, безупречная жена... Я это знаю!.. И больше знать ничего не хочу...

А между тем в это же самое время Распутин получал от царственной подруги нежные записки, которые заканчивались словами: «Целую твою ноги. Вся твоя *Сана*...» И, как настойчиво говорили, эта утонченная принцесса действительно способна была лобзать ноги «старцу»-хлысту, только не с тем чистым настроением, как делала это Мария, умащая миром и отирая своими волосами ноги Учителю из Назарета...

Так говорят люди, «всё знающие», обладающие способностью слышать шепот в альковах дворца, видеть самое тайное, что делается за тихими высокими стенами...

Но вот свидетельство лиц, заслуживающих особенного доверия в данном вопросе.

Припомним, что писал царю Николай Михайлович в своем действительно историческом, знаменательном письме.

«Пока производимый Тобю выбор министров при том же сотрудничестве Алисы и Распутина был известен только ограниченному кругу людей, дела могли еще идти. Но раз способ стал известен всем и каждому, обо всех этих методах распространилась весть во всех слоях общества, так дальше управлять Россией немислимо». И далее:

«Ты веришь Александре Федоровне. Оно и понятно. Но что исходит из Ее уст, есть результат ловких подтасовок, а не действительной правды.

Если Ты не властен отстранить от Нее эти влияния, то по крайней мере огради себя от постоянных, систематических вмешательств и нащептываний через любимую Тобою Супругу...

Если Твои убеждения не действуют, постарайся изобрести другие способы, чтобы навсегда покончить с этой системой!. Я долго колебался открыть Тебе истину, но Твоя матушка и обе сестры убедили меня это сделать... Поверь, если я так напираю на Твое освобождение из созданных оков, то делаю это не из личных побуждений...»

Как помогали царю добрые советы — особенно ярко видно из дальнейшего.

Вот что в беседе с журналистами высказал другой близкий родственник Николая, великий князь Кирилл Владимирович:

«Мой дворник и я — мы видели одинаково, что со старым правительством Россия потеряет все и в тылу, и на фронте! Не желала этого видеть только царская семья. Ропот недовольства долетал, несомненно, до Царского Села, но там не хотели прислушиваться к нему. Говорить царю о тяжелом положении родины было бесполезно. Плотной стеной стояли вокруг него ставленники пройдохи Распутина: Питирим, Штюрмер, Щегловитов и, наконец, Протопопов...

А во главе их всех находилась Александра Федоровна, которая правила Россией за спиной мужа... но служа, в свою очередь, куклой, игрушкой в руках Распутина, подкупленного немецкой кликой предателей и шпионов...

Осенью 1916 года, ценя личные качества, ум, знания и широкую популярность адмирала И. Григоровича, Николай поручил ему составить список Совета министров, в котором сам Григорович должен был занять пост председателя...

Адмирал повез в Ставку, в Могилев, список, куда вошли и некоторые министры, теперь правящие обновленной страной: князь Львов, Гучков. Затем шли: Самарин, Покровский, Кривошеин...

В то же время жену мою, Викторю Федоровну, убедили поехать потолковать с бывшей царицей, от которой, как мы знали, зависит решение слабовольного царя.

Едва царица услышала имена, приведенные выше, она не дала докончить моей супруге и раздражительно заявила:

— Это все враги династии! Мне старец Григорий велел остерегаться их... А он — святой человек и знает многое, что скрыто от наших глаз!.. Вы говорите, что против нас собирается гроза... Я не боюсь.

Мы знаем, кто против нас: кучка аристократов, умеющих только проигрывать в бридж... Я 22 года сижу на троне, объехала почти всю Россию... Знаю, что народ любит мужа и всю нашу семью... Все пойдет, как было... А для бунтовщиков есть пулеметы и казематы Петропавловки... Кельи Шлиссельбурга.

Жена моя ни слова больше не сказала и простилась с этой самонадеянной царицей...

Александра Федоровна немедленно кинулась в Ставку и там постаралась “провалить” список Григоровича... Генерал Алексеев всегда может это подтвердить... Он тоже по достоинству ценил и терпеть не мог Алису...

Второй пример... Свершилось убийство Григория Распутина... Этого мужика, который всегда и везде ронял достоинство не только семьи бывшего императора, но и всех нас... Открыто заявлявший, что он “сковырнул” даже такую шишку, как великий князь Николай Николаевич...

С пьяных глаз Распутин распускал такие слухи о царе и его супруге, что мы приходили в ужас... И, видя такое ужасное зло, все мы не раз задавались вопросом: не служит ли сама императрица тайной пособницей и союзницей Вильгельма?..

Мы старались гнать от себя такую страшную мысль...

Но Распутин, несомненно, был закуплен немцами, сообщал им все, что здесь происходило, и подчинял своей воле царицу...

Недаром же в Германии великолепно были осведомлены обо всем, включая даже предположения и планы действия царствовавшей семьи...

За последнее время говорили, что Николая спаивают его близкие, жена и другие... Возможно, что это было и так... Но во время одного разговора с царем я услышал от него такую фразу:

— С начала войны я бросил пить...»

Во всех этих «откровенностях» бывшего великого князя много недосказанного. Но и то, что бьет в глаза, слишком сильно говорит о влиянии жены на царя и о влиянии Распутина на царицу...

Это пагубное влияние выразилось не только в назначениях министров, в поругании России... Оно проникло глубоко в самую семью царя... Кроме писем царицы, о которых сказано выше, есть еще ряд свидетельств, не имеющих себе ничего подобного в семейной хронике других династий, даже в минувшие столетия.

Мать и дочерей своих, всех до одной, заразила своим нездоровым, безрассудным обожанием грязного «старца» Распутина.

Письма приводятся с соблюдением того правописания, какого придерживались русские царевны, из которых младшей тогда было восемь лет, а старшей двенадцать:

I

Дорогой мой друг что увидимся я видела тебя восне сиводни мы на этой недели ходем в Церковь я хажу утром, и вечером я молюсь затебя и за моих сестёр Я благодарю за отличное песмо моё очень нравица песмо. Я тебя очень крепко люблю тебя душка Господ очень добрый он всё дайт что я прошу он всё даёт мне я всё время прошу мама чтоб мама сказала бы когда ты придёш суда Татьяна целует тебя очень крепко. Я постараюсь быть пай перед исповедю я молюсь Богу чтобы была пай и слушала всех нян надеюсь что увидимся скоро.

Анастасия
1909 12/11
Царское Село
Четверг

II

Ц. С. 1909 г.
25-го марта

Мой дорогой и самый близкий и милый друг.

Я так жалею что тебя не видела так так давно, для меня это кажется целым веком. Я так молюсь Богу, чтобы он помог этой бедной няне, которая лежит теперь в больнице. Пожайлуста прости все мои грехи, которые я тебе сделала и попроси Бога чтобы он нас грешных простил и спас. Я всегда молюсь в Церкви чтобы Бог помог мне и что бы я ни на кого не сердилась и чтобы всегда всех слушала тогда всем будет хорошо. Наверное твоя жена и твои дети очень страдают без тебя. Пожалуйста возьми меня с собой в твою Сибирь. Мы недавно получили письмо от твоей милой Матренушки. Так бы хотелось ее видеть. Как мне скучно без тебя мой ненаглядный, дорогой и милый добрый ангел, как мне было скучно, когда ты был у себя дома я так тосковала по тебе. Какая Мери счастливая, что видела тебя вчера. Теперь София Ивановна Тютчева уехала в Москву потому что к нам приехать скорее. Как давно Мама и мы не были в Сибири я так стремилась туда скорее попасть. Теперь мама поправляется к нашему великому счастью. *Мы каждый день выдаем Аню.* Я ее так люблю она такая милая добрая хорошая и простая. Мы на этой неделе каждый конечно день ходим в Церковь. В Великом посту у нас только по пятницам и средам бывают Преждеосвященного литурги.

Пока досвиданья. Да хранит тебя Господь *мой ненаглядный друг.* Прощу у тебя своего благословения. Крепко, крепко целую и обнимаю тебя и твою золотую ненаглядную руку. Искренно преданный тебе твой верный друг.

Татьяна

Мери и все тебя целуют.

III

Царское Село

Мой дорогой и милый *душка*. Я так хочу поехать к тебе в дом в Петербург. Я каждое утро читаю главу в Евангелии. Я бы ужасно хотела бы поехать в Сибирь. Когда ты ещё приедешь к *Ане в дом*. Спроси маму что я хочу тебя видеть одна, и поговори о Боге. И хорошо было бы если бы я с тобой помолилась Богу. Я теперь каждую ночь сплю с твоим Евангелием и *кладу его на себя*. Как ты себе чувствуешь я знаю, что Бог такой добрый, что он услышит наши молитвы к нему и послушает нас грешных. Бог даст и увидимся скоро. Что ты будешь завтра делать. Я каждое утро молюсь Богу, и вечером тоже. Шура ужасно хочет тебя видеть скорей. Анастасия Тебе пишет тоже письмо. Скажи *Ане* что я её целую и может быть напишу письмо. Да хранит Тебя Бог. Крепко тебя целую.

Мария

Апреля 16, 1909 г.

В этих письмах удивительно переплетается полуинститутское, полуэкстатическое обожание молодых девических душ с теми неосознанными еще, но сильными «голосами» и зовами, которые более зрелых, искушенных жизнью женщин толкали на всякие безумства по одному слову и взгляду гипнотизера-хлыста, распутного «старца». И вот недавно еще один из депутатов, бывший «черносотенец», пустил в широкое обращение фотографии, на которых дочь царя сидит рядом с Распутиным за столом, уставленным бутылками вина. Так переродилось детское обожание к «богоданному» Грише...

Если бы Николаю своевременно попали на глаза эти «человеческие документы», начертанные нежными руками его собственных дочерей и запечатленные светом правдивого солнца, может быть, он перестал бы улыбаться, этот загадочный, молчаливый человек... И сам бы первый отдал приказ, подписал бумажку, гласящую, что «сим повелеваю Григория Новых, он же Распутин, предать смертной казни через повешение» или по крайней мере заточить навеки в каком-нибудь руднике Кары, Зерентуя...

И остались бы чистыми, не запятнанными в крови руки родичей русского царя, руки его свояка; не внесена была бы зараза растления в его семью...

А может быть, случилось бы иначе... Властная, изворотливая супруга, как это было и в других случаях, сумела бы убедить Николая, что эти письма — поддельные... Или что они имеют совсем не тот дурной смысл, какой бросается в глаза при первом чтении... И все пошло бы

по-старому... вплоть до дней февральских и мартовских счастливого 1917 года...

Скорее, что так... Судьба явно желала, чтобы эти дни стали роковыми для Николая...

И потому безмятежно длилась распутинская идиллия под сенью трона Романовых, и даже еще в декабре 1916 года «старец» получил от матери и дочерей, вкупе с преданной фрейлиной Аней, новое доказательство их преклонения перед чудесными свойствами Григория Новых.

Из Новгорода «царица-немка» привезла в подарок «старцу из хлыстов» иконку, писанную на дереве.

На оборотной стороне иконки чернильным карандашом сделаны были собственноручно подписи:

Александра

Ольга

Татьяна

Мария

Анастасия

Слева в углу — дата: *11 декабря 1916 г.*

В правом углу внизу, помельче, еще одно имя: *Анна.*

Эту икону нашли на груди у мертвого «старца», когда после переворота его труп был найден в недостроенной часовне, воздвигнутой Вырубовой и царицей над прахом незабвенного хлыста...

В настоящей книге нет возможности касаться общей деятельности Распутина на гибель царству и династии. Его влияние при назначении и смене министров, митрополитов, даже послов в иностранные земли, его тлетворное воздействие на семью царя с самим Николаем во главе, интриги и разлагающее начало, которое он внес в обширный круг лиц, толпившихся при русском дворе, — все это дает материал слишком обширный, требующий особой книги, в которой и будет обрисована целиком вся отталкивающая фигура Распутина, роковым, позорным пятном чернеющая у трона российских царей...

Важно для настоящей монографии отметить все главнейшие точки соприкосновения между самодержцем, императором всероссийским, и тюменским мужичком из уличенных конокрадов...

Одно такое сочетание понятий говорит много уму и душе... Когда такой повелитель России, как Николай, искренно желал, без всяких политических целей, приблизить к себе человека из народа, он не сумел выбрать никого, кроме клейменого плута, деревенского «колдуна» и совратителя баб, в чем «старцу» помогала особая способность, дарованная ему причудливой природой...

В этом выборе — почти весь сверженный царь: податливый наружно всем влияниям, какие могли пробиваться сквозь толщу дворцовой охраны; недоверчивый и хитрый... В глубине души Николай считал себя лучше, умнее всех... Любил слушать, когда ему внушали, что он чарует окружающих, что все близкие думают о его благе, о судьбе его сына, его династии...

И на этом особенно ловко играл Распутин, как и Протопопов, как все другие...

Вот еще голоса двух свидетелей, заслуживающих особенного доверия.

Человек, жену которого оскорбил грубый «старец»-распутник, человек, который решился ударом свинца очистить воздух царства, зараженный тлетворным дыханием чувственного «чудотворца»-хлыста, — Ф. Ф. Сумароков-Эльстон, князь по рождению, родственник Николая Романова по жене, человек сдержанный и светский, тем не менее вот что высказал в беседе, предназначенной для общего оглашения:

«Гришка Распутин — это был злой гений России! Он и остальные преступники, окружавшие чегу Романовых — все эти Протопоповы, Воейковы, Щегловитовы, сидящие теперь в крепости, достойны самой тяжкой кары не менее, чем и тот, кто поддавался их влиянию...

Прикрываясь религиозной маскою, они творили омерзительные дела и продавали врагам Россию.

Все великие князья открыто возмущались политикой Николая, но вся сила находилась в руках Александры Федоровны и ее продажных сторонников.

Бывшая царица, кроме своих женских ненормальностей, страдала манией величия, и этим пользовались предатели, окружавшие Романовых.

Она вообразила себя второю Екатериной Великой, думала, что от нее зависит переустройство России на западный, то есть немецкий, лад... А ее приближенные — Распутин, Вырубова, Протопопов и др. — разжигали в ней манию величия ради своих выгод и создали положение, выхода из которого почти не было.

Когда выяснилось тревожное положение в стране, Протопопов уверил обоих, мужа и жену Романовых, что он знает секрет “подавить революцию и сверху и снизу...”. Что справиться с бунтами легко... Он говорил о тысячах пулеметов, стоящих наготове... О десятках тысяч немецких маузеров, припрятанных для полиции в стенах арсенала...

Ему поверили и дали всю полноту власти... Воейков — просто старался награть побольше... Нилов — пил с царем...

Так и началась эта “придворная свистопляска”, которую оборвали выстрелы восставших полков и народа...

Огромную, если не первую, роль во всей этой “свистопляске” играл Распутин, о котором нельзя и вспомнить без чувства омерзения!

Его влияние на бывшего царя и царицу объясняют различно. На мой взгляд, это был хитрый мужик, обладавший силой гипноза и сознающий эту могучую силу, умеющий ловко ею пользоваться.

Я знал людей с очень сильной волей, но и те быстро поддавали при встречах под влияние Гришки...

Первое время я просто не верил, что какой-то Распутин может назначать и смещать министров, но скоро узнал эту горькую истину.

Все усилия лиц, не вмещавшихся в эту дворцовую “свистопляску”, старания их воздействовать на Николая разбивались о тяжелую атмосферу мистически-полового психоза, которым были пропитаны, охвачены вполне все главнейшие обитатели Александровского дворца.

За последний год Николай Александрович, казалось, окончательно потерял собственную волю, подпал под влияние жены и ее фаворитов, Распутина по преимуществу...

Но вот Распутина не стало... И наступила реакция еще более грубая, яркая... Разговоры об ответственном министерстве окончательно заглохли, а Протопопов со своими приспешниками начали свою подготовительную работу против назревающего народного волнения...

Значительную роль при дворе играл друг Распутина, тибетский врачеватель Бадмаев. О нем при дворе ходило немало различных слухов как о поставщике “специальных”, бодрящих эликсиров для царя, и о врачевателе царицы и наследника...

Одно могу сказать с уверенностью: Николая Александровича действительно поили различными снадобьями, составленными тибетским светиллом. И этим за последнее время довели бывшего царя почти до полного слабоумия. Он потерял собственную волю. Во всех государственных делах его неоспоримой советницей явилась Александра Федоровна, которая вела его и Россию к пропасти, готовясь продать землю Вильгельму...

Бадмаев работал очень осторожно и не оставил почти никаких следов... А в общем — при дворе царил какой-то кошмар, где распутство сплеталось с проявлениями изуверского мистицизма, чуть ли не садизма...

И не вспыхни революция снизу — она бы вспыхнула сверху. К этому словно и вела Александра Федоровна при помощи другой немецкой пособницы — старшей великой княгини Марии Павловны...»

Вот в общих чертах то, что сообщил для обнародования человек, которому Россия обязана избавлением своим от Распутина...

А вот, наконец, и голос одного из политических деятелей нашей родины, одинаково чтимого за честность и ум в родной стране и далеко за ее пределами.

Бывший министр иностранных дел С. Д. Сазонов во время беседы с журналистом, явившимся для обычного интервью, свидетельствовал:

«Заниматься сейчас характеристикой личности бывшего императора мне не хочется — я вполне на стороне тех, кто придерживается известной поговорки, что “лежащих не бьют”, в особенности так, как это позволяют себе многие. Во всяком случае подражать примеру великих князей я не стану. Мои впечатления от общения с бывшим императором таковы: он человек без воли, временами совершенно апатичен ко всему совершающемуся, но его я не считаю главным виновником переворота. На мой взгляд, слишком содействовала этому Александра Федоровна. Она всегда мнила себя *призванной руководить* высшей государственной политикой, она всегда считала, что *Россия через ее содействие воспримет ту культуру, ту цивилизацию*, к которой Александра Федоровна так привыкла. Естественно, что такие стремления идут вразрез со столь *грязной дружбой* ее с Распутиным. Но должен оговориться, что Распутин имел на Александру Федоровну огромное влияние исключительно как человек, в чью *творческую мистическую силу* бывшая императрица очень верила. Александре Федоровне не раз доказывали, что Распутин — шарлатан, взяточник и авантюрист, но она отвергала это и утверждала, что в нем таится *сила прорицателя*. Вот отсюда-то и все то зло, которое было причинено нашей родине, и вот благодаря чему мы долго пребывали в страшном омуте.

Должен вам сказать, что последние полтора года пребывания моего в Совете министров для меня являлись сущей мукой.

Был момент, когда мы — восемь министров — написали государю письмо, подробно и с полной откровенностью указав ему на все происходящее вокруг. Среди подписавшихся были: Кривошеин, Барк, Самарин, Игнатьев, истинно государственный муж Харитонов, я и др. К взглядам, изложенным в нашем письме, присоединились также Поливанов и Григорович, но они не подписали его, так как их положение военных министров было, конечно, исключительное.

Это письмо также не возымело никакого влияния, и течение нашей политической жизни шло по тому же неопределенному руслу, как и раньше.

Мои противники по кабинету ставили мне палки в колеса самым наглым образом, отстаивая немецкие интересы.

И вы можете себе представить, какое у меня было самочувствие как у министра, призванного в такое время стоять у ответственного поста.

С огромным удовлетворением отмечу только, что с Протопоповым мне, слава Богу, не приходилось работать.

О своей отставке узнал я из письма государя, датированного 5-м июля и полученного мною в Раухе 7-го июля. Смысл письма

Николая II сводился к тому, что он вынужден принести меня в жертву тому течению большинства в Совете министров, в котором я оставался без поддержки. Мне приходилось сотрудничать среди них при диаметрально противоположных взглядах с моими; я опасался за судьбу родины и династии и не раз указывал на надвигавшуюся опасность. Но со мной не соглашались».

«В беседе со мною С. Д. Сазонов многое *недоговаривает*, очевидно, щадя тех, кто низложен... и “повержен во прах”!..» — так заканчивает свое сообщение журналист.

Но ход событий и те подробности, какие вскрыты самыми разнообразными свидетелями, голоса, звучащие со всех сторон, тайны, увидавшие свет Божий при новом порядке вещей, — все это не просто *«договаривает»*, а криком кричит, четко выявляя, кто стоял во главе многомиллионного задавленного народа! Что творилось там, на верхах власти, скрываясь в тени трона, путаясь в складках царской горностаевой мантии...

Если в последние дни романовского засилья даже истинные бюрократы самодержавия, мало-мальски уважающие себя, не могли оставаться безучастными к деяниям шайки, составляющей «царский кабинет министров», то каково было народу?

И последней каплей, переполнившей чашу долготерпения народного, несомненно, явились Распутин и его ставленники, пригревшиеся под крылом у Алисы Гессенской...

Отношению «старца»-хлыста к ней или, вернее, взаимоотношениям между всероссийской императрицей и сибирским хитрым варнаком-конокрадом, ставшим вершителем судеб Русской земли, всему этому кошмарному, пугающему месиву грязи, мистики и садизма посвящена мною особая книга, выходящая вслед за настоящим томом под заглавием *«Распутин у трона»*.

Но и сейчас необходимо коснуться вопроса: каким образом этот «старец» мог проводить в министры лиц, ему угодных? И кого же сажал он на эти теплые места, пользуясь своей позорной, но большой и очевидной силой?

Аликс, как звал Николай свою жену, Анна Вырубова, Григорий Ефимыч Новых — вот та троица, Священное «Тримурти», которое вершило, как оказалось, судьбы русского царства, вертя, как куклу, последнего Николая, «милостию Божиею» императора всея Руси.

Но и сами эти «божки» были игрушкой в других, более заурядных и совсем уже грязных руках, покрытых потом разврата, пылью золота, полученного за продажу родного народа и своей отчизны.

Если можно еще объяснить влечением крови, родственными чувствами явные попытки Алисы Гессенской работать на пользу врагов

России, тевтонов, то нет никакого оправдания и объяснения для ее пособников, русских по крови, но действовавших предательски, во вред истерзанной, замученной, истекающей кровью родине...

Связь между царским дворцом и предателями установлена была уже давно.

Стоит вспомнить хотя бы речь Мясоедова перед казнью...

Военно-полевой суд заседал всего около двух часов, Мясоедову были предъявлены обвинительные материалы. Данные, добытые следственной властью, носили настолько уличающий характер, что даже закоренелому преступнику не пришлось бы на ум оправдываться.

Надо отдать справедливость Мясоедову, он по пунктам подтверждал предъявленные ему обвинения; больше того: Мясоедов надменно и резко соглашался: «Да, виноват».

— Что же вы можете сказать в свое оправдание? — спросил его председательствующий.

— По существу ничего не могу ответить.

Затем, подняв глаза, обведя всех присутствующих взором, Мясоедов громким и внятным голосом заявил:

— В чем, собственно, вы меня обвиняете? Я состоял шпионом в пользу Германии. Организовал целые сети шпионажа, добывал всякие материалы военно-секретного характера в пользу Германии. И делал я это сознательно. Почему я это делал сознательно, для меня ясно, а для вас неясно. Я сознаю, что в ближайшее время Россия будет омрачена грозными призраками революции. Гидра революции уже проникла и в армию. Германия же — оплот монархизма. Я люблю своего царя и предан ему, и вот, опасаясь, что император Николай может лишиться трона, я стремился, чтобы Германия одержала победу, и, таким образом, могущественный монарх император Вильгельм сумеет оказать должную, необходимую поддержку императору Николаю. Революция, несомненно, будет подавлена. Я больше всего опасался победы России, ибо от победы зависела бы судьба ее монарха. Несомненно, в случае победы монархическая Россия превратилась бы в республику. Этому я не мог сочувствовать.

Закончив свою защитительную речь, Мясоедов заметил на лице судей улыбку.

— Ну и царские слуги, — проговорил Мясоедов и добавил, что ничем не имеет дополнить все им сказанное.

Приговор был вынесен. Через 24 часа приговор вошел в законную силу. Окончательная конфирмация приговора была предоставлена Николаю Николаевичу.

В пятом часу утра недалеко от Ставки, вернее, от места нахождения вагонов Николая Николаевича, выстроились воинские части. Здесь

были представители всех родов войск. Военские части образовали собою каре, внутри которого возвышался эшафот. Перед совершением казни воинским чином была разъяснена роль полковника Мясоедова, было указано на тяжесть его преступления.

В шестом часу утра привели Мясоедова. Когда палач подвел его к эшафоту, он замедлился. Блуждающие глаза Мясоедова остановились на палаче, и он заявил: «Не пойду дальше, хочу еще жить». Палач схватил его за руку и хотел накинуть на его шею веревку. Мясоедов, обладавший большой физической силой, оттолкнул палача. Последний упал, но затем, поднявшись, вступил в борьбу с Мясоедовым. Мясоедов упирался. Палач ничего не мог с ним сделать. На помощь ему был вызван один из рабочих железнодорожных мастерских. Мясоедова связали, втолкнули на эшафот.

Стиснув зубы, он дал возможность надеть петлю... Через несколько минут посиневший труп упал в сугробы снега. Военные врачи констатировали смерть... Был составлен соответствующий акт. Мясоедова завернули в брезент и положили на дроги. Труп был вывезен за город и предан земле. Военские части немедленно разошлись на работы...

И только через несколько дней население Барановичей узнало о казни Мясоедова.

В следующей главе мы увидим, читатель, как легко подписывал Николай Последний смертные приговоры.

Но мне думается: если бы приговор изменнику, изобличенному военному шпиону Мясоедову, попал на подпись не Николаю Николаевичу, а... Николаю Александровичу, полковник-предатель, бросивший на жертву врагам двести тысяч русских солдат в Восточной Пруссии, был бы помилован Романовым... И до сих пор проживал бы где-нибудь в тиши...

На это, конечно, рассчитывал и Мясоедов, так бесстыдно открывший карты своей «преданности царизму»...

Может быть, и Николай Николаевич знал, что Мясоедов говорит правду... Что недаром он был так близок к другому, еще более крупному предателю, Сухомлинову, состоявшему под особым покровительством русской императрицы.

Но... великий князь, даже не будучи особенным патриотом, даже понимая, что речи Мясоедова правильны, решил, пожалуй, что таких «преданных», но неловких пособников и «друзей династии» лучше устранить с пути, и подписал роковую бумагу.

Мясоедова не стало. Остался Сухомлинов. Потом явился Штюмер, поставивший вопрос о «сепаратном мире» на прочную почву... Народился типичнейший «последний защитник» последнего Романова, министр-пулеметчик А. Д. Протопопов...

Стоит проследить, как вырос и распустился махровым цветом этот паразит самодержавия на злочной романовской ниве, и станет понятно многое, вплоть до того «чуда», каким в глазах целого мира явилась Великая бескровная русская революция.

И попутно станет ясно, насколько все эти Мясоедовы, Сухомлиновы, Штюмереры, Щегловитовы, Манасевичи-Мануйловы с их *патроном*, Григорием Распутиным, сходны друг с другом, несмотря на все различие происхождений, воспитания, даже расы... Все они готовы были подписаться под речами Мясоедова!

В письме великого князя Николая Михайловича определенно сказано: «С тех пор, как во всех слоях общества стало известно, кто влияет у Тебя на выбор министров, т.е. о вмешательстве Распутина и других, ему подобных, лиц, о вмешательстве Твоей жены во все важнейшие дела, — дольше так управлять Россией немислимо!»

И сам Распутин не скрывал своей силы и авторитета *у папани и у мамани*, как он называл царя и царицу даже в письмах и телеграммах.

Когда тот же Николай Михайлович заметил царю: «Знаешь ли, что Протопопова тебе подсунули немецкие агенты? У Бадмаева его познакомили с Распутиным, а тот провел этого хитреца в министры», — Николай двусмысленно ответил: «Знаю... я это слышал», не желая выразиться ясно: верит ли он сообщению брата или считает все досужим вымыслом «врагов» Распутина, «простого честного сибирского мужика», как отзывался о «старце» государь...

Немудрено, что этот «мужичок» во время спиритических сеансов, приходя в экстаз, решался проричать о будущем премьере, восклицая:

— В сей ноши видение сонное мне было... Явился святитель Серафим Саровский, указуя на Лександра Митрича, и изрек: «Сей с усами белыми... с усами белыми спасет!.. Мудрый он, ой мудрый!..»

Эти выходки изувера-пройдохи влияли на душу и сознание Николая, в последнее время, если верить словам Ф. Ф. Сумарокова-Эльстона, почти доведенного до полной прострации теми «тайными средствами», какие готовил для царя тибетский пройдоха Бадмаев.

Вот что сказал молодой князь сотрудику «Биржевых ведомостей»:

— Я отрицаю, что бывший царь злоупотреблял спиртными напитками, но его спаивали более сильной отравой. Мне лично пришлось слышать в одном из распутинских кружков о том, что приближенные делали специально сильный настой из тибетских трав и этим настоем спаивали Царя.

После этого царь впал в меланхолию, чувствительность атрофировалась, он становился безразличным, был молчалив и таким образом лишился возможности реагировать на заявления и указания приближенных.

И в этот момент царедворцы-преступники пользовались слабостью бывшего царя для осуществления своих злых, подлых дел. Кто знал бывшего царя в течение последних нескольких лет, тот может сказать, что за последние годы он пережил большую эволюцию и стал буквально неузнаваем.

При этом нельзя отрицать, что роковую роль в жизни династии сыграла бывшая государыня, которая верила в чудеса Григория Распутина, и для него и его приближенных она жертвовала народным благом и народными интересами.

Как было сказано выше, Алиса Гессенская не считала, что она жертвует чем-либо, принося вред России. Немка по духу, не только по крови, она поступала вполне последовательно со своей точки зрения... И Протопопов, попавший в министры ее волей, пел в тон высокой покровительнице.

Сначала, как сообщают люди, близкие к царской семье, Николай относился холодно, недоверчиво к Протопопову, не имевшему связей в том кругу, откуда обычно брал себе министров царь...

Но постепенно, при помощи внушений Распутина и собственной ловкости, Протопопов занял положение настолько прочное, что перестал бояться кого-либо, включая и самого Николая.

Стоит вспомнить, как умел этот старый политикан втереться в доверие к своим сотоварищам по Государственной Думе, как он там, в среде деловых, мыслящих людей, сумел возвыситься до положения почетного и важного в качестве члена президиума...

И тогда станет понятнее, как мог этот политический шулер овладеть волей Николая.

Но едва пронира почуял, что стоит твердыми ногами, — маска спала с его лисьего лица.

Вот знаменитое свидание с агентом Вильгельма в Стокгольме... Вот подготовка к «усмирению революции снизу» после того, как он же сослал во все концы России виновников смерти друга-патрона своего, Григория Распутина...

Сотрудник одной газеты, некто Я. Я. Наумов, еще задолго до революции беседовал с всесильным «премьером» о вопросах дня, и вот что говорил ему Протопопов:

— Распутин — это был здоровый мужицкий ум... приносивший немало пользы тем, кто с ним советовался, равно как мне и государю. Он был вполне бескорыстен (!!! — Л. Ж.). — После него осталось 3000 денег, домик в Тобольской губернии. Но окружали его мошенники, которые его эксплуатировали.

В этой тираде что ни слово, то ложь.

После Распутина осталось до миллиона наличными и большие участки земли... Если его окружали мошенники, то немудрено, что «здоровый мужицкий ум» старца допускал такую банду орудовать вокруг себя, — львиная доля барышей доставалась ему, «бескорыстному» царскому советнику.

Дальше, коснувшись общественных волнений, Протопопов еще наглее объявил:

— Я не склонен придавать серьезное значение будированию верхних слоев, вплоть до всех великих князей включительно. Представители этих кругов не такие люди, чтобы они могли что-нибудь сделать. Впрочем, некоторые меры уже приняты, а если понадобится, будет сделано то, что нужно.

— А оппозиция Государственного Совета?

— Это вещь несерьезная. Против нее ничего не стоит принять кое-какие средства: одним — пригрозить, другим — кинуть подачку, и оппозиция исчезнет. На то, что происходит сейчас в общественных кругах, я смотрю очень серьезно. И мною послано распоряжение московскому градоначальнику не допускать в Москве никаких собраний. В моем распоряжении имеются данные, свидетельствующие о симптомах приближающейся революции. Вот документ. Это резолюция участников военно-промышленного комитета под председательством Коновалова, в которой предлагается перейти от слов к делу. Очень вероятно, что близко время, когда начнется террор.

— Но как же намерены вы реагировать на это начало революции? Неужели вы не сделаете попыток хотя бы отдалить срок? Неужели не будут сделаны шаги в сторону сближения с Государственной Думой?

— Государственной Думою руководит Милюков. Я не настолько наивен, чтобы не понять, что думские пожелания «министерства доверия» скрывают за собой вымогательство ответственного министерства. Это прямой путь к повторению того, что было во Франции в 1789 году до *proces de la reine* включительно.

— Но ведь за Государственной Думою стоит все русское общество — общеземский союз, союз городов и т. д.

— Это не общественность, а лжеобщественность. Я сам старый земец и потому хорошо понимаю и вижу, какие элементы объединились в этих союзах. Разве эта лжеобщественность может претендовать на власть? Она хочет только помешать правительству (! — Л. Ж.) выиграть войну в то время, как до ее конца осталось только четыре месяца. Я знаю это, так как имею точные сведения о внутреннем положении Германии.

— Уверены ли вы, объявляя войну всей стране, что выйдете победителем?

— О, я не остановлюсь ни перед чем. Господа журналисты могут сравнивать меня с Плеве — я в первую же очередь начну высылать их целыми вагонами из столицы. Но я задушю революцию какой бы то ни было ценою! Я добродушен. Но я могу быть и свиреп и беспощаден!

Что эти слова не были просто угрозой, доказывает следующая «срочная телеграмма», которая была отправлен Протопоповым в Ставку на имя одного из наперсников царя, перед московскими съездами 8–9 декабря 1916 года:

«Царская Ставка, Свиты генералу Воейкову»

По соглашению с председателем Совета министров было признано необходимым мне просить генерала Мрозовского не разрешать целого ряда съездов, назначенных в Москве на 8-е и 9-е декабря и имевших целью объединить политическое боевое настроение в некоторых слоях столицы путем оглашения на съездах заранее заготовленных резких резолюций.

Съезды не были разрешены, и протесты на их запрещение от земств и городов, заслушанные в Совете министров, были оставлены Советом без удовлетворения. Как последствия неподчинения съездов объявленному распоряжению Мрозовского явились неизбежное введение на собрания чинов полиции и недопущение самовольных сборищ, а отсюда буря лжеобщественного негодования. Сегодня в думе предполагается внесение по этому делу ряда запросов, оглашение возмутительных резолюций, которые могут волновать элементы, пропитанные смутой, и переброситься далеко за Таврический дворец.

Готовится дерзновенный натиск на священные прерогативы монархической власти, попирая основные законы. Ввиду изложенного я признал необходимым, чтобы сегодняшнее заседание Государственной Думы было закрытым для публики и печати.

...Я послал соответствующее требование Родзянко лично, но считаю своим долгом предусмотреть могущие произойти дальнейшие осложнения. Ввиду изложенного долгом совести почитаю просить вас доложить его величеству о том, что, в случае дальнейших осложнений, представляется необходимым высочайший указ о перерыве занятий Государственной Думы, полагал бы до 1 февраля.

Ввиду исключительной остроты минуты очень прошу не отказать доложить это дело в порядке спешности. На успех твердых и спокойных мер в эту минуту верноподданнически надеюсь и верую в помощь Божию.

Протопопов»

Конечно, Николай всегда готов был пойти навстречу мудрым политическим советам Протопопова, который в России решил разыграть герцога Альбу, чтобы оправдать свои слова о собственной непреклонности и жестокости...

Но налицо был еще один, более жгучий вопрос: со всех сторон шли донесения о готовящемся народном волнении.

Как теперь выяснилось из секретной переписки бывшего министра с бывшей царицей, Алисой Гессенской, эти волнения были вызваны умышленно старую властью.

Россия могла «заключить сепаратный мир с врагами, если бы в столице вспыхнул мятеж»... И эту «благовидную» причину для черной измены общему делу старался создать предатель-министр всеми мерами: подвоз припасов умышленно нарушался, мародерам дана была возможность грабить население...

Но все-таки надо было вести игру осторожно, чтобы не выдать себя и перед страной, и перед... тем же Николаем.

Хотя он и понимал, что Вильгельм, враг России, не является «врагом Романовых», как стояло в письме, переданном царю Васильчиковой, как твердили ему все окружающие, но все же заняться открыто провокацией было опасно.

Наконец, на очереди стоял и такой вопрос: ну, вспыхнет волнение... Начнем переговоры о мире с «нашими друзьями», с врагами России... Однако народ надо будет привести в покорность... Как это сделать?

И вот тут-то ставленник Распутина выявил себя во всю величину.

Когда стало известно, что все рабочее население Петрограда готовится к выступлению, что Государственная Дума решилась тоже резко поднять голос протеста, в Царском Селе было созвано особое совещание по этому жгучему вопросу.

Председательствовал сам государь.

В совещании участвовали князь Голицын, Воейков, Нилов, Протопопов и другие члены кабинета; приглашен был и Штюрмер.

На обсуждение был поставлен вопрос о необходимости дать некоторые уступки Государственной Думе. Большинство участников совещания признавало, что начавшееся движение может захватить войска, почему следовало бы в целях успокоения Государственной Думы согласиться на осуществление минимума тех свобод, которые возвещены манифестом 17 октября.

— Ну что ж, — сказал Николай, — это, пожалуй, возможно.

Таким образом, вопрос, казалось, был предрешен. Мало того, был уже заготовлен и соответствующий акт, в котором, однако, не говорилось об ответственном министерстве, но предлагалось назначение в состав кабинета видных общественных деятелей из состава Государственного Совета. Против этого, однако, восстал Протопопов:

— Ничего угрожающего в данном движении нет и быть не может, — заявил он. — Петроград мутят какие-нибудь двести — триста человек. Их необходимо уничтожить.

Протопопов настаивал на предоставлении в его распоряжение кредита в триста пятьдесят — четыреста тысяч рублей «для подавления революции в самом зародыше».

— У меня имеется верный план для борьбы с гидрой революции. Эта сумма необходима для того, чтобы петроградских городских можно было обучить стрельбе из пулеметов. Тогда правительство может вполне спокойно покончить с движением. Кучка людей, желающих перемены, будет просто расстреляна из пулеметов, и таким путем всякая опасность минует.

Николай, почти уже согласившийся на подтверждение конституции 1905 года, неожиданно переменял свое решение и тут же заявил:

— Если вы убеждены в этом, то выполните свою программу.

Протопопову были отпущены триста пятьдесят тысяч рублей из десятиmillionного фонда.

Всем полицейским от имени Протопопова особым секретным циркуляром было объявлено, что за каждый день обстрела с крыш «уличной сволочи», как выражался диктатор, будет выдаваться по семьдесят пять рублей. В случае, если они «продержатся» на крышах в течение недели, получают особое единовременное пособие в очень крупном размере, а семьям, в случае гибели городского, будет даваться пенсия в три с половиной тысячи рублей.

Высшим чинам полиции министры сулили золотые горы.

Наемные палачи, «фараоны» и охранники по мере сил старались добросовестно выполнить работу... Тысячи трупов пали от предательских пуль, от залпов, которыми поливали народ пулеметы, спрятанные на чердаках и на колокольнях церквей...

Но расчеты распутинского ставленника не оправдались: народ победил...

Теперь надо вернуться к вдохновителю министра-палача — к Распутину, который еще до переворота пал от пули заговорщиков из царской семьи, поддержанных, по слухам, и пресловутым В. Пуришкевичем...

Вот что говорил о смерти своего покровителя сам Протопопов в беседе с тем же журналистом Я. Я. Наумовым:

— Это было не простое убийство — это итальянская мафия, в которой участвовали озлобленные люди, превратившие убийство в пытку. Распутина живьем топили в реке. Его ранили — я не знаю подлинно, как происходило дело во дворце Юсупова, а затем связанного по рукам и ногам, бившегося, в автомобиле везли через весь город, чтобы бросить

в прорубь. Шарлотта Корде нанесла сразу свой удар — это было политическое убийство. Здесь же какое-то мрачное дело мщения, какая-то мафия в полном смысле слова...

Как мы уже знаем, великий князь Дмитрий Павлович и Ф. Ф. Сумароков-Эльстон, обвиняемые в этом деле, были высланы из столицы.

Третий участник, В. Пуришкевич, поспешил удалиться сам «за пределы досягаемости», уехал в армию, на фронт где его не смели тронуть даже агенты Протопопова, где были бессильны даже приказы Николая.

Царь ограничился тем, что постарался оказать всякое внимание останкам «стойкого старца», неутомимого хлыста, выразил полное сочувствие неутошному горю своей супруги, совершенно забывшей о том, что надо хотя бы соблюсти приличие перед взрослыми дочерьми.

Правда, Алиса пыталась мистическим образом оправдать свое отчаяние.

Она напоминала всем, что «духи» не раз при помощи различных медиумов вещали:

— Пока будет жив Григорий Ефимович, пока он вблизи царской семьи, династия обеспечена от всяких бед. А не станет его — и для царства, и для дома Романовых придут черные дни.

— Мы погибли теперь без Григория Ефимовича! — твердила истерически Алиса.

Хмурился и Николай. Он тоже не знал: верить ли спиритам и медиумам или не верить.

Царь слишком привык при жизни Григория Ефимыча делать самые важные шаги по указке этого пройдохи.

Доказательством могут служить, например, телеграммы, какие посылал в Царское Село Распутин из Сибири, когда уезжал туда на побывку домой.

Хотя эти документы приведены в книге бывшего инокa Илиодора (Труфанова), заклятого врага Распутина, но слог телеграмм настолько близок к подлинному языку «старца», что внушает доверие к содержанию «рескриптов» чудодея-варнака, получившего право в своих писаниях величать «папой» и «мамой» императора и императрицу всероссийских.

«Миленькай папа и мама! Вот бес то силу берет окаянный. А Дума ему служит; там много люцинеров и жидов. А им что? Скорее бы Божьяго Помазаннека долой. И Гучков господин их прихвост, — клеветет, смуту делает. Папа. Дума твоя, что хошь, то и делай. Какеи там запросы о Григории. Это шалость бесовская. Прикажи: Не какех запросов не надо. Григорий».

Как известно, запросы были сняты с очереди и погребены. Самое имя Распутина тщательно вытравлялось Адабашем из думских отчетов. Существует только Г. Новых...

«Ошибки надо исправлять, и милость Божья будет. Граф Татищев из-за бунтовщиков был опечален. Теперь надо его ласкать. Дать ему место повыше. Я и сам преж на него, а не надо».

И Татищев оказался у власти.

«Забот много, а успеху нет. Думка кого послать в Сибирь. А он под рукою. Владыку Варнаву, друга и защитника. Его сюда надо. Он усердно старается. Григорий».

После этой телеграммы огородник Варнава попал на кафедру славных тобольских святителей.

«Кого послать на Кавказ, покою вам нет. А вот дорогой епископ Тобольский, Алексей хоть куда. Ему и место на Кавказе. Пошлите его. Это я очень желаю. Он меня ласкает. Понимает подвиг. Честь ему нужно оказать. Верный везде верный. А на Кавказе он будет нашим другом».

Немедленно Алексей был назначен в Грузию экзархом.

«Много шуму, много спору, а все одна суета. Кого послать на Москву. Антоня не надо, он лукав. Да молод. Зависть пойдет и злоба. А бесам того и надо. Вот кого: подвижника алтайского Макария, мово друга. Божий старец. Его надо. Да. Григорий».

На удивление миру, единственный архиерей, не имевший высшего духовного образования, дряхлый Макарий воссел на митрополию, где некогда сиял Филарет.

«Папа мои мяеньки и мама! О как многое множество жалоб на Макария. А что бесам надо. Все на наших друзей идут. А вы не строго поступайте. Надо его ласкать, он сделал много, на него клеветит жиды. Защита ему нужна. Видел его. Жалко».

И Макарий крепко сидел на своей кафедре.

«Вот Илиодоршка-то маленько испортился. Не слушается. Погодите ему митру. Пусть так будет, а там видно. Он ничего, да Гермогена слушает. Епископ Феофан послушался и запутался».

После этого Илиодор изгнан из Царицына, а Гермоген из Саратова.

«Миленькие папа и мама! Бунтовщика Бог с неба свалил. И Илиодора нужно в темницу. Пускай там подумает, как идти против Божьяго помазаннека. Прежде убивали, а теперь хорошо проучить темницею. Никакой ему ласки приказать Владимирскому епископу. Григорий».

И к владимирскому Николаю (Налимову) под начало попал Илиодор.

«Шума то сколько; вода утечет и нет. А вы пошто смущаетесь. Это все тает. Полают, да отстанут. Цари выше всего. Так и будьте».

Утешенье от Бога, а от беса горе. А Бог бесов сильнее. Саблер и Даманский все сделают. Да! Григорий».

Сейчас же у Саблера и Даманского оказались ключи церкви.

Распутину посылались на предварительный просмотр даже манифесты накануне их опубликования. Увидав один из них у Гришки, Илиодор спросил:

— Каким образом манифест попал к тебе?

Распутин ответил:

— Да это мама прислала мне проверить, хорошо ли написан или нет; прислали одобрить, и я одобрил; тогда они его обнародовали. Вообще они всегда обращаются в таких случаях ко мне за советом.

Распутин под пьяную руку не стеснялся сообщать, как он проводит время в «царских дворцах».

— Когда бываю у царей, я целые дни провожу в спальне у царицы... Целую ее, она ко мне прижимается, кладет на плечи мне голову, я ее ношу по спальне на руках, как малое дитя. Это ей нравится. Так я делаю часто, часто. Так же часто бываю в спальнях детей. Благословляю их на сон, учу молиться, пою с ними гимн... Однажды запели, девочки хорошо пели, а Алешка не умел да брал-брал не в тон, да как заорет на все комнаты, аж царица прибежала и его упокоила. С детьми я часто шучу. Было раз так. Девочки сели мне на спину верхом; Алексей забрался на шею мне, я начал возить их по детской комнате. Долго возил, а они смеялись. Потом слезли, а наследник и говорит: «Ты прости нас, Григорий, мы знаем, что — священный и так на тебе ездить нельзя. Но это мы шутили».

Николай оставался верен своему оракулу и по его смерти...

Вот как очевидцы описывают жуткий, таинственный миг, когда в землю было опущено застывшее скорченное тело «старца», добытое из-под льда.

Автомобиль, на котором везли тело Распутина, остановился в Царском Селе, у лазарета имени А. А. Вырубовой, под № 79. За этим автомобилем следовал другой. Когда моторы остановились у лазарета, в окнах здания замелькали огоньки и на улицу выскочил солдат, поминутно озиравшийся во все стороны.

— Не сюда, везите на постройку... — прошептал он и тотчас же скрылся за дверьми.

Этот солдат, старший унтер-офицер одного из квартирующих в Царском полков, до сих пор не может без содрогания вспомнить позорную ночь. Всем стоявшим в эту ночь в Царском Селе на карауле был отдан строжайший приказ молчать обо всем виденном и слышанном и не рассказывать ничего даже своим женам. Вообще лицам, имевшим

какое бы то ни было соприкосновение с Распутиным после его смерти, был внушен такой страх, что почти ни от кого ни в первые дни после убийства, ни позднее ничего нельзя было узнать. До самых последних дней люди, причастные к этому делу, хранили свою тайну, и только революция дала возможность прочитать эту темную страницу двора Романовых.

Процессия прибыла в Александровский парк к месту, где была приготовлена могила, в 3 часа 15 минут ночи. Могилу рыли солдаты воздушной обороны Царского Села под командой полковника Мальцева, по словам которого «яма» предназначалась для свалки мусора. Принятые предосторожности и тайна, которой обставлялась вся эта работа, навели солдат на мысль, что это не яма для мусора, а могила для Распутина, об убийстве которого в Царском Селе было уже известно. Один молоденький солдатик даже просил Мальцева: «А почему, ваше высокоблагородие, она мелкая и уж очень на могилу походит?» Последовал грозный окрик: «Держи язык за зубами, не твоего дурацкого ума это дело».

За три часа до приезда похоронной процессии, в двенадцать часов ночи, духовник Николая и Александры Романовых отец Александр (Васильев) позвонил ктитору Федоровского собора полковнику Ломану по телефону и предупредил, что он рано утром заедет в собор за облачением и кадилом. Ломан, знавший о том, что в парке копается «яма», догадался, что предстоят похороны, тем более что и отец Александр не скрывал от него, сказав ему: «Я буду служить панихиду по приказанию государыни»...

Сопровождавшие процессию четверо полицейских, шофер и Лапшинская торопливо сняли гроб с автомобиля и молча опустили его на веревках в могилу.

— В полчаса девятого назначено, — прошептал Лапшинской на ухо полковник и направился к убежищу, поставить у могилы часового. Могила осталась открытой.

Все это было проделано тихо и быстро.

В 8 часов 30 минут утра к могиле подошел пропущенный дежурными сыщиками отец Александр, а через десять минут со стороны дворца подошла с обеими своими сестрами Вырубова. Секретарша Распутина Лапшинская прибыла к могиле раньше всех.

В 8 часов 45 минут утра быстрыми, неровными шагами подошел к месту погребения Николай Романов в сопровождении жены Алисы и дочерей, Татьяны и Ольги. Алексея как на погребении, так и на всех последующих панихидах никто не видал. Николай с семьей прибыл к месту без конвоя, даже без провожатых.

Панихида длилась не более пятнадцати минут. Николай с женой и обеими дочерьми поклонился праху Распутина, и скоро они ушли.

В это утро по приказанию Мальцева охрана с могилы была снята, так как были получены сведения, что событие прошедшей ночи ничего внимания не привлекло. Сняты были также и сыщики, бессмысленно в течение двенадцати часов дежурившие около Серафимовского убежища и новой постройки. На другой же день охрана могилы была поручена сторожу новой постройки. Но как жестоко пришлось разочароваться полковнику Мальцеву, поверившему в секретность погребения.

Утром 22 декабря сторож, подойдя к могиле, увидел, кто-то на ней совершил непристойность. Немедленно узнали об этом и Алиса, и Вырубова, и Лапшинская. Гневу их не было конца. Но виновника найти было трудно. Со следующей ночи на могилу уже был поставлен часовой из Сводного полка. С 22 декабря и до последних дней Алиса Гессенская часто посещала могилу, почти всегда одна.

27 декабря, на девятый день смерти Распутина, на его могиле была отслужена панихида.

21 января на могиле была опять отслужена панихида, на панихиде были: Штурмер, митрополит Питирим, все Вырубовы, Протопопов, все Головины, Александра Федоровна с Татьяной и Ольгой и многие другие сановники двора.

Так шло дело до 2 марта, когда с Николая упала его корона... а тело «старца»-чудодея было вырыто из могилы и сожжено затем на «распутье двух дорог», как триста лет назад сожжено было тело другого загадочного искателя приключений, тоже Григория, названного Отрепьевым, но величавшего себя царем Димитрием всея Руси...

Гроб с останками хлыста-чудотворца на автомобиле был доставлен к деревне Гражданка, между Лесным и Пискаревкой, и здесь тело сожжено... вместе с гробом, металл которого расплавился в пламени костра... Николай, уже сидя под караулом в Александровском дворце, прочел о сожжении своего бывшего оракула и на мгновение задумался...

Его лицо, неподвижное, с застывшей улыбкой на губах, побледнело и стало совсем старым, растерянным и жалким...

Он понял в этот миг, какую роковую роль в падении дома Романовых сыграл убитый «старец» из хлыстов...

II

ГРИГОРИЙ РАСПУТИН: МАТЕРИАЛЫ К СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ. (СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ)

Н. Н. ЕВРЕИНОВ

Тайна Распутина¹

<Фрагмент>

Его тайна

В чем была тайна успеха Распутина? его беспримерного восхождения на недостижимую, казалось бы, высоту? тайна его сказочной мощи у «подножия трона»? его исключительного порабащающего влияния на Николая и Александру Романовых, не говоря уж о других, о целом сонме жертв его колдовских чар?

Ответ на подобные вопросы некоторые находят прежде всего в *гипнотизме*, коим широко пользовался «святой старец» не только в целях своих мнимых чудес, но главным образом и в целях подчинения своему влиянию «нужных лиц» — нужных ему или другим, действовавшим через Распутина, — на этот счет мнения расходятся.

Утверждали, например, что Распутин был только фокусом, в котором якобы сосредоточивалась коллективная сила гипноза группы «черных оккультистов», избравших «старца» как орудие своих тайных замыслов*. Другие передавали, что Распутин был орудием лишь одного магнетизера, научившего «старца», в своих собственных интересах, гипнотическому влиянию. — Последняя версия находит себе, между прочим, подтверждение и в записках С. П. Белецкого. «Когда я был директором департамента полиции, — пишет он, — то в конце 1913 г., наблюдая за перепиской лиц, приближавшихся к Распутину, я имел в своих руках несколько писем одного из петроградских магнетизеров к своей даме сердца, жившей в Самаре, которые свидетельствовали о больших надеждах, возлагаемых этим гипнотизером, лично для своего материального благополучия, на Распутина, бравшего у него уроки гипноза и подававшего, по словам этого лица, большие надежды, в силу

¹ Печатается по: *Евреинов Н. Н.* Тайна Распутина. Пг.: Былое, 1924. С. 49–80.

* «Падение режима». С. 20.

наличия у Распутина сильной воли и умения ее в себе сконцентрировать. Ввиду этого, я, собрав более подробные сведения о гипнотизере, принадлежавшем к типу аферистов, спугнул его, и он быстро выехал из Петрограда. Продолжал ли после этого Распутин брать уроки гипноза у кого-либо другого, я не знаю, так как я вскорости оставил службу»*.

Что у Распутина были не только «наличие сильной воли», как передает Белецкий, и «умение ее в себе сконцентрировать», но и чисто внешние для гипнотизера данные, — об этом знает всякий, кто хоть раз видел этого знаменитого «чародея».

«Ну и глаза у него! — пишет Е. Джанумова в своем дневнике. — Каждый раз, когда вижу его, поражаюсь, так разнообразно их выражение и такая глубина. Долго выдержать его взгляд невозможно. Что-то тяжелое в нем есть, как будто материальное давление вы чувствуете, хотя глаза его часто светятся добротой, всегда с долей лукавства, и в них много мягкости. Но какими жестокими они могут быть иногда и как страшны в гневе»**.

Обычным «приемом» Распутина при знакомстве с новым для него лицом было — задержать его руку в своей огромной руке и вперить свой взор во взор другого. — Эффект «воздействия» сильной воли испытывался каждым из знакомившихся с ним, испытывался сразу же и, насколько известно, без единого исключения.

При дальнейшем знакомстве с Распутиным, его гипнотические чары, если только ему нужно было, сказывались всё сильнее и сильнее, пока не доводили объекта его «колдовского» воздействия до подобия паралича «собственной воли».

— Я очень устала от всего этого, — пишет Е. Джанумова, имея ввиду под «всеми этим» недвусмысленное «приставанье» к ней «старца», — хочу уехать и, сама не знаю почему, остаюсь. *Как будто как-то парализована моя воля****.

— Несомненно, — подтверждал убежденно бывш. министр А. Н. Хвостов (в своих показаниях Чрезв. Следств. Комиссии в 1917 г.), — Распутин был один из самых сильных гипнотизеров, которых я когда-нибудь встречал! Когда я его видел, я ощущал полную подавленность; а между тем никогда ни один гипнотизер не мог на меня подействовать. Распутин меня давил; несомненно, у него была большая сила гипноза****.

* Падение режима. С. 21.

** Указ. соч. С. 25.

*** Указ. соч. С. 30 (курсив наш. — Н. Е.).

**** Падение режима. С. 27–28.

О том, как влиял в этом смысле Распутин на Николая II, — А. Н. Хвостов сообщил той же Следств. комиссии два случая, стоящих на границе анекдота. Первый случай: — Сидит Распутин совершенно пьяный. Приехал опохмелиться. Утром ему было очень скучно, и он позвал своих сыщиков к себе — чай пить. А тем очень приятно: вместо того, чтобы сидеть на лестнице — лучше у него посидеть; для него же эта компания своя... Вот они сидят, пьют чай, у него голова болит; кто-то из этих господ спрашивает его: «Что ты, Григорий Ефимович, грустный? Что задумался»?.. Он говорит: «Сказано мне подумать: как быть с Государственной Думой. Я совершенно не знаю, а как ты думаешь»?.. Тот говорит: «Мне нельзя думать об этом, а то мне от начальства влетит»... Распутин говорит: «А знаешь что? я его пошлю самого в Думу: пускай поедет, откроет, и никто ничего не посмеет сделать»... После этого мне было смешно, — сознавался Хвостов, — когда несколько членов Государственного Совета приписывали себе влияние в Ставке на то, что состоялось это посещение Государственной Думы... Вот в чем был трагизм положения! Его воля была подавлена. Я утверждаю, что воля его была иногда подавлена также гипнотически. Удавалось только на минуту вывести из гипноза*.

Другой случай «действия под гипнозом» Николая II состоял, по проверке Хвостова, в следующем: — Хвостов сделал «всеподданнейший» доклад о необходимости сенаторской ревизии железных дорог, указав на ген. Нейдгардта как на желательного ревизора. В это время состоялось назначение Трепова, который, разойдясь в этом вопросе с Хвостовым, отправился в Ставку и выхлопотал там у царя отмену ревизии. «Мое положение, — вспоминал Хвостов пред Следств. комиссией, — получилось странное: я выхлопотал эту ревизию, Нейдгарту сказал, тот передал... Началась междуведомственная история!.. На императора это страшно подействовало, и ему неловко стало, что я попросил, он согласился, а затем — отменил. Тогда он посоветовался с Григорием, как рассказывал сам Григорий: со мной, говорит, папашка советовался: как быть? — он обидел «внутреннего», но и «железного» не хочет обидеть... Но я ему сказал: ты их позови, поставь рядом, да не приказывай, а скажи: — «будьте вы в мире, — что вам ссориться — будьте по-божьи»... Когда я этот рассказ получил, я посмеялся... Через несколько дней я еду с очередным докладом (обыкновенно доклады были в 5 час, тут почему-то в 11 час). Доклад был очень краткий. Меня просят подождать в приемной. Минут через 10 является Трепов. Нас зовут вместе в кабинет, и тут происходит буквальное повторение того, над чем я, за три

* Там же. С. 35.

дня перед тем, смеялся! Вошел император, обратился к нам и говорит: «Господа, я вам не приказываю, а вас прошу убедительно, — для пользы России, — этого не делать, этих контров: я ошибся, поторопился»... После этих двух фактов могло ли быть у меня сомнение в том, что там гипнотическое влияние?!*

Была ли возможность для Николая II выйти из того гипнотического круга, какой очертила вокруг него властная рука Распутина? — Мог ли вообще Николай II иметь хоть малейшее представление о том, чья именно воля руководит им в том или другом «его» царском решении?

По-видимому — да, и мы уже знаем, за чью волю почитал царь волю Распутина: — «святой» мог внушить ему, думал он, лишь «божественную» волю; — при этом слабовольным монархом совершенно упускалось из виду, кто именно внушил ему прежде всего веру в «святость» самого гипнотизера.

«Подвергающийся внушению, — учит проф. Авг. Форель, — получает такое впечатление, как будто не только воля гипнотизирующего, но и его собственная диктуют ему данное стремление или желание, которое загипнотизированному чрезвычайно приятно или, по крайней мере, является неизбежным для него и обязательным. В чувстве поддающегося влиянию, что особенно свойственно женщине, есть своего рода удовольствие, которое нередко сочетается с пассивными чувствами половой любви, большей частью у женщин»**.

Этими последними словами А. Форель как бы подсказывает нам уже разгадку, почему именно Александра Федоровна была всегда первой в послушании «старцу», не только сама повинувшись ему рабски, но внушая такое повиновение и своему «благодарному».

Эти же слова А. Фореля подтверждают и определение Распутинского гипнотизма, сделанное академиком В. М. Бехтеревым в его статье «Распутинство и общество великосветских дам»***.

«В заключение скажу, — говорит Бехтерев в этой статье, — что если кто и хотел бы понимать все, что известно относительно покорения дам высшего общества грубым мужиком Распутиным, с точки зрения гипнотизма, то он должен не забывать, что, кроме обыкновенного гипнотизма, есть еще “половой” гипнотизм, каким очевидно обладал в высокой степени старец Распутин».

Насколько известно, «старец» никогда не прибегал, в целях *внушения*, к усыплению своих невольных «пациентов». Но усыпление,

* Падение режима. С. 46.

** Половой вопрос / Перев. Н. Б. Борисова. Изд. «Сотрудник». Т. II. С. 296.

*** Петрогр. газета. 21 марта 1917 г.

в сущности, и не нужно вовсе при внушении, для того, чтобы имел место гипноз. — *Нет разницы между внушением наяву и гипнозом.* — учил А. Фореель еще в самом начале этого века (см.: *Der Hypnotismus und die suggestive Psychotherapie*). «*Как гипнотизм, так и внушение в состоянии бодрствования должно считать однозначными*», — повторяет он вновь в своем исследовании «Половой вопрос»*.

«Силою гипнотизировать и внушать, — говорит д-р G. Sticker, — обладает всякий, кто имеет силу или дерзость импонировать, приказывать, укрощать, но в особенности тот, кто бессознательно, но непоколебимо верит в свое призвание повелевать, а вместе с тем умеет быстро уловить слабость воли, подчиняемость и сумеречность в другом “я” и кто обладает тактом и опытом, чтобы использовать слабость противника»**.

Можно подумать, что д-р G. Sticker, в этом психологическом портрете, имел перед собой моделью самого Распутина, — так подходит все сказанное в этом абзаце к характерным чертам нашего сибирского «чародея».

К сказанному не мешает прибавить, что, по научным наблюдениям того же G. Sticker, «*вера в сверхмогущество посторонней воли способствует происхождению гипноза*» и что успех последнего порой зависит, по словам того же автора, «*от хитрости гипнотизера*»***.

Как известно, знаменитый Mesinger не напрасно надевал, на заре суггестивной терапии, лиловую мантию при своих опытах магнетизма и вооружался, приступая к ним, «волшебным жезлом». — Это импонировало, это очаровывало его пациентов так же, как и все поведение этого хитрого *актера!* — ведь еще в XVIII веке Charles lfcitteux (первый пустивший в ход слово «переживание») определил *игру актера* как своего рода *внушение*****.

Если мы будем придерживаться наиболее общего определения понятия «внушения», данного В. М. Бехтеревым в его труде «Внушение и его роль в общественной жизни», т. е. будем обозначать этими словами *психическое воздействие вообще*, то мы несомненно (и совершенно правильно) увидим в искусстве актера могучее средство внушения.

Не прибегая к усыплению в практике своего гипноза, Распутин, как бы компенсируя этот метод, широко, по-видимому, пользовался,

* С. 289, 290 и др.

** Энциклопедия практич. медицины / Под ред. проф. В. В. Подвысоцкого и д-ра Л. Я. Якобсона. «Гипнотизм».

*** Там же. С. 903 первого издания.

**** Об этом упоминает, в частности, Вал. Смышляев в «Технике обработки сценического зрелища» (2-е изд. М., 1922. С. 207). О *внушении* актера см. в моей книге «Pro scena sua». С. 130.

в целях вящего внушения, искусством, составляющим удел *актера*. — В этом и заключалась, главным образом, та «*хитрость гипнотизера*», на которую указывает G. Sticker как на одно из средств успешного гипнотизирования.

«Удивительно у него подвижное и выразительное лицо», — говорит Е. Джанумова о Распутине*, всматриваясь в него, словно вправду перед ней был не «подвижник», а самый типичный *актер* «с лукавой добротой и лаской», с глазами, у которых «так разнообразно их выражение» и т. п.**.

О том, что Распутин считался целым рядом лиц, не поддавшихся внушаемой им «святости», определенным «*шарлатаном*», т. е. актером-фигляр, выступавшим в роли чудодея, — об этом так же хорошо известно, как и о «притче во язьцах», какой служил сам «старец» в последние годы царствования Романовых.

Актером называет и как *актера* трактует Распутина прекрасно знавший его С. П. Белецкий в своих записках. — Говоря о той поре жизни Распутина, когда последний решил стать не монахом, как хотел того раньше, а странником и святошей-юродивым, что было более ему по душе и скорей подходило ко всему складу его характера, — Белецкий пишет: «очутившись в этой среде в сознательную уже пору своей жизни, Распутин, игнорируя насмешки и осуждения односельчан, явился уже, как “Триша провидец”, ярким и страстным представителем этого типа, в настоящем народном стиле, будучи разом и невежественным и красноречивым, и *лицемером* и фанатиком, и святым и грешником, аскетом и бабником, и *в каждую минуту актером*»***.

«Присмотревшись к Распутину, — говорит в другом месте Белецкий, — я вынес убеждение, что у него идейных побуждений не существовало и что к каждому делу он подходил с точки зрения личных интересов своих и Вырубовой. Но в силу свойств своего характера, он старался *замаскировать* внутренние движения своей души и помыслов. Изменяя выражение лица и голоса, Распутин притворялся прямодушным, открытым, не интересующимся никакими материальными благами, человеком, вполне доверчиво идущим навстречу доброму делу, так что многие искушенные опытом жизни люди, и даже близко к нему стоящие лица, зачастую составляли превратное о нем мнение и давали ему повод раскрывать их карты»****.

* Указ. соч. С. 14.

** Там же. С. 25.

*** Указ. соч. С. 19–20.

**** Там же. С. 30.

«Будучи скрытным, подозрительным и неискренним, — прибавляет Белецкий к характеристике Распутина *как актера в жизни*, — умея носить на лице и голосе маску лицемерия и простодушия, он вводил этим в заблуждение тех, кто, не зная его (а таких было много, в особенности из состава правившей бюрократии), мечтал сделать из него послушное орудие для своих влияний на высокие сферы»*. Несколькими страницами дальше Белецкий подробно рассказывает, как Распутин *«играл свою роль»*, желая выяснить, к чему клонились «настояния» того же Белецкого**, и приводит убедительный пример, насколько этот лицедей был неискренен в своих отношениях к высоким особам и как он старался в каждом случае найти возможность подчеркнуть им, что все его помыслы и действия направлены исключительно к служению их интересам, доходящему до забвения им даже своих личных обязанностей к семье или родным***.

Всё заставляет думать, что и вправду это был крайне талантливый и крайне искусный, несмотря на свою доморощенность, *актер-самородок*, понимавший не только сценическую ценность броского костюма «*мужицкого пророка*» (всех этих вышитых рубах цвета крем, голубых и малиновых, мягких особых сапог, поясов с кистями и т. п.), но и ценность особой, подобающей «*пророку*» «*божественной речи*». (Из дальнейшего будет ясно видно, *какой* именно идеал предносился в творческом воображении этого «актера».)

Касаясь *«нарочито нелепого»* языка записок и телеграмм Распутина, — М. Н. Покровский справедливо замечает в предисловии к «*Переписке Николая и Александры Романовых*»: «Не может быть, чтобы “*божий человек*” не умел говорить понятно по-своему, по-крестьянски, — но и ему, и его поклонникам обыкновенная человеческая речь показалась бы отступлением от ритуала. И только, когда житейская проза очень уж хватала за живое Распутина — как это было, когда призывали на войну его сына, — его стиль унижался до обыкновенной человеческой речи»****.

О том, что в своей беседе, под влиянием вина, Распутин унижался порой (словно и вправду актер-забуддыга!) и до скотской речи, непристойной его «*высокому призванию*», — об этом знает целый ряд свидетелей его кутежей «*до бесчувствия*»*****, до буквального «*положения риз*»,

* Там же. С. 26.

** Там же. С. 37.

*** Там же. С. 63.

**** Указ. соч. С. XXVII.

***** До «*такой разнуданности*», — сообщает Белецкий (Указ. соч. С. 72), что однажды «*хор цыган поспешил уехать*».

как это было, например, при попойке у «Яра» (см. 1-ю главу настоящего очерка). И недаром, когда он хотел «импонировать», ему приходилось быть сдержанным в предательском вине (*in vino veritas!*). — На первых наших обедах, рассказывает Белецкий, Распутин бывал сдержан в вине и даже пытался вести беседы в духе своих «размышлений»; но затем Комиссаров установил с ним сразу дружеские разговоры на «ты» и отучил его от этой, по словам Комиссарова, «божественности». Это поправилось Распутину, и он с того времени перестал нас совершенно стесняться и, приходя в хорошее настроение, приглашал нас обычно поехать к цыганам*.

Здесь рядовой истолкователь *тайны* Распутинского «влияния» может смело, пожалуй, поставить точку, считая в общих чертах эту тайну разоблаченной: — Распутин гипнотизер, шарлатан, актер-лицемер, развратник-христоролюбец, импонирующий сексуально в нравственно-шаткой среде, где «половой гипноз» легко находит жертв среди ханжей-дегенератов и т. п.

Так, или приблизительно так, и раскрывается в сущности «*тайна Распутина*» такими мемуаристами, как С. П. Белецкий, Морис Палеолог, В. М. Пуришкевич, Курлов и т. п.

Мы, однако, вряд ли можем так легко удовлетвориться приведенными здесь данными. — Были при дворе Романовых и до Распутина всевозможные гипнотизеры и «актеры в жизни», искушенные в ролях «пророков» и «святых» (вроде m-г Филиппа, например), и шарлатаны-целители (вроде «доктора» Бадмаева, например), и всевозможные христоролюбивые «блаженные» юродивые (вроде Мити Колябы, например), и «чудотворцы» (вроде Иоанна Кронштадтского), и лица, обладавшие как будто недюжинными половыми чарами или, верней, «внушительным» соблазном, близким к гипнозу (та же Вырубова, тот же Саблин), — но никто из них не только не сумел добиться «положения», равного распутинскому, но и помыслить об этом не смел, довольствуясь лишь теми «крохами», какие падали им в рот с «высочайшей» трапезы.

В Распутине — опять-таки — не только сосредоточивались все те данные, какими, каждым *в отдельности*, обладали порой временные или постоянные фавориты Романовых, но — что неизмеримо важнее — заключалось нечто специфически ему свойственное, нечто или чуждое его соперникам или мало у них развитое, нечто, обеспечивавшее Распутину выдающийся успех влияния, что называется, «навверняка».

Это «нечто» состояло в чем-то абсолютно «*настоящем*» у Распутина, примешивавшемся к «*наигранному*» у него и обуславливавшем

* Указ. соч. С. 72.

для нервно-неуравновешенных и слабовольных людей какую-то непрекаемо-импонирующую «правду».

В чем же заключалось это колдовское «нечто» у Распутина? это «настоящее» у него? эта его подлинно что «сокровенная» тайна?

Ответ на этот вопрос скрывается в сущности первичного драматического феномена.

До тех пор пока мы будем относиться, к «актерству» Распутина с привычной современному обывателю вульгарной точки зрения, — мы мало подвинемся в разрешении интересующего нас вопроса.

Но как только мы вспомним о первоначально-культовом значении «маски», в смысле личины божества, надевавшейся служителем его в целях усиленного самоотжествления с ним, — мы сразу же подойдем к той точке зрения, с которой тайна Распутина, и в частности тайна его лицедейства, получает должное освещение.

Маска в новейшем значении этого слова «есть результат извращения и профанации древнего священного лицедейства», — учит одна из спорад Вячеслава Иванова*. — Эта наша маска не имеет ничего общего с той культовой личиной, в которой, например, у греков, при служении Дионису, заключалась подлинная религиозная сущность.

Понять «маску» Распутина, вернее — основную его личину и основное его настроение, этой «маской» обусловленное, — значит раскрыть основную тайну его поведения, тайну самоуверенности этого поведения и, наконец, мощного гипноза, связанного с этим поведением для лиц, желавших видеть в Распутине прежде всего его «маску» и главным образом его «маску», а не его самого, терявшегося за «маской», составлявшей как бы его «сущность».

«Видеть самого себя преображенным в своих собственных глазах и затем поступать так, как будто действительно ты вошел в тело и характер другого», в этом, как мудро формулировал Фр. Ницше, и заключается «первичный драматический феномен»**. — «Надевшей маску (как культовую личину), поистине отождествляется, в собственном и мирском сознании, с существом, чей образ он себе присвоил. Таков изначальный мифологический смысл маски», — поясняет Вяч. Иванов***.

Этот «первичный драматический феномен», это изначальное значение «мифологической маски» мы можем легко объяснить путем самовнушения роли «божества», «святого» или «героя», — «маски»

* По звездам. Изд. «Орры». СПб., 1909. С. 343.

** Происхождение трагедии / Пер. Ю. М. Антоновского. Изд. М. В. Ключкина. М., 1902. С. 64.

*** Указ. соч. С. 344.

гипнотически действительной затем, в качестве «*сущности*», для лиц таящих в себе предрасположение к подобному гипнозу.

О том, что Распутин играл роль «святого», более того — новоявленного «Христа», — в этом мы можем убедиться из всего описания его «жития», «чудес», «пророчеств», «изречений» и, наконец, из его неоднократных внедрений в сознание других (например, того же Илиодора), что вот, мол, даже царь и тот его уже признал Христом, и царица тоже, и др.

В этой роли мы должны признать *основную личину* Распутина, ту «*мифологическую маску*» его, о которой, как о культовой ценности огромного религиозного значения, говорит нам Вяч. Иванов в одной из своих спорад.

Только при предположении, что Распутин был религиозно убежден в отождествлении себя, если не в тождестве своем, с «святым» и даже с «Христом», можем мы понять ту сбивающую с толку *свободу личного поведения*, которой он почти бравировал, зная, что «святому», а тем более «богу», все позволено, — «ему, как праведнику, закон не лежит», — говорят, например, хлысты*.

Надо быть или круглым дураком, или *фанатично верующим в себя, как в «бога»*, чтобы, без малейшего удержу, разъезжать по ресторанам и кутить там «напропалую» всю ночь, посещать открыто салоны «монденок» и «демимонденок», публично «дебоширить», напившись допьяну, и вообще позволять себе все то, что позволял себе Распутин. — Шарлатан, конечно, так не поступал бы! шарлатан держался бы «Тартюфом», «тише воды, ниже травы» перед сонмом взыскательных критиков! Не надо обладать особенным умом, чтобы понять, как должен вести себя «святой» или «бог», раз желаешь импонировать, прикинувшись тем или другим! — «шкурный интерес», подскажет даже пьянице хорониться келейно со своими грешками, а не выставлять их напоказ.

Другое дело, если являешь собой «первичный драматический феномен», т. е. отождествляешь себя с «богом», «мифологическую маску» которого носишь, фанатично в него веруя! Тогда, понятно, «никакие законы для тебя не писаны», кроме твоих личных, «божественных», и нет тебе никакого дела до «шумного света», с его взглядами на добропорядочное поведение настоящего «святого» или «бога».

При таком отождествлении себя с «маской» наблюдается явление, очень близко подходящее, по-видимому, к так называемому в психологии «*двойному сознанию*», на которое еще в середине прошлого

* Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. «Хлысты». С. 406.

столетия обратил внимание Шредер фан-дер-Кольн. При «двойном сознании», как известно, имеет место «ненормальное психическое состояние, при котором в одном лице слагаются два совершенно различных и независимых друг от друга сознания»*. Патологические случаи такого «двойного сознания», по наблюдению д-ра Weygandt, наблюдаются большей частью на эпилептической и истерической почве**.

Если мы вспомним из жизни Распутина такие случаи, как его обморочное состояние, с сопровождением обильного пота вслед за «воскрешением» Вырубовой, его помертвление (припадок) перед «пророчеством» Е. Джанумовой о спасении ее племянницы и целый ряд случаев его болезненных неводержанностей, — мы будем вправе предположить у знаменитого «старца» ту истеро-эпилептическую «одержимость», на почве которой психиатрия констатирует возможность «двойного сознания», столь близкого сознанию отождествляющего себя с «мифологической маской».

Но здесь естественно напрашиваются два очень важных вопроса, без разрешения которых наше объяснение «тайны Распутина» может показаться вдумчивому скептику произвольным утверждением. — Да был ли *в самом деле* Распутин настолько религиозным типом, чтоб отождествлять, в фанатичном самовнушении, себя со своей «божеской маской»? А если да, то как понять и как связать его эротику, его *плотский разврат*, его ничем не ограниченные половые излишества с положением твердо верующего в себя святого, если не бога?

Я позволю себе ответить сначала на второй из напрашивающихся здесь вопросов.

Возбуждение полового инстинкта, в связи с религиозной экзальтацией и вообще с молитвенным подвигом — общеизвестный факт, хотя еще и недостаточно до сих пор разъясненный. — «Художественное делание молитвы Иисусовой, — говорит епископ Феофан Затворник, — иного ввергает в прелесть мечтательную, а иного, дивно сказать, в постоянное похотное состояние» (Собрание писем святителя Феофана. М., 1901. Т. 7. С. 87). По его же словам, теплота («теплое чувство»), сопровождающая сосредоточенную в сердце молитву, нередко соединяется «с сладостью похотною» (Письма. Тамбов, 1897. С. 317). «Какое странное явление, — говорит епископ Игнатий (Брянчанинов),

* Радлов Э. Л. Философский словарь. Изд. Г. А. Лемана, 1913. С. 164.

** Энциклопедия практической медицины / Под ред. проф. Подвысоцкого и д-ра Якобсона. Т. 1. С. 13114 — «Двойное сознание». О «раздвоении личности» см. также у У. Джемса в «Психологии» (пер. П. П. Лапшина. СПб., 1898. С. 163–165).

по-видимому, подвижник занимается молитвою, а занятие порождает похотение, которое должно бы умерщвляться занятием» (Сочинения. Т. 2. СПб., 1865. С. 354).

Связь полового чувства с религиозным вскрыл — еще задолго до фрейдовского учения о сублимации первого из них во второе* — проф. Р. Крафт-Эбинг, полагавший, на основании ряда исследований, что «религиозное и половое состояние аффекта обнаруживают на высоте своего развития единогласие в качестве и количестве возбуждения и могут поэтому соответственным образом викариировать», причем «оба могут, при патологических условиях, перейти в жестокость»**.

О «склонности человека связывать свою эротику с религией, приписывая первой божественные источники и выдавая ее за продукт веления свыше», говорит определенно проф. Форель во II томе своего исследования «Половой вопрос».

О том, что Распутин являл крайне красноречивый пример подобной «склонности», мы легко убеждаемся из примеров его «жития» (см. гл. II настоящего очерка), в коих он объяснял жертвам своего сладострастия освящающее значение своих «прикосновений».

Словно имея в виду самого Распутина, отталкивающая эротика которого заставляла даже филеров (охранников) вспоминать с омерзением о виденных ими, по долгу службы, проделках этого «святого»***, Форель поучительно для нас замечает: «не свободна от половых представлений и жизнь святых, причем нередко в самой отталкивающей эротической форме»****.

Отметив, что у французских психиатров имеется даже специальный термин «*délire érotico-religieux*», Форель опять-таки, словно *метя как раз в Распутина*, замечает, что «лица безусловно психопатические и истеричные всегда воздействовали на судьбы народов, причем это могло быть объясняемо главным образом гипнотизирующим влиянием представлений на половой и одновременно религиозной почве»*****. «При этом, — продолжает Форель (подкрепив свой домысел исторически заверенным примером), — характернее всего то, что сами больные находятся прежде всего под патологи-

* Среди обширной фрейдовской литературы уместно указать в особенности на «Тотем и табу» — психологию первобытной культуры и религии (в русском переводе д-ра М. В. Вульфа эта книга издана Госиздатом, в виде выпуска VI «Психология, и психоаналитич. библиотеки», под ред. проф. И. Д. Ермакова).

** Половая психопатия / Пер. д-ра Б. Комаровского. С. 18.

*** *Белецкий С. П.* Указ. соч. С. 72.

**** Указ. соч. Т. II. С. 364.

***** Там же. С. 365.

ческим непосредственным влиянием их же собственных бредовых представлений, и притом в столь сильной степени, что вдохновляются до крайней степени, приобретают фанатизм пророков и развивают такую колоссальную энергию, которою единственно и оправдывается их колоссальное воздействие на массы. При этом безответственная самоуверенность, вера в собственную непогрешимость, пророческие приемы, — все это настолько импонирует толпе, что она идет вслед за ними, экзальтированная и загнипнотизированная, подчиняя свою волю и свои поступки желаниям и прихотям психопата. С безумием в этих случаях весьма часто сочетается и самым низменный эротизм, прикрытый, однако, религиозным экстазом и не обнаруживаемый окружающими, которые убеждены в чистоте всего их окружающего, ибо в этом же убежден и сам увлекший их психопат»*.

В результате своего исследования Форель приходит к заключению, что *«мы можем... в зависимости от половых чувств данного пророка или основателя религиозного учения определить и его религиозное нововведение»***.

Отсюда понятно, почему я предпочел ответить сначала на вопрос о совместимости плотского разврата с истинной религиозностью, а потом уже на первый из поставленных нами вопросов: *был ли в самом деле Распутин подлинно религиозным типом?*

Простое, даже беглое ознакомление с половыми причудами Распутина, вроде страсти окружать себя многими женщинами, словно священным «вакхическим хороводом», страсти унижать их всячески (мытьем ног, вождением в баню и пр.), страсти проявлять реально или символически жестокость к ним (бичеванье женщин, похлопыванье их рукою) и т. п. — приводит мало-мальски сведущего в половых извращениях критика к квалификации развратника Распутина, как *садиста*.

Если это так, — а в том порукой все плотское «житие» Распутина, — и если прав Форель, что в зависимости от «половых чувств» данного лица определяется и его «религиозное нововведение», — мы должны предположить, что Распутин должен был естественно облюбовать такой религиозный уклад, в коем притягательный для садиста момент доминирования *«яко бог»* над окружающими, в частности — над женщинами, был бы непререкаемо ясно выражен.

Такой религиозный уклад Распутин мог найти уже в готовой форме у *хлыстов* — секты, где главное «нововведение» могло ограничиться разве что провозглашением, наравне с другими жившими раньше

* Там же. С. 366.

** Там же. С. 369.

«Христами», и себя «Христом», согласно хлыстовскому учению, что Христос не только «может входить с нами в общение», но «*может даже вселяться в нас*»*.

Если мы найдем убедительные данные для подтверждения стоустной молвы о том, что Распутин был действительно *хлыст*, — мы тем самым найдем верный ответ и на поставленный нами выше вопрос о *подлинной религиозности* Распутина, так как психологически немыслимо (до полного абсурда) быть сектантом и в то же время неверующим ханжой или даже маловерующим.

«Мы желаем сильной власти, — сострил в 1915 г. В. И. Гурко (на одном из московских заседаний Всер. зем. союза), — мы понимаем власть, вооруженную исключительным положением, власть с хлыстом, но не такую власть, которая сама находится под хлыстом»**.

«Это клеветническая двусмыслица, направленная против тебя и нашего Друга», — писала Александра Федоровна Николаю II после цитаты приведенных слов Гурко***.

Действительно ли это — «клеветническая двусмыслица»? *Имеет ли мы в самом деле основание утверждать принадлежность Распутина к хлыстовской секте?*

Этот вопрос, между прочим, сильно занимал С. П. Белецкого в бытность его директором департамента полиции. Вот что он сообщает по этому поводу в своих, безусловно «проливающих свет» на хлыстовскую тайну Распутина записках: «Из имевшихся в делах канцелярии обер-прокурора Святейшего синода сведений, переданных секретно мне директором канцелярии г. Яцкевичем, несомненным являлся тот вывод, что Распутин был сектант, причем из наблюдения причта села Покровского, родины Распутина, явствовало, что он тяготел к хлыстовщине... Установить на основании фактических и к тому же проверенных данных несомненную принадлежность Распутина к этой именно секте не удалось тем более, что Распутин... был крайне осторожен, никого из своих односельчан не вводил в интимную обстановку своей жизни во время приездов к нему его почитательниц и филерное наблюдение к себе не приближал. Ввиду этого я принужден был, секретно даже от филерного отряда и местной администрации и сельских властей, всецело бывших на стороне Распутина, поселить на постоянное жительство в селе Покровском одного из развитых и опытных агентов и приблизить его к причту. Из донесений этого агента... для меня было очевидным

* См., напр., Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона. «Хлысты».

** Переписка Н. и А. Романовых. С. 320.

*** Письмо от 8 сент. 1915 г.

уклонение Распутина от исповедания православия и несомненное тяготение его к хлыстовщине, но в несколько своеобразной форме понимания им основ этого учения, применительно к своим порочным наклонностям. Проникнуть несколько глубже в тайны его бани мне в ту пору не удалось... Познакомившись затем лично с Распутиным и заручившись доверчивым его к себе вниманием, я, продолжая интересоваться духовным мировоззрением Распутина, укрепился в вынесенных мною ранее выводах. Поддерживая в обиходе своей жизни обрядовую сторону православия и безапелляционно высказывая, даже в присутствии иерархов, свои далеко не авторитетные мнения по вопросам догматического характера, Распутин не признавал над своею душою власти той церкви, к которой он себя причислял; вопросами обновления православной церковной жизни, к чему его хотел направить г. Пайков, не интересовался, а любил вдаваться в дебри церковной схоластической казуистики; православное духовенство не только не уважал, а позволял себе третировать, никаких духовных авторитетов не ценил даже в среде высшей церковной иерархии, отмежевав себе функции обер-прокурорского надзора, и чувствовал в себе молитвенный экстаз лишь в момент наивысшего удовлетворения своих болезненно-порочных наклонностей. Мне лично пришлось, бывая на воскресных завтраках-чаях Распутина в ограниченном кругу избранных, слышать своеобразное объяснение им своим неопиткам проявления греховности. Распутин считал, что человек, впитывая в себя грязь и порок, этим путем внедрял в свою телесную оболочку те грехи, с которыми он боролся, и тем самым совершал «преображение» своей души, омытой своими, грехами»*.

Рядом с этим мы находим наводящие на «хлыстовщину» данные и в показаниях А. Н. Хвостова Чрезвычайной следственной комиссии Врем. правительства в 1917 г. Вот интересный для нас отрывок из диалога председателя этой комиссии с Хвостовым после предложения председателя сообщить известное Хвостову о религиозности Александры Федоровны.

Хвостов. — Относительно религиозного вопроса, мне кажется, у нее был какой-то гипноз или странность — с этим Распутиным.

Председатель. — Что же? Вся религиозность сводилась к Распутину?

Хвостов. — Религиозность была захвачена Распутиным — это был «пророк», который явился с неба, который говорит... Это было беспрекословное повиновение. Мне кажется, она была под полным гипнозом.

Председатель. — Что же тут подразумевалось: сверхъестественное происхождение Распутина?

* Письмо от 8 сент. 1915 г. С. 25–26.

Хвостов. — Она намекала, что ждала, когда я из неверующего обрщусь в верующего, но этого мне не говорила.

«Пророк, который явился с неба», как выражается Хвостов о Распутине, согласно впечатлению от беседы о нем с Александрой Федоровной, это и есть тот хлыстовский «Христос», который время от времени сходит на землю, чтобы воплотиться в достойного подвижника; ибо, по учению хлыстов, недостаточно «вообразить в себе дух христов», надо еще «отелесить в себе личность Христа»*.

В сущности говоря, мы и помимо сведений, какие дали в наши руки С. Л. Белецкий (с его штатом филеров) и А. Н. Хвостов, располагаем достаточными данными из «жития» о Григории для того, чтобы, путем сопоставления их с хлыстовскими традициями, увидеть в религиозной личности Распутина хлыста и притом хлыста, фанатично преданного вероучению этой секты.

Остановим наше внимание хотя бы на следующих предательских для Распутина чертах:

1) Хлысты, как известно, никогда не называют себя «хлыстами»**, считая это прозвище обидным; — «сами себя хлысты называют людьми божьими, в которых за их богоугодную жизнь обитает Бог»***.

«Божьим человеком» называет Распутина, наравне с «Другом», и бывш. императрица Александра Федоровна, в своей *интимной* переписке с Николаем II. Что это не было, так сказать, пустым прозвищем, условным для «Распутина» в беседе Н. и А. Романовых, говорят слова Александры Федоровны о вел. кн. Николае Николаевиче: «раз он враг божьего человека, — пишет царю А. Ф. 16 июня 1915 г., — то его дела не могут быть успешны и мнения правильны».

Название «божьего человека» так укрепилось за Распутиным, что стало наконец достоянием всех «салонов», не исключая посольских; — Палеолог, например, в своих воспоминаниях о Распутине**** сплошь и рядом, как известно, называет его «божьим человеком», вкладывая в эти слова ту иронию, какую подсказывали ему далеко не божественные «подвиги» этого «старца».

* Раскольники и острожники / соч. Федора Васил. Ливанова. СПб., 1872. Т. II. С. 6 («Московские хлысты»).

** «Хлысты», по-видимому, искаженное произношение «Христы»; «христовщиной» (а не «хлыстовщиной») секта называлась потому, что она управлялась «христами» (Энцикл. словарь Брокг. и Ефр. «Хлысты»).

*** Там же. С. 403.

**** См., напр., Указ. соч. С. 13, 15 и др.

2) Допустимость для облеченного высокой миссией «божьего человека» неистовой, залихватской пляски — явления «суетного» и «светского» в глазах ортодоксальных христиан — была возведена у хлыстов на степень заслуги подвижничества, при чем *пляска* практиковалась у них не только как соборное «радение», но и в «*одиночку*» или «в *схватку*» (мужчина с женщиной)*.

Кто не слышал в эпоху «распутиновщины» об экстазных развеселых плясках знаменитого «старца»? об этом странном совмещении им ролей «святого» и «танцора»? При этом важно отметить, что Распутин плясал в кругу своих поклонниц обыкновенно вслед за духовной беседой или *духовной песней*.

Вот что мы читаем в главе «Московские хлысты» книги Фед. Вас. Ливанова «Раскольники и острожники» (Т. II. С. 119–121): «В 1812 году был в этой секте... мещанин Евграфов. Этот Евграфов впоследствии попался в руки правительства и сообщил на формальных допросах о секте «московской хлыстовщины» весьма любопытные подробности. По его словам... *по окончании пения хлыстовских песен... пророчествующий становился среди моленной без штанов и начинал радеть, т. е. кружиться... приседал, сильно ударяя в пол ногами* и т.п.» (курсив наш).

Е. Джанумова, присутствовавшая не раз на распутинских «радениях», — правда светски маскированных, — передает в своем дневнике, от 19-го сентября, что пляске Распутина предшествовало исполнение хором сначала «Странника», определяемого Джанумовой как «*духовная песнь*», и *псалмов*. «Все это создавало такое торжественное и странное настроение», — пишет эта жертва распутинского обольщения. «Внезапно, — продолжает Джанумова, — без всякого перехода он стал напевать “русскую”. Сейчас же несколько голосов подхватило. Он махнул рукой в сторону великой княжны. Она вышла и стала плясать грациозно и легко. Навстречу подбоченился Распутин»**. Особенно подробно Джанумова описывает пляску Распутина несколькими страницами раньше (25 марта). «Играй “По улице мостовой”, — внезапно без всякой связи с предыдущим скомандовал он. Одна из барынь села к роялю и заиграла. Он встал, начал в такт покачиваться и притаптывать ногами в мягких сапогах. Потом вдруг пустился в пляс. Танцевал он неожиданно легко и плавно. Как перышко носился по комнате, приседая и выбивая дробь ногами, приближался к дамам, выманивая из их круга партнершу. Одна из дам не выдержала и с платочком выплыла к нему навстречу. Кажется, никто не был удивлен. Как будто

* Энцикл. слов. Брокг. и Ефр. «Хлысты». С. 407.

** Указ. соч. С. 19.

этот пляс среди бела дня был самым обычным делом... Мелькала бородатая фигура, развевались кисти голубого пояса. Четко и подробно выбивали такт ноги в мягких сапогах из чудесной кожи, какого-то особенного фасона. Глубоко сидящие глаза настойчиво вонзались в меня, и я не знала, что думать»*.

Дальнейших подробностей не сообщается, возможно — из чувства женской стыдливости. Чуждый этой стыдливости, «по долгу службы», начальник московской охранки Мартынов доносил, однако, командиру отд. корпуса жандармов и о «подробностях», следовавших за экстатической пляской Распутина, среди дамского общества, в московском ресторане «Яр». — О том, чтобы Распутин очутился *без штанов*, наподобие хлыста, описанного в показании Евграфова, Мартынов, правда, не «доносит», но что «опьяневший еще более *Распутин плясал впоследствии "русскую"*, а затем начал откровенничать с певичками... *обнажил свои половые органы* и в таком виде продолжал вести беседу с певичками», — об этом сообщается Мартыновым вполне определенно, на основании сведений пристава 2 уч. Суцевской части г. Москвы подполковника Семенова от 26 марта 1915 г.

Таким образом, характер плясок Распутина, связанных, с одной стороны, с «духовными песнями», а с другой — с экстастическим *заголением*, не оставляет сомнения в их хлыстовском происхождении.

3) По учению хлыстов, тому, в ком живет «дух божий», как праведнику, закон не лежит; он может *творить чудеса и предсказывать будущее***.

О том, что «чудесами» преизобиловало все «житие» Распутина, мы видели из II главы настоящего очерка.

Можно ли считать отношение Распутина к творившимся им «чудесам» чисто *хлыстовским*?

По-видимому, да; в особенности если иметь в виду все то, что говорилось Распутиным о главном его «чуде» — «*изгнании блудного беса*».

Вот что гласит показание хлыстовки А. Сухотериной, привлекавшейся по «Делу Оренбургского Окружн. Суда о хлыстах Утицких и Строгановой» (Т. I. Л. 127): — «По словам хлыстов, тело, плоть — грешны, немощны, *во плоти сидит злой дух*; и вот, когда в человека кто-либо из пророков или христов... дыхнет истинным духом, то при выходе из тела злого духа, всё тело дрожит, трясется» и т. п.***

* Указ. соч. С. 10–11.

** Энцикл. словарь Брокг. и Ефр. «Хлысты». С. 406.

*** «Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве» Д. Г. Коновалова. Ч. I, вып. I. Сергиев Посад, 1908. С. 210.

О том, как толковал Распутин понятие «дыхнуть истинным духом», мы говорили во II главе со слов самого Распутина, сказанных интимно его некогда закадычному другу Илиодору.

Что касается дара *пророчества* («предсказывания будущего»), то, по словам Фед. Вас. Ливанова, «для приобретения дара пророчества и учительства, у них не требуется никаких особенных способностей и сведений, почему в это звание поступают весьма часто мужики совершенно безграмотные, и они еще гордятся тем, называя себя, подобно апостолам, «некнижными рыбаками» и «безграмотными архиереями», просвещенными святым духом и самим богом умудренными»*.

О *безграмотности* «некнижного рыбака» и *пророка* Распутина говорят достаточно красноречиво оставшиеся после его смерти многочисленные записки «власть предержащим» и просто «на память», где беспомощные каракули еле-еле выражают синтаксически сумбурную речь.

Очень важно тут же отметить, что в пророческом даре отец Григорий получал вдохновение главным образом среди женского общества.

Это обстоятельство может послужить нам лишней уликой в хлыстовстве Распутина, если только мы обратимся к статье бывшего хлыста Преображенцева («Исповедь обратившегося раскольника»**), где говорится, что «религиозная восторженность», особенно благоприятная для проявления *пророческого* дара, у хлыстов обуславливается, — между прочим, совместным участием в радении мужчин и женщин. Свою мысль он иллюстрирует таким рассказом: «Один правитель корабля в секте людей божьих отделил духовных сестер от братьев»; во избежание «соблазна плоти». Но «святая беседа» одних братьев «не имела тон полноты благодати, которую они получали от Св. Духа прежде, когда они беседовали вместе с сестрами: не чувствовали того восторга и не имели сердечной теплоты, которая прежде согревала их сердца»; «они радели пристально... по лицу их пот катился градом, рубахи их были мокры, хоть выжми; но сердце их было холодно и сухо, духовной радости они не чувствовали; пророк пророчил вяло и нескладно. Так же точно было и с сестрами, когда они беседовали одни без братьев... беседы их лишены были мнимо-благодатной теплоты и обычной восторженной радости. Это принудило наставника опять соединить братьев с сестрами в одно общество. Когда это вновь соединенное общество совершало беседу, Дух Св. посетил их обильною благодатью: явились радостные восторги, оказалась и теплота сердечная: пророки пророчили в полной силе слова божия, как бывало прежде.

* Указ. соч. С. 130.

** Тульские епарх. вед. 1867. № 20 и 1868. № 6.

Дух Св. объявил через пророка начальнику того общества, что ему не угоден таковой раздел».

4) В числе характерных черт хлыстовщины нельзя не обратить внимание на исключительно *враждебное* (хоть и внешне маскированное) отношение «божьих людей» к *православному духовенству*. — «По мнению хлыстов... духовные лица, это — черные враны, кровожадные звери, волки злые, безбожные иудеи, злые фарисеи и даже сопатые ослы»*.

«Все вопросы, тесно связанные с церковной жизнью и назначениями, не только интересовали Распутина, — пишет С. П. Белецкий, — но близко его задевали, так как в этой области он считал себя не только компетентным, но и как бы непогрешимым»**, тем самым, — заключим мы, — расценивая оскорбительно-низко не только отдельных «пастырей», но и весь Синод вкуче!

До какой степени «мальтретирования» нашего духовенства доходил Распутин в своей «непогрешимости», показывает хоть бы его жестокая расправа с прежними, обласкавшими его друзьями — епископами Феофаном, Гермогеном и иеромонахом Илиодором, изнасилование монахини Ксении и т. п. факты.

По-видимому, Распутин находил сущее удовольствие в том, чтобы «пакостить», где только можно, представителям нашей официальной церкви. По-видимому, это составляло для него определенную задачу, входило так сказать в его *личные* планы. Чем иначе объяснить, например, факт несомненного (как доказал это Илиодор***) злого, в известном смысле, недопущения Распутиным автономии духовной школы вообще и в частности — Петербургской духовной академии.

Чем объяснить иначе противодействие Распутина восстановлению древнего чина диаконисс в нашей церкви, о чем хлопотали все члены Синода, митрополит Владимир, игуменья вел. кн. Елизавета и целый ряд авторитетных в делах церкви иереев? — «Я папе сказал, что архиереи делают диаконисе для того, чтобы завести у себя в покоях бардаки. Царь с этим вполне согласился», — хвастался «меривший на свой аршин» Распутин в конце 1911 г.**** Чем большему числу ненавистных иереев мог «досадить» «непогрешимый» Распутин, — тем безапелляционней были его решения, когда к тому являлся подходящий случай. Достаточно вспомнить хотя бы его роль в вопросе о желательном почти всему нашему духовенству, в 1904–1907 гг., созыве всероссийского церковного собора!

* Энцикл. словарь Брокг. и Ефр. «Хлысты». С. 405.

** Указ. соч. С. 37.

*** Святой черт. С. 103–104.

**** Там же. С. 105.

«И без собора хорошо, — говорил он Илиодору, — есть божий помазанник, и довольно; *бог его сердцем управляет*, какой же еще нужен собор»*. (Под «*богом*», видимо, Распутин подразумевал здесь никого другого, как себя лично, «управляющего» сердцем «помазанника».)

«Разве это слуги божии? — говорил Распутин о священниках И. М-ву, сотруднику “Нового времени” в 1912 г. — Нет... Нет... А если где-либо вдали и найдется праведный священник, то все против него... Он, мол, завел какие-то порядки... Собирает вокруг себя людей... Сейчас разговоры... Кричат — сектант... Над праведным проносится гроза... Все ломают... Так нельзя... Нужно подумать о боге... совсем другое будет, когда священники — то станут иные»...** «А почему теперь уходит в разные вероисповедания?» — вопрошал Распутин в своей книжке «*Мои мысли и размышления*» (стр. 28) и отвечал: «Потому что в храме духа нет, а буквы много — храм и пуст».

Так, разумеется, мог говорить только сектант, *презиравший* радоевое духовенство, в чем хлысты, как мы знаем, отличались особою страстностью.

Только издевательством над Православной церковью можно объяснить такие «*назначения*» Распутина, как представление к митре всячески скомпрометированного попа Восторгова, оглашенного еще Иоанном Кронштадтским как «мазурик», назначение епископом Макария Гневушина, — того самого, которого московские купцы обвиняли в уголовных преступлениях, проведение в экзархии Грузии известного мздоимца, опального епископа Псковского Алексея, после неожиданной смерти которого принужден был застрелиться его секретарь, испугавшийся ответственности за денежные дела экзархата, и т. п.

Особенно же характерным для хлыстовства Распутина было пожалование им Варнаве, почти неграмотному огороднику из Каргополя***, епископского сана: «Хоть архиереи и будут обижаться, что в среду их, академиков, мужика впихнули, да ничего, наплевать, примирятся» — так передал Распутин Илиодору о своем «объяснении» этого назначения Александре Федоровне****.

Вот уж где подлинно, во всем своем убожестве, проявилось хлыстовское равнение по апостолам и заносчивая гордость хлыстов своими «некнижными рыбаками» и «безграмотными архиереями».

* Там же. С. 114.

** Новое время. 1912. № 13038.

*** «Выйдя из простой среды, — сообщает С. П. Белецкий, — Варнава не получил даже и среднего образования» (Указ. соч. С. 16).

**** Святой чёрт. С. 109.

5) «Хлысты, как и скопцы, по наружности исполняют все обряды и постановления господствующей в государстве Православной церкви, — констатирует Фед. Вас. Ливанов, — и в этом отношении даже нередко отличаются особенным хитро рассчитанным усердием. Они ходят по всей России исправно в православные храмы, отправляют, как следует, ежегодно долг покаяния и причащения, принимают к себе в дома православных священников для совершения обычных церковных треб, держат у себя настоящие святые иконы, словом — ловко кажутся во всех отношениях христианами безукоризненного православия. Всё это, однако, есть не более как личина, — говорит Ливанов, — носимая, по собственному выражению сектаторов “страха ради иудейска, т. е. во избежание преследования, определяемого существующими законами против них”»*.

В обряде принятия и секту хлыстов, называемом «приводом», поступающий клянется хранить тайну хлыстовского учения, не объявляя ее «ни отцу, ни матери, ни отцу духовному, ни другу мирскому»**; хлыстовская присяга кончается словами: «...соблюдать тайну о том, что увидит и услышит в собраниях, не жалея себя, не страшась ни кнута, ни огня, ни меча, ни всякого насильства»***.

С этой клятвой каждый хлыст как бы надевает на себя сокровенную маску.

О том, что Распутин никогда, даже и пьяном виде, никому не сознавался в «хлыстовстве» (выдавая его тем не менее помимовольно другими путями, согласно пословице «на всякого мудреца довольно простоты»), — об этой верности прославленного «старца» своей *сокровенной маске* мы хорошо осведомлены.

Но кроме этой маски, хлыстам известна еще и другая — маска, составляющая сущность и соблазн всего хлыстовского учения, — *мифологическая маска «Христа»*.

Среди разновидностей хлыстовства (вернее — штундо-хлыстовства) исповеданием этой «маски» особенно прославился толк «*малеванщина*», появившийся в 1889 г. Согласно учению малеванцев, глава этого толка есть «*царь над царили, бог, во плоти пришедший*», чтобы дать уверовавшему в него «*безмятежную довольную во всем жизнь*»; каждый же «малеванный», будучи «*святым*» и потому свободным от «закона», представляет собой «*живое писание*» — воплощение «Писания».

* Указ. соч. Т. II. С. 131.

** Энцикл. словарь Брокг. и Ефр. «Хлысты». С. 407.

*** Ливанов Фед. Вас. Указ. соч. Т. II. С. 83–86.

В 1895 г. основатель этого толка Кондрат Малеванный был помещен в Казанскую психиатрическую лечебницу, а «малеванщина» перекинулась в Сибирь, дойдя даже до Иркутской губ.*

Не зная в точности, принадлежал ли полностью Распутин к этому толку штундо-хлыстовщины, мы вправе, однако, подозревать его в *принадлежности к этому толку*, на основании сопоставления «исторических» дат: к 1895 г., когда малеванщина стала распространяться по Сибири**, произошло, как мы знаем (см. главу II — «Житие»), «обращение» сибиряка Распутина, и началась его жизнь «святого», стремившаяся к положению «царя над царями» и «бога, во плоти пришедшего».

Как только что сказано, мифологическая маска «Христа» была особо облюбованной у малеванцев: подражать Христу чисто *драматически* (лицедейски) составляло для этого толка хлыстовщины подлинную экстатическую радость.

«В религиозных собраниях первых малеванцев, — читаем мы у Д. Г. Коновалова***, — среди прыганья, женщины обнажались до пояса и в таком виде продолжали прыгать, кричать, радоваться, жестикулировать. По словам очевидца проф. Сикорского****, часть происходивших при этом движений носила несомненный характер экспрессивных движений и аллегорических жестов, которыми иллюстрировались темы, служившие предметом молитв, бесед, экстаза. Так, например, сцена быстрого обнажения женщины до пояса во время пения «Кресту Твоему поклоняемся» была объяснена двояко: крестьянин, стоявший вдали, объяснил, что женщина обнажением тела хочет показать, что Христос был распят на кресте обнаженным; сама же обнажавшаяся женщина объяснила, что она хотела показать, как Христос воскрес и снял с себя гробные пелены». На тех же собраниях случалось, что среди прыганья и судорог женщины распускали волосы и стремительно бросались к мужчинам с страстными объятиями и поцелуями. Вообще, по наблюдению Сикорского, эротические, страстные позы и движения, иногда с соответствующими галлюцинациями, были нередким явлением в экстазе малеванцев. Нелепый и непристойный характер многих страстных поз малеванцев объясняли таким образом,

* Дополнит. 2-й том Энцикл. словаря Брокг. и Ефр. «Малеванщина».

** В Тобольской губ. — родине Распутина — народ был издавна восприимчив ко всевозможным хлыстовским толкам; стоит хотя бы указать, что хлысты привлекались к следствию Тобольской консисторией еще в XVIII веке (Коновалов Д. Г. Указ. соч. С. 80).

*** Религиозный экстаз в русск. мистич. сектантстве. С. 131.

**** Сикорский. Психоп. эпид. С. 13.

будто в этих движениях скрыт какой-либо высший смысл, не всегда понятный для окружающих, как в приведенном примере обнажения женщины... Тамбовские хлысты-богомолы называли такие действия «творениями», «чудотворениями» или просто «штуками» (Тамбовское дело о хлыстах-богомолах, л. 557). «Со мною, — говорила Анисья Копылова, — на собраниях бывало, что я что-нибудь делаю, возьму, например, образ и представляю какие-нибудь творения, или что-нибудь другое делаю в этом роде»... Филипп Копылов в собраниях «надевал себе на голову образ и ходил по комнате, этим он хотел выразить, что так следует носить закон, т. е. не уронить его и не обратиться опять в мир». «Иногда платками увешивает кого-либо, точно как статую наряжает: знак, что человек тот защищен божьими щитами... Иногда пророк бьет себя по щекам за грехи праведных людей» и т. д. Много подобных чудес творили и пророки Верхоценских хлыстов (см. Дело о них Тамб. о. суда, № 2481, л. 38–45 следств. произв.).

На собраниях оренбургских хлыстов-дурмановцев «выходили молодые девицы и женщины и начинали петь; затем изображали какие-то действия, поднимали руки, распинались, как в театре представляли» (показание участника)*.

Подражание «старому Христу», как называют хлысты евангелического Иисуса Христа, заметно у Распутина прежде всего в его внешности, начиная с прически длинных волос, размере и контуре его бороды и кончая излюбленными им широкими, ризоподобными рубахами и рясоподобным армяком.

Когда Распутин фотографировался, он принимал или кроткую позу иконописного Христа, с рукою, умильно прижатою к груди, или с руками, молитвенно сложенными вместе, или же позу «благословляющего народ»**, живописную позу «сокрушающегося Христа»***, и т. п.

Мифологическая «маска» Христа, а не другого какого-либо пророка обязывала Распутина к «божественному» стилю его речи, ко всем этим речениям, изречениям, quasi — притчам и т. п.

Эта же «маска», дразня его чувственное воображение садиста обрядом умовения ног на «тайной вечери», особенно же — надо думать — картиной умовения ног Христа Марией Магдалиной, влекла Распутина

* Сикорский. Указ. соч. С. 134.

** См., напр., снимок, воспроизведенный в «Петр. листке» от 23 марта 1917 г. с подписью «колдун старой России» (Григорий Распутин-Новых).

*** См., напр., снимок Распутина в «Петр. газете» от 12 марта 1917 г. с автографом на карточке, гласящим: «Что завтра? ты наш руководитель, боже, сколько в жизни путей тернистых». (Этот же снимок воспроизведен и в книжке Распутина «Мои мысли и размышления».)

к *инсценировке* этого события, о безудержной половой психопатии обращающей чуть не каждую «подходящую» поклонницу «старца» в блудницу Марию, униженно моющую ему ноги.

Христос, бичуя, выгнал торгующих из храма в Иерусалиме (откуда потом распространилось ученье Христа) — Распутин, бичуя, выгнал проститутку из «храма любви» в Казани* (откуда потом распространился толк малеванщины). — О том, что он признавал лишь бескорыстную любовь к себе, как к Христу, говорят его записки «на память» певичкам хора в ресторане «Яр», с советом: «люби бескорыстно». (См. I главу настоящего очерка.)

Удовлетворяя свою флагеллянтистическую склонность (отмеченную нами во II главе), Распутин воздавал одновременно и «богу (божие) и кесарю (кесарево)», ибо наиболее популярная хлыстовская песня начинается, как известно, словами:

«Хлыщу, хлыщу, Христа ищу...»

А искать Христа в себе было для Распутина первойшей хлыстовской задачей...

Мы уже знаем (Из беседы «старца» с Илиодором), какое значение придавал Распутин признанию его «Христом» из уст Николая II и его «благоверной». У «простого» же народа, там, у себя в Тюменской глуши, он уж на заре «подвижничества» внушил легковерным такое важное для каждого хлыста признание. — «На улицах, когда он проходил, — передает Палеолог дошедшие до него слухи, — падали на колени, целовали ему руки, прикасались к краю его тулупа; ему говорили: “Христос наш, Спаситель наш, молись за нас, грешных. Бог услышит тебя”. Он отвечал: “Во имя Отца и Сына и Духа Св. благословляю вас, братцы. Верьте, скоро вернется Христос. Терпите, памятуя о его мучениях. Из любви к нему, умерщвляйте плоть вашу”»**.

О том, как сам он умерщвлял плоть из любви к Христу, т. е. (в хлыстовском понимании) *из любви к себе*, об этом мы уж говорили.

Любовь к себе Распутина, порою близкая к *самообоготворению*, проходит красной нитью по всем характеристикам «старца», какие мы только встречаем в различных мемуарах о нем. И это уж одно могло бы послужить довольно важною уликой для обвинения Распутина в хлыстовстве, так как именно у хлыстов «на превратном понимании и толковании слов святого апостола, — говорит Фед. Вас. Ливанов, — сложилось *учение о личном самообоготворении****.

* Палеолог. Указ. соч. С. 9.

** Там же. С. 10.

*** Там же. С. 117.

6) Нам остается, в целях окончательного раскрытия хлыстовской тайны Распутина, сказать еще несколько слов о *сексуальной этике хлыстов* и сравнить с ней Распутинскую.

Начнем с брачных отношений «божьих людей».

Как известно, хлысты считают священников «поганцами, смутниками, любодеями или «гнездниками», потому что они женаты... Брак и крещение хлысты считают за осквернение; в особенности вступающих в брак почитают погубившими душу свою» и пр. *

Отвергая церковный брак, уча, что с прежней (до вступления в секту) женою следует жить, как с сестрою, хлысты имеют духовных жен, плотские связи с коими не составляют греха, ибо здесь проявляется не плоть, а духовная «Христова» любовь. Иметь связи с чужими женами значит у хлыстов — «любовь иметь, что голубь с голубкой». Поэтому хлысты, не терпя брака, оправдывают внебрачные отношения. Вступающий в секту хлыстов, если он женат, должен прекратить супружеские отношения, но без гласного расторжения брака**.

Прекратил ли совершенно «обращенный» Распутин «супружеские отношения» с женою своею Прасковьей Федоровной (женщиной «*болезненной*», по словам Илиодора), об этом мы ничего толком не знаем. Что же касается *верности* этим «супружеским отношениям», то, как мы убедились, из рассмотрения целого ряда засвидетельствованных фактов, Распутин являлся каким-то *образцом супружеской неверности*. И жена его Прасковья Федоровна знала, по словам Илиодора***, «все художества своего муженька, но из-за корыстных расчетов скрывала его похождения». «В доме у него жили две подозрительные девки, — сообщает Илиодор в записке «*Гриша*». — Один раз они хотели лечь со мною в одной комнате, но я этому воспротивился. Уж после я понял, что Гриша хотел меня сделать хлыстом»****.

Сам являя чудовищный пример супружеской неверности, Распутин, *не порывая с женой*, учил той же хлыстовской этике и своих поклонниц вкупе с их мужьями. («Я принадлежала ему и считаю это величайшей благодатью», — хвасталась полковница Б. — «Но, ведь вы замужем, как же муж?» — допытывалась Е. Джанумова. — «Он знает это и считает это великим счастьем. Если отец пожелает кого, мы считаем это величайшей благодатью, и мы, и мужья наши,

* Ливанов Фед. Вас. Указ. соч. С. 83 («Хлыстовская богородица Акулина Тимофеевна»).

** Энцикл. словарь Брокг. и Ефр. «Хлысты». С. 406.

*** Святой чёрт. С. 30.

**** См. Приложение к запискам С. П. Белецкого. Указ. соч. С. 96.

если у кого есть мужья» *; таков был ответ «обращенной» Распутиным полковницы.)

Как в брачном вопросе, так и в других вопросах сексуальной Этики, Распутин являл себя самым ревностным последователем хлыстовского учения и хлыстовских повадок; даже такие сравнительно пустяки, как хорошо многим памятные обязательные *лобзанья* Распутина, при встрече его с женщинами, не свободны от подозрения в хлыстовстве. «Видел я, — рассказывал покаявшийся хлыст Балабанов, — что Трифон (Богомоллов, древнейший распространитель хлыстовства в Оренбургской губ.) и все спутники его... женщин и девиц, при всяком свидании, всякий раз, непременно целуют, называя это духовным лобзанием и толкуя, что через это лобзание, как бы через духовный союз, они... привлекают к себе любовь духовных последователей, которые после лобзания, как связанные чем-то, охотнее слушают их. Даже иногда видел я, как эти окаянные юроды дают некоторым сосать свой мерзкий язык» **.

Во всех остальных своих блудодеяниях Распутин повторяет до некоторой степени «житие» предшественника своего Радаева (Василия Максимовича Миронова), — знаменитого в 50-х годах прошлого столетия арзамасского *хлыстовскою* пророка. «Дух, во мне находящийся, — говорил Радаев, — имеет влечение ко мне привязывать и притягивать людей». Его требованиям и внушениям ученицы его подчинялись беспрекословно. «По произведенному следствию оказалось, что Радаев был в прелюбодейной связи с 13 женщинами и девками; и все эти женщины единогласно показали в допросах: «склонил он меня на прелюбодейание, говоря, что это сделать должно по воле божией, а не по его, ибо в нем своей воли нет, чему веря, я и согласилась». Сам Радаев объяснил насчет девушек: «Сила, во мне действующая, так с ними поступати сильно нудила, так что никак не мог противиться ей, хотя и видел, что преступаю заповедь божию... Я так понимал сей поступок: хотя я с писанным законом творю и несходно, но с волею божией сходно» ***.

О *гипнотическом* влиянии хлыста Радаева, особенно на женщин, свящ. Минервин доносил, в 1850 году, Нижегородской уголовной палате, как о влиянии исключительной силы. «И столько сильны действия его обольщения, что оными пораженное сердце впадает в крепкое страдание тоски, и не могут с ним переносить разлуки, в особенности женского пола. Если они удерживаются силою наказания или какую бы

* Джанумова Е. Указ. соч. С. 30.

** Коновалов Д. Г. Указ. соч. С. 78.

*** Там же. С. V.

то ни было строгостью воспрещения от свидания с ним, то впадают в какое-то безумие и начинают юродствовать»*.

Не стоит останавливаться дольше на этом самом уязвимом месте «жития» Распутина: «свальный грех» у хлыстов и блудный «грех» Распутина слишком хорошо известны просвещенному читателю.

Распутин был хлыст, по-видимому, малеванского толка. — Таково заключение, к которому мы приходим на основании ряда сопоставлений характерных черт его жизни и учения с таковыми же у хлыстовских «пророков», именовавшихся, как и Распутин, «божьими людьми».

Если бы бывш. императрица Александра Федоровна была более просвещенной в истории русского мистического сектантства, она, конечно, скоро сорвала бы мифологическую маску со своего учителя и, имея пред собой пример Радаева и прочих религиозных эротоманов, не считала бы клеветой обвинение Распутина (устами В. И. Гурко и других) в принадлежности к хлыстовской секте.

Если б вообще при дворе не чурались «бонтонно» таких «неприличных» книг, как «Половая психопатия» Краффт-Эбинга и «Половой вопрос» проф. Авг. Фореля, — быть может, Распутина и на порог дворца не пустили бы, а пустив, раскусили бы и с позором выгнали бы. Но в Царском Селе, к сожалению, для дома Романовых, читали больше «священное писание», чем книги научного содержания, и наука жестоко отомстила «высоким» невеждам за пренебрежение к своим мудрым дарам.

У того же Авг. Фореля Николай и Александра Романовы могли бы легко убедиться из многих примеров, что Распутин далеко не новое явление, что история происхождения подобных «пророков» почти буквально порой повторяется** и что прославленный «отец Григорий» отличался от своих предшественников лишь сочетанием с «одержимостью» того здорового у него «мужицкого» смысла, которое дало ему возможность «обворожить» Романовых и, ценою их позора, занять в истории России страницу, какой, при всем желании, не найти в истории других государств.

В самом деле!

* Там же. С. 145.

** Религиозные формы помешательства, в связи с религиозным экстазом, дают иногда в результате отвратительные оргии на половой почве, — говорит Форель (Указ. соч. Т. I. С. 265). — «Один помешанный, — сообщает он, — выдававший себя за благочестивого и чуть не пророка, жил с одною молодой женщиной и ее матерью, состоял с ними одновременно в половых сношениях и проделывал всевозможные гадости, придавая им религиозное значение». Вспомним (из показаний министра А. Н. Хвостова) о хвостовстве Распутина тем, что он был в связи и с Александрой Федоровной, и с ее дочерью Ольгой!

В том же 1906 году, когда Распутин появился на романовском «горизонте», в одной из местностей Венгрии рабочий, душевнобольной и помешанный на религиозных представлениях, но вместе с тем и сексуально-извращенный, имел «откровение» и повел за собой большое число женщин. Эта новая община должна была совершенно оголяться и т. п.* «Однако, — сообщает Форель, приведший данный случай во II томе своего капитального труда, — история эта скоро раскрылась и таким образом была пресечена в корне». — «Я лично наблюдал в кантоне Цюриха, — говорит тот же ученый двумя страницами дальше, — последовательниц секты пастора Целлера в Меннедорфе. Пастор этот олицетворяет собою род пророка, берущего на себя лечение больных и сияющего подражать Христу и Иоанну Крестителю. Благоприятные случаи действительного исцеления, легко объясняемые внушением, он, однако, ставит в связь с чудом. Истерические женщины массою окружали этого пророка, причем личность его, как таковая, и заключала для них главные мотивы обаяния. Бывшие у меня на лечении в больнице некоторые из его поклонниц в восторженных отзывах о нем исходили исключительно из плотских побуждений. Приходится вообще сделать вывод, — заключает Форель, — что отречение человека от своей природы и стремление к чистой святости нередко дают в результате одну только грубую чувственность, хотя и прикрывающуюся возвышенными фразами»**.

Во всех этих и им подобных случаях у народов, управлявшихся психически нормальными властями, «пророки», «святые», «христы» и прочие религиозные авантюристы, проявлявшие так или иначе *délire érotico-religieux*, сажались не в царские палаты, а в психиатрические лечебницы.

Григорий же Распутин — истеро-эпилептик, страдавший явной эротино-религиозной манией, — в результате гипноза своей «мифологической маски» покоривший большую волю «самодержавного» дегенерата (и лишь отчасти благодаря практической смётке, проявлявшейся этим хлыстом в *lucida intervalla* у «кормила правления»), был в России допущен «властями» к положению, совершенно исключительно не только в летописях нашей краткой «отечественной» истории, но, можно смело сказать, и в летописях всемирной, многовековой истории.

Что сказать о нем в заключение? Что сказать вообще о «распутинском» периоде царства Романовых?

Мне вспоминается торжественный гимн, распевавшийся так непонятно долго в нашей обширной стране.

* Форель. Указ. соч. Т. II. С. 365.

** Там же. С. 370–371.

«Боже, царя храни!» — умильно надсаживались глотки миллионов верноподданных императора Николая II.

Какая поистине страшная ирония судьбы звучала в словах этого тягучего гимна!

«Боже, царя храни!» — пел народ, не подозревая, *какой* земной «бог» перехватывал самоуверенно эту мольбу, относя ее всецело к себе!

«Сильный, державный», — славословили, словно в насмешку, Николая II — эту исключительно жалкую, слабовольную личность, всецело подчиненную действительно державному сектанту.

«Царствуй на славу, на славу нам!» — повторяли верноподданные «царя-батюшки», словно слепые к тому позору, каким покрывал Россию с каждым годом все больше и больше несчастный «папашка», как звал царя пренебрежительно подвыпивший Распутин.

«Царствуй на страх врагам», — внушал хор «истинно русских» своему «обожаемому монарху», пока тот, как нарочно, готовил ряд поражений и перед «внешними», и перед «внутренними» врагами.

«Царь православный», — пели в заключение верующие, не зная, что на самом деле царствует не царь, а Распутин, и не православный, а хлыст.

«Боже, царя храни!» — кончался этот затяжной гимн, при воспоминании о котором невольно краснеешь за одно из редких, по своей многосторонности, заблуждений народа.

«Бог» вообще довольно плохо — говоря откровенно — «хранил» русских царей за последнее время. Но все же как-то, с грехом пополам, а хранил-таки, старый! Когда же должность царского охранника была захвачена у «бога» Распутиным, да еще заодно с должностью русского царя, — наступила катастрофа, при которой погибли и оба царя, и оба бога.

А. СИДОРОВ

Последний временщик последнего царя¹

История царизма знает имена многих временщиков. Но как удалось полуграмотному проходимцу, распутнику и вору, которому народ метко заменил фамилию Новых на Распутина, пробраться к монаршему трону и почти десять лет оказывать огромное влияние на государственную политику России, несмотря на негодование не только среди либерально-оппозиционных кругов, но и среди правых, убежденных монархистов, которые считали его «разрушительной силой» для престижа царской власти и в конце концов убили в декабре 1916 года? Только ли ловкость и хитрый ум в сочетании с мистической фразеологией о «духовной любви» были причиной всевластия Распутина и его клики?

И не случайно, что об этом времени написано очень много.

Однако при всем обилии литературы, носящей в основном мемуарный характер, документальные материалы о «распутинщине» — особенно опубликованные — очень скудны.

Недавно, работая в Центральном архиве Октябрьской революции, доктор исторических наук А. Л. Сидоров нашел интереснейший документ — «Материалы чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о Распутине и разложении самодержавия» [Документ с небольшими сокращениями напечатан в журнале «Вопросы истории» №№ 10 и 12 за 1964 год; №№ 1–2 за 1965 год].

Документ написан бывшим прокурором Харьковской судебной палаты Б. Н. Смиттенем, работавшим при Временном правительстве в составе Чрезвычайной следственной комиссии, организованной для допроса бывших министров и других высших деятелей царского

¹ Печатается по: Наука и жизнь. 1965. № 6. С. 100–106.

правительства. На деле Комиссии пришлось выйти за пределы чиновного окружения царя и заняться допросом, с одной стороны, общественных деятелей, то есть лиц, принадлежавших к буржуазно-либеральной оппозиции, а с другой стороны, всяких пройдох, окружавших трон. Это было необходимо, чтобы выяснить роль Распутина и других лиц, принадлежавших к кружку Распутина — Вырубовой. Известно, что Александр Блок, работавший в то время в Чрезвычайной комиссии, правил стенограммы допросов министров и других лиц, проходивших через Комиссию, и тогда же написал работу о последних Романовых.

Записка Смиттена представляет большой интерес не только для специалистов-историков, но и для более широкого круга читателей. Ее содержание заключено в 7 разделах и не ограничивается узкими рамками биографической характеристики Распутина и его окружения, но помогает понять происхождение и сущность «распутинщины».

Мы печатаем краткое изложение этого документа, подготовленное для журнала доктором исторических наук профессором А. Л. Сидоровым (кавычками выделяются слова Смиттена и показания свидетелей).

После подавления революции 1905–1907 годов началась контрреволюционная эпоха, которая, по словам В. И. Ленина, «обнаружила всю суть царской монархии, весь цинизм и разврат царской шайки с чудовищным Распутиным во главе ее, все зверства семьи Романовых — этих погромщиков, заливших Россию кровью евреев, рабочих, революционеров, этих первых среди равных помещиков, обладающих миллионами десятин земли и идущих на все зверства, на все преступления, на разорение и удушение любого числа граждан, ради сохранения этой своей и своего класса “священной собственности”» [В. И. Ленин. Соч., 4-е изд., т. 23, стр. 292. — Курсив Ленина]. «Распутинщина» — порождение той контрреволюционной эпохи, яркое и убедительное проявление разложения господствующего режима, а также всех классов и групп, интересы которых он представлял. Без «распутинщины» почти невозможно понять царствование Николая II. В эпоху реакции в среде испуганной революцией правящей верхушки и в аристократических слоях резко возросла тяга к религии и мистике. У подножия трона появились реакционные ханжи и проповедники, оккультисты и «святые отцы», среди которых одним из наиболее удачливых оказался Григорий Ефимович Распутин.

Г. Е. Распутин

Кто же такой был Распутин?

Вот несколько биографических данных из опубликованных материалов... Он родился в слободе Покровской, Тюменского уезда, Тобольской губернии, в 1864 или 1865 году в крестьянской семье среднего достатка. Пятнадцати лет Распутин уже начал пить водку. Дважды уличенный в краже и сильно избитый за это, Распутин вынужден был уйти из села.

Началась эпоха паломничеств, встреч со всевозможными представителями сект и вероучений хлыстовского толка, увлечения странниками. Очевидцы свидетельствуют, что после этого Распутин стал новым человеком: он бросил пить, курить, есть мясо, стал сторониться людей, много молиться, учиться читать по-церковнославянски и через месяц отправился в новое паломничество.

В течение нескольких лет Распутин перебивал в десятках обителей Сибири и России, в том числе и на Афоне. Из своих путешествий он иногда возвращался с двумя-тремя странниками, одетыми в полу-монашеское одеяние. В селе Покровском около Распутина возникает совершенно замкнутый кружок его почитательниц. «...Буйство природы в Распутине находило выход в страшном взрыве чувственности, вызвало к жизни того “блудного беса”, которого Распутин так охотно выгонял из других и с которым он, по крайней мере в первый период своей карьеры, отчаянно и безуспешно боролся».

Учение Распутина представляло бредовую смесь сектантской проповеди о единении плоти и духа. «Эта мистическая фразеология, это чередование духовных подъемов и духовных провалов наблюдается у Распутина лишь в первые годы его появления в Петербурге, а затем, начиная со второго года пребывания его в доме № 64 на Гороховой улице, начинается полное и позорное падение, и квартира его превращается в непотребный дом, где одинаково желанным гостем является и проститутка, и фрейлина и где под звуки оркестра, под пение цыганского хора, под топот, пляски пьяного Распутина кучка банкиров, маклеров, частных ходатаев и проходимцев всякого рода устраивает, и притом очень успешно, свои дела».

Проникновение Распутина в придворные круги

В высшие слои петербургской аристократии Распутин проник в конце 1904 года по рекомендации инспектора Санкт-Петербургской духовной академии, негласного духовника царя и царицы Феофана,

который, приняв его за «проникновенного старца» (этому «старцу» было тогда около 40 лет), ввел в семью великих князей.

Распутин как неглупый, хитрый человек ловко и быстро приспособился к петербургским условиям, не без искусства играя роль то эдакого «народного» радетеля за правду, то знатока и критика христианских религиозных норм, то защитника трона. Любопытный и точный портрет Распутина описан В. Д. Бонч-Бруевичем, наблюдавшим его на приеме у баронессы В. И. Икскуль: «Свободной и легкой походкой вошел он в гостиную Варвары Ивановны, где ранее, оказывается, он не бывал, и с первых же слов, идя по ковру, напал на хозяйку: “Что это ты, матушка, навесила на стены, как настоящая музея, поди, одной этой стеной пять деревень голодающих прокормить можно, ишь ты, как живут, а мужички голодают...” Варвара Ивановна стала знакомить Распутина с гостями... Он тотчас же спрашивал, замужняя ли. А где муж? Почему приехала одна? Вот были бы вместе — посмотрел я вас, каковы вы есть, как живете... и очень весело, балагурия и шутя, непринужденно повел беседу. Мое внимание обратили прежде всего его глаза: смотря сосредоточенно и прямо, глаза все время играли каким-то фосфорическим светом. Он все время точно нащупывал глазами слушателей, и иногда вдруг речь его замедлялась, он тянул слова, путался, как бы думая о чем-то другом, и вперялся неотступно в кого-либо, в упор, в глаза, смотря так несколько минут, и все почти нечленораздельно тянул слова. Потом вдруг спохватывался: “Что это я”, — смущался и торопливо старался перевести разговор. Я заметил, что именно это упорное смотрение производило особое впечатление на присутствующих, особенно на женщин, которые ужасно смущались этого взгляда, беспокоились и потом сами робко взглядывали на Распутина и иногда точно тянулись к нему еще поговорить, еще услышать, что он скажет. После такого осмотра, когда он говорил совершенно о другом, обращаясь к другому лицу, он иногда вдруг резко поворачивался к тому, на кого он смотрел 15–20 минут тому назад, и, перебивая разговор, вдруг начинал протяжно говорить: “Нехорошо, мать, нехорошо, да... так жить нетто можно, смотрилось, какая ты... Рази обидой справишь... дело любовью надо... да... ну, что тут...” — и опять сразу перескакивал на другую тему или начинал быстро ходить по комнате, немного приседая и сгибаясь, быстро потирая руки. Все это производило на окружающих впечатление».

Распутинский кружок

Кружок Распутина в Петербурге составляли две различные группы. Прежде всего, это были слепо верившие в его святость нервные, часто психопатические женщины. Они относились к Распутину с мистическим

обожанием, в их душе была жажда религиозного утешения, которую не могли утолить представители пораженного маразмом официального духовенства, сами не горевшие огнем духовным и потому бессильные захватить души людей вообще, и скептически настроенной интеллигенции в частности. А таким утешением и был для них Распутин. К этой группе принадлежала несчастная, когда-то блиставшая

остроумная светская дама Ольга Лохтина, страдавшая психическим расстройством; многие другие, в том числе и ближайший друг царицы — А. А. Вырубова, потрясенная неудачным замужеством, и, наконец, сама императрица Александра Федоровна. Все эти искренние почитательницы называли его отцом Григорием, принимали у него благословение, просили молитв и назидания.

Ко второй очень многочисленной группе распутинского кружка принадлежали министры и князья, баронессы, банкиры и темные уголовные дельцы, генералы, сенаторы, тайные советники и другие чины высшей бюрократии, провинциальные батюшки, монахи и т.п. Все эти проходимцы, честолюбивые карьеристы и стяжатели богатств посещали Распутина только с целью получить протекцию при дворе, добиться денежной помощи, продвижения по службе, исплопотать помилование уличенным в преступлениях, «урвать» от правительства прибыльные заказы и теплые местечки. Многие из них участвовали в еженощных разгульных кутежах на квартире у Распутина, с плясками и песнями под оркестр или хор цыган.

На квартире у Распутина, охраняемой нарядом сысской полиции, бывали: Симонович, скупщик бриллиантов и антрепренер игорных притонов; красивая княгиня Т. Ф. Шаховская, которую Распутин звал «душка» и которая целовала у него руки и ноги; женоподобный князь Ф. Ф. Юсупов-младший; казначей Синода Н. В. Соловьев вместе со своей женой, ездившей к Распутину и в село Покровское; немец Гаар, хлопотавший о помиловании своей жены; высланная за темные аферы главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта Р. М. Лебен, хлопотавшая о помиловании и о возвращении в Петербург; подозревающийся в шпионаже присяжный поверенный Миклос; известный финансист Манус, считавшийся представителем немецкого капитала и поставлявший вина Распутину; не менее известный, но более сомнительный банкир Рубинштейн; известный генерал Ренненкампф и Варвара Ниценко, отмеченная в филеровских листках как женщина легкого поведения. Здесь бывали журналист Снарский и рекламировавшие Распутина журналисты Сазонов и Филиппов; сюда являлись на поклон и лица духовного звания: знаменитый архиепископ Тобольский Варнава, сосланный Синодом за сожительство

со своим келейником и через Распутина добившийся назначения настоятелем Тобольского монастыря; епископ Исидор Колоколов, игумен. Мартимиан, игумен Николай и целый ряд сельских батюшек. Сюда являлась просить об освобождении из-под стражи своего мужа жена бывшего военного министра Сухомлинова и старалась проскользнуть незамеченной под густой вуалью вдова графа С. Ю. Витте. Наконец, не стеснялись появляться у Распутина и лица, занимавшие высокие места в верховном и церковном управлении: главный управляющий собственной Его Величества канцелярией обер-гофмейстер Танеев вместе со своей женой, известный штальмейстер Бурдуков, генерал-лейтенант Мосолов, тайный советник Мамонтов, тайный советник Рогович, товарищ обер-прокурора Даманский, товарищ обер-прокурора князь Жевахов, обер-прокурор Синода Раев, товарищ министра внутренних дел сенатор Белецкий, генерал-майор Спиридович, помощник дворцового коменданта полковник Ломан со своими женой и дочерьми, фрейлина ее величества фон Мавес и, наконец, чтобы не быть узанным своими же филерами, пробиравшийся черным ходом с поднятым воротником и нарочно для этого надетыми очками управляющий министерства внутренних дел Протопопов. Другие, более предусмотрительные, или принимали его у себя, как Горемыкин, или виделись с ним у третьих лиц, как, например, Штюрмер, который беседовал с ним у коменданта Петропавловской крепости Никитина, или, наконец, встречались с ним, как А. Н. Хвостов, на особых конспиративных квартирах. Многие из этих лиц были участниками буйных кутежей на квартире у Распутина, и уж никто из них отнюдь не искал назиданий и духовных утешений...

Распутин и царская семья

Но интересны не эротические оргии Распутина, а то, как в XX веке малограмотный и наглый авантюрист стал всесильным временщиком, по воле которого падали и назначались высшие церковные иерархии и министры. Еще при Столыпине Распутин завоевал полное доверие Николая. Тупую мистическую веру в святость и способность Распутина охранять царскую семью и особенно большого наследника от всех бед уже никто не мог поколебать. Напротив, лица, настойчиво пытавшиеся открыть глаза царю на омерзительно аморальный облик «старца», теряли расположение Николая или получали отставку. Так было со Столыпиным, Родзянко, Коковцевым, Горемыкиным, Штюрмером, Хвостовым, Поливановым, Протопоповым, генералом Джунковским и другими деятелями царского режима, список которых

вплоть до убийства Распутина беспрестанно рос. Естественно, что такое чудовищное положение могло сложиться лишь в силу полного безволия и интеллектуального ничтожества последнего царя.

Император Николай II

Материалы характеризуют царя как человека ограниченного и невежественного, мировоззрение которого сложилось под влиянием ярого ревнителя идей православия и самодержавия Победоносцева.

«Николай II был человеком нервным и неустойчивым, легко поддающимся каждому влиянию извне, терявшимся в сколько-нибудь значительном обществе, религиозным, но с оттенком мистицизма».

Проницательный Распутин говорил о Николае: «А разве на него можно надеяться, он может изменить каждую минуту, он несчастный человек, у него внутри недостает», — и, учитывая это, всегда действовал через царицу, которая в противовес мужу была женщиной сильной воли, с упрямой настойчивостью проводящей в жизнь свои политические намерения и имевшей огромное влияние на Николая.

Императрица Александра Федоровна

«Встреченная по приезде в Россию враждебно русским обществом и более чем холодно вдовствующей императрицей, она мало-помалу замкнулась в тесном кругу семьи и двух-трех приближенных... Какой-то болезненный процесс происходил в психике этой женщины с сильной волей, с холодным, неприветливым лицом, не знавшей и не понимавшей России, но за отсутствием надлежащего материала не представляется возможным решить, явился ли этот процесс результатом плохой наследственности или неудачно сложившейся семейной жизни, сначала с постоянными ожиданиями обманутого материнства, а затем с постоянной тревогой за больного единственного сына и наследника. Вероятно, в силу этого болезненного процесса она увлекалась мистической стороной новой для нее религии, что было общим у нее с государем».

«Распутин — связь власти с миром»

Любопытны достоверные свидетельства, рисующие картину общения Распутина с царской семьей. Вырубова подтверждала: «Распутин часто бывал с царской семьей и вел беседы на темы своих “размышлений” [Речь идет о “благодетивых размышлениях” — серии слащаво-притор-

ных афоризмов Распутина, изданных в 1910 году в виде шести тоненьких брошюрок и представляющих смесь из мистической фразеологии и сектантских учений]. На этих беседах присутствовали и великие княжны и наследник... Государь и государыня называли Распутина просто Григорий, он называл их “папа” и “мама”. Когда хворали государыня или наследник, Распутина или приглашали к больному, или телеграммой просили у него молитв. В 1911 году, когда у наследника... было внутреннее кровоизлияние, Распутину была послана телеграмма с просьбой помолиться, и Распутин успокоил государя и государыню телеграммой о том, что наследник будет жить. В начале 1916 года государь неожиданно вернулся с наследником с дороги в ставку, потому что у наследника началось на почве гемофилии неуправляемое кровотечение из носа. По приезде государя немедленно был приглашен Распутин. Я не присутствовала при том, что было дальше, но со слов государя и государыни я знаю о том, что профессор С. П. Федоров никак не может остановить кровотечение, что явился Распутин, перекрестил наследника, погладил его по голове, и кровотечение каким-то чудом прекратилось. Разве этого было недостаточно для того, чтобы снискать веру и любовь родителей, безгранично любивших ребенка».

Бывший министр внутренних дел Протопопов, к которому Распутин относился с особым доверием, свидетельствует: «Распутин — связь власти с миром, доверенный толкователь происходящих движений, ценитель людей, имел большое влияние на царя. Громадное — на царицу... Всякий другой, подходя к царю, встретил бы на своем пути волю царицы, Распутин же имел не только ее поддержку, но послушание, поклонение Вырубовой и любовь царских детей. Забота и внимание к нему были особенные; его шелковые рубашки были вышиты ею, крест на шее был золотой, на золотой цепи, и застежка была с буквой государя, разговор Распутина с царем и царицей был твердый, уверенный».

Вырубова и царская семья

Распутин не мог не понимать, что слишком частое посещение дворца и непосредственная близость к членам царской семьи чреваты опасностью разоблачений, и он очень быстро нашел абсолютно покорное и действенное орудие для своего влияния на царя в лице ближайшего интимного друга царской семьи А. А. Вырубовой.

«Вырубова была женщина более чем ограниченная, но упрямая и самоуверенная. С императрицей ее связывали общее одиночество, общий душевный излом, общая экзальтированная религиозность и утешение, которое обе они нашли в одном и том же учителе — “стар-

це". Она была единственным другом императрицы, она сопровождала ее во всех поездках, каждый день бывала во дворце, и у нее запросто по вечерам бывают царь, царица и великие княжны...

Все это прекрасно учитывал Распутин. Представленный ей в качестве "святого провидца", он в короткий срок сумел полностью подчинить себе недалекую Вырубову, и она искренне поверила в то, что Распутин — "посланный Богом спаситель...". Это самовнушение стало для Распутина безотказной гипнотической силой, она стала каналом, по которому он направлял к царю и царице прошения, послушным орудием для осуществления тех или других задуманных им политических комбинаций...

Все лица, чаявшие власти, получения того или иного министерского портфеля, должны были раньше попасть в ее дом в Царском Селе и произвести на нее хорошее впечатление, чисто внешнее хорошее впечатление, потому что в государственных вопросах Вырубова по слабости своего ума и малой интеллигентности совсем не разбиралась и тем иногда приводила в отчаяние людей, которые пытались проводить через нее свои политические взгляды. Какое количество ходатайств и прошений проходило через ее руки, какое живое участие она принимала решительно во всех назначениях и политических комбинациях последнего времени, объявляя иногда тому или другому министру непосредственно волю или пожелание бывших императора и императрицы! Она вмешивалась в политическую жизнь страны не в силу своих личных взглядов и убеждений, а в силу выраженных ей Распутиным пожеланий».

М. М. Андроников

Пожалуй, наиболее колоритной фигурой среди «темных сил», окружавших трон, был черносотенный журналист и издатель князь М. М. Андроников. Этот честолюбивый и ловкий авантюрист, этот «столичный Хлестаков» участвовал во всех политических комбинациях и был крупной государственной фигурой. Деятельность князя Андроникова определялась тремя особенностями: безмерным тщеславием, необходимостью доставать деньги для разгульного образа жизни и странным сочетанием порока и религиозности, выражавшимся в том, что его квартира была одновременно и часовней, и салоном...

О методах, применяемых Андрониковым для того, чтобы играть политическую роль, свидетельствует председатель правления Русско-Азиатского банка А. И. Путилов: «При крайне общительном, чтобы не сказать болтливом, характере князя, он почти с первых же дней

нашего знакомства начал, с одной стороны, сообщать мне всевозможные слухи и предположения, которые циркулировали в правящих, придворных и великосветских кругах, а с другой стороны, старался выведать у меня, что есть нового и интересного по министерству финансов по тому или иному вопросу... Удивляла роль, которую он играл или желал играть. Из рассказов его было ясно, что почти все свое время он убивает на посещение министров и высокопоставленных особ, интервьюирует их и сам рассказывает им всевозможные слухи. Было ясно и то, что министры, а в том числе и граф Витте, принимают его, чтобы быть в курсе придворных и ведомственных интриг и течений и чтобы, с одной стороны, косвенно, через него, влиять, где нужно, проводить свои взгляды и создавать сторонников своих планов, так как он имел доступ в придворные круги».

«Действуя с необычной наглостью и ловкостью, Андроников сумел “втереться” в доверие к графу С. Ю. Витте под предлогом освещения его деятельности в заграничной прессе, к дворцовому коменданту Воейкову, действуя подарками и лестью, и к многим другим высокопоставленным лицам...

Завязав сношения с Воейковым, князь Андроников пользуется им для того, чтобы поддержать кандидатуру того или иного министра, например А. Н. Хвостова. Свои отношения к Горемыкину Андроников укрепляет организацией поднесения ему адреса по случаю юбилея и изданием на русском и французском языках брошюры, посвященной его деятельности, и затем поддерживает поздравительными и приветственными письмами и маленькими подарками — сигарами, фазанами и т.п. Вырубовой посылается икона, в ее лазарет сыплются цветы, конфеты; Джунковскому, назначенному товарищем министра внутренних дел, Андроников посылает образ и бухарский халат; Макарову, назначенному министром внутренних дел, он содействует в определении в учебное заведение его единственного сына и тем приобретает его прочные симпатии. Созданными таким образом связями Андроников пользуется для проведения и устройства бесчисленного количества дел: ходатайств о помиловании, о предоставлении для разработки нефтяных участков, об ускорении оценки земель, предположенных к залогоу в дворянском банке, о выдаче казенных субсидий винокурам и сахарозаводчикам, о предоставлении офицерам армии мест в тыловых учреждениях, о назначениях, переводах, пенсиях и наградах по всем ведомствам и т.п. Гонорары по этим делам шли на покрытие расходов широкой жизни князя».

Не имея никаких политических взглядов, беспринципно сочетая крайний консерватизм с развязным либерализмом, но ловко пользуясь налаженными связями, Андроников влиял на судьбы

многих министров. Так он вел кампанию против бывшего военного министра Сухомлинова; военного министра Поливанова; министра финансов Барка. Он содействовал назначению министром внутренних дел А. Н. Хвостова. Свою квартиру Андроников сделал местом для свидания с Распутиным, с Хвостовым. При содействии последнего он получил из главного управления по делам печати 16 тысяч рублей на издание «Голоса России». Но эта связь с Хвостовым оказалась для него и роковой, так как при своем падении Хвостов увлек за собой и князя Андроникова.

Министерская чехарда

Еще в 1909 году Столыпин, принимая Распутина, сказал: «Нам придется с ним изрядно повозиться». Последовавшая затем попытка Столыпина раскрыть царю глаза на истинную природу подошедшего к трону «старца» была оставлена Николаем без внимания, а вслед за этим положение Столыпина пошатнулось. И только убийство Столыпина на торжествах в Киеве, где вместе с царской семьей присутствовал и Распутин, помешало осуществлению предпринятой отставки и почетной ссылки его на Кавказ. Безуспешной была и попытка М. В. Родзянко воздействовать на царя в связи с обнародованными Илиодором письмами царицы и царевны к Распутину. С того времени царица возненавидела «этого толстяка», как она презрительно называла председателя Государственной Думы.

Напротив, духовная близость и влияние Распутина на царя и царицу все более крепили.

Особого расцвета «распутинщина» достигла во время войны. Этому способствовало также и устранение царем великого князя Николая Николаевича от должности главнокомандующего и принятие верховного командования на себя, что, по убеждению многих свидетелей, произошло под влиянием Распутина, считавшего великого князя своим личным врагом.

1915 год был критическим годом в ходе войны. Русская армия, оставшись без вооружения, потерпела тяжелое поражение. Врагу были сданы Галиция, Польша, Литва и Латвия. Военные поражения, массовая эвакуация населения потрясли государственный аппарат. Среди буржуазии усилилось оппозиционное движение. Осенью 1915 года правительство расстреляло рабочие демонстрации в Костроме и Иваново-Вознесенске. Правительство вынуждено было пойти на уступки буржуазии и заменить нескольких наиболее реакционных министров новыми. Среди вновь назначенных министров царице и Распутину

были особенно неприятны Самарин и Поливанов — военный министр. Складывалась революционная ситуация. Она выразилась в колебании верхов, в уступках «Прогрессивному блоку» и прежде всего в росте революционных настроений. Страна быстро шла к революции.

Основным вопросом внутренней политики и верховного управления государством было отношение царя к Государственной Думе. Там шла борьба партий с теми силами, которые стремились закрыть Думу с тем, чтобы упрочить положение самодержавия. Поэтому появлению в Думе царя придавалось большое политическое значение. Распутин был противником Думы, лишь поскольку там раздавались нападки против него; в политических партиях он не разбирался, говоря: «Какого чёрта в них толку, все равно, что права, что лева». И все же посещение царем в 1916 году Государственной Думы приписывалось исключительно влиянию Распутина. Материалы документа приводят свидетельство А. Н. Хвостого, говорящего об этом так:

«Месяца за 2–3 до посещения государем Гос[ударственной] Думы я получил такой филерский доклад (листок). Сидит Распутин совершенно пьяный, приехал опохмелиться, ему очень скучно, и он позвал наблюдавших за ним агентов пить с ним чай. Сидят, пьют чай, и один из них спрашивает: “Что ты, Григорий Ефимович, грустный, что задумался?”. Он ответил: “Сказано мне подумать, как быть с Государственной Думой, я совершенно не знаю, а ты как думаешь?”. Агент ответил: “Мне нельзя думать об этом, а то мне от начальства влетит”. Распутин тогда заметил: “А знаешь что... Я его пошлю самого в Думу, пускай поедет, откроет, и никто ничего не посмеет сделать”. В других обстоятельствах, когда реакционные партии начали кампанию против Думы и было признано полезным появление там царя, Манасевич-Мануйлов, по совету с Бурцевым, решил действовать через Распутина, о чем он рассказывал так: «Я поехал к Распутину и говорю: “Вот слушай, так и так говорят против Думы”. Он отвечает: “Да, да, это все клопы, которые ворочаются против Думы, но клопы кусаются и могут наделать бед”. Я говорю ему: “Ты имеешь влияние, устрой так, чтобы “папаша” (Николай II. — А. С.) приехал в Думу...” Он стал бегать по комнате, а потом говорит: “Ну, ладно, папаша приедет в Думу, ты скажи этому старикашке (Штюрмеру), что есть такое предположение, что, вероятно, будет царь...”»

После отставки великого князя Николая Николаевича и отъезда царя в ставку, вызвавшего протест большинства министров, верховная власть окончательно сосредоточивается в руках Александры Федоровны и Распутина. Императрица получает от царя право направлять деятельность министров. Начинается «министерская чехарда» — отставки и назначения угодных царице претендентов на высшие

должности. Главным критерием пригодности лиц к государственной деятельности служит их отношение к Распутину — «нашему другу». Многочисленные собственные показания бывших царских министров и высших сановников — А. А. Поливанова, А. Д. Самарина, А. Н. Наумова, Б. В. Штюрмера, А. Н. Хвостова, А. Д. Протопопова и др[угих] — ярко свидетельствуют об этом. Так произошла отставка товарища министра внутренних дел генерала Джунковского немедленно после того, как им был сделан царю неблагоприятный доклад о Распутине. Та же участь постигла Коковцева, который в прямой форме высказал свое отрицательное отношение к Распутину. После этого отношение к Коковцеву со стороны императрицы резко изменилось. Как ни ценил император Коковцева, как ни трудно ему было терять такого испытанного деятеля, ему пришлось уступить... Урок, полученный Коковцевым, послужил на пользу назначенному на его место председателем Совета министров Горемыкину, который, находясь у власти, пребывал в самых дружеских с Распутиным и самых почтительных с бывшей императрицей отношениях.

Распутин и И. И. Горемыкин

Председатель Совета министров Горемыкин часто удостоивался приемов у царицы и безропотно исполнял многочисленные просьбы ее и Распутина. В материалах приводятся некоторые из записок Распутина к Горемыкину с соблюдением подлинной орфографии: 1) «Дорогой божей старче выслушай их помощи ежели возможно извиняюсь Григорий». 2) «Дорогой старче божей выслушай его он пустьому совет и мудросте поклонитца Роспутин». Распутин, не стесняясь позднего времени, обращался с подобными просьбами к старику Горемыкину и по телефону.

Однажды, находясь в разношерстном и подозрительном обществе, охмелевший Распутин бахвалился, что он добьется от Горемыкина отмены ликвидации, как германской собственности, огромного имущества фабрики Вальдгоф. Тут же, из телефонной будки, он позвонил Горемыкину, долго и невразумительно заплетающимся языком объяснял премьеру, что следует оставить общество «Вальков» — как называл общество «Вальдгоф» Распутин, — аргументируя тем, что оно все равно перейдет к нам и что в нем хорошие русские люди, на что получал ответы, судя по репликам Распутина, удовлетворявшие его. Один из отчетов свидетельствовал о том, что жена Горемыкина опасно больна, и поэтому Горемыкин просил повременить, а Распутин, в свою очередь, заметил, что «старуха скоро выздоровеет».

Распутин и А. Н. Хвостов

А. Н. Хвостов был целиком обязан своей министерской карьерой проходимцу Андроникову и Вырубовой. Пожалуй, вся его «деятельность» на посту министра внутренних дел — наиболее убедительное доказательство полного разложения аппарата монархической власти. «Безграничное честолюбие, ненасытная жажда денег и крайняя неразборчивость в средствах для достижения того и другого превратили эфемерное пребывание у власти этого лидера крайне правых в один сплошной бульварный роман...» Этого было достаточно, чтобы последовала немилость царя к Хвостову. Будучи членом Государственной Думы, Хвостов возжелал получить министерский портфель. Он понял, что путь к этому портфелю лежит через маленький домик Вырубовой. Хвостов заручился поддержкой князя Андроникова, а позже — Вырубовой. Через Вырубову Хвостов получил аудиенцию у императрицы, о которой Хвостов рассказывает следующее: «Государыня приняла меня очень милостиво, сказала, что очень рада меня видеть; в очень милостивой форме, которую я теперь точно привести не могу, намекнула на то, что хотя я и не безгрешен по отношению к Распутину, но она надеется на то, что глаза у меня откроются; прибавила, что государь часто обо мне вспоминает, и сказала, что она не будет протестовать против назначения меня министром внутренних дел, если только охрана Распутина будет лежать на Белецком». Ловкий и хитрый интриган Белецкий, сумевший снискать доверие Распутина и Вырубовой, стал товарищем у Хвостова. Хвостов понял, что для того, чтобы укрепить свое положение, пока еще весьма непрочное, а затем предпринять какие-либо шаги к получению и портфеля председателя Совета министров, он должен, во-первых, действовать заодно с Белецким, а во-вторых, постараться расположить к себе Распутина.

Вместе с Белецким Хвостов начинает плести вокруг Распутина тонкую паутину сложных интриг, имевших целью: 1) заменить некоторых членов кабинета другими, ему более желательными, и 2) столкнуть Горемыкина и самому занять и его место. По плану Хвостова связь с Распутиным должен был взять на себя Андроников, который и будет передавать для исполнения все ходатайства, исходящие от Распутина. Андроников должен был давать на жизнь Распутину определенную сумму в 1500 рублей в месяц. Эту сумму Белецкий передавал Андроникову, а он будет частями выдавать Распутину при свиданиях с целью этим путем заставить Распутина иметь более частые с ним свидания на предмет влияния на него; кроме того, было предложено

на квартиру к Распутину приставить своего человека, чтобы знать в подробностях внутреннюю жизнь его и понемногу оттуда отдалять нежелательный элемент. Свидания с Распутиным намечено было установить на квартире Андроникова, приглашая Распутину на обе-ды в самом тесном кружке своих лиц, чтобы, не стесняясь, иметь воз-можность влиять на Распутину по тем вопросам, по коим нужно было Хвостову подготовить благоприятную почву наверху.

План Андроникова — Хвостова по обработке Распутину удался, хотя он и был нелегким. Несмотря на обильные «политические обе-ды», вьедливую лесть ловкого Андроникова, систематически подкре-пляемую сторублевыми купюрами, на униженное заискивание Хвос-това, Распутин сдался не сразу. Свидания с Распутиным на квартире у Андроникова постепенно стали приносить свои плоды... Хвостову удалось провести на должность обер-прокурора Святейшего синода своего свойственника Волжина и на должность управляющего мини-стерством земледелия Наумова. Он уже начал проводить на должность министра финансов своего родственника графа Татищева и подкапы-ваться под Горемыкина, чтобы самому занять его место, и, вероятно, преуспел бы в этом, если бы у него было больше терпения, осторожности и меньше уверенности в завоеванном им доверии бывшего государя. Хвостова скоро начали раздражать бесконечные ходатайства, с кото-рыми, иногда в довольно бесцеремонной форме, Распутин обращался к нему по телефону, и многочисленные просители, которых вместе со своими записками он направлял прямо к нему в министерство, а с другой стороны, и Андроников обнаружил явную тенденцию за-полнить своими креатурами министерство внутренних дел, вплоть до высших чинов включительно.

Все это достаточно надоело Хвостову, кроме того, приближалась сессия Государственной Думы с опасными запросами, речами о без-мерно усилившемся влиянии Распутину. Хвостов стал думать о том, как бы избавиться от Распутину...

Когда Хвостов окончательно понял, что в силу охлаждения к нему Распутину ему не «свалить» Горемыкина и не занять его место пре-мьера, он, чтобы спастись от предательства Белецкого, выдавшего его Распутину, послал царю сводку компрометирующих Распутину материалов и после этого сразу получил отставку; тем закончилась карьера еще одного представителя «распутинщины».

Но и дни Горемыкина также были сочтены. Его реакционная полити-ка в отношении Думы была настолько несвоевременна, что это начали понимать даже при дворе и, боясь, что взятый им курс на закрытие Думы может стоять трона, стали готовить ему замену.

Распутин и Штюмер

Распутин сделал ставку на своего старого друга — Штюмера. Но прежде чем назвать кандидатуру Штюмера на пост председателя Совета министров, он получил от него обязательство выполнять все прошения и ходатайства, которые будут поступать к нему от Распутина. По возвращении императора из ставки под давлением Распутина состоялось назначение Штюмера на пост председателя Совета министров.

Горький опыт с Хвостовым очень беспокоил Распутина в вопросе о том, кого назначить на освободившийся пост министра внутренних дел, пожалуй, самый важный для Распутина. Его колебания любопытно освещает в своем показании комиссии Манасевич-Мануйлов: «Распутин поехал к бывшей царице. Я был у него как раз в тот момент, когда он уезжал, и он сказал: “Вот сегодня Аннушка (это Вырубова) звонила и говорила, кого же назначить министром внутренних дел?” Я сам, говорит, не знаю, кого Щегловитов хочет, но он разбойник. (Я вам доподлинные слова Распутина говорю.) Крыжановский тащит меня обедать, он хочет, но он плут... Затем Белецкий хочет. Он если меня не убивал, то, наверное, убил бы меня, а старикашка сидит, пусть он один и правит». Так Штюмер одновременно был назначен и министром внутренних дел.

Произошло, однако, то, чего Распутин не ожидал: «Штюмер, считая свое положение совершенно прочным, почти не откликнулся на просьбы Распутина. У Распутина с Вырубовой стали говорить о том, что Штюмер — человек неверный, что на него нельзя положиться, что он недостаточно считается с “мамашей”, то есть с императрицей... Наконец, не посоветовавшись с Распутиным, Штюмер переменял портфель министра внутренних дел на портфель министра иностранных дел, а на должность министра внутренних дел и министра юстиции были назначены А. Н. Хвостов и Макаров, оба Распутина лично неприятные. Это вызвало охлаждение к Штюмеру императрицы... Поэтому когда против Штюмера началась кампания в Государственной Думе, то, лишенный поддержки императрицы, Штюмер должен был уйти».

Последние дни Распутина

А в это время влияние Распутина достигло своего апогея, так как фактически государством управляла императрица. Распутин же, по меткому выражению генерала Спиридовича, «был канцлером Российской империи».

Последние два месяца жизни Распутина (ноябрь-декабрь 1916 года) заполнены борьбой, которую императрица совместно с Распутиным вела против Трепова, преемника Штюрмера, и против Государственной Думы. Императрица требовала от Николая поскорее распустить Думу «на возможно более долгий срок». Считая, что Трепов «флиртует с Родзянкой», императрица доходила до крайней степени возмущения Треповым, но притом она хотела, чтобы ответственность за роспуск Думы легла на Трепова.

Рост революционного движения в столице, широкое недовольство в армии и упорное сопротивление императрицы всяким реформам, способным ослабить напряжение, толкнули правые круги на последний акт — убийство Распутина. В нем приняли участие рьяные монархисты: Пуришкевич, князь Ф. Ф. Юсупов, член царской фамилии в. кн. Дмитрий Павлович, член ЦК кадетской партии Маклаков и другие. По-видимому, монархисты решились на убийство, когда поняли, что все попытки Трепова добиться отставки Протопопова и суда над Сухомлиновым Николай решительно отвергает. 17 декабря 1916 года Распутин был убит, после чего последовала отставка Трепова.

Узнав об убийстве Распутина, Николай бросил заседание Военного совета в ставке и приехал в Петроград, но уже ничего не смог сделать для укрепления прогнившего режима, даже приверженцы которого превращались во врагов династии. И уж, конечно, он ничем не мог помешать развитию революции — охватывая все более широкие массы рабочего класса и солдат, она стремительным маршем шла к своему победному свершению.

В. РОЖНОВ

Последний временщик последнего царя. Историко-психиатрический очерк¹

Рабочая революция растет во всем мире. Конечно, в других странах она труднее. Там нет таких полоумных, как Николай с Распутиным.

В. И. Ленин

Распутин — все, Распутин — всюду; Азефы разоблаченные и неразоблаченные; и, наконец, годы европейской бойни; казалось минуту, что она очистит воздух; казалось нам, людям чрезмерно впечатлительным; на самом деле она оказалась достойным венцом той лжи, грязи и мерзости, в которых купалась наша родина.

Александр Блок

В работах В. И. Ленина дан глубокий марксистский анализ пред-революционного периода в истории царской России, социально-экономических и политических условий, господствовавших тогда в стране.

Вот что он писал, например, об этом периоде в своих «Письмах из далека»: «Первая революция и следующая за ней контрреволюционная эпоха (1907–1914) обнаружила всю суть царской монархии, довела ее до “последней черты”, раскрыла всю ее гнилость, гнусность, весь цинизм и разврат царской шайки, с чудовищным Распутиным во главе ее, все зверство семьи Романовых — этих погромщиков, заливших Россию кровью евреев, рабочих, революционеров, этих “первых среди равных” помещиков, обладающих миллионами десятин земли и идущих на все зверства, на все преступления, на разорение и удушение любого числа граждан ради сохранения этой своей и своего класса “священной собственности”» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 31. С. 12). Ленинская характеристика с предельной четкостью

¹ Печатается по: Наука и религия. 1974. № 7. С. 49–55; № 8. С. 48–53.

и ясностью вскрывает социально-политические причины и суть такого явления, как распутинщина.

Последний временщик последнего царя — Григорий Распутин — прямой продукт своего времени, того общественного и духовного уклада жизни, который веками охранялся царизмом и освещался церковью и при котором суждение невежды нередко значило много больше, чем мнение ученого, а привидевшийся истеричной царице сон превращался в политический компас государственного корабля.

Об этом немало написано — в исторических исследованиях, в воспоминаниях очевидцев, в художественных произведениях... «Зачем же тогда, — может спросить нас читатель, — еще раз возвращаться к этой позорной фигуре в истории нашей страны?» Дело в том, что есть в деятельности этого временщика одна сторона, которой большинство авторов или совсем не касалось, или же лишь слегка затрагивало. Это психические особенности личности Распутина, его казавшиеся долгое время необъяснимыми, таинственные способности воздействия на окружающих, о которых неоднократно твердили очевидцы.

Даже многие его прямые враги, махровые реакционеры, ярые защитники самодержавия, потерявшие терпение от выходов «этого мужика» и завидовавшие его влиянию, и те твердили: «Гришка Распутин — конокрад и хлыст, прохвост и неумный развратник, обманщик, хам и нахал, но тем не менее сила его воздействия на царя и других людей поистине удивительна и непонятна».

В чем же заключалось это его «таинственное» влияние на окружающих?

По-видимому, Распутин был в какой-то степени личностью незаурядной. В ту мрачную эпоху не было у него ни знатного происхождения, ни богатства, ни образования. Однако, когда жизненная борьба столкнула его, малограмотного мужика, с представителями аристократической знати, он проявил великолепное понимание их человеческой природы.

Наконец, — то, что его поклонникам казалось доказательством их мистических представлений, — его дар воздействия на людей, его мастерство внушения, в котором не могли ему отказать даже самые яростные враги! Порой и они вынуждены были признавать, что на себе испытали это влияние. В этих способностях также заключалась одна из причин его успеха, особенно у венценосной четы, наследник которой страдал неизлечимым тяжелым недугом — несвертываемостью крови (гемофилией). Ведь тогда Распутин при помощи гипнотического внушения один мог как-то помогать ему во время губительных кровотечений.

И еще одна сторона имеется в истории возвеличения «старца», весьма важная и интересная для читателей журнала, нуждающаяся в исследовании и объяснении: как рождаются и утверждаются в религиозном, мистифицирующем действительность сознании, различные святые. Об этом нас нередко спрашивают в письмах, просят объяснить причины возникновения и утверждения в разные исторические периоды чудотворцев, исцелителей, пророков и т. п. По нашему мнению, рассказ о личности Распутина и «секретах» его воздействия — один из наглядных примеров в раскрытии этой проблемы.

Можно без преувеличения сказать: в ряду авантюристов и шарлатанов, в шеренге Калиостро, Казановы, Сен-Жермена и им подобных Распутину принадлежит одно из первых мест. И, вероятно, самое первое по масштабу достигнутого успеха — по степени влияния на умы венценосных правителей, по достижению реальной власти и могущества, по возможности вести себя как заблагорассудится, открыто, на виду у всех, оплеывая и оскверняя те духовные ценности, именем которых и создавалось его могущество. И вот парадокс: чем более вызывающе, чем дерзостнее и нахальнее вел себя этот временщик, чем более цинично и откровенно раскрывал свое истинное нутро, тем прочнее становилось его положение, возрастали реальная сила и влияние на царскую чету, хотя и наживал он при этом все больше врагов среди некоторых представителей аристократии и высших кругов духовенства, даже среди родственников царя.

По нашему мнению, нельзя игнорировать все эти особенности Распутина при попытке дать его психологический портрет.

Итак, если мы хотим понять, что же представлял собой этот человек, то без всестороннего проникновения в его личность, в его психику, нам не обойтись. Но, конечно же, при этом не обойтись нам и без того, о чем писали другие авторы, — без проникновения в сущность того, что именно представляли собой тот период в истории страны и ее правители — поклонники и покровители авантюриста, вся прогнившая до мозга костей великосветская чернь, пропитанная миазмами мистицизма и дремучих предрассудков. Именно эти люди, щеголявшие знатностью своего происхождения, утонченными манерами и образованием, свободно изъяснявшиеся на многих европейских языках, будучи настроены мистически, поклоняясь различным «святым», гадалателям и звездочетам, знахарям и колдунам, по сути создали Распутина, дали ему власть, превратили в некоего высшего судию.

А сам ловкий и умный авантюрист такие столь благоприятные для него возможности узрел, — частью сознательно, в большей мере плутовским нутром своим, — и использовал для своей корысти.

Так простецкий крестьянский психолог, конокрад и сектант — уроженец села Покровского Тюменского уезда Тобольской губернии Гришка Распутин стал впоследствии самым приближенным человеком у его императорского величества Николая II, старцем Григорием Ефимовичем Распутиным-Новых, всесильным последним временщиком последнего царя!

О том, как все это произошло, и говорит наше повествование.

Наполненная призраками ночь

Едва устояло царское самодержавие перед натиском революционной грозы 1905 года. До самых основ оно было потрясено. Революцию утопили в крови, но дух ее не был сломлен. Передовые силы России, руководимые большевиками, настойчиво готовили новую революцию. Народ сознавал свои силы, верил в победу правого дела, и наступление реакции не в состоянии было изменить главного — ощущения неизбежности близкого конца самодержавия. Предчувствовали свою обреченность и угнетатели. И с еще большей лютостью старались подавлять все прогрессивное, мыслящее, передовое.

«То были времена, — писал Александр Блок, — когда царская власть в последний раз достигла, чего хотела: Витте и Дурново скрутили революцию веревкой; Столыпин крепко обмотал эту веревку о свою нервную дворянскую руку. Столыпинская рука слабела. Когда не стало этого последнего дворянина, власть, по выражению одного весьма сановного лица, перешла к “поденщикам”; тогда веревка ослабла и без труда отвалилась сама. Все это продолжалось немного лет, но немногие годы легли на плечи, как долгая, бессонная, наполненная призраками ночь».

В тяжелое время столыпинской реакции на поверхность всплыли мистика и мракобесие самого низкопробного и изуверского толка. Как поганки после дождя, вылезали всякие спиритические кружки, общества оккультистов, астрологов, хиромантов, теургов-прорицателей. Всевозможные варианты «черных, потусторонних наук» находили себе многочисленных поклонников среди привилегированных слоев общества и тянувшегося к ним мещанства. Особенным покровительством пользовался спиритизм в великосветском обществе, в приближенных ко двору кругах и в самой царской семье. Известными спиритами были, например, великий князь Николай Николаевич, его брат Петр, их жены Анастасия и Милица. Все они рьяно занимались вызыванием духов, теургией, оккультизмом.

Мистические настроения господствовали над душами, владели умами и самих венценосных правителей России. Жена Николая постоянно

была окружена целой свитой звездочетов, предсказателей, ясновидцев, магнетизеров. Несколько лет жил при дворе специально приглашенный из Франции эстрадный гипнотизер. Он должен был внушить царице, все время рожавшей дочерей, надежду на рождение сына. И только когда Александра Федоровна в четвертый раз разрешилась от бремени дочерью, решилась наконец прогнать этого шарлатана.

Особенно любила царица ездить по монастырям к скитам — беседовать со схимниками, монашками, богомолками. Широкую известность получило ее паломничество за предсказанием ожидавшей ее судьбы к 166-летней старице Десятинского монастыря Марии Михайловне. Между прочим, старица подарила своей порфириносной гостье яблоко и сказала: «Береги царя — ему трудно». Известно, что в народе яблоко считается символом головы. Впоследствии толкователи пророчеств десятинской пифии осторожно намекали, что своим поступком она хотела подчеркнуть: «Царь слаб головой, оттого ему и трудно править». Главной мечтой царицы было найти себе старца-утешителя — вроде Тихона Задонского или Серафима Саровского.

Сам Николай также сильно тяготел к сверхъестественному, загадочному, таинственному. Вот почему он и его семья всегда оказывали самое щедрое покровительство различного рода проходимцам-мистикам, вроде оккультиста Филиппа, мага Папюса, юродивого, или, вернее, юродствующего для своей выгоды, Мити Козельского, Матрены-босоножки...*

Поощрение и разжигание мистицизма в стране, как видим, шло сверху. Этому активно способствовали многочисленные специальные журналы: «Спиритуалист», «Ребус», «Вестник оккультных наук», «Сфинкс» и др. В них печатались очерки и рассказы о необычайных секретах и чудесах индийских факиров и йогов, о сверхъестественных таинствах культа Митры, об «откровениях», почерпнутых спиритами из «общения с духами умерших и загробными силами»... Книжный рынок захлестнул поток шарлатанских изданий, в которых проповедовались давно опровергнутые наукой представления о существовании внутри человека неких сверхъестественных сил вроде пресловутого «магнетического флюида», с помощью которых якобы можно легко и просто достичь богатства, успеха в обществе, любовных побед, умения предсказывать судьбу и тому подобных заманчивых вещей. Авторы обещали научить читателей открыть и развить в себе такие чудо-способности.

* См. в № 3 журнала «Наука и религия» за 1973 г. ст. В. Архипенко «У царевой кормушки».

Стремилась не отставать в широком распространении мистики и церковь, хотя внешне, формально, ее деятели старались отмежеваться от таких крайних мистических форм, как оккультизм, спиритизм и т.п. Часто то здесь, то там возникала и ширилась молва о явленных иконах, о чудотворных мощах. В церквях и монастырях вещали различные пророки и пророчицы, которым якобы сам Господь Бог давал силу прозреть и видеть будущее, подать спасительный совет, научить, как поступать в самом запутанном случае.

Особенно активизировались разного рода духовные и телесные «целители». Гремели имена иеромонаха Илиодора и первого из первых в искусстве «чудесного исцеления» и «бесоизнания» протоиерея Иоанна Кронштадтского. Как никто другой, умел он истошными воплями разжечь эпидемию истерического иступления среди своих поклонников, до отказа переполнявших Андреевский собор Кронштадта. И отсюда, с припадочных сборищ, в которые превращались его коллективные исповеди (по определению одного психиатра — «сумасшедший дом на свободе»), бежала о нем молва во все уголки необъятной России как о великом утешителе и врачевателе словом Божиим. Кликуши и фанатики, изуверы и ханжи организовали специальную секту «иоаннитов», чтобы и после смерти своего учителя разносить о нем молву по всему «божьему свету».

И все-таки пальма первенства — и в достижении высших вершин позорной славы в этой области, и в обретении реального, а не мистического могущества — досталась не дипломированному проповеднику Иоанну, а безграмотному мужику, деревенскому бродяжке Гришке Распутину. Он сумел пробраться к самому трону и стать ближайшим другом, советчиком и наставником царствующим Романовых.

Хлыщу, хлыщу, Христа ищу!

...В тот день Гришке шибко не повезло.

Подумать только: не он ли был самым ловким мастаком по части краж, какой когда-либо водился не только в Покровской слободе, но и, почитай, в Тюменском уезде, а может, и во всей Тобольской губернии. Увести лошадь средь бела дня — это для него дело пустое, а чтобы его кто поймал — никогда! Уж больно проворен и ловок. Пороть по приказу исправника — пороли. Это точно! Но завсегда, как говорится, в назидание, по подозрению — ибо уж очень безобразно себя вел и известно было: на все поганое способен. Но ему от этих пороков беда выходила малая — уж больно жилист и крепок был. Такого ни розгами, ни плетью, ни даже батогами не прошибешь. Встанет,

бывало, сплюнет, матерно выбранится — и за прежние художества принимается.

Так и велось в селе: как где какая кража, пьяная драка, девку обидели или какое другое безобразие — в первую очередь вспоминали Гришку Распутина. Недаром всем миром ему, варнаку проклятому, и кличка такая была дана...

А тут нате — попался! С жердями в руках! И на кой дьявол оно ему нужно было — это остожье! Прямо с ним и напоролся на соседа Кортовцева. Тот лясы точить не стал — вырвал кол из ограды и пошел на Гришку... Ох, и бил же! Под конец так изловчился, что ударил по голове. Тут даже распутинская сила сдала: свалился вор в беспамятстве. А Кортовцев так раззадорился, что и остановиться не может — лежачего еще несколько раз огрел. Видит, конец пришел подлецу, на радость всей деревне. Остановился, стал пот утирать, ан Гришка заворочался. Поднял его тогда Кортовцев, велел остожье взять и с ним идти в волостное управление, пусть там и рассудят. А Гришка не хочет, упирается. Тогда со всего маху его еще два удара и отступил — поднял жердины и ушел...

А тут как раз еще и лошади у Кортовцева пропали, словно корова языком слизнула. Тогда по приговору общества решили Гришку и двух его дружок-собутыльников Константинина и Трофима выслать из села вон — в Восточную Сибирь. Но пока суд да дело, бумага казенные туда-сюда ходили, ушел Распутин из села. И куда же — в Верхотурский монастырь Пермской губернии, на богомолье. «За отца, говорит, пойду. Он дал обет пешком до тех мест дойти, святым угодникам поклониться, да стар, неможется ему, а я схожу». Ну, что ж, может, и одумался Гришка. К тому же и Кортовцев говорил: после его «ученья» Распутин переменялся, вроде бы образумился, попритих...

И потащился новоявленный паломник по Руси, держась поближе к церквам да скитам. Слушал по пути странников и странниц перехожих. Многому удивлялся, кое-что не понимал, но главное для себя уразумел: не по нутру его нраву православие церковное. Тогда и пошел он к хлыстам, «божьим людям». Так начались его скитания, но уже не в одиночестве, а со странницами.

В Покровское вернулся другим человеком: бросил пить, курить, мясо есть — юродствовал, святого из себя представлял. А около кружок собрался — три парня, две приبلудшие странницы да сестры Печеркины — Дуня с Катей. Стали они молиться в подполье распутинского дома, а перед тем мыли Гришку в бане и пили воду после того мытья — вроде бы к святости его приобщались. Печеркины так даже на руках его из бани выносили и ноги ему с молитвами целовали — Христом он у них стал.

Не выдержали односельчане — пугнули их тут всем обществом за такое безобразие. И сдуло их, как ветром: ушел в новые скитания Гришка, и странницы за ним потащились. Не видели его в селе после этого много лет. А когда опять объявился — уже сильным человеком стал: у господ и царей принят. Григорием Ефимовичем тогда его величали. По-другому и не скажешь! Но если по совести спросить у любого деревенского — один ответ: как был Гришка вор и мошенник, распутник проклятый, так им и остался, только что шелковые рубахи носить стал...

На этом, дорогой читатель, расстанемся с жителями села Покровского Тюменского уезда Тобольской губернии, односельчанами Распутина. От них мы узнали о ранней биографии всецельного временщика. А теперь познакомимся с тем, какие же психические состояния возникают во время молений у некоторых сектантов и какую создают возможность порабощения мыслей и воли людей.

Как известно, мистические секты стремятся достичь какого-то осязаемого общения с Богом, духовным началом. Весьма ярко это выражается в установлениях секты Христовой веры, или, как их называли в народе, хлыстов, а также у христиан евангельской веры, или пятидесятников.

Хлысты впервые появились в России в середине XVII века. Они не признавали священников, отвергали православные обряды и таинства и вначале требовали сурового аскетизма, который затем постепенно исчез, так как секта изменила свою социальную направленность и в ее деятельности большую роль стали играть буржуазные элементы. Секта делилась на религиозные общины — «корабли». Название «хлыст» сектанты считали обидным, оскорбительным и именовали себя «людьми божьими». Их богослужения носили мистико-экстатический характер. Основное в их учении — вера в то, что если с усердием послужить (порадеть) богу, то можно добиться сошествия Духа Святого с неба на землю, почувствовать в себе живого Бога, а в особо праведного человека может вселиться сам Христос. Такие «живые христы» нередко стояли во главе общин. По мнению некоторых исследователей, название секты идет от хлыстов, которыми стегали себя «божьи люди», доходя до наивысшего исступления во время молитвенных собраний — радений.

С точки зрения психопатологии, эти радения представляют особый интерес. На них с предельной откровенностью обнажается та высшая степень болезненного экстаза, в которую приводили себя сектанты, чтобы, как они говорили, «вдохнуть в себя живого Бога». Происходили радения чаще всего по ночам. Молящиеся переодевались в длинные

белые радельные рубахи, в руки брали полотенца и зеленые ветки. Молитвенное собрание начиналось спокойно и сдержанно — со взаимных приветствий, пения религиозных песен, молитв, чтения текстов священных книг. Затем все вставали и начинали медленно ходить друг за другом в такт пению, образуя круг. Вскоре медленное хождение переходило в быстрое, шаг — в бег и прыжки, пение и молитвы — в воюющие призывы к духу, крики, взвизги, стоны. Темп все время нарастал, членораздельная речь утрачивалась... Картины радений с большой художественной силой — хотя и далеко не во всем верно — изобразил И. И. Мельников-Печерский в романе «На горах».

«Живей и живее напев, быстрее и быстрее вертятся в кругах. Не различить лица кружащихся. Радельные рубахи с широкими подолами раздуваются и кажутся белыми колоколами, а над ними веют полотенца и пальмы...

Быстрее и быстрее кружатся. Дикие крики, резкий визг, неистовые вопли и стенанья, топот ногами, хлопанье руками, шум подолов радельных рубах, нестройные песни сливаются в один зычный потрясающий рев...

Все дрожат, у всех глаза блестят, лица горят, у иных волосы становятся дыбом. То один, то другой восклицают:

— Ай дух! Ай дух! Царь дух! Бог дух!

— Накати, накати! — визгливо вопят другие.

— Ой ева! Ой ега! — хриплыми голосами и задыхаясь, иступленно в диком порыве восклицают третьи.

— Благодать! Благодать! — одни с рыданьем и стонами, другие с безумным хохотом голосят во всю мочь вертящиеся женщины...»

Нередко к концу такой «плясовой молитвы» наиболее внушаемые и истеричные впадали в корчи и судороги. Тогда-то и начинали им чудиться «небесные голоса» и «призрачные видения». В этом состоянии помраченного сознания сектанты, срываясь с голоса и часто запинаясь, как будто против своей воли (хлысты считали: именно это доказывает, что делается так «по наитию свыше», «по воле Духа Святого»), произносили полубессознательные слова. А остальные молящиеся принимали их за речения самого духа, за пророчества, «живое слово» Бога.

Дошедшее до такого крайнего предела безумное умоиступление радеющие не только не старались успокоить или облегчить, а, наоборот, воспринимали восторженно, называли «хождением в слове». Заслышав в общем шуме сбивчивую и темную речь того, кто прежде других впал в умственное беспамятство, остальные в восхищении восклицали: «Эка милость, благодать, стали духом обладать!» «Дух Святой, Дух накати!» А у секты пятидесятников выкрикивание нечленораздельных звуков

во время религиозного экстаза называлось «ангельским наречием», или говорением «на иных языках».

На самом деле такое «говорение» — есть не что иное, как хорошо известная в психиатрии глоссолалия — психогенная речевая спутанность. Она обязана своим возникновением истеро-невротическим свойствам личности, поставленной в определенные благоприятные для такого явления условия. А условия эти создаются в моменты религиозного экстаза и иступленного, длительного, целенаправленного внушения и самовнушения.

К этим-то «божьим людям» и потянулся Григорий Распутин...

Была, однако, в учении христоверов еще одна сторона, тоже весьма привлекавшая людей, подобных Распутину. Это, по сути дела, — освященный верой разврат. Этого вопроса необходимо коротко коснуться, так как без его освещения «деятельность» знаменитого «старца» не может быть понята до конца.

С самого начала своей страннической карьеры и до конца ее, уже достигнув вершин силы и могущества, Распутин старательно твердил о том, что женщины должны подчиняться, смирять свою гордыню, унижаться перед ним. Своих поклонниц он заставлял прислуживать ему обнаженными, целовать ему руки и ноги, мыть его. И при этом он еще стегал их поясками.

Знаменательно, что царица в виде особой милости раздавала такие пояски старца офицерам, ехавшим на фронт. Она полагала, очевидно, искренне, что пояски «святого старца» могут оберегать от вражеской пули. А с точки зрения специалиста-медика, подобные действия Распутина носили вполне определенный характер половой психопатии садистского оттенка. И для нас вполне очевидно: эти болезненные наклонности «святого старца», конечно же, обрели благоприятную почву в хлыстовской обрядности. Вспомним хотя бы, как во время радений «божьи люди», входя в раж, бичевали себя или друг друга и иступленно кричали: «Хлыщу, хлыщу, Христа ищу!» Ведь очень похоже поступал Распутин со своими поклонницами. О том, какова природа этого явления и каким образом оно может быть связано с религиозными чувствами, разговор особый.

После сказанного мы думаем, что читателю ясно, какие стежки-дорожки привели Распутина к хлыстам, поучавшим: плотская связь с духовными женами (то есть всеми женщинами, входящими в секту) не составляет греха, ибо это есть не проявление плотской похотливости к разврата, а духовная, чистая «христова любовь». А если сюда прибавить еще догмат о вселении Христа в особенно правочерных хлыстов, то это уже вполне удовлетворяло пылкое стремление старца

Григория доминировать, «яко Бог», над своими единомышленниками, и в первую очередь над женщинами. Очень ему нравилось являться перед ними в роли карающей силы, с плетью в руке! И чтобы они в молитвенном поклонении пресмыкались у его «святых» ног.

Старец-утешитель

Нельзя утверждать, что Распутин стал истинным и ревностным последователем секты Христовой веры. Когда он вторично ушел из родного села, то побрел по Руси, как обычный странник-богомolec, каких в то время немало ходило по дорогам страны — по монастырям и церквам, по «святым источникам» и скитам. Неискушенные в богословских тонкостях такие странники-богомольцы отдавали дань всему, что, по их мнению, было угодно Богу, — и официально православию, и различным православным сектам. И везде их принимали как божьих людей — кормили, поили, внимали их мистическим рассказам, иногда искренним, нередко — надуманным специально, на потребу слушателям, откровенно шарлатанским. Бывало, что о некоторых таких тунеядцах-святошах разносилась молва как об особо «святых» праведниках, несущих утешение и исцеление. К ним верующие относились с большим почтением.

Гришке нравилась такая бродячая жизнь с ее приключениями и почетом, который ему нередко оказывали люди — не чета его односельчанам. Да и легкие средства к жизни давала ему она при полном безделье. И он пользовался этим вовсю. Шел он всегда в окружении своих единомышленниц, истерических поклонниц, кликуш и богомолков хлыстовского толка. С «невестами христовыми» шел, с голубицами. Не скучал! Отплясывал трепака часами. Радел и не знал усталости. И в православных церквах бывал... А поклонницы молву о нем разносили. И слава его росла, уже шла впереди него...

— Слыхали, в Сибири праведник объявился, на три месяца дождь заговорил, как Илья Пророк — Гришей его зовут... — с умилением рассказывал своим слушателям инспектор Петербургской духовной академии, впоследствии ставший благодаря распутинской протекции ее ректором отец Феофан. — Видно, большой святости человек!

А между тем этот «праведник», молясь и веселясь, от села к селу, от монастыря к скиту, от города к городу добрел наконец до столицы Российской империи, до самого Санкт-Петербурга.

В 1903 году они увиделись впервые — будущий могущественный временщик и Феофан. Распутин в то время еще мало выделялся среди сонма странствующих по России тунеядцев-святош. Вот как описывал

его иеромонах Илиодор*, в бытность свою слушателем Петербургской духовной академии зашедший к Феофану и заставший своего покровителя за беседой с уже начавшим входить в известность праведником:

«Григорий был одет в простой, дешевый, серого цвета пиджак, засаленные и оттянувшиеся полы которого висели спереди, как две старые кожаные рукавицы; карманы были вздуты, как у нищего, кидающего туда всякое съедобное подавание; брюки такого же достоинства, как и пиджак, поражали своею широкою отвислостью над грубыми халявами мужицких сапог, усердно смазанных дегтем; особенно безобразно, как старый истрепанный гамак, мотался зад брюк; волосы на голове «старца» были грубо причесаны в скобку; борода мало походила вообще на бороду, а казалась клочком свалывшейся овчины, приклеенным к его лицу, чтобы дополнить все его безобразие и отталкивающий вид; руки у «старца» были корявы и нечисты; под длинными и даже немного загнутыми внутрь ногтями было много грязи; от всей фигуры «старца» несло неопределенным, нехорошим духом».

Но успех был уже совсем близок. Петербург не обманул тщеславных надежд «старца». О нем вскоре заговорили со все нарастающей силой. А уж когда Распутин пришел в Александро-Невскую лавру представиться знаменитому Иоанну Кронштадтскому, сей прославленный «чудотворец» не заставил долго ждать бывшего конокрада. И они понравились друг другу.

Ходил Распутин и в кронштадтский Андреевский собор — учиться у целителя Иоанна доводить до неистового исступления толпу обезумевших фанатиков. С восхищением говорил: «Вот отец Иоанн, хоть и ростом не велик, а какую уйму народа покоряет с одного слова. Молодец, батя!» Однако завидовать у Гришки особенных оснований не было — очень быстро росла его собственная слава.

С осени 1904 года Распутин поселился в столице, а уже на следующий год был введен тем же Феофаном в дом великого князя Николая Николаевича. Там от него все пришли в восторг. С ним стремились познакомиться многие представители знати, высшего света. Особенно пленяет он великосветских дам, в первую очередь Лохтину и всесильную фрейлину и подругу царицы — Вырубову. А в 1907 году Распутин достигает вершины успеха: Николай Николаевич вводит его в царскую семью. Там-то он и обосновался весьма прочно почти на десять лет, до самой своей смерти. Обосновался не как слуга и приживальщик,

* См. в № 9 журнала «Наука и религия» за 1988 г. ст. В Архипенко «Заговор Илиодора».

а как хозяин и наставник, отняв, — по меткому выражению одного современника, — у царя и корону, и жену.

Вот несколько эпизодов-штрихов на его пути к головокружительной карьере.

Фрейлина Вырубова, недалекая, поверхностная, но очень самоуверенная, упрямая женщина, мистически настроенная истеричка. Это очень ее сближало с царицей, и та оказывала ей всяческое покровительство. Дело дошло до того, что пресловутый «маленький домик Вырубовой» — ее дача в Царском Селе — стал, по образному определению управляющего Министерством внутренних дел тех лет Протопопова, «папертью власти». Туда обращались за покровительством и протекцией те, кто просил о передаче своих просьб «далее» — царю.

И нередко случалось, что просьбы, отклоненные по законным каналам, при подаче их через Вырубову, с черного хода дворца, получали полное удовлетворение. Постепенно «маленький домик» стал прибежищем темных дельцов, махровых спекулянтов и авантюристов всех мастей. Целыми днями они, как мухи над навонной кучей, вертелись вокруг всесильной хозяйки. Всем им было известно: фрейлина — самый доверенный человек царской семьи. Царица и часу без нее не могла обойтись: не успеет она уйти из дворца, как уже бежит посыльный с письмом — Александра Федоровна хочет обменяться с наперсницей мнением по только что возникшему вопросу. И та или опять идет во дворец, или с тем же посыльным отправляет пространный ответ, как было принято в их переписке, на английском языке, с рекомендациями и советами.

Как и царица, экзальтированная фанатичка Вырубова мечтала встретить «старца-утешителя», врачевателя душевных ран. На всю жизнь ей запомнилось, как в 1902 году, будучи больна брюшным тифом, она попросила пригласить к ней Иоанна Кронштадтского, молителя которого, как она считала, должна помочь истинно верующему человеку. «Святой целитель» пришел и отслужил молебен, а Вырубова потом умиленно говорила:

— Я сразу после его ласковых слов, после молитвы его чудотворной на поправку пошла. Снял болезнь, как и не было ее. И, что главное, с того дня мне веру настоящую открыл. Явилась мне через него милость Божья, и я поняла, что прежняя моя вера — это была еще не та, не настоящая вера, которая должна быть в человеке для счастья его. А теперь есть у меня эта вера. Дал он мне ее...

В 1907 году, за год до смерти Иоанна Кронштадтского, познакомилась Вырубова с Распутиным. Она была очень взбудоражена своей предстоящей свадьбой, напряжена. Происходило это в гостинице уже

упоминавшейся нами великой княжны Милицы Николаевны, сидели они там вдвоем:

«Беседовали мы тогда о книгах “Старчество”, “Святоотеческие предания”, “Отечник”, и вдруг Милица Николаевна многозначительно говорит: “А ведь бывают люди, особо одаренные свыше и обладающие даром провидения”. А я была ею же предупреждена, что к ней в это время должен прийти старец Распутин. Ну, понятно мое усилившееся любопытство, а вместе с тем какое-то, я бы сказала, внутреннее предчувствие, что вот именно сейчас произойдет что-то необычайно важное и для меня значительное. А Милица Николаевна, как будто читая мои мысли, мне говорит: “Попросите его, о чем хотите, — он помолится, он все может у бога...”»

Вдруг открылась дверь в соседнюю комнату, и оттуда вышел сам столь напряженно ожидаемый чудотворец. Но предоставим опять слово Вырубовой:

«Распутин поцеловался с Милицей Николаевной, а затем последняя представила ему меня. Он был одет в простой черной сибирке, и меня поразили его пронизательные глубоко сидевшие в глазных впадинах глаза. Мы втроем стали ходить по комнате, Распутин начал расспрашивать меня о том, чем я занимаюсь, где я живу и т. п., и я, озабоченная предстоящим браком, так как очень мало знала своего жениха, спросила его о том, следует ли мне выходить замуж. Распутин ответил, что он советует мне выйти замуж, но что брак будет несчастлив. Весь разговор длился минут 10–15, и я уехала».

Но хотя коротка была эта встреча, она сразу стала знаменательнейшим событием в жизни всесильной фаворитки царицы. Распутин и Вырубова весьма преуспели в искусстве влияния на умы венценосных правителей России. Правда, Распутин неизмеримо обошел фрейлину, потому что в первую очередь совершенно подавил и поработил ее самою. Таким образом, именно она, вместо того чтобы стать ему завистливым конкурентом на пути к царским сердцам, превратилась в его преданнейшего раболепного проводника в этом направлении.

Следующая встреча произошла у них через год по пути в Царское Село, куда Распутин, как и всегда, ехал в обществе какой-то молившейся на него дамы. По собственному ее признанию, Вырубова очень обрадовалась, что судьба опять свела ее со старцем, о котором она все время думала со времени их первой встречи, тем более что его предсказание о несчастливом браке полностью оправдалось. Она стала тут же просить его о встрече, чтобы рассказать ему о своей несчастной жизни. После этого их встречи сделались регулярными, и Вырубова до конца дней старца вошла в круг его преданнейших поклонниц, стала верной его помощницей. С чувством восторженной радости исполняла она роль

одной из наиболее прочных ступенек в той лестнице, которая вознесла его вверх.

Интересна одна подробность, которая явственно проступает с первой же минуты знакомства Вырубовой с Распутиным и о которой она сама говорила потом не раз. Эта подробность примечательна тем, что о ней любили распространяться и другие поклонницы старца, причем тем чаще и взволнованнее, чем более мистически настроенными и истеричными они были. Речь идет о том впечатлении, которое на них производили глаза Распутина. Характеристику этих глаз, данную Вырубовой, мы уже привели. А вот что писала другая знатная дама из его близкого окружения — Джанумова:

«Темная борода, удлиненное лицо с глубоко сидящими серыми глазами. Они поразили и меня. Они впиваются в вас, как будто сразу до самого дна хотят прощупать, так настойчиво, пронизательно смотрят, что даже как-то не по себе делается».

Другим, например Пругавину, его глаза казались «зелеными, окруженными сетью морщин». Но дело, конечно, не в субъективной оценке цвета глаз и не в мистического характера утверждениях, будто глаза старца оказывали столь сильное воздействие. Если отбросить эти явные вымыслы, то и тогда все-таки складывается впечатление, что Распутин, несомненно, использовал свои природные данные для гипнотического воздействия на поклонниц. И очевидно, делал это не только и, правильнее сказать, даже не столько при помощи одних глаз, сколько всем своим поведением, жестами, разговором, манерой общения. В этом отношении интересно познакомиться с впечатлениями такого объективного свидетеля, каким был В. Д. Бонч-Бруевич. Он специально поехал в один салон, где бывал Распутин, чтобы наблюдать за ним.

«Свободной, легкой походкой, — писал позднее Владимир Дмитриевич о старце, — вошел он в гостиную... Подходя к женщинам, он тотчас же расспрашивал, замужняя ли. А где муж? Почему приехала одна. Вот были бы вместе — посмотрел бы я вас, каковы вы есть, как живете... Мое внимание прежде всего обратили его глаза: смотря сосредоточенно и прямо, глаза все время играли каким-то фосфорическим светом. Он все время точно нащупывал глазами слушателей, и иногда вдруг речь его замедлялась, он тянул слова, путался, как бы думая о чем-то другом, и вперялся неотступно в кого-либо, в упор, в глаза, смотря так несколько минут, и все почти нечленораздельно тянул слова...

Я заметил, что именно это упорное смотрение производило особенное впечатление на женщин, которые ужасно смущались этого взгляда, беспокоились и потом сами робко взглядывали на Распутина,

и тогда точно тянулись к нему еще поговорить, еще услышать, что он скажет... Иногда он начинал быстро ходить по комнате, немного приседая и сгибаясь, быстро потирая руки... Окружающие начинали шептаться и говорили, что он что-то угадал, что он сказал правду, что он многое видит, и начинало создаваться настроение, нервно повышенное, которое можно наблюдать и в монастырях, вокруг старцев, прорицателей и пр.».

Вполне очевидно, что такая манера поведения Распутина, безусловно, была проявлением его величайшего самомнения, глубокой убежденности в своих, конечно же, мнимых сверхъестественных возможностях. В этом отношении он вполне мог быть объектом психиатрического анализа. Врач-психиатр, опираясь на известные в настоящее время материалы, имеет тут серьезные основания предполагать, что Распутин страдал параноической психопатией или, возможно, психопатией истерического круга со сверхценными идеями религиозного характера.

Немалую роль играли здесь и особенности механизма взаимодействия сознательного и бессознательного. Ведь у личностей, подобно Распутину отличающихся способностью оказывать впечатляющее влияние на некоторых людей, такое очевидное преобладание в поведении интуитивной, бессознательной мотивации проступает зримо. А именно это притягивает и покоряет людей, религиозно и мистически настроенных, так как сильно действует на их чувства, укрепляя их предуготовленную настроенность, желание испытать на себе воздействие реальных, по их убеждению, сверхъестественных сил.

Но, конечно же, поведение Распутина было одновременно и хорошо продуманным, заранее тщательно отрепетированным исполнением роли. Это видно хотя бы потому, что свое поведение он варьировал в значительных пределах — в зависимости от места и общества, в которое попадал. То, что он сознательно шлифовал свою способность производить соответствующее впечатление на людей, подтверждается также фактом, о котором рассказал на следственной комиссии Временного правительства Белецкий. Этот бывший директор департамента полиции установил, что в конце 1913 года Распутин тайно брал уроки у одного петербургского гипнотизера. «Учитель» считал старца очень способным учеником благодаря, как он говорил, «сильной воле и умению ее концентрировать».

Собрав сведения об этом гипнотизере и выявив, что он — аферист, Белецкий его припугнул, и тот быстро уехал из Петербурга. Прекратилась ли на этом «учеба» Распутина, или он нашел другого учителя — неизвестно. Зато известно другое: в отношении Вырубовой

он, несомненно, применял гипнотические приемы. На той же следственной комиссии Временного правительства, посвященной выяснению причин падения царского режима, близкий к Распутину князь Андронников показал:

«...Когда Вырубову после крушения поезда вытаскивали из-под обломков, она все время кричала: "Отец, отец, помоги!" (это про Распутина). Она верила, что он ей поможет... Так оно и вышло... Когда он приехал в Царское, то тут около большой Вырубовой стояли бывший государь, государыня, вся царская фамилия, то есть дочери, и несколько докторов. Вырубова была совершенно безнадежна. Когда Распутин пришел, он поклонился, подошел к ней и начал делать какие-то жесты и говорить: "Аннушка, слышишь ли?", и она, которая никому ничего не отвечала, вдруг открыла глаза... Это гипноз. Про это мне подробно рассказывала, кажется, та же Нарышкина...»

Нам остается только добавить: правильно, это действительно было гипнотическое воздействие со стороны Распутина, вступившего в контакт с не реагиовавшей ни на что Вырубовой, слепо веровавшей в необыкновенные свойства старца. Вера по механизму самовнушения помогла ей в борьбе с болезненным состоянием. Чуда никакого не было, да и быть не могло. Это уже тогда начинали понимать даже такие мало что смыслившие в подобных делах великосветские посредственности, как князь Андронников. В наше время, когда уже подробно выяснены физиологические механизмы гипноза и силы слова в нем, миф о «чудесных исцелениях» рассеялся, а факты, которые деятели религий всех времен и народов старались обыгрывать в выгодном для себя смысле, получили четкое и ясное материалистическое истолкование. Их причины кроются в особенностях психической деятельности мозга.

Не без успеха применял Распутин и самовнушение. Когда несколько лет спустя после описанной железнодорожной катастрофы подосланная Илиодором фанатичка Хиония Гусева (в прошлом распутинская поклонница), пробравшись к нему в селе Покровском, пырнула его ножом в живот, положение старца все считали безнадежным. Августейшие покровители направили в далекое путешествие своего лейб-хирурга Федорова. Газеты поспешили сообщить, что Распутин убит, погиб от общего заражения крови. Состояние его действительно было тяжелым. Однако трагической развязки не последовало. Бывшие в это время около него люди рассказывали, что он упорно часами твердил: «Выживу, выживу, выживу!..» И выжил.

Еще два свидетельства очевидца, относящиеся к области распутинского гипноза.

Упоминавшаяся Джанумова в своих воспоминаниях о Распутине сообщает о том, как она была у него дома, когда ему позвонили из дворца и сказали, что наследник не может заснуть — у него болит ухо. На это Распутин ответил в трубку*:

— Что? Алеша не спит? Ушко болит? Давайте его к телефону! Ты, что, Алешенька, полуночицаешь? Болит? Ничего не болит! Иди сейчас же ложись. Ушко не болит! Не болит, говорю тебе! Слышишь? Не болит. Спи!..

Через 15 минут сообщили, что ребенок заснул.

Второе касалось самой Джанумовой. Она однажды пришла к Распутину, сильно взволнованная болезнью племянницы, и спросила у него, что с той будет. «Он взял меня за руку. Лицо у него изменилось, стало как у мертвеца, желтое, восковое и неподвижное до ужаса. Глаза закрылись совсем, видны были только одни белки. Он резко рванул меня за руку и сказал глухо: «Она не умрет, она не умрет, она не умрет!» Потом выпустил руки, лицо приняло прежнюю окраску».

Сомнамбулическая стадия гипноза всегда производит большое впечатление на людей, малознакомых с этим явлением. Приобретаемая в ней способность загипнотизированного к снохождению (что, собственно, и означает это слово — сомнамбулизм), возможность отвечать на вопросы и выполнять приказания гипнотизера, оставаясь в состоянии сна, поражает. Вызывают большое удивление также изменения (зависящие от перестройка режима мозговой деятельности в этой области гипноза), которые претерпевают привычные нам способности сохранять положение тела в пространстве. При этом возникает особое состояние восковой гибкости — так называемой катаlepsии: загипнотизированный может на длительное время застыть, как статуя, без малейшего движения, в самой неудобной и вычурной позе*.

Все это, вместе взятое, легко может создать у мистически настроенного зрителя ложное впечатление о неземной отрешенности, об общении с потусторонними силами, о прозрении будущего.

Общее мнение людей, знавших и специально наблюдавших Распутину, сводилось к тому, что ему нельзя было отказать в уме, находчивости и хитрости, в большой житейской сметке. Он неплохо понимал психологию людей, особенно мистически настроенных. Это тоже в значительной степени способствовало его карьере, наряду с гипнотическими приемами помогло ему создавать вокруг своей личности ореол ясновидца, утешителя и целителя.

* Подробнее см.: Рожнова М. А., Рожнов В. Е. Легенды и правда о гипнозе. М., 1964; Они же. Гипноз и «чудесные исцеления». М., 1965.

И во дворец, до императорского трона дошел и, глумясь и издеваясь, стал шельмовать над Россией неграмотный мужик с сумасшедшими глазами...

Алексей Толстой

Я и есть — самый настоящий!

21 марта 1917 года крупнейший русский психиатр академик В. М. Бехтерев напечатал в «Петроградской газете» статью «Распутинство и общество великосветских дам».

...«Все, что известно о Распутине в этом отношении, — писал он, — говорит за то, что его сила заключалась вовсе не в гипнотизме, а во властном характере его натуры и умении поставить себя сразу до фамильярности близко ко всякой обращающейся к нему особе женского пола...

Каждую входящую даму “набожный” старец встречает в передней, прежде всего обводя своими “нежными” ручищами по всем линиям ее тела, как бы исследуя ее формы.

Этим приемом старец Распутин сразу достигает близости к входящей даме, которая становится с этих пор кандидаткой на его обладание.

...Если кто и хотел бы понимать все, что известно относительно покорения дам высшего общества грубым мужиком Распутиным, с точки зрения гипнотизма, то он должен не забывать, что, кроме обыкновенного гипнотизма, есть еще “половой” гипнотизм — каким, очевидно, обладал в высокой степени старец Распутин... Великосветское дамское общество, его окружавшее, представляло ту извращенную дегенерацией среду, в которой распутинский половой гипнотизм пожал обильную жатву».

Понятно, что для прикрытия своих постыдных дел его поклонницы старались всю прославлять «святость» похотливого старца. Если бы тот же строй, при котором появился Распутин, существовал далее, не удивительно, что мы бы услышали о чудесах, творимых на могиле «святого Григория».

Так заключил прославленный ученый свою статью — первое научное разоблачение проходимца.

Мы уже отмечали грубо сексуальный фактор в воздействии Распутина на своих поклонниц — истеричных фанатичек. Тут он выступал как истинный последователь хлыстовской секты. Но были у него и некоторые свои особенности: если позволительно так выразиться, он любил тут теоретизировать. По свидетельству его почитательниц, нередко обратившаяся к нему по какому-нибудь вопросу просительница поучалась в таком духе:

— Не суши свое сердце без любви. Без света любви душа потемнеет, и солнце тебя не будет радовать, и Бог отвернет от тебя лик свой. Пожелал я тебя — от Бога это, и грех отказывать. Без любви я силы своей лишаюсь и ты отнимаешь у меня силу мою. Дай мне миг любви — и сила моя прибудет и для дела твоего лучше будет...

Нужен ли здесь какой-либо комментарий или анализ? Одно только можно сказать: до какой же степени маразма, духовного распада, до каких пределов глумления над всеми человеческими ценностями должна была дойти правящая верхушка царской России, чтобы почитать такого человека, увлекаться и восхищаться им! А ведь он действительно завоевал и покорила ее. Вот, например, воспоминание Вырубовой, как он вошел в круг интимных друзей царицы:

«В тот вечер мы в четыре руки играли с царицей “Лунную сонату” Бетховена, всегда ее очень трогавшую. В комнате был полумрак, и тут ввели приглашенного по ее приказанию Григория. Он — волосами и бородой черный, — вошел и встал у нас за спиной, в углу. Царица обернулась и как вскрикнет, она его от неожиданности приняла за привидение, и с ней началась истерика, а он подошел, обнял ее и стал гладить по лицу и голове и так тихо говорит: “Не бойся, милая. Христос с тобой”. А сам все гладит и гладит, а она и успокоилась и голову ему на грудь положила».

А вот свидетельства очевидцев о том, как просто был завоеван и корен старцем сам самодержец всероссийский:

«За столом сидит государь, государыня с малолетним наследником на руках, их духовник отец Феофан и Распутин и беседуют о политическом положении России. Вдруг в момент паузы Распутин как ударит изо всех сил кулаком по столу. Все вскочили в смятении и испуге. Наследник громко заплакал, а Распутин подходит к царю и спокойным голосом спрашивает: “Где екнуло — в сердце али голове?” Царь, еще не оправившийся от испуга, показывает на сердце. А Распутин ему поучительно: “Ну, вот, то-то. Коли что будешь делать для Рассей, то спрашивай не ума, а сердца”».

Редко кто в истории имел такой авторитет у самодержавных владык, как Распутин у последних Романовых. Он был для них судьей, учителем, наставником. Царь и царица свято верили, что его молитва творит чудеса, что он единственный человек, способный помочь в лечении болевшего гемофилией наследника. Они даже полагали, что жизнь старца каким-то сверхъестественным образом связана с существованием их династии. Да и сам временщик настойчиво внушал им эту мысль, говоря, что когда его не будет, то и «двора не будет, и царя не будет, и Рассеи не будет».

Мистическое безумие доводило царя и царицу до того, что они становились перед старцем на колени, молились на него, целовали ему руки и ноги. К тому же Распутин, очевидно, являл собой для царя, очень далекого от простых людей и их нужд, еще некий образец представителя русского народа, который якобы поддерживает самодержавие, обогащает его своей жизненной философией и «здравым» взглядом на мир. Николай считал его спасителем трона, святым человеком, в которого вселился Христос.

Излишне говорить, что при таком положении власть Григория Распутина, по сути, не имела пределов. Все попытки наиболее трезвых и умных приближенных раскрыть царю глаза на истинное лицо старца и его тлетворное влияние успеха не имели.

Постепенно даже некоторые высшие деятели монархии, аристократы, близкие к царю, начинали понимать, что такое преклонение к добру не приведет. Не представляя себе истинных социально-экономических и политических причин многочисленных провалов царизма, военных неудач, развала хозяйства и т. п., они считали, что все дело в «этом мужике»: стоит его устранить, и все, мол, наладится. К ним присоединялись и некоторые представители высшего духовенства, считавшие, что Распутин своей деятельностью подрывает устои православия. Вот почему в последние годы жизни у старца появилось немало сильных врагов. Однако все их усилия неизменно вызывали у царя один ответ: «Григорий Ефимович — святой человек, а на святых всегда клеветают». Даже рассказы о том, что Распутин ходит в баню с женщинами, Николай II истолковывал так: «Я знаю, он и там проповедует Священное Писание».

Временщик между тем уже по собственному произволу снимал и назначал министров и высших сановников церкви. До нас дошли документальные свидетельства его могущества — безграмотные записки, нацарапанные корявым почерком на лоскутках бумаги. По этим указаниям крупнейшие чиновники должны были решать судьбы людей и важные государственные дела. Вот образчик такого послания на имя председателя совета министров Горемыкина (с сохранением орфографии подлинника):

«Дорогой старче божей выслушай ево он пусть твоему совет и мудросте поклонитца роспутин».

Правда, чаще были записки такого содержания, как та, что получил министр внутренних дел Хвостов:

«Министеру хвостову милой дорогой красивую посылаю дамочку бедная спаси ее нуждаетсяца поговорит с нем григорий».

Зато великосветские утонченные дамы во время трапезы за столом у старца, откушавши из его рук поднесенное яичко, скорлупу

не оставляли, а с благоговейным трепетом прятали в свои роскошные сумочки — уносили на память как святыню. Уходя из распутинского дома, брали на память также черные сухари. Но высшим счастьем считалось заполучить нательную рубаху божьего старца и такую, которая погрязнее, дольше ношена. Эту «реликвию» носили на себе под тонким кружевным бельем до тех пор, пока она не превращалась в совершенные лохмотья. Тогда шли вымаливать другую. И царица тоже слепо верила в сверхъестественную силу всех вещей Распутина. Она писала царю: «Не забудь перед заседанием министров несколько раз расчесать волосы Его гребнем».

До какой степени падения доводила царствующую чету дремучая невежественная вера в целительность вещей старца, показывает следующий факт. Наследнику Алексею делали операцию, и вдруг хирург под тщательно простерилизованной простыней обнаружил грязный жилет. «Это еще что такое?» — воскликнул он в законном возмущении. Николай II успокоительно ответил: «Ничего, ничего, от этого вреда не будет, только польза. Это ведь Его (Распутина. — В. Р.) жилетка!»

Конечно же, царская чета и их приближенные старались все подобные факты сохранять в тайне. В этом отношении все было предусмотрено. Даже в ближайшем окружении царя было разделение на «своих» (тех, кто принят в кружке Вырубовой и Распутина) и «не своих». Были даже установлены специальные приемы общения, шифр для переписки, условная сигнализация, пароли и т. п., чтобы максимально сузить круг осведомленных о происходящем.

Но тщательно продуманная цепь конспирации обрывалась в наиболее существенном звене. Сам Распутин в силу своей необузданной и дикой натуры не умел, просто не мог соблюдать секреты. А вернее, сознавая свою полную безответственность и безнаказанность, видимо, просто не хотел, не был заинтересован их хранить. Напротив, разоблачения, по всей видимости, весьма льстили его самолюбию, возвеличивали в собственных глазах и в среде окружавшей его кучки банкиров, маклеров, частных ходатаев и проходимцев иного рода, успешно вершивших при его посредничестве свои грязные дела. Он обычно громко и безудержно хвастал своими подвигами, пьяный куражился по кабакам, похвалялся: «Царь мне ноги целует... Я Рассеей управляю, вот каков есть я!»

Широкую огласку, например, получил его пресловутый скандал в знаменитом тогда московском ресторане — «Яре». Предлогом для приезда в Москву послужила «духовная потребность старца», как сообщали газеты, помолиться в Успенском соборе Кремля, на могиле патриарха Гермогена. Утром это и было сделано. А вечером того же дня Распутин в окружении поклонниц и с ватагой охотнорядских купчиков кутил в от-

дельном кабинете «Яра». В кабинет пригласили прославленный цыганский хор во главе с Настей Поляковой. Шампанское лилось рекой. Сам старец стаканами пил свою неизменную мадеру, запивая ее стопками водки. Звенели цыганские гитары и голоса в «ангельски чистой» душе «святого старца» Григория Ефимовича Распутина-Новых. Так величался он в последнее время по специальному указу царя, желавшего приставкой Новых очистить его старую скомпрометированную фамилию, а заодно подчеркнуть «великую» миссию старца — «обновить» Россию!

Разгулявшись основательно, Григорий вышел в центр образованного круга и начал плясать,

В этом он был большой мастер, — плясал охотно и часто, часами не зная усталости, — сказывалась, видимо, практика, приобретенная на хлыстовских радениях, и неизбывная сила натуры. Шум из кабинета проник в общий зал. Среди посетителей ресторана распространился слух о том, что это гуляет приехавший сегодня в Москву Распутин. Всем захотелось его увидеть, публика собралась у двери. Прибежал сам хозяин «Яра» Судаков. Огласка бесчинств царского временщика в его заведении пугала его, и он стал уверять своих «гостей», что в кабинете вовсе не Распутин. Ему не верили...

А между тем разошедшемуся старцу уже невозможно стало сдерживаться — ему, видите ли, стало жарко и он для прохлаждения снял брюки. Хористки стали браниться, поклонницы — восторгаться. Поднялся женский визг, купцы гоготали. Любопытные из общего зала стали ломиться в дверь... И тогда до слуха старца донеслись крики сдерживавшего толпу Судакова: «Да ей же богу, господу, не настоящий там Распутин, не н-а-с-т-о-я-щ-и-й!» Это ему показалось непереносимо обидным.

— Как не настоящий?.. Я и есть — самый настоящий! — с этими словами он ногой вышиб дверь в общий зал.

На следующий день вся Москва только и говорила о том, как ужинал Распутин после моления у гробницы патриарха Гермогена!

Царю сделали специальное донесение, а тот в ответ: «Клевета на святого старца! Он в порыве человеколюбия, трудов своих не жалея, денно и нощно молится за всех нас, грешных, а мерзкие завистники на него же, праведника, хулу несут!..»

«С чудовищным Распутиным во главе»

Став *persona grata* в царской семье, Распутин все больше и больше вмешивался в управление государством. Теперь он снимал и назначал по своему произволу не только высших чиновников и духовных чинов Священного синода, но и председателей совета министров, министров

и самых высших иереев Православной церкви. Так, по его наущению был снят холодно принявший его председатель совета министров Коковцев, а министром внутренних дел был назначен страдавший парасифилитическим заболеванием друг старца Протопопов. По поводу этого назначения ходили по рукам сатирические стихи:

Да будет с ним святой Егорий,
Но интереснее всего —
Какую сумму взял Григорий
За назначение его...

Почувствовав неограниченную власть, Распутин наглел все более и более. Не желая ни в чем себя сдерживать, он любой свой каприз превращал чуть ли не в государственный закон. И при этом помогал людям крайне нечистоплотным. Так, он сделал митрополитом сибирским своего дружка Варнаву, во многом на него похожего, неграмотного, развратного проходимца, замешанного в самых грязных историях. В Государственной Думе ходила по рукам анекдотическая телеграмма Распутина, связанная с этим назначением: «Суслик на Кавказ, — а к нам благословенье». («Суслик» была кличка митрополита Питирима, которого Распутин с понижением перевел во Владикавказ. «Варнава» — по-гречески — благословенье.)

Сложившееся положение, пожалуй, наиболее образно охарактеризовал в книге о Распутине «Святой чёрт» иеромонах Илиодор, сперва его друг, а затем завистник и враг: «В России нет Синода, в России нет царя, в России нет правительства и думы, в России есть великий Распутин, являющийся неофициальным патриархом церкви и царем великой империи».

Дело дошло до того, что даже прогнившая до конца монархическо-бюрократическая верхушка империи исторгла вопль осуждения царю. До какой же степени горького прозрения надо было ей дойти, чтобы депутат от монархической фракции Государственной Думы Скобелев воскликнул: «Распутинство в России есть явление закономерное и должность эта штатная!» А вот отрывок из доклада «О тлетворной деятельности Распутина», составленный другим членом Думы Маклаковым:

«Мистически-сексуальные извращения широко охватили самые верхи петроградского общества, вплоть до высших придворных кругов. Эта болезнь зашла так далеко, что вопрос этот подлежит компетенции не только политика, но и психиатра. Объективные данные о Распутине показывают, что историческая правда о нем звучит для двора хуже всякого навета, безудержной клеветы, хуже кошмарной сказки».

А «герой» этого доклада спокойно сидел в это время у себя на квартире, в отдельном флигеле по Гороховой улице. Беспokoясь за сохранность «драгоценного друга», царь приставил к нему специальную охрану — участились угрозы физически расправиться с Распутиным, и уже были покушения. И он — как бы под домашним арестом, один пойти никуда не может, обязательно в сопровождении городских.

«Папа, мама» — такова теперь постоянная форма его обращения к царствующей чете. А те только рады — такое обращение обозначает хорошее расположение духа у божьего человека, и главное, что он ими доволен — «сподобились» не прогневить старца...

Нет нужды подробно останавливаться на том, как в тщетной попытке спасти тонущий царизм слепые его приверженцы, полагая, что вся беда трона в одном Распутине, организовали в ночь с 16 на 17 декабря 1916 года его убийство. И тут могучий здоровьем старец задал им работы. Убивали в особняке одного из высших представителей потомственного дворянства князя Феликса Юсупова. Участвовали лидер махровых черносотенцев, организатор погромного «Союза русского народа» Пуришкевич и ближайший родственник царя великий князь Дмитрий Павлович. Распутина угощали отравленным вином и пирожными с цианистым калием. Он все съел и выпил без заметного изменения в самочувствии.

Тогда перешли на огнестрельное оружие. Первым в упор стрелял Юсупов — Распутин упал. Полагая, что он мертв, сиятельный убийца побежал на второй этаж особняка, где прятались два других заговорщика, чтобы порадовать их приятной вестью. Но когда они спустились вниз, Распутина уже там не было: «мертвый» старец, переваливаясь с бока на бок, проворно бежал по двору к воротам, оставляя на снегу кровавый след, и кричал: «Погоди, Феликс, все скажу царице!» Тогда в него дважды выстрелил Пуришкевич. Он опять упал, но когда убийцы подбежали к нему, вновь зашевелился. Выбегая во двор, Юсупов схватил тяжелый бронзовый подсвечник, и теперь все трое навалились на Распутина, а Юсупов, в совершенном исступлении, наносил ему удары по голове этим подсвечником.

Когда наконец Распутин перестал шевелиться, тело втиснули в автомобиль и поехали на окраину города, к заранее облюбованной проруби на Малой Невке. Туда, под лед, и затолкали это упорно не желавшее расставаться с жизнью тело. И долго потом еще шли споры: мертвым был засунут в прорубь старец или он еще дышал? А велись они не только из любопытства или желания поразить жизненной силой Григория. Был в этих спорах и чисто практический интерес...

Тотчас же после смерти старца царь и царица объявили Григория Ефимовича Распутина-Новых мучеником, принявшим страдание во спа-

сение России. Встал вопрос о его причислении к лику святых. А по существу в Православной церкви положению утопленник не может быть святым. Так что вопрос принимал совершенно не праздный характер. Царская чета обязательно хотела иметь еще одного святого, и притом своего, самого любимого и почитаемого — Григория-великомученика.

Была организована специальная судебно-медицинская экспертиза, которая не нашла в легких у трупа воды. А это уже убедительно свидетельствовало о том, что погибший был мертв до погружения в воду. Следовательно, к вящей царской радости, препятствие для канонизации отпадало. И стать бы Гришке Распутину официально признанным Православной церковью святым, не случись два месяца спустя Февральская революция.

Обстоятельства гибели Распутина показывают, до какой степени злобы на него дошли сами же монархисты, приспешники царского правления. И через призму этой ненависти старец вырос в их глазах в гигантскую, демоническую в своем влиянии на судьбы страны личность. А между тем, несмотря на большую власть, он по сути был фигурой бутафорской. И дело вовсе не в том, что он мог повлиять на царя и какую-то министерскую шишку снять, а другую назначить. В этом отношении никакой разницы не было между выбором самого царя, распутинским протезе или другим фаворитом. Карты тасовались из одной и той же засаленной колоды.

Страна стояла у порога великого обновления. Но они, эти Распутины — и те, что из родовых, потомственных дворцов, с великосветскими манерами и аристократическим образованием, и те, что из бродяжек-святош, варнаков и конокрадов, — звериной злобой ненавидели это близкое уже тогда будущее и старались всеми силами задержать его приход. Они знали: им там места не будет.

Социально-политические аспекты этого явления, как отмечалось в первой части нашего повествования, ясны и не нуждаются в дополнительных комментариях. Но остается еще одна его сторона, которая до сих пор вызывает непонимание: в чем же именно заключается тайна индивидуального влияния Распутина на царя, царицу и их окружение, каковы механизмы его воздействия на них. Достижения современной науки позволяют нам ответить и на эти вопросы.

Глазами современной науки

Многие из приведенных в нашем очерке фактов свидетельствуют о том, что Распутин обладал природным даром интуитивного проникновения в психологию людей и врожденными способностями

гипнотического воздействия. В сочетании с житейской хваткой ловкого и хитрого авантюриста, искусно прятавшего свои истинные побуждения и цели за напускной наивностью «открытой Богу души», это давало ему возможность покорить воображение истеричек, живших в постоянном ожидании чуда, погрязших в мистицизме самого примитивного толка.

Современный уровень психофизиологии и психиатрии позволяет дать объективный научный анализ механизма этого влияния, а гипнология — как раздел психотерапии, изучающий внушение в гипнозе, — способна объяснить не только общие закономерности, лежащие в основе этого психологического феномена в целом, но и последовательно рассмотреть его частности.

В одной из глав нашего очерка мы упомянули, что «покорения» и «прозрения» Распутина базировались на развитии у него в значительной мере способностей к интуиции. Такие способности объясняются личностными особенностями взаимодействия сознания и бессознательного в психической деятельности. Естественно, сюда относится и способность интуитивного влияния на подсознательную психическую деятельность других людей. Видимо, для большей ясности следует остановиться подробнее на этих феноменах, изучение которых в настоящее время — одна из первоочередных задач науки о функциях мозга человека и его поведении (как в норме, так и при патологических изменениях).

Чтобы понять эти в высшей степени сложные отношения и зависимости, необходим был определенный шаг вперед в развитии общей теории сознания. Он состоит в признании реальности бессознательного. Иначе говоря, у человека имеются специфические формы психической деятельности, которые он сам не осознает, но которые необходимы в его целенаправленном поведении. Эта неосознаваемая активность нашего мозга особенно важную роль играет в познавательной деятельности.

Огромное количество информации мы обычно усваиваем и перерабатываем, по сути дела не осознавая этого, то есть без участия высших уровней в иерархии наших управляющих систем. Это находит свое выражение, например, в некоторых особенностях научного и художественного творчества, в проявлениях интуиции, в автоматическом развертывании определенных форм восприятия и деятельности. Нередко впоследствии продукты такой неосознаваемой нами активности предстают перед нашим сознанием как бы неожиданно, в виде готовых логически последовательных ярких образов. Вот почему у некоторых религиозных или мистически настроенных людей они приобретают

характер своеобразных «озарений», как бы «наитий» свыше и питают тем самым мистические настроения, иррационализм — вплоть до наиболее его рафинированных философских систем. Неосознаваемая нами явно такая психическая активность может также играть определенную роль в возникновении и преодолении некоторых болезней. Это используется в современной психотерапии*.

Развитие научных представлений обо всем этом показало важность в таких процессах аффективно (аффект — бурная эмоциональная реакция человека) окрашенных переживаний, насыщенных глубоким для данного индивида смыслом, и как осознаваемых, так и неосознаваемых им психологических установок. Большое значение при этом имеет то, что нередко какой-либо факт, переработанный и усвоенный нашим сознанием, может стать главным условием, определяющим наше эмоциональное состояние.

В нашей психологии и психотерапии разработано материалистическое учение о личности, объясняющее механизм всех таких явлений. Ведущие звенья в этой теории — концепция о значимых переживаниях и о психологической защите.

Согласно этим представлениям, в процессе регулирования взаимодействия индивида с окружающей его социальной действительностью главная роль принадлежит не каким-то отдельным психологическим свойствам человека, а его личности в целом. Личность как система отношений субъекта к миру и к самому себе — это целостная иерархия значимых для данного субъекта психологических переживаний, установок. Она определяет своеобразие его внутреннего мира и поведения, характер согласования его внутренних побуждений между собой и с требованиями, предъявляемыми к нему социальной действительностью, конкретными жизненными положениями.

А психологическая защита личности — это форма активного приспособления ее сознания к определенным жизненным положениям, которые могут привести к психологической травме или же требуют от нее очень трудного и сложного приспособления. Механизм такой защиты заключается в том, что личность, сама того в достаточной мере не осознавая, пересматривает свою субъективную иерархию ценностей. Причем этот пересмотр направлен на то, чтобы отодвинуть на второй план, принизить, лишить значимости именно то, что может привести к психологической травме.

* См.: Руководство по психиатрии / Под редакцией проф. В. Е. Рожнова. М.: изд-во «Медицина», 1974. См. № 6 нашего журнала за этот год, подборку «Знахарство: истина и домислы».

Таковы коротко основные посылки понимания личности, разрабатываемые материалистическим направлением современной психологии и психотерапии. Они позволяют нам реально взглянуть в систему сложного взаимоотношения, складывающегося между сознанием и бессознательным в психике каждого человека. А когда все это касается людей, у которых основной фокус их психических переживаний смещен в сторону мистических, иррациональных представлений, то у них такие взаимоотношения сознания и бессознательного приобретают соответствующую окраску.

Мистические представления с точки зрения психиатрической следует понимать как искаженное мирозерцание, в котором ускользающие от чувственного восприятия стороны действительности кажутся ирреальными и в то же время единственно существенными. Необычные явления природы представляются чудом, и лишь какая-то одна, часто второстепенная, сторона в процессе познания принимается за универсальный ключ к окончательной истине.

Порождаемые и обостряемые столкновениями с реальными трудностями жизни эмоции побуждают сознание, с одной стороны, искать причины этих трудностей и возможности их преодоления или предотвращения, а с другой — нередко мешают осуществлению познавательного процесса в должном объеме. Подобные помехи возникают у людей тогда, когда накал их эмоций становится настолько сильным, что затемняет ясность и трезвость разума. Именно в таких условиях вырванная из общего контекста, из своих взаимосвязей какая-то одна из сторон реальности и может вырасти в сознании до размеров целого. При этом картина мира для такого человека и упрощается (сужается, уплощается), и искажается. Например, подобные состояния лежат в основе изменений сознания по истерическому типу, наблюдающихся у различного рода фанатиков во время их исступленных многочасовых молений, особенно в тех случаях, когда эти моления сопровождаются стереотипной деятельностью мышечной системы (плясовая молитва у хлыстов, вертящиеся дервиши и т. д.).

События, происходящие в мире, в том числе и судьбы людей, определяются, как известно, объективными законами общественного развития и зависят от многих причин, далеко не всегда видных и понятных человеку, но реально ощущаемых им. Сложность мира не исключает, а, напротив, обуславливает и наличие в нем случайности. Случайное событие — результат пересечений многих цепей причинной зависимости, пересечений, вероятность которых либо объективно мала, либо кажется нам таковой, потому что управляющие этими, внешне случайными, явлениями закономерности остаются

еще непознанными. Познав их, можно было бы (если такие явления представляются желательными людям, полезными для них) подобные редкие события воспроизводить, повторять. Но мистик не признает многозначности и многообразия закономерностей и зависимостей, он фиксирует свое внимание лишь на явлениях необычных, вероятность которых крайне низка. И в них он видит доказательство возможности уйти от законов природы и общества, возможности достигать сверхъестественных, чудесных результатов, действуя вопреки природе, а не следуя ее законам.

Вспышки увлечения мистикой в антагонистических обществах не случайны. Они повторяются в истории периодически, составляя существенную социально-психологическую черту так называемых переломных эпох. В эти эпохи перехода от одной социально-экономической формации к другой тяга к мистике возникает на обоих полюсах мира, разделенного надвое — на властителей и подвластных. Мучительно гнетущие противоречия, характерные для изживающей себя эпохи, достигают в это время наибольшей остроты. Они вызывают у многих людей состояние внутреннего конфликта сознания, для которого характерно сильное аффективно-интеллектуальное напряжение. Такое состояние возникает и у тех, кто занял привилегированное положение на верху общественной лестницы, и у немалого числа тех, кто испытывает все тяготы существования внизу. Однако конкретные социальные причины возникновения его на том и на другом конце — разные; точно так же по-разному протекает и дальнейшее развитие возникающего конфликта сознания.

Мы лишены тут возможности вдаваться в подробности, позволяющие достаточно полно раскрыть социально-психологический смысл появления людей, подобных Распутину, и обретения ими иногда определенной власти и влияния, как это имело место в конкретно разбираемом нами случае. Однако мы считаем нужным остановиться тут немного на том, что красной нитью проходило через все наше повествование, — мы имеем в виду умение Распутина влиять, гипнотически воздействовать на некоторых людей. Роль этого фактора в его мистической практике, как мы видели, была достаточно весома.

Гипнозу посвящены многие научные и популярные работы, поэтому тут нет смысла излагать все. Следует сказать о последних достижениях научного исследования этого психофизиологического явления, а именно о роли гипноза во взаимодействии сознания и бессознательного. Эти моменты особенно важны для уяснения механизмов, как может показаться, «сверхъестественных» возможностей гипнотического влияния Распутина и подобных ему шарлатанствующих мистиков.

Работы нашей психотерапевтической клиники Центрального института усовершенствования врачей, проводимые совместно с профессорами-психофизиологами Ф. В. Басиным и Н. А. Аладжаловой из Научно-исследовательского института неврологии Академии медицинских наук, позволили получить новые данные о гипнозе. Исследование велось с помощью высокочувствительной аппаратуры, позволяющей регистрировать донныне не исследовавшиеся данные мозговой деятельности в этом состоянии.

Изучая сверхмедленные колебания биоэлектрической активности потенциалов мозга при состоянии гипноза, мы обнаружили, что кривая этих потенциалов претерпевает резкое изменение в момент перехода загипнотизированного в наиболее глубокую стадию — в сомнамбулическое состояние. Такой перепад повторялся из опыта в опыт, причем характерные его волны четко выделялись на фоне всех других колебаний во время гипноза — и до, и после этой переходной фазы. Этот факт — объективное доказательство того, что наиболее глубокая стадия гипноза обладает своим, особым типом режима мозговой деятельности.

А это, в свою очередь, означает, что не все в гипнозе связано с действием внушения, что он, напротив, сам по себе — качественно иное, особое состояние, хотя и создающее для внушения исключительно благоприятный психофизиологический фон. Если учесть современные научные представления о структуре сознания, о котором мы говорили выше, о мозговой деятельности как разнообразии форм объединения осознаваемой и неосознаваемой психической активности, то вполне правомочно усмотреть в этой сомнамбулической фазе гипноза такое состояние психики, при котором с наибольшей полнотой проявляется именно неосознаваемая нервно-психическая деятельность.

Таким образом, здесь гипнотическое состояние выступает как некий водораздел, как бы черта горизонта, отделяющая сознание и бессознательное. Тем самым гипноз, приобретая одновременно черты того и другого состояния, того и другого качества, являет собой нечто новое, не сопоставимое ни с тем, ни с другим, особый вид мозговой деятельности, исключительное психофизиологическое состояние, характерное преобладанием бессознательного над сознанием.

Сказанное позволяет понять необычное: в гипнозе, под влиянием соответствующих внушающих воздействий проявляется яркое оживление следов утраченных впечатлений, иногда обнаруживаются огромные возможности проникновения в «кладовые нашей памяти», подспудно дремлющие на неосознаваемых уровнях нашей психики.

Совершенно очевидно, что в целом этот вопрос необычайно сложен и пока до конца не раскрыт современной наукой. Но и то, что мы знаем

о сомнамбулической стадии гипноза и связанных с ней явлениях, позволяет нам с достоверностью анализировать факты, несколько десятков лет назад совершенно необъяснимые. Так, способность Распутина быстро, как говорится, с первого взгляда проникать в мир внутренних, наиболее интимных переживаний людей истеро-невротического склада, как правило, хорошо податливых к мгновенному гипнозу, находит реальное объяснение в этих особенностях гипнотического состояния. В таком состоянии ведь и выступают на первый план бессознательные, вне гипноза не проявляющиеся в памяти переживания, а также скрываемые эмоции.

Если к этому прибавить, что сам Распутин, очевидно, обладал еще и умением самопогружаться в трансподобное сомнамбулическое состояние, во время которого чрезвычайно обострялась его врожденная интуиция, то все сказанное в значительной мере объясняет нам ту атмосферу преклонения и мистики, которая его окружала и о чем уже говорилось выше словами В. Д. Бонч-Бруевича. Эта-то способность «видеть», «угадывать», «прозревать правду» и таким образом влиять на людей и создавала ловкому проходимцу славу, была одной из важных основ его успеха.

Таким образом, достижения современной науки рассеивают и в этой области туман мистики, веками копившийся в темных уголках всего того, что принято обозначать как загадочные, таинственные, непостижимые явления человеческой психики. Ведь именно эта область всегда была наиболее привлекательна для мракобесов и шарлатанов всех мастей.

Казалось, «вещий» старец — в далеком прошлом и в наши времена никто больше о нем не вспомнит. Разве протранжирившийся вконец аристократический эмигрант Феликс Юсупов, для того чтобы подкормиться, выпустит в свет бульварный бестселлер «Это я убил Распутина», а затем — в 1965 году — предъявит иск американской радиотелевизионной компании «Коламбия бродкастинг систем», требуя денежной компенсации за ущерб, якобы нанесенный репутации его жены (она была выведена в телефильме в роли сексуальной приманки, на которую задумавший убийство Юсупов заманил Распутина в свой особняк); или дочь Распутина Мария направит (в 1927 году) в Парижскую судебную палату иск на князя Феликса Юсупова и великого князя Дмитрия Павловича с требованием возместить ей убытки, связанные с убийством ее отца (размер их она исчислила в 25 миллионов франков)... И вдруг!.. 11 ноября 1941 года, «Волчье логово» — ставка Гитлера. Его опьяненные кровью и первыми успехами орды насильников рвутся к Москве. Фюрер вещает о планах порабощения

России, о массовом уничтожении ее населения, о превращении в рабов оставшихся в живых.

...И тут нечто совершенно неожиданное: «Они устранили Распутина и тем самым ту силу, которая могла бы привить славянскому элементу здоровое приятие жизни». Высшая похвала от фашистского фюрера — и кому? Распутину! Гитлер взрывается злобным лаем. Он усердствует в желании умалить, осквернить, растоптать все подлинно великое из национального достояния нашего народа. А вот Распутина — хвалит. И это говорит о многом... Между политическими проходимцами невольно возникают взаимные симпатии. Отсюда и столь доброжелательные оценки — даже вопреки хваленому «расовому чутью», строго воспрещавшему арийцу одобрительно отзываться о славянине...

Нам кажется, что в заключение следует еще раз подчеркнуть: исследование деяний этого человека дало нам возможность наглядно вскрыть некоторые механизмы влечения к мистике, стремления к сверхъестественному, показать «кухню» изготовления «святых», богоизбранных блаженных, пророчествующих кликуш — словом, всего того, что немалую роль сыграло в многовековых заблуждениях мистиков и пережитки чего еще и в наше время дают себя чувствовать в делах отдельных религиозных фанатиков. А это вопросы, которые нужно знать атеистам, всем, кто борется за научное мировоззрение и духовное здоровье людей.

А. П. КОЦЮБИНСКИЙ, Д. А. КОЦЮБИНСКИЙ

Григорий Ефимович Распутин: психологический портрет¹

Количество домыслов и мифических подробностей, присутствующих в большинстве работ, посвященных Распутину, ошеломляет. При этом одни авторы усматривают в Распутине зловещий символ политического разложения Российской империи [1, 10, 12], другие — святого «старца-мученика» [5], третьи — чудотворца-экстрасенса [6, 18, 19, 30], четвертые — неистового сексуального вепря [7, 9, 24]. В то же время без должного внимания осталось то, что непосредственно обуславливает поведение человека, — его характер. Кстати, прекрасные психологические портреты других исторических личностей дал А. Е. Личко [14–17].

О детстве и отрочестве Григория Ефимовича Распутина известно немного. Душевнобольных в семье Распутина, судя по всему, не имелось. Отец злоупотреблял алкоголем. Старший брат Михаил умер в детском возрасте. Других детей в семье не было. Оказавшись единственным «светом в окошке», Григорий довольно быстро усвоил не вполне патриархальный тип взаимоотношений с родителями. В итоге постоянно обиженный отец то и дело бранил сына и насмехался над его многочисленными «причудами», а сын, в свою очередь, чуть что — охаживал папашу кулаками, даже выдрал у него однажды в пьяном виде клочок бороды [26].

Личностное становление Распутина происходило на фоне последствий родовой травмы. По свидетельству матери [34], Григорий, в отличие от брата, «отказывался мириться со сковывающими движения пеленками», до 2,5 лет не говорил (правда, потом довольно быстро набрал словарный запас).

¹ Печатается по: Обзорение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 1995. № 1. С. 102–111.

Позднее, как отмечал он сам, вплоть до зрелых лет «со мной ночами бывало, как с маленьким, мочился в постели» [25, с. 9]. От этого расстройства Распутин избавился лишь после того, как стал путешествовать по «святым местам». В детстве отмечались проявления эмоциональной неустойчивости. «Его поведение, — пишет дочь Распутина Матрена [34, с. 14], — измучило мою бабушку... Никогда нельзя было знать, что от него следует ожидать. Он мог то бродить по лесу среди гигантских лиственниц и берез... избегая всякого общения и упиваясь своим горем (гибелью старшего брата. — *Авт.*). А затем стать настоящей чумой для дома, носясь у матери под ногами и громко крича, так что ей казалось, что она сходит с ума». В молодости у Распутина отмечалась упорная весенняя бессонница [25, с. 9]. Известно также, что Распутин обладал на удивление плохой памятью, трудно сосредоточивался на чем-либо, вел себя крайне суетливо, перескакивал с темы на тему, был чрезвычайно непоседлив, нервозен, не расположен к систематическому труду [2, 9, 30, 33]. Вызвавшийся было подготовить Распутина к священническому сану монах Илиодор — близкий приятель «старца», ставший впоследствии его злейшим врагом, в скором времени вынужден был в отчаянии констатировать: «Ведь он — настоящий челдон, ничего не усваивает, так, какой-то обрубок!» [9, с. 53]. Распутин очень плохо и медленно читал, писал коряво и без всякого соблюдения правил орфографии и синтаксиса, цифры знал только до ста, а дальше говорил так: «две сотни рублей, три сотни», потом у него шли «тыщи», которыми он жонглировал уже совершенно произвольно [33].

В то же время современников поражало «серьезное знакомство Распутина со Священным Писанием и богословскими вопросами» [13, с. 167], а также его умение свободно толковать Библию и «вдаваться в дебри церковной схоластики и казуистики» [8, 29]. Недюжинный ум Распутина отмечали практически все — и друзья, и враги. По свидетельству шефа жандармов Курлова, Распутин обладал «практическим пониманием текущих событий даже государственного характера» [13, с. 169].

Таким образом, можно констатировать, что наличие родовой травмы не привело к формированию у Григория Распутина признаков органической психопатии, для которой характерно огрубление и примитивизация психических качеств личности. В то же время имеющиеся характерологические особенности Распутина вполне соответствуют известным критериям Ганнушкина-Кербикова (1962). Конкретные проявления этих особенностей (желание «казаться», а не «быть», демонстративность и «актерство», эгоцентричность, капризность,

стремление находиться в центре внимания окружающих и т.д.) позволяют говорить об истероидной психопатии.

В литературе до последнего времени является предметом дискуссий проблема соотношения внутренних и внешних, то есть врожденных и социально обусловленных предпосылок возникновения психопатии. Анализ личности Григория Распутина позволяет увидеть, что в ряде случаев патогенез психопатии обуславливается сложным сочетанием внутренних предпосылок и внешних условий, взаимовлияющих друг на друга и раскручивающихся как бы по спирали. В частности, последствия родовой травмы (плохая память, чрезмерная невротичность и т.д.) и связанный с нею (в частности, с затяжным энурезом) комплекс душевных переживаний способствовали формированию у Распутина деформированной личности, но эти же обстоятельства обуславливали щадящее отношение родителей к ребенку (что усиливалось статусом единственного в семье) и, в свою очередь, приводили Распутина к осознанию себя как «особого».

Большинство форм психопатий, как известно, обычно проявляются в полной мере с началом подросткового возраста. Именно с 15–16 лет Григорий Распутин навсегда перестает быть «таким, как все», поочередно примеряя на себя все более замысловатые и шикарные костюмы социального эксцентрика: деревенский пьяница-дебошир; просветленный странник-богомолец; «божий человек» при императоре; наконец, всесильный и полубезумный временщик.

Яркая истероидность Распутина отражалась в его стремлении постоянно быть в центре внимания, сосредоточивать на себе восхищенные взоры всех без исключения окружающих, чтобы заставить их вращаться вокруг солнцеподобного «старца» и светить его отраженным светом. Около него постоянно находилось сразу несколько без памяти влюбленных в него почитательниц [6, 8, 33]. Распутин не мог чувствовать себя нормально, если он не был ежесекундно окружен чьим-нибудь вниманием, переходящим в восхищение или обожание. Когда Распутин оказывался вне сфокусированного на нем внимания, он явно чувствовал себя «не в своей тарелке» [9, 11, 29]. Если же, несмотря на все его усилия, Распутина не желали замечать, он терял всякое душевное равновесие. Так, однажды в подобной ситуации Распутин «страшно заволновался, заерзал на мягком диване, потом подпрыгнул, упершись руками в сидение, влез на диван с ногами, поджал их под себя, забился в угол, засверкал яростно глазами, сбил рукой волосы на лоб, стал дергать бороду и шептать губами: «Да, мужик! Никчемный мужик, а бываю у царей... А вот пускают, да еще кланяются!» [9, с. 55].

При этом люди как таковые Распутина не интересовали. По свидетельству Белецкого, Григорий смотрел на них «только с точки зрения той пользы, которую он мог извлечь из общения с ними в личных для себя целях» [29, с. 22]. Необходимо уточнить, что главной «пользой» для Распутина являлось возвеличивание всеми доступными способами собственного «Я», а отнюдь не простое накопление материальных ценностей или же реализация некой идейной программы. «Его основным принципом было себялюбие», — отмечает английский посыл в России Джордж Бьюкенен [4, с. 158].

Распутин тонко чувствовал ситуацию и, в зависимости от конъюнктуры, мог играть самые разнообразные роли [2, 6–8, 11, 20, 29]. Благодаря исключительному актерскому таланту, Распутину удавалось довольно долго держать «в обаянии» даже тех людей, которые не только не являлись его единомышленниками, но с течением времени оказывались в стане его наиболее ярких и убежденных противников [9, 19].

По признанию бывшего директора Департамента полиции Степана Белецкого, «Гришка-провидец» был «разом и невежественным, и красноречивым, и лицемером, и фанатиком, и святым, и грешником, и аскетом, и бабником, и в каждую минуту — актером» [29, с. 499]. Это был, по словам писателя Евреинова, «крайне талантливый и искусный, несмотря на свою доморощенность, актер-самородок, понимающий не только сценическую ценность броского костюма “мужицкого пророка” (всех этих вышитых рубашек, цвета крем, голубых и малиновых, мягких сапог, поясов с кистями и т. п.), но ценность особой, подobaющей “пророку” речи» [7, с. 55].

Осознавал ли сам Распутин себя «лицедеем»? И да и нет. Происходило своего рода слияние изображаемого Распутиным с его сущностью, в то же время продолжала сохраняться неуловимая грань, отделявшая и разграничивавшая внутреннее и внешнее, сущность и изображение. Постоянная игра и смена масок не происходили бессознательно [11, 29].

Манера речи Григория Распутина стоит того, чтобы остановиться на ней особо. Дело в том, что в 1893 году, то есть в момент своего «духовного просветления» Распутин вдруг перестал говорить обыденным языком и начал «изрекать». Обыкновенно это были фразы из Писания, не связанные друг с другом, в которые вкраплялись собственные мысли. «Ни одной фразы он никогда не произносил ясной и понятной. Всегда отсутствовали либо подлежащее, либо сказуемое, либо и то и другое» [2, с. 21].

Был ли Распутин «юродивым» в настоящем смысле этого слова, то есть психически больным? Ответ на этот вопрос может быть только

отрицательным, ибо в тех случаях, когда «сомнамбулическое» поведение Распутина было ему невыгодным, он мог вести интеллектуально полноценный разговор [11, 13]. Касаясь «нарочито нелепого» языка распутинских записок и телеграмм, адресованных царям, известный историк М. Н. Покровский замечает: «Не может быть, чтобы “божий человек” не умел говорить понятию по-своему, по-крестьянски, но и ему, и его поклонникам обыкновенная человеческая речь показалась бы отступлением от ритуала» [23, с. XXVII].

Нарочитая юродивость прежде всего требовалась Распутину для психического воздействия на людей. Сила внушения «старца» была весьма ощутимой [2, 9, 29]. Первые проявления необычайных «экстрасенсорных» талантов Григория относятся к периоду раннего детства, когда он — если верить рассказам матери [34], — являлся деревенским «духовным ветеринаром» и лечил «внушением» заболевшую скотину (после смерти старшего брата эти способности, правда, резко ослабли). Сам Распутин был убежден в наличии у него особого душевного «тока». Нагляднее всего способность Распутина к психическому воздействию (суггестии) на людей видна на примере его лечебной практики [3, 5, 6, 8, 19, 30]. Однако гораздо любопытнее случаи, когда лечебный эффект, по мнению современников Распутина, достигался им на большом расстоянии, без непосредственного контакта с пациентом [6, 9, 22]. Современный уровень научных знаний не позволяет прокомментировать эти свидетельства сколь-нибудь убедительно; можно лишь допустить, что речь идет о случайном совпадении фактов либо их тенденциозном ретроспективном истолковании.

Умение психологически воздействовать на людей сочеталось у Распутина с тончайшей интуицией, позволявшей ему подчас выступать в роли «пророка», причем не только в отношении самого себя (для истероидной личности, постоянно озабоченной собственной персоной, последнее является скорее одним из имманентно присущих атрибутов, а не «чудесным даром»). Так, оказавшись незадолго до революции со своими поклонницами возле Петропавловской крепости, Распутин произнес: «Я вижу много замученных; не отдельных князей, а толпы; я вижу кучи трупов, среди них несколько великих князей и сотни графов. Нева будет красна от крови» [31, с. 62].

Следует особо подчеркнуть, что Распутин (и это также очень характерно для истероидной личности вообще, а истероидной психопатии в особенности) сам себе казался человеком тихим, скромным, робким, неуверенным, отзывчивым, благочестивым [25]. Это, однако, ничуть не мешало Распутину всюду хвастаться и называть

себя «посланцем Божиим» [33]. «Да разве можно зарывать талант в землю? Разве можно?» — возмущался он в ответ на попытки собеседника усомниться в правильности его самооценки и основанных на ней поступков [9, с. 50]. Распутин хвастал перед всеми, кто оказывался поблизости, — односельчанами, знакомыми, случайными встречными, даже перед охранявшими его филерами [2, 8, 9, 26, 30]. Нетрудно заметить, что, даже хвастаясь какими-либо материальными благами, Распутин в первую очередь демонстрировал свою личную значимость, влияние, «обожаемость» со стороны тех, кто дарил ему деньги и ценные предметы. При этом с особой охотой Распутин демонстрировал свою непосредственную власть над царской семьей [8–9].

В отличие от лиц с эпилептоидным радикалом, у Распутина напрочь отсутствовало стремление «насолить», сделать больно кому-либо, в том числе даже обидчику. Протестовал и капризничал Григорий не обязательно в форме гнева, хотя мог делать это довольно шумно и даже устрашающе [6, 8, 9, 33]. Добившись покаяния или извинения, равно как оказавшись в центре внимания благорасположенной по отношению к нему публики, он моментально успокаивался и буквально преображался [6]. Если же Распутин сталкивался с грубым отпором, он либо сразу тушевался, либо его гнев тут же угасал, обнажая глубочайшую растерянность и беспомощный страх [9]. Наиболее же сильную реакцию, включая яркие соматовегетативные проявления, Распутин выявил в ситуации, когда его пытались шантажировать дискредитацией в глазах царя и царицы [20].

Но нигде характер Григория Распутина не проявлялся с такой силой и яркостью, как в алькове. Именно будучи ипостась Распутина сыграла ключевую роль в его карьере и гибели.

Известно, что типичные истероидные личности отличаются сравнительно невысокими половыми возможностями (эротическая составляющая либидо у них значительно превосходит собственно сексуальную). Детальный анализ сохранившихся свидетельств позволяет констатировать вполне определенно: Григорий Ефимович Распутин не был той «русской любовной машиной», весть о которой разнесли по планете солисты одной из эстрадных групп. В отношении Распутина в общественном и, по инерции, в историческом сознании возникла гигантская аберрация, представляющая его образ и все, что с ним связано, в совершенно искаженном свете. Реальный Григорий Распутин был человеком с резко пониженной сексуальной потенцией, вся модель поведения которого была ориентирована в первую очередь на компенсацию этого недостатка, нетерпимого

для истероидной личности, желающей добиться тотальной любви к себе со стороны всех и вся.

Распутин действительно рвался к завоеванию как можно большего числа женщин, однако сама технология «завоевания» выглядела весьма своеобразно. Собранный на Распутина обширное «сексуальное досье» Илиодор подразделял всех его «жертв» на четыре категории. К первой относились те, кого Распутин только целовал и водил мыться в баню, ко второй — к кому он определенным образом прикасался, к третьей — те, из кого Распутин «изгонял блудного беса», и лишь к четвертой относились те, с кем Распутин, по мнению Илиодора, совершал грех плотского совокупления [9].

Женщин, относящихся к первой категории, Илиодор насчитывает «сотни... а в монастырях женских, куда вообще старец Григорий любил заглядывать, их не перечесть» [9, с. 68]. Представительниц второй и третьей групп (тех, с кем Григорий «радел» или «изгонял блудного беса») также было очень много. Особо следует подчеркнуть, что манипуляции, производимые в этих случаях Григорием с женщинами, Илиодор (подглядевший некоторые «лечебные сеансы») к телесному совокуплению не относит [9]. В этих случаях Распутин ограничивался любовными ласками в весьма широком диапазоне, включая «самые невероятные» (по терминологии Илиодора) их формы. В исключительных по разнообразию форм ласках (петтинге) и крылся секрет тех «особых ощущений», которыми одаривал Распутин своих поклонниц и пациентов. Сам Распутин категорически настаивал на том, что лечит женщин именно «лаской», а не телесным соитием.

Сценарий «сексуальных нападений» Распутина на женщин (в том случае, если речь изначально не шла о «радении» или «изгнании беса») всегда был одним и тем же: словесные домогательства, поцелуи, хаотичные прикосновения к интимным частям женского тела, срывание одежды, а в итоге... холодный «монашеский поцелуй» и призыв к страстной совместной молитве. Практически все из оставивших воспоминания «жертв» с удивлением констатируют легкость, с которой Распутин мог в любой момент, особенно если «жертва» начинала сопротивляться, прекратить свое, казалось бы, безудержное наступление и вообще перевести разговор на другую тему [6, 8, 33].

Если обстановка располагала, Распутин заранее подготовлял женщину к необычности форм своей сексуальной экспансии. «Да ты знаешь ли, в чем жизнь-то? В ласке она, а только ласкать-то надо пониную, не так, как эти ерники-то ваши, понимаешь? Они ласкают

для своего тела, а я вполнину и для духа, великая тут сила... Ну подумай сама: коли я скажу: я им и то и то дать могу, а на деле выйдет ни х... во мне нет. Тогда я и выйду обманщик и плут. Ты думаешь, мало дело — ласка некуплена? Это, думаешь, всем дается? Да друга какая за такую ласку што хошь сделает, понимаешь? Душу всю свою отдаст» [8, с. 271–272].

Зачем же Распутину необходимо было тратить столько энергии на то, чтобы уговорить женщину «отдаться», если он заранее знал, что не в состоянии показать себя полноценным партнером? Думается, здесь играли роль два обстоятельства. Во-первых, при помощи перманентных и никогда не завершающихся половым актом любовных игр Распутину удавалось удерживать в орбите собственного влияния значительное число сексуально экзальтированных и страстно влюбленных в «старца» женщин, в том числе, вероятно, Анну Вырубову. Во-вторых, постоянное обновление сексуальных впечатлений, помимо удовлетворения эротического либидо, частично компенсировало отсутствие полноценного сексуального контакта, служа таким же паллиативом, как, например, разглядывание порнографических картинок. «Любовь глазам!» вообще была одним из излюбленных занятий Распутина [9].

Помимо петтинга и разглядывания женщин, своеобразным суррогатом полового удовлетворения выступали также самозабвенный танец [6, 8] и удовольствие от унижения великосветского окружения. Так, при омовении своих ног Распутин любил заставить окружающих его женщин раздеть себя и самим раздеться догола, «дабы в муках голизы своей грешницы сильней чувствовали высшее смирение» [21]. Гордыню Вырубовой Распутин усмирал тем, что привозил к ней в гости проститутку, кухарок и посудомоек, заставляя хозяйку прислуживать. Распутин любил по праздникам особо тщательно смазывать сапоги дегтем, «чтобы приходящие с поздравлениями, валяющиеся у его ног элегантные дамы побольше бы испачкали свои шелковые платья» [30, с. 19].

То, что Распутин, несмотря на отмеченные выше особенности, все же не был абсолютным импотентом, подтверждается фактом наличия у него детей (хотя своего первенца Григорий смог произвести на свет лишь на десятый год семейной жизни).

Григорий проповедовал, что ни один человек в мире не может спастись без помощи «старца». По мнению Распутина, старец — высшее, что есть в христианстве. Но женщины слабее мужчин, и поэтому старец им стократ нужнее. При этом старцу отнюдь не возбраняется совокупляться с просветляемыми им женщинами, ибо грех, совершенный

старцем, — не грех, «т. к. душа у меня чиста и все, что во мне есть, чисто» [27]. У Распутина существовали и иные варианты «легитимизации» телесного совокупления [8, 22].

Однако идея оправдания плотского греха была не центральной, а скорее вспомогательной. «Не ради этого греха, который случается со мной редко, хожу я в баню» с женщинами [27]. Центральной же была идея «бесстрастия», реализующаяся в «снятии страстей», изгнании «блудного беса», «унижении женской гордыни» и «очищении женщин от скверны». Своей «бесстрастностью» (то есть гипопотенцией) Распутин в этом случае открыто бравировал. «Мне прикоснуться к женщине, али к чурбану, все равно... И баба, прикоснувшись ко мне, освобождается от блудных страстей» [9, с. 37]. В развитие идеи «исцеления бесстрастием» Распутиным была выдвинута своего рода «концепция» сексуальной гомеопатии, то есть лечения малыми дозами «лекарства», большие дозы которого опасны для человека. Он считал, что должен целовать женщин до тех пор, пока его поцелуи не сделаются противными. «Малый блуд», таким образом, профилактировал блуд большего масштаба. При этом от страстей Распутин предпочитал исцелять в основном молоденьких и хорошеньких женщин [9].

Григорий Распутин «исцелял» также и мужчин. Гомосексуальное начало было растревожено в Распутине еще в молодые годы, когда во время одного из странствий он оказался объектом сексуальной агрессии. Случилось это в монастыре, где несколько ночей подряд его домогались и в итоге чуть не изнасиловали отцы Сергей и Иосиф. «Я не собираюсь участвовать в ваших извращениях!» — патетически воскликнул Григорий и бросился наутек. Так он рассказывал сам [34, с. 70]. Однако в дальнейшем гомосексуальная тенденция получила развитие. «Не только я баб лечу, но и мужиков, — сообщал Распутин Илиодору. — Ты знаешь еп. Иннокентия?.. Страдает он, бедняга, очень от блудных мыслей... Я его лечил. Как только я явлюсь к нему, то он меня кладет с собой в постель под одно одеяло и говорит: “Лежи, лежи, Григорий, со мной, как ты со мною, так у меня нет плотских помышлений”» [9, с. 38]. Примечательно, что рассказ свой Распутин ведет не где-нибудь, а в бане, в которой находятся двое — он сам и красивый молодой монах. Распутин явно ждет реакции. Но Илиодор застенчиво молчит.

В 1912 году Родзянко, представляя императору фотографии, компрометирующие Распутина, пытался недвусмысленно намекнуть: «Вот Распутин, окруженный молодыми девушками, а вот мальчишки, он среди них» [28, с. 46].

Активно стремясь к знакомству с известным гомосексуалом князем М. М. Андрониковым и, наконец, впервые оказавшись у него в гостях, Распутин тут же спрашивает: «Где твоя молельня?.. Мне говорили, что у тебя есть молельня» [29, с. 304]. Остается добавить, что под домашним иконостасом, на огромной кровати, кн. Андроников любил прелюбодействовать с молодыми людьми. Поглазеть на эту «голубую молельню» и рвался сексуально озабоченный Распутин.

Судя по всему, сексуальное влечение Распутина к мужчинам было даже более сильным, чем к женщинам. О последних он то и дело отзывался уничижительно, выставляя напоказ свою «бесстрастность» (хотя в то же время тайно пил бадмаевские пилюли, укреплявшие, как он думал, гетеросексуальное влечение). Напротив, когда Распутин повествует о своих парасексуальных контактах с мужчинами, он не употребляет ни единого грубого или пренебрежительного слова, ни разу не упоминает о чувстве неприятия или тем паче отвращения, которые могли бы возникнуть у гетеросексуала. Весьма показательны и то, что единственный человек, отношение Распутина к которому действительно напоминало «слепую влюбленность», был не кто иной, как князь Феликс Юсупов и приведший впоследствии к его гибели.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аврех А. Я.* Царизм накануне свержения. М., 1989.
2. *Амальрик А.* Распутин. Документальная повесть. *Юсупов Ф.* Конец Распутина. М., 1992.
3. *Бернс Б. Алексей.* Последний царевич / Пер. с англ. СПб., 1993.
4. *Бьюкенен Дж.* Мемуары дипломата / Пер. с англ. М., 1991. 342 с.
5. *Вырубова А.* Страницы из моей жизни // Фрейлина ее величества Анна Вырубова. М., 1993. С. 237–344.
6. *Джанумова Е.* Мои встречи с Григорием Распутиным // Приложение к журналу «Огонек». № 47–49. 1992.
7. *Евринов Н. Н.* Тайна Распутина. Л., 1924.
8. *Жуковская В. А.* Мои воспоминания о Григории Распутине (1914–1916 гг.) // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах. XVIII–XX вв. Т. II–III. М., 1992. С. 252–317.
9. *Илиодор (Сергей Труфанов).* «Святой чёрт» (Записки о Распутине). Изд. 2-е. М., 1917.
10. Книга исторических сенсаций. «Черные скрижали». «Последний временщик последнего царя». Григорий Распутин по материалам чрезвычайной следственной комиссии временного правительства. М., 1993. С. 97–106.
11. *Кокцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Кн. 2. М., 1992.

12. Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. 664 с.
13. Курлов П. Г. Гибель императорской России. М., 1992.
14. Личко А. Е. Истерики, рвущиеся к власти (Александр Керенский и Георгий Гапон) // Обзорение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 1991. № 1. С. 130–142.
15. Личко А. Е. О четырех основах паранойяльной психопатии и паранойяльного развития личности на примере исторических личностей. Иван Грозный как пример паранойяльного развития на почве эпилептоидной акцентуации характера // Обзорение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 1992. № 1. С. 115–129.
16. Личко А. Е. О четырех основах паранойяльной психопатии и паранойяльного развития личности на примере исторических личностей. Сталин (Джугашвили) как пример паранойяльного развития на почве шизоидной акцентуации характера // Обзорение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 1992. № 3. С. 118–138.
17. Личко А. Е. О четырех основах паранойяльной психопатии и паранойяльного развития личности на примере исторических личностей. А. Гитлер (Шикльгрубер) как пример паранойяльного развития на почве истерической психопатии // Обзорение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 1992. № 3. С. 76–102.
18. Мэсси Р. Николай и Александра / Пер. с англ. М., 1992. 447 с.
19. Николай Второй. Воспоминания. Дневники. СПб., 1994. 560 с.
20. Никольский Б. (Борис Никольский и Григорий Распутин) // Красный архив. Исторический журнал № 1 (68). М., 1935. С. 157–161.
21. Новое время. И. М.-в. «У Григория Распутина». 1912. № 1290.
22. Палеолог М. Распутин. Воспоминания / Пер. с франц. М., 1923. 120 с.
23. Переписка Николая и Александры Романовых. М.; Л., 1923. Т. 1. Предисловие.
24. Пругавин А. Старец Григорий Распутин и его поклонницы. Самара, 1993. 64 с.
25. Распутин Г. Е. Житие опытного странника (май 1907 г.). 16 с.
26. Распутин в освещении «охранки» // Красный архив. Исторический журнал. Т. 5. М., 1924. С. 70–288.
27. Речь, 1910 г., 30 июня.
28. Родзянко М. В. Крушение империи. Харьков, 1990. 264 с.
29. Святой черт. Тайна Григория Распутина. Воспоминания. Документы. Материалы следственной комиссии. М., 1991. 320 с.
30. Симанович А. Распутин и евреи. Воспоминания личного секретаря Григория Распутина. Рига, 1991. 170 с.
31. Фалеев В. Григорий Распутин без грима и дорисовок // Чудеса и приключения. 1991. № 1. С. 58–63.
32. Шульгин В. Годы. Дни. 1920. М., 1990. 832 с.
33. Я встречалась с Григорием Распутиным. М., 1993. 56 с.
34. Rasputin: The Man behind the Myth. A personal Memoir by Maria Rasputin & Patte Barham. W. H. Allen. London.

Личность и власть.

Григорий Ефимович Распутин: судьба через призму характера (сообщение 1)¹

Ранее нами (см. «Обозрение психиатрии и медицинской психологии», 1995, № 1, с. 102–111) был проведен анализ истероидных особенностей характера Григория Ефимовича Распутина. Данное сообщение посвящено изучению влияния этих особенностей на социальную активность Распутина.

В 15 лет* Распутин вместе с несколькими друзьями начал пить и дерзко хулиганить. «Сколько раз ругали его: выталкивали в шею, как надоедливую пьянчугу, ругавшегося отборными словами» [1, с. 19]. 19 лет от роду Распутин женился. Но остепениться не думал. На крестьянском сходе, разбиравшем дело о конокрадстве, против распутинских компаньонов были найдены улики. Конокрадов выслали в Восточную Сибирь, сам же Григорий сумел оправдаться [1].

Оставшись без товарищей, Распутин продолжал безобразничать, пока однажды в возрасте 23 лет (1892 г.) не был пойман сторожем, который ударил его «колом настолько сильно, что у него из носа и рта ручьем потекла кровь, и он, потеряв сознание, упал на землю» [13, с. 119]. Известно, что у ярких истероидов, как правило, хорошо развиты способность предчувствовать опасность, исходящую со стороны окружающих, и умение лавировать в обществе таким образом, чтобы, постоянно его эпатируя, избегать в то же время серьезных для себя неприятностей. Не столько поняв, сколько «кожей» почувствовав, что прежняя линия поведения оказывается слишком небезопасной, Распутин моментально преобразился. Но поскольку быть «таким, как все» и ежедневно трудиться он не желал, да, в сущности, и не мог, Распутин избрал иной, психопатически искаженный путь социальной адаптации. В том же 1892 г. Григорий отправляется в монастырь, откуда приходит «иным» человеком: не пьющим, не курящим, не употребляющим мяса, сторонящимся

¹ Печатается по: Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 1995. № 4. С. 317–327.

* В настоящее время обнаружены документальные подтверждения того, что Г. Е. Распутин родился 10.01.1869 г. [12, 19].

людей, усердно молящимся и овладевающим церковнославянской грамотой [13]. Возвратился из монастыря Распутин «без шапки, с распущенными волосами, и дорогой он все время что-то пел и размахивал руками», так что сразу привлек к себе внимание всего села [13, с. 120]. Односельчане сочли, что Григорий просто хочет укрыться от следствия по делу о краже жердей или что на него «отрезвляюще» подействовал удар колом по голове [13]. Сам Распутин выдвигал более поэтические версии: его якобы заставила одуматься и покаяться благочестивая проповедь одного из церковнослужителей [1, 5]. Своей дочери Матрене Григорий говорил, что ему было в поле видение Казанской Божией Матери, после чего он и стал странствовать [20]. Однако ближе к истине, думается, находились односельчане, а также отец Распутина, Ефимий Андреевич, объяснявший происшедшее с сыном чудесное изменение ленью и желанием избежать тяжелого крестьянского труда [1].

Через некоторое время во сне Распутину является Симеон Верхотурский. «Иди, странствуй и спасай людей», — говорит он Григорию, который на следующий же день во время молотьбы «воткнул лопату в ворох зерна и, как был, пошел по святым местам» [6, с. 23]. На пути ему повстречалась чудотворная икона Абалакской Божией Матери, которая, по словам самого Распутина, заплакала живыми слезами и возопила: «Григорий! Я плачу о грехах людских; иди, странствуй, очищай людей от грехов их и снимай с них страсти» [6, с. 24]. Это напутствие еще сильнее обнадежило Распутина, и он отправился в дремучий лес на «духовную стажировку» к старцу Макарию. Здесь он долго истязал себя под руководством отшельника, «не переменил белья по полугоду» [15, с. 3], не мылся, молился что есть мочи. В конце концов Макарий осенил Распутина крестным знаменем и благословил на путешествие в Палестину.

Вернувшись из своего первого паломничества в Святую землю, Григорий стал еще богомольней, и, с точки зрения односельчан, странней. На глазах у всего народа он бился в церкви лбом об пол до крови. В своем дворе выкопал яму, которую нарек молельней, и там, подражая Господу, избравшему не царские чертоги, а «ясли убогие» [15, с. 4], молился в промежутках между обеднями и заутренями.

В дальнейшем каждый год, по окончании страды, Распутин брал палку и отправлялся странничать, возвращаясь в свое село Покровское лишь к следующему лету. За десятилетие исходил всю Россию. Иногда возвращался из паломничества с 2–3 страницами. Постепенно вокруг Распутина сложился кружок почитателей и почитательниц [5, 13, 15]. Образ жизни и поведения вечно стран-

ствующего и постоянно общающегося и обновляющего знакомства «праведника-богомольца» оказался конгруэнтным основным характерологическим особенностям Григория Распутина (быть не как все). Постепенно он достиг значительных успехов на пути к реализации себя в данном качестве.

В 1903 г. в Абалакском монастыре Распутин встречается недавно овдовевшую тобольскую купчиху-миллионершу Башмакову. Утешенная «старцем» вдова решает составить тому протекцию. Башмакова везет Распутина в Казань, где знакомит с викарием епархии Хрисанфом Щетинским. Очарованный «старцем», Хрисанф пишет рекомендательное письмо на имя ректора Петербургской академии Сергия Страгородского [1, 5]. Явившись в Петербург, Распутин падает на колени перед швейцаром академии и добивается приема у ректора, несмотря на то, что Сергей пытался этому воспротивиться, будучи уже к тому времени наслышанным от архиепископа Антония Волынского о том, что Распутин в Казани «на бабе ездил» [6, с. 6].

Епископ Сергей также подпадает под обаяние «старца» и представляет его царскому духовнику Феофану, архимандриту, ставшему вскоре епископом и преемником Сергия на посту ректора академии. Феофан знакомит Распутина с будущим вождем черносотенцев, студентом Петербургской духовной академии Илиодором (С. Труфановым), который, в свою очередь, представляет Григория своему покровителю — саратовскому епископу Гермогену [6]. Так возникает православно-церковное «распутинское лобби», оказавшееся, впрочем, недолговечным.

Церковники во главе с Феофаном ввели экстравагантного «старца» из провинции в аристократические салоны Петербурга, проявлявшие в ту пору повышенный интерес, с одной стороны, к национально-русским, а с другой — к мистико-религиозным проблемам. В начале 1905 г. по инициативе Феофана Распутин знакомится с Милицей и Анастасией (Станой), дочерьми черногорского князя Николая Негоша и женами великих князей Петра и Николая Николаевичей, приходившихся дядями Николаю Второму [6]. На обеих сестер Распутин произвел неотразимое впечатление, вследствие чего Милица Николаевна свела Распутина с любимой фрейлиной Александры Федоровны Анной Вырубовой [14].

«Приобретя в лице Вырубовой послушную исполнительницу своих желаний и деятельную помощницу в деле укрепления своего влияния и значения во дворце, — отмечает Белецкий [18, с. 505], — Распутин дерзко перешагнул черту заповедную... и из Гришки превратился в отца Григория для своих почитательниц и во всемогущего Григория

Ефимовича для лиц, прибегавших к его заступничеству, влиятельной поддержке, помощи или посредничеству».

В салонах тем временем слава Григория стремительно росла. Он стал экзотическим «десертом», которым «угощали» в шикарных гостиных. Даже такой далекий от мистицизма человек, как Столыпин, после взрыва 12 августа 1906 г. счел полезным пригласить «старца» к постели тяжело раненной дочери, чтобы тот помолился за нее [2].

Последний рывок наверх был осуществлен в конце 1905 г., вскоре после всероссийской октябрьской стачки и опубликования «конституционного» Манифеста 17 октября. Феофан и сестры-черногорки настойчиво рекомендовали Распутину царям [11]. Поначалу Николай и Александра колебались, но 1 ноября в царском дневнике появилась запись: «Пили чай с Милицей и Станой. Познакомились с человеком Божиим — Григорием из Тобольской деревни» [4, с. 287].

Попав в число прорицателей и «божиих людей» (их у последней русской императрицы всегда было несколько), Григорий поначалу не выделялся среди прочих. Качественный скачок в отношении Николая II к «старцу» происходит летом 1906 г. К этому времени (18 июля 1906 г.) личность Распутина становится для императора настолько эмоционально значимой, что устаивается особого упоминания в более чем краткой дневниковой записи, причем какие-либо пояснения к имени «Григорий» на сей раз отсутствуют. Наиболее вероятной представляется следующая версия укрепления распутинского влияния на царя именно в этот отрезок времени.

Феофан рассказывал Илиодору, как в 1906 г. на одном из семейных чаепитий зашел разговор о политическом положении в России. «Старец Григорий вдруг как выскочит из-за стола, как стукнет кулаком по столу. И смотрит прямо на царя... “Ну что? Где екнуло? Здесь али тут?” — при этом он сначала показал пальцем себе на лоб, а потом на сердце: “Здесь, сердце забилося!”. “То-то же, — продолжал старец, — коли будешь делать для России, спрашивайся не ума, а сердца. Сердце-то вернее ума”... Государь сказал: «Хорошо», а государыня поцеловала его руку, произнесла: “Спасибо, спасибо, учитель”» [6, с. 7].

В 1906 г. наиболее трудным и непредсказуемым по своим последствиям политическим решением, ответственность за которое должен был возложить на себя Николай II, явился Указ о роспуске 1-й Государственной Думы. Указ был подписан 7 июля. Дума распущена 9-го. Роспуск прошел сравнительно спокойно. Логично предположить, что нерешительный и мистически настроенный Николай, готовясь принять столь ответственное решение, не ограничивался доводами разума, которые ему приводили Столыпин и другие высшие

сановники, а пытался опереться на мнение «божиих людей» из народа, тем более что именно «гневом народа» угрожала правительству оппозиционно настроенная Государственная Дума. Судя по всему, совет Григория, укрепивший Николая в решимости отринуть сомнения и взять ответственность на себя, а также сравнительно благополучный исход дела резко повысили авторитетность Распутина в глазах самодержца и сформировали эмоциональное и доверительное отношение к нему.

Завоевание сердца императрицы происходило по иному, не связанному с политикой, сценарию, в котором главным действующим лицом являлась Анна Вырубова, активно приучавшая Александру Федоровну к мысли о чудодейственных способностях Григория [5]. Позже, в конце 1907 г., Распутину удалось при помощи одной лишь молитвы остановить внутреннее кровотечение у наследника, страдавшего гемофилией [2, 18], что явилось более веским и надежным эмоциональным аргументом в пользу исключительности и незаменимости придворного «старца».

Начиная с 1908 г. Распутин стал регулярно появляться в царской семье, и именно с этого момента над его головой начинают сгущаться первые петербургские тучи. В тех самых крайне правых салонах, где еще недавно его принимали с распростертыми объятиями, вдруг возникают слухи о том, что Распутин у себя в Покровском «творит грех» вместе с приезжающими к нему из Петербурга барышнями, а также о его коллективных помывках в бане, где Григорий и его «сестры» «поют духовные песни и пляшут» [1, 4]. Само собой напрашивалось обвинение Распутина в «хлыстовской ереси» (проведенное в связи с этим расследование, правда, ни к чему не привело) [14].

Думается, решающим в изменении отношения крайне правых к Распутину явилось то, что, оказавшись одной из самых влиятельных придворных фигур, Распутин занял ту вакансию, на которую претендовали высокопоставленные черносотенцы. Использовать же самого Распутина в политических целях оказалось невозможно: поначалу одобрявший с подачи своих покровителей деятельность Союза русского народа, не терпевший ничьей опеки Распутин быстро «деполитизировался» и по поводу лидеров черносотенных союзов неизменно повторял: «Не люблю их... Худо они творят... Худо это — кровь» [1, с. 116].

С трудом отбившись от нападков со стороны организованных Феофаном «третейских судов» [16], Распутин решил удалиться из Петербурга, отправившись в турне по городам Поволжья, где Григория с нетерпением ждали епископ Гермоген и иеромонах Илиодор. Дружба

с Илиодором в этот период была тем прочнее, что именно благодаря заступничеству Распутина, мятежный иеромонах не был переведен из Царицына в Минск, куда его хотел отправить Столыпин, раздраженный экстремистской агитацией Илиодора [1, 6]. В Петербург Распутин вернулся лишь в конце 1910 г.

Недоброжелатели тем временем решили действовать активнее. Феофан вместе с иеромонахом Вениамином — таким же, как и сам Феофан, аскетом-девственником, — организовали антираспутинскую компанию, к которой подключился председатель Государственной Думы октябрист А. И. Гучков [1]. В периодической печати была опубликована серия статей [16], изобличающих Распутина, причем либералы к уже обычным обвинениям в хлыстовстве присоединили упоминания о связях Распутина с черносотенными церковниками и некими таинственными «высокопоставленными лицами». Можно считать, что именно с этого времени Распутин начинает превращаться из реального человека в зловещий миф.

На защиту Григория выступил лишь лично обязанный ему Илиодор, в то время как даже Гермоген стал высказываться двусмысленно [!]. Спасать Распутина пришлось лично самодержцу. В ноябре 1910 г. епископ Феофан, бывший до того духовником царицы, стал епископом Таврическим и Симферопольским и навсегда прекратил играть политическую роль. Однако в дело вмешался Столыпин. Вызвав по настоянию Николая Распутина к себе, Столыпин, вопреки царским ожиданиям, «прикрикнул на него и сказал ему прямо, что на основании документальных данных» Григорий у него в руках, и он может «раздавить его в прах, предав суду по всей строгости закона о сектантах», ввиду чего Распутину было предложено «немедленно, безотлагательно и притом добровольно покинуть Петербург и вернуться в свое село — и больше сюда не появляться» [17, с. 29]. Когда Столыпин доложил обо всем Николаю, тот «не обмолвился ни одним словом и попросил перейти к делам очередного доклада» [8, с. 162]. Это означало крайнюю степень бессилия и недовольства одновременно.

Почувствовав, что ситуация близка к критической, Распутин в очередной раз решил удалиться на время из Петербурга. Вооружившись посохом, «старец» отправился в Иерусалим. В глазах царской четы жест получился эффектным: только святая душа могла так ответить на оскорбления злых людей! После возвращения Григория из Палестины Николай записывает 4 июня 1911 г.: «После обеда имели радость видеть Григория» [2, с. 347]. Вскоре после этого царица привозит Распутина в Киев на торжества по поводу открытия памятника Александру II, во время которых Столыпин гибнет от пули террориста.

После смерти Столыпина вес и влияние Распутина возросли. В начале ноября 1911 г. он после настойчивых просьб царицы, обеспокоенной здоровьем Алексея, вернулся в Петербург. Одновременно Григорий дерзнул добиться от царя неслыханной милости: назначения тобольским епископом одного из своих друзей безграмотного, «непристойного, гнусного» отца Варнавы [11, с. 14]. Помимо этого, стало известно, что обер-прокурор Синода В. К. Саблер получил приказание пожаловать Распутину сан иерея (стоит напомнить, что все усилия Илиодора по подготовке Григория к священническому сану незадолго до этого потерпели фиаско из-за неспособности Распутина к усвоению систематических знаний). По Петербургу циркулировал слух о том, что Саблер в благодарность за то, что Распутин «поставил его в оберы», поклонился «старцу» в ноги [7, с. 28].

Такого надругательства над церковью и собой лично ни Гермоген, ни Илиодор выдержать не могли. Распутин открыто встал над ними, и за это монахи решили проучить зарвавшегося безграмотного выскочку. В декабре 1911 г. Гермоген вызвал Распутина к себе на Ярославское подворье в Петербурге, где в присутствии Илиодора и других лиц разыгралась совершенно неприличная история [1, 5–7, 17].

Сперва косноязычный, сухорукий и хромой Митя Козельский (предшественник Распутина в сонме «божиих людей», окружавших царскую семью), набросился на Распутина с обвинениями и потащил его к иконе, где ухватил за половой орган и попытался оскопить, а затем принялся плевать Григорию в лицо. Затем Илиодор и Гермоген принялись осуждать Григория за богопротивное поведение, говоря, что он губит государя и его семью, позволяя газетам втаптывать в грязь священное царское имя. При этом Гермоген — колосс, в прошлом офицер, исключенный в числе двадцати гвардейцев из армии за гомосексуализм и впоследствии якобы оскотивший себя [10], — нанес Распутину несколько мощных ударов наперсным крестом по голове. В план заговорщиков входило взять с Распутина клятву о том, что он уедет к себе в Покровское, и запереть его в угловой комнате подворья, куда Гермоген не возвратится от царя, которого он должен был убедить в необходимости «развязаться» со «старцем». Одновременно с этим предполагалось послать «хороших людей» в Покровское, чтобы они дотла сожгли дом Распутина вместе со всеми находившимися в нем вещами, дабы стереть всякую память о том, что Григорий некогда общался с царями. Григорий, первоначально дрожащий от страха и вытянувшийся в струнку, почувствовав, что враги его тоже нервничают и излишне горячатся, перешел в контратаку, стал браниться и даже бросился на Гермогена. Тогда Распутину стали

душить, но тут в дело вмешался юродивый Митя Козельский, бестолковая суетливость которого помогла Григорию вырваться. Убегая, он успел обложить владыку Гермогена площадными ругательствами и, выскочив на улицу, тут же принялся жаловаться прохожим, что его хотели кастрировать.

И вновь, как и в случае с Феофаном, Распутина в первую очередь заботит не стремление отомстить обидчику, а страх потерять царское расположение. Он льстиво просит Илиодора: «Голубчик, дружок!.. Окажи мне милость. Помири с Гермогеном» [6, с. 139].

Лишь после того, как возмущенный тем, что на Распутина «напали, как нападают разбойники в лесу, заманивши свою жертву в западню» [7, с. 25], государь отказал Гермогену в аудиенции. Григорий успокоился и встретил пришедшего к нему Илиодора «с наглою, злою улыбкою и словами на своих безобразно-чувственных губах: “Ну что, Гермогешка, достукался? Нарвался!”» [16, с. 141].

Данная особенность поведения: с одной стороны, равнодушие к проблеме «отмщения обидчику», а с другой — крайняя заинтересованность в сохранении социально престижного статуса, — на наш взгляд, хорошо подтверждает некорректность определения характера Г. Е. Распутина как «эпилептоидного» и, напротив, вполне вписывается в структуру истероидных характерологических черт.

На фоне грандиозного скандала, связанного с именами Гермогена и Илиодора, а также появившейся в это время публикации писем (украденных Илиодором) к Распутину царской супруги и дочерей, приват-доцент Московской духовной академии М. И. Новоселов выпускает в свет брошюру «Распутин и мистическое распутство», в которой недвусмысленно намекает на причастность царя и царицы к хлыстовству. Гучков, ставший признанным вождем «партии антираспутинцев», напечатал в октябристском официозе «Голос Москвы» от 24 января 1912 г. письмо М. Н. Новоселова, в котором тот риторически возмущался: «Доколе, Святой Синод, перед лицом которого уже несколько лет разыгрывается этим проходимцем преступная комедия, будет безмолвствовать и бездействовать?» [3]. Министр внутренних дел А. А. Макаров предпринял попытку слегка надавить на прессу, в ответ на что Гучков внес на обсуждение Думы запрос министру внутренних дел «о запрещении писать о Распутине». Вопрос о Григории Ефимовиче, таким образом, официально стал «государственным». Так неожиданно для самого Распутина начался его конфликт с Думой.

Все шло к тому, что Распутина придется удалить из столицы. А. А. Макаров и премьер-министр В. Н. Коковцов несколько раз

пытались заговорить с царем на распутинскую тему, но всякий раз получали ответ, что «нужно хорошенько обдумать эту отвратительную сплетню», «нужно действительно пресечь эту гадость в корне», но «мы поговорим подробно при Вашем следующем докладе», «я приму к этому решительные меры», «я Вам скажу об этом впоследствии», «а пока — не будем больше об этом говорить. Мне все это до крайности неприятно», «но я все-таки не понимаю, каким образом нет возможности положить конец всей этой грязи» [7, с. 29].

Гучков тем временем продолжал «бить в набат», пользуясь свободой слова депутата Государственной Думы. 9 марта 1912 г. при обсуждении одной из бюджетных смет он назвал Распутина «изувером-сектантом», «творящим свое темное дело», «проходимцем-плутом», обделяющим свои «темные делишки», личностью, за которой скрывается «целая банда» «ненасытных честолюбцев» [1, с. 154].

Несправедливость происходящего не могла не казаться Распутину, истероиду с патологически сниженной самокритикой и гипертрофированным стремлением к самовозвеличиванию, вопиющей, а потому абсолютно нетерпимой. Он — «бесстрастный старец», а его уличают в прелюбодеянии (да еще с кем — с царицей!), он — спаситель наследника, а его обвиняют в том, что он губит династию! Чувствуя, однако, что ситуация становится слишком взрывоопасной, Распутин решает в мае 1912 г. добровольно покинуть Петербург и уехать в Покровское.

Прощаясь с царем и царицей, Распутин не преминул сделать так, чтобы его отъезд не воспринимался Николаем и Александрой как «долгожданное облегчение»: «Я знаю, что злые люди подкапываются под меня. Не слушайте их. Если вы меня покинете, вы потеряете в течение шести месяцев вашего сына и вашу корону». Царица немедленно воскликнула: «Как можем мы тебя покинуть? Разве ты не единственный наш покровитель, наш лучший друг?» и, преклонив колени, попросила Григория о благословении [11, с. 17].

Таким образом, следует отметить, что на протяжении 1906–1912 гг. Григорию Распутину удавалось балансировать «на грани», с одной стороны, пользуясь теми возможностями по «предъявлению себя», которые давал ему статус царского фаворита, а с другой — умея в критической ситуации добровольно «стусеваться» и таким образом отвести от себя угрозу со стороны становящихся все более многочисленными «врагов».

В октябре 1912 г. Распутин, наперекор докторам, предсказывает в телеграмме улучшение здоровья наследника, находящегося при смерти [11]. После этого Григорий решается приехать в Петербург,

но при Дворе некоторое время не показывается и вообще стремится не «мозолить глаза» окружающим. Либералы к тому времени о Распутине слегка подзабыли. Однако в очередной раз о нем решили вспомнить крайне правые.

Хозяин известного правомонархического салона, публицист и кти-тор Исаакиевского собора генерал Богданович попросил завсегдага «антираспутинского кружка» директора департамента полиции Белецкого поручить своему агенту и одновременно журналисту И. Ф. Манасевичу-Мануйлову опубликовать обличающие Распутина материалы. Манасевич-Мануйлов спровоцировал Григория на откровенный разговор (сделать это было несложно), не предупреждая, однако, о намерении предать его содержание гласности. «Распутин был страшно на меня обозлен», — вспоминал позднее Манасевич-Мануйлов [18, с. 310]. «Я те все говорил для души, а у ты вышло все для гумаги», — сокрушался Григорий [9, с. 205]. Впрочем, и на этот раз реакция Распутина не носила никаких следов озлобления или стремления отомстить «обидчику»: довольно скоро отношения Распутина и Манасевича-Мануйлова приняли почти дружеский характер, и хитроумный и льстивый журналист стал одним из деятельных сотрудников «старца» [9]. Тем временем опубликованные Манасевичем-Мануйловым интервью были перепечатаны английскими и французскими газетами, в связи с чем скандальная слава Распутина стала мировой.

Рассмотренный длинник жизни Г. Е. Распутина позволяет выделить следующие этапы его личностной самореализации.

1-й этап (1869–1892 гг.) — формирование истероидной психопатической личности, яркие особенности которой проявились начиная с переходного возраста, протекавшего с явлениями искаженного пубертатного криза и тенденцией к социальной дезадаптации.

2-й этап (1892–1904 гг.) — избрание молодым человеком роли учающего других «старца» с совершенствованием «профессиональных навыков» в рамках избранного амплуа: относительно успешная адаптация в искусственно избранных сферах деятельности (связанных с реализацией себя в новом качестве) при недостаточной — в традиционных областях социального функционирования.

3-й этап (1905–1912 гг.) — карьерное продвижение при относительно устойчивой социальной адаптации, обусловленное особо благоприятной для этого социальной конъюнктурой.

Таким образом, пример Распутина позволяет обратить внимание на тот факт, что психопатическая личность на определенном жизненном отрезке и при особо благоприятных социальных условиях

способна находить свою «экологическую нишу» или даже добиваться значительных карьерных успехов. Важно, однако, отметить следующее: для этого необходим социальный спрос на «деструкцию» (одобрение искусственных форм «псевдодеятельности» в рамках суеверных или иных мистических ожиданий толпы), что возникает в ситуации глобального социального кризиса.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Амальрик А. Распутин. Документальная повесть. Юсупов Ф. Конец Распутина. М., 1992.
2. Боханов А. Н., Захарова Л. Г., Мироненко С. В. и др. Российские самодержцы (1801–1917). М., 1993.
3. Голос Москвы. № 19 от 24 января 1912 г.
4. Дневники императора Николая II. М., 1991.
5. Евреинов Н. Н. Тайна Распутина. Л., 1924.
6. Илиодор (Сергей Труфанов). «Святой чёрт» (Записки о Распутине). М., 1917.
7. Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Кн. 2. М., 1992.
8. Курлов П. Г. Гибель императорской России. М., 1992.
9. Красный архив. Исторический журнал. Допрос И. Манасевича-Мануйлова. М., 1936. № 4. С. 205–208.
10. Обнинский В. П. Последний самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II. М., 1992.
11. Палеолог М. Распутин. Воспоминания / Пер. с франц. М., 1923.
12. Платонов О. Правда о Григории Распутине. Саратов, 1993.
13. Последний временщик последнего царя (Материалы Чрезвычайной следственной комиссии временного правительства о Распутине и разложении самодержавия) // Вопросы истории. 1964. № 10. С. 117–135.
14. Последний временщик последнего царя (Материалы Чрезвычайной следственной комиссии временного правительства о Распутине и разложении самодержавия) // Вопросы истории. 1964. № 12. С. 90–103.
15. Распутин Г. Е. Житие опытного странника (май 1907 г.).
16. Речь. 1910, 20 мая, 25 мая, 26 мая, 30 мая, 7 июня, 17 июня.
17. Родзянко М. В. Крушение империи. Харьков, 1990.
18. Святой чёрт. Тайна Григория Распутина: Воспоминания. Документы. Материалы следственной комиссии. М., 1991.
19. Чернышев А. В. О возрасте Григория Распутина и других биографических деталях // Отечественный архив. 1992. № 1. С. 112–114.
20. Rasputin: The Man behind the Myth. A personal Memoir by Maria Rasputin & Patte Barham. W. H. Allen // London, 1977.

Личность и власть. Григорий Ефимович Распутин: судьба через призму характера (сообщение 2)¹

В первом сообщении нами были выделены три этапа личностной самореализации Г. Е. Распутина и показано, что, хотя у него и отмечались явные признаки истероидной психопатии, в течение определенного времени (в условиях глобального социального кризиса России начала века) он оказался способным найти свою «экологическую нишу». Данное сообщение посвящено последнему, четвертому этапу (1913–1916 гг.) жизни Г. Е. Распутина, характеризующемуся личностной декомпенсацией с выраженными явлениями социальной дезадаптации практически во всех сферах социального функционирования.

1913 год стал роковым для Григория Распутина. Волна ненависти к «старцу» поднялась на небывалую высоту. Экстремистски настроенные черносотенцы стали разрабатывать планы его физического уничтожения [6, 20].

В октябре Илиодор сколотил банду «из обиженных Распутиным девушек и женщин» [7, с. 185], перед которыми была поставлена задача оскопить «старца». «Уже были пошиты великосветские платья» для внедрения террористок в аристократическую среду, но нашелся предатель, и дело сорвалось [7, с. 179]. Тогда одна из участниц труппы «команды» Хиония Кузьминична Гусева — 28-летняя крестьянка Симбирской губернии, по словам Илиодора, «девица умная, серьезная, целомудренная» [7, с. 184], правда с провалившимся от сифилиса носом, поклялась в одиночку покарать Григория [7, 20]. Именно в этот период «антираспутинский психоз» охватил все высшее петербургское общество. Всюду были разговоры о Распутине, и «всех он волновал» [19, с. 86]. О том, что «старец» состоял при Дворе в качестве хранителя здоровья больного цесаревича, все как будто позабыли. Сжатые со всех сторон кольцом неприязни, Александра Федоровна и Распутин еще более остро ощутили психологическую потребность во взаимной поддержке, а с другой стороны, еще сильнее отделились от осуждавшего их общества, стали более явно противопоставлять

¹ Печатается по: Обзорение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 1996. № 1. С. 92–102.

свою волю воле потерявших в глазах императрицы доверие аристократов. Именно в этот период «министры и начальники ведомств стали получать все большее и большее количество своеобразных его (Распутина. — *Авт.*) писем об оказании внимания лицам, рекомендованным им» [10, с. 289–290].

Таким образом, примерно с конца 1913 г. у Распутина появились первые симптомы декомпенсации истероидной психопатии. Он судорожно пытался удержаться «на плаву», однако при этом стремился изменить ход событий за счет активного проявления именно тех качеств, которые изначально вызывали у окружающих наибольшее раздражение. Этот процесс достигнет у Распутина кульминации в годы Первой мировой войны.

Наряду с этим, Распутин лихорадочно искал возможность психологически опереться. Единственная доступная ему форма социальной адаптации заключалась в подборе такого окружения, которое готово было принимать распутинскую патологию в качестве нормы и которая могла бы психологически оградить Григория от сыплющихся на него со всех сторон обвинений и проклятий. Безвольного и слабого царя, декомпенсированной еще в большей степени, чем сам Распутин, императрицы, а также преданной, но слишком одинокой Анны Вырубовой было явно недостаточно.

И тогда Распутин стал интуитивно находить великосветский «андеграунд», состоявший из негласно отверженных сановников и аристократов. В орбиту «старца» постепенно оказались вовлеченными бывший председатель Совета министров С. Ю. Витте, редактор крайне правого еженедельника «Гражданин» князь В. П. Мещерский, «петербургский Хлестаков» князь Андронников, уже упоминавшийся Манасевич-Мануйлов, тибетский медик Бадмаев, а также один из церковных иерархов — Питирим, которого Распутин сделал сперва экзархом Грузии, а затем петроградским митрополитом.

Всех этих людей (за исключением Витте и Бадмаева), помимо тесных связей с отцом Григорием, объединяло еще одно обстоятельство: все они были гомосексуалами и, в силу этого, находились в сложных и двусмысленных отношениях с тогдашним обществом, поскольку великосветская мораль конца XIX — начала XX в. этикетировала гомосексуальные связи как «гнусные», «грязные», «отвратительные». В то же время субкультура аристократического гомосексуализма была в конце XIX — начале XX в. достаточно мощной. В итоге у большинства российских гомосексуалов должны были формироваться, с одной стороны, психология отверженных, а с другой стороны — стремление к групповой солидарности, что находило выражение в образовании

ими различных «кружков проходимцев и аферистов» (терминология П. Н. Милюкова) [16, с. 191].

Именно к этим «отверженным» потянулся за поддержкой Григорий Распутин после того, как высший свет и образованное общество в целом окончательно консолидировались против него. Контакт с гомосексуалами был для Распутина тем более естественным, что никаких исходных предубеждений против них у бисексуально ориентированного «старца» не существовало.

Граф Витте и лекарь Бадмаев тоже были из разряда «изгоев»: первый обладал стойкой репутацией политического афериста, не угодного ни царю, ни либералам [3], второй являлся «незаконным знахарем», неоднократно привлекавшимся к уголовной ответственности [3, с. 281].

28 июня 1914 г. «старец» вместе с дочерьми прибыл в Покровское. На следующий день у ворот безногая нищенка (Хиония Гусева) неожиданно выхватила из-под своих лохмотьев солдатский тесак и ударила им Распутина в нижнюю часть живота, метясь, по всей вероятности, в половые органы. Психиатрическая экспертиза признала террористку невменяемой, и она была помещена в томскую психиатрическую больницу [2]. Истекавшего кровью Распутина внесли в дом. В дальнейшем ему была сделана операция, после чего «старец» быстро пошел на поправку [3].

Россия тем временем вступила в Первую мировую войну и переживала патриотический экстаз. Трезво взглянуть на происходящее удавалось немногим, прежде всего тем, кто не идентифицировал себя с «ликующим большинством». Войну резко осуждали и гр. Витте, и кн. Мещерский [3]. Против войны недвусмысленно высказался и «старец» Григорий. «Милый друг! — писал он в июле 1914 г. Николаю II. — Еще раз скажу: грозна туча над Россией, беда, горя много, темно и просвету нет, слез-то море и меры нет, а крови? Что скажу? Слов нет, неописуемый ужас. Знаю, все от тебя войны хотят и верные, не зная, что ради погибели. Тяжко божье наказание, когда ум отнимет путь, начало конца» [25]. 19 июля, в день начала войны, Распутин в полном отчаянии шлет повторную телеграмму царю. Помимо пацифистских настроений, Распутин в данном случае в очередной раз продемонстрировал недюжинное чутье, поскольку именно война в конечном счете явилась главной причиной его собственной гибели.

«Государя телеграмма раздражила», — отмечает Вырубова [5, с. 247], и в результате Распутин, по возвращении в Петроград, был отлучен от Двора и даже лишен автомобиля [20]. Размолвка с царем воспринималась Распутиным очень остро — в форме выраженной

невротической депрессии. Григорий теряет способность исцелять, вступает, по словам Матрены [26, с. 203], в период «темной ночи души», меряет комнату шагами, мучается, ожидая, что царь вот-вот сменит гнев на милость. В конце концов не выдерживает и уезжает в Покровское, где, судя по всему, впервые после долгих лет воздержания, начинает пить [26].

Царская опала усугубляется ростом всеобщего озлобления против «старца». Распутину угрожают по телефону: «Твои дни сочтены... пощады не будет — рука у нас не дрогнет, как у Гусевой». Какие-то неизвестные люди справляются о Григории у швейцара в доме на Гороховой, неожиданно появляются и исчезают в Покровском [3, с. 219]. Распутин нервничает, опасаясь, что в МВД, во главе которого стоят враги Григория кн. Н. Б. Щербатов и Джунковский, зреет план его физического уничтожения. «Скучно, затравили, чую беду» [3, с. 187].

2 января 1915 г. Анна Вырубова попадает в железнодорожную катастрофу и оказывается без сознания с тяжелейшими переломами костей черепа. Будучи в «бредовом горячечном состоянии», не открывая глаз, Анна Вырубова повторяла только одну фразу: «Отец Григорий, помолись за меня!» Царица позвонила Распутину. Стремительно войдя в палату без разрешения, ни на кого не обращая внимания, даже не поздоровавшись с царями, Распутин подошел к Вырубовой, взял ее за руку и, пристально смотря на нее, произнес: «Аннушка! Проснись, погляди на меня!» К изумлению всех присутствующих, Вырубова открыла глаза и, увидев склоненное над нею лицо, улыбнулась: «Григорий, это ты? Слава Богу!». Тогда Распутин, обернувшись к присутствующим, объявил: «Жить будет, но останется калеккой», — после чего, шатаясь, вышел в соседнюю комнату и рухнул в обморок [20, с. 18–19]. Так «сотворивший чудо» Григорий вернул пошатнувшееся было доверие к нему со стороны царя.

Вскоре после этого внутривполитическая ситуация резко осложнилась и потребность в Распутине как личном психотерапевте у императора вновь возросла. В дальнейшем, когда Николая упрекали в том, что его дружба с Распутиным губельна для династии, царь неизменно возражал: «Как раз наоборот. Вот посмотрите: когда у меня забота, сомнение, неприятности, мне достаточно пять минут поговорить с Григорием, чтобы тотчас почувствовать укрепление и успокоение [18, с. 55].

Однако, несмотря на огромное усиление собственной власти над царями, Распутин чувствовал себя все более одиноким. Окончательный перелом в его поведении произошел весной 1915 г. Именно с этого

времени Григорий стал вести себя так, как если бы все находившиеся поблизости люди заведомо являлись его яркими поклонниками, что свидетельствовало о явных проявлениях декомпенсации у психопатической личности.

25 марта Распутин приехал на пять дней в Москву, и о его посещении ресторана «Яр» вскоре заговорила вся Россия [3, 18]. Компания во главе с Распутиным появилась в «Яре» в 11 часов вечера. Пили много. Сильно разгоряченный Распутин принялся рассказывать о своих сексуальных похождениях в Петрограде, называя фамилии покоренных им женщин, «раздевая их одну за другой, сообщая о каждой какую-нибудь интимную подробность». Вслед за оркестром балалаечников появился женский хор, который исполнил несколько песен и протанцевал «матчиш» и «кэкуок». В ответ Распутин выплясал «русскую», после чего, решив, вероятно, что произведенное им впечатление более чем благоприятно, принялся откровенничать с певичками: «Этот кафтан подарила мне “старушка” (так называл Распутин Александру Федоровну), она же его и шила». «Я делаю с ней все, что хочу», — прибавил он неожиданно для самого себя, и, почувствовав на миг, что теряет самоконтроль, тряхнул бородой: «Эх, что бы “сама” сказала, если бы меня сейчас здесь увидела!»

Начав с демонстрации царицына жилета, Распутин кончил тем, что сбросил с себя верхнюю одежду и «сделал непристойный жест». Не удовлетворившись жестом, он «обнажил половые органы и в таком виде продолжал вести беседу с певичками, раздавая некоторым из них собственноручные записки с надписями вроде: “люби бескорыстно” и пр. Хористки потребовали немедленно его удалить, заявив, что петь они не будут». Раздосадованный Григорий выдвинул аргумент в свою пользу: «В царской семье я показывался, может быть, еще в более интересном виде». Тогда хоровой регент стал упрекать Григория в неуважительном отношении к женщинам, на что Распутин возразил, что «всегда себя так перед ними держит, и продолжал сидеть в том же виде». Почувствовав все же, что на «бескорыстную любовь» со стороны ресторанных певичек рассчитывать не приходилось, Распутин вручил некоторым из них по 10–15 рублей, взяв деньги у одной из спутниц, оплатившей и прочие расходы по «Яру». Деньги хористки приняли. Около двух часов ночи компания разъехалась. Распутин вышел последним, бранясь, рыгая и пошатываясь.

Инцидент в «Яре» и доклад о нем царю, сделанный товарищем министра внутренних дел Джунковским [3, 6], совпали по времени с резким всплеском оппозиционных настроений в обществе, вызванных успешным весенне-летним наступлением немецких

войск, и захватом ими значительной части российской территории. Практически единодушным требованием общества стал немедленный созыв Государственной Думы и уход в отставку запятнавших себя покровительством Распутина министров. На фоне впечатлений, почерпнутых из доклада Джунковского, царь в течение июня-июля уволил всех вызывавших общественное раздражение лиц, назначив на их место антираспутинцев.

Едва вступив в управление ведомством, новый обер-прокурор А. Д. Самарин выдвинул ультиматум, который фактически означал следующее: «Или я, или он» [18]. В итоге Распутин «по совету врача» был срочно командирован в Покровское. Впервые царю пришлось практически насильно выдворять Распутина из Петербурга.

19 июля открыла заседание чрезвычайная сессия оппозиционно настроенной Государственной Думы, которая тут же потребовала отставки председателя Совета министров И. Л. Горемыкина, не без основания подозревая его в связях со «старцем». Конфликт царя с только что созванной Думой и назначенными им же министрами создал хорошие предпосылки для возвращения Распутина в Петроград. По телеграмме Александры Федоровны, 31 июля Григорий срочно примчался из Покровского и в тот же день имел беседу с Николаем [3], укрепив его в намерении принять на себя бремя управления всей русской армией (вместо активного антираспутинца великого князя Николая Николаевича), против чего категорически возражали и большинство министров, и Дума.

Однако недруги Григория не сдавались. 4 августа генерал Джунковский сделал повторный доклад о поведении Распутина в «Яре», снабдив рассказ куда более яркими, чем в прошлый раз, подробностями. «Таким я никогда до того даже и не видел государя», — поведал Белецкому обескураженный Распутин о произошедшей в тот же день встрече с царем. В ответ на высочайшие упреки Григорий не нашелся, что возразить, и лишь сокрушался: «Я, как и все люди, грешен — не святой» [19, с. 13].

На следующий же день Распутин был вынужден покинуть Петроград, Григорий был в отчаянии, которое привело к очередному проявлению психопатической декомпенсации. На пароходе, везшем его в Тобольск, совершенно пьяный Распутин, чувствуя себя фактически сосланным, стал нарочито куражиться: собрал вокруг себя солдат, призывая их петь хором, обозвал официанта «жуликом», заявив, что тот украл у него 3 тысячи рублей, наконец, «позволил себе неуважительно отозваться об императрице и ее августейших дочерях» [12, с. 278–279]. В итоге на Распутина было заведено два дела: «быто-

вое» (об оскорблении официанта) и «политическое» (об оскорблении царственных особ). Джунковский ликовал. Однако 15 августа он, под давлением Александры Федоровны, был отправлен в отставку. К этому времени императрице удалось убедить своего патологически бесхарактерного супруга в том, что произошедший в «Яре» инцидент лишний раз подтверждает святость отца Григория: «Адские силы расставили Нашему Другу страшную ловушку, и он не отделался бы так дешево без Божьей помощи», — внушала Александра Николаю [6, с. 33]. 23 августа 1915 г. Николай подписал указ о своем назначении Главнокомандующим и вскоре отбыл в Ставку. Распутин вновь вернулся в столицу.

Определяющим при назначении на все ответственные посты отныне стало являться отношение того или иного сановника к «Нашему Другу», а равным образом отношение «Нашего Друга» к предлагаемой кандидатуре [1]. В отставку стали отправляться один за другим все выступавшие против Распутина и премьер-министра Горемыкина члены кабинета. В это же время министром внутренних дел становится А. Н. Хвостов, а директором Департамента полиции — Белецкий, заявившие о своем лояльном отношении к «старцу» [3, 20].

Хвостов, рассчитывающий при помощи Распутина занять кресло Председателя Совета министров, довольно скоро столкнулся с упорным нежеланием Григория помочь ему в этом деле: «Больно много сразу хочет А. Н. Хвостов, пусть не горячится: все будет в свою пору» [20, с. 74].

Тогда «Алешка» (так называл Хвостова Распутин) решил физически устранить Распутина. Разработанных Хвостовым сценариев покушения на отца Григория хватило бы не на один детективный телесериал, но все эти планы остались нереализованными по причине предельной несерьезности и нерешительности их организаторов и исполнителей [3, 12, 20].

В разгар организованной против него Хвостовым интриги Распутин предпринял ловкий политический ход, решив уговорить царя лично явиться в Думу и примириться с либеральными оппозиционерами, заявив им: «Я ваш, и вы мои, из-за чего нам ссориться, будем жить в ладу» [20, с. 42]. 9 февраля 1916 г. Николай в первый и последний раз в жизни переступил порог Государственной Думы. Маневр удался: вплоть до осени 1916 г. депутаты вели себя относительно спокойно, а фрондер Хвостов — остался без потенциальной поддержки со стороны думских оппозиционеров.

18 февраля 1916 г. царь вернулся из Ставки, однако решил на увольнение Хвостова не сразу. Колебания Николая были вполне объяснимы. Отставка крайне правого монархиста только за то, что

он осмелился противостоять «старцу», пусть даже в столь своеобразной форме, как организация заказного убийства, могла вызвать в обществе очередную волну раздражения. Лишь 27-го числа Николай «позвал его, Распутина, причащаться и говеть, — с горечью рассказывал впоследствии Хвостов, — и в день причастия они обнялись... Распутин говорит: «Мне нужно уехать, и я приехал проститься!..» Царь сказал: «Мы не расстанемся с тобой — ни за что на свете!» Тогда-то он вынул бумажку: мою отставку» [20, с. 301].

Избавившись от угрозы со стороны Хвостова, Распутин не почувствовал себя спокойнее: «Я еще раз вытолкал смерть... Но она придет снова... Как голодная девка пристает» [14, с. 207]. Григорий попытался было скрыться с глаз врагов в Покровском, но долго там не выдержал и вскоре вернулся в столицу.

18 сентября 1916 г. управляющим МВД был назначен последний из министерских протезе Распутина — А. Д. Протопопов, человек, искренне стремившийся к тому, чтобы спасти Григория от надвигающейся на него со всех сторон опасности, но так и не сумевший это сделать. Вряд ли, однако, в этом повинен прогрессивный паралич, которым страдал вновь назначенный руководитель МВД. Личность Распутина к осени 1916 г. оказалась настолько изуродованной и истерзанной непрекращающимися нападками со стороны огромного числа людей, а поведение настолько вызывающим и саморазрушающим, что гибель «старца» становилась практически неизбежной.

1 ноября 1916 г. Милюков произнес в Думе речь, получившую впоследствии название «Глупость или измена?». В ней он фактически уличал тогдашнего премьер-министра Б. В. Штюрмера и Александру Федоровну в немецком шпионаже. Выступление Милюкова свидетельствовало о том, что «патриотический психоз» обществу вступил в качественно новую фазу. 19 ноября с думской трибуны раздался вопль черносотенца В. М. Пуришкевича: «Господа министры! <...> не подobaет темному мужику дольше управлять Россией <...> этот Гришка опаснее Гришки Отрепьева» [24, с. 288]. 22 ноября Государственная Дума приняла резолюцию о том, что «влияние темных безответственных сил должно быть устранено» [17, с. 607].

Со своей стороны, массивный натиск на Николая организовали фрондирующие аристократы, исползовавшие, как таран, чуть ли не всех царских родственников поголовно. Но царь был непреклонен. Оскорбленный бомонд в лице супруги лидера думской фракции националистов М. Г. Балашевой стал собирать подписи под коллективным письмом придворных и сановных дам, требующих создания «ответственного министерства» [4].

В этой сгустившейся до удушья атмосфере оформился последний заговор против Григория Распутина. Его участниками стали: высокий статный красавец великий князь Димитрий Павлович; его изящный и изысканный друг князь Ф. Ф. Юсупов, женатый на племяннице Николая II Ирине; друг Юсупова — капитан С. М. Сухотин; член Государственной Думы В. М. Пуришкевич и его сотрудник по санитарному поезду военный врач С. С. Лазоверт.

В настоящее время ни одна из существующих версий истинных мотивов убийства Г. Е. Распутина не может быть признана сколько-нибудь убедительно аргументированной. Рассказы Ф. Ф. Юсупова, В. М. Пуришкевича, М. Г. Распутиной, материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, дневники великого князя Николая Михайловича, другие источники, а также основанные на них гипотезы различных авторов до такой степени внутренне и внешне противоречивы, что оставляют простор для дальнейшего построения бесчисленного множества новых версий. Очевидно, для внесения ясности в данную проблему требуется качественно более глубокий анализ имеющихся, а главное, поиск новых источников и свидетельств.

Тема настоящей статьи, однако, предполагает выяснение не того, по какой именно причине заговорщики решили убить Г. Е. Распутина и как именно они привели в исполнение свой замысел, а того, каким образом сам Распутин — человек феноменальной интуиции и умения верно определять отношение к нему — смог психологически просчитаться, позволив своему убийце Ф. Ф. Юсупову заманить себя в ловушку. Попытаемся ответить на этот вопрос.

По версии знавшего Распутина с 1909 или 1910 г. князя Феликса Юсупова [3, 9], осенью 1916 г., посоветовавшись со своими товарищами — Димитрием Павловичем и Сухотиным, — он решил «приблизиться к Распутину и завоевать его доверие» [9, с. 149] с тем, чтобы путем подкупа или, в крайнем случае, убийства отстранить его от влияния на царей. Сблизиться с Распутиным Юсупов решил через общую знакомую «М. Г.» (имеется в виду одна из поклонниц Распутина Мария Головина).

Если проанализировать дальнейший ход событий, как его излагает сам Юсупов, то в его рассказе можно найти огромное количество несообразностей, однако не останавливаясь на них, обратим внимание лишь на те факты, которые могут помочь в истолковании поведения Распутина.

Добившись встречи со «старцем», Феликс просит Распутина заняться его лечением. Тот с радостью соглашается. Однако Феликс почему-то

вдруг решает «не искать свиданий с ним». Напротив, явно оживившийся «старец» уговаривает Юсупова приехать к нему. «Он хочет со мной познакомиться», — отмечает про себя Феликс [3, с. 282] и исполняет на следующий день для Распутина несколько романсов под собственный гитарный аккомпанемент. Распутин весел и разговорчив, ему явно нравится молодой красавец князь: «Славно поешь, душа у тебя есть... Много души... А ну-ка еще». В ответ Феликс напоминает о своей болезни. Распутин прямо заявляет о своем желании проводить с Феликсом свободное время: «Вот поедешь со мной к цыганам, всю болезнь как рукой снимет» [3, с. 284].

Некоторое время Юсупов уклоняется от встреч с Распутиным. Григорий нервничает: «Хочу тебя почаще видеть, почаще»; «Наконец-то пришел... уж сколько дней все жду да жду, а тебя все нет!» [3, с. 285–286]. «Распутин подвинулся и взял меня за руку. “Ну что, милый, — ласковым голосом произнес он. — Вот теперь и приезжай почаще, хорошо тебе будет”. <...> Он гладил мою руку и пристально смотрел в глаза. “Ты не бойся меня, — заговорил он вкрадчиво, — вот поближе сойдемся... то и увидишь, что я за человек такой...” Вдруг, резко повернувшись, он подошел ко мне, близко нагнулся к моему лицу и пристально на меня посмотрел... погладил меня по спине, хитро улыбнулся и вкрадчивым голосом спросил, не хочу ли я вина... выпил за мое здоровье. “Когда опять ко мне приедешь?.. Заходи скорей”. И он обнял меня и поцеловал» [3, с. 286–290].

И вновь Юсупов избегает встречи, а Распутин страстно ее желает. Наконец, Феликс приезжает на чаепитие к Григорию. В этот раз «лечение» началось. «Пойдем в мой кабинет, там нам никто мешать не станет... ты только слушай меня, милый. После этих слов “старец” уложил меня на диван, встал передо мною и, пристально глядя мне в глаза, начал поглаживать меня по груди, шее и голове... Сила гипноза Распутина была огромна... Он взял с меня обещание приехать к нему в один из ближайших дней» [3, с. 294].

Юсупов не пишет ничего конкретного о последующих «сеансах». Вместо этого он отмечает телеграфным стилем: «После этого гипнотического сеанса я много раз бывал у Распутина, то с М. Г., то один. Лечение продолжалось, и с каждым днем доверие “старца” ко мне возрастало» [3, с. 294]. Ничего не говорит Юсупов и о результатах лечения, как, впрочем, и о характере самого заболевания.

Содержание жалоб Юсупова проясняется из следующего высказывания Распутина, которое, со слов самого Феликса, приводит в своем «Дневнике» Пуришкевич [22, с. 57]: «Зачем ты, Феликс... не бываешь у Бадмаева — нужный он человек, полезный человек, ты иди к нему,

милой, больно хорошо он лечит травочкой, все только травочкой своей... Даст он тебе махонькую-ма-ахонькую рюмочку из травушки своей, и у!-ух! как бабы тебе захочется». То, что молодой Юсупов был гомосексуалом, по словам известного исследователя Дома Романовых Стефана Скотта, «ни у кого не вызывало сомнений» [21, с. 104]. Фактически это же подтверждает и сам Юсупов [9].

«Для удобства их свиданий, — сообщает Николай Михайлович, — Юсупов наметил особняк отца, где они могли свободно встречаться и никто не мог там им помешать» [13, с. 99]. Однако, покуда в особняке шел ремонт, Юсупов продолжал посещать Распутина в его квартире на Гороховой. «Эти посещения были для меня настоящей пыткой» [3, с. 305]. «Весь его вид производил отталкивающее впечатление чего-то необычайно отвратительного», — комментирует Юсупов свои впечатления от «старца» [3, с. 280].

О том, как бисексуальный Распутин «лечил» Феликса от гомосексуализма, догадаться несложно, тем более что на это довольно прозрачно намекает Николай Михайлович в своих «Записках», предназначенных для последующей публикации и в силу этого написанных частично эзоповым языком. «Гришка сразу полюбил его, — отмечает великий князь, сам являющийся гомосексуалом, с которым Юсупов был предельно откровенен в своих рассказах, — много толковали о том о сем и вскоре совсем доверился ему. Они виделись чуть ли не ежедневно. Шли недели, и Распутин был убежден, что Феликс им окончательно загнипнотизирован. Феликс же чувствовал на себе ток его влияния, но вместе с тем и внутренний какой-то отпор его собственной натуры на гипноз Гришки. Чем больше они виделись, тем больше Распутин становился ему противным... А тем временем Распутин все больше влюблялся в Юсупова... Неужели во время бескончаемых бесед между собою они только пили, ели и болтали! Убежден, что были какие-то физические излияния дружбы в форме поцелуев, взаимного ощупывания и, возможно... чего-то еще более циничного» [13, с. 104].

Николай Михайлович, судя по всему, и предложил отравить Распутина цианистым калием, но так, чтобы сами заговорщики остались при этом в стороне. Наиболее грязную часть работы должен был исполнить кто-нибудь из радикально настроенных политиков. Сперва на эту роль планировались кадеты как наиболее яркие оппозиционеры. Однако прозондированный Николаем Михайловичем и Феликсом Юсуповым известный думский «златоуст» Николай Маклаков, выразив горячее сочувствие заговорщикам, от непосредственного участия в убийстве отказался, ограничившись детальной консуль-

тацией Феликса и презентацией ему модернизированного кистеня с рукоятью [15].

Тогда выбор пал на более отчаянного В. М. Пуришкевича. Николай Михайлович, с одной стороны, спровоцировал Пуришкевича на произнесение шумной антираспутинской речи, а с другой — отправил в этот же день в Думу Юсупова, чтобы тот имел возможность выйти с Пуришкевичем на более близкий контакт на базе «общих политических настроений» [23].

В отличие от осторожного либерала Маклакова, прямодушный Пуришкевич не только с радостью согласился уничтожить ненавистного «Гришку», но тут же принялся по всем углам трезвонить о своем участии в столь важном государственном заговоре. Правда, его «ноздревским» заявлениям, делаемым даже в присутствии журналистов, мало кто поверил [1, 15]. В то же время некоторые из лидеров кадетской партии узнали о готовящемся теракте со слов Василия Маклакова [23]. В полицию с доносом, однако, никто не устремился: все желали скорейшего убийства.

В конце концов о подготовке покушения начинают догадываться и в МВД. Накануне Белецкий предупреждает Распутина о необходимости «быть осторожным в поездках» [20, с. 20]. В день убийства Анна Вырубова страстно пытается отговорить Распутина от визита к Юсупову, предпринимаемого якобы для исцеления жены Феликса Ирины [11, с. 197–198]. Чтобы отделаться от надоедливой «Аннушки», Распутин обманывает ее, обещая, что никуда не поедет. Вечером того же дня к Распутину на квартиру является управляющий МВД Протопопов, предупреждающий его о готовящемся заговоре [3, с. 310]. Но Распутин в ослеплении. Он едет к Юсупову, чтобы поскорее увидеть наконец-то отремонтированное «гнездышко», предназначенное для свиданий с Феликсом.

Широко распространено мнение, что Распутина «приманили» красавицей Ириной. Эту версию поддерживает и сам Юсупов. В действительности (и Распутин, скорее всего, знал об этом) супруга Юсупова находилась в этот момент в Крыму. Но даже если он об этом не ведал, почему, собираясь исцелять Ирину, Распутин (как указывает тот же Юсупов) решил захватить с собой деньги, чтобы отправиться той же ночью к цыганам? Как истолковать неожиданное приглашение немедленно отправиться к цыганам, которое делает Распутин Юсупову, едва переступив порог его дома и совершенно не вспоминая при этом ни о какой Ирине? [3]. Все несуразности исчезают, если мы допустим единственно правдоподобное: княгиней Ириной Распутина не заманивали. Григорий собирался развеяться душой и телом в эту ночь именно с Феликсом.

Распутин должен был умереть от цианистого калия, введенного в пирожные и в вино. Пуришкевич утверждает, что яд Юсупову был предоставлен все тем же Маклаковым. Сам Василий Алексеевич решительно протестует: «Это совершенная неправда» [15, с. 272]. В то же время не может не броситься в глаза то повышенное внимание, которое уделяет проблеме цианистого калия и его свойств Николай Михайлович. В своих «Записках» он вспоминает, что в прошлом, как цветовод, имел опыт работы с цианидами, в связи с чем решительно отвергает версию о том, что Распутину был подсыпан вообще не яд: «тот же раствор яда был дан большой собаке, которая тут же околела, проглотив его» [13, с. 101]. Вероятнее всего, подытоживает великий князь, отсутствие быстрого эффекта от действия цианистого калия было связано с технической ошибкой при его разведении: раствор был слаб и, конечно, произвел бы действие, но позже. Учитывая, что сам Юсупов старательно обходит стороной вопрос об источнике получения цианистого калия, впору задаться вопросом: а не был ли «автором» яда все тот же «бывший цветовод»?

Официальная история смерти Распутина общеизвестна. Убитый выстрелами Юсупова и Пуришкевича, он был сброшен в прорубь с моста.

Итак, каким все же образом Распутин, с его развитым инстинктом самосохранения мог не заметить психологическую неприязнь к себе со стороны Феликса, не почувствовать ничего подозрительного даже в самый день покушения, не заподозрить неладное, когда очутился один на один в подвале с более чем настаораживающе ведущим себя Юсуповым? Вот что пишет Николай Михайлович: «Чем объяснить неограниченное доверие, которое оказывал Распутин молодому Юсупову, никому вообще не доверяя, всегда опасаясь быть отравленным или убитым? Остается предположить... что-то совсем невероятное, а именно — влюбленность, плотскую страсть к Феликсу, которая омрачила этого здорового мужчичку-развратника и довела его до могилы» [13, с. 104].

«Гомосексуальное» объяснение внезапно постигшей Распутина душевной слепоты отчасти верно. Однако остается все же непонятным, почему синдром «слепой любви» (хотя истинная влюбленность в кого-либо вообще нехарактерна для истероидов) обнаружился у Григория столь поздно? Разумеется, нельзя сбрасывать со счета соображения, высказанные по этому поводу Д. Д. Исаевым [8]. И все же, судя по всему, князь Феликс был для Распутина не просто сверхпривлекательным романтически-сексуальным объектом. Юсупов появился на горизонте «старца», когда тот остро нуждался в психологической опоре, в том, чтобы найти хоть какую-нибудь компанию «для души»,

ибо ежедневно и ежечасно сталкивался с резко отрицательным и хулильным отношением к себе, что является для истероидного психопата непереносимым испытанием. Стремясь к постоянному общению с Феликсом, Распутин, как и прежде, продолжал любить себя и только себя. Но личность Юсупова оказывалась для Григория в этой связи тем более ценной, что князь был, по сути, единственным, с кем Распутин мог забыть об окружавшей его со всех сторон стене злости и неприязни. Провокационное поведение Феликса, завлекшего Распутина первоначальным кокетством, в итоге привело к тому, что Григорий действительно бросился в любовь, «как в омут».

Таким образом, пример Распутина позволяет обратить внимание на тот факт, что хотя психопатическая личность на определенном жизненном отрезке и при особо благоприятных социальных условиях способна добиваться значительных карьерных успехов, социальный успех психопата оказывается недостаточно стабильным: чем выше он взбирается по социальной лестнице, тем в более напряженную и неразрешимо противоречивую ситуацию себя загоняет, а используемые приспособительные механизмы по мере продвижения по социальной лестнице вверх (а также — при исчезновении благоприятных внешних обстоятельств) оказываются все менее эффективными, что в конечном счете обуславливает социальный и личностный крах такого индивидуума.

Жизнь и смерть Григория Ефимовича Распутина позволяет, помимо этого, задуматься о том, сколь опасной для общества в целом и для самого психопата является ситуация, когда он в силу каких-либо обстоятельств прорывается к власти. Общество в этом случае впадает в «коллективный психоз» и начинает «бредить» опасными химерами, а манипулирующий им психопат, в свою очередь, неизбежно декомпенсируется, поскольку обладает столь уязвимым складом характера, что оказывается не в силах выдержать все те душевные перегрузки, которые несет с собою власть.

В странах, где демократия уже устоялась и стала традицией, приход к власти психопата практически исключен: слишком долгод и непрост путь наверх, слишком напряженна игра по строгим и неизменным правилам. Однако в тех случаях, когда общественная жизнь находится в состоянии резких перемен (Россия начала века в этом плане напоминает Россию сегодняшнюю), вероятность появления «политического парвеню», «чёртика из табакерки», который вдруг выскакивает и переворачивает страну вверх дном, весьма велика. И не важно, по какой именно лестнице взберется наверх этот «чёртик», по мраморной лестнице Зимнего дворца или по бумажной

пирамиде, сложенной из миллиона избирательских бюллетеней. Результат будет один и тот же: катастрофа. Но если так, то, может быть, в пору поставить вопрос об обязательном медицинском (психиатрическом и наркологическом) освидетельствовании (возможно, с привлечением психиатров и наркологов из других стран) всех лиц, претендующих в нашей стране на высшие политические посты, чтобы не было потом необходимости открывать сезон охоты на очередного «святого чёрта»?

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аврех А. Я.* Царизм накануне свержений. М., 1989.
2. *Алексеева И. В.* Агония сердечного согласия. Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте 1914–1917. Л., 1990.
3. *Амальрик А.* Распутин. Документальная повесть. *Юсупов Ф.* Конец Распутина. М., 1992.
4. *Боханов А. Н., Захарова Л. Г., Мироненко С. В. и др.* Российские самодержцы (1801–1917). М., 1993.
5. *Вырубова А.* Страницы из моей жизни // *Фрейлина ее величества Анна Вырубова.* М., 1993. С. 237–344.
6. *Евреинова Н. Н.* Тайна Распутина. Л., 1924.
7. *Илиодор (Сергей Труфанов).* «Святой чёрт». (Записки о Распутине). М., 1917.
8. *Исаев Д. Д.* Комментарий к статье А. П. Коцюбинского и Д. А. Коцюбинского «Григорий Ефимович Распутин: психологический портрет» // *Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева.* 1995. № 1. С. 112–117.
9. *Князь Феликс Юсупов.* Перед изгнанием. 1887–1919. М., 1993.
10. *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. Кн. 2. М., 1992.
11. Красный архив. Исторический журнал. М., 1923. № 4. С. 197–198.
12. Красный архив. Исторический журнал. М., 1924. № 5. С. 270–288. «Распутин в освещении охранки».
13. Красный архив. Исторический журнал. М., 1931. № 6 (49). С. 92–111. «Записки Н. М. Романова».
14. Красный архив. Исторический журнал. М., 1936. № 4 (77). С. 205–208. «Допрос И. Манасевича-Мануйлова».
15. *Маклаков В.* Некоторые дополнения к воспоминаниям Пуришкевича и кн. Юсупова об убийстве Распутина // *Современные записки.* Общественно-политический и литературный журнал. Париж, 1928. № 34. С. 260–281.
16. *Миллюков П. И.* Воспоминания (1859–1917). Т. 3 (серия мемуаров «Память»). М., 1990.
17. *Ольденберг С. С.* Царствование императора Николая II. СПб., 1991.
18. *Палеолог М.* Распутин. Воспоминания / Пер. с франц. М., 1923.

19. *Родзянко М. В.* Крушение империи. Харьков, 1990.
20. Святой чёрт. Тайна Григория Распутина: Воспоминания. Документы. Материалы следственной комиссии. М., 1991.
21. *Скотт С.* Романовы. Царская династия. Кто они были? Что с ними стало? / Пер. с англ. Екатеринбург, 1993.
22. *Пуришкевич В.* Убийство Распутина (из дневника В. Пуришкевича). М., 1923.
23. *Слонимский А. Г.* Катастрофа русского либерализма. Душанбе, 1975.
24. Стенографический отчет государственной думы. Четвертый созыв. Сессия 5.
25. *Фалеев В.* Григорий Распутин без грима и дорисовок // Чудеса и приключения. 1991. № 1. С. 58–63.
26. *Rasputin: The Man behind the Myth. A personal Memoir by Maria Rasputin & Patte Barham.* W. H. Allen. London, 1977.

Д. Д. ИСАЕВ

**Комментарии к статье
А. П. Коцюбинского и Д. А. Коцюбинского
«Григорий Ефимович Распутин:
психологический портрет»¹**

Мифическая и мистическая фигура в отечественной истории, какой являлась личность Григория Распутина, всегда привлекала интерес общественности. О нем было написано довольно много, но до последнего времени описания имели отчетливый идеологический креп, роль и образ «старца» рассматривались в контексте «деградации царского режима», грядущих революционных потрясений. Обществоведов и историков меньше всего интересовала индивидуальность Распутина, приводившиеся свидетельства были лишены какой-либо объективности и использовались лишь как иллюстрация его крайне негативной роли в истории России, чуть ли не основного виновника «кризиса верхов». Короче, страсти вокруг этого человека всячески нагнетались, но объяснений не давалось.

Представленная работа впервые рассматривает «феномен Распутина» через призму психологии и психопатологии его личности. Профессиональный анализ развития, поведенческих и психологических феноменов, периодов взлета и декомпенсаций, основанный на изучении обширного материала, позволил выйти на новый уровень понимания происходящего, причинно-следственных связей. В этом безусловная заслуга авторов (психиатра и историка) и несомненная ценность работы. Были поставлены важные вопросы, на которые могли бы ответить только профессионалы, вооруженные фактами и подходящие непредвзято. Все три компонента в должной мере присутствуют в исследовании.

Несомненная ценность работы состоит в том, что авторы проделали сложный путь от анализа эмоционального языка многочисленных сви-

¹ Печатается по: Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В. М. Бехтерева. 1995. № 1. С. 112–117.

детельств современников, который составляет лишь бытовой уровень понимания происходящего, к построению жизненной логики судьбы Распутина, формированию целостного образа.

В детстве у Григория Распутина была родовая травма, наблюдались задержка психического развития, энурез, плохая память, моторная (двигательная) гиперактивность, эмоциональная неустойчивость, нарушения циклов «сон — бодрствование», более связанные с циркадными ритмами, и другие признаки органической неполноценности нервной системы. Отсутствовали в семье и нормальные отношения, необходимые для формирования зрелой эмоциональности, адекватного поведенческого репертуара. Следствием этого оказывались неспособность к установлению полноценных длительных глубоких отношений с людьми, отсутствие волевых задержек и способности к систематической кропотливой деятельности, будь то учеба или работа, неустойчивое поведение. Фактически он оказался неспособен к усвоению многих обыденных правил поведения, не говоря уже об этике и хороших манерах. Другое дело, что позднее он стал активно бравировать своей «народностью». В любом случае следует думать и говорить о невысоком интеллекте «старца» (крайне низкая грамотность, неумение делать простейшие расчеты, примитивно построенная речь, скудный запас знаний). Заявления современников об уме и способности Распутина углубляться в дебри политики и теологии — не более чем субъективное искажение восприятия, когда обычная логика уступает перед лицом чего-то нового, совершенно непонятого, мистического, не укладывающегося в обычные представления. Чем больше нагонял тумана Распутин, произвольно жонглируя словами, библейскими терминами (к тому же какими бы то ни было канонами и нормами он не был скован уже в силу своей неграмотности), тем большим откровением это казалось окружающим. Глубокий смысл виделся там, где его никогда не было. Каждый раз попытка рационального анализа его деяний или высказываний приводит к выводу, что ничего особо прозорливого или пророческого, чего-то неизвестного окружающим не говорилось. Важно понять другое. Распутин своим крестьянским умом хорошо усваивал настроения окружающих, быстро ориентировался (преимущественно на бессознательном уровне) в ситуации, постоянно играл «на зрителей», четко нашел свое место в качестве юродивого, задача которого — восклицать, стенать, бормотать, проклинать или благословлять. При этом непонятность его высказываний, разорванность и нарочитая неправильность речи каждый раз шла ему на пользу, и он этим пользовался. «Сильные мира сего» больше слушают себя, чем других, и в произнесенном слышат свои мысли, намерения, проецируют

их на абракадабру вещуна, а тот легко перестраивает свое поведение, чутко прислушиваясь к реакции. Театральность, демонстративность, нарочитость личности, обладающей истерическими чертами характера, благоприятствует этому в полной мере.

По нашему мнению, следует говорить о сформировавшемся истеро-эпилептоидном типе личности Распутина. Можно лишь дискутировать о том, достигали его черты выраженности психопатии или только уровня крайней нормы — акцентуации. Продуктивность адаптации и способность подняться до самого верха социальной лестницы при явно невысоком врожденном потенциале скорее свидетельствуют против диагностики психопатии. Вместо сплошных «провалов», которые были бы естественны для психопата, — многолетнее победоносное шествие. При всей благоприятности общественной ситуации, это еще и заслуга самого Григория, умело использовавшего не только свои сильные, но и слабые стороны! Но думаю, что в данном случае вопрос «акцентуация или психопатия?» — не самый важный. Безусловно, истероидные проявления всегда выходили на первый план в поведении, были наиболее заметны окружающим, а потому либо почитались, либо ругались, предавались анафеме. Все зависело от точки зрения их наблюдавших. Жажда постоянного почитания и любви, примитивное хвастовство и самолюбование сочетались у Распутина с мнительностью, эксплозивностью, хоть и со слабостью аффекта. Как отмечал один из современников, «попытки влиять на Распутина только его озлобляли».

Наиболее сложным и нуждающимся в детальной интерпретации является широко распространенный миф о Распутине как о «сексуальном гиганте» с невероятной сексуальной активностью, обладавшем сексуальной властью над тысячами женщин, «святом развратнике» [1, 2]. Именно этот аспект нуждается в дополнительном уточнении и разъяснении.

Имеющиеся свидетельства и описания, приведенные в рецензируемой работе, позволяют говорить о слабой половой конституции Григория Ефимовича. На фоне сниженного сексуального компонента либидо, отвечающего за осуществление собственно сексуального поведения (эрекцию, семяизвержение, проведение полового акта, его продолжительность и частоту — «потентность»), у него наблюдалось выраженное компенсаторное расторможение эротического компонента либидо. При невозможности осуществить сексуальную близость, наблюдался диффузный эротизм, безграничное расширение влечения на многих женщин. Неудовлетворяемая потребность любить и быть любимым толкала его на поиски замещения традиционных форм сексуальной активности. В результате этого эротические ласки практически пре-

вращались в единственно возможную форму активности, могли проводиться часами, до полного изнеможения обоих партнеров. Потребность «видеть, трогать и обсуждать, и чем больше, тем лучше» — вот суть и содержание сексуальности Распутина. При этом он нашел очень оригинальные формы рационализации своих действий под маркой борьбы с плотским грехом. Это давало ему доступ к контакту со множеством женщин и оправдывало, объясняло им его «половинчатую активность», ограниченную лишь прелюдией, представляло его даже в выгодном свете и одновременно, привлекало новых поклонниц, так как снимался моральный запрет на эротические действия, которые, согласно объяснениям «старца» имели исключительно благородные и возвышенные, духовные цели.

Подобная, как сейчас бы сказали, психотерапевтическая, постановка вопроса часто действительно способствовала снятию тех психологических, невротических блоков, которые мешали женщинам достигать оргастической разрядки. Поэтому неудивительно, что с точки зрения традиционных подходов, ориентированных на мужское представление о сексе, Распутин воспринимался как «половой гигант» (огромное количество контактов), мистические свойства приписывались его половым органам, ходили легенды об их размерах. И одновременно может считаться чуть ли не импотентом, так как практически не мог совершать половые акты, вынужден был бравировать (прикрываясь религиозной фразеологией) отсутствием эрекции. При этом зачастую поклонницы и пациентки оказывались «без ума» от своего кумира, который давал им благословение и «отпущение грехов», весьма оригинальным способом «изгонял беса», укрощал плоть (а фактически доводил до максимального уровня возбуждения, а иногда и разрядки), при этом формально не принуждая их к нарушению верности. Подобная тактика вполне могла бы сойти за вариант терапии сексуальных расстройств у женщин («секс-терапия»). И многие были ему не просто благодарны, а боготворили, так как впервые получили возможность по-настоящему наслаждаться этой стороной человеческой жизни [2].

Потребность в дополнительной стимуляции невысокого уровня сексуальности приводила к поискам ее потенцирования в различных девиантных действиях, включая садомазохистические проявления (унижение великосветских дам, демонстрация своей власти над ними, что постоянно носило эротический характер).

Другим важным вариантом реализации полового влечения для Распутина стал гомозеротизм. С его слов, с подобными контактами он познакомился в молодые годы. Якобы это были сексуальные домогательства со стороны двух монахов. Тому, что какой-то гомосексуальный

опыт он приобрел довольно рано и инициатива изначально исходила не от него, поверить можно, а вот тому, что после нескольких ночей «домогательств» он вдруг очнулся и отверг их притязания, поверить вряд ли можно. Неверно говорить и о том, что в этот период было «растревожено гомосексуальное начало». Во-первых, последующая жизнь не дает нам основания считать Распутина гомосексуалом, во-вторых, до определенного возрастного и жизненного этапа (насколько это известно) он не проявлял какого-нибудь интереса к мужчинам. Поэтому ситуация выглядит следующим образом. В юности Григорий ситуационно несколько раз принимал участие в гомосексуальных контактах. На фоне высокого интереса к сексуальности вообще, юношеской гиперсексуальности, невысокого уровня интеллекта, сниженной критики к себе, частых алкогольных эксцессов, этот опыт, как и многое в молодости, был интересен, приносил удовлетворение, а может быть, позволял добиваться нужных целей (при контакте с «нужным человеком»). Такой поведенческий опыт не был чем-то определяющим и исключительно важным, не мог изменить сексуальную ориентацию, но запечатлелся в памяти как эмоционально положительное или нейтральное, но вполне допустимое действие. Оно было и осталось в его эмоциональной памяти как атрибут молодости, силы (в том числе сексуальной) и здоровья.

Последующие высказывания о гомосексуальных контактах носят откровенно заинтересованный характер. При этом постоянно приходится делать поправку на то, что Распутин пыгается, пусть и примитивно, выставить себя в лучшем свете. Поэтому бахвальство об однополюх контактах следует подвергать такой же тщательной проверке, как и его заявления о многочисленных победах над женщинами. Несомненно одно — интерес к молодым и привлекательным мужчинам в зрелом возрасте у Распутина был. А маскировал он его все под то же «лечение от блуда». Интерес его к гомосексуальной тематике, гомосексуалам понятен лишь в контексте общих сексуальных проблем.

Известно, что мужчины среднего возраста и старше при появлении сексуальных дисфункций обращают свой взор на молодых мужчин. Бессознательная логика этого влечения в том, что при явных проблемах, связанных с женщинами, мужчина обращается к своему прошлому, ищет там их разрешение. А прошлое, в свою очередь, связывается с образом молодого человека. Он должен стать тем объектом для идентификации, который воплощает идеал «Я». Свою ушедшую молодость, «мужскую силу» пытаются найти через общение, в том числе и телесное, с юным, привлекательным мужчиной. Тянуться к нему тем естественнее и проще, чем больше у него мягкости, женственности, т. е. всего того, что объединяет его с противоположным полом. Под эти критерии

больше всего подходят лица с гомосексуальной ориентацией и фемининной идентичностью (с врожденной гомосексуальностью). Подобный сценарий разрешения половых проблем обычен лишь для тех, кто уже имел гомосексуальные контакты в подростковом или юношеском возрасте, так как он остался для них одним из символов этого возраста. Интересно, что подобные контакты действительно позволяют снять весь груз психотравм, связанных с общением с женщинами, и, как результат, восстанавливается потенция в столь неординарной близости. Мужчина вновь может почувствовать себя мужчиной.

Все это в полной мере можно отнести к Распутину. Таким «героем» для него стал Феликс Юсупов. Правда, на взаимность он имел мало шансов, его грубые и навязчивые приставания быстро надоели князю, и он захотел избавиться от него. Справедливо можно предположить, что именно эти мотивы стали движущими в формировании заговора. Политическая подоплека была как нельзя более кстати и лишь развязывала руки тем, кто задумал убийство. Они ощущали за своей спиной поддержку высшего света, моральное право поступить именно так, выступить в роли «освободителей» общества.

Таковы некоторые уточнения и дополнения, которые могут быть сделаны к психологическому портрету Распутина, они позволяют глубже понять некоторые события его жизни. Однако это несколько не умаляет значимости проведенной авторами работы, верности выдвинутых гипотез.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Шаццлло К. Ф. Распутин // БСЭ. 3-е изд. М., 1975. Т. 21. С. 477–478.
2. Wallace J., Wallace S., Wallace A., Wallechinsky D. The intimate sex lives of famous people. London, 1981.

А. В. ЧЕРНЫШОВ

Выбор пути

**(Штрихи к религиозно-философскому портрету
Г. Е. Распутина)¹**

В последнее десятилетие уходящего века широкому читателю стали доступны многочисленные документы и материалы бывших секретных фондов многих архивов. В перечне имен и событий особой печатью отмечена жизнь последнего русского монарха Николая II Романова и его негласного духовника и фаворита, уроженца села Покровского Тюменского уезда Тобольской губернии Григория Ефимовича Распутина (9.01.1869–17.12.1916).

Кроме многочисленных тиражирований различных сомнительных изданий 1917–1927 годов, всевозможной белиберды и смакования альковных историй, будто бы имевших место в жизни нашего земляка, неоднократных попыток журналистов наших дней выдавать желаемое за действительное, настало время глубже копнуть исторический пласт и хотя бы немного пролить свет на духовную жизнь Григория Ефимовича, ту часть биографической сокровенности, которая и сегодня далеко не известна не только широкому читателю, но и довольно подготовленной части ученых мужей, столь много приложивших старания и рвения для дезинформации и фальсификации личностной характеристики столь необычного человека.

Благо появились среди огромной книжной ерундинстики и подлинные творческие (исторически и научно обоснованные) открытия, находки. Пальма первенства в этом ряду принадлежит писателю Олегу Платонову — автору уникальных исследований о жизни последнего русского царя и его семьи, просто сногшибательных находок-харак-

¹ Печатается по: Религия и Церковь Сибири. Сборник научных статей и документальных материалов. Тюмень, 1996, 1998. Вып. 9. С. 64–70, 83–84.

теристик русских масонов предреволюционной России, деятельность которых тесно связана с очернением личности Распутина, созданием Распутищины и Распутииады. Но, пожалуй, самое веское слово сказано этим автором о месте и роли в жизни русского общества, духовной сути самого Григория Распутина.

Его книги* как бы обнажили всю суть масонско-большевистских инсинуаций о Григории Ефимовиче, поразили и удивили научный, просто читающий мир столь гнусной клеветой и ненавистью недругов всего русского, и в первую очередь к монаршему престолу и лицам, приближенным к нему. Мы заново перечитываем страницы нашей многострадальной истории, ужасаемся и негодуем, открывая в новом свете трагическое и жертвопринесенное нашими соотечественниками во имя дня сегодняшнего, во имя нашего Прозрения. И в этом смысле публикация творческого наследия нашего земляка всего лишь толика той правды, которую мы так жаждем знать.

И если дневник Распутина «Жизнь опытного странника»** выдержал уже несколько изданий (1989, 1990, 1991, 1995), то предлагаемые читателю фрагменты из другого его дневника, «По Божьему пути»***, никогда не систематизировались, не комментировались и ждут своего часа, чтобы предстать перед исследователями и учеными. О существовании этого трудновоспринимаемого творения знали немногие, да вездесущие журналисты, которые досаждали автору провокационными вопросами, передергиванием смысла его фраз и обрывками записей из него, попадавших в их руки через многочисленных поклонников и поклонниц «старца». Но однажды Григорий Ефимович поведал одному наседавшему журналисту о сути и сущности задуманного. Репортер одной московской газеты буквально накануне покушения фанатички Хионии Гусевой**** на жизнь Распутина так представил читающей публике замысел автора «Дневника»: «Давно хотелось мне, это, свое слово миру сказать. Что же я могу в поучение дать ему? Вот существуют ученые люди пишущие книги, много познавшие и еще более познать желающие. Они, ученые-то, пишут

* Платонов О. А. Правда о Григории Распутине. Саратов: Приволжское изд-во, 1993. 110 с.; *Он же*. Жизнь за царя: Правда о Григории Распутине. СПб.: Воскресение, 1996. 320 с.; *Он же*. Терновый венец России. М.: Родник, 1996. 526 с.

** ГАРФ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 31. 15 лл.

*** ГАРФ. Ф. 612, Оп. 1. Д. 36. 101 лл.; Ф. 623. Оп. 1. Д. 23. 153 лл.

**** Хиония Кузьминична Гусева (р. 1881) — мещанка гор. Сызрани, поклонница иеромонаха Илиодора. 29 июня 1914 г. предприняла покушение на Г. Е. Распутина, ранив его кинжалом в живот. Два года провела в Томской психиатрической больнице.

не о себе, не о человеке, а вообще о мире. Так вот я и говорю: “Хочу я людям представить не что-либо, что не от меня исходит, а именно то, что во мне есть своего, значит. Бога хочу я им показать, свой путь жизненный людям указать. Вот почему я и называю писание свое “По Божьему пути”. А в чем путь Божий, знаешь ли ты? Этот путь Божий и есть путь добрых дел. Твори добрые дела. Добрые дела твори, говорю я тебе, и ты будешь на пути праведников. Вот это я людям и хочу сказать. Хочу я начать свою проповедь народу. Мал для меня круг-то. Что для меня все эти люди? Грех, соблазн один. А вот думаю о душе. Довольно дьявола тешить, самообольщаться, грешить довольно, надо и о душе подумать. Вот я и подумал настоящую народную и праведную газету в ход пустить. Деньги мне дадут. Люди верующие найдутся. Соберу я людей хороших, перекрещусь, да и, Господи, в колокол ударю” *.

«Дневник» писался долгие годы (1910–1916), отрывки из него много раз переписывались великими княгинями Татьяной, Ольгой, Анастасией, фрейлиной И. А. Вырубовой, императрицей Александрой Федоровной. В Государственном архиве Российской Федерации (бывший — ЦГАОР) имеется несколько копийных вариантов**, вызывающих у некоторых исследователей подозрение в их подлинности. Относясь с большим уважением к подвижничеству О. А. Платонова, полностью согласиться с его версией о том, что дневник «По Божьему пути» — фальсификация, все же нельзя. Почеркографическая экспертиза этих записей (она прилагается к дневнику. — А. Ч.) подтверждает, что почти все девять тетрадей написаны его секретарем А. Н. Лаптинской***.

Кроме вопросов сугубо философско-религиозного характера и размышлений о Боге, о предназначении Человека на Земле, значении для православного верующего силы и благодати Молитвы, исполнения религиозных обрядов — в «Дневнике» много места уделено бурной и многогранной деятельности Распутина в общественно-государственной и отчасти — международной жизни, его связях со многими известными религиозными, государственными и политическими деятелями. Здесь наличествуют бытописания, раздумья о бремени жизни, взаимоотношении людей. Особняком сто-

* Голос Москвы. 1914, 2 июня.

** ГАРФ. Ф. 640. Оп. 1. Д. 309. Ф. 623. Оп. 1. Д. 23.

*** Акулина Никитична Лаптинская (1866–?) — одна из ближайших сподвижниц и поклонниц Г. Е. Распутина, его личный секретарь. Крестьянка Светошинской волости Городецкого уезда Могилевской губернии.

ит довольно широкий перечень характеристик, данных «старцем» многим своим современникам. Кроме личной оценки Государя и Государыни, по всем страницам рассыпаны зарисовки о князе М. М. Андроникове*, великом князе Николае Николаевиче**, великой княгине Милице Николаевне***, тибетском враче П. А. Бадмаеве****, иеромонахе Илиодоре (С. М. Труфанов)*****, архимандрите Тюменского Свято-Троицкого монастыря Мартиниане^{6*}, председателе Совета министров П. А. Столыпине^{7*}, сенаторе С. П. Белецком^{8*}, аферисте и проходимце И. Ф. Манасевиче-Мануйлове^{9*}, председателе Государственной Думы М. В. Родзянко^{10*}, графине С. С. Игнатъевой^{11*}, митрополите

* *Михаил Михайлович Андроников* (1875–1919) — князь, в 1914–1917 гг. — чиновник особых поручений при обер-прокуроре Св. Синода, издатель журнала «Голос России».

** *Николай Николаевич Романов* (старший, 1856–1929) — великий князь, генерал-адъютант, верховный главнокомандующий с начала Первой мировой войны до августа 1915 г.

*** *Милица Николаевна* (1866–1951) — великая княгиня, жена вел. кн. Петра Николаевича, дочь черногорского князя Негоша (короля Николая I).

**** *Петр Александрович Бадмаев* (1851–1919) — бурят, врач тибетской медицины, крестник императора Александра III. С 1875 г. на службе в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел.

***** *Илиодор* (Сергей Михайлович Труфанов, 1880–1952) — иеромонах, выпускник СПб. духовной академии, настоятель Дубовского монастыря под Царицыном. Первоначально друг, затем — заклятый враг Г. Е. Распутина. После революции — тайный сотрудник ВЧК.

^{6*} *Мартиниан* — иеромонах Тюменского Св.-Троицкого монастыря, состоял в близких отношениях с Распутиным.

^{7*} *Петр Аркадьевич Столыпин* (1862–1911) — дворянин. Министр внутренних дел, председатель Совета министров, статс-секретарь, гофмейстер. Организатор третьеиюньского переворота 1907 г.; инициатор проведения аграрной реформы в России, названной “стольпинской”. Убит агентом охранки Багровым в сентябре 1911 г.

^{8*} *Сергей Петрович Белецкий* (1873–1918) — мещанин, окончил Киевский университет, сенатор. С 1901 г. — служба в полиции; 1912–1915 гг. — товарищ Министра внутренних дел, директор Департамента полиции. Расстрелян в 1918 году, как контрреволюционер.

^{9*} *Иван Федорович Манасевич-Мануйлов* (1869–1918) — журналист, аферист, сводник, один из личных секретарей Распутина.

^{10*} *Михаил Владимирович Родзянко* (1859–1924) — крупный помещик, камергер, член III и IV Государственной Думы, один из лидеров октябристов. Председатель Государственной Думы в 1911–1917 гг. Противник Распутина. После Октябрьской революции эмигрировал.

^{11*} *Софья Сергеевна Игнатъева* — дочь князя С. В. Мещерского. Играла видную роль в церковно-синодальных кругах. Сторонница Илиодора и епископа Гермогена.

С.-Петербургском Антоний (А. В. Вадковский)*, министрах внутренних дел А. Н. Хвостове**, А. Д. Протопопове***, начальнике Петроградского охранного отделения М. С. Комиссарове**** и многих других.

В силу своей малограмотности Распутин вынужден был прибегать к помощи грамотных людей, в большем случае к своему секретарю Акулине Никитичне (прозвище — «Мушка»), хотя это и сковывало его фантазию. Не случайно в дневниковой записи от 3 ноября 1915 года он откровенничал: «Мои сии записки, пока я живой, ни один человек, кроме Мушки, не увидит... Эх, кабы рука моя, как и ее, по бумаге бегала! Каких бы слов не записал! И не те слова, что я Царям говорю, и они, Цари, мне говорят. И не те слова, что говорят наши управители, которые как потаскушки кувыркаются, а те, которые я сказать должен, те слова, от которых и должно в жар кинуть... Но беда моя в том, что мысли мои, слово мое, а идет через руки чужие...»*****

Действительно, язык автора необычен, полон различных эпитетов и тонких наблюдений мужицкого мыслителя, знающего себе цену и желающего поведать потомкам о широте своих замыслов, но постоянно прибегающего к эзоповской терминологии, конспирации. В этом направлении его фантазия была неисчерпаемой. Каждому своему знакомому или тем, с кем ему приходилось общаться, Распутин давал условные имена, становившиеся затем прозвищами, кличками. Так в его переписке, особенно почтово-телеграфной, мы найдем массу таких определений. Волею Распутина дочь купца Лавренева София получила прозвище «Вековушка», П. А. Столыпин — «Аркадьевич» или «Петруша», граф С. Ю. Витте — «Витя», председатель Государственной Думы М. В. Родзянко — «Толстопузый», дворцовый комендант В. А. Дедюлин — «Дуля», князь М. М. Андроников — «Клоп» или «Клопуша», П. А. Бадмаев — «Бадьма» или «Бадя», вдовствующая императрица Мария Федоровна — «Старуха» или «Гневная», председа-

* Антоний (А. В. Вадковский, 1846–1912) — митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский (1898–1912). Окончил Казанскую духовную академию. С 1906 г. — первенствующий член Св. Синода, член Государственного Совета. Доктор церковной истории. Духовный писатель и проповедник.

** Алексей Николаевич Хвостов (толстый Хвостов) (1872–1918) — богатый помещик, камергер, лидер правых в IV Гос. Думе. С 1915 г. — управляющий Министерством внутренних дел и шеф жандармов.

*** Александр Дмитриевич Протопопов (1866–1917) — член III и IV Гос. Думы; с 18 сентября 1916 г. — управляющий Министерством внутренних дел и шеф жандармов.

**** Михаил Сергеевич Комиссаров (р. 1870) — начальник Петербургского охранного отделения, генерал-майор отдельного корпуса жандармов.

***** ГАРФ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 612.

тель Совета Министров В. Н. Коковцов — «Коко», епископ Тобольский и Сибирский Варнава (В. А. Накропин) — «Суслик» или «Мотылек», министр внутренних дел А. Д. Протопопов — «Калинин», министр иностранных дел Б. В. Штюрмер — «Старик», великий князь Николай Николаевич — «Боров».

Арсенал прозвищ — велик. Многие из них до сих пор не выяснены. Особенно женские прозвища («Сонечка», «Бельчонок», «Кука» и т. п.). В этой области Распутин превзошел себя, как и в характеристиках, даваемых им относительно деловых или моральных качеств отдельным лицам: «Чёрт в монашеском одеянии» (епископ Гермоген), «Мошенник из мошенников» (П. А. Бадмаев), «Он тебя целует, а ты от укуса отворачиваешься» (М. М. Андроников), «Ванька-подлец» (И. Ф. Манасевич-Мануйлов), «Душевный кровопивец» (И. А. Думбадзе*).

Говоря о языковой палитре нашего героя, довольно своеобразно выразился журналист И. А. Гофштеттер**, считая его размышления стоящими особняком в шеренге бесчисленных произведений соотечественников и даже французских писателей. По его мнению, размышления «старца» Григория по своей оригинальности и приему мышления способны видоизменить трафаретность суждений о нем, а самое главное, что «он видит основу для вселенского объединения человечества».

Не случайно, Распутин избегал встреч с журналистами, придумывая различные варианты обманных ходов, а когда его все же настигали репортеры, не скрывал своего раздражения. Так, на вопрос корреспондента газеты «Вечернее время» в июле 1912 года о целях своего приезда в Петербург ответил: «Не того караулите, кого надо. Стрелы язвенные, слова злобные, человеческую несправедливость не караулите. Ваше это дело? А что делается? Люди злобствуют, друг друга свергают». А спустя два года репортеру той же газеты негодуяще выпалил: «Молчите. Довольно писать... Ответите перед Богом. Пусть все пишут... Ничего не боюсь... Пишите, сколько в душу влезет, а мне наплевать»***. Может быть, поэтому так конспиративно скрывались «Дневники» и мысль об их обнародовании при жизни была для него запретной. В июле 1914 года одному из собеседников он заметил:

* Иван Антонович Думбадзе (1851–1916) — генерал-майор свиты Е. И. В., градоначальник г. Ялты.

** Исаак Абрамович Гофштеттер — выпускник Московского университета, журналист «Дыма Отечества», редактор сочинений Распутина.

*** Вечернее время. СПб., 1914. 28 мая.

«Издать эти записки? Как можно! Пусть дети мои, если найдут нужным, сделают это»*.

Нынче, на рубеже перепутья, все чаще тянет нас обернуться к богатейшему наследию уходящего века, к мысли, которая не уставала познавать народную Россию. Ибо далеко не безгласен был сам народ, вовсе не безымянной была его собственная, выношенная и выстраданная мысль. Брошенный не только на экономическое выживание, но и духовное, он стремился сам удовлетворить всем своим потребностям и нравственную пищу творил самостоятельно, ища способов «жить по-божецки», по совести. Самой доступной ему книгой было Священное Писание, ставшее и самой народной книгой. В ней пытливые мужицкие умы находили простые и ясные ответы на все нравственные запросы. И более того, толкуя по-своему библейские заветы и истории, переплетая их и прилаживая к собственному духовному и житейскому бытию, выстраивали целые философские системы. Своими мужицкими боками они каждодневно ощущали нескладность общественного устройства, где с любого конца для труженика выходит клин. Желая найти корень обмана, мыслители из народа пускались в глубокие раздумья, в которых изначальный библейский завет давал ход самостоятельному мощному рассуждению, приводящему к ни у кого не заемным философским выводам. Порой настолько серьезным и значительным, что они получали хождение не в одном лишь породившем их крестьянстве. Размышления о природе нравственности, основанные на житейской и трудовой практике, и сегодня привлекают к себе высокообразованных современников. Среди этих деревенских философов, обладавших силой и разносторонностью ума, близко подошедшего к истинам вечного, конечно же был почти неграмотный крестьянин слободы Покровской Тюменского уезда Тобольской губернии Григорий Ефимович Распутин. Разбирая по буквам Ветхий и Новый Заветы, единственное чтение его жизни, он находил в этих строчках кладезь сокровенного духовного смысла. Без Евангелия он жить не мог и считал себя голодным, если не побеседует с ближними об отдельных его страницах, не выскажет своего восприятия, не изольет свою душевную горечь, как бы подталкивая на откровение своих собеседников, принимаясь присказывать свое понимание Святой Книги: «Горе на земле, — радость на небе». «За что радость на небе? За скорби и за молитвы. За какие? За те: в скорбях ходили в храм и причащались Святых Тайн. В скуке молись, увидишь, радость восторжествует в тебе. Очень трудно — молись, потеря — молись. Бог обратит Своими судьбами потерю. Молись за разные

* Вечернее время. СПб., 1912. 29 июня.

нападки, молись. И злоба разбирает — помолись, забудешь врагов — молись! Очень не хочется молиться — молись. Это более услышит Бог. Заставишь себя, это послушанье небес, всему послушанье — высота доброты...»*.

Человек бывалый в свои сорок семь лет, повидавший, кроме деревенской, жизнь городскую, особо хлебнувший столичной, он строил свои беседы так, словно возводил храм, выкладывал мыслью венец за венцом и украшал ее озарениями истин. При этом он не навязывал свои взгляды, не напирал в беседе. Давал высказаться собеседнику, чтобы тот мог выразить свою точку зрения: «Любовь есть идеал чистоты ангельской, и все мы братья и сестры во Христе, не нужно избирать, потому что ровные все мужчины и женщины и любовь должна быть ровная, бесстрастная ко всем, без прелести, и тот человек совершенно может любить, который находится вообще спасающийся без всякой прелести и ровный во спасении и без лишних порывов не предавался никаким видениям бесовском, ни к сребролюбию, то эти люди могут любить не избираемые: ни молодости девы и ни старости семидесяти лет. У них одинаковая картина мягкого прелестного сердца: должны любить одинаково не более и не менее, ту и другую, тогда истинно любители во Христе»**.

В 1914 году граф С. Ю. Витте писал: «Поистине, нет ничего более талантливое, чем талантливый русский мужик. Какой это своеобразный, какой самобытный тип? Распутин абсолютно честный и добрый человек, всегда желающий творить добро». Даже историку-специалисту бывает трудно выделить истину из того нагромождения лжи и клеветы, подлогов и озлобленных насмешек, которые приписывались и принимались за правду по адресу нашего земляка. Поэтому, как заметил митрополит Санкт-Петербургский Иоанн (Снычев): «...нужно говорить о Распутине. Какова его действительная роль? Надо все изучить»***. Этой цели, собственно, и посвящены наши заметки.

* ГАРФ. Ф. 612. Оп. 1. Д. 31.

** Там же.

*** См.: *Иоанн (И. М. Снычев), митр. Одоление смуты.* СПб., 1995. С. 176.

**ГРИГОРИЙ РАСПУТИН
В ИЗОБРАЖЕНИИ
СОВРЕМЕННОКОВ-
ЭМИГРАНТОВ,
ОТЕЧЕСТВЕННЫХ
ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
И ПУБЛИЦИСТОВ**

И. А. ГОФШТЕТТЕР

**Григорий Распутин
как загадочный психологический феномен
русской истории (по личным воспоминаниям)¹**

<Фрагмент>

Таинственный странник

Его появлению на петербургском горизонте предшествовали смутные слухи о каком-то замечательном страннике, временами появляющемся в столице из глухой провинции, из далекой сибирской деревни. Судьба случайно столкнула меня с двумя семействами, в жизни которых он сыграл большую роль. Работая в редакции оппозиционной газеты «Россия»*, впоследствии закрытой распоряжением правительства за несколько пасквильных памфлет Амфитеатрова против царской семьи**, я встречался там с инженером Л[охтиным]***. До своего появления в журналистике он занимал крупную должность по министерству путей сообщения в большом провинциальном городе, вел широкую жизнь, не стеснялся в средствах и не во всех кругах общества пользовался безупречной репутацией. Потерявши место начальника округа, предприимчивый делец сначала попробовал счастья в литературе,

¹ Печатается по: *Гофштеттер И. А. Григорий Распутин как загадочный психологический феномен русской истории (по личным воспоминаниям)*. М., 2017. С. 38–57.

* «Россия» — ежедневная газета либерального направления, выходившая в Санкт-Петербурге в 1899–1902 гг. С изданием сотрудничали писатель А. Амфитеатров, журналист Вл. Дорошевич, репортер Вл. Гиляровский, театральный критик Ю. Беляев, профессор П. И. Ковалевский. Издатель — М. О. Альберт. Главный редактор Г. П. Сазонов, друг И. А. Гофштеттера.

** *Амфитеатров Александр Валентинович* (1862–1938) — прозаик, драматург, публицист, фельетонист, литературный и театральный критик, автор сатирических стихотворений. Газета «Россия» запрещена цензурой в 1902 г. из-за публикации фельетона «Господа Обмановы», в котором усмотрели сатиру на царскую семью.

*** *Лохтин Владимир Михайлович* (1849–1919) — действительный статский советник — по Табели о рангах чин, равный генеральскому, инженер-гидротехник.

но вскоре предпочел уехать в Сибирь на золотые прииски, кажется, в качестве директора какой-то полуиностранный компании. Через полгода он снова стал появляться в редакции, но чрезвычайно сумрачный и расстроенный. Не знаю почему, он избрал меня доверенным своих семейных огорчений, досаждал мне с ними не только в редакции, но и у меня на дому, и наконец потребовал, чтоб я непременно приехал к нему на обед, познакомился с его женой и в качестве постороннего наблюдателя, знакомого с современными религиозно-философскими и эстетическими исканиями, разъяснил бы ему, что такое происходит в его семье.

— Я вернулся из Сибири уже три недели и решительно не узнаю своего дома, — взволнованно жаловался он. — У нас появилось новое общество какое-то, декадентствующие священники, ведутся совершенно непонятные для меня разговоры про какого-то святого странника, и все это для меня так ново и чуждо, словно я попал не в свою, а в чужую семью. Мы с женой душа в душу прожили пятнадцать лет, а теперь между нами словно стена какая-то выросла. Поймите, что в моей семье вся моя жизнь, я ею живу, для нее работаю и чувствую, что все идет прахом... валюсь в какую-то темную бездну, и не за что зацепиться. Вы написали книгу о декадентах. Бога ради, помогите же мне как-нибудь разобраться в этом хаосе, которого я совершенно не понимаю и который отнимает от меня самое дорогое, что есть в жизни...

Все это говорилось с глубоким волнением и с еле сдерживаемыми рыданиями. Хотя навязываемая мне роль какого-то литературного эксперта по семейным разладам была довольно-таки странной и комичной и сам Л[охтин] не внушал мне теплой симпатии, но по-человечески мне было неловко отказать в такой просьбе, и пришлось ехать на обед.

Декадентствующая генеральша*, ищущая «истины жизни» великосветская инженерша произвела на меня впечатление красивой и умной, холодной и самоуверенно-властной женщины. С первого же взгляда становилось очевидным, что она была царицей семьи. Ей поклонялись и муж, и дети-подростки, и гости, среди которых выделялся молодой священник, выступавший в религиозно-философском обществе. Когда муж управлял округом, она затмевала своими туалетами и приемами всех губернских сановниц, и для поддержания этого мишурного блеска несчастный путевый генерал, быть может, часто был вынужден больше думать о приращении своих доходов, чем о своем служебном долге. Вообще такой тип властных и царственных хищниц мне лично

* Лохтина Ольга Владимировна (1862 — не ранее 1924) — известная почитательница Г. Е. Распутина, супруга В. М. Лохтина.

очень несимпатичен, поэтому я воспользовался первым приличным предложением, чтобы раскланяться и уехать домой.

После этого визита прошло месяца три. И вот эту самую царственную леди я встретил вечером у одних знакомых, но уже совсем не в царственном виде: ее голова была покрыта темным платочком, вместо изящного модного платья был какой-то поношенный балахон, на ногах — грубые стучащие дешевые башмаки. В таком виде хозяйка дома встретила ее на паперти Знаменской церкви в обществе нищенок и странниц и привела к себе. И это чудесное превращение эгоистически-холодной и властной нарядной генеральши, которую три месяца назад я наблюдал в роли хозяйки званого обеда, в бездомную, почти босоногую странницу на церковной паперти произвел, оказывается, все тот же таинственный «старец Григорий».

Оказалось, что бедному путейскому генералу пришлось не по вкусу непонятные страннические чудачества, и взбунтовавшийся раб, попросту говоря, выгнал свою царицу из дома. Ее не остановила ни многолетняя привычка к изысканному комфорту, ни любовь к детям, ни привязанность к мужу, ни страх перед общественным мнением. Она все отвергла, всем пожертвовала, от всего отрешилась и пошла странницей по зову таинственного «старца». В душах людских происходят иногда вулканические перевороты — и жертвой такой морально-психологической катастрофы сделалась совершенно не понятая и не оцененная мной при первом знакомстве очаровательная генеральша. Задним числом я чувствовал себя глубоко виноватым перед ней за свою деревянную нечувствительность к душевным переживаниям ближнего и, естественно, захотел чем-нибудь загладить свой невольный грех тупого неверия и моральной брезгливости. Поэтому, когда хозяева дома стали обсуждать создавшееся положение и скрепя сердце выразили готовность предложить изгнаннице временный приют у себя, хотя ее присутствие могло быть связано для них с неприятными осложнениями, я предложил им более удобную комбинацию: переселить Ольгу Владимировну в наш загородный дом. Они с радостью ухватились за такой счастливый исход. Сама Ольга Владимировна сначала решительно отказалась от переезда к нам из-за незнакомства с моей женой*, но я обещал ей, что она почувствует себя у нас больше дома, чем даже в своей собственной семье. Этот многозначительный аргумент сразу поборол все ее колебания, и в тот же вечер она водворилась у нас на Поклонной горе верстах в пятнадцати от Петербурга.

* *Гофштеттер Лидия Эрастовна* (ур. княжна Ухтомская) — жена И. А. Гофштеттера, приятельница жены В. В. Розанова В. Д. Бутягиной.

Ее потрясенная пережитой катастрофой душа скоро отдохнула и оправилась в нашей трудовой полусельской обстановке. Почти непрерывно занятый то писанием статей, то текущими работами в редакции, я мало сталкивался с жившей у нас генеральшей, но жене моей она много рассказывала об «открывшем ей свет старце Григории». Ее рассказы рисовали его как необыкновенного прозорливца духа, властителя сердец и душ и вызывали интерес к этой загадочной личности.

Почти одновременно его таинственное влияние сказалось и на другой близкой нам семье — на семье видного писателя Р[озанова]*. Его падчерица, умная, но неуравновешенная девушка лет двадцати, в каком-то кружке встретила с Григорием и сразу была охвачена господствовавшим среди членов кружка увлечением его личностью. Ее мать, не очень просвещенная, но исключительно чуткая и даровитая женщина, сразу истолковала увлечение дочери слишком односторонне и с героической решимостью насадки, спасающей своего цыпленка от хищного ястреба, почти силой вырвала ее из кружка григорьевских поклонниц. Под впечатлением хвалебных рассказов генеральши опасения милой Р[озано]вой казались нам дутыми и фантастическими, но, быть может, ясновидящему материнскому инстинкту открыто больше, чем самому строгому логическому рассуждению со стороны.

Первая встреча с Распутиным

Эти факты и впечатления предшествовали моей личной встрече с Распутиным, подобно тому как появлению королей на оперной сцене предшествуют герольды и вестники с трубами.

Наконец в гостиной одного литератора, С[азанова]**, я воочию увидел того, о ком уже трубил весь Петербург. Когда нас познакомили, мне навстречу поднялся человек среднего роста, с длинной темно-русой бородой, в темной поддевке и высоких сапогах. Общее впечатление от всей фигуры — что-то среднее между крестьянином и мелким деревенским торговцем. На то, что перед вами не заурядный деревенский прасол***,

* Розанов Василий Васильевич (1856–1919) — религиозный философ, писатель, литературный критик и публицист. Был знаком с Распутиным, обращался в своих произведениях к его образу. *Розанов В.* Апокалипсическая секта (хлысты и скопцы). СПб., 1914; *Письма В. Розанова к Э. Голлербаху.* Берлин, 1922; и др.

** Сазанов Георгий Петрович (ок. 1857–?) — редактор газеты «Россия», журнала «Экономист России», писатель, экономист.

*** *Прасол* (устар.) — оптовый скупщик скота и разных припасов (обычно мяса, рыбы) для перепродажи.

указывали только впалые, глубоко сидящие глаза с каким-то острым, беспокойным, временами злым и напряженным взглядом да бледное, истомленное лицо аскета.

— Это ты Ольгу приютил? — спросил он меня, как-то весь насторожившись.

— Да, она жила у нас, а теперь дня уже два ее что-то не видать. Кажется, ушла куда-то в другое место.

— Спасибо, спасибо тебе: ей спервоначала уж очень трудно было. У тебя жена добрая. Не в себя живете. А ты чем промышляешь-то? Какое твоё занятие?

— В газетах пишу, начальство обижаю...

— Не плохое дело, если по правде пишешь. Это все равно что Божье служение.

О себе он сообщил, что он сибирский крестьянин. Имеет хорошее хозяйство и рыбную ловлю.

— Зимой по морозцу и твоей хозяйке рыбки привезу.

— А чему ты поучаешь народ на ваших собраниях? — спросил я у него. — У тебя какая-нибудь особая вера?

— Вера наша обыкновенная, православная. Молимся Богу, Отцу нашему, читаем божественное. Стараемся и понимать все, и жить по-божьему, чтобы все как братья и сестры были. Толкуем, просвещаемся, доходим умом.

Он сразу поднялся и заторопился уходить. На просьбы хозяев остаться попить чаю он объяснил, что еще час назад должен был быть у епископа Гермогена*, да вот разговорился с нами и опоздал.

— Поедем со мной к епископу, — неожиданно предложил он мне. Я отказался.

— Почто не хочешь?

— Да я, по правде сказать, не больно-то люблю архиереев и духовных.

— В Бога не веруешь? — строго и нахмурясь спросил Григорий.

— Бог — это одно, а архиереи — совсем другое, — возразил я.

— Вот это ты правильно: Бог одно, а архиереи — другое, — как-то радостно и сразу просветлев, согласился он со мной. — А только Гермогеном не брезгуй: он хороший, праведного духа епископ...

* *Епископ Гермоген* (Георгий Ефремович Долганов; 1859–1918) — в 1917 г. епископ Тобольский и Сибирский. В ноябре 1981 г. решением Архиерейского собора Русской православной церкви за границей (РПЦЗ) канонизирован в лике священномученика со включением в Собор новомучеников и исповедников Российских и установлением памяти 16 июня. В 2000 г. его имя было внесено в Собор новомучеников и исповедников Российских для общецерковного почитания.

Впоследствии мне приходилось бывать на собраниях распутинцев, но ничего похожего на проповеди я у них не слышал. Были отдельные разговоры, вопросы и ответы, иногда бегло брошенные наставления и поучения, — и только. Быть может, при всей близости ко мне Распутин не находил нужным открываться мне в своей религиозной работе, считая меня неверующим или мало верующим интеллигентом. Кроме того, по самому своему духовному строю он был, по-видимому, даже неспособен к произнесению проповедей, вообще — к длинной, связной и последовательной речи. Ему стоило огромных усилий долго сосредотачивать внимание на одной мысли. Если вы объясняли ему что-нибудь более или менее сложное, первые минуты он слушал вас напряженно и сосредоточенно, но вслед за тем его внимание быстро утомлялось, мысли рассеивались и глаза начинали бегать по сторонам. Как у всех людей большого мистического дара, у него была удивительно-уточненная способность восприятия — внутреннего охватывания того, что находилось за пределами его сознательной мысли и логического понимания.

Распутин о Толстом

Когда после смерти отлученного от Церкви Льва Толстого государь послал сочувственную телеграмму вдове великого писателя, популярный черносотенный агитатор иеромонах Илиодор*, тогда уже проникший через Распутина в высшие сферы, послал через Вырубову** телеграмму государю с грубым и резким порицанием за сочувствие отлученному еретiku.

Вырубова не решилась передать илиодоровское послание и не знала, как с ним быть. Я предложил вызвать Илиодора и Распутина, надеясь, что мне удастся объяснить им правоту государя. Первым приехал Распутин. Я ему объяснил религиозное значение Толстого, которого он, разумеется, никогда не читал, рассказал о том, как раньше, до его писаний, в самых передовых и просвещенных домах всяческий разговор о религии считался почти неприличным, как доказательство отсталости и необразованности. Толстой доказал, что голый ум может привести только к самоубийству, что без веры жить нельзя. Сам, как слишком большой умствователь, он уверовать не мог, но зато привел

* *Иеромонах Илиодор* (Сергей Михайлович Труфанов; 1880–1952) — иеромонах-расстрига, русский духовный и политический деятель.

** *Вырубова Анна Александровна* (ур. Танеева; 1884–1964) — фрейлина и подруга императрицы Александры Федоровны, одна из самых восторженных почитательниц Г. Е. Распутина. Автор воспоминаний: *Танеева (Вырубова) А. А.* Страницы из моей жизни. Париж, 1922.

к признанию необходимости веры все русское общество — точь-в-точь как Моисей, который после сорокалетних скитаний привел свой народ к Земле обетованной, но сам не вступил на нее и умер в пустыне.

Эти рассуждения были для безграмотного мужика очень сложными и отвлеченными, но Григорий сразу воспринял их и прекрасно сформулировал в мистическом освещении на своем образном языке:

— Если все от Бога, то, значит, каждый человек несет службу Божью по-своему, — сказал он в раздумье, говоря как бы с самим собою. — Бог ему, может быть, нарочно дал такой острый ум, чтобы все раскрыть людям до самого дна. А ежели с таким умом труднее уверовать, так за это покойника не проклинать, а пожалеть надоть и помолиться за упокой его души. Не по правде Божьей решил Святейший Синод.

На другой день приехал Илиодор. Он был в то время свирепым черносотенцем. Когда я изложил ему те же соображения о Толстом и сослался на согласие Григория, он ничего не взял в толк.

— Я и тебя, и старца готов слушать во всем, — возразил он, — но в этом деле понимаю без вас: я был в Духовной академии и знаю, что прославлять анафему царским именем нельзя. Анафема так и есть анафема — и ничего больше!

Сказал, как отрезал. Страстный по темпераменту, пылкий оратор с большим даром слова, но без дара мысли и глубокого понимания, неукротимый в порывах честолюбия, он всегда казался мне каким-то боевым петухом в монашеской рясе, но совсем не монахом, не отшельником мира сего. Этот страстный, петушиный элемент скоро окончательно возобладав в нем над монашеским смирением и метнул лихого черносотенного казака в противоположенную крайность, — до большевистского комиссарства включительно. Впрочем, и там ему не повезло: по последним сведениям, он служит теперь где-то в большой казенной гостинице швейцаром по особой протекции Сталина, бывшего своего однокашника по духовной семинарии*.

Удивительная духовная чуткость Распутина

У Распутина не было ни духовного сана, ни образования, ни ораторского таланта Илиодора, но зато был, несомненно, крупный мистический дар, тонкая восприимчивость и связанное с восприимчивостью

* Ошибка Гофштеттера: Иосиф Джугашвили (Сталин) с сентября 1894 г. был зачислен в православную Тифлисскую духовную семинарию, а Илиодор обучался в Новочеркасской семинарии. В мае 1922 г.

Илиодор эмигрировал из Советской России в Германию, а затем в США, где некоторое время работал швейцаром в гостинице в Нью-Йорке.

поразительно чуткое понимание душевного строения и душевного состояния людей.

Один из моих знакомых, граф О[рло]в, настойчиво просил привезти к нему Распутина. Тот пришел и, едва взглянув на хозяина, почти сразу уставился на стенной портрет его давно умершей сестры.

— Кто эта девица? — почему-то с ноткой строгости спросил он немножко шокированного таким обхождением графа.

— Это моя покойная сестра. Она умерла двенадцать лет тому назад.

— Глянь-ка, глянь-ка, — дернул Григорий меня за рукав, — вот лик-то ангельский, вот душа-то непорочная! Таких немного увидишь на свете.

Действительно, сестра О[рло]ва была человеком исключительной чистоты. Дочь богатой аристократической семьи, она влюбилась в земского врача, заведовавшего графской больницей, и когда он умер от дифтерита, выхаживая безнадежно больного крестьянского мальчика, она не имела силы пережить своего героического избранника. Семейной драмы О[рло]вых в Петербурге почти никто не знал, но для чуткого, восприимчивого Распутина весь душевный строй возвышенной девушки стал совершенно ясен при первом же взгляде на ее портрет.

— Как ты хорошо угадываешь человеческую душу, Григорий, — невольно похвалил я его.

— Не угадываю, а глазами вижу, вот как этот стол и патретную книгу, — указал он на толстый графский альбом. — Что ты думаешь, человеческое лицо не живое, что ли? Пойди по бойкой улице и смотри на встречаемых людей. Они идут тебе навстречу, и такие друг на друга похожие, и такие разные, и каждый на лице своем несет и свою мысль, и свою заботу. На его лице все просвечивается, что у него на уме и на сердце есть. И тогда видишь, что бегут тебе навстречу не люди-человеки, а разные человеческие думы, скорби, радости и заботы, не шубы и тела, а живые, только прикрытые телом души людские. Ты эти живые души глазами видишь, вот как бумага на портрете.

Другой не менее типичный пример его чуткости сохранился в воспоминаниях моей жены, которые я привожу в ее изложении.

«Как-то под вечер приехал Григорий Ефимович в сопровождении неизменной генеральши, Акулины* и своей старшей дочери Матрешки. Торопливо снимая с себя пыльные плащи и шляпы, приехавшие жаловались на городскую духоту, на тесноту и давку в вагоне и устало усаживались в плетеных креслах и качалках. Генеральша

* *Никитина Акулина* — одна из секретарш и почитательниц Распутина.

Ольга, недавно элегантная дама, изящным жестом развязывала свою белую косынку, которую носила теперь вместо дорогих и нарядных шляп. Мы расположились на террасе верхнего этажа; внизу темнел сад; открывшаяся с нашей Поклонной горы даль уже затягивалась легкой дымкой тумана, а небо еще горело закатным золотом и розовым светом.

Все вдыхали чистый и уже прохладный вечерний воздух и рассеяно следили, как вдали под горкой среди кудрявого темного леса то и дело пробегали финляндские поезда, свистя, и постукивая, и блестя сквозь деревья зажигающимися огоньками. Разговор еще ни на чем не остановился и скользил с предмета на предмет. На террасе накрывали большой чайный стол, и все ждали появления самовара.

Как раз в эту минуту пришла и приехавшая со следующим поездом племянница Валя, высокая стройная девушка с большими и неласковыми черными глазами на бледном усталом лице и великолепной косой, немного оттягивающей назад маленькую головку.

Здоровье было у нее неважное, жизнь трудная и тяжелая. Быть может, оттого она была всегда со всеми очень суха в обращении и как-то не по-молодому неприветлива ко всему миру.

Она холодно подала всем руку и, ни минуты не останавливаясь на новых знакомых, присела к старой тетке в стороне от гостей. Распутин глядел на нее пристально и удивленно.

— Господи! — взволнованно проговорил он вдруг. — Умер твой жених?

Этот неожиданный вопрос к только что вошедшей девушке взволновал и ее. Она вся вспыхнула, так что даже жалко ее стало. Я поспешила как-нибудь замять неловкость обращения Распутина.

— Что вы, Григорий Ефимович, о каком женихе вы говорите? Наша Валя и не собиралась замуж.

— А кто же умер? — спросил он уже растерянно и недоуменно. — Что за горе у ней? Беденькая!

Валя возмутилась.

— С чего вы взяли? Какое горе? Никакого жениха, никакого горя...

— Да разве я не вижу печали души твоей? — настаивал Распутин. — А может, ты и в Бога не веришь? — неуверенно предположил он.

— Почему вам надо это знать, — надменно и негодуя протестовала Валя, — во что я верю и во что не верю?

Распутин махнул рукой в сторону заката на вечеряющий сад, где вершины деревьев темнели на светлом небе.

— Вон погляди, ведь каждая травка молится Богу, тянется к Нему и радуется. Радуется и молится. Отчего у тебя этой радости нет? Твоя

печаль — Богу скорбь и оскорбление. Оскорбление всему Божьему творению, всей жизни на земле. Ты вот дитя еще, а в глазах веры нет, пусто и скорбно в них.

— Зачем вы все это мне говорите? — окончательно возмутилась своенравная Валя. — Я совершенно не понимаю. Моя душа, моя вера, моя жизнь вас совершенно не касаются, и я никакого желания не имею об этом говорить.

Она встала и ушла в другую комнату. Распутин, глядя ей вслед, бормотал, не обращаясь ни к кому:

— Несчастливая она, жизни она не видит, глаза у нее какие. Жалею ее. Больно молода еще. И сколько таких у вас здесь! — обратился он с грустью к окружающим. — У нас в деревне люди другие. Мы все там Бога чувствуем, не как вы. Откуда эта слепота на вас находит?»

Григорий действительно умел читать в сердцах и нередко с первой встречи говорил людям об угнетающих их души тайных драмах, чем многих приводил в глубокое изумление, смешанное с чувством страха и благоговения. Сверх того, он покорял людей, особенно светских, избалованных излишеством почтения и, может быть, втайне для самих себя немножко утомленных церемониалом отношений, удивительной простотой обращения. Каждого и каждую он встречал как родного брата или родную сестру. Всем это нравилось, потому что все люди, даже самые высокопоставленные, несмотря на механическую привычку к льстивому подобоострастию, в глубине души инстинктивно и бессознательно ждут и ищут простого братского привета. Знатным титулованным дамам было очень приятно слышать, как корявый мужик попросту ласково зовет их по именам и говорит им «ты».

— Ну что, Аннушка, закручинилась? — и ласково потреплет ее по плечу.

— Лиза, напиши от меня енералу, что я прибуду к нему во вторник к вечеру...

И Аннушка, и Лиза сразу расцветают душой. Он многих покорял именно этим могучим соблазном простоты. Приветливое и сердечное отношение со стороны постороннего и темного человека заставляло самых высокопоставленных особ, внутренне истомленных почтительной лестью, морально воскресать от сознания: «Значит, есть во мне что-то высокое и человеческое, если даже совсем не знающий меня какой-то сибирский странник с первой же встречи говорит со мной так по-человечески, прямо на “ты”, без всяких чинов, титулов и светских миндальностей». Многие высокие персоны шли на это, как на подкуп. Такое детски-упрощенное обращение занимало большое место в ряду тайных и явных распутинских чар.

О распутинских раутах

Чем больше присматривался я к распутинцам, тем резче бросалось в глаза полное отсутствие у них какого бы то ни было учительства. Те собрания, на которые мне приходилось попадать, обыкновенно имели вид званых обедов, причем главный интерес дам сводился к тому, чтобы сесть как можно ближе к «старцу». Разговоры носили преимущественно частный или получастный характер. Распутин говорил с той или другой его поклонницей о ее личных делах или волнующих ее вопросах; другие подошли и прислушивались. Для обсуждения каких-нибудь более важных вопросов он нередко уходил с Вырубовой (ближайшей дамой к императрице) в кабинет хозяев, иногда вызывали и меня, чтобы о чем-нибудь посоветоваться. Наиболее фанатичные поклонницы находили моральное и религиозное удовлетворение в том, чтобы прикоснуться к его одежде, что-нибудь съесть с его тарелки или проглотить остаток чая из недопитого им стакана. Иногда между самыми иступленными распутинками возникало что-то вроде легкой борьбы за ополоски стакана или за грязную тарелку обожаемого «старца».

При всем своем огромном, наполовину бессознательном и очень трудно формулируемом духовном богатстве Распутин, в сущности, ничего не давал и не открывал. Его религиозная деятельность сводилась к тому, чтобы время от времени появляться среди своих поклонников, принимать от них почести и просветлять их души одним своим присутствием. Он это и делал: куда-то уезжал, откуда-то приезжал, причем все его поклонники должны были периодически то сопровождать его, то встречать и принимать.

Меня он привлекал к себе больше всего своим глубоким и деятельным умом, широкими философско-мистическими исканиями, самобытной вдумчивостью, необычайной прозорливостью темного человека и поразительной восприимчивостью к тому, что находится за пределами его логического понимания. Кроме того, я задумал использовать его растущее влияние в царской семье по земельному вопросу, от правильного решения которого в тот исторический момент всецело зависела вся судьба России. Эти политические планы и расчеты легли в основу моих отношений с ним, а впоследствии они же послужили главной причиной нашего расхождения. В предреволюционные годы я чувствовал весь ужас стихийно надвигавшегося государственного кризиса, мучился своим бессилием и полной невозможностью предупредить неизбежный развал и не мог прощать бездействие тех, кто по своему положению и близости к представителю верховной

власти был в силах дать другое направление грядущим событиям. Неограниченная монархическая власть казалась мне колоссальным орудием социального прогресса. При мало-мальски ясном представлении о том, что назревает в сердце народа, при сколько-нибудь верном понимании исторических корней и социальных проблем русского государства так легко было направить дальнейшее течение русской жизни в новое широкое русло. Только бы поняли, только бы сорвали повязку с глаз — и спасение перед ними, — и спасение не только для них, но и для всего русского народа, быть может, для всей мировой цивилизации. Но как назло, монарх, который держался только преданностью крестьянских масс и призван был охранять их экономические интересы, был целые века совершенно изолирован от деревенского люда, как глухой стеной окружен представителями высших классов, делавших из его власти послушное орудие своих классовых интересов, своего экономического хищничества и политического господства. И когда капризная судьба пробила эту стену, и поставила около царя деревенского мужика, и наделила его в глазах всей царской семьи высоким, почти беспредельным авторитетом, можно ли было не проникнуться надеждой на спасение, не отдаться наивной мечте предупредить кровь и ужас назревающей революции смелыми социальными и земельными реформами?

С такими мыслями, надеждами и планами мне приходилось общаться не только с Распутиным, но и с роящимися вокруг него распутинцами, посещать их собрания, быть участником их обедов и раутов.

А. Ф. КЕРЕНСКИЙ

Власть Распутина¹

Все началось в 1906 году. «Памятная и злосчастная дата в российской истории, — написал в своей книге о царице Морис Палелог, последний французский посол при российском императорском дворе. — С того момента император с императрицей приняли стремительно уничтожать монархию собственными руками», фактически сокрушая самодержавие, без которого, по их собственному непоколебимому убеждению, «не могла существовать Россия». 1906 год стал отправной точкой их пути на Голгофу, ибо в середине того года под покровительством великого князя Николая, будущего главнокомандующего, и его жены, черногорской княгини Анастасии, по рекомендации ректора Санкт-Петербургской духовной академии, известного аскета, духовника царицы архимандрита Феофана во дворце появился «святой человек», «наш Друг» Григорий Ефимович Новых — Распутин.

О молодых годах этой поразительной личности мало известно.

Мужик, который на всю жизнь остался практически без грамоты, родился в селе Покровское Тобольской губернии, юность провел в драках, пьянстве, распутстве (отсюда прозвище), ни на что хорошее был не способен, жил мелкими кражами по примеру своего отца, осужденного за конокрадство.

Подобно многим сибирским крестьянам, Распутин занимался извозом, порой доставляя случайных пассажиров до самых дальних губернских местечек. Однажды его нанял монах, совершавший паломничество в далекий монастырь. Они разговорились. Монах, видно, затронул молчавшую до той поры струнку в душе деревенского бабника

¹ Печатается по: Керенский А. Ф. Трагедия династии Романовых. М.: Центрполиграф, 2005. С. 28–51.

и шалопая. Образ жизни молодого человека резко изменился: он покался, обратился к вере, со всей силой своего темперамента предавался молитве, посту, посещению храмов.

После долгого пребывания в монастыре Распутин вернулся в родную деревню полностью преобразившимся. Но вскоре бросил семью и хозяйство, пустился в бесконечные странствия по российской земле, перебираясь из одного монастыря в другой. Потом сам стал проповедовать, обрел «сестер»-учениц, разработал собственную доктрину греха и покаяния — смесь фанатичной религиозности с отчаянной эротикой. О нем быстро пошли преувеличенные слухи по всей стране, рассказы о его святости, божественном вдохновении, скандалах и оргиях доходили до Санкт-Петербурга.

В Распутине богохульно смешивались добро и зло. В интервью, опубликованном в «Новом времени», он рассказывал, как в Сибирь к нему ездили приближенные к императорскому двору дамы. «Я полагал, что надо их смирить, унижить. Когда человек унижится, он многое постигает... И вот в этом диком заблуждении я заставлял их идти со мной в баню. Их было двенадцать женщин. Они мыли меня и претерпели все унижения...»

Бурные годы первой революции (1904–1905) Распутин провел уже в Санкт-Петербурге. Звезда его восходила стремительно. Он бывал у высокопоставленных церковных деятелей, в религиозных обществах, молодежных ассоциациях, особенно в женских. Женщины служили главной опорой влияния и славы «святого чёрта».

Вот что рассказывает о повседневной жизни Григория бывавшая у него дама: «Он сильно пил, в то время я его часто видела пьяным... вокруг толпился рой поклонниц. Ни одну женщину за стол с собой не сажал, в рабочий кабинет не пускал, но часто на глазах у всех без стеснения уводил ту или другую в постель к себе в комнату. Пьяный, как правило, сам приставал, а когда бывал в нормальном состоянии, женщины проявляли инициативу... Я не раз слышала его проповеди, в которых религия сочеталась с небывалой похотью. “Думаете, я вас оскверняю, ничего подобного, наоборот, очищаю” — такова была его основная идея».

Тем не менее, как обычно бывает в России с полуфанатиками-полушарлатанами (не стоит считать Распутина уникальным в своем роде типом), когда того требовали обстоятельства, Григорий с легкостью переходил от самых безобразных оргий к настоящему молитвенному экстазу. Получив наконец доступ к архимандриту Феофану, ректору Санкт-Петербургской духовной академии, настоящему аскету, жившему святой монашеской жизнью, Распутин ошеломил и очаровал его своим

«молитвенным даром», заразной силой веры, инстинктивной мудростью толкования Евангелия, несмотря на невежество и сумбур в голове.

Благословение архимандрита Феофана, а также Гермогена, другого влиятельного епископа, окончательно утвердило за Распутиным репутацию святого, пророка, чудотворца в великосветских салонах, где в то время в моде было православие вперемешку со всевозможной мистикой. Первое место среди блистательных салонов принадлежало гостиним двух сестер, так называемых «черногорских великих княгинь», дочерей короля Черногории. Одна из них, Милица, была женой великого князя Петра, другая, Анастасия, после развода с герцогом Лейхтенбергским вышла за великого князя Николая. Обе в то время поддерживали прекрасные дружеские отношения с императрицей Александрой, и именно они по рекомендации Феофана, духовника царицы, представили Распутина императорской семье. Впоследствии честный, чистый Феофан выступил против него, за что впал в немилость. Черногорских сестер Распутин устранил из окружения государыни, как только получил доступ в царскосельский дворец. Во время войны главнокомандующий великий князь Николай (также один из его первых поклонников), получив телеграмму с просьбой разрешить Распутину посетить Ставку Верховного главнокомандующего, кратко ответил: «Милости просим. Повешу немедленно».

Первая встреча старца с государем и государыней состоялась в 1906 году. За десять лет, к декабрю 1916 года, когда близкий родственник царя убил его, «чтобы спасти Россию и династию», он достиг вершин власти. Как это случилось? Каким образом безграмотный мужик с более чем сомнительной репутацией проник в императорский дворец и почему его присутствие навлекло беду на императора? Все уже сказанное мной о Распутине очевидно доказывает, что появление «святого черта» во дворце не имеет никакого отношения к государственным делам, его вмешательство в политическую жизнь страны вовсе не объясняется ни системой власти (даже самодержавием, которого в любом случае после 1905 года уже не существовало), ни «азиатским» характером российской общественной жизни. Нет, Распутин вписался в семейные хроники дома Романовых, в национальную историю абсолютно случайно, благодаря исключительно личному фактору. А именно благодаря Александре Федоровне, женщине даже не русской ни по происхождению, ни по воспитанию, ни по духовному складу.

Императрица, до замужества принцесса Алиса Гессен-Дармштадтская, была любимой внучкой королевы Виктории (ее мать, Алиса Гессенская, дочь английской королевы), которую та лично

рекомендовала царю Александру III в качестве будущей супруги цесаревича Николая. Замечу, что заслуженное ею во время войны прозвище «немка» меньше всего на свете применимо к Александре Федоровне. Она получила чисто английское образование и воспитание, определявшее ее симпатии и антипатии, не любила даже говорить по-немецки, сына этому языку не учила. Кто разглядел бы в юной веселой красавице, «виндзорском солнечном лучике», будущую московскую царицу, замкнутую в себе, одержимую истерией, фанатично православную, словно вышедшую из XVII века? Но милая улыбчивая принцесса несла в себе семя будущей катастрофы. В ее крови жил и экзальтированный мистицизм матери, и неизлечимое наследственное заболевание гемофилия, передающееся по материнской линии детям мужского пола. Можно даже сказать, что карикатурный образ Распутина рядом с Александрой Федоровной напоминает Давида Штрауса, знаменитого автора «Жизни Христа», к которому первая Алиса Гессенская долго питала платоническую любовь, полную мистицизма и экзальтации. Я имею в виду Алису, дочь королевы Виктории, которая вышла замуж в 1862 году. Ее дочь, будущая российская императрица, родилась только в 1872 году, полностью впитав мистические настроения матери. В сложной щекотливой ситуации, сложившейся при российском императорском дворе, молодая чета сразу попала в нелегкое положение.

Александра Федоровна очутилась в непривычной враждебной атмосфере, которую постоянно отягощала угроза террористических покушений на императора. Современная и образованная юная английская принцесса постепенно все больше и больше превращалась в средневековую царицу. Приняв православие сначала по необходимости (русский царь мог жениться только на православной), она неожиданно погрузилась в религию с самым фанатичным, примитивным, суеверным рвением. Паломничества, мощи святых, пряди волос блаженных, образа, распятия, иконы покровительниц, толпы нищих, монахов, монахинь, паломников, проходимцев, святых, ложных святых, обогащавшихся на своей вере... Она лихорадочно, истерически молилась, прося сына и наследника. Десять лет безуспешно. Местные святые не помогали, пришлось обращаться к иноземным чудотворцам, известнейшим из которых был некий Филипп, уроженец Лиона. Царь с царицей строго следовали всем его рекомендациям и указаниям, но наследника не получили. В конце концов Филипп был отправлен в Лион. Феофан, будущий злополучный покровитель Распутина, объявил его одержимым «нечистым духом» после того, как тот в качестве медиума устроил общение Николая II с духом его отца Александра III.

Наконец на десятом году супружеской жизни появился на свет цесаревич Алексей, можно сказать вымоленный у судьбы ценой погубленной жизни, ибо для молодой императрицы его рождение знаменовало конец нормального разумного существования. Прежде Александра Федоровна заботилась главным образом о семье, а с того момента начала все пристальнее следить за государственными делами. Отныне самодержавие для нее означало не только власть мужа, но и, конечно, будущее сына. Алексей должен был стать истинным самодержцем. Властная императрица не считала достойными истинного царя неопределенные пассивные методы правления Николая. «Стань новым Петром Великим, покажи, что ты властелин, и твоя воля будет исполнена, — писала она позже. — Важно, чтобы министры боялись тебя».

Но над путем Алексея к короне нависла тень смерти, сына царицы одолела загадочная болезнь, унаследованная по материнской линии. От гемофилии умерли ее юный брат, дядя, двое племянников. Теперь настал черед Алексея. Надо ли говорить, что переживала царица, когда в судьбе сына уже не приходилось сомневаться?

Физические последствия родов и нравственные страдания подорвали телесное и психическое здоровье Александры Федоровны. Еще до войны вдовствующая императрица Мария подмечала, как невестка теряет душевное равновесие. Со временем припадки стали случаться публично. Во время следствия по делу об убийстве семьи Романовых горничная Александры Федоровны мадемуазель Занотти говорила о состоянии здоровья своей госпожи: «Я всю жизнь была рядом с ее величеством, хорошо ее знала, любила. По-моему, она страдала истерией. В последние годы была не такой, как всегда... Что меня удивляло: в приятном для нее обществе душевная болезнь вовсе не проявлялась, ничуть ей не мешала, а среди неприятных людей, которые говорили или делали то, что ей не по вкусу, она сразу же начинала кричать... В последние годы не соглашалась ни с чем, противоречившим ее мнению, действительно считала свои представления непогрешимыми и священными для всего света, а тех, кто думал иначе, просто прогоняла».

Болезнь ребенка была практически неизлечимой. Но Александра Федоровна не из тех женщин, которые без борьбы смиряются с судьбой. Если молитвы бессильны, значит, она недостойна, чтобы Бог к ней прислушался. Она твердо знала, что вера способна горы переставлять. Признав тяжесть своих грехов, императрица искала святого, молитвы которого за нее и за сына Бог не отвергнет. Его надо было найти любой ценой, чтобы Алексей — который, разумеется, будет жить, — в один прекрасный день стал настоящим самодержцем. И вот из гуши народа,

из самых низов, откуда она ожидала своего святого, явился Григорий Распутин.

Он вошел во дворец под маской святости, с чудотворной молитвой, вел себя как блаженный, оставив за дворцовыми стенами дебоширство и неумную похоть.

Правда, он безобразничал и в императорских покоях, но императрица ничего не замечала, отказывалась замечать. Распутин соблазнил няньку совсем еще маленького цесаревича по фамилии Вишнякова, которая потом покаялась и призналась императрице в грехе. Та не поверила, посчитав Вишнякову клеветницей и участницей заговора против старца. Не прислушалась она и к жалобам гувернантки своих дочерей мадемуазель Тютчевой, просившей, чтобы Распутину запретили входить к ним в комнаты. Царь вмешался, отдав распоряжение, но Тютчевой пришлось оставить службу.

Царица слепо верила в способность Распутина исцелять и спасать ее сына. «Она была твердо убеждена, — свидетельствует мадемуазель Занотти, которую я уже цитировал, — в особенной силе его молитвы и думала, что ему непременно удастся умолить Бога исполнить просьбу. Любое улучшение состояния царевича приписывалось молитвам Распутина».

Воспитатель Алексея швейцарец Жильяр говорит: «Своим пребыванием во дворце Распутин безусловно обязан болезни наследника. Понаблюдая за течением заболевания, я понял причину влияния этого человека... С первой встречи он уверял ее (императрицу) в серьезности недуга и в своей способности умолить Бога прислушаться к его молитвам. Поверив в силу старца, она пришла к убеждению, что ребенок будет жить, пока жив сам Распутин. Цесаревич время от времени поправлялся, но улучшение состояния совпадало с визитами старца. Поэтому императрица верила, у нее не было выбора. Эта вера утешала ее душу. Она больше не сомневалась в посредничестве Распутина между нею и Богом, поскольку ее собственные, не поддерживаемые им молитвы не приносили облегчения. Для нее Распутин был почти святым».

Действительно, не раз на глазах у царя и царицы появление Распутина у постели, казалось бы, умирающего Алексея приводило к кризису и полному выздоровлению. Порой даже простая телеграмма от «нашего Друга» производила желанный эффект.

Несомненно, этот человек обладал поразительной гипнотической и магнетической силой. Но действительно ли он спасал жизнь наследнику? Официальный следователь Соколов, убежденный монархист, глубоко и тщательно изучил все подробности жизни царской семьи. Вот его заключение: «Поддерживающие Распутина монархисты в целом

свидетельствуют о его благоприятном воздействии на здоровье наследника престола. Это неправда. Наследник не излечивался от болезни, тем более радикально, продолжая страдать до кончины. Естественно, огорченная мать может раз-другой нечаянно обмануться. Но никого невозможно годами держать в заблуждении, сознательно не греша против матери и своей совести. Обман облегчался самим характером болезни. Приступ начинался всегда одинаково — с ушиба, любой другой травмы. Возникало и обострялось кровотечение, наступал паралич, ребенок ужасно страдал. Доктор Деревенко облегчал боль, наука помогала, наступал перелом, кровотечение останавливалось, царевич поправлялся. Вполне понятно душевное состояние матери. Она верила в Распутина и в результате сложного психопатологического процесса целиком приписывала результаты лечения ему, а не медикам. Но мог ли Распутин столько лет сохранять свое влияние, рассчитывая на одну материнскую веру? Для этого ему требовался помощник. При неподкупной честности доктора Деревенко святому необходим был во дворце сообщник, слепое орудие его воли, неспособный к разумной оценке событий, от которого он в любую минуту получал бы необходимые сведения. Только им, естественно, не станет несговорчивый врач. Вскоре Распутин его нашел. В лице Анны Вырубовой он обрел преданную рабыню, жившую во дворце».

Жильяр говорит о лечении Алексея то же самое: «Я уверен, что Распутин, которого Вырубова уведомляла о течении болезни, появлялся у постели больного — посоветовавшись с доктором Бадмаевым* — в самом начале кризиса, после чего ребенок поправлялся. Ее величество ни о чем не догадывалась. Естественно, это не раз производило на нее впечатление, в конце концов она поверила в святость Распутина». Мадемуазель Занотти подтверждает: «Оставшееся у меня впечатление от визитов Распутина к больному царевичу таково: он являлся в тот самый момент, когда заканчивалась критическая фаза».

Впрочем, не важно, лечил Распутин или не лечил. Главное, что в представлении матери он держал в руках жизнь ребенка, тем самым полностью подчинив себе волю царицы, став ее абсолютным властелином.

В чем секрет такого успеха? Гипноз, магнетизм, сверхъестественная сила взгляда?

Во время войны и весной 1915 года французский посол Палеолог встречался с Распутиным. Инициативу, по его словам, проявило

* *Бадмаев* — близкий Распутину тибетский знахарь, популярный в Петрограде «целитель».

Царское Село. Вот как он описывает старца: «Длинные прямые темные волосы, густая черная борода, высокий лоб, крупный торчащий нос, чувственные губы. Но вся сила его личности как бы сосредоточивалась в светло-голубых глазах, необычайно ярких и в то же время глубоких, притягательных. Взгляд одновременно пронизательный и ласкающий, наивный и лукавый, внимательный и рассеянный. При серьезном разговоре зрачки его словно бы испускали магнетическое излучение. На этом “святом”, мистике, лежала какая-то внешняя печать мерзости, от него шел острый животный запах грязи».

Председатель Думы Родзянко признавался, как трудно выдерживать взгляд «святого чёрта».

Протопопов, последний министр внутренних дел, назначенный Распутиным, говорил, давая свидетельские показания Чрезвычайной следственной комиссии, учрежденной Временным правительством: «Не стоит говорить, что для меня не были тайной частые появления Распутина при дворе и то, что он в курсе всего происходившего там. Потом, когда я стал министром и встречался с ним, у меня сложилось мнение об источнике его влияния: по-моему, он был не совсем нормальным, а взгляд его производил особенно сильное впечатление. Он обладал способностью оказывать гипнотическое воздействие на некоторых людей, особенно на женщин и детей».

Кстати, сам Протопопов испытал на себе гипнотическую силу Распутина. Впрочем, на невосприимчивых людей, не ждавших от него никаких милостей, он производил неприятное впечатление, а порой вызывал даже непреодолимое отвращение. Месье Жильяр, к примеру, писал: «Мне не приходилось видеть старца с тех пор, что я жил во дворце, но однажды, собираясь выходить, я встретился с ним в передней. Я успел рассмотреть его, пока он снимал свою шубу. Это был человек высокого роста с изможденным лицом, с очень острым взглядом серо-синих глаз из-под всклокоченных бровей. У него были длинные волосы и большая мужицкая борода; на нем в этот день была голубая шелковая рубашка, стянутая у пояса, широкие шаровары и высокие сапоги. Эта встреча, которая больше не повторялась, оставила во мне неприятное впечатление, которое невозможно определить; в те несколько мгновений, когда наши взгляды встретились, у меня было ясное сознание, что я нахожусь в присутствии зловредного и смущающего душу существа».

Совершенно безжалостный портрет Распутина рисует бывший председатель Государственного Совета Коковцов, которого мы уже цитировали: «Когда Распутин вошел ко мне в рабочий кабинет и уселся в кресле, я был поражен отталкивающим выражением его глаз.

Глубоко сидевшие в орбитах близко поставленные маленькие серостальные глазки как бы впивались в меня, и Распутин долго не отводил взгляда, словно старался оказать какое-то гипнотическое воздействие, хотя, может быть, просто внимательно изучал меня, видя впервые... Подали чай, Распутин взял горсть пряников, бросил в чашку и снова оставил на меня рысьи глазки. Мне стали надоедать гипнотические эксперименты, и я кратко заметил, что глядеть на меня бесполезно, это не производит ни малейшего эффекта... На мой взгляд, Распутин был самым обычным сибирским разбойником типа беглого каторжника, который по инстинктивно усвоенным правилам играл роль наивного святого. Казалось, для полноты картины ему недостает только каторжной робы с бубновым тузом. Когда ее величество позже осведомилась о моем впечатлении от «мужика», я ответил, что впечатление в высшей степени неприятное. Проговорив с ним почти час, я видел перед собой типичного сибирского разбойника из тех, с кем в начале карьеры имел дело в каторжных тюрьмах и на сибирских этапах, человека из категории «не помнящих родства», скрывающих свое прошлое, опороченное преступлениями. Я даже добавил, что не хотел бы с ним встретиться в темном переулке, настолько он отвратителен и бесчестен со своими так называемыми гипнотическими способностями, неубедительно эксцентричен в нарочито простом и даже рассудительном разговоре».

И вот в 1911–1912 годах этот типичный каторжник, по выражению Коковцова, грязный чувственный тип, на взгляд Палеолога, темная личность, по словам вдовствующей императрицы, стал доверенным лицом российских самодержцев! Неизлечимая болезнь цесаревича, истерическая прихоть императрицы, непонятное безволие императора, опустившегося до роли простого орудия, — все сошлось, чтобы сделать Распутина всемогущим вершителем судеб мировой державы. Когда разразилась война, он один оставался у власти в своем, так сказать, «личном министерстве» в Царском Селе, в «малом доме» Анны Вырубовой, фаворитки и лучшей подруги Александры Федоровны.

Характер г-жи Вырубовой прекрасно описал внимательно наблюдавший за нею Жильяр: «Императрица любила окружать себя людьми, полностью ей подчинявшимися, совершенно лишенными собственной воли. Она дарила своей дружбой лишь тех, в своем господстве над кем была уверена. Так было и с г-жой Вырубовой. Она сохранила склад души ребенка, неудачные опыты жизни чрезмерно повысили ее чувствительность, не сделав суждения более зрелыми. Лишенная ума и способности разбираться в людях и обстоятельствах, она поддавалась своим импульсам; ее суждения о людях и событиях были не продума-

ны, но в той же мере не допускали возражений. Одного впечатления было достаточно, чтобы у нее составилось убеждение — ограниченное и детское; она тотчас распределяла людей по произведенному ими впечатлению на «добрых» и «дурных», иными словами, на «друзей» и «врагов». Она была до глупости доверчива, завоевать ее сердце было проще простого. Любила общаться с теми, кто стоял ниже нее, находила в этом удовольствие... Будучи безвольна, она всецело отдалась влиянию Распутина и стала самой твердой опорой его при дворе».

«Вскоре, — говорит мадемуазель Занотти, — рядом с императрицей никого не осталось, кроме двух человек, не заслуживающих доверия: Распутина и Вырубовой. Кроме них, в расчет не принимался никто».

ГЛАВА 3 «Зеленые»

В Царском Распутин устроил свое министерство. В Санкт-Петербурге на Гороховой располагался его двор, где дено и ноцио толпились важные персоны. Высокопоставленные чиновники и епископы, банкиры и генералы, крестьяне и мужики, актрисы и светские дамы, монахи и безумянные бродяги являлись по четыре сотни человек в день. Сам старец сидел в столовой или в рабочем кабинете в окружении женской свиты. Время от времени по вечерам он вдруг оставлял всех, садился в машину, устраивал попойку на всю ночь, то в отдельных кабинетах роскошнейших ресторанов, то в самых гнусных притонах. Иногда телефонный звонок из царскосельского дворца нарушал планы Григория, который мгновенно трезвел, даже выпив сверх меры. И сразу мчался вместо кабаке обсуждать с «мамой» (как он звал императрицу) государственные дела.

«Не раз, когда я бывал рядом с ним, — говорил в ходе следствия князь Юсупов, — его вызывали по телефону в Царское Село. Я оставался, ждал его возвращения. Он мне сам признавался, и у меня были самые убедительные доказательства, что с ним консультировались по важнейшим государственным делам в самых серьезных обстоятельствах. Он решал вопрос о назначении военных и министров, наделенных самой высокой ответственностью».

К сказанному можно добавить свидетельство Матрены, дочери Распутина: «Чаще всего причиной дурного настроения отца было сопротивление со стороны министров. Он часто возвращался из дворца озабоченный и сердитый, а когда его спрашивали, что случилось, ругал министров за дурное влияние на царя... Отсюда и его ссоры с императором».

Дом Распутина находился под постоянным наблюдением и охраной тайной полиции, а сменявшиеся министры внутренних дел выделяли огромные суммы на информаторов в доме «человека Божия». Перед Чрезвычайной следственной комиссией, созданной мною от имени Временного правительства сразу после революции, открылась поистине чудовищная картина деятельности Распутина и его клики. Императрицу с Вырубовой окружали самые бессовестные придворные, самые бесчестные министры, вульгарные мошенники и шарлатаны. Многие из последних были связаны с германскими секретными службами; во время войны немцы охотно воспользовались возможностью взять Распутина в плотное кольцо своих агентов и «советников».

Несомненно, Распутин оказался стержнем, вокруг которого плели интриги не только германофилы, но и настоящие немецкие агенты. Это совершенно очевидно.

За деятельностью Распутина пристально следил (в интересах национальной обороны по приказу Ставки Верховного главнокомандующего) один русский офицер, профессиональный разведчик. Вот что он заявил Соколову на следствии: «Мои наблюдения и личные встречи с Распутиным не оставляли сомнений, что в его квартире немцы через свою агентуру могут получать нужные им сведения. Однако ради справедливости должен добавить, что не имею никаких оснований считать его лично вражеским агентом, несмотря на чисто прогерманские настроения... мнения, которые он высказывал, самому ему не принадлежали. Они для него слишком тонкие. Ему их просто вбили в голову и заставили повторять».

Когда А. Н. Хвостова, крайне правого члена Думы, во время войны ненадолго назначили по совету Распутина министром внутренних дел, он, ознакомившись с секретными досье своего министерства, всерьез задумал убить старца. Даже выделил для этого деньги из находившихся в его распоряжении фондов. Он сам мне рассказывал, что достоверно убедился — немцы получают через Распутина самые секретные сведения из Ставки Верховного главнокомандующего, — но удалить его из дворца не имел возможности.

Князь Феликс Юсупов, в конце концов убивший Распутина, говорил на следствии: «Я не раз видел в его рабочем кабинете каких-то неизвестных мне личностей. Чаще всего они появлялись в момент перед его отъездом или возвращением из Царского Села. По возвращении окружали, поили его, всегда задавали конкретные вопросы. Я замечал, что ответы записывают. Я уже тогда понял, что Распутин германский шпион... Однако у меня сложилось впечатление, что, хотя его политическая деятельность этой роли вполне соответствует,

он это делает не совсем сознательно, в определенной мере не понимая, какое несчастье готовит России». Официальный следователь Соколов рассказывал, что Юсупов пытался выведать у Распутина, кто такие незнакомцы с блокнотами. Распутин, по словам Юсупова, с лукавой улыбкой ответил: «Друзья наши. Их много, особенно в Швеции. Мы их называем “зелеными”». И как ни странно, главный почтмейстер Похвистнев, в обязанности которого входил просмотр всех получаемых императором телеграмм, рассказывал позже, что видел одну адресованную царице депешу за подписью «зеленый»*. Эта заранее отправленная телеграмма аллегорического содержания предупреждала против увольнения министра внутренних дел Протопопова.

Я много раз повторял в русской и зарубежной прессе, что Николай II не хотел сепаратного мира, никогда не проявлял подобного желания, даже и не думал о сепаратном мире. Я в этом абсолютно убежден. Точно так же, повторяю, Александру Федоровну никоим образом нельзя назвать «немкой». Она далеко не стремилась помогать Вильгельму II, не имела такого намерения, презирала его, а после объявления войны решительно ненавидела. Однако она действительно и совершенно естественно не хотела войны в июле 1914 года и, если Распутин поддерживал ее в Царском Селе, возможно, даже возражала против войны, поскольку в последние роковые дни перед императорским указом о мобилизации Распутин энергично боролся с самой этой мыслью. Мой друг Суханов, член Думы от Тобольской губернии (родной губернии Распутина), рассказывал, что собственными глазами видел телеграмму старца императору, и показал мне потом копию, отправленную в то время, когда великий князь Николай с министром иностранных дел Сазоновым уговаривали царя издать указ о мобилизации. «Не объявляй войну, гони Николашку [великого князя], — призывал Распутин, добавляя следующее пророчество: — Если объявишь войну, беда тебе, тебе и царевичу». В ходе следствия по делу об убийстве императорской семьи дочь Распутина Матрена говорила то же самое: «Отец был горячим противником войны с императорской Германией. Когда была объявлена война, он, раненный Гусевой, лежал тогда в Тюмени. Государь присылал ему телеграммы, прося у него совета... Отец всемерно советовал государю в своих ответных телеграммах «крепиться» и войну Вильгельму не объявлять... Я тогда была сама около отца и видела как телеграммы государя, так и ответные телеграммы отца. Он так сердился, что рана снова открылась».

* В Стокгольме с 1915 г. под руководством германского посла в Швеции действовала информационно-разведывательная организация «Зеленый центр».

Свидетельство офицера, которому было поручено наблюдать за Распутиным, продвигает нас еще на шаг: «Однажды в середине 1916 года мне довелось услышать от него: если бы только подлая баба не пырнула меня ножом, вообще никакой войны не было бы, я бы не допустил. Он также заявлял публично, что войну пора кончать: по-моему, уже достаточно крови пролито. Немцы больше не опасны. Они уже ослабли. Он считал, что мы должны заключить мир с Германией».

Впрочем, мысль о заключении мира не сразу проникла в примитивное сознание Распутина. В начале войны он, казалось, решил: «Если надо воевать, то и хорошо, победа будет за нами». Некоторые здесь видели только хитрый маневр с целью отвести от себя подозрения, чтобы чуть позже получить возможность с легкостью направлять императрицу на путь, указанный из Берлина. По-моему, объяснение гораздо проще: желание мира возникло вместе с бесконечно растущими тяготами войны. Весной 1915 года Распутин уже знал о лишениях, которые терпят крестьяне, — ведь сам он был прежде всего крестьянин. Палеолог вспоминает, что в одной беседе словно между прочим спросил, действительно ли Распутин уговаривает императора сложить оружие. И тот откровенно ответил: «Это вам дураки говорят. Я всегда твержу царю, надо драться до полной победы. Но точно так же повторяю, что война несет русскому народу невыносимые страдания. Я знаю деревни, где остались одни слепые, увечные, вдовы да сироты. Слишком страшно!»

Но еще больше, чем этих страданий, Распутин и Александра Федоровна боялись политических проблем. С 1916 года перед царем и народом стоял выбор: вести войну до общей победы союзников, лишив безответственную клику Распутина власти и всяких постов, или спасти «самодержавие» под эгидой Распутина, заключив ради этого сепаратный мир.

«Постепенно становилось ясно, — говорил В. Д. Набоков, один из известнейших либеральных вождей, — что наша безумная внутренняя политика приведет либо к сепаратному миру, либо к дворцовому перевороту. Прогрессивное общественное мнение утратило всякое доверие к Николаю II, осознав одновременно с народом, что он не способен уже быть царем; кто за царя — тот против России».

В конце 1916 года князь Г. Е. Львов, будущий председатель Временного правительства, возглавлявший Союзы земств и городов*, писал:

* Союзы местных сельских и городских властей были во время войны основными административными органами, ответственными за снабжение армии, госпиталей и т. п., поскольку государственная бюрократия с первых же дней проявила свое полное бессилие. (Здесь и далее звездочками обозначены примеч. авт.)

«Не удовольствовавшись подрывом национального единства, они [клика Вырубовой — Распутина] упорно готовились призывать к позорному миру такого рода, что мы были обязаны им сказать: вы — смертельные враги России и монархии, поставившие российское государство на край пропасти».

Слова князя Львова полностью отражали российское радикальное и демократическое общественное мнение. Но и переместившись из независимых городских и земских институтов, кооперативов и рабочих объединений в санкт-петербургские великосветские салоны, великокняжеские дворцы, в круги гвардейских офицеров, мягкие вагоны личной свиты главнокомандующего Николая II, мы в конце 1916 года обнаружим там те же самые мысли и чувства. Протесты великих князей, убийство Распутина, подготовка дворцового переворота были просто разнообразными проявлениями одного и того же важнейшего факта: все вплоть до придворных были убеждены, что большая императрица ведет страну к гибели.

Генерал Дубенский, во время войны находившийся в царской свите в качестве военного историографа при Ставке Верховного главнокомандующего, нарисовал перед Чрезвычайной следственной комиссией поразительную картину настроений, преобладавших среди придворных и гвардейских офицеров: «Люди, с которыми я общался, были всецело настроены против Распутина, ненавидели и презирали его. Я сам считал, что это беда для России. Все мы были морально подавлены. Я часто говорил с князем Орловым (руководителем походного секретариата императора, впоследствии высланным) о недопустимости влияния такой личности, как Распутин. Орлов, понятно, сильно беспокоился по этому поводу. Такого же мнения придерживался и Дрентельн, адъютант императора. Адмирал Нилов отзывался о Распутине с крайней неприязнью и, отличаясь бурным темпераментом, поносил его последними непечатными словами. То же самое могу сказать о графе Фредериксе (камергере императора). Все известные мне люди, даже адъютанты, кроме, может быть, Саблина, были противниками Распутина... Драматическую ситуацию усугубляли обвинения самой императрицы в активных интригах в пользу Германии; все твердо верили, что она хочет мира и не желает немцам поражения. Распутина же решительно признавали немецким агентом. Помню, особенно в январе повсюду толковали о Распутине, о его близости с императрицей. Даже в семейном кругу мне постоянно доказывали, что Распутин продался врагу. Наверно, вы сами помните, о чем тогда везде говорилось. Однажды я вышел из кабинета повидаться с детьми и их часто бывавшими в доме друзьями. Последние принадлежали, можно сказать, к лучшему

обществу. Один из моих сыновей учился в Лицее, где у него было много приятелей, немало наших хороших знакомых были гвардейскими кавалеристами. Нилов обычно заодно со мной говорил: не могу верить в ее предательство, только она им явно симпатизирует... То же самое сказал мне князь Орлов, покидая императрицу, отправившись то ли в Ливадию, то ли куда-то еще, отчего он переживал страшный кризис. Говорили даже, будто он ушел в монастырь».

Как понимать утверждение адмирала Нилова о «явных» германских симпатиях императрицы?

Во-первых, очевидно, что для императрицы не существовало больше ни армии, ни народа, у нее оставался лишь сын и обязанность всеми силами сохранить для ребенка самодержавную систему власти. Точно так же понятно, что в борьбе за власть Алексея императрица пошла бы на самые крайние меры. Наконец, по общему мнению, Распутин и прочие сомнительные личности под его руководством толкали царицу к сепаратному миру.

Юсупов, расспрашивавший Распутина насчет сепаратного мира, впоследствии показывал: «Я слышал от него: война не должна продолжаться, пора ее кончать, хватит кровь проливать. Он это безоговорочно повторял много раз. Однажды на мой вопрос, как к этому относятся в Царском Селе, он ответил: “Никак. Конечно, злодеи говорят другое, да только не важно, последнее слово за мной. Поэтому с императором все время ругаюсь... он никогда дела не раздувает. Императрица — мудрая государыня. Все взяла в руки, сама правит. Образуется. Такая уж народная воля”».

«Народную волю» к сепаратному миру предстояло осуществить Протопопову, последнему царскому министру внутренних дел. После смерти Распутина этот политический деятель стал в глазах Александры Федоровны его преемником, олицетворявшим дух «человека Божия», даже мудрость самого Иисуса Христа, стоя за царским троном!

Но под надетой Протопоповым маской духовности скрывался хитрый ум.

Большевики его арестовали, потом перевели в государственную лечебницу в связи с нервной болезнью. Время от времени ему позволялось бывать в доме некой г-жи Рысс, жены известного русского журналиста, занимавшегося политическими заключенными (включая бывших министров) при содействии организации «политический Красный Крест».

В 1918 году Протопопов во время дружеской беседы в квартире г-жи Рысс открыто изложил задуманный в 1916 году мирный план.

Летом того года он посетил столицы союзных стран во главе делегации российских парламентариев. На обратном пути остановился

в Стокгольме, где имел беседу с представителем германского министерства иностранных дел. (Кстати, любопытно отметить, что среди его стокгольмских корреспондентов оказался тот самый шведский банкир Ашберг, который позже, в 1917 году, служил посредником при передаче Ленину немецких денег.) Конечно, в беседах с семьей Рысс Протопопов утверждал, что «вопрос сепаратного мира не поднимался», желанные приготовления даже не начинались. По его мнению, когда за несколько месяцев до того от России отвернулись союзники, она лишилась возможности вести войну, и российскому правительству следовало тогда же отдать приказ о прекращении огня. Затем Россия с союзниками должна была начать переговоры с Германией, которые ввиду обстоятельств остались бы безрезультатными. Если бы союзники отказались от переговоров, России тем не менее следовало, заключив мир с Германией, прекратить боевые действия в обусловленный день. В этом случае она становилась нейтральной страной.

Но в начале 1917 года проекты по поводу нейтралитета канули в бездну, уже отрезавшую царицу от народа. Стоя у постели больного ребенка, Распутин направил на мученический путь несчастную мать и всю императорскую семью.

И. Л. СОЛОНЕВИЧ

За тенью Распутина¹

<Фрагмент>

Возрождение Холливуда

На голливудских экранах мировой печати — в том числе и эмигрантской — снова мечется пресловутая распутинская тень. Снова обсуждаются причины крушения Империи. Эмигрантская публицистика уровнем своего понимания снова пытается перещеголять голливудских режиссеров. Становится и грустно, и противно.

Вопросу о крушении Империи и Монархии посвящены две книги: И. Якоби и проф. Перса. Первая старается обелить память погибшей Царской Семьи. Вторая тщательно разыскивает причины падения Империи за кулисами Трона. Книга Перса заполнена «документальными» данными об этой закулисной борьбе. Об этих данных П. Милюков выражается очень осторожно: проф. Перс «слишком доверчиво относится к своим источникам, ценя их свежесть, но не критикуя их достоверности». И отмечает «несоответствие между изображением и реальной действительностью». Реальной действительности книга проф. Перса никак не отвечает. Ив. Тхоржевский в «Возрождении» считает <книгу> Якоби «убогим черносотенным лубком». «Часовой» в связи с ней туманно пишет об «ошибках Короны». Статья Тхоржевского вся посвящена доказательствам того, как распутинщина убила «душу монархии», и намекам на тему о том, как-де слабоволие Государя и болезненность Государыни привели к «надругательству над русской служилой честью», и, наконец, описанию того, как «солдатский сапог растоптал монархию».

По тхоржевско-голливудскому сценарию выходит так, что и Империю, и Монархию погубил-де пьяный мужик. Распутинская борода — а также и прочие вторичные и первичные признаки таинственного старца, заслонили собою и историю России, и преступления правящего

¹ Печатается по: Солоневич И. Л. За тенью Распутина (1939 год) // Наша газета. 1939. URL: <http://ricolor.org/history/mn/nv/8/>.

слоя, и военный разгром, и тяжкую внутреннюю борьбу, и безлюдье, и бесчестность — все заслонили. Осталась одна пьяная борода, решившая судьбы России. Чем не Холливуд?

Это банально-дурацкое, тхоржевско-холливудское, детективно-сенсационное представление о роли Распутина слишком уж настойчиво и назойливо вдальблывается в сознание всего мира — в том числе и в сознание русской эмиграции. Это представление — насквозь лживо. Для всех виновников гибели Империи и Монархии Распутин — это неопенимая находка. Это козел отпущения, на спину которого можно перевалить свои собственные грехи. Это — щит, под прикрытием которого так просто и так легко болтать о болезненности Императрицы и о слабости Императора: сами-де виноваты, зачем были болезненными, зачем были слабовольными.

Давайте бросим холливудскую пинкертоновщину и поставим вещи на свое место. Вещи, поставленные на свое место, будут располагаться приблизительно так:

Вся внутренняя история России есть по преимуществу — если не исключительно — история борьбы Монархии с правящим слоем, во имя подчинения этого слоя общенациональным или — если хотите — общенародным интересам. Правящий слой всегда против этого подчинения боролся. Народные низы всегда поддерживали общенародную линию. Борьба началась с удельного периода — с подчинения «прав» удельных князьков задачам обороны страны. Род Калиты окончательно сломал этих князьков. Поэтому-то для одного из этих князьков — Курбского род Калиты был родом «издавна кровопийственным». «Кровопийственный род» собрал землю Русскую в один кулак. Князьки пытались овладеть этим кулаком изнутри. Иван Грозный разгромил и эти попытки — в стиле и способами, которые вообще были свойственны тому времени. Но Иван Грозный понимал историю несколько лучше Ивана Тхоржевского. В своем знаменитом воззвании из Александровской слободы он сознательно обратился к «черной сотне», к низам, теперь сказали бы — «к улице». Улица его и вывезла. Если из нашего исторического понимания изъять влияние низов, влияние «улицы», то мощь русской монархии будет совершенно непонятна: откуда все собиратели земли Русской брали силы для борьбы с уделами, с боярством, с местничеством, с «верховниками», с крепостниками и с прочими милыми людьми? Силы эти давали низы.

Петр Великий получил уже прочно сколоченное здание самодержавия. Но и ему пришлось начать свою политическую карьеру с очередного разгрома застойного, чванного, неработоспособного слоя. Отсюда и Алешка Меньшиков, и Курпатов, и Ежов и прочие.

До периода Императриц внутренняя история России шла по, так сказать, путям Адольфа Гитлера. *Demeinnutz vor Eigennutz*: раньше всего общенародное благо. А ежели этому благу не хотите подчиниться добровольно — то «у меня есть палка, и я вам всем отец».

При Императрицах внутренняя история России пошла, так сказать, вспять. Временщики, заговоры, дворцовые революции, царубийства. Люди, пришедшие к власти путем дворцовых переворотов и царубийств, не могли не считаться с авторами этих переворотов. Судьба ее супруга не могла не мерещиться Екатерине. Нужно было идти на уступки. Вот и «матушка-царица». Она была матушкой для десятков своих любовников, но она едва ли была такой же матушкой для миллиона крестьян, раздаренных этим любовникам. Александр Первый не мог не оглядываться на судьбу своего отца: отсюда его либеральное модничанье.

Попытка декабристов была предпоследней попыткой очередного гвардейского переворота — последняя попытка была сделана в феврале 1917 года. Декабристы натолкнулись на гвардейского мужика и были разбиты. Николай Первый — Николай Палкин, как его обзывают большевики, — собрал в своем железном кулаке те силы, без которых александровская реформа была бы технически невозможной. Палка Николая Первого подготовила манифест Александра Второго.

Сын и внук Царя-Освободителя с колебаниями, неизбежными во всяком человеческом деле, продолжали политику Императоров, а не Императриц: подчинения всей страны вот этому самому «общему благу». Но Николаю Второму пришлось действовать в тот период, когда правящий слой догнивал окончательно. Цифры — бесспорные и беспощадные цифры дворянского земельного оскудения — это только, так сказать, ртутный столбик общественного термометра: температура упала ниже тридцати трех: смерть. Слой, который не мог организовать даже своих поместий, — как мог он организовать государство.

Я, конечно, не говорю об исключениях — типа Столыпина. Я говорю о слое. Николай Второй попал в то же положение, о котором говорил Ключевский: «московский государь, которого ход истории вел к демократическому полновластию, должен был действовать посредством очень аристократической администрации». На низах эта администрация была сильно разбавлена оппозиционными разночинцами. На верхах она была аристократической сплошь. Слой умирал: полуторавековое паразитарное существование не могло пройти даром: не трудящийся да не живет.

Без войны смена слоя прошла бы, конечно, не безболезненно, но, во всяком случае, бескровно. Однако на Николая Второго свалилось

две войны — и ни одной правящий слой не сумел ни предотвратить, ни организовать. Слою оставалось или взять вину на себя, или переложить ее на плечи Монархии.

Левая часть правящего слоя перекаладывает вину без всякого зазрения совести: «проклятый царский режим». Правой части — такой образ действия все-таки несколько неудобен — и вот тут-то и подвергается Распутин. Дело же, конечно, вовсе не в Распутине. Дело в том, что война свалилась на нас в момент окончательной смены правящего слоя.

Один слой уже уходил, другой еще не пришел. Вот отсюда-то, а вовсе не от Распутина, и произошло безлюдье, «министерская чехарда», «отсутствие власти» и — также трагическая безвыходность положения Царской Семьи. Отсюда же «кругом трусость и измена». Смертный приговор Царской Семье был вынесен в «августейших салонах», большевики только привели его в исполнение.

Шантаж

За кулисами всякой монархии, всякой республики, всякой человеческой жизни вообще — есть своя скандальная хроника. Скандальной хроники Екатерины Второй хватит еще на добрый десяток писательских и режиссерских поколений. Скандальной хронике Орловых и Зубовых — распутинская, конечно, и в подметки не годится, — однако ни орловская, ни зубовская хроника для борьбы против престола использованы не были.

Дело не в хронике, дело в тех слоях, которые эту хронику используют.

Великосветское общество — и правое, и левое — очень напоминает мне пронырливого фотографа-шантажиста, который забрался в семейный альбом, нащелкал там целую серию порнографических открыток и — под угрозой политического шантажа — пустил эти открытки по белу свету. Распутинская открытка оказалась, кроме того, еще и фальшивкой.

Господа Тхоржевские, вероятно, совсем забыли одно маленькое, очень маленькое обстоятельство: в годы войны почти ничего не говорилось о политическом влиянии Распутина. Говорилось совсем другое: Царица — шпионка и любовница Распутина. Распутин — шпион и любовник и Царицы, и Великих Княжен. Вот что говорилось. А кто это говорил? Солдаты на фронте или князья в тылу? Откуда шла эта клевета? Из «августейших салонов» или из окопов? От «рабоче-крестьянских масс» или из кулуаров и с трибуны Государственной Думы?

Люди, которые пускали эту клевету, не могли не знать, не имели права не знать, что жизнь Наследника Престола — жизнь, которую так

ждала не только Царская Семья, но и вся Россия, зависела от страшной гипнотической силы «пьяного мужика». Мог ли Государь, уступая клевете, пожертвовать жизнью Наследника? Могла ли Государыня — Императрица и Мать, отдать жизнь Наследника в угоду той же клевете? Сейчас с гемофилией борются средствами официальной медицины. Но и сейчас полное излечение, в особенности в молодом возрасте, невозможно, — даже и средствами протеинотерапии. В те годы удаление Распутина фактически означало бы смертный приговор Сыну и Наследнику Престола.

Тема отцовской любви сейчас, в эмиграции, разрабатывается по поводам совсем другого характера. Люди, которые на всех перекрестках мазали дегтем клеветы трагедию Царя-отца и Царицы-матери, — нынче вдруг воспылали всяческим преклонением перед отцовскими чувствами. Да, шпион... Но, вы понимаете, все-таки сын... Наследник Цесаревич шпионом не был. Почему же люди, эти же самые люди, — клеветой добивались смертного приговора Наследнику Престола? Честь служилого слоя? Почему честь служилого слоя не была задета любовниками Екатерины?

Без грима

Давайте попробуем смыть с Распутина голливудский грим. Пьяница? Можно подумать, что Тхоржевский воспитывался в институте самых благородных в мире девиц и что ни на какие банкеты он никогда и не хаживал. Петр Первый был пьяницей. Александр Третий выпивал более чем изрядно. В какой-то степени было пропито и Белое движение. Если это и порок — то никак не индивидуальный: «веселие Руси». Женолюб? Обратимся к Петру и Екатерине — которых никто по этому поводу не травил. Какая среда предъявляла эти обвинения? Та среда, для которых отечество находилось в вилле Родэ и которая публично купала в аквариумах голых «французинок» — тоже, подумаешь, Катоны, стражи семейных добродетелей, весталки обоего пола, девственники петербургских кабаков! Взятничество? После убийства Распутина у него самого не оказалось ни копейки. Политическое влияние? Его не могло не быть — но оно, к сожалению, оказалось недостаточным. Да, Распутин был за сепаратный мир. Что было бы, если бы его влияние оказалось достаточно сильным? Если бы в 1916 году Россия приняла бы германские предложения: Галиция, проливы? Как жили бы мы с вами, господа штабс-капитаны, и как жила бы Россия? Не знаю, провидел ли «таинственный старец» ави фаворабль, пермисьон де сежур, нансеновские паспорта и прочие доказательства

доблестной союзнической верности, — но кое-что в этом роде не так уж трудно было предвидеть. Назначение Протопопова? Так позвольте вас спросить — почему это Протопопов, пока он был товарищем председателя Государственной Думы, являлся столпом общественности и избранником земли Русской? А как попал в министры, — сразу же стал «германским агентом» и «ставленником Распутина»? Что же, на пост товарища председателя Думы — его тоже Распутин посадил?

Если мы начнем слой за слоем смывать с Распутина его голливудский грим — то под этим гримом обнаружится: пьяный, развратный и необычайно умный мужик. Этот мужик был, действительно, целителем, и он, действительно, поддерживал своим гипнозом жизнь Наследника. Разговоры о его влиянии чрезвычайно сильно преувеличены. Основного — сепаратного мира — он так добиться и не смог. Жаль.

Основного и мы добиться не можем. Это основное заключается в следующем вопросе:

В какой степени круги английского масонства, кровно заинтересованные в войне «до последней капли крови русского солдата», использовали распутинскую версию, стали поперек дороги сепаратному миру и вложили револьвер в нехитрую руку Дмитрия Павловича? В какой степени в этом участвовали еврейские круги? Почему теперь в «Бодрости» тот же Дмитрий Павлович снова, как и в 1917 году, предлагает Англии — а в нынешних условиях, значит, и еврейству, — ту же войну до той же последней капли крови не совсем уже того русского солдата? И почему, как и в годы войны, тот же Дмитрий Павлович, один из фактических убийц русской Монархии, снова воспылал союзническими чувствами? В какой степени сэр Бьюкенен повторил роль лорда Уитворта, а Дмитрий Павлович — роль Зубова? И чей «социальный заказ» выполняют нынче люди, морально оправдывающие убийц Распутина? В редакции «Возрождения» много бывших масонов. Может быть, они лучше меня знают этот вопрос.

Если мы точно таким же путем начнем смывать великосветский грим с правящего слоя — то под этим гримом мы увидим и развратников, и пьяниц, и стяжателей, и взяточников. На все это можно было бы и наплевать — если бы все это не сопровождалось полным упадком государственного чутья. Когда человек делает дело — ему можно и должно простить и пьянство, и разврат: его личное дело. Прощали Петру, прощали Екатерине, прощали Гете, прощали Байрону. Никого не касается. Частное дело. «Пей, да дело разумей». Правящий слой и пил, и дела не делал. Не делал как раз того дела, для которого он был поставлен историей, — организации и обороны страны.

Одиночество и безлюдье

Одиночество, в которое попала Царская Семья, — есть неоспоримый исторический факт. Это одиночество Государь объяснил с предельной сжатостью и яркостью: «Кругом предательство, трусость и измена». Господа Тхоржевские пытаются объяснить и предательство, и трусость, и измену только одним фактором — Распутиным. Даже Милюков на такое упрощение не решается. Для человека, привыкшего мыслить культурно, — этот вариант уж слишком глуп. «Распутинскою пьяной похвальбой впервые было разрушено в сердцах служилого слоя обаяние русской монархии». «Для служилого слоя Распутин был нож острый». «Государь часто (но редко до конца!) противился внушениям Императрицы, исходившим от Распутина». «Деятельность Распутина была надругательством над русской служилой честью». «Оттуда явилась и жутко росла мертвящая пустота вокруг трона». «Самым важным и самым преступным было генеральское непотворение. Но тут сыграло роль то, что у многих душа была опустошена и отвращена от власти правдой о Распутине» (подчеркнуто Тхоржевским). Вот предельные достижения тхоржевского исторического понимания.

Поставим вопрос так: а что есть правда о Распутине? Кто правду, ежели она и была, пускал по всей стране? И кто над этой «правдой» воздвигал вавилонские башни грязи, травли и клеветы? И за сим еще один вопрос: только ли Распутин был виноват в «мертвящей пустоте вокруг трона» и только ли его влиянием объясняется «жуткое безлюдье» на верхах нашего административного аппарата?

Сейчас, четверть века спустя, мы все стали необычайно умными, необычайно опытными. «Ошибки Короны» обсуждаются всеми, кому не лень. И не приходит в голову вот такого рода простая мысль. А что мог сделать Государь? Уступить? А кому именно уступить? Клеветникам? Клеветники и без уступки добились своего. Передать всю власть Государственной Думе? Будем реалистичны: это означало бы передачу всей власти Павлу Милюкову со всеми вытекающими отсюда керенскими последствиями. Мы уже знаем, что именно получилось из власти, полученной Государственной Думой в марте 1917 года. Подобрать из среды правящего слоя лучших людей? А где они были, вот эти лучшие люди?

Почти четверть века тому назад «лучшие люди» и клеветой, и ядом разорвали оковы «проклятого царского режима» или «проклятого распутинского режима». Почти четверть века подряд эти «лучшие

люди» имели безграничные возможности для проявления своих государственных талантов. Где же они, эти Столыпины и Сидорчуки, которых Корона не догадалась поставить у власти? Было Временное Правительство. Была Белая Армия Деникина. Была Белая Армия Колчака. Была Белая Армия Миллера, Юденича, Унгерн-Штернберга, Булак-Балаховича. Существует до сих пор призрак Белой Армии Архангельского. Где же во всем этом калейдоскопе хоть один государственный талант, которого Николай Второй не догадался поставить у власти? Мы еще можем спорить о военных талантах наших генералов — невеликие были таланты, прости Господи. Но в государственном и организационном отношении это была одна сплошная, жуткая, стопроцентная бездарь. Из всех этих движений самым сильным было Белое Движение юга России. Вот что пишет о военных и невоенных талантах ген. Деникина мой присяжный хулигатель А. Керсновский («Царский Вестник», № 662):

Франко — это Деникин, каким бы он должен был быть.

Располагая страной с 70-миллионным населением (уже отошедшим от большевиков и разочаровавшимся в них) — он (Деникин) умудрился иметь на фронте в решительную минуту под Орлом всего 10 тысяч штыков — и ничего больше до самого Новороссийска...

Имея до 100 тысяч офицеров, он не пустил их на фронт, а запер в склепы «реабилитационных комиссий» — обрек их на пагубное безделье, пьянство, кокаиноманию, сыпняк и наганы подоспевших к зиме чекистов. А на фронте не то что каждый офицер — каждый солдат был на счету. В строй ставили только что взятых красноармейцев...

Портовые пакгаузы ломались от навезенной англичанами амуниции и одежды. А на фронте строили обмундирование из случайной сарпинки, набивали за пазуху соломы, чтобы грела, стаскивали с пленных их опорки.

Поезда не ходили. Водопровод не работал. Города сидели без хлеба. Деревни сидели без мануфактуры. Юркие личности меняли валюту на кокаин... Стрельба... Грабеж... Никто ничего не знал. Никто ничего не делал. Благообразные сенаторы попивали чаек в Особом Совещании. Милые дамы стучали на машинках в Осваге. Действительные статские советники писали патристические стихи...

Это — правление генерала Деникина...

Франко твердо зная азбуку государственного деятеля — те истины, о которых ген. Деникин и не догадывался. А именно: 1) тыл — опора фронта, 2) второй шаг делается только после первого — и 3) соловья баснями не кормят. Это, как раз, три аксиомы гражданской войны.

Он и стал действовать так, чтоб победить. Никаких «особых совещаний» — а настоящее правительство. Никаких «уполномоченных» — а на-

стоящие министры. Никаких посулов какого-то «учредительного собрания» в неопределенном будущем — а сейчас же насущные мероприятия, реформы и законодательство.

Порядок, толковость, организованность сопровождали армии ген. Франко с первого дня по последний. Ничего общего с вакханалией белого тыла нашей Гражданской войны. И результаты разные. У Франко — «победный парад» в Мадриде. У Деникина — сложенные в штабели трупы в Новороссийске. Вот что значит быть лишенным всякого намека на организаторские способности!

Керсновский говорит: «Генерал Деникин лишен всякого намека на организаторские способности». Я говорю проще и короче: «Генерал Деникин бездарность». Керсновский не разлагатель, а я разлагатель. Мои предположения о том, что ген. Франко учел опыт нашей белой борьбы, Керсновский отрицает начисто. «Совершенно немыслимо утверждать, что Франко в какой-то степени учел русский опыт. Он его не знает и даже не подозревает о его существовании». Думаю, что прав Керсновский, а не я. Но тем худшие выводы мы должны сделать о Деникине. Такой же бездарностью был Сухомлинов. Прошло двадцать пять лет. Во главе вооруженных сил, пусть и мифических, стоит ген. Архангельский. Никого более молодого, более яркого и более дееспособного не нашлось? Ежели этот человек стоит во главе недавно крупнейшей зарубежной организации — то это можно объяснить только двумя способами: или лучшего не нашлось, или ничего лучшего не пустили. Выбирайте любое объяснение.

Все, что было толкового среди правящего слоя, Государь пытался найти и поднять. Но он был окружен слишком плотной стеной. П. А. Столыпин был найден и поднят случайно: «молодой саратовский губернатор». И карьера его была головокружительной, в обход всякого чиновничьего местничества. А ведь как травила Петра Аркадьевича вот та же придворная великосветская бюрократическая среда, — конечно, с неизбежной помощью еврейского либерализма.

Все, что было в этом правящем слое ценного, Монархия пыталась найти. За двадцать лет рассеяния и полной свободы действия в этом слое не нашлось, кроме ген. Врангеля, ни одного ценного человека. Слой сгнил. Слой стал политическим импотентом. Польская поговорка говорит, что из пустого сосуда и сам Соломон ничего налить не может. Из разложившегося слоя никакая монархия ничего взять не может. Для того, чтобы хотя бы здесь, в эмиграции, продвинуть к жизни новые силы, весь этот слой должен быть разбит и сброшен со всякого политического расчета.

Один из моих корреспондентов, профессор-металлург, пишет мне: «Да что Вы все сваливаете на Сухомлинова. Сухомлинова-то кто назначил? Царь. Стало быть, Царь и виноват». —

Стало — Васька и тать,
Стало, Ваське и дать —
Таску.

Это обвинение бьет мимо цели — мимо Монархии. Монарх не обязан строить железные дороги, снабжать армию сапогами и пулеметами, выработывать национальную военную доктрину, повышать урожайность полей, заботиться о преподавании русской истории в низших и средних школах. Это не его дело. Его дело найти людей и поручить им эту работу. А где найти, если людей нет? Прочтите воспоминания Деникина, как его травили верхи Академии Генерального Штаба. Да и так ли уж Деникин был лучше Сухомлинова? Да и вы, господа офицеры, безо всяких распутинских влияний, никого ведь лучше Архангельского не нашли. А чем Архангельский лучше Сухомлинова и Деникина? И как Государю было верить этим людям, когда, единственная «правда», которую говорили Государю, звучала приблизительно так:

— Ваше Величество, заклинаю именем России, Ваша жена — шпионка и любовница Распутина!

Другой правды не говорили — и теперь не говорят. Вот сказал же Сухомлинов: мы готовы до последней пуговицы. Устраиваются же ныне благодарственные банкеты. Так где же они, эти люди, которым Царь, Царица и Распутин не дали возможности проявить свои блестящие организаторские таланты? Где была у всех этих людей их элементарнейшая честь и где эту честь можно разыскать сейчас?

Вопрос о чести

Во всей распутинской истории самый страшный симптом не в пьянстве. Самый страшный симптом — симптом смерти, это отсутствие общественной совести. Вот температура падает, вот — нет реакции зрачка, вот — нет реакции совести. Совесть есть то, на чем строится государство. Без совести не помогут никакие законы и никакие уставы. Совести не оказалось. Не оказалось элементарнейшего чувства долга, который бы призывал наши верхи хотя бы к защите элементарнейшей семейной чести Государя.

Поставим вопрос так. На одну сотую секунды допустим, что распутинская грязь действительно была внесена внутрь Царской Семьи.

Даже и в этом случае элементарнейшая обязанность всякого русского человека состояла в следующем — по рецепту ген. Краснова, правда уже запоздалому, — виселицей, револьвером или просто мордобоем затыкать рот всякой сплетне о Царской Семье.

Я плохо знаю Англию, но я представляю себе: попробуйте вы в любом английском клубе пустить сплетню о королеве, любовнице иностранного шпиона, и самые почтенные джентльмены и лорды снимут с себя сюртуки и смокинги и начнут бить в морду самым примитивным образом, хотя и по правилам самого современного бокса. А наши, чёрт их дери, монархисты не только не били морду, а сами сладострастно сюсюкали на всех перекрестках: «А вы знаете, Распутин живет и с Царицей, и с Княжнами». И никто морды не бил. Гвардейские офицеры, которые приносили присягу, которые стояли вплотную у трона, — и те позволяли, чтобы в их присутствии говорились такие вещи. Я помню, в 1916 году наивным и малость провинциальным студентом я попал в салон баронессы Скопин-Шуйской: ох, как чесались руки. Очень грешен: никому в морду не дал. Просто встал и ушел. Потом мне передавали: такого рода мужика баронесса приглашать больше не будет. Ну, и не нужно.

Иван Тхоржевский ляпает в «Возрождении» совершенно гнусную вещь, гнусную до воню, до отвращения: о том, что «русская монархия была растоптана солдатскими сапогами».

Позвольте Вас спросить, многоуважаемый кандидат в канцлеры Империи Российской: откуда Вы это взяли? Разве русский солдат, который миллионами умирал на фронте, пускал по миру клевету о Царице-шпионке и любовнице шпиона? Разве русский солдат громгласничал с думской трибуны о глупости и измене? Разве русский солдат организовал «генеральское непротивление» по Тхоржевскому и «бездарность» по Орехову? Наконец, разве русский солдат наполнял собою казармы запасных батальонов Петербурга, казармы, наполненные петербургскими дворниками и мастеравыми? При чем здесь солдатский сапог? Сапог вооруженного и невооруженного народа? Где и когда выступал этот сапог против монарха? Вспомните, каким мрачным и трагическим молчанием была встречена на фронте весть об отречении Государя?

Фраза Тхоржевского напоминает мне утверждение «Часового», что в мировую войну не было суворовских солдат. Не знаю. Суворовых и Скобелевых, действительно, не было. Но русский солдат и бился, и умирал ничуть не хуже, чем при Суворове и Скобелеве. Ничуть не хуже суворовского умирал и офицерский состав. Разве их вина, что вместо Суворова был Сухомлинов и вместо Скобелева остался Архангельский?

Разве они, эти солдаты и офицеры, обязаны были заботиться о снабжении и об организации армии? Русский солдат и русский офицер сделали безмерно больше того, на что могла рассчитывать самая буйная и самая требовательная фантазия. Прочтите немецкие мемуары о том, как цепь за цепью гибли эти «солдатские сапоги», дорываясь до штыкового боя. Ведь от этаких описаний в душе вспыхивает и восторг, и ненависть: восторг перед фантастическим мужеством того самого русского солдата, который был и при Суворове, и при Скобелеве, остался и при Сухомлинове, и ненависть по адресу слоя, среди которого уже не было и не могло быть ни Суворовых, ни Скобелевых.

Нет, не солдатский сапог растоптал Монархию. Ее растоптала клевета августейших салонов, клевета думской трибуны, клевета еврейской печати. Клевета душила и задушила Монархию, так же, как она здесь, в зарубежье, душит всякую живую силу молодой России.

Все, как прежде: небо лилово,
Те же травы на той же земле.

Все те же три кита, на которых основывался наш правящий слой: безмозглость, бездарность и бесчестность.

Простите, если я снова обращусь к личной иллюстрации того, что, действительно, ничего не изменилось.

Я живу в Германии полтора года. Полтора года подряд мне упорно и настойчиво, с видом самого дружеского расположения и желанием «по-дружески предупредить», говорят самую несусветимую дрянь о моих соратниках по фронту, А. В. Туркуле и А. В. Мельском. Я это пишу, в частности, для того, чтобы над всякими дальнейшими разговорами, по крайней мере со мной, поставить, наконец, точку.

Я не знаю, что это? Эмигрантская сумасшедшинка или перенесенные за рубеж черты характера умирающего слоя? Вот приходят ко мне трое представителей нашей интеллигенции с предложением дружеских услуг по поводу статьи в «Штюрмере».

— Только вы знаете, кто статью написал? — Это Мельский!

О том, что Мельский написал эту статью, уже получены сообщения из Праги, Белграда и Парижа — значит, действует какая-то всеэмигрантская организация клеветы. Симпатичным интеллигентам я говорю: «Послушайте, Мельский пишет в “Нашей Газете”, Мельский шлет ей свои приветствия, Мельский работает для “Белой Библиотеки”. И вот, тот же Мельский будет публично расписываться в том, что он работает в газете врага Германии и еврейского наймита?»

— Ну, вы знаете Мельского — он хитрый. И кроме того...

— Никаких «кроме того». Признайтесь, что вы говорите вздор. И «кроме того», никому больше этого вздора не рассказывайте.

Интеллигенты ушли, обиженные. В тот же день другие интеллигенты уверяли меня, что в квартиру Туркула — две комнаты с кухней — ежедневно ящиками возят водку и коньяк. Те же интеллигенты пришли ко мне с сенсационной новостью: «Вы знаете, Мельский снова получил немецкие деньги и выпускает свой “Вестник”».

Немецкие деньги Мельский действительно получил — из ломбарда. Приезжаю в Берлин и захожу в заваленную бумагами комнатуху — канцелярию РНСД, кабинет Мельского. Нужно перестукать на немецкой машинке двадцать страниц некоего документа. Машинки нет. Где она? Пошла в ломбард вместе с часами и костюмом. На полученные немецкие деньги выпущен очередной номер «Вестника». Когда номер разойдется, машинка и часы будут выкуплены.

Ну, что делать? Что делать? И как доказать иностранцам, что эта бесконечная серия сплетен, клеветы и доносов не есть свойство русского народа, свойство «славянской души», а есть свойство слоя, который ушел и который никогда не вернется. Не вернется не только к власти, а может быть, не вернется и в Россию. Почти одновременно я получил ряд писем от недавних подсоветских. Основной тон: нельзя эту публику пускать в Россию. Первым делом нужно устроить фильтр. Фильтр нужно устроить обязательно. Пусть сеятели «разумного, доброго вечного», клеветы, фальшивок и доносов останутся здесь и пусть утучняют доблестями и бодростями своими парижские тротуары или балканские кабаки.

У Государя Императора в данных исторических условиях был только один путь — путь Ивана Грозного, Петра Великого и Николая Первого. Самым беспощадным образом придавить и продавить всю эту гниль. Организовать новую опричнину, новых потешных, новые шпицрутены или, применяясь к условиям эпохи, нынешних германских штурмовиков. Найти новых Меньшиковых, а может быть, и Скуратовых. Но для этого нужна была беспощадность, которой у Государя Императора не хватило.

Повторяю еще и еще раз свою парадоксальную фразу: Государь Император для данного слоя был слишком большим джентльменом. Он предполагал, что такими же джентльменами окажутся и близкие ему люди, и эти люди, повинувшись долгу присяги, или, по меньшей мере, чувству порядочности, отстоят по крайней мере его семейную честь. — Не отстояли даже и его семейной чести. Ничего не отстояли. Все продали и все предали. Исторически это было мстью за Ивана Грозного. Но всякая месть — это в большинстве случаев месть самому

себе. Правящий слой «отомстил» и убийством семьи, и своим собственным самоубийством. Свое собственное самоубийство он заканчивает в эмиграции.

У Государя Императора не хватило беспощадности. Мы должны из этого извлечь свой собственный урок. Государь ушел из жизни, может быть, и не «героем». Но он ушел мучеником. «На крови мучеников созижду Церковь Мою, и врата адавы не одолеют ее». Сейчас, после революции, распутинская клевета русской монархии уже не одолеет. Ни Перса, ни Тхоржевского русский народ читать не будет. Холливудский фильм русский народ не смотрит и смотреть не будет. Профессорские и генеральские мемуары до него не дойдут. Но мученическая гибель Царской Семьи, всей Семьи, до него уже дошла. Если не верите мне, перечитайте Карла Альбрехта, немца, бывшего коммуниста, нынешнего социалиста, человека, который и мне никак не может простить моего монархизма.

— А какое вам, собственно, дело до моего русского монархизма? Вам, немцам, я никаких советов не даю.

— Нет, как вы можете говорить о монархии. Монархия — это гнет, нагайки, нищета.

Словом — стрижено-брито. Но все-таки Карл Альбрехт отыскал в русских избах царские портреты, спрятанные под иконами Христа Спасителя. Вот это есть факт, факт чудовищного значения. А мемуары? Чепуха мемуары. Русскую историю будет определять русский мужик. Он ее всегда определял. Определит также и солдатский сапог — сапог вооруженного русского мужика. Кое-кого он, действительно, растопчет. Растопчет беспощадно и окончательно.

Свою статью, персыпанную намеками на безволие Государя и болезненность Государыни, Тхоржевский заканчивает в нестерпимо высоком штиле:

«Став на колени, жарко молимся мы о них и с ними. Чистый блеск их мученического венца благословит будущую Россию».

И о жаркой молитве позвольте мне уж остаться при особом мнении. Право на жаркую молитву, да еще и на «молитву с ними», нужно заслужить. Нужно заслужить покаянием. Собственным покаянием. Если, говоря условно, Милюков кается за счет Тхоржевского, а Тхоржевский кается за счет Милюкова — грош цена обоим покаяниям. Есть и такой в эмиграции дядя — очень известный, генерал, ныне председатель одного из отделов Общества ревнителей памяти Государя. Этот ревнитель в те дни, когда большая Царская Семья находилась под арестом в Царском Селе, отклонил просьбу Государыни приехать навестить больных княжен: ему, видите ли, было политически неудобно. Вот этакий

дядя будет «жарко молиться». И будет жарко каяться... за чужой счет. За счет солдат, офицеров, мужиков, рабочих, политических противников и политических соседей, но только, избави Бог, не за свой собственный счет. Ибо, если покаяться за свой собственный счет, тогда нужно закрыть и орган еврейского либерализма «Последние новости», и орган застойной реакции «Возрождение». Представьте себе Милюкова, который стал бы на колени и начал бы жарко каяться в своей «глупости и измене». Представьте себе Деникина, который честно сказал бы русскому Зарубежью: «господа, не повторяйте моих ошибок». Держи карман шире! Милюков свалит на Деникина, Деникин — на Керенского, Керенский — на Корнилова, Тхоржевский — на русского солдата, Архангельский — на немцев, и все они, вместе взятые, — на Солоневича. Вот кто разлагатель! Вот кто разводит в эмиграции бездарность, безмозглость и бесчестность!

У всех этих людей, у каждого из них, есть святое, заветное место. У Милюкова оно в еврействе. Вы можете посадить Милюкова на кол, но о вине еврейства он не скажет ни слова. У Тхоржевского, скажем, во внутренней линии со всеми ее предками и потомками. Ежели он заикнется, его съедят.

И у нас есть наше святое, заветное место. Это — память мученической Царской Семьи, Семьи, которая была затравлена потрясающе подлой и бесчестной клеветой. И мы, может быть, вправе обратиться к бывшим и проектируемым канцлерам Империи Российской с самой настоятельной просьбой: не лезьте в это святое место грязными сапогами разговорчиков о слабоволии Государя, об истеричности Государыни и о предательстве со стороны русского солдата. Ежели вы хотите судить судом истории — судите раньше всего самих себя. Судите раньше всего свою собственную бездарность, безмозглость и бесчестность. И не обливайте грязью Великих Молчащих Мучеников: Царя, Царицу и Народ.

Г. Я. АРОНСОН

Распутин и евреи¹

<Фрагмент>

1. В распутинском созвездии

Сейчас, на основании документального и мемуарного материала, накопившегося о последних годах старого режима в России, — можно со всей определенностью установить, что в «распутинский период русской истории», по выражению А. И. Деникина*, действовала на исторической авансцене теплая компания авантюристов, примерно в следующем составе: Распутин, Симанович, Манасевич-Мануйлов, князь Андронников, Бадмаев, Манус и Рубинштейн. Один из современников, оставивший записки о канунах Февральской революции, В. Каррик**, записывал 22 ноября 1915 г.: «Вершителями судеб являются Гр. Распутин и его компания, в которую, между прочим, входят два крупных биржевика и банковских дельца — Манус и Рубинштейн. Эти господа сдружились с Распутиным, кутят и распутничают с ним, обдeldывают свои финансовые дела и вершат в ресторанных кабинетах грядущие судьбы России». Государственные деятели, министры, князь церкви этих лет, часто получавшие свои высокие посты благодаря интервенции Распутина при дворе, главным образом у Александры Федоровны, — Хвостов, Белецкий, Добровольский, Штюрмер, Протопопов и др., явились как бы вспомогательным отрядом при главной разбойничьей шайке. Двор, при котором свила свои гнезда распутинская шайка, при содействии Анны Вырубовой и других приближенных к царице и царю людей, стал одним из главных источников гниения системы сверху. Не случайно А. Деникин отчетливо говорит о «придворной грязи», густо облепившей в те годы трон и делавшей почти неизбежной гибель династии и монархии.

¹ Печатается по: Аронсон Г. Россия накануне революции. Нью-Йорк, 1962. С. 85–88.

* Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. I. Вып. I. С. 10.

** Голос минувшего. Кн. 4–6 кн. 1918.

Процесс разложения старого режима в 1915–16 гг. развивался, можно сказать, семимильными шагами. Поражения на фронтах, рост бестоварья, спекуляции и дороговизны в тылу, напряженное политическое положение, борьба распутинских правительств всех составов с Государственной Думой, скандал с Сухомлиновым, толки о сепаратном мире, об измене и пр. — всего этого было достаточно для того, чтобы создать атмосферу приближающейся катастрофы. На этом фоне как бы грозным знамением возвышалась зловещая фигура Распутина, безграмотного мужика из хлыстов, бабника и ловца челоуеков, приобретшего и популярность, и власть в великосветских салонах и в апартаментах царицы.

В. Каррик передает в сентябре 1915 г. слух, что падение авторитета Николая II зашло так далеко, что в Совете министров обсуждался вопрос об учреждении регентства и что в качестве регентов называли Александру Федоровну и... Распутина.

Естественно, что на дрожжах распутинщины взошла и пустила корни, при помощи подкупов и взяток, темных связей и интриг главная шайка дельцов и авантюристов, в созвездии которой с большим шумом выдвинулся Д. Л. Рубинштейн, — в просторечии «Митя», — приобревший славу «банкира царицы» и одного из первых финансистов этого смутного времени. Его дом и его банк становились центрами столичной. Представители аристократии и бюрократии видели в Рубинштейне советника первой величины, помогавшего им играть на бирже и поправлявшего их делишки.

Что представлял собою Митя Рубинштейн в это время в мире финансистов и спекулянтов? По имеющимся сведениям, он занимал целый ряд крупных постов в этом мире. Кроме Русско-Французского Банка, он занимал директорский пост в Правлении Общества Петро-Макарьевских и Вариопольских каменноугольных копей, в Русском акционерном Обществе для эксплуатации Тацинских каменноугольных копей и антрацитных рудников в Донецком бассейне, в Страховом Обществе «Волга», в Петроградском Обществе страхования, был членом правления Елизаветградского электрического Общества и пр., и пр. Достаточно сказать, что в адресной книге «Весь Петербург» один перечень финансовых и промышленных должностей Рубинштейна занимал 17 строк*.

При таких должностях и связанных с ними крупных доходах Рубинштейну в обстановке тех лет было нетрудно добывать связи и проникать в высшие сферы. Неудивительно, если в этих условиях

* Семенников В. Политика Романовых накануне революции. М., 1926. С. 117.

он овладел нехитрой механикой подкупов и взяточничества, расцветавших в годы войны махровым цветом. Неудивительно, что множество темных людей, вроде Манасевича-Мануйлова, были на его содержании. Иных он просто подкупал, в других случаях выступал бескорыстным жертвователем, но и щедрые жертвы, в конце концов, тоже окупались, ибо открывали Рубинштейну новые возможности и влияния, и обогащения.

В. Каррик отмечает в записи от 28 ноября, что Рубинштейн получил Владимира 4-й степени. Но это его не удовлетворяло. Ему было известно, что другой банковский делец, Манус, добился чина действительного статского советника с помощью Распутина. Рубинштейн, в свою очередь, хлопотал об этом чине и предлагал за это полмиллиона рублей*. Его хлопоты отразились даже в переписке царицы с царем. В письме Александры Федоровны от 10 сентября 1915 г. она пишет мужу, — вероятно, по наущению Распутина: «Какой-то Рубинштейн дал уже 1000 рублей и согласен дать еще 500 тысяч на изготовление аппарата (аэропланов?), если он получит то же, что и Манус»**. 3 ноября Александра Федоровна напоминает об этом деле вновь царю.

Даже относясь с естественным недоверием ко всяким рассказам «личного секретаря» Распутина, пресловутого Симановича, можно с известной долей вероятности все же считать правдоподобным его сообщение, что Рубинштейн для того, чтобы добиться знакомства с И. Л. Горемыкиным, тогда председателем Совета министров, пожертвовал на лазарет, руководимый его женой, 200 тысяч рублей, передав их через Распутина. Рубинштейн был представлен Горемыкину, а жена Рубинштейна была назначена начальницей лазарета. Симанович также рассказывает, что на балу, устроенном Рубинштейном, присутствовали Горемыкин, Протопопов, Распутин и др.*** В. Каррик в своих записях современника подтверждает это сообщение, упоминая о крупном пожертвовании Рубинштейна жене Горемыкина и о том, что на елке у Рубинштейна были внуки Горемыкина.

Жизненный путь или процесс возвышения Мити Рубинштейна не был столь безоблачным, как это может показаться из вышеприведенных данных. Ему пришлось постоянно сталкиваться с миром перекрестных влияний интриганов всяких мастей — с миром, в котором человек, думающий, что он определяет ход событий, на деле оказывался подчас игрушкой в чужих руках. Объектом бывал и Распутин, в созвездии кото-

* Семенников В. Политика Романовых накануне революции. С. 117.

** Переписка Романовых. Т. II. С. 332.

*** Симанович А. Распутин и евреи. Рига, 1927.

рого взошла звезда Рубинштейна. Распутин старались использовать все. В свою очередь, и Распутин не упускал случая добиться своего интереса. В игре, происходившей вокруг двора, царицы и разных «гешефтов», не раз складывались неожиданные ситуации, которые могли и вознести, и угробить Рубинштейна. Об одном таком эпизоде имеются весьма красочные материалы.

В книге Б. Алмазова «Распутин и Россия» живописно рассказано о неудавшейся попытке отравления Распутина, в которую (попытку) отравители хотели втянуть Рубинштейна с тем, чтобы ответственность за отравление возложить на финансиста. Алмазов передает, что к столу Распутина «всегда подавали лучшее вино из славившегося в Петербурге векового погреба хозяина дома. Однажды Распутин, лично позвонив по телефону в этот день, просил прислать ему несколько бутылок вина, которое он пил накануне на обеде у банкира. Вскоре на автомобиле Распутина за вином прибыл какой-то молодой человек. А впоследствии оказалось, что вино это, прежде чем попасть к Распутину, по дороге было отравлено. Но другая часть охраны во время будто бы успела предупредить об этом кого следует и опасность была предотвращена»*. Читаешь эту уголовно-политическую хронику из эпохи распутинщины с понятным недоверием. Между тем действительность превосходит в эти годы самую необузданную фантазию. Достаточно прочитая рассказ на эту тему о попытках убийства Распутина, которую приводит в своих воспоминаниях тогдашний товарищ министра внутренних дел С. П. Белецкий, чтобы убедиться, на какой тонкой ниточке висела жизнь «святого старца» в разыгравшейся вокруг него свистопляске интриг и как легко мог Рубинштейн стать участником отравления Распутина.

Белецкий в своих воспоминаниях рассказывает, что А. Н. Хвостов, тогда министр внутренних дел, носился, при содействии Комиссарова, с мыслью об убийстве Распутина. У Хвостова имелся особый фонд на убийство Распутина, и он предложил Комиссарову на эту цель 200 тысяч рублей. После своей поездки в это время в ставку, — Белецкий рассказывает, — он «решил восстать против предложенного Хвостовым убийства Распутина в автомобиле, а чтобы затянуть дело, предложил Хвостову отравить Распутина». — «Хвостов с этим согласился и даже высказал проект послать ящик отравленной мадеры Распутину как бы от банкира Д. Л. Рубинштейна, чтобы затем как-нибудь связать и последнего с делом отравления Распутина. Против Рубинштейна Хвостов все время был враждебно настроен». — «Однако, — продолжал свой

* Алмазов Б. Распутин и Россия. Прага, 1922. С. 60.

рассказ Белецкий, — я указал Хвостову на неудобства такого плана отравления Распутина, так как Распутин может поблагодарить по телефону за присылку мадеры Рубинштейна, который часто к нему обращался с просьбами, — и тогда весь план рухнет»*.

Среди многочисленных и весьма фантастических дел, которыми тогда занимался Рубинштейн, неожиданно возникла у него мысль стать пайщиком «Нового времени». В точности нельзя установить мотивы, которые привели Рубинштейна к мысли проникнуть в эту цитадель традиционного антисемитизма. Возможно, что ему подал эту мысль один из членов распутинской шайки, сотрудник «Нового времени» Манасевич-Мануйлов (Маска) — он тоже и матерый агент Департамента полиции, — который был всегда не прочь заработать. Возможно и другое, что Рубинштейну, в Русско-Французском банке которого были заложены паи некоторых собственников «Нового Времени», могла взбрести в голову мысль прибрать к рукам газеты и использовать ее в своих видах. Наконец, не исключены и некоторые «идейные» побуждения Рубинштейна в эту эпоху усиления антисемитизма, обвинений евреев в шпионаже, массовых выселений евреев, — о которых он не мог не знать и которые в какой-то мере могли задевать его, как еврея, и которые могли толкнуть его на авантюру с «Новым временем» (см. об этом ниже записи В. Каррика и другие материалы).

2. Распутин и евреи

В шайке распутинцев было несколько евреев: его «личный секретарь» Арон Симанович, Митя Рубинштейн, Манус (о нем сообщают, что отец его был выкрестом, сам же банкир родился в православии), Манасевич-Мануйлов (крещеный сын Тодреса Манусевича из Вильны). Из этих лиц не скрывали своего еврейства и даже стремились «противодействовать юдофобству» Рубинштейн и особенно Симанович, который в своей книжке, вышедшей по-немецки (как будто во втором издании, при содействии наци) и по-русски, «Распутин и евреи», всю свою деятельность при Распутине изображает как защиту интересов евреев, а самого Распутина подает, как одного из неочтенных по заслугам... благодетелей еврейства. Отвратительный привкус книжки Симановича, в которой, вероятно, немало лживых выдумок этого малограмотного «первой гильдии шулера» и владельца игорного клуба в Петербурге**, пытающегося себя изо-

* Белецкий С. Былое. № 22. 1923. С. 255.

** Алмазов Б. Распутин и Россия. С. 74–75.

бразить в качестве доверенного лица царицы, чуть ли не запросто имеющего вход к царю, — не может, однако, разрешить нам роскошь полного игнорирования его рассказов: кое в чем они подтверждаются другими и более верными источниками.

Касаясь версии о приобретении паев «Нового времени» Рубинштейном, Симанович утверждает, что... С. Ю. Витте принадлежала инициатива в этом деле. Его, Симановича, вызвал к себе Витте, посоветовал заинтересовать Распутина этим делом и прибавил: «Поговорите по этому делу с вашими евреями». Симанович рассказывает: «После краткого совещания, мы (т.е. Распутин и он) решили обратиться к нашему “умному банкиру” (так называл Распутин Рубинштейна). Распутин пригласил к себе Рубинштейна, барона Гинцбурга, “порт-артурского” Гинсбурга и акции “Нового времени” были приобретены на имя графа Витте, а затем им переуступлены Рубинштейну. Рубинштейн радовался очень, что теперь закончится травля против евреев»*.

Надо оговорить, что роль Витте в деле скупки паев «Нового времени» нигде в других источниках не упоминается, и возможно, что она представляет собой целиком вымысел Симановича. Но самый факт совещаний с Распутиным вокруг еврейского вопроса представляется весьма вероятным. Симанович в некоторых местах своей книжки рассказывает о такого рода совещаниях. Он упоминает о беседе с Распутиным по еврейскому вопросу в квартире Гинсбурга, в которой участвовали бар. Гинцбург, Г. Б. Слиозберг, Лев Бродский, Герасим Шалит, Самуил Поляков, Мандель, Варшавский и др. По словам Симановича, Распутин признавал только банкиров и финансистов и не хотел беседовать с евреями-адвокатами, но для Слиозберга он сделал исключение: «Распутин считал его хорошим евреем и поэтому на профессию его не обращал внимания». В другом месте Симанович рассказывает о «торжественном обеде» у Слиозберга, где присутствовали барон Гинцбург, «порт-артурский» Гинсбург, Бланкенштейн, Мандель, раввин Мазэ и др.**

Взгляды Распутина на способ разрешения еврейского вопроса, которые он откровенно развивал на этих совещаниях, в передаче Симановича, звучат отчетливо и лапидарно: «Еврейский вопрос должен быть решен при помощи подкупа или хитрости», — говорил он на первом совещании. На обеде у Слиозберга он рекомендовал тот же гениальный путь: «Вы должны подкупить всех нужных вам

* Симанович А. Распутин и евреи. С. 90–91.

** Там же. С. 56, 74–75.

людей». Правда, объективности ради, Симанович в своем рассказе об обеде у Слиозберга сообщает, что «делегаты (?) рассказывали Распутину, что еврейские вожди, Винавер, Грузенберг, Кальманович, раввин Айзенштадт и Фридман являются противниками такой тактики», — но присутствовавшие на совещании евреи, по-видимому, разделяли точку зрения Распутина, смысл которой был, конечно, совершенно прозрачен: дайте мне, Распутину, деньги, много денег, и я подкуплю всех нужных для «решения еврейского вопроса» министров и царедворцев.

Наиболее неправдоподобным звучало в рассказах Симановича упоминание имени Г. Б. Слиозберга, умеренного, можно сказать, консервативного еврейского деятеля и связанного с финансово-мощными кругами, но пользовавшегося репутацией независимого и преданного интересам еврейства общественника. Касаясь этого времени в своих воспоминаниях, Г. Б. Слиозберг, действительно, категорически утверждает: «Я должен засвидетельствовать, что никому из общественных деятелей (и) влиятельных финансовых представителей никогда в голову не приходило использовать Распутина». Тем не менее оказывается, что сношения с Распутиным и даже шаги по использованию его неоднократно, по словам Слиозберга, делались, — и притом им же самим. Г. Б. Слиозберг встречался с Распутиным еще до войны, в начале 1914 года. «Ему сказали, — пишет он, — что я могу иметь влияние на еврейские финансовые круги... Я не имел основания уклоняться от этого свидания», — пишет он. После этой встречи Распутин стал засылать к Слиозбергу свои пресловутые безграмотные записочки с разными просьбами*.

В своих воспоминаниях Слиозберг уделяет внимание и Симановичу, который «в качестве друга Распутина» обращался к Слиозбергу уже в эмиграции в Париже и просил его поддержки. Когда Слиозберг ему отказал в поддержке, тот «довольно прозрачно намекал на то, что... он составит какую-то книгу с опорочиванием еврейских деятелей». И действительно, эта книга «сплошь наполнена совершенно фантастическими измышлениями», — пишет Слиозберг. Он рассказывает также, что по выходе книги Симановича в свет он писал о ней в одной из еврейских газет Нью-Йорка. Но независимо от его мнения о книге Симановича, независимо от того, что, по мнению Слиозберга, сам Симанович не мог по неграмотности быть автором своей книги, Слиозберг в самом главном, хотя и бегло и не вдаваясь в подробности, признал, что он не только «не имел основания уклоняться от свидания».

* Слиозберг Г. Б. Дела минувших дней. Париж, 1934. Т. III. С. 347–350.

ния (с Распутиным), но попросил кое-кого из друзей присутствовать на обеде, на который должен был приехать Распутин». Иными словами, Симанович сказал правду о «торжественном обеде», устроенном Слиозбергом в честь Распутина.

Из дальнейшего изложения Слиозберга можно получить представление, что тот обед с Распутиным имел целью добиться через Распутина и его связи при дворе практических облегчений для каких-нибудь пострадавших евреев (по-видимому, речь шла о взятке Распутину для того, чтобы он добыл царскую амнистию по делу так наз. смоленских дантистов, — ради правожительства получивших фальшивые документы дантистов). И нет сомнения, что Слиозберг, прибегая к содействию «святого старца», был одушевлен самыми лучшими побуждениями общественного, никак не личного порядка. Тем не менее самый факт его сношений с Распутиным, обеда, устроенного у него на дому в честь Распутина и, конечно, дача взяток Распутину и через него разным полезным людям, — приоткрывает завесу над тем, что не только авантюристы типа Симановича и Рубинштейна, но порой и люди почтенные и не искавшие корысти бывали втянуты в грязное болото распутинщины.

А. Я. АВРЕХ

Распутин и распутищина¹

Григорий Распутин родился в селе Покровском Тюменского уезда Тобольской губернии в 1864 или 1865 г. в семье крестьянина среднего достатка. Пить он начал с 15 лет, а после женитьбы, когда ему было около 20, пьянство еще более усилилось. Затем он начал обворовывать своих односельчан. Пойманный однажды на месте преступления, он был сильно избит и отведен в волостное правление. Однако красть не прекратил, и сельским обществом был возбужден вопрос о высылке его в Восточную Сибирь. Ему удалось уцелеть, но поскольку в Покровском волостном суде против него все же было возбуждено дело, он предпочел не искушать судьбу и отправился в Верхотурский монастырь Пермской губернии. В этот период его жизни свидетели характеризовали Распутина как человека хитрого, наглого и буйного, любителя драк и сквернословия.

С паломничества в Верхотурский монастырь, где Распутин пробыл три месяца, начинается новый период его жизни. Он забросил семью и хозяйство и в течение нескольких лет перебивал в десятках всевозможных обитателей, в том числе и на Афоне. Он бросил пить, курить и есть мясо. Вернувшись в Покровское, устроил в подполье моленную, в которой вместе со своими поклонницами, число которых все время росло, в то время как поклонников было всего двое, устраивал весьма своеобразные «богослужения», неизменно заканчивавшиеся самым скотским развратом. Это дало основание подозревать Распутина в хлыстовстве, но хлыстом он, по-видимому, все же не был.

С течением времени слава нового и весьма своеобразного «праведника» росла, умный и хитрый мужик ею очень умело и ловко пользовался

¹ Печатается по: *Аврех А. Я. Распутин и распутищина // Танеева (Вырубова) А. А. Распутин. М., 1990. С. 21–31.*

и в конечном итоге попал в Петербург, а затем и ко двору. Это произошло в 1904 г. «Старцу» тогда было 40 лет. Нет, разумеется, никакой возможности, а главное, необходимости перечислять «клиентуру» старца, преимущественно женскую, начиная от дам и девиц высшего света и кончая заурядными проститутками, описывать его пьяные и развратные похождения, способы добывания денег и т. д.

Отметим только, что общая причина, по которой многочисленная женская рать осаждала Распутина, коренилась в кризисе режима, всегда сопровождаемом падением нравов, увлечением мистицизмом и эротоманией, особенно характерным для женщин, прежде всего высшего общества, но не обходящим стороной и более низкие социальные категории. Конкретные же причины могли быть самые разные, начиная от самого банального разврата, прикрываемого флером мистики и святости, и кончая весьма трезвыми расчетами при помощи всемогущего «старца» устроить свои денежные дела, синекуру мужьям и возлюбленным. Но были и поклонницы, к ним, в частности, относилась Вырубова, которые искренне верили в святость Распутина. Широко распространившийся в годы войны слух, что императрица и Вырубова сожительствовали с ним, не соответствует действительности. Единственное, что было верно, — это то, что влияние «старца» на них стало сразу прочным и сильным.

Тем не менее не следует думать, что с этого момента жизнь его покати-лась как по маслу и он сразу же стал вмешиваться в политику. Распутину пришлось пережить несколько кризисов в своей карьере, каждый из которых грозил ему полным крахом. Наиболее серьезных было три. В первый раз вознамерились убрать «старца» в начале 1911 г. председатель Совета министров П. А. Столыпин и обер-прокурор Святейшего синода (т. е. министр по делам Православной церкви) С. М. Лукьянов. Они представили Николаю II доклад, который не оставлял никаких сомнений насчет того, кем был Распутин в действительности. Положение его пошатнулось, но на выручку кинулась Александра Федоровна. В результате «Друг», как его неизменно называла императрица, уцелел, а Лукьянову была дана отставка. Положение Столыпина, и без того сложное, стало еще более шатким, и он также непременно бы лишился своего поста (по другим причинам), если бы до этого не был смертельно ранен бывшим агентом охранки Богровым.

Вторую попытку покончить с Распутиным в феврале 1912 г. предпринял председатель IV Государственной Думы М. В. Родзянко. Он также собрал компрометирующие «старца» материалы и представил их царю. Материалы были настолько убедительны, что Николай II заколебался. Но в дело снова вмешалась его супруга, и Родзянко было дано недвусмысленно понять, что больше с ним на эту тему разговаривать не желают.

В третий и последний раз Распутину пришлось испытать серьезную тревогу в июне — августе 1915 г., когда с ним решил покончить товарищ министра внутренних дел В. Н. Джунковский. Он представил царю подробную записку, в центре которой был грандиозный пьяный скандал, устроенный Распутиным в знаменитом подмосковном ресторане «У Яра», слухи о котором разнеслись по всей стране. Казалось, Джунковский был близок к успеху, но... прошло совсем немного времени, и царь написал министру внутренних дел: «Настаиваю на немедленном отчислении генерала Джунковского», что и было исполнено. Сам Джунковский по этому поводу меланхолично заметил: «Думаю, что это он сделал под влиянием императрицы». Последняя на этот раз не ограничилась только разговорами со своим супругом, а произвела при помощи одного из самых близких друзей царской четы флигель-адъютанта Саблина свое контррасследование происшедшего «У Яра», которое, разумеется, сильно отличалось от того, что говорилось в докладе Джунковского.

Это был последний кризис во взаимоотношениях «старца» с царем. Более того, именно с августа 1915 г. и вплоть до убийства Распутина в ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. его влияние на политику достигает апогея. Именно этот период современники прежде всего имели в виду, когда говорили и писали о «распутинщине». Все последующие попытки со стороны великих князей, министров, Думы и других прекратить его вмешательство в дело управления страной окончились безуспешно. Наступил период абсолютной неуязвимости «Друга», его максимального воздействия на царскую чету.

До этого времени Распутин в политику сколько-нибудь серьезно не вмешивался. Ни один министр до осени 1915 г. не был назначен по его указанию. Исключением явился обер-прокурор Синода В. К. Саблер, который получил эту должность благодаря вмешательству императрицы. «Императрица, — свидетельствует в своих воспоминаниях царский министр внутренних дел С. Д. Сазонов, — была инспирирована Распутиным, который в это время еще не вмешивался в государственные дела, но был озабочен устранением одних епископов, которые были ему враждебны, и протезировал другим, на поддержку которых он мог рассчитывать». «Старец» в это время интересовался почти исключительно церковными делами. На это у него были две причины. Во-первых, ведя пьяный и развратный образ жизни, он, естественно, ожидал протестов, и таковые были прежде всего со стороны церковных иерархов и Синода, в чью первейшую обязанность входило оберегание достоинства и морального авторитета царствующих особ. Кроме того, как указывалось, Распутин подозревался в «хлыстовстве», т. е. с точки зрения закона и церкви — в преступной ереси. Во-вторых, ампула

«святого», в котором он подвизался перед царской четой, обязывало его, так сказать, по долгу службы интересоваться именно церковными делами. Он даже сочинил и издал брошюру о своем путешествии в Иерусалим — нечто невообразимое по своей безграмотности и отсутствию смысла, — которая, однако, очень почиталась императрицей, Вырубовой и толпой его истеричных поклонниц из высшего общества.

С 1915 г. картина резко меняется — «старец» вплотную занялся вполне светской и притом высшей политикой: после попытки Джунковского свалить его он понял, что сможет уцелеть только в том случае, если будет контролировать официальное правительство, прежде всего ключевые министерские посты — внутренних дел и юстиции, не говоря уже об оберпрокуратуре Синода. Но первой своей жертвой он избрал великого князя Николая Николаевича, дядю царя и Верховного главнокомандующего. Дело в том, что именно великий князь и его брат Петр, вместе со своими женами Анастасией и Милицей, которые были родными сестрами, ввели Распутина во дворец. Освоившись и оценив обстановку, последний пришел к выводу, что ему выгоднее предать своего благодетеля и поссорить с ним августейшую чету, что и было успешно достигнуто. Прежние близкие отношения стали холодными и даже враждебными. Естественно, что вражда Николая Николаевича, его брата и их жен, прозванных при дворе «галками», распространилась и на виновника происшедшего охлаждения. Став Верховным главнокомандующим, Николай Николаевич приобрел огромную власть, почти равную императорской, и Распутин испугался, решив, что единственное его спасение в отставке великого князя, в его опале.

Ситуация для «старца» осложнилась еще тем обстоятельством, что летом 1915 г. под давлением Думы и цензовой «общественности» были уволены четыре наиболее реакционных министра, в том числе и Саблер, а на его место назначен московский губернский предводитель дворянства А. Д. Самарин — ярый и открытый враг Распутина, который главным условием своего согласия на занятие предложенного ему поста оговорил удаление «Друга» из Петрограда. Суть происшедшего состояла в том, что смена министров была произведена по прямому совету ставки, т.е. Николая Николаевича, и имела целью как-то поладить с «общественностью».

Интригу против Николая Николаевича «старец» провел достаточно хитро, играя на сокровенных струнах Александры Федоровны: он убедил ее в том, что оставление великого князя на его посту грозит в конечном итоге ее супругу, а следовательно, и наследнику потерей трона. Царем станет Николай III — великий князь. Дальше все было, как говорится, делом техники: столь же планомерно, сперва также

весьма осторожно, а потом все более открыто и настойчиво аналогичную кампанию по отношению к Николаю II провела его супруга. Кончилось дело тем, что Николай Николаевич был отправлен на Кавказ, подальше от столицы, а Верховным главнокомандующим стал сам царь.

Смена верховного главнокомандования была одним из ключевых моментов в кризисе верхов в годы Первой мировой войны. Этот рубеж чрезвычайно важен еще и потому, что он положил начало новому и последнему этапу в разложении царизма — так называемой «министерской чехарде». Смысл ее состоял не в частой смене министров, а в том, что прежних министров, так или иначе противившихся влиянию на государственное управление царицы и, следовательно, ее «Друга», заменяли откровенными ставленниками «старца». В частности, отставка Николая Николаевича привела к отставке почти всех министров, возражавших против решения царя стать самому Верховным главнокомандующим, прежде всего из опасения, что влияние злобещей пары распространится и на Ставку в момент, когда положение на фронте было исключительно тяжелым. В их числе были уволены и все четыре министра, назначенные два-три месяца назад по рекомендации великого князя.

Чтобы понять, к каким политическим последствиям вела «министерская чехарда», следует посмотреть, кого и как проводил Распутин в министры. Прежде всего, он позаботился о Министерстве внутренних дел: министром, благодаря его усилиям, был назначен А. Н. Хвостов, а его товарищем, в ведении которого был Департамент полиции и, следовательно, охрана «старца», стал С. П. Белецкий — личности, заслуживающие повышенного внимания.

Еще в бытность свою нижегородским губернатором Хвостов получил прозвище Соловей-разбойник. Затем он решил стать депутатом IV Думы, где возглавил фракцию крайних правых. Его конечной целью было стать председателем Совета министров. Одиннадцати пудов весом, «уродливо толстый, с милым лицом и горящими глазами», — по описанию современника, — этот еще молодой сорокалетний человек так сам себя характеризовал в беседе с жандармским генералом А. И. Спиридовичем: «Я есть человек без задерживающих центров. Мне ведь решительно все равно, ехать ли с Гришкой (Распутиным. — А. А.) в публичный дом или с буфера под поезд сбросить». Даже прошедший огонь, воду и медные трубы жандарм был потрясен: «Я не верил ни своим глазам, ни своим ушам. Казалось, что этот упитанный, розовый, с задорными веселыми глазами толстяк был не министр, а какой-то бандит с большой дороги». Что же касается деловых качеств Хвостова, то он «был невежда и в политике, и в полиции». Эта характеристика полностью соответствовала действительности.

Такой же темной личностью, но иного типа был и С. П. Белецкий.

К моменту своего назначения товарищем министра внутренних дел он уже был совершенно аморальным субъектом: с одной стороны, «примерный муж», а за пределами семьи — устроитель «афинских вечеров». «Разжиревший, с одутловатым посиневшим лицом, заплывшими глазами и сильным голосом, он производил впечатление нравственно опустившегося, спившегося человека», проводившего время в кутежах с балетными «звездочками», — свидетельствовал другой современник.

Таков был напарник Хвостова. Но был и третий член компании, некий князь М. М. Андроников. Это был жулик и проходимец высокого класса. Он нигде не служил, состояния у него не было, тем не менее жил он на самую широкую ногу. В его огромной квартире была комната, разделенная на две половины: в одной была его спальня, в другой — мо-дельня, и в ней уединялись молодые люди, как с самим Андрониковым, так и без него. Он был вхож в самые высокие сферы, вплоть до Царского Села. Министры его не только охотно принимали, но были с ним необы-чайно любезны в страхе перед его грязным языком, способным погубить любую репутацию. Сам себя Андроников называл «адъютантом Господа Бога», «человеком в полном смысле», «гражданином, желающим как можно больше принести пользы своему отечеству». И именно этому «человеку» и «гражданину» пришла в голову идея относительно Хвостова и Белецкого. Он свел их между собой, посвятил в свой план, получил их согласие, и троица стала действовать. Андроников свел их с Вырубовой и Распутиным, и дело было сделано: царица стала бомбардировать письмами своего супруга и очень легко добилась его согласия на новые назначения. Сам Хвостов во время данной ему аудиенции привел царицу в полный восторг, о чем она тоже сообщила мужу.

Сначала Хвостов рассчитывал, что ему удастся скрыть от Думы и общественности тайну своего назначения. Но это не удалось: Распутин специально афишировал свою близость к нему, чтобы держать его в полном подчинении. И тогда Хвостов, будучи тем, кем он был по своей натуре, — уголовником, — решил убить Распутина. Сперва он задумал избавиться от «старца», отправив его по монастырям в сопровождении двух монахов — игумена Мартемиана, давнего знакомого министра, и архимандрита Августина — двух отпетых негодяев, которые даже на Белецкого и Андроникова «произвели кошмарное впечатление». Главной их задачей было спаивание Распутина, а там — «по обстоятельствам».

Распутин дал притворное согласие, получил на дорожные расходы 5 тысяч рублей, разумеется, казенных, но предварительно заявил, что «у себя в губернии (Тобольской. — А. А.) хочет иметь своего губернатора,

и назвал фамилию. Когда эта просьба была исполнена, он тут же заявил, что никуда не поедет, и троица поняла, что проиграла. Тогда возникли другие планы, на этот раз уже прямого убийства. Все они по разным причинам не удались. Последний план уже целиком принадлежал Хвостову. Он послал своего старого знакомого журналиста Ржевского в Норвегию к бежавшему туда иеромонаху Илиодору, бывшему другу, а затем злейшему врагу Распутина, с предложением убрать «старца» за 60 тыс. рублей золотом. Но поскольку он собирался затем это убийство свалить на Белецкого, а тот это понял, последний поехал к Вырубовой и все ей рассказал. Разразился грандиозный скандал, Распутин и «дамы» были до смерти напуганы, и дело кончилось тем, что и Хвостов, и Белецкий получили отставку, а Андроников впал в немилость.

«Опыт князя Андроникова, сумевшего провести в министры Алексея Хвостова, — писал хорошо осведомленный современник, — подал Мануйлову мысль провести Штюрмера в премьеры... Переговорив со Штюрмером и обсудив все дело, Мануйлов принялся за дело». И. Ф. Манасевич-Мануйлов был таким же выдающимся проходимцем и авантюристом, как и Андроников. И методы он избрал те же, убедив Распутина, Вырубову и петроградского митрополита Питирима, обязанного своим назначением тому же Распутину, что Б. В. Штюрмер именно тот человек, который нужен на посту премьера. Дело было сделано очень быстро, и Штюрмер получил свой пост. «Не Штюрмер создал Мануйлова, — свидетельствовал с полным знанием дела Хвостов, — а Мануйлов создал Штюрмера... взял (!) через Гришку того, кого нужно было, председателем Совета министров».

Штюрмер был не менее одиозной фигурой, чем Хвостов, и так же как и последний, был совершенно непригоден к государственной деятельности. Коллеги-министры его презирали за бесчестность, неумение связать двух слов и неспособность даже председательствовать. Он был вынужден уйти в отставку спустя несколько месяцев после своего назначения под давлением Думы и оппозиционной помещичье-буржуазной общественности. Но до этого эпицентром грандиозного скандала стал его фактотум — И. Ф. Манасевич-Мануйлов, которого он сделал своим секретарем.

В августе 1916 г. товарищ директора Московского соединенного банка И. С. Хвостов обратился с жалобой к директору Департамента полиции Климовичу, в которой говорилось, что Мануйлов шантажирует банк, требуя 25 тыс. рублей. По совету Климовича (он был во враждебных отношениях со Штюрмером) Хвостов передал Манасевичу требуемую им сумму, предварительно записав номера кредитных билетов. Пойманный с поличным, Манасевич был арестован. Этот арест

вызвал шок у всей компании. Царица, Вырубова, Распутин, Штюмер были в настоящей панике, тем более что Манасевич сразу дал понять, что выступит с неприемлемыми для них разоблачениями. Ценой увольнения двух министров юстиции, не соглашавшихся освободить арестованного проходимца, и директора Департамента полиции, путем массированного штурма Александрой Федоровной своего супруга Манасевич был освобожден. Лишь после убийства Распутина он был осужден, но отделался сравнительно легко.

После этого случая Распутин твердо решил, что ему нужна «своя юстиция». Другой проходимец, карточный шулер и скупщик бриллиантов, игравший при «старце» роль секретаря, посоветовал ему провести в министры юстиции сенатора Добровольского. Но последний оказался таким низкопробным субъектом, что даже Распутин запротестовал, заявив, что такая «юстиция» неприемлема.

Последним крупным «вкладом» Распутина в очередную реконструкцию Совета министров было назначение министром внутренних дел А. Д. Протопопова, товарища председателя Государственной Думы. На этот раз «своим» министром внутренних дел решили обзавестись П. А. Бадмаев и П. Г. Курлов. Первый был бурятом, занимавшимся тибетской медициной и при Александре III оказавшим даже некоторое влияние на дальневосточную политику. Второй был жандармским генералом, товарищем министра внутренних дел при Столыпине, отставленным после смерти последнего, поскольку молва упорно приписывала ему главную роль в убийстве своего патрона. Он остался без всяких средств и жил на даче у Бадмаева, который его содержал в надежде, что его нахлебник еще выплывет. Именно на этой даче встречалась и спелась вся четверка.

Снова был приведен в действие отработанный механизм, и в сентябре 1916 г. Протопопов получил свой пост.

Новый министр по ряду причин, из которых главными были две — крайне реакционный курс и ренегатство, стал самым ненавистным и неприемлемым для Думы и «общественности», даже более, чем Распутин. И никем так не дорожили царская чета и Распутин, как именно Протопоповым. Все усилия Думы, двух последних председателей Совета министров и других влиятельных кругов, требовавших его отставки, окончились безуспешно. Более того, после смерти «старца» его позиции еще более окрепли и он фактически занял место Распутина. Сам же Протопопов как личность и политик был совершеннейшим ничтожеством. В своих многолетних усилиях добыть «белые штаны» он не останавливался ни перед какими соображениями достоинства и престижа. Даже родной брат презирал его. «Мелкий, дрянненький

человек... — писал он в своем дневнике. — Целыми днями таскается по высокопоставленным лицам». На своем посту он был настоящим посмешищем как для аппарата министерства, так и для общественности. По рукам ходило стихотворение с рефреном: «Про-то-Попка знает, про-то-Попка ведает».

Как же стало возможным, чтобы неграмотный пьяный мужик, не занимавший никакого официального положения, стал фактическим главой государства в самый критический период его жизни? И не в Средние века, а в начале XX века, и не в каком-нибудь захолустье, а в великой державе с опытной правящей бюрократией, с властными верхами и т. п.? Этот вопрос был и остается главным и решающим как для современников, так и для ныне живущих людей.

Современники, принадлежавшие к правительственным и общественным верхам, были фактически единодушны в своем ответе: причиной распутинского феномена является, с одной стороны, безволие царя, полностью подчинившегося влиянию своей обладавшей якобы сильным характером жены, и крайняя истеричность и мистицизм последней, сделавшие ее игрушкой в руках «Друга», — с другой. Это было всеобщим убеждением, которое Н. Врангель (отец белого генерала П. Врангеля) выразил в следующей формуле: «Государством правила его (царя. — А. А.) жена, а ею правил Распутин. Распутин внушал, царица приказывала, царь слушался». К этому добавим, что передаточным механизмом от Распутина к царице служила А. А. Вырубова, ее самая близкая и интимная подруга.

Справедливости ради следует сказать, что внешне дело обстояло именно так, как засвидетельствовал Врангель и многие другие мемуаристы, на глазах которых все это и происходило. Действительно, «Друг» внушал царице, а та супругу. Но если этим все и исчерпывалось, то придется признать, что решающим или одним из решающих факторов гибели романовской монархии оказалась чистая случайность. Будь, скажем, у царя твердый характер и не люби он свою жену, никакого Распутина не было бы и в помине и, глядишь, не было бы и революции, потому что страна управлялась бы на рациональных, а не на мистических началах. Но даже школьник не примет такой простецкой версии. Даже он знает, что объективные законы, а не сцепление случайностей определяют ход истории. Следует внести некоторые коррективы в широко распространенное представление о причинах и характере влияния Распутина на императрицу. Безусловно, это влияние было очень велико — достаточно ознакомиться с ее письмами Николаю II в ставку, чтобы убедиться в этом. Все начиналось и кончалось настоятельным требованием неукоснительно следовать указаниям «Друга» или «Григория». Почти все свидетели

и современники в один голос говорили и писали, что Распутин сумел ей прочно внушить одну решающую мысль: покуда он, божий праведник, с ними — будет жив наследник (страдавший гемофилией — жизнь царевича по этой причине всегда была под угрозой) и будет сохранен престол. В противном случае гибель грозит и тому и другому. Средством внушения якобы был сильный гипнотический дар «старца», находивший повышенный отклик в крайнем мистицизме и истеричном характере супруги царя. Ее вера в «Друга» зашла так далеко, что она считала его святым, а все факты, рисовавшие его в истинном свете, которые доходили и до нее, объявляла ложью и интригами, имевшими целью опорочить их божьего заступника.

Однако многое заставляет сильно усомниться в достоверности этой версии, дожившей до наших дней. Начать с того, что в огромном количестве писем царю в годы войны, в которых императрица требовала следовать наставлениям «Друга», ни разу в качестве аргумента не приводится болезнь наследника. Отнюдь также не слепа была она и по части святости «старца». Протопресвитер русской армии в годы войны Георгий Шавельский, близко стоявший ко двору и пользовавшийся большим авторитетом как у царя, так и у царицы, человек умный и наблюдательный, обратил внимание на один любопытный факт: у царицы имелась книга «Юродивые святые русской церкви» с ее собственноручными отметками в тех местах, где говорилось, что у некоторых святых юродство проявлялось в форме половой распущенности. «Дальнейшие комментарии, — справедливо заключал по этому поводу протопресвитер, — излишни». Переписка показывает, что для нее не были секретом и пьянство Распутина, и его денежные махинации.

Что же касается царя, то он уже в силу своего положения совершенно точно и основательно знал, кем и чем был Распутин на самом деле, поскольку читал и выслушивал соответствующие доклады министров, товарищей министров, председателя Думы, того же Шавельского и многих других, которые не оставляли никаких сомнений в достоверности приводимых фактов. Когда Родзянко попросил у царя разрешения говорить о Распутине, тот, «опустив голову», разрешил. При виде показанной ему фотографии, где «старец» красовался с наперсным крестом на груди (на что имели право только духовные лица), царь, человек очень религиозный, не выдержал: «Да, это уже слишком». Во время доклада Джунковского царь был «очень взволнован, благодарил», просил и впредь держать его в курсе походов «старца», заявив при этом, что он Джунковскому полностью верит, и два месяца после этого не пускал Распутина себе на глаза. Таким образом, главная причина влияния «Друга» на царскую чету была иной.

Коротко ответ сводится к следующему. Всякая власть нуждается в подтверждении своих полномочий. Распутин и был той инстанцией, которая подтверждала эти полномочия как «от имени народа», поскольку он был выходцем из крестьян, так и «от имени Бога», поскольку корчил из себя божьего праведника. Он освящал и одобрял все их планы и начинания, вселяя и в царя и в царицу уверенность в своей правоте. Для людей, полностью изолировавших себя от внешнего мира, живших в мире идиотской иллюзии, что народ их любит, а против только гнилая интеллигенция и аристократия, это было жизненно важно. На этом и играл Распутин.

Суть состояла в том, что вся «великолепная четверка» представляла собой группу единомышленников. Распутин предлагал только те кандидатуры, которые полностью устраивали и царскую чету. Есть масса доказательств, что «Друг» был очень осторожен в этом отношении и без разведки через «Аннушку» (Вырубову. — А. А.) не давал ни одной рекомендации. Царь «отнюдь не был безвольным, а, наоборот, отличался упорным стремлением к осуществлению зародившихся у него намерений», — писал В. И. Гурко, бывший товарищ министра внутренних дел при Столыпине, а потом член Государственного Совета. «Надо признать, — писал тот же автор, — что Распутин, проводя своего кандидата, сперва тщательно старался выяснить степень приемлемости его самой государыне, а лиц ей неугодных поддерживать не решался». И вот тут-то выступал «непременный посредник» — Вырубова. Лишь тогда, узнав, что Вырубова убедила царицу, «старец» высказывался открыто. Без Вырубовой, «ее непосредственного участия и деятельной помощи Распутин... достичь ничего не мог», — делает вывод В. И. Гурко.

Секрет успеха Распутина коренился в полной изжитости строя. Внимательные наблюдатели в один голос твердят, что не Распутин породил распутинщину, а, наоборот, последняя подняла на гребень мутной волны царского «Друга». «Если бы высшие слои русского общества дружно сплотились и верховная власть встретила серьезное упорное сопротивление... — писал Родзянко, — то от Распутина и его клики не осталось бы и следа». «Не подлежит сомнению, — писал упомянутый Гурко, — что, если бы та среда, из которой черпались высшие должностные лица, не выделила такого множества людей, готовых ради карьеры на любую подлость, вплоть до искомательства у пьяного безграмотного мужичонки покровительства, Распутин никогда бы не приобрел того значения, которого, увы, он достиг». Подобных свидетельств можно привести много.

Опыт всех революций показывает, что их канун характеризуется таким состоянием государственного организма, когда государственный подход

полностью вытесняется личным служением, беспринципным карьеризмом и открытым цинизмом. На такой путь встали не только правящие верхи, но и сама царская чета. Ее интересовал, так же как и «Друга», только один критерий при подборе министров — личная преданность. Все остальное — компетентность, доверие общества и другие качества политика и администратора — их не только не интересовали, но и служили противопоказанием для получения ответственного поста. Более того, чем ничтожнее и бесчестнее был кандидат в министры, тем было лучше. Царь, назначая Хвостова министром внутренних дел, отнюдь не покупал кота в мешке. Родной дядя Хвостова, который был в это время министром юстиции, на его вопрос охарактеризовал своего племянника самым отрицательным образом, подчеркнув его полную непригодность к государственной деятельности. Тем не менее царь не внял этому предостережению, далеко не единственному. Более того, даже после его отставки и царь, и царица не переставали жалеть, что потеряли такого нужного им человека. «Если бы Хвостов пришел к нам и выразил желание примириться, — писала царица Николаю II, — то я рада была бы простить его». Царь в ответ заявил, что он «никогда не сомневался» в преданности Хвостова и он примет его несколько позднее.

Протопопов писал, что люди, имевшие доступ ко двору, делились на «своих» и «не своих». Белецкий подчеркивал, что назначение Хвостова состоялось тогда, когда у царской четы и у Распутина «окончательно» созрела мысль «иметь... только своих людей, в личной преданности которых они не могли сомневаться». Таким «своим» для всей «великолепной четверки» был и сам Протопопов, хотя «Друг» насчет его нравственных качеств не заблуждался ни на йоту. «Честь его тянется, как подвязка», — характеризовал он своего ставленника Мануйлову.

Именно поэтому не был применен имевшийся у господствующего класса, его верхушки, исторически хорошо отработанный способ «исправления случайности рождения», по выражению знаменитого русского историка В. О. Ключевского, — физическое устранение негодного царя при помощи дворцового переворота. Классическим примером такой «исторической корректировки» было убийство Павла I. Спрашивается, почему же теперь, видя, что царь тянет в пропасть не только себя, но и свое окружение, верхи так не поступили? Потому, что они так же выродились, как и вся романовская монархия. Вместо того, чтобы убить Николая II, два сиятельных «невропата» — великий князь Дмитрий Павлович (племянник царя) и князь Ф. Ф. Юсупов с балаганным черносотенным думцем В. Н. Пуришкевичем убили Распутина. Это была своего рода карикатура XX века на век XVIII-й. Тогда уверенная в себе знать убивала неугодных царей, теперь

ее измелъчавшие потомки убили пьяного мужика, не понимая, что это ровным счетом ничего не изменит и изменить не может, что и подтвердили дальнейшие события.

Убийство было подготовлено и осуществлено самым глупым образом. О готовящемся убийстве Пуришкевич рассказал не только В. В. Шульгину, но и группе думских журналистов, и о заговоре полиция не узнала только потому, что последние, хорошо зная заговорщика, встретили его слова смехом, приняв их за шутку или хвастовство. Яд, который всыпали в любимую «старцем» мадеру и начинили пирожные (его достал кадет В. А. Маклаков, также посвященный в заговор), оказался, как сказали бы теперь, некачественным — Распутин на какое-то время лишился сознания, а затем едва не ушел — Пуришкевич прикончил его уже во дворе юсуповского дворца, причем прибежавшему на выстрелы городовому было тут же хвастливо заявлено, что он не кто иной, как сам Пуришкевич и что он только что убил Распутина (а перед этим Юсупов специально застрелил свою собаку с целью скрыть истинную причину раздавшихся в ночи выстрелов от того же городского). Но, как оказалось, даже застрелить как следует «старца» тоже не сумели — медицинская экспертиза показала, что Распутин был сброшен в воду еще живым.

Но еще более нелепым убийство Распутина выглядело с политической точки зрения. Оно могло иметь какой-то смысл, если бы вся троица тут же публично заявила о своей акции, мотивировав ее высокими государственными интересами. Учитывая всеобщую ненависть к «старцу», это могло вызвать какой-то резонанс в «обществе». Заговорщики поступили наоборот: Пуришкевич сразу же укатил на фронт с санитарным поездом, а великий князь и просто князь стали уверять со слезами и клятвами не только царскую чету, но и своих близких, что абсолютно непричастны к убийству. Дмитрий Павлович, как свидетельствовал другой великий князь, даже своему отцу поклялся «на образе матери... что в крови этого человека рук не марал». И вполне естественно, что следователь по особо важным делам, ведший дело об убийстве Распутина, заявил, что «он много видел преступлений умных и глупых, но такого бестолкового поведения соучастников, как в данном деле, он не видел за всю свою практику».

В. С. ДЯКИН

<Предисловие>¹

В трагической истории последних десятилетий старой России фигура Григория Распутина неизменно притягивает к себе внимание профессиональных историков и писателей, всех, кто пытается разобраться в той цепи событий, которая в конечном итоге привела к крушению монархии и к Октябрьской революции. Вполне понятно поэтому, что Андрей Амальрик, много думавший над судьбами нашей страны, тоже обратился к распутинской теме.

Это был большой труд, потребовавший от автора и увлеченности работой, и кропотливости. Он собрал практически все, что было напечатано о Распутине у нас в стране и за ее пределами, использовал неопубликованные материалы, осевшие после исхода первой эмиграции в американских архивах.

Почти все, вспоминая о Распутине, делятся на две части — яростно его ненавидевших и восторженно его боготворивших. И от тех, и от других не приходится ждать правдивого описания человека, почти десять лет простоявшего рядом с тронем, человека, чья судьба неразрывно слилась с судьбой последних Романовых. Одной из целей, которые А. Амальрик ставил перед собой, и было разобраться, каким же был Распутин на самом деле, отбросить преувеличения его поклонников и ненавистников, написать портрет Распутина без «клубнички», так пышно цветущей во многих популярных романах. Много внимания, естественно, уделяет А. Амальрик Николаю II и Александре Федоровне. И здесь он стремится написать объективный портрет людей, своим положением оказавших очень большое влияние на судьбы России в ее последние предреволюционные десятилетия. А. Амальрику чужд

¹ Печатается по: Дякин В. С. <Предисловие> // Амальрик А. Распутин. Документальная повесть. М., 1992. С. 3–13.

тот «обличительный» тон, которым долго грешила советская литература. В то же время он свободен и от ностальгического монархического мифа, давно распространенного в эмигрантской литературе, а теперь все чаще выплескивающегося на страницы и наших изданий.

Было бы очень кстати, если бы его книгу прочли те, кто поддался ныне обаянию этого мифа. Надеюсь, она подействует на них отрезвляюще. Наконец, рассказ о Распутине закономерно побудил А. Амальрика посвятить ряд страниц выяснению версии о «хлыстовстве» Распутина и в связи с этим вообще религиозным исканиям начала века. В наше время, когда вопросы религии снова вызывают широкий интерес, эта сторона книги А. Амальрика тоже, безусловно, может привлечь читателей.

К сожалению, А. Амальрик не успел дописать свою книгу. Чтобы довести биографию Распутина до конца, в этом издании печатаются и воспоминания Феликса Юсупова, одного из убийц «старца». Воспоминания были написаны в годы, когда русская эмиграция сводила счеты — либералы видели причину падения царизма в неуступчивости Николая, крайне правые — в действиях либералов, своей оппозицией расшатавших трон. Скрещивались копыя и вокруг убийства Распутина, что и вызвало к жизни юсуповские мемуары. Юсупов очень о многом молчит. Представитель богатейшего дворянского рода, женатый на племяннице Николая, он был желанным гостем во всех великокняжеских и великоименных домах и хорошо знал настроения их хозяев. С другой стороны, он приходился по матери племянником председателю Думы М. В. Родзянко и мог быть осведомлен о том, что думает «дядя Миша». Этих сюжетов Юсупов избегает, слишком горячи они были в момент создания мемуаров. Но о самом убийстве Распутина никто не мог рассказать больше, чем князь Феликс. И хотя и здесь достаточно много недоговоренного, его воспоминания — основной источник сведений для историков, в этом их ценность.

Но, разумеется, главное, в томе, который предлагается читателю, это исследование А. Амальрика. Сразу должен оговориться, что я не во всем согласен с автором. Но каждый имеет право на собственное мнение.

Первый вопрос, который встает перед каждым, кто задумывается над влиянием Распутина на Николая и Александру Федоровну, звучит так: как же могло случиться, что простой крестьянин, независимо от его личных качеств, смог так высоко возвестись и «ходить по гостиным лучше, чем другой царедворец»? Ответ на этот вопрос лежит в изучении не личности Распутина, а эволюции самодержавной власти на рубеже XIX–XX вв.

Власть неограниченного монарха огромна. Он по своей воле назначает и смещает министров и других высших чиновников, предписывая им,

какую политику проводить. Взгляды и вкусы царя оказывают большое влияние на официальную идеологию. В таких условиях личность царя имеет важнейшее значение и периодизация истории по царствованиям — не только пережиток дворянской историографии. Время Петра I, Елизаветы или Екатерины II — реальные понятия с конкретным содержанием. В XIX–XX вв. существенные повороты во внутренней политике России совпадают с восшествием на престол нового царя. Но власть неограниченного царя далеко не неограниченна. Его свобода действий стеснена бюрократической системой управления, с одной стороны, и придворным церемониалом — с другой.

Чем сложнее и разнообразнее становилась жизнь страны, тем многочисленнее и разветвленнее становилась и армия управлявших ею чиновников, тем большее влияние приобретала высшая бюрократия. В конце концов, неважно, как возникала та или иная идея. Она могла прийти в голову самому царю или ее подсказывал какой-нибудь доверенный, но не облеченный властью человек. Для того чтобы стать законом, идея должна была пройти через бюрократическую машину, быть рассмотрена в Комитете министров или в Государственном Совете. На утверждение царя предлагалось два мнения — большинства и меньшинства. Царь мог утвердить любое, но даже то, которое исходило из внесенного по указанию «сверху» предложения, могло после согласования с разными ведомствами и ранее существовавшими законами во многом отличаться от первоначального проекта. Самодержец должен был либо подписывать закон, не вполне согласованный с его пожеланиями, либо требовать нового рассмотрения, отдаваясь на милость бюрократической волокиты.

Конечно, царь мог пресечь любые возражения, безапелляционно заявив: «А я решительно другого мнения» (как это не раз делал Александр II). Но, во-первых, признание неограниченности самодержавной власти царя сочеталось в умах самых лояльных его верноподданных с убеждением, что царь морально должен прислушиваться к «голосу земли» и к своим советникам. С этим приходилось считаться, и грубоватый Александр III согласился, например, изменить одну из своих резолюций, когда государственный секретарь А. А. Половцов стал ему объяснять, что резолюция обидна для Государственного Совета и министров. Во-вторых, с усложнением экономической и политической жизни царь все чаще оказывался перед проблемами, в которых он был не в силах противопоставить свое мнение позиции министра. Времена, когда, согласно легенде, Николай I по линейке прочертил на карте трассу железной дороги между Петербургом и Москвой, минули. При обсуждении финансовых дел Николай II иногда мог лишь тоскливо спрашивать С. Ю. Витте, а почему, собственно, нельзя поступить так, как хочет он.

Управление государством с каждым царствованием требовало от монарха все больше времени и сил. Надо было выслушивать и читать всеподданнейшие доклады министров, журналы заседаний Государственного Совета и Комитета министров, отчеты губернаторов и множество других бумаг, вникать в суть вопроса, писать резолюции или просто делать какие-то указания на полях. Пусть такая резолюция нередко подсказана кем-то, стоящим рядом, в его аргументацию тоже надо вслушаться. Погрязая в рутине повседневных государственных забот, царь все больше становился хотя и самым большим, но одним из колес бюрократической машины. И ощущение этого било по самолюбию самодержца всероссийского и хозяина земли Русской.

Жизнь двора и особенно царствующей четы была подчинена жесткому церемониалу. «Рутинная, — вспоминал последний главноуправляющий е. и. в. канцелярией по принятию прошений В. И. Мамантов, — играла большую роль в строе придворной жизни, все делалось по давно заведенному шаблону, и никаких отступлений от раз принятого не допускалось». Специальные правила определяли, кто и по какому случаю может быть принят во дворце или сопровождать царя во время поездок. Каждый визит фиксировался в камер-фурьерском журнале. По средам по случаю нового назначения Николаю представлялись все, получавшие должности от командира полка и равной ей в гражданской службе. Высшие чины представляются поодиночке, остальные чохом. У Николая отличная память на лица, но кроме фразы «представляюсь по случаю назначения на...» визитеру некогда сказать что-либо еще. Не больше возможности перемолвиться словом во время больших приемов и торжественных выходов, где расписано каждое движение. Когда-то Николай I, его жена и дочери ездили на великосветские балы и даже в маскарады. Постепенно стало считаться, что царям зазорно наносить визиты подданным. Только к родне, но отношения с ней у Николая II и Александры Федоровны не заладились.

Писать прямо царю кроме родственников тоже могут только высшие сановники, причем лишь по делам, им подведомственным. Когда Н. П. Балашов, обер-егермейстер и член Государственного Совета, в декабре 1916 г. прислал Николаю письмо, посвященное ситуации в стране, Александра Федоровна возмущалась: «У него такое высокое придворное звание, и он смеет писать, когда его о том не просят!» Всеподданнейшие адреса разных организаций, не говоря уже о прошениях и письмах частных людей, шли в Канцелярию прошений и в Министерство внутренних дел. Подавляющая часть их до царя вообще не доходила. В принципе это неизбежно, нельзя же занимать время

царя всей этой почтой. Но тем самым МВД и Канцелярия прошений получали право решать, что именно из написанного ему узнает царь.

Отчасти Николай и Александра Федоровна прятались за церемониалом от неприятных им новых явлений, вторгавшихся в жизнь страны. Так, Николай не хотел допускать к царским выходам по случаю 100-летия Бородинской битвы и 300-летия дома Романовых членов нелюбимой Государственной Думы, ссылаясь на то, что в церемониале, составленном до 1906 г., Дума, естественно, не упоминается. Но в большей мере он их тяготил. Поэтому так дорожили они «маленьким домиком» Вырубовой у Царскосельского парка, где можно было встретиться с немногими друзьями или с тайными посетителями без всевидящего гофмейстерского ока.

Усиливающаяся изоляция царствующей четы, отчасти вызванная характерами Николая и Александры Федоровны, а в большей мере заформализованностью их жизни, все время побуждала Николая искать способ получать информацию неофициальным путем, от людей, далеких от бюрократии и придворной среды. Вот здесь появлялась та щель, сквозь которую в царское окружение мог проникнуть посторонний. Каким будет этот посторонний, тоже зависело не только от личных склонностей Николая.

60–80-е гг. XIX в. показали, что путь европеизации, на который Россия вступила со времен Петра, неизбежно ведет к отказу от неограниченного самодержавия. Это был магистральный путь развития человечества, вызывавший, однако, резкое отторжение всех сторонников идеи национальной исключительности России. Тем не менее время Александра II было временем своеобразного бюрократического конституционализма, когда проекты создания крайне ограниченных, но все же представительных учреждений разрабатывались крупнейшими министрами царствования. Резкий поворот во внутренней политике с приходом Александра III положил конец таким проектам, но одновременно исподволь набирает силу либерально-конституционное движение в обществе, опирающееся в первую очередь на дворянское в своем большинстве местное самоуправление — земство. Особенно заметным это движение стало уже при Николае II, в первой же публичной речи назвавшем надежды на более широкое участие земства в делах внутреннего управления «бессмысленными мечтаниями».

Но растущим конституционным настроениям нужно было противопоставить некий идеальный образ самодержавной монархии, в поисках которого идеологи самодержавия обращались к допетровской Руси. Монархия времен Алексея Михайловича (не случайно и долгожданный наследник Николая II был назван Алексеем) изображалась как время

единения царя — помазанника Божия — с Православной церковью и с народом, не отделенных друг от друга бюрократическим «средостением». Личные качества Николая, с детства воспитанного в атмосфере почитания допетровской старины и самого искавшего в ней противовеса реальной действительности европеизирующейся России, создавали условия для расцвета культа «доброе старое время». Это проявлялось и в имитации при дворе обычаев и нравов XVII в. как самим Николаем (костюмированный бал в этом стиле в феврале 1903 г. рассматривался им не как маскарад, а как первый шаг к восстановлению старомосковских костюмов и обрядов), так и наиболее ревностными его сторонниками вроде министра внутренних дел Д. С. Сипягина. Это находило выражение в распространении, еще со времени Александра III, псевдорусского стиля в архитектуре, особенно церковной.

Безусловная религиозность Николая тоже хорошо работала на образ «народного царя». Впервые после полувекового перерыва пасхальные торжества 1900 г. были проведены в Москве с участием царской семьи, и в правительственном отчете специально подчеркивалось, что Николай прибыл в Москву «по священному завету родной старины». Мистические наклонности Николая и Александры Федоровны, их непрестанные поиски чудотворцев тоже совпадали с определенными религиозными исканиями конца XIX в. и одновременно вписывались в идеологические схемы защитников самодержавия. В 1903 г. по настоянию Николая и Александры Федоровны была осуществлена канонизация почитаемого многими Романовыми монаха первой половины XIX в. Серафима Саровского, считавшегося в народе чудотворцем. На канонизации присутствовала царская семья и около 150 тысяч верующих. Это дало основание газете крайне правых «Московские ведомости» утверждать, что вокруг святых мощей собралась «вся Земля Русская» и «это такое представительство, перед внушительностью которого блекнут все всевозможные всенародные голосования». Меньше всего я хотел бы быть понятым так, словно считаю публичные оказательства Николаем и Александрой Федоровной их религиозных чувств притворством и политическим расчетом. Но каждый шаг главы государства неизбежно приобретает политический смысл и используется в политических целях, как бы искренен сам по себе он ни был.

Непосредственное участие в религиозных и юбилейных торжествах, привлекавших множество крестьян, еще сохранявших монархические чувства, не только укрепляло веру последних Романовых в любовь и преданность народа, веру, всегда составлявшую один из основных постулатов самодержавной идеологии. Оставаясь по существу царем дворянским и последовательно отстаивая интересы дворянского зем-

левладения, Николай в то же время испытывал к дворянству сложное чувство. В литературе, в том числе в книге А. Амальрика, постоянно отмечается напряженность отношений Александры Федоровны и не принявшего ее великосветского общества, что не могло не отразиться и на позиции Николая. Кроме того, он был явно задет участием дворянства в либерально-конституционном движении до и во время революции 1905 г. Неприкрытая обида звучала в письме Николая к матери в марте 1908 г. «Теперь, когда стало спокойнее, — писал он, — дворянство начало жаловаться на разные нововведения и реформы, — но спрашивается, как и чем оно помогло правительству в страшную осень 1905 г. Ровно ничем». При таком настроении абстрактная идея единения царя с народом просто требовала живого воплощения не только в эпизодических встречах во время тех или иных массовых торжеств или в телеграммах и адресах «Союза русского народа». Если обстоятельства могли сложиться так, что в царском окружении оказался бы чуждый придворным сферам человек, то наибольшими шансами на успех обладал «богомольный крестьянин». Чудотворные же способности резко увеличивали такие шансы.

Но, опять-таки, слишком велико расстояние от «простого мужика» до царя, чтобы в нормальных обстоятельствах его можно было пройти. Требовалась в той или иной мере разделявшая мистические искания царской четы среда, в которую было легче попасть, чем ко двору, прежде чем с чьей-то помощью сделать последний шаг. Такая среда была, причем в том самом великосветском и великокняжеском кругу, связи с которым у Николая и Александры Федоровны, естественно, сохранялись. Неортодоксальная религиозность и мистицизм всегда находили своих adeptов в России, но особенно много их оказывалось в кризисные, переломные эпохи. Рубеж XIX—XX вв. безусловно был такой эпохой. Чудом державшийся режим нуждался в чудесах и чудотворцах.

Вот теперь достаточно было епископа Феофана, вел. князя Николая Николаевича, его жены и жены его брата — «черногорок» Станы и Милицы, чтобы продвинуть Распутина к трону, тем более что последствий этого никто заранее предвидеть не мог. Люди, выдвигавшие Распутина, ошиблись в представлениях о масштабе его личности. Они надеялись получить марионетку, авантюриста, гонящегося за жирным куском с царского стола и готового отрабатывать за этот кусок тем, кто посадил его за стол. Они получили умного, хитрого, по-крестьянски практичного и не чуждающегося всех житейских благ, которые дает близость к трону, но главное — независимого и властолюбивого человека, готового прислушиваться к советам, но не собирающегося играть роль исполнителя чужой воли.

На что же была направлена собственная воля Распутина? Здесь начинаются мои разногласия с А. Амальриком, хотя, конечно, я ни в коей мере не претендую на обладание истиной в последней инстанции. Для А. Амальрика Распутин — «сибирский странник, говоривший о любви и никому не хотевший зла» (с. 121), человек, которого чуть ли не силком вовлекали в политику те, кто пытался его использовать или на него нападал, а особенно сами царь и царица, желавшие, чтобы он «поглядел душу» того или иного сановника (с. 179). С такой оценкой мне трудно согласиться. Сам же А. Амальрик выделяет первые годы знакомства Распутина с Николаем и Александрой Федоровной как «безоблачный период его жизни, когда он как бы само собой занял место царского советника и конфиденнта, за которое остальные годы должен был жестоко бороться» (с. 107). Вот — жестоко бороться! Почему бы ему, любвеобильному страннику, не уйти в сторону, когда именно этого требовали со всех сторон, когда близость к трону грозила самой его жизни? Но он боролся, говоря о любви и не гнушаясь далекими от нее средствами. Для того, чтобы так себя вести, нужно очень любить власть или быть глубоко убежденным, что ты свыше призван к этой власти и не вправе от нее отказаться. В глубокую внутреннюю убежденность Распутина, как и в глубокую его привязанность к Николаю и даже Александре Федоровне мне поверить трудно. Перечитайте в этой книге многочисленные неуважительные высказывания его о царе, описания демонстративно грубых, на публику, телефонных разговоров с Царским Селом (даже если это инсценировки), вспомните о письмах Александры Федоровны и царевен, которые из его рук попали к Илиодору. Допустим, половину всего этого безобразия можно списать на некультурность, хотя как не припомнить об умении проявлять, когда нужно, и сдержанность, и благолепие. А ведь А. Амальрик строго придерживается по отношению к Распутину презумпции невиновности и отбрасывает самые возмутительные примеры как вызывающие сомнение.

Большое внимание уделяет А. Амальрик политическим взглядам Распутина.

Противники Распутина, — а историческая литература в основном опирается на их свидетельства, — как правило, отказывают Распутину в существовании у него политических взглядов. Разница заключается в том, что одни вследствие этого вообще преуменьшают воздействие Распутина на политическую жизнь, а другие ищут его тайных руководителей, его «штаб». К числу последних относится, например, и Феликс Юсупов. «Моему воображению, — пишет он, — рисовался чудовищный заговор против России, и в центре его стоял этот “старец”, волею неумолимого рока или игрою несчастного случая ставший опасным орудием

наших врагов». Он вспоминает о разговоре с Распутиным, в котором-де тот упоминал о своих таинственных руководителях, называя их «зелеными» или «зелененькими» (с. 292). Правда, чуть позже он описывает встречу Распутина с предполагаемыми «зелененькими», во время которой Распутин, «небрежно развалившись... сидел с важным видом и что-то им рассказывал» (с. 299). Не очень-то похоже на разговор с руководителями или даже их посланцами. Юсупова можно понять: он, монархист и родственник царя, оправдывал свое участие в убийстве, ему надо было подчеркнуть, что оно задумывалось как акт защиты страны и династии. Другие авторы, тоже писавшие о «штабе Григория Ефимовича» (вроде французского посла Мориса Палеолога), как правило, просто хотели произвести впечатление людей более осведомленных, чем это было в действительности. Но материалы полицейского наблюдения и свидетельства близко знавших Распутина людей не дают оснований выделить из его непрерывно менявшегося окружения какой-либо руководивший им «штаб». Два директора Департамента полиции, очень близко стоявший к Распутину С. П. Белецкий и его преемник Е. К. Климович, считали, что для Распутина и его окружения не существовало идейных побуждений и речь шла только об «извлечении личных выгод». На показаниях этих двух людей в большой мере держится историческая традиция.

А. Амальрик с нею не согласен. Он доказывает, что «в сущности каждый политик — “самоучка”, порой необходимо как можно более упрощенно интуитивно схватывать сущность проблемы — чем в более сложные детали входить, тем труднее будет принять решение» (с. 178). По его мнению, Распутин, «пройдя через все слои русского общества от деклассированного “дна” до верхушки аристократии», получил достаточную широту взгляда для такого интуитивного постижения сущности проблем (с. 178), а потому определенные политические взгляды, хотя и не сведенные «в законченную систему», у него были (с. 179).

Абстрактно говоря, с такой постановкой вопроса трудно спорить. Но какое же политическое исповедание веры Распутина «как лоскутное одеяло, по кусочкам, отрывкам» (с. 179) собрал и представил читателю А. Амальрик?

Основа этого исповедания — «царь и народ» (с. 179). Распутин — сторонник «сильной самодержавной власти, способной защитить “слабых” от “сильных”» (с. 181). «Он своим мужицким инстинктом понимал, что России нужна — самодержавная или какая угодно — но сильная власть, способная много переделать по-новому, в частности, покончить с земельной аристократией» (с. 182). В итоге он отнесся отрицательно к столыпинской реформе как к попытке сохранить дворянское землевладение и «был недоволен тем, что Дума не смогла или не сумела

решить земельный вопрос в интересах крестьян», «накануне революции поддержал проект принудительного отчуждения помещичьих земель» (с. 180). Дума, по его мнению, «выражала только интересы привилегированных классов» и «народная вера в царя представлялась Распутиным более стабильным фактором, чем надежды на Думу» (с. 181–182). Он считал, «что один царь лучше будет управлять Россией, чем пятьсот помещиков, заводчиков, попов и профессоров» (с. 222).

Таковыми словами Распутин думать не мог. Но не вносит ли автор вместе со словами и мысли? Сноски к книге потеряны, и не всегда можно понять, насколько заслуживает доверия источник, использованный в данном месте А. Амальриком. Под проектом принудительного отчуждения подразумевается, очевидно, предложение генерала П. Г. Курлова одновременно с роспуском Думы объявить о дополнительном наделении крестьян землей. А это наделение предлагалось провести, не трогая помещичьи владения, за счет земель, отнятых у немцев-колонистов. Припугнуть помещиков принудительным отчуждением А. Д. Протопопов предложил уже после убийства Распутина. Сомнительно и стремление Распутина «покончить с земельной аристократией». Как собирался это сделать сторонник «классового мира» (с. 180)? Остается вера в самодержавие и неприязнь к Думе. Разве для того, чтобы защищать при дворе такие взгляды, надо было с кем-то «жестоко бороться»?

Но, говорит А. Амальрик, у Распутина свои, особые представления о самодержавии. В то время как Александра Федоровна понимала формулу «царь и народ» как «народ для царя», Распутин, подобно Витте, его «единственному союзнику среди государственных деятелей» (с. 177), истолковывал эту формулу как «царь для народа» (с. 179). Тему «Распутин и Витте» придется оставить в стороне, несмотря на неоднократное подчеркивание А. Амальриком близости их политических взглядов. Во-первых, это все-таки несопоставимые фигуры — крупнейший государственный деятель, изощренный политик и полемист и необразованный крестьянин, лишь интуитивно постигающий суть проблемы в первом приближении. Во-вторых, взгляды Витте так сложны, что здесь нет места для даже упрощенного их изложения. Пути Витте, мечтавшего вернуться к власти, и Распутина действительно пересекались. Я тоже считаю, что некоторые идеи Витте могли запасть в память Распутина (например, устойчивая нелюбовь к Англии, недаром человеколюбивый «старец» так радовался гибели фельдмаршала Китченера). Но формула «царь для народа» явно не из круга понятий Витте, да и правильность такой трактовки того, что А. Амальрик считает политическими взглядами Распутина, не кажется мне доказанной.

А. Амальрик подчеркивает демократизм Распутина. «Царь и мужик протянули друг другу руки поверх голов привилегированного общества, вот что пугало», — пишет он (с. 122). Но ведь сам А. Амальрик подчеркивает, что Распутина вели наверх «национально-консервативные круги» (с. 51). Для них как раз надо было изобразить, будто царь и мужик протянули друг другу руки, это входило в тщательно создаваемый образ «народного царя», монарха допетровского времени. Другое дело — вот тут А. Амальрик совершенно прав, — что Распутин оказался неуправляем и, сколько бы ни относить соответствующие свидетельства на счет преувеличений противников, достаточно «неблаголепен». Именно потому у либеральной оппозиции оказывалась удобная возможность использовать близость Распутина ко двору для критики режима. Именно потому часть сторонников режима хотела сначала удалить «старца» от двора, а потом и убрать любым способом.

Существует понятие «черносотенный демократизм». Главный его отличительный признак — сочетание монархизма с неистребимой крестьянской тягой к помещичьей земле. Возможно, она была и у Распутина. Только проявить ее в общении с Николаем он не мог. Ощущая недостаток доказательств, А. Амальрик поворачивает свою мысль в другую сторону: Распутин «был демократом не в смысле социального и имущественного уравнивания, но признания ценности каждой личности и ее права на независимое существование — все равны перед Богом и царем» (с. 181). Все равны перед царем — это опять из самодержавного мифа о Московской Руси. Что же касается ценности каждой личности — то о Распутине ли это? Его методы «смирения гордыни» поклонниц об уважении к личности не свидетельствуют. А. Амальрика ввели в заблуждение религиозная терпимость Распутина (естественная для человека, ушедшего от ортодоксального православия) и отсутствие у него узкого национализма. Это действительно так. Но в целом и после ссоры с Гермогеном и Илиодором распутинские политические симпатии оставались в черносотенном стане. Просто в этом стане было много грызшихся между собой группировок и Распутин под конец жизни сблизился с московским Отечественным патриотическим союзом, возможно потому поддержавшим последнего любимца Распутина — А. Д. Протопопова.

Из каких бы кусочков и отрывков ни составляли мы лоскутное одеяло политического исповедания Распутина, в нем не будет ничего, кроме приверженности самодержавию в самой общей форме. Поэтому — и вот здесь А. Амальрик совершенно прав — «главной причиной растущего распутинского влияния становилась его способность внушать царю и царице уверенность в себе... и санкционировать их действия именем Бога» (с. 103). Что же касается конкретных политических советов,

то он пользовался подсказками то тех, то других более сведущих в делах государственного управления людей. И, начиная от Гермогена, многим из них забредала в голову мысль — не убрать ли ставшего, как им казалось, ненужным посредника. Так что «жестоко бороться» Распутину приходилось не за какое-то свое видение единения царя с народом, а просто за место возле царя.

Распутину была нужна власть. Не над государством — над душами людей. И чем более высокое положение занимал человек, тем больше хотелось властвовать над ним Распутину. Кроме того, он имел все основания полагать — он жив, пока его защищают царь и царица. Поэтому Распутину были важны не оттенки во взглядах людей, которых он рекомендовал на высокие посты, а их отношение к нему. Его вмешательство в государственные назначения представляло собой, по наблюдениям П. Н. Милюкова, «попытки взять политику в руки лично доверенных лиц, исключая вообще даже политические стремления, а просто вследствие постепенно растущего чувства небезопасности и потребности некоторой самообороны». Но потребность Распутина в самообороне оказывалась, по сути дела, политической платформой, заставлявшей Александру Федоровну придавать при подборе высших сановников все большее значение их готовности не просто мириться с существованием Распутина, но и «слушаться, доверять и спрашивать совета» у него. Это увеличивало самоизоляцию династии даже от тех, кто хотел ее спасти.

Конечно, Николай был обречен. История не фатальный, но закономерный процесс, и не так уж часто останавливается она перед выбором пути, как это думается некоторым сейчас. Время неограниченного самодержавия, давно миновавшее в Европе, кончалось и в России. И чем больше Николай пытался стать поперек дороги неизбежному, тем больше он его приближал. Это не значит, что все обязательно должно было случиться в феврале 1917 г. Дело ускорила война. Но война тоже была неизбежностью. Не Распутин не дал начаться ей в 1912 г., как это думает А. Амальрик, зря доверившись воспоминаниям Вырубовой (с. 185). И не смог бы Распутин остановить мировую войну. Ее готовили и Антанта, и центральные державы. Предлог нашелся бы. А война означала революцию в России, это видели многие уже тогда. И все-таки, цепляясь за Распутина, не понимая, какое впечатление, неважно даже — справедливо или несправедливо, производит этот «сибирский странник» рядом с российским тронном, Николай и Александра Федоровна, пусть ненамного, еще больше приблизили свой конец.

И. П. ЛЕЙБЕРОВ, Ю. Д. МАРГОЛИС

Романовы, Распутин, их игры¹

Весенним ранним утром 26 марта 1915 г. из Петрограда пошла в Москву шифрованная телеграмма. Полицейский телеграф отстукивал:

«25 марта курьерским поездом номер один выехал в Москву Григорий Распутин, кличка наблюдения “Темный”. Установите неотступное совершенно секретное наблюдение и охрану, в случае обратного выезда сопровождайте. Телеграфируйте мне N135. Полковник Глобачев».

По настоячивому требованию царствующей четы Николая Александровича и, особо, Александры Федоровны Романовых, Григорий Ефимович Распутин всегда находился в кольце железной охраны и слежки со стороны полиции и сыщиков. Это объяснялось тремя причинами: первая — необходимость показательной демонстрации «неурушимого» единства монархии и «мужичьей демократии» в лице Распутина; вторая — показать союз царя с Православной церковью, опять же в лице «святого старца»; третья — Григорий Ефимович был единственным человеком, который мог, хотя бы временно и частично, вылечивать царевича Алексея от страшной и неизлечимой гемофилии (несвертываемость крови) и этим как-то благотворно влиять на истеричную и мнительную царицу.

Распутин прибыл в Москву неспроста. В Первопрестольной предстояла крупная и выгодная сделка по поставкам солдатского белья, на несколько сотен тысяч рублей. Шла Первая мировая война. Ему надо было обо всем в Москве договориться, а потом пробывать это «дельце» через Военное интендантство в Петрограде. А для этого можно и нужно было опереться на поддержку царицы. Ну и, как всегда, под большое денежное дело можно было хорошо повеселиться, выпить и закутить

¹ Печатается по: Слово. 1993. № 6. С. 4.

в печально известной московской ресторации «Яр» в компании одной из молодых красивых и аппетитных дам. Вот отрывок из секретного донесения начальника Московской охраны шефу корпуса жандармов генерал-майору В. Ф. Джунковскому:

«26 марта 1915 г. около 11 часов вечера в ресторан “Яр” прибыл Григорий Распутин вместе с неустановленной молодой женщиной (кроме них, еще были господин и дама. — *Авт.*). Вся Компания была уже навеселе. Заняв отдельный кабинет, приехавшие пригласили женский хор, который исполнил несколько песен и протанцевал “матчиш” и “кэк-уок”. Опыневший еще более Распутин плясал впоследствии “русскую” (“Комаринскую”). А затем начал откровенничать с певичками в таком роде: “Этот кафтан подарила мне “Старуха” (т.е. царица, ей шел 43-й год. — *Авт.*), она его и шила”, а после: “Эх, что бы «Сама» сказала, если бы меня сейчас здесь увидела” Далее поведение Распутина приняло совершенно безобразный характер — какой-то половой психопатии: он обнажил свои половые органы и в таком виде продолжал вести беседы с певичками. Раздавал некоторым из них собственноручные записки с надписями вроде: “Люби бескорыстно”, “Твоя красота выше гор” и прочие наставления. На замечания заведующей хором о непристойности такого поведения в присутствии женщин Распутин возразил, что он всегда так держит себя пред женщинами, и продолжал сидеть в том же виде... Около 2-х часов ночи компания разъехалась».

На первый взгляд могло бы показаться, что это было пьяное хулиганство, которое в поведении Г. Е. Распутина проявлялось нередко. Однако дело было гораздо сложнее. Скорее всего, это являлось тщательно продуманной и взвешенной политико-сексуальной игрой. Распутин своим развязным поведением как бы самоутверждался в общественном мнении: «Мне, полуграмотному крестьянскому мужику, все позволено при нынешних монархах. Царь и царица одобряют мои действия — человека из народа. А мне плевать на всякую там полицию, бюрократию, аристократию».

Появление сорокалетнего сибирского мужика Григория Распутина в Зимнем дворце в качестве царского фаворита до сих пор объясняли односторонне. Писали о половой распущенности Распутина, способной удовлетворять самые низменные страсти камарильи. О его экстрасенсорных способностях, могущих успокоить царицу, остановить кровотечение у безнадежно больного гемофилией наследника престола. Все это, несомненно, имело значение. Но главными были политические причины возвышения Г. Е. Распутина. Обратимся к фактам.

В «кровавое воскресенье» 1905 года царизм устоял. Но этот день прожег основы самодержавия. Кровь невинных людей, шествовавших

под сенью лика Спасителя, в умилении хором моливших царя царствующих хранить царя православного — и расстрелянных, раскромсанных, растоптанных, — требовала крутых перемен. Явных, понятных, чудесных. Какие утвердили бы фактам вопреки: «Царь всегда с народом». Созвали «крестьянскую» первую Думу. Но ее работа лишь обнажила пропасть между властью и народом: крестьянские выборщики потребовали помещицкой земли.

Тогда в Зимнем дворце сдвинулись к политической игре предельной наглядности. Первым шагом в игре стало решение поселить близ царя и на виду у всех преданного «мужика». В 1907 году в императорский штат на должность «возжигателя царских лампад» был зачислен сибирский мужик, уроженец села Покровское Тобольского уезда, Енисейской губернии, Григорий Ефимович Распутин.

Здоровый, выносливый, он мог уйти далеко — без паспорта, без денег, даже без лаптей — босым, надеясь на поддержку богомольцев «Христа ради». В странствиях начинается его «преображение». Он бродит по монастырям и приходам (откуда не обязательно вышибут, а, глядишь, и приютят, и подкормят). Научился немножко читать по-церковнославянски, усвоил манеру молиться крикливо и припадочно, бессвязно бормотать священные тексты. Речь его становится заушной и отрывочной.

В 1902 году в Петербургской духовной академии прошел слух, будто где-то в Сибири, в Томской или Тобольской губернии объявился великий пророк, чудотворец и подвижник из мужиков по имени Григорий. К этому слуху отнеслись с интересом: в «верхах» Империи был спрос на «божьих людей». Знали это и в отдаленных от Петербурга епархиях.

С рекомендательной запиской от викария Казанской епархии Хрисанфа в том же году Григорий предстал перед ректором Петербургской духовной академии Сергием («что милость ваша...»). Судьбоносным для Распутина стал тот факт, что в кабинете Сергия находился и инспектор академии, негласный духовник царской четы Феофан.

Царица страдала психопатией. У нее развилась мания преследования. Да и как не развиться? Она — внучка великой английской королевы Виктории — была искреннейшей, глубоко убежденной монархисткой, считала свой императорский сан высшей формой служения Богу, а Бог допускал в России ширившееся либеральное и даже революционное движение. Она искренне любила своего мужа, а он беззастенчиво понуждал ее к «жизни втроем» с Анной Вырубовой. Она почти ежегодно рожала — в чайнии наследника престола, — рождались дочери. А когда, наконец, появился мальчик, оказалось, что он от рождения неизлечимо болен гемофилией.

Медицинские авторитеты свидетельствуют непреложно: царица нуждалась в успокаивающем воздействии. Увлечение императрицы западными гипнотизерами вызвало озабоченность православных церковных иерархов. Архимандрит Феофан, магистр богословия и ректор Духовной академии говорили с сожалением: «До чего мы дожили? Русская земля исстари славилась своими чудотворцами! А ныне что творится?» Было решено расстараться доставить в Зимний дворец своего, природного, российского «божьего человека». Способного целителя, из мужиков. Чтоб не претендовал ни на камер-юнкерский мундир, ни на министерское кресло. Последовало представление Николаю II, первое приглашение во дворец, где Григорий в своем лице предложил «и грех, и блаженство, и спасение». И спасение — потому что Григорий сумел средствами внушения остановить кровотечение у наследника Алексея. Наследник, несомненно, испытал нечто вроде гипнотического воздействия «старца». Это же следует сказать и о царице, и о царе. Ведь Николай II был глубоко религиозным фанатиком (лично содействовал открытию православных храмов, приращению числа канонизированных «старцев» и т. п.). Для него не только формулой обновленной «официальной народности», но и искренним личным убеждением стали слова его наставника К. П. Победоносцева: «Богом да царем православным стоит Русская земля!» Это же провозглашал и сибирский «старец».

Невропатолога с мировым именем Г. И. Россолимо признал, что этот темный мужик обладал несомненной силой внушения.

«В нем была какая-то особенность, которая властно парализовала волю не только женщин, но иногда действовала даже на крепких мужчин. Я знаю, что Столыпин влиянию Гришки не поддался. Он стал врагом его и на этом сломал себе шею».

Великий невролог и психиатр В. М. Бехтерев приписывал Распутину, кроме «обыкновенного гипнотизма», еще и половой гипнотизм», каким, очевидно, обладал в высшей степени старец Распутин. А великосветское дамское общество, его окружавшее, представляло ту извращенную дегенерацией среду, в которой распутинский половой гипнотизм пожал обильную жатву.

Следует отметить, что Распутин проявил определенную выдержку, не поспешил собрать свою «жатву» как можно скорее. После представления в Зимнем дворце он запросился в Сибирь и снова уехал в родное село. Там в 1905 году произошла его знаменательная встреча с активистом монархического и черносотенного «Союза русского народа» протоиереем Восторговым. Будучи во время избирательной кампании по выборам в Первую Государственную Думу в Сибири, в селе

Покровском, Восторгов заявил на собрании избирателей-крестьян, что, по его убеждению, крестьяне не должны получить никакой дополнительной земли до тех пор, пока их выборные в Думу не пройдут туда по партийным спискам «Союза русского народа». В ответ он услышал насмешливый голос мужика от задних скамеек. Мужик посоветовал ему оставить «царство небесное для партийных» себе. Им, хлеборобам, «царство» нужно здесь, на земле, и «царство мужицкое», без чиновников, с царем-батюшкой во главе. Это был голос Григория Распутина.

Вот тогда-то и пришла Восторгову мысль, чтобы этот хваткий мужик сделался глашатаем идей «Союза русского народа». Ссылаясь на пример Григория Распутина, он по возвращении в Петербург предложил «выбирать из глубины захолустья здравомыслящих крестьян, обладающих даром речи, способных защитить мужицкий интерес и преданных царю. Пусть они, верные самодержавию, обличают бюрократов, помещиков и толстосумов. Пусть они станут агитаторами могучего национального движения. От земли, от сохи, из гущи народной да прозвучит голос в защиту исторической власти и — долой всяческие средостения, выборные или бюрократические, между царем и народом!».

Распутин был на казенный счет доставлен в Петербург. Протоиерей Восторгов и обучил Распутина второму, важнейшему правилу игры: понимать своих слушателей, особенно светских, не «словом Божиим», не «по святости», а держаться тональности прямых обличений в грехах — стяжательстве, праздности, блуде. Следуя этим наставлениям, Распутин громыхал в великокняжеских покоях: «Если бы вы, великие-развеликие, эдак-то не резвились бы на шее у народа, так, может, и революциев никаких не было бы!»

«Старчество» становится главным в облике Распутина. Это подтверждается и его нарочитыми автобиографическими высказываниями о своей жизни как о жизни «старца», полной испытаний, отвержения мирского, украшенной личным знакомством с настоящими старцами и их движением. Такой облик производил большое впечатление, гасил слухи о сексуальных скандалах «старца». Сторонники Распутина с фактами в руках утверждали, что «старец» пользовался поддержкой «простых людей», а это только усиливало его авторитет в придворных кругах. Именно этот имидж Распутина поддерживала правая печать.

Тут полезно пояснение. Русскому человеку, очевидно, без подлинных духовных ценностей жить невозможно. Стяжение же духовности есть подвиг. Подвижников на Руси называли «старцами». Старцы были духовными отцами, люди искали у них слово правды о жизни, разносили полученный опыт и пытались применить его.

В традиционно черно-белом изображении Распутин — злодей, сексуальный маньяк и унылый стяжатель. Читателю времен плюрализма мнений бесполезно познакомиться с фактами, способными воссоздать подлинный облик «старца» и его политико-сексуальные игры.

Является фактом, что Распутин хорошо знал крестьянские жизнь, быт и труд, их радости и беды. Особенно сибирского и уральского крестьянства. По-мужицки Распутин был умен, хитер, дальновиден и осторожен, но и одновременно к людям своего круга — крестьянского труда — был добр, душевен, гостеприимен и даже честен. Авторитетный граф С. Ю. Витте отмечал черты мужицкого демократизма и «старчества» в Распутине, когда писал: «Поистине нет ничего более талантливого, чем талантливый русский мужик. Какой это своеобразный, какой самобытный тип. Распутин абсолютно честный и добрый человек, всегда желающий творить добро...»

Не просто десятки и сотни, а многие тысячи русских людей преклонялись перед «старцем». Невольно этому способствовала как правочерносотенная, так и леволиберальная, включая и революционную, печать, которая нещадно травила Распутина, обвиняя его во всех смертных грехах (пьянство, распутство, взятки, «шпионаж» в пользу германцев). Народно-крестьянская молва (в центре России, в Сибири, на Урале, на Русском Севере и Кавказе) видела в Григории Ефимовиче «сына Божьего» — сына крестьянского, который самим Богом был приближен к царской семье и малолетнему наследнику. Он-то, «старец», и должен был — «в обход всех господ» — влиять «по-правильному на царя, его семью в пользу народа и России». В этом-то и заключалось одно из главных проявлений мужицкого демократизма Распутина.

Как бы ни старалась полиция покрыть трактирные развлечения Распутина, образ его жизни был хорошо известен, из уст в уста передавались рассказы, в которых неизменно фигурировали дамы высшего света. Да и сам «старец» отнюдь не тайлся. Газета «Новое время» — одна из самых читаемых в России — напечатала интервью с Распутиным на тему о приобщении им «к Богу» своих великосветских поклонниц, приехавших к нему в Сибирь. «Старец» рассказывал: «Приобщиться к Богу можно только самоунижением. И вот я тогда повел всех великосветских дам — в брильянтах, в дорогих платьях, повел их всех в баню (их было 7 женщин), всех их раздел и заставил себя мыть... Ну, и хорошо с ними поиграли. Вот они унизились перед Богом».

Пространство этих заметок не дает возможности сколько-нибудь подробно описывать развлечения Распутина, зафиксированные в донесениях охранявших его чинов полиции. Но нельзя не привести

единственного, но зато весьма авторитетного свидетельства — видного прогрессивного историка, в годы мировой войны — офицера Ставки Верховного главнокомандования М. К. Лемке. Он записывал в своем дневнике: «Как-то Распутин попал в Москву в компании к “Яру”. Пьянство было великое, конечно, в отдельном кабинете. Разумеется, он стал держать себя с дамами и цыганками по-своему; те, особенно цыганки, отбивались, дрались и с помощью цыган, наконец, надавали ему тумаков. Тогда Распутин стал вопить: “Ах вы, сволочь черномазая, недотроги! Да как вы смеете, когда я саму царицу так же хватаю!”»

Эта разнузданность Распутина вновь и вновь возвращала «общественность» к его «мужицкому» облику. Примешивалась и ссылка на необходимость «греха» для глубокого покаяния. Таким образом, пьяные и сексуальные «подвиги» царского фаворита лишь подтверждали истину о том, что ко двору приближен истинный, неотесанный мужик. Его и терпят, потому что хотят знать «мужицкую правду». В этом и был политический смысл игры Романовых с Распутиным.

А смекалистый мужик, покушаясь на репутацию множества дам «света» и «полусвета», отнюдь не покушался на принцип самодержавия. Это было непререкаемым правилом «игры».

Но, сохраняя Распутина при дворе, им не более чем играли. Подверженные мистицизму супруги Романовы, особенно Александра Федоровна, ожидали от советов Григория Ефимовича спасения монархии. Между тем самые дельные советы Распутина были ими отвергнуты: ведь Романовы всего-навсего играли в Распутина.

Они не прислушались к его наставлениям рискнуть и повести дело к заключению сепаратного мира с Германией. По-видимому, царица обещала «старцу» поддержать германские поиски мира с Россией.

В феврале 1916 года распространился слух, что некоему саратовскому адвокату, обрадовавшему Распутина тем, что пришел к нему «без просьбы», «просто посмотреть», «старец» сказал: «Приди и наплюй мне в рожу, если в марте не подпишем мир». Заявление это было крайне рискованным: Романовы тогда и позднее побоялись пойти на сепаратные переговоры. Между тем надо ли говорить, насколько упрочил бы положение последних Романовых выход России из войны.

Проигнорированы были и рекомендации Распутина по продовольственному делу, на котором Романовы в конце концов сломали себе шею. В октябре 1915 года царица писала мужу в Ставку: «Мы видели нашего друга вчера вечером. Он в общем спокоен насчет войны, но другой вопрос его сильно мучит, и Он в течение двух часов почти ни о чем другом не говорил. Дело в том, что ты должен приказать, чтобы немедленно пропустили вагоны с мукой, маслом и сахаром. Ему ночью было

вроде видения — все города, железные дороги и т.д., трудно передать Его рассказ, но он говорит, что это все очень серьезно, и тогда не будет забастовок. Только для организации такого дела необходимо послать кого-нибудь от тебя... Это в данную минуту даже более необходимо, чем снаряды или мясо».

Пренебрегли и этим советом улучшить продовольственное снабжение столицы.

Может показаться, однако, что была сфера, в которой Распутин был хозяином. Царица, безусловно, прислушивалась к мнению «старца» при назначении высших бюрократов империи.

Но как раз эти-то рекомендации «старца» оказались самыми рискованными в «игре».

Распутин добивался и 30 января 1914 года добился отставки В. Н. Коковцова с поста председателя Совета министров и министра финансов. Распутин поносил Коковцова за «парламентаризм» и покушение на «prestиж государя»; он требовал покончить с «западноевропейскими новшествами» и утверждал, что пора, наконец, государю знать, кто служит ему, а кто — «родзянкам и гучковым». Распутин содействовал назначению министром внутренних дел А. Н. Хвостова. Это назначение вошло в историю предфевральского кризиса «верхов» как одно из ярчайших свидетельств подчинения официального правительства камарилье, безответственной клике приближенных ко двору.

Разрыв между властью и обществом становится физическим, когда Николай II — по наущению «старца» — в августе 1915 года принимает на себя Верховное главнокомандование армией. Пребывание в Ставке — в Могилеве — отдаляет его от столицы. Последствия этого станут очевидными в феврале 1917 года, когда царь, оказавшись как бы в западне, не сможет даже доехать до Петрограда. В то же время возрастет влияние на политическую жизнь царицы. А следовательно, и Распутина.

И разве смещение резко конфликтовавшего с Думой И. Л. Горемыкина и замена его Б. В. Штюрмером не было делом Распутина, широко вещавшего по респектабельным кабакам, что новый премьер, 68-летний «старикашка», должен «ходить на веревочке», а если этого не будет, «то ему шея будет сломана»?

Наблюдательный В. В. Шульгин запишет: «Этот “дед” (т.е. Б. В. Штюрмер. — *Авт.*)... унес последний престиж власти... Дело было в том, что все державы мобилизовали свои лучшие силы, а у нас “святочный дед” стал премьером. Вот где ужас. Вот отчего страна была в бешенстве».

Но именно Распутину власть обязана выбором Штюрмера — выбором позора и бессилия.

Неэффективность «игры» в «старца» к концу 1916 года стала для царя, по-видимому, очевидной. Во всяком случае, в одном из писем царя этого времени можно прочесть: «Мнения нашего Друга о людях бывают иногда очень странными... поэтому надо быть осторожным, особенно при назначении на высокие должности».

И в другом письме:

«Только прошу тебя, не вмешивай нашего Друга. Ответственность несую я и поэтому желаю быть свободным в своем выборе».

Но «несвобода в выборе» оглушительно сказалась, например, в освобождении из петропавловского заключения бывшего военного министра В. А. Сухомлинова, обвиненного в государственной измене. Жена министра, веселая и кокетливая красавица Е. В. Сухомлинова, отправилась к Распутину, вступила с ним в «известные отношения» (определение официального документа), добралась до Вырубовой, та свела ее с императрицей, и Сухомлинов увидел свободу.

«Ведь это не шутки, — горестно сетовал В. В. Шульгин, — выпустить из тюрьмы во время войны главного военного преступника, обвинявшегося в измене, имя которого стало притчей во языцех. Дума по поводу этого бушевала. И можно себе представить, как реагировала на это армия, пережившая все ужасы позорного отступления по вине преступного министра».

Неверно, как нередко говорят и пишут, что Николай II управлял Россией, как «командовал бы гвардейским эскадроном». При таких министрах, как С. Ю. Витте и П. А. Столыпин, руководство было иным. Оно стало таким «при Распутине». И здесь — важнейшая грань темы — «Распутин и Романовы». Они не смогли дистанцироваться от него, а он обрек их на погибель.

В ноябре-декабре 1916 года пришел конец политико-сексуальным играм Григория Ефимовича. Возник заговор против Распутина в придворно-аристократических кругах, когда стало ясно, что «старец» себя исчерпал во всех играх и игрищах. Решено было его убить. Заговор возглавили молодой князь Ф. Ф. Юсупов, монархист-думец В. М. Пуришкевич и великий князь Дмитрий Павлович Романов. Особую ненависть против Распутина затаил Юсупов. Князь был отчаянным гомосексуалистом, его родители упросили Григория вылечить их сыночка. Распутин взялся за дело: раз в неделю он укладывал князя через порог его дворцовой комнаты, оголял княжескую задницу и порол своим ремнем, затем гипнотизировал и читал молитву против этой страшной болезни. «Старец» помог великосветскому шалопаю временно избавиться от этой болезни. К тому же Распутин категорически возражал против брака Юсупова с великой княгиней

Ириной Александровной — красавицей и умницей (дочь великого князя Александра Михайловича и старшей сестры царя — Ксении Александровны).

Распутина заманили в западню, как одичалого волка. Тем более что он давно хотел познакомиться с Ириной Александровной, ставшей недавно женой Юсупова. Вот под этим предлогом князь Феликс и привез «старца» в свой дворец на Мойку, 92 — в ночь с 16 на 17 декабря 1916 года. Но самой-то Ирины Александровны не было в Петрограде, она отдыхала в Крыму. Сначала заговорщики пытались отравить Григория цианистым калием, подмешав его в пирожные, крымское красное вино и мадеру. Яд не брал Распутина — заговорщики не знали, что виноградные вина нейтрализуют действие цианистого калия. Затем последовали револьверные выстрелы. Стрелял Юсупов в левый бок и спину «старца», затем оставил его одного в комнате. Тяжелораненый Распутин сумел выбраться из дворца во внутренний дворик. Его, истекающего кровью, нагнал Пуришкевич и добил выстрелами в спину и затылок. Тело Распутина и его вещи (шуба, шалка, шарф, калоши) на легковой машине были привезены к Крестовскому острову и с Большого Петровского моста сброшены в полынью Малой Невки. На третьи сутки тело Григория выловили в Невке. Медико-судебная экспертиза установила, что и под водой Распутин еще некоторое время подавал признаки жизни.

Железным организмом обладал «святой старец». Но всякие его игры были закончены. Последствия этого убийства для монархии обернулись катастрофой. Ужасаясь того, что «Бог отвернулся», царица и царь опустили руки. Убийство Распутина, близкого к царской семье, показало всем, что все дозволено. И как бы подтверждением этого была надвигающаяся на Россию революция 1917 года.

«Зерно образа»

У НЕГО БЫЛИ ГОДЫ БЕЗУМНОЙ ЖИЗНИ

Не только писателей, но и актеров я бы назвал «инженерами человеческих душ». Чтобы воплотить на сцене или киноэкране образ того или иного исторического персонажа, актерам немало приходится поломать голову в поисках «зерна образа», над разгадкой живой человеческой сути героя, черт его характера, мотивов поведения.

Меня заинтересовало, какую «инженерию души» Григория Распутина открыл для себя народный артист России, исполнитель роли Распутина в фильме «Агония» Алексей Васильевич ПЕТРЕНКО.

Вот что рассказал актер:

— Он был юродивый. Самый обыкновенный, и в то же время необыкновенный юродивый, с очень мощным гипнозом и, в частности, эрогипнозом.

Почему в его присутствии люди терялись, становились незащищенными? Потому что он действовал противу правил. Например, при встрече люди говорят: «Здравствуйте!», подают руку, интересуются здоровьем. Так принято. Люди действуют по установленным правилам, особо не задумываясь о них. Это своеобразное клише общения людей. Распутин же мог при встрече с незнакомым человеком дотронуться до его головы, а то и схватить за нос, или еще что-то сделать экстравагантное. И тем самым выбивал людей из привычной колеи. Люди терялись, их душа раскрывалась, потому что растерянный человек — это человек, который не имеет заслонку. Распутин заходил в этого человека и дальше уже делал с ним все, что угодно. То есть использовал нетрадиционные ходы.

Я знаю, что наши ученые иногда собираются вместе и устраивают «день безумных идей». Так вот, у Распутина были годы безумной жизни. Строго говоря, это нельзя назвать безумством, это некая эмоциональная жизнь, другая сторона нашей психожизни, неведомая нам.

Много пересудов ходило о том, что у Распутина был грех с императрицей Александрой Федоровной. Не думаю. Он был настолько умен, что мог грешить сколько угодно где-то на стороне, но с императрицей — ни-ни. С ней он вел себя праведно, благостно. И когда Александра Федоровна прямо спрашивала у Распутина, зачем он сотворил в «Яре» такое-то безобразие, он отвечал: «Я оставлял там грязь, чтобы к тебе прийти чистым». Это еще один пример его нетрадиционных ходов, обезоруживающих собеседника.

У меня осталось впечатление, что он всегда был какой-то вздыбленный, и эту вздыбленность всячески в себе культивировал, прежде всего в глазах окружающих. Он как бы сам создавал свой образ, каким современники и потомки должны его воспринимать.

Беседовал Николай КАВИН

Распутинщина¹

Она стала одной из причин краха монархии в феврале 1917-го. Но как политическое явление остается «чрезвычайно опасной и поныне».

Распутинщина не изучена. На эту тему у нас не издано ни одного серьезного исследования. Не потому ли в нынешнем общественном сознании, да и в литературе, не пересекаясь, сосуществуют несколько версий о Распутине. Так, Санкт-Петербургским обществом «Почитателей

¹ Печатается по: *Лейберов И., Марголис Ю.* Распутинщина // Санкт-Петербургские ведомости. 1994. 26 февраля. С. 4.

старца» (организованном в июле 1992 г.) недавно реанимирована версия семейно-романовская — «спаситель наследника Алексея, трона и православной Руси». В другой среде сохраняет признание ленинская характеристика «чудовищного Распутина» как главы императорской России. В ходу точка зрения, будто факт пребывания в Зимнем дворце сибирского мужа был раздут буржуазно-масонскими кругами, стал поводом для безудержной дискредитации царской монархии. Нетрудно видеть, что приведенные версии отражают несовпадающие точки зрения. Уместно вспомнить о предупреждении мудрого Гете: «Говорят, что посередине между двумя противоположными мнениями лежит истина. никоим образом! Между ними лежит проблема...» Нынешнюю проблему-аксиому вполне можно сформулировать так: между подлинным народовластием и, как говаривали прежде, «мужицким демократизмом» лежит дистанция огромного размера. Именно в этом, пожалуй, важнейший исторический урок распутищины.

Кто такой Распутин?

Имя Григория Распутина известно каждому со школьных лет. Но все же напомним. Время его рождения точно не установлено: 1864 или 1865 год, по другим данным, 1872-й, место рождения — село Покровское Тобольского уезда, Енисейской губернии. Отец Григория, саратовский ямщик из мужиков Ефим Вилкин, от нужды переселился в Сибирь, осел в 80 верстах от Тюмени, где переселенцы обустроили молодое село, которое назвали Покровским. Вилкин переименовал фамилию на Новых («За новой жизнью приехали!»). Грамотного Ефима Вилкина-Новых избрали волостным старшиной.

По видности «высокого положения» отца в крестьянском мире сын его Григорий от земледельческого труда отлынивал, смолоду предпочитал жизнь «в отходе». Житейского опыта набирался санитаром в тюменской больнице от врачей — иные из них были радикально настроены. В тобольском трактире «Не рыдай!», где служил в половых, и вкусил прелесть водки и вина. От коновалов познавал врачебные тайны, рожденные народным разумом, записанные в древние книги... Всего лишь за пять лет до своего появления в семействе Романовых однажды темной сибирской ночью он был застигнут в чужой деревенской конюшне и тяжело бит за попытку украсть лошадей. Община села Покровское просила власти о выселении Распутина. Пока прошение рассматривалось, он ушел сам.

В странствиях начинается его «преображение». Он бродит по монастырям и приходам. Научился читать по-церковнославянски, усвоил манеру молиться крикливо и припадочно. В родное село возвратился уже в образа «божьего человека». Заявил себя хлыстом. Хлыстовщина

(переделано из «христовщины») провозглашала отход от официальной Православной церкви и следование заповеди: «Святому Духу верьте». Дух же этот «говорит» с верующими во время «хождения по кругу» — хороводной пляски, сопровождающейся пением, выкриками и бичеванием. Высшим проявлением «радений» в некоторых «кораблях» стал «обряд христианской любви» — беспорядочное половое общение всех участников и участниц моления.

В этой вере Распутин оказался в своей стихии. Всевышнему потребен грех — он Всевышнему угодит. И пошли на Покровском «корабле» с преимущественно женским «экипажем» ночные радения со свальным непотребством. Местный исправник документально закрепил обретенное Григорием Новых от односельчан прозвище «Распутин». Не успели власти непотребство пресечь — Григорий снова сбежал из родного села.

В 1902 г. с рекомендательной запиской от викария Казанской епархии Григорий предстал перед ректором Петербургской Духовной академии Сергием. В кабинете Сергия находился инспектор академии, негласный духовник царской четы Феофан. По долгу службы и по силе убеждений Феофан должен был бы преследовать хлыстовщину. Но долг был потеснен заботой об облегчении душевных страданий императрицы Александры Федоровны, о которых духовный ее отец знал досконально.

Медицинские авторитеты свидетельствуют: царица страдала психопатией и нуждалась в успокаивающем воздействии. Подверженная сильнейшему религиозному мистицизму, она принимала поддержку заграничных спиритов, что вызвало озабоченность православных церковных иерархов, в особенности архимандрита Феофана. Было решено найти и доставить в Зимний дворец своего природного, российского «божьего человека». Способного целителя, из мужиков. Из крестьян, которые «царя любят».

Вот почему царский духовник Феофан познакомил в общежитии Духовной академии «богомольца» Распутина с Анастасией Черногорской, женой великого князя Николая Николаевича. Феофан же вручил Распутину ключ к успеху его проникновения в свет: дал совет проповедовать грех, призывать «так согрешить, чтобы каяться крепче!» Великокняжеская пара сводит странника с императрицей, а затем и с царем. Первое приглашение во дворец, где Григорий предложил «и грех, и блаженство, и спасение». Спасение — потому что Григорий сумел средствами внушения остановить кровотечение у наследника Алексея, страдавшего несвертываемостью крови. Наследник, несомненно, испытал нечто вроде гипнотического воздействия «старца». То же следует сказать и о царице, и о царе.

Однако после представления в Зимнем дворце Распутин запросился в Сибирь и уехал в родное село. Там в 1905 г. произошла его знаменательная встреча с активистом монархического и черносотенного «Союза русского народа» протоиереем Восторговым. Будучи во время избирательной кампании по выборам в Первую Государственную думу в Сибири, в селе Покровском, Восторгов на собрании избирателей-крестьян заявил, что, по его убеждению, крестьяне не должны получить никакой дополнительной земли до тех пор, пока их выборные в Думу не пройдут туда по партийным спискам «Союза русского народа». В ответ он услышал насмешливый голос мужика. Мужик посоветовал ему оставить «царство небесное для партийных» себе. Им, хлеборобам, «царство» нужно здесь, на земле, и «царство мужицкое», без чиновников, с царем-батюшкой во главе. Это был голос Григория Распутина.

Вот тогда-то и пришла Восторгову мысль, чтобы этот хваткий мужик сделался глашатаем идей «Союза русского народа». Ссылаясь на пример Григория Распутина, он по возвращении в Петербург предложил «выбирать из глубины захолустья здравомыслящих крестьян, обладающих даром речи, способных защитить мужицкий интерес и преданных царю. Пусть они станут агитаторами могучего национального движения».

Распутин был на казенный счет доставлен в Петербург. Протоиерей Восторгов и стал первым политическим наставником Распутина. Учил пронимать своих слушателей, особенно светских, не «словом Божиим», не «по святости», а держаться тональности прямых обличений в грехах — стяжательстве, праздности, блуде. Следуя этим наставлениям, Распутин громыхал в великокняжеских покоях. «Если бы вы, великие-развеликие, эдак-то не резвились бы на шее у народа, так, может, и революциев никаких не было бы!» В 1907 г. Распутин стал придворным и был зачислен в императорский штат с титулом «зожигателя царских лампад».

«Мужицкий демократизм»

Главная причина появления Распутина в Зимнем, безусловно, политическая. Он был приближен к царствующей фамилии в ответ на кровавые события 9 января 1905 г. для живого подкрепления мифа о «народности самодержавия». Этим он был — психологически — необходим последним Романовым. Его выбор как фаворита был предопределен не только их интеллектуальным уровнем (в другом случае фаворит мог бы быть поинтеллигентнее), но и идейным обликом. Истерический мистицизм царицы, как и демонстративное «неославянофильское народничество» царя требовали, чтобы фаворит был «мужиком».

Авторитетный С. Ю. Витте писал (правда, когда был уже не у дел): «Поистине нет ничего более талантливого, чем талантливый русский мужик. Какой это своеобразный, какой самобытный тип...»

И понятно, почему многие тысячи русских людей преклонялись перед «старцем». Невольно этому способствовала как правочерносо-тенная, так и леволиберальная, включая и революционную, печать, которая нещадно травила Распутина, обвиняя его во всех смертных грехах (пьянство, распутство, взятки, «шпионаж» в пользу германцев). Народно-крестьянская молва видела в Распутине «сына Божьего» — сына крестьянского, который самим Богом был приближен к царской семье и малолетнему наследнику. Он-то, «старец», и должен был — «в обход всех господ» — влиять «по-правильному на царя, его семью в пользу народа и России». В этом-то и заключалось одно из главных проявлений мужицкого демократизма Распутина.

Он точно определял и безоговорочно поддерживал главные установки Николая II. В этом и заключается источник «почти оккультной силы» воздействия Распутина на последнего царя. У Распутина возникла репутация универсального консультанта, в его кружке обсуждались важнейшие государственные вопросы. Распутина посылают давать советы министрам: «Наш Друг виделся с Барком (министр финансов. — *Авт.*), и они хорошо поговорили в течение двух часов», — из письма царицы в Ставку от 11 мая 1915 г. А затем и выбирать министров: 11 ноября 1915 г. царица — царю: «В городе опять ужасно ворчат на милого старого Горемыкина, прямо отчаяние. Завтра Гр(игорий) повидает старого...»

Надо отметить несомненную понятливость Распутина в продовольственном вопросе, том самом, на котором Романовы в конце концов сломали себе шею. В октябре 1915 г. царица писала мужу в Ставку: «Мы видели нашего Друга вчера вечером. Он в общем спокоен насчет войны, но другой вопрос его сильно мучит и Он в течение двух часов почти ни о чем другом не говорил — Дело в том, что ты должен приказать чтобы немедленно пропустили вагоны с мукой, маслом и сахаром — Ему ночью было вроде видения — все города, железные дороги и т.д. — трудно передать Его рассказ, но он говорит, что это все очень серьезно, и тогда не будет забастовок, только для организации такого дела необходимо послать кого-нибудь от тебя. Это в данную минуту даже более необходимо, чем снаряды или мясо».

Достоверные источники свидетельствуют, что самолюбивый царь далеко не всегда безропотно внимал советам «старца» (так, рекомендации Распутина по продовольственному делу были царем проигнорированы.). В одном из его писем царице 1916 г. можно прочесть:

«Мнения вашего Друга о людях бывают иногда очень странными, поэтому надо быть осторожным, особенно при назначении на высокие должности». И в другом письме: «Только прошу тебя, не вмешивай нашего Друга. Ответственность несу я и поэтому желаю быть свободным в своем выборе».

Бывало и так, что «старца» и вовсе изгоняли из дворца. Например, после одного из слишком уж шумных кутежей в «Яре» в 1914 г. Николай II не пожелал тогда слушать оправданий Распутина. Но монарх неизменно менял гнев на милость — Распутин возвращался. Царскому двору, переживавшему неслыханное в России падение нравов, Распутин был необходим. Питирим, один из влиятельнейших деятелей церковного клира, поучал: «Богу молись, а чёрта не трогай, хоть нечистая, а все же сила».

Эта сила оглушительно сказала в освобождении из петропавловского заключения бывшего военного министра В. А. Сухомлинова, обвиненного в государственной измене. Жена министра, веселая и кокетливая красавица Е. В. Сухомлинова, отправилась к Распутину, вступила с ним в «известные отношения» (определение официального документа), добралась до Вырубовой, та свела ее с императрицей, и Сухомлинов увидел свободу. «Ведь это не шутки, — горестно сетовал В. В. Шульгин, — выпустить из тюрьмы во время войны главного военного преступника, обвинявшегося в измене, имя которого стало притчей во языцех».

Сам император и императрица прекрасно знали о многих пьяных безобразиях, и о сексуальных «подвигах» своего фаворита, и даже о его бахвальстве по поводу собственных властных решений. У них не было оснований не доверять этим фактам. Они искали (и находили) им оправдание. Что касается разнузданности Распутина, то она легко оправдывалась его «мужицким» обликом и ссылкой на необходимость греха для покаяния. Но вот если бы Распутин покусился на принцип самодержавия, если бы ему вздумалось «посоветовать» учредить ответственное перед Думой правительство или назначить вместо бюрократического холуя Штюрмера премьер-министром независимого политика П. Н. Милюкова, то судьба его при дворе решилась бы очень быстро, несмотря на «святость».

Убийство

В конце концов власти распорядились о запрете упоминаний имени Распутина в печати. Но сквозь все запреты и препоны правда о Распутине, распутинцах распространялась — в обществе, в армии, в на-

роде. И фольклор отразил грандиозный сдвиг в народном отношении к царю — именно в связи со «старцем». С середины 1915 г. широчайшее распространение получила поговорка: «Царь с Егорием, а царица — с Григорием». Ее содержание вряд ли было корректным — Распутин знал свой «край» и не преступил черты, грозившей обвалом всей его жизни. Существенно, что фольклор — впервые в истории России! — покусился на достоинство царя. Без этого противосамодержавная Февральская революция была бы невозможна.

Причем главными обличителями Распутина были вовсе не либералы, а рыцари «белой монархии». Ведь не либералы произносили в Думе обличения вроде следующего: «В былые годы, в былые столетия Гришка Отрепьев колебал основы русской державы. Гришка Отрепьев воскрес в Гришке Распутине, но этот Гришка, живущий при других условиях, опаснее Гришки Отрепьева. Да не будет Гришка Распутин руководителем русской внутренней, общественной жизни!» Это обличение принадлежит монархисту В. М. Пуришкевичу.

Сторонники российского самодержавия действовали решительно. Чувствуя, чем им грезят безумства императрицы, свидетельствует посол Франции в Петербурге М. Палеолог — «решили защищать императора, если понадобится, даже против его воли». Еще в марте 1916 г. среди генералов и офицеров Ставки ходили слухи, что министр внутренних дел А. Н. Хвостов готовит «убийство Гришки».

Заговор против Г. Е. Распутина окончательно созрел еще в начале ноября 1916 г. Его возглавили молодой князь Ф. Ф. Юсупов, известный монархист-думец В. М. Пуришкевич, великий князь Дмитрий Павлович Романов. Это было правомонархическое крыло заговора. Но было еще и праволиберальное крыло: в него входили А. И. Гучков — лидер партии октябристов — и известный политический деятель В. А. Маклаков — один из лидеров кадетской партии. Распутина заманили в западню, как одичалого волка.

Еще до войны князь Ф. Ф. Юсупов сватался, а затем женился на племяннице Николая II — великой княгине Ирине Александровне, дочери великого князя Александра Михайловича и старшей сестры царя Ксении Александровны. Ирина была красавицей, и это знал Распутин из рассказов императрицы и своей приятельницы Анны Вырубовой, хотя с великой княгиней никогда не встречался.

В ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. в начале второго ночи Юсупов на военной легковой автомашине привез к себе во дворец (вернее, его боковой флигель — Мойка, дом 92) Распутина, забрав его прямо с квартиры (Гороховая, дом 64). Привез под предлогом предстоящей встречи «старца» с Ириной Александровной. Это был прямой обман,

ибо в эти дни великая княгиня отсутствовала в Петрограде, отдыхая в Крыму. В числе убийц помимо Ф. Ф. Юсупова, В. М. Пуришкевича, великого князя Дмитрия Павловича также оказались военный врач — поляк С. С. Лазаверт и фронтовик-поручик А. С. Сухотин.

Известно ли было убийцам Распутина православное поверье, что утопленники не могут быть причислены к лику святых? Но оставшийся в живых после многих пулевых ранений Распутин был именно и как бы предусмотрительно утоплен. Распутин до конца оставался близок и дорог царю, его семье. Свидетельство тому — запись в его дневнике от 21 декабря 1916 г., спустя четыре дня после убийства: «Гроб с телом незабвенного Григория, убитого в ночь на 17 декабря извергами в доме Ф. Юсупова, стоял уже опущенным в могилу...»

Последствия этого убийства для российской монархии оказались катастрофическими. Ужасаясь того, что «Бог отвернулся», царица опустила руки. Убийство Распутина, предельно близкого к царской семье, показало всем, что все дозволено. Как с отвращением писал П. Н. Милюков, это убийство было попыткой решить «дело по-византийски» — предотвратить революцию. Попытка не удалась. В результате Февральской революции 1917 г. монархия пала.

В. М. ФАЛЕЕВ

За что убили Григория?

(Новые материалы к биографии Г. Е. Распутина)¹

...если бы Государь послушался Распутина и заключил бы тот самый Брест-Литовский мир, то в России не было бы революции.

Зинаида Шаховская

Он был убит за сутки до нового, 1917 года... Молодой князь Феликс Юсупов пригласил старца Григория в свой дворец побеседовать с вернувшейся из Крыма Ириной: жена Феликса «обещала» рассказать Распутину о вдовствующей императрице, матери Николая II, мнением которой Григорий Ефимович очень интересовался. Беседу наметили поздно вечером. В двенадцать во дворце на Мойке собрались заговорщики: хозяин дворца князь Феликс Юсупов, великий князь Дмитрий Павлович, депутат Государственной Думы В. М. Пуришкевич, поручик Сухотин и врач Станислав Лазаверт. Феликс на автомобиле поехал на улицу Гороховую, к дому 64, за старцем Григорием. Есть свидетельства, что Распутин предчувствовал свою смерть, но в этот поздний час он сел в автомобиль с «маленьким», как он ласково называл будущего своего убийцу. Беседа с Ириной предстояла в подвальной комнате, где был сервирован стол — в нужные стаканы и в пирожное был подсыпан цианистый калий. Позже, уже находясь в эмиграции, Маклаков признался, что дал заговорщикам вместо яда аспирин, поэтому выпитое Распутиным вино (две рюмки) не убило его, зато эпизод с аспирином породил медицинский миф о демоническом здоровье крестьянина Григория Ефимовича.

Ожидание Распутиным жены Феликса Ирины было напрасным — она еще не вернулась в Петербург, а «яд» не убивал его. И тогда Феликс, близкий к панике, одним выстрелом в упор из браунинга уложил «святого чёрта» на пол. Злоумышленники спустились со второго этажа, удостоверились в смерти советника императора и удалились наверх.

¹ Печатается по: Дорогами тысячелетий. Сборник исторических статей и очерков. М., 1991. Кн. 4. С. 161–194.

И тут вскоре Феликс, как всякий убийца, беспричинно возвратился к месту своего преступления, вошел в нижнюю комнату и остолбенел: «мертвый» старец поднялся с пола, резким жестом сорвал с полуживого князя эполет и устремился к выходу. В состоянии истерики князь помчался наверх, откуда на его ужасный крик выбежал идеолог войны до победного конца Пуришкевич, который, догнав Распутина во дворе, дважды выстрелил из пистолета, но промахнулся, зато две следующие пули попали в спину и в голову старцу; и еще пнул его в висок. А потом еще князь в ярости пинал и бил гирей по голове лежащий труп. Тело они увезли в автомобиле и утопили в проруби реки. Возможно, что Распутин находился в бессознательном состоянии и смерть наступила только в воде.

Убийство Распутина без суда и следствия — начало государственного переворота: «Пуля, его прикончившая, попала в самое сердце династии» (А. Блок).

Десять лет старец Григорий был ближайшим советником императора Николая II. Другом его семьи. Никто не вправе назначать монарху друзей. Великие князья написали Николаю II просьбу «смягчить участь» великому князю Дмитрию Павловичу за участие в убийстве Распутина; на прошении император начертал знаменитую резолюцию: «Никому не дано право заниматься убийством». В этой фразе легко разглядеть отблеск философской формулы: «Если любишь, то никого и не убьешь...» (см.: Г. Распутин «Мои мысли и размышления»). Неудивительно, что все ближайшее окружение старца Григория Ефимовича руководствовалось его идеологией: «Правительство не может становиться на пути мафии» (С. П. Белецкий); «...уже целые годы мне говорят то же самое: “Россия любит почувствовать хлыст” — это их природа — нежная любовь, а потом железная рука, чтобы карать и направлять» (императрица Александра Федоровна).

Дело не в афоризмах, а в установках. «Если любишь, то никого и не убьешь...» — это убеждение Григория Ефимовича; этим убеждением он руководствовался во время Балканских войн.

«Вот, брат, при дворе-то было много охотников воевать с Австрией из-за каких-то земель. Но я, дружок, отговаривал папу, потому не время, нужно дома в порядок все привести» (свидетельство Илиодора). «Воевать вообще не стоит: лишать жизни друг друга, отнимать блага жизни, нарушать завет Христа и преждевременно убивать собственную душу» (свидетельство Н. Дурново). «Во время Балканской войны 1912 года он сказал свое решающее слово» (граф Витте — о Распутине). Этим же заветом Распутин руководствовался, посылая телеграмму царю из Тюмени в первые дни Первой мировой войны: «Знаю,

все от тебя войны хотят, и верные, не зная, что ради гибели. Тяжко Божье наказание, когда уж отымет путь, начало конца. Ты царь, отец народа, не попусти безумным торжествовать и погубить себя и народ». Предотвращение войны и заключение мира с Германией, когда война уже вспыхнула, — это был, по всей видимости, единственно спасительный вариант разрешения кризиса, в котором оказалась Россия в 1914–1918 годах.

Что же сделало старца Григория прозорливцем? Его философская установка: «Если любишь, то никого и не убьешь...»?

Зинаида Шаховская недавно в своем интервью Феликсу Медведеву сказала: «Я знала Феликса Юсупова, он был недалекий, добрый человек. Однажды я ему сказала, что если бы тогда, в плохое время, не ухлопали Распутина и если бы государь послушался Распутина и заключил бы тот самый Брест-Литовский договор, то в России не было бы революции. И вы, — сказала я вашему тезке, — сидели бы в своем имении в Архангельском, а я была бы в Париже женой посла. Все самое трагическое началось с войны, с немцев...» (Книжное обозрение. 9 марта 1990 г.).

Понять деятельность Григория Распутина можно, только уяснив его философию. И тут байками и анекдотами, которые изобретают острословы по его адресу, никак не обойтись. Феномен крестьянина Григория Ефимовича, проблема его личности — подлинной, а не фантастической — чрезвычайно интересны, а быть может, и поучительны.

Через два месяца после убийства Распутина-Нового вспыхнула Февральская революция, 2 марта император Николай II отрекся от престола. Распутин оказался прав: «Наследник жив, покуда жив я. Моя смерть будет вашей смертью».

Почему Николай II не послушался Григория и не заключил мир с Германией? Потому, что военная партия, возглавляемая великим князем Николаем Николаевичем, была сильнее воли императора; потому, что аппарат власти Николая II не был послушным ему инструментом. Григорий Распутин пытался создать сильную исполнительную власть в стране, но это ему не удалось... Временное правительство действовало, конечно же, вопреки пророчествам старца Григория...

Кто же он — Григорий Ефимович? Вождь духовных христиан — особого ордена, который издавна существует в России. Где тому доказательства? Мы останавливаемся перед штормовым морем литературы о Григории Распутине, переплыть это море в одиночку рискованно. Научных исследований о жизни и деятельности Г. Е. Распутина-Нового пока нет.

Имеется семь томов «Падения царского режима» (Л., 1924–1927 гг.) — это стенографические отчеты допросов и показаний, собранные Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства в 1917 году. Взметнувшийся вихрь Октябрьской революции не дал возможности довести незаконное дело законным способом. Многие соратники старца Григория были убиты, другие сбежали за границу.

Суд истории самый справедливый и милосердный. В настоящее время препятствием для научного исследования жизни и деятельности крестьянина из села Покровского Тобольской губернии является общемировой миф о Вселенском Черте, созданный мемуарами убийц Распутина: Илиодора, Пуришкевича, Юсупова и других противников старца Григория.

В Тюмени готовится к изданию трехтомный указатель литературы «Религия, свободомыслие и атеизм в Тюменском крае», составленный библиографом Артуром Чернышовым; в указателе есть раздел «Распутин и распутинщина», охватывающий 670 названий книг и статей. Особую ценность для понимания личности старца Григория представляют его самоличные писания: «Житие опытного странника. (Май 1907 г.)» — ЦГАОР, ф. 612, оп. 1, д. 31; «Мои мысли и размышления. Краткое описание путешествия по святым местам и вызванные им размышления по религиозным вопросам». — Отдельная брошюра 1911 года. Текст опубликован также в книге «За кулисами царизма. (Архив тибетского врача Бадмаева)», редакция и вступительная статья В. П. Семенникова. Л., 1925 г.; «Великие торжества в Киеве! Посещение высочайшей семьи! Ангельский привет!» — отдельная брошюра, Спб., 1911 (тип М. П. Фроловой). Назовем еще статью «Детство и грех», опубликованную в журнале «Дым Отечества» — 1913 г., № 20 (16 мая), где запись высказываний Распутина сделана редактором А. Л. Гарязиным. Чрезвычайно ценна фотокопия собственноручной телеграммы Г. Е. Распутина-Нового императору Николаю II, посланная в августе 1914 года и опубликованная в книге «La Revolution Russe» (editions, R. S. T., Париж, 1968 г. с ил.).

Почти не были в научном обороте материалы «Дело Тобольской духовной консистории» (24 мая — 1 июня 1912 г.) по поводу хлыстоства Григория Распутина; дело хранится в Тобольском госархиве. Там же три тома «Дела о покушении на убийство крестьянина села Покровского Григория Ефимовича Распутина-Нового (9 и 1454 ст. Уложения о Наказании)» — 1914 г., ф. 164, оп. 1, ед. хр. 436.

Бывший директор Покровской средней школы Бронислав Котляров передал мне копию рукописи Д. Я. Круглова «Григорий Распутин», в которой есть глава «В селе Покровском», написанная Кругловым в 1967 го-

ду после беседы с Марией Васильевной Распутиной — женой Максима Петровича Распутина, троюродного брата Г. Е. Распутина-Нового.

В своей работе над биографическим очерком о Г. Е. Распутине-Новом я руководствовался и впечатлениями от моих встреч с жителями села Покровского, где когда-то жил старец Григорий, с историками, краеведами, любителями истории Тюмени, Тобольска, Верхотурья, Свердловска, где бывал Распутин и оставил о себе память, а также исследованиями о «духовных христианах», беседами с новым поколением духовных братьев Григория Ефимовича, которые почитают своего вождя старца Григория.

Каким же был Григорий Ефимович Распутин-Новый? Таким ли, каким изображают его, скажем, кинолента «Агония», роман Пикуля «Нечистая сила» или книга М. К. Касвинова «Двадцать три ступени вниз»? Нет, он был совсем иной личностью...

* * *

Село Покровское, где в крестьянской избе 10 января 1864* года родился младенец, названный Гришей, на высоком живописном левом берегу реки Туры; село в восьмидесяти километрах от Тюмени и почти в двухстах — от Тобольска. Ныне рядом с Покровским пролегла асфальтовая магистраль, а прежде правительственный тракт гнал ямщицкие тройки здесь по берегу реки от города Верхотурья (с Урала) через Туринск и Тюмень к Тобольску, откуда по рекам Тоболу, Иртышу и Оби были доступны огромные просторы Западной Сибири и Казахстана. Отец Григория — Ефим Яковлевич Распутин, хозяин избы и земельного надела, зимой занимался извозом, летом иногда работал грузчиком на пароходах и баржах. Гриша был единственным сыном в семье. В селе проживало несколько семей с фамилией Распутины — ближние и дальние родственники Григория: Василий Алексеевич Распутин, Михаил Федорович Распутин, Максим Петрович Распутин и др.

Гриша рос бойким сельским мальчиком, рано приобщился к труду — пахал с отцом поле, убирал осенью урожай, пас скот, ловил рыбу в реке Туре и окрестных озерах, особенно на озере Большом, а как подрос, то занимался извозом. В школе не учился, как и большинство его сверстников.

* Дата 10 января подтверждается С. П. Белецким, см.: Падение царского режима. Л., 1925. Т. IV. С. 439.

Однажды в юности, работая на току во время молотбы хлеба, Гриша воткнул лопату в ворох зерна и ушел со двора, ничего никому не объяснив. После этого он стал странником, богомольцем, «блаженным», собирал в селах деньги у храмов на строительство какой-то церкви.

Одна из поклонниц Григория Ефимовича позже написала «Житие» его, где рассказывала: будто бы ему во сне явился верхотурский Симеон-праведник и чудотворец, посоветовав бросить худые дела и пойти из села за сотни километров в Верхотурье (это верст пятьсот!) в монастырь помолиться, обещая сделать его великим человеком.

Легенды, распространенные в селе Покровском, не противостоят идеологии и практике духовных христиан. По всей видимости, Григорий был рано приобщен к тайной секте, которая по своим принципам (заповедям) близка к ныне живому толку субботников. Сам Григорий Ефимович в своей брошюре «Житие опытного странника. (Май 1907 г.)» рассказал: «Когда я жил сперва, как говорится, в мире до 28 лет, то был с миром, то есть любил мир и то, что в мире». Получается, он был принят в общину духовных христиан только в 1892 году. У нас нет фактов, чтобы усомниться в признании Григория Ефимовича, хотя маловероятно, чтобы такая таинственная партия-орден, какой была богатая община-кооператив христововеров, использующая утонченные приемы конспирации, позволила бы своему старцу себя рассекретить. Он много ходил по России, по святым местам, очевидно, посещал «кораблики» (ячейки духовных христиан), бывал в монастырях. Смысл хождений легко объясняется, если знать, что территория христововерских общин огромна, филиалы («флотилии») разбросаны по всем губерниям, рассеяны по уездам, селам и деревням. Для поддержания связи между ними применяются связники: летучие ангелы — «серафимы» и «херувимы», умеющие спастись от разбойников и полицейских, от церковников и плохой погоды, вынужденные «преображаться» в юродивых.

В «Житии» Григорий не скрывает своих злоключений, эти несчастья и общение с природой великолепно описаны им. «В паломничестве мне приходилось переносить нередко всякие беды и напасти, так приходилось, что убийцы предпринимали против меня, что разные были погони, но на все милость Божья! То скажут, одежда неладная, то в чем-нибудь да забудутся клеветники неправды. С ночлега уходил с полночи». «Я шел по 40–50 верст в день и не спрашивал ни бури, ни ветра, ни дождя. Мне редко приходилось кушать. По Тамбовской губернии на одних картошках, не имел с собой капитала и не собирал вовек: придется, Бог пошлет, с ночлегом пустят — тут и покушаю. Так не один раз приходил в Киев из Тобольска, не переменял белья

по полугоду и не налагал руки до тела — это вериги тайные, то есть это делал для опыта и испытания. Нередко шел по три дня, вкушая самую малость. В жаркие дни налагал на себя пост, не пил квасу, а работал с поденщиками, как и они; работал и убегал в кусты молиться. Не один раз пахал пашню и убегал на отдохновение на молитву. Когда коней пас — молился. Эта отрада мне послужила за все и про все.

Ходил берегами, в природе находил утешение...»

В 29 лет Григорий женился на девушке из соседнего села Дубровного, крестьянке Прасковье, очень бедной; в 1896 году родилась дочь Матрена, в 1897-м — сын Дмитрий, в 1899-м — дочь Варвара. Но более любопытно не это, а легенда о том, что в начале девяностых годов через Тобольск и село Покровское проезжал какой-то важный монах, и Григорий оказался ямщиком, вез монаха по тракту за сотни верст в Верхотурье. В дороге — от монастыря к монастырю — беседовали о спасении и стали друзьями. Похоже, что пассажиром был молодой монах Сергей (Иван Николаевич Страгородский), возвращавшийся из Японии сибирским путем в Петербург. Посетив паломником Казань, Царицын, Новый Афон, Соловецкий монастырь, Москву и святые места Сергия Радонежского, «блаженный» Григорий примерно в 1904 году прибыл в Петербург и обратился к епископу Сергию.

Сергий стал епископом в 1901 году, а в 1904 году был назначен ректором Петербургской духовной академии. Распутин так описал свою встречу с ним в Петербурге.

«Я простой мужичок, когда вообще благодетелей искал, ехал из Тобольской губернии с одним рублем, посматривая по дороге по Каме, как господа лепешки валят в воду, а у меня и чайку нет на закладку. Как это было пережить! Приезжаю в Петербург. Все равно как слепой по дороге, так и я в Петербурге. Пришел первое в Александро-Невскую лавру поклониться мощам и за крыльцом (т.е. за лопатками, за спиной. — В. Ф.) у меня большой мешок с черным бельем. Отслужил молебен сиротский за 3 копейки и 2 копейки на свечу.

Выхожу из Александро-Невской лавры, спрашиваю некоего епископа духовной академии Сергия. Полиция подошла, “какой ты есть епископу друг, ты — хулиган, приятель”. По милости Божьей пробежал задними воротами, разыскал швейцара с помощью привратников. Швейцар оказал мне милость, дав в шею; я стал перед ним на колени, он что-то особенное понял во мне и доложил епископу; епископ призвал меня, увидел, и вот мы стали беседовать тогда. Рассказывал мне о Петербурге, знакомил с улицами и прочим, а потом с Высокопоставленными, а там дошло и до Батюшки Царя, который оказал мне милость, понял меня и дал денег на храм. Я с радостью

поехал домой и обратился к священникам о постройке нового храма. Враг же, как ненавистник добрых дел, еще не успел я доехать, всех соблазнил. Я им оказываю помощь в постройке храма, а они ищут меня в пагубной ереси обвинить и такую чушь порят, даже нельзя высказать и на ум не придет». «Обвиняют меня как поборника самых низких и грязных сект, и архиерей всячески восстает».

До 17 октября 1905 года, пока не был провозглашен Манифест о веротерпимости, в России всякое отклонение от православия обругивалось ересью, сектантством и преследовалось. «Житие опытного странника. (Май 1907 г.)» — не простая автобиография Распутина, это смелая программа христововеров, выраженная через Григория Ефимовича; в «Житии» провозглашены идеи реформации Русской православной церкви, кратко изложено учение духовных христиан, обозначены цели их деятельности по обучению и воспитанию крестьянства.

Распутин излагает теорию о Человеке. По учению Григория Ефимовича, бездуховный человек (без обучения) — враг-злодей; он легко соблазняется на все, что угодно; опыт приходит в испытаниях, в практических проверках, в самопознании и дает понимание самого себя и окружающих людей. Христос — не только живший когда-то Иисус Христос, но это и приобретаемые каждым человеком опыт, умения, навыки, смекалка, знания. «Всякий мужчина может стать Христом, каждая женщины Богородицей». Спасают опытного не молитвы, не смирение, а умение. «Христов много, а живой бог один». У такого опытного человека — Христа и надо учиться. «Живого Христа» можно приобрести в себя в период испытания. Говоря современными терминами, есть генотип — генетическая программа, по которой развивается из эмбриона ребенок; есть фенотип — вся совокупность органов и функций организма человека; но во время жизни и развития человек приобретает социотип — весь комплекс умений, навыков, привычек, мастерства и знаний. Вот социотип образцового, талантливого человека — это и есть «Христос»; поэтому у духовных христиан особенно ценится «Христос приобретенный». Приобретенный опыт (знания, умения, навыки) и ведет человека по истинному пути.

С момента рождений в ребенке открывается «духовный орган» — совесть, которая дает истину. «В святых Житиях сказано: нужно себя везде и повсюду проверять и исследовать, — пишет Г. Е. Распутин. — Действительно, нужно всегда себя проверять, я с этим согласен, только в середину точки зрения, а не до крайностей...» Исследуя себя, Григорий Распутин находит, что лишь через совесть можно найти праведный путь — путь спасения. «Много в обозах ходил, много ямщичал, и рыбу ловил, и пашню пахал. Действительно, это все хо-

рошо для крестьянина!» — восклицает он. Искал, «как люди спасаются». И нашел, что ни попы, ни архиереи не знают пути спасения. «Посмотрю по поводу примеров на священников — нет, все что-то не то: поет и читает резво, громко, как мужик дрова рубит топором». «Мне пришлось много бывать у архиереев, много я беседовал с ними, вот всячески испытывали. Придешь с сокрушенною душою и смиренным сердцем — их учение остается ничтожным, и слушают простые слова твои...»

Называя книжные знания Православной церкви «буквой», Григорий Распутин берет под сомнение всю ученость священников: «Вот ученость для благочестия — ничего! То есть я не критикую букву — учиться надо, но к Богу взывать ученому не приходится. Он все прошел, и не приходится ему к Богу взывать. Буква запутала ему голову и свила ноги, и не может он по стопам Спасителя ходить».

Он разделяет знание на эзотерическое (тайное, только для посвященных) и экзотерическое — для всех. Знания и опыт дают Путь Спасения духовным людям. А о Православной церкви Григорий Ефимович говорит страшное: «Спутана вся Россия, и не признает в ней паства своего пастыря, то есть на Родине надо любить Родину и в ней поставленного Батюшку — Царя — Помазанника Божия».

«В настоящее время, в такую смуту 1907 года действительно на всех не повлияешь. И Сам Господь не на всех повлиял и про некоторых заготовил ад и тьму...»

Распутин смело объясняет, что священники в большинстве своем «наемники». «Потому что они-то (гонящие) чины заслужили по букве, а от Господа далеко отстоят, и духовный орган для них как заграничный язык». По его мнению, «буква» довела страну до экономического кризиса, до смуты и разбоя. А есть на Руси «духовные люди», которые «живут по-братски от любви Божией и любят не по одной букве, а по слову Спасителя». Они беседуют и соединяются святыми тайнами, не высмеивают друг друга, не выискивают друг у друга ошибки и недостатки, но таких людей церковники преследуют — гонят.

Одна из главных заповедей христововеров, за которую Распутин называли толстовцем, высмеивали, толкуя о нем вкривь и вкось, — это заповедь Любви, понимаемая старцем Григорием как человеколюбие. «Если любишь, то никого и не убьешь» (это из его брошюры «Мои мысли и размышления»). Поэтому он был категоричным противником убийств и войн.

Итак, людей он делит на «духовных» и обычных, а священников — на «истинных» и «наемников» (служат по букве). Желая спасти русскую церковь («Храм есть прибежище, и все тут утешение»), он пред-

лагает поставить ее под влияние духовных старцев. Спасение России не в смирении и молитвах, а в умелом труде, в обновлении страны, в обновлении церкви. Он не советует крестьянам идти в монастыри, а нужно «себя более испытывать на своем селе годами; быть истинным и испытанным»; «чтобы опыт пересиливал букву, чтобы он был в тебе хозяин и чтобы жена была такая же опытная, как и сам, чтобы в мире еще потерпела бы все нужды и пережила все скорби...».

Культь Распутина — культь опыта! В статье «По Божьему Пути» он твердит: «А в чем путь Божий, знаешь ли ты? Это путь Божий и есть путь добрых дел. Твори добрые дела. Добрые дела твори, говорю я тебе, и ты будешь на пути праведников».

Бог Распутина — «бог веселый», «только веселиться нужно во Господе» («Житие опытного странника»).

Говоря об избранничестве, первым избранником он считает Государя: «Поймите силу Высших властей — Небесных Творцов, — то и земной Творец, и Управитель наш, и Создатель охраны на земле, — нас хранит и милует; поэтому радость, и ликование у всех верующих» («Великие торжества в Киеве!». 1911 г.).

Царь с армией хранит и милует всех — верующих и неверующих, в их же интересах («А у злых и у неверующих такая злоба бывает — они хотят, но у них сила ничто»). Радость и ликование, конечному преданных и верующих, а завистники и противники родины боятся солдатского «ура», поэтому бегут и скрываются.

Обновление родины предлагает осуществить через власть императора. «И служит приезд Государя к обновлению Родины»; «Никто не может дать обновления, как посещение Самого Батюшки-Царя».

Обновление, а не перестройка...

Считая себя представителем крестьянства, Распутин показывает, что он опирается на сознательную, активную, передовую часть его.

29 мая 1907 года корреспондент тюменской газеты, побывав в селе Покровском, сообщает: «На церковном сходе 9 мая прихожанам слободы Покровской церкви местным крестьянином Григорием Ефимовичем Распутиным, переименованным по указу его императорского величества в “Новых”, было предложено 5 тысяч рублей на постройку новой церкви в с. Покровском с тем, чтобы и крестьяне с своей стороны сделала хоть что-нибудь...»

Хоть что-нибудь! Распутин не благодетель, он настаивает, чтобы каждый был соучастником строительства! Далее: «Между тем более сознательная, развитая часть населения начинает поговаривать о том, что не худо бы эти деньги употребить на богоугодное, жизненное дело: на постройку новой двухклассной школы, в которой такая нужда».

Нужда в школе! Толковые мужики это понимают! А Григорий? Он и в «Житии», и в ответе корреспонденту обосновал необходимость обучения крестьян даже в гимназиях! «Мужичок мудреный, душа у него живая», но «у него ум спит», потому что он не был в гимназиях. «Неизвестно, однако, что бы с ним было, кабы поучился» («Житие опытного странника»). А журналисту: «Не строй церковь, пристрой сироту...» Мораль этой поговорки ясна и для младенца: «Настанет время и настало уже, когда испытанные поклонники будут поклоняться не в храме, и не на горе сей, а в духе и в истине...» И еще: «А таких поклонников дает только правильно поставленная школа, где в основу обучения и воспитания положены высшие заветы Христа: Свобода, Братство, Равенство и Любовь...»

Воспитание и обучение в правильно поставленной школе! Это справедливо и для наших дней!

В селе Покровском в основном на деньги Распутина были построены школа, попечителем которой он стал, и церковь (ее разобрали после войны в 1946 году на печи и на строительство МТС).

Распутин — вера передового крестьянства в образование и в опыт жизни, Распутин — вера развитого крестьянства в научно-технический прогресс, Распутин — вера в обновление церкви, в обновление государства. Вождь духовных христиан — не священник в храме, не митрополит в Петербурге, это энергичный и деятельный организатор жизни, устроитель управления государством.

За короткий срок пребывания в Петербурге Распутин познакомился со множеством лиц — подружился с редактором газеты «Россия» Г. П. Сазоновым, с графиней Игнатьевой, с великой княгиней Милицей Николаевной — женой великого князя Петра Николаевича. Петр Николаевич и Николай Николаевич — родные братья, женатые на сестрах, дочерях черногогорского царя, дружба с ними привела к дружбе с фрейлиной императрицы Анной Александровной Вырубовой. В салонах интересуются мистикой — старец Григорий гипнотизер. Наследник престола Алексей болен — его лечит. Император Николай II нуждается в советах, особенно в период революции 1905 года, — старец Григорий стал «министром души» императора, морально поддержал царя и царицу. Более того, Григорий Ефимович создал «тайную власть» императора, которая стала как бы конспиративной партией при императрице Александре Федоровне. Это был своеобразный теневой кабинет министров, и эта теневая власть должна была сформировать совет министров империи.

На допросе в Чрезвычайной следственной комиссии бывшего министра внутренних дел А. Д. Протопопова спрашивают, почему часть

окружения Распутина имела прозвища: «Александр Дмитриевич, ведь дача прозвищ — это также обычай тайных кружков. Это бывает принято в кругу людей, которые желают скрыть свои отношения». Протопопов прямого ответа не дал.

Опыт христововерской конспирации помог Распутину разделить все окружение императора на «своих» и «не-своих»; в число «своих» попали единомышленники, получившие клички: Протопопов — Калинин, епископ Варнава — Мотылек, Горемыкин — Глухарь, Штюрмер — Старикашка и т. д.; а «не-своими» оказались даже родственники царя — великие князья.

Кружок «своих», по всей видимости, имел сотни лиц, в него входило немало светских дам, ставших своеобразным «отделом кадров», дававшим характеристики тем или иным кандидатам на государственные посты.

Дамские салоны играли огромную роль; о тайном влиянии дамских кружков на политику скоро стали догадываться великие князья, например Николай Николаевич. Маленький домик фрейлины А. А. Вырубовой был местом встречи Распутина, императрицы и особо доверенных лиц. Императрица увидела в Распутине представителя народа: «Я люблю народ, крестьян. Вот Распутин действительно из народа».

Тайная придворная партия служила опорой царю. Сам Григорий Ефимович одновременно был вождем большой христововерской общины-партии из крестьян и купцов.

К 1909 году старец Григорий укрепился при царском дворце, стал популярен в народе, о нем пишут газеты. Он дружит со многими митрополитами, епископами, с Саратовским епископом Гермогеном и иеромонахом Илиодором. Великий князь Николай Николаевич находит, что старец Григорий зарвался... Между ними начинается вражда. С конца 1909 года разворачивается кампания по изгнанию Распутина из Петербурга: его высмеивают, называя «утешителем светских дам».

Однако сделаем отступление. Летом 1909 года жители села Покровского узнали, что в результате землеустройства озеро Большое, богатое рыбой, отошло в казну. Созвали сход, бывший лоцман Тимофей Кузьмич Зубов предложил мужикам собрать денег по полтине со двора и послать делегацию в Тобольск — к губернатору. Зубов вернулся из Тобольска ни с чем. Распутин сказал мужикам: «Доверьте мне охлопотать это озеро». К нему сперва относились с сомнением: еще недавно был «блаженным». Не доверили!

Вскоре через село проезжал сам губернатор. Впереди кареты по дороге скачут пристав со стражей, сзади кареты верхом на коне исправник с отрядом казаков. Губернатор подъезжает к дому, где должен остановиться; лоцмана Зубова с его делегацией не подпускают к карете, зато

губернатор сам заметил в толпе Григория Ефимовича, поздоровался. Отстранив лощмана Зубова, Григорий идет в дом, где отдыхает губернатор, возвращается к народу и подает бумагу: «Вот бумага вам на владение озером. Оно опять отходит в собственность села».

Он стал крепким хозяином в селе. Деревянный двухэтажный дом (купленный у Зубова) отделан, выкрашен, появились резные наличники, балясины. На первом этаже — шесть комнат и коридор, на втором этаже — тоже шесть комнат и коридор. Глубокие подвальные помещения. Ходят слухи, что между двумя домами на усадьбе был подземный ход; мне рассказывали, что будто бы имелся ход к берегу реки Туры. Главный фасад избы смотрел на тобольский тракт, другие окна — на берег реки. На первом этаже жили члены семьи Распутина, тут же прислуга, богомольцы, несколько лет жила в доме петербургская богомолка Ольга Лохтина, монах со Старого Афона Дмитрий Печеркин, его сестра Евдокия Печеркина (она работала по хозяйству).

Второй этаж — богато убранные комнаты, бархатные шторы, ковры, иконы, портреты членов императорской семьи, дорогая люстра с большими керосиновыми лампами; стены оклеены цветными обоями, потолки расписаны красками в виде сюжетов из Божественного Писания. На стене большой гостиной панно с изображением Страшного суда Господня над грешниками.

В этом доме в декабре 1909 года побывал гостем иеромонах Илиодор (Сергей Труфанов). В нем Григорий Ефимович ошибся: иеромонах выкрал из сундука письма императрицы и ее дочерей к Распутину. Выкрал с коварными намерениями, с умыслом.

В январе 1910 года Михаил Новоселов, издатель религиозно-философского журнала, открыл клеветническую кампанию против Распутина. Он обратился к епископам: «Почему молчат они, стражи Израилевы, когда в письмах ко мне некоторые из них откровенно называют этого служителя хлыстом, эротоманом, шарлатаном?» (Заметим: о «пьянстве» Григория еще нет ни слова!)

«Хлыст» — христововер. Русских ругают «кацапами», украинцев — «хохлами», а христововеров — «хлыстами». Газеты сперва из любопытства подхватывают ругательство. В марте 1910 года Новоселов повторяет выпад: «Мне достоверно известно, что этот самый “старец” — эротоман, из религиозных якобы побуждений и с религиозными целями устраивает, несомненно, у себя на родине, а, вероятно, и в других местах своеобразные “собеседования” с обольщенными его “святостью” поклонницами». Выдумка газетам все больше нравится! Появляются фельетоны: «Мы не питаем интереса ни к одному пункту программы совместной с бабами и великосветскими дамами мытью в банях, так что

Григорий Распутин приносит в политику нечто новое». Обыгрывается фамилия Распутин, она якобы произошла от «распутства», хотя это не так: «распустити» — «развестить».

Часть руководящего духовенства разделяет убеждения Григория Распутина, другие церковные деятели порицают его как еретика. К декабрю 1911 года созрел план устранения Григория Ефимовича от царского дворца. Главный противник старца — великий князь Николай Николаевич, это видно, например, по дневнику военного министра А. А. Поливанова. «Предает» Григория Ефимовича епископ Феофан, который был его другом. Отворачивается от старца Григория епископ Гермоген.

В один из дней декабря в Петербурге иеромонах Илиодор (держатель украденных у Распутина писем императрицы и ее дочерей) привез ничего не подозревавшего Григория Ефимовича в гости на квартиру к Гермогену, на Ярославское подворье. Там поджидали епископ Гермоген, юродивый Митя Козельский и казак-писатель И. А. Родионов. Ультиматум: или ты, Гриша, исчезнешь из столицы, или будешь убит. Иеромонах Илиодор почему-то сильно ревновал Григория Распутина к царицынской монахини Ксении Гончаренковой. Это позже нашло отражение в его памфлете «Святой чёрт». Труфанов убежден, что старец Григорий «растлил» молодую монахиню Ксению, об этом он прожужжал уши всем своим друзьям, в том числе Родионову, епископу Гермогену, монахиням города Царицына. Но «молодой» монахини Ксении было в ту пору уже не 28 лет (как пишет Труфанов), а 38 лет, сама она позже (осенью 1914 года) заявила на следствии, что почитала только иеромонаха Илиодора, что Распутина видела один раз в жизни. Ревность ослепила Сергея Труфанова, сделала его смертельным врагом Распутина и преступником-террористом.

В своей квартире могучий Гермоген ругал и бил Распутина нагрудным крестом; в старца Григория плевали, ему разбили нос, требуя встать на колени: «На колени перед святыми иконами! Клянись, что ты не посмеешь переступить порог дворца нашего возлюбленного Царя!» Оказавшись в ловушке, Григорий повинился. И был отпущен. Он нашел способ быстро парализовать деятельность своих врагов: Гермогена решением Святейшего синода выслали в Жировицкий монастырь, иеромонаха Илиодора — во Флорищеву пустынь. Впрочем, оба сначала упирались. Отказывались ехать, искали защиты у великих князей, надеясь донести все сведения о Распутине императору. Для этой цели был подключен «тибетский врач» Бадмаев (Илиодор скрывался несколько дней в его доме). «Козырь» Илиодора — краденое письмо Александры Федоровны к Григорию Ефимовичу... Бадмаев сносится

записками с комендантом царского дворца Дедюлиным; получил от Илиодора копии писем императрицы и дочерей, осмеливается отдать их председателю Государственной Думы М. В. Родзянке. Это уже акция не только против старца Григория, но и против царя!

Какие еще «kozyри» у иеромонаха Илиодора? Он яростно строчит и строчит разоблачительные письма. Вспоминает все, что слышал от Распутина, разумеется, привирает и фантазирует: «Гришка мне говорил однажды буквально следующее: “Папа (царь) взял меня один раз за плечо, устремился в меня глазами и говорит: “Григорий — ты Христос, право, Христос!”» По мнению Сергея Труфанова, это ужасно. Но император Николай II знал Григория Ефимовича и понимал значение слова «Христос» так, как истолковывают этот термин духовные люди: Христос — опыт, знание, умение; христос — толковый, прозорливый человек. Прав Григорий Ефимович, что буква запутала все головы: «Спутана вся Россия...»

«Генеральный штаб Григория Ефимовича в Петербурге, — докладывал хитрый Бадмаев Родзянке, — г-жа Вырубова, семья Танеева, Пистолькорс, Головина, Сазонова, Даманского, Саблера (было графа Витте, но зачеркнуто. — *Примеч.*) и епископ Варнава и все лица, которые находятся в тесной с ним связи. Лица, обязанные Вырубовой, тщательно охраняют его очаг».

«Штаб» Григория Распутина обозначен верно, но штабом руководил не только старец, но и императрица Александра Федоровна. Сам Григорий Ефимович принимал у себя на квартире сотни посетителей, жалобщиков, выдавал визитные карточки на имя влиятельных особ, министров, просителям оказывалась помощь.

Родзянко, получив от иеромонаха Илиодора краденые письма Александры Федоровны и ее дочерей на имя Распутина, понес их на доклад к Николаю II, передал эти письма ему. Однако Николай II не придал письмам того значения, на какое рассчитывал Родзянко.

Тогда начались запросы в Государственной Думе о Распутине. Шантаж.

В марте 1912 года разнеслась весть, будто председатель Совета министров В. Н. Коковцов воспретил Григорию Распутину выезд с места его родины — села Покровского Тобольской губернии. 31 марта были напечатаны даже стихи:

И Коковцов, наш премьер,
С применением строгих мер
Дал совет прекрасный Грише:
Быть пониже, быть потише,

Да к тому добавил он —
Чтоб оставил светских жен,
Да скорее убирался...

Григорий уехал. Но 15 мая уже опять был в Петербурге. Поселился на Гороховой улице, в доме 64. А затем отправился в Ялту.

Впрочем, в селе Покровском за ним установили тайное наблюдение местные священники. Архивы сохранили нам «рапорты» местных попов о поведении Григория Распутина: «Усиленно и в огромных количествах распространяет не только по Покровскому приходу и Тобольскому уезду, но и по смежным уездам свои три печатные брошюры с собственным портретом». В другом рапорте священник доносил, что Григорий Ефимович занимается делами по крестьянскому хозяйству, что на «последней седмице Великого поста он говел», но исповедь его была чисто формальная, что в доме у него живет «близкая к невменяемости» Ольга Лохтина, называет его Богом, что в мае он ездил на пароходе «Ласточка» на богомолье в Абалакский монастырь, а в июне в селе Покровском у Распутина побывали вместе с его дочерью жена дворянина Зинаида Манштет, сестра милосердия Акилина Лаптинская (секретарша Распутина), а затем, 20 июня, прибыл на пароходе из Тюмени епископ Каргопольский Варнава; «как только показались на пароходе епископ и иеромонах, Распутин и вся его семья запели топарь пятидесятницы». «Гости Распутина епископ Варнава и его иеромонах ходили по селу Покровскому вместе с Распутиным, были в гостях у «братцев» Распутина: Николая, Николы, Ильи, Александра, а также у местных торговцев, у волостного писаря и начальника почтовотелеграфного отделения».

Но где же пьянство? И в чем проявлялось хлыстовство?

В Петербурге газеты захлебывались от хлыстовства Распутина. Однако число сторонников Распутина среди митрополитов, епископов, духовенства и крестьянства растет; он дружит с экзархом Грузии архиепископом Алексием, с митрополитом Питиримом, с епископом Варнавой, с высокопоставленными чиновниками госаппарата и богатыми предпринимателями и купцами. Его называют «кумиром толпы»; он ходит в шубе на лисьем меху, в бобровой шапке, весной и летом в плаще и с тросточкой.

О его влиянии на политику объявил всему миру за границей в 1914 году в своем интервью граф Витте «Фоссевской газете», сказав, что Распутин обладает крепкой волей и природным умом. «Во время Балканской войны Распутин сказал решающее слово. С ним поэтому нужно считаться, как с фактом, который существует. Все перемены в Совете министров произошли под влиянием Распутина, который

выступает против алкоголизма, о борьбе с которым Коковцов ничего и слышать не хотел». Газеты набросились на графа Витте. Григорий Распутин по этому поводу сказал журналисту: «Граф Витте человек разумный».

Это было накануне Первой мировой войны.

15/28 июня 1914 года в день Косовской битвы в Сараеве (Босния) террорист Чабринович бросил бомбу во Франца-Фердинанда, а затем, воспользовавшись паникой, террорист Гаврила Принцип расстрелял эрцгерцога и его жену. Убитый наследник австро-венгерского престола был категоричным противником войны с Россией: «Я никогда не поведу войну против России. Я пожертвую всем, чтобы этого избежать, потому что война между Австрией и Россией закончилась бы или свержением Романовых, или свержением Габсбургов, или, может быть, свержением обеих династий».

В Петербурге Распутин, узнав о выстрелах в Сараеве, высказал об австрийской драме журналисту «Биржевых ведомостей» следующее:

«— Что тут, братец, может сказать Григорий Ефимович? Убили уж, ау. Назад-то не вернешь, хоть плачь, хоть вой. Что хочешь делай, а конец-то один. Судьба такова. А вот английским гостям, бывшим в Петербурге, нельзя не порадоваться. Доброе предзнаменование. Думаю своим мужицким умом, что это дело большое — начало дружбы с Россией, с английскими народами. Союз, голубчик, Англии с Россией, да еще находящейся в дружбе с Францией, это не фунт изюма, а грозная сила, право хорошо. И еще думаю, и то хорошо, что Святой Синод очень хорошо постановил командировать ректора Петербургской духовной академии епископа Анастасия, архиепископа Сергия финляндского и профессора Соколова в Англию для знакомства с современной жизнью англиканской церкви. Я нахожу, что сближение англиканской церкви с православной возможно, да так и должно быть. Впрочем, не нам разговаривать об этом, есть и поумнее нас».

Одна из газет писала о Распутине: «Если говорить о Распутине, то нельзя не видеть, что он хлопочет о сближении и “соединении” церквей, ожидаемых в ближайшее время, — православной, римско-католической и протестантской». Очевидно, что Григорий Ефимович намечал далеко вперед...

Вернувшись в свое село Покровское 29 июня (12 июля), Григорий в 3 часа дня вышел за ворота дома, чтобы передать почтальону Михаилу Распутину телеграмму; тут его поджидала прибывшая неделю назад в село Хиония Гусева; вытащив из-под платка кинжал, она ткнула им в живот Григория. Местные крестьяне ее задержали. В тот же день сельский врач В. Н. Высоцкий сделал раненому операцию.

В первом показании следователю 30 июня (13 июля) Григорий Ефимович сказал, что Хиония «была подослана убить меня Илиодором Труфановым, так как он на меня имеет все подлости»; «Он на меня писал жалобы в Святейший Синод и посылал обо мне телеграммы Сазонову, министру иностранных дел». Позже подозрение с министра иностранных дел он снимает... Сама Хиония Гусева, мещанка из Сызрани, долго жившая в Царицыне, где и видела Распутина, когда он приезжал к Илиодору, призналась, что намеревалась «на смерть запороть» «ложного пророка», который якобы (как она сама слышала от Илиодора) обесчестил монахиню Ксению Гончаренкову... В то, что безносая Хиония Гусева мстила за честь монахини Гончаренковой (или за свою честь, как писали газеты, но Гусева это отрицала), следователи не поверили, да и сама Ксения при допросе назвала Гусеву «сумасшедшей». Было установлено, что Сергей Труфанов подкупил Хионию, продав ей свой дом стоимостью в 2000 рублей за 200 рублей.

В момент ареста у Хионии Гусевой была газета «Свет» от 18 мая 1914 года со статьей «Илиодор и Гриша» писателя Амфитеатрова, который находился в то время за границей. Амфитеатров — автор знаменитого в свое время фельетона «Господа Обмановы» (против Романовых), был сторонником участия России в Балканских войнах для защиты славян-христиан, он поддерживал связи с киевскими газетами. Очень похоже, что номер газеты «Свет» 18/31 мая 1914 года был сигналом к началу охоты за Григорием Распутиным, убийство которого должно было совпасть с убийством наследника австро-венгерского престола, эрцгерцога Франца-Фердинанда. В «Деле о покушении...» имеется указание в акте дознания, что проверкой документов установлено: в момент покушения на Распутина в селе Покровском находился «без вида на жительство» журналист редакции «Петербургский курьер» Вениамин Борисович Довидзон, он же Поганини; а в Тюмени «дежурил» его секретарь Леоновский. На допросе в следственной комиссии бывший директор Департамента полиции С. П. Белецкий показал, что журналист Довидзон получал от него взятки за публикации статей о Распутине (т. IV, стр. 449).

Кто же направил руку с кинжалом Хионии Гусевой в живот старца Григория?

«Война Австрии с Россией была бы очень полезной для революции (во всей Восточной Европе) штукой, но мало вероятно, чтобы Франц Йозеф и Николаша доставили нам сие удовольствие» (*Ленин В. И.* Собр. соч. 4-е изд. Т. 35. С. 48).

Войны с Германией хотел и великий князь Николай Николаевич — глава военной партии в России. Убийства Григория Распутина желали

и «думские оппозиционеры» типа В. М. Пуришкевича, который тоже получал на свои черные сотни деньги от Белецкого.

Сам Григорий Ефимович, верный принципу «не убий», находясь после ранения в Тюменской городской больнице, узнав о начале войны, послал императору Николаю II такое пророчество (сохранилась фотокопия):

«Милый друг! Еще раз скажу: грозна туча над Россией, беда, горя много, темно, и просвету нет; слез-то море и меры нет, а крови?»

«Что скажу? Слов нет, неопиcуемый ужас. Знаю, все от тебя войны хотят, и верные, не зная, что ради гибели. Тяжко божье наказание, когда уж отымет путь, начало конца.»

«Ты царь, отец народа, непусти безумным торжествовать и погубить себя и народ. Вот Германию победят, а Россия? Подумать, так все по-другому. Не было от века горшей страдальницы, вся тонет в крови великой, погибель без конца, печаль.»

Григорий».

В это же время бывший иеромонах Илиодор — Сергей Труфанов, отрекшийся от церкви, проклявший царя и его семью, отравивший рыбьим ядом Ивана Синицына за то, что тот донес на него полиции, узнав о ранении Распутина, удирая в женском платье за границу на третий день после покушения, послал в село Покровское такое письмо: «Я вышел победителем из этой борьбы, а не ты, Григорий! Твой гипноз рассеялся, как дым перед лицом солнца. Говорю тебе, что ты умрешь, несмотря ни на что! Я — твой мститель. Узник».

Письмо свидетельствует о том ожесточении, которое охватило даже образованных духовников: Сергей Труфанов окончил Петербургскую духовную академию, был иеромонахом... Впрочем, прав был Распутин, что окостенелые догматы церкви «спутали всю Россию». (Заметим, что сразу после отречения Николая II от престола в марте 1917 года А. Ф. Керенский, став министром юстиции Временного правительства, немедленно освободил из Томской психолечебницы Хионию Гусеву, она была признана «совершенно нормальной».)

Отлежав месяц в больнице, Григорий Распутин поехал в Петербург. Шла война, разгоралась... Статья Н. Дурново «Кто этот крестьянин Григорий Распутин» (напечатанная в журнале «Отклики на жизнь», сентябрь — октябрь, № 11–12, 1914 г., но написанная, как указано в примечании редакции, еще до начала войны) отлично передает слепой воинственный дух, охвативший часть российского общества. Распутина Н. Дурново называет «антихристовым предтечей»; Варнаву назначили архиепископом Тобольским, и поэтому

поводу: «Варнавинскую темноту не осветит распутинский ум»; далее: «Гр. Распутин, сколько мы можем судить по его органу “Дым Отечества”, есть злейший враг святой Христовой церкви, православной веры и Русского Государства. Мы не знаем, какое влияние имеет этот изменник Христова учения на внешние дела России, но время освободительной войны балканских христиан (в 1912 году. — *Примеч. редакции «Отклики на жизнь»*) с Турцией он выступил не за Христа, а за лжепророка Магомета. Вот что он изрек: «Славяне, может быть, не правы <...>. Воевать вообще не стоит: лишать жизни друг друга, отнимать блага жизни, нарушать завет Христа и преждевременно убивать собственную душу. Пусть забирают друг друга немцы и турки, — это их несчастье и ослепление, а мы любовно и тихо, смотря в самих себя, выше всех станем...»

Прочитав старца Григория, видя в его словах «непротивление злу», Н. Дурново обвиняет Распутина в том, что он «советует русской дипломатии во всем уступать, вполне уверенный, как революционер, что упавший престиж России, отказ от ее вековых задач приведут наше Отечество к разгрому и разложению». Далее: «Не чужды эти мысли сектантам толстовского толка. Только враг Православной церкви может советовать русской дипломатии смотреть спокойно на зверства и неистовства турок, продолжающих вырезать наших единоверцев, и видеть в этом возвышение России! Распутин не только сектант, плут и шарлатан, но в полном значении слова революционер, работающий над разрушением России. Он заботится не о славе и могуществе России, а об умалении ее достоинства, чести, о предательстве ее родных по духу братьев туркам и швабам и готов приветствовать всякие несчастья...»

«Какое отношение к ведению на Балканах русской политики имел Гр. Распутин, трудно сказать, но его указания сбылись. Австрия победила! (в 1912 г. Не оружием, а коварной дипломатией своей. — *Примеч. ред. «Отклики на жизнь»*). Создано разбойничье государство — Албания, и полилась вновь христианская кровь».

«Пусть будут поражены восточные христиане, зато Россия, через уступки злейшему врагу Австрии, возвысится. Когда мы в разгар Балканской войны прочли изречение шарлатана, то уже знали, чем кончится война. Братоубийственная война, которую могла остановить решительным словом русская дипломатия, окончилась разгромом Болгарии.

Поражение русской политики окончилось издевательством австро-польского и мадьярского суда над русскими в Галиции и Угорской Руси, возвратившимися к вере своих предков.

Не на счастье России посылаются ей такие духогасители православия, бездушные лжепророки: Григорий Распутин и его друзья».

В атмосфере травли, когда его обзывали «столичных барышень отрада, всех плутов кумир», сравнивали с «вождями штундизма, баптизма, адвентизма и прочих “измов”», Григорий Ефимович укреплял тайное правительство при императоре Николае II. О его влиянии на политику говорит хотя бы то, что французский посол в Петербурге Мориз Палеолог счел необходимым встретиться с Распутиным, записав в своем дневнике (24 февраля 1915 г.):

«Я рад слышать, что ты это говоришь, потому что я знаю нескольких высокопоставленных лиц, которые рассчитывают на тебя, чтобы убедить императора не продолжать более войны», — говорит Мориз Палеолог.

«Он смотрит на меня доверчивым взглядом и чешет себе бороду. Затем, внезапно:

— Везде есть дураки!

— Что неприятно — так это то, что дураки вызвали к себе доверие в Берлине. Император Вильгельм убежден, что ты и твои друзья употребляют все ваше влияние в пользу мира».

Зная, что Россия чуть ли не на грани катастрофы, французский посол настаивает на продолжении войны. Распутин показывает себя не менее тонким дипломатом.

Он, конечно, способствовал тому, чтобы заключить мир с Германией. И знал о том, что главным противником этому был Верховный главнокомандующий русской армии Николай Николаевич. В условиях временных успехов на фронте авторитет главнокомандующего сильно возрос, все неурядицы в тылу, в городах, очереди у магазинов относились на императора Николая II и на Совет министров; возникла угроза установления военной диктатуры. 13 июня 1915 года Мориз Палеолог записывает в дневнике: «Московские волнения носили чрезвычайно серьезный характер, недостаточно освещенный в печати.

На знаменитой Красной площади, видевшей столько исторических сцен, толпа бранила царских особ, требуя пострижения императрицы в монахини, отречения императора, передачи престола великому князю Николаю Николаевичу, повешения Распутина и проч.».

Но прежде, чем Николай Николаевич 23 августа (5 сентября) 1915 года был смещен с поста Верховного главнокомандующего и отправлен командовать армией на Кавказ, против Григория Распутина была проведена «удачная акция» с помощью московского журналиста Николая Соедова и жандармского генерала Джунковского. Газеты оповестили

о «скандале», который случился 26 марта 1915 года в московском ресторане «Яр», где старец Григорий, якобы опьянев, плясал в голом виде перед дамами.

Прибыв в Петербург, журналист Соедов сумел увлечь Распутина неким проектом поставки солдатского белья в большом количестве, желая получить за идею комиссионные. Распутин, приехав в Москву, пригласил в ресторан «Яр» для сделки двух деловых людей: потомственную почетную гражданку Анисию Ивановну Решетникову (которая, судя по всему, была связана с ним христововерскими заповедями; бывая в Москве, он сам останавливался в ее доме, здесь же ночевал отец Распутина во время своего приезда; при содействии Распутина сын Решетниковой Николай Иванович давал деньги на лазарет Вырубовой и получил звание действительного статского советника) и потомственного почетного гражданина Семена Лазаревича Кугульского. Сам Распутин только покровительствовал ценной идее и полезному делу. Ресторан оплачивал Кугульский.

Прибытие в кабинет ресторана Распутина сразу получило огласку. Газеты объявили о «пьяной оргии». И хотя московский градоначальник А. А. Андрианов ничего предосудительного в поведении Распутина не усмотрел, «делу» был дан ход. Командир отдельного корпуса жандармов Джунковский, враждебно настроенный к Распутину, представил императору Николаю II записку, в которой говорил, что «Распутин является орудием какого-нибудь сообщества, влекущего Россию к гибели». Акцент делался не столько на пьянстве, сколько на «сообществе»... Джунковский спросил у государя разрешения на продолжение своих наблюдений за Распутиным, на что Николай II сказал: «Я вам не только разрешаю, но я вас даже прошу сделать это, но, пожалуйста, чтобы все эти доклады знали я и вы — это будет между нами» (Вопросы истории. 1964. № 10. С. 132).

Очевидно, что Джунковский добивался дискредитации старца Григория, зная, что Распутину была подстроена ловушка, что его подозревали, что он имеет «сообщество». Но и император, и императрица знали это «сообщество» старца Григория. Врагом Распутина был великий князь Николай Николаевич.

Джунковский был смещен с должности.

29 июля 1915 года «Сибирская торговая газета» (г. Тюмень) напечатала телеграмму Г. Е. Распутина редактору этой газеты: «Тюмень, редактору Крылову. Немедленно докажи, где, когда, у кого я воровал лошадей, как напечатано в твоей газете: ты очень осведомлен: жду ответа три дня; если не ответишь, я знаю, кому жаловаться и с кем говорить. Распутин».

В августе 1915 года газеты писали: «Молва говорит, что Распутин якобы в пьяном виде похвалялся, что прогнал Николашку (т.е. Николая Николаевича. — В. Ф.), прогонит обер-прокурора Святейшего Синода Самарина, Джунковского и великую княгиню Елизавету Федоровну. Конечно, все это есть нападки, и как всякие нападки, таковые преувеличивают, изменяют, путают. Но все же факт остается отчасти верным. Кто же станет писать опровержения? Единственный способ теперь — это обелить себя решительным действием, покончить с Распутиным, виновен он или нет. Все равно, что он делал и кто он такой...»

Пробыв некоторое время в селе Покровском, 8 августа 1915 года Распутин выехал в Петербург. В это же время был уволен настоятель церкви Покровского Иоанн Михайловский, враждебно настроенный к Григорию Ефимовичу, занимавшийся доносами. 23 августа (5 сентября), как уже выше отмечено, был смещен с поста Верховного главнокомандующего великий князь Николай Николаевич.

Видя, что меры дискредитации Распутина недостаточны, на него замышляют второе покушение. С. П. Белецкий — директор Департамента полиции позже подробно рассказал, как искали наилучший вариант убийства Распутина, замышляя отравить его ядом, как кошку, найти какую-нибудь женщину, к которой он ездит, но у женщин, с которыми старец общался, были телефоны. Наконец Белецкий смекнул, что с убийством старца Григория он может проиграть, хотя на это дело министр внутренних дел А. Н. Хвостов выделил фонд в 300 тысяч рублей. Тогда министр тайно от всех берется за организацию убийства сам (он был на этом посту с 26 сентября 1915 года по 3 марта 1916 года). Хвостов посылает своего тайного агента литератора Бориса Ржевского в Христианию, чтобы вместе с эмигрантом Сергеем Труфановым (Илиодором) устроить убийство Распутина. Создается впечатление, что и первое покушение на Распутина в 1914 году было совершено не без ведома Министерства внутренних дел... Но как-то затея эта становится известна старцу Григорию, а затем и Белецкому, который обижен, что Хвостов задумал убийство, не советуясь с Департаментом полиции, и послал на перехват Ржевскому своих людей. На станции Белоостров Бориса Ржевского дожидается полковник Тюфяев. Сойдя с поезда, Ржевский спешит в буфет; в дверях ему преграждают путь; Ржевский пытается отстранить Тюфяева; но тот сильно наступают на ногу Ржевскому, а затем его крик объявляет дерзостью против себя. Тут уже наготове жандармы, они задерживают Ржевского, требуя документы. Он обыскан, выясняют личность. Ржевский ссылается на «особое» поручение министра внутренних дел; жандармы «не верят ему», продолжают допрашивать. Скоро он смекнул, что попал в ловушку.

2 марта 1916 года в письме императрицы Александры Федоровны Николаю II паника: «...я так несчастна, что мы через Григория рекомендовали Хвостова тебе — я просто не могу успокоиться»; «пока Хвостов у власти и у него в руках деньги и полиция, я, по совести, не могу быть спокойной за Гр. и Аню».

3 марта А. Н. Хвостов уволен с должности.

4 марта Александра Федоровна пишет мужу: «Я в самом деле тревожусь за Аню, раз человек (т.е. Хвостов) был способен попытаться подкупить других, чтобы убить нашего Друга (т.е. Распутина), он способен ей отомстить за себя».

15 марта: «Говорят, Хвостов в Москве всюду болтает и рассказывает, будто его уволили за то, что он хотел отделаться от германских шпионов, окружающих нашего Друга, — такая низость».

«Наш Друг» — это Григорий Ефимович. Он чувствует, как кольцо вокруг него сужается. Его, как волка, подстерегают со всех сторон.

Мориз Палеолог, собирая сведения о Распутине, записывает 26 апреля 1916 года в дневнике: «Его преданные друзья, г-жа Г... и г-жа Т..., не оставлявшие его ни на минуту, были поражены его грустным настроением. Он несколько раз говорил им о своей близкой смерти. Так, он сказал г-же Т...: “Знаешь ли, что я вскоре умру в ужасных страданиях. Но что же делать? Бог предназначил мне высокий подвиг погибнуть для спасения моих дорогих государей и Святой Руси. Хотя грехи мои и ужасны, но все же я маленький Христос...”» В другой раз, проезжая с теми же своими поклонницами мимо Петропавловской крепости, он так пророчествовал: «Я вижу много замученных; не отдельных людей, а толпы; я вижу тучи трупов, среди них несколько великих князей и сотни графов. Нева будет красна от крови».

В июле 1916 года был уволен с поста министра иностранных дел С. Д. Сазонов; 3 августа Мориз Палеолог записал в дневнике: «У меня сегодня был Сазонов». «С выражением глубокой печали он так резюмировал происшедшее:

— Император царствует, но правит императрица, инспирируемая Распутиным. Увы! Да хранит нас Бог!»

7 сентября Александра Федоровна пишет Николаю II: «Григорий убедительно просит тебя назначить на эту должность Протопопова». «Эти гнусные люди собрались и хотят, чтобы Родзянко поехал к тебе и попросил тебя переменить всех министров и взять их кандидатов, — дерзкие негодяи!» «Протопопов в дружбе с нашим Другом уже по крайней мере четыре года, а этот Оболенский, наверное, будет в другом лагере. Я его не знаю, но верю в мудрость и советы нашего Друга».

9 сентября: «Пожалуйста, возьми Протопопова министром внутр. дел., т.к. он из членов Думы, это у них произведет большой эффект и заставит их замолчать».

А. Д. Протопопов в сентябре был назначен министром внутренних дел. Он был одержим идеей спасения России.

По письмам императрицы легко увидеть, что Григорий Ефимович внушал ей и всем доверенным ему лицам идею спасения страны. Он требовал энергичной, в духе христововеров, деятельности во имя спасения народа. 30 октября 1916 года Александра Федоровна пишет мужу: «Штюрмер (председатель Совета министров. — В. Ф.) посылает тебе с этим курьером на подпись новую бумагу, передающую сразу все продовольствие министру вн. дел. Штюрмер просит тебя подписать и сразу вернуть поездом... тогда она придет вовремя, прежде чем Дума соберется во вторник. Мне пришлось принять этот шаг на себя, т.к. Григорий говорит, что у Пр-ова будет все в руках и он покончит со всеми союзами и таким образом спасет Россию».

13 декабря: «Вспомни, за что меня ненавидят, — это показывает, что правильно быть твердым и внушать страх, и ты будь таким же, ты ведь мужчина, — только больше доверия нашему Другу (вместо Трепова), ...мы должны передать Беби крепкое государство и ради него не смеем быть слабыми, иначе будет еще более трудное царствование, т.к. придется исправлять наши ошибки и крепче натягивать вожжи, которые ты распустил...»

«Будь тверд, я твоя стена, стою за тобой и не уступлю, — я знаю, Он нас правильно ведет...» Он — Григорий Ефимович!

«...Не скрывай ничего от меня — я крепка, но послушайся меня, т.е. это нашего Друга, и доверься нам во всем — и остерегайся Трепова — ты не можешь любить и уважать его». (А. Ф. Трепов — председатель Совета министров с 10 ноября 1916-го по 27 декабря 1916 года.)

14 декабря: «Милый мой, наш Друг просил тебя закрыть Думу 14-го». «...А тут такой контраст, телеграмма от Союза русского народа с просьбой, чтобы я сообщила тебе разные вещи. На одной стороне прогнившее слабое развратное общество, на другой — здоровые, здравомыслящие преданные подданные, — и к ним надо прислушаться, их голос, а не голос общества или Думы, есть голос России. Теперь ясно видишь, где правда, и они знают, что Думу следовало бы закрыть, но их Трепов не хочет слушаться. Если к ним не прислушаться, они возьмут дело в свои руки, чтобы спасти тебя, невольно сделают больше вреда, чем если будет сказано тобой простое слово — закрыть Думу, но до февраля, если раньше, то они все будут здесь торчать. Я готова была бы повесить Трепова...» «Я бы спокойно и с чистой

совестью перед Россией отправила бы Львова в Сибирь, отняла бы у Самарина чин... Милюкова, Гучкова и Поливанова также в Сибирь. Идет война, и в такое время внутренняя война есть государственная измена, почему ты на это так смотришь, я, право, не могу понять». «...Будь Властелином, и все преклонятся перед тобой».

17/30 декабря: «Сегодня ночью был большой скандал в доме Юсупова — большое собрание, Дмитрий, Пуришкевич и т. д. — все пьяны. Полиция слышала выстрелы. Пуришкевич выбежал, крича полицейским, что наш Друг убит».

Письма императрицы Александры Федоровны, как бы мы к ней ни относились, свидетельствуют, что царь Николай II и сама она были под огромным, но отнюдь не гипнотическим влиянием воли Григория Ефимовича Распутина, это не была злая воля. Эта воля была вооружена учением духовных людей, эта воля была испытана на принципах (заповедях!) идеологии Совести («Совесть — волна, но какие бы ни были на море волны, они утихнут, а совесть только от доброго дела погаснет», — писал Г. Е. Распутин в «Мыслях и размышлениях»), на Добре («Никогда не бойся делать добро и за добро всегда попадешь в честь»), на Любви («Если любить, то никого и не убьешь — все заповеди покорны любви, в ней великая премудрость, больше, чем в Соломоне...»).

Распутин — вождь духовных христиан, глава богатой партии-кооператива. Противники: Г. Е. Львов — князь, председатель Всероссийского земского союза, один из руководителей буржуазно-помещичьего объединенного комитета Земгора; П. Н. Милюков — один из организаторов партии кадетов; А. И. Гучков — лидер партии октябристов; А. А. Поливанов — в июне 1915-го — марте 1916 года военный министр — резко выступали против старца Григория. А император Николай II, императрица, по сути дела, больше декларировали желание «внушать страх», чем осуществляли строгости. Центризм идеологии Распутина и привел к тому огромному спектру многопартийности, который воссиял на российском небосклоне после манифеста 17 октября 1905 года.

Именно веротерпимости добивались христововеры многие столетия. Кто-кто, а Григорий Ефимович не мог не знать историю христововеров: постников, субботников, скопцов, духоборов, молокан, не-наших и т. д. Христововерие — это идеология не всех крестьян, а только передовой его части — трудолюбивых, умелых хозяев, кулаков, мелкой буржуазии, которые всегда добивались свободной торговли, отмены крепостного права, предпринимательства. Находясь все закона, они тайно объединялись как «божьи люди», создавая

крепкие общины. Исследования В. Б. Бонч-Бруевича общины «Новый Израиль» показывают, что в ней были зажиточные крестьяне, «городские и станичные элементы: огородники, садоводы, мелкие торговцы, ремесленники и мастеровые, а также железнодорожные рабочие и служащие. Квалифицированных рабочих мало...». Возглавляли общины представители крупной буржуазии.

Вождь одной из крупных общин Кондратий Селиванов — «Второй Христос» — еще при Александре I выдвинул «Проект о переустройстве России и божественной канцелярии», встречался с царем, добивался отмены крепостного права и реформы Русской православной церкви, выступая против ее «небесной канцелярии». Он был осужден и сослан. И вот через сто лет на политической арене появился Григорий Распутин-Новый (т. е. Новый Христос).

Учение христоверов, испытанное многими веками практики самосохранения общин, уточненно разработанное в вопросах понимания человеческой природы и общества, позволило Григорию Распутину не только овладеть вершиной пирамиды государственной власти, но и управлять машиной правительства рядом с императором. Почему же их постигла неудача?

Дело в том, что трудовое крестьянство, ориентируемое на производство рыночной продукции, — это не политики, а практики; интеллектуально-религиозный слой «старцев», «пророков» в общине невелик. Григорий Распутин не привел с собой в аппарат царской власти готовых для политической деятельности единоверцев.

В. И. Ленин, когда большевики взяли власть над Россией, тоже жаловался, что слой старой политической гвардии тонок. Сравнивая учение старца Григория с учением Карла Маркса, мы видим у последнего убогую схему представлений о человеке и примитивную модель общества, выстроенную из сухих абстрактных категорий, изготовленных по принципу полюсного двуединства: материя — сознание, буржуа — пролетарии... «Теорию» разжигания вражды между одной частью общества и другой его частью; это может служить и захвату, например, группой террористов атомной электростанции с целью уравнивать в зарплате директора с дворником, но выбранный директором дворник, скорее всего, доведет дело до неповиновения ему АЭС...

Учение Григория Распутина разработано тоньше.

21 декабря 1916 года (3 января 1917 г.) Николай II записал в своем дневнике: «В 9 час. поехали всей семьей мимо здания фотографии и направо к полю, где присутствовали при грустной картине: гроб с телом незабвенного Григория, убитого в ночь на 17-е декабря извергами в доме Ф. Юсупова, кот. стоял уже опущенным в могилу. О. А. Васильев

отслужил литию, после чего мы вернулись домой. Погода была серая при 12° мороза. Погуляли до докладов. Принял Шаховского и Игнатьева».

2/15 марта 1917 года Николай II отрекся от престола. Начался изгон отовсюду «ставленников Распутина», особенно усердствовал в этом министр юстиции А. Ф. Керенский. Семь томов материалов Чрезвычайной следственной комиссии, занимавшейся расследованием преступлений царских министров, — это только сырой материал; судебного разбирательства не было, вина многих обвиняемых не доказана. Суд над старцем Григорием будет вершить история... 6 августа 1917 года, проезжая на пароходе по реке Туре в ссылку в Тобольск, Николай II отметил в дневнике: «Забыл упомянуть, что вчера перед обедом проходили мимо села Покровского — родины Григория».

Есть свидетельства, что дочери бывшего императора во время расстрела в доме Ипатьева в Екатеринбургe имели на шее ладанки с фотокарточкой Г. Е. Распутина.

Российскую монархию погубило не учение христововеров, не Григорий Распутин; в этом все скоро убедились, как только к власти пришли «думские демократы» во главе с А. Ф. Керенским*.

Соратники Г. Е. Распутина в немалом числе погибли в вихрях революционной бури. Б. В. Штюрмер после Февральской революции был арестован и умер в Петропавловской крепости 20 августа (2 сентября) 1917 года. И. Г. Щегловитов тоже был заключен в Петропавловку, его расстреляли уже ревтрибунальцы 5 сентября 1918 года. Протопопов убит ВЧК 19 декабря 1917 года (1 января 1918 г.).

Из Тобольска были изгнаны губернатор Ордовский-Танаевский, а также архиепископ Варнава, который намеревался сотрудничать с большевиками; как писала 29 сентября 1918 года газета «Правда», товарищ Скрынник, снимавший допрос с Варнавы, сказал: «Советская власть не имеет, конечно, никакой охоты устраивать официальную церковь, ни тем более законовщину. Отношение Комиссии к епископу Варнаве определяется исключительно его вредом или безопасностью для Советской власти, а отнюдь не его показаниями».

По-видимому, ближайший друг старца Григория тоже был расстрелян.

Мученическая смерть постигла епископа Гермогена, который при Временном правительстве сменил в Тобольске епископа Вар-

* А. Ф. Керенский был одним из трех секретарей «Верховного совета народов России», который управлял всеми масонскими ложами России, действовавшими по воле «Великого Востока Франции». Этим специалисты и объясняют стремление Керенского «продолжать войну» России с Германией «во что бы то ни стало». Керенский был связан с масонами Франции масонской клятвой (*Замойский Л.* За фасадом масонского храма. М., 1990. С. 270–271).

наву. Вместе со священником Карелиным епископ Гермоген (кстати, раскаявшийся в своей вражде к Григорию Распутину и пытавшийся облегчить жизнь семьи Николая II в Тобольске) вечером 15 июня 1918 года был переведен на пароход «Оку». В половине двенадцатого ночи красноармейцы вывели священника Карелина из трюма на нос парохода, привязали к нему два тяжелых гранитных камня и сбросили в воду. Затем в нижнем белье так же вывели епископа Гермогена, связали на спине руки, прикрепили к ним на короткой веревке камень и столкнули в Тобол. Владыка был утоплен ночью против пристани Карбаны — это в 173 вестах от Тюмени.

Долгую, но невеселую жизнь прожил на чужбине бывший иеромонах Сергей Труфанов.

В американской газете «Новый мир» 14 ноября 1936 года о бывшем иеромонахе Илиодоре была помещена такая заметка: «Сергей Труфанов, известный в царское время под именем “отца Илиодора”, сегодня предъявил иск “Гардиен Сити Поблишинг Компани” и “Вайт Ванг Пресс Инк” в размере ста тысяч долларов за поношение его имени. Бывший священник заявил жалобу на то, что вышеназванные компании в вышеназванной ими книге “Распутин — святой чёрт” выставили его в плохом свете. Он говорил, что в книге ему приписывают различные похабные поступки, взяточничество и интриги против Распутина. Обвиненные заявили, что книга их является результатом серьезного, всестороннего освещения карьеры Распутина и правдивым описанием его отношений с Илиодором». Под старость он вроде бы служил швейцаром в одной из гостиниц Нью-Йорка.

Первым своим другом в брошюре «Житие опытного странника. (Май 1907 г.)» Григорий называет епископа Сергея — Ивана Николаевича Страгородского (1867–1944). С 1917 года Сергей — митрополит Нижегородский, с 1934-го — патриарший местоблюститель и с 1943-го — патриарх Московский и всея Руси; под руководством Сергея Русская православная церковь сохранила себя в период жестокого сталинского режима, и вряд ли это было бы возможно, если бы митрополит, защитивший диссертацию о спасении, не воспринял учения Григория Ефимовича о «нищете духа».

«В настоящее время, как у греков, все епископы грамотные и боголепие соблюдают и служат, но нищеты духа нет, а народ только и идет за нищетой духа, толпами пойдет за ней, потому что боголепие высоко, а нищета духа выше. Без нищеты епископ заплачет, если креста не дадут, а если она есть в нем, то худая ряса приятна, — и за худой рясой пойдет толпа. Этому я очевидец — простите, я со многими епископами очень знаком, да спасет их Господь за их единение».

Почему теперь уходят в разные вероисповедания? — спрашивал Распутин. И отвечал: «Потому, что в храме духа нет, а буквы много — храм и пуст. А и в настоящее время, когда отец Иоанн (Кронштадтский) служил, то в храме дух нищеты был, и тысячи шли к нему за пищей духовной». Это было сказано в 1911 году.

Старец Григорий говорил, что мы все живем званиями, чинами и богатством; двойная мораль притупляет нашу внутреннюю свободу, совесть; неизбежно возникает двойная бухгалтерия; одна правда для себя, другая — для других. Говоря о «нищете духа», Григорий Распутин говорит не о «философии для нищих», но именно о высочайшей честности служителей совести: «Мало таких служителей; есть епископы, да боятся, как бы не отличили простых монахов, более святых, а не тех, которые в монастыре жир нажили, — этим трудно подвизаться, давит их лень». Епископ Сергей первым забил тревогу о бедствиях, которые ожидали Русскую православную церковь в условиях веротерпимости (после 1905 г.); он предвидел грядущие события и потому многое сделал во спасение паствы и обновленной церкви. Уроки старца Григория — это вера в многовековой опыт духовных христиан, которые смело освобождались от мифов во имя истинного знания и спасения. «Человеческой премудрости нет конца, невместима всем философам», — учил он. Это вера в талант каждого человека. И ныне, когда буква доводит страну до разорения, необходимо сбросить с наших мозгов ложь буквы, обратиться к разуму людей.

«Добрые дела твори, говорю я тебе, и ты будешь на пути праведников».

Г. З. ИОФФЕ

«Распутиниада»: Большая политическая игра¹

До сих пор можно услышать, что Григорий Распутин был чуть ли не «подлинным царем» России и, если бы его не убили в декабре 1916 г., наша история выглядела бы сегодня совершенно иначе. Однако это миф, вернее, отголоски мифа, созданного противниками последних Романовых. Распутин лично не только не играл сколько-нибудь самостоятельной политической роли, но нет данных, свидетельствующих о том, что он пытался играть ее. Вместе с тем теперь в литературе заметна и другая крайность, исходящая от новоявленных монархистов. Распутин изображается неким «человеком из народа», бесконечно преданным царской чете и чуть ли не невинной жертвой политического безумия, охватившего Россию. Но этот же миф, как и миф о «Распутине-царе». Распутин был просто использован силами, борющимися за влияние и власть, — крайне правыми и либеральной оппозицией. Они-то и превратили его в политическую фигуру, сыгравшую в судьбе российской монархии поистине роковую роль.

Компрометация власти — условие ее краха

Отчего рушатся режимы? Вопрос представляется школьным, детским. Конечно, от поражений во внешних войнах и от внутренних ударов — революций. С войнами все понятно, но что вызывает революции? В. В. Розанов как-то заметил, что «революции происходят не тогда, когда народу тяжело. Тогда он молится». Действительно, истории известны долгие периоды удивительного терпения «низов», измученных гнетом и лишениями. Пока власть еще внушает доверие, уважение, трепет,

* Печатается по: Иоффе Г. З. «Распутиниада»: Большая политическая игра // Отечественная история. 1998. № 8. С. 103–118.

страх — все равно, — она так или иначе «держит» устойчивость, даже несмотря на свои очевидные промахи и грехи. Но вот в ходе кризиса власть начинает искать выход из него, и наступает время перемен и некоторых уступок «низам» — самый уязвимый момент для старого порядка. Именно тогда начинается сравнение того, что дают народу, с тем, что он требует, и с тем, что ему так легко обещают некоторые политики. Именно тогда народ «бьет посуду» и «зажигает дом». Наступает революционная анархия.

Российская история XX в. подтверждает это. В России революция всегда «вытекала» из реформ. Когда оппозиция нащупывала уязвимое место власти, а затем выставляло его на всеобщее обозрение, — тогда крушение власти становилось реальным. Престиж власти начинал шататься, с нее спадали позолоченные одежды (вернее — их сдирали), и перед всеми обнаруживалось, что «король-то голый».

Флобер говорил, что святых нельзя трогать руками. На них, на руках, останется позолота. В России, где в силу долгой исторической традиции царская власть всегда считалась «от Бога», позолота, осыпавшаяся с монарха на мозолистые руки мужика, приводила к социальному шоку. Политическая, или, хуже того, моральная, нравственная компрометация власти — практически безотказное оружие в руках противостоящих ей сил, способное стать тем детонатором, который «взрывает» общественное спокойствие.

Годы империалистической войны значительно ухудшили экономическое положение России. Жизнь «низов» была полна лишений. И все-таки режим, возможно, устоял бы, как и в других воевавших странах, если бы... Когда в февральские дни 1917 г. рабочие и солдаты вышли на улицы Петрограда, многим из них власть уже представлялась монстром или карикатурой. Ее практически никто не хотел или уже не мог защищать... И наш последующий рассказ о человеке, который сделал для дискредитации царской власти едва ли не больше всех. Речь пойдет о Григории Распутине.

Тобольский Заратустра

О жизни Распутина до его появления в столице, до его всероссийской и даже мировой известности мы знаем не так уж много. Имеющиеся сведения неопределенны, противоречивы, как это обычно бывает с теми, кто вызывает жадный интерес окружающих. Распутин происходил из большого села Покровское Тюменского уезда Тобольской губернии. Родился он в 1864 или 1865 г. (значит, «старцу», когда он объявился в Петербурге, не было и 40 лет). В Покровском жила его семья: жена

Прасковья, дочери Варвара и Матрена (Мара) и сын Дмитрий — по некоторым данным, не вполне нормальный, «блаженный», как его называл сам Распутин. Пристрастившись к скитаниям по святым местам и монастырям, он тем не менее не перестал заботиться о семье. Уже осев в Петербурге, выписал туда дочерей. Мара в октябре 1917 г. вышла замуж за поручика Б. Соловьева, потом вместе с ним уехала в Тюмень, где Соловьев играл все еще не очень ясную роль в организации конспиративной связи с царской семьей, сосланной в Тобольск. В эмиграции она была цирковой актрисой, укротительницей, написала мемуары об отце, в которых пыталась представить его добрым, отзывчивым человеком, ставшим жертвой зависти и злобы развращенного петербургского общества. Скорее всего, она и не знала иного Распутина. Следы других членов семьи «старца» исчезают. Скорее всего, жена, дочь Варя и сын — «блаженный» Митька — вернулись в Покровское.

По показаниям, собранным следователем Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства Ф. Смиттенем, Распутин в ранний период своей жизни — «человек хитрый, наглый, с буйно-разгульной, экспансивной натурой» — пьянствовал, дрался, сквернословил, воровал, за что бывал бит односельчанами и преследовался волостными властями.

Есть много рассказов о том, как Распутин появился при царском дворе. Сопоставляя их, можно набросать примерно такую картину. Впервые он приехал в столицу в 1904 или 1905 г. с рекомендательным письмом vicария казанской епархии Хрисанфа, с которым появился у ректора Петербургской духовной академии епископа Сергия. Что было в этом письме, неизвестно. Но если оно действительно существовало, можно предположить, что податель его характеризовался как странник, побывавший во многих святых местах и обителях, в том числе и на Афоне, а главное — как кающийся грешник, на которого снизошла Божья благодать, наделившая его огромной силой воздействия на людей. Во время встречи с Сергием на Распутина, полагаю, обратил внимание инспектор (позднее ректор) Духовной академии и духовник царской четы Феофан. Придет время, и он будет глубоко сожалеть, что, не поняв до конца «Божьего человека», открыл ему путь к «подножью трона». Именно Феофан первым представил Распутина женам великих князей Николая Николаевича и Петра Николаевича — Анастасии и Милице. Феофан знал, что обе глубоко интересуются религиозной нравственностью, поучениями святых отцов, аскетизмом.

В 1904 г. императрица Александра Федоровна могла считать себя счастливой. Бог, казалось, внял ее молитвам: родился наследник-цесаревич. Тем страшнее был удар, когда выяснилось, что ребенок болен

страшной болезнью — гемофилией (наследственная болезнь — плохая свертываемость крови — передается матерью по мужской линии). Легко себе представить глубину страданий Александры Федоровны, посчитавшей, что Бог карает ее. Убежденность в этом должна была многократно усиливаться революционной смутой, в которую стремительно втягивалась Россия. Душевные метания императрицы и природная нерешительность императора в глазах тех, кто не забывал «порядка», существовавшего при Александре III, грозили ослаблением самодержавных устоев, размываемых потоком либеральных и демократических идей.

Распутин, этот «сибирский Заратустра», вполне мог показаться им тем человеком, который способен во времена смуты укрепить дух царя и царицы, поддержать их в упрочении исконных основ русской государственности. Французский посол М. Палеолог, хорошо информированный о том, что происходило в российских «верхах», записал в своем дневнике слова Феофана, убеждавшего царскую чету познакомиться с Распутиным. «Григорий Ефимович, — говорил он, — крестьянин, простой человек. Вашим Величествам принесет пользу его выслушать, потому что голос Русской земли слышится из его уст...»

Таким образом, Распутину отводилась роль некоего рупора Русской земли, голоса простого русского народа, свободного от «западной порчи», коснувшейся столичного общества. Он, видимо, должен был укреплять колеблющегося царя в стремлении следовать во внутренней политике курсом, определяемым исторической традицией, русскими «национальными началами». Так правые силы вводили Распутина в среду идеологической и политической борьбы.

Способен ли был Распутин сыграть такую роль? Несмотря на свою малограмотность, он был далеко не заурядным человеком и отличался острым умом, находчивостью, наблюдательностью и способностью иногда удивительно метко выражаться. Что касается его внешней грубости и простоты обращения, то они, несомненно, были искусственными и имели целью подчеркнуть его крестьянское происхождение. Об уме и особой пронизательности Распутина писали многие. И это понятно: надо же было как-то объяснить силу его воздействия. З. Н. Гиппиус заметила: «Ведь трудно и стыдно признаться даже себе, что вот пришел заурядный мужичонка, сел на спину тьмы-тьмущей народу, поехал, и его покорно везут». Гиппиус считала, что Распутин как личность был ничтожен и зауряден: «обыкновенный, дюжинный мужик», каких в России немало.

Распутин никогда бы не приобрел такого влияния на царскую чету и прежде всего на Александру Федоровну, если бы не обладал спо-

способностью успокаивать ее, помогая наследнику бороться с болезнью, перед которой оказывалась бессильной медицина. Для убитой горем матери Распутин был спасителем Алексея. Целительные способности Распутина — отдельная тема, но есть свидетельства о его необыкновенном даре.

Распутин, думается, сразу же понял, какую карту даровала ему судьба. В его позиции, как это следует из многих воспоминаний современников, прослеживалась определенная «линия»: он выдавал себя за Божьего человека — своего рода посредника между царем и Богом, представляющего подлинную, исконную Россию. «О мужичке думать надо, — говорил он. — В нем понимаешь, вся сила. Мужичок-то благодарный, он памятливый... Добро нужно, а у нас скандалы. Нужны искренние слуги, а у нас только чиновники. Не такие спасут, спасут праведники...» Такие слова ложились на душу Александре Федоровне и Николаю II, все более и более ощущавшим себя в политической и моральной изоляции. Следует, однако, со всей определенностью подчеркнуть, что взгляды Александры Федоровны и Николая II на Распутина существенно разнились. На этот счет имеется немало свидетельств, в том числе и такого уважаемого человека, каким был А. Д. Самарин, занимавший пост обер-прокурора Синода до конца сентября 1915 г. В июне 1915 г. он был приглашен в Ставку, где должен был получить свое назначение. Когда Самарин приехал в Барановичи, некоторые лица из царской свиты взволнованно просили его поговорить с царем об удалении Распутина. Министр двора В. Б. Фредерикс сказал, что он и сам пытался поднять эту тему, но Николай II пресек разговор, сказав: «Это дело семейное». Однако другие уверяли Самарина, что, если он решится затронуть «щекотливую проблему», успех возможен. Состоявший в свите граф В. Н. Орлов рассказал, что после получения доклада о «художествах» Распутина в Москве Николай II якобы передал его конфиденстке царицы фрейлине Анне Вырубовой, сказав: «Возьмите, прочитайте и полюбуйтесь на вашего кумира».

При встрече с царем Самарин обусловил свое согласие принять должность обер-прокурора Синода устранением Распутина. Он сказал Николаю: «Вся Россия находится под гнетом сознания, что вблизи Вас, вблизи Вашего семейства находится человек недостойный». Николай II прервал его: «Послушайте, Самарин, ведь Вы признаете Ее Величество и меня людьми верующими?.. Как же мы могли бы допустить возле себя человека, такого, каким вы изображаете Распутина? Ведь мы не дети?»

Но Самарин настаивал на своем. Он говорил, что при дворе Распутин является «не таким, каким его знает вся Россия». Николай молчал. Потом сказал: «Можно было бы его удалить из Петербурга...

Но, обдумав все, что Вы мне сказали, все-таки прошу Вас принять должность обер-прокурора Святейшего синода».

Из воспоминаний Самарина видно, что присутствие Распутина тяготило царя. То, что Распутин становится важной пешкой в политической игре, царь знал. В одном из направленных ему докладов, например, прямо указывалось, что кампания против Распутина «при настоящих русских условиях политической жизни приобретает особо важное значение и указывает на стремление создать искусственным путем... антидинастическое движение». Последние два слова Николай II при чтении подчеркнул, но, видимо, не внял им. Почему? До конца он все-таки не смог оценить опасность всех политических последствий антираспутинской кампании, да и кто их вообще тогда мог оценить? В нападка на Распутина он скорее видел вмешательство в свою личную жизнь и не хотел огорчать жену, так горячо уверовавшую в «старца». Увы, у верховной власти, особенно в момент резкого обострения всей общественной жизни, «семейных» дел быть не могло. Все тогда бросалось в пылающий костер яростной политической борьбы.

И тем не менее остается фактом: Николай II умел уходить от назойливых давлений жены, передававшей ему некоторые рекомендации «нашего друга». Эмигрантский историк С. С. Ольденбург провел интересный анализ. Он взял все советы старца, содержащиеся в письмах императрицы Николаю II, и проследил их движение. Ни один совет выполнен не был.

Распутин, конечно, знал, сколько у него врагов. И объяснял это тем, что говорит царю правду. Какую? Она во многом напоминала ту, которую в свое время внушал Николаю и Александре близкий к ним в 1901–1902 гг. французский «магнетизер» и спирт Филипп. Западный масон и сибирский мужичок убеждали в одном и том же: нельзя ослаблять самодержавную власть, нельзя давать конституцию, ибо это будет гибелью России.

Весь имидж Распутина должен был подчеркнуть его «народность», близость к простым людям, верящим в царя. По одним воспоминаниям, высокого, по другим — небольшого роста, он ходил в русской подпоясанной рубахе навывпуск, в высоких сапогах, длинные прямые волосы обрамляли его лицо с мощными надбровными дугами, изпод которых смотрели глубоко посаженные, живые, выразительные и даже пронзительные глаза. Он и старался вести себя «просто», помужичьи. Есть свидетельства, что, войдя в роль, он порой мог смачно высморкаться двумя пальцами, отгрыгнуть после хорошей выпивки и закуски. Эта «народность» не только не отталкивала от Распутина, но даже привлекала к нему, вызвала восторг аристократов. Правда,

люди, хорошо приглядевшиеся к Распутину, не поддавались его игре. Так, жандармский полковник Комиссаров, одно время приставленный к Распутину, нет-нет да и говорил «старцу» в интимном кругу: «Ну, да божественность-то брось! Будем говорить по-простому!»

Благостное поведение Распутина продолжалось относительно недолго. Те, кто «двинул» его в «царские чертоги», рассчитывали на то, что он будет послушным орудием в их руках, но просчитались. Избиение Распутина епископом Гермогеном и иеромонахом Илиодором — свидетельство того, что «тобольский мужичок» оказался непрост. Распутин довольно быстро вошел во вкус. Началось то, что вскоре стало известно как «распутинщина»: пьяные оргии, кутежи с цыганами, связи с темными дельцами и т.п. Безумный разгул Распутина с обязательной самозабвенной пляской стал притчей во языцех. Считалось, что и тут проявлялся подлинный «русский характер». С особым смаком распространялась и муссировалась версия о невероятной «мужской силе» «старца», которая будто бы и привлекала к нему в несчетном количестве женщины высшего круга. (Кстати, к разочарованию любителей «клубнички», и это являлось легендой. Врачами было установлено, что Распутин скорее был импотентом, чем сексуальным маньяком.) Все это, конечно, доходило до верховной власти. Об отношении царя к распутинским «художествам» уже говорилось. А царица? Как она, после того, что ей становилось известным о далеко не «святом» поведении «нашего друга», могла оставаться непоколебимо ему приверженной? Не только слепая материнская вера в Распутина как спасителя ее ребенка привязывала ее к «старцу». Было, вероятно, и другое. Императрица имела ограниченные, но твердые политические воззрения. Она была убеждена, что лучшая форма правления для России и русского народа — самодержавие царя. И все, что исходило от противников этого принципа, она отвергала, видя в том проiski недругов «Ники» и «бэби» (Алексея). Антираспутинская волна накатывалась главным образом из рядов либеральной оппозиции, и царица старалась бескомпромиссно противостоять ей. Сообщениям, компрометирующим «старца», она либо не верила, либо уверяла себя и других, что Бог посылает испытание: будет ли она верна «Божьему человеку» даже в том неприглядном виде, в каком он подчас предстает? Распутин был по-мужицки сметлив и по-мужицки многолик. Он знал, где и как себя вести. «В Распутине, — писала Гиппиус, — настоящего юродства никогда не было, но юродствовал он постоянно и с большой сметкой: соображал, где сколько положить».

Императрица слепо верила Распутину. И он умело поддерживал эту веру «народностью», смирением и благодарностью. Мало кто знает,

что Распутин был философом! В 1915 г. в Петербурге вышла его книга с косноязычным названием «Мои мысли и размышления. Краткое описание путешествия по святым местам и вызванные им размышления по религиозным вопросам». Ч. 1 (он готовил и вторую). В этом, конечно, проявилась не только религиозная истеричность Александры Федоровны, но и реальность политического конфликта. Чем более активно действует в своих интересах одна сторона, тем упорнее противодействует ей другая. Круг замыкается, выхода нет...

Творимая легенда

Человеческие слабости «Божьего человека» не могли укрыться от внимательных взглядов тех, для кого собственная карьера или другие личные мотивы были превыше всего. Умевший подчинять неуравновешенных людей своему влиянию и вместе с тем лишенный каких-либо прочных духовных опор, Распутин постепенно превращался в пешку, которой двигали энергичные, своекорыстные титулованные и нетитулованные политики и интриганы.

В Петербурге Распутин снимал квартиру на Гороховой. Далеко не всех, кто приходил сюда, по-человечески можно осуждать. Одно дело — любимые Распутиным «барыньки», которые искали здесь утешения либо от пресыщенности, либо по большей части от мнимых болезней. Другое — те, кто, отчаявшись, искал тут защиты, помощи, облегчения.

Несмотря на многие глубокие реформы во всех областях жизни, Россия все еще оставалась страной, где многие люди по-прежнему твердо верили: «рука» у власти сильнее закона; там, где закон не работает, «рука» пробьет. Понятно, что рука Распутина казалась всемогущей. Побывавшая в распутинском окружении (1915 — начало 1916 г.) Е. Джанумова вспоминала: «В квартире (на Гороховой, 64) с утра до вечера толкуются представители всех слоев населения. Крестьяне, ходоки в валенках... просят помочь миру в какой-то вражде с помещиком. Дама в глубоком трауре, с заплаканными глазами, хватается за руки “отца” и, всхлипывая, просит о чем-то. Военный в блестящем мундире одного из гвардейских полков скромно ждет своей очереди. Вот какой-то человек с обрюзгим лицом входит в переднюю в сопровождении лакея... Это какой-то банкир по спешному делу. Его принимают без очереди. Какие-то польские беженцы, студенты, монашки с котомками и фрейлины императрицы. Салопницы и дамы в костюмах Лакена и Дусе... Истерически плачет какая-то женщина, звучит телефон...»

Все искали опоры, поддержки, содействия «своему делу». Есть свидетельства, что Распутин был отзывчивым человеком. Уже в наше время «Комсомольская правда» напечатала рассказ жительницы села Покровское А. Моторикой, родившейся в начале века. Она помнила Распутина и рассказывала корреспонденту: «Григорий Ефимович был свойским человеком. В нашем селе жили его жена и сын, и когда он приезжал к нам, то всегда помогал... Хотели у общины отобрать озеро, мужики пошли к Распутину, рассказали, он нам озеро отхлопотал... Или нужно кому-нибудь жениться, а денег нет. Идут к Григорию Ефимовичу, так, мол, и так, а тот только спросит, сколько надоть? Сто рублей хватает?»

В квартиру к Распутину являлось и немало евреев, пытавшихся преодолеть установленные для них ограничения. По некоторым свидетельствам, Распутин был чужд антисемитских настроений. Е. Джанумова пишет, что некая «барынька» в разговоре со «старцем» попросила его помочь «убрать жидков» из России. Он ее пристыдил: «Ты что? Они такие же люди, как мы...» Известно так называемое дело дантистов, осужденных якобы за поддельные врачебные свидетельства, дававшие им право на жительство в больших городах. Распутин помог дантистам, скорее всего, конечно, не бескорыстно, как не бескорыстно он помогал и в других делах. Одно вполне уживалось в нем с другим.

Но одно дело — те, кого к Распутину гнала беда, другое — высокопоставленные лица, преследовавшие иные цели. Позже в «Днях» В. В. Шульгин (один из лидеров фракции националистов в IV Думе) со свойственной ему живостью языка обрисовал эту, казалось бы, парадоксальную ситуацию. Некий его собеседник, «близкий к трону», так характеризовал место и роль Распутина: «Все, что говорят, будто он влияет на назначения министров, — вздор: дело совсем не в этом... Я Вам говорю, Шульгин, сволочь — мы! И левые, и правые. Левые потому, что пользуются Распутиным, чтобы клеветать; правые, т.е. прохвосты из правых, потому, что они, надеясь, что он что-то может сделать, принимают его каракули...»

Прав был собеседник Шульгина: «сволочью» был не только и, может быть, не столько сам Распутин, сколько та среда, которая, приметив его «силу», стала быстро формироваться вокруг него и использовать «старца» в своих целях. Распутин «влипал» в эту среду, как муха в мед. И обмазанный этим липким грязным медом, становился настоящим «подарком судьбы» для тех политических сил, которые находились в конфронтации с верховной властью. Уже в эмиграции один из лидеров партии октябристов А. Гучков признавал, что он сознавал опасность явления по имени Распутин. Бывшему премьер-министру В. Н. Коковцову

он говорил: «Может быть, мы не выросли в народ с конституционным правосознанием, особенно народные массы, они царя почитают как самодержца, помазанника Божия, все это так. Но вот в чем ужас, что если в один прекрасный день массы узнают, что помазанника нет, а что за его спиной находится их же человек из народных масс, но недостойный, какой-то хлыст, конокрад, развратник, то это удар по ореолу народного престижа. Будь это граф, князь, народ не обиделся бы, а когда свой человек... Словом, я пытался, во-первых, узнать и, во-вторых, действовать, не прибегая к огласке... потому что я отлично понимая, что разоблачения все эти наносят такие раны, что не знаешь, что лучше — болезнь или лечение...»

Эти слова были сказаны Гучковым в 1936 г. перед смертью, почти 20 лет спустя после катастрофы, которая сделала жертвой и тех, кто, не ведая всех последствий, вызывал ее. Понятно, что Гучков, вспоминая, хотел по меньшей мере смягчить прошлое. В годы же, предшествовавшие революции, он, не колеблясь, старался «лечить болезнь». Именно он и был одним из тех, кто являлся инициатором антираспутинской кампании, направленной, может быть, не столько против царского трона, сколько против человека, который восседал на нем. Видный октябрист и член III и IV Государственных Дум Н. В. Савич близко знал Гучкова. Он лучшим образом аттестует его в своих воспоминаниях: «При большом уме, талантливости, ярко выраженных способностях парламентского борца, Гучков был очень самолюбив, даже тщеславен, притом он отличался упрямым характером, не терпевшим противодействия его планам». Приверженец Столыпина, он и сам рассчитывал выйти в «первые номера» российской политики. В этом не было авантюризма. Гучков действительно был крупной личностью, и Савич даже считал, что, не соверши он ряд промахов и просчетов, которые были следствием его сильной натуры, он бы мог сыграть такую роль, что, «быть может, наша история пошла бы другим путем».

В марте 1910 г. А. И. Гучков занял пост председателя III Государственной Думы (в отставку он ушел спустя год из-за расхождения с премьер-министром Столыпиным в общем-то по частному вопросу). Савич считал, что пост думского председателя Гучкову понадобился и потому, что он открывал ему «выход» непосредственно на царя. Гучков рассчитывал, что, получив «влияние на всю внутреннюю политику», он перебросит мост между царем и Думой. Николай II проникся интересом и уважением к Гучкову. Между ними установились хорошие и даже доверительные отношения. «Обвал» произошел неожиданно и по вине Гучкова. В одной из бесед с Гучковым Николай II сообщил ему нечто такое, что не должно было стать достоянием публики. Однако

Гучков по каким-то причинам рассказал об этом в думском сеньорен-конвенте. Затем получилась «утечка информации» в газеты. С той поры Николай II и Александра Федоровна резко изменили свое отношение к Гучкову, посчитав его поступок оскорблением и предательством.

Гучков, со своей стороны, посчитал случившееся «кровной обидой» и, как пишет Савич, мало-помалу стал видеть в царе, «в личных свойствах его характера основную помеху благополучию страны». Через некоторое время, в начале 1912 г. последовала его нашумевшая речь в Думе. По существу это было первое публичное выступление против «старца», к тому же носившее откровенно политический характер. Гучков сказал: «Хочется говорить, хочется кричать, что церковь в опасности и в опасности государство... Вы все знаете, какую тяжелую драму переживает Россия... В центре этой драмы — загадочная трагикомическая фигура, точно выходец с того света или пережиток темноты веков, странная фигура в освещении XX столетия... Какими путями достиг этот человек центральной позиции, захватив такое влияние, перед которым склоняются внешние носители государственной и церковной власти... Григорий Распутин не одинок; разве за его спиной не стоит целая банда...?» Эту гневную речь в думских кругах назвали «ударом по алькову». В Царском Селе такого забыть уже не могли никогда. Если бы там вели список врагов, то под одним из первых номеров, если не первым, стоял бы Гучков.

Конечно, было бы неверно смотреть на антираспутинскую кампанию исключительно как на «заговор» либеральной оппозиции и тех из числа правых, кто так или иначе поддерживал ее. Желтых газет или таких, что готовы были подхватить и растиражировать любую сенсацию ради получения барыша, было более чем достаточно. Но политические намерения Гучкова и других оппозиционных лидеров хорошо вписывались в деловые, коммерческие расчеты многих газетных и журнальных дельцов. Когда имя Распутина стало объектом широких пересудов в прессе (а это произошло в премьерство Столыпина), Николай II прислал ему записку. В ней, как вспоминал управляющий комитетом по делам печати в Департаменте полиции А. Бельгорд, он писал, что «ему, наконец, надоела газетная травля Распутина, что никому не может быть дано право вмешиваться в его, государя, личную жизнь, и что он требует, чтобы этому был положен конец». Вызванный Столыпиным, Бельгорд сказал, что это указание не может быть выполнено из-за отмены предварительной цензуры в России. Решено было собрать редакторов крупнейших газет («Новое время», «Русское слово», «Гражданин», «Речь» и др.) и повлиять на них в том смысле, чтобы они «закрыли» распутинскую тему. Так некоторое время и было. В сентябре 1911 г.

был убит Столыпин. Его на посту министра внутренних дел сменил А. А. Макаров. В «Русском слове» (вероятно, не без инициативы Гучкова) появилась резкая статья о «старце». И вновь Николай II потребовал, на сей раз от Макарова, чтобы «раз навсегда» была прекращена «травля Распутина». Соответствующее распоряжение пошло по линии: губернаторы — градоначальники — приставы — околоточные — редакции. Что же получилось? Как пишет Бельгорд, «газеты подняли шум о возмутительном превышении власти министром внутренних дел». Говорили, что по этому поводу уже готов запрос в Государственной Думе. Тем не менее полицейские власти пытались противостоять антираспутинской кампании, одним из организаторов которой становились оппозиционные группы IV Государственной Думы. Знаток революционного движения начала XX в. Б. И. Николаевский утверждал, что некоторые либеральные члены Думы, объединенные в группу, созданную по образцу масонских лож, инициировали издание скандальной брошюры Пругавина «Старец Леонтий», разоблачавшей «похождения» Распутина. Брошюра была конфискована и уничтожена (ее издали уже после падения монархии в 1917 г.). Уничтожены были и другие материалы о «старце», в частности брошюра сотрудника «Московских ведомостей» А. Новоселова, доказавшего принадлежность Распутина к секте хлыстов.

Департамент полиции на протяжении многих лет (а с начала 1916 г. и по личному распоряжению царя) предпринимал меры по организации охраны Распутина, по полицейской кличке — «Русского». В архиве Особого отдела Департамента полиции скопились сотни вырезок из газет — русских и зарубежных, посвященных Распутину. Просматривая их, убеждаешься, как рано Распутин превратился в творимую легенду, сводившуюся к тому, что жадный до денег хлыст, растлитель женщин и девушек приобрел неограниченное влияние на царскую семью и повелевательно распоряжался судьбами государства и церкви. Эти слухи не только циркулировали в петроградском обществе, но просачивались в армию и в самые «низы» народа.

«Распутинизм» использовался противниками последних Романовых из числа революционеров, либералов и правых в трех основных направлениях. Во-первых, для личной компрометации последних Романовых, особенно императрицы Александры Федоровны. Тут слухи (а ничего большего просто не могло быть) достигали подчас чудовищных масштабов. Двор представлялся чуть ли не клубком ужасного разврата: царица живет с Распутиным, Вырубова живет с Распутиным и одновременно является любовницей царя, Распутин и Вырубова поят царя каким-то «зельем», приготовленным их другом тибетским знахарем Бадмаевым,

отчего царь теряет последние остатки воли, становится равнодушным и даже не понимает, что происходит вокруг него. (Между прочим, этой «версией» впоследствии пытались объяснить и «безразличие» Николая II в момент отречения от престола.) Распространялись слухи о пьянстве царя. Говорили, что Распутин уже «подбирается» к старшим дочерям царя и т. д. и т. п. По рукам ходили «письма» царицы и ее дочерей к Распутину (часть их попала в сочинение Илиодора «Святой чёрт»), поддельность которых обнаруживается «невооруженным глазом». Эта линия «антираспутинщины» бурно развивалась сразу после падения монархии, когда уже никто не мог, да и не хотел препятствовать распространению грязной клеветы на бывшего монарха, «объясняющей» и оправдывавшей то, что произошло.

Вторая и третья антираспутинские линии имели откровенно политическую направленность. Широко циркулировали слухи и «свидетельства», согласно которым вмешательство «старца» в дела государственного управления стало настолько серьезным, что по его воле назначались и ущемлялись министры, притом действовал он в интересах неких «темных сил», идентифицировать которые фактически никто не мог. Хитрый и расчетливый Распутин не стремился опровергать эти версии: они подтверждали масштабы его влияния на самых «верхах». По рассказам Е. Джанумовой, о какой-то своей «барыньке» Распутин говорил: «Не люблю ее, пристаёт, чтобы я ее мужа министром сделал. А как я могу, когда он, дурак, не годится для этого дела?» — «А ты разве можешь его министром сделать?» — «Дело немудреное, отчего не сделать, кабы знал, что голова на плечах есть».

Кого же он все-таки «сделал министром»? Если даже допустить, что какие-то министры и были назначены с благословения «старца», то можно ли считать, что он был тем, кто их избрал и назначил? Вот пример с намерением назначить на пост министра внутренних дел нижегородского губернатора А. Н. Хвостова. По рассказу последнего, это было в 1911 г. В Нижний Новгород приехал Распутин, был принят Хвостовым и сказал ему, что «прибыл посмотреть, каков ты» для министерского поста. Хвостов отвечал, что это дело опасное: убили Сипягина, Плеве, а ему, Хвостову, тут спокойно и хорошо, к тому же этот пост занимает такой сильный человек, как Столыпин. «Ну, и не такие дубы ломаются», — усмехнулся Распутин. В этот же день в Царское Село на имя Вырубовой пошла телеграмма: «Видел, говорил, сердце хорошее, но молод, горяч, погодить надоть».

Из этого рассказа ясно, что Распутин приехал к Хвостову как некий разведчик, выполнявший задание тех, кто уже задумывал устранение Столыпина и подыскивал новую кандидатуру. Не более. Если Распутин

и санкционировал назначение какого-то министра, то только в том случае, если уже знал мнение императорской четы. Так, видимо, был назначен на пост министра внутренних дел А. Д. Протопопов, считавшийся в оппозиционных кругах наиболее очевидным «распутинцем», одним из представителей «темных сил». Этот человек, кстати, тоже стал жертвой ослепления в политической борьбе, а после падения монархии чуть ли не главным ее «козлом отпущения». Протопопов, как и два других главных героя эпохи революции — А. Ф. Керенский и В. И. Ленин, — происходил из Симбирска. Возглавляя думскую комиссию По промышленности и торговле, он был также членом думской комиссии по обороне и товарищем председателя III Думы. В Думе на него смотрели как на «своего» и никак не подозревали о его стремлении сблизиться с властью. Отношение к нему изменилось, в общем, по неожиданному поводу. Как член комиссии по обороне от фракции октябристов и человек, друживший с военным министром Сухомлиновым, он оказал содействие проведению через Думу важного для правительства законопроекта о расширении призыва в армию. Очевидно, в благодарность Сухомлинов добился пожалования Протопопову царского подарка — золотого портсигара с бриллиантовыми вензелями. Протопопов не только не скрывал этого, но всюду, где только мог, хвастался царским подарком. Однако большинство думских депутатов расценило это как недопустимый прецедент, как стремление власти внести «разложение и смуту» в думскую среду: ведь она могла начать раздавать подарки (взятки) за проведение или отклонение выгодных или невыгодных ей законопроектов.

Отношение к Протопопову в Думе резко изменилось. В новой IV Думе отчуждение Протопопова от своих бывших коллег продолжалось. Но если Дума теперь его отторгала, куда же он, человек, не скрывавший своего честолюбия, мог политически двигаться? Ясно, что в сторону власти. Известный в то время журналист В. Дорошевич предупреждал Протопопова: вас гонят в правый угол и загонят туда. Как человек обаятельный и к тому же владевший иностранными языками, Протопопов возглавил в 1916 г. думскую делегацию в союзные страны. На обратном пути, в Швеции он встретился с советником германского посольства Варбургом. По возвращении Протопопов дал все необходимые разъяснения. Встречу с Варбургом он рассматривал как зондаж и вынес из нее убеждение, что внутреннее положение в Германии ухудшается и там рассчитывают на расхождения между Россией и Англией. Но в думских кругах отнеслись к этому с подозрением и записали в протопоповский «компромат». Дальше больше. Протопопов заболел: открылась старая рана на ноге. Лечиться

он стал у тибетского доктора Бадмаева, у которого, как считали, подвизался Распутин. Теперь ниточка от «старца» была протянута к Протопопову. Этого было достаточно, чтобы в думских кругах он был предан анафеме. Зациркулировали слухи о том, что Бадмаев лечил Протопопова какими-то снадобьями, которые нарушили его интеллект. Был ли Протопопов действительно чем-то болен, неизвестно. Так или иначе, это использовалось в непримиримой борьбе с ним. И когда М. В. Родзянко во время одной из встреч с царем выразил свое возмущение назначением «этого человека» министром внутренних дел, Николай II напомнил Родзянко, что еще совсем недавно он сам просил его назначить Протопопова на министерский пост.

Можно допустить, что Распутин поддержал кандидатуру Протопопова, но, конечно же, получил он свое высокое назначение не по его протекции. Однако думскому ренегату пощады уже не было. Протопопов был раз и навсегда объявлен прямым ставленником «распутинского кружка». Разрыв стал окончательным. Оппозиция подвергла Протопопова настоящей травле, а в Думе его объявили сумасшедшим. Со своей стороны, Протопопов, вероятно хорошо информированный обо всем том, что делалось за кулисами Думы, готовил ответные действия и уже видел себя в ореоле «спасителя трона». Борьба Протопопова с думской оппозицией — печальная страница в истории последних лет российской монархии: она персонифицировала и тем обострила конфликт, окончательно разведя власть и Думу в разные стороны. Распутин же был просто использован в этой истории искусными поварами российской политической кухни.

Если Распутин был слабостью и грехом последнего царя, то для противников самодержавия он стал силой, но и грехом тоже. В ретроспективе видится: волею исторической судьбы Распутин оказался в центре борьбы двух сил: самодержавия, еще с далеких, допетровских времен выражавшего идею господства государства над человеком, и либерализма, стремившегося установить правовой порядок, ограничив законом власть государства над личностью. Восточное, азиатское начало в теле и духе России боролось с западным. В этом противостоянии и власть, и либералы обессилили себя, открыв путь революционной, «пугачевской» анархии. Из нее родилась система, уничтожившая как корни старой, допетровской России, так и те западные, либерально-демократические ростки, которые всходили в результате реформ Александра II и Столыпина. И Распутина, и Столыпина победил Ленин.

Можно ли было избежать этого? Можно ли было реформировать Россию, сохранив в то же время ее историческую традицию? Кто

знает?.. Путь к этому мог начаться с компромисса между властью и теми, кто хотел перемен. Но достигим ли он был в раскалывавшемся обществе?

Оппозиция атакует власть

К осени 1916 г. противостояние думской (и всей «общественной») оппозиции, с одной стороны, и власти — с другой, казалось, утратило какую-либо разумную основу. Есть свидетельства с обеих сторон, подтверждающие это. Член ЦК кадетской партии В. А. Оболенский писал: «Ощущение, что Россия управляется в лучшем случае сумасшедшими, а в худшем — предателями, было всеобщим».

Конечно, обе стороны проявляли непримиримость. П. Б. Струве впоследствии считал, что грех и вина за случившееся в 1917 г. лежали как на «штурмовавших, так и на защитниках стен». И все-таки, пожалуй, наибольшую агрессивность проявляла «штурмующая», думская сторона. Какая власть стала бы терпеть, например, речь П. Н. Милюкова, произнесенную 1 ноября 1916 г. в Государственной Думе? Милюков буквально испепелял правительство, которое, по его словам, контролировалось «темными силами», группировавшимися вокруг императрицы, и курс которого был либо глупостью, либо, хуже того — изменой. Одной этой речи (а были и другие, во многом сходные по содержанию) было бы достаточно, чтобы власть приняла решительные меры, направленные на пресечение подобных выступлений, особенно недопустимых во время войны. Речь Милюкова вызвала шок. Как вообще она стада возможной? Председательствовавший в думском заседании С. Т. Варун-Секрет виновато объяснял, что, не зная немецкого языка, он не мог реагировать на приводимые Милюковым цитаты из германских газет и поэтому не остановил его. Тем не менее, не желая слагать с себя ответственности, он вышел из состава президиума Думы. Поразительно, но власть фактически стерпела жесточайшее оскорбление: обвинения Милюкова были бесосновательными. В думских кругах это было воспринято как проявление слабости и неуверенности. А. Ф. Трепова, назначенного на пост премьер-министра вместо Б. В. Штюрмера, при первом появлении в Думе просто освистали. По-видимому, некоторым лидерам оппозиции теперь казалось, что еще один «напор», «нажим» на власть, — и она капитулирует: вождеденное «ответственное министерство» станет наконец реальностью. С. Ю. Витте сравнивал либеральную оппозицию с шахматным игроком, который, уже почти выиграв партию, готов схватить доску и начать бить противника ею по голове...

Созревание заговора

Мощь антиправительственной атаки нарастала. Она направлялась теперь прицельно против Протопопова и Распутина, объявленных вдохновителями тех самых «темных сил», которые под покровительством императрицы готовят удар по оппозиции и сепаратный мир с Германией.

Для оппозиции Распутин был «нужной» фигурой. Именно она должна была его «беречь». Иначе обстояло дело с правыми. Их порождение, человек, призванный, по их расчетам, «укрепить трон», вышел из-под их контроля, хуже того — превратился в инструмент его расшатывания. Заговор против Распутина мог созреть только в их среде. Так и произошло. В экстремистских правых кругах крепла мысль о необходимости устранения «старца» для спасения монархии. Им казалось, что без Распутина императрица утратит свою силу и свое влияние на царя, и «темные силы», губящие Россию, уйдут в небытие.

Помимо желания посильнее «уесть» противника, многие думские депутаты состязались в красноречии. Каждому хотелось перещеголять другого (особенно политического) противника, стяжав ораторскую славу. Речь Милюкова 1 ноября 1916 г. ходила в списках чуть ли не по всей стране. Один из лидеров крайне правых В. М. Пуришкевич, человек шумный, экстравагантный, явно неуравновешенный, стремившийся постоянно быть на первых ролях, в центре внимания, по-видимому, решил превзойти кадетского вождя. «Освобождением» монарха от Распутина Пуришкевич и, как говорили в старой Руси, его «полечники» рассчитывали «спасти Россию». Этим лозунгом они прикрывали все свои действия: травлю и убийства либеральных деятелей, разжигание национальной вражды, еврейские погромы и т. д. 19 ноября Пуришкевич произнес свою «знаменитую» речь. Он обвинял самых различных лиц из правительственных сфер в интригах, коррупции, связях с немцами. В заключение, войдя в настоящий раж, Пуришкевич призвал министров отправиться в Ставку, пасть к ногам государя и избавить Россию от Распутина. Через несколько дней Дума приняла резолюцию о том, что влияние темных, безответственных сил должно быть устранено и всеми средствами надо добиваться, чтобы был образован кабинет, готовый опереться на Государственную Думу. Пуришкевич ходил в героях...

Как конкретно замыслился заговор с целью убийства Распутина, неизвестно. В убийстве принимали участие 5 человек: В. М. Пуришкевич, князь Ф. Ф. Юсупов, вел. кн. Дмитрий Павлович, доктор Лазаверт

и поручик Сухотин. Особенно много и охотно об убийстве писал Ф. Юсупов, проживший в эмиграции долгую жизнь. Так называемый «Дневник» Пуришкевича (он умер от тифа в Новороссийске в феврале 1920 г.) был опубликован уже после его смерти. Остальные участники — Дмитрий Павлович, Лазаверт и Сухотин — не оставили своих воспоминаний (Лазаверт и Сухотин ни до, ни после убийства Распутина вообще никак себя не «обозначили»).

Мемуары Юсупова (да и «дневниковые» записи Пуришкевича) лишь в небольшой степени могут рассматриваться как достоверные источники истории заговора и убийства Распутина. Юсупов развивал легенду о Распутине чуть ли не как о сверхъестественной силе, которую он, Юсупов, «со товарищи» все-таки сумел перебороть и уничтожить во имя блага России. Тут что ни слово, то пересказ слухов, широко ходивших в народной «массе». Возможно, Юсупов верил в этот бред, поскольку его следы обнаруживаются даже в показаниях, которые он давал после убийства.

Инициативу заговора Юсупов приписывает себе. Но зная авантюрно-скандальную «заговорщическую» натуру Пуришкевича, представляется, что в центре заговора все-таки был он. Косвенно же это подтверждается очень важным источником — «Некоторыми дополнениями к воспоминаниям Пуришкевича и князя Юсупова об убийстве Распутина», написанными В. В. Маклаковым и опубликованными в 1928 г. парижским журналом «Современные записки» (т. 34). Маклаков писал, что где-то в начале ноября к нему явился Юсупов, говорил о необходимости устранения Распутина, что будет на руку и оппозиции, так как только без него царь сможет «сделаться хорошим конституционным монархом».

Цель этого первого визита Юсупова, по мнению Маклакова, состояла в том, чтобы с его помощью найти террориста, который бы согласился убить Распутина. Юсупов, по-видимому, считал, что либеральная оппозиция и революционный лагерь — одно и то же или во всяком случае очень близки между собой. Маклаков, по его словам, отверг эту просьбу, сказав Юсупову: «Вы что же, думаете, что у меня контора убийц?» Однако, как опытный адвокат и политик, он дал Юсупову важные для него советы. Маклаков сказал, что смерть Распутина от руки наемного убийцы, который может шантажировать «нанимателей» и которого могут найти, не даст необходимого политического эффекта. Нужно, чтобы убийство Распутина осталось некой загадкой, мистическим актом, а исполнители не были обнаружены. Юсупов ушел.

28 ноября Маклаков встретил Пуришкевича в Таврическом дворце, и тот спросил, был ли у него Юсупов. Этот вопрос дает основание пред-

положить, что «поход» Юсупова к Маклакову, о котором шла речь, был, по крайней мере, согласован с Пуришкевичем. Пуришкевич сказал Маклакову, что все его советы «выполнены», что наемных убийц не будет, «участвуют только интеллигентные люди», а само убийство произойдет ночью с 16 на 17 декабря.

После этого Юсупов побывал у Маклакова еще два или три раза. И вновь знаменитый адвокат давал ему различные советы, вплоть до «техники» самого убийства. «Убить, — говорил он, — лучше всего ударом; можно будет потом увезти труп в парк, переехав автомобилем, и симулировать несчастный случай». Юсупов попросил у Маклакова лежавший у того на столе «кистень с двумя свинцовыми шарами на короткой гнущейся ручке». Маклаков отдал.

Когда читаешь все эти признания Маклакова, поражаешься: как мог такой человек вести подобные переговоры? Ведь он становился соучастником готовившегося преступления и действительно стал бы им, если бы поддался уговорам Юсупова и Пуришкевича «быть у них под рукой» и остался в Петрограде. Но при встрече Пуришкевич сказал, что вел. кн. Дмитрий Павлович не настаивает на присутствии Маклакова. По его убеждению, заговор и убийство должны обойтись без кадетов, чтобы стать делом рук «истинных и преданных монархистов». Уже на обратном пути в Петроград Маклаков узнал, что Распутин мертв.

Заговорщики решили воспользоваться знакомством Юсупова со «старцем», у которого он лечился сеансами гипноза (где и как Распутин овладел этим искусством, так и остается невыясненным; и совсем не исключено, что этот странный «гипноз» составлял часть распутинской легенды). Проблема состояла в том, чтобы заманить Распутина в дом Юсуповых на Мойке. После покушения на «старца» летом 1914 г. в селе Покровское припадочной Гусевой (она, как говорил Распутин, «пырнула его ножом») и неудавшейся попытки убийства, организованной министром внутренних дел А. Н. Хвостовым летом 1916 г., Распутина тщательно охраняли. Во дворе дома на Гороховой улице и на лестнице, ведущей в квартиру Распутина, постоянно дежурили филеры, доносившие о каждом его передвижении и обо всех посетителях. Но заговорщики хорошо знали о расположении «старца» к «барынькам», и Юсупов не поколебался использовать свою жену Ирину в качестве приманки для Распутина. Правда, в Петербурге ее тогда не было, но Распутин об этом не знал. Юсупов должен был сказать ему, что родные Ирины не хотят, чтобы об этой встрече стало кому-нибудь известно. Распутин, кажется, исполнил условие, хотя, по некоторым данным, императрица Александра Федоровна знала

о предстоящей встрече «нашего друга» с Ириной и даже выразила недоумение: ей было известно, что та находилась в Крыму, но царица решила, что она, вероятно, уже вернулась... Распутин, по показаниям Юсупова, пораньше отпустил своих филеров, а заговорщики, чтобы еще больше запутать следы, по совету Маклакова позвонили в любимый «старцем» ресторан «Вилла Роде», сообщив, что Григорий Ефимович поздно вечером 16 декабря туда прибудет.

Развязка близилась. Вел. кн. Дмитрий Павлович на своем автомобиле проехал вдоль Невы, заранее наметил место у Петровского моста, куда в прорубь можно было бы бросить мертвого Распутина. Решено было принять Распутина в только что отремонтированном подвальном этаже Юсуповского дворца на Мойке. Тут была великолепная обстановка: витражи, роскошные гардины на окнах, огромный ковер и медвежья шкура на полу, кресла, обитые кожей, на столах — золотые кубки. Топился большой гранитный камин. На дубовом шкафу — распытье. Лестница вела наверх, в кабинет Юсупова, и во двор, что было очень удобно для заговорщиков.

Слугам было приказано приготовить пирожные, пирожки, другие сладости, вино, в том числе любимую Распутиным мадеру, и удалить. Юсупов вынул из шкафа коробку с цианистым калием в виде палочек, взял со стола тарелку с бисквитами (их было шесть: три шоколадных и три миндальных), а доктор Лазаверт, надев резиновые перчатки, растолок яд и всыпал в шоколадные пирожные большую порцию смертоносного порошка. Остатки яда надо было всыпать в приготовленные рюмки, но решили сделать это позже.

Убийство

Юсупов с Лазавертом поехали на Гороховую. Во дворе дома № 64 их остановил дворник, но Юсупов объяснил, к кому они едут, и дворник, хотя и недоверчиво, но пропустил их. Лазаверт остался в машине, а Юсупов поднялся по лестнице, позвонил. Лязгнула дверная цепочка. Распутин посмотрел, кто приехал, и впустил гостя. Вошли в кухню. Там было темно, но Юсупов, видимо, от волнения, прятал лицо в поднятый воротник. Распутин спросил: «Ты чего это закрываешься?» — «Так ведь мы сговорились, чтобы про сегодняшнее никто не знал», — ответил Юсупов. Распутин кивнул головой: «Верно, верно. Я и своим ничего не сказал, и «тайников» (филеров и агентов охраны. — Г. И.) всех услад».

Зашли в спальню, где Распутин надел заранее приготовленную шубу, бобровую шапку и высокие фетровые галоши. Спросил, не будет ли

еще кого-нибудь у Юсупова, и вдруг сказал: «А знаешь, заезжал ко мне вечером Протопопов, и слово с меня взял, что я в эти дни сидеть буду. «Убить, говорит, тебя хотят; злые люди-то всё недоброе замышляют...» А ну их! Все равно не удастся — руки не доросли».

Спустились по темной лестнице, сели в машину. Поехали...

Когда находившиеся наверху Пуришкевич, Дмитрий Павлович и Сухотин услышали, что «старца» привезли, они, в соответствии с задуманным планом убийства, завели граммофон. Раздалась мелодия модной в то время американской песенки «Янки дудл». Уже усевшийся возле стола Распутин поднял голову, насторожился: «Что это — кутеж?» Юсупов сказал ему, что там, наверху, у Ирины гости и после их ухода она спустится вниз.

Убийство в деталях, вплоть до мельчайших подробностей описано Юсуповым и Пуришкевичем в их воспоминаниях. Но как трудно отделить в них правду от вымысла! Ведь распутинской легендой и тот и другой хотели объяснить и еще в большей степени оправдать свои действия перед современниками и потомками. Картиной невероятной, чуть ли не сверхъестественной «живучести» Распутина они хотели убедить, что убивали не обыкновенного смертного, а какого-то «сверхчеловека», дьявола во плоти. На Распутина не действовал яд, который был в бисквитах и вине. Он лишь мрачнел, пил и просил Юсупова играть на гитаре. Когда Юсупов под каким-то предлогом поднялся наверх, находившиеся там заговорщики были в панике. Решили все вместе наброситься на «старца» и задушить его. Но Юсупов, взяв револьвер, спустился вниз и выстрелил в Распутина. Тот навзничь свалился на медвежью шкуру. Юсупов и остальные подошли к лежавшему на спине Распутину, осмотрели рану. Пуля прошла навылет в области сердца, и сомнений быть не могло: «старец» мертв. По словам Юсупова, «настроение у всех было повышенное. Мы верили, что событие этой ночи спасет Россию от гибели и позора».

Дальнейшее спланировали так. Сухотин, изображая Распутина, в его шубе и шапке, в открытом автомобиле Пуришкевича, в сопровождении вел. кн. Дмитрия Павловича и Лазаверта поедет по направлению к Гороховой улице. Одежду Распутина завезут на Варшавский вокзал и сожгут там в санитарном поезде, снаряженном Пуришкевичем для поездки на фронт за ранеными. Потом они должны были заехать к великому князю, сменить автомобиль и возвратиться на Мойку, где останутся Пуришкевич и Юсупов. После того, как, по их расчетам, след будет запутан, они должны были отвезти труп Распутина к Петровскому мосту и сбросить в полынью. Сухотин, Дмитрий Павлович и Пазаверт уехали. Юсупов и Пуришкевич сидели наверху, беседовали, «мечтая

о будущем родины, теперь избавленной от злого гения... Мы верили, что для России открывается новая эра и что люди, близко стоявшие к власти, освободившиеся от Распутина, быстро объединятся и будут энергично работать на благо России». Можно ли поверить в то, что такие благородные и светлые мысли приходили в голову людям, только что совершившим убийство?

Но мечтать о светлом будущем было еще рано. Когда Юсупов спустился вниз, он, к ужасу своему, увидел, что Распутин ожил. «Рывком вскочил на ноги, изо рта его шла пена... Комната огласилась диким ревом». Он подбежал к Юсупову, схватил его за плечи и скрюченными пальцами стал тянуться к его горлу. С трудом вырвавшись, Юсупов бросился наверх, призывая на помощь Пуришкевича: «Скорее револьвер, стреляйте, он жив!» Распутина не «брали» ни цианистый калий, ни пули. Он поднимался по лестнице, ведущей во двор, «рыча и хрипя, как раненый зверь». Но Юсупов знал, что дверь закрыта на ключ и выйти Распутин не сможет. Но если против Распутина оказались бессильными яд и пуля, то что для него запертая дверь? И к ужасу Юсупова, она действительно распахнулась! Распутин исчез в темноте. Пуришкевич бросился за ним. Раздалась подряд четыре выстрела. Распутин покачнулся и упал возле большого снежного сугроба. Юсупова охватила ярость. Он подбежал к «старцу» и «в бешенстве и остервенении начал избивать уже бездыханный труп кистенем, который подарил ему Маклаков». Пуришкевич впоследствии писал, что на его выстрелы прибежал городской. «Знаешь, кто я? — будто бы спросил Пуришкевич. — Я Пуришкевич, член Государственной Думы. Я убил Распутина». Для чего Пуришкевичу понадобилось такое признание? Ощущал ли он себя в этот момент героем, «делающим» историю, или просто находился в состоянии нервного потрясения? Трудно сказать. Что-то есть общее в иступленном избиении мертвеца кистенем и истерических кривляниях Пуришкевича перед оторопевшим городovým. «Историческая патриотическая акция» спасения монархии и России выглядела отвратительно и пошло...

Когда утром 17 декабря Распутин не явился домой, его домопадцы дали знать властям. Расследование было поручено начальнику Петроградского охранного отделения полковнику Глобачёву. Днем дежуривший на Мойке городской сообщил приставу, что примерно в 3 часа ночи он слышал выстрелы недалеко от дома Юсупова. Следствие уже шло полным ходом, когда императрица в панике телеграфировала находившемуся в Ставке царю: «Сегодня скандал в Юсуповском доме. Большое собрание — Дмитрий Пуришкевич и т.д. — все пьяные.

Полиция слышала выстрелы. Пуришкевич выбежал, крича полиции, что наш друг убит». Но она все еще надеялась на «Божье милосердие».

Обычно пишут, что, получив сообщение об исчезновении Распутина, Николай II спешно покинул Ставку и направился в Царское Село. Это не совсем так. Возвращение в Царское Село было запланировано заранее и связывалось с Рождеством. Уже в пути, 19 декабря, в царском поезде была получена телеграмма: «Сообщаю, вчера днем на Большом Петровском мосту внизу устья была найдена калоша, которую признали принадлежащей Григорию. На перилах моста усмотрели следы крови. По показаниям прислуги, Григорий уехал ночью вместе с князем Юсуповым, хотя к этому показанию отношусь недоверчиво». Спустившиеся под лед водолазы обнаружили и извлекли труп Распутина.

В дневниках Николая II нет никаких следов его тревожного состояния или волнения по поводу полученных известий о Распутине. Дворцовый комендант Воейков вообще утверждал, что известие о смерти Распутина не вызвало у царя скорби, скорее, наоборот, явилось «чувство облегчения». Только 21 декабря он написал в дневнике, что присутствовал на похоронах «незабвенного Григория». Единственная фраза...

Распутина похоронили в Царском Селе возле Государева Федоровского собора, входившего в комплекс так называемого Федоровского городка, построенного в стиле русской архитектуры XVII в. к 300-летию династии Романовых. На похоронах присутствовала только царская чета с детьми и А. Вырубова. В гроб положили иконку, цветы.

«Теперь всё дозволено»

Когда, зайдя в Министерство юстиции, Маклаков спросил директора уголовного департамента Лядова, нашли ли виновных, тот усмехнувшись, ответил: да они прекрасно известны, ведь сам Пуришкевич рассказал о происшедшем городовому, взяв с него слово молчать, а тот, конечно, обо всем донес по начальству. Лядов шуточно добавил, что задача следователя, которому поручено это дело, будет состоять в том, чтобы не найти виновных, ибо процесс по делу об убийстве Распутина просто немыслим: ведь будут затронуты имена «носителей высшей власти», а в сложившейся ситуации это просто опасно для государства. Но и по чисто формальным причинам такой процесс был невозможен: все сообщники преступления должны судиться одним судом, но, согласно законоположениям об императорской фамилии, великие князья были подсудны только императору.

Российские законы не предвидели случая сообщничества великого князя (Дмитрия Павловича. — Г. И.) и обыкновенных смертных. Поэтому нет иного выхода, говорил Лядов, кроме того, чтобы никого не найти и тихо спустить дело на тормозах.

Так и случилось. На обращении великих князей с просьбой о помиловании Дмитрия Павловича Николай II написал: «Никому не дано права убивать». Дмитрий Павлович немедленно был отправлен в русский экспедиционный корпус, находившийся в Персии. Эта ссылка спасла ему жизнь, ибо, скорее всего, после Октябрьского переворота он был бы убит, как и некоторые другие великие князья. Ф. Юсупова отправили в «ссылку» в собственное имение. Пуришкевич быстро покинул Петроград, уехав в своем санитарном поезде на фронт. Лазаверт и Сухотин тоже куда-то исчезли. Безднаказанность убийц произвела тяжелое впечатление. Подтверждалось укоренившееся убеждение о беззаконии в России, и, что еще хуже, — укреплялось мнение о бессилии власти, которая не посмела тронуть виновных.

Есть множество свидетельств того, что известие об убийстве Распутина вызвало настоящее ликование в Петрограде. Н. В. Савич вспоминал, что многие приветствовали этот акт чуть ли не как национальный праздник, как освобождение от страшного кошмара. «Три дня город ликовал». Породили Распутина правые. Они же и убили его, рассчитывая укрепить трон. Результат оказался обратным: они лишь сильнее расшатали его. Компрометация власти была полной. Теперь нужен был только толчок, чтобы она зашаталась или даже пала. Распутинское убийство было сигналом к тому, что в России отныне «все позволено».

После Распутина

Распутинская легенда растаяла как дым сразу после его исчезновения. Ничего не изменилось. В союзе с Антантой продолжалась война с Германией, и твердо, в который уже раз, было заявлено: она будет продолжаться до победного конца. Как и прежде, Николай II маневрировал, не уступая напору оппозиции слева и не слишком поддаваясь давлению справа. По всей вероятности, сознавая противостояние и напряженность в обществе, он стремился сохранить status quo до окончания войны. Если бы революции не произошло и война окончилась для России победой, перед ней открывались две возможности: либо патриотический подъем, превратившийся в шовинистический угар, привел бы к укреплению «самодержавного принципа», либо, напротив, союз с демократическими странами Запада содействовал бы дальней-

шей модернизации России и дальнейшему преобразованию режима в конституционном направлении. Ретроспективно представляется, что второй путь имел больше шансов на успех, хотя «национальные начала» в этом процессе почти наверняка были бы укреплены. Бывший премьер-министр Трепов в эмиграции писал, что Николай II так очертил политический курс в январе 1917 г. Проводить какие-либо радикальные реформы во время войны невозможно. «Русский народ по своему патриотизму понимает это и терпеливо подождет». Только отдельные группы общества, главным образом в обеих столицах, «желают волнений» ради осуществления собственных вождельней, но их «заставят успокоиться, хотя бы пришлось прибегнуть к репрессиям». После же окончания войны будут проведены реформы, которые «удовлетворяют интересы подлинного народа». Николай II надеялся на «смягчение» противоборствующих политических сил, рассчитывал на компромисс. В этом была его главная и роковая ошибка. Политика не терпит неопределенности. В годину «смуты и разврата» среднего, промежуточного пути нет. Этого до конца не понимали ни он, ни Керенский, ни через несколько десятков лет Горбачев. Это хорошо понимал Ленин...

То, что называют славной, бескровной Февральской революцией, конечно, не было таковой. В столице возникли банальные беспорядки на почве притеснений трудящихся. Петроградские военные и гражданские власти растерялись. Царь находился в Ставке, и без него никто не решался приступить к активным действиям. Между тем, по свидетельствам многих очевидцев, одного боевого полка было вполне достаточно, чтобы восстановить в Петрограде порядок. Именно в этот момент в события вмешались лидеры думской оппозиции. Сознательно ли они использовали возникшую анархию для достижения своих политических целей или поначалу, движимые страхом, пытались как-то справиться с ней, — сказать трудно. Скорее всего, было и то, и другое. Но так или иначе, руки у них оказались развязанными: царская чета была уже скомпрометирована так, что практически никто в эти критические минуты не оказал ей поддержки. Распутинская легенда сделала свое дело.

По свидетельству одной из дочерей «старца», он якобы пророчил, что с его гибелью погибнет и царская семья. На деле он погубил ее не своей смертью, а своей жизнью. Никто так не расшатал царский престол в России, никто так не унизил, не уронил в глазах народа и общества личности царя и царицы, никто так не дискредитировал царской семьи, как Григорий Распутин.

Новый постсамодержавный режим вынужденно потакал страстям толпы, с наслаждением топтавшей символы «проклятого прошлого».

О Распутине вспомнили в первые же мартовские дни 1917 г. По чьему-то наущению солдаты Царскосельского гарнизона выкопали гроб с его останками из могилы. Некоторое время он находился в вагоне поезда, стоявшего на запасных железнодорожных путях. Потом его облили бензином и сожгли. Пепел развеяли по ветру...

Тяжелая участь постигла главную распутинскую «другиню» — Анну Вырубову. Во время февральских событий в Петрограде она переселилась в Александровский дворец в Царском Селе, где находилась царская семья. Здесь дочери царя болели корью, от них, видимо, заразилась и Вырубова, и императрица Александра Федоровна самоотверженно ухаживала за всеми. 8 марта новый командующий Петроградским военным округом генерал Л. Г. Корнилов объявил, что царская семья со всем ее окружением берется под стражу. На другой день в Александровский дворец из Ставки был доставлен арестованный там Николай II.

Расследованием деятельности распутинских «темных сил» занималась теперь Чрезвычайная следственная комиссия, учрежденная Временным правительством. Естественно, что Вырубовой она уделила особое внимание. В ее доме произвели тщательный обыск. Подняли полы в поисках тайного хода в Александровский дворец и секретного провода в... Берлин. Слуге Вырубовой — Берчику — предлагали 40 тыс. руб. за выдачу этих тайн.

Решение об аресте Вырубовой было принято еще 5 марта. Поручено это было самому министру юстиции А. Ф. Керенскому. Но ввиду болезни Вырубовой дело, по-видимому, откладывалось. Однако в 20-х числах марта по подозрению в каких-то тайных переговорах с комендантом Царскосельского дворца ротмистром Коцебу и, очевидно, под давлением исполкома Петроградского Совета, искалеченную и большую женщину (в 1915 г. Вырубова попала в железнодорожную катастрофу) все-таки заключили в Петропавловскую крепость, где уже находились многие царские министры и высшие сановники. По воспоминаниям доктора И. Манухина, прикомандированного к Чрезвычайной следственной комиссии, режим, установленный здесь, был очень суровым, а охрана, состоявшая из солдат воинских частей Петроградского гарнизона, вела себя крайне грубо. Часто раздавались крики: «Всех вас перебить», сопровождавшиеся отборным матом. Многие арестованные пали духом. Но Вырубова, по воспоминаниям Манухина, держала себя с самообладанием. Между тем ей больше, чем другим, пришлось испытать не только физические страдания, но и моральные муки. «Любовницу Гришки и Николашки» могли «двинуть» прикладом винтовки или обозвать

непечатными словами. Свою связь с Распутиным она категорически отрицала, но от разговоров и расспросов о нем старалась уклониться. Однако считалось, что установление этой связи настолько важно для следствия, что Вырубову даже подвергли медицинскому обследованию, в результате которого установили: связи не было, Вырубова девственница. Манухин добился перевода Вырубовой в арестный дом на Фурштатской, где режим был легче и откуда проще было перевести ее в больницу.

Между тем в середине августа, накануне выступления Корнилова, следственные органы «нащупали» «монархический заговор», следы которого якобы вели в Тобольск, где уже находилась царская семья. Как вскоре выяснилось, все это оказалось блефом. Тем не менее группа «опасных монархистов», среди которых находилась и Вырубова, в сентябре была выслана за границу. Дальше Финляндии, однако, уехать не удалось. На станции Рихимяки толпа солдат высадила всех из поезда, ссыльных по распоряжению Гельсингфорского Совета армии, флота и рабочих доставили в Гельсингфорс на яхту «Полярная звезда», а на ней — в Свеаборг. Здесь их задержали матросы — «краса и гордость революций». В конце сентября 1917 г. мать Вырубовой И. И. Танеева каким-то образом нашла ход к председателю Исполкома Петроградского Совета Л. Д. Троцкому, и по его распоряжению Вырубову вернули в Петроград.

К этому же времени относится любопытный эпизод в жизни А. Вырубовой: ее встречи с М. Горьким. Вырубова позднее писала, что к ней он относился «с симпатией». По-видимому, она рассказывала ему многое, что интересовало его как писателя. Как утверждает Манухин, Горький хлопотал за Вырубову перед самим Лениным, прося его дать распоряжение не подвергать ее постоянным арестам. Почти целый год после этого она жила в Петербурге. Но в сентябре 1919 г. ее вновь арестовали на квартире матери. 7 октября под охраной красноармейца с Гороховой улицы, 2 (там помещалась петроградская ЧК) ее отправили в тюрьму. На Михайловской площади, посчитав, видимо, что опирающаяся на костыль Вырубова никуда не уйдет, он отлучился. Но ей удалось скрыться. Через некоторое время вдвоем с матерью они сумели нелегально переправиться в Финляндию, президент Финляндии барон К. Маннергейм служил в царской гвардии и знал родителей Вырубовой. Как пишет ее брат С. Танеев, он выдал ей «сертификат» на жительство. В Финляндии она «приняла тайный постриг и стала монахиней в миру». Вырубова умерла здесь в 1965 г.

Так была ли у Распутина «политика», опирающаяся на некие «темные силы»? «Политика» была. Она, по словам З. Гиппиус, сводилась

к следующему: «Чтобы жить мне привольно, ну и конечно, в почете; чтобы никто не мог мне препятствовать, а чтобы что я захочу, то и делаю. А другие пусть грызут локти, на меня глядя». Никакой другой политики у Распутина не было. Ужас русской жизни состоял в том, что человек с такой «политикой» сумел добраться до трона, а силы, стоявшие по левую и правую сторону от него, превратили его в «запальник» костра, в котором погибли почти все. Как не вспомнить В. Розанова, который писал: «С лязгом, визгом опустили над русской историей железный занавес. Представление окончилось. Публика встала. Пора одевать шубы и возвращаться домой. Оглянулись. Но ни шуб, ни домов не оказалось».

Рецензия на: Радзинский Э. Распутин: жизнь и смерть. М.: Вагриус, 2000. 575 с.¹

Эту книгу читать интересно. А как иначе? Одна тема чего стоит: Распутин! Только в последние 2–3 года о нем вышло несколько книг. Например, «Убить Распутина» О. Шишкина, «Распутин» А. Боханова и др. «Старец» вызывает ныне жгучий интерес. Читатель, по-видимому, усматривает тут какую-то «связь с современностью». Но сама по себе тема еще не все. Автор новой книги о Распутине — Э. Радзинский — популярный драматург, в перестройку «перековавшийся» в историка и стяжавший на этом нелегком пути чуть ли не всемирную известность. Он привнес в свои исторические труды режиссерское и драматургическое, даже драматургическо-детективное мастерство. Однако и это еще не полное объяснение. В трех главных своих исторических книгах: о Николае II, Сталине и вот теперь о Распутине автор использовал один и тот же прием — обещание раскрыть тайну, разгадать историческую загадку: загадку последнего царя — этого «сфинкса» династии Романовых — и тайну его гибели, загадочность «потаенного Сталина». И наконец, «тайну мужика». Как утверждает Радзинский, о Распутине написаны горы книг, но «под пером исследователей исчезло главное — его тайна» (с. 7). Теперь дошла очередь и до нее, и Радзинский твердо пообещал, что

¹ Печатается по: Иоффе Г. З. Рецензия на: Радзинский Э. Распутин: жизнь и смерть. М.: Вагриус, 2000. 575 с. // Отечественная история. 2002. № 3. С. 182–185.

именно он объяснит читателям, как же могло случиться, что неграмотный сибирский мужик «достиг величайшего могущества» (с. 467), поднялся на вершину власти.

Итак, свою исследовательскую планку писатель снова установил на рекордную высоту. Заявка сделана им самим, что дает право и обязывает судить в соответствии с ней о результатах исследования. Допустим, что все написанное о Распутине в самом деле не затронуло его «тайны». Тогда возникает вопрос: из чего она складывается? В первом приближении — из трех меньших «тайн»: как и почему мужик подошел к трону, что его удерживало там и, пожалуй, самое главное — каков был масштаб политического влияния «старца»?

Но как открыть тайну в истории, тайну, оставшуюся за семью печатями для других? Ясно: необходимы совершенно новые материалы, никем из историков ранее не виданные, не читанные. Ведь Радзинский сам признается, что долго не решался приступить к Распутину, не имея, как говорят историки, новой источниковой базы, новых, дотоле неизвестных документов. И вот они обнаружились, как и подобает остросюжетному детективу, невероятным, просто чудодейственным образом. Но прежде, чем рассказать об этом, нужно вкратце сказать об уже имевшемся документальном «банке данных» о Распутине. Основу его, конечно, составляют материалы созданной Временным правительством Чрезвычайной следственной комиссии, занимавшейся расследованием «противозаконных действий» министров и других высших должностных лиц «павшего» (т.е. царского) режима. Прежде всего это показания тех лиц, которые проходили перед следователями комиссии в качестве арестованных или свидетелей. Архивный фонд ЧСК огромен. В 1920 г. один из ее деятелей, литератор и историк П. Е. Щеголев издал часть материалов фонда в 7 томах. В них попали в основном не «распутинские дела», но и распутинские тоже.

В середине 1960-х гг. к этому изданию добавилось обширное «Постановление» следователя ЧСК Ф. Симеона, опубликованное в журнале «Вопросы истории» историком А. Л. Сидоровым. «Постановление» целиком относилось к Распутину и представляло собой обширную сводку из показаний многих лиц, так или иначе связанных со «старцем».

Однако ни щеголевские тома, ни симеонский обзор не удовлетворяли Радзинского. Щеголев — потому, что, во-первых, его «семь маленьких томиков» (с. 12) не содержат существенных сведений о Распутине, а во-вторых, политически тенденциозны. Что же касается Симеона, то тут, полагает Радзинский, «политическая тенденциозность» выступает еще отчетливее.

Странно слышать от Радзинского, который, кажется, изучил «все о Распутине», оценку щеголевского издания как «семи маленьких томиков». Чтобы протудировать эти книги, потребовалось бы никак не меньше нескольких месяцев. Впрочем, не это главное. Более важен вопрос о политической тенденциозности. Радзинский утверждает, что она проявилась в «подобранных» материалов таким образом, что в публикации не включались свидетельства людей, «любивших Распутина». А вот показания не любивших его — включались. Почему? А для того, чтобы «создать образ развратного мужика, обезумевшего от пьянства и вседозволенности, который руководил и царской семьей, и согласившимися прислуживать фавориту коррумпированными министрами» (с. 13). Ну а за этим уже просвечивала откровенная политика, ибо это и являлось тем самым, что требовалось как «февральским либералам», так после них и «октябрьским большевикам», — политически и морально скомпрометировать монархию Романовых.

Между тем приравнивать «февральских либералов» к «октябрьским большевикам» с точки зрения их стремления к компрометации царизма, пожалуй, так же «справедливо», как называть щеголевское издание материалов ЧСК «семью маленькими томиком». Ведь если послефевральская либеральная публицистика, а частично и историография такую цель перед собой действительно ставили, то большевистская (советская) историография Распутиным как средством «подрыва» политического лица царизма практически не интересовалась. Поэтому утверждать, что, например, публикация в 1927 г. журналом «Минувшие дни» сфабрикованного «Дневника Вырубовой», в котором красочно расписывался «романовско-распутинский маразм», якобы была в русле «мощной идеологической кампании по дискредитации царизма» (с. 16), — неверно. Публикация фальшивки тогда же была резко осуждена в журнале «Историк-марксист» как нечто такое, что «сеет заблуждения научного характера». Советская историография стремилась представить крушение царизма, говоря современным языком, итогом «системного кризиса», а Распутин в соответствии с этим подходом являл собой далеко не самое главное его проявление. Вот почему распутинская тема долго не была предметом изучения в советской исторической науке. Кажется, В. Пикуль стал одним из первых, кто поднял ее в своей книге «У последней черты». Но она как раз шла вразрез с официальной линией советской историографии и была подвергнута жесткой критике. У так называемой марксистско-ленинской историографии достаточно грехов и слабых мест, так что приписывать ей еще и то, что ей было несвойственно, не стоит.

Но вернемся к Радзинскому. Ознакомившись с «Постановлением» Симеона, он, естественно, захотел собственными глазами увидеть те показания, на которые тот ссылался. Тем более что там могли быть материалы, сознательно исключенные Симеоном как показания лиц, «любивших» Распутина. Поэтому Радзинский направился в архив, но... оказалось, что «документы исчезли!» (с. 13). Самое важное дело о Распутине, «То дело», как назвал его Радзинский, таинственным образом пропало! Как, когда, почему? Не потому ли, что именно оно-то и содержало «тайну», которую кто-то по каким-то определенным соображениям решил скрыть, унести с собой? И когда, видимо, уже казалось, что шансов нет, в тот самый момент вдруг... Радзинский попал в Большой театр, где оперой «Хованщина» дирижировал его друг, знаменитый музыкант М. Ростропович. По окончании спектакля Радзинский пошел за кулисы поздравить друга, а тот неожиданно сказал: «Я приготовил тебе такой подарок! Ты сойдешь с ума! Ты просто умрешь!.. Я купил тебе на аукционе “Сотбис” документы... целое огромное дело. И знаешь — о ком? О Распутине! Это допросы в ЧСК Временного правительства. Причем множества людей, которые его знали» (с. 25). И когда потом Радзинский приехал к Ростроповичу в Париж, он увидел огромный том. «Я открыл... — пишет Радзинский, — показания Филиппова, Сазонова, Вырубовой, Головиной... Это и было “то дело”, выдержки из которого цитировал следователь Симеон! “То дело”, которое я столько искал!» (с. 26).

Но судя по многочисленным цитатам из него, приводимым в книге Радзинского, дело это содержит в основном показания людей второго и даже третьего «ряда», соприкасавшихся со «старцем». Они находились вдали от Царского Села и, кроме свидетельств о частной жизни Распутина, мало что могли дать для решения центральной проблемы — «Распутин и власть». Сверх того, свидетельства некоторых лиц, которые Радзинским, по-видимому, восприняты в качестве неизвестных, уже давно находятся в научном обороте. Таковы, например, показания А. Вырубовой в «семи томиках» или отдельное дело Лохтиной, находящееся в С.-Петербургском историческом архиве, и т.д. Поэтому, не рискуя впасть в большую ошибку, можно, пожалуй, сказать, что Радзинскому вряд ли следовало ждать «самого длинного дня жизни», когда М. Ростропович вручил ему заветное «То дело», чтобы приступить к написанию книги о Распутине. Можно было начинать раньше. Хотя, конечно, немало любопытных деталей «То дело» действительно добавляет.

Центральный вопрос заключается в том, каковы же были те «пружины», которые подняли полуграмотного сибирского мужика к вы-

соте трона? Искусство целителя? Радзинский, кажется, без оговорок принимает эту версию. «В хлыстовских “кораблях”, где соединяли языческие заговоры от болезней с силой христианской молитвы, — пишет он, — учился он врачевать. Он постиг свою силу. Ему достаточно наложить на больного свои нервные, беспокойные руки — и болезни растворятся в них» (с. 53). Изображение Распутина как загадочного врачевателя вроде бы стало неоспоримым. Есть ли, однако, точные, проверенные факты, подтверждающие это? Чьи болезни «растворились» в «нервных руках» Распутина — цесаревича Алексея? Нет. Вырубовой после железнодорожной катастрофы 1915 г.? Тоже нет. Ведь она на всю жизнь осталась искалеченной. Сына Симановича, которого излечил от «пляски Святого Витта»? Сам Симанович в своих «мемуарах» «Распутин и евреи» утверждает — да, вылечил. Но Симанович был проходимцем такого уровня, что «мемуарам» его может доверять, по выражению одного киногероя, только «самый глупый дурак».

Сказанное не означает, что обладавший какими-то экстрасенсорными качествами Распутин не мог оказывать на больных людей успокоительного, умиротворяющего действия, облегчавшего их страдания. Скорее всего, так было и с императрицей Александрой Федоровной, нервная система которой, по-видимому, была сильно расшатана. Что касается «главного пациента» Распутина — цесаревича Алексея, то на этот счет имеется примечательное свидетельство доктора Е. С. Боткина, в соответствии с которым Распутину каким-то образом удавалось улавливать время окончания обострения у мальчика болезни и таким образом являть «чудо исцеления». Так или иначе, это привело Распутина к трону и удерживало возле него.

Но существовал и другой фактор, может быть, значительно более важный. Во всяком случае, пожалуй, именно он обусловил «восхождение» Распутина. Однако «То дело», которое, по уверению Э. Радзинского, наконец должно было пролить свет на эту «загадку», почти ничего не прибавляет к давно известному. Больше того, и не могло ничего добавить, ибо не среди откровений его героев следует пытаться найти ответ на вопрос о «чуде» распутинского взлета. Этот ответ — скорее в той идеологической, политической атмосфере, которая тогда существовала и которая отложилась в документах и материалах, имеющих мало общего с «Тем делом». И если бы Радзинский действительно пожелал раскрыть «тайну Распутина», ему пришлось бы окунуться в сложнейшие перипетии политической борьбы в России начала XX в., в том числе, естественно, захватившей и самые верхи власти.

Вне этой политической борьбы никакие распутины попросту не могли бы существовать. Распутин — политическая фигура не потому, что в той или иной степени оказывал влияние на политику, а потому, что он сам в большой степени порождение политики и использовался в политических целях. Напомню, что Распутину при Дворе предшествовал некий французский «магнетизер» Филипп Вашо, которого в правых кругах рассматривали как орудие западного либерал-масонства и устранение влияния которого было главной задачей некоторых идеологов самодержавия. Тут ключевую роль играл религиозный философ и писатель Сергей Нилус, возможно сам претендовавший на роль «серого кардинала» возле трона. Но у него не сложилось. В церковных кругах сделали ставку на «удивительного мужика» из Сибири и изыскали путь продвижения его к трону. Нет, Радзинский не игнорирует, так сказать, идеологическую сторону дела и тоже пишет о стремлении определенных сил донести до царского трона идею: «В простом народе, в простых людях скрыты и правда, и чудо, и сила. Надо только заключить союз с народом напрямую, минуя “разложившуюся интеллигенцию”, мздоимцев-чиновников, чванливых придворных. «Народ и царь — и между ними никого»» (с. 63). Действительно, эта идея проводилась правыми, и ее, по их замыслу, должен был олицетворять человек из «народной толщи». Но у Радзинского все это приобретает весьма своеобразную осовремененную трактовку.

По его мнению, идея «народ и царь» — «это была идея, объединявшая всех русских интеллигентов, даже самых радикальных, ненавидевших царей и ненавидимых царями. Все наши “властители дум”, столь часто ссорившиеся друг с другом и отрицавшие порой друг друга — Толстой, Достоевский, Тургенев, — все направления русской философской мысли сходились на идее: только простой народ, нищий, голодный, неграмотный и забытый, владеет некоей сокровенной истиной... И “русский царь” исповедовал ту же идею!» (с. 63).

Узнаем мы и еще одно совершенно не замеченное историками обстоятельство: вероятное существование некой идейной близости большевизма с «распутинизмом». Оказывается, будущий управляющий делами Совнаркома, друг Ленина и еще до революции знаток русского сектанства В. М. Бонч-Бруевич в 1910 г. стал... «преданным почитателем» Распутина. И не только потому, что как специалист мог интересоваться хлыстовством, в котором подозревался Распутин. Дело в том, что Ленин еще на II съезде РСДРП разъяснил, что хлысты ненавидят все, что «исходит от начальства», и потому в их среде большевики могут «приобрести очень много друзей» (с. 171). И когда на Распутина начались наветы как на хлыста, Бонч (уж не по прямому ли указанию

Ленина?) удостоверил, что нет — «старец» не хлыст. В письме в редакцию журнала «Современник» он прямо писал о политической подоплеке важности «реабилитации» Распутина, который раньше был с правыми, а теперь стал иным, и правые, видя, что Распутин ускользает из сферы их тлетворного влияния, стали валить его всеми силами. «Член одной тайной организации, — заключает Радзинский, — должен был защитить члена другой тайной организации. Должен был защищать возможных друзей» (с. 122).

Что еще нужно добавить в эту микстуру из черносотенно-монархической «почвенности», приписываемой чуть ли не всей «русской философской мысли» и большевистской «подпольной коварности», чтобы заинтриговать современного «продвинутого» читателя? Конечно же, секс. Куда же нынче без секса? Вот тут «То дело» оказалось настоящим кладом информации! Хотя для того, чтобы рассказать об этой стороне деятельности «старца», также можно было не ждать, пока Ростропович купит «То дело» на аукционе «Сотбис». Впрочем, Радзинский и здесь находит «современный» мотив. Речь, в частности, идет о взаимоотношениях треугольника: императрица — Распутин — Вырубова. Вопрос об определенных отношениях царицы и «мужика» отпал давно как явная клюква бульварной прессы. Но что связывало Александру Федоровну с Вырубовой, проходившей в личной переписке Николая II и царицы под кодовой кличкой «корова»? «Я много думал о ее (Вырубовой. — Г. И.) отношениях с Аликс, — пишет Радзинский. — В основе дружбы Вырубовой с царицей лежало тайное чувство, глубоко скрытое, подавленное. Оно и притягивало несчастную Аликс, и пугало ее...» (с. 106). Догадываетесь, что это было за чувство? Заметим, что о принадлежности одного из убийц Распутина Феликса Юсупова к сексуальному меньшинству в книге Радзинского, между прочим, говорится немало.

Однако главный пункт для всякого пишущего на тему «Распутин, распутиниада» — это вопрос о реальной политической роли «мужика». В «прологе» к своей книге Радзинский упоминает пьесу А. Толстого и П. Щеголева «Заговор императрицы», много лет не сходившую со сцены. Это была пьеса «о попытке произвести дворцовый переворот и сделать правительницей страны Александру Федоровну». Пьеса, замечает Радзинский, имела «анафемский успех» (с. 16). В то же время она была частью идеологической кампании «по дискредитации царизма» в 1927 г., когда отмечалось 10-летие революции. Мы уже отмечали, что «идеологические кампании» большевиков, тем более через 10 лет после прихода к власти, вряд ли нуждались в распутиниаде. Но следует сказать, что Щеголев и Толстой не являлись тут «перво-

проходцами». Идея заговора императрицы и ее фаворита Распутина была заимствована ими и драматургически разработана из расхожих домыслов кануна Февральского переворота и последующего периода. Сейчас бы это назвали «черным пиаром», цель которого — «сброс» сфальсифицированного компромата. Такова уж, видимо, сила «черного пиара» — правда или нет, а «отмыться» нелегко. И вот уже десятки лет пиар этот упорно держится: клубничка!

Незадолго до выхода в свет книги Радзинского появилась книга О. Шишкина «Убить Распутина», в которой заговор императрицы и «мужика» обрел очень четкое политическое содержание. Они якобы сознавали гибельность войны для царского режима и при поддержке германской агентуры готовили переворот с целью устранения «слабого царя», заключения мира и проведения реформ. Известна даже первоначальная дата переворота — 6 декабря 1916 г., хотя затем пришлось перенести его на январь 1917 г. А когда был убит «старец»? Правильно: в ночь на 17 декабря 1916 г. Поэтому и доказывать нечего: «старца» убрали, дабы сорвать заговор.

Способно ли неожиданно обретенное «То дело» пролить хоть какой-нибудь свет на тайну «заговора императрицы»? Судя по содержанию обильных цитат, приводимых в книге, ответ один: нет. Понимаю, что могу получить отповедь: вас-де около «Того дела» «не стояло». Это так. Но ведь будь в нем что-либо весомое, Радзинский наверняка процитировал бы этот материал. Ничего подобного нет. Да иначе вряд ли могло и быть. Ведь в «Том деле» — показания главным образом тех людей, которые, по словам Радзинского, «любили старца», а это в большей своей части либо завсегдатаи его «салона», либо кружившиеся, как мошпара, у дверей этого «салона». С большой политикой они почти не соприкасались и в коридоры власти не проникали.

Исходя из «наличного материала», Радзинский конструирует свою версию заговора императрицы и «мужика». Заговор, по Радзинскому, вытекал из опасения «мужика» и некоторых лиц из его окружения в конце концов утратить свою значимость при Дворе. А она была огромна. Это он, Распутин, «свалил» самого Столыпина (с. 164–165), не допустил Россию до войны на Балканах (с. 216), а мог бы остановить и ее вползание в Первую мировую (с. 286), так как хорошо понимал, что война приведет к краху режима. «И большевики победят потому, — пишет Радзинский, — что поймут и осуществят светлую идею “темных сил” — заключить мир. Любой ценой». И потому царица и Распутин — «предтечи большевиков» (с. 455). Не слабо?

Не только в ключевых вопросах внешней политики чувствовалась указующая рука «мужика». Во внутренней она, может быть, еще

виднее. В сущности, по его советам и указаниям в 1915 г. были приняты меры по созданию «мобилизационной системы»: введены твердые цены, конвертирование предприятий на военный лад, введение нормирования продуктов и т. д. «Все, к чему призывает Распутин, — утверждает Радзинский, — будет делаться. А завершат все это уже большевики! Так что некоторые меры военного коммунизма были предложены еще до Ленина... мужиком Григорием Распутиным! А осуществлять их начал... последний царь!» (с. 351).

Вполне естественно, что, «достигнув величайшего могущества» («Россия у меня в кулаке!» — хвастал он), «мужик» живет «в постоянном страхе перед покушением» (с. 467). Вот где подлинный мотив заговора, объясняет Радзинский: «И сам мужик, и люди, его окружавшие, понимали: надо торопиться, наши должны прийти во власть! Но главное, это отлично понимала Аликс» (с. 316). Мозговой центр ее «Тайного кабинета» — мужик, Вырубова, Андронников.

Можно ли обосновать такое столь важное для истории предреволюционной России утверждение? Документально нет. Даже «То дело» бессильно в такой попытке. Однако для Радзинского это не проблема. Да, документов нет, но могли бы быть. Для чего, почему Аликс и Вырубова сожгли множество писем в первые революционные дни? Что в них было? Мы этого не знаем и никогда уже не узнаем, но раз жгли, значит, «что-то опасное» (с. 453). А сохранись они, можно было бы установить, что «царица и Подруга» намеревались заняться управлением страной. «Вместе с мужиком» (с. 326). И с Вырубовой тоже? Да. Об этой женщине, пишет Радзинский, существует довольно устойчивое мнение как о недалекой, даже глуповатой. Но так мог думать, скажем, следователь ЧСК Руднев, которого она сумела «обвести вокруг пальца». А на самом деле Вырубова была гроссмейстером «психологических игр» и после революции сумела «использовать» М. Горького и даже самого «вождя революции» Троцкого, вышла на свободу, пыталась освободить царицу и организовала «собственное бегство из большевистской России» (с. 102). Но при этом умела выглядеть «простой дурехой»! Хорош был «Тайный кабинет» у царицы!

Когда начинаются смутные времена и падает существовавший режим, надо торопиться успеть заглянуть в его «закулисье», отгадать его «загадки» и «тайны». Потому что наступает время особого вида истории. Бальзак говорил, что история подделывается уже в тот момент, когда она делается. А потом ее пишут либо «по заданию партии и правительства», либо, по выражению Чичикова, «по склонности собственных мыслей». Но история, пишущаяся во времена Смуты, это и ажиотажная история — отклик на жажду сенсаций и на не-

обычный коммерческий спрос. Быть мастером ажиотажной истории дано далеко не каждому. Нужно точно «вычислить» тему и обладать пером, способным заинтриговать, увлечь читателя. Словом, необходим талант. Радзинский — талант, соответствующий всем требованиям ажиотажной истории.

А как же «тайна Распутина», которая якобы раскрыта им с помощью «Того дела»? Да нет никакой тайны. Есть и будет много непонимания, незнания, но это не тайна, а реальность прошлого, проникнуть в которое, может быть, и невозможно. И тут никто ничего изменить не может. Тем более корифеи ажиотажной истории. Скорее, наоборот, — еще больше запутают...

А. М. ЭТКИНД

**Хлыст
(Секты, литература и революция)¹**

<Фрагменты>

После десятков томов, которые были написаны о Распутине с очевидно корыстными целями, узнать «правду» о нем кажется вовсе невозможным. Критика источников в этой области ведет к пустоте. Слишком многое, что говорилось и писалось о Распутине, было выдуманно. Ситуация предназначена для иного способа анализа. Не так уж интересно, был ли Распутин на самом деле сектантом; был ли он развратен; связан ли был с масонами и так далее. Важнее проследить, кто его считал таковым, а кто нет; от чего зависели эти восприятия; и к каким действиям они вели. В мире Распутина история дискурса открывает более глубокую «правду», чем история фактов. Это понимали уже при жизни героя:

Странник <...> утонул в море анекдотов о нем, которых чем более — тем гуще они заволакивают от нас существо дела. <...> В этом-то и заключается главное, — и чем выше гора анекдотов, тем все они становятся необъяснимее, и тем это главное вырастает в силе и значительности <...> Перед глазами России происходит не «анекдот», а *история* страшной серьезности*.

Взятое курсивом слово *история* показывает, что хочет и чего не может написать Василий Розанов. В самом деле, историю Распутина написать почти так же трудно, как написать историю царя Энея или историю Иванушки-дурачка. Можно написать историю вымысла, и невозможно написать историю фактов, которых почти нет; но этот «анекдот», взятый

¹ Печатаются фрагменты по: Эткинд А. Хлыст. (Секты, литература и революция). М.: Новое литературное обозрение, 1998. С. 585–586, 598–607.

* В. В. Розанов. *Апокалиптическая секта (хлысты и скопцы)*. Петербург, 1914, 205.

в целом, и есть «история страшной серьезности». Другой пронизательный современник вспоминал так: «История с Распутиным была широко распространена. Я не люблю этой истории; в том, как рассказывалась она, было видно духовное гниение народа»*. В этих двух фразах дважды упоминается ключевое слово, и Виктор Шкловский играет с его омонимией: не история Распутина, а история с Распутиным. Не то, что и как было, а то, что и как рассказывалось; не события как история, а история как нарратив.

* * *

Смерть или уход?

В июне 1916 года Распутин уверял своих поклонниц, что ему положено пробыть в миру еще пять лет, а потом он скроется в глухом месте и «там будет спасаться, строго соблюдая устав древней подвижнической жизни»**. Иными словами, Распутин излагал программу одного из согласий бегунов, так называемых странников-христоролюбцев, которые живут в миру обыкновенной жизнью, а перед смертью обязаны для своего спасения уйти в бега.

Факт его смерти вызвал недоверие и у его поклонниц, и у царской семьи. Белецкий вспоминал: «Я видел по лицу А. А. Вырубовой, какая сильная душевная борьба происходила в ней от начавшего заползть в ее душу сомнения»; вообще среди почитательниц Распутина после смерти его «почти ни у кого не оставалось прежней веры в его духовную особенность»***. Вполне вероятным кажется, что чувства «распутинок» были вызваны их верой в бессмертие старца. Окружение царской семьи имело немалый опыт общения с мертвыми; Протопопов, например, слыл специалистом в некромантии. Впрочем, и народ верил, что антихриста просто так застрелить и утопить нельзя. «Об убийстве Распутина продолжают циркулировать самые противоречивые, самые фантастические версии», — записывал французский посол****. «Теперь ждем чудес на могиле <...> Охота было этой мрази венец создавать», — иронизировала Гиппиус*****. Этой оккультной атмосферой объясняется и необычный ритуал погребения. В крышке металличе-

* В. Шкловский. *Сентиментальное путешествие*. Москва: Новости, 1990, 26.

** Юсупов. Коней Распутина (воспоминания), 414.

*** Белецкий. Воспоминания, 18.

**** Палеолог. *Распутин*, 109.

***** Гиппиус. *Синяя книга. Петербургский дневник*. Белград, 1929, 66.

ского гроба, напротив головы, было оставлено отверстие в пол-аршина диаметром. Около ста лет назад в склепе известного скопца Шилова под Петербургом была оставлена точно такая же дырка; в могилу опускали сухарики, которые потом почитались как святыня. После Февральской революции труп Распутина продолжал беспокоить власти; на всякий случай его эксгумировали и сожгли, что вызвало еще одну волну домысла.

Итак, перед самой своей гибелью Распутин собирался уйти, вновь стать святым странником. В русской традиции хорошо известна такая история; ее рассказывали об Александре I, который не умер, а стал сибирским странником Федором Кузьмичом. Миф этот, в Серебряном веке ставший чрезвычайно популярным, дал начало множеству текстов. Сам Лев Толстой думал и писал об уходе Александра незадолго до собственного ухода*. Бердяев считал эту легенду «очень русской и очень правдоподобной»**. Среди тех, кто верил в перевоплощение Александра и просчитывал политическое значение такого факта, буде он официально признан, — официальный биограф Императора Николай Шильдер.

Установленная этим путем действительность оставила бы за собою самые смелые поэтические вымыслы <...> В этом новом образе, созданном народным творчеством, император Александр <...> представился бы самым трагическим лицом русской истории***.

В этом финальном аккорде 4-томного труда слышна воистину необычная нота. Автор знает, как создать такую действительность, которая превзойдет самые смелые вымыслы. Сын военного инженера, любимца Николая I, Шильдер нашел свой способ служения Отечеству: переизобретение его истории. Жизнь его ампиричного героя, уверен Шильдер, «могла бы послужить основой для неподражаемой драмы с потрясающим эпилогом». История пишется в сослагательном наклонении и открыто, без колебаний подчиняется законам поэтики****.

* Л. Толстой. *Посмертные записки старца Федора Кузьмича* (с послесловием Вл. Короленко к примечанием В. Черткова) — *Русское богатство*, 1912, I, 9–36, очередную попытку воскресить эту историю см. в вымышленных мемуарах Федора Кузьмича: Michael Klimenko. *Notes of Alexander I, Emperor of Russia*. New York: Peter Lang. 1988.

** Н. Бердяев. *Русская идея* — в кн.: *Русская идея*. Москва: Искусство, 1994, 2, 221.

*** Н. К. Шильдер. *Император Александр Первый. Жизнь и царствование*. Санкт-Петербург: издание А. С. Суворина, 1905, 4. 448.

**** Что, впрочем, не такая редкость, как кажется, см.: Hayden White. *Metahistory. The Historical Imagination in Nineteen-Century Europe*. Baltimore: John Hopkins University Press, 1973.

Автор не утверждает «правду» своей идеи, но уверен в ее пользе для нового единства между царем и народом. С тактом, соответствующим серьезности темы, Шильдер берет на себя лишь скромную роль изобретателя, предлагающего глобальный проект, но оставляющего последнее слово за верховной властью. Николаю II решать, увенчается ли путь Александра I «небывалым загробным апофеозом, осененным лучами святости»*. Возможно, программа-максимум состояла в канонизации Императора; военных побед для этого мало, надо было прибавить мистическое опрощение. Историк был не одинок в этом желании. «Для меня нет никакого сомнения, что старец Федор Кузьмич был, действительно, император Александр I. И мне жаль, что это не объявлено, ибо для народа он, несомненно, был бы святой; и это намного подняло бы престиж царской власти»**, — писал князь Дмитрий Хилков, вернувшийся в православие сектант и социалист-революционер.

Дискурсивное значение легенды о Федоре Кузьмиче в эпоху, создавшую Распутина, очевидно. Культурно-политическая ситуация требовала исторического оправдания и канонического прецедента. Столетней давности перевоплощение царя в старца дало бы обоснование новому союзу царя и старца. Прецедент Федора Кузьмича доказывал бы не только близость, но и обратимость царя и пророка; не только их совместимость друг с другом, но и возможность переходов между этими состояниями. Опрокинутый в прошлое, сюжет естественно принимал фольклорный характер. Но в культуре модерна фольклора уже не хватало; требовались исторические доказательства или видимость таковых. Как обычно, история оказывалась средоточием борьбы между дискурсами, претендующими на власть. Политика Распутина, несомненно, распространялась на эту область. Около 1915 года архимандрит Алексей (Кузнецов) составил книгу «Юродивые святые Русской церкви», в которой утверждал, что у некоторых святых «юродство проявлялось в форме половой распущенности». Автор пытался защитить свою книгу в качестве диссертации в Петербургской духовной академии, но потерпел неудачу. Зато в высшем свете показывали экземпляр, в котором рукою Императрицы были подчеркнуты места о распущенности святых старцев; вся книга написана «в оправдание Распутина» и послужила своей цели, — пролистав книгу, понял главный священник русской

* Шильдер. *Император Александр Первый. Жизнь и царствование*, 4, 448.

** *Письма князя Д. А. Хилкова*. Сергиев Посад. Религиозно-философская библиотека, 1916 2, 42.

армии*. Авторитет профессиональной истории был нужен тем, кто вновь пытался сочетать царскую и пророческую роли.

Но Николай II не воспользовался той возможностью легитимации Распутина, которую предоставляла история Федора Кузьмича. Интересно разобраться, что или кто ему помешал; во всяком случае, не уважение к исторической правде. К столетию начала Отечественной войны официальную версию жизни Александра I писал Николай Михайлович Романов, президент Исторического общества**. Слывший другом Льва Толстого и сторонником конституции***, дядя царя годами выступал против Распутина; его даже называли главой династического заговора, направленного на изоляцию Распутина и Александры Федоровны. Действительно, великий князь был первым, к кому пришел искать защиты убийца Распутина. После революции Николай Михайлович был расстрелян большевиками в Петропавловской крепости.

Высокопоставленный историк был, по его собственным словам, «почитателем и приятелем» Шильдера. «Сознаюсь откровенно, что и пишуший эти строки много лет увлекался той же легендой», — признавался Николай Михайлович по поводу Федора Кузьмича. Но, продолжал историк, результаты изысканий оказались «обратны тому, на что мы возлагали надежды»****. Эта динамика имеет первостепенную важность; на нее повлияли и знакомство с историческими документами, и изменение политической ситуации. К 1912 г. Николай Михайлович предпочитал уже забыть свои прежние увлечения: «Мы недоумеваем, зачем понадобилось почтенному и симпатичному Николаю Карловичу (Шильдеру) <...> подводить все обстоятельства <...> под известную специальную призму» (там же).

По-видимому, отказ придать официальный статус легенде о Федоре Кузьмиче был личным решением Николая Михайловича, не желав-

* Шавельский. *Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота*. I, 67.

** Вел. кн. Николай Михайлович. *Легенда о кончине императора Александра I в Сибири в образе старца Федора Кузьмича*. Санкт-Петербург, 1907; Он же. *Император Александр I. Опыт исторического исследования*. Санкт-Петербург, 1912.

*** И даже более того: по словам его младшего брата, Николай Михайлович был убежденным сторонником парламентской системы французского образца и в 1910-х годах считал ее пригодной для России: Grand Duke Alexander of Russia. *Once a Grand Duke*. London: Cassel, 1932, 168.

**** Николай Михайлович. *Император Александр I. Опыт исторического исследования*, 348, 327.

шего таким способом участвовать в стабилизации положения Распутина. Та столетней давности история, которую изучал великий князь, не подтвердила романтически привлекательного мифа; а та история, в которой жил и, кажется, неплохо разбирался сам историк, доказывала ему опасность легитимации престола подобными средствами. Теряя присущую ему солидную сдержанность, Николай Михайлович восклицал о версии превращения Александра I в сибирского старца: «Даже зарвавшаяся фантазия должна иметь пределы!»* (любопытно, как близки его чувства предсмертному крику пушкинского царя Дадона, обращенному к его советнику-скопцу: «Но всему же есть граница!»). Благодаря Николаю Михайловичу, в тот раз история как нарратив о прошлом оказала реальное влияние на историю как течение настоящего.

Хлыст или православный?

В 1912 году, после своей ссоры с Распутиным и последовавшей опалы, епископ Гермоген давал такие интервью газетам:

Я считаю главнейшими виновниками В. К. Саблера и известнейшего хлыста Григория Распутина, вреднейшего религиозного веросовратителя и насадителя в России новой хлыстовщины <...> Это опаснейший и, повторяю, яростный хлыст <...> Он свой разврат прикрывает кощунственно религиозностью**.

В другой раз Гермоген требовал отлучить от церкви Распутина, а вместе с ним больше ста русских писателей, которых он обвинял в «неохлыстовстве»***. Сам Распутин отвечал в таких выражениях: «Вот говорят, что я хлыст. Какой же я хлыст. Упаси, Господи. В церковь хожу, признаю все догматы, молюсь <...>. Какой же я хлыст. Клеветцуг, милый, на меня»****.

Проблема обличения хлыста была вполне не разрешима и могла поддерживаться только конспиративной культурой русского подпо-

* Николай Михайлович. *Император Александр I. Опыт исторического исследования*, 148.

** Корректуря статьи для газеты «Свет», собственноручно выправленная епископом Гермогеном 13 июня 1912 — Гуверовский архив (Станфорд), фонд Николаевского, оп. 216, ед. хр. 6.

*** А. С. Пругавин. *Бунт против природы (о хлыстах и хлыстовщине)*. Москва: Задруга. 1917, I, 9.

**** *Беседа с Т. Е. Распутиным* — Гуверовский архив фонд Николаевского, оп. 129, ед. хр. 2.

ля, религиозного и политического. Трудно представить себе обсуждение того, кем был, например, Руссо, католиком или протестантом. Миссионеры описывали хлыстов посещающими православную церковь и отправляющими свои ритуалы в глубокой тайне, что позволяло подозревать каждого и не давало возможности выявить никого. К тому же сектантами не рождаются, а становятся. Распутин мог быть в молодости хлыстом и обратиться в православие (что утверждал на основе довольно темных признаков Ключев*), или наоборот. Тем не менее правительство пыталось досконально разобраться в том, что начальник Департамента полиции называл «духовным мировоззрением» Распутина и даже «религиозной стороной его духовной структуры». Белецкий признавал, что «официально установить, на основании фактических и к тому же проверенных данных» принадлежность Распутина к хлыстам ему не удалось. Белецкий внедрил на сибирскую родину Распутина своего агента с заданием расследовать этот вопрос; из донесений «было очевидным уклонение Распутина от исповедания православия и несомненное тяготение его к хлыстовщине, но в несколько своеобразной форме понимания им основ этого учения, применительно к своим порочным наклонностям»**. Доказательств по-прежнему не было. Впрочем, лично познакомившись с Распутиным, Белецкий «укрепился» в прежних выводах.

Предполагаемая принадлежность Распутина к секте хлыстов оказывалась важной темой идейной борьбы. Чем негативнее относились к Распутину, тем определеннее зачисляли его в хлысты. Убийца Распутина, далекий от церковных тонкостей, рассказывал: «Как ни скрывал он своей принадлежности к сектантству, люди <...> чувствовали, что в нем, помимо его собственной темной силы, живет и действует какая-то жуткая стихия, которая к нему влечет. Эта стихия была — хлыстовство, с его пьяно-чувственной мистикой»***. Архиепископ Антоний Волынский писал определенно: «Распутин — хлыст и участвует в радениях»****. Занимался Распутиным и известный миссионер В. М. Скворцов. После революции, будучи профессором богословия в Сараеве, Скворцов «убежденно и решительно» говорил приятелю-эмигранту: «Распутин был несомненным хлыстом,

* Н. Ключев. «Гагарья судьбина». Публикация К. Азадовского — *Новое литературное обозрение*, 1993, 5, 88–103.

** Белецкий. *Воспоминания*, 19.

*** Юсупов. *Конец Распутина (воспоминания)*.

**** В церковных кругах перед революцией (из писем архиепископа Антония Волынского к митрополиту киевскому Флавиану) — *Красный архив*. 1928, 6 (31), 212.

с молодых еще лет. И сектантские навыки сохранял до конца своей жизни»*. По его словам, он лично проводил секретное исследование в Тобольской губернии и выявил несколько хлыстовских пророков и еще богородицу, знавших Распутина с молодости и продолжавших поддерживать с ним связь**. Надо сказать, однако, что в качестве редактора газеты «Колокол» и журнала «Миссионерское обозрение» Скворцов практически удалил упоминания хлыстовства в годы, когда Распутин был в силе. К 1915 году относятся сведения о том, что «распутинцы» подкупали правую прессу с тем, чтобы она изменила направление на более либеральное. Близкого к Распутину банкира Дмитрия Рубинштейна обвиняли в том, что он скупал пай «Нового времени» и субсидировал *Колокол****.

В 1911 году Николай приказал разыскать старое дело Тобольской духовной консистории 1907 года, в котором содержалось следственное производство по обвинению Распутина в принадлежности к хлыстовской секте****. Новую подборку документов сформировал сторонник Распутина, обер-прокурор Синода В. К. Саблер. По-видимому, дело не содержало в себе достаточных оснований для суждения о хлыстовстве Распутина. Дальше Государь сделал необычный шаг, поручив представить по этому делу свое личное заключение председателю Государственной Думы. М. В. Родзянко привлек к работе над делом авторитетных членов Думы, А. И. Гучкова и Н. П. Шубинского. Николаю был представлен объемистый доклад, полный доказательств зловерной природы Распутина; вторично принять Родзянко для его обсуждения, как требовала процедура, Государь отказался. Дело чуть было не дошло до отставки председателя Думы и ее досрочного роспуска. Вопрос о религиозных взглядах Распутина имел стратегическое значение для всех участников игры.

«Распутин был обычным крестьянином среднего достатка, вряд ли отличавшимся от своих соседей по деревне. Доказано, что он с юности имел сильное пристрастие к сектантству», — писал в своих воспоминаниях председатель Государственной Думы*****. Уверенный в сектантстве Распутина и считая это исчерпывающим объяснением его особенностей, Родзянко десятки раз упоминает слово «хлыст» в своей книге.

* В. Н. Коковцов. *Из моего прошлого. Воспоминания*. 2, 41.

** Вл. Маевский. *На грани двух эпох (Трагедия императорской России)*. Мадрид, 1963, 49. 1.

*** Г. Аронсон. *Россия накануне революции*. Нью-Йорк, 1962, 88–93.

**** Это дело выборочно опубликовано в: Платонов. *Жизнь за царя (Правда о Григории Распутине)*, 27–41, 84.

***** Rodzianko. *The Reign of Rasputin*, 5.

Высочайшая аудиенция по этому вопросу состоялась 26 февраля 1912 года. Распутин является хлыстом, сообщил Родзянко Государю; тот, естественно, попросил доказательств. «Полиция обнаружила, что он ходит в бани с женщинами. Это одна из особенностей их (хлыстов) религиозных обычаев», — объяснял Родзянко. Последнее вряд ли верно; но нас интересует, что отвечал Николай. «Ну и что? Разве это не принято среди простого народа?» — «Нет, Ваше Величество, нет такого обычая. Может быть, мужья и жены ходят вместе, но в данном случае мы имеем дело с явным развратом», — уверенно излагал Родзянко свое понимание русской этнографии*. Романов и Родзянко были согласны в том, что у простого народа — особые способы жизни, отличные от тех, какими живут царь и его чиновники. Как человек из народа, Распутин по одной этой причине имеет право на поступки, недопустимые для культурных людей. Дальше начались различия. Для Николая Романова групповые походы Распутина в баню были доказательством его принадлежности к простому народу, а значит, и его возможности представлять при царе. Для Михаила Родзянко то же самое поведение было доказательством его принадлежности к особой религиозной группе; значит, по логике Родзянко, Распутин не мог представлять собою русский народ. Так групповые походы в баню получали драматически различные значения. Романов видел в этом одно из свидетельств легитимности Распутина как пророка и советника. Родзянко видел в этом, напротив, ее опровержение.

Владимир Бонч-Бруевич, близкий к Ленину большевик и ученый специалист по сектантству, опубликовал в радикально настроенном «Современнике» резкое письмо *Како веруюши?*** в котором выражал уверенность в строгом православии Распутина. По мнению Бонч-Бруевича, «Распутин принадлежит к типу православного крестьянина глухой деревенской России и решительно не имеет ничего общего с сектантством»; тех же, кто придерживался иного мнения, Бонч-Бруевич обвинял в намеренном запутывании вопроса ради «своих определенных целей». В архиве содержится интересное свидетельство о мотивах его позиции. Это черновик письма Бонч-Бруевича от 1912 года***, в котором содержится просьба о содействии в публикации «моей экспертизы в вопросе сектантства Григория Ефимовича Распутина-Нового», поскольку ранее автору отказали в публикации этой статьи либеральные газеты обеих столиц. Бонч-Бруевич ссылается на «сущую

* Там же. 43.

** В. Д. Бонч-Бруевич. *Како веруюши?* — *Современник*, 1912, 3, 356–358.

*** ОР РГБ, ф. 369, к. 35. ед. хр. 22.

правду, которая ему хорошо известна о Распутине в области его религиозных верований». В своей экспертизе Бонч-Бруевич основывался на изучении «всех» печатных материалов, связанных с Распутиным, и на «семи обстоятельных беседах» с ним, но акцентировал политический аспект дела. По мнению автора, ранее Распутин сотрудничал с правыми, но теперь сменил линию; а правые круги, «видя, что Распутин ускользает, если не ускользнул уже совсем из сферы их тлетворного влияния <...>, быстро переменяли фронт и стали валить его всеми силами»*. В этом Бонч-Бруевич был прав; через несколько лет Распутин был убит крайне правыми.

К другому выводу пришел этнограф Алексей Пругавин, для сбора сведений о Распутине подославший к нему красивую даму, Веру Жуковскую**. Социалист-революционер и один из крупнейших знатоков русского раскола, Пругавин вплоть до своей гибели в большевистской тюрьме верил в грядущий синтез сектантства и социализма. Распутин шокировал своими сексуальными нравами и компрометировал идею; Пругавин колебался, но все же должен был признать его принадлежность к сектам. В хлыстовстве Распутина был уверен и Михаил Новоселов, пытавшийся опубликовать на эту тему брошюру *Григорий Распутин и мистическое распутство* (она была конфискована в типографии в 1912***). Бывший толстовец-общинник (1888), потом правый издатель и профессор-филолог, в советское время Новоселов стал православным епископом Марком (1928), одним из лидеров подпольной церкви иосифлян, героически боровшейся против Советской власти. В политике идея принадлежности Распутина к хлыстам тоже чаще использовалась оппозицией справа, чем слева. Эту идеологическую конструкцию передает фраза, которую политики пересказывали друг другу, играя словом как писатели: «Мы желаем сильной власти — мы понимаем власть с хлыстом, но не такую власть, которая сама находится под хлыстом»****.

* Ср. недавно опубликованное свидетельство о том, как А. И. Гучков специально искал встречи с Бонч-Бруевичем, чтобы выяснить эту проблему, и Бонч «уверенно» заявлял, что Распутин не сектант: А. Я. Аврех. *Царизм накануне свержения*. Москва: Наука, 1989, 68.

** А. Пругавин. *Леонтий Егорович и его поклонницы*. Москва, издание автора, 1916 <...>.

*** Рукопись оказалась у Бонч-Бруевича, была передана им Пругавину и хранится в его бумагах в Гуверовском архиве, фонд Николаевского, оп. 129, ед. хр. 1.

**** Эта фраза была сказана братом генерала Гурко на земском съезде в 1916; цит. по: С. П. Мельгунов. *Легенда о сепаратном мире* (канун революции). Париж, 1957, 205; Мельгунов свидетельствовал о ее «большой популярности».

Нет оснований считать всех тех, кто был уверен в хлыстовстве Распутина, — епископов Гермогена, Антония, Марка, священников Георгия Шавельского и Сергея Булгакова — масонами и либералами, как это предлагает делать автор недавней книги о Распутине как народном праведнике*. Мы приходим к результату скорее обратного характера. Восприятие Распутина как сектанта действительно зависело от положения на политическом спектре; но не считали его хлыстом только самые радикалы, в этом узком вопросе неожиданно сомкнувшись с царем. Среди специалистов по сектам, правые, умеренные и даже левые от Сковрцова и Новоселова до Пругавина зачисляли Распутина в хлысты; и только крайне левый Бонч-Бруевич да еще по-своему радикальный Розанов отрицали хлыстовство Распутина.

Каковы бы ни были религиозные взгляды Распутина, его профессиональной стала большая политика; именно в этом ключе надо оценивать его цели и вклад. Связи Распутина с левыми силами не привлекали к себе внимания историков, но кажутся любопытным феноменом. Распутин и Бонч-Бруевич оба воплощали в себе любимые идеи русского народничества и, каждый по-своему, являлись его законными наследниками. Более умеренные участники событий со страхом предполагали возможность их единения. Гиппиус в *Романе-Царевиче* изобразила, как историк вроде Бонч-Бруевича возбуждает крестьян на религиозную революцию, одновременно налаживая связи с пародийно изображенным Распутиным. Родзянко подозревал, что Распутин связан с международным масонством и что союз с Распутиным обсуждал некий «масонский конгресс в Брюсселе»**. Обвинение в масонстве было риторическим приемом, с помощью которого правые обвиняли левых в предательстве национальных интересов. В терминах своего времени, обвинение в связях Распутина с масонством было равнозначно подозрению его в симпатиях на левом фланге.

Мы знаем точно, что Распутина убили правые; и есть основания предполагать, что перед этим в поисках поддержки он общался с левыми. При всей обманчивости этих политических терминов, они различают важные реальности России 1910-х годов: отношение к русскому национализму и панславизму; отношение к еврейскому вопросу; отношение к войне. Народничество связано с национализмом многозначными и меняющимися отношениями. Популизм распутинского типа был донационалистическим. Об этом говорят записки Распутина времен паломничества в Палестину, лишенные национализма. Об этом

* Платонов. *Жизнь за царя*.

** Rodzianko. *The Reign of Rasputin*, 45.

свидетельствует его ближайшее сотрудничество с евреями*; и этим же мотивировано его финальное столкновение с людьми типа Пуришкевича. Сектантские общины близко сосуществовали с другими верами, не считали грехом эмиграцию из России и были чужды самой идее национального государства. Конфессиональные различия были для них куда важнее национальных. Религиозная и национальная нетерпимость исходила сверху, от бюрократии и интеллигенции, от чиновников Победоносцева и читателей Достоевского. Еврейские банкиры финансировали Распутина с очевидной целью добиться отмены черты оседлости; возможно, они добились бы цели, если бы не война.

На фоне той некомпетентности, которая царила при дворе, здравый смысл Распутина мог играть позитивную роль. Царь игнорировал советы Распутина по продовольственному снабжению армии и столицы, неудачи которого во многом определили революцию. Вполне вероятно, что эти предложения были лучше, чем существовавшая практика. Многие наблюдатели сходились в том, что перед началом и во время войны Распутин содействовал тем, кто стремился к миру с Германией. Его противники при дворе, и потом при Временном правительстве, видели в этом признак государственной измены. Сегодня кажется очевидным скорее обратное. Если бы Романовы больше слушались Распутина и Россия вышла бы из войны, положение династии упрочилось бы**; и уж во всяком случае иными были бы перспективы демократии в России. Удивительно, что ни правительство Николая Романова, ни правительство Александра Керенского не захотели или не сумели вывести Россию из войны; сделало это только правительство Ленина — Троцкого, и благодаря этому сохранило власть. В Бресте большевики осуществили тот самый проект, в лоббировании которого

* Много раз перепечатанная (в немецком варианте при содействии нацистов) книжка Арона Симановича «Распутин и еврей» вряд ли является достоверной. Однако само существование этого человека в качестве личного секретаря Распутина не вызывает сомнений. Банкир Распутина Рубинштейн и консультант Распутина по политическим вопросам Манасевич-Мануйлов оба были евреями (последний крещеным). Интересен контакт Распутина с адвокатом Г. Б. Слиозбергом, который в надежде на политическое содействие Распутина знакомил его с крупными деятелями еврейского движения. Попытка Рубинштейна приобрести паи антисемитского *Нового времени* была одним из этапов этой кампании. См.: Г. Аронсон. Распутин и еврей — в его: *Россия накануне революции*, 5–88.

** См., в частности: А. Amalrik. *Raspoutine*. Paris: Seuil, 1982. Опровергая существование оформленных проектов сепаратного мира в правительственных кругах и не веря в обвинения Распутина в шпионаже, Мельгунов писал о «пацифистских наклонностях тобольского крестьянина» и приводил тому немало примеров: Мельгунов. *Легенда о сепаратном мире*, 384 и далее.

Распутин обвинялся все годы войны; и они столкнулись с яростным сопротивлением более правых и более националистических сил, вплоть до мятежа эсеров — тем же сопротивлением, с которым до того приходилось иметь дело Распутину. С исторической точки зрения понятно то, что было дано увидеть мало кому из современников: предателями — родины ли, династии или здравого смысла — были все те, кто хотел победы, а получил революцию. Станным образом в признании этого большевики сходились с распутниками, но противостояли многим другим. Патриотизм военного времени, потом подкрепленный антибольшевизмом, поддерживал предрассудки даже самых трезвых наблюдателей. Мельгунов, участник русской революции, ее жертва и неутомимый ее историк, в 1957 заканчивал огромную книгу «Легенда о сепаратном мире» торжественной реабилитацией царской семьи:

Оклеветанная тень погибшей Императрицы требует исторической правды. Царю и Царице решительно чужды были колебания <...>. Никогда надежды их не обращались к внешнему врагу, а только от него — от немцев — в теории могло бы прийти им тогда спасение*.

Прошло сорок лет, но намерение избежать национальной катастрофы путем прагматического мира все еще признавалось морально недопустимым и исторически невероятным; и в заслугу лидерам ставилось то, что они пропустили единственный — в теории — шанс спасения себя и страны.

* Мельгунов. *Легенда о сепаратном мире*, 495, курсив мой.

А. М. КУЛЕГИН

Кто убил Распутина?

Версии и факты о покушениях на «святого чёрта»¹

<Фрагмент>

«Убил собаку!», или «Патриоты»-отравители

Об убийстве Распутина написана масса литературы — от бульварных брошюрок до серьезных исследований. Казалось бы, нам сегодня, благодаря позднейшим откровениям основных фигурантов этого дела, известны малейшие детали и подробности трагических событий, разыгравшихся во дворце князя Феликса Юсупова на Мойке. Однако за прошедшие десятилетия завеса таинственности так до конца и не рассеялась. К прежним версиям регулярно добавляются новые.

Самая растиражированная версия убийства, ставшая уже классической, — «патриотический» заговор русских монархистов, решивших избавиться царя от его злого гения. Участниками заговора, возникшего во второй половине ноября 1916 года, стали лидер фракции правых в IV Государственной Думе Владимир Митрофанович Пуришкевич*,

¹ Печатается по: Кулегин А. М. Кто убил Распутина? Версии и факты о покушениях на «святого чёрта». СПб.: Норма, 2011. С. 13–28.

* Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920) — русский политический деятель ультраправого толка, монархист, черносотенец. Выходец из бессарабских землевладельцев. Учился на историко-филологическом факультете Новороссийского университета. В 1904 г. стал чиновником для особых поручений в чине статского советника при министре внутренних дел В. К. Плеве. Один из лидеров монархической организации «Союз русского народа», а после его раскола — создатель «Союза Михаила Архангела». Депутат II, III и IV Государственных Дум от Бессарабской губернии. Член фракции правых. Один из наиболее ярких думских ораторов. Отличался скандальным поведением и хулиганскими выходками во время парламентских заседаний. Во время Первой мировой войны организовал санитарный поезд и был его начальником. Участник убийства Г. Е. Распутина. Это событие подробно описал в своем «Дневнике». После Февральской революции 1917 г. выступал против Петроградского Совета и Временного правительства. Вел работу по созданию подпольных вооруженных организаций монархического толка. 18 ноября 1917 г. был арестован по обвинению в контрреволюционном заговоре против советской власти и приговорен к 4 годам принудительных общественных

молодой князь Феликс Феликсович Юсупов*, родовитый аристократ, женатый на племяннице императора, любимый кузен Николая II великий князь Дмитрий Павлович** и поручик Преображенского полка Сергей Михайлович Сухотин***. Покончить с Распутиным решили без излишнего шума с помощью яда. Для этого Пуришкевич, будучи начальником сани-

работ при тюрьме. 17 апреля 1918 г. выпущен из тюрьмы, а 1 мая по декрету Петроградского Совета амнистирован. Уехал на юг, принимал участие в организации идеологической и пропагандистской поддержки Белого движения. Издавал в Ростове-на-Дону журнал «Благовест». Умер 1 февраля 1920 г. в Новороссийске от сыпного тифа.

* *Юсупов Феликс Феликсович* (1887–1967) — князь, граф Сумароков-Эльстон. Принадлежал к одной из наиболее знатных и богатых российских фамилий. В 1909–1912 гг. учился в Оксфордском университете. В 1914 г. с согласия императора Феликс вступил в брак с княжной императорской крови Ириной Александровной, дочерью великого князя Александра Михайловича и великой княгини Ксении Александровны, сестры Николая II. В 1915–1916 гг. учился на офицерских курсах при Пажемском корпусе. Один из организаторов заговора с целью физического устранения Г. Е. Распутина. После его убийства выслан в имение Ракитное в Курской губернии под негласный надзор полиции. После Октябрьской революции эмигрировал в Лондон, а затем в Париж. Во время Второй мировой войны отказался от предложения нацистов вернуться в Россию как наместник вермахта и приветствовал победу Красной армии. До самой смерти проживал в Париже. Оставил воспоминания: «Конец Распутина» (1927), «Мемуары» (1953).

** Великий князь *Романов Дмитрий Павлович* (1891–1942) — первый сын великого князя Павла Александровича и великой княгини Александры Георгиевны. Внук Александра II, двоюродный брат Николая II. В 1909–1911 гг. учился в офицерской школе. С 1911 г. — корнет лейб-гвардии Конного полка, в 1912 г. назначен флигель-адъютантом императора. В 1912 г. участвовал в летних Олимпийских играх в Стокгольме в соревнованиях по конному спорту. Автогонщик. Участник Первой мировой войны, штаб-ротмистр. Состоял в масонской «Великокняжеской Ложе» в Санкт-Петербурге. Принимал участие в убийстве Г. Е. Распутина. За это распоряжением Николая II отправлен в Персию в отряд генерала Н. Н. Баратова. После Февральской революции служил в Британском экспедиционном корпусе; затем в эмиграции. Жил в Лондоне, а позднее в Париже. Был возлюбленным французской кутюрье Коко (Габриэль) Шанель. В 1930-х гг. занимался в США торговлей шампанским. Участвовал в разнообразных монархических и патриотических организациях, затем отошел от общественной жизни. Тяжело переживал свое участие в убийстве Распутина. Воспоминаний об этом не оставил. В 1939 г. заболел туберкулезом и уехал в Швейцарию. Умер на курорте в Давосе в 1942 г.

*** *Сухотин Сергей Михайлович* (1887–1926) — сын от первого брака толстовца М. С. Сухотина. Гвардейский офицер. Принимал участие в убийстве Г. Е. Распутина. После революции некоторое время исполнял должность комиссара Ясной Поляны, передав в дальнейшем управление А. Л. Толстой. В 1921 г. женился на внучке Л. Н. Толстого Софье Андреевне Толстой. Брак оказался непродолжительным. В январе 1922 г. тяжело заболел, вынужден был уехать на лечение за границу. Из публикаций в газетах узнал о браке С. А. Толстой с С. А. Есениным, но этой информации не поверил. В 1926 г. умер в Париже.

тарного поезда, привлек старшего военного врача Станислава Лазаверта. «Старца» заманили в Юсуповский дворец обещанием познакомить его с женой Феликса — красавицей Ириной. В ожидании дам, которые якобы веселились наверху, Юсупов привел Григория в подвальную комнату, превращенную в странную смесь столовой с будуаром. На столе стояли бутылки с мадерой, которую особенно любил Распутин, и блюда с миндальными пирожными. Вино и пирожные Лазаверт заранее отравил цианистым калием. Наверху в напряженном ожидании притаились остальные заговорщики. Они непрерывно накручивали граммофон с пластинкой американского марша «Янки-дудль», имитируя продолжавшуюся вечеринку. Вначале Распутин, несмотря на уговоры, ничего не ел и не пил, но затем с удовольствием съел несколько отравленных пирожных и запил отравленным вином. Время шло, но яд почему-то не действовал. Феликс в панике поднялся наверх: «Может, он действительно заговорен, проклятый колдун? Что делать?» — «Отпустить с миром», — растерянно предложил Дмитрий Павлович. Но Пуришкевич настаивал: «Распутин не должен уйти живым! Не взял яд — прикончит пуля». Феликс с револьвером за спиной вернулся в подвал. Он намеренно подвел жертву к роскошному распятию из слоновой кости и попросил перекреститься. Юсупов надеялся, что в этот момент поддержка «нечистой силы» наконец-то покинет Распутина. Когда фаворит осенил себя крестным знаменем, грянул выстрел. Бездыханное тело упало на ковер...

В доме на Мойке остались Юсупов с Пуришкевичем, остальные сообщники отправились уничтожать в печи санитарного поезда одежду убитого. Неожиданно «труп» вдруг ожил и с жутким криком: «Феликс! Феликс! Все скажу Маме (царице)!», — бросился бежать. От толчка истекающего кровью Распутина вдруг легко распахнулась дверь во двор, запертая до этого Юсуповым. Пуришкевич устремился в погоню, на ходу стреляя из револьвера, но трижды промахнулся. Только почти у самой ограды Распутин был наконец сражен четвертым смертельным выстрелом.

Чтобы замести следы преступления, Феликс Юсупов вместе со служой убили собаку и протащили ее труп по кровавым следам умирающего Распутина во дворе княжеского дворца. Потом, отвечая на расспросы, Юсупов двусмысленно заявлял, что он лишь «убил собаку».

Загадки и догадки

В приведенном повествовании бросаются в глаза сплошные загадки: яд, который не действует, оживший мертвец, сами собой распахивающиеся запертые двери... Добавим от себя еще одну неувязку.

Писания официальных убийц Распутина не стыкуются с данными вскрытия его трупа, которое произвел вечером 20 декабря 1916 года профессор Военно-медицинской академии Дмитрий Петрович Косоротое. Подлинник протокола официального вскрытия хранился в архиве академии, откуда в 1930-х годах бесследно исчез. Однако о результатах вскрытия можно судить по интервью профессора, данному уже после Февральской революции газете «Русская воля». В нем, в частности, говорилось, что причиной смерти Распутина стало «повреждение печени, желудка, правой почки; от начавшегося кровотечения постепенный упадок сил... Первая пуля прошла через желудок в печень. Этот безусловно смертельный выстрел был произведен на расстоянии около 20-ти сантиметров. Огнестрельная рана в правую сторону поясницы, нанесенная приблизительно одновременно с первой, тоже смертельная: разрушена правая почка. Пуля в голову прошла мозг. Рана также смертельная, но причинена уже умиравшему в агонии».

Эти данные вскрытия можно сопоставить с материалами хранящегося в фондах Музея политической истории России уникального следственного фотоальбома «Смерть Григория Распутина-Новых», который содержит два десятка редких снимков, сделанных в ходе следствия 17–20 декабря 1916 г. Альбом состоит из четырех частей: первая представляет место предполагаемого убийства во двореке Юсуповского дворца, вторая — Петровский мост, где было сброшено в воду тело Распутина. Третья запечатлела его труп в разных положениях после извлечения из воды, а четвертая — наиболее интересная по содержанию — названа «Вскрытие» и фиксирует тело убитого в одетом и обнаженном виде со следами ранений.

При изучении фотографий в альбоме оказалось, что три ранения, нанесенные Распутину огнестрельным оружием, в целом совпадают с описанием, сделанным профессором Косоротовым. Выстрелы в живот и лоб были произведены в упор. На фотографиях отчетливо видны следы пистолетной коפות. Выстрел в спину сделан со значительного расстояния (следы коפות отсутствуют).

Юсупов утверждал, что стрелял почти в упор в грудь «старцу» (на деле пуля, как видно из акта вскрытия, попала в живот). Пуришкевич, если верить его пресловутому «Дневнику», на деле являющемся чистой публицистикой (кстати, первое издание записок Пуришкевича об убийстве Распутина, вышедшее в Киеве в 1918 г., хранится в научной библиотеке ГМПИР), стрелял Распутину в спину. Тогда откуда же взялось отчетливо видимое на одной из фотографий следственного фотоальбома пулевое отверстие... во лбу Григория Ефимовича? Значит,

был еще кто-то, хладнокровно выстреливший спереди почти в упор в голову жертвы.

Впрочем, ответ на одну из загадок можно найти в одном из эмигрантских изданий 1930-х годов, где опубликованы малоизвестные воспоминания того самого Станислава Лазаверта. В них врач признавался, что не смог нарушить клятву Гиппократа и, обманув своих сообщников, положил Распутина в пирожные и бокалы не яд, а безвредный аспирин. Яд не действовал, потому что его просто не было! Заодно становится понятным и странное поведение Лазаверта, так поразившее Пуришкевича в ночь убийства. Человек, хладнокровно стоявший на полях сражений Первой мировой войны под ураганным огнем, награжденный за храбрость двумя орденами, в те роковые часы то краснел, то бледнел и, казалось, вот-вот лишится чувств, то выбегал во двор и тер лицо снегом. Очевидно, он прекрасно отдавал себе отчет, что «тихого» убийства не будет и без кровопролития не обойтись.

Известный писатель Эдвард Радзинский, долго занимавшийся изучением обстоятельств гибели Распутина, в свое время высказал предположение, что меткий выстрел, окончательно сразивший старца, был сделан не Пуришкевичем, а великим князем Дмитрием Павловичем. Владимир Митрофанович лишь взял на себя вину за убийство, чтобы не обгадить кровью руки представителя династии Романовых.

Скорее всего, в историю с убийством Распутина, кроме вышеупомянутых персонажей, были вовлечены и другие люди. Едва ли можно было в течение нескольких часов успешно имитировать вечеринку только с помощью одного граммофона, да еще когда речь шла о таком пронизательном человеке, как Распутин. О двух дамах — Марианне Дерфелден, урожденной Пистолькорс, которую Феликс в письме своей жене Ирине называет «Маланьей», и любовнице Дмитрия Павловича балерине Вере Коралли, — возможно, находившихся ночью 16 декабря во дворце на Мойке, — упоминает все тот же Эдвард Радзинский.

Нам также удалось обнаружить в рукописном отделе Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге любопытный документ, который мы приводим в качестве приложения к очерку. На трех машинописных страницах без заголовка и подписи изложено описание ночных событий вокруг Юсуповского дворца, существенно отличающееся от известных версий. В напоминающей триллер истории, с неоднократной стрельбой и гонками на автомобилях по ночному Петрограду, в частности, упоминается, как на рассвете

«из подъезда дворца князя (Юсупова. — А. К.) на руках вынесли двух дам, которые усиленно отбивались и не хотели сесть в автомобиль, стараясь проникнуть вновь внутрь». Крики дам о помощи заставили полицейских поднять тревогу. Когда городовые выскочили на улицу, автомобиль уже мчался прочь от дворца. Догнать машину, «обладавшую страшной скоростью», так и не удалось. Явившимся во дворец Юсупова чинам полиции было заявлено, «что просто “честью” выпроводили двух дам из полусвета, начавших буйствовать и дебоширить».

Распутина убили гомосексуалисты?

В деле о гибели Распутина есть и своя эротическая версия. По ней убийство не более как «разборка» среди гомосексуалистов. Ее сторонники акцентируют то обстоятельство, что как минимум трое участников событий — Ф. Ф. Юсупов, Дмитрий Павлович и С. М. Сухотин — были связаны недвусмысленными сексуальными отношениями. Известный петербургский сексолог доктор Князькин, взявшийся проанализировать жизнь и гибель Распутина с врачебной точки зрения, утверждает, что Феликс был трансвеститом, а Дмитрий Павлович и Сухотин — бисексуалами.

Якобы и Распутин также то ли был вовлечен в эти отношения, то ли пал жертвой того, что в свое время расстроил помолвку великого князя Дмитрия Павловича с великой княжной Ольгой Николаевной, публично заявив о его гомосексуальности.

И уже совсем экзотическим выглядит предположение, что князь Феликс Юсупов, прежде чем убить Распутина, имел с ним интимные отношения.

Возможно, виноваты масоны?

Своих сторонников может найти версия о «мировом масонском заговоре», жертвой которого пал Распутин. В ней, в частности, внимание акцентируется на странную близость по времени покушения на Распутина в селе Покровском 29 июня (12 июля н. ст.) 1914 года с роковыми выстрелами 19-летнего студента Гаврилы Принципа в наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда. Они прозвучали в боснийском городе Сараево двумя неделями раньше — (15) 28 июня — и стали формальным поводом к началу сербско-австрийского конфликта, зажегшего затем костер мировой войны. Сторонники теории международного заговора уверены, что влия-

тельные финансовые империи — «транснациональное правительство» — строили свои планы по ликвидации монархических режимов в Европе и прежде всего православной Российской империи. Их орудием служили масонские ложи, обличавшие связи царского режима с пьаницей и развратником «Гришкой». Раненный в далекой Сибири, «старец» не смог использовать свое мощное влияние на императорскую чету, чтобы не допустить втягивания России в пагубную для нее войну. Певица Беллинг вспоминала: «Однажды за обедом он сказал: «Кабы не эта проклятая баба-злодейка (Х. Гусева. — А. К.), что мои кишки перерезала, то не бывать войне... А пока мои кишки заживали, немец стал драться!» Это высказывание не выглядит пустым бахвальством, поскольку, по одной из версий, за два года до роковых событий лета 1914 года Распутину удалось предотвратить вступление России в Балканскую войну. Для этого ему пришлось два часа стоять на коленях перед Николаем II. Известно также, что император в июле 1914 года долго колебался, прежде чем отдать приказ о мобилизации, и, оказавшись Распутин в столице, неизвестно чем могло закончиться дело.

Не случайно, по-видимому, и то, что перед убийством Феликс Юсупов ходил «советоваться» к известному кадетскому деятелю и думскому масону Василию Маклакову. Сам депутат на «мокрое дело», разумеется, не пошел, но в совете не отказал и даже любезно презентовал резиновую дубинку, которую убийцы не замедлили пустить в ход, избивая уже мертвого или умирающего Распутина. Сразу же после Февральской революции министр юстиции Временного правительства и «по совместительству» Генеральный секретарь масонской ложи «Великий Восток народов России» Александр Федорович Керенский провел решение о полной амнистии участникам покушений на «старца», которое получило в прессе тех дней причудливое название «Ликвидация убийства Распутина». Он же инициировал лихорадочные поиски распутинской могилы и последующее уничтожение его тела.

Все это может показаться убедительным, однако в целом автор данного очерка не является сторонником подобных конспирологических построений в духе романов Бориса Акунина.

Заговором руководили агенты Антанты?

Гораздо серьезнее выглядит версия гибели Распутина в результате заговора спецслужб Антанты. Учитывая явно пацифистскую позицию «старца» и подозрения в его прогерманских настроениях,

опасения русских союзников в том, что он может использовать свое влияние на императорскую чету для заключения сепаратного мира с Германией, были небезосновательны. Хотя в беседе с французским послом М. Палеологом Распутин публично заявил о необходимости войны до победного конца, но своему приятелю А. Симановичу он откровенно говорил, что «любой мир для России лучше войны».

Как утверждал А. Ф. Керенский, по мнению одного русского офицера-разведчика, которому Ставка специально поручила слежку за Распутиным, «в его квартире немцы через свою агентуру могут получать нужные им сведения...».

В прессе и с телеэкрана звучат и конкретные, правда, разные имена иностранных разведчиков, руководивших операцией по устранению Распутина. По некоторым данным, во главе заговорщиков мог находиться резидент британской разведки в Петрограде и будущий видный английский политик Сэмюэль Хор*. Именно он привлек для участия в устранении Распутина Юсупова, с которым, как утверждают некоторые источники, его также связывали любовные отношения, Пуришкевича и других уже известных нам персонажей, сумел нейтрализовать в ночь убийства распутинскую личную охрану. В 1933 году тогда уже министр по делам Индии Сэмюэль Хор дал в Лондоне обед в честь делегации индийских полицейских и сделал на нем следующее весьма показательное заявление: «Насколько я знаю, я — единственный из английских министров, который когда-либо был заподозрен в политическом убийстве. Во время войны в течение полутора лет я заведовал нашей военной и тайной разведкой в России и знал очень многое. Так, например, я знал об убийстве Распутина гораздо раньше, чем кто-либо другой, за исключением самих участников преступле-

* Хор Сэмюэль Джон, виконт Темплвуд (1880–1959) — британский государственный и политический деятель, разведчик. Учился в элитарной школе Харроу и Новом колледже Оксфордского университета. Член палаты общин с 1910 по 1944 г. В марте-июне 1916 г. совершил поездку в Россию с целью оценки работы там британской разведки по заданию Директората военной разведки военного министерства. 16 июня 1916 г. возглавил британскую разведывательную миссию в России в чине полковника. Затем работал в разведке в Италии. В 1919–1922 гг. — заместитель уполномоченного Лиги Наций по русским беженцам, уполномоченный Лиги Наций по Балканам. В 1922–1929 гг. — министр авиации (с перерывами). В 1931–1935 гг. — министр по делам Индии. В июне-декабре 1935 г. — министр иностранных дел. В 1936–1937 гг. занимал пост Первого Лорда Адмиралтейства (военно-морского министра), в 1937–1939 гг. — министра внутренних дел, в 1939–1940 гг. — лорда-хранителя печати, в 1940 г. — министра авиации. В 1941–1944 гг. — посол в Испании. Был произведен в пэры, получив титул виконта Темплвуда.

ния... В окружении царя в то время распространялся упорный слух, что я стал его организатором».

В 1936 году, как бы оправдываясь в совершенном преступлении, Хор писал: «Я глубоко ошибался, полагая, что это убийство уничтожит “темные силы”. Я не понял, какую опасность представляет такой неожиданный удар, нанесенный скрипучим колесам государственного аппарата. Политическое положение приняло такой оборот и общественное мнение достигло такого болезненного возбуждения, что неизбежно такое событие должно было увеличить болезнь страны, вызвать еще большие страсти... В тот самый момент, когда надо было усилить авторитет власти, а не ослабить его, произошел взрыв, который поколебал до самых оснований структуру власти».

Кроме Хора, на сомнительную честь главного убийцы Распутина претендует и еще один английский агент — лейтенант Освальд Рейнер. В таком качестве его имя фигурирует в показанном 1 октября 2004 года по английскому телеканалу BBC-2 в программе «Timewatch» фильме, посвященном убийству Распутина. Через несколько лет этот фильм демонстрировался и в России по Первому каналу.

По мнению британских исследователей, Рейнер во всей этой истории фигура отнюдь не случайная. Известно, что Освальд Рейнер учился вместе с Юсуповым в Оксфордском университете, и там они стали друзьями. Он, в частности, неоднократно упоминается в мемуарах Феликса Юсупова. Князь пишет, что на следующий день после убийства обедал с Рейнером, который «знал о заговоре и пришел узнать новости». Да и сами мемуары Юсупова, впервые опубликованные в 1927 году, были написаны в сотрудничестве с Рейнером. Он перевел их на английский язык. Стоит ли после всего этого удивляться странам несопадением и удивительной «забывчивости» князя?

Россию Рейнер покинул перед окончанием Первой мировой войны и впоследствии работал в Финляндии в качестве корреспондента британской «Дейли телеграф». В 1920-е и 1930-е годы он действовал в европейских странах, во время Второй мировой войны служил в Канаде, а затем в Испании в качестве офицера связи между британской и испанской разведками. Рейнер тихо дожил свои дни в деревеньке графства Оксфордшир, собирая деньги для местной церкви. Своего единственного сына он назвал в честь русского князя Юсупова — Джоном Феликсом. Умер Освальд Рейнер в 1961 году и унес тайну убийства Распутина в могилу. Он сжег все относящиеся к этому делу письма и документы.

Кроме него, по информации авторов фильма, причастными к убийству были старшие офицеры английской спецслужбы капитаны Джон

Скейл и Стивен Алли. Именно они и спланировали убийство, а лейтенант Освальд Рейнер реализовал этот план с помощью своего русского друга князя Юсупова. Оказывается, гомосексуалист и трансвестит Феликс Юсупов был очень «близок» с тремя офицерами из английской разведки. Степень этой близости спустя столько лет достоверно выяснить сложно. Капитан Алли родился в Юсуповском дворце в Москве в 1876 году — его отец был другом отца Феликса. Он был одним из британских инженеров, строивших первую российскую железную дорогу между Петербургом и Москвой и по совместительству — шпионом. Что же касается капитана Скейла, то он находился в России с 1912 года и также был другом семьи Юсуповых и сотрудником британской спецслужбы. Дружба молодого князя Юсупова сразу с тремя офицерами британской разведки многое проясняет в вопросе о том, от кого могла исходить инициатива организации заговора с целью убийства царского фаворита.

В 2010 году британская газета «Дейли мейл» вновь обратилась к теме заговора британской «Интеллиндженс сервис» против Распутина. В Великобритании существовали страхи, что Распутин уговорит императрицу Александру Федоровну заключить мир с Германией и тогда 70 немецких дивизий освободятся для боевых действий на Западном фронте. «И поэтому, — утверждает газета, — трое из агентов Камминга (главы британской разведки. — А. К.) отправились ликвидировать Распутина. Это один из самых кровавых актов в деятельности “Интеллиндженс сервис” по сей день». В статье говорится, что английские агенты вместе с другими участниками заговора пытались ликвидировать Распутина, стараясь добиться информации о его связях с Германией, а последний смертельный выстрел наверняка сделал уже известный нам Освальд Рейнер.

Таким образом, версия заговора спецслужб набирает все более доказательную базу. Она объясняет, в частности, кем мог быть сделан роковой выстрел в голову Распутина. Скорее всего, решающую точку в жизни фаворита могли поставить С. Хор, О. Рейнер или другой кадровый разведчик, наблюдавший за событиями в Юсуповском дворце и лично вмешавшийся, когда увидел, что ситуация выходит из-под контроля и раненый Распутин вот-вот окажется на улице.

Точку ставить еще рано

Фактов, подтверждающих каждую из версий, при желании можно найти предостаточно. Но какая из них имеет больше прав на достоверность? Возможно, что всех обстоятельств событий, произошедших

в ту роковую ночь в Юсуповском дворце, мы так до конца и не узнаем. Даже такая логически обоснованная версия, как заговор британской разведки, построена исключительно на косвенных уликах и страдает почти полным отсутствием прямых документальных свидетельств. Однако хочется верить, что когда-нибудь так же неожиданно, как уже не раз происходило во всей распутинской эпопее, «всплывут» новые источники, которые прольют окончательный свет на тайну гибели «святого чёрта».

Приложение

**«Ночные приключения на Мойке»
Одна из версий событий вокруг Юсуповского дворца
в ночь убийства Г. Е. Распутина**

В рукописном отделе Российской национальной библиотеки удалось обнаружить любопытный документ, который проливает новый свет на некоторые обстоятельства произошедшего в ночь на 17 декабря 1916 года во дворце князя Юсупова. Этот текст хранится в фонде историка Константина Военского, начальника архива Министерства народного просвещения и камергера императорского двора, среди многих других материалов, связанных с убийством Распутина. На трех машинописных страницах без заголовка и подписи изложено описание ночных событий вокруг Юсуповского дворца, существенно отличающееся от известных версий, которое, скорее всего, является наброском газетной статьи, написанной непосредственно по горячим следам произошедшего. Попытки обнаружить следы этой публикации в петроградской печати конца декабря 1916 года пока не увенчались успехом. Очевидно, к делу приложила руку царская цензура, которая весьма строго отслеживала все материалы, связанные с фигурой Распутина. В тексте публикации в основном сохранена орфография и стилистика подлинника.

Сегодня, около двух с половиной часов ночи, стоявший на посту у дома Министерства Внутренних дел, что на Морской (улице), городской услышал выстрел, раздавшийся на противоположной стороне Мойки, у дворца Князя Юсупова. Так как пост этот считается на особом положении и уйти с него нельзя, то городской по телефону из подъезда дома Министерства сообщил о выстреле дежурному околоточному 2-го участка Адмиралтейского участка.

Оттуда дали знать о стрельбе в 3-й Казанский участок, так как дворец находится в районе этого участка. На место выехал с нарядом пристав полковник Рогов. Из допроса дворников ближайших домов было установлено, что выстрел исходил из смежного с дворцом княжеского флигеля. Для выяснения причин стрельбы во дворец был отправлен младший помощник пристава Ротмистр Крылов, которому дворецкий заявил, что во дворце раут и один из высоких посетителей, стреляя в тире, случайно промахнулся и попал в окно, причём Капитану Крылову в садике было указано разбитое окно во втором этаже.

Данные этого расследования ночью же полковником Роговым были сообщены полицмейстеру 2-го отделения Генерал-Майору Григорьеву и дежурному офицеру при градоначальнике надворному советнику Чаплыгину. Не успели чины полиции покинуть дворец, как к мостику расположенному против Прачечного переулка подъехал автомобиль, из которого вышли четыре человека. Лица их были закрыты чем-то чёрным. Лишь только пассажиры вышли, шофёр тотчас погасил передние и задние фонари и, развив большую скорость, помчался по Мойке. Видевший всю эту сцену агент охранного отделения Тихомиров, назначенный от Департамента Полиции к Распутину, предположил, что неизвестные, вошедшие во дворец не с главного подъезда, а с внутреннего, находящегося в задней части садика, какие-либо налётки, примчался во второй Адмиралтейский участок и оттуда по телефону сообщил о своих наблюдениях в охранное отделение, вызвав какого-то генерала Комисарова*.

Не успел полковник Рогов вернуться домой, как ему было сообщено из охранного отделения о полученных сведениях, о каком-то нападении на дворец князя Юсупова. Снова туда были отправлены чины полиции, которым вызванный дворецкий объяснил, что недавно прибыли из окрестностей Петрограда важные гости. Об этом же ночью был сделан доклад самому генералу Балку**.

В начале седьмого часа утра, когда во втором Адмиралтейском участке происходил обычный допрос сменившихся городовых, то с улицы раздалась свистки. Бросившись к окнам городовые и околоточные увидели, что из подъезда дворца князя на руках вынесли двух дам, которые усиленно отбивались и упорно не хотели сесть в автомобиль, стараясь проникнуть вновь внутрь подъезда***.

* Жанدارмский генерал М. С. Комиссаров в 1915–1916 гг. руководил охраной Г. Е. Распутина, которая была выделена ему после покушения Х. К. Гусевой в июне 1914 г.

** А. П. Балк — Петроградский градоначальник в ноябре 1916 г. — феврале 1917 г. В показаниях в ходе официального следствия Балк утверждал, что об исчезновении Распутина ему стало известно только утром 17 (30) декабря 1916 г.

*** Возможно, что этими двумя дамами, находившимися ночью 16 декабря во дворце на Мойке, были уже упоминавшиеся ранее Марианна Дорфелден и Вера Коралли.

Крики их о помощи и заставили находившихся на противоположной стороне агентов охраны поднять тревогу. Когда на улицу выскочили городовые, то автомобиль уже помчался по направлению к Поцелуеву мосту. Выскочивший вслед за городовыми пристав полковник Бороздин подозвал находящийся в постоянном дежурстве у дома министра автомобиль охранного отделения, помчался на нём вслед, стараясь выяснить, в чём дело. В то же время к дворцу отправились чины полиции. Догнать автомобиль, обладавший страшной скоростью, не удалось, никакого знака номерного на нём тоже не было. Явившимся во дворец князя чинам полиции было заявлено, что просто «честью» выпроводили двух дам из полусвета, начавших буйствовать и дебоширить. Об этих ночных приключениях на Мойке утром полковником Роговым и полковником Бороздиным были сделаны личные доклады Градоначальнику.

История на Мойке уже начала забываться, как вдруг снова из сада дворца один за другим раздались четыре выстрела. Снова в двух участках были пробиты тревоги и туда прибыли чины полиции. На этот раз офицер в форме полковника, вышедший к ним, звание пока ещё не выяснено, в категорической форме заявил, что здесь, во дворце князя, в покоях его находится Великий Князь и всё что нужно Е.И.В. сообщит и доложит сам*.

После такого ответа пристава, абсолютно не выяснив ничего, отправились в свои участковые Управления, оставив на всякий случай на противоположной стороне Мойки наблюдение за дворцом. Прошло около часа, как вдруг со стороны Синего моста ко дворцу прибыл автомобиль, в который слуги дворца вместе с шофёром в присутствии одного офицера, бывшего одетым в шинель, внесли в автомобиль как будто человека. Дав машине полный ход, шофёр помчался так же по направлению к Поцелуеву мосту и также вскоре исчез. Почти одновременно же из градоначальства полицмейстеру Григорьеву было сообщено, что во дворце Князя Юсупова убит РАСПУТИН. Когда прибыли чины полиции, то они были встречены Князем Юсуповым, заявившим им, что необходимо оформить акт убийства Распутина. Первоначально заявлению этому не придали особого значения, припоминая все события ночи. Но лишь тогда, когда было предложено пройти в подвал и посмотреть, где находится труп, то там оказалась лужа застывшей крови, и в саду были видны её следы. На вопрос где труп, Князь ответил, что труп там, где ему надлежит быть. От каких-либо дальнейших объяснений Князь отказался. Вскоре же во дворец прибыли директор департамента полиции, начальник охранного отделения и целый сонм различных жандармских генералов. Чины наружной полиции были отправлены по участкам, и всё дальнейшее дознание перешло к чиновникам департамента полиции. В пять часов дня по всем участкам была разослана секретная телеграмма о выяснении маршрута автомобилей, подъезжавших ночью ко дворцу

* Возможно, речь идет о В. М. Пуришкевиче.

князя и утром увезших труп убитого РАСПУТИНА. Одновременно значительные патрули конно-полицейской стражи отправлены на Острова и в близлежащие окрестности. До 8-ми часов вечера в градоначальстве о находке трупа Распутина сведений не было. Усиленно из охранного отделения распространяют слухи, что Распутин не убит, что вся история мистифицирована, разыграна с его согласия, и что он просто напуганный должен был покинуть столицу и исчезнуть. Там, где находился труп убитого, находится дежурство жандармов*.

РНБ. ОР. Ф. 152. Оп. 4. Д. 189. Док. 3.

* Очевидно, речь идет об упомянутом выше в документе месте в подвале Юсуповского дворца, где была обнаружена кровь Распутина.

IV

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЦЕРКОВНАЯ ОЦЕНКА ЛИЧНОСТИ ГРИГОРИЯ РАСПУТИНА

Материалы, связанные с вопросом о канонизации царской семьи¹

7 июня 2008 г. 09:07

Приложение № 3 к докладу митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия, председателя Синодальной комиссии по канонизации святых

Отношения царской семьи к Г. Е. Распутину нельзя рассматривать вне контекста исторической, психологической и религиозной ситуации, сложившейся в российском обществе в начале XX столетия, феномен Распутина, о котором говорят многие исследователи, едва ли можно понять вне исторического фона тогдашней России.

Как бы отрицательно ни относиться к личности самого Распутина, мы не должны ни на минуту забывать, что его личность в полной мере могла раскрыться в условиях жизни российского общества накануне катастрофы 1917 года.

Действительно, личность Распутина является во многом типологическим выражением духовного состояния определенной части общества начала XX века: «Не случайно в высшем обществе увлекались Распутиным, — пишет в своих воспоминаниях митрополит Вениамин (Федченков), — там была соответствующая почва для этого. А потому не в нем одном, даже скажу, не столько в нем, сколько в общей атмосфере лежали причины увлечения им. И это характерно для предреволюционного безвременья. Трагедия в самом Распутине была более глубокая, чем простой грех. В нем боролись два начала, и низшее владело над высшим. Начавшийся процесс его обращения надломился и кончился трагически. Здесь была большая личная душевная траге-

¹ Печатается по: *Материалы, связанные с вопросом о канонизации царской семьи.* М.: Синодальная комиссия Русской Православной Церкви по канонизации святых, 1996. С. 51–54.

дия. А вторая трагедия была в обществе, в разных слоях его, начиная от оскудения силы в духовных кругах до распущенности в богатых» *.

Как же могло случиться, что столь одиозная фигура, как Распутин, могла оказывать значительное влияние на царскую семью и на российскую государственно-политическую жизнь его времени?

Одним из объяснений распутинского феномена является так называемое «старчество» Распутина. Вот что об этом пишет бывший товарищ обер-прокурора Святейшего синода князь Н. Д. Жевахов: «Когда на горизонте Петербурга показался Распутин, которого народная молва назвала “старцем”, приехавшим из далекой Сибири, где он якобы прославился высокою подвижническою жизнью, то общество дрогнуло и неудержимым потоком устремилось к нему. Им заинтересовались и простолюдины, и верующие представители высшего общества, монахи, миряне, епископы и члены Государственного Совета, государственные и общественные деятели, объединенные между собою столько же общим религиозным настроением, сколько, может быть, и общими нравственными страданиями и невзгодами.

Славе Распутина предшествовало много привходящих обстоятельств и, между прочим, тот факт, что известный всему Петербургу высотой духовной жизни архимандрит Феофан будто бы несколько раз ездил к Распутину в Сибирь и пользовался его духовными наставлениями. Появлению Распутина в Петербурге предшествовала грозная сила. Его считали если не святым, то, во всяком случае, великим подвижником. Кто создал ему такую славу и вывез из Сибири, я не знаю, но в обстановке дальнейших событий тот факт, что Распутину нужно было пробить дорогу к славе собственными усилиями, имеет чрезвычайное значение. Его называли то “старцем”, то “провидцем”, то “Божьим человеком”, но каждая из этих платформ ставила его на одинаковую высоту и закрепляла в глазах Петербургского света позицию “святого” **.

В самом деле, появившись в Петербурге, Распутин, еще совсем недавно проводивший жизнь в буйстве и пьяных разгулах — об этом, во всяком случае, свидетельствуют его односельчане — имел уже репутацию «старца» и «провидца». По всей вероятности, в 1903 году происходит его знакомство с ректором Санкт-Петербургской Духовной академии епископом Сергием (Страгородским), который представляет Распутина инспектору Академии архимандриту Феофану (Быстрову) и епископу Гермогену (Долганову). Особенно благоприятное впечатление Распутин произвел на архимандрита Феофана, духовника

* Вениамин (Федченков), митрополит. На рубеже двух эпох. Б/м, 1994. С. 138.

** Жевахов Н. Д., князь. Воспоминания. Т. 1. М., 1993. С. 203–204, 206.

царской семьи, который испытывал глубокую симпатию к этому сибирскому мужику-проповеднику и видел в «старце Григории» носителя новой и истинной силы веры. При посредничестве великого князя Петра Николаевича и его жены Милицы Николаевны 1 ноября 1905 года произошло роковое знакомство с царской семьей, о чем мы читаем в дневнике Императора Николая II: «Пили чай с Милицей Николаевной и Станой. Познакомились с человеком Божиим — Григорием из Тобольской губернии» *.

Первые два года после знакомства Распутин не стал для царской семьи тем «дорогим Григорием», для которого были открыты их души. Они с радостью встречались и слушали других «Божьих людей». Так, Император записал в своем дневнике 14 января 1906 года: «В 4 часа к нам пришел человек Божий Димитрий из Козельска около Оптиной пустыни. Он принес образ, написанный согласно видению, которое он недавно имел. Разговаривал с ним около полтора часа» **.

До конца 1907 года встречи императорской семьи со «старцем Григорием» были случайными и довольно редкими. Между тем возрастала и молва о «сибирском старце», но по мере роста его известности достоянием гласности становились и вовсе нелицеприятные факты его безнравственного поведения. Быть может, они и остались бы фактами биографии Распутина и в лучшем случае вошли бы как курьез в историю петербургского общества, если бы не совпали с началом периода систематических встреч Распутина с царской семьей. В этих регулярных встречах, проходивших в царскосельском доме А. А. Вырубовой, принимали участие и царские дети. Поползли слухи о принадлежности Распутина к секте хлыстов. В 1908 году по указу Императора Тобольской Духовной консисторией было проведено расследование о принадлежности Распутина к хлыстовству. В заключение следствия было отмечено, что «при внимательном рассмотрении следственного дела нельзя не видеть, что перед нами группа лиц, объединившихся в особое общество со своеобразным религиозно-нравственным мировоззрением и строем жизни, отличным от православного... Самый уклад жизни последователей Григория Нового и личность его самого как будто близко подходят... к хлыстовству, но твердых начал, на основании которых можно было бы утверждать, что мы здесь имеем дело с хлыстовством, в рассмотренном следствием делопроизводстве нет», поэтому следствие было отправлено на доследование, которое, по неустановленным при-

* Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 287.

** Там же. С. 298.

чинам, так и не было закончено. Однако в опубликованных недавно воспоминаниях о Распутине В. А. Жуковской вновь ставится вопрос о принадлежности Распутина к крайней форме хлыстовства. В этих воспоминаниях приводятся свидетельства (распутинской фразеологии и его эротических радениях) о принадлежности «старца Григория» к хлыстовской секте*.

В чем же разгадка тайны Распутина? Как могло в нем соединиться несоединимое — поистине сатанинское буйство и молитва? Очевидно, противоборство этих двух начал происходило в его душе годами, но в итоге темное все же одолело. Вот что писал в своих воспоминаниях *митрополит Евлогий (Георгиевский)*: «Сибирский странник, искавший Бога в подвиге, и вместе с этим человек распущенный и порочный, натура демонической силы, — он сочетал в своей душе и жизни трагедию: ревностные религиозные подвиги и страшные подъемы перемежались у него с падением в бездну греха. До тех пор пока он ужас этой трагедии сознавал, не все еще было потеряно; но впоследствии дошел до оправдания своих падений, — и это был конец»**. Еще более резкую оценку противоречивой натуре Распутина дал бывший воспитатель великого князя П. Жильяр: «Судьба хотела, чтобы тот, которого видели в ореоле святого, был бы в действительности существом недостоинным и развратным... нечестивое влияние этого человека было одною из главных причин смерти тех, кто верил, что найдет в нем спасение»***.

Так почему же все-таки Распутин оказался так близок к царской семье, почему так верили ему? Как заметила А. А. Вырубова в своих показаниях ЧСКВП в 1917 году, Николай и Александра Федоровна «верили ему, как отцу Иоанну Кронштадтскому, страшно ему верили; и когда у них горе было, когда, например, наследник был болен, обратились к нему с просьбой помолиться»****.

Вот именно в этом последнем и следует видеть причину «роковой связи», соединившей Распутина с царской семьей. Именно в конце 1907 года Распутин оказался рядом с заболевшим наследником, впервые помог улучшению здоровья Алексея Николаевича. Вмешательство Распутина неоднократно изменяло в лучшую сторону течение болезни

* См.: Жуковская В. А. Мои воспоминания о Григории Ефимовиче Распутине. 1914–1916 гг. // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. Т. 2–3. М., 1992. С. 252–317.

** *Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Путь моей жизни. М., 1994. С. 182.

*** *Жильяр П.* Тринадцать лет при Русском Дворе. Paris, б/г. С. 40.

**** *Боханов А. Н.* Сумерки монархии. М., 1993. С. 109.

наследника — сохранилось довольно много упоминаний об этом, но конкретных, подлинно документированных данных почти нет. Кто-то что-то слышал, кто-то что-то знал от кого-то, но никто из числа людей, оставивших письменные свидетельства, ничего сам не видел. Не случайно Пьер Жильяр пишет о том, как он неоднократно «имел возможность убедиться в том, какую незначительную роль играл Распутин в жизни Алексея Николаевича», но, повторяем, слухов в этой области всегда было больше, чем надежных фактов.

Именно случай исцеления царицы явился поворотом в отношении Александры Федоровны к Распутину, к этому, по ее словам «человеку Божьему». Вот что пишет уже упоминавшийся нами П. Жильяр о влиянии Распутина на Александру Федоровну через болезнь сына: «Мать ухватилась за надежду, которую ей давали, как утопающий хватается за руку, которую ему протягивают, и она уверовала в него со всей силой своей души. Давно она, впрочем, была убеждена, что спасение России и династии придет из народа, и она вообразила, что этот смиренный мужик был послан Богом... Сила веры сделала остальное, и, благодаря самовнушению, которому способствовали случайные совпадения, Императрица пришла к убеждению, что судьба ее сына зависит от этого человека. Распутин понял состояние души этой отчаявшейся матери, сокрушенной в борьбе и дошедшей, как казалось, до пределов своего страдания. Он вполне усвоил, что мог извлечь из этого, и с дьявольским искусством он достиг того, что его жизнь до некоторой степени являлась связанной с жизнью цесаревича» *.

Именно болезнь сына оказалась определяющим моментом в отношении Александры Федоровны и Распутина — он стал надеждой и опорой ее семьи, более того, она верила, что под защитой этого человека ее семье и России не угрожает опасность, — она знала это точно, она чувствовала это всем своим сердцем, «которое никогда не обманывало».

Поэтому при всей неприглядности разных слухов и сплетен, окружавших Распутина, Александра Федоровна видела его лишь с одной стороны. По словам дворцового коменданта В. Н. Воейкова, Александра Федоровна смотрела на Распутина как «на своего человека», игравшего в ее семье роль наставника-утешителя, — и как нам не понять истрадавшей матери, сына которой спасает от смерти этот человек? Она была убеждена, что Распутин — посланец от Бога, его заступничество перед Всевышним дает надежду на будущее...

Свое понимание роли Распутина Александра Федоровна излагала в письмах мужу. Так, в июне 1915 года она писала: «Слушайся нашего

* Жильяр П. Тринадцать лет при Русском Дворе. С. 37–38.

Друга: верь ему, сердцу дороги интересы России и твои. Бог недаром его послал, только мы должны обращать больше внимания на его слова — они не говорятся на ветер. Как важно для нас иметь не только его молитвы, но и советы». В другом письме мужу она писала, что «та страна, Государь которой направляется Божьим Человеком, не может погибнуть». Мы видим, как постепенно из «старца-утешителя» Распутин превращается во влиятельную политическую фигуру. Будучи умным и сообразительным, он, несомненно, понял, что уклоняться от роли советчика «мамы земли Русской» он не может, иначе потеряет расположение царской семьи. Именно в этом драматическом смещении ролей Распутина была трагедия последнего царствования. Императрица предназначила «простецу и молитвеннику» роль, которую он ни при каких обстоятельствах не имел права играть, да и не имел возможности удачно ее исполнить.

Все попытки ближайших родственников, друзей, церковных иерархов предостеречь Александру Федоровну от влияния Распутина заканчивались разрывом, отставкой, полной изоляцией. В письмах Императору Николаю от 15 июня 1915 года Александра Федоровна писала: «Самарин, несомненно, пойдет против нашего Друга и будет на стороне тех епископов, которых мы не любим, — он такой яркий и узкий москвич» *. Хорошо известно, чем кончились выступления против Распутина священномученика митрополита Владимира, епископов священномученика Гермогена и Феофана. Полный разрыв произошел у Александры Федоровны и со своей сестрой — преподобномученицей великой княгиней Елизаветой Федоровной, которая в письме императору от 26 марта 1910 года писала о пребывании Распутина в духовной прелести.

Отношения самого Императора и Распутина были более сложными — восхищение «старцем» сочеталось у него с осторожностью и даже с сомнениями. Так, после первой встречи с Распутиным в 1907 году он сказал князю Орлову, что нашел в Распутине «человека чистой веры». Председателю Государственной Думы М. Родзянко он так характеризует Распутина: «Он хороший, простой русский человек. В моменты сомнений и душевной тревоги я люблю с ним беседовать, и после такой беседы мне всегда на душе делается легко и спокойно». Но все же Император испытывал беспокойство по поводу Распутина — ведь его не могли не тревожить сообщения доверенных лиц о скандальном его поведении. Император многократно пытался избавиться от него, но всякий раз отступал под давлением Императрицы или

* Боханов А. Н. Сумерки монархии. С. 192.

из-за необходимости помощи Распутина для излечения наследника. Вот что об этом пишет П. Жильяр: «Сначала он терпел его, не решаясь нанести удар вере Императрицы, которую Императрица имела в него и в которой она находила надежду, дававшую ей возможность ждать. Император опасался удалить Распутина, потому что если бы Алексей Николаевич умер, то Император в глазах матери, несомненно, являлся бы убийцей своего ребенка» *.

Подводя итог анализу причин влияния Г. Е. Распутина на царскую семью, в заключение хотелось бы отметить, что Император оказался не в состоянии противостоять воле Императрицы, истерзанной отчаянием из-за болезни сына и находившейся в связи с этим под зловещим влиянием Распутина, — как дорого пришлось впоследствии заплатить всей семье за это!

* Жильяр П. Тринадцать лет при Русском Дворе. С. 157–158.

Н. К.

Канонизация Распутина — канонизация блуда¹

«Наша общая задача и ответственность — не допустить расшатывания церковного корабля» — такое тревожное заявление прозвучало на прошедшем в октябре 2004 года Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви. Основанием для этого заявления послужила та смута в Церкви, которая разворачивается вокруг имени Григория Распутина. На Соборе был поднят вопрос о личности Г. Распутина, вызвавшей в последние годы среди православных верующих бурные споры, приводящие к церковным нестроениям и даже хуле на Церковь. На Архиерейском Соборе было отмечено, что «образы Ивана Грозного и Григория Распутина преподносятся как символы особой “народной” религиозности, которая противопоставляется “официальной религиозности” Церкви. Инициаторы этой канонизации не могут не сознавать, что само обсуждение такого прославления способно вызвать (и уже вызвало) смущение среди православных верующих, ведет к соблазну и дискредитации самой идеи канонизации святых...»

Этому же антицерковному делу служит и распространение неканонических и кощунственных «икон» «старца Григория».

Дурной пример заразителен: за несколько дней до открытия Архиерейского Собора Русской Православной Церкви т. н. «Свято-Филаретовский православно-христианский институт» священника-обновленца Георгия Кочеткова провел в Москве «научно-богословскую конференцию», где прозвучал призыв канонизировать

¹ Печатается по: Благодатный огонь. 2005. № 13. С. 49–51.

академика С. С. Аверинцева, правда спешить с этим, по мнению участника кочетковской конференции, греко-католического игумена Иннокентия Павлова, особенно не стоит: должно пройти определенное время, чтобы произошла мифологизация его образа. На конференции священник Г. Кочетков заявил, что сам институт канонизации святых (т.е. Синодальная комиссия по канонизации святых) себя изжил и полностью прогнал (!) и «лучше канонизировать мусульман и иудаистов, чем блаженную Матрону». Впрочем, Архиерейский Собор не прошел мимо неправославных мнений свящ. Г. Кочеткова, констатировав неправомыслие, содержащееся в его произведениях.

Несмотря на неоднократные обращения Святейшего Патриарха Алексия, предупреждавшего, что призывающие к канонизации авантюриста Распутина — это «провокаторы и враги Церкви», несмотря на заявление Архиерейского Собора, почитатели «старца Григория» не унимаются: «Требуем созыва Поместного Собора! С участием мирян!» И в этом вопросе «демократизации» соборных традиций с почитателями «старца» солидарны современные обновленцы, мечтающие также откомандировать на Собор своих самых просвещенных, реформаторски и антиархиерейски продвинутых мирян, катехизированных по системе священника Кочеткова.

Можно легко представить себе, что на подобном «демократически» избранном Соборе «левая фракция» будет отчаянно добиваться канонизации академика Аверинцева (а заодно и деканонизации преп. Иосифа Волоцкого и младенца-мученика Гавриила Белостокского) и перевода богослужения на русский язык, тогда как «правая фракция» будет кликушествовать за канонизацию «старца Григория (Распутина)» и «за право жить без номеров и паспортов».

Поэтому нам вновь приходится возвращаться к теме, которая, к великому сожалению, ухищрениями врага рода человеческого снова затмевает умы православных русских людей: почитание «святого старца Григория (Распутина)», превратившегося в последнее время стараниями «схимонахини» Николаи (Гроян) в «тайного иеромонаха» (впрочем, и протоиерея Николая Гурьянова та же смиренная матушка-«схимница» Николая возвела в сан «тайного схиепископа Нектария»).

Как справедливо писал в нашем журнале протоиерей Александр Шаргунов, «разговоры о канонизации Распутина, прославившегося своими похождениями, сегодня особенно опасны, потому что в обществе идет беспрецедентная пропаганда растления и порока, все чаще проникающего даже в Церковь. И конечно, антиправославно

настроенным средствам массовой информации очень кстати, что в Церкви кто-то занимается прославлением Распутина, прославившегося уже своими похождениями...

Он был благочестив, но пал и стал искать своему падению оправдание, подводить под него своеобразное богословие, оправдывающее грех: “Не согрешишь — не покаешься”.

Несомненно, — пишет о. Александр, — такое рассуждение Распутина — мост, соединяющий с древними разрушителями Церкви. Ибо это ересь не новая. Но именно о ней святые отцы говорят, что она будет врагом номер один Церкви и через нее раскроются для всего человечества “глубины сатанинские”, по выражению Апокалипсиса».

Таким образом, канонизация «старца Григория Распутина» означала бы канонизацию блуда. От чего да сохранит нас Бог!

Излюбленным возражением почитателей «старца Григория» на очевидные факты, исторические и архивные документы, описывающие блудные похождения Распутина, является ответ: старца оболгали жиды, масоны и враги Самодержавия с помощью подложных документов и сфабрикованных исторических источников. Чтобы убедить читателей, что отнюдь не «наглая клевета на Старца и фальсификация его личности» масонами вызывали и продолжают вызывать отвращение к этому персонажу, внесшему немалый вклад в дело крушения Российской Империи, мы предлагаем ознакомиться с отрывками из воспоминаний и архивных документов людей, которых трудно было заподозрить в каких-либо антидинастических заговорах: это были честные русские патриоты, стоявшие на страже Закона Российской империи, служившие верой, правдой и своей честью Царю и Отечеству. Двое из них приняли в 1918 году мученическую кончину от большевиков.

Почитатели «старца Григория» постоянно пользуются выдуманной ими «уловкой», позволяющей обелить «оклеветанного старца», — у Г. Е. Распутина якобы был двойник, введенный в общество масонами с целью дискредитации как Царской Семьи, так и ее «Молитвенника и Друга».

Но существуют серьезные документальные свидетельства, что никакого «двойника» не было, а все «подвиги» свои «старец Григорий» совершал самолично — ибо, как увидит сам читатель, Министерством внутренних дел была дана строжайшая установка следить за каждым шагом Распутина, за всеми его похождениями, которые фиксировались в отчетах агентов...

И наконец, напомним имена святых новомучеников Русской Православной Церкви, еще при жизни негативно относившихся к Распу-

тину и считавших, что он губит династию и Россию: Великая княгиня Елизавета Феодоровна, митрополит Киевский Владимир, епископ Тобольский Гермоген. Священномученик протоиерей Философ Орнатский, настоятель Казанского собора в Санкт-Петербурге, опубликовал 2 июля 1914 года в газете «Петербургский курьер» рассказ о встрече Распутина с прав. Иоанном Кронштадтским. «О. Иоанн спросил старца: “Как твоя фамилия?” И когда последний ответил: “Распутин”, сказал: “Смотри, по фамилии твоей и будет тебе”».

Протоиерей А. ШАРГУНОВ

Г. Распутин: опасность разделения в Церкви¹

Сколько бы ни проходило времени, мы будем снова и снова возвращаться к величайшему событию в жизни нашей Церкви — канонизации святых Царственных мучеников и всего сонма новых мучеников и исповедников Российских.

Необходимо наше участие в их прославлении. Подлинное знание о Царе как о праведнике должно как можно шире распространяться во всем нашем народе. Нельзя допускать иллюзии, что вот, прославили Царя, и теперь все само собой будет хорошо. Враги Православия и России по-прежнему пытаются бросить тень на это деяние Церкви, посеять в обществе сомнения относительно канонизации, сделать ее бездейственной.

Мы говорим о появившемся в последние годы движении поклонников Г. Е. Распутина, через которых «враг рода человеческого» вносит новую смуту в Церковь, возводя новую клевету на святых Царственных страстотерпцев, чтобы подорвать доверие к их канонизации. Снова повторяется то, что было 86 лет назад, когда Распутин явился орудием, пользуясь которым враги Церкви и Престола подрывали в народе авторитет Царской власти.

Появился ряд изданий, утверждающих, что Распутин является пророком, чудотворцем, юродивым ради Христа — то есть святым угодником Божиим. Написаны уже «иконы» и «акафист». Все это продается иногда даже в церковных магазинах. У неискушенного читателя может даже сложиться впечатление, будто этот человек уже канонизирован Церковью. Кстати, напомним, что Комиссия по канонизации при Священном Синоде самым тщательным образом исследовала жизнь

¹ Печатается по: Благодатный огонь. 2003. № 10. С. 19–24.

и деятельность Распутина и, разумеется, там и близко не было никаких намеков на его святость. Об этом же говорил недавно Святейший Патриарх.

Мы имеем свидетельства о том, что такое Распутин, — свидетельства новых мучеников наших: преподобномученицы Великой княгини Елизаветы Феодоровны, священномучеников митрополита Владимира Киевского и епископа Гермогена Тобольского, свидетельство архиепископа Феофана Полтавского — духовника Царской семьи, человека кристальной чистоты и высокой духовной жизни.

Что ответить тем, кто ставит в один ряд сверхъестественные способности «сибирского старца» с чудесами святых Царственных мучеников, свидетелями которых мы являемся сегодня?

* * *

Близость Распутина к Царской Семье сильно преувеличена. 90 процентов публикаций, прославляющих его, на самом деле — о Царственных мучениках. Но рядом с ними ставится, вплетается «старец Григорий». Он чуть ли не член Августейшей Семьи. Такая привязка — коронный прием тех, кто пропагандирует святость «старца Григория».

Автор одной из книг на эту тему так и называет его — «равночестным членом Царской Семьи». Красной нитью через все страницы проходит мысль: кто любит и почитает святых Царственных мучеников, тот должен любить и почитать святым и Распутина, «пророка Григория», которого Царственные страстотерпцы называли своим *другом*.

Как тут не вспомнить, что Сам Спаситель преискренне называет Иуду своим *другом* (Мф. 26, 50). Что же, нам Иуду-предателя канонизировать? Так богословствовал об Иуде, например, прот. Сергей Булгаков, но это уже распад сознания — это противоречит Евангелию, святым отцам, просто нормальному здравому смыслу.

Любил ли по-настоящему Распутин Царя и Россию? Если любил — он, видя, как враги Православия и Престола эксплуатируют сложившуюся ситуацию, удалился бы из столицы в безвестность, в пустыню, в тайгу, и оттуда (если он действительно такой чудотворец) молился об исцелении Цесаревича и о спасении России. Но в том-то и дело, для него важнее всего было собственное самоутверждение. То, что определяет всякую ложную духовность, исходящую от дьявола.

Кроме того, святость Царственных мучеников не означает их всеведения. В истории Церкви можно найти немало примеров того, как

святые, прославленные Церковью люди были неправы в оценке других людей в ту или другую сторону.

В общем, близости особенной не было. Достаточно посмотреть воспоминания А. А. Вырубовой, где она свидетельствует, что Распутин бывал у Их Величеств раз или два в год, и лишь в последнее время — четыре раза в год.

Царь действительно искал общения с простым народом, сближения с ним, но он не доверял слепо Распутину. В письме к Императрице Государь пишет: «Что касается советов Распутина, ты знаешь, с какой осторожностью надо относиться к его советам». «Я беседую с ним как с простым русским мужиком, который странствует по святым местам».

Все было связано с трагической болезнью Наследника, которому Распутин действительно помогал. О природе этой помощи мы скажем ниже. Но как надо понимать несомненные факты прозорливости и некоторых чудотворений Распутина?

* * *

Православное чудо всегда связано с тайной Креста. «*Кто любит Меня, — говорит Христос, — тот заповедь Мою соблюдет*». Человек исполняет свой христианский долг, чего бы это ему ни стоило. Без этого не может быть святости, никакие чудеса не помогут. Напротив, темная мистика ищет всегда только земного благополучия и ради этого готова пожертвовать истиной, правдой, заповедью Божией.

Могла ли жизнь Распутина быть угодной Богу?

Имеются многочисленные веские свидетельства о его нераскаянных смертных грехах в последний период его жизни. (Почему-то почитатели его называют это «давно разоблаченными напраслинами». Кто это «разоблачил»? Где хоть одно исследование, в котором подтверждается, что эти свидетельства ложные? Почему, наконец, сами «канонизаторы» берут из этих же источников описания его прорицаний и чудотворения, опуская десятки страниц, описывающих разврат?)

Приведем здесь отзывы двух наиболее близко знавших «старца» людей.

Епископ Феофан (Быстров) был духовником Царской Семьи. Именно он ввел Григория Распутина в круг Царской Семьи как простого благочестивого русского мужика. В начале 1911 года владыка Феофан изменил свое мнение о Распутине, в соответствии с исповедями, которые он принимал и которые касались образа жизни Распутина,

и рекомендовал Государыне прекратить общение с ним. Впоследствии он писал: «Распутин не был ни лицемером, ни негодяем. Он был истинным человеком Божиим, явившимся из простого народа. Но под влиянием высшего общества... произошла ужасная духовная катастрофа, и он пал». (Эти слова епископа Феофана, кстати, сделаны эпитафией одной из книжек почитателей Распутина; слова про «ужасную духовную катастрофу» и падение, разумеется, опущены.)

Большинство доводов в пользу «святости» Распутина, приведенных в книге Т. Гроян «Мученик за Христа и Царя — Человек Божий Григорий», взяты из воспоминаний дочери Распутина Матрены, где присутствуют и совершенно *иные* свидетельства. Ниже идут свидетельства Матрены Распутиной, которую почитатели «старца Григория» называют его «наиболее духовно близкой дочерью». Она пишет в мемуарах: «В глазах всего мира отец был грешником и, с точки зрения церковных законов, он, несомненно, грешил». «...У него уже в молодые годы чередовались периоды крайнего разгула с приступами покаяния, молитвенного экстаза и влечения к паломничеству по святым местам».

Может, что-то изменилось в последние годы жизни? Нет.

В конце 1914 года: «Он сильно переменялся... Дело усугублялось тем, что вместе со здоровьем из отца уходила и способность исцелять людей. Пытаясь заглушить боль и стыд, отец начал пить. Это приносило лишь временное облегчение. Чем больше он пил, тем больше ему приходилось пить, чтобы загнать боль поглубже».

1916 год: «Отец зачастил на “Виллу Родэ” (злачное место, ночной ресторан). В ответ на наши увещевания он раздражался и буквально стонал в ответ: “Скучно, затравили... Чую беду. Не могу запить того, что будет потом”». (Здесь он предсказывает будущее, пребывая в запое. Это святость?)

Матрена вспоминает: «Отца считали специалистом в области любви... Конечно, отец в разговорах со мной никогда не касался этой темы. Хотя и ханжой не был. Он иногда выговаривал такое, о чем в так называемых приличных домах и не заикались. Например, мог откровенно описывать достоинства фигуры той или иной посетительницы или случайно встреченной на улице дамы: “А груди-то у нее какие! Экая мясистая!” — такие замечания были еще скромными».

Матрена цитирует рассказ самого Распутина об исцелении им ребенка во время странствования по России. Этот рассказ любят приводить его почитатели в своих книгах, опуская следующую подробность. Мать исцеленной девочки спрашивает, за что ему дан дар целительства — быть может, за целомудрие или чистоту жизни? Распутин отвечает, что он не верит в необходимость целомудрия.

Та же Матрена передает следующие слова Распутина о молитве: «Как же молиться, когда с ног валит? Есть только одно средство: отложи в сторону молитвы и найди женщину. Потом — опять молись. Бог не осудит. Но наступит время, когда женщина уже не понадобится, когда и самой такой мысли не будет, а стало быть, и искушения. Тогда-то настоящая молитва и начнется».

Матрена приводит такие рассуждения своего отца: «Так уж Богом предугадано было, чтобы узнали, какой он, грех, есть. Только меру знай! Я вот и вериги носил, и плетью себя смирял. А ничего. В голове все образы носились. Совсем, думал, надо оскотиться, что ли? А потом решил: не для того Бог мужику дал, что дал, а бабе — бабье... думаю все же, для меры».

Почитатели Распутина возразят, что воспоминания Матрены и другие подобные могли быть подложными. Но почему тогда сами они обильно цитируют их, говоря о сверхъестественных способностях «старца»? Почему называют Матрену «самой духовно близкой», если она клеветает? Ответ ясен: больше им сослаться не на что.

* * *

Появляются и новые аргументы: оказывается, у Распутина были двойники. Рассудите сами, насколько это убедительно. Распутин жил по определенному адресу, за ним усиленно следила охранка. Кого она провожала во дворец — того же самого Распутина или он начинал двоиться? Или, может, родная дочь не могла отличить своего отца от двойника, который к тому же клеветал на него?

* Татьяна Гроян в своей книге «Мученик за Христа и за Царя Человек Божий Григорий. Молитвенник за Святую Русь и Ея Пресветлаго Отрока» (М., 2000) обильно цитирует книгу Матрены «Распутин. Воспоминания дочери» (М., 2000) на с.: 20, 31, 37, 46, 47, 48, 49, 50–51, 53–54, 66, 69–70, 83–84, 85, 87, 92, 109, 110, 110–111, 152, 169, 171–172, 283, 284, 285–286, 303–307, 307–308, 308–309, 309–312, 315–317, 320–321, 323–324, 335, 338–341, 356–358. Если бы Т. Гроян не выступила со своим «трудом», а главное, если бы не появились весьма крикливые сторонники канонизации Распутина, отцу Александру Шаргунову не пришлось бы и возражать на эту апологию «старца Григория». Оппоненты прот. Александра Шаргунова приводят в качестве довода «святости» Распутина, что и святителя Иоанна Златоуста осуждали, поверив клевете, некоторые святые, например св. Кирилл Александрийский. Однако мы имеем свидетельства других св. отцов и подвижников, живших в его времена и говоривших об однозначной святости Златоуста (в частности, преп. Исидор Пелусиот). О святости же Распутина не говорил ни один из современных ему святых. — *Примеч. ред.*

Дело не в том, что у Распутина были двойники, а в том, что он был двуликий. Самое ужасное — ложь, смешанная с правдой. На этом смещении построены все ереси, древние и новые. Хуже всего (об этом постоянно говорит Слово Божие), когда человек называет себя верующим, а ведет себя как неверующий.

Он был благочестив, но пал и стал искать своему падению оправдание, подводить под него своеобразное богословие, оправдывающее грех: «Не согрешишь — не покаешься». Распутин же не говорит, что не надо каяться! Он говорит, что грех не страшен, можно смело грешить, и только согрешая, человек может познать себя и милость Божию. Не борьбой с грехом познает человек себя, как учит православная аскетика, а уступкой греху с тем, чтобы узнать, что такое грех, и принести после этого покаяние.

Несомненно, такое рассуждение Распутина — мост, соединяющий с древними разрушителями Церкви. Ибо эта ересь не новая. Но именно о ней святые отцы говорят, что она будет врагом номер один Церкви и через нее раскроются для всего человечества «*глубины сатанинские*», по выражению Апокалипсиса.

Эти еретики говорят, что человек, может быть столь «духовным», что грех не может осквернить его. «Как солнце, проходя места скверные, не оскверняется и золото ни от какой грязи не становится менее золотым», — проповедовали они в древней Церкви. *К собственной гибели* они извращали, как говорит апостол Петр (2 Пет. 3, 16), слова апостола Павла о том, что где умножается грех, там избыточествует благодать (Рим. 5, 20). И употребляли благодать Божию, по выражению святого апостола Иуды, *в повод к распутству* (Иуд. 1, 4).

Разговоры о канонизации Распутина, прославившегося своими похождениями, сегодня особенно опасны, потому что в обществе идет беспрецедентная пропаганда растления и порока, все чаще проникающего даже в Церковь. И конечно, антиправославно настроенным средствам массовой информации очень кстати, что в Церкви кто-то занимается прославлением Распутина, прославившегося уже своими похождениями. Это дает им только дополнительный повод для очередного обливания грязью Церковь и для всяких клевет, как и в предреволюционные годы: те же самые СМИ, в тех же самых руках находящиеся, занимались тем же самым.

* * *

Теперь перейдем к объяснению сверхъестественных способностей Распутина. Еще святой Иоанн Златоуст говорил, что самое опасное — оправдывать беззаконие, прикрываясь чудом.

Приведем здесь ряд свидетельств исцелений, напечатанных в книге его дочери Матрены и многократно цитированные его почитателями.

Об исцелении девушки: «Лицо у него изменилось, стало как у мертвеца, желтое, восковое, неподвижное до ужаса. Глаза закатились совсем, видны были только одни белки. Он резко рванул меня за руки и сказал глухо: «она не умрет». Лицо его, когда он держал за руки, я никогда не забуду. Из живого оно стало лицом мертвым. Дрожь берет, как вспомню».

Об исцелении юноши от «пляски святого Витта»: «Распутин вышел к нему из своей комнаты, сел напротив него в кресло, опустил на его плечи свои руки, направил свой взгляд ему твердо в глаза и сильно затрясся. Дрожь постепенно ослабевала, и Распутин успокоился. Потом он вскочил и крикнул на него: «Пошел, мальчишка! Ступай домой, иначе я тебя выпорю». Мальчик вскочил и побежал домой».

В книгах о Распутине приводятся фрагменты этих рассказов как доказательство его святости. Однако все патологические подробности этих «молитв» намеренно опускаются.

Приводя случаи исцелений, дочь Распутина ссылается на свидетельство следователя комиссии Временного правительства Руднева: «Распутин, несомненно, обладая в сильной степени какой-то непонятной внутренней силой в смысле воздействия на чужую психику, представляет род гипноза».

Все знают, сколько в Церкви было попыток соединения магии с христианской святыней, начиная с Симона-волхва и кончая многочисленными так называемыми бабками, «целительницами», экстрасенсами, которые соединяют молитву перед иконами с заговорами; говорят, что у них есть благословение священников и архиереев и т.д.

На Страшном Суде многие скажут: *«Господи! Не от Твоего ли имени мы пророчествовали? не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили?»* — и в ответ услышат: *«Я никогда не знал вас. Отойдите от Меня, делающие беззаконие»* (Мф. 7, 23).

Таким образом, из почитания Распутина прямо следуют два вывода. Во-первых, «можно быть святым и развратным». Во-вторых, можно смешать святость с гипнозом, темную мистику — с христианством.

* * *

Невозможно не увидеть, что деятельность поклонников Распутина — какая-то зловеющая пародия на подлинный процесс прославления святых, в частности — на собирание материалов к прославлению

Царственных мучеников. Кстати говоря, все материалы, которые распространялись в последние годы в церковной среде в защиту канонизации Царственных мучеников, сообщения о чудесах по их молитвам всегда были строго проверены.

Например, почитатели «старца Григория» пытаются оправдать свое самочиние прецедентом: действительно, многие в нашей Церкви читали акафисты блаженной Ксении, святому праведному Иоанну Кронштадтскому, Царственным страстотерпцам задолго до их канонизации Московской Патриархией; иконы Царя-мученика в храмах были еще до прославления их. Но ведь все они уже тогда были прославлены Зарубежной Церковью! Если они святы в части Церкви, то и во всей — по крайней мере, как местночтимые святые. Благодатность Зарубежной Церкви невозможно отрицать, не рискуя впасть в грех хулы на Духа Святого.

Кроме того, о святости Царя-мученика свидетельствовали святые — святитель Николай Велимирович, преподобные Нектарий, Кукша, Варнава Гефсиманский, Анатолий Оптинский, святитель Иоанн Максимович и многие другие. А здесь кто прославил? Какая Церковь, какие святые?..

Зато в книгах о Распутине приводится множество высказываний неизвестных лиц, говорящих о его «святости»: «Один духоносный старец сказал. ...У одного старца спросили.....» и т.д. Что это за старцы, почему авторы постеснялись назвать их имена? Ведь вся ценность свидетельства, вся его сила — в том, что человек объявляет свое имя и этим свидетельствует о действии Божественной благодати в конкретной исторической среде. Ни одна уважающая себя инстанция не принимает в расчет анонимки.

* * *

Мы хорошо понимаем, что людей, занимающихся пропагандой «святости» Распутина, не переубедишь: они и дальше будут повторять одно и то же. Но мы не для них пишем. Мы хотим обратить внимание всех на целенаправленный антицерковный характер движения почитателей Распутина. Имеет место **преступление**, когда Церкви навязывается то, что ей чуждо. В уста Церкви вкладывается то, что она не исповедует.

Перед нами — **грубое нарушение церковной дисциплины**, когда группа людей самовольно провозглашает кого-то святым, пишет его иконы, составляет ему акафисты и т.п.

Появляется новая секта, подобная «Богородичному центру», но *внутри* Церкви. Она особенно опасна тем, что пытается воздействовать на разного рода склонных к экзальтации людей, на не утвержденных в вере и православном трезвении неофитов.

Болезненный бред тиражируется от лица Православной Церкви. И самое главное — это **оскорбление памяти святой Царской Семьи**.

Да, мы считаем, что появление этого движения сразу же после канонизации святых Царственных страстотерпцев направлено на то, чтобы опорочить Церковь и это благодатное деяние Церкви, чтобы спровоцировать брожение умов. Мы надеемся, что Священноначалие пресечет эту духовную заразу.

В. ЛЬВОВ

О протоиерее Николае Гурьянове и антиправославном почитании Распутина¹

Не прошло и полгода после смерти о. Николая Гурьянова, «столпа русского старчества», как отозвался о нем Святейший Патриарх, как уже появилась книга «Небесный ангел», написанная одной из его келейниц — схимонахиней Николаей (Гроян) (схимонахиней она представляется в радиопередачах Ж. Бичевской). Еще в последние годы жизни батюшки его келейницы прославились распусканием от его имени разных слухов — об осуждении ИНН, о святости Ивана Грозного и Распутина. И вот, после блаженной кончины старца, эти люди, пользуясь тем, что теперь уже никто ничего не сможет возразить им, ни проверить то, что они говорят, с новой силой начали распускать эти чудовищные, порочащие старца сплетни. И на наш взгляд, долг каждого искреннего почитателя о. Николая — пресекать, насколько возможно, этот поток хулы.

В данной статье мы постараемся рассмотреть вопрос о том, насколько достоверны их утверждения о том, что он почитал Распутина, нечестивую жизнь которого <...> обличали святой праведный Иоанн Кронштадтский, святая великая княгиня Елизавета и священномученик Владимир Киевский. Использовать при этом мы будем запись радиобеседы «схимонахини» Гроян в передаче Жанны Бичевской «От сердца к сердцу» и ее упомянутую книгу «Небесный ангел»*.

¹ Печатается по: Благодатный огонь. 2003. № 10. С. 30–36.

* Вообще в книге много и других странных моментов. Так, на 10 странице проводится, мягко говоря, неожиданное уподобление о. Николая Богородице: «тихая и смиренная жизнь Батюшки смирению и кротости Царицы Небесной... Царице Небесной за три дня до успения явился архангел Гавриил... Батюшке незадолго до его отшествия было явление архангела Гавриила с веточкой лилии в правой деснице (!)... Матерь Божия погребсти ее завещала между могилами ее праведных родителей...» Батюшка завещал упокоить его тело головой у стоп

В книге келейница прямо утверждает, что «старец Николай слезно молил Господа простить Россию за соборный грех клятвопреступления и попустительства в царубийстве и *заповедовал искреннее, глубокое, молитвенное почитание Святой Царской Семьи и молитвенника и представителя за Россию пред Богом — духоносного Святого Пророка-Великомученика Григория Распутина* (с. 11). Это говорит человек, находившийся в послушании у батюшки, и слова эти смутили немалое количество людей. По радио и в газетных публикациях эта же келейница приводит по своей памяти целые подборки высказываний о Николае о святости Распутина. И это вопреки ясному и определенному суждению предстоятеля Русской Церкви о его порочности!

Но известны и другие свидетельства, например следующий рассказ священника, духовного чада о Николае: к батюшке пришла очередная активистка канонизации Распутина, которая принесла свои материалы. Села, материалы — «житие» и «иконки» положила на стул. И вот, во время беседы, на этот стул вспрыгнул и уселся батюшкин кот Липушка. Активистка вся вострепелась: как же так, кошачьей задницей — на «духоносного великомученика»? А батюшка махнул рукой: «пускай сидит». Из той же беседы: активистка жаловалась о Николаю, что на могиле Распутина кто-то написал: «Здесь лежит собака». «Ну что ж, собаку тоже жалко», — отозвался батюшка.

Так кем же для батюшки был Распутин? «Духоносный Святой Пророк-Великомученик» или собака, которую «тоже жалко»? Почему «откровения» батюшки о его почитании Распутина слышали только Гроян да другая келейница — Валентина, ныне схимонахиня Иоанна, еще одна яростная почитательница Распутина и Ивана Грозного, но никто из вменяемых чад о Николае ни разу не слышал от него ничего подобного? Почему все эти «иконки», эти слухи, эти рекомендации начались и усилились лишь после того, как старец ослабел и слег, полностью оказавшись в руках этих дам? Ответы на эти вопросы можно получить, рассмотрев личности этих келейниц, по крайней мере той, что написала книжку «Небесный ангел».

Татьяна Гроян, ныне неизвестно кем и при каком монастыре постриженная схимонахиня Николая, разъезжающая по Москве и регулярно выступающая по радио, — яркая труженица на ниве насаждения псевдоправославного почитания Григория Распутина. Ее перу принад-

незавенной «мамушки» и так далее, параллели с погребением продолжают еще долго. Все это очень напоминает идеи **хлыстовства**, которые сводятся к тому, чтобы объявлять каких-либо современных людей воплощениями Христа или Богородицы. Какой еще смысл может иметь это неуместное и навязчивое сопоставление?

лежит огромный том «Мученик за Христа и Царя Григорий Новый» с «Житием» и «Акафистом», по ее почину написаны многие «иконы». На этой ниве начала она подвизаться, судя по всему, еще до того, как проникла в келейницы о. Николая. Это стало для нее идеей фикс, смыслом жизни, навязчивым неврозом, которым ей удалось заразить и многих других, а некоторые и независимо от нее были им заражены.

Если присмотреться внимательно, то во всех этих с виду спонтанных и невежественных действиях по насаждению культа «старца Григория» становится видна определенная логика, как в игре: ход Гроян & Со: прославили царскую семью — прославьте и Распутина. В этом был смысл бесчисленных иконок, на которых этот нечестивец изображен вместе с царской семьей или с одним из ее членов. Ответ на это Патриарха: Распутин не может быть канонизирован, прославление царской семьи не означает его святости. Следующий ход Гроян: признаете святость отца Николая — признайте святость и Распутина. И опять первая же иконка — отец Николай держит в руках «икону» Распутина. Прямо как в том анекдоте: «Пушкин читает сочинения Сталина»...

Просматривая и иконку эту, и книжку, создается впечатление, что для этой женщины и старец и царственные страстотерпцы — лишь **средства** для достижения страстно вожделенной канонизации Распутина. И это ведь тот самый старец, что предсказал в далеком 1962-м Святейшему патриаршество — намекает «схимница» на страницах книги. Что-то скажет Патриарх теперь?

Противно было читать ее книгу и еще более омерзительно слушать радиобеседу. Со слов Гроян выходило, что главным духовным подвигом, смыслом жизни и центром всех устремлений о. Николая было молитвенное почитание распутника и гипнотизера как святого: «У Господа он уже прославлен... Не о нем надо молиться, а ему надо молиться» — такие агрессивные антиканонические выражения она приписывает старцу Николаю и утверждает, что он сам молился Распутину по написанному акафисту и канону. В первой же книге Гроян о Распутине, по ее утверждению, «батюшка благословил каждую строку», а в иконе Распутина «благословил каждую деталь этого образа»...

Интересно, что на 18 странице своей книги о старце Николае Гурьянове Гроян сама описывает, как о. Николай «как-то весомо и строго» **не благословил** ее писать что-либо о нем. Однако она «огорчилась и возразила благословенному старцу», настаивая, что миру «необходимо знать о духовном подвиге» батюшки и его **«истинные»** мысли и наставления. На это старец (сама же Гроян пишет!) ответил: «Святые отцы, матушка, смотрели на скорби как на сугубую милость Божию и не замечали их... Так и я радуюсь, что бьют и пачкают... меня будут

пачкать и дальше, когда я уйду домой, к своим, сколько неправды напишут те, кто ничего не понимают; прости их, Господи...»

Просто поразительно, как в духовном помрачении г-жа Гроян не замечает, что прозорливый старец сказал это **именно ей**, в контексте разговора о *ее* писательской деятельности о нем, прозревая и эту ее книжку и эту же возню с Распутиным.

Далее схимница пишет, что потом батюшка все же, уступив ее просьбам, благословил ее писать о нем, подчеркнув: «Пишите честно, откровенно, правду...» Но и этого, довольно прозрачного намека она, видимо, не поняла.

Пишет она откровенные выдумки и заранее выражает недовольство теми, кто ей не поверит: «Им необходимо, чтобы на всем Божиим (!) стояла печать с подписью: “это именно сказал старец Николай такому-то такого-то числа. Печать и подпись старца, заверенная нотариусом”... А лучше всего — наличие видеозаписи» (с. 19). Так к абсурду сводится любая критическая мысль о том, что говорят о батюшке «подвизающиеся при нем». То есть верить надо на слово всему, что скажут о старце две женщины, носившие ему записки да готовившие еду!

И вот так, на слово, надо верить г-же Гроян не только в том, что батюшка почитал Распутина, но и в том, что он был тайным монахом, тайным схимником и даже тайным епископом! Обоснования этим утверждениям просто обезоруживающие: «Схиму батюшки мы не видели и не знали, где она. Сердце не имело сомнений, что авва — схимник» (с. 28). Обоснование епископства еще более свободно: на одной старой фотографии о. Николай сфотографирован в священническом (!) облачении с двумя иподиаконами по бокам — значит, перед хиротонией, делает выводы келейница. Ну и, конечно же, слова самого батюшки, которых никто, кроме них, не слышал.

Надо верить словам г-жи Гроян, что батюшка воскресил своего кота, в то, что он молился Распутину и называл его «тайным иеромонахом» и «духовником царской семьи»*, в то, что «на девятый день

* В радиопередаче Ж. Бичевской «схимонахиня» Николая рассказала слушателям «тайственную» историю, поведенную ей якобы о. Николаем Гурьяновым. Императрица Александра Феодоровна отказалась исповедоваться у духовника Царской семьи епископа Феофана Полтавского из-за «навета» на «старца Григория». После этого батюшка поведal, что после этого Царская семья стала исповедоваться... у «старца Григория». Григорий Распутин был священником, имел священный сан. Он иеромонахом был. Григория Ефимовича Распутина, который был пострижен в монашество на Афоне, рукоположил во священники епископ Варнава Тобольский (Накропин). «Вот это да!» — воскликнула ведущая передачу Жанна Бичевская, услышав такую «тайну старца Григория».

по блаженной кончине батюшка Николай явился священнику Евгению и благословил записать тропарь. Тогда же старец явился р. Б. Марие из Санкт-Петербурга и благословил ее написать его образ. Икона, переданная в благочестивую семью, вскоре обильно замироточила и благоухает» (с. 30). Ну и, разумеется, самой Гроян также, по ее словам, явился о. Николай «в полном святительском облачении» (с. 21). Этими видениями и явлениями переполнена книжка: Богородица является некоему «священномунаху» и надиктовывает пространное откровение о том, что на острове Залит должен «будет воздвигнут Храм Престола Божия», и называет о. Николая на католический манер «святым отцом»* (с. 23). Распутин вместе со св. царевичем Алексием является иконописцу, повелевая написать их совместный образ. Этим монахам и монахиням следовало бы знать заветы святых Отцов об опасности разнообразных духовных видений: «Избегай видений, если только не в крайнее бесстрашие пришел ты» (св. Феогност. Главы о деянии и видении. 6).

До «крайнего бесстрастия» им очень далеко, посему исходя из вышеописанного, нахождение всех этих людей в прелести не вызывает сомнений. А так как человек в прелести незаметно для себя движим иной волей, которая, как мы видели на примере анализа действий распутников (почему бы так не окрестить почитателей Распутина?), ведет довольно продуманную игру против Церкви, то вряд ли и эти новые слухи о том, что батюшка-де был тайным епископом, случайны. Если наметившийся разрыв с Церковью действительно произойдет, можно будет вполне ожидать, что тотчас появятся «тайно рукоположенные» этим «тайным епископом» священники, как уже сейчас есть «монахи Григории», постриженные в честь Распутина! И — раскол, прикрывающийся именем одного из самых почитаемых подвижников веры наших дней — протоиерея Николая Гурьянова — уже готов. Не прозревая ли эту опасность, батюшка, по собственному признанию Гроян, неоднократно заповедовал им: «Только не оставляйте Церковь, любите и храните ее» (с. 13)?

Эти невежественные псевдоревнительницы старца даже не замечают, что на деле своими лжеблагочестивыми фантазиями только

* По православной традиции, Святыми Отцами Церкви называют тех подвижников, кто сугубо потрудился на богословском поприще и чьи труды признаны Церковью как имеющие безупречный учительный и духовный авторитет, еще живых людей так не называют. А в Римско-Католической церкви как раз наоборот, это обычное обращение к священнику. Так что перед нами типичный пример дремучего невежества, столь характерного для Гроян с ее «правыми десницами» и «белыми медведями, убитыми в Индии с ритуальными целями».

возводят хулу на него. Ведь если он, как они говорят, был тайным схимником, то в таком случае, согласно церковным канонам, не мог вести служение приходского священника, а если, как мы знаем, вел, то, значит, нарушал устав и главный схимнический обет. Так они выставляют о. Николая попателем и презирателем священных канонов Церкви и святых отцов, их установивших. И если он, как они утверждают, молился непрославленному Распутину, и таким образом выказывал непослушание Предстоятелю Церкви, и нарушал установленные ею правила прославления и почитания святых, то он, получается, канонический преступник. Но он таким не был! И потому все противоканонические «благословения», о которых они пишут, — это ложь! О. Николай не мог насаждать посредством посмертных явлений свой культ вразрез с установленными Церковью канонами и обычаями, ибо он Церковь действительно любил, в отличие, увы, от его келейниц.

«Руководствуясь только Святым Писанием, только уставом святой Церкви мы и сейчас говорим о мученике Григории», — заявляет схимница в радиобеседе с Ж. Бичевской. Что за наглая ложь! По уставу Церкви не положено ни писать иконы, ни акафисты, ни каноны, ни молиться по ним до соборного прославления. На каком Соборе прославили Распутину? Нет такого Собора и никогда не будет, и посему насаждаемое почитание его — антиканоническое, идущее вразрез с уставом святой Церкви. Если г-жа Гроян солгала в этом случае, то что мешает предположить, что она столь же нагло лжет и о старце?

Мне самому довелось работать несколько лет в одном монастыре, и я по личному опыту знаю, как часто люди заявляют, что настоятель дал им такое-то или такое-то благословение, а при проверке выясняется, что никаких таких благословений не было дано. Если подобное происходит там, где много людей и существует возможность сразу же проверить сомнительное утверждение, то чего уж ожидать от двух женщин, единолично распорядившихся всем, что касалось старца в последние годы его жизни? Как описывает сама Гроян: «Батюшка говорил, но телесные уши уже не могли внимать... понимала сердцем, не умом» (с. 13). А сердцем, исполненным страстей, можно напоять что угодно, когда телесные уши не внимают подлинным речением старца. Сама же она, как мы выше цитировали, описывает, как *возражала* старцу, когда он говорил, то, что ей не по нраву. Вот такое вот «полное послушание»...

И, видимо, навнимавшись сердцем, приписывает Гроян старцу следующее совершенно бредовое выражение: «Не может без воли Божией появляться икона (речь идет об иконах Распутина). А если икона появилась — значит человек уже прославлен на небе». А с като-

лическими иконами, интересно, тоже так? Или вот в новообразованной обновленческой организации под названием «церковь православного возрождения», где проходят «пастырское» служение «протопресвитер» Г. Якунин и Я. Кротов, недавно канонизировали протоиерея Александра Меня, и его иконы, соответственно, у них имеются. Эти иконы тоже ведь не без воли Божией появились? Значит, и Мень тоже «на небесах прославлен»? Такие вот откровенно абсурдные мысли приписывают батюшке те, кто помешан на прославлении Распутина и пытаются по максимуму использовать для этого весь авторитет почившего в Бозе старца.

Такова же и упомянутая уже первая икона «святого праведного Николая Псковоезерского», распространяемая ныне огромным тиражом бесплатно (!) по всем епархиям нашей Церкви: старец держит в руках «икону» Распутина. Сама икона написана в манере «Богородичного центра»: неестественно большая голова, сияние вместо нимба... Надписи нет — то есть **по канонам это не икона**. Но уже «замироточила» у «одной благочестивой семьи». Как и «иконы» Распутина также — мироточат... Ну разве не святой? Кто уж тут еще не признает?

Однако мироточение «иконок» Распутина и кощунственных неканонических изображений о. Николая — совершенно несерьезный аргумент. Из жития св. Василия блаженного мы знаем, что диавол даже в Церкви через неканонические иконы может совершать свои лжечудеса, прельщая людей. И действительно, по всему миру мы видим: индийские идолы сами пьют молоко, католические статуи кровоточат, а в прошлом году, на юбилей Элвиса Пресли, у одного из его поклонников «чудесно» заплакала гипсовая статуэтка певца. Не станем же мы на основании этого считать их всех святыми!

Так что как раз церковная канонизация святого может быть основанием признания мироточения его иконы чудом от Бога, а не мироточение — основанием канонизации.

Осталась у нас еще одна тема. В качестве доказательства почитания о. Николаем Распутина распутники показывают фотографии, где старец сидит у иконостаса, а за спиной его — икона «великомученика Григория».

Конечно, факт наличия фотографий требует объяснения. Но вариантов может быть много. Нам доводилось слышать несколько мнений. Некоторые допускали, что это сами келейницы, пользуясь немощностью батюшки, делали такие снимки-инсценировки, возможно, во время одного из кризов, пережитых о. Николаем. И действительно, на фотографии, где о. Николай сидит рядом с иконой Распутина и держит в руке книгу Гроян, взгляд старца необычно смутный, а рука

выглядит безвольно приставленной к книге, поставленной на колени... А вот другая фотография из той же книжки: батюшка строго смотрит в объектив и **загораживает плечом «икону»** Распутина. Что это: неудавшийся дубль?

Однако, на наш взгляд, это может иметь и более простое объяснение: у батюшки было слабое зрение, еще с молодости он носил очки (как видно по фотографиям). Иконография же Распутина очень вариативна, и не всегда можно догадаться, кто изображен, если не вчитываться в надпись. Старец о. Николай, несомненно, был прозорливым, но прозорливость — это не всеведение, и он просто мог не обращать особого внимания, что за иконки его келейницы вставляют в их общий иконостас. Окончательную ясность в вопрос происхождения подобных фотографий может внести, наверное, лишь о. Валериан Кречетов, бывший духовником о. Николая.

Нам же надлежит не смущаться о дорогом батюшке и не доверять словам тех, кто пытается нечестно прикрыть его светлым именем свои кощунственные измышления. Это просто диавол, не возмогший победить о. Николая в земной жизни, таким образом в отместку пытается опорочить его после смерти. Да не преуспеет в наших сердцах!

V

**«РУССКИЙ СТАРЕЦ
С ПОСОХОМ В РУКЕ»**

Г. Е. РАСПУТИН

Житие опытного странника¹

Май 1907 год

Когда я жил сперва, как говорится, в мире до 28 лет, то был с миром, то есть любил мир и то, что в мире и был справедлив и искал утешения с мирской точки зрения. Много в обозах ходил, много ямщикал и рыбу ловил и пашню пахал. Действительно это все хорошо для крестьянина! Много скорбей было мне: где бы какая сделалась ошибка, будто как я, а я вовсе не причем. В артелях переносил разные насмешки. Пахал усердно и мало спал, а все же таки в сердце помышлял как бы чего найти как люди спасаются. Посмотрю по поводу примеров на священников — нет, все что-то не то; поет и читает резво, громко, как мужик дрова рубит топором. Вот мне и пришлось подумать много: хоть худой да Батюшка.

Вот я и пошел паломничать, а так был быстрый вглядываться в жизнь; все меня интересовало, хорошее и худое, я и вешал, а спросить не у кого было что значит? Много путешествовал и вешал, то есть проверял все в жизни. В паломничестве мне приходилось переносить нередко, всякие беды и напасти, так приходилось, что убийцы предпринимали против меня, что разные были погони, но на все милость Божья! то скажут одежда неладна, то в чем-нибудь да забудутся клеветники неправды. С ночлега уходил с полуночи, а враг завистлив всяким добрым делам, пошлет какого-нибудь смутителя, он познакомится, чего ни будь у хозяина возьмет, а за мной погоня, и все это пережито мною! а виновник тотчас же находится. Не один раз нападали волки, но они разбегались. Не один раз также нападали хищники, хотели обобрать я им сказывал: «Это не мое, а все Божье, вы возьмите у меня, я вам помощник, с радостью отдаю», им что-то особенно скажет в сердцах их, они подумают и скажут: «Откуда ты и что такое с тобой?»

¹ Печатается по: *Распутин Г. Е. Житие опытного странника.* СПб., 1907.

«Я человек — посланный брат вам и преданный Богу». Теперь это сладко писать, а на деле-то пришлось пережить все. Я шел по 40–50 верст в день и не спрашивал ни бури, ни ветра, ни дождя. Мне редко приходилось кушать, по Тамбовской губернии на одних картошках, не имел с собой капитала и не собирал во век: придется Бог пошлет, с ночлегом пустят — тут и покушаю. Так не один раз приходил в Киев из Тобольска, не переменял белья по полугоду и не налагал руки до тела — это вериги тайные, то есть это делал для опыта и испытания. Нередко шел по три дня, вкушал только самую малость.

В жаркие дни налагал на себя пост: не пил квасу, а работал с поденщиками как и они; работал и убегал на отдохновение на молитву. Когда коней пас — молился. Это отрада мне послужила за все и про все. Ходил берегами, в природе находил утешение и нередко помышлял о Самом Спасителе, как Он ходил берегами. Природа научила меня любить Бога и беседовать с Ним. Я воображал в очах своих картину Самого Спасителя, ходившего с учениками своими. Приходилось нередко думать о Царице Небесной, как Она приходила на высокие места и просила Бога — «Скоро ли я буду готова к Тебе». Много может природа научить по всей премудрости и всякое древо и как по поводу весны. Весна означает великое торжество для духовного человека. Как развивается в поле, то есть украшенный светлый май, так и кто следящий следит за Господом, то у него зацветает душа подобно маю, у него такое торжество как день Пасхи, то есть напоминает как-будто этот день, когда он причащался, и как развивается вся весна, так развивается и торжествует кто ищет Господа. Недуховному человеку весна тоже радость, но только как неученому грамота.

Еще я нашел одну отраду из отрад всех: читал ежедневно Евангелие понемногу, читал немного, а думал более. Потом еще учился носить вериги три года, но враг меня смущал — «Это ты высок, тебе нет сверстников». Я много боролся и пользы они мне не принесли, а нашел вериги любви. Любил без разбора: увижу странников из храма и от любви питаю чем Бог пошлет, у них немножко научился, понял кто идущий за Господом. Много мне пришлось бороться и пережить. В одно прекрасное время, ходил, думал обо всем, вдруг проникла ко мне мысль, долго недоумевал, что вот сам Господь не избрал царские чертоги, а выбрал Себе ясли убогие и тем прославил славу. Мне недостойному пришло в голову достигнуть, взял, выкопал в конюшне вроде могилы пещерку и туда уходил между обеднями и заутренями молиться. Когда днем свободное время, то я удалялся туда и так мне было вкусно, то есть приятно, что в тесном месте не разбегается мысль, нередко и ночи все там проводил, но враг-злодей всяким страхом меня

оттуда выживал — треском, даже было побоями, но я не переставал. Так продолжалось лет восемь и вот враг-злодей все же таки навел людей будто оказалось место лишнее и мне пришлось переселиться в другое место. Вообще я видениям никаким не верил, так меня Бог хранил от видений. Вот меня искушение искало одно, что возроптал на общество. Видению не нужно верить, это недоступно нам. Хотя бы оно на самом-то деле было, за это Господь простит, за неверие даже маленьким подвигом простит, но как от врага в прелесть впадешь, то это спрашивается как все равно, как у какого нибудь злого помещика потерял какие-нибудь вещи.

Очень, очень осторожно нужно с этими видениями, до такой доведут низкоты, то есть до забвения, что не будешь помнить ни дни, ни часы, и в такую впадешь гордость, и будешь настоящий фарисей. Трудно странничкам бороться со врагом. Когда я шел странничать в Киев, то уходил утром без обеда, это был мой устав. Злодей враг завидовал всему моему доброму делу; то он являлся в виде нищего, а все-таки знатно, что не нищий, а враг в тумане. Я успевал в то время крестным знаменем себя осенять и вдруг исчезал как прах. То мне казал, что деревня еще более как 30 верст, смотришь из-за леску и вышел на долинку — тут и село. Экой сатана! То являются помыслы нечестивые, усталость неописанная, голод невысказанный, жажда питья неопределенная, сдогадывался, что это опять от врага, нередко падал на дороге как-будто по кочкам иногда — все это искушение! Приблизившись к селу, звон раздается, я своими прыткими ногами и частой походкой, уже в храм. Вот мне первую мысль враг задает: то стань на паперти, собирай жертвы — дорога далекая, денег много надо, где возьмешь; то помолись, чтобы тебя взяли обедать и накормили послаще. Хвать безумной головой, уже херувимский стих поют, а я еще не был, не предстоял, не соединялся с Господом! Дай я не буду больше!

Так мне пришлось с этими помыслами бороться целые года. Вот я не стал помышлять, а стал приходить в храм стоять с мужиками сельчанами, тогда мне Бог давал: напоют и накормят и всю нужду странствия моего поймут. В том у странников благочестие, что не нужно собирать и наипаче на погоду роптать, потому что дурная и хорошая погода, все от Престола Божия. Странничать нужно только по времени — месяцами, а года чтобы или многие годы, то я много обошел странноприимен — тут я нашел странников, которые не только года, а целые века все ходят, ходят и до того они бедняжки доходили, что враг в них посеял ересь — самое главное осуждение, и такие стали ленивые, нерадивые, из них мало я находил, только из сотни одного, по стопам Самого Христа. Мы — странники, все плохо можем бороться с врагом.

От усталости является зло. Вот по этому поводу и не нужно странничать годами, а если странничать, то нужно иметь крепость и силу на волю и быть глухим, а иногда и немым, то есть смиренным наипаче простячком. Если все это сохранить, то неисчерпаемый тебе колодезь — источник живой воды. А в настоящее время сохранить источник этот трудненько. Нужда все же таки Бог не старее и не моложе, только время другое. Но на это время Он имеет Свою благодать и время восторжествует.

Страннику нужно причащаться тем более во всяком монастыре, потому что у него большие скорби и всякие нужды. Святые тайны обрадуют странника как май месяц свою землю. Много монастырей обходил я во славу Божию, но на советую вообще духовную жизнь такого рода — бросить жену и удалиться в монастырь. Много я видел там людей; они не живут как монахи, а живут как хотят и жены их не сохраняют того, что обещали мужу. Вот тут-то и совершился на них ад! Нужно себя более испытывать на своем селе годами, быть испытанным и опытным, потом и совершать это дело. Чтобы опыт пересиливал букву, чтобы он был в тебе хозяин и чтобы жена была такая же опытная как и сам, чтобы в мире еще потерпела бы все нужды и пережила все скорби. Так много, много чтобы видели оба, вот тогда совершится на них Христос в обители своей.

Трудно в миру приобрести спасение, наипаче в настоящее время. Все следят за тем кто ищет спасения, как за каким-то разбойником и все стремятся его осмеять. Храм есть прибежище и все тут утешение, а тут-то как духовенство вообще в настоящее время не духовной жизни, наипаче следят кто ищет бисера и смотрят с каким-то удивлением как будто пришли сделать святотатство. Но чего нам об этом печалиться? Ведь Сам Спаситель сказал: «возьми крест свой и следуй за Мной». Мы не к духовенству идем, а в храм Божий! Ну, да нужно подумать — худой, да Батюшка. У нас искушения, а у него и поготову, потому что там у него шурина на балах, а теща-то у него кокетничала, а жена много денег на платье извела, и гостей-то у него предстоит много к завтраку. А все же почитать нужно его! Он есть батюшка — наш молитвенник. Так и в монастыре они поставлены на спасение и пошли спасаться, то есть какой ни будь помещик послал своего раба за горохом, а он принес ему редьки, чтобы он с ним доспел? Однако наказал бы! Кто в миру неученый, а жизнь толкнула на спасение, тот по всей вероятности больше получит дарования: что ни делает, да успеет!

Вот по поводу этому пример. Было бы у одного хозяина нанять два работника, а два бы прибежали со стороны и проработали во славу. Хозяин долго помнил бы и давал и спасибо. Те двое-то наняты и по-

званы были и эти-то прибежали во славу — они и получают тем более, что не были к делу приставлены, а совершили более тех, которые были призваны. Не один раз я видел как гонят, где собравшись во имя Господа беседу ведут, то есть живут как по-братски от любви Божией и любят не по одной букве, а по слову Спасителя и не выкапывают в человеке, то есть не находят никаких ошибок, а находят только сами в себе, беседуют о любви и как соединиться со Святыми Тайнами и петь разные псалмы и читать по главе из Евангелия, хотя за это будете изгнаны и будут вас подозревать. Потому что они-то (гонящие) чины заслужили по букве, а от Господа далеко отстоят и духовный орган для них как заграничный язык. Будем стараться и молиться, чтобы Господь нас не развеял! Они же требуют; от нас то, чего сами не поймут. Мы не будем Бога просить, чтобы их Бог наказал. Сам Господь укажет им путь — истину. Смех их обратиться по слову Спасителя в плачь. Не будем смотреть на разные их поношения: «слуха зла да не убоимся», «станем продолжать петь псалмы и любить друг друга всем сердцем» — по слову Апостола: «приветствуйте друг друга святым лобзанием». Только не нужно делаться всем большими, нужно слушать и внимать одного, кто нас ведет в путь истинный, а то как бы враг нас не развеял и не посеял в нас ничтожную ерунду. Вообще бояться станем прелести всяких видений. Не будем верить сновидениям кроме Божией Матери и Креста.

Много-много враг представляет всяких кляуз и много показывает за братом недостатков; иногда и скажет брату вовсе устами чужими на брата, будто как на самом деле тот брат говорил, а тот даже и не думал этого. Вот тут-то нужно осторожно в духовной жизни. Враг так наклеветает как есть на самом деле и что же потом получится — даже до смерти не хотят друг друга видеть и при кончине простить. Вот тогда и получится великий неурожай в поле — хозяин не насыплет в житницу, а мы во спасение. Как дыроватый мешок не сохранит в себе жита, так и мы ежели не будем друг друга прощать, а будем замечать в другом ошибки, сами же находиться к нему во злобе, то есть судить. Нам бы надо со смирением за ним заметить ошибки, да уласкать его, как мать сердитое дитя: она все примеряя приберет и всяким обманом и ласками не даст ему кричать. Хорошо бы и нам найти пример с этой матери. Найти и обласкать падшего, а наипаче быть самому осторожным и прошедши все опыты быть близко к Богу и показать свой пример и не от одной буквы, а быть на деле самому.

Ах, как враг хитрый ловит вообще спасающихся: в одно прекрасное время ехал я зимой, был мороз в тридцать градусов, враг и научил меня: «Сними шляпу и молись на долине за лошадьми, ведь все делатели, что

не делают, да успеют». Я действительно снял шапку и давай молиться, а потом мне стало казаться в очах, будто Бог очень близко. Что же получилось? Голову простудил, потом захворал, был сильный жар, 39 градусов. Вот я тут поработал, а когда пришел в себя, за это много молился и постовал. Молиться можно на долине, но не снимая шапки в 30 градусов мороза. Кто спасается и ищет Господа не от какой-нибудь корысти, того, какое бы то ни было искушение приведет не на грех, а на опыт. Нужно только после этого искушения больше прибавить силы и с рассуждением действовать. Не особенно забиваться и попадать к небу, а понемножку, как тебе на сердце придет, а не как ревнитель. Нужно быть осторожным и помнить Бога когда работаешь, наипаче ловишь рыбу, помышлять об учениках Господа, которые также раскидывали сети. Когда пашешь помышлять, что труд есть во спасение. Нужно читать изредка молитвы Богородице, а в густом лесу помышлять о пустыне, где спасались прежние отцы. На жатве думать вообще о делателях добрых дел, тружениках Божиих. Когда один едешь или идешь, то нужно соображать, что все пустынные были одиноки. Ежели же нагнала тебя толпа то помышляй, что за Господом за Самим шли тысячи слушателей слова Его. Хотя все мы как человеки грешны, но создание и образ Божий. Наипаче ежели какие страсти плотские, то воображай картину в очах своих — Крест Господен и громко на врага кричи: «Пойдем со мной на крест, ты был как ангел и предстань одесную, а я тогда буду святой и оба не будем мучиться, а то ты и меня мучаешь и себя». Когда никого не видно, то громко открикивайся от врага: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий помилуй меня грешного и молитвами Богородицы сохрани меня». А если видишь, что около тебя кто ни будь близко, то тайно духом возноси молитву Иисусову. Затем причащайся как можно чаще и ходи в храм, какие бы ни были батюшки. Считаю батюшек хорошими, потому что ты как спасающийся — тебя враг искушает, а у него тоже семейство и он тоже человек. Ему бы надо было поступить в исправники, а он пошел в батюшки. Ведь он бы рад спросить, да нет у нас таких живых людей дать ему благой совет. В настоящее время кто может совет дать, так они в уголки позагнаны.

Вот еще как враг завистлив к тем кто ищет Господа и кого он ничем не может искусить — он прямо посылает болезнь. Кто молится земными поклонами у тех заболевает спина, у странников ноги и все по наваждению вражьему: постников давит такая жажда, что ни выскажешь, на смиренных посылает из женского пола с какими ни будь неудовольствиями, на несеребрюлюбивых наводит будто завтра умрет с голоду, у тех кто крестится отнимается рука, нередко мутятся глаза, иногда делаются судороги. В ночное время тем более

велит поспать враг, а то явит треск, разный страх и всякие всяческие. То явит милость, что видят все и всяким вражеским своим хитрым наваждением, а наипаче в лесу он старается всеми силами победить. На трудолюбивых старается нагнать леность. Как это все — победить! На все нужно бить: молиться немного, но ударять себя когда никого нет, крепко правильно и физически, чтобы даже пол дрожал, только стараться чтобы никто не видел — тогда это все будет здорово и пройдет и будешь опытен и примешь все это с радостью, потому что тебя враг научил, а не искусил — наипаче еще научил любить Бога. Вот тебе и враг! Хвать, хвать, а пользы нет. Возьми в пример худого еврея: обманывал, обманывал — глядишь доспел ся расторгуй (разорился), так и враг трудился да не над тем. Вся жизнь моя была болезни. Всякую весну я по сорок ночей не спал. Сон будто как забытье, так и проводил все время с 15 лет до 38 лет. Вот что там более меня толкнуло на новую жизнь. Медицина мне не помогала, со мной ночами бывало как с маленьким, мочился в постели. Киевские сродники исцелили и Симеон Праведный Верхотурский дал силы познать путь истины и уврачевал болезнь бессонницы. Очень трудно было все это пережить, а делать нужно было, но все-таки Господь помогал работать и никого не нанимал, трудился сам, ночи с пашней мало спал.

Когда я стал ходить по святым местам, то стал чувствовать наслаждение в другом мире. Ходил временно не всегда по святым местам; испытывал много чего; видел как Богу служат в обители святой и думал, что в миру кто делает со страхом и благословением Божиим тоже участник даже и больший, потому что Сам Самодержец Царь крестьянином живет, питается от его рук трудящихся, и все птицы крестьянином пользуются, даже мышь и та им питается. Всякое дыхание да хвалит Господа и молитва все за крестьянина — только бы он не сквернословил! Велик, велик есть крестьянин перед Господом: он никаких балов не понимает, он в театре редко бывает, он только помнит: Сам Господь подать нес и нам велел — Божий трудовик! У него вместо органов коса в руках; вместо увеселений — соха у сердца; вместо пышной одежды какой ни будь твердый ярмячок; вместо тройки лихой какая ни будь усталая лошадка. Он едет и вспоминает от души ко Господу: «донеси меня с этой долины в свое прибежище или до города». Вот тут-то на нем Христос! а сам пешечком со слезами. Он здесь со Христом, а там уже давно на нем пребывает рай, то есть он заготовил Житницу Божию. Нередко приходится со словами Бога умолить и Фрола, и Лавра помянуть, а все же таки с Богом и тут ему радость! А без Бога хотя и на тройке мчатся, а уныния полный экипаж. Что им завидовать! у них как у худого еврея какой ни будь гнилой товар, да подкрашен или подлажен.

Хватать, а его и нет, то есть деньги заплатил, а пользы не получил. Вот их радость — как надежды на весенний лед. У них едет только пышное платье, а душа во мраке. Но действительно не у каждого так бывает: «порфира не погубит, а рубище не вознесет», но на все нужно умение и опыт. Всегда нужно себя в одежде унижать и считать себя низким, но не на словах, а духом действительно. Бриллианты тоже Божие создание и золото украшение Царицы Небесной — бисер чтимый, но только нужно суметь его сохранить. Мы одеваемся в жемчуг — делаемся выше городов, поднимаем дух и рождается порок гордости и непокорности ко всему. А вы знаете кто у нас не покорился? Один сатана! Он трепетал, он не спал и с роду не кушал, а вы знаете, где он находится? Нужны только унижение и любовь — в том и радость заключается! Любовь — большая цифра! пророчества прекратятся и знания умолкнут, а любовь никогда. Не так как строго говорится, а маленько, маленько сохраним — остальное все приложится. Не нужно добиваться почета и учения, а следить и искать Господа и все ученые послушают глагол твоих или изречения твоего.

Мне пришлось много бывать у архиереев, много я беседовал с ними, вот всячески испытывали. Придешь с сокрушенною душою и смиренным сердцем — их учение остается ничтожным и слушают простые слова твои, потому что ты придешь не с простым духом, а от милости Божией. Ты одно изречешь слово, а они нарисуют себе целую картину, только бы ты шел не ради гнусной корысти. Они, хотя и хотят испытать и ищут что ни будь, но ты как не с простыми — словами, то есть в страхе — вот тут-то у них замирают уста и они противоречить не могут. Так я много бывал в духовных академиях: в Киевской, в Московской, Казанской и более в Петербургской. В настоящее время, в такую смуту 1907 года действительно на всех не повлияешь. И Сам Господь не на всех повлиял и про некоторых заготовил ад и тьму, которые есть следят за Господом, с теми пришлось мне побеседовать по поводу всей смуты. Я больше беседовал с ними о любви, но они много изумлялись о любви более из опыта, которая пережита мною. Так нужно быть на все приготовленным и не в научном настроении духа.

Если не будешь искать корысти нигде и стремиться как бы утешить, призовешь Господа душевно, то и бесы вострепещут от тебя, и больные выздоровеют, только бы все делать не от гнусной корысти. А будешь искать каких ни будь случаев для брюха, для славы, для сребролюбия, то не получишь ни здесь ни там, то есть ни небесного ни земного, а будешь стараться, действительно Господь даст в чем нуждаешься и получишь, что тебе надо. Враг же сатана всегда ждет и ищет случая, как бы искусить и говорит, побеседуй погромче для своей славы и по-

красноречь для брюха! И ах — сатана как лиса, сверток много, много. Все это пережито мною! Нет не нужно просить и беседовать для славы своей — это будет только беспокойство — не дадут и не получишь, не приобретешь ни в земное наслаждение, ни в небесную радость. Если будешь себе приобретать, то не украсишь ни храм, ни себя, а будешь живой мертвец как в Евангелии говорится. Вот ученость для благочестия — ничего! то есть я не критикую букву — учиться надо, но к Богу взывать ученому не приходится. Он все на букве прошел и не приходится ему к Богу взывать. Буква запутала ему голову и свила ноги и не может он по стопам Спасителя ходить. Действительно есть и ходят по стопам Спасителя, но только очень помешало им настоящее время.

Спутана вся Россия и не признает в ней паства своего пастыря, то есть на родине надо любить родину и в ней поставленного Батюшку — Царя — Помазанника Божия. Много, много я кое-где бывал: бывал у сановников и офицеров и князей даже, пришлось Романовское поколение видеть и быть у Батюшки Царя. Везде нужны подготовка и смирение и любовь. Вот и я ценю, что в любви пребывает Христос, то есть неотходно есть на тебе благодать — только бы не искоренилась любовь, а она никогда не искоренится если ставить себя невысоко, а любить побольше. Все ученые и знатные бояре и князья слушают от любви слово правды, потому что если в тебе любовь есть — ложь не приблизится. Не так как пишется, но на деле-то попасть к Высокопоставленным нужно быть очень осторожным и приготовленным ко всему, тогда от веры твоей повлияет на них Господь своею красотой. Они вострепещут и твое простое слово примут за самое высокое образование, потому что в них скажется особенно чего не опишешь, то есть повлияет Сам Господь своею благодатью. Я грешный тут бывал то высказать не могу, у всех и вся и много кое-чего видел. Одно главное: кто живет со Христом нищий и убогий, у того радость больше его хаты, а и во дворцах и у Высокопоставленных, как Бога нет, уныние больше хижин. Действительно много и среди аристократов таких, что благодати выше дворцов и умению к благочестию. Которые умеют себя унижить у тех и благодать выше дворцов, не добиваются сей славы, а добиваются высшей благодати им и скорби как овсяная плева для ветра. А которые ждут от Царя почестей и награды, а сами не заслужили — у них фундамент-то на песке. Вода пришла и все унесло, то есть маленькая ошибка, а они уже то давятся, то стреляются, то наливаются, потому что они не искали небесной славы, а искали земного удовольствия. Бога и то купили в магазине — изумруд. А он то изумруд у них заржавел и ржавчина послужила свидетелем. Кто Богу и Царю служил и не искал славы, трудился — заслуга. Не спал день и ночь, делал правду, служил Богу и уноровлял Батюшке. Царю,

на того и гора упадет его не задавит, перенесет все с радостью и получит наслаждение даже больше старого.

Вспомнил еще один опыт и испытание в моей жизни. Ходил в Петров пост на острова и там собирал лыко; таскал больше чем за полверсты в озеро мочить. Хлеба кушал малость, а оводов и комаров от себя не отгонял. В пять часов вечера я снимал рубашку, клал сто поклонов и творил Иисусову молитву. Враг ненавистник очень много этому позаиводовал, напустил уныние, даже неудовольствия сделались. Едва-едва смог перенести, но понял я, что ему досадила. Потом сам еще ошибся и его оклеветал, но тогда-то он меня вторично донял, то есть больше еще научил к опыту и остался нечестивый осмеянный со своими хитростями. Его роль была богохульство, а оно произошло от просимого мною чуда. Так вот, не советую просить чудес или подвиги большие брать, а брать подвиги по мере. Я действительно получил пользу от оводов и комаров, цифра неписанная, и научился всякому терпению, вообще ударам или изнурению тела. Придется если на мягком спать, то и хорошо в интеллигентном обществе, а в поле на кочке и слаще, и березонька под боком и зорьку не проспишь и на все это опыт. Еще в петровские ночи я пахал, оводов тоже убирал с себя — пускай покушают тело и попьют дурную кровь. Я размышлял: и они Божие создание, так и я сотворен Богом. Кабы Бог не дал лета, не было бы и комаров. Ах, какой у мужика труд золотой и он делает все с рассуждением. Вот и комаров-то покормит и то во Славу Божию. Мужичок мудреный и опытный. Душа живая у него и пережито им много. Однако жалко, что у него ум спит, потому что он не был в гимназии. Не известно однако, что бы с ним было кабы поучился. Одно известно, учение к Богу и в Боге в храме и в храме соединяться с Господом, принимать Святые Тайны три раза в год. Если все это сохранить в себе, то будут на тебя нападки, преследования разные и вообще будут священники пытаться, на все нужна сила и Бог даст дарование — их буква останется дешевой ценой. Когда в храме священник то нужно его почитать; если же с барышнями танцует, то напоминай себе, что это не он, а бес за него, а он где-то у Престола сам служит. А видишь, что он сладкие обеды собрал и кумушек-голубушек созвал, то это потому, что у него свояченица барышня и шурин кавалер, а жене-то батюшковой и жалко их, он же Христовый все же батюшка и не сам, а пожалел их, так и представляй в очах картину.

Хочу еще поговорить о сомнении. Я нашел много людей сомневающих в себе с 16 лет и до 33 и мне пришлось беседовать по поводу сомнения. И так это сомнение доходит до такой глубины в забвенье, что представляется в конце концов, что даже не достоин в храм ходить,

Святых Тайны принимать и на иконы, то есть на лик Божий взирать. Тут такая глубина, что и разобраться совсем невозможно. В святых Житиях сказано: нужно себя везде и повсюду проверять и исследовать. Действительно нужно всегда себя проверять, я с этим согласен, только в середину точки зрения, а не до крайностей. От крайностей человек помышляет, например, что в нем нет любви истинной. Я люблю не от сердца, а вижу у человека недостаток в чем ни будь и жалею, а любовь далеко от меня отстоит, я недостойн любить и Бог не дал мне любви как брат, например, любит. Что же получается? А выходит, что на Бога приносят хулу, что Он не дал любви. После этого отражается, что человек считает себя действительно недостойным. В таком случае не нужно думать о себе что во мне любви нет, а просить наипаче Всевышнего, чтобы Он наказал мне любовь истинную и научил. Так Он научит! Можно и помышлять иногда, что не отбери у меня, Господи, любовь чистую и люблю довольно и пускай она любовь во мне торжествует во славу Христа и уповать на Высшие Силы. А больше добиваться любви до крайности нельзя! А какую Бог дал, такая пусть и будет! И так нельзя никому советовать, что «люби более», на все надо присматриваться строго, потому что человек любит искренней душою, а враг хитрый по этому поводу и представит картину: «ты еще не учился любить не достоин грешник, любят не так, а ты люби одного Бога, ходи с поникшей головой, не радуйся!» Нет Бог веселым от рая не отказал, а наипаче их возлюбил, но только веселиться нужно во Господа.

Вот еще враг хитрый задает такие фразы и научает: «пустынники молились и постились и Сам Господь 40 дневный пост нес, а ты, что за человек, за молитвенник и за постник, попустуй и соединишь с Господом». Вот мы и начинаем постовать и молиться недели не спрося ни у какого старца, а сами от себя. Что же получится? Получится сомнение и в глазах картина, что из подвижников подвижник и будет видение и голос от иконы и потом что же? враг так сумеет подойти с божественной стороны, что и срисовать никак невозможно. С большого поста, от физической усталости заболевает спина и нервы разстраиваются и не хочет человек разговаривать ни с кем. Все кажутся в очах его из грешников, нередко голова кружится, от слабости падают на пол и часто становятся ненормальными. Вот где нас добил враг, где нам поставил сети: в посте, в молитве доспел нас чудотворцами и явилась у нас на все прелесть. Тут-то мы и забыли и дни и часы и Евангельское слово отстоит далеко от нас. Нужно брать пример самый легкий, с животных, с лошадей. Посмотри: если на сытой лошади поедешь она не убьет; на голодной — устанет; держись середины, тогда не убьет, не пристанет, а как раз добежит до станка. Так и молиться надо немного, а думать побольше,

наипаче в Великий Пост помышлять: «помяни мя, Господи, во Царствии Твоем». Духом удаляться будто как в пустыню.

Наипаче Иисусову молитву творить: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня грешного». Куда идешь или едешь, как это сохранишь в себе, будешь ты у Бога и схимник и иеросхимонах. Иеросхимонах заставлен молиться, а ты сделаешь это по своей воле и Святые Тайны примешь дважды в великое говение. Так и в храме нужно стоять когда придет радость молиться, если же лень придет, ударять себя в грудь, обзывать, обоглгать сердце ленивым, а вообще стыдиться не нужно в храме, потому что дом молитвы. Ведь какой-нибудь торговец если бы стал лениться отвешивать товар, то не убыл бы из корзины и ее прибыл бы в карман. Не остаться бы и нам, то есть не выйти бы нам с дырявым мешком, в котором не сохранилось чего положено было. И не нужно выказывать себя, а вести серединку, тем более молиться лучше.

Но кто духовную жизнь ведет, то тем более над тем всегда надругаются. Вот тут-то не надо стыдиться, а делать так как Бог указывает, так и молиться. А то враг скажет: «не ходи в храм, там над тобой смеются псаломщики, дьякон и все священники, весь мир соблазняет, молись дома по 200 поклонов». Храм есть ковчег, как он не будет соблазнять врага, потому что там отпускаются в Храме грехи. В одно прекрасное время проникла мне мысль и глубоко запала в сердце. Как говорится по слову Апостола Павла «кто устроит храм, того адовы врата не одолеют никогда». Вот я стал неотступно Царицу Небесную просить и пришлось мне физически поработать, не один раз приходилось, крепко обнявши голову, глубоко, глубоко подумать по поводу храма. Сам я человек безграмотный, а главное без средств, а храм уже в сердце перед очами предстоит. Как это устроить? а главное молившись Царице Небесной, чтобы она дала мне сил и не упасть духом и надеяться на Его щедрую милость, и под покров Царицы Небесной. Легко сказать: «дай на храм 20 тысяч», а как их дать и где взять? Надо подумать, сообщиться с Господом, да побеседовать с Ним, попросить Его, чтобы Он не отрубил своею милостивою щедростью и оказал мне свою радость. Говорить стану кратко о благодетелях: если подробно начать, то это будет слишком длинно. Так не даром говорит Святое Писание, что за Богом молитва не пропадет, а за Царем служба.

И вот Божья радость совершилась на мне грешном. Я простой мужичок, когда вообще благодетелей искал, ехал из Тобольской губернии с одним рублем, посматривая по дороге на Каме как господа лепешки валят в воду, а у меня и чайку нет на закладку. Как это было пережить! Приезжаю в Петербург. Все равно как слепой по дороге, так

и я в Петербурге. Пришел первое в Александре-Невскую Лавру поклониться мощам и за крыльцом у меня большой мешок с черным бельем. Отслужил молебен сиротский за 3 копейки и 2 копейки на свечку. Выхожу из Александро-Невской Лавры, спрашиваю некоего епископа духовной академии Сергия. Полиция подошла, «какой ты есть епископу друг, ты хулиган, приятель». По милости Божией пробежал задними воротами, разыскал швейцара с помощью привратников. Швейцар оказал мне милость, дав в шею; я стал перед ним на колени, он что-то особенное понял во мне и доложил епископу; епископ призвал меня, увидел и вот мы стали беседовать тогда. Рассказывал мне о Петербурге, знакомил с улицами и прочим, а потом с Высокопоставленными, а там дошло и до Батюшки Царя, который оказал мне милость, понял меня и дал денег на храм.

Я с радостью поехал домой и обратился к священникам о постройке нового храма. Враг же как ненавистник добрых дел, еще не успел я доехать, всех соблазнил. Я им оказываю помощь в постройке храма, а они ищут меня в пагубной ереси обвинить и такую чушь порят, даже нельзя высказать и на ум не придет. Вот сколь враг силен яму копать человеку и добрые дела в ничто ставить. Обвиняют меня как поборника самых низких и грязных сект и архиерей всячески возстают. Куда трудно любовь разобрать. Как человек не был на опыте. По поводу жалости — это прямое естество. Да, — и это жалость. Пожалей и это жалость. А любовь это такая златница, что ей никто не может цены описать. Она дороже всего созданного Самим Господом чего бы не было на свете, но только мало ее понимают. Хотя и понимают любовь, но не как златница чистая. Кто понимает сию златницу любви, то этот человек такой премудрый, что самого Соломона научит. Многие — все мы беседуем о любви, но только слышали о ней, сами же далеко отстоим от любви. Она пребывает наипаче у опытных людей, а сама по себе она не придет к тому человеку, который человек в покое и живется ему хорошо, хотя он и батюшка. Ведь батюшка двояко есть — есть наемник паствы, а есть такой, что сама жизнь его толкнула быть истинным пастырем и он старается служить Богу — наемник же на него всячески доносит и критикует.

У избранников Божиих есть совершенная любовь, можно сходить послушать, будут сказывать не из книги, а из опыта, поэтому любовь не даром достают. Тут-то и мешает враг, всячески старается как бы человек на захватил любовь, а это ему врагу самая есть загвоздка. Ведь любовь это своего рода миллионщик духовной жизни — даже сметы нет. Вообще любовь живет в изгнанниках которые пережили все, всяческое, а жалость у всех есть. О любви даже трудно беседовать, нужно с опыт-

ным. А кто на опыте не бывал, тот перевернет ее всячески. Вообще где есть избранные в духовных беседах, те более понимают любовь и беседуют по Новому Завету и живут единоголосно, единым духом. Вот в них есть искренняя любовь и они молятся день и ночь вместе друг за друга. Вот у них-то и пребывает несметная златница любви. Вот, братья, поберегитесь врагов и, сестры, подумайте о любви златнице чистой. Петь нужно более псалмы и духовные песни. Враг злодей ищет всех удобных случаев — батюшек науськивает «поборники — они других сект, не братство у них», а то семейных всячески возстанавливает. Но не будем бояться слуха зла, будем продолжать во Господе, будем петь Ему и славить Христа, наипаче будем любить храм и причащаться почаще.

Мои мысли и размышления¹

«Горе метущимся и злым — им и солнце не греет, алчных и скучных весна не утешает; у них в очах нет дня — всегда ночь».

Что завтра? Ты наш руководитель, Боже. Сколько в жизни путей тернистых! Святые места — опыт жизни, неизменный кладезь мудрости.

В Киево-Печерской лавре

Я прибыл в Святую Лавру из Питера и назову светом Питер, но свет этот гонитель мыслей на суетный мир, а в Лавре свет светит тишины. Когда опускают Матерь Божию и пение раздается «Под Твою милость прибегаем», то замирает душа и от юности вспомнишь свою суету сует и пойдешь в пещеры и видишь простоту: нет ни золота, ни серебра, дышит одна тишина и почивают угодники Божий в простоте без серебряных раков, только простые дешевые гробики. И помянешь свое излишество, которое гнетет и гнет, и ведет в скуку. Поневоле помянешь о суете жизни. Горе метущимся и несть конца. Господи, избави меня от друзей, и бес ничто. Бес в друге, а друг — суета. И увидел пещеры дивные, чудеса чудес. Как их Бог благословил, как же нам не верить, поневоле вздохнешь. Оне в диком камне, Сама Рука Божия творила их, и укрывались там искони от нашествия едиородцев.

¹ Печатается по: *Распутин Г. Е. Мои мысли и размышления*. Пг., 1915.

Тяжелые воспоминания о мучителях иноплеменниках, но в настоящее — время большее мучение — брат на брата и как не познают своя своих. Поэтому и мучения более тяжелые. Обида берет. Поэтому я уверен, что венцы будут ближе к Лицу Божию от этих мучителей в настоящее время (1911 г.). Тех мучили инородцы, а теперь сами себя, наипаче батьки — батьков, монахи — монахов и вот Слово Божие на нас: братья на брата и сын на отца — конец приближается. И увидел **Иова в пещерах Печерских**, где его конурочка тесная — претесная и несет ароматом благоухания. И за что несет? Очень просто: за то, что не избрал себе чертог, а возлег в яслях убогих и терпеливо и покойно перенес свою тесноту, а нам хотя бы в простоте и в роскоши перенестись духом в его тесную конурочку и попросить его молитв и Господь не откажет его святым молитвам и мы будем участниками с ним Одесную Отца, а высказать о его терпении невозможно: сами книги не вместят.

В Почаевской Лавре

Дивная Почаевская Лавра. Что меня удивило? Во-первых, увидел я людей Божиих и возрадовался богомольцам очень, что нашел я истинных поклонников, тут явился страх в душе и наука искания Бога, как они собирают жемчуг истинный, а потом увидел и Матерь Божию и объял меня страх и трепет и получил тишину и заметил в себе кротость. После всякой святыни прибавляется дорогой жемчуг смирения. И вот я вступил в Собор и объял меня страх и трепет. И помянул суету земную. Дивные чудеса. Где сама Матерь Божия ступила своим следом, там истекает источник сквозь каменную скалу вниз пещеры и там все берут воду с верой, и нельзя, чтоб не поверить. О, какие мы счастливые русские люди и не ценим и не знаем цены чудесам! Где Православным христианам, что мы не хотим их посмотреть и лень съездить и ездим за границу смотреть разные горы, но, ведь мы смотрим на них, как на роскошь, а не как на Божие создание.

По Чёрному морю

Что могу сказать о своей тишине? Как только отправился из Одессы по Чёрному морю — тишина на море и душа с морем ликует и спит тишиной, видно блистают маленькие валочки, как златница и нечего более искать. Вот пример Божий: насколько душа человека драгоценна, разве она не жемчужина? Что и море для нее? Без всякого усилия утешает море. Когда утром встанешь и волны говорят и плещут, и радуют.

И солнце на море блистает, словно тихо, тихо поднимается и в то время душа человека забывает все человечество и смотрит на блеск солнца, и радость у человека возгорается и в душе ощущается книга жизни — неопишуемая красота! Море пробуждает от сна сует, очень много думается, само по себе, безо всякого усилия. Море пространно, а ум еще более пространен. Человеческой премудрости нет конца. Невместима всем философам. Еще величайшая красота, когда солнце падает на море и закатывается и лучи его сияют. Кто может оценить светозарные лучи, они греют и ласкают душу и целебно утешают. Солнце по минутам уходит за горы, душа человека немного поскорбит о его дивных светозарных лучах... Смеркается... О, какая становится тишина... Нет даже звука птицы и от раздумья человек начинает ходить по палубе, невольно вспоминает детство и всю суету и сравнивает ту свою тишину с суетным миром и тихо беседует с собой и желает с кем-нибудь отвести душу (скуку), нагнанную на него от его врагов... Тихая ночь на море и заснем спокойно от разного раздумья, от глубоких впечатлений...

Христово море. На тебе дивные чудеса. Самим Богом посещено и чудесами сотворено. Виднеются берега и блистают деревца, как не порадоваться? Где не видно было ни кустика, ни листочка, там вдруг виднеются берега и подъезжаем и смотрим на природу Божию и хвалим Господа за Его Создание и красоту природы, которую не описать человеческим умом и философией. Забили волны на море — сделалась тревога в душе. Человек потеряет образ сознания, ходит, как в тумане... Боже, дай тишину душевную! На море временная болезнь, на берегу же всегда такая волна. На море всем видна болезнь, а на берегу никому неизвестна — бес душу смущает. Совесть — волна, но какие бы ни были на море волны, оне утихнут, а совесть только от доброго дела погаснет. На берегу больше хвораешь. О, какой обман, беда — скажут ей и взглянут и увидят... Совесть всем без языка говорит про свой недостаток, всем надо поглядеть на нее, тут никакой грех не утаим и в землю не закопаем. А всякий грех все равно, что пушечный выстрел — все узнают...

Краткое описание Константинополя

Что могу сказать своим маленьким человеческим умом про великий чудный **Софийский собор**, первый во всем свете. Как облако на горе, так и Софийский собор, первый во всем свете. Как облако на горе, так и Софийский храм. О горе! Как Господь гневается на нашу гордость, что передал святыню нечестивым туркам и допустил Свой Лик на посмешнице и поругание — в нем курят. Господи, услыши и возврати, пусть храм будет ковчегом! По преданию говорится, что именно из-

за гордости был отнят храм у Православных, ибо не признавали сего ковчега, имели дом гуляния и роскоши. Господь прогневался на долгое время и повелел кощунствовать над Своей Святыней. Обождем, Господь смилуется и вернет ее с похвалой, почувствуем и покаемся. В ней сохранились невредимые места, оне означают Спасителя (в алтаре) и Матерь Божию (на выходе из храма). В храме 300 паникадил. Дивные чудеса, где султан вскочил на трупы убитых воинов, полна церковь православных и вот конь копытом о колонну ударился и вырвал очень большой кусок у колонны и это сохранилось до сих пор и где султан рукой оперся о колонну и теперь видна его рука на колонне в диком камне, очень ясно обозначено пять перстов и вся ладонь руки. Это великое чудо! И вот поэтому вернется храм в руки православия, тут Бог творит чудеса и велит покаяться.

Достиг тут же монастыря **Феодора Студита**, в нем очень много сохранилось живописи и православных икон. Матерь Божия Знамения и много других — прямо умиряет душу христианина. Келия Феодора Студита исповедная до сих пор сохранилась, темная и призывающая к покаянию — действительно подвижник Божий. Господь по грехам нашим дал жилище Православных на посмешище, но души православной ничто не касается. Всего лишить могут — и жилища, а души никогда. Заслуги земные потоптали и над трудами православных надругались и сделали его посмешищем, а терпением его украсили небеса. Поэтому нам пример, что лишение земное — утеха небес. Просить Бога надо, чтобы дал терпение, а потеря земного — это великий подвиг. За потерю земного и награда большая, чем если сам подашь. Сам подашь — это от своей воли, а тут лишают, скорбишь и Царствие Божие скорбями наследуешь. Бог всем поможет перенести потери с терпением и за это сделает наследником Отца Небесного.

Тут же в **Константинополе**, в том же храме сохранилась кафедра **Иоанна Златоуста** и мощи св. **Ефрема** хранятся другие воспоминания. Между ними колонна, к которой Спасителя приковывали. Подумаешь, что везде страдания показывают: Боже, какие мы грешные. Все для нас страдания. Вспоминаешь, как давно проповедывал Златоуст и видится все, как сейчас, будто слышится патриарший звук и иконка сохранена на его кафедре. И **Роман Сладкопевец** там же. Боже, сколько сотворено чудес! В честь двенадцати апостолов построен храм огромный, который превратили в мечеть. Тут не сохранилось ничего, ни икон, ни воспоминаний, а только известно, что в храме всех апостолов совершилось поругание над святыней. О греческих церквях описывать не буду, дивная старина! Есть в Константинополе церковь, где **Андрей Христа ради юродивый** молился и видел Матерь Божию. На том месте

я был, но сохранилась только маленькая стена и развалины и небольшой садик, а подалее греческая церковь.

Замирает душа от трогательных событий, как Божия Мать охранила на воздухе всех и молилась за всех, да и теперь в день Покрова Ея забота миловать и утешать. Она своих подвижников учит молиться и является к своим праведникам и грешникам и слушает прошения всех к Ней, Матушка, приносимые. Она все наши нужды знает и мы получаем все, о чем Она Господа просит. Ея прошение ко Господу всегда до Него доходит. Привезена одна колонна из Рима в Константинополь в тысячу пудов — это большое чудо, все не описать, очень многого не написал про Константинополь.

В дальнейшем

Доехали до **Метелены**, небольшого городок, где **Павел Апостол** проповедывал и тут же 30 мучеников, в которых он зажег огонь веры, они уверовали во Христа и до сих пор это место напоминает, что тут проповедь живая. Городок красив, у моря над водой в горах. Здесь залив Архипелага и дивная красота берегов, чудные горы. Боже, веди нас к своим стопам, чем далее, тем более встречаем душеспасительных мест. Можно понять, что недаром русский человек все свои копейки собирает и стремится посмотреть эти места, где творятся чудеса. Я много встретил народа, но особенно в третьем классе много истинных христиан, страдают и молятся постоянно, читают акафисты утром и вечером, смотришь и не устаешь. И видел болгарок, истинно понимающих Царство Божие, прямо жен-мироносиц, любящих Христа. Я вот убедился, что платье у турок такое же, как у христиан и евреев. Можно ожидать исполнения слова Божия над нами, что будет единая Православная Церковь, не взирая на кажущееся различие одежды. Сначала уничтожили это различие, а потом и на веру перейдет, трудно понять все это. Сначала на одежду прельстятся все инородцы, а потом у них будет единая Церковь.

Смирна расположена на малоазиатском берегу в конце громадного залива — Смирнского. В Смирне есть несколько красивых греческих храмов. Один из них на том месте, где Самаритянка беседовала с Яковом при Спасителе и уверовала в Него. Какие события хранятся у турок, как разобраться, что всё у турок, вся древность, что можно на это сказать, как не то, что лучше да будет у них единый с нами дух и Единая Православная Церковь. В Смирне кроме храма, который заложила своей проповедью Самаритянка, по имени **Фетинья**, есть еще храм на том месте, где **Мать Божия** проповедывала. Тут же находятся мощи

Геorgia Победоносца (часть ноги) и мощи св. Космы Безсребренника. Дальше проехали мимо острова Метелена, где находился еп. Григорий (память 5-го ноября). Очень ясна проповедь святителей: так и светится в сердцах Православных. В Смирне есть гора, на которой был цирк, где замучены ученик Иоанна Богослова и много других с ними. Где только нет мучеников за Христа? Все, значит, венцы, кровью достигались. Недалеко от Смирны сохранились развалины древнего города Эфеса.

В Эфесе долго жил **Иоанн Богослов-апостол** и закончил здесь свое Евангелие, всей Премудрости глубина, посему самый проток у моря много пробудит к жизни ото сна. Здесь временно пребывала Матерь Божия и собирався 3-й Собор. В Эфесе первым Епископом был **апостол Тимофей**, ученик апостола Павла. Оба мученически скончались. А также здесь жил и **Иоанн Златоуст**. Около Эфеса много сохранилось пещер. В пещеры ехать нужно лошадьми. Дивный путь этот учит смотреть на себя, как ты преуспеваешь и соратник ли ты сих мест. Хотя бы бисеринку посеять истины и за это оживем, только бы не работа вражья, не обуял бы сатана, не закинул бы своих сетей художника, в которых мы не знаем, как нам разобраться. Недалеко есть также остров Хиос, где замучен Исидор в III веке. Все места освященные. Боже, освяти нас единокупно с ними, сжался над нами!

Остров Патмос. Здесь был заключен **Иоанн Богослов** и здесь же он написал Евангелие и **Апокалипсис**. На месте пребывания евангелиста Иоанна Богослова теперь стоит православный греческий монастырь и весь остров населен христианами. **Иоанн** молится о своих богомольцах и сделались мы его поспешниками. Выехали в Средиземное море, пароход нигде не пристает.

Боже, сколько апостолы по этим берегам зажгли веры! Без конца сделали любителей Христа и за это повсюду мученики и по эту и по ту сторону Средиземного моря, а греки со своей философией возгордились. Господь прогневался и передал туркам все труды апостолов.

В настоящее время как у греков все епископы грамотные и боголепие соблюдают, но нищеты духа нет, а народ только и идет за нищетой духа, толпами пойдет за ней, потому что боголепие высоко, а нищета духа выше. Без нищеты епископ заплачет, если креста не дадут, а если она есть в нем, то и худая ряса приятна — и за худой рясой пойдет толпа. Этому я очевидец — простите, я со многими епископами очень знаком — да спасет их Господь за их единение. А почему теперь уходят в разные вероисповедания? Потому что в храме духа нет, а буквы много — храм пуст.

А в настоящее время, когда о. **Иоанн** (Кронштадтский) служил, то в храме дух нищеты был и тысячи шли к нему за нищетой духовной.

И теперь есть, да мало таких служителей, есть епископы, да боятся, как бы не отличили простых монахов, более святых, а не тех, которые в миру жир нажили — этим трудно подвизаться — давит их лень. Конечно, у Бога все возможно, есть некоторые толстые монахи, которые родились такими, — ведь здоровье дар, в некоторых из них тоже есть искра Божия — я не про них говорю. Нет лучше, когда едешь в Иерусалим, видишь берега святые, где апостолы спасались, ходили по этим берегам и не раз переправлялись здесь по этому месту с берега на берег, из города в город. Подумаешь, что и народ едет со страхом и так легко здесь молиться. Видишь, как здесь о всех путешественниках апостолы молились, потому и на море легко молиться, что Бог премудростью там кормит и млеком питает.

Город **Родос**, утопающий во всевозможных садах. Какая там благодать в Средиземном море. Чего там нет в Родосе? и зелени, и цветов в феврале месяце. Как там Господь греет и всегда плодоносный год. Велика Божия милость на месте сем. **Кипр** посетила **Матерь Божия**. На о. Кипре много святыни, старинных подвижников и остатки мощей. Там множество монастырей мужских и женских. Прошли город **Мерсину**. Все места посещены чудесными событиями, поневоле возрадуется душа.

В пяти часах езды от **Бейрута** могила **Ионы-пророка**, который был у кита во чреве и был им выкинут в Средиземное море. Какие дивные пророчества совершались у него, чтобы обличить безумных, которые не знали, что творили, для них достаточно было своего безумства, но Господу было угодно послать к ним пророков и вот эти безумцы верили и делались подвижниками, а мы все знаем, где Святая Святых, но уши свои крепко затыкаем, чтобы не слышать, и очи закрываем, чтобы не видеть, и сами себе говорим: «еще есть время — впереди много годов, тысячу раз спасемся!»

Город **Триполис** стоит у моря, кругом часть Ливанских гор, а больше нет ничего. Крепость, как у нас Петропавловская. Горы Ливанские располагают к благочестию. Бейрут расположен над морем, весь погружен в зелень. Боже, везде источник жизни. **Георгий Победоносец** в этом городе сокрушил змия, на этом месте колодец и турецкая молельня, озеро заросло травой. Горе, как Бог гневается на православных, подумать нужно, как у турок неприятно, а Бог им дал всю святыню. Вот пример того, когда мы получаем от Господа какое-либо боголепие и его потопчем, то делается у нас пустота, святыня не у места. Великий подвижник и чудотворец Божий, дай сил узреть твою красоту! Боже, творяй чудеса, какие воспоминания, какие чудеса по всей земле творятся, о Твоем угождении, Господи, попросим и помолим Тебя: не оставь

нас ленивых, надежда наша на Тебя и упование, увесели нас, Господи, Твоими молитвами!

Яффа, где жил пророк **Илья**. И на том месте, где молился пророк, внизу горы — пещера. Тут монастырь греческий. Я очевидец всех этих мест, там сходил огонь и тут же не было дождя. Много в городе Яффе сотворено Ильей чуда. Я видел его строгий вид на его иконе к нам грешным и когда мы смотрели, то вселился в нас трепет ко всему доброму, Боже. Илья, славный, умоли Христа, ведь ты нам подобен, и Господь услышит, и мы усердно просим тебя, умоли Христа, чтобы Он нас полюбил и умилосердился над нами, дал нам вечное блаженство. Отсюда можно совершить путешествие в Назарет. Вот Яффская долина необъятной красоты захватила рай. Нет на свете мудрее этого места. Как говорится в церкви про изобилие плодов земных, то вот здесь оно и есть. Даже невероятно, что можно и на земле встретить необъятный рай красоты. Пусть у кого и горе будет или потеря земного сокровища — я уверен, что скорби, как дым ветром, пронесет от одного изобилия, которым Бог светит на этих местах. Освети истинным сиянием и Своей милостью нас грешных.

Иерусалим

Окончил путешествие, прибыл в святой град **Иерусалим** переднею дорогою. При переходе от великой волны в земной рай тишины — первым делом отслужили молебен. Впечатление радости я не могу здесь описать, чернила бессильны — невозможно, да и слезы у всякого поклонника с радостью протекут. С одной стороны всегда «да воскреснет Бог» поет душа радостно, а с другой стороны великие скорби Господни вспоминает. Господь здесь страдал. О, как видишь Матерь Божию у Креста. Все это живо себе представляешь и как за нас так пришлось Ему в Аттике поскорбеть. О, Господи, идешь и подумашь и явится скорбь, и видишь — ходят такие же люди, как тогда, носят плащи и странная на них одежда прежнего завета, как сейчас, все так и было. И вот слезы текут, дни те подходят, наступил Великий Пост — выйдешь из храма, а в храмах этих великие события совершались и Сам Спаситель пролил слезы. Что реку о такой минуте, когда подходил ко **Гробу Христа!**

Так я чувствовал, что Гроб — гроб любви и такое чувство в себе имел, что всех готов обласкать и такая любовь к людям, что все люди кажутся святыми, потому что любовь не видит за людьми никаких недостатков. Тут у гроба видишь духовным сердцем всех людей своих любящих и они дома чувствуют себя отрадно. Сколько тысяч с Ним воскреснет посетителей. И какой народ? Все простачки, которые сокрушаются — их по морю Бог заставил любить Себя разным страхом, они постятся,

их пища — одни сухарики, даже не видят, как спасаются. Боже, что я могу сказать о Гробе? Только скажу в душе моей: Господи, Ты Сам воскресил из глубины греховной в Чертог Твой Вечный Живота! О, какое впечатление производит **Голгофа!** Тут же в храме Воскресения, где Царица Небесная стояла, на том месте сделана круглая чаша и с этого места Мать Божия смотрела на высоту Голгофы и плакала, когда Господа распинали на Кресте. Как взглянешь на место, где Мать Божия стояла, поневоле слезы потекут и видишь перед собой, как все это было. Боже, какое деяние совершилось: и сняли тело и положили вниз. Какая тут грусть и какой плач, на месте где тело лежало! Боже, Боже, за что это? Боже, не будем более грешить, спаси нас Своим страданием!

Повели нас на **Патриарший Двор**, стали умывать ноги. Боже, какая восстает в уме картина. Умывают ноги, утирают полотенцем и полились слезы у верующих, все изумлены глубиной поучения, как нас учат смиряться. Что я здесь еще опишу? Боже, смири нас — мы Твои. Вот усадили нас рядами и поставили старого Завета кувшины иудейские: так в душе и возстает Тайная Вечера — беседа: с нее начались великие события и был первый намек ученикам о разставании с Ним. Велики страдания, велика любовь Твоя за нас. Сокровище наше, не гневайся на нас — мы не можем быть без Тебя. Повели нас почевать. Но потом пели у гроба акафисты на Голгофе. Боже, какая отрада! Так сердце трепещет от умиления и слез. Потом утром в 12 часов — обедня и запели Пасху. Тут я посмотрел вокруг и сказал: Рай земной, не отступи от меня, будь во мне!

Тут в **пещере Воскресения** крест царя Константина и матери его Елены, которые, как говорится в истории, нашли три креста и Господь указал, на котором Он был распят. Запели все «Кресту Твоему поклоняемся...» Крест Твой во ограждении чудес послужил. Крест с нами, яко и Бог Спас.

Еще в храме Воскресения против арабского алтаря, могила **Никодима**, который строил гроб себе, а положил Господа. Вот он ранее делал добрые дела и уподобился великого таланта. Никогда не бойся делать добро, всегда попадешь в честь — бес так устраивает, чтобы ты был Фарисей, а не уподобился и не был, как Никодим — вот вся роль беса. Но делай, делай и венец твой и покой получишь. Сколько в храме Воскресения престолов! Всех языков престолы христиан, все на разных языках молятся. Не могу всего описать, многое рассказывают, как когда не поверили и затворили храм и стали у гроба католики, а разини армяне на улице, на паперти в колонну Благодать сошла и один турка плюнул в колонну, и там зубы его остались и видать, как Бог наказует неверующих. Боже, спаси и помози. Повели нас к Успению, где гроб

Царицы Небесной, шли мы дорогой и вели нас кавасы с факелами и толпа народа со страхом и разные прокаженные по дороге — все, как бывало во времена Спасителя и прокаженные также кричат «подайте паричку». Видели дом Иуды и Пилата, они недалеко друг от друга — седи и теперь о Пилате неизвестно, а Иуда — пример всех недостатков.

Достигли с толпой **пещеры Божией Матери** и вся толпа запела: «В Рождестве девство сохранила еси, во Успении мира не оставила...» — тропарь и песню Богородице, и прикладывались к Ее гробу и все пели и наслаждались Ее радостью, что Господь Ее Тело взял к Себе. Посмотрели и опять представили себе, что здесь было, где Небесная Сила взяла Пречистое Тело Ее, Господи, не оставь нерадивых! Тут же у Нее в пещере и **Иосиф** похоронен, как говорится в истории, здесь старец почивает. Великий Старче! Моли Бога о нас! Повели нас к красным воротам, где Господа в последний раз осудили! О, как посмотришь, что такое суд! Кто ежели страдал, всякий про него скажет: нет, — вот за то его и преследуют; ах, мне-то еще мало этого, но за то, за что говорят, теперь невинен, а ранее согрешил: по Господь ни теперь, ни прежде не грешил.

Достигли **Гефсимани**, где Господь нередко беседовал со своими учениками до Его тяжелых вздыханий и молений о Чаше Смертной. Поклонились недостойные тому месту, где мы Его окровавленными слезами оплаканы и облиты Его кровью! Как посмотришь, что мы здесь на том самом месте, где Он молился, вся толпа всколыхнулась, кто плачет, кто глубоко вздыхает, у всякого слезы текут. Камень этот в стене и теперь облит кровью Спасителя, вот это место поневоле научит молиться. Его подвиг у верующих всегда перед глазами, а когда видишь то место, где Спаситель стоял, и знаешь, что в Гефсиманском саду слезы Божий текли реками, то боязно ступить на землю, всякий камышек свят — описать этого невозможно. Боже спаси и помилуй нас в Сердце Своем. Тут же видим, где ученики спали на камнях и Господь приходил их будить не раз, а мы почиваем вечно во сне и во зле. Господи, пробуди нас! Пошли выше и слышим звон колоколов.

О Благодати Великой Субботы

О какое ожидание благодатного огня, как томятся все богомольцы до крестного хода! Более суток ожидают этого благодатного огня. Многие плачут, а арабы хлопают в ладоши, скачут и что-то поют в исступлении, кругом войска и турецкие кавасы. Приходит главная минута: Патриарх раздевается, остается в одном белье и входит в **Кувуклию**, где **гроб Христов**. Народ со слезами и с сильным напряжением ожидает, когда Патриарх выйдет с огнем... Вот он выскакивает, неся огонь

и бежит в храм Воскресения, зажигает свечи неугасимые, а потом выходит к народу и от пучка свеч зажигают свечи и поклонники с большим рвением все вне себя от радости и не чувствуют утомления, жгут свечи пучками — тридцать три свечи. В лице поклонников пылает чрезвычайная радость, но большой шум по всему храму. Во всех частях храма и во всех приделах люди набрались радости и наполнились благодатью вместе с зажиганием свеч от благодатного огня. Некоторые повезли огонь домой, а другие только обожгли свечи, до трех раз зажигали и гасили. Дивное событие совершилось и совершается. Боже, дай память, чтобы не забыть такое обновление.

Как приятно быть во Святой Земле, не посетить ее с верой нельзя, там можно пробыть хоть немного, три месяца и то увидишь всю Святыню. А в три месяца не осмотришь, то хоть год проживешь, ничего не увидишь, ничего не узнаешь, а узнаешь, да не оценишь. Святыня любит страх. Для Иерусалима нужно побывать везде раз только: посетить все места и оценить. Дома при своих работах и трудах, перенестись духом ко Гробу и ко прочим местам Святыли. Первый раз непонятная для тебя радость является, а во второй раз начнем хулить и безверье в нас вкоренится. Кто не бывал, попросит тебя, създи за послушание и Расскажи ему с трепетом, как много ошибок там для молодых послушников и послушниц. Монахиням бывает очень трудно, лучше бы их не отпускали, громадный соблазн, очень враг завидует и из них делаются многие приживалками и торговками святыни, бегают, говорят «у нас батька святой» и записывают вас. Вино продают «ракичку на паричку» и пьют его потому что дешево. Это более делают чернички Афонские «келлиоты», потому нельзя черничкам туда ездить, большая часть их помимо Иерусалима живет, объяснять не полагается, а кто был там, тот знает.

Побывал на **Иордане**, пели тропарь «Во Иордане крещающуся...» и кондак и погрузились в воды Иорданские. Поглядели на пустыню Иорданскую, где спасалась **Мария Египетская**. На том месте, где Господь крестился, все погружаются в воду и думают о разрешении грехов. Большая вера у толпы. Множество наций с трепетом бегут на Иордань, для избавления от грехов. Господи, как душа ищет покоя, ей и разстояние нипочем. Много тысяч из конца в конец земли переносится телом и душой, чтоб очищение найти. Боже, очисти нас в Своих водах Иорданских!

Тут и **Мертвое море** посмотрели, наказание Божие на нем, объял нас страх и ужас. Как Господь разгневался на беззаконие людей, виднеются одни воды, никакое животное, ни насекомое не живет в них, а уж рыбы совсем нет, и смотрим, и плачем. Горе нам! Бог города не пожалел. Господи, пощади нас, постереги на день Суда Твоего! В этой же пустыне послал Бог **Елисею** благодать. Место, где Илья был взят на не-

бо, указать невозможно. Вся пустыня Иорданская полна событиями. Растительности в ней мало. И речка небольшая, обросла кустарником и мелким лесом, купальни нет, просто с берега купаются. В окрестностях много монастырей. Как Иоанн Предтеча и другие подвижники из библейских сказаний совершали подвиги постом и безмолвием, так и потом около Иордана жили иноки, только греки всё искалечили, но сама пустыня в сердце остается. Монастырь Герасима. Тут **преподобный Герасим** питался неизвестно чем и жил со зверями. Греки приветливые, но не сохраняют событий, которые здесь были, не обращают внимания на библейскую сторону. Здесь каждый камешек освящен святыней, а многим и этого говорить не могу: верую всякая душа живится.

В Иерихоне дом **Закхея**, о котором говорится в Евангелии. Там нашли раскопки — пол мозаичный, найденный одним академиком из Пантелеймоновского монастыря — я с ним знаком. Смотришь эти места — совсем все как было и представляешь себе, будто вчера здесь толпился народ и Господь снимал тяготу связи земной. Действительно, народ не даром толпился, это видно и чувство говорит, что как прежде мир теснился, чтобы получить от Бога дар и получал, — так и теперь.

В Иорданской же пустыне есть источник **пророка Елисея**, но как-то нас не повел и рассердился. Тут же смоква Евангельская — эта смоква — наши грехи неочищенные, и мы не хотим очиститься и не боимся Бога и слов Его. Сорокадневный монастырь находится на высокой горе, где **искушал бес Господа**. Дивный храм и в нем келейка, в которой помещается тот камень, на котором Господа **искушал бес** и к нему прикладываются. Действительно, сокрушается дух о Божественном страдании. Он хочет нас искупить от лукавого и теперь тут же, где Его искушение было, продают и «ракичку» дешево, по нашему водку. Вот бес хитрый, как он всех ловит. Неподалеку монастырь Георгия Хозевита, а затем лавра Саввы в горах в пустынном месте над пропастью. Бегут источники, много костей открыто, есть кости особенные, благодатные. В некоторых местах над пропастью чувствуешь, что здесь спасались подвижники. На пути оттуда гостиница **добротолюбивого Самаритянина**, но теперь ею заведуют турки и воды не дают.

Мамврийский дуб! Велика доброта и любовь под Мамврийским дубом. Здесь Авраам приветствовал хлебом и солью Господа, который явился в виде трех странников, а теперь эта Троица славится и изображается. А Сарра и Авраам служат примером своей доброты. Как приятно разделить пинту со странником. Здесь заключается Премудрость в том, что явил Себя Господь в Троице за ласковый привет **Аврааму и Сарре** и всему их семейству. Припали к дереву, поклонились ему, отслужили молебен. Половина дуба посохла от великой древности,

от многих тысяч лет, а есть несколько частей древа, которые по суду Божию зеленеют — это доброта Божия и будет она во веки зеленеть и славить Бога. Так и хочется делать добро, так в этом древе доброта и зеленеет, да не изгладится память нем, что Господь посетил этот дуб и останется в памяти у всякого христианина.

По этой же дороге находятся **Соломоновы пруды**, где поили его скот и по его премудрости они так устроены, что вода в них совсем не высыхает, хотя и немного ее. **Вифания** на пути к Иордану близ Иерихона. Пробыли на том месте, видели камень и прикладывались к нему, где Иисус сказал **Марфе** — «о многом печешься, а малое на потребу». Слова эти сильно влияют на этом месте. Тут храм построен и как места эти ласкают и зовут душу в небесный чертог! Неподалеку отсюда — **могила Лазаря** — так же глубока, как воскресенье его звучало в Евангелии. Едешь мимо этих мест, вздохнешь и подумаешь: «Боже, воскреси мою душу ото бездны греховной. Твое воскресение по всей земле представляет себе всякий человек и переносится туда духом», — оно доступно всем верующим». Подумаем, сколько там дивных событий и как мы должны чувствовать воскресение Лазаря для всех и по всей земле.

В Яффе апостол Петр воскресил Тавифу. Побывали в пещере, где он ее воскресил и так ее пещера ласкает с любовью русского паломника: и видится апостол Петр и его энергичная молитва ко Господу. Тут же на берегу развалины ковчега, говорят турки. Ковчег — пример спасенья для христиан и слова праведного Ноя над нами сбываются... Наше спасение Церковь, и всякий, кто услышит клик Ноя, — да спасется! Мать наша — Церковь!

В Вифлееме громадный храм, много в нем престолов и наций и всяких удобств, но для русских паломников всегда одни неудобства. Зато когда увидишь ясли Самого Спасителя — забудешь усталость и многие разные интриги. Приклонились к Его яслям и не верится от радости, что Бог милость Свою явил к нам. Где родился Христос — поклонились и где положили Его, то место тоже облобызали странники и паломники и у всех радость в лице!

Тут же Ирод избил младенцев. Какое зло и зависть повлияли на него, что он решил в своем народе убить младенцев и не постыдился насмешек своих близких и не сжалился над детьми. Сколь коварна зависть. Тут и **пещера всех избитых младенцев**, много тысяч числа их. Русские паломники с ужасом посмотрели на Иродово зло и на его коварную зависть, а о младенцах невинных, чьи косточки лежат здесь — плакали! Каково было матерям с ними разставаться! Зло и зависть до сих пор в нас, между большим и более великим и интрига царствует в короне, а правда как былинка в осеннюю ночь ожидает восхода солнца,

как солнце взойдет, так правду найдут. В том же храме то место, где ангел известил Иосифа, когда Ирод стал замышлять избить младенцев. Мы приложились и все русские паломники с любовью обласкали это место и глядели на ту ж самую лестницу, закованную решеткой, по которой Иосиф выходил, чтобы совершить далее бегство в Египет. Мы с любовью и верой посмотрели вслед этой лестнице, куда Иосиф вышел из Храма Вифлеемского, на тернистый путь в бегство.

По дороге в Вифлеем, недалеко от города находится могила Рахили, которая «плачет о детях своих» и не хочет утешиться. Из Вифлеема пошли за город и дошли до пещеры пастухов, где ангел возвестил радость пастухам и где пели «Слава в вышних Богу». Пели все паломники и поклонились иконе, на которой изображен ангел, возвещавший великую радость. Пропели Пасху, был второй день праздника. Пещерка порадовала нас, потому что в ней дивное мудрование волхвов, о которых учит история. Господи, в нас недостает премудрости, умудряй нас. Твоя власть как тогда, так и теперь.

Еще надо помнить в Иерусалиме недалеко от Красного хода маленький храм **Анны Богоприимицы** и в нем пещеру, где похоронены косточки великого старца **Симеона Богоприимца**. Как в его пещере отрадно! Как его Господь увенчал. Какое дивное событие с ним было, когда он не поверил изречению пророков и хотел вычеркнуть, что Господь родится от Девы, а ангел удержал его руку, поэтому он утопил свое кольцо в море. Какие события и явления! Сами пророки не верили в Его рождение! И вот, чтобы облегчить его неверие, рыба схватила его кольцо в море и попалась рыбаку, рыбак ее на рынок принес, а послушник купил рыбу, принес ее домой и нашел в ней кольцо, которое отнес Симеону. Симеон и сказал: «Воистину Сын Божий родится» — и про себя проговорил: «когда увидят очи мои спасение мое, тогда отдам дух мой ко Господу» — и так, тогда и скончался, когда увидел Господа. Приложились к премудронаписанной иконе, где изображена рыбка.

Когда ехали на пароходе на обратном пути опять приблизились к тому месту, где кит выбросил **пророка Иону** и запели пасхальную песню «яко от Кита Иона, воскрес еси от гроба». Вся толпа народа смотрела на то место, где совершилось событие чуда. Там маленький каменный столбик и яма неглубокая четырехугольная, пароход стоял полсуток против этого места. Крестный монастырь самый древний из всех.

В нем показывают место, где **росло древо**, то самое, на котором был **распят Христос** и которое посажено было праведным Лотом. Короче всего сказать, что когда Лот выведен был из Содома, то был искушен соблазном и вот Господь через одного старца благословил его посадить три головешки и поливать их водой. Три головешки были им посажены и он носил

воду с Иордана и поливал их. Господь услышал молитву его — из одной головешки выросло дерево. Есть изображение этого дерева на иконах и как Лот поливает и сажает его, — все это в пещере изображено. Как Господь даже грешников прославляет.

Сама Церковь воспевает это древо, из него Крест был сделан, на котором распят Христос. Как увенчал Господь **праведного Лота**, он и раньше был праведен, а потом пал в великий разврат, но покаялся. Вот первое спасение — если ради Бога кто живет, то хотя искусит его сатана, все-таки спасется, только бы не из корысти, а кто из корысти, тот Иуда брат будет.

В доме **Иокима и Анны** нашли мозаику — лань приклонила голову к ногам их. Господи, все животные им покорены. Много разных народов и все умные в своем духе, но веры у всех и во всех нациях мало и любви нет. С ними очень нужно быть ласковыми, они не понимают, но на любовь твою смотрят как на диковину. И вот в то время, как мы указываем на небо, они с любовью смотрят и в лице у них делается перемена и сейчас говорят о пророках.

Очень много умных, а веры в них нет, с ними очень нужно говорить, но не о вере, а о любви, спаси их Бог. Критиковать и указывать на свою веру, как она высока — не надо, а надо сперва расположить их, а потом и сеять осторожно и кротко свою веру, но на это годы нужны. Надо показать пример любви и иметь любовь яркую, вот тогда будут христиане, как в первые года и миссия христианская будет не за деньги служить, а по доброте. Они очень понимают, когда говоришь и удивительно на них слова отражаются — сейчас садятся кругом и смотрят на тебя. Надо обязательно знать язык их и характер их наций, а всего короче — любовь к Богу иметь, как к другу, а то хоть и постимся, а не умеем с Богом беседовать, то и на людей не подействуем. Как колокол без серебра плохо звучит, так и неопытный всегда только портит. Насколько один маленький кусочек хлеба дороже для человека большого корабля. А сколько денег на корабли надо. Кто уразумеет, тот и разумеет.

Действительно, много народа едет на пароходе, несколько сотен и в этой толпе рассадник веры, только многих бес запутал, но в ней много золота и жемчуга — тайная поддержка государства. Всякий в своем уголке имеет духовную силу, расскажут юношам про Иерусалим, в этих юношах явится страх и полюбят Родину и Царя. Я уверен, если больше веры будет, никакой варвар не подточет корень ее. Надо обратить побольше внимания на паломников — возить их подешевле и так устроить, чтобы миссия не брала с них денег за кипяток, номера, за барак и раз в день давали бы кушать и не возили бы как скот в трюмах, иногда до семисот вместе, а в этом году 500, менее чем всегда. А то с паломниками

обращаются как со скотом, а деньги отдай и за кипяток, и за бараки, и за все. Паломники ради святыни едут, но много им приходится терпеть. Богатым очень хорошо. И денег много, и номер хороший. Да, надо постараться, чтобы посвободнее возили бедных паломников, очень они поддерживают Россию верой простой, расскажут своим про Гроб Христа — это ничем неопценимая для простого народа великая доброта! Необходимы обители для простого люда, пусть они ведут себя, как братия, Бог им судия, но есть посреди них движимые Духом Святым и молитвенники. Устав монастырский очень влияет на христианина и служит великой поддержкой для государства. Простячок поклонится святыне и пойдет по селам, расскажет с верой о службе и о уставе монастырском на своем простом языке, видно, что он говорит правду и вот простота его вселит в семействе любовь к Богу и юноши выслушают старика и будут помнить его слова, когда пойдут на военную службу. Вселится в них любовь, будут любить монастырь, а в нем самая родина любви и это правда на самом деле, что кто поносит монастырь, тот и все остальное поносит, а устав монастырский учит любить.

Вот еще большое событие — Пасха католиков в Иерусалиме. Я был очевидцем и сравнивал их Пасху с нашей — у них неделей раньше она была. Что же сказать про их Пасху? У нас все, даже неправославные радуются, в лицах играет свет и видно, что все твари веселятся, а у них в основном самом храме никакой отрады нет, точно кто умер и нет оживления: выходят, а видно, что нет у них в душе Пасхи, как у избранных, а будни. Какое же может быть сравнение с Пасхой Православия. Совсем это другое. Ой, мы счастливые православные! Никакую веру нельзя сравнить с православной. У других есть ловкость — даже торгуют святыней, а видно, что у них нет ни в чем отрады, вот обман, когда даже в Пасху служат и то лица мрачные, поэтому и доказывать можно смело, что если душа не рада, то и лицо не светло — вообще мрак, — а у православных, когда зазвонят и идешь в храм, то и ногами Пасху хвалишь, даже вещи и те в очах светлеют. Я не берусь судить, а только рассуждаю и сравниваю католическую пасху с нашей, как я видел во Святом Граде служили Пасху у Греков, а премудрости глубину не берусь судить!

Я чувствовал, как у нас ликуют православные, какая у нас величина счастья и хотелось бы, чтобы нашу веру не унижали, а она без весны цветет над праведниками, для примера указать можно на О. Иоанна Кронштадтского и сколько у нас светил — тысяча мужей Божиих.

Решения «Освященного Собора Епископов Катакомбной Русской Православной Церкви истинных христиан» от 11/24 февраля 1991 г.¹

Деяние Освященного Собора Епископов
о канонизации святого мученика Григория,
наставника Царской Семьи Романовых

Известность святого мученика Григория (Распутина) среди народа Божьего в России, как наставника будущих Царственных новомучеников и исповедников, сделала его ходатаем перед православным царем за народ русский, страдавший от искушений и смущений, посеянных масонами разных толков.

Бессеребренник и чудотворец, друг Царской Семьи, Григорий Распутин встал на пути разрушения богоустановленной православной царской власти в России, и поэтому, как показывают исторические свидетельства участников, он был убит в результате заговора масонской ложи, чем и прославил Русскую Церковь в апокалиптическое последнее время.

*11/24 февраля 1991 г.
Неделя Православия*

+ *Епископ Исаакий*
+ *Епископ Иларион*
+ *Епископ Антоний**

¹ Печатается по: Архив составителя.

* Выделенное курсивом написано от руки. (Примеч. сост.)

Акт «Освященного Собора Епископов Катакомбной Русской Православной Церкви истинных христиан» от 11/24 февраля 1991 г. о канонизации Григория Распутина¹

Освященный Собор Епископов
Катакомбной Русской Православной
Церкви истинных христиан определил:

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Благодать Святаго Духа, животворящая Церковь Христову истинных православных христиан в России, открыла нам в единогласии Собора Епископов славу святых, предстоящих Богу, — новомучеников и исповедников Российских, имена которых известны и достойно прославляются Православием, и указала степень подвига их. Божественная Благодать открыла имена тех святых, кои до сего времени пребывали в забвении, и убедила освященный Собор Епископов причислить к Лику Святых Земли Российской:

- священномученика Тихона, Патриарха Московского и всея России;
- священномученика и праведника Иоанна Кронштадтского;
- мученика Григория*, наставника Царской Семьи Романовых;
- святителя Никона, Патриарха Великия и Беляя России — исповедника.

Да ниспошлет Господь Бог благодать Пресвятого Духа всем истинным православным христианам, с верою и любовью призывающим имена сих новопрославленных святых.

11/24 февраля 1991 г.
Неделя Православия

+ Епископ Исаакий (Анискин)
+ Епископ Иларион (Светлов)
+ Епископ Антоний (Ильичев)

¹ Печатается по: Архив составителя.

* *Григория Распутина*. Выделенное курсивом, в том числе и настоящая сноска, написаны от руки. (Примеч. сост.)

Акафисты, посвященные Григорию Распутину¹

АКАФИСТ МУЧЕНИКУ ГРИГОРИЮ РАСПУТИНУ-НОВОМУ, ПРОРОКУ И ЧУДОТВОРЦУ РОССИЙСКОМУ

Кондак 1

Избранный свыше из народа Российского угодниче Божий; огненной ревностью о Господе великие духовные дары стяжавый; богомудрый пророче и предивный чудотворче; житием благочестным образ истинного служения Христу и Царю людям русским явивый; крест скорбей и клеветы на раменах понесший; душу за священный род Царский положивый и мученическим венцем увенчанный; сего ради сугубую благодать у Бога обретший во брани духовной силу вражью побеждати. Тебе, духоносному старцу и небесному заступнику Святой Руси, велегласно поем:

Радуйся, святыи пророче и чудотворче Григорие, огненным духом сети вражие распутывающий.

Икос 1

Ангелов Господь воздвигоша тя, Человека Божия, в духе и силе велией по образу древних пророков, да послужиши исполнению сокровенной Тайны Божией о Державе Российской. Сие очами духа прозревающе, святыи Пастырь Кронштадтский благословиша тя и прорекоша: да будет тебе по имени твоему. Разумея, яко прииде время, егда дарует ти Господь неборимую силу духовную, сети днаволи, всю Землю Русскую опутывающие, яко паучину молитвой попалятн и распутывати. Таинству сему дивящися, воспеваем ти похвальная:

Радуйся, предивный Божий избранниче;

Радуйся, пророков древних наследниче.

¹ Печатается по: URL: <http://www.ruskmir.ru/grigoriy-rasputin-akafist> ;
http://pravoslavnyi.ru/new_site/mol-i-o-molitvah/117-grigoriy-rasputin-bozhij-ugodnik-muchenik.

Радуйся, Православия огненный ревнителю;
Радуйся, во брани духовной победителю.
Радуйся, земли Сибирской благодатное прозябение;
Радуйся, Тайны Божией о судьбе России исполнение.
Радуйся, образ служения Христу и Царю людем показавый;
Радуйся, венец нетленный на небесех стяжавый.
Радуйся, святыи пророче и чудотворче Григорие, огненным духом
сети вражие распутывающий.

Кондак 2

Видаще Сердцеведец Господь благодатное сокровище души твояе, святе Григорие, и изведоша тя, яко нового Моисея, из египетского плена греха в пустыню искушения, да обретше купину неопалимую благодати и очистившися, възыдеша на высоту Синая духовного, идеже на скрижали плотиною сердца твоего изобразит Господь святую волю Его. И такожде, облекошася духом и силою проповедания истины, возвестиши заблудшему народу Российскому стезю ко спасению. Да прославляют купно Бога: Аллилуя.

Икос 2

Разум Божественный уразумети возжелал еси, избранниче святыи, вегда призваша тя Господь на стезю Богопознания гласом сокровенным: Григорие, восстани, странствуй, спасай людей. Отонуду же, възгорешася духом, подъял еси подвиг страннический, православным святыням поклонение совершая. Да научаются от тебе людие Российские, како подобает, отвергошася земнаго, стяжевати небесная, и возопиют ти сице:

Радуйся, Покровом Богородицы от рождества осененный;
Радуйся, созерцанием природы любиши Бога наученный.
Радуйся, в пустыню сердца духом удаливыйся;
Радуйся, явления Матери Божией сподобивыйся.
Радуйся, ко святыням христианским опытный странниче;
Радуйся, обители богопознания усердный послушниче.
Радуйся, к небесному Иерусалиму сердцем устремленный;
Радуйся, в дольний Иерусалим с молитвою возшедый.
Радуйся, святыи пророче и чудотворче Григорие, огненным духом
сети вражие распутывающий.

Кондак 3

Силу духа зиждительного дарава ти Господь, боголюбиве Григорие, да уразумевши сокровенные тайны домостроительства Божия, созиждеши на камени несокрушимой веры православной храм нерукотворенный души твоея, благочестием светло блистающий и добродетельми щедро украшенный, идеже, яко истинное сокровище неоскудеваемо, златницею безценной пребывает любовь Христова. Познанием сим обогатившаяся, да созидают людие русские храмины душ своих, в радости зывая: Аллилуия.

Икос 3

Имуще пламенную ревность благоугодити Господу, подвижнике святыи, потщился еси стяжати духовный ум Христов. Обаче не мертвой букве книжной поклоняющися, а токмо смирением, молитвой и постом. И, по милости Своея, низпосла ти Щедродатель Господь таковую премудрость в простоте к уразумению и толкованию Божественных Писаний, еюже ученые мужи удивлены быша. Наипаче же духовный посох старчества во спасение душ человеческих. Да тобою премудро окормляемые, славословят тя: Радуйся, златницею любви обогативыйся;

Радуйся, премудростию Божией украсивыйся.

Радуйся, дар непрестанной молитвы стяжавый;

Радуйся, Божественныя Писания духом познавый;

Радуйся, храма в родной веси зиждителю;

Радуйся, храмов нерукотворенных устроителю.

Радуйся, Бога всюду зрети научавый;

Радуйся, старчества благодать стяжавый.

Радуйся, святыи пророче и чудотворче Григорие, огненным духом сети вражие распутывающий.

Кондак 4

Бурею злобы и неверия гонимый в житейском море корабль Державы Российской к бездне погибели изрядно приблизишася, зане оскудеша посреде народа христианского исконная вера в Кормщика всех, иже суть Богом данный Православный Царь. Сего ради призва тя Господь, преславне Григорие, во град стольный, Престолу Царскому предстояти,

яко молитвенника и ходатая пред Богом за Царя и Россию, во еже бурю страстей многоятежных в сердцах утишити, да воспевают во умилении: Аллилуия.

Икос 4

Слышаще людие именитые и знатные, яко обретесе в стольнем граде муж предивный рода преепростого, науки книжной от юности не познавый, обаче премудростью Божией паче мужей ученых облеченный. Такжеже верою и благочестием во мраце неверия и греха пречудно сияющий, яко ризами святости. И осуетишася миози зрети тя, светоносче Григорие, премудрость твою испытати и глаголы твоя слышати. С ними, возгараяся духом от пламени твоего, вопием ти похвальная:

Радуйся, светоче духовный неугасимый;

Радуйся, проповедниче истины неутомимый.

Радуйся, премудрости Божией мудрецам толкователю;

Радуйся, фарисейского духа книжного обличителю.

Радуйся, всякий труд крестьянский измлада познавый;

Радуйся, яко велик пред Богом крестьянин миру показавый.

Радуйся, мирских и духовных наставниче;

Радуйся, земных о небеснем собеседниче.

Радуйся, святой пророче и чудотворче Григорие, огненным духом сети вражие распутывающий.

Кондак 5

Боготечною звездой явиша тя Небесный Царь, досточудне Григорие, пред очами Царя земного и всего рода Царского, облак темный уныния и сомнения духовным светом разгоняющую и утешение благодатное в души изливающую. О сем, познаша чистым сердцем истинную святость твою, яко свет взыскует света и подобный ищет подобного, рекл еси Самодержец Всероссийский: се, познах Человека Божия. И возлюбиша тя всей душею, прославил еси Бога: Аллилуия.

Икос 5

Видающе богодарованного Царевича на одре болезни за грехи всей России люте страждуща и род Царский о сем велию скорбью помраченный, яко не имуще врачеве премудрые сотворити ничесоже, возгорешася духом, чудотворче Григорие, и воззвал еси в молитве

к милосердному Врачу всех Богу, да дарует отрочати недугующему ослабу. И сотворишася в одночасье по глаголу твоему. Чуду же неизреченному дивящися, купно с родом Царским, хвалим тя:

Радуйся, Царю земному яко Небесному усердно послуживый;

Радуйся, силу Божию роду Царскому на утешение явивый.

Радуйся, Царя благодатное укрепление;

Радуйся, Царицы духоносное окормление.

Радуйся, Царевича в недугах всемогущий целителю;

Радуйся, Царевнам в учении богомудрый учителю.

Радуйся, Супругов Царских сыновне Папа и Мама именовавый:

Радуйся, за род Царский пред Богом в молитве предстоявый.

Радуйся, святой пророче и чудотворче Григорие, огненным духом сети вражие распутывающий.

Кондак 6

Проповедником истинного служения Христу и Царю явился еси, подвижниче свитый, не гнусной корысти ради, еже суть погибель души, но Правды Божией и вечного спасения. Да уразумеют людие Российские, яко Самодержавный Царь Православный есть живой образ Христов на земли, егоже Небесный Царь царей в сослужение Ему избрати благоизволил еси: слышати и творити единоначально святую волю Божию. Двоице сей благоговейно служаще, да возопи ют присно вернии: Аллилуия.

Икос 6

Возсияла еси паче солнца миру благочестная слава твоя, преславне Григорие, во мраце новаго Вавилона Российского, духом антихристовым, яко рыбарскими мрежами, незримо опутанного, во еже по стопам Спасителя людям русским не ходити. Сие прозревая очами духовными, сокрушался еси сердцем, глаголюще: спутана вся Россия, яко не ведает в ней паства своего Пастыря, Батюшку Царя Помазанника Божия. Мы же с верными слугами Царскими славим тя:

Радуйся, свещею на свещнице возжженный;

Радуйся, нищетою духовной обогащенный.

Радуйся, милостыни щедрый подателю;

Радуйся, за слабых пред сильными предстателю.

Радуйся, в бедах сущим безмездный помощниче;

Радуйся, о гресех людских присный молитвенниче.

Радуйся, Духом Божиим просреде сетей вражи водимый;

Радуйся, все козни диавола познавый и обличивый.

Радуйся, святой пророче и чудотворче Григорие, огненным духом сети вражие распутывающий.

Кондак 7

Хотяще Державу Российскую избавити от праведного гнева Божия, чудотворче Григорие, возопиша в молитве к Богу, да дарует по милосердию Своему людем православным малое время на покаяние, и прорекоша: доколе пребуду жив аз, дотоле пребудет в мире страна наша. И по молитве твоя слезной, приложи Господь дванадесет лет до исполнения Своего грозного Суда над Россией. О сем да возрадуются тобою избавленнии: Аллилуия.

Икос 7

Новаго тя чудотворца предивна зрели Царь с Царицею и всем родом Царским, такожде и все людие Российские, яко трудами подвижническими обрел еси благодать у Бога крови истечение у страждущего Царевича молитвой твоею затворяти. Ктому и сам, пролияша мученически кровь свою за Христа и Царя, стяжал еси на небесех сугубое дерзновение за всю Россию, по грехам нашим от диавола люте терзаемую и кровью истекающую, молитися и кровь ей затворяти. Во еже прославляют тя любящие:

Радуйся, Силою Божией неизреченых чудеса творивый;

Радуйся, время мирное Отечеству твоему продливый.

Радуйся, покаяния неусыпный проповедниче;

Радуйся, веры Христовой твердый исповедниче.

Радуйся, язв духовных и телесных врачевателю;

Радуйся, утешения страждущим подателю.

Радуйся, козни вражие молитвой разрушающий;

Радуйся, страну нашу от кровей избавляющий.

Радуйся, святой пророче и чудотворче Григорие, огненным духом сети вражие распутывающий.

Кондак 8

Странное чудо видеша о тебе слуги антихристовы, богоносне Григорие, яко молитвенным предстоянием у Престола Царского явил еси людем Российским, бесовскими миражами прельщаемым, древний союз Царя и народа единодушно Христу Царю служащих в истинней

вере Православной, и тако Державу нераздельной и несокрушимой соделавых. О сем, злобою адовой распалыемы, скрежеташа на тя зубы своими и погибели твоя возжелаша. Да не дерзуют пети людие православные: Аллилуия.

Икос 8

Весь еси воистину образ русского праведника, Царства Божия единого възысующего, богоотступному миру показался еси, старче Григорие. Сия ведуще, умыслиша тайное сонмище жидовское снятый образ твой и само честное имя клеветою диавольской в жупел мерзостей и пороков человеческих претворити. С тобою же купно весь народ-богоносец Российский и Святую Русь Православную на всемирнем позорище глумлению и поруганию предати. Мы же со ангелы възываем ти:

Радуйся, свете истины, клеветою не помраченный;

Радуйся, глаголе правды, ложью не оскверненный. Радуйся, за Христа и Царя пострадади сподобивыйся;

Радуйся, Агнцу Божию в незлобии уподобивыйся.

Радуйся, от врагов поруганием напоенный;

Радуйся, от друзей унижением бичеванный.

Радуйся, хулителем твоим не протививыйся;

Радуйся, о клеветниках Богу моливыйся.

Радуйся, святой пророче и чудотворче Григорие, огненным духом сети вражие распутывающий.

Кондак 9

Всякое естество ангельское удивися сокровенному подвигу кротости и терпения твоего, страстотерпче Григорие, егда вся сила адова, купно с гонители твоими, въздвигоша на тя всемирную брань и камением злохуления и клеветы в ярости побиваша тебе, яко святых мужей древних, Христа ради пострадавших. Ты же, Бога за вся благодаряще, рекл еси: тяжкие переживаю напраслины. Зане ведал еси, яко вся преидет, правда же Божия пребудет вовеки. И тако с любовью к гонителям твоим, славословил еси: Аллилуия.

Икос 9

Ветии жидовствующии, на сребреницы Иудины польстившеша, изостриша на тя неизчетные стрелы лукавствия своего, ядом злобы бесовской тии щедро напаяюще. Обаче, злоухищрения их уразумеша,

облеклся еси, Человече Божий, в ветхие ризы смирения Христова по образу древних пророков и апостолов, и тако все раскаленные стрелы лукавого отразил еси. Гонителем же твоим кротко отвечал еси: в чем хулите мя, неповинен есмь, увидимся на Суде Божиим. Крестному подвигу твоему дивящися, глаголем ти сице: Радуйся, тернистый путь скорбен избравый;

Радуйся, скорби чертогом Божиим именовавый.

Радуйся, образе кротости и смирения;

Радуйся, правило милосердия и долготерпения.

Радуйся, скорбями любовь истинную стяжавый;

Радуйся, в скорби великой о смерти помышлявый.

Радуйся, всеобщего единства и дружества проповедниче;

Радуйся, словесами паче стрел уязвленный мучениче.

Радуйся, святой пророче и чудотворче Григорие, огненным духом сети вражие распутывающий.

Кондак 10

Спасти хотя Отечество твое от брани погибельныя, увещевал еси коленопреклоненно Царя блюстися от войны, яко суть завета Христова преступление и грех великий. Сего ради тайные слуги антихристовы, погибель России уготовляюще, научиша жену некую погубити тя, миротворче Григорие, и тая поранение тяжкое ти сотвориша. Внегда же возлежал еси на одре болезни, молитвы не могуще творити, учинися абие по наущению диавольскому брань всесветная. И се, Царю во укреплении, испросил еси воинству христоролюбивому благословение от Бога ратовати за Родину. Да воспевают единодушно воины: Аллилуия.

Икос 10

Стеной несокрушимою роду Царскому от всех козней вражиих явился еси, угодниче Божий. Сия познаша, умыслили еси слуги антихристовы священный образ Самодержца дружеством с тобою осквернити, да умалению и посмеянию Царя суетная молва предаде. Зане, обретоша мужа некоего, сходство ликом с тобою имущаго, сотвориша из него оборотня клеветника презренного, распутства, пианства, сребролюбия и прочих мерзостей его ради. И лукавства их гнусного познаша, отвратишася люди Российские сердцем Помазанника Божия; тебе же злохулением безумным заклеями еси, не хотящи пети с нами:

Радуйся, мужу скорбей уподобивыйся;

Радуйся, скорбями пресветло очистивыйся.

Радуйся, клеветою в ров львиный низверженный;

Радуйся, от своих не познанный и отверженный.

Радуйся, рода Царского неусыпный хранителю;

Радуйся, грядущего вдохновенный прорицателю.

Радуйся, житием святым Христу послуживый;

Радуйся, кровь свою за Царя проливый.

Радуйся, святой пророче и чудотворче Григорие, огненным духом сети вражие распутывающий.

Кондак 11

Пение благодарственное воспел еси Подвигоположнику Христу, познавши волю святую Его о тебе, страсотерпче Григорие, да въздеши на крест Голгофский волею и умреши в страданиях ужасных за Други твоя возлюбленные: Царя Православного благоверной Царицею и Царственными чадами, закланный яко агнец спасения их ради и Святой Руси. Обаче, лютой смерти не убояшася, молился еси тепле: Боже, храни своих. Во умилении взывая: Аллилуия.

Икос 11

Светоподательную звезду, ко спасению путь указующую, пред лицом грядущей тьмы антихристовой, зреша тя вернии, мучениче Григорие, яко сокрушался еси слезно, по образу пророка Иеремии, о погибели Державы Российской, лютое иго жидовское очами духа твоего прозревая. И восходяще на крест, завещал еси Царю: се погибаю. Аще убьют мене людие препростые, не имаша печали; аще же знатные и богатые, падет кровь моя проклятием на весь род их и всю Землю Русскую. Сего ради море крови христианской прольется; и Царю с родом его живым не быти. Сбытие пророчества твоего ведуще, ты славим:

Радуйся, Тайну Божию народу Российскому провещавый;

Радуйся, слова пророческие кровью запечатлевый.

Радуйся, света истины во мраце безбожия исповедниче;

Радуйся, о погибели Святой Руси слезный печальниче.

Радуйся, смуту велию духом прозревавый;

Радуйся, Царю твердым быти завещавый.

Радуйся, креста мученического и страданий не убоявыйся;

Радуйся, на кресте о спасении рода Царского моливыйся.

Радуйся, святой пророче и чудотворче Григорие, огненным духом сети вражие распутывающий.

Кондак 12

Благодать неизреченную дароваша ти Щедродатель Господь, угодниче святыи, егда сподобился еси за Христа и Царя до смерти пострадать от лютых мучителей проклятого иудейского рода. Тии же, в тайное капище праведника заманиша, заклали еси тя, яко агнца чиста, в жертву диаволу святую душу твою принести хотящее.

Внезапу предсташа им грозное воинство ангельское, славою небесной сияющее, и, приявши душу твою, на небеса ю вознесоша и козни вражие посрамиша. Ты же, со ангелы и всеми святыми ликовствуя, воспел еси Богу победную песнь: Аллилуия.

Икос 12

Поюще жертвенный подвиг твой, мучениче Григорие, славим тя вси со умилением и любовью, яко предтечею велией славы небесной святых Царственных мучеников и страстотерпцев явился еси, крестный путь им чрез Голгофские муки в Царствие Божие духовно уготовиша.

Такожде и сонму неизчетному святых новомучеников и исповедников Российских, иже за Христа и Царя от богоборцев пострадати изволили. И ныне купно с ними у Престола Всех Царя ликуеши в радости. Мы же на земли с верными присно тя хвалим:

Радуйся, от жидов ритуально убиенный;

Радуйся, к сонму мучеников сопричтенный.

Радуйся, адаманте несокрушимый Православия;

Радуйся, заступниче Руси и Самодержавия.

Радуйся, святость нетлением и благоуханием мощей явивый;

Радуйся, огненное поругание телеси от богоборцев приявый.

Радуйся, множества чудес предивных по смерти подателю;

Радуйся, проклятаго ига жидовского всемогущий сокрушителю.

Радуйся, святыи пророче и чудотворче Григорие, огненным духом сети вражие распутывающий.

Кондак 13

О, предивный угодниче Христов, святыи пророче и чудотворче Григорие, мучеников похвало и Православия исповедниче. Приими сие покаянное моление нас, единокровных братий и сестер твоих, заблудших чад земли Российской. Понеже за смертный грех измены

Христу и Царю под власть диавола подпали еси и доньне в сетях вражиих люте страждем, яко овцы, не имущие пастыря.

Умоли милостивого Бога низпослати сомнящимся прозрение к уразумению святости твоей. Да предстательством твоим на небесех, обращая всенародное покаяние и от пут греха свобождение.

И паки со всеми святыми умолим Христа воскресити Русь Святую и даровати нам Православного Царя во спасение душ наших. О сем в радости неизреченной воспоем:

Аллилуия.

(Сей кондак читается трижды, затем 1-й икос и 1-й кондак.)

ПОКАЯННАЯ МОЛИТВА

Угодниче Христов святыи, присноблаженне старче Григорие. Новый светильниче духоносный, в земле Российской просиявый. За верность Христу и Царю лютой злобою бесовской и человеческой на крест позора и скорбей осужденный, голгофские муки претерпевый и мученическим венцем на небесех увенчанный. И ныне ликуеши у Престола Божия с возлюбленными Други твоими, святыми мучениками Царственными. Обаче и доселе честное имя твое в богоотступном мире сем хулится, яко жупел мерзостей и порока.

О, тлетворная прелесть диавольская, клеветою души помрачающая! Имуще очи, не узрят; имуще уши, не слышат; имуще разум, не уразумеют твоея святыни. Такожде и мы, братия и сестры твои во Христе, в тяжком грехе злохуления имени твоего повинны есмы. Понеже не познаша отцы и сродники наши святость твою и оклеветание и убиение твое попустиша. Презрели бо, яко священная кровь пророка Божия падет на главу народа, попустившего убиение пророка, и хулящего имя святое его. Сего ради прогневался на нас Господь яростью великой и по грехам нашим воздал есть нам. Да уразумеет всяк, хулящий тя, яко хула на святость твою, суть хула на Бога и на Святого Духа.

Зане всякий, хулящий единого от любящих, хулит и всех, иже в любви и дружестве единомудно пребывают. О, лукавые душой и окамененные сердцем: како бо можете почитати святых мучеников Царственных, аще бо Друга их возлюбленного злохулению предаете по наущению от диавола? Ведает бо враг рода человеческого, яко дароваша ти Господь духом огненным силу бесовскую поपालяти и сети вражие распутывати. Имиже сатана всю землю Российскую, яко паучиною, оплел еси, и верь народ узами крепкими связал еси, грехов наших ради.

Наипаче, за измену Помазаннику Божию святому Царю Православному, егоже людие Российские, духом антихристовым прельстиша-

ся, в руки богопротивных жидов на поругание и убиение предали еси. И доньне богоубийц тех, от века проклятых, клянут, сами же покаяния в сердце не имут. Ктому, во узах греха, яко на кресте Голгофском распята, люте страждет Русь Святая; мучится и стенает, кровью и слезами обильно землю напоюще. И паки медлит Спаситель Христос со Пресвятою Богородицей, небесными силами и всеми святыми милость и прощение страждущим даровати. Дондеже не покаемся за измену богоизбранному Царю с Семейством его и верным Другом старцем Григорием.

Сия уразумеша, слезно взываем ти: о, предивный чудотворче Григорие, серафимски пред Богом пламенеющий, прости нам, заблудшим, все злохульные клеветы, вольно или неволью на святость твою возводимые. Прииди в силе огненного духа твоего на помощь нам, грешным и погибающим. Властью, от Господа ти данной, распутай все злокозненные сети лукавого, страну нашу и коегождо человека опутывающие. Крови христианской истечение всемошною молитвой затвори; язвы елеем милости обяжи и исцели.

Стяжавый на земли сугубое дерзновение молится за Царя с родом Царским и ныне в молитве о грядущем Царе пред Богом предстоящий, умоли Христа всенародное покаяние и грехов оставление нам низпослати; страну нашу от жидовского ига избавит и сотворит ю яко Русь Святую. О сем даровати нам нового Православного Царя, на конец времен уготованного. Да под Державою его, соединившаяся в дружестве и любви, посрамям все козни антихристовы и Православную веру неврежденно соблюдем. И тако узрим пришествие во славе Всех Царя Господа и Спаса нашего Иисуса Христа.

Емуже честь и слава подобает со Безначальным Его Отцем, со Пресвятым и Животворящим Духом ныне и присно и во веки веков.

Аминь.

**АКАФИСТ
СВЯТОМУ ВЕЛИКОМУЧЕНИКУ ЗА ХРИСТА И ЗА ЦАРЯ
ГРИГОРИЮ НОВОМУ МОЛИТВЕННИКУ
ЗА СВЯТУЮ РУСЬ И ЕЯ ПРЕСВЕТЛАГО ОТРОКА**

Кондак 1

Избранный пророче и изрядный чудотворче, яко избавльшеся клевет и наветов о имени твоем, благодарственная ти приносим о Мученцех Царственных, зане утешитель неусыпный им был еси: темже ны бодрствующии и воздвижени в делание сподоби быти, да поем ти:

Радуйся, Странне Григорие, Крестом смирения Христова Руси в Небесный Иерусалим восхождение.

Икос 1

Ангел-предстатель ты еси Царству Русскому, Авеля-провидца, Серафима Саровского, Иоанна Кронштадтского наследниче: радуешься и веселишься ныне, за еже быти тебе ради Христа поносиму, иждиваему, всяцем злым глаголом даже до днесь обреченну, темже и вся Земля Русская поет ти:

Радуйся, имже тайна Руси Святой возсияет.

Радуйся, имже гордое знание прекращается.

Радуйся, России воззвание.

Радуйся, плена иудейскаго избавление.

Радуйся, простото Небесная.

Радуйся, глубино зрения судеб Божиих.

Радуйся, яко еси царево покоище.

Радуйся, яко носиши Царевича.

Радуйся, звездо-полынь, попадающая христорборныя.

Радуйся, утробо имущая наше покаяние.

Радуйся, имже обновляемся Христу.

Радуйся, имже преклоняется гордыня наша.

Радуйся, Стране Григорие, Крестом смирения Христова, Руси в Небесный Иерусалим восхождение.

Кондак 2

Видящий святыи себе оклеветана, глаголет хулителем не противяся: увидимся на Страшнем Суде. Мы же молитвами праведнаго Григория чающе усрести ся одесную Господа Славы, уповаем купно со страсто-терпцем Богу воспети: Аллилуиа.

Икос 2

Разум недоразумеваемый разумети мнози от верных ищуще, вопрошают недоуменно: како Бог попусти таким клеветам быти нань иже вящше неже десятирицею искупи Цесаревича у смерти? Верою и любовию память праведнаго совершающе, поем сице:

Радуйся, верха заповедей блаженства причастниче.

Радуйся, Верха Господня коснувшийся совенечниче.

Радуйся, в новом содоме хоящий благочестно жити о Христе Иисусе.

Радуйся, надолзе гонимый.

Радуйся, гонимый, но не оставленный.

Радуйся, во всем скорбящий, но не стужающий си.
Радуйся, гонимый за Царя.
Радуйся, также гонимый за Христа.
Радуйся, гонимый словесе ради.
Радуйся, до конца претерпевый.
Радуйся, яко гонение любви Христовы тебе не разлучило есть.
Радуйся, гонимый, якоже вси прежде бывшии пророцы.
Радуйся, Странне Григорие, Крестом смирения Христова, Руси
в Небесный Иерусалим восхождение.

Кондак 3

Сила Вышняго осени тогда болярыню Анну, егда миру всему вопиющую: возми, возми его, отвещала есть стратотерпице дщи названная царева: никогдаже и ничесоже злаго видех и слышах надолже быв близ человека сего: паче же по смерти своей, блаженный сей, поможе мне нести крест поругания и клеветы, пою о нем Бога: Аллилуиа.

Икос 3

Имущий Духа Свята приимательную утробу, знамения чудесного на селе труждающийся сподобился еси, Григорие, егда Владычица явлением Образа Казанскаго вращаяся от рала соделала есть тебе: отонудуже возложи руку свою на рало работы Господни, никогдаже зря вспять: темже Знамением Своим Владычица напутствовала есть пришествие твое к Селам Небесным от Царскаго Села, царственным чадом поющим о тебе:

Радуйся, заступниче усердный рода царскаго.
Радуйся, молящийся о матери и сыне ея.
Радуйся, рабе благий и верный.
Радуйся, покрове молитвенный державствующим.
Радуйся, всем, к тебе прибегающим утешение.
Радуйся, иже в напастех и в скорбех и болезнях обремененным помощниче.
Радуйся, клятво народа русскаго.
Радуйся, имже и избытие клятвы.
Радуйся, знамение пререкаемое.
Радуйся, знание точное ихже о России.
Радуйся, знамение сотворенное во благо, имже постыждаются ненавидящи Русь Святую.

Радуйся, жительствуяй во знамени Сына Человеческого.

Радуйся, Странне Григорие, Крестом смирения Христова, Руси в Небесный Иерусалим восхождение.

Кондак 4

Бурю внутрь имея помышлений сумнительных священномученик Гермоген непщеваше, яко смерть блаженнаго — благо для Церкви и России есть: обаче слыша мертва, глаголюща к нему, яко жива, болезнующа о нем, Страшный глаголюща Суд Христов, грядущий на Россию, со страхом вопиял есть: Аллилуиа.

Икос 4

Слышаша пастырие: Феофан Полтавский, Макарий Невский, Питирим Петроградский, Варнава Тобольский, Исидор Балахнинский: ангельски поющего тя покаяние и любы Божественную, искаша видети и слышати тя, и рещи тебе:

Радуйся, младенче, ему же открыл сия Сый Отец Небесный.

Радуйся, яко тако бысть благоволение пред Богом иже о тебе.

Радуйся, яко единое на потребу избрал еси.

Радуйся, яко лютые взыскателие ничесоже обретоша о тебе.

Радуйся, взыскавый благословения святителя Макария.

Радуйся, яко и сей взыскал есть тя в дому вдовицы.

Радуйся, яко прещаше хулити тя сей воистинну блаженный.

Радуйся, яко именем твоим блаженство изгнания возблагодать Макарий приял есть.

Радуйся, яко гонимый Питирим ни единыя вины глаголет на тебе.

Радуйся, яко вся сия суть словеса лукавствия, вина о своих гресех.

Радуйся, яко храбрствует о тебе пред Синодом Варнава Тобольский.

Радуйся, купно с ним Иоанна Тобольскаго прославивый.

Радуйся, Странне Григорие, Крестом смирения Христова, Руси в Небесный Иерусалим восхождение.

Кондак 5

Боготечной звездой все пределы земли нашей пешешествовал еси: даже до Гроба Господня достиже, Горняго Иерусалима взыскуя: наконец же ста, идеже бе царственное отроча: мать же его, видевши сие, возрадовася радостью велиею зело, Богу зовущи: Аллилуиа.

Икос 5

Видеша врачеве премудрии рукою твоею исцеляемого Царевича, иже множицею цел бываше о едином слове твоём, далече от отрока сказанном, дивляхуся силам Божиим, яже утаил Сый Бог от премудрых и сильных и в тебе открыл есть. Мы же о дивном враче, Богом данном, поем сице:

Радуйся, туне приявый.

Радуйся, яко туне подавал еси.

Радуйся, младенец сый, вора обличителю.

Радуйся, лихоимания его целителю.

Радуйся, многочадие пророчествуяй.

Радуйся, блуда сокрушителю.

Радуйся, имже глаголет Бог заблудшей: Россия, где еси?

Радуйся, имже не ищем вины о гресех.

Радуйся, гордыни кроткий целителю.

Радуйся, земное наше поклонение.

Радуйся, сокрушенных возставителю.

Радуйся, извращенных уяснителю.

Радуйся, Стране Григорие, Крестом смирения Христова, Руси в Небесный Иерусалим восхождение.

Кондак 6

Проповедниче Богоносный был еси, в пустыне содома новаго вопия: покайтесь! Егда же возвратился еси в малое отечество твое под Покров Матери Божией, изгнанный быв, абие брань всемирную учиняху бесоводимии, темже днем рану в мале не смертну тебе возлагают, ты же, аще и стражда, Богу пел еси: Аллилуиа.

Икос 6

Возсиявый во отечестве нашем просвещение истины, разгнал еси лжи тьму, Богомудре Григорие рек: двум летом истекшим по смерти моей ни одинаго от рода сего, прелободейна и грешна, некогда соли земли сей, ныне обуявшей, не будет в пределах отечества. Мы же зряще страшные суды Божии о России, сице поем тебе:

Радуйся, полагаяй жизнь за Царя.

Радуйся, самой смертию пророчествуяй.

Радуйся, прежде смерти Крест лобызаяй.

Радуйся, по смерти для Крестнаго Знамения персты сочетаяй.

Радуйся, кающимся тепле о убиении твоём напастей облак разгнание.

Радуйся, в потоке слез седмицетие избавления.

Радуйся, откровение Руси Святой.

Радуйся, возвращение России в Русь Святую.

Радуйся, престание пиянства народного.

Радуйся, покаяние блуда земного.

Радуйся, имже ненавидим рожцы свиний.

Радуйся, имже приходим в себе.

Радуйся, Странне Григорие, Крестом смирения Христова, Руси в Небесный Иерусалим восхождение.

Кондак 7

Хотящу Иоанну Кронштадтскому от нынешняго века преставитися прелестнаго: «По имени твоему буди тебе», — глаголет страннику Григорию: бодрствовать о Царстве Русском призывая его. Егда вси уклонишася, вкупе неключими быша, тогда на Божественной страже, ты о пророче, вещал еси: «Се Жених градет, исходите в сретение»: Царствениии же послушателии отвещаваху: «Аллилуиа».

Икос 7

Новаго Николая Чудотворца, новую Царицу мученицу Александру, новаго Божиего человека Алексия покажет нам именем твоим Господь, егда безмолвный доселе младенец царственный: «Новый!» — глаголет зряще тебе, святче Божий: мы же обновляясь познанием истины, сице поем ти:

Радуйся, новый пророче.

Радуйся, новый целбниче.

Радуйся, новый чудотворче.

Радуйся, новый царей поборниче.

Радуйся, праведный Лоте новый.

Радуйся, снова деющий куплю о новом содоме.

Радуйся, Новому Николаю собеседниче.

Радуйся, Новой Александре утешителю.

Радуйся, Новаго Божиего человека здравие.

Радуйся, Новый Завет отверзая нам.

Радуйся, Новой Земли насельниче.

Радуйся, Новаго Неба звезде пресветлая.

Радуйся, Странне Григорие, Крестом смирения Христова, Руси в Небесный Иерусалим восхождение.

Кондак 8

Странное чудо Исаино о Езекии паки зрим тобою о Царе-Мученике, о Григории: дванадесять лет по молитве твоей прибавляет Господь Царству Русскому, Государь же святой, внемля путеводству Божию, вопиял есть: Аллилуиа.

Икос 8

Весь бе в нижних, кийждо прошение тщася удовлвити, и вышних никакоже отступи, святче Григории, храм созидаю в малой родине твоей, паче же о храме нерукотворенном, Святой Руси, попечение имея: егда плакася горько Новый Езекия, умрети для мира приуготавлиаясь, тогда знамение от Бога показа ему, якоже древле Исайя, тень смертную паче неже десятижды возвращая от Царевича, Государю поюще Господеву: Радуюсь в высоте дней моих, яко оставил Сый мне лета прочая. Радуюсь, яко узрю спасение Божие на земле живых. Радуюсь, яко не остах от сродства моего. Радуюсь, не отиде бо от мене, аки разрушаяй кущу поткнувый. Радуюсь, яко не приближается ткатель отрезать дух мой, яко платно. Радуюсь, яко не предан дух мой до заутра аки льву. Радуюсь, яко не сокруши Господь кости моя от дне до ночи. Радуюсь, яко ластовица, тако возопил есмь. Радуюсь, аще и исчезосте очи мои, еже взирати на высоту небесную. Радуюсь, яко избавил Господь душу мою, да не погибнет. Радуюсь, яко завергл Сый за мя вся грехи моя. Радуюсь, живии бо возблагодарят Тя, яко же и аз.

Радуйся, Странне Григории, Крестом смирения Христова, Руси в Небесный Иерусалим восхождение.

Кондак 9

Всякое естество ангельское удивися, како Путь, Истина и Живот престогаго тебе избра в распутие жизни народныя: сие же распутие аще ли не крест восписует, Егоже чрез все житие влекл еси, никакоже отменяся, выну хваля Бога: Аллилуиа.

Икос 9

Ветия многовещанныя егда глаголют имя твое о Григории, показывают нам, иже истинно есть скрежет зубный: пламенем несветимым объаты сии суть, ад еще в днешней жизни себе созидаю: ты же, о простоте

небесная, немногими словесы Царя и всех, иже царевы, утешаеши, поющих тебе:

Радуйся, вся бо канут, едина правда останется.

Радуйся, глаголай едино злато — любви.

Радуйся, глаголай любви безценну.

Радуйся, рекший сию унше всего творения.

Радуйся, ведый любви премудршей Соломона.

Радуйся, не токмо глаголай, но ведый любви.

Радуйся, яко любви твоя страдание и искушения.

Радуйся, совершенный в любви.

Радуйся, нарицаая любви богата купца духовнаго.

Радуйся, изгнанниче милосердый.

Радуйся, любви бо твоя тайна неизглаголанная.

Радуйся, свидетельствуяй, яко Бог есть Любы.

Радуйся, Странне Григорие, Крестом смирения Христова, Руси в Небесный Иерусалим восхождение.

Кондак 10

Спасти хотя всех, хотящих спастися и в разум Истины приидти, путь нам опытным странником по превосхождению показывает Христос, мы же поем: Аллилуиа.

Икос 10

Стено еси западная Храма Руси Святой, тлен Богоотступный от-
жения от взыскующих Царствия Божия, приглашали нас звати тебе:

Радуйся, глаголай языком ангельским.

Радуйся, не бывый яко медь звенящи.

Радуйся, чрез любви имущий пророчество.

Радуйся, любовьию ведущий тайны.

Радуйся, преставляющий горы каменносердечия верою.

Радуйся, предавый тело твое, во еже сжещи е, за други твоя, за Цари.

Радуйся, долготерпая, милосердствуйай.

Радуйся, не завидяй, не превозносяйся.

Радуйся, не гордящийся, не безчинствуйай.

Радуйся, не ищай своих си.

Радуйся, все уповаяй, вся терпая.

Радуйся, никогдаже отпадааяй в молитве за ны.

Радуйся, Странне Григорие, Крестом смирения Христова, Руси в Небесный Иерусалим восхождение.

Кондак 11

Заповедь всякая попирается двема князми содомскими, иже учреждение творят смертоносное: отонудуже открывается нестерпимый гнев Божий на новый содом: вопиет грех сей на небо даже донныне. Ты же моляся не престаеши за убивающих тя, и в самой смерти пророчествуеши Царю образ смерти его: огнестрельное убиение, в воде погружение и все-сожжение иудейское предпоказуя, со страхом поющим нам: Аллилуиа.

Икос 11

Светоприемную свещу во рве алапаевстем зрим преподобномученицу царственную Елисавету: зрим же и два смертоносных снаряда близ нетленного тела ея: яко не можаста гранаты вредити мощей ея, сице же и клятвенныя оныя две епистолии, аще и близ святого жития ея еста, обаче клеветны суть, обаче несть от нея отнюдь, никако могут вредити свету святые славы ея: мы же купно со всеми святыми, иже на Небесех едину волю во Христе имут, поем о блаженном:

Радуйся, никогоже судивый.

Радуйся, кротце врагов простивый.

Радуйся, не на лица взиравый.

Радуйся, возставителю потемненных образов.

Радуйся, ведче душ наших.

Радуйся, любовью вся просвещаяй.

Радуйся, не ведый еллина и иудея.

Радуйся, молящийся за врази твои.

Радуйся, во убиении за убийцу молящий.

Радуйся, благоденственное мирное житие именем его ему пророчествующий.

Радуйся, позорной страсти сего избавивый.

Радуйся, молитвой твоей, имиже веси, судьбами, душу его спасый.

Радуйся, Странне Григорие, Крестом смирения Христова, Руси в Небесный Иерусалим восхождение.

Кондак 12

Благодать восхотев дати Новому Израилю, благочестивейшаго воистинну Царя жидет Господь — якоже Давиду, и якоже Езекии посылая ему пророка своего, новаго Нафана, новаго Исайю являя тя, о Григорие: мы же дивяся о сем, вопием: Аллилуиа.

Икос 12

Поюще житие твое и страдания твоя, вемы, страстотерпче святей, яко причастницы будем ихже о тебе: помолися о нас Господу Иисусу Сладчайшему, якоже и прежде о всех, к тебе прибегающих, просил еси: милый, дорогой, помози: да будет нам во искушениях и избытии, паче же терпение и верность Христу, поющим о тебе:

Радуйся, пленных свободителю.

Радуйся, нищих защитителю.

Радуйся, немоществующих врач.

Радуйся, победоносче о Христе.

Радуйся, правило веры.

Радуйся, образе кротости.

Радуйся, воздержания учителю.

Радуйся, смирение высокое.

Радуйся, нището духа пребогатая.

Радуйся, положивый душу о людех твоих.

Радуйся, победивый гордаго.

Радуйся, творяй ны дерзновенны за Русю.

Радуйся, Странне Григорие, Крестом смирения Христова, Руси в Небесный Иерусалим восхождение.

Кондак 13

О страстотерпче святей великомучениче Григорие! даже доднесь глаголют о тебе, имже аще кто почитает страдания твоя за Христа, за Царя: Воздаждь славу Богу: вемы, яко человек сей грешник. Мы же рцем вси: Вемы свята тя, Григорие, яко множицею избавлял еси от смерти Царевича поюще Богу: Аллилуиа.

(Сей Кондак глаголи трижды.)

Икос 1

Ангел-предстатель ты еси Царству Русскому, Авеля-провидца, Серафима Саровскаго, Иоанна Кронштадтскаго наследниче: радуешься и веселишися ныне, за еже быти тебе ради Христа поносиму, иждиваему, всяцем злым глаголом даже до днесь обреченну, темже и вся Земля Русская поет ти:

Радуйся, яко носиши Царевича.

Радуйся, звездо-полынь, попадающая христорбонья.

Радуйся, утробо имущая наше покаяние.
Радуйся, имже обновляемся Христу.
Радуйся, имже преклоняется гордыня наша.
Радуйся, Странне Григорие, Крестом смирения Христова, Руси
в Небесный Иерусалим восхождение.

Кондак 1

Избранный пророче и изрядный чудотворче, яко избавльшеся клевет
и наветов о имени твоём, благодарственная ти приносим о Мученицех
Царственных, зане утешитель неусыпный им был еси: темже ны бодр-
ствующий и воздвижени в делание сподоби быти, да поем ти:

Радуйся, Странне Григорие, Крестом смирения Христова Руси
в Небесный Иерусалим восхождение.

МОЛИТВА НОВОМУ ЧУДОТВОРЦУ ГРИГОРИЮ

О пророче, яко един от древних, сый един от последних, препро-
стый, якоже пресветлое стекло для воли Христовой. Что ся умножиша
стужающие тебе: мнози восстают на тя даже донныне. Ты же заступник
еси Алексию Царевичу, славо Руси Святыя, возносяй главы наша
от египетских котлов. Тобою Господь сокровиществует нам спасение,
яко на людех твоих тобою благословение Христа Бога нашего в Троице
приснославимаго. Аминь.

БОЖИЙ УГОДНИК-МУЧЕНИК ГРИГОРИЙ (РАСПУТИН) АКАФИСТ

Кондак 1

Избранный от конец земных на служение роду царскому стал еси
посреде земли Русския и поклонился на место, идеже стоясте нозе рус-
скаго царя, егда же дух владеющаго възде на тя, места твоего не остави,
тем стяжав дерзновение ко Господу, молися о поющих ти: Радуйся,
мучениче Григорие, друже царей и державный поборниче.

Икос 1

Ангел хранитель рода царскаго явился еси, мучениче Григорие,
молитвами твоими отражая прилоги древняго змия, хотящаго низ-
вратити род царей православных, да дадут царство свое зверю, иже

имать изыти от бездны, мы же дивящися таковому служению твоему, воспеваем ти сице:

Радуйся, трудами и молитвами твоими дар исцеления царственных недугов и болезней стяжавый;

Радуйся, великомученику Георгию в подвизе твоём подражавый.

Радуйся, надежду царства православнаго и наследника престола Российскаго от недугов целивый;

Радуйся, в печалех углубнувшее сердце царево радостию о Дусе Святе веселивый.

Радуйся, в трудах твоих не пецывыйся о земней награде;

Радуйся, пронесый имя твое, яко зло, помазанника Божия ради.

Радуйся, получивый от Господина твоего имя ново, написано на мысленней тверди;

Радуйся, рабе благий и верный даже до смерти.

Радуйся, яко древний пророк Израиля словеса Господни царем говоривый;

Радуйся, клеветы, злохуления и наветы жидовския во благословение Господне претворивый.

Радуйся, духовный соратъиче державныя битвы;

Радуйся, незримый споспешниче царския молитвы.

Радуйся, мучениче Григорие, друже царей и державный поборниче.

Кондак 2

Видя нестроение царства православнаго, в людех русских разброд и шатание, яко древний пророк явился еси, мучениче Григорие, на обличение царских сопостат и утверждение державнаго чина, государевых людей, поющих Богу: Аллилуия.

Икос 2

Разум древних отцев имея, премудрое Божие безумием Креста от мира сокрыв, паче всего синклита царскаго от царя и царицы возлюблен бысть, завистию же и злобою немудрых мудрецов века сего борим, поругался еси миру, блаженне, вразуми и нас твоею божественною хитростию противостояти прилогом мира, жидов и диавола, воспевая ти сиевая:

Радуйся, челове Божий, дружбою царскою почтенный;

Радуйся, вестниче воли Божественныя, царем объявленныя.

Радуйся, кладезю Премудрости Божия, от мира сокрытый;

Радуйся, рабе Христов, превыше вельмож и князей земных именных.

Радуйся, богомудрая пчелко, таинственный мед с царского крина собравшая;

Радуйся, сладосте, медознатцы избранная сотом святым напитавшая.

Радуйся, державных преданий верный преемниче и хранителю;

Радуйся, древняго благочестия неусыпный стражу и ревнителю.

Радуйся, присный собеседниче царского совета;

Радуйся, тайный чиновотрителю двора и света.

Радуйся, ниво добродетели державная, возделанная в роде и роде;

Радуйся, богоблаженный юроде.

Радуйся, мучениче Григорие, друже царей и державный поборниче.

Кондак 3

Силою Божественная любви воздвигаем на свидетельство о Христе, о блаженне Григорие, подражая в тайне причастником Искупительного Страдания, положил еси душу за царственные други твоя, вопиющая Богу: Аллилуия.

Икос 3

Имать тя, мучениче Григорие, род людей державных вернаго ходатая и молитвенника пред престолом святых царей, явися бо предтечею царственных смерти, душу твою, яко горлицу, вместо души царския ангелу грозному предложив и яко вместоцарственное искупление приять бысть, тем же молися о вопиющих ти сице:

Радуйся, царубийственным замыслом неодолима преградо;

Радуйся, надежное ограждение царственного града.

Радуйся, жизнь за царя отдавый;

Радуйся, от руки царубийц пострадавый.

Радуйся, подвиг Иоанна Сусанина повторивый;

Радуйся душу твою вместо души царския таинственно вменивый.

Радуйся, приявый от Бога царское священство;

Радуйся, русских царей у престола Божия жертвенное замещение.

Радуйся, по убиении твоём царем и царицею во святых величанный;

Радуйся, царским венцем на небеси венчанный.

Радуйся, дружко священнаго брака царя и народа;

Радуйся, духовная отрасле царского рода.

Радуйся, мучениче Григорие, друже царей и державный поборниче.

Кондак 4

Бури нашедшей жидовских наваждений уклонився в юродство крестное, змеиную же премудрость, яко подобие греха и порока прияв, обличил еси, блаженне, козни и злоумышления мысленных змиев, тем спасая в голубиной простоте и целомудрии воспевающих Богу: Аллилуия.

Икос 4

Слыша злоречия, наветы и хулы на богоизбранную двоицу, царя и пророка, от жидов возводимыя, безумнии людие помазанников Господних от престола прародительскаго яша и яко пророка же их убиша, мы же видяще глубину сострадания твоего Григорие, царем, воспеваем ти сицевая:

Радуйся, при жизни твоей с царями во всяцем мнимем гресе и пороце хулою жидовскою соединенный;

Радуйся и по смерти в небесней славе с ними неразделенный.

Радуйся <...> при порозе государевем присно бдящий;

Радуйся, бодрый привратниче, и ныне во обители небесныя, идеже цари пребывают, верныя богомольцы царския тайновводящий.

Радуйся, лукавыя и неверныя слуги пред царями обличавший страннообразно;

Радуйся, и ныне лукавым хулителем царския славы камению претыкания и соблазна.

Радуйся, пребывавый в молитве о царех православных дни и ночи;

Радуйся, недреманная государева очи.

Радуйся, верных царевых слуг святая знамена;

Радуйся, обличителю государственных измены.

Радуйся, возложивый руце твои на державное рало;

Радуйся, царей православных таинственный щите и забрало.

Радуйся, мучениче Григорие, друже царей и державный поборниче.

Кондак 5

Боготочная звезда воссия от восточных предел земли Русския, светлая твоя душа, мучениче Григорие, предходящая по пути ко Христу пред царями, вопиющими Богу: Аллилуия.

Икос 5

Видяще твое пред цари предложение, якоже древнии пророцы и юродивии во Христе обычай имеяху творити во свидетельство Божественныя благодати, почивающия на помазанниках Его, безумнии людие, яко сквернии пси, врашеса на тя, да расторгнут святыню между царем и пророком, мы же дивящеся недомыслимому человеку Смотрению Божию о царех православных, воспеваети сице:

Радуйся, опытный странниче, по святым местом земли Русския хождавый;

Радуйся, благородныя отрасли веры, благочестия и правды среди народа русского насаждавый.

Радуйся, вместе с царями в торжествах державных тайно Русь посещавый;

Радуйся, духовным духовне, душевным душевне, плотским же плотски отвещавший.

Радуйся, во своя пришед и от своих не познанный;

Радуйся бисере драгий, свиньями духовными попранный.

Радуйся, яко место мысленнаго пребывания твоего бе Иосафатова долина;

Радуйся, гражданине горняго Иерусалима.

Радуйся, земный Иерусалим посетивый ради отдания земнаго поклона;

Радуйся, врачевателю Вавилона.

Радуйся, светом истины бога жидовскаго Ремфана пред цари помрачивый;

Радуйся, многия духовно слепыя оплеванием мира, яко брением чудоточащим, воочивый.

Радуйся, мучениче Григорие, друже царей и державный поборниче.

Кондак 6

Проповедницы студнии и обумореннии дати чести кафедре страны Тобольския не восхотеша, ты же, чудне Григорие, о умножении славы державныя возревновав, предстательствова пред царем о прославлении дивнаго во святых святителя ея Иоанна, вопиюще Богу: Аллилуия.

Икос 6

Воссия свет Христов от раки святых мощей святителя Тобольскаго Иоанна молитвами твоими и ходатайством пред царем, мучениче

Григорие, подвизался бо еси ревностно о сохранении алтаря страны Тобольския под державою князя Рош, Мосоха и Фувала, русского царя, не остави твоим заступлением и нас, вопиющих ти сицева:

Радуйся, пророчества Иезекиилева исполнение;

Радуйся, древняго Тобола града Христу присвоение.

Радуйся, надеждо страны, древле кровьюми идоложертвенными убиенныя;

Радуйся, ходатаю земли кровью перваго мученика царскаго рода убеленныя.

Радуйся, охранителю острога, царственныя узники приявшаго;

Радуйся, духовный наместниче края, земный и небесный путь царя и пророка таинственно сочетавшаго.

Радуйся, на теле твоём вериги носивый, яко тайную схиму;

Радуйся, взявший у мысленных амореев алтарь града Тобола духовным мечом и луком, яко избранную сикиму.

Радуйся, многая чудеса и исцеления при жизни твоей сотворивый;

Радуйся, наущеннаго гонителя твоего священнономученика Гермогена Тобольскаго по смерти явлением дивным с собой примиривый.

Радуйся, проведший царей среди земли Тобольския путем таинственным и тесным;

Радуйся, яко ныне сцарствуеши с ними во Царствии Небеснем.

Радуйся, мучениче Григорие, друже царей и державый поборниче.

Кондак 7

Хотя всем спастися и в разум истины приити, помогал еси, блаженне, равно добрым и злым в житейских скорбех, духовная же сокровища раздавая одним верным, вопиющим Богу: Аллилуия.

Икос 7

Новаго показа тя страстотерпца Христос, не воздавал бо еси злом за зло ни единому же от гонителей твоих, моляся о них и собирая воздаяние на день Суда, ужаса геенскаго, уготованнаго сатане и клеветом его помощи избегнути нам, вопиющим ти сице:

Радуйся, домоправителю щедрый и нищелюбивый;

Радуйся, ключи ада и смерти рукою царевою николиже употребивый.

Радуйся, разумевай на нища и нага;

Радуйся подавай всяко даяние благо.

Радуйся, имейя силу утешения в скорбех преизобильну;

Радуйся благотворивый велику и сильну.

Радуйся, присный печальниче о всех, иже царю виноват и Богу грешен;

Радуйся, яко никтоже от приходящих к тебе с верою не отошел еси вскоре скорбен и неутешен.

Радуйся, от неверных и лукавых рабов господина твоего величие дел твоих юродством Креста премудро сокрывый;

Радуйся, богоблаженный хитрче, жидов, мир и диавола перехитривый.

Радуйся, пред обидящими тя имевый вид глуха и нема;

Радуйся, тем собравый врагом Божиим горяция уголья на день гнева.

Радуйся, мучениче Григорие, друже царей и державный поборниче.

Кондак 8

Странныя борения и труды твоя плотскими очами назирающе, епископи и священници мнози о жительстве твоем соблазнихуся, святче Григорие, внемше же клевете и наветом жидовским, воздвигоша гонение на тя и на чад твоих, вопиющих Богу: Аллилуия.

Икос 8

Вся мучения и пакости жидовския доблественне претерпел еси, мучениче Григорие, словесными стрелами и колдовскими прилогами более чем вещественными копиями и мечами бием, последи же телесныя раны и лютую смерть от жидов прияв, древняго змия, на царей православных огрызающагося, Крестом Владычним поразил еси, молися о вопиющих ти сице:

Радуйся, мучениче, от жидовския злобы оклеветанный;

Радуйся, скверным жидовским обычаем возле пса умераго пометанный.

Радуйся, в ребра во образ Спасителява прободенный;

Радуйся, в рове воднем еще живу сущу тебе потопленный.

Радуйся, царями в честном месте погребенный;

Радуйся, жидами раскопанный и сожженный.

Радуйся, яко жиды тя, яко царя убиша;

Радуйся, яко царский сродники, царя предавшии, в крове твоей повинни быша.

Радуйся, от покушений многих на тя прежде бывших Богом спасенный;

Радуйся, последи на подвиг мученический силою Христовою возведенный.

Радуйся, от среды взятый по державному чину;
 Радуйся, предпоказавый царем мученическую кончину.
 Радуйся, мучениче Григорие, друже царей и державный поборниче.

Кондак 9

Всякое покушение и всяк помысл царственных друзей твоих по дару Божественныя благодати разделив и испытав, явился еси исповедник царския тайны, блаженне Григорие, еяже никтоже вестъ, опричь, имже Бог и царь исповедати имут, верных, поющих Богу: Аллилуия.

Икос 9

Ветий глаголы и любомудров смыслы не довлеют ко изглаголению нищеты духовныя державных людей, на опричное служение царскому роду от Бога поставляемых, но ниспадают завистию и злобою жидовскою в клеветы и хулы, мы же по достоянию крестныя страдания твоя величающе, воспеваем ти сице:

Радуйся, бремена царева на вые твоей носивый;
 Радуйся, от трапезы царския опрично вкусивый.
 Радуйся, путь опричный и странный избравший;
 Радуйся, государю людишек его перебравший.
 Радуйся, видевый царей во очи;
 Радуйся, богоблаженный пророче.
 Радуйся, яко служение твое бе не от мира;
 Радуйся, носивый ризу, царицею расшитую, паче придворных наград и мундира.

Радуйся, искушения и скорби царския волею на себе приявый;
 Радуйся, темже зависть и злобу жидовскую стяжавый.
 Радуйся, яко явился царю опричный воин;
 Радуйся, яко един, от ихже весь мир не бе достоин.
 Радуйся, мучениче Григорие, друже царей и державный поборниче.

Кондак 10

Спасение душ царственных имея вручено тебе от Бога подвизался еси, Григорие, без упражнения во вся дни, да от сокровищ русскаго духа, яже тебе дана быша всяцем благочестием и святынею напитаеши царственных друзей твоих, вопиющих Богу: Аллилуия.

Икос 10

Стену непроходимую обогнания и клеветы хотяше воздвигнути между царем и народом жидовский мудрецы, да раздельно обоих погубят, ты же, премудре, средостение огады разорил еси, предстательствовал пред царем за народ, народу же показуя царя, тем же ходатайствуй и за нас, вопиющих ти сицевая:

Радуйся, яко цари руский чада твоя духовная быша;

Радуйся, яко тии в лице твоём таинственно русский народ усыновиша.

Радуйся, наставниче царственных учеников твоих мудрый и терпеливый;

Радуйся, души их Божественней благодатию осоловивый.

Радуйся, преподавый царем всякое пророчество и святыню;

Радуйся, ублаживый в них милостыню и простыню.

Радуйся, розго винограда церковнаго, яже к царственной лозе священо привишася;

Радуйся, яко твоим привитием поганые ветви царскаго рода отломишася.

Радуйся, давый добрый ответ о священной поруке;

Радуйся, яко чтущия тя вводиши во царския други.

Радуйся, русскаго рода таинственное у царей искупление;

Радуйся, яко в тебе чаем древняго благородства восстановления.

Радуйся, мучениче Григорие, друже царей и державный поборниче.

Кондак 11

Пение церковное и приобщение Святых Таин, паче всех сокровищ мира возлюбив, Григорие, священнаго сана отверглся еси приятия ради креста слуги царскаго, устроая вся церковная по Божественному Смотрению, вопиюще Богу: Аллилуия.

Икос 11

Светлость церковная раздрася, егда яко опричный ктитор и викарий епископа внешних дел, русскаго царя, вся церковная строити нача, мучениче Григорие, овии бо святителие ты благословиша, овии же, гордостию духовною надымаемии, воспятиша и супротив воли царския восташа, ища под тобою и подкапывая, мы же память верных царевых споспешников чтуще, воспеваем ти сицевая:

Радуйся, на поприще ктитора Российския церкви царем таинственно возведенный;

Радуйся святителями Алексием, Макарием, Питиримом, Варнавой, Исидором и Мелхиседеком благословенный.

Радуйся, угодниче Божий, на всяцем месте владычества Его Христа Господа нашего чтущий;

Радуйся, от Бога во всех делах церковных духовную власть имущий.

Радуйся, строителю церковных зданий;

Радуйся, ревнителю благочестивых преданий.

Радуйся, разрешителю богословских прений;

Радуйся, примирителю церковных нестроений.

Радуйся, судивый законопреступных по праву;

Радуйся, давый имени Божию честь и славу.

Радуйся, дар рассуждения высших чинов от Христа получивый;

Радуйся, весь еретический полк на себе ополчивый.

Радуйся, мучениче Григорие, друже царей и державный поборниче.

Кондак 12

Благодать заступления, правления, почивающую на русских царех, твоими молитвами приумножи, мучениче Григорие, много бо может молитва праведнаго поспешествуема, егда же за оскудение любове многих и измену русских князей своему царю Бог тя от среды отъят, наста время лютаго гонения на верных, вопиющих Богу: Аллилуия.

Икос 12

Поюще твоя чудеса, яже по благодати Божией совершил еси в жизни твоей, недуг исцеление, злых духов отгнание, военных побед дарование, грядущих предвидение, единым словом скорбных утешение и всяких житейских нужд и попечений премудрое исправление, взываем ти, чудне Григорие, не преставай молитися о нас, ждущих восстановления царства православнаго и вопиющих ти сицевая:

Радуйся, премудрый виноградарю царственнаго вертограда;

Радуйся, стяжаний державных терновая ограда.

Радуйся, яко никтоже, якоже ты бе в жизни сей оклеветан;

Радуйся, яко и по смерти твоей чтущии тя подпадают клеветам и наветом.

Радуйся, мечу духовный, имже всякая слеза от всякаго лица отмститя;

Радуйся, яко хула на тя, яко хула на Духа Святаго, николиже проститя.

Радуйся, тайно христианскаго благородства;
Радуйся, верный служителю святаго господства.
Радуйся, смертью твоею пасть прободавый наследному царскому змею;
Радуйся, рода святаго премудрый кощею.
Радуйся, яко цари николиже тебе не отрину;
Радуйся, доброе приплетение терния царскому крину.
Радуйся, мучениче Григорие, друже царей и державный поборниче.

Кондак 13

О, пречудный и преславный мучениче и чудотворче Григорие, крестным юродством и вольным страданием твоим адова змия рода царскаго победивый, яко древнии мученики Георгий, Феодор и Меркурий сие твориша, и яко друг и поборник державца земли Русския сцарствуеши с родом святым во веки моли о рабех твоих, да внидем и мы, недостойнии и грешнии, ходатайством твоим в число друзей царских, воспевающе Вседержителю Богу: Аллилуия.

(Этот кондак читается трижды, затем читаются 1-й икос и 1-й кондак.)

А. А. ЩЕДРИН

**Публичный доклад,
прочитанный в Москве в июле 1989 года¹**

Скользкие повороты истории новейшего времени обнаружили немало образов-перевертышей живых исторических личностей, казавшихся современникам олицетворением добра и явившихся впоследствии воплощенным злом, достаточно вспомнить великих вождей тоталитаризма, — информационный феномен, предвосхищающий появление того, который «лжею говения» прельстит мир, чтобы привести его к конечной гибели.

Время показывает и другое. Ложь истории, не раздуваемая невидимой миру злобой дня, обнажая умысел, оседает подобно пыли на лице правды, да будучи омыта временем явит свою чистоту.

Как пророческие действия и поступки, описанием которых полна ветхозаветная история, совершаемые по внушению Святого Духа, являются лишь «тенью грядущего», по выражению апостола, глубокий смысл только самой преобразуемой вещи, так и клевета, в онтологическом смысле слова воздвигаемая «по действию сатанину», есть некая лжепророческая проекция злоумышляемых в грядущем событий.

Ложно пророчествует диавол в своих пророках, возводя ложный образ небывшего, готовит пришествие небудущего; духовное зрение позволяет приблизиться к тайне удвоенного бытия.

Одно — истина, не имеющая «ни образа, ни вида». Другое — призрак, прикрывающий истину, действием играющих в нем демонических чар и страстей.

В последнее время в русской периодической печати все чаще и чаще перелистываются страницы, казалось бы, давно забытого прошлого. Остановимся на одной из них...

¹ Печатается с сокращениями по: Вече. 1989. Вып. 35. С. 43–55.

Недавно журнал «Наука и религия»* сделал достоянием широкой публики ставшие библиографической редкостью воспоминания ряда известных лиц о «старце» Григории Распутине — именно в такой форме имя это употреблялось в подцензурной дореволюционной печати, собранных в 1917 году альманахом «Свобода» под заголовком «Казнь Гришки Распутина»**. Само название альманаха уже говорит за себя. Нетрудно догадаться, что изменение эмоциональной окрашенности в употреблении этого известного в России имени нашло отражение и на тоне воспоминаний. Тон этот самый резкий и уничижительный.

Журнал «В мире книг», словно соревнуясь с «Наукой и религией» в открывании редкостей с полки «спецхрана» вообще недоступную ранее широкому читателю книгу воспоминаний Арона Симановича «Распутин и евреи»***, изданную в буржуазной Риге в 1923 году и послужившую, по мнению специалистов, фактической основой, в частности, для такой известной литературной фальшивки, как пресловутые «Дневники А. А. Вырубовой»****, достойный сожаления факт появления которых на общественной сцене с прискорбием отмечал в 20-е годы еще журнал «Историк-марксист»*****.

В результате потоки циничной грязи-измышлений, не выдерживающих никакой серьезной критики с фактологической стороны — от времени до времени просачивающихся так или иначе в большую литературу, назовем только «У последней черты» — роман В. Пикуля^{6*}, не побрезговавшего пустить в литературный обиход заведомую ложь, — теперь, благодаря стараниям вышеупомянутого журнала, обернулись на ничего не подозревающего читателя.

Кому и зачем в свое время нужно было имя Распутина — не секрет.

«Если бы Распутин не существовал, его наверняка нужно было бы придумать. Он был определенно козлом отпущения для тех, кто стремился обесчестить Царскую Семью ради революции», — пишут зарубежные исследователи А. Эссаулов и Г. Мэлон в книге «Реабилитация Распутина».

* Наука и религия. М., 1989. № 5. С. 24–36.

** Казнь Гришки Распутина / [Сост. Е. Сно. Пг., 1917]. 16 с. (Альманах «Свобода»; Вып. 1).

*** Симанович А. С. Распутин и евреи: Воспоминания личного секретаря Григория Распутина. Рига: Ист. б-ка, 1925. 207 с.

**** Вырубова А. А. Дневник А. А. Вырубовой. Л.: Кр. газ., 1927. 388 с.

***** Историк-марксист. 1928. Т. 8. С. 160–172. (Критика и библиография).

^{6*} Пикуль В. С. У последней черты: Роман-хроника о разложении самодержавия // Наш современник. 1979. № 4. С. 19–152; № 5. С. 62–145; № 6. С. 79–120; № 7. С. 32–127.

С ними вполне согласен и советский историк Г. З. Иоффе, опубликовавший письмо английского советолога Пэйрса Гучкову, смысл которого сводится к тому, что вся работа думской оппозиции в годы мировой войны признается сосредоточенной на одном пункте, а именно на клеветнической кампании против Распутина.

Итак, то, что давно не секрет для историков, очевидно, еще не известно журналистам. Иначе, признаемся, трудно понять, как люди, обязанные нести нравственную ответственность за каждое сказанное ими слово, призванные служить Истине, — с такой легкостью и охотой идут на повторение печального прошлого. Или история ничему не учит?

Позволю себе в обращении к православным людям напомнить следующие слова: «Христиане должны употреблять все старания вовсе никого не осуждать, ни явную блудницу, ни грешников, ни людей бесчинных, взирать же на всех с простодушным произволением, чистым оком, чтобы обратилось человеку как бы в нечто естественное и неперменное никого не уничтожать, не осуждать, никем не смущаться и не делать различия между людьми» (Макарий Великий).

Может быть, это простое нравственное правило Великого Отца Церкви, усвоенное в свое время русскими людьми, избавило бы наш народ от многих и многих бед.

А теперь, после того как мы прояснили нашу нравственную позицию, несколько слов по существу дела. В истории много неясного и запутанного, но иногда для того, чтобы пролить свет на какой-нибудь сложный и загадочный вопрос, достаточно бывает беглого взгляда, брошенного с неожиданной стороны...

Как известно, обличительная кампания против Распутина среди духовенства была начата по почину скандально известного в дореволюционной России иеромонаха Илиодора и поддержана покровительством последнему преосвященным Саратовским Гермогеном, в свое время являвшимся одним из первых иерархов, поддержавших Распутина, но впоследствии, отчасти под воздействием Илиодора, изменившим о нем мнение и перешедшим в лагерь его гонителей...

Какова же судьба этих двух? Иеромонах Илиодор, один из главнейших «свидетелей» обвинения Распутина, написавший о нем книгу под названием «Святой чёрт», которая предназначалась, по его собственным словам, для разбрасывания с аэропланов над позициями русских войск во время войны — такой обличительной силой против русского правительства обладала эта книга, — вскоре после разрыва с Распутиным обнаружил свою истинную природу. Он, не выдержав церковной эпитимьи, снял сан и заявил, что отрекается от православия.

«Колдуном я был, народ морочил, — говорил он корреспонденту “Речи” (9.1.1913). — Я — деист. Языческая религия, она была хорошая».

Умер Илиодор в конце 60-х годов в Нью-Йорке, где служил швейцаром в одной из гостиниц.

Иное — епископ Гермоген. По стечению обстоятельств, а иначе Волею Божией и Святейшего Патриарха Тихона*, получив назначение на Тобольскую архиерейскую кафедру сразу после Февральской революции, бывший опальный епископ, по свидетельству близко знавших его лиц, духовно совершенно примирился с Царем, не раз присылал находившемуся в заключении в тобольском губернаторском доме, Царю свое святительское благословение и, как передавали, выражал сожаление о имевших между ними место недоразумениях. Раскаяние свое владыка запечатлел, как известно, мученической кончиной...**

А поводом к сему послужило, по всей вероятности, следующее обстоятельство. Вот отрывок из воспоминаний зятя Г. Е. Распутина Б. Н. Соловьева, взятый из книги С. В. Маркова «Покинутая Царская Семья» (Вена, 1928 г.), о посещении епископа Гермогена в Тобольске зимой 1918 года, где приводится рассказ владыки о том, как он принял известие о смерти Распутина.

Добавим, что как ко всякому воспоминанию о том смутном времени в истории нашей Отчизны, так и к этому, следует относиться с разумной осторожностью. Не умолчим и о том, что следовательно по особо важным делам Н. А. Соколов***, производивший расследование убийства Царской Семьи в Екатеринбурге, относился к Б. Н. Соловьеву с большим недоверием, считая его повинным во многих бедах, постигших Царскую Семью в заточении, не исключаем и той подробности, что во время своего пребывания за границей Б. Н. Соловьев недолгое время состоял слушателем теософской школы в г. Адьяре (Индия).

Итак, вот что со слов Б. Н. Соловьева, бывшего в близких отношениях с епископом Гермогеном, рассказал ему при посещении его в Тобольске сам Владыка...

* Тихон (В. И. Белафин, 1865–1925) — Патриарх Московский и всея Руси (с 1917 г.). Высшее образование получил в Санкт-Петербургской Духовной академии (1888). В сан архиепископа возведен в 1905 г., митрополита — в августе 1917 г. Вплоть до 1923 г. находился под домашним арестом. В мае 1923 г. «обновленческий» Поместный Собор лишил Патриарха Тихона сана и монашества. Однако Святейшество не подчинился этим неканоническим решениям. Скончался в Москве, погребен в Донском монастыре.

** Ф[окин] И. Священномученик Гермоген, епископ Тобольский и Сибирский // Тобол. епарх. ведом. 1918. № 18–19–20. С. 256–265.

*** Соколов Н. А. Убийство царской семьи. Берлин, 1925. 297 с.

...Я знаю, говорил он, что великий крест ты на себя взял, женившись на дочери Григория в такое время. Но верю, что ты будешь для нее верной и крепкой защитой. Совершишь великий подвиг, и Господь не оставит тебя за твою любовь к гонимым и обездоленным. Слушай! Ты лично знаешь историю моих отношений с покойным Григорием! Я его любил и верил в него, вернее в его миссию внести что-то новое в жизнь России, что должно было укрепить ослабевшие связи между царем и народом на пользу и благо последнего! Но его самовольное отступление от нашей программы, противоположный моему путь, по которому в азарте этой борьбы я многого не замечал...

Его нападки на аристократию и на таких людей, как Великий Князь Николай Николаевич, которых я всегда считал опорой трона, заставило меня вначале отвернуться от него, а затем, видя его усилившееся влияние при дворе и учитывая, что при этом условия его идеи будут вреднее, я начал энергичную кампанию против него. В азарте этой борьбы я многого не замечал...

Я не видел, например, что моя борьба усиливает вредные элементы среди оппозиции Государственной Думы. Я не видел, что словно сатана, искушавший Христа, вокруг меня вертится, неустанно внушая мне ненависть, упорство и злобу, это подлинно презренное существо, Илиодор! Результаты ты помнишь? Громкий скандал: побежден и отправлен в ссылку в Жировецкий монастырь, где, когда волнения души улеглись и я обрел возможность спокойно размышлять, я с ужасом увидел итог моего выступления. Борясь за Трон, я своей борьбой только скомпрометировал его лишний раз. Сколько мук и терзаний пережил я потом?! И вот 1916 год, декабрь месяц, Григорий убит!.. Тебе расскажу я, как я узнал эту новость.

Я служил обедню в монастыре. Богомольцев было мало, и службу я окончил сравнительно рано. Благословив присутствовавших, я разоблачился, одел шубу, и в сопровождении своего келейника пошел к себе в келью. На пути, как обычно, меня встретил отец гостинник с отобранной для меня корреспонденцией, немногими письмами и газетами, которые я регулярно выписывал. Поблагодарив отца гостинника, я прошел к себе, где келейник раздел меня, дал домашний подрясник и туфли. Так как время близилось к обеду, то я тут же благословил его идти на монастырскую кухню, что он и исполнил.

Я остался один. Одев туфли, вооружившись очками, принялся за чтение газет. Первое, что мне бросилось в глаза, было сообщение о смерти Григория Распутина... Я невольно подумал: вот он гнал меня, из-за него нахожусь сейчас на положении ссыльного, но возмездие было близко и кара Божья обрушилась на него, он убит!

Вдруг, я никогда не забуду этого момента, я ясно услышал громкий голос Григория за спиной: «Чему обрадовался? Не радоваться надо, а плакать надо! Посмотри, что надвигается!»

Я обомлел в первую минуту от ужаса... Уронил газету и очки, я боялся повернуться, да и не мог сделать этого... Словно остолбенел. Наконец, перекрестившись, я быстро встал, оглядел келью — никого! Опустившись в кресло, я не знал, что предпринять. В это время раздался стук в дверь и обычная молитва: «Господи Иисусе!» — «Амины!» — с трудом ответил я. Вошел с едой мой келейник. Не успел он переступить порог, как я осыпал его вопросами, не встречал ли он кого-нибудь, на что получил отрицательный ответ.

Я не мог ничего есть, тщетно старался объяснить себе вопрос: «Чей голос слышал я?» Ответ был один: Григория! Я не мог в этом ошибиться!

Не мне тебе рассказывать, ты это не хуже меня знаешь, что Григорий был особенным человеком, и много чудесного связано с его личностью. Однако скажу, я с трудом дождался вечерни, после которой я отслужил по нему панихиду, духовно примирившись с ним...

Владыка стал мне много рассказывать о Григории Ефимовиче, но так как я торопился, то он, благословил меня, отпустил...

На этом заканчивается часть воспоминаний Б. Н. Соловьева, посвященная Г. Е. Распутину. Заканчивается интригующими словами Преосвященного Гермогена: «Григорий был особенным человеком, и много чудесного связано с его личностью».

Задумаемся над этим. Владыка отрекается на сей раз от осуждения человека, имя которого было на устах всей богохульной России. Но он не называет его и праведником. Что же тогда?

Вот тут-то и должны мы вспомнить высказывание Св. Отцов Церкви о существовании целого ряда явлений, к которым относится следующее духовное правило: их нельзя принимать из-за возможности скрытого в них вреда, но нельзя и хулить по вероятному присутствию в них недомыслимым образом Божественной благодати...

Иными словами, есть вещи выше человеческого рассуждения. Даже такого авторитетного, как соборный разум Поместной Церкви. А следует вспомнить, что против Распутина была настроена среди церковноначалия и мирян ничтожно малая, в основном санктпетербургская и московская, так называемая «прогрессивная» часть.

Такие столпы Русской Православной Церкви, как митрополит Петроградский Питирим*, митрополит Московский Макарий**, экзарх

* *Питирим* (П. В. Окнов, 1858–1921) — митрополит Петербургский (с 1916 г.). С 1894 г. — епископ, с 1909 г. — архиепископ. Сторонник реформы церковного прихода на выборных началах.

** *Макарий* (М. А. Невский, 1835–1926) — митрополит Московский и Коломенский (с 1912 г.), чл. Св. Синода.

Грузии Алексей*, никогда и ни в чем не высказывали своего отрицательного отношения к Распутину, продолжая принимать его в самые трудные минуты, когда даже самые ревностные из недавних почитателей отреклись от старца под воздействием мощного антидинастического давления.

Простой же, неиспорченный, церковный народ русский всегда относился к Распутину как к пророку мужицкому, находящемуся милостью Божией у Престола Самодержца Российского... По 300–400 человек ежедневно простого люда русского бывало в приемной Распутина на Гороховой в качестве просителей, ходатаев, печальников за народ, и редко кто уходил от него без утешения.

«Милой, дорогой, помилуй его грешного!» — писал Распутин в своих записочках сильным мира сего. И горе тому, кто извращал чистый порыв христианской души, придавая этим просьбам дурной смысл в глазах так называемого «общественного мнения».

В известной записке Руднева**, составленной по материалам следственной комиссии Временного правительства, особо подчеркивается, что после смерти Распутина не осталось ни копейки. Все, что получал Распутин от приходящих к нему, он раздавал нуждающимся и просящим.

Мы уже сказали о том, как принял весть о смерти Распутина Преподобный Саратовский Гермоген. Русский народ в массе своей выразился еще яснее: «Был у царя мужик из народа — и того убили!»

Теперь приведем самое авторитетное сегодня свидетельство, противостоящее подозрениям в нечистоте, возводимом на этого человека. Волею Промысла Божия это свидетельство пришло к нам из тех самых рук, которые более всего потрудились над уничтожением Династии, с которой неразрывным образом был связан Распутин. В недавно опубликованной так называемой «записке Юровского», одного из тайносовершителей екатеринбургского беззакония, ставшего по попущению Божию орудием и очевидцем мученического подвига Царской Семьи, имеется упоминание о том, что ладанки с изображением Распутина были обнаружены на телах мучеников тотчас после окончания ими своего земного пути. Так святые свидетельствовали о сопричастности своего Друга их Небесной Славе.

Здесь мудрость. Всякий символический факт имеет не человеко-созданную природу.

* Алексей (А. В. Молчанов, 1853–1914 гг.) — архиепископ, экзарх Грузии (с 1913 г.). Магистр богословия, епископ (с 1905 г.) 1912–1913 гг. — епископ Тобольский и Сибирский.

** Руднев В. М. // Рус. летопись. Париж, 1922. Кн. 2. С. 39–58.

Распутина в Царской Семье называли «нашим Другом», об этом свидетельствует переписка Царя и Царицы*, всюду, где речь идет о Распутине, он ни разу не назван иначе как только «наш Друг».

История сохранила для нас любопытный факт. В одном из писем к Патриарху Никону Царь Алексей Михайлович называет так, справляясь о здоровье «нашего Друга», некоего юродивого Василия, известного по летописям и воспоминаниям иностранцев, посещавших Россию, как ближайшего советчика сотаинника Царя.

Очевидно для всякого человека, знакомого с историей России не по школьному курсу, что речь здесь идет о национальной церковной традиции, о некоем мистическом возглавлении русского государственного организма, выражаясь наукообразно, структурной номинацией: царь — пророк. Юродивый — пророк был даже, как это ни покажется парадоксально, у царя Петра, одним из последних предсмертных указов назначившего пенсион безумному прорицателю.

Духовное всегда практично. Вопрос о Распутине решается сегодня и будет решаться до скончания века. Почитая Царя, необходимо чтить и его Друга. Или надо набраться дерзости и присвоить себе право судить за Царя...

Царь-помазанник видит дальше и больше, чем кто-либо из смертных. «Сердце царево в руке Божией», — говорит пословица. Поэтому нельзя согласиться с мнением, будто Царь чего-то не понимал в Распутине, ради здоровья Наследника.

Как известно, Царь не пошел на компромисс, даже ради жизни Своей и всей Своей Семьи.

А в том, что Государю было открыто, на что Он шел, нет сомнений. Бог ничего не делает, не извещая о том Своих святых. Ряд широко известных фактов говорит за то, что Государь обладал предвидением будущего.

Теперь о чудесах. Чудеса бывают истинные и мнимые. Истинным ли чудом было, что, выпив несколько стаканов отравленной мадеры и съев несколько пирожных с цианистым калием в подвале юсуповского особняка, куда он был завлечен убийцами, Распутин остался жив? Сказано: «аще что смертное испиете, ничтоже вредит вам». Это Господь обещает истинным рабам своим. <...>

Распутин обладал несомненным даром предвидения. Достоверно известны слова Государя, сказанные им лейб-хирургу Федорову** после

* Дневники императора Николая II. Берлин, 1923.

** Федоров С. П. (1869–1936) — лейб-хирург, профессор Военно-медицинской академии, лечил наследника Алексея. С осени 1915 г. состоял при Ставке.

смерти Распутина о том, что все до одного предсказания Распутина всегда сбывались. Предположим, Государь хотел узнать, возможно ли, что сбудется и то пророчество Распутина, которое он сделал в отношении болезни Наследника, что страдания его прекратятся до достижения им 14-летнего возраста. Мы знаем, что и это предсказание прискорбным для России образом, но все-таки сбылось. Как сбылись и другие посмертные прорицания старца. Так, Распутин предсказал, что на сороковой день после его смерти Наследник заболеет. Можно проверить по дневниковым записям Государя, так оно и случилось.

Вообще, необъяснима та таинственная связь, которая имела между Наследником и Распутиным. Не только Распутин способствовал своей молитвой излечению не поддающейся медицине гемофилии, которой, как известно, страдал Наследник Цесаревич, но и наоборот, невероятная связь, когда 1 июня 1914 года было произведено покушение на Распутина в селе Покровском, старец получил ножевую рану в живот, у Наследника, пребывающего в это время на яхте «Штандарт» в финских шхерах, без всякой внешней причины [ушиба, перенапряжения], чего ранее не случалось, открылось кровоизлияние в паху.

До сих пор мы говорили о явлениях, доступных в какой-то мере нашему рассуждению, теперь коснемся слегка вещей более тонких.

Кто бы ни был Распутин, но своею смертью в подвале юсуповского особняка смерть Государя в Ипатьевском подвале он прообразовал.

Проследим лишь поверхностно некоторые этапы. И тут и там — подвал. Цианистый калий не действует. Как известно, по Соколову, имела место попытка отравления Царской Семьи в Екатеринбурге. Недаром Государыня ничего не вкушала из советской столовой, предпочитая одни и те же макароны, приготовленные на спиртовке. Смерть наступила в том и другом случае от револьверных выстрелов.

«Зачем еще понадобилась здесь убитая собака?» — спрашивал неискушенный репортер одной из петроградских газет, освещавший убийство Распутина в декабре 1916 года.

Один из убийц Распутина Ф. Юсупов*, излагая свою версию убийства, говорил о том, что убитая собака понадобилась якобы для того, чтобы объяснить пятна крови на лестнице и на крыльце.

В Екатеринбурге в одной из шахт у Ганиной ямы следователем Н. А. Соколовым также была найдена застреленная собачка Великих Княжен.

А давайте спросим, что означает мертвый пес в каббалистической символике?

* Юсупов Ф. Ф. Конец Распутина. Воспоминания. Париж, 1927. 246 с.

Далее следующее утопление, погребение, перезахоронение и сожжение трупов можно проследить в деталях по материалам следствия, произведенного особой комиссией под руководством генерала Дитерихса* и по сообщениям петроградской прессы, в той части, которая касается Распутина. И тут и там одно и то же. Как будто смертным тайнодействием руководила одна и та же невидимая, разумеется нечеловеческая, рука.

В заключение, о чудесах ложных. Председатель Государственной Думы М. В. Родзянко** в книге воспоминаний «Крушение Империи» передает рассказ графа Д. М. Граббе***, атамана Войска Донского о том, как его вскоре после смерти Распутина «пригласил к завтраку известный князь Андроников, обделывавший дела через Распутина. Войдя в столовую, Граббе был поражен, увидев в соседней комнате Распутина. Недалеко от стола стоял человек, похожий как две капли воды на Распутина. Борода, волосы, костюм, все было под Распутина. Андроников пытливо посмотрел на своего гостя. Граббе сделал вид, что вовсе не поражен. Человек постоял, постоял, вышел из комнаты и больше не появлялся».

Очевидно, что тема двойничества, так мало разработанная в исторической и богословской литературе, еще ждет своего настоящего исследователя.

Как говорится, премудрый да разумеет. Здесь умолкает разум и начинает говорить вера.

Вот телеграмма, отправленная 14 марта 1910 года из Царицына в Петербург одному высокопоставленному лицу. Мы берем ее из книги Новоселова «Распутин и мистическое Распутство»****. Телеграмма послана в разгар антираспутинской кампании, ею мы и закончим наше слово.

«Много тысяч православных царицынских людей через уполномоченных свидетельствуют, что блаженный старец Григорий имеет печать божественного призвания; дары благодати, ему даны, такие: бесстрашие, чудотворение, прозорливость, благодатный ум, изгнание бесов. Те, которые судят его, сомневаются в его правоте, пусть лучше

* *Дитерихс М. К.* Убийство царской семьи и членов Дома Романовых на Урале. Владивосток, 1922. 441 с.

** *Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924)* — член III, IV Государственных Дум, председатель IV Гос. Думы; один из лидеров октябристов. После Октябрьской революции в эмиграции.

*** *Родзянко М. В.* Крушение империи. Л., 1927. 280 с.

**** *Новоселов М. А.* Григорий Распутин и мистическое распутство. М., 1912. 96 с.

послушают апостола, говорящего: Вы ищете доказательства на то, — Христос ли мною говорит, испытайте лучше самих себя, в вере ли вы, о нас же, надеюсь узнаете, что мы то, чем быть должно.

Уполномоченные народом Косицин, Попов, Шмелев».

Еще одно добавление, чтобы быть уверенным, что буду правильно понят. Не для открытия каких-либо эзотерических глубин христианства, не с целью проповедования каких-либо новых учений, якобы скрывающихся под оболочкой прописных христианских истин, призываю я обратить внимание на чудесные и в то же время прискорбные события, связанные с благочестивейшим житием и славной мученической кончиной Семьи последнего русского Царя, буквально невместимые для объюродившего человеческого ума. Цель моего выступления другая. Это призывы к смирению и покаянию, которые достигаются удобнее всего исполнением заповеди Христовой о неосуждении ближнего. Обратим свой взор на царственных мучеников и посмотрим вслед за тем на себя. И мы увидим, что, по слову Григория Синаита, мы «веруем, но не верюю действенной, и по обновлении Духом в крещении, не перестаем жить плотски. Если иногда, покаившись, и начинаем исполнять заповеди, то исполняем их только внешне, а не духовно, и до того отвыкаем от духовной жизни, что проявления ее в других кажутся нам неправостями и заблуждениями».

Пусть сознание содеянных нами в прошлом грехов послужит к избавлению нашему от повторения их в настоящем.

О. А. ПЛАТОНОВ

Создание «распутиниады»¹

Тело Распутина недолго пролежало в земле. Сразу же после отречения царя, дня через два, масон Керенский дает приказ выкопать гроб с телом Григория Ефимовича и привезти его в Петроград. Подняв из места захоронения гроб, его заколачивают в деревянный футляр от рояля и на несколько дней прячут в придворных конюшнях на Конюшенной площади. Затем от Керенского поступает новый приказ — тело Распутина тайно зарыть в окрестностях Петрограда, чтобы не осталось вещественной памяти о нем, а точнее, чтобы замести следы немислимого зверства, ибо предстояло следствие.

По дороге испортился грузовик, на котором везли гроб. Тогда исполнители приняли решение его уничтожить. Натаскали деревьев на большой костер, облили бензином и подожгли. Произошло это 11 марта 1917 года между 7 и 9 часами в лесу около большой дороги Лесного в Пискаревку.

Сразу же после отречения царя начинает работать Следственная комиссия Временного правительства. «Прибыв в Петроград в Следственную комиссию, — пишет член Чрезвычайной следственной комиссии по расследованию злоупотреблений бывших министров, главноуправляющих и других высших должностных лиц В. Руднев, — я приступил к исполнению моей задачи с невольным предубеждением относительно причин влияния Распутина, вследствие читанных мною отдельных брошюр, газетных заметок и слухов, циркулировавших в обществе, но тщательное и беспристрастное расследование заставило меня убедиться, насколько все эти слухи и газетные сообщения были далеки от истины».

¹ Печатается по: *Платонов О. А. Жизнь за Царя. (Правда о Григории Распутине).* СПб., 1996. С. 229–234.

Прежде всего при серьезном изучении комиссии рухнул миф о принадлежности Распутина к секте хлыстов. Не нашлось никаких подтверждающих это обвинение материалов. Профессор по кафедре сектанства Московской духовной академии Громогласов, изучивший материалы следствия и все написанное Распутиным по религиозным вопросам, не усмотрел никаких признаков хлыстовства.

Также не подтвердились слухи об огромных денежных средствах Распутина, полученных путем вымогательства за исполнение прошений. Официальные запросы в банковские учреждения не позволили выявить денежных средств, хранившихся на имя Распутина или кого-либо из его близких родственников (кроме средств, которые были перечислены царем семье Распутина после его убийства).

При проверке оказалась грубой фальшивкой и книга Труфанова-Илиодора «Святой чёрт» (впрочем, об этом мы уже говорили).

Самый значительный компромат (якобы получение денег из средств полиции, пьянство и кутежи), полученный комиссией, основывался на показаниях (и сфальсифицированных ими материалах) лиц, не заслуживающих никакого доверия, отличавшихся, по словам Императрицы, своей низостью и подлостью, — Хвостова, Белецкого, а также аферистов и проходимцев типа Андронникова, Манасевича-Мануйлова и им подобных, заинтересованных в очернении Распутина, чтобы переложить на мертвеца хотя бы часть вины за преступные деяния, которые они совершали.

Фальшивый образ Распутина начинает расплываться на глазах. Тогда в дело вмешивается председатель комиссии, известный масон Н. К. Муравьев и грубейшим образом настаивает, чтобы следователь Руднев подтвердил прежнюю версию о Распутине. Руднев не согласился и в результате вынужден был покинуть комиссию.

В общем, влияние масонов на создание фальшивого образа Распутина, организацию его травли с целью дискредитации царской власти, а потом его убийство и сокрытие следов было определяющим, хотя и не единственным.

Основываясь на материалах Особого Архива СССР, а также на исследовании Н. Берберовой «Люди и ложи», мы еще раз должны напомнить, что члены масонских лож были главными врагами и следователями Распутина.

В свое время масоны планировали убийство Николая Второго. Масон князь Бебутов, на квартире которого проходили собрания этой организации, в своих воспоминаниях рассказывает, как дал Азefу 12 тыс. рублей на убийство царя. А позднее, как мы уже говорили, приняли план подрыва царской власти путем создания фальшивого, мифиче-

ского образа Распутина. План был гнусен, но эффективен. Напомним также, что начал травлю и постоянно осуществлял ее в Государственной Думе масон Гучков, которому активно содействовали в этом масоны Керенский, Львов, Некрасов, Гессен и др. Но не только они. Не менее половины самых влиятельных депутатов Государственной Думы были масонами.

При царском дворе вели постоянные интриги против Распутина великие князья-масоны Николай Михайлович и Александр Михайлович.

Заместитель (товарищ) министра внутренних дел, шеф жандармов масон Джунковский, много лет занимался фабрикацией полицейских фальшивок на Распутина.

Масон-публицист Амфитеатров вместе с Илиодором фабрикует фальшивку — статью «Илиодор и Гриша», в которой в конспективной форме излагают содержание будущей книги «Святой чёт», ставшей одним из первоисточников клеветы на Распутина. Вероятнее всего, что и книга сфабрикована при участии Амфитеатрова.

В окружении Распутина вел интриги масон А. Симанович.

Один из лидеров кадетской партии, родной брат министра внутренних дел масон Маклаков, подготавливал убийство и передал убийцам яд для его осуществления. Масон Ф. Юсупов совершил убийство.

Масон Керенский заметал следы, дав приказ об уничтожении тела Распутина.

Следует подчеркнуть, что во времена Распутина никто еще не знал, что эти люди являются членами масонских лож и объединены в одной тайной организации. По сути дела, это стало известно после Второй мировой войны.

И если масоны были организованные уголовники (трудно найти другое слово для их деятельности), то близко по «духу» к ним примыкали неорганизованные или, скажем так, независимые уголовники, подобные Хвостову, Белецкому, Труфанову (Илиодору) или Дувидзону. Вместе с тем мы не исключаем связь последних с масонскими ложами, более того, есть много оснований полагать, что они использовались ими для своих целей. Иначе трудно объяснить, что за влиятельные организации стояли за спиной Труфанова и Дувидзона. О связи Труфанова-Илиодора с масоном Амфитеатровым мы уже говорили.

Впрочем, мы не стали бы сводить всю трагедию Распутина к масонской организации. Роли Великого князя Николая Николаевича, а также части высшего духовенства были вполне самостоятельными. В травле Распутина у них был свой интерес. Что же касается российской интеллигенции, лишенной национального сознания, то масоны искусно

использовали ее настроения нигилистического, презрительного отношения к России, будоражили ее ленивое сознание якобы справедливым протестом против «прогнившего» царского режима, позволяющего держать рядом с собой такого «чудовищного Распутина».

Позднее и большевистские деятели, и их враги из противоположного лагеря с равным пылом клеймили Распутина, не утруждая себя доказательствами его вины. И тем и другим миф о Распутине был нужен по политическим и идеологическим причинам. Для большевиков он был символом разложения царской России, ее убожества и разврата, от которого они спасли ее. Когда речь заходила о последнем русском царе, они показывали на Распутина в подтверждение правильности своей кровавой политики, которая, по их словам, только одна могла вывести страну из кошмара распутинщины и разложения.

Для политических оппонентов большевиков Распутин был козлом отпущения, виновником их падения. Свою политическую несостоятельность, оторванность от народа, неправильную линию поведения и грубейшие ошибки перед революцией с последовавшим за ним крахом они пытались объяснить влиянием темных сил, во главе которых стоял Распутин.

Милюковы, родзянки, коковцевы, шульгины, десятки и сотни других обанкротившихся политиков так и ушли в могилу с мыслью о том, что влияние Распутина имело губительные последствия для всего государства и что они стали жертвой этого проходимца. В этом сказалась фатальная особенность российской интеллигенции, лишенной национального сознания, живущей по западной шкале координат, — искать виновников где угодно, но не в своей среде. Перекладывая ответственность за свои ошибки на «отсталый» народ и его реакционных представителей, эти политические деятели всеми силами до конца дней своих повторяли стандартные обвинения, постоянно раздувая миф о Распутине.

И Временное правительство, и большевики содействовали развитию бульварной распутиниады. Создается она по старым рецептам, опираясь на те же фальшивки, сфабрикованные аферистами и проходимцами Белецким, Хвостовым, Труфановым, Дувидзоном.

При большевиках, в 20-е годы, выходит целый пласт литературы, посвященной Распутину, — от традиционной илиодоровщины до выдуманных воспоминаний Джанумовой и Тэффи, основанных на литературной обработке сплетен и фантазий. Советские писатели и историки с энтузиазмом принимают социальный заказ на фальсификацию сочинений о Распутине. Писатель Алексей Толстой и историк Щеголев фабрикует гнуснейшие по своему содержанию «Дневники

Вырубовой». Одним из центров такой работы становится журнал «Голос минувшего».

Выходят и различные научнообразные книжонки. Образцом их становится опубликованная издательством «Былое» книга масона Н. Н. Евреинова под многообещающим названием «Тайна Распутина». Однако на самом деле она является довольно скучным, плохо написанным пасквилем. Автор совершенно не владеет материалом, путается в фактах, ошибается в датах, но зато с истинно революционным пафосом обличает царя, царицу, рассказывает о ее связи с Распутиным, а потом о его связи с царскими дочерьми. Все эти гнусные, пошлые фантазии он соединяет с научнообразными рассуждениями о гипнотизме, фрейдизме и хлыстовстве. Основной иллюстративный материал взят из фальшивки Илиодора «Святой чёт».

Свой вклад в развитие распутиниады вносят и иностранцы. Однако работы их были, как правило, слабым отражением отечественной школы фальсификаций.

Среди них записки М. Палеолога — французского посла, слабо, поверхностно понимающего русскую жизнь, смотрящего свысока на ее святыни и национальные особенности. И вместе с тем это записки человека, заинтересованного в войне, принявшего на веру слухи о том, что Распутин работает в пользу немцев. В них масса фактических неточностей и просто ошибок. Как источник их рассматривать вообще нельзя, ибо они построены, как правило, на слухах и сплетнях. Вырубова эти записки оценивает так: «Читая записки Палеолога, я нашла в них много вымышленного насчет разговоров, касающихся моей личности. Равным образом автор неточно передал о своем знакомстве с Распутиным».

Воспоминания П. Жильяра о Распутине также носят поверхностный характер мыслей иностранца. Искренне и сердечно относясь к царской семье, он вместе с тем использовал в своих воспоминаниях придворные слухи и сплетни. Многое ему не дано было понять, многое от него просто скрывалось. Известно, что при нем никто из царской семьи о Распутине не говорил. А если такой разговор и шел, то обрывался при его появлении.

Верхом осознанной фальсификации личности Распутина стали труды современных советских историков. Позволю себе процитировать фрагменты из статьи «Распутин» в последнем издании Большой Советской Энциклопедии, над которой работали самые авторитетные советские специалисты. Автор К. Ф. Шацилло:

«Распутин (Новых) Григорий Ефимович (1864 или 1865, с. Покровское, ныне Тюменской области, — 17.12.1916, Петроград)... Родился

в семье крестьянина Е. Новых. В конце XIX века примкнул к секте хлыстов. Под маской религиозного фанатика вел разгульную жизнь; получил прозвище Распутин, ставшее затем его фамилией...»

В этом наборе ошибок, фальсификаций и откровенного обмана состоит советская концепция личности Распутина.

Однажды писатель Сервантес сказал, что лживых историков следует казнить как фальшивомонетчиков. Конечно, в его время было легче решить эту проблему с помощью палача.

А кто же освободит нас от создателей и распространителей лжи и клеветы досоветской, советской и постсоветской распутиниады?

Предсмертное пророчество Г. Е. Распутина¹

Я пишу и оставляю это письмо в Петербурге. Я предчувствую, что еще до первого января я уйду из жизни. Я хочу русскому народу, Папе, (Императору), русской маме (Императрице), детям и Русской земле наказать, что им предпринять. Если меня убьют нанятые убийцы, русские крестьяне, мои братья, то тебе, Русский Царь, некого опасаться. Оставайся на своем троне и царствуй. И ты, Русский Царь, не беспокойся о своих детях. Они еще сотни лет будут править Россией. Если же меня убьют бояре и дворяне, и они прольют мою кровь, то их руки останутся замараны моей кровью, и двадцать пять лет они не смогут отмыть свои руки. Они оставят Россию. Братья восстанут против братьев и будут убивать друг друга, и в течение двадцати пяти лет не будет в стране дворянства. Русской Земли Царь, когда ты услышишь звон колоколов, сообщающий тебе о смерти Григория, то знай: если убийство совершили твои родственники, то ни один из твоей семьи, т. е. детей и родных, не проживет дольше двух лет. Их убьют. Я ухожу и чувствую в себе Божеское указание сказать Русскому Царю, как он должен жить после моего исчезновения. Ты должен подумать, все учесть и осторожно действовать. Ты должен заботиться о твоём спасении и сказать твоим родным, что я им заплатил своей жизнью. Меня убьют. Я уже не в живых. Молись, молись. Будь сильным. Заботься о твоём «избранном роде».

Григорий

¹ Печатается по: Оклеветанный старец. (Исторические свидетельства о Г. Е. Распутине) / Автор-составитель И. В. Евсин. Рязань: Зёрна, 2001. С. 59.

Н. КОЗЛОВ

О ритуальном значении убийства Г. Е. Распутина и Царской Семьи¹

<Фрагмент>

<...>

Обратим внимание на следующие детали. Прежде всего поражает, что убийство Распутина было совершено возле Распятия, которое оказалось непонятно для чего в предназначенном для кутежа подвальном помещении, мебелировка которого закончилась в спешном порядке всего лишь за несколько часов до разыгравшегося в нем преступления.

Еще одна подробность, бросающаяся в глаза своей нарочитостью, присочиненностью к делу: это убитая собака. «Зачем понадобилось ее убивать и при каких обстоятельствах это убийство животного произошло?» — спрашивал в свое время корреспондент одной из петроградских газет. Спросим и мы, что означает в талмудической символике мертвый пес? Ответ известен: уничиженного и умерщвленного Христа.

Сожжение частей одежды убитого, раздробление височной части черепа, утопление или выбрасывание на снег — все эти детали преступления также наводят на мысль о его ритуальном характере.

Но как же похожа эта смерть — предсказание на кончину Царственных Мучеников, в точности повторивших таинственный смертный путь своего Друга! То же нисхождение в зловеющий подвал, тот же труп убитой собаки, подбрасываемый рядом с Их Честными Телами, то же сожжение окровавленных одежд, перезахоронение и сожжение тел.

И те же попытки изуверов вот уже на протяжении более 80-ти лет всеми способами и средствами скрыть, затемнить картину происшедшего на месте убиения, которая, несмотря на, казалось бы, достаточное

¹ Печатается по: Оклеветанный старец. (Исторические свидетельства о Г. Е. Распутине) / Автор-составитель И. В. Евсин. Рязань: Зёрна, 2001. С. 60–63.

количество свидетельских показаний и улики, продолжает оставаться неясной.

Почему? Ответим категорично. Принимая во внимание ритуально-мистический характер убийства Царской Семьи, вытекающий из совокупности сопровождавших убийство обстоятельств, а также участие в организации и исполнении убийства изуверов иудейского племени, можно утверждать, что без тщательной проработки версии ритуального убийства и подтверждения или опровержения этой версии тщательно поставленным следственным экспериментом — вопрос об убийстве Царской Семьи в екатеринбургском подвале всегда будет оставаться открытым. Слишком много таинственного и не поддающегося осмыслению обнаруживается в этом деле!

Итак... Многое в жизни Царской Семьи Распутиным было предсказано. Распутин многократно прорицал, что с его смертью царствование династии Романовых прекратится. Но были и другие предсказания. Об одном из них критически относившийся к Распутину Пьер Жильяр рассказывает следующими словами записи в своем дневнике:

«Выехав 14-го августа в 6 часов утра, 17-го вечером мы прибыли в Тюмень — на станцию железной дороги, наиболее приближенную к Тобольску. Через несколько часов после этого мы грузились на пароход “Русь”. На другой день мыплыли мимо деревни — места рождения Распутина, и Семья, собравшаяся на мостике, могла созерцать дом старца, который ярко выделялся посреди изб. Это событие не было для них неожиданностью, так как Распутин это предсказал, и это стечение обстоятельств, казалось, еще раз подтверждало его пророческие слова».

Верим мы, что предсказан был старцем Царственным Мученикам и образ их спасительной кончины, победившей на многие годы вперед тьму бесовского наваждения, сгущавшегося над Россией.

Распутин писал Царской Семье в одном из дошедших до нас посланий, словно приуговоря ее к каким-то неведомым до времени, но неизбежным в грядущем испытаниям, и необычайно глубоким пророческим смыслом оказываются проникнуты его простые слова, сказанные в дни славного царствования, когда все, казалось, исполнено было тишины и благополучия:

«Я покоен, Вы научитесь премудрости от меня, а после будут разные невзгоды, вы будете готовы только потом, это Вы увидите и разберетесь».

А в ноябре 1913 года, прикровенно и издалека предуказывая обстоятельства, которые должны будут сопровождать Их честную смерть, старец предсказал десятилетнему Цесаревичу Алексею, не оставляя

без намека и Августейших Родителей: «Дорогой мой маленькой! Посмотри-ка на Боженьку, какие у Него раночки. Он одно время терпел, а потом так стал силен и всемогущей — так и ты, дорогой, так и ты будешь весел и будем вместе жить и погостить. Скоро увидимся».

Как предсказал старец — так и случилось. «Вместе жить и погостить» — это сказано об общности земной и посмертной судьбы, промыслительно и таинственно связавшей Царственных Богомольцев и юродивого странника, простого сибирского мужика. Нам же необходимо помнить всегда об этой неразрывной связи, соединившей воедино духовное тело Царя и Его народ, по которой, где поминаются Царственные Мученики, там неизменно поминается Их Друг*.

* Платонов О. А. Терновый венец России. М., 1996. С. 7.

Ф. Н. КОЗЫРЕВ

Распутин, которого мы потеряли¹

ГЛАВА 3 В потомках

Не говорите — «То былое,
То старина, то грех отцов»,
А наше племя молодое
Не знает старых тех грехов.
Нет, этот грех — он вечно с вами,
Он в ваших жилах и в крови,
Он сросся с вашими сердцами,
Сердцами, мертвыми к любви...

А. С. Хомяков

Мы или те из нас, кто с почтением относится к Григорию Ефимовичу Распутину, привыкли видеть в нем прежде всего пророка русского апокалипсиса, русского Иеремию, возвышающегося, подобно этому великому пророку Иудеи, «скорбным силуэтом» (выражение прот. А. Меня) у смертного одра нашего священного царства. Действительно, из всех древних пророков Распутин напоминает более всего именно Иеремию, и не только исторической обстановкой своего появления, но и трагической личной судьбой: их обоих презирали за провинциальность и незнатность происхождения, их обоих считали лжепророками, они оба вступили в острый конфликт с общественным мнением, знатью и духовенством, и их обоих обвинили в измене родине, когда они, прозревая грядущую катастрофу, пытались удержать власть от необдуманных военных действий. Учитывая ту важность, которую придает идее самодержавия русское религиозное самосознание, не покажется натяжкой и сопоставление Распутина с Иоанном Предтечей, проповедовавшим о секире, лежащей при корне дерев, и предупредившим Помазанника не только в Его явлении, но и в казни. Прежде, чем русский народ позволил убить своего христа, помазанника Божия Николая, русская знать убила благословившего его пророка,

¹ Печатается в сокращении по: *Козырев Ф. Н. Распутин, которого мы потеряли.* СПб., 2001.

точно так же, как знать иудейская казнила Крестителя Божьего незадолго перед тем, как народ иудейский отдал на распятие своего Царя.

Еще одно напрашивающееся сопоставление — из Апокалипсиса Иоанна. Там говорится о двух свидетелях Божьих, двух «свечильниках» и «маслинах», посланных для пророчества в святой город перед последней, седьмой трубой (Откр. 11). «И когда кончат они свидетельство свое, зверь, выходящий из бездны, сразится с ними, и победит их, и убьет их, и трупы их оставит на улице великого города, который духовно называется Содом и Египет... И живущие на земле будут радоваться сему и веселиться, и пошлют дары друг другу, потому что два пророка сии мучили живущих на земле». Если относиться к Апокалипсису правильно, т. е. как к описанию событий не только грядущих (к каковым без сомнения можно отнести только конечное преображение мира и воцарение в нем Христа), но и постоянно совершающихся в истории, образ двух пророков, появляющихся в городе накануне падения царства, трудно в перспективе русской трагедии отнести к кому-то иному, кроме как к паре могучих чудотворцев и проповедников грядущей катастрофы, почти одновременно появившихся в граде святого Петра — к Иоанну Кронштадтскому и Григорию Распутину.

Если же мы от образов библейских обратимся к образам мифологическим (слово *миф*, похоже, неотступно будет следовать за Распутиным до окончания века), то ближе всех к истине, на мой взгляд, был В. Розанов, назвавший в одном из писем к Голлербаху Распутина *Аписом*. Этот солнечный бог плодородия в облике быка отвечал за преуспеяние Египта, и смерть его грозила страшным несчастьем народу. Половая сила Аписа для Египтян была символом не похоти, а плодородия — в первую очередь знаменитых египетских нив. Будь у петербургского салонного общества хоть крупица египетской пронциательности, оно смогло бы увидеть в Распутине не похотливого мужика, а живой символ плодородящего и кормящего это общество русского крестьянства, наделенного великой силой от земли и великими духовными дарами от Бога. Убийство Распутина было ритуальным закланием Аписа, и оттого зловещая «Юсуповская ночь» будет завораживать поколение за поколением русских людей, чахнувшего в бесплодии некогда могучего племени. И оттого убийцы Распутина и его ненавистники будут писать и писать об этой ночи и вглядываться в нее, доказывая тем — более всяких защитительных слов — великую духовную значимость этой смерти для судеб России.

Человек, сделавший, по мирским меркам, головокругительную карьеру и в этом смысле ставший воплощением сбывшейся американской мечты, Распутин остался для нас навсегда еще и воплощением несбыточной русской мечты — мечты о единении царя и народа. Все это так,

и теперь, по прошествии целого века, возвращаясь мыслию к картине страшной и святой кончины мученика Григория, представляя, как этот истерзанный, умерщвленный неоднократно разными способами могучий человек, очнувшийся в темной и холодной невской воде, пытался ободрать об лед стянувшие его руки путы, вспоминая этого мужа, прошедшего все вершины славы и всю глубину унижения, самый прах которого был развеян по ветру, а имя предано неслыханному на земле поруганию, можно только дивиться тому, сколь многозначительным знамение будущих ужасов была эта смерть, и — молиться о том, чтобы знамение это относилось только к пережитым уже нами бедствиям, а не несло в себе пророчество о конечных судьбах России.

Именно в это время в далекой Португалии Божия Матерь, являвшаяся трем маленьким детям, просила их передать всем верующим, чтобы они молились за Россию, в которой решается судьба мира... Что с нами случилось затем, мы до сих пор не знаем. Но это случившееся заставляет нас, и так грешащих, по европейским меркам, чрезмерной серьезностью, еще серьезней относиться к своей истории, подозревая, что она стала уже частью не общемировой или общеевропейской, а более важной для человечества — Священной истории.

Не нам ли суждено изжить
Последние судьбы Европы,
Чтобы собой предотвратить
Ее погибельные тропы.
.....
Тончайшей изо всех зараз,
Мечтой врачует мир Россия —
Ты, погибавшая не раз
И воскресавшая стихия.
Как некогда святой Франциск
Видал: разверзся солнца диск
И пясти рук и ног Распятый
Ему лучом пронзил трикраты —
Так ты в молитвах приняла
Чужих страстей, чужого зла
Кровоточащие стигматы.

М. Волошин. Русская революция

Несчастливая г-жа Миллер, возгоревшаяся желанием открыть нам глаза на аморальный облик Распутина, не смогла понять, что отношение к нему, как и отношение к русской истории, определяется не тем, знаем ли мы или нет о его или ее грехах, а тем, способны мы или нет прозревать в их судьбе другой, более важный план. Конечно, всю историю русской

смуты можно объяснить ленью, дикостью, неразумностью, пьяностью и сонностью России, расправу над миллионами жертв — возмездием за их собственные грехи, но при этом все же что-то ускользает от объяснения... Когда заговорщики умертвили Распутина, они застрелили собаку, и проволокли ее по тому месту, где была кровь убиенного пророка, чтобы скрыть следы. Нечто очень похожее уже совершалось в истории другого народа. Братья Иосифа, например, обмазали его одежду кровью убитого козленка, и принесли отцу, сказав, что он растерзан зверем. У них потом появился козел отпущения, а закон стал говорить о том, что, мол, проклят всякий висящий на древе... У нас прижилось другое: собаке собачья смерть. Сколько миллионов раз прозвучат эти слова над телами новомучеников российских, кто сосчитает? Будет расстреляна царская семья. Будет убита главная противница Распутина св. муч. Елизавета Федоровна, приветствовавшая в свое время убийство этого человека, за всю свою жизнь не тронувшего и мухи, как «патриотический акт». По непостижимому стечению обстоятельств епископ Гермоген (как известно из последних писем Императрицы, раскаявшийся в своих выступлениях против Распутина) будет зверски замучен обезумевшими от злобы матросами, как раз когда они будут проплывать мимо села Петровского, того самого места, где родился и где был ранен ножом проклятый этим епископом Григорий Распутин. Кровь палачей и мучеников, кровь возмездия и искупления смешается в едином потоке, так что только Богу возможно будет отделить одно от другого, но силой распутинского предсказания кровь той собаки, кровь «собаки» Распутина станет той отправной точкой, с которой покатится кровавое колесо по просторам России.

Но кроме Распутина, предсказавшего гибель державы, того мрачного, затравленного, лишившегося былого влияния и благодатной силы «позднего» Распутина, твердившего, по словам очевидцев, непрестанно только одно: что он не знает про себя, кто он такой, но знает точно, что если его убьют, то и России конец, был еще и «ранний» Распутин — *захожий богомолец*, любующийся красотой русской земли и благословляющий эту землю. И про этого Распутина мы часто забываем, как забываем и о том, какими мечтами и какими надеждами жила наша еще не подкошенная болезнью Россия.

Весь смысл учения Распутина укладывается в одной короткой фразе: любовь к природе. Он был не только *опытным*, но еще и *очарованным* странником, скитающимся не только в поисках правды, но и красоты — *дивясь венным природы красотам*, как определил этот идеал скитаний Пушкин. И вынес он из этих скитаний глубокое, опытное убеждение в том, что внимать Богу можно и не отвергаясь природы, что преодоление внутреннего разлада человека с самим собой достижимо не на путях

умерщвления плоти и отсечения себя от внешней природы, к чему стремились всегда спиритуалисты различных мастей, начиная от манихеев, а на путях приобщения, приучения своей природы к божественной любви и к собиранию этой любви, разлитой в богозданном мире. Природа и Бог у Распутина рядом: «Ни о чем более не утешайтесь кроме церкви и природы» (О[лег] П[латонов] [«Жизнь за Царя»], с. 524), и с этим напрямую связано его тоже опытное убеждение в том, что жестким аскетизмом человек не самых выдающихся способностей не в состоянии улучшить своей природы. «Не нужно спасаться силой, нужно умеренно, вот будет приятно у Бога» (там же). «Нужно брать пример самый легкий, с животных, с лошадей. Посмотри: если на сытой лошади поедешь, она не убьет; на голодной — устанет; держись середины, тоща не убьет, не пристанет, а как раз добежит до станка. Так и молиться надо не много, а думать побольше» (О[лег] П[латонов] [«Жизнь за Царя»], с. 456). Этот щадящий режим аскетики, вытекающий из доверчивого отношения к естеству, Распутин прописывал и в отношении блудной страсти. Изведав на опыте, что вериги, поклоны и прочие подобные упражнения только усиливают появление «помыслов», Григорий, переживший в свое время, по его собственному признанию, записанному со слов дочери, намерение оскотиться, отверг его и избрал другую тактику борьбы — не штурм, а осаду, тактику постепенного отвыкания от страсти. У той же Марии Распутиной находим фрагмент спора Распутина по этому поводу с монахом Илиодором (Сергеем) Труфановым. Илиодор был за беспощадное обуздание плоти, и предписывал для этой цели молитву. «Как же молиться, если с ног валит? — возражал ему Распутин. — Есть только одно средство. Отложи в сторону молитвы и найди женщину. Потом — опять молись. Бог не осудит. Но наступит время, когда женщина уже не понадобится, когда и самой мысли не будет, а стало быть, и искушения. Тогда-то настоящая молитва и начнется» («Воспоминания» [Матрёна Распутина. «Распутин. Почему? Воспоминания дочери»], с. 182). В этом «призыве к блуду», как легко расценить совет Распутина, по сути буквально повторяется совет апостола Павла вступать в брак, «дабы не разжигаться» (1 Кор. 7, 9). Распутин не уточняет, имеет ли он в виду брак или внебрачные связи, но мы знаем, что сам он очень рано женился и прожил в браке все годы своей бурной молодости, по-видимому будучи верен жене, и прервал свои брачные с ней отношения только после ее тяжелой болезни, не позволявшей более физической близости с ней. В отношении брачных устоев он, похоже, придерживался довольно традиционных взглядов и высказывал некоторые суждения по этому предмету хотя и оригинальные, но здравые и вполне совместимые с духом Евангелия. Вот одно из них: «Кто разводится для удовольствия, тот прелюбодействует, или женится

для выгоды — это тоже Спасительское слово и сбудется на них, и Он на них взглянет строгими очами, а кто женится на разведенной нужды ради, для правления своего дома или маленьких детей, этот наследует рай Божество и Бог не откажет рая Божества» (О. П., с. 521).

Действительно, нетрадиционным в проповеди Распутина было то, что он тщательно избегал патетического обличения блудников и прелюбодеев, коим славятся наши церковные учителя. В этом смысле его можно считать антиподом того типа проповедничества и учительства, ярчайшим представителем которого был протопоп Аввакум, начавший свою пастырскую деятельность с твердого решения выжечь каленым железом «бабий блуд». Это попустительство Распутина человеческим слабостям дорого стоило его положению в церковной среде, но оно было, по всей видимости, неотъемлемым компонентом его миссионерства и, несомненно, — плодом глубокого личного убеждения. Совершенно поразительно свидетельство Матрены Распутиной о том, что продолжавшийся всю жизнь конфликт Григория со своим родным отцом и местным священником Покровского отцом Петром начался с того момента, когда Григорий, совсем еще молодым человеком, стал свидетелем публичной порки молодой вдовы, жившей в их селе и не отличавшейся строгим нравом. Его потрясло, что в избииении участвовал его отец, а также те люди, которые еще недавно с удовольствием пользовались услугами своей жертвы («Воспоминания», с. 31–34).

Закидывание блудниц камнями, этот вековечный ритуал нравственного самообеления общества, не одобренный Христом, оставался всю христианскую историю вплоть до революционных изменений в этой сфере, происшедших после Второй мировой войны, излюбленным занятием новозаветных законников. Однако чаемого плода он не принес. Желających блудить не стало меньше. Докидались только до того, что отбили у паствы всякое желание и возможность получить в Церкви ответ на вопрос, чем различаются здоровое половое влечение и блудная страсть, с чем именно надо бороться и в чем же, собственно, заключается греховность блуда. Священник Александр Ельчанинов в своих знаменитых записках вспоминает, как его, молодого духовника, поразило открытие, что почти все его прихожане искренне не считают нарушение седьмой заповеди за какой-то серьезный грех. Отношение к полу вообще стало одной из самых крупных педагогических ошибок исторического христианства. И после всего того, что написал по этому поводу В. Розанов, едва ли есть необходимость останавливаться на обосновании этого положения. Но в его контексте подход Распутина к вопросам пола перестает казаться сумасбродством и обретает совсем не шуточное звучание.

Григорий Распутин верил в то, что человек способен достичь высших степеней совершенства и не принимая на себя обета безбрачия,

и этой своей верой он открывал путь христианского подвижничества для миллионов женатых мирян, запуганных, а иногда и разочарованных в Церкви стараниями таких монахов, как Илиодор. Мы можем согласиться со словами Марии Распутиной: «Он был новый тип, рожденный самим временем. Новый — это очень важное объяснение... Мой отец, действительно, был старцем, но только старцем, которому не был чужд мир...» Однако *новое* в этом случае было, действительно, хорошо забытым старым. Распутин своим учением отстаивал исконно христианское отношение к мирянам как к полноправным членам Церкви Христовой в борьбе с латинскими представлениями о «Церкви учимой», о «вере угольщика», о спасении за счет «сверхдолжных заслуг святых», делающими из подавляющего большинства церковного общества, из женатых и замужних мирян, христиан второго сорта, совершенно не нуждающихся в личном духовном росте*.

У В. Розанова есть одно дивное воспоминание: «Однажды в дождливый день, летом, верст за 10 за Териоками, вышел я на берег моря; впрочем, не я один, а шла нас целая группа. Проклиная погоду, повертывали мы назад, как вдруг открылось зрелище, и рассмешившее нас, и умилившее. Прямо около воды (моря) стоял уже старый священник, в нанковом подряснике, расставив широко ноги и распустив громадный (дождевой) зонтик. Шел дождь, но он с такой любовью смотрел на гладь моря, рябившего под каплями дождя, что вовсе не замечал так смутившей нас мокроты и грязи. К вечеру мы узнали от познакомившегося с нами, на даче, священника, уже отца 20-летней дочери: «Это — мой тесть. До того любит воду, что не оторвется от ее зрелища. Живет в Вятской губернии, ко мне приехал погостить — и теперь все уходит к морю, просто — смотрит, и ничего больше!» Вот это я и называю «пантеизмом», не литературным (пошлым), а живым «в костях и плоти», деятельным, прекрасным вечным. Как молода и древня была душа этого священника на седьмом десятке лет, который торопливоторопливо стал пред лицом «thalassis» (моря. — *Ф. К.*); и смотрелись

* И — в борьбе за большее внимание Церкви православной к вопросам духовной жизни в семье, за больший интерес к теме спасения христианина в миру, за большую веру в возможность такого спасения. Превозношение девства над браком, начавшееся в первые века христианства (иеромонах Иларион Алфеев в книге о Григории Богослове подчеркивает, что к IV веку было написано более десятка произведений Отцов Церкви о девстве и ни одного, посвященного спасению в браке), в дальнейшем привело к тому, что семейным людям за неимением лучшего стали предлагать те аскетические рецепты спасения, которые были разработаны для монахов. Возник тезис: «Семья — тоже монастырь», которым представление о своеобразном пути к спасению в браке, о духовной значимости брачной, половой жизни, окончательно затемнялось.

они друг в друга, как любовники, как ангелы (= добрые существа): ибо верно, что и море смотрело на него и показывало ему красоту свою, ему — такому тонкому ценителю!!» («В мире неясного и нерешенного»). Вот этот «пантеизм», а точнее, то, что позже В. В. Зеньковский назовет светлым космизмом, софийным восприятием мира, составляет одну из самых драгоценных черт православия. Зеньковский считал, что, «если бы философии Православия удалось с предельной ясностью раскрыть присущее ему софийное понимание мира, убедительно вдвинуть в систему современного мышления это основоположное понятие, — это было бы, по существу, самым лучшим даром, какой могли бы мы принести христианскому Западу» («Преодоление платонизма и проблемы софийности мира»). Последующие десятилетия только усугубили то метание западной цивилизации между акосмизмом с его гнушением миром и натурализмом с его обожествлением природных начал, каковое представляет собой по существу болезненное последствие отсутствия в западном христианстве правильного отношения к тварному миру. Дисгармония в отношениях современного урбанистического общества и природы проявляется не только в отчуждении человека от богозданного мира и самозамыкании его в мире рукотворных вещей и образов, но и в обостренном ностальгировании человека по связи с природой. Отсюда в современном искусстве так странно сочетаются напряженные ожидания каких-то злых выходов от природы (бесконечно варьирующие сюжеты о нашествии насекомых или змей, глобальных катаклизмах или открытии еще неизвестных природных сил) с доходящей до идиотизма деятельностью по защите животных. Прозвучавшая не так давно идея о том, что на горилл необходимо распространить билль о правах человека, является не только закономерным следствием хорошо усвоенных уроков фрейдизма, перенесшего мир подсознательного из области религии в биологию, но и своего рода справедливой реакцией на картезианское противопоставление *res cogitans* и *res extensa* — мыслящей и немыслящей (протяженной) субстанции. (Реакция эта тоже имеет свою традицию: вспомним гуигнгнмов и йэшу Свифта.) Началось это давно, и к тому времени, когда Декарт обогатил науку принципом рефлекторной дуги, а этику учением о том, что животные являются бездушными автоматами, неспособными воспринимать даже боль, за ним стояла прочная традиция западного христианства. На Западе к тому времени уже стало привычным превозносить ум, презирать чувственность и яростно бороться с попытками одухотворения или одушевления природы. За Декартом стоял суд католических монахов над Григорием Паламой и дым костра, на котором сожгли Джордано Бруно, воспевшего гимн творческой мощи природы. Суть того научно-

потребительского подхода к природе, который возобладавал в западном мире, очень хорошо передал один советский поэт, Юрий Кузнецов в своем стихотворении «Атомная сказка»:

Эту сказку счастливую слышал
Я уже на теперешний лад,
Как Иванушка во поле вышел
И стрелу запустил наугад.

Он пошел в направленье полета
По серебристому следу судьбы.
И попал он к лягушке в болото,
За три моря от отчей избы.

— Пригодится на правое дело! —
Положил он лягушку в платок.
Вскрыл ей белое царское тело
И пустил электрический ток.
В долгих муках она умирала,
В каждой жилке стучали века.
И улыбка познания играла
На счастливом лице дурака.

Здесь корень западного подхода не только к живой природе, но и к космосу вообще. Декарт, рассекший пространство своими координатами, только завершил ту вивисекцию живого космоса, которую уже давно готовили своими дефинициями схоласты и основание которой заложено в представлениях о статичности божественного мира идей и предустановленности космических судеб, идущих от самого Августина.

Восток жил другой интуицией, воспринимающей Божье творение как живой организм, наделенный, несмотря на поразившую его по вине человека болезнь, мощной творческой силой и способностью откликаться на Божий зов, вмещать в себя божественные идеи, расти и развиваться. Нам часто припоминают св. Франциска Ассизского как пример того, что и Западу не совсем было чуждо подобное умонастроение. При этом, однако, совсем не придают почему-то значения одной немаловажной детали: Франциск проповедовал зверям и птицам Евангелие, восточные же святые по большей части просто делились с ними хлебом (св. Сергей Радонежский и медведь) или лечили их (св. Герасим и лев), подозревая, по всей вероятности, что животные, поврежденные в нравственном отношении меньше, чем мы, нуждаются в первую очередь в примитивной помощи и поддержке, а мы — в их доверии и прощении

нас за то, что мы оказались для них плохими богами. Эта сострадательность и уважительность православия к богозданному миру проявилась, кстати, в истории не только и не столько в отношении православных к животным, но прежде всего — в их подходе к обращению в христианство «малоразвитых» народов — см. об этом, к примеру, книгу «Православная миссия сегодня». Но, конечно, самым прямым и непосредственным образом она выразилась в готовности и способности благодатного воздействия многих наших православных подвижников на животную природу зверя и человека. Одним из них был Распутин. Смутные и разрозненные сообщения о юности Григория Ефимовича дают все же возможность наметить путь, которым шло созревание в нем тех духовных даров, что позже выразилось в целительстве и умении изгонять из человека мучающие его страсти. Он начинал с животных. Почти все, кто писал о его жизни в Покровском, отмечают, что он очень любил лошадей, подолгу беседовал с ними и лечил их. Говорят и о том, что он много времени проводил наедине с природой, о чем он не раз свидетельствует и сам в своих произведениях.

Замечательное воспоминание уже из «петербургского» периода жизни Распутина оставил Г. П. Сазонов: «Когда мы жили на даче, дети видели его в лесу, погруженного в молитву... Соседка генеральша, которая без отвращения не могла слышать его имя, не поленилась пойти за ребятишками в лес, и действительно, хотя прошел час, она увидела Распутина, погруженного в молитву» (Э[двард]. Р[адзинский], [«Распутин: жизнь и смерть»] с. 120).

А князь Жевахов вспоминает произведшую на него неизгладимое впечатление проповедь Распутина, в которой звучал все тот же мотив благотворности единения человека с природой. «Как начать богоугодную жизнь обычному оскотинившемуся человеку с его звериными привычками? Как вылезти из ямы греховной?.. Как найти ту тропинку, которая ведет из нашей клоаки на чистый воздух, на Божий свет?.. Такая тропинка есть... После службы церковной, помолясь Богу, выйди в воскресный или праздничный день за город, в чистое поле.

И иди, иди, пока не увидишь позади себя черную тучу от фабричных труб, висящую над Петербургом, а впереди синеву горизонта. Стань тогда и помысли о себе...» (Э. Р., с. 256).

С этой чрезвычайно характерной именно для православного духовного опыта любовью к природе прямо связана еще одна черта духовного облика Распутина, вызывающая почему-то особое негодование его противников. Я имею в виду известное и давнее почву для множества кривотолков женолюбие старца. Очень странно, что в этой совершенно здоровой наклонности г-жа Миллер видит признак обуянности

Распутина демоническими силами, в то же время нимало не смущаясь наличием у некоторых расхваливаемых ею убийц Распутина противоположной и действительно богопротивной склонности к лицам своего пола. Не смущает ее почему-то и то, что другая противоположность распутинской склонности, гораздо более распространенная у подвизающихся в духовной жизни, а именно женоненавистничество, — влечет за собой более тяжелые общественные последствия. На самом деле, я не очень верю, что у большинства женщин монахов, не всегда успешно борющийся с блудными помыслами, вызывает большую неприязнь, чем монах, бесстрастно сжигающий блудниц. Конечно, можно ссылаться на то, что и то и другое плохо и должно быть что-то среднее. Теоретически это верно, но практически все же мало кому в духовной жизни удается оказаться на вершине, и он проводит большинство своей жизни на одном из указанных склонов, поднимаясь или срываясь вниз. Вне зависимости от того, на какой высоте находился Распутин, он был на стороне тех из святых Отцов, кто видел наибольшую опасность для Церкви в порицании физической составляющей брака.

Вопрос о возможности брачной жизни для духовенства, так по-разному решенный на Западе и на Востоке, был поднят еще на Никейском соборе, и с тех пор православие с большей или меньшей ревностью, но все же последовательно хранило завет великого чудотворца и исповедника св. Пафнутия, яростно вставшего на Соборе в защиту брака и пристыдившего молодых сторонников целибата за гнушение плотью. Разделение между двумя Церквями по вопросу о целибате, конечно же, не случайно и отражает более глубокое различие в отношении к тварному миру, отмеченное выше. Эротизм православия прямо связан с его космизмом, вот почему в трудах русских религиозных мыслителей тема половой любви занимала такое важное место. Тема эта слишком велика и слишком, увы, злободневна, чтобы говорить о ней вскользь. Заметим лишь, что нет области мысли, в которой западная рационалистическая философия и моралистическая теология проявила бы в такой степени свою ущербность, как тема любви и брака. Дурацкая шутка Канта о том, что брак — это передача супругами половых органов во взаимное пользование, дикая, но чрезвычайно популярная в последние два века идея о том, что под грехопадением следует разуметь вступление прародителей в половую связь, — все это закономерные плоды того нездорового направления, которое приобрело отношение к браку с тех самых пор, когда в западной Церкви утвердилось мнение, будто целью брака является не радость и полнота жизни, а юридически узаконенное продолжение рода. А произошло это очень рано. Еще ап. Павел, как мы уже говорили, предлагал вступать в брак, дабы «не разжигаться», но уже век спустя

в трудах апологетов все настойчивее высказывается мысль, что половая связь допустима только в целях деторождения. «Христиане вступают в брак не ради плотской похоти, но для того, чтобы родить детей», — заявляет Иустин Философ, и аналогичные заявления можно встретить у Афинагора, Климента Александрийского, Тертуллиана. Почему в христианстве так прижилась эта совершенно чуждая библейскому и евангельскому духу тенденция суживать смысл половой любви до задач продолжения рода — отдельный вопрос, но если восточная традиция все же подспудно хранила апостольский взгляд на брак как на путь совместного спасения, то на Западе благодаря непререкаемому авторитету Августина после осуждения пелагиан возобладало вышеозначенное пренебрежительно-утилитарное отношение к браку. Так что Н. Бердяев, высказывая довольно неожиданное, но справедливое суждение, что «В. Соловьев — первый христианский мыслитель, по-настоящему признававший личный, а не родовой смысл любви между мужчиной и женщиной», вынужден был заодно заметить, что «то, что писал об этом блаж. Августин, напоминает трактат по скотоводству» («Русская идея»). Как указывал П. Флоренский, самое высокое, до чего смогла дорасти западнохристианская мысль за полтора тысячелетия, — это многократно перефразированное впоследствии определение Лейбница: любовь — это наслаждение счастьем другого. Однако от этого психологического понимания любви еще очень далеко до той онтологической и мистической глубины, которую обрело древнее учение Платона об Эросе как искре Божества в человеке в трудах некоторых восточных философов, добивавшихся реабилитации древнебиблейского символического восприятия пола: ареопагитиков, Максима Исповедника, русских мыслителей Серебряного века.

На Западе противоядие августиновского отношению к полу было найдено неотомистами в холистической антропологии Фомы Аквинского, в частности в его представлениях о том, что истинная добродетель коренится в чувственности, или страстности человеческой природы. Вынужденная добродетель, исходящая от велений ума и воли и не находящая отзыва в чувственной сфере в виде удовольствий, способна, по его мнению, только внести дисгармонию в человеческую жизнь и породить уныние. Аквинат не отрицал того, что основным нравственным актом является выбор, за который ответственны разум и свободная воля, но сам выбор определял как проявление «аппетита ума». Эти положения, вызвавшие очень жесткое сопротивление при его жизни, были надолго преданы забвению и «прочитаны заново» только спустя семь столетий, в середине XX века.

Учение о любви как милосердии и сострадании, учение, помещающее любовь в область этики и отказывающее стихии пола в бого-

словеском осмыслении и приятии, естественным образом выродилось в лицемерную филантропию и породило мощнейшее антиклерикальное движение за свободу любви, став одним из сильнейших факторов секуляризации европейского общества. Обо всем, что случилось с христианством в XX веке, предупреждали русские православные философы: и В. Розанов, с необычайной смелостью выдвинувший свой тезис о том, что «связь “пола” с Богом — большая, чем связь ума с Богом, даже чем связь совести с Богом» («Уединенное»), и Н. Бердяев, напомнивший, что «христианская любовь не есть альтруизм, выдуманный в XIX веке», что «Христов Эрос есть положительное мистическое влечение, мистическая влюбленность, мистическое радование» и что «буддийское и пессимистическое учение о любви как о сострадании и жалости, в сущности, связано с атеизмом, с неверием в радостный смысл мира» («Метафизика пола и любви»). Удивительно, но именно об этом говорил и Распутин, без сомнения не читавший Бердяева: «По поводу жалости — это прямое естество. Да, — и это жалость. Пожалей и это жалость. А любовь — это такая златница, что ей никто не может цены описать... Вообще любовь живет в изгнанниках которые пережили все, всяческое, а жалость есть у всех» (О. П., с. 459). Показательна и перекличка мыслей Распутина с Розановым в излюбленной теме последнего, касающейся творческой силы пола. После посещения воспитательного дома для незаконнорожденных детей Г. Распутин записал: «Эти дети — буйство неукротимой плоти, от греха; от того, что мы зовем грехом и что все боятся. Да, грех! А Господь милостив! Жаль, что здесь, далеко от своего дома, остаются плоды любви и темного буйства, лучшая, крепкая завязь населения... Великую жатву любви нельзя собирать в далекие житницы. Из-за этого пропадает множество всходов, гибнут души, которые сохранились бы на украшенные потомства. Подумать, самые здоровые дети рождаются от скрытой любви и потому сильной. Открытое — обыкновенно. Открытое чувствуешь нехотя, рождаешь слабо» (О. П., с. 368–370). Конечно, эти мысли не новы. Еще, говорят, Петр Великий издал указ записывать незаконнорожденных детей в художники, рассчитывая на их природную одаренность. Несомненно, Распутин в указанном отрывке выражает и обычное простонародное представление, склонное преувеличивать зависимость индивидуальных особенностей человека или животной особи от условий внутриутробного развития и зачатия — представление, уходящее корнями в глубокую древность (вспомним хотя бы историю с пестрым скотом Иакова — Быт. 30, 35–43). Но так же несомненно, что человек, обладавший таким пытливым умом и такой независимостью, как Распутин, мог сформировать свое собственное отношение к такой важнейшей проблеме, как проблема

пола, только на основании личного духовного опыта или по крайней мере — личных убеждений. Свидетельства о том, что у Распутина был свой неформальный взгляд на эту проблему, рассыпаны по крупичкам в произведениях старца. Но есть и прямые доказательства тому, что в основании женолюбия и эротичности Распутина лежал личный духовный опыт, пережитый им, что его несколько необычное для аскетов отношение к полу имело божественную санкцию.

В деле о принадлежности к секте хлыстов имеются весьма интересные показания некоей просфорни Евдокии Корнеевой, остановившейся в доме Распутина в Покровском: Григорий Ефимович «несколько раз прибегал с пашни проведать дом, уговаривал свидетельницу поцеловать его, говоря, что у них существуют духовные лобзания, подобно тому, как апостол Павел целовал Святую Феклу. Свидетельница отговаривалась неприличием. Вечером он повел ее смотреть моленную под полом конюшни, а когда они вышли оттуда, Распутин схватил свидетельницу за голову и поцеловал в щеку, внушая после этого, что в целованиях нет никакого греха, так как ему раз во время сношения с женой являлась Троица во свете» (О. П., с. 71).

Бог с человеком не только в страдании, но и в любви. Бог любит мир, и мир, напоенный божественным Эросом, открывает эту тайну человеку через природу, через плотскую любовь. Возможно, оригинальность «распутинской» сотериологии вся связана именно с этим откровением, а «новизна» и кажущаяся неправославность его идей — с тем, что слишком мало оказывалось в нашей истории таких смелых людей, которые бы не только внутренне приняли подобный религиозный опыт, но и засвидетельствовали бы открыто вытекающий из этого опыта взгляд на проблему пола. С ханжами бороться страшно. Когда В. Розанов, наконец не выдержав, сгоряча прокричал на всю Россию о том, что все эти монашеские рассказы о скверне и низости плотских отношений и о том, что половое соитие вызывает чувство мучительного стыда у супругов, — просто вздор не совсем здоровых людей, значительная часть общества была готова объявить его сумасшедшим, как в свое время Чаадаева, а часть иерархии подняла вопрос об отлучении его от Церкви. А высказывания о красоте женского тела другого современника Григория Распутина, одного из самых близких ему по духу людей того времени, собственно и введшего его в круг петербургского духовенства — отца Иоанна Кронштадтского, — до сих пор вызывают возмущение наших ревнителей веры и благочестия. Вот цитата из книги О. Соловьева и Е. Шишимарова «Православный брак и страсть блуда» (М., 1996): «Мне, как православному человеку, неприятно критиковать православного святого, известного своей прозорливостью и чудесами. Но что делать, если его высказывания стали

поводом для порнографов к оправданию их деятельности». Вслед за этим признанием автор книги заявляет, что о. Иоанн не прав, отказываясь возмущаться видом голых женщин, и истинно православный подход к обнаженному женскому телу состоит не в том, чтобы «славить Творца при виде этой чудной красоты», а в том, чтобы концентрировать свою мысль на порочности души запечатленной на фотографии женщины и думать о грязных выделениях ее тела.

Кстати говоря, св. праведный Иоанн Кронштадтский, первый канонизованный русской Церковью женатый священнослужитель (факт знаменательный вне зависимости от характера его брака), готовился, по всей видимости, клеветниками православия на роль Распутина. Достаточно вспомнить Пикуля или шумиху, поднятую по поводу сексуальной одержимости *иоанниток* еще при жизни святого. Но Церковь его отстояла. Распутина не отстояла. Может быть, потому что он был мирянин и нападки на него менее болезненно затрагивали Церковь, может быть из-за того, что он был более грешен и по тем же причинам, по которым политическая партия отмежевывается от скомпрометировавшего себя члена — чтобы пятно не пало на всех. Но в любом случае — это был здравый расчет и оправданная жертва. «Лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб», — как разумно в свое время рассудили члены синагории, отдавая на казнь одного возмущавшего общественное спокойствие Человека (Ин. 11, 50). Но что же мы имеем на сегодняшний день? Неправдоподобные предсказания Распутина о гибели царской России, о горах трупов, покрывших русскую землю, в точности сбылись. Аристократы, не внявшие призывам Распутина перестать презрительно относиться к народу и своей стране, были частью истреблены, а сохранившие жизнь сами превратились в презренных отщепенцев в своей стране или в изгоев. Эстеты и моралисты, не способные выносить грубых плясок Распутина и его вольности в обхождении с дамами, вынуждены смириться с тем, что их дети увлекаются и будут далее увлекаться гораздо менее эстетичными плясками и гораздо более вольным отношением к полу. А духовенство, подозревавшее Распутина в хлыстовстве, будет через семьдесят лет собирать свою рассеявшуюся паству и старательно объяснять ей, чем христианство отличается от буддизма и ленинизма. Конечно, все это произошло не только и не столько потому, что убили Распутина. Но возникает закономерный вопрос: а что, если вправду Григорий Распутин-Новый был Божьим человеком, способным не только более других прозревать новые духовные опасности, грозящие христианскому миру, но и знать выход из того глубокого духовного кризиса, который охватил этот мир и следствием которого стала и русская революция,

и массовый атеизм, и огрубление нравов? Что, если мы *проглядели* своего пророка? Историю не повернуть вспять, но на ее уроках можно учиться. Какие же уроки извлекло русское общество из жизни и смерти Распутина? Вместо ответа я приведу отрывок из книги одного из самых читаемых в нашей стране авторов, человека, на произведениях которого учились отечественной истории целые поколения и миллионные тиражи книг которого намного превысили тиражи всей духовной литературы, вместе взятой, выпускавшейся в нашей стране за годы советской власти. Этот отрывок — монолог В. Пикуля из эпилога его книги «Нечистая сила».

«Кажется, кому же еще, как не мне, автору книги о распутинщине, дано знать о тех причинах, что сделали Распутина влиятельным лицом в империи. Так вот именно я — автор! — затрудняюсь точно ответить на этот коварный вопрос.

Память снова возвращает меня к первым страницам. Распутин пьет водку, скандалит и кочевряжится перед людьми, он похабничает и ворует, но... Согласитесь, что была масса причин для заключения Распутина в тюрьму, но я не вижу причин для выдвижения этой личности на передний план.

Только ограниченный человек может думать, будто Распутин выдвинулся благодаря своей половой потенции. Поверьте мне, что вся мировая история не знает случая, когда человек выдвинулся благодаря этим качествам. <...>

Из истории фаворитизма известно, что, получив от царицы очень много, русские куртизаны умели тратить деньги с пользой не только для себя. Они собирали коллекции картин и минералов, ценные книги и гравюры, вступали в переписку с Вольтером и Дидро, выписывали в Петербург иностранных архитекторов и живописцев, оркестры и оперные труппы, они вкладывали деньги в создание лицеев и кадетских корпусов, после них оставались картинные галереи и дворцы с парками, дошедшие до наших дней как ценные памятники русского прошлого.

А что дошло до нас от Распутина?

Грязные анекдоты, пьяная отрывка и блевотина...

Так я еще раз спрашиваю — где же тут причины, которые могли бы конкретно обосновать его возвышение?

Я не вижу их. Но я... догадываюсь о них!

Мое авторское мнение таково: ни в какие другие времена «фаворит», подобный Распутину, не мог бы появиться при русском дворе; такого человека не пустила бы на свой порог даже Анна Иоанновна, обожавшая всякие уродства природы. Появление Распутина в начале XX века, в канун революций, на мой взгляд, вполне закономерно и исторически обосновано, ибо на гноище разложения лучше всего и процветает всякая мерзкая погань.

«Помазанники божьи» деградировали уже настолько, что ненормальное присутствие Распутина при своих «высоконареченных» особах они расценивали как нормальное явление самодержавного быта. Иногда мне кажется, что

Распутин в какой-то степени был для Романовых своеобразным наркотиком. Он стал необходим для Николая II и Александры Федоровны точно так же, как пьянице нужен стакан водки, как наркоману потребно регулярное впрыскивание наркотика под кожу... Тогда они оживают, тогда глаза их снова блестят!

И надо достичь высшей степени разложения, нравственного и физиологического, чтобы считать общение с Распутиным "божьей благодатью"...

Я, наверное, не совсем понимаю причины возвышения Распутина еще и потому, что стараюсь рассуждать здраво. Чтобы понять эти причины, очевидно, надо быть ненормальным. Возможно, что надо даже свихнуться до того состояния, в каком пребывали последние Романовы, — тогда Распутин станет в ряд необходимых для жизни вещей...

На этом я и позволю себе закончить роман» (*Пикуль В.* Нечистая сила. М.: Воениздат, 1990. С. 590).

Невероятный успех этой книги, в которой заодно с Распутиным развенчивается и св. Иоанн Кронштадтский, «издыхающий от умеренного потребления хересов» (с. 62), и поминается недобрым словом св. Серафим Саровский, связан, хочется верить, не с природной склонностью нашего народа к глумлению, а скорее всего, со своеобразным утешением, которое давало читателю осознание того, что он, оказывается, еще не последний человек, что даже исторические личности опускались до такого уровня свинства, которого он, читатель, еще не достиг. Греша *бесстыдно, беспробудно*, советский читатель заряжался от произведений Пикуля уверенностью в том, что он не один, а «все такие», и невинные экскурсы в воображаемые спальни знатных особ имели своим следствием даже некоторое благодушие, свойственное философам, познавшим истинную природу человека. Но беда в том, что герои романов Пикуля не воображаемые, а вполне реальные исторические лица, и если мы хотим, чтобы у нас было будущее, нам не обойтись без серьезного пересмотра своего отношения к прошлому.

Вот только что наша Церковь причислила к лику святых страстотерпцев последнего российского императора и его семью. Прославлен сонм новомучеников и исповедников российских. Но вопрос о нашей дани прошлому не закрыт. Раба Божьего Григория, бывшего, может быть, самым искренним другом царственного семейства, среди прославленных нет, хотя он тоже был православным христианином и связь его мученической кончины с исповеданием веры более очевидна, чем во множестве других случаев. Пусть так. Не все угодники Божии прославлены, и ничего страшного в этом нет. Страшно другое.

Недавно я с удивлением узнал, что в С.-Петербурге в 1994 году был зарегистрирован Православный фонд Валентина Пикуля, ставящий целью своей работы православное просветительство. Это лишний раз

заставляет задуматься о том, как мало теперь требуется в нынешней российской действительности для того, чтобы быть православным. Достаточно, к примеру, быть антисемитом. И конечно же, о том, какая нелегкая судьба ждет наше православие, под знаменем которого объединились монархисты и читатели «Нечистой силы». И опять нельзя отделаться от мысли о том, что если бы Церковь в свое время встала на защиту Распутина от клеветы, она была бы сегодня свободнее от многих враждебных ей сил, свивших гнездо под ее омофором.

В истории Григория Распутина страшно не то, что его убили. Убивать пророков, как известно, дело обычное не только у нас. Удивительно и страшно то, что этот герой если не библейского, то по крайней мере былинного склада, так и остался персонажем неприличных историй. Провидением он был поставлен в такие обстоятельства времени и места, завязан в такую узловую точку нашей истории, наделен такой невероятной судьбой и сопровождается такими знаменьями, что, безотносительно к его моральному и даже духовному облику, фигура его должна внушать благоговейный трепет. И если сегодня наш Распутин известен миру по песенке Bony M: «Oh, Oh, Rasputin — lover of the Russian Queen, Russian babies love machine», то виноват в этом не западный шоу-бизнес, а наше собственное отношение к теням своих великих предков, к *отеческим гробам и родному пепелищу*, отношение, на котором зиждется, по Пушкину, *самостоянье человека* — или ничтожество его. Если самые одаренные и живоносные выразители национального религиозного гения превращаются в такое посмешище, у народа нашего воистину не остается ничего иного, как ставить рядом с Пушкиным памятники Остапу Бендеру. Первый такой памятник, поставленный в Санкт-Петербурге в год 2000-летия Христа и канонизации убиенного Императора, наводит на невеселые размышления.

После того, как Достоевский, не совсем, по-видимому, просчитав последствия, вложил в уста своего героя роковые слова народбогоносец, мы научились как безмерно не уважать себя, так и безмерно превозноситься. Но мы не научились даже самым простым вещам, какие требует от народа звание богоносца. В частности — дерзостному умению видеть в собственной истории сакральный смысл и, поднимая левую руку для побиения своих пророков камнями, поднять и правую, чтобы написать в своих летописях такую, к примеру, фразу: «Слово Господне к России, сказанное во времена царя Николая через пророка Григория...»

С. В. ФОМИН

Затянувшаяся «Агония»¹

Тесное переплетение жизни и смерти Г. Е. Распутина с судьбой Царственных мучеников сразу же после февральского переворота 1917 г. стало объектом самой бессовестной, прямо-таки разнузданной клеветы и фальсификации. Причем ничего иного просто нельзя было писать (между февральским и октябрьским переворотами 1917 г. в силу жесточайшего террора общественности, после октября 1917-го и до недавних пор — из-за жесточайшей цензуры).

Гнусного 8-месячного потока клеветы 1917 г. хватило надолго. В истину судьбоносные для России дни газеты и журналы были буквально переполнены совершенно фантастическим враньем. Широкой рекой оно лилось со страниц книг, с открыток, карикатур, с театральных подмостков и даже с экранов кино. На «любителей» были рассчитаны даже сочиненные несколько «акафистов». Большую роль сыграла книга монаха-расстриги Илиодора «Святой ч...».

Театры были заполнены сомнительными постановками. «Великое дело свобода слова, — писал рецензент одной из подобных “пьес”, — но не дай Бог свободы сквернословия!»* В Петрограде шли пьесы М. Зотова «Гришка Распутин», В. В. Рамазанова «Ночные оргии Распутина», В. В. Леонидова «Гришкин гарем», А. Курбского «Как Гришку с Николкой мир рассудил»**; в Москве, кроме перечисленных — «Чай

¹ Печатается по: Русский вестник. 2003. № 5.

* А. В. В. «Царкосельская благодать» // Петроградский листок. 1917. № 104. 29 апреля / 12 мая. С. 4.

** Туманский А. Злободневные пьесы // Театр и искусство. Пг., 1917. № 21. С. 361–362.

у Вырубовой»*; в Выборге 27 апреля состоялась премьера пьесы маркизы Дякоконь (С. Белой) «Царскосельская благодать»**.

Большевики подошли к делу фундаментальной. Были выпущены в свет фальсифицированные П. Е. Щеголевым и др. многотомные Протоколы Чрезвычайной следственной комиссии, созданной Временным правительством; от начала до конца подделанные тем же П. Щеголевым с гр. А. Толстым «дневники» А. Вырубовой. В этом же ряду стоит широко демонстрировавшаяся пьеса «красного графа» А. Толстого «Заговор Императрицы».

Но какой же был фундамент, на котором все это зиждилось? Даже такой, не отличавшийся симпатиями к царскому режиму историк, как А. Я. Аврех, изучив деятельность Чрезвычайной следственной комиссии, вынужден был признать: «ЧСК стала жертвой собственного замысла. Задумав “ликвидировать” старый режим, она в результате ликвидировала самое себя: многотрудные совокупные усилия президиума, наблюдательного совета, нескольких десятков следователей и прочих не дали возможности “наскоблить” материала даже на один плохонький политический процесс. Гора родила мышь»***. Вот эту-то полудохлую мышь с тех пор усиленно и пытаются раздуть на потеху публики в полновесного слона.

Свернутая к началу 1930-х кампания по массовому оглуплению стала разворачиваться вновь перед началом плановой «разморозки» России.

Знаковыми произведениями той поры, когда говорить об этом вслух никому не дозволялось, стала книга М. Касвинова «Двадцать три ступени вниз», роман В. Пикуля «У последней черты» и кинофильм режиссера Э. Климова «Агония». Труд почти никому неведомого историка, роман популярного к тому времени писателя и работа известного кинорежиссера.

Своей документированностью опус Марка Касвинова, печатавшийся в 1972–1974 гг. с большим перерывом (что само по себе лишь подхлестнуло читательский ажиотаж) в ленинградском журнале «Звезда», привлек немалое число читателей. Впервые советский читатель смог познакомиться с более широким набором фактов, нежели в традиционно строго дозированных трудах отечественных историков,

* Туманский А. «Злободневные» пьесы // Театр и искусство. Пг., 1917. № 20. С. 338–340.

** Петроградский листок. 1917. № 104. 29 апреля / 12 мая. С. 4.

*** Аврех А. Я. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства: замысел и исполнение // Исторические записки. Т. 118. М., 1990. С. 96.

подвергавшихся суровому идеологическому досмотру гослитовскими чиновниками и самоцензуре.

Судя по ссылкам, автору были доступны многие архивы, в том числе польские, чехословацкие, австрийские и швейцарские, закрытые партийные и личные; книги, многих из которых не было даже в наших спецхранах. Это невольно внушало некоторое доверие.

Но кто же сам автор? До выхода в свет в 1995 г. второго тома «Российской еврейской энциклопедии» ответить на этот вопрос было затруднительно. На страницах же этого издания читаем:

«КАСВИНОВ Марк Константинович (1910, Елизаветград Херсонской губ. — 1977, Москва), журналист, историк. Окончил ист. ф-т Зиновьевского пед. ин-та. С 1933 — корр., зав. внешнеполитич. отд. “Учительской газеты”; печатался в центр. газ., готовил материалы для радио. В 1941–45 — на фронте, в 1945–47 служил в Германии, Австрии. В Вене редактировал газ. сов. оккупационных войск “Остеррайхише цайтунг”. С 1947 работал на радио, в отделе вещания на немецкояз. страны. С кон. 1960-х гг. собирал материалы для кн. “Двадцать три ступени вниз” (журн. публ. в 1972; цензурой изъята гл. “Вечера в трактире на Таганке”, посвященная истории черносотенного движения). Работа над книгой в 1978 была завершена женой К[асвинова] А. К. Резановой».

Через некоторое время стала известна и фотография М. К. Касвинова. Ее можно видеть среди фотографий В. В. Шульгина, с которым он трижды встречался в 1972, 1974 и 1975 гг.*

Следует при этом подчеркнуть, что публикация в журнале «Звезда» много шире, чем в отдельной книге под тем же названием. (Именно с последней сейчас в основном все и знакомы.) Первое издание книги массовым тиражом выходило в 1978 и 1982 гг. в Москве и в 1981 г. в болгарском «Партиздате». Второе издание увидело свет лишь после начала перестройки — в 1987-м. В том же году последовало третье издание.

Далее произошел «залповый выброс» (по известному образцу книги «ЦРУ против СССР» Н. Н. Яковлева): Москва — 1988 и 1989, Алма-Ата — 1989, Фрунзе — 1989, Ташкент — 1989. Наконец, в 1990-м в Москве выходит 3-е исправленное и дополненное издание. (И это при том, что сам автор не держал в руках ни одного из трех изданий, поскольку — напомним — скончался в 1977 г.) Общий тираж составил около миллиона экземпляров. Несомненно, налицо продукт отнюдь не рядовой идеологической операции спецслужб.

* «В память о нашей встрече» / Публ. Аделаиды Касвиновой и Виктора Малкина // Источник. 1998. № 4. С. 54–56.

Менее чем через год после выхода в свет первого отдельного издания книги М. Касвинова журнал «Наш современник» приступил к печатанию романа популярного в то время (особенно среди «русской правой») писателя В. С. Пикуля «У последней черты». Любопытно и другое временное совпадение. По словам писателя, за роман он сел 3 сентября 1972 г. — хронологически вслед за появлением начала книги Касвинова в журнале (августовский номер «Звезды» 1972 г.). Завершил же его В. Пикуль 1 января 1975 г. «Наш современник» напечатал его в четырех номерах 1979 г. (№ 4–7). За антиеврейским и противозастойным (душившим русское начало) пафосом в редакции просмотрели антирусскую (неявную и для самого увлекшегося автора) подкладку.

«...Бес попутал его сочинить этот лживый и клеветнический роман о Николае 2 и Григории Распутине, — дает оценку этому произведению Пикуля нынешний заведующий отделом прозы “Нашего современника” А. Сегень. — Зачем? Непонятно. Зная, например, что шрам на голове [Императора] Николая остался со времен его поездки в Японию, где на Русского Царя напал с саблей излишне рьяный самурай, Пикуль сочинил сцену, в которой юный Николай мочится в православном сербском храме и за это получает заслуженный удар саблей по голове от сербского полицейского. И таких примеров в романе Пикуля пруд пруди. Это тем более обидно, поскольку Валентин Саввич был поистине замечательным писателем и патриотом нашей Родины!»*

Долго не выходявшее издание породило, как и в случае с Касвиновым, многочисленные изготовленные читателями конволюты из переплетенных вместе номеров журналов или даже их ксероксов. Таковые встречаются еще и до сих пор не только в частных, но и в государственных библиотеках.

Первое отдельное издание романа В. Пикуля увидело свет именно в год «залпового выброса» книги М. Касвинова (1989). С тех пор это произведение, выходявшее под названием «Нечистая сила», издавалось ежегодно массовыми тиражами вплоть до 1995 г. За это время общий тираж двухтомника составил более 700 тысяч экземпляров.

1990 год. Разгар молитвенного стояния православных за прославление святых Царственных мучеников. «13 июля, — пишет А. Сегень, — Пикуль празднует свое 62-летие. Через три дня, 16 июля, он весь день чувствует себя неважно, а в ночь с 16-го на 17-е, именно в годовщину

* Сегень А. Господь поругаем не бывает // Интернет-сервер «русское Воскресение». URL: <https://www.voskres.ru>.

ночи расстрела Царской Семьи, Валентин Саввич умирает от сердечного приступа. Что это? Знамение? Если да, то знамение чего? Того, что [Царь] Николай призвал его на суд, или того, что Царь простил писателя?...»*

Кинофильм Э. Климова «Агония» также был создан, как теперь принято говорить, в годы застоя. Чтобы утвердить в то время такую тему, требовались изрядные связи. Видимо, у режиссера или тех, кто стоял за ним, они были.

Прежде чем обратиться к фильму Э. Климова, отметим то немаловажное обстоятельство, что чуть ли не с первых шагов в отечественном кинематографе сформировалось свое особое отношение к Распутину.

В литературе описаны восемь кинофильмов, появившихся в первые месяцы революции 1917 г.** В действительности подобные ленты выходили одна за другой в течение марта-августа 1917 г. Их было гораздо больше***.

Первым подобным фильмом стала двухсерийная «сенсационная драма» «Темные силы — Григорий Распутин и его сподвижники» (производство акционерного общества Г. Либкена; сценарий Б. И. Мартова, режиссер С. Веселовский, оператор П. Мосягин; роль Г. Е. Распутина исполнял актер С. Гладков). Картина была поставлена в рекордные сроки, в течение нескольких дней: 5 марта газета «Раннее утро» анонсировала ее, а уже 12 марта она вышла на экраны кинотеатров.

Примечательно, что фильм в целом провалился и имел успех лишь в крайних маленьких кинозальчиках, где публика была попроще****. Судя по сообщениям прессы, демонстрация картины вызвала ажиотаж в тюменском кинотеатре «Гигант», где зрители познакомились с «Гришкой-конокрадом, Гришкой-поджигателем, Гришкой-юродствующим, Гришкой-развратником, Гришкой-соблазнителем». Восторг в зале вызвал показ покушения Хионии Гусевой на Распутина в 1914 г. и убийство его во дворце кн. Юсупова*****.

* *Сегень А.* Господь поругаем не бывает.

** *Вишневский В. Е.* Художественные фильмы дореволюционной России. М.: Госкиноиздат, 1945. С. 132, 138–141.

*** *Гинзбург С. С.* Кинематография дореволюционной России. М.: Искусство, 1963. С. 353–354.

**** *Гришка на экране.* (Сценка) // Петроградский листок. 1917. № 71. 23 марта. С. 6; *Всемирная новь.* 1917. № 21. Июнь. С. 15.

***** «Герой» нашего времени // Сибирская торговая газета. Тюмень, 1917. № 65. 22 марта. С. 2.

Появление этих фильмов привело к протесту публики из-за их «порнографичности и дикой эротики». В целях охраны общественной нравственности предлагали даже ввести киноцензуру (и это в первые дни революции!), временно возложив ее на милицию*.

Группа кинодеятелей ходатайствовала перед министром юстиции Временного правительства А. Ф. Керенским запретить демонстрацию ленты «Темные силы — Григорий Распутин», остановить поток «киногрязи и порнографии»**.

Разумеется, это не остановило дальнейшее расползание по стране кинораспутиниады. Фирма Г. Либкена запустила очередную серию — «Похороны Распутина». Чтобы хоть как-то поддержать пошатнувшуюся репутацию, фирма пожертвовала в пользу инвалидов 5000 рублей и сообщила об этом в газетах***. Последовали и другие фильмы «на тему»: «Люди греха и крови», «Святой ч...», «Таинственное убийство в Петрограде 16 декабря», «Торговый дом Романов, Распутин, Сухомлинов, Мясоедов, Протопопов и Ко», «Царские опричники» и т.д. Большинство из них были выпущены тем же акционерным обществом Г. Либкена.

Большим успехом у советских телезрителей пользовался в 1960-е гг. минский телеспектакль «Крах», снятый по пьесе А. Толстого «Заговор Императрицы».

И вот «Агония». Широкоформатный двухсерийный цветной фильм. Одни определяли картину как «историческую драму о Григории Распутине и кризисе власти предреволюционной России», другие — как «дерзкую крамолу», подчеркивая «агрессивный визуальный ряд картины», а также «ее эротические ассонансы».

Но прежде о его создателях.

Режиссер Элем Германович Климов родился 9 июля 1933 г. в Сталинграде. В 1957 г. он окончил Московский авиационный институт, получив диплом авиационного инженера. Будучи «вертолетчиком», работал у Миля инженером-конструктором. Затем — в молодежной редакции Всесоюзного радио и Центрального телевидения, а также в Московской филармонии. С 1964 г., окончив режиссерский факультет ВГИКа, — режиссер на «Мосфильме». Работал в Третьем творческом объединении М. И. Ромма. Режиссерским дебютом его ста-

* *Зарин А.* Под шумок // Петроградский листок. 1917. № 68. 20 марта (2 апреля). Экстренный вып. С. 1.

** *Аргус.* «Темный экран» // Обозрение театров. Пг. 1917. № 3381. 22 марта. С. 3.

*** *Аргус.* Кинолистки // Обозрение театров. Пг., 1917. № 3385–3386. 4–5 апреля. С. 14.

ла комедия «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен» (1964). Следующим фильмом стали «Похождения зубного врача» (1967), положенные на полку.

Вот та экспозиция, в которой начинался сюжет с «Агонией»... Впрочем, было еще нечто...

Какую-то (не вполне еще ясную роль) в этом сыграли некоторые конкретные факты его биографии.

Октябрь 1942-го. Первоклассник Элем с маленьким братиком Германом и мамой оставляет Сталинград. Дома полыхали до неба. Чадило вылившееся после бомбежки в реку топливо. Горела Волга. Горел город. «...Мы доехали до Свердловска, — вспоминал режиссер, — потом нас пересадили и повезли в деревню, это 20 верст от города, которая называлась Коптяки, ее теперь знает весь мир... Нашел потом эти ямы, где они были, так они и называются “Царские ямы” в лесу, залез в эту яму, меня там ребята сфотографировали. И я в этом сосновом лесу думаю: Боже мой, но ведь никто не знает про это, я случайно узнал. Но какой-то знак здесь, позывной какой-то должен быть. Смотрю, одна сосна — она такая не толстая, — ободранная шкура с нее, она белая стоит, она цветет, она растет, она живет, но кто-то как знак — тогда нельзя было про это говорить даже, — так что вот такие дела»*.

Вторым значимым в интересующем нас аспекте фактом биографии Климова был его отец Мирон Степанович — в составе Комитета партийного контроля при ЦК КПСС участвовавший в кампании по реабилитации, проживавший в непростом доме на Кутузовском проспекте**. Отсюда, вероятно, и имя Элем (Энгельс-Ленин-Маркс).

Не прошло даром и общение с актером Георгием Даниловичем Светлани (Пиньковским, 1895–1983) — в прошлом юнгой Императорской яхты «Штандарт», товарищем детских игр Цесаревича Алексия Николаевича***. Единственную в жизни главную роль сыграл он в фильме «Спорт, спорт, спорт» (1970) Э. Климова — ленте, предварявшей «Агонию».

«Замысел “Агонии”, — писал Э. Климов, вспоминая события 1966 г., — не мой. Это было предложение Пырьева. Иван Александрович

* Беседа с Э. Климовым в прямом эфире на радиостанции «Эхо Москвы». 6 мая 2001 г.

** Там же.

*** См. кн.: Светлани Г., Капков С. Товарищ Его Высочества. М.: ДЕКОМ, 2002. Характеристику этого мемуариста на основе его ранних, подсоветских воспоминаний см. в кн.: Кузнецов В. В. Тайна пятой печати. Судьба Царя — судьба России. СПб., 2002. С. 271–274.

руководил в то время Вторым творческим объединением “Мосфильма”, до этого был директором киностудии, организовал Союз кинематографистов. <...> Однажды вдруг приглашает меня в свой мосфильмовский кабинет, который сейчас носит его имя, и говорит:

— Елем, — так он меня почему-то называл, — слушай... <...> Послушай, что скажу. (Он был под себя немножко смотрящий.) Тут недавно Анатолий Эфрос завалил один проект.

— Какой?

А сам думаю: “Это же сам Эфрос!”

— Мне его порекомендовали, и я пригласил его снять фильм по пьесе Алексея Толстого “Заговор Императрицы”. Она коротенькая, про Распутина, про Царя, про Маму-Императрицу. На, прочти, — и протягивает мне книжицу.

На следующий день прихожу к нему.

— Ну, что?

— Иван Александрович, спасибо. Но снимать это не буду. Здесь же все в упор написано — дешежка.

— Согласен. Ну, а персонаж-то, персонаж какой?!

И вдруг я вижу, что передо мной сидит будто сам Распутин и рассуждает о Распутине.

— Спешить не станем. Прочти в библиотеке еще шесть томов “Заседаний комиссии по расследованию государственных преступлений Временного правительства”».

Речь, напомним, идет о сфальсифицированных Щеголевым документах Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Но далее: «Через неделю я вновь в его кабинете. Вхожу, и Пырьев говорит мне тихо-тихо:

— Я в курсе, что ты погиб. После “Похождений зубного врача хода тебе все равно не будет”. (А уже начинались брежневские времена, и была организована идеологическая комиссия.) Через год празднование шестьдесят седьмой годовщины революции. Сделай что-нибудь юбилейное. [Ошибка: речь в действительности могла идти о 50-летнем юбилее октябрьского переворота. Таким образом, разговор имел место в 1966 г.*]

— На это я не пойду.

— А фильм о Распутине? Личность ведь грандиозная! Ты что, не понимаешь, что за этим стоит?!

— Да, но кто же нам даст снять такой фильм?

* «Агония»: Документальная хроника / Публ. и комментарий Ю. Мухина и Л. Пушкина // Искусство кино. 1996. № 7. С. 127.

— Это я беру на себя. Подыщи сценариста...

Я сговариваюсь с Семеном Лунгиным и Ильей Нусиновым, и мы троим уезжаем в Подмоскowie писать сценарий. Он тогда назывался «Антихрист»*.

Речь идет об Илье Исааковиче Нусинове (1920–1970), сыне старого бундовца, арестованного в 1949 г. и умершего в Лефортовской тюрьме, и Семене Львовиче Лунгине (род. 1920), также пострадавшем во время послевоенной кампании по борьбе с космополитизмом.

«Схема была такая, — продолжает Э. Климов, — существовало как бы два Распутина. Один — реальное историческое лицо, и все, что с ним происходит, — достоверные факты. А другой — псевдораспутин — два сорок ростом, мифический герой (его и другой исполнитель должен был играть). Это как бы народное представление о Распутине, воплощение сказки про сверхчеловека при Дворе. Ходили же легенды, будто бы у Царицы в спальне стоял горшок, скрывавший подземный ход, по которому Распутин пробирался в Германию с кайзером совещаться. Байки, что он немецкий шпион, и прочее»**.

Здесь Климов, хвастливо заявлявший, что прочел «на тему» «тонны литературы», по некоей, не называемой им причине намеренно, мягко говоря, вводит в заблуждение (на этот раз читателей): не народные то были байки, а расчетливые выдумки врагов Царя и Его России.

«Мы уже и натуру выбрали для съемок, — пишет Климов, — и казалось, что все в порядке. Я, во всяком случае, испытывал необычайный душевный подъем и не понимал еще, что атмосфера в государстве переменялась. И вот возвращаюсь в Москву с готовым сценарием. Приношу его Пырьеву, показываю свои раскадровки.

— Вот, — говорю, — финал... Распутина убили, и должен быть эпизод — зима, Петроград, два извозчика сидят на дровнях, сокрушаются: «Единственный мужик до Царя дошел, и того убили. Бросили в Неву». — «Да ведь он жив!».

И идет сцена — миф, который рассказывает извозчик извозчику. Мы видим мост через Малую Невку, что на выезде из города, в сторону Финляндии. На мосту стоят Царский поезд, автомобили, люди, охрана. На берегах полно женщин. А посреди заледенелой реки — прорубь. Мужики выпиливают лед, поднимают огромную глыбу. И в этом кубе льда все видят Распутина с раскинутыми руками. (А ведь была же легенда, и я читал об этом в архиве, что он еще сорок минут дышал

* Климов Э. И от тебя зависит так мало и так много... // Искусство кино. 1996. № 7. С. 117.

** Там же.

подо льдом.) Бросаются женщины, разрывают на себе платья, чтобы отогреть его грудью. Лед оплавляется, и мы видим Распутина, лежащего с открытыми глазами, — он смотрит на нас. Таков финал фильма по сценарию. Пырьев выслушал и говорит:

— Едем, ну ты что, это серьезно?

— Нет, Иван Александрович, это так, чтобы заморочить голову Госкино.

— А как же по-настоящему?

— Ладно, — говорю, — только вам расскажу. Все будет так же. И прорубь, и Царский поезд, и дамы... А из этой проруби (увлекся, леплю с потолка!) высовывается гигантский фаллос, и Распутин по нему, как по шесту, выбирается из реки, и дамы бросаются... И дальше все то же.

— И ты это серьезно?

— Ну конечно.

— Ладно, иди.

В общем, Пырьев меня отпустил тогда, а сам поехал в Госкино и фильм остановил. Видно, решил, что я не в своем уме. Недопонял, конечно, юмора»*.

Однако, судя по документам, дело разворачивалось иным образом.

В совместной записке отдела культуры ЦК КПСС и Госкино СССР от 14 августа 1975 г. читаем: «Первый вариант сценария был представлен студией в Кинокомитет СССР в 1966 году с положительными оценками И. Пырьева, М. Ромма, Л. Арнштама и включен в план производства на 1968 год. В том же году в связи с несовершенством сценария работа над фильмом была остановлена»**.

Сам Климов в официальном документе 1968 г. называет конкретную дату остановки работ: «9 апреля с.г. по указанию Госкомитета по кинематографии при Совете Министров СССР работа над фильмом неожиданно была прекращена»***.

И дело было не только в «перемене атмосферы» по Климову, а, прежде всего, думается в смерти «автора замысла» И. А. Пырьева, последовавшей 7 февраля 1968 года.

Через пять дней после остановки (14 апреля) Э. Г. Климов обращается с письмом секретарю ЦК КПСС П. Н. Демичеву: «За последние годы на Западе возник значительный интерес к событиям русской истории первой четверти XX века. Вот уже несколько лет с экранов не сходит

* Там же. С. 117–118.

** «Агония»: Документальная хроника. С. 128.

*** От «Агонии» к Агонии // Источник. 1995. № 1. С. 84.

фильм “Доктор Живаго”, пользующийся успехом невероятным даже для коммерческого кинематографа. Огромными тиражами изданы во многих странах мемуары князя Ф. Ф. Юсупова, рассказывающие о последних днях самодержавия и об убийстве Распутина. Эти мемуары были тотчас экранизированы французским режиссером Робером Оссейном и американским телевидением. Недавно опубликовано сообщение, что крупнейший американский продюсер Сэм Шпигель приступил к работе над сверхбоевиком “Николай и Александра”», в центре которого образы Николая 2, Царицы и Распутина...»*.

К письму был приложен перевод статьи из французского журнала об этом новом американском фильме по книге Мэсси «Николай и Александра». Часть его предполагалось снимать в СССР. Выход на экраны планировался в 1969 г. Само письмо завершалось словами: «Сейчас еще не упущено время, мы еще имеем возможность выпустить наш фильм на советский и мировой экран раньше, чем будет закончена американская картина, и таким образом нейтрализовать ее влияние на зрителя. Наш фильм (он носит название “Агония”) может иметь весьма высокие прокатные перспективы как внутри страны, так и за рубежом. Он может стать серьезным оружием контрпропаганды. Отказ от его производства освобождает американскому кинематографу поле боя в идеологической борьбе». Высокий адресат заверялся: «Если будут высказаны те или иные замечания или предложения, мы постараемся внести в сценарий необходимые изменения, не сорвав ранее намеченных сроков выпуска картины»**.

Изменение названия («Агония» вместо «Антихриста») в тексте письма следует воспринимать как перенесение центра тяжести (для успокоения «внешних») с личности Г. Е. Распутина на официально принятую советской идеологией трактовку исторических событий предреволюционного времени. Все это, разумеется, делалось исключительно для «усыпления» надзиравших.

Сохранились документы, свидетельствующие о предмете беспокойства.

«Фигура Распутина, — считал председатель Комитета по кинематографии при Совете Министров СССР А. В. Романов, — несмотря на всю ее отталкивающую сущность, в некоторых эпизодах сценария вдруг приобретает черты, позволяющие допустить мысль о том, что это человек, в какой-то мере выражающий чаяния народа»***.

* Там же. С. 83.

** Там же. С. 84.

*** Там же. С. 85.

«В центре этого произведения поставлена фигура Распутина, трактовка его поступков и действий в отдельных эпизодах дана без необходимой социальной четкости»*, — к такому выводу пришли заведующий отделом культуры ЦК КПСС И. Черноуцан и заведующий сектором Ф. Ермаш.

А вот мнение (причем позднейшее, датированное 1 августа 1975 г., то есть уже после всех переработок сценария) председателя КГБ СССР Ю. В. Андропова: «На киностудии “Мосфильм” закончена съемка кинокартины Э. Климова “Агония” по сценарию С. Лунгина и И. Нусинова, в которой показан “распутинский” период Российской Империи. По имеющимся в органах безопасности данным, в этой кинокартине искаженно трактуются исторические события того времени, неоправданно большое внимание уделяется показу жизни Царской Семьи и интимной жизни Распутина»**.

К съемкам фильма приступили в 1973 г., то есть в самый разгар публикации опуса Касвинова в ленинградской «Звезде» (кто-то — пока невидимый — «пробивал тему», к чему-то готовился...). В уже упоминавшейся совместной записке отдела культуры ЦК КПСС и Госкино СССР от 14 августа 1975 г. говорится: «В 1973 году вопрос о постановке “Агонии” вновь был возбужден киностудией “Мосфильм” на основе переработанного сценария»***.

На съемку дали миллион рублей — огромную по тем временам сумму.

«На роль Распутина, — вспоминал Э. Климов, — пробовались четверо. Это все мои любимые актеры: Евгений Евстигнеев, Анатолий Папанов, Леонид Марков. И рядом с ними был никому не известный артист Театра имени Ленсовета Алексей Петренко, которого и я-то знал лишь потому, что был хорошо знаком с этой замечательной труппой, дружил с актерами, вообще дружил с театром. <...> ...Но в его исполнении таилась настоящая мощь, энергия. Я уже тогда это почувствовал»****. По словам режиссера, это был настоящий «актер-сфинкс, который ни с чем не ассоциировался». Но этого было мало.

«Когда утверждали на главную роль в картине “Агония”, — рассказывал А. Петренко, — Элем Климов пригласил на кинопробы трех экстрасенсов — Маркова, Мессинга и еще кого-то. Режиссер

* Там же. С. 85–86.

** «Агония»: Документальная хроника. С. 127–128.

*** «Агония». Документальная хроника. С. 128.

**** Климов Э. И от тебя зависит так мало и так много... С. 119.

хотел убедиться, что я смогу сыграть Распутина, что во мне хватит внутренней энергии и всего прочего. Один из экстрасенсов посоветовал Климову: «Почаще ставьте Петренко в безвыходное положение. Если у него не будет возможности раздумывать и колебаться, все получится»*.

В экспедицию выехали под Тюмень.

«И сразу же, — пишет режиссер о Петренко, — начало случаться что-то немыслимое. То у него зуб заболел, то еще что-то. У меня сохранилась фотография огромная, где я руками, пальцами, прямо на съемочной площадке выдираю ему зуб. Вокруг меня было множество всяких гипнотизеров, магнетизеров. Я понимал, что связан с этой сферой. И даже хотел снять эпизод с участием Вольфа Мессинга. Вольф Григорьевич — совершенно очаровательный человек. Мы сдружились с ним, я ездил на его концерты. Он действительно делал ч... знает что. И он сфотографировался тогда с Лешей Петренко. Получился их двойной портрет. Мессинг подарил его Леше и сказал: «Носи, и все у тебя получится». Этот портрет стерся у Петренко на теле. В труху превратился»**.

С этим-то «заряженным» портретом актер чуть и не отдал Богу душу...

«Несколько раз в жизни, — рассказывал о себе А. Петренко, — я попадал в ситуацию, когда должен был погибнуть». Одна из них — инфаркт 35-летнего актера на съемочной площадке кинофильма «Агония». «С ним случился тяжелый сердечный приступ, — вспоминал Климов. — Он упал, и уже пузыри пошли изо рта. После этого случая отказался сниматься категорически»***. «Думал: все, конец мне», — вспоминал актер тогдашние свои ощущения.

Но режиссер отлично помнил свою сверхзадачу в фильме: «Стремление снять человека в сверхсостоянии, снять необъяснимого человека, необъясненного, непонятого. Заглянуть в глаза в момент, когда эти глаза выражают нечто, что невозможно передать словом»****. Один из ведущих радио «Свобода» Андрей Щарый в программе 9 июля 2003 г., посвященной 70-летию Элема Климова, считает, что в «Агонии» режиссер «обрел сверхощущение физической реальности. Опробовал парапсихологический метод работы с актерами». В чем

* Алексей Петренко: «Артист чем-то похож на одноразовое изделие. Использовали и выбросили...» (Ванденко А. «Факты» (Москва) // Материалы Интернета).

** Климов Э. И от тебя зависит так мало и так много... С. 121.

*** Там же. С. 122.

**** Там же. С. 125.

была сущность этого метода, примененного Климовым по совету экстрасенсов (как мы помним) на только что перенесшем инфаркт (!) Петренко, видно из его собственных признаний:

«Я Петренко обхаживаю, обглаживаю: “Лешенька, Лешенька, дорогой, мы только проходики какие-нибудь легкие снимем”.

А было начало марта, еще снег лежал... Север. Ленинград. И вот мы приезжаем в Царское Село, в Екатерининский дворец.

Петренко спрашивает: “Что будем делать?”

— Нужно в воду окунуться.

— Как? О чем вы говорите? У меня же сердце больное. Для меня охлаждение смертельно!

— Вот стоит “Волга” нагретая, с врачами, вас спиртом разотрут.

— Вы же говорили — проходики?!

А я ведь тогда какое решение принял? Или я его вылечу, или он всю жизнь будет с комплексом больного мучиться. Это я уже без докторов, сам решил. Но я брал на себя такую ответственность. А вдруг помрет?

— Алексей Васильевич, — говорю, — на вас же вся группа смотрит! Сейчас из Екатерининского дворца принесут бидон с теплой водой, нальем лужу.

Это все наивно было, конечно. Там такая лужа! И март, и минусовая температура. Наконец несут бидон, выливают.

— Да вы что, смеетесь, ребята. Господин режиссер, вы хотите меня убить?

Я говорю:

— Ваш дом — через парк проехать.

Вокруг стоят доктора, медсестры со шприцами наготове. А я в белом тулупе, показываю.

— Леша, вот вы медленно, как на рапиде, становитесь на колени и потом ложитесь. (Я по-брехтовски эту сцену хотел сделать, низвести героя с высот до самоуничтожения.) ...И валяетесь. Но только вот отсюда и досюда, справа налево.

Все собравшиеся в стрессе пребывают: болезнь есть болезнь. Командую: “Мотор” — Петренко медленно спадает, погружается в эту ледяную жижу, в грязь. Ужас это было видеть. И вдруг поворачивается в другую сторону. А камера уже наведена, и фокус, и ассистент панораму повел. И тут оператор, Леня Калашников, останавливает съемку. С Петренко истерика. Докторицы ведут его в машину, сняли дерюгу, отмывают, обтирают. Он кричит: “Поехали! Скорее!” И тогда я подхожу к водителю (а он без моего пальчика никуда не двинется) и велю оставаться на месте.

А Петренко визжит, умоляет:

— Домой! Погибаю.

Я повторяю:

— Стоп. Мы же не сняли. Придется повторить сцену.

— Да я же умираю!

— Но ведь еще не умерли...

Я сам своими руками организовал весь этот ужас. Вместо легких проходиков устроил актеру это купание, эту ледяную баню. Правда, в результате ему после этой съемки стало лучше. Он преодолел что-то в себе. Но ведь и мне надо было переступить какой-то порог. Надо же было на это решиться»*.

«Фильм окончен производством 25 сентября 1974 года, — констатирует та же совместная записка отдела культуры ЦК КПСС и Госкино СССР от 14 августа 1975 г., — и после неоднократных поправок принят Госкомитетом 18 апреля 1975 года, напечатан в двух экземплярах, на открытой аудитории не демонстрировался. Творческой группе кинематографистов осуществить свой замысел при создании этого фильма должным образом не удалось. В настоящее время Госкино СССР и отдел культуры ЦК КПСС считает нецелесообразным выпуск кинофильма «Агония» на экран»**.

Явным диссонансом на фоне двух последних фраз официально-го документа звучат признания самого режиссера: «А с фильмом все было более или менее нормально. Мы усовершенствовали звук, и 12 апреля 1975 года картина была принята по высшей категории. Нам выплатили деньги (надо отдать должное Госкино). И более того, меня даже пригласили в Кишинев работать в жюри Всесоюзного фестиваля»***. Странным все это было еще и потому, что как раз в это время фильму А. Тарковского «Зеркало», действительно активно не понравившемуся начальству, была присвоена третья категория. Такое «наказание» авторам фильма, положенного на полку «по высшей категории», возможно лишь в случае, если чей-то сокровенный замысел (из власть имущих, разумеется) увенчался успехом. Однако до времени это «серьезное оружие советской [?] контрпропаганды» (Э. Климов) было поставлено на запасном пути, чтобы в час X преобразиться в «локомотив истории».

Вот как описывает Э. Климов первую реакцию председателя Госкино СССР на просмотренный фильм: «И вот Филипп Тимофеевич Ермаш

* Климов Э. И от тебя зависит так мало и так много... С. 122.

** «Агония»: Документальная хроника. С. 128.

*** Климов Э. И от тебя зависит так мало и так много... С. 124.

посмотрел только что снятую картину “Агония”. Это было в директорском зале на четвертом этаже, в маленьком актовом зале для начальственных приемов. Помню, мы ждали его в вестибюле. И вдруг Ермаш появляется в совершенно шальном состоянии. Мне почему-то запомнилась первая его фраза: “А где же заговор Императрицы”.

— Какой заговор? Я совсем про другое снимал.

А сам думаю: неужели он все забыл? Он ведь сам мне говорил, что рискует карьерой, давая нам возможность завершить “Агонию”, что я должен работать по-крупному. Но разговор на этом не закончился.

— Слушай, будет заседание Политбюро. После заседания члены Политбюро обычно смотрят какую-нибудь новую картину. Ну-ка, сделай мне копию.

— Филипп Тимофеевич, у меня черновая запись, несовершенный звук.

— Какой звук. Делай, что говорю, я же их никогда потом не соберу вместе. Будут один на один смотреть со своими тещами и женами по дачам.

А я, непреодолимый, неумный, говорю:

— Нет, я не успею.

И уехал на юг*.

Полноте, так ли ведут себя начинающие да к тому же проштрафившиеся режиссеры, снявшие чуть ли не подряд два фильма, положенные на полку?..

Что касается «поправок» к фильму, то об этом опять-таки у Э. Климова читаем: «“Ты посмотри, сколько у меня на столе книг стоит, говорил Ермаш. Историю перечитываю”. И вновь и вновь просил убрать какой-нибудь кадр. Я до сих пор жалею, что вырезал сцену в ресторане из первой серии: лысого мужика, пьяного вдребезги, в абсолютно гладкую лысину которого воткнута вилка. Его выводят из ресторана, а он, веселый, кричит: “Шампанского и дам переменить!” Ермаш говорит мне: “Я тебя умоляю. Выброси”.

— А что в этом кадре такого? Ну, загулял человек, ну, вилок ему угодили в голову.

— Я тебя умоляю... Тебя член Политбюро** просит!

* Климов Э. И от тебя зависит так мало и так много... С. 123.

** В 1975–1981 гг. к проблемам фильма были причастны члены политбюро и секретари ЦК КПСС А. Кириленко, Д. Устинов, В. Долгих, Ю. Андропов, И. Капитонов, Ф. Кулаков, Б. Пономарев, А. Пельше, М. Зимянин, М. Горбачев, К. Черненко («Агония»: Документальная хроника. С. 127–129). Л. И. Брежнев, посмотрев фильм на даче в Кунцево, только и сказал: «А зачем?» (Климов Э. И от тебя зависит так мало и так много... С. 124). — С. Ф.

Правда, потом Ермаш согласился оставить кадр в фильме. Но он мне самому к тому времени разонравился, сдуру. Еще была сцена у городской фрейлины Никитиной, дочки коменданта Петропавловской крепости. У нее в доме Распутин устраивал свои оргии, собирая целый гарем девушек. И в картине был коротенький, метров пятнадцать, кадр, где он выгоняет их раздетыми на улицу, и они бегут через Неву. А на заднем плане виден Зимний дворец... Хорошо было снято. Но мне заявили, что с этим кадром фильм просто уже никогда не выйдет. Видно, “наверху” эти сцены кто-то на свой счет принял. <...>

До сих пор каюсь, что отказался от финала. Это эпизод похорон Распутина. Мне хотелось сделать эту сцену очень строгой. Вот — тело (чучело, разумеется, потому что Петренко после всех потрясений, которые пришлось ему пережить на этих съемках, конечно, не лег бы в гроб). Крупный план, средний. Вот — священник у гроба, который с ненавистью отпевает этого “гада”. Вот — Царица, Вырубова, Царь, рядом дочери. И стоит мальчик — Цесаревич, которого придерживает, почти прикрывает огромная рука матроса-няньки. А мальчик, он точно из фарфора. Оглядывается, смотрит на отца и вдруг поворачивается на какой-то тревожный звук. И мы видим его профиль, который мог бы быть напечатан потом на всех медалях, монетах. И широкое, заснеженное поле, по которому бегут, надвигаются отовсюду какие-то странные существа: гиганты, карлики, невысказанной красоты юрдивые... Выглядывают из-за плеч солдат, держащих строгую цепь. А дальше появляется Царица и с ней Вырубова. Они смотрят в глаза этим людям, ища и не находя нового Распутина.

Так вот этот фрагмент я тоже вырезал. Сам, своими руками! И как Царица подходит к саням и кричит с сильным акцентом: “Ненавижу! Ненавижу эту страну!” Этого в фильме тоже нет*.

Как же нужно ненавидеть Россию, ее прошлое и будущее, чтобы так видеть, снимать, а потом, через много лет, еще и писать, молодецествуя: вот, мол, я какой. И при этом еще вот так врать: «Во время работы над картиной я прочел тонны литературы, тонны! Провел в архивах много месяцев. Казалось, что знал о Распутине все»**.

Да разве можно было, перечитав столько литературы, не понять, где правда, а где ложь? (Если только, разумеется, было желание узнать правду, а не действовать по чьей-то установке.)

Прокатная судьба ленты после 1975 г. обсуждалась на «высшем уровне» (секретарей ЦК КПСС) обсуждалась, по крайней мере, еще

* Климов Э. И от тебя зависти так мало и так много... С. 124–125.

** Там же. С. 125.

дважды: в 1979 и 1981 гг. Решением ЦК КПСС от 9 апреля 1981 г. «Агонии» был дан «зеленый свет», но пока лишь для зарубежного зрителя. В 1982 г. «Агония» получила престижную премию ФИПРЕСИ на международном кинофестивале в Венеции. С началом перестройки «Агония» немедленно была снята с полки и вышла на широкий экран (1985). Пришел и ее час.

Но это был уже другой вариант. Весьма симптоматичен был переход от чисто художественной в первом варианте к историко-хроникальной (в окончательной версии) подаче материала. Кинокритики отмечают «обильное включение хроники и сцен, снятых под документальное кино» в фильме. Все это опять-таки должно было заставить зрителя поверить в «правду», предложенную ему авторами. И самое главное: к восприятию ленты Климова советский зритель был подготовлен, с одной стороны, романом Пикуля, с другой — книгой Касвинова.

Разумеется, и тогда, когда не было напечатано еще ни одной правдивой строчки о Григории Ефимовиче, не все заглотили ядовитую наживку. Известна, например, реакция односельчан Распутина, которым тогда оказали особое внимание. «В день премьеры в знак протеста жители Покровского почти все до одного вышли из зала, недосмотрев ленты и до середины»*.

Тем не менее интерес к ленте подогревался широко разрекламированной ее «несчастной» судьбой и в немалой степени актерским талантом Петренко. Обеспечивался он и положением режиссера — лидера начавшейся кинематографической перестройки. В 1986–1988 гг. Климов был первым секретарем Союза кинематографистов СССР. (Кроме того, он входил в состав жюри Каннского и других престижных кинофестивалей, стал почетным членом Британского киноинститута и членом американской Академии киноискусства, присуждающей премию «Оскар».)

Однако все сотворенное киногруппой не могло остаться без ответа, и в первую очередь в духовном смысле.

Речь идет не только об инфаркте Петренко, ставшего, как говорится, первым звонком. Многие, думаю, если и не ощущали, то, по крайней мере, догадывались, что ходят по краю...

«...Болотный ленинградский воздух, испарения, — вспоминал Климов. — Мы все тогда какие-то дурные были. Жили в гостинице “Советская”. А там не Нева протекает, а какая-то параллельная

* Ермакова Л. Для кого Гришка, а для кого Григорий Ефимович // Родина. 1991. № 10. С. 76.

ей река или канал. Помню, однажды ночью стою на набережной и понимаю, что сейчас брошусь, ничего не могу с собой поделывать. Не бросился. Еще был случай. С Шавкатом Абдусаламовым, художником картины, мы ходили к одной его знакомой, совершенно очаровательной женщине, специалисту по шляпам. У нее была мастерская на чердаке типичного петербургского высотного дома. И там был выход на крышу. И естественно, если есть выход, то выходишь, и мы выходили на чердак. Покатая крыша. А внизу — двор, колодец петербургский, глубокий, без зелени, и церковные купола. И вот однажды меня вдруг неудержимо потянуло вниз. И дело было, конечно, не в этой крыше и не в золотых куполах. Это все, как говорится, предлагаемые обстоятельства. Просто я уже с собой жить не мог»*.

Появлению окончательного варианта кинофильма предшествовала гибель 2 июля 1979 г. в автокатастрофе жены Э. Климова — режиссера Ларисы Шепитько, явившаяся для режиссера тяжелой потерей.

Дошла очередь и до актера А. Ромашина, сыгравшего в фильме роль Государя (первоначально предполагалось, что эту роль будет играть И. Смоктуновский). Накануне принятия в 2000 г. Архиерейским Собором решения о прославлении Царственных Мучеников он был задавлен упавшей «не туда» спиленной на его дачном участке сосной.

Когда автор этих строк начал писать предлагаемый вниманию читателей сюжет с фильмом, Э. Климов был еще жив, мечтал снять «Мастера и Маргариту». Неожиданная смерть вечером в воскресенье 26 октября, похороны 30 октября (в день иконы Божией Матери «Избавительница» и чудесного спасения в 1888 г. Царской Семьи при крушении поезда в Борках), гражданская панихида (без всякого упоминания об отпевании), и, вот, дописываю, когда покойному не исполнилось еще и девяти дней...

Агонией стал этот фильм для всех главных участников этой мерзкой антиправославной, антирусской, а в конечном счете богохульной киноподелки!

Перечитал эти строки и вспомнил слова из приводившейся уже нами статьи писателя А. Сегеня: «...Петренко, сыгравший роль старца Григория Распутина, считает себя православным христианином и при этом дико гордится своей омерзительной ролью в фильме “Агония”, вряд ли задумываясь о судьбе Пикуля». А теперь, выходит, и Климова. Вот только успел бы...

* Климов Э. И от тебя зависит так мало и так много... С. 123.

* * *

Как бы то ни было, эти три произведения сыграли сильнейшую роль в формировании сознания советского человека накануне и в первые годы т. н. «перестройки». «Следует признать, что даже в позднейших “постперестроечных” фильмах на экране не появилось более убедительных версий антираспутинского заговора и самих фигур Распутина и Николая II (актер А. Ромашин)», — читаем в короткой интернетовской справке о режиссере.

Именно на основе таких «трудов» и разнообразных фальсифицированных «документов», пишет, раскрывая смысл подобных спецопераций «замыливания глаз» читателей, доктор исторических наук Ю. А. Буранов, «родился и теперь практически неуничтожим комплекс исторической недостоверности, отравивший общественное сознание»*.

* Тайны Коптяковской дороги. С. 100.

VI

РАСПУТИН В ЛИТЕРАТУРЕ

Иван ПЕРЕСВЕТОВ

«Кашей-Лиходей».

**Дивная история про старца Григория,
обаятеля хлыстовского из села Покровского¹**

Тревожно во мгле
Петелу внемлю...
«Свят Дух на земле,
Дьявол сквозь землю...»
Над Горою Лысой
В сонме упырей
С ведьмой белобрысой
Кружится Кашей.
Пляшут привиденья,
Тишь кругом царит...
Вдруг среди раденья
Ведьма говорит:
— Что насупился, Кашеюшка,
Что танцуешь сам не свой.
Али новая затеюшка
Заняла тебя, родной. —
— Ай ты, ведьма, слизь подпольная.
Я ль Руси не бунтовал.
Но идеюшка крамольная
Вся убита наповал...
Я ль питья совсем особого
В октябре не нажидил.

¹ Печатается по: РГИА. Ф. 796. Оп. 205. Д. 788. Л. 4–9.

Но народ, подлец, от хлебава
Только морду воротил... —
— Что ж состряпать нам, Кащеюшка,
Чтоб, от горя взбеленясь,
Разбрыкалась мать-Рассеюшка
И свой щит швырнула в грязь. —
— На соблазн верхи наталкивай,
А в народе сплетни сей,
О последствиях — помалкивай,
Вот секрет стряпни моей.
Еле справившись с жидовщиной,
Рот разинет патриот,
Если вдруг еще хлыстовщиной
На все царство понесет... —
— То-то вспляшет Иудеюшка,
Русь святую хороня...
Но... чтоб дым пустить, Кащеюшка,
Надо *вырубить* огня. —
— Ну, где ценятся известия
Из сверхчувственных миров,
Там сверхчувственная бестия
Без труда нашла бы кровь...
Лейб-азефы ж с камер-шлюхами,
Блюда взятые лизать,
Русь проймут такими слухами,
Что и в сказке не сказать. —
— От села село, Кащеюшка,
Далеко... Скажи всуерьез:
Кто распутника-халдеюшку
Через заставы [бы] провез? —
— Мало ль есть торговой братии,
По делам ходящей в храм, —
Ставить ставки на симпатии
К сверхъестественным мирам.
А Анютка, чая хлыстиком
Дух *распутный подновить*,
Будет рада банным листиком листиком
Телу мистика служить... —
— Но не ждать ли нам, Кащеюшка,
Огорчительных обид,
Коль найдется архиреюшка,

Что за царство постоит, —
— Положивши, что стояние
Вредно действует на мозг,
Пред Кир-Карлой все собрание
Станет таять яко воск:
Славим мужа преподобнейша.
Твой мундир предельно чтя,
«Деспота благоутробнейша
Быти мы нещумем тя...»
— Ну а ежели, Кашеюшка,
На хлыста найдется хлыст,
Коим вздрючит лиходеюшку
Осерчавший монархист? —
— Вот еще какие новости.
Гофф-азефы, чай, не спят.
В них достаточно толковости,
Чтоб чужих гнать из палат.
На одне физиономии
Поглядит — поймет тогда,
Что мой козырь — в автономии
Гофф-азефьего гнезда... —
Ночь... На Лысой тихо,
Свет луны погас...
Молча злое Лихо
Катится на нас...
Чем оборониться?
Да воскреснет Бог!
И да расточится
Вражеский подвох...

* * *

«Дьявол сквозь землю,
Свят-Дух на земле...»
Петелу внемлю
Тревожно во мгле...

Анжелика САФЬЯНОВА

Сказка наших дней.

О старце Григории и русской истории ¹

Не для сплетен, не для шуток,
Не для бойких прибауток.
Не для смеха и укоров,
Не для толков, не для споров
Мы писали эту сказку —
Мы писали эту сказку,
Чтоб вогнать злодеев в краску.
Те, кто злы, те будут злее.
Ну а это нам милее.

Долго нам жилось сурово,
А теперь за нами слово, —
Ну-ка, душу нараспашку;
Не за злато, не за ласку

Мы расскажем эту сказку
И про Гришку, и про Сашку,
И про Щелкову рубашку...

Мимо Волги и Урала,
Верст за тысячу не мало
Путь уходит вдаль и вширь,
Во студеную Сибирь.

Там, в одном краю убогом,
Во краю забытом Богом,
Против неба на земле,
Жил малец в одном селе.

¹ Печатается по: Анжелика Сафьянова. Сказка наших дней. О старце Григории и русской истории. М., 1917.

Паренька крестили Гришей,
В детстве был травы он тише,
Но зато к восьми годам
Вышел парень просто срам:

Что ни день, то суматоха —
Все, что ни лежало б плохо,
Все, что вора вводит в грех,
Гришка тащит прежде всех.
С парнем просто плач и смех.

Вырастал мальчонка хватом,
Били скалкой и хватом,
Извели на розги лес —
Парень вьется точно бес,
Воет, день лежит, как пласт,
Ну, а спуску все не даст,
Не берет его и мор,
Вот каков растет Егор.

Так растет в деревне Гришка,
Ловкий парень и плутишка.
Про него отец сказал —
Пусть растет, покуда мал,
Поприбавят годы ум —
И растет малец без дум.

Этим временем в столице
Слали свата к важной птице,
И послы собирались станом
Ко заморским бусурманам.

У немецкого царишки
Десятины две землишки —
Дом, жена, солдат и псарь,
Словом, чем тебе не царь.

У немецкого царишки
Вырастала дочь на вышке.
Звали эту дочь Алисой.

Был царишка хитрый, лысый;
Стал царишка размышлять,
Как бы замуж дочку сдать.

У него соседи были,
Все в долгу, как кони в мыле,
Где их сан и где их прыть —
Как жену им заводить?

Скучно в тереме Алисы,
Под полами ходят крысы.
Стала думать да гадать,
Как бы на ноги ей стать...
А в немецком государстве
Ходит слух о русском царстве:
Хорошо-де там живут.
Что ни день, то масла пуд.
Есть и золото, и камни.
«Вот бы, батюшка, туда мне», —
Говорит Алиса раз.

И отсель пошел рассказ.

Пишет грамоту царек
На далекий на восток,
Пишет грамоту в углу
Ко немецкому послу:

«Помоги, сосватай дочку,
Износились все сорочки,
Скучно дома... Плохо мне
В нашей Гессенской стране.
Слух идет и в нашем барстве:
Хорошо де в русском царстве,
В этом царстве, у царя
Сын не женится, и зря...
Сослужи, дружок, услугу,
Предложи ему супругу».
Раз, два, три, четыре, пять —
Царь выходит погулять.

Велико царя наследство,
Только сын ушиблен с детства,
Беден смыслом и умом
И позорит царский дом;
Мало спит и много пьет.
Знать не знает он забот.
Бросил царскую перину
И содержит балерину.

И решил российский царь
Поступить, как было встарь:
Сына он решил женить,
Чтобы сбить лихую прыть.
Знает он, — в одной стране,
На далекой стороне.
Принцев будет целый лес
И хоть пруд пруди принцесс.

Вот решает царь со зла
Звать немецкого посла.
Так случилось это дело.
Все решили сразу, смело.
Был посол хороший гусь
И привез Алису в Русь.
Александрой окрестили,
Обвенчали, окрутили, —

Мужу что... И ночью, днем.
Балерина все при нем.
Сговорившись еле-еле,
Так на трон и оба сели,
И сидели дни и годы.
Без кручины и невзгоды...

Много было разных бед,
Не пропал от них и след.
Но, как кустик олеандра.
Без тревоги и печали
Николай и Александра
На Руси цвели вначале.

Жили мирно, ели сладко,
Выезжали для порядка, —
«Коли царь — сиди да пей».
Где ни плюнь — везде лакей;
Кто их выше по уму,
Тех упрятали в тюрьму.

Ну-ка, люди грамотей.
Сократим свои затей.
Что нам город городить,
Шутки в сказочке шутить?!
Нужно делать дело нам, —
Мчится сказка по волнам,
Точно лодка без причала.
Так воротимся к началу.
Не забыли вы про Гришку,
Про веселого мальчишку,
Что в далекой во Сибири
Волю дал калмыцкой шири
И тащил, покуда малый.
Все, что плохо ни лежало.

Гришка вырос, стал смышлен,
Гришку дома гонят вон:
«Не сиди у нас на шее».
И скажу вам по душе я,
Очень всем он надоел
По причине разных дел.

Май, весна, запели пташки,
В Гришке новые замашки —
Возле девок, точно вьюн,
Вьется парень свеж и юн.
Не пропустит мимо бабы.
Те народ, известно, слабый —
С жару даст локтем в висок,
А потом придет в лесок...
Ну, иная, та со злости
Зазывала Гришку в гости
И будила мужа сдуру,
И спускали Гришке шкуру.

Долго думали, гадали,
И жену Егору дали.
Поженили. С этих пор
Присмирел слегка Егор.
Стал грешить, но втихомолку.
Чтоб никто не видел в шелку,
Чтоб не били бы хватом
На потеху разным хватам.
Но в один печальный миг
Злой удар его постиг.

Это было темным делом.
То ли случай был с наделом,
То ли видел месяц ясный,
Кем петух был пущен красный.
То ли дело в конокраде —
Знайτε сами. Бога ради,
Только в ночь, как села мгла,
Вышел Гришка из села
И пустился по дороге;
Как несли беднягу ноги...

То в санях, а то за возом.
То вдогонку за обозом
Потрусил смиренный Гриша.
Где в кустах, а где под крышей,
Где в деревне под амбаром,
Ночевал Григорий даром;
Шел в Россию из Сибири
Поглядеть, что слышно в мире.

Много ль времени, аль мало
С той поры уж пробежало,
Я про это ничего
Не слышал ни от кого.

Только шел Григорий долго.
Перешел зимою Волгу;
Шел, ругая бездорожье.
Поминая имя Божье.

И в Москву, во стольный град
Прибыл, точно на парад.
Ходит Гриша по столице,
Видит были, небылицы.
Видит храмы и дворцы;
Ходят бабы до купцы,
Ходят штатские и баре.
Весь народ как на пожаре;
Над церквами звон гудит;
Гришка ходит да глядит,
И решил: из всей толпы
Лучше всех живут попы.

Видел Кремль... таков обычай,
Видел дом митрополичий,
Ткнулся он было к воротам,
А за первым поворотом
Часовой... В руках винтовка.
«Малый... Здесь ходить не ловко...»

Все Егору опостыло,
Он ушел, сказав уныло:
«Хоть пали, хоть не пали там —
Буду я митрополитом».

С детства Гришка думал вволю
И хвалит попову долю —
Есть и домик и землишка,
Деткам есть на молочишко,
Есть и хлеб в годину злую,
Знай, тяни нам «аллилюю».
Тычь перстом почаше в небо
И собирай себе за требы.

Был он кой-чему научен
И к работе не приучен,
Осмотрелся хитрым взором,
Пошатался по соборам.
Пораздумал, огляделся,
Победнее приоделся,
И на паперть, в Божий храм,
Стал являться по утрам.

Так просил он ради Бога;
Подавали, но не много —
Нынче в людях веры нет.
Изменился Божий свет.

Из себя был Гриша видный.
Было малому обидно,
И решил он: «Как ни глянь,
Видно, дело будет дрянь;
Надо дело подходней,
Впрочем, все в руке Господней,
Бабе путь открыт в кликуши,
Сопричислят в Божьи души,
Попадет к попам в покои,
Там винцо и все такое...»

Слышал Гриша о блаженных,
О покойниках нетленных,
Знал их дивные спасенья,
Их святые исцеленья;
Знал про то, как те вещали
Гласом, точно из пищали,
О грядущем зле и бедах,
И бывали во беседах,
И вели с царями спор,
Изрекая им укор.

И решил однажды Гриша,
Простояв в церковной нише
В стужу лютую, в мороз:
«Не для этого я рос,
Чтоб стоять здесь до заката;
Я и сам ума палата
И какой во мне порок,
Чем я тоже не пророк.
Помудрю, да принатужусь
И скажу да так, что ужас,
Не найдет в дому дверей
Самый хитрый иерей».

Как сказал он, так и сбылось,
И молва волной катилась:
У Николы, в краткий срок
Объявляется пророк.
Из себя еще не старый,
Не пугает Божьей карой,
А такую речь ведет,
Будто ложку меда в рот.
И пошли о Грише слухи.
Бабы лезут точно мухи,
Старец мед и мармелад —
Слову ласковому рад.
До того приятен бабе —
К той прижмется на ухабе,
С этой молится вдвоем
И зальется соловьем...

Как пошла о Грише слава.
Поднялась попов орава:
«Кто такой... Какое право...
Может, штунда, или хлыст...»
И попы дрожат, как лист:
Попугали Гришу адом.
Дали знать, куда им надо:
«Тоже всякий свинопас
Отбивает хлеб у нас».

Шли часы, и шли недели.
Люди жили, ели, ныли.
Сказке верили, не были,
Ну и время, просто срам.
Встать бы разом... Где уж нам...
Встанут утром спозаранку.
Плунут — вспомнят про охранку.
Боком взглянут на иконы;
Всюду ходят фараоны,
Охраняя каждый пост,
Заушая в гриву, в хвост...

Так приятно жили люди,
Помышляючи о чуде,
А по мраморным палатам,

Позабыв о годе пятом,
Ходит Коля-Николай,
Разоряя целый край.

И почтенная царица,
Вдохновляясь, точно жрица,
Окружив себя попами,
Иерархами-столпами,
Извиваясь и дрожа,
Стала из ханжей ханжа.
Ходит в церковь, бьет поклоны.
Создает сама каноны —
Не царица, а скорей
В юбке старый архирей.

Кто же в ней узнает немку
И Алису-чужеземку;
Только жаль, ее язык
К русской речи не привык.
На немецком диалекте
Рассуждает и о секте,
И о том, каков синод,
И какой у нас народ.

Между тем почтенный Гриша
Забирался выше, выше.
Был он малый крепких правил.
Уважать себя заставил,
От девиц не знал отбою
И доволен был собою.

С Гришкой спорят иерархи,
Рассуждают о монархе,
И вещает Джиоконда
Из столичного бомонда:
«Vous savez, простой мужик,
А такой приятный лик».

Так его открыла Анна,
Дама фрейлинского сана,
А открыв, к царице скок —

«Объявляется пророк:
В нем одном такая сила,
Что на многих нас хватила,
Эта поступь, этот взгляд,
С ним не страшен целый ад».

Словом, лезет Гриша выше.
Красны дни пришли для Гриши:
И в столицу Петроград
Прибыл он, как на парад.

Едет он в почете, в славе,
Приближается к заставе.
Бьет поклон, и наконец
Попадает во дворец.

По палатам Гриша ходит,
Всех собой в восторг приводит,
Гриша старец хоть куда —
И взошла его звезда.

Изрекает он словечки.
Дамы ходят как овечки,
А потом, наедине,
Изнывают, как в огне...

Велика у Гриши сила.
До того вещает мило,
Что кругом бросает в жар:
«Вот так старец — а не стар».

А достойная Алиса,
Без любого компромисса,
С ним сидит и день, и ночь.
День да ночь и сутки прочь.
Завелась деньга у Гриши,
Дом в селе с узорной крышей.
Перевез детей и женку,
Пьет в салоне ром и жженку;
У самой графини И...
У него всегда свои.

Свет потушит, порадеет,
Тихой лаской обогреет,
А когда Григорий зол,
Изорвет в клочки подол.

Гришка едет на село,
Гришке очень повезло;
Говорят о нем в Сибири —
Нет важнее Гришки в мире,
Гришку знают города.
Но случилась тут беда:
Несмотря на гнев престола,
Гришку баба подколола;
Боже, что тут был за шум,
От забот кружится ум.

Повезли его в столицу,
Положили, как в теплицу,
Лечат, холят, еле дышат
И о Грише только слышат,
И при нем всегда «сама»
От тревоги без ума.

Только скоро грянул гром —
Зашатался царский дом;
Время дивное приспело,
И такое вышло дело,
Что царек с семьей родной
На кузена шел войной.
Русь пошла войной на Вилли.
Как друзья там ни судили,
А пришлось держать им речь
И поднять на друга меч.

В этот день во всей столице
Звали всех врачей к царице,
А царица рвет и мечет.
Напускается, как кречет:
«Дайте мне злодеев низких,
Что моих задели близких,
Что, затронув дядю Вилли,
С нашим царством в бой вступили;

Где они...» И запускала
В Николая чем попало.
Словом, так или иначе.
Толку нету в этом плаче,
Ни к чему ее протест.
И подписан манифест.
На Руси под бабий вой
Закипел кровавый бой.
Был в ту пору Гришка болен
И войною недоволен —
Беспокойства и хлопот
У царицы полон рот.

Так тянулись эти годы;
За войной пришли невзгоды.
На глазах у всей Европы
Крали царские холопы,
И в стране гасили пыл,
И смущали фронт и тыл;
Бились дни и бились годы
На два фронта воеводы,
Ну а толку нет, как нет,
Хоть сражайся десять лет.

А пока, почтенный Гришка
Порешил: «Помрешь, и крышка;
Буду брать, что Бог дает,
Что плывет мне прямо в рот».
Обнаглел, не зная меры:
«Во дворце моей все веры,
А царица мил-дружок,
Может, я и впрямь пророк».
Так он Гришка, сударь мой,
Измывался над страной.

И предела Гришке нету;
Как бы сжить его со свету,
Думал в ставке не один
И, увы, не без причин.
Гришка ходит нараспашку,
Носит шелкову рубашку,
«Вышивала мне сама.

Вхож я в лучшие дома,
Захочу — продам Россию;
Не слышали про Мессию,
Так Мессия — это я
И вокруг страна моя...»
Всем в зобу дыханье сперло.
Сыты Гришкой по горло.
Подошел всему предел,
Так стране он надоел.
Но царя смешат укоры.
Коротки о Грише споры:
«Этот старец мне родной —
Вместе правим мы страной,
Ты святого не порочь.
Уезжай отсюда прочь».

И тогда собрались трое,
В час один, ночной порою:
«Что слова? — конец рассказам.
Надо кончить дело разом.
Поедом страну он ест,
Надо кончить — делу крест».

И случилось это ночью.
Все сошлись по полномочью.
Все собрались во дворец,
Где бывал «святой отец».
Гришка пьян уж был немало,
Дам хватал за что попало.
Лил мадеру на рубашку.
Говорил в хмелю про Сашку,
Про царя и про дворец,
А уж делу был конец.

Что там было, как там было,
Кто стрелял в лицо и с тыла,
Это нам не надо знать.
Только Гришке уж не встать.
Начал он хитро, не просто.
Кончил прорубью у моста.
Ястреб в тучах пролетал,
И ему конец настал.

Как Алиса убивалась.
Как на фоб его бросалась.
Возле Царского Села
Место гробу отвела:
«В мире нет ему замены,
Вот он, мученик нетленный.
Без него покоя нет,
Опротивел целый свет».
Схоронили по закону,
Положили в гроб икону:
«Спи до радостной весны,
Александра и княжны».

А спустя немного дней,
Русь была полна огней,
В каждом сердце — пыл отваги;
Заалели ярко флаги.
Змию вбили в спину кол.
Рухнул царственный престол.
Сгибло Гришкино наследство.
Сгибли те, кто впали в детство.
Вот и сказочке конец —
Делу славному венец.

Николай ГУМИЛЕВ

Мужик¹

В чащах, в болотах огромных,
У оловянной реки,
В срубях мохнатых и темных
Странные есть мужики.

Выйдет такой в бездорожье,
Где разбежался ковыль,
Слушает крики Стрибожьи,
Чуя старинную быль.

С остановившимся взглядом
Здесь проходил печенег...
Сыростью пахнет и гадом
Возле мелеющих рек.

Вот уже он и с котомкой,
Путь оглашая лесной
Песней протяжной, негромкой,
Но озорной, озорной.

Путь этот — светы и мраки,
Посвист, разбойный в полях,
Ссоры, кровавые драки
В страшных, как сны, кабаках.

¹ Печатается по: *Гумилёв Н. Стихи. Письма о русской поэзии.* М., 1990. С. 236–237.

В гордую нашу столицу
Входит он — Боже, спаси! —
Обворожает царицу
Необозримой Руси

Взглядом, улыбкою детской,
Речью такой озорной, —
И на груди молодецкой
Крест просиял золотой.

Как не погнулись — о, горе! —
Как не покинули мест
Крест на Казанском соборе
И на Исакии крест?

Над потрясенной столицей
Выстрелы, крики, набат;
Город ощерился львицей,
Обороняющей львят.

— «Что ж, православные, жгите
Труп мой на темном мосту,
Пепел по ветру пустите...
Кто защитит сироту?»

В диком краю и убогом
Много таких мужиков.
Слышен по вашим дорогам
Радостный гул их шагов».

<1918>

Николай КЛЮЕВ

Четвертый Рим¹

Не хочу быть — кобыльим — поэтом,
Влюбленным в стойло, где хмара и кал!
Цветет в моих снах геенское лето
И в лязге строк кандалный Байкал.
Я вскормлен гумном, Соловецким звоном,
Что вьет, как напевы, гнезда в ушах.
Это я плясал перед царским тронном
В крылатой поддёвке и злых сапогах,
Это я зловещей совою
Влетел в Романовский дом,
Чтоб связать возмездье с судьбою
Неразрывным красным узлом,
Чтоб метлою пурги сибирской
Замести истории след...
Зырянин с душой нумидийской
Я — родной мужицкий поэт.
Черномазой пахоты ухо
Жаворонковый ловит гром —
Не с того ль кряжистый Пантюха
Осеняет себя крестом?
Не от песни ль пошел вприсядку
Звонкодугий лихой Валдай,
И забросил в кашную латку
Многострунный невод Китай?
На улов тарацит Европа
Окровенный жадный глаз,
А в кисе у деда Антропа
Кудахчет павлиний сказ.

¹ Печатается по: *Николай Клюев. Четвертый Рим. Пг., 1922.* URL: <https://avidreaders.ru/book/chetvertyi-rim2.html>.

Петр ОРЕШИН

Распутин Поэма¹

А. Чапыгину

1

В народе не остыли толки
И струнный рок.
Над Русью в клоунской ермолке
Сидел царек.

На нем и ленты и медали
В большой пятак.
Перед дворцом маршировали
И так и так!

Большой дворец, большая пушка,
Толпа вельмож.
На балаганного петрушку
Был царь похож.

Чесал пробор рыжеволосый,
На лбу — хохол.
Три века луковичным носом
Над Русью цвел.

Но вот подуло пятым годом
Со всех сторон.
И закачался небосводом
Кровавый трон.

¹ Печатается по: Родник. Сборник. М.; Л., 1927. Т. 3.

Бушует Русь, Нева и море
Гремят волной.
Сивушный царь, тебе ли с горя
Не впасть в запой?

Царю сивуха, а царице
Каки дела?
И загремели над столицей
Колокола.

Царица-баба в белом теле,
Слаба умом.
По одному коты ходили
И табуном.

Того замучила одышка,
Тот слаб, тот хил...
Но вот пришел Распутин, Гришка,
И угодил.

Запахло во дворце овчиной,
Таёжной тлэй,
Старинным говором, лучиной,
Сърой землей.

Шерстит просторная поддёвка,
Шумит тайга.
И в зеркале торчат неловко
Его рога.

Как девку на лесной равнине,
Любует он
Царицу-бабу на перине
Среди икон.

Плевать ему на эти лики,
На всех святых,
*Видал он в колокольном зыке
Немало их!*

Гремит по царскому жилищу
Лесная ложь,
Тая в широком голенище
Разбойный нож.

— Постою, красавица, ужо я,
Лесная сыть,
Заставлю царство аржаное
Покорну быть!..

Дворец угрюм, в ночную сажу,
Горит восход.
И каменно застыла стража
У всех ворот.

2

Побасёнки да рассказы,
Только подноси.
Это Гришка лупоглазый
Ходит по Руси.

Разлюбил мужик овчину,
Потаёжный сон.
Потянуло не по чину
К золоту погон.

Волга плещется за бортом
Розовой волной,
Под большим сибирским чортом
Пенясь глубиной.

От степной весенней люти
Вспыхнула заря.
Дуют в Гришкиной какоте
Брагу за царя.

Кроют, будто черепицей,
В душу и в живот.

«Сам» за матушку-царицу
До упаду пьет.

— Эх, ты крой, моя зазноба,
Распотешь судьбу,
Полюбил тебя до гроба,
Разлюблю в гробу!

Славой голову покрою,
Положу труды.
Из лесов твоих настрою
Виселиц ряды!

Вешай, чтобы не срывались
Даром из петли.
Чтобы дыбом поднимались
Волосы земли!

На волну волна упала,
Грозная волна!
У буфетчика немало
Пива и вина.

Гришка топает не быстро,
Да царю беда:
Как осталась от министра
Плешь да борода!

Расплясал порядки леший,
Вот-те трынь да брынь!
Уплывает месяц плешью
За степную синь.

И по всей Руси туманы,
Горы да леса,
Надмогильные курганы,
Степь да небеса.

По морям, в густом рассвете
Ходят корабли.

По полям — казачьи плети,
Рожь да конопли.

Черный ворон на веревку
Налетел не зря:
Те висят за забастовку,
Эти — за поля!

На распаханном загоне
Деревенский плач,
По Руси в ночном вагоне
Мечется палач.

Не простую Гришка птаху
Выловил, нашел...
А рубаха-то, рубаха —
Вышитый подол!

Баба шилс, ворожила, —
Царское шитье.
В бабьем царстве Гришке было
Вольное житье.

И с вокзала прямо к «Яру»
В полуночный срок.
— Ну-ка, девки, под гитару
Вдоль и поперек!

Пой, цыганская побаска,
Расписная шаль.
За гитару да за ласку
Ничего не жаль!

3

Закипела лунная равнина,
Избяная гладь.
На дружину грозная дружина
Вышла воевать.

Облетели золотые клены,
И молчат поля.
Захлебнулась хлёбовом соленым
Черная земля.

Поднялись задумчиво и строго
Рожь и конопель.
Тяжело запела по дорогам
Серая шинель.

Зазвенела старая двухрядка;
По полям тоска.
У окна — брюхатая солдатка,
Под окном — река.

Воют избы, как собачьи стаи,
В лунной тишине.
Затонула родина худая
На большой войне.

Едут полем красные вагоны,
Это ли не бред?
И роняет месяц на загоны
Свой кудрявый свет.

Неужели никому не больно,
Никому не жаль?
Не звони, болтушка-колокольня,
В розовую даль!

Все равно, над клином недожатым,
Чуть блеснет заря,
Русь гудит семиэтажным матом
В бога и в царя.

Глупый царь, беспутная ватага.
Ни ума, ни глаз!
— Подыхай, лоскутная сермяга,
За хороших нас!

И идет, штыками повевая,
На неравный бой,
И ложится сила полевая
Русой головой.

Что ж такое? Ни большой удачи,
Ни больших побед.
— А ведь это, государь мой, значит:
Полководцев нет!

Нашептал царю таёжный леший,
Намутил не зря;
Колокольным звоном распотешил,
Проводил царя.

Обернулся вороном в столице.
— Буду править сам!
И сажился на плечо царицы
Ворон по ночам.

Каррк, царица! — и летят кочнами
Головёшки с плеч.
И пошла за темными лесами
Кровяная течь.

Нарубили много, накололи
Свиток и сермяг.
На ржаное вспаханное поле
Наступает враг.

Карк вороний будто от царицы? —
Замутился двор.
— Слушать эту падальную птицу
До каких же пор?

Грязный дождь она поганым клювом
На корону льет...
Да, не гоже, что царица-дура
С мужиком живет!

Загудела знатная орава,
Как осенний парк.
— Эй, князья, облаву да отраву
На вороний карк!

Ночь была над Питером, — как сажа,
Черная стена.
В эту ночь не выходила даже
Русская луна.

*За дворцом, на ветряном разгуле
Видел черный сад:
Растянулся на снегу от пули
Бородатый гад!*

*Лед завыл, как насыпью могила,
В прорубь Гришку-пса!
И заря румянцем затопила
Снег и небеса.*

А Нева гудит в иную пору,
Гневом и тоской.
Так и надо бабнику и вору
Да шпане такой!

Так и надо! ахнули крестьяне
Под рабочий гром.
И царя на поле грозной брани
Сшибли Октябрем!

Марк КАСВИНОВ

Двадцать три ступени вниз. Старец¹

В 1902 году впервые занесло в столицу юродствующего во Христе странника Григория*. С рекомендательной запиской от викария Казанской епархии Хрисанфа явился он к ректору Духовной академии Сергию, смиренно моля обратить на себя внимание, помочь небольшим денежным пособием. В этот момент сидели в кабинете Сергия его друзья — Шванебах и Нейгардт, а также инспектор академии и негласный духовник царской четы Феофан. Что-то показалось им в страннике необычным: движения, речь, взгляд. Вскоре Феофан знакомит с богомольным мужиком Анастасию Черногорскую, жену Николая Николаевича**. Затем великокняжеская пара у себя дома представляет его императрице Александре Федоровне. Как замороженная сидит ее величество под пронизывающим взором Распутина, слушает его вкрадчивую, пересыпанную мистическими вывертами мужичью речь. Затем следует представление его Николаю II, первое

¹ Печатается с сокращениями по: URL: <http://www.lib.ru/HIST/KASWINOW/dwadcattri.txt>.

* В слободе Покровской, близ Тюмени, откуда Распутин был родом, его еще в молодости считали нечистым на руку. Однажды ночью он был схвачен с поличным при попытке увести лошадей своего односельчанина Картавцева, при этом избит до потери сознания. В 1917 г. 67-летний Картавцев вызывался в Петроград Временным правительством для дачи показаний о личности Распутина.

** В детстве были привезены в Россию и отданы на воспитание в Смольный институт Анастасия и Милица — дочери черногорского князя Николая Негоша. Впоследствии сестры оказались замужем за великими князьями Николаем Николаевичем и Петром Николаевичем. Черногорки стали подругами Алисы Гессенской по приезду ее в Россию. Всюду сопровождали ее, услужали ей. Витте называл их «горничными». В период распутинщины, однако, они превратились из подруг царицы в ее непримиримых врагов.

приглашение во дворец, где он быстро овладевает вниманием царской семьи и входит в роль своего человека.

Все последующее, что связано с именем Распутина, зарубежные авторы обычно склонны представить как некий плутовской роман — серию необычайных похождений экзотического таежного пилигрима, воспользовавшегося удачной возможностью на царский счет поесть, попить и поразвлечься с дамами. С легкой руки первых белоэмигрантских сочинителей сложилась на Западе манера романтического, приключенческого и этакого сатанинско-демонического изображения распутинады. Сегодняшние образцы, представляемые книгами Колина Уилсона* и Сальветти Гуальтьеро**, всего лишь повторяют то, что писали прежде генерал Спиридович***, Алексей Марков**** и Борис Алмазов*****. А именно: своим амурно-пьяным разгулом и ресторанными скандалами втершийся в царскую семью мужик подорвал ее божественный престиж и, дискредитировав, так сказать, в житейском плане, погубил ее. С той же позиции выступают и западногерманские коллеги Уилсона: и они стараются «деполитизировать» Распутина, отрицая за ним сколько-нибудь существенную роль в государственных делах, квалифицируя его поведение главным образом как «монашеский курьез», а обвинение его в государственных преступлениях — как недоразумение. Если Распутин и оказывал какое-нибудь влияние на царскую чету, то оно не выходило за рамки религиозной нравственности и фамильных проблем, а также некоторой способности лечить внушением. Это был «монах с причудами — и только»^{6*}. Во дворце он ни на что не претендовал, лично для себя ничего не выпрашивал, ему и в голову не приходило добиваться положения «грауэ эминенц» (закулисного правителя), он вообще был «политически индифферентен». «Только тогда, когда все на него ополчились — министры, депутаты Думы, церковная иерархия и пресса, он стал отвечать, используя единственное оружие, которым обладал, — расположение царицы. Если он в конце концов и стал в России политической силой, то лишь будучи вынужденным к этому из самообороны»^{7*}.

* *Colin Wilson. Rasputin and the fall of the Romanovs. Farrar and Straus, New York, 1964.*

** *Gualtiero Salvetti. Rasputin. Un monaco seduttore alia corte degli zar. De Vecchi, Milano, 1968.*

*** *A. J. Spiridovitsch, russischer General. Rasputin. Hallwag, Bern-Stuttgart, 1939.*

**** *Alexis Markow. Rasputin und die urn ihn. Konigsberg. 1928–1932.*

***** *Борис Алмазов. Распутин и Россия. Славянское издательство, Прага, 1922–1932.*

^{6*} «Die Quelle», 17. III. 1970. S. 12.

^{7*} «Welt am Sonntag», No 28, 14. VII. 1968. S. 16.

Распутин, по словам Уилсона, был во дворце фаворитом; бывали же там фавориты и сто, и двести лет назад, и никто этому не удивлялся.

Конечно, состояли при царях фавориты и шуты и в прежние времена. Являлись они обычно из толпы тех же придворных, зачастую и из аристократов.

Ни на кого из них Распутин не был похож. Он в своем роде уникален. Это фаворит неслыханный и небывалый.

Пришел из тайги во дворец, дошел до императорского трона и, как писал Алексей Толстой, «глумясь и издеваясь, стал шельмовать над Россией неграмотный мужик с сумасшедшими глазами и могучей мужской силой».

Не он ищет милостей у царедворцев, а они заискивают перед ним.

Какие бы сводные обзоры его походов ни составляла тайная полиция, препровождая их в царский кабинет, все отскакивает от него, как горох от стенки.

В разгар его деятельности уже немислимо рождение во дворце идеи или проекта, которые не связывались бы с его именем.

И поныне он котируется на западных пропагандистских биржах как непреходящая, неувядающая историческая сенсация.

Он стал героем по меньшей мере 20 кинофильмов и телефильмов, поставленных голливудскими, мюнхенскими, лондонскими и прочими продюсерами только за последние 25 лет*.

Он стал героем десятков книг, включая специально ему посвященные поэмы, повести, романы и даже трилогии.

Но если отбросить псевдоромантическую шелуху и эротический гарнир (а того и другого больше чем достаточно в романах и фильмах о Распутине), то фигура эта выглядит несколько по-иному.

Проницательный и хитрый ум помогает ему освоиться с обстановкой императорских покоев, недоступных многим самым высоким сановникам империи. Неряшливый, невежественный мужик с плохо расчесанной бородой сидит вечерами за чайным столом царской четы, часами плетет витиеватую несурасицу о таинствах общения с небом и прочих туманных материях. Скрытой энергией пронизана его сухощавая, слегка сутулая фигура. Незнание этикета, корявость речи и неуклюжесть манер компенсируются наглой самоуверенностью. Он держится с Николаем и Александрой Федоровной спокойно, ласково и непринужденно. Войдя, целует с ними, обращается к ним на «ты», позволяет себе фамильярно и вместе с тем осторожно тронуть царя

* Таков, в частности, цветной фильм «Ich totete Rasputin» («Я убил Распутина») в постановке режиссера Робера Оссеина по одноименной книге Ф. Ф. Юсупова.

за руку, прикоснуться к его плечу. Пообвыкнув, «Распутин стучал на царя кулаком»*. Царь и царица называют его «Григорий Ефимович» или просто «Григорий», он их — «папа» и «мама».

Он начал в семейном кругу Романовых с роли божьего человека, знатока христианских догм, испытывающего постоянную жажду общения со всевышней силой. В его застольных проповедях — сначала перед царем, а потом в аристократических салонах — смешались мистическая евангельская фразеология со старым хлыстовским словоблудием о единстве плоти и духа. Его ведущий тезис: спасение души возможно лишь через грех и покаяние. Не нагресишь — не покаешься, не спасешься. Чем больше наблудишь, тем выше будет оценен подвиг покаяния там, в небесах.

В странствиях по монастырям он научился молиться крикливо и припадочно, бормотать священные тексты невнятно, заумно и отрывочно, и теперь, в царском дворце, все это ему пригодилось. От глашатая и пророка — один шаг до спасителя. Он олицетворяет и грех, и спасение, и блаженство. Он, кроме того, ниспослан провидением охранять династию, ограждая от опасностей и случайностей жизнь тяжело больного престолонаследника**.

За чаепитием в обществе старца семейство забывает о времени. Все в нем восхищает: и мурлыкающая скороговорка, и молитвенная экзальтация, и программа «чудес». С первых месяцев знакомства с ним Николай то и дело записывает***: «Снова собрались с нашим Другом»; «Слушали его за обедом и в продолжение всего вечера до часу (ночи)»; «И все бы слушать и слушать его без конца»; «Вечером имели утешение побеседовать с Григорием — с 9 часов 45 минут до 11 часов 30 минут»; «Вечером опять побеседовали с Григорием». Одна из записей фикси-

* Блок А. А. Последние дни императорской власти: Собрание сочинений. Изд-во «Правда». М., 1961. Т. 6. С. 335. Далее в сносках: «Блок, стр.». Значение данной работы Блока, цитируемой здесь и в дальнейшем, определяется тем, что поэт, будучи сотрудником Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, принимал непосредственное участие в допросах бывших царских сановников и министров, готовил к изданию материалы о их прошлой деятельности и взаимоотношениях, о совершенных против народа преступлениях.

** Алексей от рождения страдал гемофилией — болезнью несвертываемости (неспекаемости) крови. Малейший ушиб, порез или царапина, обычно пустяковые для нормального ребенка, грозили царевичу смертью. Эту болезнь он унаследовал от гессенского рода — в Германии ее жертвами не раз становились ближайшие родственники Александры Федоровны. Не без ловкости Распутин колдовал над больным, с помощью различных фокусов и ухищрений внушив и ему, и родне, что является единственным и незаменимым его лекарем и спасителем.

*** Из дневника Николая II за 1902–1906 гг. ЦГАОР.

рует, что Распутин прибыл в 3 часа дня, пробыл до вечера, при этом семья открыла ему доступ в свои интимные апартаменты: «Он обошел все наши комнаты». Он попал в царскую спальню. Его особенно интересовали такие укромные уголки. Он еще не раз сюда попадет*. Пока же царь записывает: «Сидел с нами Григорий». И долго еще, почти до конца царствования, даровано было Николаю II наслаждаться обществом трясуна: «Всякое от него слово для меня радость; при нем оживаю душой»**.

Эти многочасовые сидения царя с мужиком могли бы показаться сюжетом для квазинародного лубка, если бы не реальность способов, с помощью которых хитрый сибирский оборотень сыграл на некоторых психопатических чертах своей клиентуры.

Роберт Масси в своей 500-страничной монографии*** доказывает, что Распутин запугал царскую чету угрозой гибели сына. Это верно, но лишь отчасти. Старец запугал чету угрозой и ее собственной гибели. Он научился эксплуатировать страх царя и царицы. Уверовав в прочность своих внушений, в значительной степени гипнотических, он ездил на этом коньке до конца жизни. Усердное служение Распутина своим патронам не исключало ни нажима на них, ни даже прямого шантажа. «Став необходимостью для императрицы, он уже грозил ей, настойчиво твердя: наследник жив, пока я жив. По мере дальнейшего разрушения ее психики, он стал грозить более широко: “Моя смерть будет вашей смертью”****. Он говорил окружающим в Царском Селе, что, когда его не будет, тогда и Двора не будет»*****.

Распутин разглядел свою клиентуру, понял ее. Он с презрением отверг светский этикет, запрещающий громко сморкаться, плевать в обществе и чавкать за едой. Он смекнул, что салонного души

* Иеромонах Илиодор, друживший с Распутиным, в 1906 г. рассорился с ним и бежал в Норвегию, где издал книгу о его неблагоприятном поведении в покоях императрицы. Книга содержала тяжелую улику — собственноручное письмо царицы к Распутину, наводившее на мысль об интимной связи между ними. Министр внутренних дел А. А. Макаров с помощью своей агентуры выкрал в Христианин (Осло) подозрительные письма царицы и представил их царю. Николай устроил жене скандал, а бумаги бросил в камин (*Труфанов С. (Илиодор). Святой чёрт. Христиания, 1907*).

** *Rene Fulop-Miller. Der heilige Teufel. Berlin, 1931; Aron Simanovitsch. Der allmochtige Bauer. Hensel, Berlin, 1929, S. 134.*

*** *Robert Massie. Nicholas and Alexandra. An intimate account of the last Romanovs and the fall of Imperial Russia. Atheneum, New York, 1967.*

**** *Соколов Н. А. Убийство царской семьи. Берлин, 1925. С. 70. Далее в сносках: «Соколов, стр.»*

***** Там же. С. 73. Показания Матрены (Марии) Соловьевой-Распутиной.

из него все равно не получится, грубый же контраст с окружением может сыграть ему на руку. Его мужицкий вид и повадки придают ему во дворце «почвенный» колорит, «пейзанскую» занимательность, и он нарочито выставляет себя корявым, неотесанным. Наблюдения подсказали ему, что мистический выкрик или смутное заклинание зачастую производят на царскую чету более сильное впечатление, чем отработанный логический аргумент. Нечленораздельным бормотанием, таинственными завываниями старец отгоняет бесов от семьи, заговаривает гемофилию Алексея*, наколдovывает династии в целом благополучие и безопасность.

Молиственные бредни, не поддающиеся расшифровке и переводу на человеческий язык, производят сильнейшее впечатление. Слоняясь по монастырям, он научился загадочно тянуть слова и фразы, «божественно» мычать и бормотать — так, чтобы никто ничего не понял и вместе с тем проникся трепетом. Истинно святое такое косноязычие, в котором ничего не улавливается ни слухом, ни разумом. Чем туманней околесица, тем больше в ней магической силы, и тем выше ее цена. Конечно, если нужно, Григорий Ефимович может унизиться до нормальной человеческой речи. Но идет он на это неохотно.

Особенно усердствует он, когда находится в отъезде и с дальней дистанции хочет продолжать свое воздействие на царскую чету. Из Тюмени или Нового Афона идут во дворец телеграммы, которые непосвященному могли бы показаться плодом белой горячки, августейших же адресатов повергают в благоговение**:

«Увенчайтесь земным благом небесным венцом в пути с вами Григорий».

«Не опоздайте в испытании прославить господу своим явлением».

* Приступы у Алексея осложнились истерией и страхом матери. Успокоение, которое внушал ей Распутин, передавалось и сыну. Нечто вроде гипноза Распутин, по-видимому, применял и непосредственно на больном. Вечерами он приходил к Алексею в темную спальню, садился на край постели, в полумраке устремлял на него свой горящий взгляд, гладил по голове, сильным, не допускающим сомнения голосом рассказывал всякие небылицы, успокаивал, переключал внимание и усыплял. Он настолько приучил его к себе, к своему голосу, к этим ночным беседам с побасенками и прибаутками, что иногда больной при одном его появлении в спальне переставал стонать и плакать и на глазах у потрясенных чудом родителей утихал и засыпал.

** Цитируемые ниже тексты телеграмм, записок и высказываний Распутина частью взяты из документов, обнаруженных после февраля 1917 г. в делах приближенных царя, в том числе Горемыкина, Штюрмера и Воейкова, частью — из переписки Романовых, воспоминаний и записей современников. Некоторые из документов, цитируемых здесь, хранятся в ЦГАОР.

«Не забудьте владыке за гулянку по Костроме пусть носит духом радостно молюсь и цалую».

«Вставку государю императору владыко просит пропеть величание своеручно благим намерением руководит бог Григорий».

«Ставка государыне императрице письмо да здесь что то выбрано для меня скорби чертог божий прославит вас господь своим чудом».

«Славно бо прославился у нас в Тобольске новоявленный святитель Иоанн Максимович бытие его возлюбил дом во славе и не уменьшить его ваш и с вами любить архиепископство пушай там будет он».

«Ставка Вырубовой моего птенца из гнезда трепещущей пташки жалостливой мамы гостью опять на испытание понедельник я верю вам это ширма и для чего нам такая ширма они еще скажут загородить весь свет огородом что нам в пользу то дайте как волки овец ой не нужно твердыня это бог а узники дети его довольно пусь мой дух будет на небе не на земле Распутин Новых»*.

Об этих произведениях старца издаваемый Владимиром Бурцевым журнал в 1917 году восхищенно отзывался, что «писаны они хорошим русским языком, стилем крепким и ядреным». Впрочем, тут же было пояснено, что «по стилю они напоминают отчасти и язык начетчиков, отчасти условный воровской язык», то есть «многое, кажущееся нам непонятным и странным, его собеседниками воспринималось, по-видимому, легко»**.

Загадочно бормочет что-то старец на своем «ядреном» языке, но, когда обстоятельства требуют, он может и отступить от мистического словооборота. Тогда в его скороговорке улавливается реальный смысл. Ему то и дело приходится отрывать от всевышней силы, чтобы обслужить свою публику на земле. Речь идет о том, что А. Н. Хвостов уже после Февраля назвал распутинской «торговлей влиянием»***. Опираясь на свой авторитет во дворце, старец берет за мзду, конечно, — помочь любому ходатаю в любом затруднении. На комиссионных началах он обеспечивает сановнику желанную должность; промышленному магнату — интендантский заказ или концессию; банкиру — контрольный пакет акций; генералу — командование войсками; полковнику — генеральский чин;

* Ввиду неблагозвучности фамилии «Распутин» царь ввел приставку к ней «Новый» или «Новых», по возгласу малолетнего наследника, который, впервые увидев Распутина, воскликнул: «Этот дядя — новый!»

** Былое, 1917. № 5–6 (27–28). С. 228.

*** Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. М., 1924–1927. Т. 6. С. 73–119.

осужденному уголовнику — помилование; пленному германскому офицеру — освобождение*. Насколько более внятным становится в таких случаях его стиль, показывают следующие образцы эпистолярного наследия старца:

Председателю совета министров И. Л. Горемыкину:

«Дорогой старче божей выслушай ево он пусть твоему совету и мудрости поклонитца распутин».

Ему же:

«Милой дорогой старче божей простите застраной вопрос и забеспокойство меня просят сверой посылаю с любовью дайте труд ученый ей хватит Григорий».

Ему же:

«Дорогой божей старче выслушай их помощи ежели возможно извеняюсь Грегорий».

Дворцовому коменданту В. Н. Воейкову:

«Генералу Ваваикову милый дорогой надоело как напиши Рыхлову** пусть даст билеты бедные дорогой и не раз извеняюсь но куда я денусь плачут Распутин».

Ему же:

«Генералу Фавейкову дорогой милый это дело они страдают попусту увидишь старик некак 80 сказать начальнику шестой армии Григорий».

Ему же:

«Ставка генералу Вовейкову вот дорогой милый обидят инженера Кульжинского которому я слышал вы симпатизируете он мне устроил моих бедных минимум 150 и пристроил всего лишь месяц устройте его на место уходящего инженера Борисова начальника управления железных дорог Григорий».

Министру иностранных дел С. Д. Сазонову:

«Милый дорогой помощи изнывающему в германском плену требуют одного русского против двух немцев бог поможет при спасении наших людей Новых-Распутин».

Ему же:

«Слушай министр я послал к тебе одну бабу бог знает что ты ей наговорил оставь это устрой тогда все будет хорошо если нет намну тебе бока расскажу любящему Распутин».

* По свидетельству б. секретаря Распутина, во время войны через его руки проходило до 150 подобных записок ежемесячно (Симанович. С. 67–68).

** *Сергей Васильевич Рухлов* (1853–1918) — с 1909 по 1915 г. министр путей сообщения.

Здесь словарь старца эмоционально несколько приподнят, но вообще не чужд ему и жестковатый лаконизм. Хлопочущему о должности он однажды телеграфирует:

«Доспел тебя губернатором. Распутин»*.

Деловой момент иногда увязывается с мистическим. Приобщается к таким случаям один из ближайших друзей старца, архиепископ Варнава. Например, пока Распутин прозаически «доспевает» одного из своих клиентов на должность губернатора, Варнава по его поручению организует романтическое чудо в небесах.

«Варнава** только что телеграфировал мне из Кургана следующее.

«Родная Государыня, 14 июня, в день святителя Тихона чудотворца, во время обхода вокруг церкви в селе Барабинском в небе вдруг появился крест. Он всем был виден, минут пятнадцать. Так как церковь святая поет: «Крест царей — державе верных утверждение», то и радую вас сим видением. Господь послал нам сие знамение, дабы верных ему укрепить своей любовью. Молюсь за вас всех». Дай бог, чтобы это видение было добрым предзнаменованием, ведь кресты, появляющиеся в небесах, бывают такими не всегда»***.

Грубый фетишизм пронизана жизнь последних Романовых под сводами их дворцов. С легкой руки старца здесь привилась вековая примитивная техника колдования. Бьют бубны, предупреждают о недруге колокольчики, адресуется разным божкам молитвенная ско-

* Соколов Н. А. С. 68.

** Архиепископ Тобольский и Сибирский.

*** Письмо царицы к Николаю II от 17 июня 1913 года. Цитируемые ниже письма Романовых — Николая II, Александры Федоровны и Марии Федоровны находятся частью в советских архивах (например, в Центральном государственном архиве Октябрьской революции в Москве), а частью на руках у различных лиц за рубежом. Многие из этих документов были опубликованы в советских и зарубежных изданиях, в частности в следующих: 1. Николай Второй и Александра Федоровна. Переписка. М.; Л.: ГИЗ, 1923–1927. I–V. 2. Переписка Николая и Александры Романовых. «Слово». Берлин, 1922–1927. 3. The letters of the Tsaritsa to the Tsar. Intro by Sir Bernard Pares. 404 letters printed in original English. Were discovered in a black box at Ipatiev's house after the murder. Duckworth, London, 1923. 4. The letters of the Tsar to the Tsaritsa (1914–1917). Intro and notes by C. E. Vulliamy. London; John Lane. The Bodley Head. Dodd Mead, New York, 1929. 5. The letters of Tsar Nicholas and Empress Marie. Ivor Nicholson and Watson, London, 1937. 6. Edward J. Bing. The confidential correspondence between Nicholas II and his mother, dawager Empress Marie Feodorovna. Longmans-Green, New York, 1938. 7. Der letzte Zar. Briefwechsel Nikolaus mit seiner Mutter. Einleitung und kurze Eriauterungen von Wladimir V. Korostowetz. Alfred Metzner Verlag, Berlin, 1938. Приводимые ниже выдержки из писем Романовых на английском и немецком языках даны в переводе автора этой работы.

роговорка: чурбанчикам, пенькам, идолам, лепным и резным истуканчикам, амулетам, палке с рыбьей головой в виде набалдашника и пояску с вмонтированными в него священными цитатами. Юродствующий фетишизм прячется за внешним лоском европейской образованности, за изысканностью парадных выходов, за блеском балов и пиров.

«Наш первый друг Филипп*, — пишет Александра Федоровна супругу, — подарил мне образ с колокольчиком, который предупреждает меня о близости недобрых людей, мешает им подойти ко мне поближе. Я это чувствую, я могу таким способом и тебя оберегать от злых людей... Они знают, что, если в их замыслах что-нибудь не так, я это почувствую и отвергну. Все это не по моей воле, а сам Господь Бог желает, чтобы твоя бедная жена была твоей помощницей. Григорий всегда это говорил, и мсье Филипп тоже»**.

Сигнальную службу может нести и другой предмет, например палка.

«Посылаю тебе Его (Распутина. — М. К.) палку, которую он когда-то получил из Нового Афона, чтобы передать тебе. Он пользовался ею, а теперь посылает тебе в знак благословения. Если можешь, хоть иногда пользуйся ею. Мне приятно, что она будет стоять в твоём купе рядом с той палкой, которую в свое время трогал мсье Филипп»***.

Есть и другой интересный предмет: священные пояски.

«Они (военные. — М. К.) все любят такие пояски Григория, в которые вложены записки с разными молитвами. Я даю такие записки офицерам, отправляющимся на фронт. Два офицера, которых я прежде никогда не видела, попросили у меня пояски с молитвами отца Серафима. Мне говорили, что солдаты, носившие такие пояски в последнюю войну, все остались живы»****.

«Не забудь, — сопровождает Александра Федоровна инструкцией посылаемый супругу гребешок, — причесываться перед каждым трудным разговором и решением. Эта маленькая гребенка принадлежит

* Колдунами и чародейми последняя чета Романовых увлекалась издавна. Из отечественных прошли перед ней чередой: богомолка Дарья Осипова, странник Антоний, ворожея Матрена-босоножка, юродивый мещанин Митька Козельский и другие. Среди приглашенных из-за границы первыми были француз Папюс и австриец Шенк. Непосредственно Распутину предшествовал выписанный из Франции некий мсье Филипп. В прошлом он — лионский колбасник, затем фельдшер; преследовался французской полицией за шарлатанство. Его поселили рядом с царской спальней, чтобы он спиритическими, гипнотическими и иными приемами намолил чете сына-наследника (после четырех дочерей). Он же стал для Романовых чем-то вроде консультанта по вопросам государственного управления.

** Письмо царицы к Николаю II от 16 июня 1915 года.

*** Письмо царицы к Николаю II от 14 июня 1915 года.

**** То же, от 20 сентября 1915 года.

нашему Другу. Она придаст тебе силы». И потом — еще раз: «Не забудь перед совещаниями несколько раз причесываться Его гребенкой»*.

Путешествующей по Новгородской губернии царице представили столетнюю богомолку, носящую вериги. Описав мужу эту встречу, царица добавляет: «Тебе старица посылает яблоко. Пожалуйста, съешь его».

В другой раз царь просил жену передать А. А. Вырубовой, что «я видел ее брошь, приколотую к иконе, и касался ее носом, когда прикладывался»**.

Казалось, разнообразие способностей, проявленных Распутиным, предельно. Он проповедник благочестия и содержатель дома свиданий на Гороховой, 64; гипнотизер и дегустатор, знаток евангелических догм и врачеватель. До поры до времени одного только не хватало в этом комплексе: контакта с прессой.

И однажды старец этот пробел возместил. Совершилось в Петрограде диво преобразования бродячего богомольца в литератора и общественного мыслителя.

Владея ограниченным умением скомпоновать из каракулей записку в 5–10 строк, он ухитрился в 1910 году издать в Петрограде серию собственных теологически-философских опусов на тему о смысле и сущности бытия (под общим заголовком «Благочестивые размышления»); а кроме того, он дал петербургской прессе ряд интервью, в которых с необыкновенной живостью начертил пути, какими, по его мнению, должны следовать в будущее и династия, и империя.

Кто были его соавторы — тайна сия невелика есть. Кем писались для него теологические труды, тем и готовились для прессы и его программно-политические откровения. Одно из таких откровений явственно воспроизводит германофильские установки сановников типа Шванебаха и Нейгардта.

В своем интервью Распутин заявляет, что «русские не могут обойтись без иностранцев». На стороне иностранцев — «машина», у русских только «душа». Пусть насаждают «разные там немцы или турки» — беды нет:

«Что иностранцы прут к нам — это хорошо». Если же его, Распутина, спросят, что в этом, собственно, хорошего, он должен будет откровенно сказать, что будущее России, по его мнению, все равно безнадежно: «Все равно от них (русских. — М. К.) ничего не останется. Как-нибудь потом вспомнят, что были, а их уже не будет». Что же делать русским в предвидении такой перспективы, то есть грядущего прихода немецкой «машины», в результате которого от России «ничего

* То же, от 3 декабря 1915 года.

** Письмо Николая II к царице от 26 февраля 1917 года.

не останется»? А ничего: сидеть «любовно и тихо, смотря в самих себя». Пока русские будут «сидеть любовно и тихо», он, Григорий Ефимович, поможет «мамаше», Шванебаху и Нейгардту как-нибудь столкнуться с «прущей машиной»*.

То же не раз говорил он при иных обстоятельствах и встречах. Его германофильство было «убежденным, активным и настойчивым» и понижалось «концепцией русского самоуничтожения и самоуничтожения»**. Своему секретарю он внушал: «На нее (кайзеровскую Германию) надо нам равняться, ей в рот и смотреть... Она — сила, купец ее — сила... Русский привык к немецким товарам. Немец умеет работать. Немец молодец»***. Нелегко определить, какая доля его воззрений исходила из его собственного понимания вещей — эту способность сильно сковывала его некультурность (он не умел читать, не знал книг и документов, не разбирался в карте мира, о малых и иных средних государствах никогда не слышал). Во всяком случае, среди наблюдавших его были убежденные в том, что он, при всей изощренности своего хитрого ума, все же в главном лишь повторяет под-сказываемое ему. Принципиальная основа представлений — чужая, форма практического истолкования — своя.

Вот мнения некоторых из тех, кто судил о нем не только понаслышке: «Я решительно отказываюсь видеть в нем самодовлеющую личность. Он не был ею, и в своей политической роли он подчинялся, вследствие своего невежества, чьим-то директивам»****.

«Мало-помалу Распутин вошел в личную жизнь царской семьи. Для государыни он был святой. Его влияние в последние годы было колоссально. Его слово было для нее законом. Он и наедине принимался ее величеством... Она была совершенно обусловлена волей Распутина... Она вмешивалась в дела управления. Но в действительности она в этом имела не свою волю, а волю Распутина»*****.

Николай Николаевич упрашивал своего племянника «прогнать гнусного мужика»^{6*}. Его величество не только не внял этим уговорам, но и считал своим приятным долгом регулярно осведомлять Григория Ефимовича о домогательствах дяди. «С тех пор Распутин

* Петербургская газета, 1913, 13 октября.

** *Charles Omessa*. Rasputin and the Russian court. London, 1938, p. 89.

*** *Симанович А. С.* Воспоминания личного секретаря Г. Е. Распутина. Рига: Изд-во «Ориент», 1921. С. 117.

**** *Соколов. С.* 78.

***** Там же. С. 88.

^{6*} *Maurice Paleologue*. Am Zarenhof wahrend des Weltkrieges. Tagebuecher u. Betrachtungen. Muenchen, 1931. B. II. S. 161.

не растает с мыслью об отмщении»*. Как только сложилась благоприятная для этого обстановка неудачи на фронтах в дни мировой войны, перелом в настроениях Двора в пользу сепаратного мира, противником которого был Верховный главнокомандующий, группа Распутина дала Николаю Николаевичу бой и одолела его.

В августе 1915 года, следуя настойчивым рекомендациям Распутина, поддержанным царицей, царь отстраняет от должности дядю и возлагает обязанности Верховного главнокомандующего на себя. Так и не успев Николай Николаевич осуществить свою заветную мечту, которой он еще в конце 1914 года поделился со штабными офицерами: буде Григорий Ефимович мелькнет в Ставке или хотя бы где-нибудь во фронтовой полосе, повесить его на первом же суку с последующими извинениями перед царской четой за недоразумение, объяснимое условиями военного времени.

Он был живуч и неуязвим, достопочтенный старец. Кроме того, ему долго везло. Не первым и не последним был Николай Николаевич в ряду тех, кто пытался оборвать эту скандальную эпопею, но потерпел неудачу.

Его авторитет в глазах царской четы непререкаем. Влияние незыблемо. Недруги работают ожесточенно, но впустую. Теперь его роль во Дворце уже не ограничивается, как бывало, душевспасительными беседами за вечерним чаем. Его экзотические застольные монологи маскировали определенную программу и холодный расчет.

Цель, какую поставил перед собой Распутин (точнее — какую поставили перед ним тайные силы, проложившие ему путь), сводилась к тому, чтобы, упрочившись во Дворце с помощью проповедей и фокусов, прибавить силы дворцовой прогерманской группе, влиять на ход политических дел в ее интересах, а буде окажется возможным — в интересах той же германофильской партии забрать верховную власть.

Утвердившись на страхе, маниях и психопатической ущербности некоторых больных людей из Царскосельского дворца, поднялся над Россией в последнее десятилетие царизма — по выражению Коковцова — «тобольский варнак»**, повернул к России — по выражению Шульгина — «свою пьяную и похотливую рожу лешего-сатира из тобольской тайги»***.

Он не раз говорил в узком кругу, что «войны нашего царя с германским» не допустил бы, кабы в дни июльского кризиса был в Петербурге. Если есть в этом какое-то преувеличение, то есть и зерно реального. Как известно, в самом начале Первой мировой войны старец очутился в тюменской больнице с тяжелым ранением, которое нанесла ему уда-

* Ibid. В. II. С. 174.

** Коковцов В. И. Из моего прошлого. Париж, 1933. С. 1–87.

*** Шульгин В. В. Дни. Л., 1926. С. 75. Далее в сносках: «Шульгин, стр.».

ром ножа его бывшая поклонница Феония (Хиония) Гусева, присланная из Царицына в Покровское иеромонахом Илиодором, врагом Распутина. Позднее корреспонденту лондонской газеты «Таймс», разъезжавшему по Сибири, рассказали в тюменской больнице, что, «когда Распутину в палате вручили высочайшую телеграмму с известием о начале войны, он на глазах у больничного персонала впал в ярость, разразился бранью, стал срывать с себя повязки, так что вновь открылась рана, и выкрикивал угрозы по адресу царя*». А прибыв после излечения в Петроград, сказал дворцовому коменданту: «Коли бы не та стерва, что меня пырнула, был бы я здесь и не допустил бы до кровопролития... А тут без меня все дело смастерили всякие Сазоновы да прочие министры окаянные...»**. Да и дочь старца Матрена (Мария), месяц просидевшая в Тюмени у его постели, засвидетельствовала в эмиграции:

«Отец был горячим противником войны с императорской Германией. Когда была объявлена война, он, раненный Хионией Гусевой, лежал тогда в Тюмени. Государь присылал ему телеграммы, прося у него совета... Отец всемерно советовал государю в своих ответных телеграммах «крепиться» и войну Вильгельму не объявлять»***.

Германофильство Распутина питалось твердым и постоянным убеждением (очевидно, внушенным ему инспираторами), что стабильность романовского престола лучше всего гарантируется союзом с кайзером. И он со всем рвением включается в игру сплотившейся вокруг императрицы пронемецкой группы. Он был по-своему верен Романовым, и если предавал, то для их блага.

Он был для них находкой. Они еще в 1902 году удачно распознали его возможности.

В зависимости от обстоятельств, влияние Распутина на ту или иную государственную акцию может быть косвенным или прямым. И все же, по мнению современников, в общем и целом ко времени Первой мировой войны «его деятельность все более походит на параллельное самодержавие»****.

С увольнением Николая Николаевича убрано существенное препятствие с пути «параллельного самодержавия». К тому же у царя свои счеты с дядей. Николай не может простить ему высказывания в пользу «дарования свобод» в петергофском коттедже в октябре пятого года.

* *Вильтон (Уилтон) Роберт*. Последние дни Романовых. Берлин: Изд. «Град Китеж», 1923. С. 43–44.

** *Юсупов Ф. Ф.* Конец Распутина. Париж, 1927. С. 116.

*** *Соколов*. С. 68.

**** *Otto von Taube*. Rasputin. Zurich; Bern, 1929. S. 22.

Он подозревает, что дядя мечтает захватить трон. Германофилы напештывают ему о происках, могущих «привести к диктатуре Николая Николаевича, а может быть, и к его восшествию на престол... Об этих слухах знали и полиция, и контрразведка. Не мог не знать о них и государь. Попали ли в его руки какие-либо доказательства — не знаю, но в переписке императрицы все время звучит нотка опасения перед влиянием великого князя»*.

Приближенные царя возражали против его самоназначения Верховным главнокомандующим. Не было единодушного «за» даже в группе Распутина.

Например, «когда царь сказал Фредериксу о решении принять на себя главнокомандование, граф сразу высказался против»**. И многие другие «предостерегали его от опасного шага... Мотивами выставлялись, с одной стороны, трудность совмещения управления (страной) и командования, с другой — риск ответственности за армию в столь тяжелые для нее времена... Был страх, что отсутствие знаний и опыта у нового верховного осложнит и без того трудное военное положение»...*** И в самом деле, что тут было гадать: «Все знали неподготовленность государя, достигшего на военной службе лишь скромного положения полковника одного из гвардейских полков»****. К тому же «он и в общем-то был человеком среднего масштаба... не по плечу и не по знаниям ему было непосредственное руководительство войной...»*****. Естественно, что «вступление его в командование было встречено недоверием и унынием. Весь его внутренний облик мало соответствовал грандиозному масштабу этой войны»^{6*}. И все же «несмотря на единодушный (отрицательный) совет всех членов правительства перемена состоялась»^{7*}.

23 августа 1915 года императорский поезд подходит к Могилеву, куда решено переместить Ставку. Из вагона выходит новый Верховный главнокомандующий в сопровождении вновь назначенного (на место Н. Н. Янушкевича) начальника штаба — генерала М. В. Алексева, который с марта того же года командовал Северо-Западным фронтом, а теперь отозван.

* Мосолюв. С. 22.

** Там же. С. 18.

*** Деникин А. И. Очерки русской смуты. Париж. 1923. Т. 1. Вып. 1. С. 33.

**** Данилов В. Н. Воспоминания // Архив русской революции. Т. XIX. С. 213–217.

***** Там же.

^{6*} Данилов В. Н. Великий князь Николай Николаевич. Париж, 1930. С. 274.

^{7*} Мосолюв. С. 22.

Под штаб отведено в городе двухэтажное здание. На крыше поставлены для защиты от цеппелинов и аэропланов 18 пулеметов. Наружную и внутреннюю охрану несут полторы тысячи солдат. Царь занимает в доме две комнаты: одна служит рабочим кабинетом, другая — спальней. Рядом со своей кроватью Николай позднее велел поставить койку для наследника, которого стал возить на фронт для показа войскам...

Распутин, интригуя против Николая Николаевича, знал свою цель. Он видел, куда метит. С августа 1815 года начинаются сдвиги не только в аппарате военного руководства, но и в системе общей администрации. Суть перемены: «Став Верховным главнокомандующим, император тем самым утратил свое центральное положение, и верховная власть... окончательно расплылась в руках Александры Федоровны и тех, кто за ней стоял»*.

Отныне царь сидит в Могилеве, за восемьсот верст от столицы, а в его отсутствие «с изумительной энергией принимается за дела», то есть полновластно распоряжается, Александра Федоровна, хотя «законных полномочий на это она не имеет, да и действует она по указанию Распутина, зачастую помимо или даже наперекор желаниям царя»**. С этого времени «столица со всей своей политической жизнью переходит на какое-то странное, нелепое, я бы сказал, нелегальное положение: настоящего кабинета нет; председатель его престарелый Горемыкин не может достигнуть единомыслия со своими министрами; одни из них сами ездят (за указаниями) в Ставку, другие — в Царское Село; полностью отсутствует единство в управлении; работа идет, но никто ею не руководит»***.

Царица регулярно совещается со старцем и вместе с ним выносит решения. Обычное место этих встреч — царсосельский домик А. А. Вырубовой (названный А. Д. Протопоповым «папертью власти»). Письма царицы в Ставку пестрят сообщениями о таких встречах и совещаниях****:

«Аню видела мельком. Наш Друг пришел туда со мной переговорить»... «Я собираюсь пойти к Ане, чтобы встретиться с нашим Другом»... «Наш Друг вчера побыл у Ани, он был так хорош... много расспрашивал и о тебе»... «Пошла к Ане и просидела там до пяти часов, переговорила там с Другом»... «Вновь собираюсь повидать у Ани Друга»... Когда Распутин пребывает вне Царского Села, Александра

* Блок. С. 8.

** Мосолов. С. 24.

*** Там же. С. 22.

**** Из писем царицы к Николаю II в 1915–1916 годах.

Федоровна доводит до сведения супруга его советы и наказания, переданные на расстоянии. «Что за прелестная телеграмма от нашего Друга»... «Очаровательная телеграмма от Друга, она доставит тебе удовольствие»... «Переписал ли ты для себя на особом листе и эту Его телеграмму?» «Держи эту бумагу перед собой... вели ему (Протопопову. — М. К.) больше слушаться нашего Друга, это принесет ему счастье, поможет ему в его трудах и твоих».

Реакция Николая: «Нежно благодарю тебя за твое милое письмо и точные инструкции для разговора моего с Протопоповым»*.

В устах самодержца, который 23 года столь непримиримо отстаивал свое божественное право на единоличную власть, благодарность за «точные инструкции» может с первого взгляда показаться иронической. Но Николай не иронизировал. Наставления царицы давались и принимались всерьез. Она под диктовку Распутина записывала для царя указания, и тот со скромным «спасибо» их принимал. Бывали, впрочем, исключения. Однажды царь в письме к супруге выразил сомнение, следует ли (а она именно этого требует) оставлять не вполне нормального А. Д. Протопопова на посту министра внутренних дел. Предвидя, что Распутин вступится за него, Николай добавляет: «Только прошу тебя, дорогая, не вмешивай в это дело нашего Друга. Ответственность несую, и поэтому мне хотелось бы быть свободным в своем выборе»**. Царица пишет: «Мой милый!.. Я, может быть, недостаточно умна, но у меня сильно развито чувство, а оно часто помогает больше, чем ум. Не смей никого до нашей встречи, давай спокойно все обсудим вместе»***.

Николай послушался, оставил Протопопова в должности, в какой тот и состоял до Февральской революции.

Если сопоставить даты царицыных писем, содержащих наставления Распутина, с датами императорских указов тех дней, — отчетливо видишь, каким обширным было влияние старца на ход государственных дел.

Без его согласия или рекомендации не может состояться почти ни одно важное решение или назначение.

Его отзыва достаточно, чтобы сановник лишился поста или, напротив, получил под свой контроль еще более важное министерство или ведомство.

В последние годы царизма уже не происходит ни одного крупного назначения или перемещения, которое прямо или косвенно не было бы делом рук Распутина.

* Письмо Николая II к царице от 28 сентября 1916 года.

** То же, от 2 декабря 1916 года.

*** Письмо царицы к Николаю II от 10 ноября 1916 года.

Он провел назначение на пост военного министра В. А. Сухомлинова (прослужил с 1909 по 1915 год), а когда последнего сменил более честный и дельный А. А. Поливанов (прослужил с 13 июня 1915 по 13 марта 1916 года), Распутин добился его устранения с этого поста.

Им было проведено назначение на пост министра внутренних дел А. Н. Хвостова (1915 год).

По его настоянию та же должность была дана А. Д. Протопопову (занимал ее с сентября 1916 по февраль 1917 года).

По его рекомендации был назначен председателем Совета министров И. Л. Горемыкин (состоял в должности с января 1914 по январь 1916 года).

Он добился назначения на тот же пост В. В. Штюмерера (прослужил с января по ноябрь 1916 года).

Уже после его смерти был назначен на тот же пост рекомендованный им Н. Д. Голицын (во главе правительства с декабря 1916 по февраль 1917 года)*.

Его ставленниками на министерских и иных ответственных постах были Л. А. Кассо, И. Г. Щегловитов, Г. Ю. Тизенгаузен, С. В. Рухлов, П. Г. Барк, И. Л. Татищев, В. Н. Воейков, А. А. Риттих, Н. А. Добровольский, С. П. Белецкий и другие. Все они и им подобные получили свои должности лишь после того, как обязались перед Распутиным выполнять его личные требования и подчиняться его указаниям. Главный показатель пригодности деятеля к государственной работе степень преклонения перед достопочтенным Григорием. Если министр покорен старцу — он хорош; если не благоговеет — подозрителен, лучше от него избавиться. На этой основе в годы войны было назначено и смещено около двадцати министров и несколько председателей Совета министров.

Постепенно этот принцип переносится с гражданской сферы в военную. Старцу хочется побольше знать о фронтовых делах, больше того — он желает регулировать их. Из своей квартиры на Гороховой, 64, сибирский леший тянется и к военной информации, и к военному руководству. С лета 1915 года выявляется его претензия на участие в планировании операций, на постановку задач армиям и фронтам. Опираясь на сведения, добываемые через Александру Федоровну, он пытается давать военно-политические установки главному командованию. Как ни парадоксально, в советах, исходивших от тюменского шамана, вовсе не было сумбура

* О происках распутинской группы вокруг военного ведомства см.: *Сухомлинов В. А.* 1) Дела и дни. Дневники. Т. 1 — 1920. Т. 2 и 3 — 1922; 2) Воспоминания. Берлин: Русское универсальное издательство. 1924; *Поливанов А. А.* Из дневников и воспоминаний военного министра. М., 1924.

или бессмыслицы. В них была своя логическая последовательность, обусловленная определенной идеей: неуклонным снижением активности вооруженных сил продемонстрировать перед Вильгельмом уступчивость, готовность к примирению. А в подходящий момент заключить с ним сепаратный мир, чтобы при его поддержке перейти во внутреннее наступление во имя спасения и укрепления царского трона.

Задача не из легких... Слишком много крови пролито уже на первом этапе войны, чтобы можно было выдать бойню за дипломатическое недоразумение...

В квартире Распутина, на Гороховой, 64, сквозь зашторенные окна третьего этажа до поздней ночи пробивался гул. В нем смешались застольные речи, молитвенные песнопения, цыганский гитарный перезвон, топот пляски, мужские нетрезвые выкрики и дамское повизгивание. К подъезду в полукруглом дворике за аркой подкатывают нарядные фаэтоны, дорогие автомобили и обыкновенные извозчичьи пролетки. За самыми солидными из визитеров выбираются из экипажей лакеи, несут вверх по лестнице ящики с винами, корзины со снедью и цветами.

Некоторые из визитеров предпочитают пробраться вверх не парадным, а черным ходом, и не днем, а ночью. Цветистой кавалькадой тянутся к старцу министры, рестораторы и биржевые маклеры; князья, адвокаты и торговцы бриллиантами; фрейлины, банщики и театральные антрепренеры. Под покровом вечерней мглы проскальзывают сюда отставные или еще действующие главы российского правительства Горемыкин, Штюрмер, министры Хвостов и Протопопов, шеф департамента полиции Белецкий, сановники Краммер и Шванебах, архиепископ Варнава, князь Феликс Юсупов, тот самый, от руки которого хлебосольный старец через два года примет смерть.

С 1915 года в потоке посетителей квартиры все чаще начинают мелькать военные — офицеры и генералы, обычно приводимые сюда князем Андрониковым. Как бы само собой получается, что замешиваются в толпу гостей также дамы и господа, по различным обстоятельствам разъезжающие по районам фронтов, колесящие по расположению действующих армий.

Грубые манеры и постоянное пребывание под хмельком не мешают Распутину цепко держать эту разномастную публику в руках. Опирается он при этом на своих приближенных, куда входят: А. А. Вырубова, М. М. Андроников, А. В. Сухомлинова (супруга военного министра), д-р Бадмаев, Д. Л. Рубинштейн (именуемый Митряем или Митькой) и А. С. Симанович (именуемый Симочкой). Привычку старца давать прозвища приписывали тогда его крестьянскому чувству юмора, склонности к шутке (Протопопов — «Калинин», Горемыкин —

«Глухарь», Штюрмер — «Тюря», «Старикашка», Варнава — «Мотылек», Воейков — «Вивека» и так далее). «Эта его манера коверкать фамилии казалась забавной и многим в нашей среде очень нравилась»*.

А. А. Блок писал, что люди «в самых верхах» империи «окрестили друг друга и тех, кто приходил с ними в соприкосновение, такими же законспирированными кличками, какие были в употреблении в самих низах — в департаменте полиции»**.

Война затруднила германский шпионаж в России, но отнюдь не преврала его и даже не очень ослабила. Уже нет у немцев передаточного пункта в Вержболове — там проходит фронт; но создан такой пункт — и назван он «Зеленым центром» — в Стокгольме. Руководит им посол в Швеции фон Люциус, по линии абвера тесно связанный в Берлине с кайзеровским обер-шпионом полковником Николаи. Кто и где работает на Люциуса, то есть на Николаи? Антантовские секретные службы доносят своим правительствам, что в ходе военных действий на востоке Европы германское командование обнаруживает странную осведомленность: оно зачастую наносит удары с точностью, какую обычными средствами фронтовой разведки обеспечить невозможно. Как ни слабо поставлена русская контрразведывательная служба, но и она от времени до времени обращает внимание ставки царя на те же подозрительные обстоятельства. Нет сомнения, настаивают с обеих сторон, что противнику удастся столь точно бить по определенным целям потому, что ему подают сигналы агенты, орудующие где-то в глубине русского тыла.

Летней ночью 1915 года петроградская контрразведка вторгается в отель «Бельвю» на Большой Морской и устраивает обыск в номере 28, занятом князем М. М. Андрониковым.

Этого человека знал весь официальный Петроград. И все же известно о нем было не слишком много. В 1942 году один из немецко-фашистских авторов огласил некоторые подробности жития данного субъекта***. Родился и вырос Андроников в Германии; его мать — баронесса Унгерн-Штернберг. По приезде в молодые годы в Россию связался с «Союзом русского народа», сдружился с петроградским градоначальником фон дер Лауницем, издавал газетку «Голос русского».

Но кое о чем коричневый автор умолчал. О том, что с годами Андроников вошел в доверие к Распутину и стал одним из самых близких

* Воейков. С. 69.

** Блок. С. 9.

*** Werner Gruhn. Der Zar, der Zauberer und die Juden. Mit 19 Abbildungen, Nibelungen Verlag, Berlin — Leipzig, 1942. S. 285.

к нему и доверенных лиц. «Это дрянная личность, — отзывался о нем бывший премьер С. Ю. Витте. — Сыщик не сыщик, плут не плут... Постоянно о чем-то хлопочет, интригует, ссорит между собой людей... Втирается ко всем министрам... влез и ко мне в служебный кабинет... Ближайший друг Сухомлинова, его супруги, министра внутренних дел Макарова, бывает и у Коковцова, который сказал о нем: “Большая дрянь”»*.

Неведомо какими путями Андроников во время войны раздобыл пропуск в расположение 12-й армии и повадился ездить туда к знакомым офицерам-аристократам. В Петрограде познакомился в «Астории» и «Европейской» с офицерами-отпускниками, привозил их на Гороховую, 64, угощал и знакомил с женщинами. Своей квартиры в столице не имел, проживал в «Бельвю», где за перегородкой оборудовал приватное делопроизводство: здесь прятал добытые на фронте и в тылу военные документы, а также составлял по запросам из Германии справки о судьбе попавших в русский плен германских офицеров. В ходе обыска в «Бельвю» агенты контрразведки среди прочих документов обнаружили составленную генералом Епанчиным записку о состоянии армейских резервов и вооружения. Зачем и для кого она писалась? Этого на допросе не смогли вразумительно пояснить ни Епанчин, ни Андроников. Из последовавшего по этому случаю приказа можно было узнать, что генерал Епанчин «по повелению Верховного главнокомандующего увольняется от службы без права ношения мундира за составление записки, в которой он, Епанчин, позволил себе изложить весьма секретные сведения военного характера». Андроникову же и вовсе ничего не сделалось; он остался на свободе и продолжал свои темные занятия до декабря 1916 года, когда, за исчезновением старца в невской проруби, военно-информационная биржа на Гороховой, 64, закрылась навсегда. Затем царь приказал сослать Андроникова в Рязань.

Летом 1916 года полковнику Николаи удастся совершить одну из крупнейших диверсий периода Первой мировой войны. В обстановке исключительной секретности из британской гавани Скапа-Флоу выходит курсом на Архангельск крейсер «Хэмпшайр»: он везет в Россию на переговоры о координации межсоюзнических оперативных планов фельдмаршала лорда Герберта Китченера, военного министра. 5 июня германская подводная лодка «У-22», поджидавшая английский крейсер в указанном ей квадрате у Оркнейских островов, торпедирует и пускает ко дну корабль, вместе с экипажем погиб и Китченер. Долгие годы

* *Bumme С. Ю.* Воспоминания в трех томах. М., 1960. II — 44. III — 384.

после этого (вплоть до нацистских времен)* в Германии оспаривали нападение «У-22» на «Хэмпшайр», утверждая, что крейсер подрывался на mine. Однако расследование, предпринятое тогда же английской службой «Сикрет сервис» совместно с контрразведывательным отделом Скотланд-Ярда, выявило, что «Хэмпшайр» был взорван торпедой с подводной лодки и что сведения о его рейсе стокгольмский «Зеленый центр» фон Люциуса несколько ранее получил из Петрограда от некоего Шведова, завсегдажая квартиры 20 на Гороховой, 64. Подтвердил эти данные в 1921 году в своих мемуарах бывший секретарь Распутина**. Вслед за ним в 1924 году в интервью для западной прессы, воспроизведенном и в советской печати, подтвердил то же бывший жандармский генерал М. С. Комиссаров***, в свое время ведавший охраной Распутина. То же заявил в своих опубликованных в Лондоне в 1933 году мемуарах бывший инспектор контрразведывательного отдела Скотланд-Ярда Герберт Фитч. Из книги же Симановича можно узнать, что Николай II, встревоженный упреками из Лондона, попросил Распутина «указать виновника гибели Китченера». Распутин, по словам автора, указал на Андроникова и Воейкова, но «царь не тронул ни того ни другого»... Шведов, однако, незадолго до Февральской революции был осужден и повешен.

К тому же примерно времени относится дело группы киевских сахарозаводчиков (Хепнер, Добрый и Бабушкин), умудрившихся во время войны наладить снабжение немцев русским сахаром. Всем троим грозила смертная казнь через повешение. Они обратились за помощью на Гороховую, 64. Однако спасти обвиняемых оказалось трудным делом даже для Распутина, потому что арестованы они были по приказу Брусилова (командующего Юго-Западным фронтом), генерал же и слышать не хотел о представлениях в их пользу, даже идущих от царицы. Лишь когда Николай повелел передать дело из военного судопроизводства в гражданское, спекулянты почувствовали себя ушедшими от пели; в конце же шестнадцатого года дело было и вовсе прекращено.

За самоваром в квартире 20 весной того же года банкир Д. Л. Рубинштейн просит Распутина узнать у царя дату предполагаемого русского на-

* Упомянутый выше Вернер Грюн, ярый гитлеровец, в той же своей книге, изданной в 1942 году в лейпцигском издательстве «Нибелунген», всячески выгораживает Распутина и Андроникова, «как не имевших абсолютно ничего общего с германской разведкой». Он ссылается, между прочим, на выступление по германскому радио 5 января 1940 года адмирала фон Лютцова, который, «еще раз коснувшись давнего эпизода с “Хэмпшайром”, еще раз убедительно осветил правду о его гибели на mine».

** Симанович. С. 92–96.

*** Комиссаров М. С. Интервью об обстоятельствах гибели Китченера в 1916 году. Л.: Изд-во «Красная газета», 17 декабря 1924 года.

ступления в Галиции. В ближайший свой визит во дворец божий человек, как бы между прочим, вклинивает в застольные диалоги такой вопрос:

— «Будешь ли наступать?»

— Наступления не будет, Григорий Ефимович, — отвечает высокий собеседник.

— Когда же будешь наступать?»

— Ружей будет достаточно только месяца через два. Тогда и наступать буду, раньше не могу»*.

Узнав об этой беседе за царским столом, министр Хвостов спрашивает старца, почему, собственно, его интересуют предметы, столь далекие от Ветхого и Нового завета, а также от проблемы взаимозависимости духа и плоти? Следует объяснение: «Митяй» замыслил куплю-продажу лесных угодий в западных губерниях; он не знает, как пойдут военные события, и в зависимости от сведений решит — приступить к сделкам или воздержаться.

«Нужны ли были ему эти сведения, чтобы купить леса, или для того, чтобы по радиотелеграфу сообщить в Берлин и сделать для немцев возможной переброску 5–6 корпусов с русского фронта на Верденский — это теперь уже установить трудно»**.

Тот же Д. Л. Рубинштейн, глава Русско-Французского банка и страхового общества «Якорь», в 1915 году был арестован по обвинению в систематической передаче своим партнерам в нейтральных странах сведений о движении застрахованных в «Якоре» русских транспортов с военными грузами. Немцы, перехватывая информацию, топили эти корабли. Рубинштейну грозила виселица. Но после вмешательства Романовых и Распутина он в 1916 году был выпущен на свободу.

От Распутина у царской четы не было государственных секретов, в том числе военных. Он спрашивал, о чем хотел, и они отвечали ему на любые вопросы, какие он ставил. Без всякого риска навлечь на себя подозрение или хотя бы упрек в излишнем любопытстве он запрашивал информацию, доступ к которой закрыт был не только большинству старших офицеров, но и многим генералам. Переписка четы Романовых 1914–1916 года оставляет впечатление, словно и царь и царица озабочены были тем, как бы не прошло мимо внимания Григория Распутина ни одно важное военное событие.

«Наш Друг, — сообщает супругу в Ставку Александра Федоровна, — все молится и думает о войне. Он говорит, что необходимо, чтобы

* Симанович. С. 133–136.

** Падение царского режима. Стенографические отчеты Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Показания А. Н. Хвостова. Т. 1. С. 31–32.

мы Ему тотчас же сообщали обо всем, как только происходит что-нибудь особенное». Строкой ниже: «Он сделал выговор за то, что Ему своевременно об этом на сообщили»*.

Как видим, «Друг» не только просит, но и требует сведений.

Несколько ранее Николай посылает из Ставки своей супруге целое оперативное донесение об обстановке на фронте, в котором содержатся секретнейшие сведения. «Теперь, — пишет Верховный главнокомандующий, несколько слов о военном положении: оно представляется угрожающим в направлении Двинска и Вильны, серьезным в середине к Барановичам... Серьезность заключается в страшно слабом состоянии наших полков, насчитывающих менее четверти своего состава; раньше месяца их нельзя пополнить... а бои продолжаются и вместе с ними потери». И далее — там же: «Тем не менее прилагаются большие старания к тому, чтобы привезти какие возможно резервы из других мест к Двинску... Вместе с тем на наши железные дороги уже нельзя полагаться, как прежде. Только к 10 или 12 сентября будет закончено наше сосредоточение, если, боже упаси, неприятель не явится туда раньше нас»**.

К концу послания автор деликатно приписывает: «Прошу, любовь моя, не сообщай этих деталей никому, я написал их только тебе». Уже одно то, что он оговорил такое условие, предполагает, что нераспространение подобных сведений не было для его адресата чем-то само собой разумеющимся. К тому же Распутин под это условие не подпал, и из ответного письма царицы явствует, что тот с этими данными сразу же и ознакомился. Тем не менее Николай продолжает снабжать супругу сверхсекретными военными отчетами.

«Несколько дней тому назад, — пишет он в другой раз, — мы с Алексеевым решили не наступать на севере, но напрячь все усилия немного южнее». Он и тут как будто спохватывается: «Но, прошу тебя, никому об этом не говори, даже нашему Другу. Никто не должен об этом знать»***.

Спустя два дня он снова просит супругу обращаться осторожно с военными тайнами. Однако действенностью своих предупреждений не интересуется, ответные сообщения жены о военных консультациях с «Другом» принимает равнодушно. А вскоре — снова: «Теперь на фронте временное затишье, которое прекратится только числа 7-го; гвардия тоже должна принять участие, потому что пора прорвать неприятель-

* Письмо царицы к Николаю II от 22 декабря 1915 года.

** Письмо Николая II к царице от 31 августа 1915 года.

*** Письмо Николая II к царице от 5 июня 1916 года.

скую линию и взять Ковель»*. А затем сообщает жене факт, который уж никак нельзя было доверять бумаге: «Завтра начинается наше второе наступление вдоль всего брусиловского фронта. Гвардия продвигается к Ковелю»**. На этот раз и оговорки о секретности нет; из ответных писем царицы видно, что она и эту информацию передала Распутину.

Александра Федоровна сообщает Николаю: «Он (Хвостов. — М. К.) привез мне секретные маршруты, и я никому ни слова об этом не скажу, только нашему Другу»***. Позднее, перед Чрезвычайной комиссией Временного правительства, С. П. Белецкий засвидетельствовал, что «немцы знали маршруты и время прохождения особо важных поездов и на фронт, и в прифронтовой полосе».

Но бывало и так, что Николай вдруг становился несловоохотливым, возможно, под нажимом осторожного Алексеева. Тогда царица напрямик ставит вопросы, интересующие старца, она и не скрывает, кем информация заказана, для кого она сведения собирает.

«Дорогой мой ангел, я очень хотела бы задать тебе много-много вопросов, касающихся твоих планов относительно Румынии. Все это крайне интересует нашего Друга»****. Позднее: «А теперь совершенно конфиденциально: если в тот момент, когда начнется наше наступление, немцы через Румынию нанесут удар в наш тыл, какими силами тыл будет прикрываться?.. И если немцы пробьются через Румынию и обрушатся на наш левый фланг, какие будут силы, способные защитить нашу границу?.. А какие существуют у нас теперь на Кавказе планы после того, как взят Эрзерум?.. Извини меня, если надоедаю тебе, но такие вопросы как-то сами собой лезут в голову»*****.

И после всех этих вопросов, которые трудно представить себе «само собой лезущими в голову», вопрос, который и подавно вряд ли могло родить ее собственное воображение:

«Интересно знать, годится ли в дело новая противогазная маска Алека?»^{6*}

После Февральской революции в дворцовом тайнике была найдена секретная карта военных действий. Находка потрясла даже таких рьяных прислужников монархии, как Алексеев и Деникин. Последний в своих парижских мемуарах писал: «Правильной ли была народная

* То же, от 2 июля 1916 года.

** То же, от 14 июля 1916 года.

*** Письмо царицы к Николаю II от 3 ноября 1915 года.

**** То же, от 7 ноября 1915 года.

***** То же, от 4 февраля 1916 года.

6* Письмо царицы к Николаю II от 4 февраля 1916 года.

молва, обвинявшая царицу в измене? Генерал Алексеев, которому я задал этот мучительный вопрос весной 1917 года, ответил мне как-то неопределенно и нехотя:

— При разборе бумаг императрицы нашли у нее карту с подробным обозначением войск всего фронта, которая изготовлялась всего в двух экземплярах — для меня и для государя. Это произвело на меня удручающее впечатление. Мало ли кто мог воспользоваться ею.

И переменял разговор».

За полтора года (1915–1916) Александра Федоровна передала Николаю в Могилев до ста пятидесяти рекомендаций, предупреждений и прямых требований Распутина.

Он — божий человек. Его устами глаголет высшая, неземная сила. Сомневаться в его указаниях, тем паче оспаривать их — тяжкий грех. Его должен слушаться сам император, которому, кстати, монархическая пропаганда создает ореол стратега, равного коему Россия в своей истории еще не знала.

Царица внушает Николаю:

«Слушайся нашего Друга, верь Ему»... «Бог недаром послал Его нам, только мы должны больше обращать внимание на Его слова, они не говорятя на ветер. Как важно для нас иметь не только Его молитвы, но и советы». «Думай больше о Григории, мой дорогой... Каждый раз, когда ты стоишь перед трудным решением, проси Его походатайствовать за тебя перед богом, дабы бог наставил тебя на путь истинный»... «Не слушайся других, слушайся только нашего Друга»... «Когда Он советует воздержаться от какого-либо действия и Его не слушаются, позднее всегда убеждаются, что Он был прав»... «Григорий просил этого не делать — все делается наперекор Его желаниям, и мое сердце обливается кровью от страха и тревоги»... «Надо делать всегда то, что Он говорит, Его слово имеет глубокое значение»... «Наш друг за тебя, значит, все будет хорошо»... «Я знаю, что будет фатальным для нас и для страны, если Его желания не будут исполняться»... «Кто не выказывает послушания божьему человеку, не может ни в чем преуспеть, и мысли его не могут быть правильными»*.

Мнение, высказанное старцем со ссылкой на сновидение, приобретает силу почти закона. Исполнено таинственного смысла в божьем человеке и всякое другое: икота, хрипота или даже обыкновенный кашель.

«Григорий кашляет и волнуется в связи с положением вокруг греческого вопроса... Он очень встревожен и просит тебя (в связи с создавшимся положением) послать телеграмму сербскому королю;

* Из писем царицы к Николаю II в 1915 году.

к существу же дела прилагаю Его бумажку, по которой ты и составишь свою телеграмму: смысл ее изложи своими словами»*.

Полтора десятка лет учился Николай Александрович у виднейших профессоров империи, а теперь вот приходится ему принять к руководству распутинские каракули, и все, что от него, полковника и просвещенного европейца, в сем случае требуется, это «своими словами» изложить их смысл...

Предпринята попытка прорвать линию обороны противника на Варшавском направлении. Войска в наступлении. Узнав об этом (из письма Николая к царице), старец негодует: почему его не спросились? Как так не согласовали с ним операции? Царица спешит доложить: «Он выражает свою скорбь по поводу того, что начали это движение, не запросив его мнения. Он говорит, что нужно было подождать. Ведь он постоянно молится и при этом обдумывает, какой момент был бы самым подходящим, чтобы нашим войскам без лишних потерь перейти в такое наступление».

Если положить на него, Григория Ефимовича, он не только скажет, когда наступать, но, со своей стороны, бросит на чашу весов некоторые реальные средства для успеха. Например: до него дошло, что операции затрудняются плохой видимостью из-за густых туманов. «Она (Вырубова. — М. К.) сказала Ему о туманах. Он сказал, что отныне туманы мешать войскам больше не будут»**.

Несколько ранее Александра Федоровна со ссылкой на рекомендацию старца писала в Могилев: «Неужели это правда, что наши войска снова находятся в 200 верстах от Львова? Нужно ли нам так торопиться вперед, может быть, лучше было бы повернуться и таким образом раздавить противника?»***

Именно так: «повернуться»...

Не всегда удается царице скрыть свое истинное отношение к противникам кайзеровской Германии. Мстительной злобой пронизаны строки ее писем, касающихся, например, отчаянного сопротивления сербов натиску превосходящих сил австро-германской коалиции. «Я узнала, что сербы эвакуировали Цетинье и что их армия попала в окружение. Ну вот, теперь сербский король, его сыновья и черные дочери, которые столь безумно жаждали этой войны, несут расплату за свои прегрешения перед богом и тобою, ибо они посмели восстать на нашего Друга, хотя отлично знали, кто он такой. Господь бог мстит за себя»****.

* Письмо царицы к Николаю II от 6 ноября 1915 года.

** То же, от 22 декабря 1915 года.

*** То же, от 12 сентября 1915 года.

**** Письмо царицы к Николаю II от 5 января 1916 года.

И Николай в ответном письме никак не осуждает царицу за эти злобные нападки на маленькую страну — союзницу России. Царь равнодушно принимает недвусмысленный намек на то, что Вильгельм и Франц-Иосиф невиновны в развязывании мировой войны.

Не дремал стратегический ум Григория Ефимовича и в дни летнего наступления 1916 года.

Операция только начинается, а царица уже пишет Николаю: «Наш Друг шлет благословение христоролюбивому воинству... Он просит тебя не слишком настойчиво продвигаться в северном направлении. Если, говорит он, мы будем пробиваться в южном направлении, противник и сам начнет отступать на севере, а может быть, он там перейдет и в наступление, что будет стоить ему тяжелых потерь, если же наступать будем мы, то большие потери придется нести нам... Вот о чем он хочет тебя предостеречь»...* Одним словом, он просит по возможности не досаждать несчастным немцам, пусть наступают или отступают, как хотят, все равно не миновать им «тяжелых потерь», им же в любом случае будет хуже.

Наступление в разгаре. Александра Федоровна — Николаю в Ставку: «Он (Распутин. — М. К.) считает, что было бы целесообразно не слишком настойчиво наступать... Мы должны быть терпеливыми, нам незачем форсировать свои действия, мы все равно в конце концов получим все. Можно вести наступление очертя голову и в два месяца закончить войну, но в таком случае будут принесены в жертву тысячи людей, если же проявить терпение, тоже дойдешь до цели, не пролив при этом так много крови»**. Гуманист с Гороховой рекомендует взять немцев «терпением», не соблазняясь им же измышленной возможностью выиграть войну в два месяца; и все это нужно ему только для того, чтобы, затормозив операции в северной зоне фронта, сделать то же в западной.

После того как Григорий Ефимович столь эффективно попридержал север и запад, ему уже не надо и юго-запада. О чем Александра Федоровна своевременно ставит в известность царя: «Наш Друг надеется, что мы не станем переходить через Карпаты и даже не сделаем попытки ими овладеть»***.

Но солдаты Брусилова идут вперед, и царица вместе с ее консультантом вновь сильно расстроены, даже негодуют:

«Ах, душа моя, наш Друг совершенно вне себя от того, что Брусилов не повиновался твоему приказу о прекращении наступления. Он говорит, что этот твой приказ, как и решение воздержаться от перехода

* То же, от 4 июня 1916 года.

** То же, от 25 июля 1916 года.

*** Письмо царицы к Николаю II от 8 августа 1916 года.

через Карпаты, вдохновлены волей всевышнего, что все это благословил сам господь бог»*.

А на следующий день — снова:

«О, прошу тебя, повтори свой приказ Брусилову, пусть он приостановит эту бессмысленную трату сил. Твои планы были преисполнены мудрости, не напрасно же они одобрены нашим Другом. Придерживайся этого и впредь. Наступательные действия опасны... Пространства открытые, укрыться невозможно, лесов мало, да и в тех скоро опадет листва, спасительных убежищ для наступающих нигде не будет. Придется людям идти в обход болот, где стоит такой ужасный запах... Замыслы твои освящены самим господом богом, пусть же они и будут выполнены до конца»**. И потом — снова:

«Ах, мой родной, зачем они (то есть солдаты Брусилова. — М. К.) лезут и лезут, как будто на стену, пусть лучше выждут удачного момента, не давай им идти вперед и вперед»...***

Когда британский посол Бьюкенен пришел поздравить царя с новым, 1917 годом, прибавив к поздравлению несколько приличествующих слов о доверии народа, Николай сказал:

— Вы говорите мне, дорог эй посол, о доверии народа ко мне. Не следовало ли бы скорее моему народу позаботиться о моем к нему доверии?****

В один из весенних дней 1917 года, когда столь скупой на доверие к своему народу Николай сидел под стражей в Александровском дворце, фронтовая газета писала:

«Мы теперь узнали, что в России существовала крупная немецкая партия. Она опиралась на государыню, которая не могла забыть, что русский народ ведет войну с Германией, где ее братья и родственники. Немецкая партия хотела поражения России, мешала русской армии делать свое дело. Обнаружено, что эта партия находилась в сношениях с германским штабом и выдавала военные тайны. Все подробности выяснятся на суде, которым будут судить предателей. Суд будет гласный, справедливый. Будем ждать»*****.

Напрасно ждали этого суда солдаты. Временному правительству было не до того — оно занято было подготовкой бегства Романовых за границу. Но общественности была брошена подачка в виде комиссии

* То же, от 24 сентября 1916 года.

** Письмо царицы к Николаю II от 25 сентября 1916 года.

*** То же, от 12 октября 1916 года.

**** *Victor Alexandrov. The end of the Romanovs.* Little and Brown, Boston-Toronto, 1966, p. 123. Далее в сносках «Victor Alexandrov, p.».

***** Вестник Кавказской армии. 1917, 29 марта.

по расследованию преступлений царизма. Позднее же, в эмиграции, бывший сотрудник Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства В. М. Руднев отрещивался даже от тех скудных выводов, к которым пришли он и его коллеги по комиссии летом семнадцатого года. Тогда, по его словам, он «перегнул». Предосудительных антигосударственных деяний за Романовыми он не заметил*.

Первый премьер Временного правительства князь Г. Е. Львов 6 июня 1921 года в Париже показал:

«Работы Следственной комиссии не были закончены. Но один из главных вопросов, волновавший общество и заключавшийся в подзрении, что царь под влиянием супруги, немки по крови, готов был к сепаратному соглашению с врагом — Германией, разрешился. Керенский делал доклады правительству и совершенно определенно утверждал, что невиновность царя и царицы в этом отношении установлены»**.

П. Н. Переверзев 8 июля 1921 года в Париже показал:

«Я был в курсе работ Чрезвычайной комиссии, где председательствовал Муравьев. Я удостоверяю, что Муравьев несколько раз приходил ко мне с докладами по вопросу о вине царя. Муравьев находил его виновным единственно в том, что он по докладам Щегловитова прекращал разные дела, на что он не имел права даже по той конституции, которая существовала в России до революции, так как это право не принадлежит монарху даже самодержавному, имеющему право лишь помилования, но не прекращения дел. О его виновности в измене России, в смысле готовности заключить сепаратный мир с Германией, ни разу не было речи»***.

А. Ф. Керенский 14 августа 1920 года в Париже показал:

«Я убежден, что Николай II сам лично не стремился к сепаратному миру... Я убежден в этом в результате не только работы комиссии, но и в наблюдении его за период его заключения в Царском Селе... Он сам, он один, он, Николай II, не был изменником... Я в этом глубоко уверен»****.

Однако в том же Соколовском протоколе можно обнаружить и такие строки показаний, данных тем же Александром Федоровичем:

«Я считаю должным установить следующий факт. В документах (в Царском Селе) было обнаружено письмо императора Вильгельма

* Руднев В. М. Правда о царской семье и «темных силах». С предисловием Б. Гаранина и Н. Тальберга. Берлин, 1920.

** Соколов. С. 68–70. Показания Г. К. Львова, бывшего главы Временного правительства.

*** Соколов. С. 68–70. Показания П. Н. Переверзева, бывшего заместителя министра юстиции во Временном правительстве.

**** Там же.

к Государю, в котором Вильгельм на немецком языке предлагал заключить сепаратный мир. Был обнаружен ответ на это письмо, оказавшийся в виде отпуска (то есть копии. — М. К.) в бумагах. По поручению Николая кем-то (положительно не могу вспомнить, кем именно) по-французски было сообщено Вильгельму, что государь не желает отвечать на его письма. Этот факт известен был и Следственной комиссии... Он имел место в 1916 году»*.

Выходит, сношения с Вильгельмом все же были: он пишет по-немецки, ему отвечают по-французски. Вот только кто именно посредничал, через кого шла связь, кто делал «отпуски» и был посвящен в содержание переписки с Вильгельмом — этого Керенский всего лишь через три года положительно не мог вспомнить, хотя куда более обширные данные извлекал из своей памяти и через пятьдесят лет.

Немаловажная деталь. Романовы, оказавшись после Февраля 1917 года в Александровском дворце на положении арестованных, принялись жечь бумаги в каминах и печах. Видели это все, в том числе, конечно, и министр юстиции Керенский, отвечавший за арестный режим во дворце. Не мог не заметить, но и не попытался воспрепятствовать. Обратились в пепел пуды документов, о чем свидетельствовали очевидцы-придворные. В наши дни об этом пишут бывшие белогвардейцы, обратившиеся в знатных советологов.

«С помощью дорогой Анны (Анны Вырубовой) Александра занялась делом чрезвычайной важности — она принялась сжигать всю свою личную переписку, все письма Распутина, все свои дневники. Более десяти ящиков ценнейших документов, могущих, как никакие другие, пролить свет на взаимоотношения императрицы с ее «кликлой», в ту ночь превратились в дым»**.

Были сожжены многочисленные оригиналы совместных и отдельных обращений к Романовым их германских родственников, включая кронпринца и великого герцога гессенского. Лишь одно из этих обращений по копии, добытой из боннских архивов, предал огласке Хаффнер. «Я считаю, — писал сын Вильгельма II герцогу гессенскому для передачи своей петроградской кузине, — что нам совершенно необходимо заключить с Россией мир». С какой целью? «Во-первых, слишком глупо, что мы терзаем друг друга». Во-вторых, «если мы оттуда (из России) оттянем наши военные силы, то получим возможность рассчитаться с французами». И деловое предложение: «Не можешь ли ты связаться

* Соколов. С. 68–70. Показания П. Н. Переверзева, бывшего заместителя министра юстиции во Временном правительстве.

** Victor Alexandrov, p. 141.

с Ники и посоветовать ему столкнуться с нами по-хорошему... Только пусть вышвырнет вон это дерьмо — Николая Николаевича»*.

Созвучно последнему пожеланию, выраженному в столь изящном, типично гогенцоллернском стиле, Николая Николаевича, как известно, вышвырнули. Нескольким раньше было доведено до сведения царя и предложение «столкнуться по-хорошему». Правда, в то же время Николай II заверяет антантовских послов в своей верности союзу. На приеме в Царском Селе по случаю наступления нового 1915 года он подзывает к себе Палеолога: «Господин посол, распространяют слух, будто я пал духом и не верю в возможность сокрушить Германию... якобы я намерен вести переговоры о мире. Эти слухи распространяют германские агенты. Все, что они придумывают, не имеет значения. Надо считаться только с моей волей. Вы можете быть уверены, что она не изменится»**.

А в первой половине марта 1915 года с тайной миссией от кронпринца выезжает из Копенгагена в Петроград его агент-посредник, датский дипломат Андерсен. И вслед за Андерсеном в дело ввязывается шведский посланник в Петрограде, что и зафиксировано 28 марта того же года в секретной, так называемой поденной записи русского Министерства иностранных дел:

«20 марта шведский посланник привез барону Шиллингу (советник МИД) полученный им из Стокгольма пакет, заключающий в себе письмо на имя государыни императрицы от М. А. Васильчиковой. Как оказалось, в это письмо было вложено другое, также от Васильчиковой, на имя государя, который 28 марта переслал таковое министру иностранных дел)***.

Тут же запись проливает свет на личность и миссию Васильчиковой: «Оставшаяся во время войны в своей вилле Клейн-Вартенштайн в Земмеринге в Австрии, она теперь пишет его величеству, что ее посетили три влиятельных лица (два немца и один австриец). Указав на тяжелое положение, в котором очутились Германия и Австрия, эти лица просили ее обратиться к государю императору, миролюбие которого общеизвестно, и умолить его прекратить губительную войну, ввиду того что в Германии и Австрии уже вполне убедились в силе русского оружия. В случае благосклонного отношения его величества к этому ходатайству уполномоченные от Австрии, Германии и России могли бы съехаться где-нибудь в нейтральном государстве, причем

* *Sebastian Haffner. Der Teufelspakt. "Stern", 1967, No 42 (15/X), S. 60–78.*

** *Maurice Paleologue. Alexandra Feodorovna. Berlin-Wien-Zurich, 1932. S. 112.*

*** Страницы былого. М.; П., 1918–1919. С. 79.

Россия могла бы рассчитывать на весьма примирительное отношение к ее пожеланиям»*.

Письмо, упоминаемое в поденной записи Министерства иностранных дел, было написано фрейлиной княгиней Васильчиковой 25 февраля 1915 года. По просьбе тех же визитеров она написала царю еще дважды: 30 марта и 30 мая. Тайну его ответов, видимо, поглотила куча золы в топке царскосельского дворца.

Такой обмен идеями был сопряжен для Романовых с большой опасностью, поэтому они конфиденциально вызывают блудную даму Васильчикову домой. Васильчикова лично доставляет Романовым пачку писем от кронпринца, от баварских и гессенских принцев и принцесс.

Но еще до ее появления Александра Федоровна сообщает в ставку супругу:

«Я получила длинное милое письмо от Эрни. Он пишет: если кто-нибудь может понять его (то есть тебя) и представить себе его переживания, то это я. Он крепко тебя целует... Он хотел бы найти выход из ситуации и полагает, что кому-нибудь следовало бы приступить к наведению моста для переговоров. У него возник план: неофициально направить в Стокгольм доверенного, который там встретился бы с человеком, столь же частным путем присланным тобою, и вместе они разрешили бы преходящие затруднения. План его исходит из того, что в Германии не питают действительной ненависти к России. Два дня тому назад он распорядился послать туда (в Стокгольм. — *М. К.*) к 28-му одно лицо, которому сказано пробыть там с неделю... Я немедленно написала ответ и через Дэзи послала этому господину. Я сообщила ему, что ты еще не возвратился... Конечно, В. обо всем этом абсолютно ничего не знает. Эрни пишет, что они (немцы. — *М. К.*) стоят во Франции, а также на юге и в Карпатах прочной стеной. Они утверждают, что уже захватили 500 тысяч наших пленных. В общем все письмо милое и любезное. Оно доставило мне большую радость»**.

Эрни — родной брат царицы Эрнст Людвиг Гессенский, великий герцог; Дэзи — шведская наследная принцесса Маргарет, приятельница Александры Федоровны; за инициалом «В» укрыт Вильгельм II. Он, конечно, «ничего не знает». Словно Эрни хотя бы в мыслях мог позволить себе такую вольность, как организация тайных переговоров с царем о мире, не получив на подобную миссию полномочий от кайзера.

Документальными исследованиями советского историка К. Ф. Шаццило установлено, что весной 1915 года с ведома и личного согласия

* Страницы былого. М.; Пг., 1918–1919. С. 80.

** Письмо царицы к Николаю II от 17 апреля 1915 года.

Николая II был послан в Германию специальный агент для переговоров с немцами. Им был В. Д. Думбадзе, племянник ялтинского градоначальника генерала Н. А. Думбадзе. Он пробыл в Германии с 24 мая по 11 июня 1915 года, встречался с видными представителями кайзеровского правительства, немецкой разведки (в частности, с пресловутым Люциусом), вел с ними переговоры, о чем по возвращении официально доложил рапортом начальнику Генерального штаба генералу М. А. Беляеву. Позднее В. Д. Думбадзе в связи с делом Сухомлинова был привлечен к уголовной ответственности и приговорен к смертной казни. Николай II постеснялся полностью реабилитировать своего посланца и «милостиво» заменил казнь 20 годами каторги. Так закончилась попытка установления непосредственного контакта между правящими кругами царской России и кайзеровской Германии весной 1915 года*.

В дальнейшем эти попытки возобновятся. Кто потом ездил из Петрограда за границу по этим темным делам, с кем встречался в Стокгольме и Берлине — об этом шпрингеровские и демохристианские публицисты умалчивают по сей день. Царскосельская же документация, как сказано, стала золой в каминах. Не исключено, что эмиссар кронпринца просидел в Стокгольме напрасно. Потому что, учув неладное, подняли шум в прессе и Думе проантантовские политики. Со своей стороны ощутили, видимо, и Романовы, что играют с огнем. Что и показала Александра Федоровна в следующих строках, обращенных к супругу:

«Миша Бенк сказал у Павла, что Маша является передатчицей писем от Эрни к нам. А. сказала, что ничего не знает. Павел же утверждал, что сказанное Мишей — правда. Кто же Павлу все это рассказал?.. В прессе опубликовано письмо к Маше от княгини Голицыной, ужасное письмо, в котором Маша обвиняется в шпионаже и прочих преступлениях, но я этому по-прежнему не верю, хотя и считаю, что она (Васильчикова. — М. К.) поступила во многом необдуманно и, опасаясь, из жадности к деньгам. И вместе с тем как мне неприятно, что мое имя опять упоминается рядом с именем Эрни»**.

Маша — все та же неугомонная Васильчикова; А. — Вырубова, Бенк — Бенкендорф, царедворец, Павел — великий князь.

В летние дни 1915 года в очередном письме в Могилев царица жалуется:

«Мария Васильчикова поселилась со своей семьей в зеленом угловом доме и оттуда, из окна, как кошка, следит за всеми, кто входит и вы-

* Шацлло К. Ф. К попыткам сепаратных переговоров во время первой мировой войны (март-май 1915 года) // Вопросы истории. 1970. № 9.

** Письмо царицы к Николаю II от 5 января 1916 года.

ходит из нашего дома... Изу (фрейлину Буксгевден. — *М. К.*) она извела расспросами: почему дети вышли из ворот пешком, а в другой день выехали из других ворот на велосипедах; почему утром офицер вышел в мундире и с портфелем, а вечером появился в другой одежде, и т.д. Она рассказала графине Фред. (Фредерикс. — *М. К.*), что видела, как к дворцу подъезжал Гр. (Григорий. — *М. К.*), — как это отвратительно! Чтобы наказать ее, мы сегодня пошли к А. (Вырубовой. — *М. К.*) окольной дорогой, так что она и не увидела, как мы вышли»*.

В конце концов царскосельские гороховые пальто сняли вышеупомянутую Машу с подоконника и препроводили в Черниговскую губернию, а потом переместили и подальше — в зону вечной мерзлоты. После Февраля ей удалось бежать с Крайнего Севера через Финляндию в Швецию, а в 1918 году она вновь появилась в своей вилле в Земмеринте. Личный крах зарвавшейся Маши, однако, не был еще концом ее дела.

В премьерство Б. В. Штюрмера, выдвинутого Распутиным, германфильской группе удалось довести дело до фактического открытия в Стокгольме тайных русско-германских переговоров. Кайзера представлял банкир граф фон Варбург, Николая II — А. Д. Протопопов (прикрылся участием в парламентской делегации, приглашенной в Англию; «проездом» задержался в шведской столице, якобы по личным делам).

Можно ли, однако, сказать, что Распутин был германским агентом в прямом и непосредственном смысле этого слова?

За 50 с лишним лет этот вопрос задавался не раз, и отвечали на него по-разному.

Бывший глава Временного правительства утверждал:

«Что Распутин лично был немецкий агент или, правильнее сказать, что он был тем лицом, около которого работали не только германofilы, но и немецкие агенты, это для меня не подлежит сомнению»**.

Бывший кадетский лидер В. А. Маклаков:

«Хвостов в бытность свою министром внутренних дел рассказал мне: он учредил наблюдение за Распутиным, и для него было совершенно ясно, что Распутин окружен людьми, которых подозревали как немецких агентов... Хвостов счел своим долгом доложить об этом государю, и это было причиной его опалы и отставки»***.

Бывший лидер «Союза 17 октября» А. И. Гучков:

«Если бы нашей внутренней жизнью и жизнью нашей армии руководил германский генеральный штаб, он не делал бы ничего другого,

* То же, от 14 июня 1915 года.

** Соколов. С. 80.

*** Там же. С. 79.

кроме того, что сделала русская правительственная власть, вдохновляемая Распутиным» *.

Неназванное лицо, участвовавшее в наблюдениях контрразведки за квартирой Распутина:

«Тогда для меня и стало ясно, что его квартира на Гороховой, 64, — это то место, где немцы через свою агентуру получают нужные им сведения» **.

Мнение же, высказанное еще в двадцатых годах советским историком М. Н. Покровским, таково: не столь уж существенно, брал ли Распутин от немцев деньги или не брал, был он агентом «сознательным» или «бессознательным». Весьма вероятно, что он, имея доступ к кошельку Романовых, самой богатой семьи в России, мог и не польститься на деньги германской разведки. Будучи по-своему верен Романовым, Распутин мог, им в угоду, продать и предать кого угодно: Антанту, кайзера или свою страну. Радея за Романовых, действуя вместе с ними, за них и от их имени, он под их эгидой торговал и промышлял всем, что могло обернуться и для династии, и для него самого личной выгодой и прибылью в прямом и переносном смысле этого слова.

Для них, для своих патронов, он усердствовал вовсю. До последнего дня жизни не прекращал он свою бурную деятельность, рассыпая направо и налево директивы и указания, обстреливая различные адреса записками и телеграммами ***.

В. Н. Воейкову:

«Генералу Фаеякову вот дорогой без привычки даже каша и та не сладка а не только Пуришкевич с бранными устами теперь таких ос расплодилось миллионы так вот и поверь как касается души а надо быть сплоченными друзьями хоть маленький кружок да единомышленники а их много да разбросаны силы не возьмет в них злоба а в нас дух правды Григорий Новых».

Царице:

«О письме Калинин приедет сам расскажет и многова расскажет Григорий Новый».

Царю:

«Твердость стопа божия против немцев не наступайте держись румынского фронта оттуда слава воссияет господь укрепит оружие молюсь горячо Григорий».

* Блок. С. 19.

** Соколов. С. 80.

*** Из документации ЦГАОР в Москве, а также из архивных и литературных публикаций разных лет. В том числе, в частности: Телеграммы Григория Распутина // Былое. 1917. № 5–6 (27–28). С. 228–230.

Ему же:

«Очень кротко и ласково беседовал с Калининым умоляет чтобы ему никто не мешал также контрразведка пушай ведет свое дело ласково беседовали об узнике по христиански... * дай власть одному чтобы работал разумом».

Ему же (в ответ на запрос):

«Вставку ево величеству пушай Григорий».

Все эти и другие подобные им телеграммы Распутина прошли тогда через руки Б. В. Похвиснева, бывшего министра почт и телеграфа с 1913 по 1917 год. В эмиграции он показывал:

«По установившемся порядку все телеграммы, подававшиеся на имя государя и государыни, представлялись мне в копиях. Поэтому они все были мне известны. Их было очень много... Громадное влияние Распутина у государя и государыни содержанием телеграмм устанавливается с полной очевидностью». По существу же этой корреспонденции Похвиснев показал: «Все эти телеграммы всегда заключали в себе элемент религиозный и своей туманностью, каким-то сумбуром и хаосом всегда порождали при чтении их тягостное чувство чего-то психопатологического. В то же время они были затемнены условными выражениями, понятными только адресатам»**.

До конца пребывания в звании императрицы не ослабляет свою бурную деятельность и Александра Федоровна.

На протяжении 23 лет и до минуты краха пронизывает эту деятельность истерия — политическая, религиозная и будничная, бытовая.

Истеричны и страх ее, и радость, и горечь, и любовь. Почти ни в чем не знает она золотой середины сдержанности и трезвого суждения. Крайностями всегда были ее и «да» и «нет». И дружба, и вражда ее — пароксизм. Даже супруг как-то заинтересовался ее состоянием и попросил дворцового доктора Фишера представить справку на сей предмет. Она нашла справку в столе мужа и выгнала незадачливого доктора вон.

Надвигающуюся угрозу революции Александра Федоровна пытается приостановить заклинаниями и проклятиями в типичном для дармштадтских бюргеров духе презрения к «славянскому быдлу»***.

«Дорогой, — пишет она Николаю в канун февральского переворота, — будь тверд, покажи властную руку, вот что надо русским... Дай им теперь почувствовать твой кулак. Они сами просят этого — сколь

* «Узник» — Д. Л. Рубинштейн.

** Соколов. С. 80.

*** Нижеприводимые выдержки — из писем царицы к Николаю II за 1915/1916 — начало 1917 года.

многие недавно говорили мне: нам нужен кнут. Это странно, но такова славянская натура — величайшая твердость, даже жестокость и вместе с тем горячая любовь». Далее гессенская специалистка по секретам славянской природы поучает супруга: «Я слишком хорошо знаю, как ведут себя ревущие толпы, когда ты находишься близко. Они еще боятся тебя. Они должны бояться тебя еще больше, так, чтобы, где бы ты ни был, их охватывала бы все та же дрожь».

В своем дармштадтском стиле характеризует она и политиков, даже тех из них, кто относился к ней неплохо:

«В Думе все дураки»; «В Ставке сплошь идиоты»; «В синоде одни только животные»; «Министры-мерзавцы»; «Дипломатов наших надо перевешать»; «Разгони всех, назначь Горемыкину новых министров... Прощу тебя, дружок, сделай это поскорее...»; «Только поскорей закрой Думу, прежде чем будут представлены их запросы»; «Газеты всем недовольны, черт бы их побрал»; «Думу надо прихлопнуть»; «Заставь их дрожать»; «Все они должны научиться дрожать перед тобой»; «Когда же ты, наконец,хватишь рукой по столу и накричишь?»; «Тебя должны бояться»; «покажи, что ты хозяин»; «Ты владыка, ты хозяин в России, помни это»; «Мы не конституционное государство, слава богу»; «Будь львом в борьбе против маленькой кучки негодяев и республиканцев»; «Будь Петром Великим, Иваном Грозным и Павлом Первым, сокруши их всех»; «Будь решительным и более самодержавным, показывай свой кулак там, где это необходимо»; «Докажи, что ты один властелин и обладаешь сильной волей»; «Будь строгим, это необходимо, они должны слышать твой голос и видеть недовольство в твоих глазах»; «Они должны, они должны дрожать перед тобой, иначе все будут на нас наседать, и надо теперь же положить этому конец»; «Довольно, мой дорогой, не заставляй меня попусту тратить слова»...

Вообще-то она не возражает, чтобы супруг уступал, но только двоим: ей и Григорию Ефимовичу. Из остальных ни один этого не заслуживает, потому что:

«Сазонов — дурак»; «Воейков — трус и дурак»; «Посол Демидов совершенный дурак»; «Самарин — настоящий дурак»; «Все министры — сплошь дураки»; «Я надеюсь, что Кедринского (то есть Керенского. — М. К.) из Думы повесят за его ужасную речь — это необходимо, и это было бы хорошим примером»; «Спокойно и с чистой совестью я сослала бы Львова в Сибирь»; «Я отняла бы чин у Самарина», «Милюкова, Гучкова и Поливанова — всех их надо тоже в Сибирь».

Раз зачислив Гучкова в революционеры, она с тех пор рвет и мечет при одном упоминании его имени. «Гучков — это скотина, хотя и умная, он начинает всякими мерзостями Алексеева»; «Как отвратительно, что

Гучков, Рябушинский, Вайнштейн, Лазарев и Жуковский избраны этими мерзавцами в Государственный совет». Однажды она спешит порадовать супруга светлой весточкой: «Гучков очень болен; желаю ему отправиться на тот свет». Увы, вскоре выяснилось, что Гучков на тот свет не собирается, какое разочарование: «Гучков поправляется». Ее комментарий: «По совести должна тебе сказать, мой ангел: выздоровление Гучкова — к нашему несчастью». Затем: «Правда ли, что собираются послать к тебе Гучкова и других с деputationей от Москвы? Тяжелая железнодорожная авария, в которой пострадал бы он один, была бы заслуженным божьим наказанием»; «Конечно, отделаться от Гучкова надо, но только как, вот в чем вопрос. Теперь военное время — нельзя ли придрататься к чему-нибудь такому, на основании чего можно было бы его засадить?»; «Гучкову место на суку высокого дерева»; «Ах, если бы только можно было повесить Гучкова!»

Это была истинная дочь дармштадтского бюргерства: поведав мужу в очередном письме свою заветную мечту о повешении Гучкова, она вместе с Вырубовой пробирается инкогнито в ресторан Ивана Ивановича Чванова на Петроградской стороне и вновь, как в первые дни царствования, слушает в исполнении румынского скрипача чувствительный романс и, пряча руки в муфту, заливается слезами под темной вуалью.

Накатывала в ресторанах меланхолия и на ее «Друга». Но этот и в такие минуты чуждался сантиментов, а больше соображал, что бы еще такое предпринять по государственно-политической части. В первых числах декабря 1916 года, например, Распутин узнал, что устранения Протопопова из правительства требует Государственный Совет. На этот раз старец считает нужным перейти с языка заумно-божественного на суконно-канцелярский. Уединившись в кабинете ресторана «Медведь», за бутылкой мадеры Распутин и Протопопов составляют на имя царя телеграмму-иносказание:

«Не соглашайтесь на увольнение директора-распорядителя. После этой уступки потребуют увольнения всего правления. Тогда погибнет акционерное общество и потеряет должность даже его главный акционер»*.

Телеграфная аллегория оказалась пророческой. Не прошло и трех месяцев, как «главный акционер» потерял должность. Одновременно прекратило свое существование и возглавлявшееся им «акционерное общество» под двуглавым орлом.

<...>

* Соколов. С. 80.

Отречение

Могилев. 1916 год. Сумрачное декабрьское утро.

В штабном конференц-зале при горящих канделябрах заседает военный совет. Генералы, под председательством Алексеева, обсуждают план предстоящей весенне-летней кампании 1917 года.

Царь внимательно следит за выступлениями, иногда вставляет реплику или вопрос, попыхивает сигареткой. Внезапно вырастает в дверях плотная фигура коменданта Воейкова. Минута колебания, затем комендант решительно пробирается по генеральским рядам к столу и, подойдя к верховному главнокомандующему, подает ему телеграмму с пометой: «Из Царского Села».

Николай читает, лицо его багровеет. Убит Распутин... Тон сообщения истеричный: «Нашли в воде. Молитвы, мысли вместе. Да смилуется над нами бог. Александра». Царь в смятении встает и выходит, ни с кем не попрощавшись. Велит Воейкову приготовить поезд. Маршрут: Могилев — Царское Село.

Еще до отъезда он узнает из параллельной информации, поступившей к Алексееву от шефа охранного отделения Глобачева, подробности.

Старец убит в ночь с 16 (29) на 17 (30) декабря во дворце князя Юсупова на Мойке. Участники убийства: Ф. Юсупов, В. М. Пуришкевич и великий князь Дмитрий Павлович (начальник охранки пока не знает, что были еще двое участников: поручик А. С. Сухотин и военный врач С. С. Лазаверт).

Убитого вывезли ночью на Малую Невку и сбросили с моста. Водолазы обшарили речное дно близ Петровского моста и ничего не нашли, но случайно один из городских заметил мерзший ко льду рукав распутинской бобровой шубы. Труп вытащили, внесли в сарай на берегу реки и покрыли рогожей, затем переправили в Чесменскую часовню, что на пути из Петрограда в Царское Село.

Дочери Распутина Матрена и Варвара и жених последней подпоручик Нукзал Папхадзе пожелали перенести покойного на Гороховую, 64, но власти не разрешили.

Врачи установили, что Распутин был сброшен в Невку еще живым, он и подо льдом продолжал бороться, высвободив из опутывавших его веревок правую руку, крепко сжатую в кулак. Отравленный ядом, дважды смертельно раненный пулями в грудь и шею, с двумя проломами в черепе, еще и в воде был жив...

Когда через сутки Николай вышел на царскосельский перрон, он увидел тоскливо сбившихся в кучку дочерей, сына и жену. Еще

по дороге во дворец Александра Федоровна успела сообщить супругу, что начатое следствие она велела прекратить «во избежание кощунственного скандала, раздуваемого врагами династии»*, она уже просила Протопопова обратиться жилище Распутина на Гороховой, 64, в музей, а одного из видных петроградских архитекторов соорудить в Царском Селе мраморный мавзолей, куда не позднее лета 1918 года должен быть перенесен прах старца. Пока же он будет похоронен в Царском, неподалеку от дворцов, за парком.

Вся царская семья, кроме старшей дочери Ольги, отказавшейся от участия в церемонии, отправилась на проходы Убиенного. «Проехали мимо здания фотографии и направо к полю, где и присутствовали при грустной картине: гроб с телом незабвенного Григория, убитого извергами в доме Феликса Юсупова, который (? — М. К.) стоял уже опущенным в могилу... Отслушав литию отца Василия, вернулись домой»**.

Пока Николай в Царском, ходят на могилу каждый день. Подолгу стоят над заснеженным бугром, молятся. Царица «носит на кладбище белые цветы; она бледна и готова в любую минуту зарыдать, но старается сдерживать себя»***. Сама же о себе Александра Федоровна позднее пишет: «Солнце светит так ярко... Я ощущаю такое спокойствие и мир на его дорогой могиле. Он умер, чтобы спасти нас»****.

Но, разумеется, могила старца не всем была дорога. В первую же ночь после литии отца Василия группа офицеров царскосельского гарнизона под покровом тьмы вылила содержимое ассенизационной бочки на могильный холм. А в феврале семнадцатого солдаты вырыли труп и сожгли, а могилу сровняли с землей.

* По распоряжению царицы А. Д. Протопопов предписанием № 573 от 17 декабря 1916 г. велел П. К. Попову, своему «генералу для поручений», приступить к следствию. В течение 17 и 18 декабря Попов и военный следователь подполковник Попель допросили 15 человек. 19 декабря директор департамента полиции А. Т. Васильев указал Попову «дальнейшее производство дознания прекратить». 23 декабря Попов переслал Васильеву 15 протоколов с приложением рапорта № 694. — См.: Убийство Распутина. Протоколы официального дознания // Былое. 17. № 1 (23). С. 64–82.

** Из дневника Николая Романова. Запись от 24 декабря 1916 года.

*** Lilli (Julia) Dehn, p. 164.

**** Письмо царицы к Николаю II от 26 февраля 1917 года.

Валентин ПИКУЛЬ

Нечистая сила¹

<Фрагменты>

7. Нечистая сила

Вдруг приехал в село Покровское мужик Григорий, никому не ведомый, деловито занял пустовавшую избу. Никто и не думал, что под отчий кров вернулся сын бывшего волостного старшины... На высоком лбу его краснела шишка — застарелый след удара, полученного в кабацкой сваре, а шишку он закрыл длинными прядями волос. Покрытый оспинами нос выступал далеко вперед, похожий на иззубренное лезвие топора. Кожа лица была морщинистой и загорелой, а правый глаз Гришки обезображивало желтое пятно. Смотрел на всех муторно и беспокойно — противно эдак-то поглядывал.

— Ты из каковских будешь? — спрашивали мужики.

— Из таковских! Человек божий, по жизни прохожий...

Приехал не один: с ним была жена Прасковья, из тобольских мещан Серихиных. Кормиться трудом Гришка не пожелал. Правда, чтобы не околеть с голодухи, он иногда в извоз нанимался — когда ссыльных в глухомань отвезет, когда до Тюмени возы с сеном или дровами допрavit. Из таких «ездок» обычно вертался пьян-распьян, весь раздрипан в трактирных драках. Без шапки, без денег! Входил в избу, и оттуда сразу же рвался наружу долгий вой Парашки Серихиной — это Гришка от самого порога начинал лупцевать свое сокровище. Вся деревня слушала, как воев баба.

— В ум-разум вгоняет, — говорили. — Да и то, поди: с дороги возвратясь, как ту жену гостинцами не попотчевать?..

По селу ходили недобрые слухи, будто Гришкина жена служила ранее в «номерах» губернских, где по дешевке проезжих гостей ублажала и трудами немалыми даже на швейную машинку себе скопила,

¹ Печатаются фрагменты по: *Пиккуль В. Нечистая сила. Т. 1. М.: Вече, 1979. С. 39–42, 66–68.*

но Гришка эту машинку пропил. Жизнь мужицкая нелегка: летом изматывались с домочадцами на пашне, готовили дрова и солили впрок убоину, а зимой тоже не продохнешь — катать для города валенки, подновляй упряжь, опять же и овчины — их мять надо! А Гришка знай себе на печке валяется и пухнет там, давя клопов на стенках желтым корявым ногтем.

— Рази так можно? — говорили мужики. — Ты бы встал. Ты бы умылся. Гляди, сам рван, жена не кормлена. А копейка в мошну не скачет. Ее струдить надоть. Крестьянская денежка пот любит!

Ответ Гришки звучал изуверски-кощунственно:

— Ежели госпуду богу угодно было меня на свет произвесть, так пущай он и позаботится, чтобы я сытым бывал. А работать — не! Я вам не лошадь. На кой хрен мне спину-то ломать? Все подохнут одинако — что труженики, что бездельники...

Порченный — поставили на нем клеймо односельчане. Известно, сколь целомудренна русская деревня: матерного слова не услышишь, а Гришка сквернословил при любом случае, дрался бесстрашно. Лошадей не жалел — загонял насмерть. Внешне мрачный и нелюдимый, обожал веселье, и, коли где гармоника пиликнет, он уже пляшет. Час пляшет, два, три часа... Пузырем вздувается на его спине рубаха, вонючая от пота. Плясал до иступления, пока не рухнет. Плясал, выкрикивая слова песни, словно выбрасывал плевки:

Я люблю тебя, родная,
Я люблю тебя за то,
Что под платьем, дорогая,
Ты не носишь ничего!

Имел тонкий нюх и на выпивку. Носом чуял, где вчера пиво варили, где казенный штоф распивают. Придет Гришка, никем не зван, встанет у притолоки, в избу не входя, и стоит там, шумно вздыхая: мол, я уже здесь... учтите! Мужики пьют водку из мутных стаканов. Суют в бороды лохмы квашеной капусты, закусывая. На зубах хрустят крепенькие огурчики. Иной раз посовестятся:

— Эвон, Гришка-то заявился. Може, и ему плеснем махоньку? Вить ён, как ни толкуй, а тоже скотина — ждет подношения...

Угостившись, Гришка не уйдет, а лишь обопрется о притолоку косяка. Быстро пустеющий штоф приводит его в отчаяние:

- Налейте же и мне, Христа ради!
- Это зачем же тебе наливать? Платил ты, што ли?
- По-божески надоть, потому как — все люди.

— Нет, — настаивали мужики, — ты сначала ответ держи: рази в сооружении энтого штофа ты лично участвовал?

— Не участвовал, но... изнылся. Не погубите!

— По какому же порядку нам тебе наливать?

— А вы в беспорядке налейте... даром.

— Даром! — смеялись за столом мужики, жестокосердно приканчивая штоф без него. — Ишь, прыткий какой... Хы-хы-хы! Пришел и требует, чтобы налили. И ведь не стыдится сказать такое...

Протрезвев, мужики пугались — Гришка умел отомстить. Один богач на селе справлял свадьбу дочери, а Гришку не позвал к угощению. Когда молодые на тройках ехали из церкви, кони вдруг уперлись перед домом — не шли в ворота. Все в бешеном мыле, рассыпая с грив праздничные цветы и ленты, под градом ожесточенных побоев, кони не везли молодых к счастью. «И не повезут», — сказал Гришка, стоя неподалеку... Молодوخе же одной, отказавшей ему в любезности, Гришка кошачий концерт устроил. Со всего села сбегались коты по ночам к ее дому, и начинался такой содом, хоть из дома выселяйся...

Староста Белов докладывал исправнику Казимирову:

— Я его, патлатого, не боюсь. Но в глаза ему никогда не гляжу! Коли он на меня зыркнет, так будто мне за шкуру гадюку бросили... Добро бы — цыган какой, так нет: не глаза у Гришки, а бельма пустые... Будто гной поганый течет из глаз его!

Революция 1917 года сняла запрет молчания со многих свидетелей, и крестьянин Картавец показал под присягой следующее:

— Однась поймал я Гришку на покраже остожья. Он мое остожье порубил, жерди на телегу поклат и хотел уже везти на пропой. Тут я его ушучил и велел ему с покраденным остожьем вертать кобылу до волости. Он заартачился и хотел удрать, но я его держал. Тогда он — на меня с топором! Думаю: зарубит ведь. А у меня в руках дрын был. Я как хватил Гришку дрыном. Да столь ладно, что он топор выронил, а кровь из него ручьем. Полег замертво. Ну, думаю, сгубил человека. И стал приводить в сознание. Расшевелил дожива и опять потащил к волостному. Гришка очухался, начал рваться. Тут я ему еще насовал — довел!..

Природа наградила Гришку железным здоровьем. Гораздо позже журналисты подвели итог его скотской выносливости. В возрасте 50 лет он мог начать оргию с полудня, продолжая кутеж до 4 часов ночи; от блуда и пьянства заезжал прямо в церковь к заутрене, где простаивал на молитве до 8 утра; затем дома, отпившись чаем, Гришка как ни в чем не бывало до 2 часов дня принимал просителей, говорил по телефону и устраивал разные аферы, потом набирал дам и шел с ними в баню, а из бани катил в загородный ресторан, где повторял

ночь предыдущую. Никакой нормальный человек не мог бы вынести подобного режима...

Картавцеву — после битвы — Гришка пригрозил:

— Погодь, я тебе этого не забуду — исплачешься...

Отомстил жестоко: растлил дочку Картавцева, а потом видели, как его невестка на сеновал к Гришке бегала. Скоро с выгона пропали две лошади Картавцева, который приметил, что Гришка их намеренно оглядывал. Картавцев кинулся к Гришкиной избе, Гришка вышел на крылечко, притворно зевая, будто спал:

— Ну, что тебе? На ча мне сдались твои кобылы?

Картавцев заплакал злыми слезами, рухнул в ноги.

— Гриша, — взмолился он, — ты с меня свое уже взял, уже помял баб в дому моем... Верни лошадушек. Погибну ведь!

— Иди отседова, покель ноги держат, — отвечал Гришка...

Никогда того на селе не водилось, а тут стали девки рожать, будто их ветром надувало, и, боясь позору, подкидывали младенцев в дома к бездетным. С опросу выяснилось — Гришкина работа! «За такое надо учить», — и стали мужики зверски калечить Григория за блуд с их женами, дочерьми и сестрами, но Гришка вставал от побоев даже освеженный, будто в жаркий день искупался (сказалась в нем закалка конокрада). При этом еще и грозился:

— Бейте меня и далее, а я свое все равно возьму!

За мерзкие дела прозвали Гришку на селе РАСПУТИНЫМ, и это имя столь крепко прилепилось к нему, что уже не отдерешь. Исправник Казимиров, объезжая свои дремучие владения, не пожелал учитывать Гришку под фамилией «Новых».

— Тогда валяй по-старому — Вилкиным.

— Какой же ты Вилкин? — хохотал исправник. — Вилкин — это от вилки, которой господа салаты кушают, а Распутин — от распутства. Я грамотней тебя, фамильные тонкости понимаю...

Крестьянская община села Покровского возбудила перед властями вопрос о высылке Распутина в Восточную Сибирь, но Гришка не стал ждать, когда его возьмут за шкуру. Он разулся и босиком тронулся в дальний путь, покидая село. На околице ему встретились бабы с граблями:

— Ты кудыть уцелился-то, Григорий?

Вороватый взгляд и подлейший ответ:

— Да я далече... богу молиться. Мне и тятенька завещал, чтобы я Верхотурскую обитель посетил. Ох, грехи все, грехи наши...

Долог пеший путь из Тобольской губернии до Пермской, где затаился в лесах монастырь. Много месяцев о Распутине не было

ни слуху ни духу. А потом явился... но в каком виде! Шел полураздетый, без шапки, длинные волосы совсем закрывали лицо. Никого не узнавая, размахивал руками и все время пел нечто духовное. В церкви дико озирался по сторонам и вдруг ни с того ни с сего начинал сипло голосить псалмы... Кажется, что в период богомолья Распутин повстречался с людьми, которые очень сильно подействовали на его кривобокую психику. Вел он себя странно. Движения стали беспокойны и порывисты, он ходил по селу, часто приседая, потирал руки. Речь иногда делалась бессвязным набором слов. А после нервного возбуждения наступала глухая, замкнутая депрессия... Вернувшись из Верхотурья, Распутин был явно ненормальным, потом он вроде оправился, и здесь летописцы отмечают страшный взрыв чувственности, словно нечистая сила поселила в нем беса блудного! Но грубую животную похоть Гришка неизменно облакал в формы богоугодничества — этим он невольно закладывал первый камень в фундамент будущей «распутинщины».

* * *

Сибирь тогда кишмя кишела сектантами, и Распутин со своими наклонностями, конечно, не мог окунуться в холодный мистицизм официальной религии. Складку его натуры отвечали хлысты — с их буйными плясками, с их аморальным кодексом, где под глубоким покровом тайны творились самые мерзкие преступления противу нравственности. Теперь в избе Распутиных частенько останавливались какие-то странницы в полумонашеском одеянии, приходили на закате солнца, а убирались с первой росой... Скоро села Покровского показалось Распутину мало — обесчестил и села окружные. Словно сатана какой, водил баб в лес тучами, там ставил кресты на елках, велел бабам молиться на него, а при этом плясал, дергаясь, обнимал всех и звал парней из соседней деревни — начинался сальный грех...

— Хлысты объявились, — заговорил народ, будто о чуме.

Распутин взял моду целоваться со всеми в уста.

— Греха в том нету, — говорил в оправдание. — Какой же грех, ежели все люди на земле родня друг другу? Коли я девку целую, так я закаляю ее противу беса... Спроси любую из них — противно ли ей это? Ежели противно, тады ладно, не буду!

Вокруг него скоро образовался кружок из людей темных и забитых. Сначала это были его дальние родственники с выселков, одичавшие в одиночестве, и две девки — Катька и Дунька Печеркины. Молельню

вырыл Распутин под избой — словно могилу, и проникнуть туда никто из посторонних не мог. Из бани Распутин сам уже не шел — глупые девки тащили его на себе. В этот период жизни Гришка много болтал о любви к богу, молот что-то о создании на земле «мужицкого царства», и нашлись дуры, поверившие в его святость. Из дальних деревень шли женщины, дабы покаяться в грехах не священнику в церкви, а новому апостолу... Распутин говорил дурам: «Перво-наперво, коли уж решила покаяться, ты меня не стыдись. — Но покаявшихся от себя уже не отпускал, внушая им: — Как мне поверить, что ты искрення? Вот коли в баньку со мною сходишь, ноги омоешь мне, яко спасителю, да водицы той испьешь толику, тады поверю: ты — во Христе!» Туняедец, бежавший от труда, словно чёрт от ладана, Распутин нахально ощупывал котомки своих поклонниц и ничем не гнушался — ни соленым огурцом, ни куском ватрушки, ни луковицей. В этих обысках странниц активно участвовала и его жена Парашка (с того, кажется, и кормилась)... Жидкие глаза Гришки, похожие на овсяный кисель, сочно и непотребно обласкивали деревенских молодух, которые отворачивались, закрывали лица рукавами, но тут же сами искали распутинских взглядов. Гришка давно уже приметил, что люди добрые взоров его не выдерживают...

...А в далеком Петербурге жаловалась мужу царица:

— Каждый день болит моя голова. Ежечасно расширено сердце. Я живу на каплях и валюсь в постель как мертвая. Меня гнетет ощущение предстоящей беды, и я не вижу никого, кто бы мог спасти меня! Жизнь очень трудно понять. Россия — унылая снежная равнина, а Петербург — столица подлецов и мерзавцев. Я знаю, что меня здесь не любят, но и мне тут никто не нравится!

Наглотавшись капель, она валилась на кушетку и курила крепкие папиросы, изнуряя себя самоанализом чувств, подозревая окружающих в том, что они решили испортить ей жизнь.

* * *

13. Бесстыжий апостол

Конокрады, они с коновалами всегда в дружбе. Им это надо — когда жеребца охолостить, когда кобылу доправить, чтобы в цене шла подоороже. Гришка Распутин, пока с лошадиного воровства жил, немало повидал коновалов. От них и познал врачевальные тайны, что тянулись в XX век от ветхозаветной Руси, от народного разума, от знахарских

книг, писанных в лихие времена славянской вязью, закапанных воском древности...

Многое запомнил. Сберег. Пригодится!

Покровские мужики хотя и презирали Гришку, но иногда были вынуждены признать его превосходство над ними. Однажды мальчонку резанули косой по ноге, кровью исходил малый на сенокосе, а Гришка пошептал что-то, приложил травки — и кровь замерла... Чудеса творил Гришка и перед конскими ярмарками. В канун торжища приволок откуда-то полудохлую клячу, запер ее в амбаре. Неделю отпаивал ветхую кобылицу снятым молоком с отрубями. А когда наступала ночь, Гришка во мраке, тихо подкравшись, вдруг друг ожигал клячу кнутом, отчего она стала пугливой. Зубы у лошади давно стерлись, верхушки их стали плоскими (признак старости). Каленым железом Гришка по-цыгански выжег ей в зубах ямки, какие бывают только у молодых коней. Когда же повел клячу на ярмарку, все только ахали: выступал за ним резвый, подвижный коняга, дрожа гладкой шкурой, а по зубам дашь ему два года — не больше...

Покровский староста Белов рассуждал:

— Мазурик он! Может, исправнику нажалиться мне?

Дошло это до Гришки, и он Белову грубил бесстрашно:

— Ты, коли медаль нацепил на шею, так ко мне не совайся. Я человек божий и всегда могу уйти в странники...

Гришка часто уходил из села, пропадая в долгих отлучках, а потом являлся, изможденный и мрачный, мутные глаза его скользко плавали в ободах синевы; был он тих после богомолий, посылал свою Парашку до лавки с запискою собственного сочинения: «Милостив Гасудар гаспатин Лавашник быть любезна Силетку мне по жирне и по толоче уважаючи тебе грегорий».

Покровский лавочник спрашивал Парашку:

— Тебе, Федоровна, какую — с икрой или с молоками?

Иногда же брал рубль, ставя его ребром на прилавке.

— Эво! — говорил, подмигивая. — Красная цена тебе... На сеновал-то придешь ли? Разведем мы икру с молоками.

— Да будет вам, — отвечала Парашка. — Я ему про селедку, а он мне про это самое. Эдак-то и до греха недалече. Заворачивай ту, которая с молоком... Когда на сеновал-то приходите мне?

Была она, под стать мужу, бабой скверной. Под самый XX век пошли у Распутиных дети — сын Митенька да две дщерицы, Варька с Матрешкой, — сопливые, нечесаные, зимой они по нужде босые по сугробам гоняли. «Распутинские, — говорили на селе, — живучие. Их и оглоблей не проймешь... Ишь, заливаются — голосистые!»

* * *

Без паспорта, без денег, даже без лаптей отваживался Гришка шляться далеко. Когда отмечались саровские торжества, он долго болтался в «нетях», вернулся и брякнул мужикам в разговоре:

— А я вот царицу повидал, нагишом... быдто Еву!

— Врешь ты все, — не верили ему.

Гришка рассказал, что в Сарове, когда императрица в пруду купалась, он в кустах с одной монашкой радел и все видел.

— Ну и кык она? — спрашивали. — Царицка-то у нас?

— Да в темноте они, бабы, все одинакие. Видел я тока, что больно моस्ता, нежирная... Я бы и лучшее ее разглядел, да мне монашка моя мешала: «Радей дале, говорит, коли уж на меня взобрался, так на чужих баб не разевайся...»

Пока же он там болтался по разным святым местам, Парашка его вконец истрепалась. Путалась исключительно с «аристократами» — с писарями, сотскими, лавочниками. Когда Гришке указывали на nepотpeбcтвo жены, он только отмахивался небрежно:

— Жалеть ли добра такого? От бабы не убудет... Это вы, дикари, закосматели тута, даже кофию ни разу не пробовали...

— А ты рази кофий пил?

— А как же! Я вот тока господского коньяка не пил. Но погоди, я и до этого коньяка, даст бог, ишо доберусь...

Вскоре было примечено, что после долгих отлучек по богомольям у Гришки начинали денежки шевелиться. Он даже лошадь с шарабаном купил, стал носить высокий черный цилиндр, какие носили тогда провинциальные священники. «С чего бы такая роскошь?»

— Не убил ли кого? — толковали мужики. — С Гришки ведь всякое станется. А со странствий добра не спроворишь...

Вдруг прикатила в Покровское на тройке с бубенцами вдовая миллионерша Башмакова, надарила Парашке разных платьев, щедро оделила детвору Гришки гостинцами. Распутин выстроил на отшибе села новую баню с каменкой, водил туда миллионершу по вечерам, и там они знойно парились. «Греха не пужайся, — говорил Гришка богачихе. — Потому как всякий грех я на себя забираю, и пред богом тебе виноватой стоять не придется. С богом я и сам разберусь!..» Башмакова растрезвонила по свету, что вот, мол, апостол какой объявился — не только согрешит, но еще и от греха очистит. Понаехали из города и другие паскудницы — тоже усердно парились, а из бани Гришку, вымытого до изнеможения, вели под локотки — словно гуся

важного! «Осторожнее, старец: здесь крапива, — щебетали барыни. — Ах, устал наш старец...» (а старцу-то и сорока лет еще не исполнилось!). В голове Распутина, под буйными зарослями волос, вечно спутанных в жесткий колтун, была адская мешанина отбросов чужих мыслей. Все, что вынес он в юности из радикальной земской больницы, чего набрался в трактирах и конокрадских притонах, что впитал в себя на хлыстовских радениях, — все это, вместе взятое, образовало в башке его ужасный шурум-бурум... Одну лишь истину разумел он крепко и жадно:

— Чего это я стану ждать царствия небесного? На што мне облака да тучи? Я на земле желаю жить по-царски. Чтобы бабы плясали! Чтоб вино лилось! Чтобы самовары кипели! Чтобы сапоги у меня скрипели! Чтобы рубахи вышиты! Чтоб... всем вам треснуть!

Безжалостный к чужой жизни, харкая в самое святое людей, Распутин скоро совсем распоясался. Казалось, ему доставляло удовольствие надругаться над извечным целомудрием крестьянского мира, и напрасно бабы пытались увещевать его жену:

— Глаза-то твои бесстыжие видят ли, что деется? Ведь, чай, не чужая... жена ему! Нешто самой-то тебе не противно?

Парашку теперь было не узнать: развалив по подоконнику тяжелю грудей, барыней сидела в окошке избы, сама в шелку, ела пастилу голубую и розовую, в усладу себе щелкала орешками.

— А чо мне? — отвечала с игривостью. — Кажинный мужчиночка должен на хлеб супружнице заработать. А уж как сработал — меня не касаемо.

А вскоре прибыл новый священник — отец Николай Ильин, сосланный Синодом в Сибирь, ибо, будучи человеком честным, он активно выступал против попа Гапона и его влияния на рабочих. Искренно желая отвратить Гришку от разврата хлыстовского, Ильин стал по вечерам заманивать его к себе на чашку чая. Вел с Распутиным «душеспасительные» беседы, уговаривая вернуться на путь истины. Знакомство пошло Гришке на пользу — поднабрался от попа словечек церковных, ловко молол о мощах и разных чудесах. Ранее манкируя церковью, он вдруг сделался самым усердным прихожанином, подолгу — напоказ! — постился. Не вера, а страх двигал Распутина в официальные храмы: боялся он, как бы за хлыстовщину не упекли его в края, куда и ворон костей не заносит... Не ко времени опять нагрязнула в Покровское на тройке миллионерша Башмакова (уже рехнувшаяся). Зонтиком переколотила все стекла в окошках избы Распутина, призывала истощно:

— Гришуня, не покинь! Выйди, голубочек ясный...

Распутин, зевая, вышел. Взял дуру старую за глотку, повалил наземь. Прижал коленом, чтоб не больно-то выпалась, долго и молча совал

кулаком в сдобную морду. Звеня бубенцами и рыдая, мадам Башмакова отъехала... Когда же мужики засомневались, можно ли эдаким манером обращаться с миллионершей, Гришка оправил за поясок выдернутую из порток рубаху и отвечал рассеянно:

— Кто? Она? Миллионщица? Так все едино — баба...

Истомленный развратом и церковными бдениями, он заметно похудел, синяки под глазами расширились. Случилось нечто странное: с лопатой ушел Распутин за околицу, выкопал на опушке леса глубокую яму, будто колодец, прыгнул на дно ямы и заявил оттуда:

— Бес меня вконец истомил... Сами видите — отселе и кроту не выбраться. Теперича здесь поститься стану. А вы мне за это силетку пожирней да потолсче кидайте.

Высидел он в яме несколько дней, заедая свое одиночество жирной и толстой селедкой (когда с икрой, а когда попадалась и с молокою). Но однажды пришли односельчане на опушку, дабы навестить своего «подвижника», а там, в этой яме, Гришка уже не один — рядом с ним сидят на дне и три городские дамочки.

— А греха не избежать, — провозгласил из ямы Распутин. — Почти уже спасся, да энти дуры скакнули сверху, быдто лягухи поганые. Всю святость, какая была, поломали, стервы. Вынимайте меня!

* * *

Не сразу до сибирской глухомани долетели отзвуки революции, а потом пошли разные кривотолки, будто скоро будет на Руси собрана народная Дума, чтобы думу о народе только и думать.

— Расплясались! — говорил Распутин. — А на кой хрен вся эта Дума нашему брату? Быдто в кошки-мышки с нами играют...

Ох, не спеши, Григорий Ефимович!

Именно предвыборная кампания по выдвижению «кандидатов из народа» и выпихнула Гришку на поверхность путаной русской жизни, хотя об этом казусе истории у нас мало кто знает.

Александр МАЛИНИН

Григорий Распутин¹

Ах, как тебе надо знать, ну кто я такой,
А не все ль равно, али чёрт, али святой.
А вот он, я, как есть — сижу перед тобой,
Такой-сякой, такой-сякой.

Ах, как тебе надо знать, ну, кто я такой.
Ну, Гришка-конокрад, ну, мужичишка простой.
Самый что ни есть, от низин до глубин,
Самый что ни есть, а не брюнет, а не блондин.

А моя милая Россия-матушка,
Тебе ж не царь нужен, а нужен батюшка.
Да под себя подмять, да помучить.
Ведь ты ж, как баба, чем злее, тем лучше.

Подвинься, милая, любовь постылая.
Теперь графиня иль кухарка — все единое.
Нажали грамотой князя с жандармами,
И скука падалью лежит облыжная.

Это в ваших городах лишь что, да почем,
Вместо образов лишь кнут с калачом.
На костях настроили палат, да дворцов,
Лишь баре, да бояре, да свора купцов.

¹ Печатается с сокращениями по: Александр Малинин. Григорий Распутин. URL: <http://www.g15.ru/m/malinin-alexandr/malinin-alexandr-grigorij-rasputin.html>.

Подавай им святого, да в терновом венце,
Да чтоб смирно висел на сосновом кресте.
Чтобы матом ни-ни, чтоб не пил, не гулял,
Да чтоб подлости непременно прощал.

<...>

Ах, как тебе надо знать, ну, кто я такой.
Ну, Гришка-конокрад, ну, мужичишка простой.
Самый что ни есть, от низин до глубин,
Самый что ни есть, а не брюнет, а не блондин.

Ах, гуляй Россия!

Геннадий ПОНОМАРЕВ

Странник одухотворенный¹

Из села Покровского на Туре глубокой,
Пробиваясь к Господу сквозь нещадный век,
Шел с котомкой, посохом, легкою походкой.
По России Божий человек.
Смотрит небо звездное русским синим оком.
В чутком сердце путника благодать и тишь.
Белая березонька молится под боком.
В чистом поле зорьку не проспишь.
Странник одухотворенный
Вышел к Богу налегке.
Мученик Григорий новый,
Русский старец с посохом в руке.

Все гоненья лютые прожил не по книге,
Получив от Господа свой венец в крови.
И три года тяжкие проносив вериги,
Заменял веригами любви.

На святые подвиги враг поганый злился,
Словно на разбойника клевету воздвиг.
Ты ж, пылая свечкою, Господу молился
Боже правый, сохрани своих.

Привес

По святым обителям сколько было пройдено,
Жаждою и голодом добыто не зря.
Надо всем на Родине жить любовью к Родине
И стоять за батюшку Царя.

¹ Печатается по: *Геннадий Пономарев. Странник одухотворенный*. URL: <http://songspro.ru/7/Janna-Bichevskaya/tekst-pesni-Strannik-oduhotvorenyy>.

Царскую фамилией радостно встречаем,
Другом величаем, был семьею всей.
И от смерти чаемой их в мольбах спасаем
Светозарный отрок Алексей.

Привет

Не узнали ангела в путнике убогом,
Бедному изгнаннику рай отверз врата.
Скорби и гонения — это дружба с Богом,
А любовь — несение креста.

Есть в углу молитвенном чудная икона,
Праведник умученный за Царя и Русь.
Перед этим образом я кладу поклоны
И в слезах за Родину молюсь.

Привет

Чудотворец с посохом в руке,
Русский старец с посохом в руке.

Роман ЛУНАЧАРСКИЙ

Стихи о Распутине ¹

Григорий Ефимыч, Российский святой,
В обращении с людьми был очень простой.
Россию большую пешком исходил,
При этом святые места посетил.

Дар исцелять Господь ему дал
И это богатство он людям раздал.
Царь Николай Григория знал,
Как сын заболает, его вызывал.

Ефимыч царевича очень любил,
Ему исцеленья у Бога просил.
Молитвой своею всегда помогал,
Болезненный отрок на ноги вставал.

<...>

Грязью пытались замазать его,
Но не получилось у них нечего.
Народ православный старца любил,
За то, что он радость людям дарил.

Враги озверели и, старца убив,
В ковер замотали, под лед опустив.
Тело нашли, и Царь хоронил,
Кого при жизни очень любил.

¹ Печатается с сокращениями по: *Луначарский Р. Стихи о Распутине*. URL: https://vk.com/topic-2206884_3126314.

Жертвою первой был старец святой,
Потом Россия зальется слезой.
Царскую семью народ предал
И на закланье жидам отдал.

<...>

Поэтому правду должны мы сказать,
Ответ пред Господом будем держать.
Ложь и не правда противны Ему,
Будем же верны Отцу своему.

Саша ТКАЧ

<О Григории Распутине>¹

Прости, Григорий, свет Ефимыч,
Что долго верили хуле,
Скабрезным, пошлым анекдотам,
Что нам втирали о тебе!

На дискотеках танцевали
Плод шлягер группы «Бони эМ»,
И подвиг твой Царю служенья
Не знали, в сущности, совсем.

Царю служенья и России!
Чтоб Цесаревич не страдал,
Ты, силою благою, боли
С кровотеченьем затворял.

Тебя охаяли иуды,
Те, кто Империю губил,
Кто расшатать Руси устои
Для вражьих сил обязан был.

Свои амбиции, пороки
В интригах реализовав,
Помехой тяжкою меж тронном
И меж народом русским став.

¹ Печатается с сокращениями по: *Саша Ткач*. <О Григории Распутине>. URL: https://vk.com/topic-2206884_3126314.

«Гуляка, пьяница, развратник,
Пройдоха, вор и конокрад» —
Лжецами — недругами пущен
Был голословный компромат.

В проверках — чист Распутин-Новый,
Не накопили ничего,
Нет никаких материалов,
Что бы порочили его.

Проверки эти показали,
Что жил в Тобольске мужичок,
Места святыя посещал он
И исцелять недуги мог.
И государевой семье
Помог в наследника беде.

Ты ведал вышним откровеньем
Про участь скорбную свою,
Но не искал себе спасенья,
Был верен Батюшке-Царю!
И отговаривал страну
Вводить в вселенскую войну.

И говорил ты Государю:
«Ты будешь у меня в гостях,
В Тобольске, но не доброй волей,
А крест тяжелый свой неся!»

Враги России убирали
От Государя верных слуг.
Так Петр Аркадьевич Столыпин
Пал жертвой нечестивых рук.

<...>

Они хотели, чтоб Россия
Спасала в бойне мировой
Союзных наций интересы,
Как средство — жертвуя собой.

С кузеном, кайзером Вильгельмом,
Царь Николай не шел на мир
И продолжался бы в Европе
Кровавый, бесконечный пир.

Что б за военные поставки
Сверхприбыль кто-то получал,
И богател неимоверно,
Создав порочно капитал.

Масоны, дума, казнокрады,
И русофобы всех мастей,
И представители Антанты
Желали гибели твоей.

В газетах — травля и шумиха,
Карикуры на Царя,
Наезды на Императрицу
И грязный пасквиль на тебя.

Но для Царя народ свой — дети,
Как мог бы Царь карать народ?!
Террор кровавый-то предпримут,
Те, кто за Ним к власти придет!

В крови умоется Россия,
антихрист власть над ней возьмет!
Наказан будет люд российский,
По что Царя не сбережет!

<...>

Торжествовали злые силы
В ту ночь, злосчастную, когда
Над еще теплым, в путах, телом
Сомкнулась невская вода.

И что дало твое убийство?
В печали Царская Семья!
И проявляется зловещий,
Фатальный призрак февраля.

А там — октябрь, и понеслася!..
Твой прах сожгли большевики,
А землю русскую на беды
Войну, лишенья обрekli.

Прости, Григорий, свет Ефимыч!
Приходит покаянья час.
Святые все земли российской,
Молите Господа за нас!!!

Олег МОЛЕНКО

**Исповедь
пред святым Григорием Распутиным (Новым)¹**

Прости ты нас, дышавших клеветою,
О, старче праведный Григорий Новый,
За то, что долго были не с тобою,
Но верили мы в дух тот нездоровый.

Прости за то, что глубоко дышали
Мы воздухом бесовским и советским,
Что мы невольно в чем-то клеветали,
Вели себя лукаво, не по-детски.

Прости за то, что очень мало знали
О подвиге твоём и жизни славной,
Прости за то, что образ твой мы гнали
Из нашей жизни псевдоправославной.

О, старче Божий, мученик Христов!
Увы, мы все в кресте твоём повинные...
Я знаю, ты в любви за нас всегда готов
Молить пред Богом, будто мы невинные.

Прости же нас за пролитую кровь,
За иго страшной лжи и бреда тяжкое,
За то, что поднимает жало вновь
Змея той жуткой клеветы с натяжкой.

¹ Печатается по: *Олег Моленко. Исповедь пред святым Григорием Распутиным (Новым)*. URL: <http://www.omolenko.com/stihi/rasputin.htm> (дата обращения 10.05.2018).

Пока ты, старче, жил — то жил и царь,
Молитвами твоими сохраняемый,
А как тебя убили — Государь
Был свергнут, чернью оскорбляемый.

Затем на нем и всем его дворе
Случилось то, что ты давно предсказывал:
Убили всю его семью, царя сожгли в костре —
Так, видно, Бог всех за тебя наказывал...

Прости нас, грешных, страстных и слепых,
Что поздно мы тебя прославили,
Не оставляй пред Богом нас одних,
Чтоб за тебя нас в бездну не отправили.

Склоняем мы колени пред тобой,
Сердца свои любовью исправляем.
Мы исповедуем от сердца — ты святой!
И так тебя пред Богом прославляем!

Валерий КОРОСТОВ

Григорий Распутин¹

1

В Петербург, как на Голгофу,
послан Божий человек.
Натянув худую кофту,
не заботясь про ночлег,
хлеб закусывая снегом,
он шагами мерит Русь,
встречным кланяясь телегам.
«Эй, каурая, не трись!
Ты везешь земли кормильца!
Да спасет его Христос.
За века не надломился,
сеет, пашет в полный рост.
Песню жалобно-тягуче
он ведет, и так чиста.
Но нависли низко тучи —
на Отчизну клевета»...

2

Не может худое дерево
Приносить доброго плода.

По капле жизнь с тоской выходит,
несчастный мальчик, сын Царя,
глаза закрыв, к Творцу уходит,
смертельной белизной горя.

¹ Печатается по: Валерий Коростов. Григорий Распутин. URL: <http://russianpoetry.ru/stihi/grigorii-rasputin.html> (дата обращения 10.05.2018).

Забыты игры и забавы,
у изголовья плачет мать,
и, кажется, орел двуглавый,
не хочет крылья поднимать.
Не помогают эскулапы,
беспомощно блещат пенсне,
сквозь дух лекарств Курносой лапы
у склянок чудятся на дне.
«Зовите старца!» И Григорий,
высокий, стройный, уж в дверях.
«Не бойся, мама, се не горе».
Наследник с ватой в ноздрях,
терпящий не по-детски лихо,
вдруг видит, как его крестом
Распутин осеняет тихо
и удаляется потом.
Остановилась кровь немедля.
Профессор с доктором в слезах:
«Здесь было чудо!»
...Мир-Емеля
скривился с ядом на устах.

3

В Петербург — как на Голгофу...
Над Невой ветра гул.
Утопили, как подкову.
Всплеск... Калоша на снегу...
Что ж, спасли Царя, Россию,
кровью руки замарав?
Был бы ваш он, вы б за милю
узнавали в нем свой нрав.
Вместе рвали бы на части
православную страну.
Но не ваш был, и на страсти
отдан Господом. В плену
венценосные убиты,
как Распутин предсказал.
Зло раздвоенным копытом
выжгло Родине глаза.

Оплевали, оболгали,
словно Господа Христа,
«патриоты» — и удрали
за границу. До Суда.
Святой мученик Григорий,
в этот страшный, трудный час,
ты прости нам ложь и горе,
помолись за грешных нас.

5 февраля 2008 года

КРАТКИЕ БИОГРАФИЧЕСКИЕ СПРАВКИ УПОМИНАЕМЫХ В АНТОЛОГИИ ЛИЦ

А. Г. — русский журналист, автор заметки о Г. Е. Распутине, опубликованной в газете «Петербургский курьер» (1914. № 159. 2 июля).

Августин Блаженный (354–430) — христианский богослов и философ, проповедник, епископ Гиппонский (с 395), один из отцов христианской Церкви. В РПЦ память 15 июня по юлианскому календарю.

Августин (Пятницкий; 1882/1884?–1918) — русский церковный деятель, архимандрит, миссионер-проповедник Тобольской епархии. Ближайший друг и сотрудник епископа Варнавы (Накропина). Неоднократно встречался с Г. Е. Распутиным, посещал его квартиру на Гороховой улице Петрограда. После 1917 г. подвергался арестам (обвинялся в контрреволюционной пропаганде и агитации). Расстрелян.

Авель (Васильев; 1757–1841) — монах-предсказатель, пользовавшийся славой прозорливца. Неоднократно подвергался заключению. Скончался в Суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре, куда был помещен по приказу императора Николая I в 1826 г.

Аверинцев Сергей Сергеевич (1937–2004) — российский ученый (филолог, философ, культуролог, литературовед, библиист), доктор филологических наук, профессор, академик РАН (2003).

Авраам (1812 до Р. Х. — 1637 до Р. Х.) — первый из трех библейских патриархов, живших после Всемирного потопа; легендарный родоначальник еврейского народа.

Аврех Арон Яковлевич (1915–1988) — московский ученый, доктор исторических наук.

Азеф Евно Фишелевич (1869–1918) — русский революционер-provokator, один из руководителей партии эсеров и одновременно секретный сотрудник Департамента полиции. После разоблачения (1908) сумел бежать, проживал в Европе, во время Первой мировой войны был арестован в Берлине. Скончался вскоре после освобождения.

Айвозянц (Айвазов) Иван Георгиевич (1872–1964) — русский церковный деятель, магистр богословия; синодальный миссионер, автор семинарской

программы «Обличение основ социализма», входившей в курс нравственно-богословия; с 1918 г. миссионер-проповедник Московской епархии. Один из ближайших сподвижников протоиерея Иоанна Восторгова. В начале XX в. активный участник монархического движения, член Русского собрания. В годы советской власти неоднократно арестовывался. Реабилитирован посмертно (1995).

Айзенштадт Моисей Гиршевич (1869/1870?–1943) — еврейский общественный и религиозный деятель, казенный раввин Санкт-Петербурга (1909–1918), доктор философии. Умер в эмиграции.

Аклевский — солдат, ставший свидетелем скандального инцидента с пьяным, по заявлению дореволюционных журналистов, Г. Е. Распутиным на пароходе «Товар-Пар» в 1915 г.

Акулина Ивановна — имя трех женщин, называвших себя «богородицами» среди хлыстов и скопцов XVII и XVIII вв. Вероятно, речь идет об Акулине Ивановне орловской — «богородице» хлыстов Орловской губернии, объявившей К. И. Селиванова своим «сыном». Около 1770 г., назвав себя христом, К. И. Селиванов был провозглашен императором Петром III, а Акулина — императрицей Елизаветой Петровной, непорочной девой, будто бы родившей от святого духа Петра III, т.е. Селиванова.

Акулина Тимофеевна — хлыстовская богородица.

Аладжалова Нина Александровна (1917–1991) — советский ученый (исследователь головного мозга), доктор биологических наук (1960).

Александр I Павлович (1777–1825) — с 1801 г. император Всероссийский.

Александр II Николаевич (1818–1881) — с 1855 г. император Всероссийский.

Александр III Александрович (1845–1894) — с 1881 г. император Всероссийский.

Александр Михайлович; «Сандро» (1866–1933) — сын великого князя Михаила Николаевича. Великий князь, адмирал; мемуарист. Умер в эмиграции.

Александра — русская крестьянка, жительница деревни Дубровной Тюменского уезда Тобольской губернии, почитательница Г. Е. Распутина, его «духовная дочь», якобы умершая из-за Г. Е. Распутина.

Александра Федоровна; Alix (Алиса-Виктория-Беатриса-Елена-Бригита-Луиза-Беатрисса; 1872–1918) — дочь великого герцога Гессенского. Супруга императора Николая II; в 1894–1917 гг. императрица Всероссийская. Горячая почитательница Григория Распутина, которого называла «наш Друг». Расстреляна в Екатеринбурге вместе с семьей и слугами. Канонизирована РПЦЗ (1981) и РПЦ (2000).

Алексеев В. — русский журналист, автор заметки в «Петербургском курьере», посвященной Г. Е. Распутину (1914. № 26. 5 февраля).

Алексеев Михаил Васильевич (1857–1918) — русский военный деятель, генерал от инфантерии, генерал-адъютант. Во время Первой мировой войны — начальник штаба Верховного Главнокомандующего (август 1915 — март 1917 и с 30 августа по 9 сентября 1917). В марте-мае 1917 г. Верховный главнокомандующий. Один из создателей Добровольческой армии.

Алексеева Ирина Валерьевна (Шишкина; 1955–2018) — петербургская исследовательница, доктор исторических наук, профессор.

Алексей Михайлович (1629–1676) — второй царь династии Романовых (с 1645). Отец Петра Великого.

Алексей Николаевич (1904–1918) — сын и наследник императора Николая II. Цесаревич и великий князь. Расстрелян в Екатеринбурге вместе с родителями, сестрами и слугами. Канонизирован РПЦЗ (1981) и РПЦ (2000).

Алексий II (Ридигер; 1929–2008) — русский церковный деятель, Патриарх Московский и всея Руси (с 1990).

Алексий (Кузнецов; 1875–1938) — русский церковный деятель, в 1913 г. стал настоятелем Коломенского Богоявленского Старо-Голутвина монастыря Московской епархии, архимандрит; епископ Дмитровский, викарий Московской епархии (1916), епископ Сарапульский (1917–1922). В 1913 г. в С.-Петербурге опубликовал книгу «Юродство и столпничество», которой заинтересовалась императрица Александра Федоровна. После Октябрьского переворота 1917 г. неоднократно арестовывался. Уклонился в обновленческий раскол (1922). Вернулся в патриаршую Церковь (1923), архиепископ (1927). Краткое время был архиепископом Пензенским и архиепископом Тобольским. В 1937–1938 гг. управлял Кировской епархией. Расстрелян, реабилитирован в 1989 г.

Алексий (Молчанов; 1853–1914) — русский церковный деятель, духовный писатель и проповедник, магистр богословия. В 1897 г., будучи священником, овдовел, в 1899 г. принял монашеский постриг, с 1900 г. епископ Чистопольский, викарий Казанской епархии, с 1905 г. епископ Таврический и Симферопольский, с 1910 г. епископ Псковский и Порховский, с 1912 г. епископ Тобольский и Сибирский. Пребывая на Тобольской кафедре, лично взялся за дело по обвинению Г. Е. Распутина в хлыстовстве: изучил материалы, затребовал сведения от причта церкви села Покровское, неоднократно беседовал с самим Г. Е. Распутиным. По результатам расследования было подготовлено и 29 ноября 1912 г. утверждено заключение Тобольской духовной консистории, разосланное многим высокопоставленным лицам и некоторым депутатам Государственной Думы. В заключении Г. Е. Распутин-Новый назван «православным христианином, человеком духовно настроенным и ищущим правды Христовой». В 1913 г. назначен экзархом Грузии, архиепископом Карталинским и Кахетинским, членом Св. Синода.

Алемасов Степан Кондратьевич (1836 — после 1910) — русский крестьянин, житель села Покровского, хорошо знавший Г. Е. Распутина с детства.

Алиса Гессенская (Алиса Саксен-Кобург-Готская; 1843–1848) — дочь британской королевы Виктории, великая герцогиня Гессенская (с 1877); замужем за наследником великого герцогства Гессенского Людвигом (1837–1892) с 1862 г.; мать императрицы Александры Федоровны и великой княгини Елизаветы Федоровны.

Алли Стивен (1876–1969) — британский офицер, отец которого был другом Ф. Ф. Юсупова-старшего. В 1916 г. капитан, офицер британских разведслужб. После начала Первой мировой войны служил под началом С. Хорут

в Петрограде; капитан британских разведслужб (вместе с ним под руководством С. Хора тогда же служили О. Рейнер, К. Торнхилл и Д. Скейл). Английский исследователь Ричард Каллен (автор книги «Распутин», опубликованной в 2010 г.), утверждает, что убийство Г. Е. Распутина было организовано Д. Скейлом, О. Рейнером и С. Алли.

Алмазов Борис (наст. имя и фамилия — Борис Самойлович Монак) — русский публицист и писатель, в 1922 г. в Праге выпустивший книгу «Распутин и Россия. (Историческая справка)».

Альберт Матвей Осипович (ум. до 1916) — русский издатель, предприниматель, коллежский советник. Директор товарищества «Невский судостроительный и механический завод» (ранее — Невский литейно-механический завод; 1902). Председатель правления акционерного Общества машиностроительного завода «Г. А. Лесснер» (1902). Директор Средне-Уральского золотопромышленного акционерного общества (1908). Коллежский советник. С 1899 г. издатель петербургской газеты «Россия», где печатались В. Гиляровский, А. Амфитеатров, В. Дорошевич.

Альбрехт Карл (1836–1893) — немецкий виолончелист, дирижер, композитор, педагог, работавший в России. В 1883–1885 гг. исполнял обязанности директора Московской консерватории.

Амальрик Андрей Алексеевич (1938–1980) — советский диссидент, историк и публицист; автор работы о Г. Е. Распутине. Подвергался арестам в 1965 г. по обвинению в «паразитизме» и в 1970 г. за публикацию на Западе книги «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?» (1969). С 1976 г. в эмиграции. Погиб в автокатастрофе в Испании.

Амфитеатров Александр Валентинович (псевдоним Old Gentleman; 1862–1938) — русский писатель, публицист, фельетонист, критик и драматург. Умер в эмиграции.

Анастасий (Александров; 1861–1918) — русский церковный деятель и ученый-лингвист. Доктор церковной истории *honoris causa* (1910). Епископ Чистопольский, викарий Казанской епархии, ректор Казанской духовной академии (1912); в 1913–1918 гг. епископ Ямбургский, викарий С.-Петербургской епархии, ректор С.-Петербургской (Петроградской) духовной академии.

Анастасия Николаевна (1901–1918) — младшая дочь императора Николая II. Великая княжна. Расстреляна в Екатеринбурге вместе с родителями, братом, сестрами и слугами. Канонизирована РПЦЗ (1981) и РПЦ (2000).

Анастасия Николаевна (1867–1935) — дочь князя Черногорского Николая. Великая княгиня. С 1889 по 1906 г. состояла в браке с принцем Г. М. Лейхтенбергским. С 1907 г. в браке с великим князем Николаем Николаевичем Младшим. Одна из первых почитательниц Г. Е. Распутина, в котором позднее разочаровалась. Умерла в эмиграции.

Адреев Леонид Николаевич (1871–1919) — русский писатель, представитель Серебряного века русской литературы.

Андрей (?–936) — византийский «Христа ради юродивый». Память 2 октября по юлианскому календарю.

Андрей (Ухтомский; 1872–1937) — князь, русский церковный деятель, с 1907 г. епископ Мамадышский, викарий Казанской епархии, с 1911 г. епископ Сухумский, с 1913 г. — епископ Уфимский и Мензелинский. После Февральской революции 1917 г. введен в состав Св. Синода. Член Поместного собора 1917–1918 гг., активный участник совещаний по воссоединению со старообрядцами. В 1919 г. заочно избран единоверческим епископом Саткинским (с оставлением за собой прежней кафедры) и первоиерархом всех единоверцев. Руководил духовенством 3-й армии А. В. Колчака, после его разгрома, осенью 1920 г., выступил с заявлением о лояльности советской власти. Находился в тюрьме в 1920, 1921–1922 гг. Был назначен архиепископом Томским, к управлению епархии не приступил. Активный противник обновленческого движения. Вновь был арестован в 1923 г., находился в среднеазиатской ссылке. В конце 1926 г. возвратился в Уфу, объявил епархию автокефальной, не признавал права Заместителя Патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского). Продолжил начатые в 1922 г. тайные рукоположения епископов, создавая инфраструктуру Истинно-Православной («катакомбной») Церкви, которая действовала неофициально и противостояла официально признанной советской властью («легализованной») церковной организации. Автор термина «истинно-православные христиане». Резко выступил против Декларации митрополита Сергия (Страгородского) 1927. С 1927 г. вновь, с небольшими перерывами (1931–1932), находился в тюрьмах и ссылках. Приговорен к смертной казни и расстрелян в 1937 г. Каноинизирован РПЦЗ (1981).

Адрианов Александр Александрович (1861–1918) — русский военный и полицейский деятель, генерал-майор Свиты Его Императорского Величества, главноначальствующий над Москвой (июль 1914 — май 1915).

Алексеев Н. П. — воронежский землевладелец, знакомый Г. Е. Распутина.

Амельченко — следователь Тобольского окружного суда, летом 1914 г. прозвидевший дознание по делу о покушении на Г. Е. Распутина.

Амельяненко — см.: *Амельченко*.

Андроников Михаил Михайлович (1875–1919) — князь; в 1914–1917 гг. состоял чиновником для особых поручений при обер-прокуроре Св. Синода. Был близок к Г. Е. Распутину в последний период жизни сибирского странника. Расстрелян большевиками.

Андропов Юрий Владимирович (1914–1984) — советский партийный и государственный деятель, председатель КГБ СССР (1967–1982), генеральный секретарь ЦК КПСС (1982–1984), председатель президиума Верховного Совета СССР (1983–1984); генерал армии.

Анна (Ив. до Р. Х.) — в христианской традиции — мать Богородицы, супруга святого Иоакима. Память 9 декабря, 25 июля, 9 сентября по юлианскому календарю.

Анна Александровна — по сообщению журналиста газеты «Вечернее время» (1916. № 1698. 20 декабря) — женщина, заправлявшая «всею» в доме Г. Е. Распутина, в то время, когда он жил на Английском проспекте С.-Петербурга. Кто имеется в виду — не вполне понятно, потому что из близких

к Г. Е. Распутину женщин «Анной Александровной» была только Вырубова, ничем в его доме не «заправлявшая».

Анна Богоприимица — в христианской традиции она, вместе с праведным Симеоном, первыми узнали в принесенном в Иерусалимский Храм Иисусе — Богомладенца Христа. Память 3 февраля по юлианскому календарю.

Анна Иоанновна (1693–1740) — с 1730 г. императрица Всероссийская.

Антоний (Булатович; 1870–1919) — русский церковный деятель, ученый, иеросхимонах, лидер религиозного движения «имяславцев», возникшего на Афоне среди русских монахов. Главным богословским положением сторонников имяславия являлось учение «о незримом присутствии Бога в Божественных именах». В 1913 г. учение «имяславцев» было осуждено как еретическое Св. Синодом, а смута, возникшая в русских монастырях на Афоне из-за споров вокруг этого учения, была подавлена с использованием российской вооруженной силы. Богословская полемика, возникшая в связи с учением «имяславцев», оживила в России интерес к наследию Григория Паламы и исихастов и оказала заметное влияние на развитие русской религиозно-философской мысли. «Имяславцы» и их учение вызывали симпатию у Г. Е. Распутина. Во время Первой мировой войны Антоний (Булатович) не только служил священником, но и во «многих случаях вел солдат в атаку», был награжден наперсным крестом на Георгиевской ленте. В 1916 г. оказался в австрийском плену, сумел бежать, после чего вышел в отставку. Убит бандитами в Сумской области, защищая от ограбления неизвестную женщину.

Антоний (Антоний Исаевич Петров; около 1834 — начало 1900-х) — странник, имевший большую популярность в православной среде России конца XIX в. Выходец из купеческой семьи и первоначально сам занимавшийся торговлей. Антоний в конце концов решил отказаться от той жизни, которую ранее вел, и, надев двухпудовые вериги, начал странствовать по России. Особой популярностью пользовался в Москве, где у него появились последователи и поклонники. Имея от них огромные подношения, Антоний стал одним из самых щедрых церковных благотворителей своего времени. Некоторые современники, однако же, видели в истории Антония уродливые с точки зрения православия и нравственности явления, свидетельствовавшие о нездоровой социально-психологической обстановке в стране. Никакого отношения к семье императора Николая II никогда не имел.

Антоний Печерский (983–1073) — русский православный подвижник, основатель Киево-Печерской лавры. Прославлен в лике преподобного. Память 10 июля, 2 сентября, 28 сентября по юлианскому календарю.

Антоний (Вадковский; 1846–1912) — церковный деятель, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский (с 1898), первенствующий член Св. Синода (с 1900); доктор церковной истории. В 1906 г. руководил работами Предсоборного Присутствия, имел репутацию церковного «либерала».

Антоний (Ильичев) — в 1991–1993 гг. «епископ» Истинно-Православной Катакомбной Церкви («исаакиевской»), созданной в 1989 г. неким «епископом» Исаакием, ранее принадлежавшем к «секачевской» ветви «истинно-православных» христиан. Духовный центр «исаакиевцев» расположен в Вологодской

области. В 1993 г. порвал с «исаакиевцами» и через крещение троекратным погружением был принят в «каноническую» Катакомбную Церковь.

Антоний (Каржавин; 1858–1914) — русский церковный деятель и ученый богослов (магистр богословия за диссертацию «О рационалистических сектах»). С 1895 г. епископ Великоустюжский, викарий Вологодской епархии, с 1897 г. епископ Тобольский и Сибирский. Будучи епископом Тобольским, первым из архиереев стал разоблачать перед высшей церковной властью Г. Е. Распутина, за что в 1910 г. был «с повышением» перемещен в Тверь и возведен в сан архиепископа.

Антоний (Храповицкий; 1863–11936) — русский церковный деятель и ученый-богослов (доктор богословия), с 1897 г. епископ, с 1906 г. архиепископ. В 1906–1907 гг. член Государственного Совета. Член Поместного собора 1917–1918 гг.; был одним из главных кандидатов на получение сана патриарха. С 1918 г. митрополит Киевский и Галицкий. В 1920 г. покинул Россию; председатель Высшего Церковного Управления за границей; председатель Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей; первоиерарх РПЦЗ. Умер в эмиграции.

Арапов Илья Тимофеевич (1879 — после 1915) — русский крестьянин, житель села Покровского, крестник Г. Е. Распутина, которого журналисты называли «духовным братом» сибирского странника.

Аргус (псевдоним Михаила Константиновича Айзенштадта; 1900–1970) — русский писатель-юморист и журналист. С 1919 г. в эмиграции.

Арнштам Оео Оскарович (1905–1979) — советский кинорежиссер и сценарист. Народный артист РСФСР (1969).

Аронсон Григорий Яковлевич (1887–1968) — русский общественный деятель, социал-демократ-меньшевик; публицист и мемуарист. Умер в эмиграции.

Архангельский Алексей Петрович (1872–1959) — русский военный деятель, генерал-лейтенант, в 1917–1918 гг. начальник Главного штаба. Участник Белого движения. Умер в эмиграции.

Архипенко Владимир Кузьмич (1924–1990) — советский журналист, лауреат премии Союза журналистов СССР. С 1967 г. работал в редакции журнала «Коммунист».

Атматкин Маркел Андреевич — русский журналист начала XX в., автор статей о Г. Е. Распутине в газете «Уральский край».

Афинагор Афинский (около 133 — около 190) — греческий философ, один из так называемых апологетов, защищавших христианство во II в. Прославлен в лике святых. Память 24 июля по юлианскому календарю.

Бабушкин Израиль Борисович (1866–1931) — купец первой гильдии, киевский сахарозаводчик начала XX века, промышленник и банкир, меценат. Умер в эмиграции.

Байрон Гордон (1788–1824) — лорд, английский поэт-романтик.

Бадмаев Петр Александрович (1851–1920) — действительный статский советник, доктор Императорской медицины, предприниматель; политический аферист. Крестник императора Александра III. Был хорошо знаком с Г. Е. Распутиным.

Балабанов — покаявшийся хлыст (XIX в.),

Балашов Николай Петрович (1840–1931) — русский государственный деятель, обер-егермейстер, член Государственного Совета (с 1906). Умер в эмиграции.

Балашова Мария Григорьевна (Кантакузина; 1871–1943) — супруга (с 1896) лидера фракции националистов в Государственной Думе III и IV созывов и лидера Всероссийского национального союза П. Н. Балашова (1871 — после 1939). Умерла в эмиграции.

Балк Александр Павлович (1866–1957) — русский военный деятель, генерал-майор, петроградский градоначальник (1916–1917). Мемуарист. Умер в эмиграции.

Барк Петр Львович (1869–1937) — русский государственный деятель, тайный советник. Министр финансов (1914–1917). Член Государственного Совета (1915–1917). Умер в эмиграции, получив в Великобритании титул баронета (1935).

Бас[с]ин Филипп Вениаминович (1905–1992) — советский ученый (психиатр и психолог), доктор медицинских наук, профессор. С 1934 г. сотрудник Института неврологии Академии медицинских наук.

Баталин Иван Андреевич (1844–1918) — русский журналист, редактор и издатель, театральный и литературный критик, судебный репортер.

Башмакова Ирина Александровна (ум. после 1906) — купчиха-миллионерша (проживала в селе Реполово Тобольского уезда). В 1906 г. передала свой дом в Реполово для временного пользования политическим ссыльным. В начале XX в., похоронив супруга, встретила с Г. Е. Распутиным, который сумел духовно ее утешить. По одной из версий, именно она повезла Г. Е. Распутина в Казань, где познакомила с именитыми купцами и духовными лицами. По другой версии, она привезла его в С.-Петербург, где познакомила с о. Иоанном Кронштадтским.

Бебутов Давид Иосифович (1859–1923) — князь, русский общественный и политический деятель, депутат Государственной Думы I и II созывов. Активный деятель партии кадетов. До 1910 г. масон, один из учредителей и секретарь Санкт-Петербургской ложи «Полярная звезда», для заседаний которой тайно предоставлял помещения и комнаты своего столичного особняка и московской квартиры. Одновременно был избран Верховным секретарем совета всех русских масонских лож «Великого Востока» во Франции. Однако в феврале 1910 г. чрезвычайное собрание масонских лож, опасаясь усиления его влияния, объявляет русское масонство «уснувшим», приостанавливая его деятельность, что позволило отстранить Д. И. Бебутова и его единомышленников от руководства. До начала Первой мировой войны эмигрировал в Германию. Создал комитет для помощи интернированным русским, организовал их отправку на родину через Швецию. В 1916 г. вернулся в Россию, в 1917 г. ненадолго арестовывался Временным правительством (обвинен в связях с немцами), в дальнейшем вновь уехал в Германию.

Бейлис Мендель Менахем (1874–1934) — еврей, приказчик кирпичного завода в Киеве, обвиненный в убийстве с ритуальными целями 20 марта 1911 г. православного мальчика Андрея Ющинского. 12 июля 1911 г. был арестован, более

2 лет пробыл под следствием. Обвиняемый на Киевском процессе («дело Бейлиса»; 25 сентября — 30 октября 1913). Оправдан. Опасаясь мести черносотенцев, выехал с семьей в Палестину, откуда в 1920 г. переехал в США (см.: *Тагер А. С.* Царская Россия и дело Бейлиса. Исследования и материалы. М.; Иерусалим, 1995).

Белая С. Н. (псевдоним — маркиза Дляконь) — автор пошлой пьесы «Царскосельская благодать», посвященной Г. Е. Распутину (1917).

Белецкий Степан Петрович (1873–1918) — русский государственный деятель, тайный советник, сенатор. Директор Департамента полиции (1912–1914), товарищ министра внутренних дел (сентябрь 1915 — февраль 1916). Расстрелян большевиками.

Беллинг Александра Александровна (урожд. Невтонова; 1880–1958) — русская оперная и эстрадная певица, мастер художественной куклы (сценический псевдоним — Сандра Беллинг). Знакомая и поклонница Г. Е. Распутина. В годы Первой мировой войны работала в лазарете А. А. Вырубовой. Умерла в эмиграции.

Бельгард Алексей Валерианович (1861–1942) — русский государственный деятель, сенатор (с 1912), мемуарист. Начальник Главного управления по делам печати (с 1905). Умер в эмиграции.

Бельгорд А. — см.: *Бельгард А. В.*

Беляев Михаил Алексеевич (1863–1918) — русский военный деятель, генерал от инфантерии. Военный министр (январь–февраль 1917). 5 февраля 1917 г. вывел Петроградский военный округ из ведения командования Северного фронта в свое подчинение. Расстрелян большевиками.

Беляев Юрий Дмитриевич (1876–1917) — русский театральный критик, журналист, драматург и прозаик.

Бенк Миша (правильно: *Мита*; Бенкендорф Дмитрий Александрович; 1845–1917) — граф, русский государственный деятель, действительный статский советник, член совета Русского для внешней торговли банка, член правления Никополь-Мариупольского горно-металлургического общества; близкий ко Двору человек; художник.

Бенкендорф — см.: *Бенк Миша.*

Берберова Нина Николаевна (1901–1993) — русская писательница, поэт, мемуаристка. С 1922 проживала вне России.

Бердяев Николай Александрович (1874–1948) — русский религиозный философ. В 1922 г. выслан из Советской России, умер в эмиграции.

Берладская Хиония Михайловна (Зайцева; 1878 — после 1918) — вдова поручика Инженерной академии. С Г. Е. Распутиным познакомилась осенью 1906 г.; входила в ближайшее окружение сибирского странника.

Берчик (?–1918) — слуга семьи А. А. Вырубовой, прослуживший у них 45 лет. Был камердинером деда А. А. Вырубовой генерал-лейтенанта И. Н. Толстого (1832–1904).

Бехтерев Владимир Михайлович (1857–1927) — русский ученый (психиатр, невропатолог, физиолог, психолог), доктор медицины, профессор, академик Российской академии наук, тайный советник, генерал-майор медицинской службы.

Бичевская Жанна Владимировна (р. 1944) — российская певица (стиль «русский кантри-фолк»), народная артистка РСФСР (1988). Активная почитательница «соискупительного» подвига императора Николая II и святости Г. Е. Распутина.

Бланкенштейн — представитель еврейской общественности в России, финансист, по словам А. С. Симановича, присутствовал на торжественном обеде, происходившем на квартире Г. Б. Слиозберга, где вместе с Г. Е. Распутиным обсуждался еврейский вопрос и способы его разрешения в империи.

Блок Александр Александрович (1880–1921) — русский поэт, публицист, драматург, переводчик, литературный критик. В 1917 г. служил в должности редактора «Чрезвычайной следственной комиссии для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданских, так и военных и морских ведомств».

Богомолов Трифон — распространитель хлыстовского учения в Оренбургской губернии (XIX в.).

Бойко-Великий Василий Вадимович (р. 1959) — современный российский предприниматель, общественный деятель, президент Русского культурно-просветительного фонда имени святого Василия Великого, председатель оргкомитета партии «Народное движение “Святая Русь”», писатель-публицист.

Боккаччо Джованни (1313–1375) — итальянский писатель и поэт, представитель литературы эпохи раннего Возрождения.

Болтин Леонид Евгеньевич (р. 1957) — современный российский журналист, историк и общественный деятель, в 1989–1997 гг. штатный редактор общества «Радонеж». В 1992 г. стал одним из учредителей Информационно-исследовательской службы «Царское Дело»; научный редактор службы. С 2010 г. на договорной основе сотрудничает с Русским Издательским Центром им. Святого Василия Великого.

Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873–1955) — деятель большевистской партии, ученый-историк, доктор исторических наук. Специалист по истории русского сектантства. Подготовил и выпустил (в качестве редактора) «Материалы к истории и изучению русского сектантства и раскола» (СПб.; Пг., 1908–1916. Вып. 1–7). Встречался с Г. Е. Распутиным. В 1917–1920 гг. управляющий делами Совнаркома. Мемуарист.

Борис Федорович Годунов (1552–1605) — с 1598 г. русский царь.

Борисов — русский инженер, начальник управления железных дорог Министерства путей сообщения в 1910-е.

Борисов В. — см.: *Дувидзон В. В.*

Бороздин (вероятно, Николай Александрович; 1879 — после 1918?) — русский военный деятель, полковник (1913). В 1916 г. и. д. начальника штаба 124-й пехотной дивизии, затем командир 17-го Сибирского стрелкового полка (до 23 января 1917). Отчислен от должности с назначением в резерв чинов при штабе Петроградского военного округа.

Боткин Евгений Сергеевич (1865–1918) — русский врач, лейб-медик семьи императора Николая II; действительный статский советник. Расстрелян вместе с царской семьей в Екатеринбурге. Канонизирован РПЦЗ (1981).

Боханов Александр Николаевич (1944–2019) — московский исследователь, доктор исторических наук, автор книги «Распутин. Анатомия мифа» (М., 2000).

Брежнев Леонид Ильич (1906–1982) — советский партийный и государственный деятель, с 1964 г. Первый (с 1966 — Генеральный) секретарь ЦК КПСС, маршал Советского Союза, председатель президиума Верховного Совета СССР (с 1977), председатель Совета обороны СССР.

Бродский Лев Израилевич (1852–1923) — русский промышленник-сахарозаводчик, коммерции советник, статский советник. Меценат и филантроп. Знакомый Г. Е. Распутина. Умер в эмиграции.

Бруно Джордано (1548–1600) — итальянский монах-доминиканец, философ и поэт. Гелиоцентрист, выдвинувший ряд революционных космологических теорий (о бесконечности Вселенной, о звездах как о далеких солнцах, об отсутствии небесных сфер). В 1592 г. по подозрению в ереси был выдан инквизиционному суду, после семилетнего заключения сожжен на костре как еретик и нарушитель монашеских обетов.

Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926) — русский военный деятель, генерал от кавалерии, военный педагог; мемуарист. С 1916 г. командующий Юго-Западным фронтом, провел успешное наступление (Брусиловский прорыв). В мае-июле 1917 г. Верховный главнокомандующий. С 1920 г. в рядах Красной армии, с 1921 г. председатель комиссии по организации допризывной кавалерийской подготовки; в 1923 г. главный инспектор кавалерии РККА, с 1924 г. состоял при Реввоенсовете для особо важных поручений.

Будда Шакьяммуни (563–483 до Р. Х.) — легендарный основатель буддизма, духовный учитель.

Буксгевден Софья Карловна (1884–1956) — баронесса, фрейлина императрицы Александры Федоровны. Добровольно последовала за царской семьей в Тобольск, а затем (в мае 1918) в Екатеринбург. Избежала ареста и гибели. Умерла в эмиграции.

Булак-Балахович Станислав Никодимович (1883–1940) — русский и польский военный деятель, офицер царской армии, красный командир (до ноября 1918), затем генерал Белой армии и генерал Войска Польского.

Булатович — см.: *Антоний (Булатович)*.

Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944) — русский церковный и общественный деятель, философ и богослов. Участник работ Поместного собора 1917–1918 гг. Священник с 1918 г. Выслан из России в 1922 г. Умер в эмиграции.

Буранов Юрий Алексеевич (1933–2004) — московский исследователь, доктор исторических наук.

Бурдуков Николай Федорович (с 1916 — Бурдуков-Студенский; 1867–1937) — русский государственный деятель, действительный статский советник. Чиновник особых поручений при министре внутренних дел (с 1911). Публицист. Фаворит князя В. П. Мещерского, после его смерти — издатель газеты «Гражданин». Один из доверенных лиц Г. Е. Распутина.

Бурцев Владимир Львович (1862–1942) — народоволец, затем эсер, публицист, издатель журнала «Былое» и газеты «Общее дело», прославился разо-

блачением агента полиции Е. Ф. Азефа. Активный противник большевиков. Умер в эмиграции.

Бутягина Варвара Дмитриевна (урожд. Руднева; 1864–1923) — вторая супруга В. В. Розанова.

Бушуев — диакон, о переводе которого «поближе к Покровскому» хлопотал Г. Е. Распутин.

Бьюкенен Джордж Уильям (1854–1924) — английский государственный деятель, дипломат, мемуарист. Посол Великобритании в России (1910–1918).

Бэттс Ричард (Фома) — православный монах американского происхождения, переводчик и издатель православной литературы, публицист и историк, автор книги «Пшеница и плевелы. Беспристрастно о Г. Е. Распутине» (М., 1997).

Вайнштейн — см.: *Вейнштейн Г. Э.*

Валя [Гофштеттер] — племянница И. А. Гофштеттера, в доме которого встречалась с Г. Е. Распутиным.

Барбург Макс (1867–1946) — член известной берлинской фамилии финансистов и банкиров; в годы Первой мировой войны был прикомандирован в качестве консультанта по продовольственным вопросам к германскому посольству в Стокгольме (Швеция). Известный коллекционер. В 1938 г. эмигрировал из Германии в США, где и умер.

Варламов Алексей Николаевич (1963) — московский исследователь, доктор филологических наук, профессор, писатель и историк литературы, автор книги «Григорий Распутин-Новый» (М., 2007).

Варун-Секрет Сергей Тимофеевич (1868–1962) — русский политический и общественный деятель, депутат Государственной Думы I, II и IV созывов (октябрист). Член Прогрессивного блока. Умер в эмиграции.

Варшавский Абрам Моисеевич (1821–1888) — русский предприниматель, финансист, общественный деятель, купец 1 гильдии, участник железнодорожного строительства; благотворитель. Член комитета Общества для распространения просвещения между евреями в России, один из инициаторов создания Общества ремесленного и земледельческого труда среди евреев в России.

Василий Босой (XVII в.) — юрдивый, пользовавшийся большим влиянием на царя Алексея Михайловича как его советник и наставник. Упоминания о «брате нашем Василии» неоднократно встречаются в царской переписке.

Васильев Александр Петрович (1868–1918) — русский церковный деятель, протоиерей. С 1910 г. преподавал Закон Божий детям императора Николая II. С 1913 г. первый настоятель Феодоровского Государева собора в Царском Селе, в 1914 г. назначен пресвитером Большой церкви Зимнего дворца, духовник царской семьи. Член Главной Палаты Русского Народного Союза им. Михаила Архангела. Расстрелян большевиками в первые дни «красного террора».

Васильев Алексей Тихонович (1869–1930) — деятель русской полиции, действительный статский советник. С 1906 г. чиновник особых поручений при Департаменте полиции, заведующий Особым отделом Департамента полиции. С 1909 г. товарищ прокурора Петербургского окружного суда; с 1913 г. чиновник особых поручений при министре внутренних дел, исполняющий дела

вице-директора Департамента полиции. С октября 1916 по 28 февраля 1917 г. директор Департамента полиции. С 17 декабря 1916 г. и до дня ареста вел расследование убийства Г. Е. Распутина. С марта по сентябрь 1917 г. содержался под арестом в Петропавловской крепости. Умер в эмиграции.

Васильчикова Мария Александровна (1859–1934) — русская дворянка, фрейлина; в 1893–1906 гг. помощница попечительницы школы, после 1904 г. получившей имя наследника цесаревича Алексея Николаевича. Владелица имения Глогниц (Австро-Венгрия). В конце 1915 г. добилась разрешения выехать в Россию (при ней находились письма великого герцога Гессенского Эрнста Людвига, адресованные его сестрам: императрице Александре Федоровне и великой княгине Елизавете Федоровне). По высочайшему повелению была задержана и выслана под надзор полиции сначала в Черниговскую, а затем в Вологодскую губернию. Министр внутренних дел А. Н. Хвостов утверждал, что в защиту Васильчиковой выступал Г. Е. Распутин. В мае 1918 г. вернулась в Австрию.

Варнава Гефсиманский (Меркулов; 1831–1906) — русский православный подвижник, иеромонах Гефсиманского скита Троице-Сергиевой лавры. Почитался верующими как старец. Существует сообщение о том, что в январе 1905 г. на исповедь к нему приезжал император Николай II. Канонизирован РПЦ в лике святых (1995). Память 17 февраля.

Варнава (Накропин; 1859–1924) — русский церковный деятель, епископ Тобольский и Сибирский (с 1913), архиепископ (1916). Считался человеком, близким к Г. Е. Распутину. Приобрел скандальную известность в связи с подготовкой канонизации святителя Иоанна Тобольского. После Февраля 1917 г. был отправлен на покой. Допрашивался следователями Временного правительства, в дальнейшем — и представителями советской власти.

Вед. — русский журналист, автор заметки о Г. Е. Распутине в «Вечернем времени» (1911. № 18. 16 декабря).

Васильев Сергей Евгеньевич (р. 1952) — петербургский предприниматель, православный меценат и общественный деятель (председатель общественной организации «Православный Санкт-Петербург», руководитель Православного радио С.-Петербурга, учредитель журнала «Православный летописец Санкт-Петербурга»). При заводе АТИ создал православный драматический театр «Странник», в котором 29 декабря 2016 г. имел место памятный вечер, посвященный 100-летию убийства Г. Е. Распутина.

Васса Родионова — царичинская почитательница иеромонаха Илиодора (Труфанова).

Вейнштейн Григорий Эммануилович (1860–1929) — российский предприниматель, промышленник, инженер, общественный деятель. Заместитель председателя совета съездов мукомолов. Председатель Одесского биржевого комитета. В 1915 г. был избран в Государственный Совет, где голосовал с большинством, присоединившимся к требованиям Прогрессивного блока. Умер в эмиграции.

Вельяминов Николай Александрович (1855–1920) — русский хирург, доктор медицины, профессор (с 1894) и начальник Военно-медицинской академии (1910–1912), почетный лейб-хирург.

Вениамин (Федченков; 1880–1961) — русский церковный деятель, в 1911–1917 гг. был ректором Таврической, затем Тверской духовных семинарий; архимандрит. В начале XX в. был близок к Г. Е. Распутину; составил для императрицы Александры Федоровны биографию сибирского странника. Член Поместного собора 1917–1918 гг. Духовно окормлял войска генерала П. Н. Врангеля. Епископ с 1919 г. В 1920 г. эмигрировал; в 1927 г. вернулся в Московскую Патриархию, с 1933 г. управлял епархией РПЦ в Америке, митрополит (1938). Вернулся в СССР (1947). Управлял Рижской, Ростова-на-Дону и Саратовской епархиями. Духовный писатель, мемуарист.

Веселовский Александр — в 1914 г. сотрудник газеты «Петербургский курьер».

Веселовский С. — русский кинодеятель, режиссер вульгарного фильма 1917 г. «Темные силы — Григорий Распутин и его сподвижники».

Виктория Федоровна (1876–1936) — дочь герцога Саксен-Кобург-Готского и Эдинбургского, первая супруга брата императрицы Александры Федоровны великого герцога Гессенского Эрнста Людвиг (в 1894–1901). В 1905 г., в нарушение российского закона, стала супругой своего двоюродного брата великого князя Кирилла Владимировича. Брак был признан императором Николаем II в 1907 г. С 1917 г. в эмиграции. В 1924 г., после того, как ее супруг объявил себя «императором в изгнании», приняла титул «императрицы».

Вилкин Ефим — см.: *Распутин Е. Я.*

Вильгельм II Гогенцоллерн (1859–1941) — император Германии и король Пруссии в 1888–1918 гг. Отрекся от престола, проживал в поместье Дорн (Нидерланды). Мемуарист.

Вильтон Роберт Арчибальд (1868–1925) — английский журналист, работавший в России в годы Первой мировой войны, революции 1917 г. и гражданской войны. Автор книг «Russia's Agony» (London, 1918) и «The Last Days of the Romanovs» (London, 1920).

Винавер Максим Моисеевич (1863–1926) — общественный и политический деятель, депутат Государственной Думы I созыва; один из лидеров партии кадетов. Один из учредителей Союза для достижения полноправия еврейского народа в России (1905), с 1907 г. был лидером Еврейской народной группы. Мемуарист. Умер в эмиграции.

Витте Сергей Юльевич (1849–1915) — русский государственный деятель, граф (с 1905), действительный тайный советник; член Государственного Совета (с 1903), «творец» Манифеста 17 октября 1905 г., первый председатель Совета министров Российской империи (1905–1906). Мемуарист. Попытался заигрывать с Г. Е. Распутиным, надеясь с его помощью вновь вернуться к власти.

Витте Матильда Ивановна (урожд. Нурок, по другим данным — Хотимская; по первому мужу Лисаневич; 1864 — после 1937) — графиня (с 1905), супруга (с 1892) С. Ю. Витте. Опубликовала в эмиграции воспоминания супруга. Умерла в эмиграции.

Вишневский Владимир Евгеньевич (1898–1952) — советский киновед и педагог, автор книги «Художественные фильмы дореволюционной России: фильмографическое описание» (М., 1945).

Владимир (Богоявленский; 1848–1918) — русский церковный деятель, митрополит Московский (1898–1912), Петербургский/Петроградский (1912–1915) и Киевский (1915–1918). Первенствующий член Св. Синода (1912–1917). Член Поместного собора 1917–1918 гг., почетный председатель Собора. Противник и критик Г. Е. Распутина. Убит большевиками. Канонизирован РПЦ (1992) в лике священномученика. Память 25 января по юлианскому календарю.

Владимир Святой (Святославич) (около 960–1015) — князь Киевский (978–1015), креститель Руси. Прославлен в лике святых как равноапостольный. Память 15 июля по юлианскому календарю.

Владимиров И. — русский журналист, оставивший описание посещения императором Николаем II Сарова в 1903 г.

Вогюэ Эжен-Мельхиор де (1848–1910) — французский дипломат, писатель, литературный критик, историк литературы, член Французской академии. Знаток русского языка и популяризатор на Западе русской литературы.

Войков Владимир Николаевич (1868–1947) — дворянский комендант (1913–1917), генерал-майор Свиты Его Императорского Величества. Крестный цесаревича Алексея Николаевича. Мемуарист. Умер в эмиграции.

Волжин Александр Николаевич (1860–1933) — русский государственный деятель в должности гофмейстера. Обер-прокурор Св. Синода (1915–1916). Член Государственного Совета (1916–1917). Умер в эмиграции.

Волошин Максимилиан Александрович (1877–1932) — русский поэт, переводчик, критик.

Вольтер (Франсуа-Мари Аруэ; 1694–1778) — французский философ-просветитель, поэт, прозаик, сатирик, трагик, историк и публицист.

Воробьевский Юрий Юрьевич (1956) — современный православный журналист, один из создателей журнала «Русский Дом», с 1997 г. заместитель главного редактора и шеф-редактор тематических программ телекомпании «Москва».

Востоков Владимир Игнатьевич (1868–1957) — русский церковный и общественный деятель, публицист и мемуарист, активный критик социалистических идей, деятель антиалкогольного движения, митрофорный протоиерей, протопресвитер (с 1954). Активный противник Г. Е. Распутина, видел в нем угрозу для Церкви и престола, осуждал его деятельность в проповедях и статьях. Член Поместного собора 1917–1918 гг. Участник Белого движения. В дальнейшем — клирик РПЦЗ. Умер в эмиграции.

Восторгов Иоанн Иоаннович (1864–1918) — русский церковный деятель и духовный писатель, миссионер, деятель монархического движения; протоиерей. С 1897 по 1905 г. служил в Тифлисе (законоучитель женской и мужской гимназий; редактор «Духовного вестника Грузинского Экзархата»). В 1910 г. стал жертвой обвинений в распутстве, его сравнивали с Г. Е. Распутиным (см., напр.: Царицынская мысль. 1910. 11 августа. № 162. С. 2–3). С января 1906 г. проповедник-миссионер с правами противосектантского епархиального миссионера, переехал в Москву. Во время служения в Московской епархии был одним из ближайших соратников митрополита Владимира (Богоявленского). С 1910 г. руководитель Высших богословских женских курсов в Москве, в 1913 г. преобразованных в Женский миссионерский институт. С 1911 г. заведующий

псаломщическими курсами в Москве для приготовления псаломщиков в епархии Сибири и Дальнего Востока. Расстрелян большевиками. Канонизирован РПЦ (2000) в Соборе новомучеников и исповедников Российских. Память 23 августа по юлианскому календарю.

Врангель Николай Егорович (1847–1923) — барон, русский предприниматель, мировой судья; отец белого генерала П. Н. Врангеля. Мемуарист. Умер в эмиграции.

Врангель Петр Николаевич (1878–1928) — барон, российский военный деятель, один из главных руководителей Белого движения в годы гражданской войны, Генерального штаба генерал-лейтенант (1918). Главнокомандующий Русской армии в Крыму и Польше (1920). Мемуарист. Умер в эмиграции (по некоторым данным был отравлен по заданию советских спецслужб).

Вырубова Анна Александровна (Танеева до 1907 и после 1920; 1884–1964) — фрейлина (1904) и ближайшая подруга императрицы Александры Федоровны. В 1907–1908 гг. состояла в браке с морским офицером А. Вырубовым. Одна из самых активных почитательниц Г. Е. Распутина. В ее царскосельском доме сибирский странник неоднократно встречался с императрицей Александрой Федоровной. К 1917 г. в России воспринималась как одна из наиболее одиозных фигур, оказывавших влияние на ход политических дел в стране. Мемуаристка. Подложный «дневник А. А. Вырубовой» публиковался в журнале «Минувшие дни» (1927–1928). Умерла в эмиграции.

Высоцкий Вениамин Николаевич — сельский врач, летом 1914 г. оперировавший раненого Х. К. Гусевой Г. Е. Распутина.

Гаар — этнический немец, супруг потомственной почетной гражданки Марии Генриховны Гаар (поклонницы Г. Е. Распутина). Хлопотал у сибирского странника о помиловании своей жены.

Гавриил Белостокский (Гавриил Петрович Говдель; 1684–1690) — почитаемый отдельными представителями православных кругов в качестве «святого» и «мученика» белорусский мальчик, согласно имеющей хождение традиции «умученный иудеями». Официальной канонизации Гавриила в РПЦ не было, но к концу XIX в. он почитался в Литовской и Гродненской епархиях. Существует версия о том, что акт канонизации объявил константинопольский патриарх Григорий V в 1820 г. Память совершается 20 апреля и 9 мая по юлианскому календарю.

Гаврилов А. К. — русский журналист, автор статьи о Г. Е. Распутине, опубликованной в газете «Дым Отечества» (1914. № 26. 26 июня).

Гайда Федор Александрович (р. 1976) — московский исследователь, кандидат исторических наук, доцент. Лауреат первой премии фонда памяти митрополита Макария (Булгакова) в номинации «История России» за 2005 г.

Галле Владислав Францевич (1862 — после 1917) — русский полицейский деятель, генерал-майор, полицмейстер петербургской (петроградской) столичной полиции (1903–1914 и в 1916–1917).

Ганнушкин Петр Борисович (1875–1933) — русский психиатр, доктор медицины, профессор, создатель отечественной психиатрической школы. В психиатрии

применяются так называемые «критерии психопатии Ганнушкина-Кебрикова». Характер можно считать патологическим, расценивать как психопатию, по таким признакам: 1) относительная стабильность во времени — малые изменения в течение жизни; 2) тотальность проявлений — одни и те же черты характера обнаруживаются повсюду, в любых обстоятельствах; 3) дезадаптация социальная (пожалуй, самый важный признак); состоит в том, что у человека постоянно возникают жизненные трудности, испытываемые либо им самим, либо окружающими, либо ими вместе.

Гапон Георгий Аполлонович (1870–1906) — православный священник, создатель и руководитель Собрания русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга (1903–1905). Организатор демонстрации 9 января 1905 г. Убит за сотрудничество с Департаментом полиции бывшими единомышленниками — членами партии эсеров. Автор книги «История моей жизни».

Гаранин Борис Георгиевич — русский офицер, в 1909 г. подпоручик Кавказского осадного артиллерийского полка, в 1916 г. служил в Михайловской горной батарее. В 1920 г., в Берлине, совместно с Н. Д. Тальбергом, выступил автором предисловия к книге В. М. Руднева «Правда о царской семье и “темных силах”».

Гарязин Александр Львович (1868–1918) — русский издатель, журналист, общественный деятель, один из лидеров русских националистов и организаторов Всероссийского Национального Союза. В 1912–1913 гг. издатель еженедельной газеты «Дым Отечества». Оказывал поддержку Г. Е. Распутину, трезвенническому и имяславческому движениям. В 1917 г. директор-распорядитель технико-промышленного транспортного общества «Протран». В 1918 г. представитель лесной фирмы «Оскар Стевени», контрагент Мурманского и Кемского портов. 3 июня 1918 г. арестован как участник «Каморры Народной Расправы» и расстрелян 2 сентября 1918 г.

Георгий Победоносец (?–303/304?) — христианский святой, великомученик, пострадавший при гонениях императора Диоклетиана. Память 23 апреля по юлианскому календарю.

Георгий Хозевит (?–625) — христианский праведник, подвизавшийся в Палестине и прославившийся строгой монашеской жизнью. Память 8 января по юлианскому календарю.

Герасим Иорданский (?–475) — христианский подвижник, первоначально подвизавшийся в египетской пустыне, а затем на берегу реки Иордан. Согласно преданию, приручил дикого льва, вылечив его от ран. Память в РПЦ 4 марта по юлианскому календарю.

Герасимов Александр Васильевич (1861–1944) — русский полицейский деятель, жандармский генерал-лейтенант; начальник Петербургского охранного отделения (1905–1909), генерал для поручений при министре внутренних дел (с 1909). С 1914 г. в отставке. Благодаря сотрудничеству с Е. Ф. Азефом предупредил террористические акты против императора Николая II, великого князя Николая Николаевича, министра И. Г. Щегловитова и премьер-министра П. А. Столыпина. Мемуарист. Умер в эмиграции.

Гермоген (около 1530–1612) — патриарх Московский и всея Руси (1606–1612), национальный герой эпохи Смуты. Канонизирован РПЦ

в лике святителей (1913). Дни памяти 17 февраля и 12 мая по юлианскому календарю.

Гермоген (Долганев; 1858–1918) — русский церковный деятель, выпускник юридического факультета Новороссийского университета (1886) и С.-Петербургской духовной академии, обучаясь в которой принял монашеский постриг (1890) и был рукоположен в сан иеромонаха (1892). Согласно имевшим хождение до революции 1917 г. слухам, подверг себя самооскопленю. В 1898–1901 гг. ректор Тифлисской духовной семинарии, из которой по его требованию был отчислен семинарист И. В. Джугашвили (Сталин). Епископ Вольский, викарий Саратовской епархии (1901), в 1903–1912 гг. епископ Саратовский и Царицынский. Один из организаторов отделения Союза русского народа в Саратове. Активный миссионер, борец с сектантством. Первоначально друг, а потом непримиримый враг Г. Е. Распутина. В 1911 г. член Св. Синода, противник введения института диаконов в РПЦ, 16 декабря 1911 г. на Ярославском подворье в С.-Петербурге, вместе с иеромонахом Илиодором и сочувствовавшими им лицами, в резкой форме потребовал от Г. Е. Распутина клятвы не приходить в царский дворец. В начале января 1912 г. уволен от присутствия в Св. Синоде, решению не подчинился, выступив с заявлениями в печати. В результате 17 января 1912 г. был уволен от управления епархией и сослан в Жировицкий монастырь Гродненской епархии; в августе 1915 г. переведен в Николо-Угрешский монастырь Московской епархии. После Февральской революции 1917 г. епископ Тобольский и Сибирский. Член Поместного собора 1917–1918 гг. Убит (утоплен в реке Туре) большевиками, обвинявшими его в симпатиях к находившемуся в Тобольске императору Николаю II. Канонизирован РПЦ (2000). Память 16 июня, 20 августа и 5 ноября по юлианскому календарю.

Гессе Петр Павлович (1846–1905) — русский военный и придворный деятель, генерал-лейтенант, генерал-адъютант; дворцовый комендант (с 1896).

Гессен Иосиф Владимирович (1865–1943) — русский общественный и политический деятель, публицист, издатель и мемуарист. Один из организаторов и руководителей Конституционно-демократической партии; депутат Второй Государственной Думы. Соредактор (вместе с П. Н. Милюковым) газеты «Речь». Умер в эмиграции.

Гете Иоганн Вольфганг фон (1749–1832) — немецкий поэт, государственный деятель, мыслитель, философ и естествоиспытатель.

Гилларовский Владимир Алексеевич (1855–1935) — русский писатель и журналист.

Гинзбург Семен Сергеевич (1907–1974) — советский исследователь кино, доктор искусствоведения, автор книги «Кинематография дореволюционной России» (М., 1963).

Гинцбург (вероятно, Владимир Горадиевич; 1873 — после 1917) — барон, сын одного из крупнейших банкиров России Г. О. Гинцбурга (1833–1909); был женат на дочери сахарозаводчика Л. И. Бродского.

Гиппиус Зинаида Николаевна (1869–1945) — русская поэтесса, прозаик, эссеист и мемуарист. Супруга Д. С. Мережковского. Умерла в эмиграции.

Гитлер Адольф (Шикльгрубер; 1889–1945) — фюрер немецкой национал-социалистской рабочей партии (с 1921), рейхсканцлер (с 1933), главный немецко-фашистский преступник.

Гладков С. — русский актер; в вульгарном фильме 1917 г. «Темные силы — Григорий Распутин и его сподвижники» сыграл главную роль.

Глинка-Янчевский Станислав Казимирович (1844–1921) — русский общественный деятель, предприниматель и публицист; редактор газеты «Земщина» (1913–1917), воинствующий антисемит. Действительный член Русского Собрания.

Глобачев Константин Иванович (1870–1941) — русский полицейский деятель, генерал-майор. В 1915–1917 гг. начальник Петроградского охранного отделения. Мемуарист. Умер в эмиграции.

Глуховцев — в начале XX в. противосектантский миссионер Тюменского уезда, в январе 1908 г. в сопровождении настоятеля Покровской церкви священника Петра Остроумова и священника Федора Чемагина обыскивавший дом, баню, амбары, подполье дома Г. Е. Распутина в поисках некоей «кадки», вокруг которой будто бы происходили радения. Ничего найдено не было.

Гоголь Николай Васильевич (1809–1852) — русский писатель.

Гойя Франсиско (1746–1828) — испанский художник эпохи романтизма.

Голицын Николай Дмитриевич (1850–1925) — князь, русский государственный деятель, действительный тайный советник, сенатор. Последний председатель Совета министров Российской империи. Член Государственного Совета (1915–1917). Расстрелян большевиками.

Головина Мария Евгеньевна (Муняя; 1887–1972) — младшая дочь Л. В. Головиной. Входила в число ближайшего окружения Г. Е. Распутина. Умерла в эмиграции.

Головина Любовь Валериановна (Карнович; 1853–1938) — вдова действительного статского советника. Входила в ближайшее окружение Г. Е. Распутина.

Головины — мать и дочь, почитательницы Г. Е. Распутина.

Гончаренкова Ксения Васильевна (около 1874 — после 1917) — крестьянка, одна из наиболее знаменитых «сексуальных жертв» Г. Е. Распутина, о которой много писали в русской повременной печати 1910-х. Поклонница иеромонаха Илиодора (Труфанова), «монахиня» Ксения в ноябре 1914 г. дала специальные показания о своих отношениях с Г. Е. Распутиным, в которых не было ни одного слова о том, что он ее «соблазнил» (см.: *Платонов О. А.* Жизнь за Царя. (Правда о Григории Распутине). СПб., 1996. С. 128–130 и др.).

Горбачев Михаил Сергеевич (р. 1931) — советский партийный и государственный деятель, генеральный секретарь ЦК КПСС (1985–1991), Президент СССР (1990–1991).

Горбенкова — согласно заявлению журналиста газеты «Царицынская мысль» (1910. № 162. 11 августа), скрывшегося под псевдонимом «А. Л.», — одна из жертв «сексуального насилия», якобы учиненного протоиереем Иоанном Восторговым в бытность законоучителем женской гимназии в Тифлисе.

Горемыкин Иван Логгинович (1837–1917) — русский государственный деятель, действительный тайный советник 1-го класса. Министр внутрен-

них дел (1895–1899); председатель Совета министров (апрель-июль 1906; 1914–1916). Член Государственного Совета (1899–1917). Убит грабителями.

Горький Максим (Пешков Алексей Максимович; 1868–1936) — русский писатель.

Гофштеттер Ипполит Андреевич (1862–1950) — русский журналист, поэт, богослов; представитель «либерального народничества». Сотрудничал в «Русском богатстве», «Наблюдателе», «С.-Петербургских ведомостях», «Новом времени». В начальный период пребывания Г. Е. Распутина в С.-Петербурге — его близкий знакомый («литературный друг»), затем жесткий критик. Умер в эмиграции. Оставил воспоминания о сибирском страннике («Григорий Распутин как загадочный психологический феномен русской истории (по личным воспоминаниям)». М., 2017). Умер в эмиграции.

Гофштеррет Лидия Эрастовна (урожд. княжна Ухтомская; ?–?) — супруга И. А. Гофштеттера, приятельница супруги В. В. Розанова В. Д. Бутягиной.

Граббе Д. М. — см.: *Граббе М. Н.*

Граббе Михаил Николаевич (1868–1942) — граф, русский военный деятель, генерал-лейтенант, последний наказной атаман Войска Донского (1916–1917). После 1917 г. активный участник монархического движения за границей. Умер в эмиграции.

Григорий Александрийский (IX в.) — епископ Александрийский. Согласно церковному преданию, обличал византийского императора-иконоборца Льва V (812–820), за что был посажен в темницу, а затем отправлен в ссылку, где скончался. Память 5 ноября по юлианскому календарю.

Григорий Богослов (около 325–389) — один из отцов Церкви, христианский богослов, архиепископ Константинопольский. Сохранилось 245 посланий (писем) 507 стихотворений и 45 «Слов» Григория Богослова. Прославлен в лике святителя. Память 25 и 30 января по юлианскому календарю.

Григорий VII (Гильдебранд; 1020/1025–1085) — папа римский (с 1073). Утвердил в Римско-Католической Церкви целибат, боролся с германскими императорами за политическое преобладание, вынудил императора Генриха IV (1050–1106) явиться к нему с покаянием в крепость Каносса. Святой Римско-Католической Церкви. Память 25 мая.

Григорий Палама (1296–1359) — христианский мистик, византийский богослов и философ, создатель философского обоснования практики исихазма, отец и учитель Церкви, архиепископ Фессалоникийский. Прославлен в лике святителя. Память 14 ноября по юлианскому календарю.

Григорович Иван Константинович (1853–1930) — русский военно-морской и государственный деятель, адмирал, генерал-адъютант, член Государственного Совета (1913–1917), морской министр (1911–1917). Мемуарист. Умер в эмиграции, уехав во Францию в 1924 г.

Григорьев Георгий Николаевич (1868 — после 1917) — русский полицейский деятель, генерал-майор, полицмейстер 2 отделения (3-й участок Казанской части, Нарвская и Коломенская части, пригородный Петергофский участок), член Петроградского столичного присутствия по делам страхования рабочих.

Григорьева Евгения — согласно заявлению журналиста газеты «Царьцинская мысль» (1910. № 162. 11 августа), скрывшегося под псевдонимом «А. Л.», — одна из жертв «сексуального насилия», якобы учиненного протоиереем Иоанном Восторговым в бытность законоучителем женской гимназии в Тифлисе.

Гротгус Оттон-Карл Оттонович фон (?-?) — барон, статский советник, служил в Департаменте полиции, в 1905 г. вышел в отставку, перешел на частную службу (Перновская целлулоидная фабрика германского акционерного общества «Вальдгоф»). В 1915 г. приговорен военным судом вместе с О.-Ю. Г. Фрейнатом в качестве соучастника полковника С. Н. Мясоедова к лишению всех прав состояния и к бессрочной ссылке в каторжные работы.

Грузенберг Израиль Иосифович (1866–1940) — юрист и общественный деятель, специалист по политическим и уголовным делам. Выступал защитником известных писателей, общественных и политических деятелей (в том числе Максима Горького, В. Г. Короленко, К. И. Чуковского, П. Н. Милюкова, Л. Д. Троцкого и других); в 1913 г. один из защитников на процессе М. Бейлиса. После Февраля 1917 г. сенатор Уголовного департамента Правительствующего Сената. Умер в эмиграции.

Грюн Вернер — см.: *Gruhn Werner*

Гуальтьеро Сальветти — итальянский историк, автор книги «Rasputin. Un monaco seduttore alia corte degli zar. De Vecchi (Milano, 1968).

Гумилев Николай Степанович (1886–1921) — русский поэт. Расстрелян большевиками.

Гурко Владимир Иосифович (1862–1927) — русский государственный деятель, действительный статский советник. Товарищ министра внутренних дел (1906). Член Государственного Совета (1912–1917). Сын генерал-фельдмаршала И. В. Гурко (1828–1901). Мемуарист. Умер в эмиграции.

Гурьянов Николай Алексеевич («Николай Залитский»; 1909–2002) — русский церковный деятель, митрофорный протоиерей, один из наиболее почитаемых старцев Русской Православной Церкви конца XX — начала XXI в. С 1958 г. служил на острове Залит (Талабск), расположенном на Псковском озере. Ныне учреждено Общество ревнителей памяти праведного Николая Псковоозерского (Николая Гурьянова).

Гусева Хиония Кузьминична (1881 — после 1919) — мещанка, последовательница иеромонаха Илиодора (Труфанова), осуществила неудачное покушение на жизнь Гр. Распутина (1914). До Февральской революции содержалась в психиатрической лечебнице. Уже 27 марта 1917 г. по личному распоряжению А. Ф. Керенского была выпущена из больницы на свободу. 29 июня 1919 г. на паперти Храма Христа Спасителя совершила покушение на патриарха Тихона (Беллавина); была признана судом невменяемой.

Гучков Александр Иванович (1862–1936) — русский общественный и политический деятель, действительный статский советник. Лидер Союза 17 Октября. Член Государственного Совета (1907; 1915–1917). Член и председатель (1910–1911) Государственной Думы III созыва. Принимал отречение императора Николая II. Умер в эмиграции.

Д'Арк Жанна (1412–1431) — национальная героиня французского народа, святая Римско-Католической Церкви (1920).

Давид (около 1035 — около 965) — древнееврейский царь, основатель династии царей Иудеи, согласно христианским представлениям — пророк и герой веры, «праотец Иисуса». Автор библейских псалмов.

Далинников — торговец, ставший свидетелем скандального инцидента с пьяным, по заявлению дореволюционных журналистов, Г. Е. Распутиным на пароходе «Товар-Пар» в 1915.

Даманский Петр Степанович (1859–1916) — русский церковный деятель, тайный советник, сенатор. В 1910–1912 гг. директор Хозяйственного управления Св. Синода, в 1912–1915 гг. товарищ обер-прокурора Св. Синода. Считался одним из наиболее близких к Г. Е. Распутину руководителей ведомства православного исповедания.

Данилов В. Н. — см.: *Данилов Ю. Н.*

Данилов Юрий (Георгий) Никифорович (1866–1937) — русский военный деятель; в Первую мировую войну генерал-квартирмейстер при Верховном главнокомандующем (1914–1917). Консультант Л. Д. Троцкого (1918–1919), начальник военного управления в правительстве П. Н. Врангеля (1920). Мемуарист. Умер в эмиграции.

Данте Алигьери (1265–1321) — итальянский поэт, мыслитель, богослов, один из основоположников литературного итальянского языка; политический деятель.

Дедюлин Владимир Александрович (1858–1913) — русский военный и государственный деятель, генерал-лейтенант, генерал-адъютант. Петербургский градоначальник (январь–декабрь 1905); командир Отдельного корпуса жандармов (1905). В 1906–1913 гг. дворцовый комендант.

Декарт Рене (1596–1650) — французский философ, математик, физик, создатель аналитической геометрии и алгебраической символики.

Демидов Элим Павлович (1868–1943) — князь Сан-Дonato, русский государственный деятель и дипломат, действительный статский советник, в 1912–1917 гг. чрезвычайный посланник и полномочный министр в Греции при королеве элинов. Умер в эмиграции.

Демичев Петр Нилович (1918–2010) — советский партийный и государственный деятель, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС (1964–1988), министр культуры СССР (1974–1986), первый заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР (1986–1988).

Деникин Антон Иванович (1872–1947) — российский военный, политический и общественный деятель, Генерального штаба генерал-лейтенант. Один из основных организаторов, а затем командующий Добровольческой армией (1918–1919). Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России (1919–1920), заместитель верховного главнокомандующего Русской армии адмирала Колчака (1919–1920) и его официальный будущий преемник на посту Верховного правителя России (отказался от вступления в должность). Мемуарист. Умер в эмиграции.

Деревенко Владимир Николаевич (1879–1936) — доктор медицины, лейб-хирург (с 1912) и лечащий врач цесаревича Алексея Николаевича. После

Февральской революции 1917 г. врач цесаревича и Отряда особого назначения в Тобольске. В конце мая 1918 г. в Екатеринбурге перешел на советскую медицинскую службу. После прихода белых войск остался у них, но после разгрома Белого движения не покинул страну. Многократно арестовывался; погиб в советском концлагере.

Дерфельден Марианна Мария-Анна Эриковна фон (фон Пистолькорс; 1890–1976) — падчерица великого князя Павла Александровича, «светская львица» петербургского света начала XX в. В годы Первой мировой войны сестра милосердия. Распространяла слухи, порочившие императрицу Александру Федоровну. По некоторым данным, участвовала в сокрытии убийства Г. Е. Распутина в декабре 1916 г. Вместе с В. А. Коралли была во дворце Ф. Ф. Юсупова в ночь убийства. Организаторы убийства официально никогда и никому не рассказывали об этом. Умерла в эмиграции.

Дже[й]мс Уильям (1842–1910) — американский ученый (философ и психолог), «отец» современной психологии; профессор психологии Гарвардского университета, автор книги «Многообразии религиозного опыта» (1902), изданной в России в 1910 г.

Джанумова [Анна]-Елена Францевна (1879 — после 1922) — супруга московского купца, знакомая Г. Е. Распутина, который относился к ней с глубоким уважением, автор воспоминаний «Мои встречи с Распутиным» (М.; Пг., 1923).

Джунковский Владимир Федорович (1865–1938) — русский государственный, политический и военный деятель, генерал-лейтенант; мемуарист. В 1913–1915 гг. товарищ министра внутренних дел и командующий Отдельным корпусом жандармов. Активный противник Г. Е. Распутина. Расстрелян большевиками.

Дидро Дени (1713–1784) — французский философ-просветитель и драматург, основавший «Энциклопедию, или Толковый словарь наук, искусств и ремесел». Иностраннный почетный член Петербургской академии наук (1773).

Дмитрий Павлович (1891–1942) — сын великого князя Павла Александровича, внук императора Александра II, великий князь. Несостоявшийся жених дочери императора Николая II великой княжны Ольги Николаевны. Один из организаторов и непосредственных исполнителей убийства Г. Е. Распутина. Умер в эмиграции.

Добровольский Николай Александрович (1854–1918) — русский государственный деятель, егермейстер, сенатор, последний царский министр юстиции. Расстрелян большевиками.

Добрый Абрам Юрьевич (Уриевич) (1867–1936) — купец первой гильдии, потомственный почетный гражданин Киева, киевский сахарозаводчик начала XX в., директор Киевского отделения Русского для внешней торговли банка. В 1915 г. один из лидеров Всероссийского общества сахарозаводчиков (член правления). В 1916 г. был арестован «за сотрудничество с немцами». Один из тех, кто за него вступился, был Г. Е. Распутин. Умер в эмиграции.

Довидзон — см.: *Дувидзон В. Б.*

Долгих Владимир Иванович (1924) — советский и российский государственный деятель, доктор технических наук. Секретарь ЦК КПСС (1972–1988), заведу-

ющий Отделом тяжелой промышленности и энергетики ЦК КПСС (1976–1984). Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС (1982–1988). Депутат Государственной Думы 6-го созыва (2011–2013). Член Совета Федерации (2013–2018).

Дорошевич Влас Михайлович (1864–1922) — русский журналист, фельетонист, театральный критик.

Достоевский Федор Михайлович (1821–1881) — русский писатель.

Дрентельн Александр Александрович фон (1868–1925) — русский военный деятель, генерал-майор Свиты Его Императорского Величества, командир лейб-гвардии Преображенского полка (1915–1917).

Дубенский Дмитрий Николаевич (1857–1923) — русский военный деятель, писатель и издатель, генерал-майор. Издал «Летописи войны с Японией» и «Летописи Великой войны». В Первую мировую войну состоял в Свите Его Императорского Величества в качестве официального историографа. Издатель-редактор иллюстрированного журнала «Летопись войны 1914–1917»; подготовил четыре выпуска издания «Его Императорское Величество Государь император Николай Александрович в действующей армии за 1914 — февраль 1916 г.». Умер в эмиграции.

Дубровин Александр Иванович (1855–1921) — русский общественный деятель крайне правого направления, основатель Союза русского народа и председатель его Главного совета (1905); по образованию врач. В 1912–1917 гг. председатель Всероссийского Дубровинского Союза русского народа. Расстрелян большевиками.

Дубровин Еким Михайлович — русский крестьянин, житель деревни Дубровной Тюменского уезда Тобольской губернии, в доме которого, по утверждению корреспондента «Уральский край» (1910), была «главная квартира» Г. Е. Распутина, в которой собирались его почитатели и поклонники.

Дубровин Филипп Иванович — русский крестьянин, житель деревни Дубровной Тюменского уезда Тобольской губернии, брат Х. И. Дубровиной, противник Г. Е. Распутина.

Дубровина Александра — русская крестьянка, жительница деревни Дубровной Тюменского уезда Тобольской губернии, почитательница Г. Е. Распутина, названная журналистами его «духовной сестрой».

Дубровина П. — русская крестьянка, жительница деревни Дубровной Тюменского уезда Тобольской губернии, почитательница Г. Е. Распутина. В дальнейшем насельница Иоанновского женского монастыря в С.-Петербурге.

Дубровина Харитинья Ивановна — русская крестьянка, жительница деревни Дубровной Тюменского уезда Тобольской губернии, почитательница Г. Е. Распутина.

Дувидзон Вениамин Борисович — журналист газеты «Петербургский курьер», мещанин города Липовца Киевской губернии.

Думбадзе Иван Антонович (1851–1916) — русский военный и государственный деятель, генерал-майор свиты Его Императорского Величества (1907), градоначальник Ялты, покровитель Союза русского народа.

Думбадзе Василий Давидович (1881–1943) — русский общественный деятель и организатор промышленности; племянник генерала Н. А. Думбадзе.

Один из инициаторов и учредителей Русско-Американского банка. Умер в эмиграции.

Дусе Жак (1853–1929) — французский модельер, коллекционер и меценат; хозяин модельного дома и один из «законодателей моды» начала XX в.

Дурново Николай Николаевич (1842–1919) — русский публицист, печатавшийся в «Санкт-Петербургских ведомостях».

Дурново Петр Николаевич (1842–1915) — русский государственный деятель, действительный тайный советник. Управляющий МВД (октябрь 1905 — январь 1906), министр внутренних дел (январь-апрель 1906). Член Государственного Совета (с 1905).

Дэзи — см.: *Маргарет*.

Дякин Валентин Семенович (1930–1994) — петербургский исследователь, доктор исторических наук, многолетний сотрудник Ленинградского (С.-Петербургского) филиала Института истории АН СССР (РАН).

Евлогий (Георгиевский; 1868–1946) — русский церковный деятель, муарист; с 1905 г. епископ, с 1912 г. архиепископ Холмский и Люблинский, с 1914 г. архиепископ Волынский. Член Поместного собора 1917–1918 гг. С 1920 г. в эмиграции; с 1921 г. управлял западно-европейскими приходами Русской Православной Церкви. С 1922 г. митрополит. С 1930 по 1945 г. состоял в юрисдикции Константинопольского Патриархата.

Евграфов (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.) — русский мещанин, обвинялся в принадлежности к секте хлыстов.

Евринов Николай Николаевич (1879–1953) — русский и французский режиссер, драматург, историк искусства, психолог и философ, автор изданной в 1924 г. брошюры «Тайна Распутина».

Евсин Игорь Васильевич (р. 1962) — российский поэт, прозаик, публицист, автор-составитель апологетических работ о Г. Е. Распутине (Оклеветанный старец. Исторические свидетельства о Г. Е. Распутине). Рязань, 2001; Григорий Распутин. Прозрения, пророчества, чудеса. Рязань, 2013).

Евстигнеев Евгений Александрович (1926–1992) — советский и российский актер, педагог, народный артист СССР (1983).

Екатерина II Алексеевна (1729–1794) — с 1762 г. императрица Всероссийская.

Елизавета Петровна (1709–1761) — с 1741 г. императрица Всероссийская.

Елизавета Федоровна (Элизабет-Александра-Луиза-Алиса; 1864–1918) — дочь великого герцога Гессенского Людвига IV, старшая сестра императрицы Александры Федоровны, великая княгиня. С 1884 г. состояла в браке с великим князем Сергеем Александровичем, в 1891-м приняла православие. В апреле 1910-го была посвящена в чин крестовых сестер и назначена настоятельницей Марфо-Мариинской обители в Москве. Почетный член и председатель Императорского православного Палестинского общества (1905–1917). Одна из активных противниц Г. Е. Распутина. Расстреляна под Алапаевском. Канонизирована РПЦЗ (1981) и РПЦ (1992) в Соборе новомучеников и исповедников Российских.

Елисей — библейский пророк.

Епанчин Николай Александрович (1857–1941) — русский военный деятель, генерал-от-инфантерии. Мемуарист. Умер в эмиграции.

Ермакова Т. В. — акушерка, супруга фельдшера села Покровского. Знакомая Г. Е. Распутина.

Ермакова Людмила — российская журналистка, собственный корреспондент журнала «Родина» по Уралу и Сибири в 1990-е гг.

Ермаш Филипп Тимофеевич (1923–2002) — советский партийный и государственный деятель, председатель Государственного комитета Совета министров СССР по кинематографии (1972–1978), председатель Государственного комитета СССР по кинематографии (1978–1986).

Есаулов А. — упоминаемый А. А. Щедриным в «Публичном докладе, прочитанном в Москве в июле 1989 года» «зарубежный исследователь», выступивший в соавторстве с Г. Мэлоном книгу «Реабилитация Распутина».

Ефрем Сири (около 306–373) — христианский богослов и поэт, один из учителей Церкви. Канононизирован в лике преподобного. Память 28 января по юлианскому календарю.

Жданов К[онстантин] — русский журналист, репортер газеты «Уральский край», автор большой фактологически неточной и исключительно претенциозной статьи о Г. Е. Распутине (Уральский край. 1910. № 124. 11 июня.; 1910. № 127. 15 июня; 1910. № 129. 17 июня; 1910. № 130. 18 июня; 1910. № 131. 19 июня; 1910. № 133. 22 июня; 1910. № 135. 24 июня).

Жданов Лев Григорьевич (Леон Германович Гельман; 1864–1951) — исторический романист, журналист, драматург, поэт. Один из первых публицистов, попытавшихся составить после Февраля 1917 г. биографию-шарж императора Николая II.

Жевахов Николай Давидович (1874–1946) — князь, действительный статский советник, русский государственный и общественный деятель, духовный писатель. В 1916–1917 гг. товарищ обер-прокурора Св. Синода. Мемуарист; сторонник и популяризатор идеи «жидо-масонского» заговора. После революции проживал в эмиграции, умер на территории СССР (Закарпатье).

Жильяр Пьер (Петр Андреевич; 1879–1962) — гражданин Швейцарии, преподаватель французского языка, а в дальнейшем и воспитатель наследника цесаревича Алексея Николаевича. Добровольно последовал с царской семьей в Тобольск и Екатеринбург. В Екатеринбурге был вынужден оставить царскую семью; вернулся на родину. Мемуарист.

Жуковская Вера Александровна (Микулина; 1885–1956) — русская писательница, знакомая Г. Е. Распутина, автор мемуаров «Мои воспоминания о Григории Ефимовиче Распутине. 1914–1916» (Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1992. Т. 2–3. С. 252–317).

Жуковский Николай Егорович (1847–1921) — русский ученый-механик, доктор математики, основоположник гидро- и аэродинамики. Племянницей Н. Е. Жуковского обыкновенно называют В. А. Жуковскую.

Жуковский — человека с такой фамилией среди членов Государственного Совета ни ранее, ни в годы Первой мировой войны не было, поэтому цитата М. К. Касвиновым письма императрицы Александры Федоровны, выразившей свое недовольство назначением некоего «Жуковского» в Государственный Совет, — неверно (сама цитата взята из работы Viktora Alexandrova).

Завадский Сергей Владиславович (1871–1935) — русский судебный деятель, действительный статский советник Петроградской судебной палаты, сенатор гражданского кассационного департамента Сената (1917). Автор воспоминаний о расследовании убийства Г. Е. Распутина. Умер в эмиграции.

Заикин Иван Михайлович (1880–1948) — русский борец, авиатор, артист цирка — «Капитан воздуха и Король железа». Чемпион Российской империи по тяжелой атлетике (1904) и двукратный чемпион мира по французской борьбе (1908, 1913). Был дружен с Г. Е. Распутиным, познакомившись с ним через иеромонаха Илиодора (Труфанова). Летом 1914 г., узнав о покушении на Г. Е. Распутина, послал в село Покровское телеграмму: «Молю Бога об укреплении вашего душевного и физического здоровья».

Зайцев Григорий Михайлович — политический преступник, осужденный на 20 лет за убийство в С.-Петербурге городского. Содержался в Тобольской каторжной тюрьме. Родной брат почитательницы Г. Е. Распутина Х. М. Берладской.

Захей — согласно христианской традиции — начальник мытарей, удостоившийся особого внимания Иисуса Христа. По церковному преданию, стал первым епископом в Кесарии Палестинской. Память 20 апреля по юлианскому календарю.

Занотти Магдалина Францевна (1869–1941) состояла в штате Министерства Императорского Двора с 1894. В награду отлично-усердной службы возведена в звание личного почетного гражданства (1915). Камер-юнгфера при комнатах императрицы Александры Федоровны. В 1917 г. добровольно отправилась к царской семье в Тобольск, но не была к ней допущена. Официально реабилитирована Генеральной прокуратурой Российской Федерации в 2008 г. как незаконно подвергнутая политическим репрессиям. Умерла в эмиграции.

Замойский Лоллий Петрович (1929–2004) — советский и российский писатель, журналист-международник.

Замысловский Георгий Георгиевич (1872–1920) — русский политический и общественный деятель, один из представителей воинствующих юдофобов. Депутат Государственной Думы III и IV созывов. Член Русского Собрания и член Союза русского народа. Участник процесса над М. Бейлисом (как представитель матери Андрея Ющинского).

Заратустра (около 1700 до Р. Х.) — легендарный основатель религии зороастризма, жрец и пророк.

Зарин Андрей Ефимович (1862–1929) — русский журналист и писатель, в 1906 г. приговоривался к полутюрьма годам заключения в крепости как редактор журнала «Современная жизнь».

Захаров Игорь Валентинович — основатель (1998) современного московского издательства «Захаров».

Захарова Авдотья — русская крестьянка, жительница деревни Лысовой Тюменского уезда Тобольской губернии, почитательница Г. Е. Распутина, его «духовная дочь». В дальнейшем насельница Иоанновского женского монастыря в С.-Петербурге.

Захарова Лариса Георгиевна (1933–2017) — московская исследовательница, доктор исторических наук, профессор, заслуженный профессор МГУ.

Заякина Аграфена Меркурьевна — русская крестьянка, жительница деревни Артамоновой Тюменского уезда Тобольской губернии, почитательница Г. Е. Распутина, его «духовная дочь».

Зверев Н. С. — русский журналист, автор статьи о Г. Е. Распутине, опубликованной в 1915 г. (№ 11–12) духовно-литературного журнала «Отклики на жизнь».

Зеньковский Василий Васильевич (1881–1962) — русский и украинский церковный и общественный деятель, ученый (богослов и философ), магистр философии, доктор церковных наук, протопресвитер (в юрисдикции Константинопольского Патриархата). В мае-октябре 1918 г. министр исповеданий в правительстве гетмана Украины П. П. Скоропадского. Мемуарист. Умер в эмиграции.

Зимянин Михаил Васильевич (1914–1995) — советский партийный и государственный деятель, главный редактор газеты «Правда» (1965–1976), секретарь ЦК КПСС (1976–1987).

Зотов Михаил (псевдоним: Проходимец) — русский публицист и писатель «порнографического» толка, автор скабрёзных рассказов и повестей. Автор пьесы «Гришка Распутин» (1917).

Зубов Тимофей Кузьмич — русский крестьянин, житель села Покровского, лоцман, водивший суда по Туре, Тоболу, Иртышу. У него 19 декабря 1906 г. Г. Е. Распутин купил дом (за 2,5 тысячи рублей, полученных от великой княгини Милицы Николаевны).

Зубовы — представители русской аристократической фамилии, имевшие значительный политический вес и влияние в эпоху Екатерины II благодаря Плутону Александровичу Зубову (1767–1822) — графу (1793), светлейшему князю (1796), последнему фавориту императрицы.

Иаков — третий из библейских патриархов, отец 12 сыновей — родоначальников колен Израилевых. Почитается в иудаизме, христианстве и исламе.

Иванов Вячеслав Иванович (1866–1949) — русский поэт-символист, философ, переводчик, литературный критик, идеолог символизма. С 1924 г. проживал в Италии.

Игнатий (Брянчанинов; 1807–1867) — русский церковный деятель, богослов, духовный писатель и проповедник, в 1857–1861 гг. епископ Кавказский и Черноморский. С 1861 г. проживал в Николо-Бабаевском монастыре Костромской епархии, где вел единенную молитвенную жизнь. В 1988 г. прославлен РПЦ в лике святителей. Память 30 апреля по юлианскому календарю.

Игнатъев Павел Николаевич (1870–1945) — граф, русский государственный деятель, шталмейстер. Министр народного просвещения (1915–1916). Умер в эмиграции.

Игнатъева Софья Сергеевна (урожд. княжна Мещерская; 1851–1944) — графиня, церковный и общественный деятель, благотворительница; вдова генерала, графа А. П. Игнатъева (1842–1906). Хозяйка политического салона, в котором собирались представители ведомства православного исповедания и архиереи, а также политические и общественные деятели консервативного направления. В 1911 г. поддерживала епископа Гермогена (Долганева) и иеромонаха Илиодора (Труфанова); была противницей Г. Е. Распутина. Умерла в эмиграции.

Иеремия (около 655 до Р. Х. — после 586 до Р. Х.) — библейский пророк, автор «Книги пророка Иеремии» и книги «Плач Иеремии».

Иероним Блаженный (342–419/420) — христианский святой, один из учителей Церкви, аскет, церковный писатель, создатель канонического перевода Священного Писания на латинский язык. В РПЦ память 28 июня по юлианскому календарю.

Икскуль фон Гильденбандт Варвара Ивановна (урожд. Лутковская, в первом браке Глинка-Маврина; 1850–1928) — баронесса, общественный деятель, писатель и переводчик, хозяйка великосветского салона в С.-Петербурге. Посетитель квартирны Г. Е. Распутина. Умерла в эмиграции.

Иларион (Алфеев; р. 1966) — русский церковный деятель, митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата (с 2009), постоянный член Св. Синода, доктор богословия, доктор философских наук.

Иларион (Светлов) — с 1990 г. «епископ» Истинно-Православной Катакомбной Церкви («исаакиевской»), созданной в 1989 г. неким «епископом» Исаакием, ранее принадлежавшем к «секачевской» ветви «истинно-православных» христиан. Духовный центр «исаакиевцев» расположен в Вологодской области. В 1994 г. ушел в «заштат»; проживает в С.-Петербурге.

Илиодор (Труфанов; 1880–1952) — русский религиозный деятель, выпускник Новочеркасской духовной семинарии (1901) и С.-Петербургской духовной академии (1904). В 1903 г., обучаясь на третьем курсе, принял постриг с именем Илиодор. Годом ранее привез в академию юродивого Митю Козельского, тогда же имел встречу с о. Иоанном Кронштадтским, благословившим его на церковное служение. Обучаясь в академии, познакомился с Г. Е. Распутиным. В 1905–1906 гг. иеромонах Почаевской лавры, активный член Союза Русского Народа; печатался в черносотенных изданиях, вел агитацию против инородцев, евреев, интеллигенции, призывал к погромам. Много говорил о страдающем крестьянстве, нападая в проповедях и на власть имущих, чем приобрел популярность среди простых людей края. В 1907 г. Св. Синод запретил ему литературную деятельность, но он не подчинился запрету. В 1908 г. был переведен сначала в Саратов, затем в Царицын; настоятельствовал в созданном им Свято-Духовом монастыре. В то время — друг Г. Е. Распутина, пользовавшийся его поддержкой, равно как и поддержкой

епископа Саратовского Гермогена (Долганева). Вновь в проповедях стал нападать на местную администрацию. В 1909 г., благодаря заступничеству Г. Е. Распутина, добился отмены синодального решения о переводе его на служение в Минск. В 1909 г. организовал в Царицыне торжественный прием сибирского странника, вместе с которым ездил в село Покровское. Тогда же получил от него письма членов царской семьи, которые в дальнейшем опубликовал. В 1911 г. был переведен в Тульскую епархию, но вскоре самовольно вернулся в Царицын. В том же 1911 г. последовал разрыв отношений Илиодора с Г. Е. Распутиным. Присутствовал на Ярославском подворье в С.-Петербурге в декабре 1911 г., будучи свидетелем обличения Г. Е. Распутина епископом Гермогеном (Долганевым). В январе 1912 г. был сослан во Флорищеву пустынь Владимирской епархии. В мае 1912 г. подал в Св. Синод прошение о снятии сана, которое было удовлетворено в декабре. Заявил о своем неверии в Православную Церковь. В дальнейшем проживал на родине (хутор Большой), женился. В январе 1914 г. обвинялся в «кощунстве, богохульстве, оскорблении его величества и образовании преступного сообщества»; в июле 1914 г. бежал за границу. Возможно, был причастен к организации неудавшегося летом 1914 г. покушения на Г. Е. Распутина. Автор скандальной книги о Г. Е. Распутине «Святой чёрт», изданной в России массовым тиражом сразу после Февраля 1917 г. После Октября 1917 г. предлагал свои услуги большевикам, с 1918 по 1922 г. проживал в Царицыне. В 1921 г. отправил письмо В. И. Ленину, предлагая создать «Живую христовую церковь». Ответа не последовало. Объявил себя «епископом Царицынским и Патриархом всея Южных России». В 1922 г. эмигрировал в Германию, затем в США. Есть сведения, что в 1924 г. он обращался в Синод обновленческой церкви с покаянием и просьбой принять его в церковное общение. Был якобы принят как мирянин с возможностью последующего восстановления в священном сане. В 1934 г. митрополит РПЦ в США Вениамин (Федченков) добился снятия запрещения с Илиодора и восстановления его в священном сане, назначил секретарем епархиального управления, предоставил возможность защищать Московскую Патриархию в печати. Однако Илиодор создал собственную Российскую Народную Универсально-Христианскую Церковь, объявив себя патриархом в изгнании. В конце жизни работал швейцаром в гостинице.

Илья (IX в. до Р. Х.) — ветхозаветный пророк в Израильском царстве. Пользовался особым почитанием у восточных славян. Память 20 июля по юлианскому календарю.

Иннокентий (Павлов; р. 1952) — русский церковный деятель, ученый-богослов и публицист, заштатный игумен РПЦ. В 2002 г. начал совершать регулярные богослужения в греко-католической московской общине во имя святителя Филиппа, митрополита Московского. Осенью 2003 г. был принят в юрисдикцию неканонической Истинно-Православной Церкви Рафаила (Мотовилова), «архиепископа Московского и митрополита Всероссийского»; в 2004–2011 гг. секретарь «Священного Синода ИПЦ». В 2011 г. назначен на должность «специалиста по истории Церкви и мирового Православия» ИПЦ.

С 2002 г. совершает богослужения в московской греко-католической (униатской) общине в честь святителя Филиппа, митрополита Московского.

Иоаким (около 100 до Р. Х. — 10 до Р. Х.) — в христианской традиции — отец Богородицы, супруг святой Анны. Православная Церковь относит Иоакима к числу богоотцов. Память 9 декабря, 25 июля, 9 сентября по юлианскому календарю.

Иоанн Богослов — в христианской традиции — один из первых 12 апостолов, любимый ученик Иисуса Христа, евангелист. Память 8 мая, 30 июня, 26 сентября по юлианскому календарю.

Иоанн (Иван) Грозный (1530–1584) — великий князь Московский; первый русский царь (с 1547).

Иоанн Златоуст (Иоанн Хризостом; около 347–407) — архиепископ Константинопольский, богослов, почитается как один из трех вселенских святителей и учителей вместе со святителями Василием Великим и Григорием Богословом. В РПЦ память 13 ноября, 27 и 30 января по юлианскому календарю.

Иоанн Креститель — в христианской традиции — предтеча Иисуса Христа.

Иоанн Кронштадтский (Иван Ильич Сергиев; 1829–1908) — русский церковный деятель, проповедник и духовный писатель, митрофорный протоиерей. С 1855 г. после рукоположения служил в Андреевском соборе Кронштадта. Один из наиболее известных и почитавшихся в православном мире пастырей. Прославился своими чудотворениями и благотворительностью. О его отношении к Г. Е. Распутину существуют различные, часто взаимоисключающие версии. В конце жизни назначался к присутствию в Св. Синоде (1908). Канонизирован РПЦЗ (1964) и РПЦ (1990). Память 19 октября (РПЦЗ), 20 декабря и 1 июня по юлианскому календарю.

Иоанн (Снычев; 1927–1995) — русский церковный деятель, историк Церкви и публицист, доктор церковной истории. С 1965 г. епископ Сызранский, викарий Куйбышевской епархии; с 1969 г. епископ и архиепископ (с 1976) Куйбышевский и Сызранский. В 1990–1995 гг. митрополит Ленинградский и Ладужский, постоянный член Св. Синода РПЦ. Ученик и почитатель митрополита Мануила (Лемешевского). Автор многочисленных работ на историко-религиозные и историко-церковные темы.

Иоанн Тобольский (Максимович; 1651–1715) — православный подвижник, митрополит Тобольский и всея Сибири (с 1711). Канонизирован РПЦ (1916; последняя канонизация, совершенная в императорской России). Канонизация была осложнена излишней поспешностью епископа Варнавы (Накропина), фактически ранее решения Св. Синода положившего начало официальному почитанию митрополита Иоанна как святого. Память 10 июня по юлианскому календарю.

Иов Печерский (1551–1651) — русский православный деятель, игумен Почаевской обители, в которой ввел общежительный устав. Канонизирован в лике преподобных. Память 28 октября по юлианскому календарю. Почитается в Соборе преподобных отцов Киево-Печерских, мощи — в «дальних пещерах» Киево-Печерской лавры.

Иона (рубеж VIII–IX вв. до Р. Х.) — ветхозаветный пророк, живший во времена израильского царя Иеровоама II; преемник пророка Елисея. Память 21 сентября по юлианскому календарю.

Иосиф — сын библейского праотца Иакова, проданный своими братьями в египетское рабство и затем приобретший влияние на фараона и способствовавший переселению рода Израиля в Египет.

Иосиф Обручник — супруг Марии, матери Иисуса Христа. Память 19 марта и 1 мая по григорианскому календарю.

Иоффе Генрих Зиновьевич (р. 1928) — московский исследователь, доктор исторических наук. С 1995 г. живет в Канаде.

Ирод Великий (около 74/73–? до Р. Х. — 4 до Р. Х.) — царь Иудеи (40–4 до Р. Х.), прославившийся своей жестокостью и коварством. Согласно Евангелию от Матфея, узнав от волхвов о рождении в Вифлееме «Царя Иудейского», приказал уничтожить всех там родившихся младенцев.

Исаакий (Анискин; р. 1945) — деятель «катакомбного» движения «истинно-православных» христиан России. По образованию — инженер-строитель. В 1968–1975 гг. состоял в браке. В 1977 г. крестился в храме Московской Патриархии; затем проходил различные церковные послушания. В 1981 г. был рукоположен во священника (в состоянии целибата); в 1982 г. пострижен в мантию с именем Исаакий. Под влиянием пропаганды «катакомбников» ушел из РПЦ и в 1985 г. был «хиротонисан» во епископа «схимитрополитом» Геннадием (Секачем; 1897–1987). Тайно рукополагал «епископов» и священников, некоторые из которых в дальнейшем покинули его.

Исаев Дмитрий Дмитриевич (р. 1956) — петербургский ученый (психиатр, психотерапевт и сексолог), кандидат медицинских наук, доцент.

Исидор (Колоколов; 1866–1918) — русский церковный деятель, епископ (с 1902). В 1911 г. за неподобающее поведение был отстранен от управления архиерейской кафедрой, но вскоре назначен настоятелем Покровского монастыря в Омске. В июне 1913 г. освобожден от управления монастырем с назначением местопребывания в Александро-Невском Филейском монастыре Вятской епархии. В декабре 1913 г. перемещен в Трифоновский Успенский монастырь, той же епархии. В 1916 г. назначен управляющим на правах настоятеля Тюменского Свято-Троицкого монастыря, где познакомился с Г. Е. Распутиным. Благодаря ему сумел приехать в столицу, был представлен императрице Александре Федоровне и императору Николаю II. В декабре 1916 г. отпевал Г. Е. Распутина. В марте 1917 г. был уволен от управления Тюменским СвятоТроицким монастырем и перемещен в число братии Свяяжского монастыря Казанской епархии. Расстрелян большевиками в городе Вятка (согласно неофициальной версии, его посадили на кол).

Исидор Пелусиот (ум. около 449) — преподобный, ученик св. Иоанна Златоуста, автор богословских сочинений. Память совершается 4 февраля по юлианскому и григорианскому календарю.

Иустин Философ (около 100–165) — раннехристианский мученик и апологет. В РПЦ память 1 июня по юлианскому календарю.

Кавин Николай Матвеевич — современный петербургский журналист и актер, литературный исследователь.

Казакова Елизавета Александровна (ум. не ранее 1917) — жительница Тобольска, благотворительница, в 1907 г. помогала каторжанину Г. М. Зайцеву, проживавшему в селе Покровском.

Казанова Джакомо Джироламо (1725–1898) — итальянский авантюрист, путешественник и писатель. Прославился многочисленными любовными похождениями, в результате чего его имя стало нарицательным, символизируя неизменно успешного героя-любовника.

Калашников Леонид Иванович (1926–2005) — советский и российский кинооператор, заслуженный деятель искусств РСФСР (1983), профессор ВГИКа. Оператор фильма «Агония».

Калиостро Алессандро (Джузеппе Джованни Батиста Винченцо Пьетро Антонио Маттео Франко Бальсамо; 1743–1795) — авантюрист, алхимик, «маг» и фокусник, чье имя стало нарицательным.

Калита Иван Данилович (1288–1340) — князь Московский, великий князь Владимирский, фактически основатель династии московских великих князей, последним прямым потомком которого был царь Федор Иоаннович. Причислен к лику местночтимых святых Москвы в лике благоверного (2001). Память 13 апреля по григорианскому календарю.

Кальманович Самуил Еремеевич (1858–1939) — юрист и общественный деятель.

В 1911 г. был избран в члены комитета общества распространения просвещения между евреями в России. В 1912–1916 гг. присяжный стряпчий при С.-Петербургском коммерческом суде.

Кант Иммануил (1724–1804) — немецкий философ.

Капитонов Иван Васильевич (1915–2002) — советский партийный и государственный деятель, секретарь ЦК КПСС (1965–1986), председатель ЦРК КПСС (1986–1988).

Капков Сергей Владимирович (р. 1972) — российский журналист и киновед, сценарист и режиссер. Режиссер и автор сценария документального фильма «Товарищ Его Высочества» (2015), посвященного актеру Г. Светлани.

Караулов Михаил Александрович (1878–1917) — русский государственный и общественный деятель, журналист и историк-краевед. Депутат Государственной Думы II и IV созывов. Член Прогрессивного блока. Член Временного комитета Государственной Думы. Атаман Терского казачьего войска (с 27 марта), убит в декабре 1917 г.

Карелин Петр Иванович (1864–1918) — православный священник, в 1914 г. был назначен исполняющим должность благочинного второго округа Камышловского уезда Пермской губернии. В 1918 г. был арестован и заключен в тюрьму в Екатеринбурге вместе с епископом Гермогеном (Долганевым). Бессудно убит. Канонизирован РПЦ (2000) в лике новомученика. Память 16 июня по юлианскому календарю.

Карл Габсбург (1887–1922) — император Австро-Венгрии, король Чехии и Венгрии (21 ноября 1916–12 ноября 1918). В 2004 г. причислен к лику блаженных Римско-Католической Церковью.

Каррик Валерий Вильямович (1869–1943) — русский детский писатель, журналист, иллюстратор, карикатурист. Умер в эмиграции.

Картавец Егор Иванович (1850 — после 1918) — крестьянин села Покровского, односельчанин Г. Е. Распутина, некогда поймавший его на воровстве жердей.

Касвинов Марк Константинович (1910–1974) — советский публицист и историк, автор книги, посвященной последнему царствованию «Двадцать три ступени вниз», журнальный вариант которой был опубликован в 1972 г. (с изъятием главы об истории черносотенного движения — «Вечера в трактире на Таганке»).

Касвинова А. К. — см.: *Резанова А. К.*

Кассо Лев Аристидович (1865–1914) — русский государственный деятель и ученый, тайный советник. В 1910–1914 гг. министр народного просвещения.

Катон Марк Порций (234–149 до Р. Х.) — древнеримский политик и писатель.

Кебриков Олег Васильевич (1907–1965) — советский психиатр, доктор медицинских наук, профессор, академик АМН СССР. В психиатрии применяются так называемые «критерии психопатии Ганнушкина-Кебрикова» (см.: *Ганнушкин П. Б.*).

Керенский Александр Федорович (1881–1970) — русский общественный и политический деятель, публицист и мемуарист. Депутат Государственной Думы III и IV созывов. В 1917 г. товарищ председателя Петросовета; министр юстиции, военный и морской министр, министр-председатель Временного правительства. Умер в эмиграции.

Керсновский Антон Антонович (1907–1944) — русский публицист и военный историк, автор фундаментальной «Истории русской армии». Умер в эмиграции.

Кирilenko Андрей Павлович (1906–1990) — советский партийный и государственный деятель, член Политбюро (Президиума) ЦК КПСС (1962–1982), секретарь ЦК КПСС (1966–1982).

Кирилл Александрийский (376–444) — отец Церкви, христианский египетский экзегет и полемист, возглавивший оппозицию несторианству. Представитель Александрийской богословской школы. Память в ПРЦ 18 января и 9 июня по юлианскому календарю.

Кирилл Владимирович (1876–1938) — великий князь, внук императора Александра II и двоюродный брат императора Николая II; контр-адмирал Свиты Его Императорского Величества. В 1905 г., без согласия императора, женился на своей двоюродной сестре, бывшей супруге великого герцога Гессенского Виктории Мелите. Брак был признан Николаем II в 1907 г. В первые дни Февральской революции привел к Государственной Думе Гвардейский экипаж, которым командовал, и заявил о лояльности новой власти. В 1924 г.

объявил себя «императором в изгнании», чего многие русские монархические организации не признали. Мемуарист. Умер в эмиграции.

Кирпичников Аркадий Аркадьевич (1882/1883? — 1921) — русский полицейский деятель, титулярный советник, с марта 1916 г. начальник С.-Петербургской (Петроградской) сыскной полиции (до учреждения в октябре 1918 уголовного розыска), затем первый начальник советского уголовного розыска в Петрограде. Проводил дознание по делу об убийстве Г. Е. Распутина.

Китченер Горацій Герберт (1850–1916) — барон (1898), виконт (1902), граф (1914), английский государственный и военный деятель, фельдмаршал, военный министр (1914–1916). Крейсер «Хэмпшир», на котором Китченер плыл с визитом в Россию, был потоплен немецкой подводной лодкой.

Климент Александрийский (около 150 — около 215) — христианский апологет и проповедник, основоположник Александрийской богословской школы.

Климов Герман Степанович (1912–1986) — следователь по особо важным делам Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. После 1956 г. занимался реабилитацией «врагов народа», собрал 70 томов дел невинно пострадавших. Отец Э. Г. Климова.

Климов Элем Германович (1933–2003) — советский и российский кинорежиссер, сценарист, Первый секретарь Союза кинематографистов СССР (1986–1988), народный артист Российской Федерации (1997). Создатель фильма «Агония», в которой главным героем является Г. Е. Распутин (1975). На широкий экран фильм вышел в 1985 г.

Климович Евгений Константинович (1871–1932) — русский государственный деятель, генерал-майор, директор департамента полиции (1916); сенатор. Участник Белого движения. Умер в эмиграции.

Клопов Анатолий Алексеевич (1841–1927) — агроном и экономист, чиновник министерства финансов; занимался общественной деятельностью, в 1890-е получил право обращаться лично к императору Николаю II с откровенными письмами о настроениях в стране. Был также корреспондентом великого князя Николая Михайловича.

Клюев Николай Алексеевич (1884–1937) — русский поэт, представитель «новокрестьянского» направления в русской поэзии XX в. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

Клюкин Максим Васильевич (умер в начале 1920-х) — русский издатель и книгопродавец, владелец книжного и писчебумажного магазинов.

Ключевский Василий Осипович (1841–1911) — русский историк, доктор истории, профессор Московского университета и Московской духовной академии, почетный академик по разряду изящной словесности.

Князькин Игорь Владимирович (р. 1967) — петербургский исследователь и публицист, доктор медицинских наук, автор «Большой книги о Распутине» (СПб., 2007).

Ковалевский Павел Иванович (1849/1850? — 1931) — русский ученый-психиатр, доктор медицины, профессор, публицист и общественный деятель. Одним из первых стал применять исторический анализ для составления психологического портрета выдающихся личностей. Умер в эмиграции.

Ковыль-Бобыль И. — русский публицист, автор вульгарных работ о Г. Е. Распутине и царской семье (Вся правда о Распутине. Пг., 1917; Царица и Распутин. Пг., 1917).

Козлов Н. — см.: *Щедрин А. А.*

Козыловы — односельчане Г. Е. Распутина.

Козырев Федор Николаевич (р. 1961) — петербургский исследователь и публицист, доктор педагогических наук, профессор, автор очерка «Распутин, которого мы потеряли» (СПб., 2000).

Козьма (Косма) Бессеребренник (вторая половина III — начало IV в.) — христианский святой, врачеватель и чудотворец, совершавший свое служение вместе с братом Дамианом. Память 1 ноября и 1 июля по юлианскому календарю.

Кокочов Владимир Николаевич (1853–1943) — граф (с 1914), русский государственный деятель, действительный тайный советник. Министр финансов (1904–1905; 1906–1914), председатель Совета министров (1911–1914). Член Государственного совета (1905–1917). Мемуарист. Умер в эмиграции.

Колчак Александр Васильевич (1874–1920) — русский военный и государственный деятель, ученый, адмирал, Верховный правитель России (1918–1920). Расстрелян большевиками.

Комаров — псаломщик, о переводе которого из Самарова в Курган хлопотал Г. Е. Распутин.

Комиссаров Михаил Степанович (1870–1933) — русский жандармский офицер, генерал-майор, мемуарист. В 1909–1915 гг. последовательно занимал должности начальника Енисейского, Пермского, Саратовского, Вятского и Варшавского губернских жандармских управлений (эвакуированного в тыл после отступления русских войск на фронте). Прикомандированный к Петроградскому жандармскому управлению, М. С. Комиссаров стал помощником начальника Петроградского охранного отделения и выполнял секретную работу — заведовать охраной Г. Е. Распутина. В марте 1916 г., когда М. С. Комиссаров фактически отказался выполнить поручение министра внутренних дел А. Н. Хвостова организовать убийство Г. Е. Распутина и последовавшего за тем скандала, был отстранен от охраны «старца» и получил назначение градоначальником в Ростове-на-Дону. В августе 1916 г. уволен в отставку. Некоторое время после Февраля 1917 г. находился в заключении, затем сумел покинуть страну. На Западе работал в интересах Советской России. Умер в эмиграции.

Кон Александр Александрович (1874–1917) — русский государственный деятель, с ноября 1916 г. чиновник особых поручений при министре финансов, член Совета Главного управления по делам печати (сверх штата).

Конде Шарлотта (Шарлотта-Маргарита де Монморанси; 1594–1650) — принцесса, супруга Анри II де Бурбона, принца де Конде (1588–1646), возлюбленная короля Франции Генриха IV, крестная короля Людовика XIV.

Коновалов Дмитрий Григорьевич (1876–1947) — русский ученый, исследователь религии (исследовал феномен сектантства). Защитил магистерскую диссертацию на тему «Религиозный экстаз в русском мистическом сектантстве» (1908). Защита не была утверждена, а ее автор уволен из состава преподавателей МДА (1909). После 1917 г. профессор (МГУ, МИФЛИ).

Константин — по определению отечественного исследователя В. Е. Рожнова — «дружок-собутыльник» Г. Е. Распутина в ранний период его жизни в селе Покровское, которого крестьянское общество постановило выслать в Восточную Сибирь.

Копылов Филипп — тамбовский хлыст-богомол (XIX в.).

Копылова Анисья — тамбовская хлыстовка-богомолка (XIX в.).

Коралли Вера Алексеевна (1889–1972) — русская балерина, балетный педагог, возлюбленная великого князя Дмитрия Павловича. По некоторым данным, участвовала в сокрытии убийства Г. Е. Распутина в декабре 1916 г. Вместе с М. фон Дерфелден была во дворце Ф. Ф. Юсупова в ночь убийства. Организаторы убийства официально никогда и никому не рассказывали об этом. Умерла в эмиграции.

Корнеева Евдокия Алексеевна (1879 — не ранее 1917) — русская крестьянка, просфорня церкви села Покровского. Знакомая Г. Е. Распутина.

Корнилов Иван Иванович — см.: *Корнилов И. Н.*

Корнилов Иван Николаевич (?–1890-е?) — сибирский купец, промышленник, владелец пароходов. Хозяин особняка в Тобольске, где с августа 1917 по апрель 1918 г. размещались последовавшие за семьей императора Николая II лица его свиты.

Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918) — русский военный деятель, генерал-лейтенант. Участвовал в Русско-японской войне, служил военным атташе в Китае (1907–1911). Во время Первой мировой войны был ранен, попал в плен, откуда успешно бежал. Командующий Петроградским военным округом (март-июль 1917), затем командующий Юго-Западным фронтом и Верховный главнокомандующий (июль-сентябрь 1917). Выступил против А. Ф. Керенского. В декабре 1917 г. бежал на Дон, где положил начало Добровольческой армии. Убит в бою.

Корняков Никифор Васильевич (ум. не ранее 1917) — начальник почтово-телеграфного отделения в Тобольской губернии. Хороший знакомый Г. Е. Распутина.

Короленко Владимир Галактионович (1853–1921) — русский писатель, публицист и общественный деятель.

Коростов Валерий Анатольевич (р. 1969) — поэт, выпускник Литературного института, автор стихов о Г. Е. Распутине. Живет под Киевом.

Кортовцев — см.: *Картавцев Е. И.*

Косицин — «уполномоченный народом» автор телеграммы, 14 марта 1910 г. направленной неназванному «высокопоставленному лицу» в С.-Петербург из Царицына, в которой утверждалось, что «блаженный старец Григорий имеет печать божественного призвания».

Косоротов Дмитрий Петрович (1856–1920) — русский врач, судебный медик, доктор медицины. В декабре 1916 г. проводил вскрытие тела Г. Е. Распутина.

Котляров Бронислав — в 1980-е гг. директор средней школы в селе Покровское, передал писателю В. М. Фалееву копию рукописи Д. Я. Круглова «Григорий Распутин».

Коцюбинский Александр Петрович — петербургский исследователь (психиатр), доктор медицинских наук, профессор, автор книги «Григорий Распутин: тайный и явный» (СПб., 2003; совместно с Д. А. Коцюбинским), в которой был опубликован так называемый «Дневник Распутина».

Коцюбинский Даниил Александрович (р. 1965) — петербургский исследователь и журналист, кандидат исторических наук. Автор книги «Григорий Распутин: тайный и явный» (СПб., 2003, совместно с А. П. Коцюбинским), в которой был опубликован так называемый «Дневник Распутина».

Кочетков Георгий Серафимович (р. 1950) — русский церковный деятель, священник, создатель собственной системы катехизации, основатель и ректор Свято-Филаретовского православно-христианского института (с 1988), основатель и духовный попечитель духовного движения — Преображенского братства (Преображенского содружества малых православных братств; 1990). Подвергался критике за совершение богослужений на русском языке, практику еженедельного причастия, агапы, катехизацию и некоторые иные «новшества». В 1997–2000 гг. находился под запрещением (как священнослужитель).

Кочубей — в статье журналиста К. Жданова, опубликованной в газете «Уральский край» (1910. № 129. 17 июня.), назван командиром Конвоя Его Императорского Величества. С 1906 по 1914 г. командиром Конвоя был князь Г. И. Трубецкой (1866–1926), с 1907 г. генерал-майор. Поскольку журналист говорит о фотографии, на которой был изображен Г. Е. Распутин в окружении двух лиц в военной форме, то можно понять, что речь идет о фотографии, на которой сибирского странника окружают полковник Д. Н. Ломан (а не «Ломин») и князь М. С. Путятин.

Крамер Л. П. — неустановленное лицо, переписывавшее с черновиков какого-то «Гедылин» так называемый «Дневник Распутина», хранящийся в ГАРФ.

Крам[м]ер Николай Эрнестович фон (1855–1917) — русский государственный деятель, член Государственного Совета (1906–1915). В 1916 г. избран городским головой Риги, но не был утвержден министром внутренних дел.

Крафт-Эбинг Рихард фон (1840–1902) — барон, австрийский и немецкий психиатр, невропатолог, криминалист, исследователь человеческой сексуальности. Автор книги «Половая психопатия», впервые вышедшей в 1886 г.

Кречетов Валериан Михайлович (р. 1937) — русский церковный деятель, митрофорный протоиерей, духовный писатель. До 2014 г. состоял членом Межсоборного присутствия. Был духовником протоиерея Николая Гурьянова.

Кривошеин Александр Васильевич (1857–1921) — русский государственный деятель, гофмейстер. Член Государственного Совета (1906–1917); Главноуправляющий землеустройством и земледелием (1908–1915). Соратник и единомышленник П. А. Столыпина. Активный противник большевистского режима, участник Белого движения. Умер в эмиграции.

Кротов Яков Гаврилович (р. 1957) — российский радиоведущий и публицист; священник Украинской автокефальной православной церкви. С 1997 г. на радиостанции «Свобода» ведет передачу «С христианской точки зрения».

Круглов Д. Я. — автор рукописи «Григорий Распутин», созданной в 1960-е после бесед с супругой троюродного брата Г. Е. Распутина Максимом Петровичем Распутиным Марией Васильевной. Судьба рукописи неизвестна.

Крушеван Павел Александрович (1860–1909) — русский журналист, прозаик, публицист праворадикального толка. Активный черносотенец, первый публикатор «Протоколов Сионских мудрецов» (1903); создатель Бессарабского отделения Союза русского народа (1905). Депутат II Государственной Думы.

Крылов (?–1917) — русский полицейский, в 1916 г. младший помощник пристава ротмистр (капитан). Убит.

Крылов Александр Александрович — русский крестьянин по происхождению, в 1915 г. редактор-издатель ежедневной внепартийной «Сибирской торговой газеты».

Ксения Александровна (1875–1960) — дочь императора Александра III, сестра императора Николая II, супруга великого князя Александра Михайловича (с 1894). Умерла в эмиграции.

Ксения, монахиня — см.: *Гончаренкова К. В.*

Ксения Петербургская (Петрова Ксения Григорьевна; точные даты жизни неизвестны, наиболее вероятно: около 1731–1802) — одна из наиболее почитаемых святых Русской Православной Церкви, небесная покровительница С.-Петербурга. Канонизирована РПЦЗ (1978) и РПЦ (1988). Память 24 января и 24 мая по юлианскому календарю.

Ксенофонт (Медведев; 1871–1933) — русский церковный деятель, архимандрит (1913), настоятель Верхотурского Николаевского мужского монастыря (1905–1925). В советский период неоднократно арестовывался.

Кугульский Семен Лазаревич (1862–1954) — русский журналист, потомственный почетный гражданин, редактор-издатель московской газеты «Новости сезона», встречался с Г. Е. Распутиным в ресторане «Яр».

Кузнецов Юрий Поликарпович (1941–2003) — русский поэт, переводчик, литературный критик, редактор и педагог, профессор Литературного института.

Кукша Одесский (Величко; 1875–1964) — русский церковный деятель, схиигумен. Канонизирован в лике преподобных (2016). Память 16 сентября по юлианскому календарю.

Кулаков Федор Давыдович (1918–1978) — советский партийный и государственный деятель, секретарь ЦК КПСС (1965–1978), член Политбюро ЦК КПСС (1971–1978).

Кулегин Алексей Михайлович — петербургский исследователь, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры Российской Федерации, заведующий редакционно-издательским сектором Государственного музея политической истории России (С.-Петербург). Автор работ о Г. Е. Распутине.

Куликовская Вера — согласно заявлению журналиста газеты «Царицынская Мысль» (1910. № 162. 11 августа), скрывшегося под псевдонимом «А. Л.», — одна из жертв «сексуального насилия», якобы учиненного протоиереем Иоанном Восторговым в бытность законоучителем женской гимназии в Тифлисе.

Кульжинский Сергей Николаевич (1874–1941) — русский инженер, специалист в области строения и эксплуатации железных дорог. Остался в России, в 1933 г. осужден на 10 лет лагерей. Умер в заключении.

Курбатов Петр Васильевич (1672–1747) — русский государственный деятель, дипломат, один из сподвижников Петра Великого, секретарь-ассессор в Коллегии иностранных дел.

Курбский Алексей Алексеевич — русский драматург, автор пошлых пьес и драматических миниатюр, автор пьесы «Как Гришку с Николкой мир рассудил» (1917).

Курбский Андрей Михайлович (1528–1583) — князь, военачальник и политический деятель эпохи Иоанна Грозного, публицист. В 1564 г. тайно бежал в Ливонию.

Курлов Павел Григорьевич (1860–1923) — русский государственный деятель, генерал-лейтенант. В 1909–1911 гг. состоял товарищем министра внутренних дел и командиром Отдельного корпуса жандармов. С 1911 по 1914 г. был в отставке; во время Первой мировой войны некоторое время вновь служил в МВД. Составил Проект спасения России от революции, основными положениями которого были аграрная реформа и предоставление равноправия евреям (1916). Мемуарист. Умер в эмиграции.

Курпатов — см.: *Курбатов П. П.*

Л-ский Вл[адимир]. — русский журналист, автор статей о Г. Е. Распутине и о Иоанне Кронштадтском в газете «Речь» (1912. № 52 (2006). 23 февраля).

Лавр (II в.) — раннехристианский мученик, убитый, по преданию, в Иллирике. Брат Фрола, с которым вместе и пострадал. На Руси почитался покровителем лошадей. Память 18 августа по юлианскому календарю.

Лакен — французский модельер, один из «законодателей моды» начала XX в. («костюмы от Лакена и Дусе»).

Лазарев Петр Михайлович (1850–1919) — русский государственный деятель, шталмейстер, сенатор, член Государственного Совета (1905–1917), входил в Правую группу. Расстрелян большевиками как заложник. Другого Лазарева — члена Государственного Совета — в годы Первой мировой войны не существовало, поэтому цитирование М. К. Касвиновым письма императрицы Александры Федоровны, выразившей свое недовольство назначением Лазарева в Государственный Совет, неверно (сама цитата взята из работы некоего Viktora Alexandrova).

Лазоверт Станислав Сергеевич (ум. не ранее 1950-х) — врач в санитарном поезде-отряде В. М. Пуришкевича, заведующий его медицинской частью; участник убийства Г. Е. Распутина. Умер в эмиграции.

Лаптинская (Лапшинская) Акилина (Ангелина) Никитична (1886 — после 1920) — русская крестьянка Могилевской губернии, одна из ближайших к Г. Е. Распутину лиц. В годы Русско-японской войны — сестра милосердия. Существуют разные сведения о времени, когда и где она могла познакомиться с Г. Е. Распутиным: в Верхотурском монастыре, рядом с которым она жила еще до войны; в 1905 г. в С.-Петербурге, где она жила, помогая в качестве сестры

милосердия О. В. Лохтиной, или в 1907 г. В С.-Петербурге Г. Е. Распутин исцелил ее от «падучей», когда она была послушницей женского монастыря на Охте. Вскоре после исцеления А. Н. Лаптинская ушла из монастыря, целиком посвятив свою жизнь служению Г. Е. Распутину. Заняла в его окружении особое положение, по словам баронессы В. И. Искуль фон Гильденбандт, «церемонимейстером», впуская к сибирскому страннику гостей. Помимо «секретарских», имела с Г. Е. Распутиным и сексуальные отношения. Так называемый «Дневник Распутина», опубликованный в 2008 г., по мнению некоторых исследователей, был написан именно А. Н. Лаптинской. После убийства Г. Е. Распутина именно она подготовила его тело к погребению. В годы Первой мировой войны была также сестрой милосердия в госпитале императрицы Александры Федоровны.

Латыпова Т. — российская исследовательница, публикатор, автор вступительной статьи и примечаний к мемуарам В. А. Жуковской «Мои воспоминания о Григории Ефимовиче Распутине» (Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: Альманах. М., 1992. Т. II–III. С. 252–317).

Лауниц Владимир Федорович фон дер (1855–1906) — русский военный и государственный деятель, генерал-майор, шталмейстер. В 1906 г. градоначальник Санкт-Петербурга. Активно боролся против революционных эксцессов 1905–1906 гг. Убит революционерами.

Лебен Рахиль Мошевна — по профессии провизор, за «темные аферы» была выслана главнокомандующим Юго-Западного фронта; обращалась за помощью к Г. Е. Распутину (хлопотала о помиловании и о возвращении в Петроград).

Левоневский — секретарь журналиста В. Б. Дувидзона.

Лейберов Игорь Павлович (р. 1928) — петербургский историк, доктор исторических наук, профессор.

Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646–1716) — немецкий философ.

Леконидушка — некая 70-летняя «побирушка» и «юродивая», которую, согласно заявлению журналиста В. Борисова (Биржевые ведомости. 1915. № 15027. 15 августа), «лет двадцать пять тому назад» изнасиловал Г. Е. Распутин.

Леман Г. А. — владделец московского издательства (начало XX в.).

Лемке Михаил Константинович (1872–1923) — русский публицист и историк, автор дневника.

Ленин Владимир Ильич (Ульянов; 1870–1924) — основатель и лидер партии большевиков, публицист; создатель Советского государства, председатель Совнаркома и Совета труда и обороны.

Леонидов В. В. — русский писатель, автор пошлых пьес о Г. Е. Распутине: «Гришкин гарем», «Богоискатели (Распутин)» (1917) и некоторых других.

Лермонтов Михаил Юрьевич (1814–1841) — русский поэт.

Леруа-Болье Анатолий (1842–1912) — французский публицист и историк, автор фундаментальной работы о России («L'Empire des Tsars et les Russes»), изданной в Париже в 1880-х гг.

Либкен Григорий Иванович — русский предприниматель, организатор кинопроизводства и кинопроката в Ярославле. В 1917 г. поставил на поток

производство фильмов о Григории Распутине. Первый из них — двухсерийная «сенсационная драма» «Темные силы — Григорий Распутин и его сподвижники». Картина была поставлена в рекордные сроки, за несколько дней: 5 марта газета «Раннее утро» анонсировала ее, а 12 марта она вышла на экраны кинотеатров. С 1919 г. в эмиграции, где и умер.

Ливанов Федор Васильевич (?–1879) — русский чиновник Министерства внутренних дел, переводчик и исследователь раскола.

Ливен Елена Александровна (1842–1915) — княжна, камер-фрейлина, начальница Московского Елизаветинского института благородных девиц (до 1894) и Смольного института благородных девиц (1895–1915).

Личко Андрей Евгеньевич (1926–1994) — советский и российский ученый (психиатр), доктор медицинских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заместитель директора Психоневрологического института имени В. М. Бехтерева.

Ломан Дмитрий Николаевич (1868–1918) — русский военный деятель, полковник (1913), состоял при министре Двора. Член Русского Собрания. С 1910 г. ктитор Федоровского Государева собора в Царском Селе. Во время Первой мировой войны был начальником Царскосельского лазарета № 17, уполномоченным по Царскосельскому военно-санитарному поезду № 143 имени императрицы Александры Федоровны и др. Находился в дружеских отношениях с Г. Е. Распутиным, который посещал его дом. Убит вскоре после объявления большевиками красного террора.

Ломин — см.: *Ломан Д. Н.*

Ломоносов Михаил Васильевич (1711–1765) — русский ученый: физик и химик, астроном, поэт, художник, филолог, генеалог, историограф. Статский советник, действительный член Санкт-Петербургской Императорской академии наук (1745) и почетный член Королевской Шведской и Болонской академий наук.

Лот — библейский герой, племянник Авраама. Согласно Библии, перед разрушением нечестивых городов Содома и Гоморры, только благочестивый Лот с семейством были спасены от общей гибели (их вывели два ангела).

Лохтин Владимир Михайлович (1849–1919) — русский чиновник, действительный статский советник, гидротехник и гидролог; начальник Казанского округа путей сообщения. В петербургской квартире В. М. Лохтина (Греческий проспект, 5) одно время жил Г. Е. Распутин. Супруг одной из самых горячих поклонниц сибирского странника О. В. Лохтиной.

Лохтина Ольга Владимировна (1862/1965? — 1923) — супруга В. М. Лохтина, горячая поклонница Г. Е. Распутина с 1905 г. (тогда он излечил ее). Входила в ближайшее окружение сибирского странника. По мнению некоторых исследователей, О. В. Лохтину можно признать психически больной (страдавшей шизофренией). После смерти Г. Е. Распутина переехала в скит Октябрь, расположенный неподалеку от Верхотурского монастыря. В марте 1917 г. была арестована и помещена в Петропавловскую крепость. Освобождена после прихода к власти большевиков; вновь вернулась в Верхотурье. В 1923 г. ее будто бы видели просившей милостыню в Петрограде.

Лукоянов Игорь Владимирович (р. 1965) — петербургский исследователь, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник С.-Петербургского Института истории РАН.

Лукьянов Сергей Михайлович (1855–1935) — русский государственный деятель и ученый, тайный советник. Доктор медицины, ординарный профессор. В 1909–1911 гг. обер-прокурор Св. Синода. Член Государственного Совета (1906–1917).

Луначарский Роман — современный российский поэт, автор стихотворения о Г. Е. Распутине.

Лунгин Семен Львович (1920–1995) — советский и российский драматург, сценарист, заслуженный деятель искусств РСФСР (1981). Автор сценария фильма «Агония».

Львов В. — современный православный публицист, автор статьи «О протоиерее Николае Гурьянове и антиправославном почитании Распутина» (Благодатный огонь. 2003. № 10).

Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925) — князь, русский политический деятель. Депутат I Государственной Думы, в 1914–1917 гг. председатель Всероссийского земского союза для помощи больным и раненым воинам. Министр-председатель и министр внутренних дел Временного правительства (март-май 1917). Умер в эмиграции.

Львов Лоллий Иванович (1888–1967) — русский журналист и публицист, выпускник историко-филологического факультета Московского университета. Автор воспоминаний о встречах с Г. Е. Распутиным. Умер в эмиграции.

Люццов фон — немецкий адмирал времен III Рейха.

Люциус фон Штедтен Гельмут (1869–1934) — немецкий барон, посол Германской империи в Швеции (1915).

Лядов Александр Васильевич (1866 — не ранее 1918) — русский государственный деятель, тайный советник, сенатор, служил в министерстве юстиции (с 1888). Допрашивался Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства.

М. А-ин — см.: *Атматкин М. А.*

М-ий М. — петербургский журналист, автор заметки о Г. Е. Распутине в газете «Вечернее время» (1912. № 183. 29 июня).

Мавес фон — см.: *Мевес Е. Р.*

Магомет — см.: *Мухаммед*

Маевский Владислав Альбинович (1893–1975) — русский офицер, штабс-капитан, участник Белого движения, писатель и мемуарист. В 1930–1937 гг. состоял личным секретарем патриарха Сербского Варнавы. Умер в эмиграции.

Мазэ Яков Исаевич (1859–1924) — еврейский общественный и религиозный деятель, главный раввин Москвы (1893–1924).

Майсурия Александр Александрович (р. 1969) — российский публицист и политический активист левого направления.

Макарий Великий (около 300–391) — христианский святой, отшельник, почитаемый в лике преподобного. Около 360 г. в Нитрийской пустыне (современная Ливия) основал монастырь, где и скончался. Память 19 января по юлианскому календарю.

Макарий (Гневушев; 1858–1918) — русский церковный деятель, принявший монашеский постриг в 1908 г. после смерти жены. В 1914 г. хиротонисан во епископа Балахнинского, викария Нижегородской епархии; с января по май 1917 г. епископ Орловский и Севский. В революционный период вынужденно ушел на покой, получив назначение «управляющим, на правах настоятеля, Вяземским Спасо-Преображенским монастырем Смоленской епархии». С 12 августа 1918 г. епископ Вяземский, викарий Смоленской епархии. Уже 22 августа 1918 г. арестовывается и отправляется в тюрьму Смоленска. 4 сентября по обвинению в «организации белогвардейского восстания» расстрелян чекистами. До революции 1917 г. был известен как человек крайне правых взглядов: в самом начале XX в. принимал деятельное участие в монархическом движении в Киеве, являлся одним из лидеров черносотенного движения, в 1906–1908 гг. был членом совета Киевского отдела Русской монархической партии и членом Киевского отдела Русского собрания. Выступал с резкими антисемитскими заявлениями. После принятия монашества и назначения настоятелем Высокопетровского монастыря в Москве (1908) состоял членом правления Русского монархического собрания, а с 1915 г. входил в состав Совета монархических съездов России. Один из активных сподвижников протоиерея Иоанна Восторгова. Прославлен РПЦЗ (1981) и РПЦ в лике новомучеников и исповедников Российских (2000).

Макарий (Парвицкий-Невский; 1835–1926) — русский церковный деятель, миссионер («Апостол Алтая»; в 1883–1891 гг. начальник Алтайской духовной миссии). В 1912–1917 гг. митрополит Московский и Коломенский, постоянный член Св. Синода. После Февраля 1917 г. вынужденно отправлен на покой. Считался «креатурой» Г. Е. Распутина, который почитал его. В 1920 г. патриарх Тихон (Беллавин) даровал Макарию почетный титул митрополита Алтайского. Прославлен в лике святых РПЦ (2000). Память 16 февраля по юлианскому календарю.

Макарий (Поликарпов) (1851–1917) — православный инок Верхотурского Николаевского монастыря, отшельник (жил в Больше-Октайском скиту), почитался Г. Е. Распутиным.

Макарий (Розанов; ?–1911) — православный иеромонах, в начале XX в. смотритель Смоленского духовного училища. Один из тех, при ком епископ Феофан (Быстров) обличал Г. Е. Распутина.

Макаров Александр Александрович (1857–1919) — русский государственный деятель, действительный тайный советник, сенатор. Государственный секретарь (1909), товарищ министра внутренних дел (1906–1911), министр внутренних дел (1911–1912), министр юстиции (июль–декабрь 1916). Член Государственного Совета (1912–1917). Расстрелян большевиками.

Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957) — русский политический и общественный деятель, один из лидеров партии кадетов. Депутат Государственной

Думы II, III и IV созывов, посол Временного правительства во Франции. Брат Н. А. Маклакова. Мемуарист. Умер в эмиграции.

Маклаков В. В. — см.: *Маклаков В. А.*

Маклаков Николай Алексеевич (1871–1918) — русский государственный деятель, гофмейстер. Министр внутренних дел (1913–1915). Член Государственного Совета (1915–1917). Брат В. А. Маклакова. Расстрелян большевиками.

Максим Исповедник (580–662) — христианский монах, богослов и философ, обличитель ересей. Прославлен в лике преподобного и исповедника. Память 13 августа и 21 января по юлианскому календарю.

Малеванный Кондрат[ий] Алексеевич (1845–1913) — русский религиозный деятель, в конце 1880-х организовавший группу так называемых «духовных христиан» («малеванцев»). Течение вышло из штундо-баптизма, однако, несмотря на свой рационалистический характер, приобрело четкие мистические черты, и в этом отношении приближается к хлыстам. В конце 1880-х был помещен в психиатрическое отделение Кирилловской больницы Киева, а в 1893 г. был переведен в Казанскую психиатрическую лечебницу.

Малинин Александр Николаевич (до 1988 — Выгузов; р. 1958) — российский эстрадный певец, композитор, актер; народный артист Российской Федерации (1997), народный артист Украины (2004).

Малкин Виктор — автор публикации «В память о нашей встрече», появившейся в журнале «Источник» (1998. № 4) и посвященной встречам М. К. Касвинова с В. В. Шульгиным (публикация совместно с А. К. Касвиновой).

Мальцев Владимир Никанорович (1873 — после 1922) — русский офицер, полковник, в 1916 г. командир Отдельной батареи для воздушной артиллерийской обороны Императорской резиденции. Под его руководством солдаты рыли могилу Г. Е. Распутина в Царском Селе. Участник Гражданской войны (в составе вооруженных сил Юга России). Умер в эмиграции.

Маларецкий (Маларевский) Григорий Яковлевич (1867–1932) — русский педагог, общественный деятель, картограф, инспектор народных училищ в Тюмени. Знакомый Г. Е. Распутина.

Мамантов (Мамонтов) Василий Ильич (1863–1928) — русский государственный деятель, егермейстер, главноуправляющий Канцелярией Его Императорского Величества по принятию прошений (с 1913), член Государственного Совета (с 1913). Мемуарист. Умер в эмиграции.

Мамонтов Валерий Николаевич (1849–1916) — русский государственный деятель, сенатор, тайный советник. С 1897 г. служил в Правительствующем Сенате. Был женат на сестре В. Н. Коковцова. Знакомый Г. Е. Распутина.

Манасевич-Мануйлов Иван Федорович (1869/1871–1918) — русский журналист, агент Охранного отделения, чиновник по особым поручениям при председателе Совета министров Б. В. Штюрмере (1916). В августе 1916 г. был арестован по обвинению в вымогательстве, в связи с чем задним числом уволен со службы. В феврале 1917 г. приговорен к полутора годам заключения в арестантском отделении с лишением всех прав. Благодаря Февральской революции вышел на свободу. Хороший знакомый Г. Е. Распутина. На квар-

тире сибирского странника также часто бывала и дочь И. Ф. Манасевича-Мануйлова Вера Ивановна Баркова (1894 — после 1920). После революции 1917 г. при переходе границы с Финляндией И. Ф. Манасевич-Мануйлов был опознан и расстрелян.

Мандель — представитель еврейской общественности в России, финансист, по словам А. С. Симановича, беседовавший с Г. Е. Распутиным на квартире барона Гинцбурга по еврейскому вопросу.

Маннергейм Карл Густав Эмиль (1867–1951) — барон, русский и финляндский военный и государственный деятель, генерал-лейтенант русской армии, фельдмаршал и маршал Финляндии, президент Финляндской республики (1944–1946).

Манус Игнатий Порфирьевич (1860–1918) — русский финансист, банкир и промышленник, купец 1 гильдии, действительный статский советник, коммерции советник. Директор правления товарищества Петроградского вагоностроительного завода, председатель правления Российского транспортного и страхового общества. Неоднократно встречался с Г. Е. Распутиным, ссужал ему крупные суммы денег. В июле 1918 г. арестован Петроградской ЧК «по подозрению в нарушении декрета о сделках с акциями и другими ценными бумагами», во время дознания обвинен также в «попытке подкупа должностных лиц с целью освобождения». Приговорен к расстрелу с конфискацией имущества и расстрелян. Реабилитирован в 2007 г.

Манухин Иван Иванович (1882–1958) — русский общественный деятель, врач (доктор медицины). Врач Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Мемуарист. Умер в эмиграции.

Манчет Зинаида Леонидовна (1875–1918) — русская дворянка, входила в ближайшее окружение Г. Е. Распутина.

Манчет З. — см.: *Манчет З. Л.*

Маргарет (Маргарита) Виктория Шарлота Аугуста Нора Коннаутская (1882–1920) — кронпринцесса Швеции, герцогиня Сконская, супруга герцога Скорнского Густава Адольфа, принцесса Великобритании и Ирландии, где ее называли Дэ[йз]и.

Марголис Юрий Давидович (1930–1996) — петербургский историк, доктор исторических наук, профессор.

Мардарий (Ускокович; 1889–1935) — церковный деятель, выпускник Петроградской духовной академии (1916). Кандидат богословия. Вице-председатель Всероссийского русско-черногорского благотворительного общества, с 1912 г. синкелл митрополита Черногорского. Был знаком с Г. Е. Распутиным, который некоторое время воспринимал Мардария как конкурента. Епископ Сербской Православной Церкви (с 1926), служил в США. Канонизирован Сербской Православной Церковью (2015). Память 12 декабря по юлианскому календарю.

Мария Михайловна; Мария Новгородская (1808–1918) — старица, проживала в Троицкой Слободке Новгорода Великого. В декабре 1916 г., пребывая в Новгороде, старицу, в то время жившую в Десятинном монастыре, посетила императрица Александра Федоровна. По воспоминаниям А. А. Вырубовой, «когда Государыня вошла, старица протянула к Ней свои высохшие руки

и произнесла: “Вот идет мученица — Царица Александра!”. Обняла Ее и благословила. Слова эти глубоко запали мне в душу...»

Мария Египетская (?–522) — христианская святая, покаявшаяся блудница, считается покровительницей кающихся женщин. Память 1 апреля по юлианскому календарю и в воскресенье пятой недели Великого поста.

Мария Николаевна (1899–1918) — дочь императора Николая II. Великая княжна. Расстреляна в Екатеринбурге вместе с родителями, братом, сестрами и слугами. Канонизирована РПЦЗ (1981) и РПЦ (2000).

Мария Павловна Старшая (1854–1920) — дочь герцога Мекленбург-Шверинского Фридриха Франца II, супруга великого князя Владимира Александровича (с 1874). Приняла православие в 1908 г. Президент Академии художеств (1909–1917). Умерла в эмиграции.

Мария Федоровна (1847–1928) — императрица (с 1881), супруга императора Александра III (с 1866), мать императора Николая II. Умерла в эмиграции.

Марков — экстрасенс; по рассказу актера А. Петренко, был приглашен на кинопробы фильма «Агония».

Марков Алексей — русский историк-эмигрант, выпустивший в Германии книгу о Г. Е. Распутине (Rasputin und die um ihn. Königsberg, 1928–1932).

Марков Леонид Васильевич (1927–1991) — советский актер театра и кино, народный артист СССР (1985).

Марков Николай Евгеньевич (1866–1945) — русский политический и общественный деятель крайне правого направления. Депутат Государственной Думы III и IV созывов; с 1909 г. председатель Главного совета Союза русского народа. После революции — в эмиграции; в 1921–1927 гг. председатель Высшего монархического совета, редактор черносотенных журналов. Закончил жизнь, служа в гестапо консультантом по русским делам.

Марков Сергей Владимирович (1898–1944) — русский офицер, бывший Корнет Крымского Конного Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полка, пасынок генерала И. А. Думбадзе; автор книги «Покинутая Царская Семья», выпущенной в Вене в 1928 г.

Маркс Карл (1818–1883) — немецкий мыслитель, экономист и социолог, основатель научного социализма.

Мартемиан — см.: *Мартиниан*

Мартиниан (1875 — после 1917) — русский церковный деятель, архимандрит (1916), игумен Тюменского Свято-Троицкого монастыря, близкий друг Г. Е. Распутина, сопровождал его летом 1915 г. во время поездки в село Покровское, когда сибирский странник устроил скандал на пароходе. В 1916 г. переведен в Калязинский монастырь Тверской епархии. Поддерживал близкие отношения с епископом Варнавой (Накропиным), был знаком с министром внутренних дел А. Н. Хвостовым, планировавшим отправить Мартиниана вместе с Г. Е. Распутиным в длительную поездку по монастырям (дабы удалить странника из Петрограда; план не удался).

Мартов Б. И. — русский журналист, автор сценария вульгарного фильма 1917 г. «Темные силы — Григорий Распутин и его сподвижники».

Мартынов Александр Павлович (1875–1951) — русский жандармский офицер, полковник (1915); с 1914 г. начальник Отделения по охранению общественной безопасности и порядка в Москве. Участник Белого движения. Умер в эмиграции.

Маторика А. (начало XX в. — 1980-е?) — жительница села Покровского, помнившая Г. Е. Распутина и рассказавшая о нем корреспонденту «Комсомольской правды».

Матрена-босоножка (схимонахиня Мария (Мыльникова), урожд. Щербинина; 1814–1911) — блаженная, странница, и зимой и летом ходившая босой; верующими почиталась как старица и провидица. Последние 30 лет жизни провела в С.-Петербурге, где скончалась и погребена.

Мевес Елена Ричардовна фон (1890 — после 1920) — фрейлина, дочь генерал-лейтенанта Р. Т. фон Мевес (1839–1901). Поклонница Г. Е. Распутина. В годы Гражданской войны вышла замуж за корнета.

Медведев Феликс Николаевич (р. 1941) — советский и российский журналист и писатель.

Мелетий (Заборовский; 1868–1946) — русский церковный деятель, с 1889 г. священник, в 1891 г. овдовел. В 1898 г., обучаясь в Казанской духовной академии, принял монашеский постриг. С 1904 г. архимандрит, с 1906 г. ректор Томской духовной семинарии. С 1908 г. епископ. В 1920 г. эмигрировал в Манчжурию, с 1930 г. архиепископ Забайкальский и Нерчинский РПЦЗ. С 1931 г. архиепископ Харбинский и Маньчжурский, с 1939 г. митрополит. В 1945 г. принят в Московский Патриархат.

Мельгунов Сергей Петрович (1879–1956) — русский историк, политический и общественный деятель, издатель и мемуарист. Умер в эмиграции.

Мельников-Печерский Павел Иванович (Мельников; 1818–1893) — русский писатель, публицист и чиновник Министерства внутренних дел, действительный статский советник (как чиновник по особым поручениям занимался исследованием и искоренением старообрядчества).

Мень Александр Вольфович (псевдонимы: Э. Светлов, А. Боголюбов; 1935–1990) — русский церковный деятель, протоиерей, богослов, историк религии и Церкви, проповедник. В традиционалистских кругах православных воспринимается как последовательный сторонник и популяризатор «либерально-модернистских» воззрений. Был убит неизвестным рядом с собственным домом.

Меньшиков Александр Данилович (1673–1729) — граф (1702), князь Священной Римской империи (1705), светлейший князь Ижорский (1707), русский государственный и военный деятель, один из ближайших сподвижников Петра Великого, генералиссимус.

Меньшиков Михаил Осипович (1859–1918) — русский публицист и общественный деятель, сотрудник газеты «Новое время». Непримирымый критик Г. Е. Распутина. Расстрелян большевиками.

Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865–1941) — русский писатель и поэт. Умер в эмиграции.

Мессинг Вольф Григорьевич (1899–1974) — советский артист (менталист), выступавший с психологическими опытами по «чтению мыслей» зрителей;

заслуженный артист РСФСР (1971). По рассказу актера А. Петренко, был приглашен на кинопробы фильма «Агония» для участия в отборе артистов на роль Г. Е. Распутина.

Мещерский Владимир Петрович (1839–1914) — князь, камергер. Журналист и писатель; издавал и редактировал газету «Гражданин». Был близок к цесаревичу Николаю Александровичу, а также к императорам Александру III и Николаю II.

Миклос Юрий Николаевич (1878–1938) — барон, магистр права, помощник присяжного поверенного, миллионер. Один из петербургских (петроградских) знакомых Г. Е. Распутина. В апреле 1917 г. в Петрограде открыл частную балетную бесплатную школу. В 1920–1921 гг. находился в заключении. В дальнейшем служил юрисконсультom; проживал в Саратове. Обвинен в антисоветской агитации, арестован и расстрелян.

Микурина Арина Прокопьевна — русская крестьянка, жительница деревни Артамоновой Тюменского уезда Тобольской губернии, почитательница Г. Е. Распутина, его «духовная дочь». В дальнейшем — сестельница Иоанновского женского монастыря в С.-Петербурге.

Милица Николаевна (1866–1951) — дочь князя Черногорского, великая княгиня. С 1889 г. в браке с великим князем Петром Николаевичем. Одна из первых почитательниц Г. Е. Распутина, в котором позднее, как и ее сестра Анастасия Николаевна, разочаровалась. Умерла в эмиграции.

Миллер Евгений Карлович (1867–1939) — русский военный деятель, генерал-лейтенант (1915), руководитель Белого движения на севере России в 1919–1920 гг., главнокомандующий всеми сухопутными, морскими вооруженными силами России (Северная Армия), действовавшими против советской власти на Северном фронте. В 1930–1937 гг. председатель Русского общевоинского союза, похищен в Париже советскими агентами. Приговорен к высшей мере наказания и расстрелян в Москве.

Миллер Любовь Петровна — писательница, потомок русских эмигрантов первой волны, автор книги «Святая мученица Российская великая княгиня Елизавета Федоровна», в которой доказывала правильность резко отрицательного отношения к Г. Е. Распутину великой княгини. С 1957 г. проживает в Австралии.

Милюков Павел Николаевич (1859–1943) — русский ученый-историк, общественный и политический деятель; один из основателей и бессменный лидер кадетской партии. Депутат Государственной Думы III и IV созывов. Министр иностранных дел в первом составе Временного правительства. Мемуарист. Умер в эмиграции.

Минервин — русский православный священник, в середине XIX в. активно борющийся с хлыстовством в Нижегородской епархии.

Мироненко Сергей Владимирович (р. 1951) — московский исследователь, доктор исторических наук, профессор; в 1992–2016 гг. директор ГАРФ, с 2016 гг. научный руководитель ГАРФ.

Мирунов Василий Максимович — см.: Радаев

Миронова Татьяна Леонидовна (р. 1961) — московская исследовательница, доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России, член-корреспондент Международной Славянской академии наук.

Мисаил (Сопегин; около 1852–1940) — русский церковный деятель, с 1885 г. иеромонах, в 1905–1909 гг. игумен, настоятель Свято-Пантелеймонова монастыря на Афоне. Руководил обителью во время так называемой «имябожнической смуты», приведшей к вынужденному разрыву связей с Россией и потере практически всех монастырских подворий и угодий. Схиархимандрит. Скончался и похоронен на Афоне.

Митрофан (Краснопольский; 1869–1919) — русский церковный деятель, после смерти супруги (1893) принял монашеский постриг (1896), иеромонах (1897), с 1907 г. епископ Гомельский, викарий Могилевской епархии. В 1907–1912 гг. депутат Государственной Думы III созыва, с 1912 г. епископ Минский и Туровский, с 1916 г. епископ Астраханский и Царевский. Член Поместного собора 1917–1918 гг. Архиепископ (1918), расстрелян большевиками. Канонизирован РПЦЗ (1981) и РПЦ (2002) в лике священномученика. Память 23 июня по юлианскому календарю.

Митя Козельский (Попов; ?–1929) — косноязычный «Божий человек», житель Козельска, эпилептик. Появился при Дворе приблизительно в то же время, что и Г. Е. Распутин (1905). Был представлен императору Николаю II и императрице Александре Федоровне. По свидетельству епископа Феофана (Быстрова), обладал даром ясновидения. В декабре 1911 г. принял участие в обличении Г. Е. Распутина на Ярославском подворье в С.-Петербурге.

Михаил Александрович (1878–1918) — сын императора Александра III, великий князь, генерал-лейтенант, генерал-адъютант, генерал-инспектор кавалерии. В 1912 г., нарушив волю брата императора Николая II, женился морганатическим браком на Н. С. Брасовой (1880–1952), от которой имел сына Георгия (1910–1931). В 1914 г., после начала Первой мировой войны (в августе 1914), был прощен, вернулся в Россию, принимал участие в боевых действиях. Не принял престол, переданный ему манифестом императора Николая II. Расстрелян под Пермью. Канонизирован РПЦЗ (1981).

Михаил (Богданов; 1867–1925) — русский церковный деятель, священник (1892), овдовел (1896), поступил и окончил Казанскую духовную академию со степенью кандидата богословия (1900); магистр богословия.

По словам генерала А. И. Спиридовича, Г. Е. Распутин в Казани «познакомился с неким отцом Михаилом, имевшим какое-то отношение к местной духовной академии. Отец Михаил очень заинтересовался необычайным странником Григорием. Он видел в нем человека сильной веры и характера, работающего над собой, и он увлекся им. Покровительствуя Григорию, отец Михаил толкнул его на мысль отправиться в Петербург и снабдил его рекомендательным письмом...». Вероятнее всего, это и был Михаил (Богданов). С 1907 г. епископ Чебоксарский, викарий Казанской епархии, с 1914 г. епископ Самарский и Ставропольский, член Св. Синода при Временном правительстве (1917). В декабре 1918 г. принял управление Владивостокской епархией. Осенью 1922 г.

покинул Россию; проживал в Японии, затем в Китае. Состоял в подчинении Архиерейского Синода РПЦЗ. Умер в эмиграции.

Михайлова — согласно заявлению журналиста газеты «Царицынская мысль» (1910. № 162. 11 августа), скрывшегося под псевдонимом «А. Л.», — одна из жертв «сексуального насилия», якобы учиненного протоиереем Иоанном Восторговым в бытность законоучителем женской гимназии в Тифлисе.

Михалев — тюменский купец, по заявлению дореволюционных журналистов, оскорбленный пьяным Г. Е. Распутиным во время плавания в 1915 г. на пароходе «Товар-Пар».

Миша — некий «старец», согласно утверждениям журналиста газеты «Речь» (Речь. 1910. № 136. 20 мая) будто бы имевший значительное влияние на епископа Феофана (Быстрова) в бытность последнего ректором С.-Петербургской духовной академии.

Моленко Олег — иерей «истинной Церкви Христовой», автор стихов о Г. Е. Распутине, стихотворных сборников (Небесная лирика. М., 2013) и иных книг православного направления (см., напр.: Православие в вопросах и ответах. Вопросы личного спасения. Церковь. Семья. Дети. М., 2017).

Мосолов Александр Александрович (1854–1939) — русский военный и придворный деятель, генерал-лейтенант, начальник Канцелярии министерства Императорского Двора (1902–1917), временно управлял миссией в Румынии, оставаясь в прежней должности (1916–1917). Мемуарист. Умер в эмиграции.

Молчанов Леонид Алексеевич (1889–1942) — сын архиепископа Алексия (Молчанова), прекративший дело о хлыстовстве Г. Е. Распутина; служащий Св. Синода, член Петроградского комитета по печати. Умер в эмиграции.

Мосягин П. — русский кинодеятель, оператор фильма 1917 г. «Темные силы — Григорий Распутин и его сподвижники».

Мрозовский Иосиф Иванович (1857–1934) — русский военный деятель, генерал от артиллерии. Командующий войсками Московского военного округа (1915–1917). Умер в эмиграции.

Муравьев Николай Константинович (1870–1936) — русский юрист и общественный деятель, в 1917 г. председатель Чрезвычайной следственной комиссии, организованной Временным правительством для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так военного и морского ведомства, учрежденная 4 марта 1917 г. Временным правительством. Произвела 88 опросов и допросила 59 лиц. Чрезвычайная следственная комиссия не смогла подтвердить никаких обвинений ни в адрес императора Николая II, ни императрицы Александры Федоровны. Было признано только то, что В. А. Сухомлинов виновен в неподготовленности русской армии к войне.

В 1918–1922 гг. Н. К. Муравьев был председателем Комитета политического Красного Креста. В 1930 г. отчислен из коллегии защитников. В дальнейшем занялся общественной работой во Всесоюзном обществе политкаторжан и ссыльнопоселенцев, в котором возглавлял секцию старых политических защитников.

Мухин Ю[рий] — публикатор и автор комментариев (совместно с Л. Пушкиревой) статьи «“Агония”: Документальная хроника» (Искусство кино. 1996. № 7).

Мухаммед (571–632) — арабский религиозный и политический деятель, проповедник единобожия. Согласно исламскому вероучению — последний пророк и посланник Аллаха.

Мэлон Г. — упоминаемый А. А. Щедриным в «Публичном докладе, прочитанном в Москве в июле 1989 года» «зарубежный исследователь», выпустивший в соавторстве с А. Ессауловым книгу «Реабилитация Распутина».

Мэсси Роберт (1929) — американский писатель, автор книг по русской истории (в том числе и о Николае II).

Мясоедов Сергей Николаевич (1865–1915) — жандармский полковник. С 1912 г. председатель Общества Северо-Западного пароходства. С начала Первой мировой войны вновь в армии. Казнен по ложному обвинению в шпионаже в пользу Германии. «Дело» Мясоедова было использовано для дискредитации военного министра В. А. Сухомлинова, с которым тот был знаком с 1909 г.

Н. К. — современный православный публицист, автор статьи «Канонизация Распутина — канонизация блуда» (Благодатный огонь. 2005. № 13).

Наполеон Бонапарт (1769–1821) — французский император (1804–1814 и 1815).

Наумов Александр Николаевич (1868–1950) — русский государственный деятель, действительный статский советник, управляющий министерством, затем — министр земледелия (1915–1916). Член Государственного Совета (1909–1917). Умер в эмиграции.

Наумов Александр Николаевич (1854–1919) — русский военно-морской деятель, генерал-лейтенант флота, в 1911–1917 гг. управляющий Петербургской (Петроградской) речной полицией.

Наумов Я. Я. — русский журналист, по словам писателя Л. Жданова, беседовавший с министром внутренних дел А. Д. Протопоповым «о вопросах дня» и якобы услышавший от него восторженный отзыв о Г. Е. Распутине.

Небольсин Аркадий Константинович (1865–1917) — русский военно-морской деятель, контр-адмирал, 3 марта 1917 г. был смертельно ранен во время матросских волнений в морской крепости Свеаборг.

Нейгардт Алексей Борисович (1863–1918) — русский государственный деятель, действительный статский советник, член Государственного Совета (с 1906), один из организаторов Всероссийского национального клуба (1909). В 1905–1906 гг. Екатеринославский губернатор. С 1914 г. был председателем Комитета великой княжны Татьяны Николаевны для оказания временной помощи пострадавшим от военных бедствий, входил в состав Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. 7 июня 1918 г. вместе с епископом Лаврентием (Князевым) и настоятелем Нижегородского кафедрального собора священником Алексеем Порфирьевым подписал воззвание к пастве от имени съезда духовенства, призывавшее протестовать против закрытия православных храмов, монастырей

и конфискации церковного имущества. Вскоре после этого был арестован и расстрелян без суда. Реабилитирован в 1991 г., канонизирован РПЦ в 2000 г.

Нектарий Оптинский (Тихонов; 1853–1928) — русский церковный деятель, иеромонах. Верующими почитался как старец. Прославлен в лике преподобных вместе с 12 другими оптинскими старцами РПЦ (2000). Память 12 апреля и 11 октября по юлианскому календарю.

Нелидова Варвара Аркадьевна (1814–1897) — камер-фрейлина, многолетняя фаворитка императора Николая I, племянница Е. И. Нелидовой (1756–1830), фаворитки императора Павла I.

Ник-ъ К. — русский журналист, автор статьи о якобы соблазненной Г. Е. Распутиным девице, опубликованной в газете «Уральская жизнь» (1910. № 186. 27 августа).

Никита (Филин; 1832–1907) — русский православный монах, в 1892 г. пострижен в схиму, жил в скиту Иоанна Предтечи Валаамского монастыря.

Никитин Семен Иванович — русский журналист, сотрудник «Петроградской газеты». Встречался и беседовал с Г. Е. Распутиным.

Никодим — в христианской традиции — фарисей, член синедриона, тайный ученик Иисуса Христа. Почитается в лике праведных. Память в неделю жен-мироносиц и 2 августа по юлианскому календарю.

Николаевский Борис Иванович (1887–1966) — участник российского социал-демократического движения (в 1903–1906 — большевик; после 1906 — меньшевик); российский исследователь (историк) и политический деятель. Умер в эмиграции.

Николай (Велимирович; 1880–1956) — сербский церковный деятель, епископ Жичский Сербской Православной Церкви (СПЦ). Канонизирован СПЦ как святитель (2003). Почитается в РПЦ. Память 5 марта и 20 апреля по юлианскому календарю.

Николай (Налимов; 1852–1914) — русский церковный деятель, с 1890 г. епископ Ладожский, викарий С.-Петербургской епархии. На самостоятельной кафедре с 1893 г. епископ Саратовский и Царицынский. С 1899 г. архиепископ Финляндский и Выборгский. В 1905 г. назначен архиепископом Тверским и Кашинским, затем переведен на Кавказ архиепископом Карталинским и Кахетинским, Экзархом Грузии. В 1906–1914 гг. архиепископ Владимирский и Суздальский.

Николай Михайлович (1859–1919) — сын великого князя Михаила Николаевича, внук императора Николая I, великий князь; генерал от инфантерии по гвардейской пехоте, генерал-адъютант. Известный историк, председатель Императорского Русского исторического общества (с 1910). Доктор философии Берлинского университета (1910–1914; отказался от степени вскоре после начала Первой мировой войны). Расстрелян в Петрограде.

Николай Николаевич Младший; «Николаша» (1856–1929) — сын великого князя Николая Николаевича Старшего, великий князь; генерал от кавалерии, генерал-адъютант. В 1905–1908 гг. председатель Совета государственной обороны. В 1914–1915 гг. Верховный главнокомандующий русскими войсками

на театре военных действий Первой мировой войны. В 1915–1917 гг. наместник на Кавказе. Умер в эмиграции.

Николай I Негош (1841–1921) — князь Черногорский (1860–1910) — король Черногорский (1910–1918), отец великих княгинь Милицы и Анастасии.

Николай I Павлович (1796–1855) — с 1825 г. император Всероссийский.

Николай II Александрович (1868–1918) — в 1894–1917 гг. император Всероссийский. Бессудно убит вместе с семьей и слугами в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. в Екатеринбурге. Канонизирован РПЦЗ (1981) и РПЦ (2000) в лике страстотерпца и мученика в сонме новомучеников и исповедников Российских. Память 4 июля по юлианскому календарю.

Николай Чудотворец (около 270 — около 345) — архиепископ Мир Ликийских (Византия), христианский святой, небесный покровитель путешественников, заключенных и сирот. Память 6 декабря, 9 мая, 29 июля по юлианскому календарю.

Николая (Татьяна Ивановна Гроян; р. 1956) — современная православная активистка, выпускница филологического факультета МГУ (переводчик с португальского языка). В начале 1990-х вошла в круг интеллектуалов, собравшийся вокруг издательства «Русский вестник», чьи тексты, по мнению ряда религиоведов, отличаются неприкрытым антисемитизмом и монархизмом. «Духовная дочь» и «келейница» протоиерея Николая Гурьянова, популяризирующая «святость» царя Иоанна Грозного, Г. Е. Распутина, «искупительный подвиг» императора Николая II. Автор книги «Мученик за Христа и за Царя Человек Божий Григорий. Молитвенник за Святую Русь и Ея Пресветлаго Отрока» (М., 2000). Приняла постриг, не удалившись в монастырь и продолжив писать работы, прославляющие протоиерея Николая Гурьянова как «тайного епископа»; проводит ежегодные Николаевские чтения в Москве, регулярно выступает в СМИ. Приняла «схиму». Православными критиками называется человеком, исповедующим «ересь царбожничества».

Никольский Борис Владимирович (1870–1919) — филолог-классик, публицист, общественный деятель, один из идеологов Союза русского народа. Автор дневника за 1896–1918 гг. Расстрелян большевиками.

Никон (Минов; 1605–1681) — патриарх Московский и всея Руси (1652–1666), имевший официальный титул «Божиею милостию великий господин и государь, архиепископ царствующаго града Москвы и всея великия и малыя и белыя России и всея северныя страны и помориа и многих государств Патриарх».

Никонова — в начале XX в. учительница в селе Покровском.

Нилов Константин Дмитриевич (1856–1919) — адмирал, генерал-адъютант, флаг-капитан императора Николая II (1905–1917). Расстрелян большевиками.

Нилус Сергей Александрович (1862–1928) — русский религиозный писатель, известный публикатор «Протоколов Сионских мудрецов».

Ниценко Варвара Алексеевна (1880 — после 1917) — вдова надворного советника, обращалась за помощью к Г. Е. Распутину, стремясь помочь своему

даде полковнику Жилецкому. В филерских листках отмечалась как женщина легкого поведения.

Ницше Фридрих (1844–1900) — немецкий философ, один из основателей «философии жизни».

Новоселов Михаил Александрович (1864–1938) — русский церковный и общественный деятель и публикатор религиозной литературы конца XIX — первой трети XX в. Первоначально придерживался народнических взглядов, был сторонником толстовства. С 1902 г. возглавлял издание «Религиозно-философской литературы» в Вышнем Волочке, Москве и Сергиевом Посаде. Почетный член МДА (1912). С 1912 г. почетный член Московской духовной академии. Участник Религиозно-философских собраний в С.-Петербурге (1901–1903) и Московского Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева (после 1907 — до 1917). Резкий и непримиримый критик Г. Е. Распутина. Автор брошюры «Григорий Распутин и мистическое распутство» (М., 1912), а также ряда газетных публикаций, посвященных резкой критике деятельности и поведения сибирского странника. Член Поместного собора 1917–1918 гг. С 1918 г. член Временного Совета объединенных приходов г. Москвы. В 1920 г. принял монашеский постриг с именем Марк. Входил в «Братство ревнителей православия» (1922). По одной из версий в 1923 г. был тайно хиротонисан во епископа Сергиевского. В 1927 г. арестовывался, в 1929 г. был приговорен к 3 годам заключения, в 1931 г. по делу Всесоюзного центра «Истинное православие» получил уже 8 лет (с поглощением приговора 1929). В 1937 г. приговорен к 3 годам тюремного заключения и отправлен в Вологодскую тюрьму. После пересмотра дела постановлением УНКВД по Вологодской области был приговорен к высшей мере наказания и расстрелян.

Носилов Константин Дмитриевич (1858–1923) — русский журналист, ученый (этнограф) и путешественник. Автор статьи о Г. Е. Распутине в газете «Вечернее время» (1914. № . 793. 19 июня).

Нусинов Илья Исаакович (1920–1970) — советский драматург и киносценарист. Автор сценария фильма «Агония».

Обнинский Виктор Петрович (1867–1916) — русский общественный и политический деятель, один из организаторов кадетской партии, депутат I Государственной Думы, писатель и публицист, выступавший с критикой николаевского царствования и «разоблачениями» истории жизни императора Николая II. По официальной версии, покончил жизнь самоубийством.

Оболенский Владимир Андреевич (1869–1950) — князь, политический и общественный деятель, депутат I Государственной Думы. С 1910 г. член ЦК партии кадетов. Мемуарист. Умер в эмиграции.

Овечкина Агафья Михайловна — русская крестьянка, жительница деревни Дубровной Тюменского уезда Тобольской губернии, почитательница Г. Е. Распутина, его «духовная дочь».

Ольга Николаевна (1895–1918) — старшая дочь императора Николая II. Великая княжна. Расстреляна в Екатеринбурге вместе с родителями, братом, сестрами и слугами. Канонизирована РПЦЗ (1981) и РПЦ (2000).

Ольденбург Сергей Сергеевич (1888–1940) — русский историк, профессор, сын академика С. Ф. Ольденбурга (1863–1934). Автор двухтомника «Царствование императора Николая II», полностью изданного уже после смерти С. С. Ольденбурга (Мюнхен, 1949). Умер в эмиграции.

Ольденбургский Петр Александрович (1868–1924) — принц, генерал-майор, первый супруг великой княгини Ольги Александровны, сестры императора Николая II (в 1901–1916). Умер в эмиграции.

Ордовский-Танаевский Николай Александрович (1853–1960) — русский государственный деятель, гражданский губернатор Тобольска (1915–1917). Эмигрировал, в 1923 г. в Германии принял священный сан, позже перешел в юрисдикцию Сербской Православной Церкви. Принял монашеский постриг с именем Никон, получил сан игумена и архимандрита. В 1945 г. пострижен в великую схиму с именем Никодим. Мемуарист.

Орешин Петр Васильевич (1887–1938) — русский советский поэт и прозаик. Репрессирован, реабилитирован посмертно.

Орлов Владимир Николаевич (1868–1927) — князь, генерал-лейтенант, начальник Военно-походной канцелярии Его Величества (с 1906), помощник по гражданской части наместника на Кавказе (1915–1917). Умер в эмиграции.

Орловы — речь идет о братьях Алексее Григорьевиче (1737–1808) и Григории Григорьевиче (1734–1783) Орловых, графах, представителях русской аристократической фамилии, имевших значительный политический вес и влияние в эпоху императрицы Екатерины II.

Орнатский Философ Николаевич (1860–1918) — русский церковный деятель, протоиерей. В 1913–1918 гг. настоятель Казанского собора в Петербурге-Петрограде. Расстрелян большевиками; канонизирован РПЦ (2000). Память 31 мая по юлианскому календарю.

Осипова Дарья — русская женщина, страдавшая «падучей» болезнью (эпилепсией), в начале XX в. получила известность как «пророчица», во время припадков выкрикивавшая разного рода предсказания. Одно время к ее предсказаниям проявляли интерес в семье императора Николая II.

Оссейн Робер (р. 1927) — французский кинорежиссер, продюсер и актер. В 1967 г. снял картину «Я убил Распутина» (I Killed Rasputin), с изрядной долей «клюквы».

Остроумов Петр Иванович (1878 — после 1917) — русский православный клирик, с конца XIX в. служил в храме села Покровского, к 1910 г. настоятель. В 1913 г. стал наблюдателем церковно-приходских школ по Тобольскому уезду.

Отрепьев Григорий (около 1581–1606) — монах, дьяк Чудова монастыря, выдававший себя за спасенного сына Иоанна Грозного Дмитрия, Лжедмитрий I.

Оцун Михаил Авдеевич (псевдоним: Снарский; 1884/1887?–1959) — русский журналист, писал для газеты «Вечернее время». Умер в эмиграции.

Павел (предположительно 5/10?–64/67?) — в христианской традиции «апостол язычников», не входил в число первых 12 апостолов. Вместе с апостолом Петром называется «первоверховным».

Павлов Владимир Петрович (1851–1906) — русский военный и судебный деятель, генерал-лейтенант, главный военный прокурор России и начальник Главного военно-судного управления, член Военного совета. Инициатор принятия закона о военно-полевых судах. Убит эсером-террористом Н. Егоровым.

Палеолог Морис (1859–1944) — французский дипломат, посол Франции в России (1914–1917). Мемуарист и писатель.

Паозерский Михаил Федорович (1866 — после 1930) — выпускник С.-Петербургской духовной семинарии (1887), обучался в СПбДА, был исключен. В 1907 г. (или 1908) «отказался от священства», занимался журналистской деятельностью (заведовал отделом хроники в газете «Вечернее время»). В советское время публицист и историк-антиклерикал, заведующий «церковным» отделением Петроградского губернского отдела юстиции; в 1924–1925 гг. архивист. Автор ангажированной книги «Русские святые перед судом истории» (М.; Пг., 1923).

Папанов Анатолий Дмитриевич (1922–1987) — советский актер театра и кино, театральный педагог и режиссер, народный артист СССР (1973).

Папюс (Жерар Энкокс; 1865–1916) — французский оккультист, великий магистр Верховного совета Ордена мартинистов (с 1891); по образованию врач. В 1901, 1905 и 1906 гг. посещал Россию. По мнению некоторых исследователей масонства, именно Папюс (вместе с Филиппом) посвятили императора Николая II в мартинизм. В 1905 г. он провел для него спиритический сеанс, якобы «призвав дух царя Александра III».

Пасенкова Кира Алексеевна (1888 — после 1910) — согласно интервью, взятому у нее в 1910 г. корреспондентом газеты «Уральская жизнь» — выпускница Уфимского епархиального женского училища, в 1905–1906 гг. учительница церковно-приходской школы; «невольная жертва» Г. Е. Распутина, первоначально — его наивная почитательница.

Паша [Параскева] Саровская (Дивеевская) (Ирина; около 1795?–1915) — юродивая Христа ради. По легенде получила благословение на такую жизнь у преподобного Серафима Саровского (в 1828). Приняв монашеский постриг, с середины 1850-х жила в пещерах Саровского леса, с 1884 г. в Дивеево. В 2004 г. прославлена РПЦ в сонме Христа ради Дивеевских юродивых (блаженной Пелагии (Серебрянниковой) и Марии (Фединой)). Память 22 сентября по юлианскому календарю.

Пельше Арвид Янович (1899–1983) — советский партийный и государственный деятель, член Политбюро ЦК КПСС (с 1966), председатель КПК при ЦК КПСС (с 1966). Член-корреспондент Латвийской академии наук.

Перверзев Павел Николаевич (1871–1944) — российский адвокат и политический деятель. Во втором составе Временного правительства занимал пост министра юстиции (1917). Умер в эмиграции.

Пересветов Иван (наст. имя и фамилия — Вячеслав Иосифович Первольт; 1876 — после 1920) — чиновник Управления внутренних водных путей и шоссейных дорог Министерства путей сообщения, поэта, автор сатирического стихотворения «Кашей-Лиходей», посвященного Г. Е. Распутину. В ноябре 1919 г. был арестован Московской ЧК и в декабре 1919 г. осужден за анти-

советскую агитацию. По амнистии дело тогда же было прекращено (реабилитирован в 2003).

Перс (Пэрс) Бернард (1867–1949) — сэр, английский историк, журналист, профессор Ливерпульского, затем Лондонского университета. В Первую мировую войну работал корреспондентом «The Daily Telegraph» на русском фронте. В 1919 г. состоял при адмирале Колчаке в качестве представителя правительства Великобритании. С 1922 г. редактор научного журнала Slavonic Review и секретарь (до 1930) Англо-русского литературного общества. Автор нескольких книг по истории России.

Петренко Алексей Васильевич (1938–2017) — советский и российский актер театра и кино, народный артист РСФСР (1988), народный артист Украины (1999). В фильме Э. Г. Климова «Агония» сыграл главную роль — Г. Е. Распутина.

Печеркина Дуня — русская крестьянка, уроженка Тобольской губернии, почитательница Г. Е. Распутина, названная журналистами его «духовной сестрой». С согласия родителей жила в доме у Г. Е. Распутина.

Печеркина Елена — русская крестьянка, уроженка Тобольской губернии, почитательница Г. Е. Распутина, названная журналистами его «духовной сестрой». С согласия родителей жила в доме у Г. Е. Распутина.

Печеркина Катя — русская крестьянка, уроженка Тобольской губернии, почитательница Г. Е. Распутина, названная журналистами его «духовной сестрой». С согласия родителей жила в доме у Г. Е. Распутина.

Петр (? — около 67) — в христианской традиции первоверховный апостол, ученик Иисуса Христа. В Римско-Католической Церкви считается первым папой Римским. Память 12 июня по юлианскому календарю.

Петр Николаевич (1864–1831) — сын великого князя Николая Николаевича Старшего, внук императора Николая I, великий князь. Генерал-лейтенант, генерал-адъютант. С 1889 г. состоял в браке с княжной Черногорской Милицей Николаевной. Умер в эмиграции.

Петр I Алексеевич (Петр Великий; 1672–1725) — царь (с 1682), император Всероссийский (с 1721).

Пикуль Валентин Савич (1928–1990) — советский писатель, автор романа «Нечистая сила», в котором в крайне вульгарной форме выведен Г. Е. Распутин.

Пистолькорс Александра Александровна (Танеева; 1888–1968) — супруга титулярного советника, служащего Государственной канцелярии А. Э. фон Пистолькорс (1885–1944), сестра А. А. Вырубовой, фрейлина. Входила в ближайшее окружение Г. Е. Распутина. Умерла в эмиграции.

Питирим (Окнов; 1858–1921) — русский церковный деятель, с 1894 г. епископ, с 1909 г. архиепископ, с 1914 г. Экзарх Грузии, с ноября 1915 по март 1917 г. митрополит Петроградский и Ладожский, в 1914–1917 г. член Св. Синода. Считался креатурой Г. Е. Распутина, с которым поддерживал отношения в том числе и через своего секретаря И. З. Осипенко. После Февраля 1917 г. арестовывался, был вынужден покинуть столичную кафедру.

Пифагор Самосский (570–490 до Р. Х.) — древнегреческий ученый (философ, математик и мистик), создатель религиозно-философской школы пифагорейцев.

Платон (между 429 и 427 до Р. Х. — 347 до Р. Х.) — древнегреческий философ, ученик Сократа, учитель Аристотеля.

Платонов Олег Анатольевич (р. 1950) — московский исследователь, церковный историк и публикатор, общественный деятель националистического толка, доктор экономических наук. Директор общественной организации «Институт русской цивилизации». Среди многочисленных публикаций О. А. Платонова есть книга «Жизнь за царя: Правда о Григории Распутине», выдержавшая несколько изданий.

Плеве Вячеслав Константинович фон (1846–1904) — русский государственный деятель, действительный тайный советник, сенатор, министр внутренних дел (1902–1904). Убит Е. С. Созиновым.

Победоносцев Константин Петрович (1827–1907) — крупный государственный деятель России конца XIX — начала XX в., ученый-цивилист, публицист и переводчик; учитель императоров Александра III и Николая II. Действительный тайный советник, сенатор. В 1880–1905 гг. обер-прокурор Св. Синода. Член Государственного Совета (с 1872).

Покровский Михаил Николаевич (1868–1932) — деятель российской социал-демократии, большевик; русский и советский историк. Заместитель народного комиссара по просвещению РСФСР (1818–1932), создатель советской школы историков-марксистов, в 1930-е подвергшейся резкой критике и разгрому. Инициатор проведения чисток в Академии наук. Академик Академии наук СССР (1929).

Подгорный Стефан (Василий Карпович Подгорный; 1832–1914) — русский религиозный деятель, из крепостных крестьян, после 1861 г. занимался мелким предпринимательством, имел успех. Принял монашеский постриг (на Афоне), в 1882 г., повинаясь афонскому наставнику вернулся на родину, в Харьковскую губернию, дабы основывать монастыри, сумел завоевать доверие и поддержку, особенно среди женщин. Сыграл важную роль в основании Свято-Троицкого монастыря в городе Богодухове, хотя епископат был недоволен проводимыми им молитвенными собраниями, благотворительными акциями и активным привлечением молодых женщин в монастырскую жизнь. В 1892 г. был обвинен в изнасиловании сотен своих последовательниц и в течение 10 лет находился в тюрьме Суздальского Спасо-Евфимиевского монастыря. Освобожденный в 1903 г., остался в этом монастыре в качестве монаха до смерти. Его последователи и поклонники, продолжавшие подвергаться нападкам как сектанты-хлысты, поддерживали свои общины, после 1917 г. вступая в так называемую Истинно Православную Церковь и помогая сохранению веры в условиях жесточайших антирелигиозных гонений 1920–1930 гг. Несмотря на то, что для большей части церковной иерархии Подгорный был опасным шарлатаном, некоторые архиереи (например, Питирим (Окнов) и Серафим (Чичагов)) видели в нем благочестивого православного, проповедовавшего Евангелие и идеалы аскетизма, призывавшего православных вести моральную и святую

жизнь. Видевшие в Подгорном духовного искателя и чистого монаха полагали, что он был оклеветан завистливыми врагами. В отличие от них официальные православные миссионеры полагали, что согласно учению подгорновцев брак является чем-то нечистым и постыдным, а соблюдение женского целомудрия является гордыней перед Богом и людьми. По их словам, подгорновцы учили, что женщина должна вступать в сексуальную связь с любым мужчиной, который того пожелает, ибо это есть особый вид послушания, без которого невозможно спасение. Большинство представителей светского общества, однако, представляло Подгорного как «хлыста», сравнивая его с Г. Е. Распутиным и называя его «предтечей» сибирского странника.

Покровский Николай Николаевич (1865–1930) — русский государственный деятель, тайный советник, сенатор, член Государственного Совета (1914–1917). В 1916 г. Государственный контролер, затем (до марта 1917) — министр иностранных дел. Умер в эмиграции.

Поленов С[ергей] — современный российский публицист, автор статьи в ульяновской «Урлпрессе» «Распутин как символ распада».

Поливанов Алексей Андреевич (1855–1920) — русский военный деятель, генерал от инфантерии. Военный министр (1915–1916). Член Государственного Совета (1912–1917).

Поливанов Николай Дмитриевич (1865–1923) — русский военный деятель, генерал-майор. В 1919 г. был начальником штаба крепости Владивосток.

Половинкин Николай Сергеевич (умер в 2003?) — тюменский исследователь, краевед, доктор исторических наук, составитель, автор вступительной статьи, примечаний и библиографии книги «Григорий Распутин в воспоминаниях современников. Сборник» (совместно с А. В. Чернышовым; М.; Тюмень, 1990).

Поляков Самуил Соломонович (1837–1888) — русский предприниматель, концессионер, строитель российских железных дорог, благотворитель; тайный советник.

Полякова Настя (Анастасия Алексеевна; 1877–1947) — русская цыганская певица, с 12 лет выступала в хоре ресторане «Яр». В начале XX в. цыганский ансамбль Поляковых был самым знаменитым московским цыганским хором. Умерла в эмиграции.

Пономарев Геннадий Робертович (р. 1957) — российский поэт и композитор, муж певицы Ж. В. Бичевской.

Пономарев Борис Николаевич (1905–1995) — советский партийный и государственный деятель, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС (1972–1986), секретарь ЦК КПСС (1961–1986), академик АН СССР.

Попель — русский военный следователь, подполковник. В декабре 1916 г. занимался следствием по делу об убийстве Г. Е. Распутина.

Попов — «уполномоченный народом» автор телеграммы, 14 марта 1910 г. направленной неназванному «высокопоставленному лицу» в С.-Петербург из Царицына, в которой утверждалось, что «блаженный старец Григорий имеет печать божественного призвания».

Попов Петр Ксенофонович (1868 — после 1920) — русский жандармский офицер, генерал-майор Отдельного корпуса жандармов (1916). С 1914 г.

начальник Петербургского охранного отделения, с 1915 г. штаб-офицер для поручений при Министерстве внутренних дел, с 1916 г. генерал для поручений при министре внутренних дел. В декабре 1916 г. по поручению А. Д. Протопопова вел расследование убийства Г. Е. Распутина. Участник Белого движения. В 1920 г. арестован в Омске и приговорен особым отделом 5 армии без принятия окончательного решения по делу. Реабилитирован в 1999 г.

Похвиснев Владимир Борисович (1858–1927) — русский государственный деятель, камергер, действительный статский советник, начальник Главного управления почт и телеграфов (1913–1917). В 1921 г. допрашивался в качестве свидетеля по делу об убийстве царской семьи следователем Н. А. Соколовым. Умер в эмиграции.

Преображенцев (?–?) — раскаявшийся хлыст, автор «Исповеди обратившегося раскольника» (1867).

Принцип Гаврило (1894–1918) — сербский студент, террорист, 28 июня 1914 г. убивший наследника австро-венгерского престола Франца Фердинанда. Умер в заключении от туберкулеза.

Протопопов Александр Дмитриевич (1866–1918) — русский государственный деятель, действительный статский советник, последний министр внутренних дел Российской империи (1916–1917). Поддерживал тесные отношения с Г. Е. Распутиным с последний период его жизни. После убийства сибирского странника заявлял, что в него переселился его «дух». Расстрелян большевиками.

Проханов Александр Андреевич (1938) — советский и российский писатель, публицист, общественный деятель, главный редактор газеты «Завтра».

Пругавин Александр Степанович (1850–1920) — русский ученый (исследователь раскола РПЦ, старообрядчества и сектантства, этнограф), революционер-народник. После Октября 1917 г. противник большевиков. Автор беллетризированной работы «Старец Григорий Распутин и его поклонницы». По мнению историка и публициста С. В. Фомина, материалы для этой книги «налгала» А. С. Пругавину «эротоманка и сатанистка» Вера Александровна Подревская, писавшая, по определению прокурора Ф. П. Симпсона, под псевдонимом Жуковская.

Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870–1920) — русский общественный и политический деятель, действительный статский советник. Депутат Государственной Думы II, III и IV созывов. Один из организаторов Союза русского народа, товарищ председателя СРН (1905–1906), затем председатель Союза Михаила Архангела. Один из организаторов и непосредственных участников убийства Г. Е. Распутина.

Путилов Алексей Иванович (1866–1940) — русский промышленник и финансист; гласный Петроградской городской думы. Участник Белого движения. Умер в эмиграции.

Путинцев Леонтий Егорович — главный герой очерка А. С. Пругавина, посвященного Г. Е. Распутину, «зашифрованный» Г. Е. Распутин.

Пуятин Михаил Сергеевич (1861–1938) — князь, русский военный и придворный деятель, генерал-лейтенант. С 1911 г. начальник Царскосельского дворцового управления. Знакомый Г. Е. Распутина. Умер в эмиграции.

Пушкарева Л. — публикатор и автор комментариев (совместно с Ю. Мухиным) статьи «“Агония”»: Документальная хроника» (Искусство кино. 1996. № 7).

Пушкин Александр Сергеевич (1799–1837) — русский поэт.

Пыжиков Александр Владимирович (1965–2019) — московский исследователь, доктор исторических наук, профессор. В 2000–2003 гг. помощник Председателя Правительства Российской Федерации М. М. Касьянова. В 2003–2004 гг. заместитель Министра образования Российской Федерации.

Пырьев Иван Александрович (1901–1968) — советский кинорежиссер, сценарист, актер, педагог и общественный деятель. Народный артист СССР (1968).

Пэйрс Бернард — английский историк, неоднократно бывавший в России до 1917 г. и имевший тесные связи в либеральных кругах. В 1930-е переписывался с А. И. Гучковым. В 1926 г. выпустил «Историю России», в которой впервые появляется тематика советской истории.

Радаев (?–?) — хлыст, «арзамасский лжепророк», в 1840-х имел 13 «духовниц» и учивший, что целомудрие девицы есть тяжкий грех, так как оно заставляет ее гордиться и превозноситься перед другими девицами.

Радзинский Эдвард Станиславович (1936) — современный российский сценарист, писатель, драматург, историк. Автор книги «Распутин. Жизнь и смерть» (М., 2000).

Радлов Эрнест Леопольдович (1854–1928) — русский ученый (философ, историк философии, филолог и переводчик), тайный советник. Член Ученого комитета Министерства народного просвещения (с 1895), член Совета министра народного просвещения (с 1909). В 1918–1924 гг. директор Публичной библиотеки.

Раев Николай Павлович (1856–1919) — русский государственный деятель, организатор высшего женского образования; действительный статский советник, последний царский обер-прокурор Св. Синода (1916–1917). Сын митрополита Новгородского и С.-Петербургского Палладия (Писарева-Раева; 1827–1898).

Разумовский Дмитрий — русский журналист, автор заметки о Г. Е. Распутине в газете «Дым Отечества» (1913. № 4. 20 января.).

Райнер Освальд Теодор (1888–1961) — агент британский Секретной разведывательной службы (SIS) в России во время Первой мировой войны. По одной из версий являлся соучастником убийства Г. Е. Распутина. Согласно этой версии убийство было совершено по заданию британской разведки: это связывают с содействием Г. Е. Распутина смещению «пробритански настроенных» министров российского правительства и его «требованием» прекратить участие России в Первой мировой войне. По мнению ряда британских исследователей, именно О. Райнер совершил выстрел в голову Г. Е. Распутина. В 1927 г. вместе с Ф. Ф. Юсуповым перевел на английский язык книгу последнего, вышедшую под названием «Распутин — его пагубное влияние и его убийство».

Рамазанов Виктор Викторович — русский драматург начала XX в., переводчик Софокла, автор откровенно пошлой пьесы «Ночные оргии Распутина» (1917).

Распопов Николай Павлович (1876 — после 1918) — русский крестьянин, житель деревни Подбулуги, располагавшейся неподалеку от села Покровское, родственник Г. Е. Распутина, характеризовавшийся журналистами как «духовный брат» сибирского странника.

Распутин Василий Алексеевич — русский крестьянин, житель села Покровского, дальний родственник Г. Е. Распутина.

Распутин Дмитрий Григорьевич (1895–1933) — сын Г. Е. Распутина. В 1920 г. власти конфисковали у него фамильный дом, построенный Г. Е. Распутиным. Умер в ссылке в Обдорске.

Распутин Ефим Яковлевич (1841–1916) — русский крестьянин, отец Г. Е. Распутина.

Распутин Ефимий Андреевич — см.: *Распутин Е. Я.*

Распутин Максим Петрович — троюродный брат Г. Е. Распутина, в годы советской власти проживал в селе Покровском.

Распутин Михаил Ефимович (1888–1893) — младший брат Г. Е. Распутина, умер в детстве.

Распутин Михаил Федорович (1872 — после 1917) — русский крестьянин, житель села Покровского, дальний родственник Г. Е. Распутина, почтальон.

Распутин Николай Матвеевич (1874 — после 1918) — русский крестьянин, житель села Покровское, двоюродный брат Г. Е. Распутина.

Распутина Варвара Григорьевна (1900–1925) — дочь Г. Е. Распутина. После революции 1917 г. работала в управлении юстиции стенографисткой. Умерла от тифа.

Распутина Мария Васильевна (ум. после 1967) — супруга М. П. Распутина, проживала в селе Покровском.

Распутина Матрена (Мария) Григорьевна (1898–1977) — дочь Г. Е. Распутина. После революции 1917 г. вместе с мужем Б. Н. Соловьевым эмигрировала, работала танцовщицей в кабаре, затем была цирковой артисткой. В 1937 г. переехала в США, в 1945 г. получила американское гражданство. В 1940 г. вторично вышла замуж (супруг Григорий Бернадский). Автор воспоминаний об отце.

Распутина Параскева (Парасковья) Федоровна (урожд. Дубровина; 1865–1930) — русская крестьянка, супруга (с 1887) Г. Е. Распутина. Умерла в ссылке в Обдорске.

Рахиль — в Ветхом Завете — одна из двух жен патриарха Иакова, мать Иосифа и Вениамина.

Рашид Гарун аль (Харун ар-Рашид; 766–809) — арабский халиф, правитель Аббасидского халифата (с 786). Прозвище «ар-Рашид» значит «праведный». Основатель университета и библиотеки в Багдаде.

Рейнер Освальд — см.: *Райнер О.*

Резанова (Касвинова) Аделаида Константиновна — супруга писателя и публициста М. К. Касвинова, после смерти которого завершила работу над его книгой «Двадцать три ступени вниз» (1978).

Ренненкампф Павел-Густав Карлович (1854–1918) — русский военный деятель, генерал от кавалерии. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. Расстрелян большевиками.

Решетников Николай Иванович (1857–1928) — житель Москвы, биржевой нотариус. Сын горячей почитательницы Г. Е. Распутина вдовы потомственного почетного гражданина, московской купчихи Анисии Ивановны Решетниковой (1836–1916). Ездил к Г. Е. Распутину в С.-Петербург (Петроград).

Решетникова Анисия Ивановна — см.: *Решетников Н. И.*

Ржевский Борис Михайлович (?–1919) — русский журналист, платный агент Департамента полиции, политический аферист. Доверенное лицо министра внутренних дел А. Н. Хвостова. Зимой 1915 г. был секретно командирован им в Швецию к бывшему иеромонаху Илиодору (Труфанову), по одной версии, для переговоров об организации убийства Г. Е. Распутина, по другой — для скупки имевшихся у Труфанова писем императрицы Александры Федоровны и ее дочерей к Г. Е. Распутину. По распоряжению С. П. Белецкого был арестован на станции Белоостров. В результате проведенного расследования 27 февраля 1916 г. был выслан из Петрограда. После 1917 г. некоторое время сотрудник ВЧК. Убит в Одессе при невыясненных обстоятельствах.

Риттих Александр Александрович (1868–1930) — русский государственный деятель, гофмейстер, сенатор, министр земледелия (1916–1917). Умер в эмиграции.

Рогович Иван Петрович — епархиальный наблюдатель церковных школ Тобольской епархии. Знакомый Г. Е. Распутина.

Рогов Александр Гаврилович (1855 — после 1917) — русский полицейский деятель, полковник (с 1908), пристав 3-го полицейского участка Казанской части (улица Офицерская, 28). Уволен со службы по болезни в мае 1917 г. с присвоением чина генерал-майора.

Рогович Алексей Петрович (1858–1935) — русский государственный деятель, сенатор, гофмейстер, тайный советник, товарищ обер-прокурора Св. Синода (1906–1912), член Государственного Совета (1912–1917). Считался одним из симпатизировавших Г. Е. Распутину лиц ведомства православного исповедания. Умер в эмиграции.

Родзянко Михаил Владимирович (1859–1924) — русский государственный и политический деятель, действительный статский советник, камергер. Председатель III и IV Государственных Дум (1911–1917); глава Временного комитета Государственной Думы (1917). Мемуарист. Умер в эмиграции.

Родионов Иван Александрович (1866–1940) — русский писатель и общественный деятель. Был хорошо знаком с М. В. Родзянко, иеромонахом Илиодором и епископом Гермогеном (Долганевым). Присутствовал на Ярославском подворье в С.-Петербурге в декабре 1911 г., будучи свидетелем обличения Г. Е. Распутина епископом Гермогеном. Категорически возражал

против распространенной версии, согласно которой Г. Е. Распутина заманили в подворье, хотели там оскопить, но он вырвался и убежал. «В действительности его никто не заманивал и оскоплять не собирався, а епископ Гермоген пытался уговорить Распутина больше не бывать при Дворе» (цит. по: *Стукалова Г.* Страница истории России // Родионов И. А. Наше преступление. М., 1997. С. XLVIII). Участник Белого движения. Умер в эмиграции.

Рожнов Владимир Евгеньевич (1918–1998) — московский ученый (психиатр, психотерапевт), доктор медицинских наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР. Автор работ, в которых с официальных советских позиций рассматривался феномен Г. Е. Распутина (см., напр.: *Рожнов В. Е.* Пророки и чудотворцы. Этюды о мистицизме. М., 1977).

Рожнова Мария Александровна — московская исследовательница (физиолог), супруга В. Е. Рожнова, в соавторстве с которым выпустила несколько работ (см., напр.: *Рожнов В. Е., Рожнова М. А.* 1) Гипноз и «чудесные» исцеления» М., 1965; 2) Правда о «чудесных» исцелениях. М., 1968).

Розанов Василий Васильевич (1856–1919) — русский религиозный философ, публицист и литературный критик. Активный участник Религиозно-философских собраний 1901–1903 гг. и Религиозно-философского общества (в 1907–1911). Автор одной из первых глубоких работ, посвященных феномену сибирского странника Г. Е. Распутина.

Розенбах Павел Яковлевич (1858–1918) — русский ученый (психиатр), доктор медицины, с 1904 г. заведовал отделением для душевнобольных при Николаевском военном госпитале в Санкт-Петербурге. Состоял товарищем (заместителем) председателя Общества психиатров. Смертельно ранен при попытке ограбления.

Роман Сладкопевец (490–556) — христианский святой, автор религиозных песнопений (кондаков). Память 1 октября по юлианскому календарю.

Романов Алексей Владимирович (1908–1998) — советский партийный и государственный деятель, в 1965–1972 гг. председатель Комитета по кинематографии при Совете министров СССР, в 1972–1983 гг. главный редактор газеты «Советская культура».

Романов Илья Эдуардович (р. 1967) — российский анархист, писатель и публицист, политический заключенный (в 2002–2012 и с 2013). Участник Ассоциации движений анархистов.

Романченко — согласно заявлению журналиста газеты «Царицынская Мысль» (1910. № 162. 11 августа), скрывшегося под псевдонимом «А. Л.», — одна из жертв «сексуального насилия», якобы учиненного протоиереем Иоанном Восторговым в бытность законоучителем женской гимназии в Тифлисе.

Ромашин Анатолий Владимирович (1931–2000) — советский и российский актер театра и кино, народный артист РСФСР (1982). Исполнитель роли императора Николая II в фильме Э. Г. Климова «Агония». Существует мнение о том, что сочувственно созданный А. В. Ромашиним гуманистический образ последнего русского царя стал одной из главных причин того, что фильм был первоначально запрещен и в течение 10 лет не выходил на экраны.

Ромм Михаил Ильич (1901–1971) — советский кинорежиссер, сценарист и педагог, театральный режиссер. Народный артист СССР (1950).

Ростропович Мстислав Леопольдович (1927–2007) — советский и российский музыкант и дирижер, народный артист СССР (1966). С 1974 по 1991 г. постоянно жил за рубежом (в 1978 был лишен советского гражданства, в 1990 гражданство восстановлено). В 1990-е купил на аукционе Sotheby's дело, касающееся Г. Е. Распутина, и подарил его Э. С. Радзинскому (по словам писателя, это были «показания всех, кто старца Григория любил»). До настоящего времени дело, якобы использованное Э. С. Радзинским при написании книги о Распутине, не опубликовано.

Рубановская Антонина — согласно заявлению журналиста газеты «Царицынская Мысль» (1910. № 162. 11 августа), скрывшегося под псевдонимом «А. Л.», — одна из жертв «сексуального насилия», якобы учиненного протоиереем Иоанном Восторговым в бытность законоучителем женской гимназии в Тифлисе.

Рубинштейн Дмитрий Леонович (1876–1937) — банкир, промышленник, биржевой делец, основатель и распорядитель Русско-французского банка в С.-Петербурге, один из кредиторов правительства императора Николая II. Одно время был близок к Г. Е. Распутину, который в начале 1916 г. запретил принимать его. В июле 1916 г. был арестован (по подозрению в пособничестве немцам) и выслан в Псков. Освобожден по настоянию императрицы Александры Федоровны в декабре 1916 г. Умер в эмиграции.

Руднев Владимир Михайлович (1881 — после 1920) — титулярный советник, с 1914 г. товарищ прокурора Екатеринославского окружного суда, следователь Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства в 1917 г. По поручению правительства занимался изучением «дела» Г. Е. Распутина. Пришел к выводу о полной несостоятельности сплетен об интимных похождениях Г. Е. Распутина во дворце. Автор книги «Правда о царской семье и “темных силах”» (Екатеринодар, 1919; Берлин, 1920).

Руслан — см.: *Баталин И. А.*

Рухлов Сергей Васильевич (1852–1918) — русский государственный деятель, действительный тайный советник, член Государственного Совета (1905–1917), министр путей сообщения (1909–1915). Бессудно убит большевиками в начале «красного террора».

Рябушинский Павел Павлович (1871–1924) — русский предприниматель, банкир, общественный и государственный деятель. Член Государственного Совета (с 1915). Умер в эмиграции.

С. В. — русский журналист, автор тенденциозной статьи о Г. Е. Распутине, опубликованной в газете «Речь» (1910. № 136. 20 мая; 1910. № 141. 25 мая; 1910. № 142. 26 мая; 1910. № 144. 28 мая; 1910. № 154. 7 июня; 1910. № 156. 10 июня; 1910. № 163. 17 июня).

Саблер Владимир Карлович (с 1915 — Десятковский; 1845–1929) — русский церковный деятель, действительный тайный советник, сенатор, обер-прокурор

Св. Синода (1911–1915). В либеральных кругах российской общественности считался «креатурой» Г. Е. Распутина. Член Государственного Совета (1905–1917).

Савва Освященный (439–532) — христианский святой, создатель Иерусалимского устава. Основал (около 484) монастырь (на территории западного берега реки Иордан), ныне Лавра Саввы Освященного (греческий мужской монастырь в юрисдикции Иерусалимской Православной Церкви). Память 5 декабря по юлианскому календарю.

Савич Никанор Васильевич (1869–1942) — русский политический и общественный деятель, депутат Государственной Думы III и IV созывов (октябрист). Член Прогрессивного блока. Участник Белого движения. Мемуарист. Умер в эмиграции.

Сазонов Георгий Петрович (1857 — после 1917) — русский статистик, журналист и издатель; коллежский секретарь. Редактор газеты «Россия» и журнала «Экономист России». Входил в близкое окружение Г. Е. Распутина.

Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927) — русский государственный деятель, гофмейстер, министр иностранных дел (1910–1916). Член Государственного Совета (1913–1917). Мемуарист. Умер в эмиграции.

Самарин Александр Дмитриевич (1868–1932) — русский церковный и государственный деятель, егермейстер, исполнял дела обер-прокурора Св. Синода (июль–сентябрь 1915). Член Государственного Совета (1913–1917). Непримирымый враг Г. Е. Распутина. Член Поместного собора 1917–1918 гг. (его кандидатура как возможного Патриарха всерьез обсуждалась соборными). В годы советской власти неоднократно репрессировался.

Сафьянова Анжелика — литературный псевдоним Льва Вениаминовича Никулина (Олькеницкого; 1891–1967) — русского и советского писателя, поэта, драматурга, журналиста и военного корреспондента.

Светлани Георгий (Григорий Данилович Пиньковский; 1895–1983) — советский актер кино и эстрады, в детстве был юнгой на императорской яхте «Штандарт» и товарищем по играм цесаревича Алексея Николаевича. Автор книги воспоминаний «Товарищ Его Высочества», изданной С. В. Капковым в 2002 г.

Свечина Елизавета Евгеньевна (1885–1941) — супруга генерал-майора Александра Андреевича Свечина (1878–1938). Поклонница Г. Е. Распутина. Арестована в июне 1941 г., умерла во время следствия.

Свицтунов Василий Ф[едорович] — сибирский торговец, предположительно церковный староста в храме села Покровского.

Свифт Джонатан (1667–1745) — английский писатель-сатирик, публицист, философ, поэт, англиканский священник.

Сегень Александр Юрьевич (р. 1959) — советский и российский писатель, кинодраматург.

Селиванов Кондратий Иванович (1720/1730/1740–1832) — русский религиозный деятель, основатель скопческой секты, «лжехристос». Возмущенный распространением среди хлыстов разврата, начал проповедовать оскотление как вернейшее средство избежать плотского греха. Отделившись от хлыстов, завел в селе Сосновке (близ Моршанска, Тамбовской губернии) свой особый

корабль и объявил себя сыном божьим искупителем (оскопителем), который пришел спасти род человеческий от лепести (сладострастия), сокрушать душепагубного змия (т.е. оскоплять), ввести в мир огненное крещение. В 1772 г. было начато первое следственное дело о скопцах. В 1774 г. Селиванова поймали, осудили и сослали в Сибирь. Около 1795 г. он сумел вернуться в центральную Россию, появился в Москве, а затем, в 1797 г., — в С.-Петербурге. По скопческой легенде, был представлен императору Павлу I. До 1802 г. содержался в доме умалишенных, был освобожден и вновь приступил к активной проповеди скопчества. Осужден в 1820 г., содержался в Суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре.

Семенников Владимир Петрович (1885–1936) — русский и советский историк, литературовед, библиограф.

Семенов — подполковник, в 1915 г. пристав 2 участка Суцевской части Москвы. Весной 1915 г. составил рапорт на имя Московского градоначальника, в котором говорилось: «В ночь с 26 на 27 марта сего года в ресторан “Яр” приехал Распутин в компании с Соедовым, Решетниковой и еще какой-то молодой женщиной и вызвали в ресторан Кугульского. Распутин приехал уже выпивши. Вся компания заняла отдельный кабинет, пригласили русский хор и заказали себе ужин. Распутин требовал, чтобы хор пел, заставлял плясать циничные танцы, сам плясал русскую, подсаживал к себе певиц и говорил с ними всякие двусмысленности, приглашал к себе на квартиру. Распутин позволял себе непочтительно упоминать имя Императрицы, говоря: “Воображаю, как на меня злилась бы, если бы увидела меня сейчас”. Затем, показывая на свой кафтан, хвастал певицам, говоря, что кафтан ему шила Сама Императрица. Распутин вообще вел себя крайне цинично с самого начала, как только пришли певицы, он, говоря, что он всегда так знакомится с женщинами. За все платила бывшая с Распутиным молодая женщина, которую он заставлял платить и певицам. Распутин дал нескольким певицам записки, написанные им. В записках были различные изречения, например “Люби бескорыстно” и т.д. Вся компания пробыла в кабинете около двух часов и уехала. Распутин всем объявлял, кто он такой. Подполковник Семенов».

Сен-Жермен (1712–1784) — граф, французский деятель эпохи Просвещения, путешественник, алхимик и оккультист. Одна из наиболее загадочных персон в истории Франции XVIII в., чье подлинное имя неизвестно.

Сенин Александр Иванович (1872/1873? — не ранее 1917) — русский публицист. За активную революционную пропаганду в 1906 г. был выслан в Сибирь, с января 1907 г. проживал в селе Покровском. Неоднократно встречался с Г.Е. Распутиным. В повременной печати публиковал статьи, посвященные сибирскому страннику.

Серафим Саровский (Прохор Исидорович Мошнин; 1759–1832) — православный подвижник веры и благочестия, один из наиболее почитаемых русских святых. Канонизирован РПЦ (1903) по инициативе императора Николая II. Память 2 января и 19 июля по юлианскому календарю.

Серафим (Чичагов; 1856–1937) — русский церковный деятель, бывший офицер. С 1893 г. священник, после смерти жены в 1898 г. принял монашество.

Епископ (1905), архиепископ (1912). В 1916–1917 гг. член Государственного Совета. Член Поместного собора 1917–1918 гг. Митрополит (1918). В 1920-е неоднократно арестовывался. В 1928–1933 гг. митрополит Ленинградский. Арестован в 1937 г. по обвинению в «контрреволюционной монархической агитации», приговорен к расстрелу и расстрелян. Канонизирован РПЦ (1997). Память 28 ноября по юлианскому календарю.

Сервантес Сааведра Мигель де (1547–1616) — великий испанский писатель.

Сергеев А. А. — советский публицист и критик, автор статьи «Об одной литературной подделке. (Дневник А. А. Вырубовой)», опубликованной в журнале «Историк-марксист». (1928. № 8).

Сергий Радонежский (Варфоломей Кириллович; около 1321–1391) — подвижник веры и благочестия, один из наиболее известных и почитаемых (с XV века) святых РПЦ. Память 25 сентября, 5 и 6 июля по юлианскому календарю.

Сергий (Страгородский; 1867–1944) — русский церковный деятель и богослов (магистр богословия); с 1901 г. епископ, ректор С.-Петербургской духовной академии, с 1905 г. архиепископ Финляндский, с 1917 г. митрополит Владимирский, затем Нижегородский. В 1905–1917 гг. член Св. Синода. Первоначально почитатель Г. Е. Распутина, затем его непримиримый противник и критик. С декабря 1925-го фактически возглавлял Русскую Православную Церковь в качестве Заместителя патриаршего Местоблюстителя; с 1934 г. митрополит Московский и Коломенский, с 1936 г. Местоблюститель Патриаршего Престола; в 1943–1944 гг. патриарх Московский и всея Руси. Один из наиболее известных и пререкаемых церковных деятелей первой половины XX в.

Середа — судебный следователь по особо важным делам, расследовал убийство Г. Е. Распутина.

Сидоров Аркадий Лаврович (1900–1966) — доктор исторических наук, профессор.

Сикорский Иван Алексеевич (1842–1919) — русский ученый (психиатр), профессор Киевского университета Святого Владимира, действительный статский советник.

Симеон Богоприимец — в христианской традиции он, вместе с праведной Анной, первыми узнали в принесенном в Иерусалимский Храм Иисусе — Богомладенца Христа. Согласно евангельскому повествованию, ему было возвещено от Бога, что он не умрет до того времени, пока в мир не придет обещанный Мессия — Христос. Память 3 февраля по юлианскому календарю.

Симеон Верхотурский (около 1607–1642) — святой РПЦ, почитаемый в лике праведных с конца XVII века. Небесный покровитель уральской земли, проповедовал христианство среди вогулов. На поклонение к нему неоднократно ходил Г. Е. Распутин. Память 18 декабря, 12 сентября, 12 мая, 29 января и 10 июня по юлианскому календарю.

Симеон С. П. — присяжный поверенный, в 1917 г. член Комиссии по обеспечению нового строя в Москве, работавшей в тесном взаимодействии с Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства (ЧСК), следователь ЧСК. Составил постановление ЧСК о деятельности Распутина

и его приближенных лиц и влиянии их на Николая II в области управления государством (см.: Вопросы истории. 1964. № 10, 12; 1965. № 1–3).

Симеон Ф. — см.: *Симеон С. П.*

Силли — березовский коммерсант, ставший свидетелем скандально-го инцидента с пьяным, по заявлению дореволюционных журналистов, Г. Е. Распутиным на пароходе «Товар-Пар» в 1915 г.

Симанович Арон Самуилович (1872–1944) — российский предприниматель, купец 1 гильдии, политический аферист, личный секретарь Г. Е. Распутина в последний период его жизни. Г. Е. Распутин вылечил от «пляски святого Витта» сына А. С. Симановича Иоанна. Предупредив Г. Е. Распутина о готовившемся в начале 1916 г. министром внутренних дел А. Н. Хвостовым покушении на его убийство, окончательно стал доверенным лицом сибирского странника. Согласно записям службы наружного наблюдения, в 1916 г. А. С. Симанович почти ежедневно бывал у Распутина. Мемуарист. Погиб в Освенциме.

Сипягин Дмитрий Сергеевич (1853–1902) — русский государственный деятель, егермейстер. Управляющий и министр внутренних дел (1899–1902). Убит эсером С. В. Балмашевым.

Сищенко — солдат, ставший свидетелем скандального инцидента с пьяным, по заявлению дореволюционных журналистов, Г. Е. Распутиным на пароходе «Товар-Пар» в 1915 г.

Сворцов Василий Михайлович (1859–1932) — русский церковный деятель, православный миссионер и издатель (газета «Колокол» и журнал «Миссионерское обозрение»); тайный советник. В 1895–1905 гг. состоял чиновником особых поручений при обер-прокуроре Св. Синода К. П. Победоносцеве. Активный участник монархического движения, член Русского собрания, член Главной палаты Русского народного союза имени Михаила Архангела (1909–1915). Умер в эмиграции.

Скейл Джон Даймок (1882–1949) — британский офицер, знакомый Ф. Ф. Юсупова, в 1916 г. майор, состоял в британской разведмиссии в Петрограде. Согласно воспоминаниям дочери разведчика, активно участвовал в подготовке убийства Г. Е. Распутина, однако сам во дворце на Мойке в ту ночь не присутствовал.

Скобелев Михаил Дмитриевич (1843–1882) — русский военный деятель, генерал от инфантерии, генерал-адъютант, герой Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Скотт Стаффан (1943) — шведский историк-славист, писатель, журналист и переводчик.

Скрынник — советский следователь, в 1918 г. допрашивавший архиепископа Варнаву (Накропина).

Слюозберг Генрих Борисович (1863–1937) — русский общественный деятель, юрист (магистр уголовного права), один из учредителей Союза для достижения полноправия еврейского народа в России (1905) и Еврейской народной группы (1907). Мемуарист. Умер в эмиграции.

Слонимский Анатолий Григорьевич — советский ученый (историк), доктор исторических наук, профессор.

Смиттен Борис Николаевич (1877–1958) — русский судебный деятель, статский советник. В 1910–1915 гг. прокурор Ярославского окружного суда, в 1916–1917 гг. прокурор Харьковской судебной палаты. Член Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. Умер в эмиграции.

Смоктунровский Иннокентий Михайлович (1925–1994) — советский и российский актер театра и кино, народный артист СССР (1974). Характеризовался как первый интеллектуальный актер советского кинематографа.

Смыков Игорь Евгеньевич (р. 1973) — современный российский общественный деятель, с 2009 г. президент РОО «Православная миссия по возрождению духовных ценностей Русского народа».

Смыслов Игорь Васильевич — нижегородский исследователь, православный историк и публицист. Автор книги «Царский путь. Размышления о канонизации Царской Семьи» (Нижний Новгород, 2000), в которой рассмотрены взаимоотношения Г. Е. Распутина, императора Николая II и императрицы Александры Федоровны.

Смышляев Валентин Сергеевич (1891–1936) — русский и советский актер, режиссер, педагог. Один из основателей 1 Студии МХТ в Москве.

Снарский — см.: *Оцуп М. А.*

Соедов Николай Никитич (1860–1922) — журналист, сотрудник московских и петроградских газет. Был знаком с Г. Е. Распутиным.

Соколов Иван Иванович (1865–1939) — русский церковный ученый-византист, доктор церковной истории, профессор С.-Петербургской (Петроградской) духовной академии. Член Поместного собора 1917–1918 г. В 1933 г. арестован, приговорен к 5 годам ссылки в Башкирию. Умер в Уфе.

Соколов Николай Алексеевич (1882–1924) — русский юрист, следователь по особо важным делам омского окружного суда; с февраля 1919 г., по поручению адмирала А. В. Колчака, — следователь по выяснению обстоятельств убийства царской семьи и алапаевских мучеников. Продолжил расследование и после отступления белых армий из Екатеринбурга. Автор книги «Убийство Царской Семьи. Из записок судебного следователя Н. А. Соколова», вышедшей после его смерти в 1925 г. Умер в эмиграции.

Соловьев Борис Николаевич (1893–1924) — русский офицер, муж дочери Г. Е. Распутина Матрены. Умер в эмиграции.

Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900) — русский религиозный мыслитель, философ, поэт и публицист, литературный критик, почетный академик Императорской академии наук по разряду изящной словесности (1900).

Соловьев Николай Васильевич (186–1916) — русский церковный деятель, действительный статский советник, член Училищного совета и казначей Св. Синода, близкий знакомый Г. Е. Распутина.

Соловьев Олег Михайлович — современный православный писатель, автор книги «Православный брак и страсть блуда» (М., 1996; редактор Е. А. Шишимаров).

Соломон (1011–928 до Р. Х.) — древнееврейский царь, правитель Израильского царства, в царствование которого был построен Иерусалимский

Храм. Считается автором ряда библейских книг: «Книги Экклезиаста», книги «Песнь Песней», «Книги притчей Соломоновых», а также некоторых псалмов.

Солоневич Иван Лукьянович (1891–1953) — русский писатель и историк-публицист антикоммунистического направления. В 1934 г. нелегально перебрался из СССР в Финляндию, затем переехал в Болгарию (1936) и Германию (1938–1948). Закончил жизнь в Южной Америке (проживал в Аргентине и Уругвае). Автор историко-философской книги «Народная монархия», чрезвычайно популярной в право-монархических кругах.

Спиридович Александр Иванович (1873–1952) — русский полицейский деятель, генерал-майор Отдельного корпуса жандармов, начальник дворцовой охраны императора Николая II (1906–1915). Мемуарист. Умер в эмиграции.

Спицын — «действительный статский советник», — абстрактное лицо, введенное В. В. Розановым для пояснения мысли в статье, посвященной Г. Е. Распутину.

Сталин Иосиф Виссарионович (Джугашвили; 1878–1953) — многолетний лидер Советского государства, Генеральный секретарь (1922–1934), секретарь ЦК РКП (б) — ВКП (б) — КПСС (1934–1953), председатель СНК (Совета министров) СССР (1941–1953), маршал Советского Союза (1943), Генералиссимус Советского Союза (1945).

Станкевич Андрей Афанасьевич (1868 — после 1916) — русский государственный деятель, действительный статский советник, Тобольский губернатор (1912–1915), Самарский губернатор (1915–1916). С 12 сентября 1916 г. управляющий земским отделом Министерства внутренних дел.

Стеблин-Каменская Евгения Николаевна (1852 — не ранее 1917) — русский педагог, с 1891 по 1915 г. начальница частной женской гимназии В. П. Стеблин-Каменской, затем содержательница гимназии, учительница русского языка и истории. В этой гимназии училась дочь Г. Е. Распутина.

Степанов Анатолий Дмитриевич (р. 1961) — современный православный публицист и журналист, главный редактор агентства «Русская народная линия» (2004), действительный член Петровской академии наук и искусств. Автор книги «Черная Сотня: взгляд через столетие» (СПб., 2000); составитель (совместно с О. А. Платоновым) тома «Русский патриотизм» в «Большой энциклопедии Русского народа» (М., 2003). В апреле 2010 г. из-за разногласий в редакционной политике агентства «Русская линия» неожиданно приостановило работу. Большая часть сотрудников во главе с А. Д. Степановым покидают ее вскоре запускают сайт «негосударственное российское православное информационно-аналитическое интернет-агентство, занимающееся освещением жизни церковного православного русского народа» (РНЛ позаимствовала также прежнее оформление «Русской линии»).

Столыпин Петр Аркадьевич (1862–1911) — крупный государственный деятель последнего царствования, гофмейстер, министр внутренних дел и председатель Совета министров (1906–1911). Член Государственного Совета (1907–1911).

Строганова — хлыстовка, привлекавшаяся в XIX в. по «Делу Оренбургского окружного суда о хлыстах Утицких и Строгановой».

Струве Петр Бернгардович (1870–1944) — русский философ, экономист, историк и общественный деятель. Академик Российской академии наук (1917–1928; восстановлен в 1990). Умер в эмиграции.

Стряпчев Дмитрий Дмитриевич — тюменский купец («сундучник»), знакомый Г. Е. Распутина, в доме которого он иногда останавливался.

Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912) — крупнейший русский издатель, журналист, театральный критик и писатель, владелец газеты «Новое время» (с 1876). Автор дневника.

Суворов Александр Васильевич (1729–1800) — граф Рымникский (с 1789), князь Италийский (с 1799), русский полководец, генералиссимус.

Судаков Алексей Акимович (1860-е? — после 1917) — русский предприниматель, с 1896 г. хозяин московского ресторана Яр, бывшего одним из центров цыганской музыки.

Сумароков-Эльстон Ф. Ф. — см.: *Юсупов Ф. Ф.*

Суручан Егор Федорович (1864–1925) — русский государственный и общественный деятель, председатель Кишиневской уездной земской управы, член Государственной Думы IV созыва. Член Прогрессивного блока. Умер в эмиграции.

Суханов Алексей Степанович (1866 — после 1919) — русский политический и общественный деятель, публицист, редактор и издатель; депутат Государственной Думы IV созыва (народный социалист, трудовик).

Сухомлинов Владимир Александрович (1848–1926) — русский военный деятель, генерал от инфантерии и кавалерии, генерал-адъютант. Начальник Генерального штаба (1908), военный министр (1909–1915), член Совета государственной обороны (1908–1909), член Государственного Совета (1911–1916). В 1909 г. женился на Е. В. Бутович, несмотря на то, что ее развод с мужем В. Н. Бутовичем был по церковным правилам незаконен и вызвал серьезные обсуждения в Св. Синоде (см. подр.: *Паозерский М. Ф.* Николай II, Сухомлинов и Синод. // *Былое: неизданные номера журнала*. Л., 1991. Кн. 1. С. 79–95). В 1916 г. обвинен в государственной измене, отправлен в отставку, затем подвергся аресту. В октябре 1916 г. отправлен под домашний арест, в марте 1917 г. вновь переведен для отбывания наказания в тюрьму. Освобожден большевиками по амнистии (1 мая 1918) как достигший 70-летнего возраста. Мемуарист. Умер в эмиграции.

Сухомлинова Екатерина Викторовна (урожд. Гошкевич, по первому мужу Бутович; 1882–1925?) — жена военного министра В. А. Сухомлинова. Умерла в эмиграции.

Сухотерина — хлыстовка, в XIX в. привлекавшаяся по «Делу Оренбургского окружного суда о хлыстах Утицких и Строгановой».

Сухотин Сергей Михайлович (1887–1926) — русский офицер, гвардейский поручик, сын толстовца М. С. Сухотина. С февраля 1916 г. состоял в резерве чинов Главного управления Генерального штаба; участник убийства Г. Е. Распутина. С 1918 по 1921 г. находился в заключении по обвинению в спекуляции и взяточничестве. После освобождения — первый комендант Ясной

Поляны (1921). Тогда же женился на внучке писателя С. А. Толстой (1900–1957). В 1922 г. перенес инсульт, в 1925 г. был отправлен на лечение во Францию (заботы по уходу взял на себя Ф. Ф. Юсупов). Скончался во Франции.

Сычев — священник-расстрига, обращавшийся с письмом о помощи к Г. Е. Распутину.

Тальберг Николай Дмитриевич (1886–1967) — духовный писатель, публицист, историк русского зарубежья. Выпускник Училища правоведения (1907), до революции 1917 г. служил в МВД. В 1920 г. эмигрировал в Германию, после Второй мировой войны переехал в США.

Танеев Александр Сергеевич (1850–1918) — русский придворный деятель; композитор-любитель. Статс-секретарь, обер-гофмейстер, камергер. В 1896–1917 гг. главноуправляющий Собственной Его Императорского Величества Канцелярией, член Государственного Совета. Почетный член Петербургской академии наук (1902). Отец А. А. Вырубовой и С. А. Танеева.

Танеев Сергей Александрович (1886–1975) — брат А. А. Вырубовой, придворный церемонимейстер, титулярный советник (1913), к сентябрю 1917 г. помощник старшего адъютанта Генерального штаба отдела генерал-квартирмейстера штаба IX армии, штабс-ротмистр. Умер в эмиграции.

Танеева Надежда Илларионовна (урожд. Толстая; 1860–1937) — мать А. А. Вырубовой, правнучка фельдмаршала М. И. Кутузова.

Тарковский Андрей Арсеньевич (1932–1986) — советский режиссер театра и кино, сценарист, народный артист РСФСР (1980).

Татарина Екатерина Филипповна (1783–1856) — русская религиозная деятельница, организатор общества «духовных христиан» в аристократических кругах С.-Петербурга. С 1815 г. стала интересоваться деятельностью скопцов и хлыстов, посещать их радения; по собственным ее словам, «обрела дар пророчества». В 1817 г. перешла в православие, организовала собственный кружок, наподобие скопческого. В 1837 г. была обвинена в организации тайного общества и помещена в Сретенский женский монастырь (Кашин). В 1847 г. подписала отречение от противоречивших православному учению взглядов, после чего была освобождена. В 1848 г. переехала в Москву.

Татищев Илья Леонидович (1859–1918) — граф, генерал-лейтенант, генерал-адъютант. Вместе с царской семьей добровольно находился в заключении в Тобольске, затем переехав в Екатеринбург, где немедленно был арестован (май 1918). Расстрелян вместе с князем В. А. Долгоруковым. Канонизирован РПЦЗ (1981).

Татьяна Николаевна (1897–1918) — дочь императора Николая II, великая княжна. Расстреляна в Екатеринбурге вместе с родителями, братом, сестрами и слугами. Канонизирована РПЦЗ (1981) и РПЦ (2000).

Терентьич — царицынский извозчик, близкий к кругу почитателей иеромонаха Илиодора (Труфанова).

Терещук Андрей Васильевич (р. 1955) — петербургский исследователь, кандидат исторических наук, доцент. Автор книги «Григорий Распутин. Последний “старец” империи» (СПб., 2006).

Тертуллиан Квинт Септимий Флоренс (155/165?–220/240?) — раннехристианский богослов и апологет, одним из первых выразил концепцию Троицы, положил начало латинской патристике и церковной латыни.

Тизенгаузен Генрих Юльевич (1843–1914) — барон, русский государственный деятель, камергер, член Государственного Совета (1906–1912). В 1906–1911 гг. уполномоченный лифляндского дворянства на съездах Объединенного дворянства.

Тимофей (около 17 — около 80) — христианский апостол, ученик апостола Павла, первый епископ Эфесский. Согласно церковному преданию, принял мученическую смерть от язычников. Память 22 января по юлианскому календарю.

Тихомиров — в 1916 г. агент охранного отделения в Петрограде, назначенный от Департамента полиции наблюдать за Г. Е. Распутиным.

Тихон Задонский (Соколов; 1724–1783) — русский церковный деятель, богослов и духовный писатель. Епископ Воронежский и Елецкий (1763–1767). В 1861 г. канонизирован РПЦ в лике святителей. Память 19 июля и 13 августа по юлианскому календарю); почитается как чудотворец.

Тихон (Беллавин; 1865–1925) — русский церковный деятель, с 1897 г. епископ, с 1905 г. архиепископ. С 1898 по 1907 г. служил в США (с титулом Алеутский и Аляскинский и (с 1900) Алеутский и Северо-Американский). С 1907 г. архиепископ Ярославский и Ростовский, в 1914–1917 гг. Виленский и Литовский. С июня 1917 г. архиепископ Московский и Коломенский (с августа 1917 митрополит). На Поместном соборе в ноябре 1917 г. избран патриархом Московским и всея России. Выступал с резкой критикой антицерковных действий большевистского правительства, подвергался аресту и заключению. Канонизирован в лике святителей РПЦЗ (1981) и РПЦ (1989).

Ткач Саша — современный российский поэт и прозаик, автор стихотворения о Г. Е. Распутине.

Толстой Алексей Николаевич (1882–1945) — граф, русский и советский писатель, общественный деятель, лауреат Сталинских премий по литературе (1941, 1943, 1945). Автор (совместно с П. Е. Щеголевым) пьесы «Заговор императрицы» (1925), в которой был выведен в качестве одного из главных героев Г. Е. Распутин. Создатель (совместно с П. Е. Щеголевым) фальшивого «Дневника А. А. Вырубовой» (впервые опубликовано в 1927–1928 в журнале «Минувшие дни»).

Толстой Лев Николаевич (1828–1910) — граф, русский писатель.

Трепов Александр Федорович (1862–1928) — русский государственный деятель, егермейстер, сенатор. Министр путей сообщения (1915) и (одновременно) председатель Совета министров (октябрь–декабрь 1916). Член Государственного Совета (1914–1917). Умер в эмиграции.

Трофим — по определению отечественного исследователя В. Е. Рожнова — «дружок-субутыльник» Г. Е. Распутина в ранний период его жизни в селе Покровское, которого крестьянское общество постановило выслать в Восточную Сибирь.

Троцкий Лев Давидович (Бронштейн; 1879–1940) — деятель большевистской партии. Один из главных организаторов и вдохновителей Октябрьской

революции 1917 г. После прихода большевиков к власти — народный комиссар по иностранным делам; нарком по военным и морским делам, председатель Высшего военного совета, затем Реввоенсовета Республики (до 1925). Проиграл Сталину в борьбе за власть. В 1927 г. исключен из партии, в 1929 г. выслан за границу. Убит в эмиграции сталинским агентом.

Туманский А. — вероятно, псевдоним М. Г. Гордеева — русского писателя начала XX в., автора нескольких брошюр об офицантах.

Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883) — русский писатель.

Туркул Антон Васильевич (1892–1957) — русский военный деятель, генерал-майор Белой армии, командующий Дроздовской дивизией. Автор книги «Дроздовцы в огне: картины гражданской войны, 1918–1920 гг.». Умер в эмиграции.

Тхоржевский Иван Иванович (1878–1951) — камергер, поэт, журналист, мемуарист. Служил в министерстве земледелия, был помощником П. А. Столыпина и А. В. Кривошеина. Умер в эмиграции.

Тэффи (наст. имя и фамилия — Надежда Александровна Лохвицкая; 1872–1952) — русская писательница и поэтесса, переводчица и мемуарист. Умерла в эмиграции.

Тютчева Софья Ивановна (1870–1957) — фрейлина, воспитательница детей императора Николая II (1911–1912). Вынуждена была уйти, не желая мириться с контактами Г. Е. Распутина с царскими детьми и отрицательно относиться к А. А. Вырубовой.

Тюфяев Владимир Александрович (1864 — после 1917) — русский полицейский деятель, полковник (1915), помощник начальника Финляндского жандармского управления по Абосскому пограничному району (с 1909).

Тэб де (Мадам де Фивы; 1845–1916) — французская прорицательница, за советом к которой обращались известные банкиры и представители светского общества. Была удостоена специальной премии от французской Академия наук «за доказательство способности к ясновидению».

Уилсон Колин Генри (1931–2013) — английский писатель-фантаст, историк и философ. Автор книги «*Rasputin and the Fall of the Romanovs*» (New York, 1964).

Уитворт Чарльз (1752–1825) — лорд, граф Ньюпорт (1815), английский государственный деятель, в 1788–1800 гг. исполнял обязанности посланника Великобритании в России.

Унгерн-Штернберг Роман Федорович фон (1885–1921) — барон, русский военный деятель, генерал-лейтенант Белой армии. Автор идеи реставрации империи Чингис-хана от Тихого океана до Каспия.

Унгерн-Штернберг фон Софья Агнесс Эва (1852–1884) — баронесса, дочь дочери генерала от кавалерии барона Леонгарда Карловича Унгерн фон Штернберга, супруга князя М. А. Андроникова (1852–1882), мать князя М. М. Андроникова.

Устинов Дмитрий Федорович (1908–1984) — советский партийный, государственный и военный деятель, маршал Советского Союза (1976). Секретарь

ЦК КПСС (1965–1976), член Политбюро ЦК КПСС (1976–1984), министр обороны СССР (с 1976).

Утицкие — хлысты, привлекавшиеся в XIX в. по «Делу Оренбургского окружного суда о хлыстах Утицких и Строгановой».

Фалеев Владимир Михайлович (р. 1934) — советский и российский писатель, журналист. Автор одной из первых «положительных» публикаций о Г. Е. Распутине, появившихся в советской печати в начале 1991 (*Фалеев В.* За что убили Григория? // Дорогами тысячелетий. Сборник исторических статей и очерков. М., 1991. Книга четвертая. С. 161–194).

Феогност (XIII в.) — христианский апологет, иеромонах, работы которого долгое время приписывали святителю Феогносту, жившему в III в.

Феодор Студит (759–826) — византийский монах, аскет и духовный писатель. Родственник Романа Сладкопевца. В 798 г. переселился с учениками в Студийский монастырь, под его управлением сделавшийся важнейшим центром монашеской жизни. Написал для монастыря строгий устав, требовавший полного общежития и личного труда братии. Канонизирован в лике преподобного. Память 26 января и 11 ноября по юлианскому календарю.

Феодосий Печерский (около 1008–1074) — русский православный подвижник, ученик Антония Печерского. Именем Феодосия названы «дальние» пещеры Киево-Печерской лавры и источник, находящийся на ее территории. Прославлен в лике преподобного. Память 3 мая, 14 августа, 28 августа, 2 сентября по юлианскому календарю.

Феофан Затворник (Говоров; 1815–1894) — русский церковный деятель, духовный писатель, богослов и проповедник; магистр богословия, в 1863–1866 гг. епископ Владимирский. С 1866 г. проживал в Вышенской пустыни Тамбовской епархии. Канонизирован РПЦ в лике святителей (1988). Память 6 и 10 января, 16 июня по юлианскому календарю.

Фетинья (Фотиния, Фотина; около 66) — согласно христианской традиции, самаритянка, с которой беседовал Иисус Христос, святая мученица, в эпоху императора Нерона казненная вместе с сыновьями за проповедь христианства.

Фефелов Андрей Александрович (р. 1972) — современный российский публицист консервативно-патриотического направления, заместитель главного редактора газеты «Завтра», сын писателя А. А. Проханова.

Федор Кузьмич (Феодор Томский; 1776/1777–1864) — русский религиозный деятель, согласно одной из легенд, ставший скитальцем и богомольцем император Александр I. Почитался верующими как старец. Канонизирован РПЦ в лике праведных в составе Собора сибирских святых (1984).

Федоров Сергей Петрович (1869–1936) — русский врач, доктор медицины, профессор Военно-медицинской академии, лейб-хирург (1913–1917). В 1929–1936 гг. директор Института хирургической невропатологии в Ленинграде.

Фекла Иконийская (30-е I в. — II в.) — раннехристианская святая, почитается в лике равноапостольных. Память 24 сентября по юлианскому календарю.

Филипп Низье-Вашо (1849–1905) — «лионский магнетизер», член Ордена мартинистов, видный представитель французского оккультизма, «Друг»

последней царской четы России, якобы предсказавший появление «второго Друга», которым и стал Г. Е. Распутин.

Филиппов Алексей Фролович (1870–1950-е) — русский банкир, издатель и литератор. В 1910-е работал директором-распорядителем банкирского дома «Зейдман и Компания»; сотрудничал в биржевой прессе. Занимался шантажом банков и компаний, угрожая публикацией компромата. Входил в окружение Г. Е. Распутина. Автор воспоминаний о Г. Гапоне (Странички о минувшем. СПб., 1907). После 1917 г. был сотрудником советской разведки.

Фирсов Сергей Львович (р. 1967) — петербургский исследователь, доктор исторических наук, профессор.

Фитч Герберт — инспектор контрразведывательного отдела Скотланд-Ярда, мемуарист (*Fitch H. T. Traitors Within: The Adventures of Detective Inspector Herbert T. Fitch. London, 1933*).

Фишер — русский медик, врач Дворцового госпиталя, с 11 по 30 ноября 1907 г. исполнял обязанности домашнего врача семьи императора Николая II.

Флобер Гюстав (1821–1880) — французский писатель-реалист.

Флоренский Павел Александрович (1882–1937) — русский церковный деятель, ученый (философ, богослов, математик), поэт, священник РПЦ. Расстрелян.

Фокин Иоанн — православный священник, в 1918 г. редактор неофициального отдела «Тобольских епархиальных ведомостей», автор публикации о епископе Гермогене (Долганеве), в которых рассказывается и о последнем годе жизни владыки, и о его кончине. Называл епископа Гермогена «неустанным молитвенником», «талантливейшим проповедником», «благодетелем-бесребреником» и «подвижником».

Фома Аквинский (1225–1275) — католический философ и богослов, монах-доминиканец, в Римско-Католической Церкви считается учителем Церкви, основатель томизма. Канонизирован в 1323 г. Память 28 января по григорианскому календарю.

Фомин Сергей Владимирович (р. 1951) — московский исследователь, православный публицист и публикатор. Значительная часть его работ посвящена различным сторонам биографий Г. Е. Распутина, императора Николая II, царя Иоанна Грозного и имеет апологетический характер.

Форель Огюст Анри (1848–1931) — швейцарский невропатолог, психиатр, мирмеколог и общественный деятель.

Франко Франсиско (1892–1975) — испанский государственный и военный деятель, генералиссимус, каудильо Испании (1939–1975).

Франц Иосиф Габсбург (1830–1916) — император Австрии, король Богемии, апостолический король Венгрии (с 1848); с 1867 г. глава двуединого государства — Австро-Венгрии.

Франц Фердинанд Габсбург (1863–1914) — эрцгерцог австрийский, с 1896 г. наследник престола Австро-Венгрии. Убит сербским студентом Г. Принципом; убийство послужило поводом к развязыванию Первой мировой войны.

Франциск Ассизский (1181/1182?–1226) — христианский аскет, святой Римско-Католической Церкви, учредитель нищенствующего монашеского ордена (францисканцев). Память 4 октября по григорианскому календарю.

Фредерикс Владимир Борисович (1838–1927) — барон, граф (1913), русский военный и придворный деятель, генерал от кавалерии, генерал-адъютант. Управляющий, а затем министр Императорского Двора и уделов (1897–1917). Член Государственного Совета (1905–1917). Умер в эмиграции.

Фредерикс Ядвига Алоизиевна (урожд. Богушевская; в первом браке Цеховлевская; 1838–1919) — баронесса, графиня (1913), супруга В. Б. Фредерикса.

Фрейнат Отто-Юлий Генрихович (1869–1924) — русский государственный деятель, действительный статский советник, в 1907–1914 гг. чиновник особых поручений при министре внутренних дел. С 1914 г. в отставке, член правления от германского акционерного общества «Вальдгоф» в Невской писчебумажной фабрике, затем в Перновской целлюлоидной фабрике акционерного общества «Вальдгоф». В 1915 г. приговорен военным судом вместе с чиновником департамента полиции бароном О.-К. О. фон Гротгусом в качестве соучастника полковника С. Н. Мясоедова к лишению всех прав состояния и 4 годам каторжных работ.

Фридман Нафталъ Маркович (1863–1921) — российский общественный и политический деятель, кадет, депутат Государственной Думы III и IV созывов, где пытался отстаивать интересы русских евреев. В 1917 г. сотрудничал с Временным правительством, затем вернулся в Литву, от населения которой избирался депутатом. В 1920 г. стал депутатом Учредительного Сейма независимой Литвы.

Фрол (II в.) — раннехристианский мученик, пострадавший, по преданию, в Илирике. Брат Лавра, с которым вместе и пострадал. На Руси почитался покровителем лошадей. Память 18 августа по юлианскому календарю.

Фролова М. П. — в начале XX в. хозяйка петербургской типографии.

Фюлер-Миллер Р. — см.: *Fülöp-Miller Rene*

Харитонов Петр Алексеевич (1852–1916) — русский государственный деятель, действительный тайный советник, сенатор. Государственный контролер (1907–1916). Член Государственного Совета (1906–1916).

Хаустова Рина Львовна — российская писательница, автор книги «Капричос. Дело об убийстве Распутина» (М., 2007; М., 2018).

Хвостов Алексей Николаевич (1872–1918) — русский государственный деятель, действительный статский советник. Депутат IV Государственной Думы. Министр внутренних дел (1915–1916). Расстрелян большевиками.

Хепнер (Гепнер) Ю. Г. — киевский сахарозаводчик и миллионер, брат директора Общества Юльевских сахарных заводов и товарищества Могиланского свеклосахарного завода И. Г. Гепнера. банка. В 1915 г. один из лидеров Всероссийского общества сахарозаводчиков.

Хилков Дмитрий Александрович (1857–1914) — князь, русский религиозный и общественный деятель, толстовец. В 1890-е дважды административно высылался, с 1898 г. за границу. Сотрудничал с социал-демократом

В. Д. Бонч-Бруевичем и В. М. Величкиной. Принимал участие в толстовском издании «Свободная мысль» и в создании марксистского журнала «Жизнь». Сотрудничал в газете «Искра» и одновременно с религиозным изданием евангельских христиан «Беседа». В 1903 г. вступил в партию социалистов-революционеров, входил в заграничный комитет эсеров. Активно участвовал в конспиративной работе революционеров. В ноябре 1905 г. возвращается в Россию, кардинально меняет политические взгляды, становится активным православным и апологетом Церкви. В 1914 г. принял участие в Первой мировой войне. Был убит.

Хомяков Алексей Степанович (1804–1860) — русский поэт, художник, публицист, богослов, философ, один из основоположников раннего славянофильства, член-корреспондент Петербургской академии наук (1856).

Хор Сэмюэль Джон (1880–1959) — пэр, виконт Темплвуд; британский государственный деятель, разведчик. В 1916 г. в чине полковника возглавил британскую разведывательную миссию в России. В дальнейшем занимал различные министерские посты.

Хрисанф (Щетинский) — см.: *Хрисанф (Щетковский)*.

Хрисанф (Щетковский; 1869–1906) — русский церковный деятель, миссионер, епископ Чебоксарский, викарий Казанской епархии (1904). С августа 1905 г. епископ Елисаветградский, викарий Херсонской епархии. С рекомендательным письмом от него Г. Е. Распутин впервые прибыл в С.-Петербург.

Целлер (XIX в.) — швейцарский пастор, по мнению А. Фореля, олицетворяющего собою «род пророка, берущего на себя излечение больных и сияющего подражать Христу и Иоанну Крестителю». Имел массу последовательниц.

Цхомелидзе — согласно заявлению журналиста газеты «Царицынская мысль» (1910. № 162. 11 августа), скрывшегося под псевдонимом «А. Л.», — одна из жертв «сексуального насилия», якобы учиненного протоиереем Иоанном Восторговым в бытность законоучителем женской гимназии в Тифлисе.

Чаадаев Петр Яковлевич (1794–1856) — русский философ и публицист, объявленный в эпоху императора Николая I сумасшедшим за сочинения, в которых критиковалась русская жизнь.

Чабринович Неделько (1895–1916) — сербский террорист, член тайного общества «Черная рука», организовавшего заговор с целью убийства наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда. Умер от туберкулеза в тюрьме.

Чапыгин — в 1916 г. дежурный офицер при Петроградском градоначальнике, надворный советник.

Чапыгин Алексей Павлович (1870–1937) — русский и советский писатель, драматург и сценарист.

Чеберяк[ова] Вера Владимировна — содержательница воровского притона в Киеве, подозреваемая в выдаче Андрея Ющинского его убийцам.

Чемагин Федор Афанасьевич (1878–1959) — священнослужитель, служил в церкви села Покровского.

Черненко Константин Устинович (1911–1985) — советский партийный и государственный деятель, Генеральный секретарь ЦК КПСС, председатель президиума Верховного Совета СССР (1984–1985).

Черноуцан Игорь Сергеевич (1918–1990) — советский партийный деятель, литературовед, критик, кандидат филологических наук. С 1951 по 1982 г. работал инструктором, заведующим сектором, консультантом, заместителем заведующего отделом культуры ЦК КПСС.

Чернышов Артур Васильевич (р. 1942) — тюменский издатель, писатель, библиограф, краевед; член Союза писателей. Составитель библиографического указателя «Религия и Церковь в Тюменском крае» (Тюмень, 2004. Т. 1–3).

Чертков Владимир Григорьевич (1854–1936) — русский общественный деятель, близкий друг и сподвижник Л. Н. Толстого, редактор и издатель его произведений, лидер «толстовства» как общественного движения. Поддерживал движение духоборов. В 1918 г. В. Г. Чертков возглавил Объединенный совет религиозных общин и групп.

Чукреев — солдат, ставший свидетелем скандального инцидента с пьяным, по заявлению дореволюционных журналистов, Г. Е. Распутиным на пароходе «Товар-Пар» в 1915.

Чуриков Иван Алексеевич (1861–1933) — русский проповедник, основатель братства трезвости в поселке Вырица.

Шавельский Георгий Иванович (1871–1951) — русский церковный деятель и церковный историк (магистр богословия), духовный писатель, мемуарист, протопресвитер русской армии и флота (1911–1917). Член Поместного собора 1917–1918 гг. Умер в эмиграции.

Шалит Герасим — российский предприниматель, инженер, финансист, в конце XIX в. скупивший огромные земельные участки острова Голодай в С.-Петербурге; основатель общества «Новый Петербург». Разорился, но сумел продать земли на Голодае.

Шаргунов Александр Иванович (р. 1940) — русский церковный деятель, митрофорный протоиерей, настоятель московского храма святителя Николая в Пыжах; православный богослов и публицист, кандидат богословия, доцент МДА. Глава Комитета «За нравственное возрождение Отечества». Активный противник канонизации царя Иоанна Грозного и Г. Е. Распутина.

Шарый Андрей Васильевич (р. 1965) — российский радиожурналист, директор Русской службы «Радио Свобода». В 2005–2016 гг. редактор и ведущий итоговых выпусков программы «Время Свободы».

Шацилло Корнелий Федорович (1924–1998) — московский исследователь, доктор исторических наук, профессор.

Шаховская Зинаида Алексеевна (1906–2001) — княжна, русская писательница, редактор, мемуаристка. Супруга художника С. С. Малевского-Малевица (ум. 1973), сестра архиепископа Иоанна (Шаховского; 1902–1989). С 1920 г. проживала вне России.

Шаховская Т. В. — см.: *Шаховская Т. Ф.*

Шаховская Татьяна Федоровна (баронесса Крузе; 1888 — после 1917) — княгиня, в 1915 г. сестра милосердия санитарного отряда Красного Креста. Поклонница Г. Е. Распутина.

Шванебах Петр Христианович (1848–1908) — русский государственный деятель, тайный советник, член Государственного Совета (с 1905). Исправляющий должность главноуправляющего землеустройством и земледелием (май-октябрь 1905), Государственный контролер (1906–1907).

Шведов — некий постоянный посетитель квартиры Г. Е. Распутина в годы Первой мировой войны. Подозревался в шпионаже в пользу Германии. Незадолго до Февральской революции осужден и повешен.

Шекспир Уильям (1564–1616) — великий английский поэт и драматург.

Шенк Самуэль Леопольд (1840–1902) — австрийский ученый (эмбриолог), профессор Венского университета. В конце XIX в. приобрел громкую известность теорией искусственного производства того или другого пола зародыша у млекопитающих и человека при помощи соответственного кормления родителей. В октябре 1898 г., когда императрица Александра Федоровна пыталась забеременеть в третий раз (дабы родить наследника престола), она, по мнению некоторых исследователей, поручила одному из своих врачей изучить теорию доктора Шенка и даже вела образ жизни, им рекомендованный. В декабре 1898 г. в американской прессе сообщалось, что доктор Шенк работает со своим ассистентом при русском Дворе. Сообщение оказалось уткой.

Шепитько Лариса Ефимовна (1938–1979) — советская актриса, кинорежиссер и сценарист, заслуженный деятель искусств РСФСР (1974). Супруга Э. Г. Климова.

Шильдер Николай Карлович (1842–1902) — русский историк, генерал-лейтенант, директор Императорской публичной библиотеки, член-корреспондент Петербургской академии наук.

Шишимаров Е[вгений] А[лександрович] — редактор книги О. М. Соловьева «Православный брак и страсть блуда» (М., 1996).

Шишкин Олег Анатольевич (р. 1963) — современный российский журналист, писатель, драматург, сценарист и телеведущий. Автор книги «Убить Распутина» (М., 2000).

Шмелев — «уполномоченный народом» автор телеграммы, 14 марта 1910 г. направленной в названному «высокопоставленному лицу» в С.-Петербург из Царицына, в которой утверждалось, что «блаженный старец Григорий имеет печать божественного призвания».

Щарый А. — см.: *Щарый А.*

Щеголев Павел Елисеевич (1877–1931) — русский историк, литературовед, писатель и издатель (в том числе журнала «Былое»). Составитель (вместе с А. Н. Толстым) фальшивого «Дневника А. А. Вырубовой».

Щедрин Андрей Алексеевич (псевдонимы: Николай Козлов и Б. Ольховский) — в 1980-е московский журналист, затем автор погромных «Опричных листков» и книг. Один из основателей Братства Царя-Мучения Николая (1990) и Опричного братства — эсхатологической группы с центром в деревне

Кашеевка Любимовского района Ярославской области. Стронники Щедрина почитают в качестве святых Иоанна Грозного и Г. Е. Распутина, отвергают ИНН. Самого Щедрина его почитатели зовут барином, он — «царь-игумен» братства, исповедующий, награждающий, «духовно» окормляющий и наказывающий своих адептов.

Шиллинг Маврикий Фабианович фон (1872–1934) — барон, русский дипломат, гофмейстер, тайный советник, сенатор; в 1911–1916 гг. директор Канцелярии Министерства иностранных дел и советник I политического отдела. Умер в эмиграции.

Широпаев Алексей Алексеевич (р. 1959) — современный российский публицист и поэт. В разное время придерживался различных представлений, касающихся истории России и пути ее развития. С конца 1980-х выступал с монархических и православных позиций. В 1989–1992 гг. являлся активистом Христианско-патриотического союза, затем Союза «Христианское возрождение». Выступал за канонизацию императора Николая II. С начала 1990-х участвовал в деятельности Фронта национал-революционного действия (ФНРД) и Народной национальной партии (ННП). Публиковался во многих оппозиционных газетах и журналах («Земщина», «Наш марш», «Народный Строй», «Завтра» и т.п.). В начале 2000-х взгляды А. А. Широпаева эволюционировали в сторону активного антихристианства, обвинения Церкви в интернационализме, он стал активным критиком «имперской идеологии» России. Автор книг, написанных в жанре фолк-истории, в которых высказывал норманистские, антисемитские и антиевразийские взгляды, противопоставляя «авторитарному» Московскому князевству «демократическую» Новгородскую республику. В дальнейшем изменил свои взгляды на евреев, посетил Израиль, заявив, что с уважением относится к строительству в Израиле национального государства.

Шкловский Виктор Борисович (1893–1984) — русский и советский писатель, литературовед и критик; мемуарист.

Шнеерсон, вероятно, имеется в виду *Шнеерсон Шолом-Дов-Бер* (1860–1920) — пятый любавичский ребе из династии Шнеерсонов. Несмотря на критическое отношение к сионизму, способствовал освоению евреями Палестины, учредив хасидскую семинарию в Хевроне.

Шпигель Сэм (Самюэль) (1901–1985) — австрийский и американский кинопродюсер,

Штраус Давид Фридрих (1808–1874) — немецкий ученый (философ, богослов, историк и публицист), автор книги «Жизнь Иисуса», впервые изданной в 1835 г. В книге доказывалось, что евангелия несут в себе элементы ненамеренного мифотворчества. Был дружен с матерью императрицы Александры Федоровны великой герцогиней Гессенской Алисой (1843–1878).

Штюмер Борис Владимирович (1848–1917) — русский государственный деятель, обер-камергер. Председатель Совета министров (январь–ноябрь 1916), одновременно министр внутренних дел (март–июль) и министр иностранных дел (июль–ноябрь). Член Государственного Совета (с 1904). Общественное мнение видело в Б. В. Штюмере креатуру Г. Е. Распутина.

Шульгин Василий Витальевич (1878–1876) — русский политический и общественный деятель, публицист и мемуарист; депутат Государственных Дум II, III и IV созывов, член Временного комитета Государственной Думы (1917). Принимал отречение императора Николая II. Активный участник Белого движения. С 1920 г. в эмиграции. В 1944–1956 гг. находился в заключении в СССР. Умер во Владимире.

Щегловитов Иван Григорьевич (1861–1918) — русский государственный деятель, действительный тайный советник. Министр юстиции (1906–1915). Член Государственного Совета (1907–1917), председатель Государственного Совета (январь–февраль 1917). Расстрелян большевиками.

Щербатов Николай Борисович (1868–1943) — князь, русский государственный деятель, действительный статский советник. Управляющий МВД (июнь–сентябрь 1915). Член Государственного Совета (1912–1917). Умер в эмиграции.

Эврипид (480-е — 406 до Р. Х.) — древнегреческий драматург, представитель классической афинской трагедии.

Эдисон Томас Алва (1847–1931) — американский изобретатель и предприниматель, создатель фонографа, усовершенствовал телеграф, телефон, киноаппаратуру.

Эрни (1868–1937) — Эрнст Людвиг, великий герцог Гессенский и Рейнский (1892–1918), брат императрицы Александры Федоровны и великой княгини Елизаветы Федоровны. Первым браком (1894–1901) был женат на внучке императора Александра II принцессе Саксен-Кобург-Готской и Эдинбургской Виктории Мелите (1876–1936), в дальнейшем ставшей супругой великого князя Кирилла Владимировича (1876–1938).

Эткинд Александр Маркович (р. 1955) — советский психолог, впоследствии британский и американский культуролог, историк культуры и литературовед. Член оргкомитета (1994) и профессор (1999) Европейского университета в С.-Петербурге.

Эфрос Анатолий Васильевич (Натан Исаевич; 1925–1987) — советский режиссер театра и кино, педагог. Заслуженный деятель искусств РСФСР (1976).

Ювеналий (Поярков; 1935) — современный русский церковный деятель, митрополит Крутицкий и Коломенский (с 1977), постоянный член Св. Синода РПЦ (с 1972). С 1989 по 2011 г. председатель Синодальной комиссии по канонизации святых.

Юденич Николай Николаевич (1862–1933) — русский военный деятель, генерал от инфантерии. Один из наиболее успешных военачальников Первой мировой войны. Во время Гражданской войны возглавлял силы, действовавшие против советской власти на Северо-западе. Умер в эмиграции.

Юдин Николай Иванович (1898 — после 1966) — советский антирелигиозный публицист. С 1917 по 1921 г. работал в органах ВЧК, в 1922–1928 гг. служил народным следователем Владимирского, Московского, Тульского губернских судов. Учился в аспирантуре Государственного Антирелигиозного

музея; член Союза воинствующих безбожников. Автор таких работ, как: Антирелигиозная викторина. Л., 1929; Антирелигиозная война. Л., 1931; Непрерывка и антирелигиозная работа комсомольских ячеек. М.; Л., 1930 (совм. с В. Дружининым); Правда о петербургских «святынях». Л., 1962 (2-е изд., испр. и доп. 1966); Против праздника Одигитрии. Л., 1930; Религия и война. Л., 1930 (совм. с И. Эльшевичем); Чуриковщина. (Секта «трезвенников»). Л., 1963.

Юсупов Феликс Феликсович (1887–1967) — князь, граф Сумароков-Эльстон. С 1914 г. был женат на племяннице императора Николая II княжне императорской крови Ирине Александровне. Один из убийц Г. Е. Распутина. Мемуарист. Умер в эмиграции.

Юсупова Ирина Александровна (Романова; 1895–1970) — княжна императорской крови, княгиня, графиня Сумарокова-Эльстон, супруга Ф. Ф. Юсупова. После убийства Г. Е. Распутина вместе с супругом переехала в имение отца — великого князя Александра Михайлович Ракитное Курской губернии. Умерла в эмиграции.

Яковлев Николай Николаевич (1927–1996) — советский и российский историк-американист, публицист, доктор исторических наук, профессор.

Якоби[й] Иван Павлович (1879–1964) — эмигрантский историк русского происхождения, общественный деятель, журналист; апологет императора Николая II. Умер в эмиграции.

Якунин Глеб Павлович (1934–2014) — русский церковный деятель, диссидент и правозащитник. Член Московской хельсинкской группы. В 1962 г. был рукоположен в сан священника РПЦ. Активно боролся против вмешательства Советского государства в религиозную жизнь. В 1979 г. был арестован. Амнистирован в 1987 г., тогда же восстановлен в священнослужении. Реабилитирован в октябре 1991 г. В 1990–1993 гг. народный депутат РСФСР, в 1993–1995 гг. депутат Государственной Думы России. В октябре 1993 г. лишен священнического сана, в 1997 г. отлучен от Церкви. Незадолго до отлучения был принят в юрисдикцию Украинской Православной Церкви Киевского Патриархата (в священном сане), затем перешел в Русскую Православную (Катакомбную) Церковь. В 2000 г. на ее основе было создано «Движение за возрождение российского православия» и так называемая Апостольская Православная Церковь, где Г. П. Якунин получил сан протопресвитера.

Янушкевич Николай Николаевич (1868–1918) — русский военный деятель, генерал от инфантерии. В 1913–1914 гг. начальник Академии Генерального штаба, начальник Генерального штаба (1914); начальник штаба Верховного главнокомандующего (1914–1915). Затем помощник по военной части заместника на Кавказе великого князя Николая Николаевича (1915–1917). В 1918 г. был арестован и по дороге в Петроград убит конвоирами.

Яцкевич Виктор Иванович (1861–1924) — русский государственный и церковный деятель, тайный советник. Директор канцелярии обер-прокурора Св. Синода (1910–1917).

Alexandrov Viktor — американский историк русского происхождения, автор книги о Романовых (The end of the Romanovs. Little and Brown, Boston-Toronto, 1966).

Fülöp-Miller Rene (Рене Фюлеп-Миллер, наст. имя — Филипп Мюллер; 1891–1963) — австрийско-американский писатель и историк культуры, специалист в области русской литературы. Автор одной из первых книг о Г. Е. Распутине («Der heilige Teufel» — Rasputin und die Frauen». Leipzig, 1927).

Gruhn Werner — немецкий историк-антисемит, автор книги «Der Zar, der Zauberer und die Juden». Berlin; Leipzig, 1942.

Gualtiero Salvetti — см.: *Гуальтьеро Сальветти*.

Haffner Sebastian (Себастиан Хафнер; наст. имя — Раймунд Претцель; 1907–1999) — немецко-британский журналист, публицист, историк.

Klimenko Michael — американский историк русского происхождения, автор книги «Notes of Alexander i emperor of Russia» (New York, 1988).

Markow Alexis — см.: *Марков А.*

Massie Pobert — см.: *Мэсси Р.*

Taube Otto von — немецкий историк, автор книги о Г. Е. Распутине (Rasputin. Zurich; Bern, 1929).

Wilson Colin Henry — см.: *Уилсон Колин Генри*

White Hayden (1928–2018) — американский историк и литературный критик. В книге «Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe» (1973), используя методологический аппарат тропологии, рассмотрел особенности исторического повествования крупнейших историков XIX в. и пришел к выводу об использовании ими литературных приемов для достижения целостности повествования путем заполнения недостающей информации и ее интерпретации.

СОДЕРЖАНИЕ

От издателя	5
<i>С. Л. Фирсов</i>	
Григорий Распутин: 100 лет в жерновах «исторического мифа» . Штрихи к вопросу о психологии восприятия личности «Друга Царей»	7

I

ОБРАЗ СИБИРСКОГО СТРАННИКА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ И РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

<i>А.</i>	
<Неприятный подарок>	53
Епархиальные известия	55
<Без подписи>	
Хроника. Раздача подарков на монастырском подворье.	56
<Без подписи>	
Хроника. Проводы иеромонаха Илиодора.	58
<Без подписи>	
Хроника. У иеромонаха Илиодора	59
<Без подписи>	
Хроника. Старец Григорий	61
<Без подписи>	
Хроника. Брат Григорий	63
<i>Aescular</i>	
Наши корреспонденции	65
<i>М. Новоселов</i>	
Духовный гастролер Григорий Распутин	67
Еще нечто о Григории Распутине	74
<Без подписи>	
О Григории Распутине, иеромонахе Илиодоре и прочих	78
<i>С. В.</i>	
Распутин-Новых	81
<i>А. Сенин</i>	
Григорий Распутин	106
<i>М. А-Ин</i>	
Распутин-Новых.	
«Подвижник» села Покровского Тюменского уезда	125

<i>В. М. Скворцов</i>	
О Распутине	127
<i>А. Л. <Горбенкова></i>	
Распутины, Восторговы, Скворцовы	129
<i>К. Ник-ъ</i>	
Отголоски распутинской эпопеи. (Рассказ странницы)	135
<i>К. Жданов</i>	
В гости к «старцу» Распутину	141
<i><Без подписи></i>	
Хроника епархиальной жизни.	
Религиозное шарлатанство Распутина	162
<i>Вед.</i>	
Старец Григорий Распутин — ныне Новый	163
<i>М. О. Меньшиков</i>	
Распутица в Церкви	165
<i>Иеромонах Илиодор</i>	
Гриша	169
<i><Без подписи></i>	
Печать. Распутин и иерархи	175
<i><Без подписи></i>	
О. Иоанн Кронштадтский и Распутин	177
<i>Вл. Л-ский</i>	
О. Иоанн Кронштадтский и Распутин	178
<i>В. Д. Бонч-Бруевич</i>	
«Как веруешь?» По поводу толков	
о сектантстве Г. Е. Распутина-Нового. Письмо в редакцию	180
О Распутине	183
<i>М. М-ий</i>	
Распутин в Петербурге	186
<i>С. Никитин</i>	
Беседа с Григорием Распутиным	190
<i><Без подписи></i>	
Григорий Распутин	193
<i>Д. Разумовский</i>	
С Григорием Распутиным	195
<i>А. Ф. Филиппов</i>	
Распутствующие	200
<i>В. Алексеев</i>	
Час в гостях у Григория Ефимовича Распутина	203
<i><Без подписи></i>	
Григорий Распутин в Петербург	205
<i>А. К. Газрилов</i>	
Предмет всероссийской сплетни	207

<i>А. Р.</i>	
	Григорий Распутин. (По личным воспоминаниям) 210
<Без подписи>	
	Карьера Распутина 213
<Без подписи>	
	Покушение на убийство Распутина. Биография Распутина 216
<i>К. Носилов</i>	
	Тобольский чародей 218
<i>В. В. Розанов</i>	
	О «сибирском страннике» 222
<М. П., И. М-в, И. Вес., М. Р.>	
	Покушение на «старца» Распутина 246
<А. Г.>	
	У друзей Распутина 266
<i>А. Веселовский</i>	
	Письма в редакцию 272
<i>Лукиан <С. Б. Любошиц></i>	
	Распутин 273
<i>Вен. Борисов <В. Б. Дувидзон></i>	
	Житие старца Распутина 281
<i>Н. С. Зверев</i>	
	Подвиги «старца» Распутина (От нашего корреспондента из Тобольска) 297
<i>А. С. Пругавин</i>	
	Леонтий Егорович и его поклонницы 300
<Без подписи>	
	Смерть Григория Распутина 350
<Без подписи>	
	Таинственное убийство 353
<Без подписи>	
	Жизнеописание Григория Распутина 355
<Без подписи>	
	Распутин и Мардарий 358
<i>Руслан</i>	
	Легенды 360
<Без подписи>	
	Распутин 362
<i>С. Никитин</i>	
	Встречи с Распутиным 368
<i>Л. Львов</i>	
	Из встреч с Распутиным 372
<Без подписи>	
	Из биографии Распутина. Влияние Распутина 375

<Без подписи>	
Григорий Распутин	377
<i>В. М. Бехтерев</i>	
Распутинство и общество великосветских дам	380
<i>Л. Г. Жданов</i>	
Николай и Распутин	383

II

**ГРИГОРИЙ РАСПУТИН:
МАТЕРИАЛЫ К СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ.
(СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ)**

<i>Н. Н. Евреинов</i>	
Тайна Распутина <Фрагмент>	423
<i>А. Сидоров</i>	
Последний временщик последнего царя	453
<i>В. Рожнов</i>	
Последний временщик последнего царя. Историко-психиатрический очерк	470
<i>А. П. Коцюбинский, Д. А. Коцюбинский</i>	
Григорий Ефимович Распутин: психологический портрет.	503
Личность и власть. Григорий Ефимович Распутин: судьба через призму характера (сообщение 1)	514
Личность и власть. Григорий Ефимович Распутин: судьба через призму характера (сообщение 2)	525
<i>Д. Д. Исаев</i>	
Комментарии к статье А. П. Коцюбинского и Д. А. Коцюбинского «Григорий Ефимович Распутин: психологический портрет»	541
<i>А. В. Чернышов</i>	
Выбор пути (Штрихи к религиозно-философскому портрету Г. Е. Распутина)	547

III

**ГРИГОРИЙ РАСПУТИН
В ИЗОБРАЖЕНИИ СОВРЕМЕННОКОВ-ЭМИГРАНТОВ,
ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ И ПУБЛИЦИСТОВ**

<i>И. А. Гофштеттер</i>	
Григорий Распутин как загадочный психологический феномен русской истории (по личным воспоминаниям) <Фрагмент>	557
<i>А. Ф. Керенский</i>	
Власть Распутина	569
<i>И. Л. Солоневич</i>	
За тенью Распутина <Фрагмент>	585
<i>Г. Я. Аронсон</i>	
Распутин и евреи <Фрагмент>	600

<i>А. Я. Аврех</i>	Распутин и распутинщина	608
<i>В. С. Дякин</i>	<Предисловие>	621
<i>И. П. Лейберов, Ю. Д. Марголис</i>	Романовы, Распутин, их игры	633
	Распутинщина	643
<i>В. М. Фалеев</i>	За что убили Григория? (Новые материалы к биографии Г. Е. Распутина)	651
<i>Г. З. Иоффе</i>	«Распутиниада»: Большая политическая игра	681
	Рецензия на: <i>Радзинский Э.</i> Распутин: жизнь и смерть. М.: Вагриус, 2000. 575 с.	708
<i>А. М. Эткин</i>	Хлыст (Секты, литература и революция) <Фрагменты>	718
<i>А. М. Кулегин</i>	Кто убил Распутина? Версии и факты о покушениях на «святого чёрта» <Фрагмент>	731

IV

**ОФИЦИАЛЬНАЯ ЦЕРКОВНАЯ ОЦЕНКА
ЛИЧНОСТИ ГРИГОРИЯ РАСПУТИНА**

Материалы, связанные с вопросом о канонизации царской семьи	747	
<i>Н. К.</i>	Канонизация Распутина — канонизация блуда	754
<i>Протоиерей А. Шаргунов</i>	Г. Распутин: опасность разделения в Церкви	758
<i>В. Львов</i>	О протоиерее Николае Гурьянове и антиправославном почитании Распутина	767

V

«РУССКИЙ СТАРЕЦ С ПОСОХОМ В РУКЕ»

<i>Г. Е. Распутин</i>	Житие опытного странника	777
	Мои мысли и размышления	790
Решения «Освященного Собора Епископов Катакомбной Русской Православной Церкви истинных христиан» от 11/24 февраля 1991 г.	806	
Акт «Освященного Собора Епископов Катакомбной Русской Православной Церкви истинных христиан» от 11/24 февраля 1991 г. о канонизации Григория Распутина	807	
Акафисты, посвященные Григорию Распутину	808	

<i>А. А. Щедрин</i>	
Публичный доклад, прочитанный в Москве в июле 1989 года	840
<i>О. А. Платонов</i>	
Создание «распутиниады»	851
Предсмертное пророчество Г. Е. Распутина	857
<i>Н. Козлов</i>	
О ритуальном значении убийства Г. Е. Распутина и Царской Семьи <Фрагмент>	858
<i>Ф. Н. Козырев</i>	
Распутин, которого мы потеряли	861
<i>С. В. Фомин</i>	
Затянувшаяся «Агония»	879

VI

РАСПУТИН В ЛИТЕРАТУРЕ

<i>Иван Пересветов</i>	
«Кашей-Лиходей». Дивная история про старца Григория, обаятеля хлыстовского из села Покровского	901
<i>Анжелика Сафьянова</i>	
Сказка наших дней. О старце Григории и русской истории	904
<i>Николай Гумилев</i>	
Мужик	919
<i>Николай Клюев</i>	
Четвертый Рим	921
<i>Петр Орешин</i>	
Распутин. Поэма	922
<i>Марк Касвинов</i>	
Двадцать три ступени вниз. Старец	930
<i>Валентин Пиккуль</i>	
Нечистая сила <Фрагменты>	971
<i>Александр Малинин</i>	
Григорий Распутин	981
<i>Геннадий Пономарев</i>	
Странник одухотворенный	983
<i>Роман Луначарский</i>	
Стихи о Распутине	985
<i>Саша Ткач</i>	
<О Григории Распутине>	987
<i>Олег Моленко</i>	
Исповедь пред святым Григорием Распутиным (Новым)	991
<i>Валерий Коростов</i>	
Григорий Распутин	993
Краткие биографические справки упоминаемых в антологии лиц	996

Научное издание

ГРИГОРИЙ РАСПУТИН: PRO ET CONTRA

Антология

Составитель
Сергей Львович Фирсов

Директор издательства А. А. Галат
Заведующий редакцией В. Н. Подгорбунских
Корректор А. А. Борисенкова
Верстка Т. О. Прокофьевой

Подписано в печать 15.09.2020. Формат 60×90¹/₁₆
Бум. офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 68,00. Тираж 500 экз.
Зак. № 3031

191023, Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 15
Издательство Русской христианской гуманитарной академии
Тел.: (812) 310-79-29; +7 (981) 699-6595
E-mail: editor@rhga.ru. URL: <http://www.rhga.ru>

Отпечатано в типографии «Контраст»
192029, Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 38